

ВЕЛИКАЯ СИМФОНИЯ ЖИЗНИ О КУЛЬТУРЕ И МИРЕ МОЛЕНИЕ

Книга 14

ФБ
МОСКВА 2021

ТРЕТЬЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ 2020 г.

Серия «Литературно-художественное наследие»
Н.К. Рерих «Великая симфония жизни»
(Автобиография)
Книга 14. О КУЛЬТУРЕ И МИРЕ МОЛЕНИЕ

Составитель
Ларкина Тамара Васильевна,
- исследователь жизни и творчества Н.К. Рериха,
Москва.
e-mail: tv-larkina@yandex.ru
www.rerich9.sitecity.ru

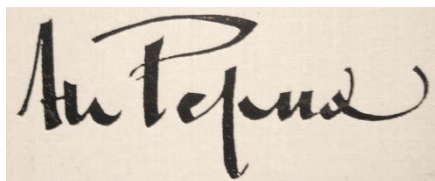
Подготовка электронной версии:
Болдырев Олег Геннадьевич.
Москва.
e-mail: bog2031@mail.ru
www.bog2031.ru (Великая симфония жизни Н.К. Рериха)

Редакционная коллегия:

Ларкина Т.В.
Болдырев О.Г.
Водолажская Т.Ю.
Курганова Е.А.

На лицевой стороне обложки:
Н.К. Рерих. Триптих «Знамя Мира».
(Сергий Радонежский. Мадонна Орифламма. Франциск Азисский.) 1932.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

ВЕЛИКАЯ СИМФОНИЯ ЖИЗНИ
(1928 – 1932 гг.)

Книга 14

О КУЛЬТУРЕ И МИРЕ МОЛЕНИЕ

Часть 1
ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ

Часть 2.
МОЛЕНИЕ О КУЛЬТУРЕ И МИРЕ
(«УРУСВАТИ»)

ТБ
МОСКВА 2021

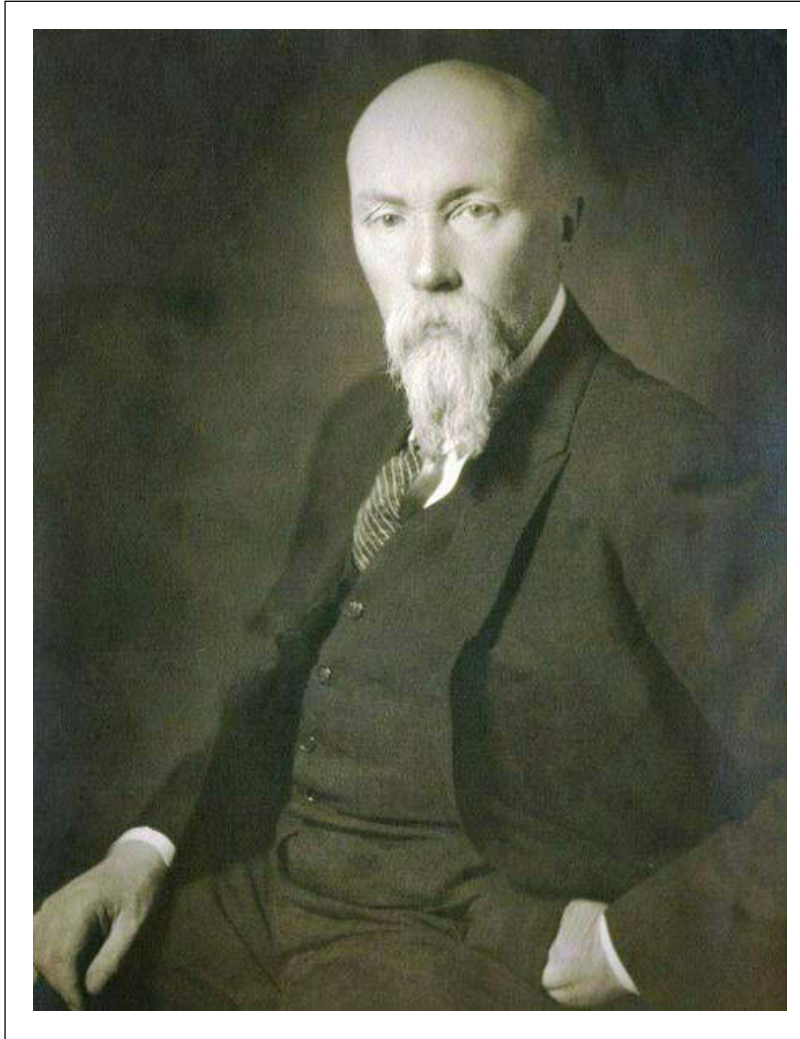
К 150-летию со дня рождения Н.К. РЕРИХА

«Созову всех, когда настанет время действия, всех не забывших меня, всех устремлённых, всех, кто Учение Агни Йоги положил в основание жизни своей. Всем позванным было дано, каждому по вместимости принесённых кувшинов, и каждого получившего спрошу, что сделал он с полученным сокровищем, как приумножил его, не растерял ли и как приготовил себя к тому, чтобы войти в сужденную ему сферу деятельности. Причины, заложенные когда-то, как семена будущих всходов, дадут ростки духовных достижений, которые будут очень нужны в будущем. Мы намечаем действия наши, вернее, следствия их далеко вперёд. И наша забота о том, чтобы сотрудники наши не растеряли ничего из того, что им было дано, но чтобы каждый принёс к сужденному сроку плоды своих устремлений и накоплений».

Гуру¹

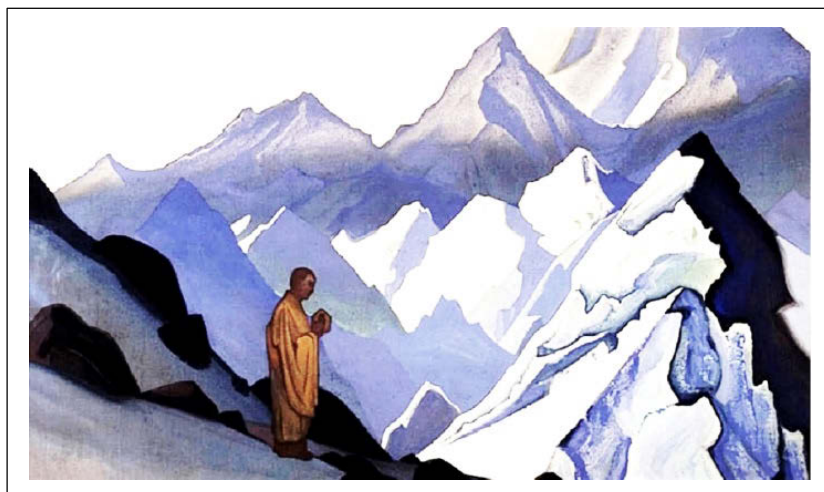
¹ Грани Агни Йоги, т. 10. 634 (Гуру).

Великому художнику, философу, путешественнику, археологу и человеку великого сердца, всю свою жизнь отдавшему на служение человечества посвящается ...

Н.К. Рерих. Нью-Йорк, 1929 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
О КУЛЬТУРЕ И МИРЕ МОЛЕНИЕ

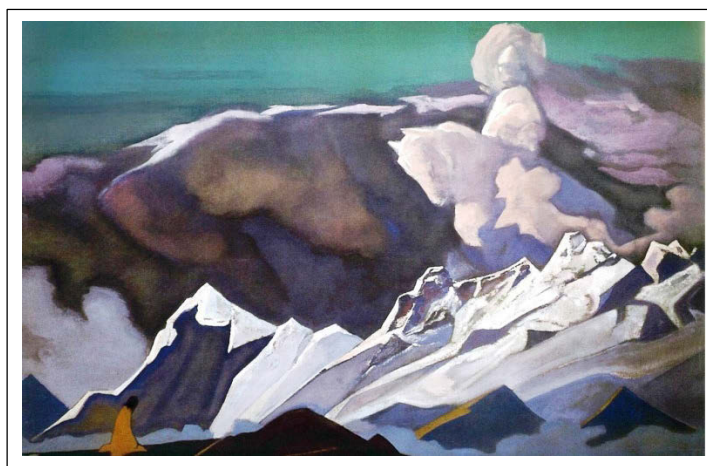

Н.К. Рерих. Утренняя молитва. 1931. [Весть орла].

* * *

«Культура и мир являются священным оплотом человечества. В дни больших потрясений и материальных и духовных именно к этим светлым прибежищам устремляется дух смущённый. Но не только должны мы идейно объединиться во имя этих возрождающих понятий. Мы должны каждый посильно, каждый в своём поле, вносить их в окружающую жизнь как самое нужное, неотложное.

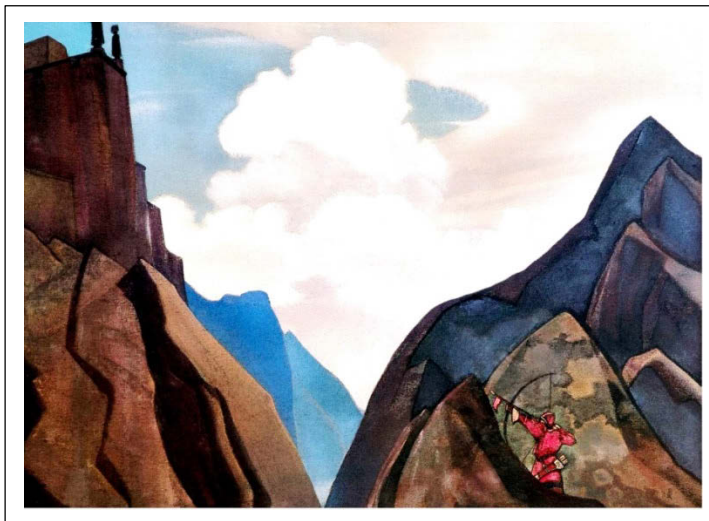
Наш Пакт Мира, обнаруженный в 1929 г., устанавливает особое Знамя для защиты всех культурных сокровищ. Особый комитет избран в Америке для распространения идеи этого Знамени. Международный Союз Пакта нашего учреждён с центральным местопребыванием в Брюгге, где в середине сентября заседал созванный им мировой конгресс, показавший, насколько близка идея Знамени Мира каждому созидательному сердцу».

Н.К. Рерих. Калки Аватар. 1932.

«Истинно, коротко время! Не потеряем ни дня, ни часа. И возжжём огонь сердца в немедленном претворении в действительность светоносных начал культуры и мира. Под Знаменем Мира, в мощном сердечном единении, как Всемирная Лига Культуры, пойдём к Единому Вышнему Свету. Знамя!»

Н.К. Рерих «О Культуре и Море моление» 1931 г.

Н.К. Рерих. Весть Шамбалы. 1931 г.

«В момент необыкновенного напряжения мировой энергии все культурные силы должны быть вместе. Именно в такие знаменательные часы должно быть, как нельзя более осознано, сотрудничество во имя Блага и познание великой мощи мысли творящей...» (Н.К. Рерих)

ПЕЧАТЬ ВЕКА

Каждому, изучавшему историю человечества, конечно, бросался в глаза необъяснимый, но яркий факт особой печати каждого века, которою отмечалась жизнь человеческая на самых удалённых материках, когда не могло быть и речи ни о каких сношениях и сообщениях. Возьмём ли мы древнейшие периоды каменного века, не поразит ли изумительная аналогичность вещей этого периода, как в Европе, так и в Египте, и в Америках, и в Азии. Мы не знаем, говорили ли эти праотцы на одном языке, но, конечно, они мыслили одним путём, ибо иначе они не могли бы сложить те же самые формы и применить ту же технику во всех её особенностях. Перейдём ли мы к бронзовому веку, мы найдём те же объединительные формы, тот же обобщающий смысл человеческого обихода. Мы говорим - меч бронзового века, и часто даже не произносим никакого имени народности, ибо предмет ярко принадлежит веку, а народность стирается, как нечто второстепенное. Если мы пойдём по всем последующим векам, то, несмотря на явное расхождение мышления, мы всё-таки усмотрим типичную печать века. Романский стиль, готика, ведь это тоже век, отзвучавший и в самых отдалённых землях. Возрождение, ведь многоцветные формы его облетели не только христианский, но и мусульманский и прочие миры. Не странно увидеть ту же технику, как в русских иконах, так и в ита-

льянских примитивах, и в персидской миниатюре, и в китайской и в тибетской живописи. Та же печать века, тот же знак человеческой мысли, которая без радио и телеграфа владела миром и эволюцией его.

Лишь бы не инволюция, как противоположность эволюции. Лишь бы мейстерзингер и цеховой мастер, даже тёмного средневековья, не имел повода возгордиться, сравнивая качество своего производства со стёртыми формами нашего века. Средневековому мастеру часто даже не нужно было подписывать имя своё, ибо само качество и характерность вещи, созданной им, являлись его лучшей печатью. А что если печать века, этот почётный вековой герб, для нашего времени обратится в клеймо века? Как бы не произошёл тоже объединяющий знак времени, когда по недоумению стиралось всё характерное и сердце человеческое клеймилось терновником стандарта.

Нам скажут: "Не будет ли самомнительно предрешать какие-либо печати века? Ведь те, которые творили уклад человеческий прошлых веков, не думали ни о каких печатях века, а просто пытались сделать как лучше, как достойнее". Ответим на это: "Конечно, было бы несовместимым самомнением думать об установлениях печатей века, но каждое мыслящее существо не может не обратиться мысленно к тем образцам искреннего человеческого творчества, которые самым своим существованием влекут мысль нашу к сопоставлению".

Действительно, как же без размышлений и сопоставлений пройдем мы мимо внутреннего качества старинной работы? Как же не заметить, с каким тщанием выбирался особенный ствол дерева для изображения Мадонны? Как же не оценить применение самое заботливое естественной грации янтаря? Как же не восхититься остроумно обдуманном применении формы жемчужины для тела статуэтки в руках венецианского мастера?

Эта тщательность выбора материала вполне отвечала и даже укрепляла технику самой руки мастера. Уверенно шла кисть и твёрдо следовал резец за творческою мыслью, полной желанием сделать как можно лучше, вне жгучих соображений о наживе и других посторонних соображений. Те сильные характеры, которые сквозят в чертах дошедших до нас портретов, складывались также не случайно, но в силу твёрдой и руководящей мысли, которая в светлом пламени своём сжигала мелкие искры зла, которые как скользкие насекомые вторгаются в обиход человечества. Сияние этого светлого пламени освещало и Лоренцо Великолепного и всех тех, которые, даже при всех прочих своих несовершенствах, сочетались с великолепием прекрасного. Отнимите эти прекрасные искры несокрушимых драгоценных камней творчества, и от многих стран тем оторвалось бы, может быть, самое ценное, что даёт им почётное место в Пантеоне Мира. Без этих сокровищ творчества мы не имели бы права мыслить о Знамени Мира, которое, как бы его ни писать, остаётся почётным признаком устремления духа.

Умышленно устанавливать печать века не есть дело современников, но думать о лучшем качестве всех производств есть несомненная обязанность каждого мыслящего существа. Мы только что встретились с губительным понятием стандартизации в попытках строения новой жизни. Правильно, жизнь нового века должна отвечать потребностям широких масс. Жизнь должна быть истинно приспособленной для облегчения существования народа. Но кто же сказал, что форма венского стула, прочного для сидения, есть самая желательная? Или кто же в душе может примириться со всеми безличными формами обихода, делаемого лишь для удешевления, как бы в надежде, что эти ве-

щи, вследствие слабости самого материала, разложатся бесследно? Плоха такая надежда. Правда, очень многие наши книги обратятся в слившиеся кирпичи, наша слабенькая эмаль распадётся и наши металлические сплавы, гордость дешёвизны, даже и покрытые корою разлагающихся наростов, всё же поразят глаз своим безличным безобразием.

Примитивы дошли до нас в своих блистающих красках вовсе не потому, чтобы создатели их в гордости своей хотели делать вековым назиданием. Во все нет, они просто хотели сделать лучше, чтобы само сердце горящее чувствовало в существе своём, как была приложена мера добросовестности. "Книги есть реки премудрости", "Художество изображения есть высшее художество", "Книга есть дар высокого духа", "Мастер изделия превыше рыцаря меча". Так мыслили старые мастера. На этом здоровом понимании, полные сознания ответственности, росли цехи, иконные дружины и все те многообразные творческие проявления, которые поражают нас и своим "добрым изделием" и благородством устремления. Правда, масло для картин очищалось десятками лет, прежде чем оно прилагалось для выполнения высокого художества. Делалось это опять же не из гордости, а из опытности. Куда же ушёл этот опыт? Кому-то, вероятно, кажется, достаточным оправданием упомянуть о быстроте круговращения нашей современной жизни. Может быть, кто-то даже думает, что человечеству уже некогда более мыслить о качестве. В этом была бы тяжкая клевета. Глава производства самых необходимых и прозаичных обиходных вещей как-то признавался, что покупатели прежде всего ценят те вещи, где была продумана форма и выражена своеобразная красота. Совершенно верно, нечего пенять на невежество масс. Невежды вовсе не в этих местах. Они, как чёрная зараза, расползаются по разным кругам, достигая даже высших общественных должностей. И своею паразитичностью они создают клевету на народные массы.

Ведь и теперь можно заготавливать доброкачественное масло и прочие вещества для выражения духа человеческого. Можно и теперь начать изготавливать их на десятки лет вперёд, чтобы достижения химии действительно бы оправдывали прочность и устанавливали бы целесообразность применения необходимых составов. Но для этого всего нужно помыслить о будущем, об ответственности современников за всё качество века. В этом не будет ни сомнения, ни гордости, но, наоборот, будет строгий контроль над ростом сознания и забота о том, чтобы лучшие ступени продолжали лестницу восхождения человечества. Во всех учебных заведениях и просветительных обществах должен быть всесторонне освещаем вопрос о качестве производства, конечно как внешнем так и внутреннем. Наряду с установлением Дня Культуры должен быть установлен и "час качества". И как значителен будет этот час для истинной выработки истинной печати века, когда молодые умы, содрогнувшись от возможности клейма века, устремятся к достойной печати, к благородному знаку, который сопровождает все их творческие устремления.

Ясно лишь одно: в момент необыкновенного напряжения мировой энергии все культурные силы должны быть вместе. Именно в такие знаменательные часы, должно быть, как нельзя более осознано сотрудничество во имя Блага и познание великой мощи мысли творящей.

Н.К. Рерих /1931.

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. 1933.

ЧАСТЬ 1 ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ

АМЕРИКА

Трансатлантический лайнер Majestic
(Фото конца 1920-х гг.)

Хроника:

«Пароход с Николаем Константиновичем и Юрием на борту 18 июня 1929 года вошёл в гавань Нью-Йорка. Два катера с журналистами и близкими причалили к кораблю, когда тот стоял ещё на рейде. На пирсе Николая Константиновича приветствовали члены Нью-Йоркского городского комитета и сотрудники рериховских учреждений. На автомобилях и в сопровождении полицейских мотоциклистов Н. К. Рерих вместе с друзьями проехал через весь город». (М.Л. Дубаев «Рерих»).

Н.К. и Ю.Н. Рерих 18 июня 1929 г. Нью-Йорк.

18 июня 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

18.VI.29 Нью-Йорк Наш великий учитель, член Бел[ого] Бр[атства] в теле, вновь с нами. Сегодня приехал, и в нас всех уже воцарилась радость. Какая великая возможность опять дана нам всем. Опять строим под его указанием. Мир, и радость, и успех будут с нами, если мы исполним его указы. Бесконечно счастлива сегодня. <...>

Нью-Йорк. 1929 г.

19 июня 1929 г. Нью-Йорк

Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

Родная моя Мамочка!

После спокойного и неожиданно прохладного путешествия через океан мы прибыли в Нью-Йорк, где нас встретили все наши друзья и городской муниципалитет. Нас быстро провезли по всему городу в специальных машинах, украшенных флагами, а перед нами ехал полицейский патруль на мотоциклах и расчищал путь. Ревели сирены, и мы ехали по Пятой Авеню со скоростью 30 миль в час. Мы доехали до здания Музея, которое, действительно, выглядит очень внушительно. Оно вполне может служить ориентиром на Риверсайд Драйв. Мы застали всех радостными и полными энергии. Хорши очень милы и предоставили нам две хороших комнаты в своей квартире на Вест-Энд Авеню. Мы ещё не видели Ориолы и Флавия, но надеемся увидеть в ближайшие день-два. Радна и Авир[ах] полны энергии, а мисс Грант 18 числа вернулась из Ю[жной] Америки.

Мы ужасно заняты всё время, и сейчас около 2-х ночи, так что, надеюсь, ты простишь мне плохой почерк и стиль.

Сегодня я обедал с господином Чарльзом Крейном. Старик очень дружелюбен и хорошо выглядит. Он согласился быть советником нашей Станции.

Сегодня был большой приём в честь Профессора Рериха. Присутствовало около 400 человек. Мы послали тебе список Комитета, в котором ты найдёшь несколько прекрасных имён. Всё происходило в новом здании. Это было очень успешное мероприятие, и все были необычайно дружелюбны. Завтра будет ещё одно мероприятие, обед где-то и приём в Ратуше у господина мэра.

В воскресенье мы едем в Вашингтон беседовать с важными людьми и с Президентом. Мы пробудем там пару дней. Я планирую побывать в Гарварде и в Бостоне примерно через неделю.

Я послал тебе сегодня четыре книги сэра Джагадиша Боша и Крыжановской. Надеюсь, они дойдут нормально. Книги Боша были найдены среди книг Мастер-

Института. Я напишу тебе подробно через несколько дней. Нью-Йорк – динамичный город, но атмосфера в тысячу раз лучше, чем в Париже.

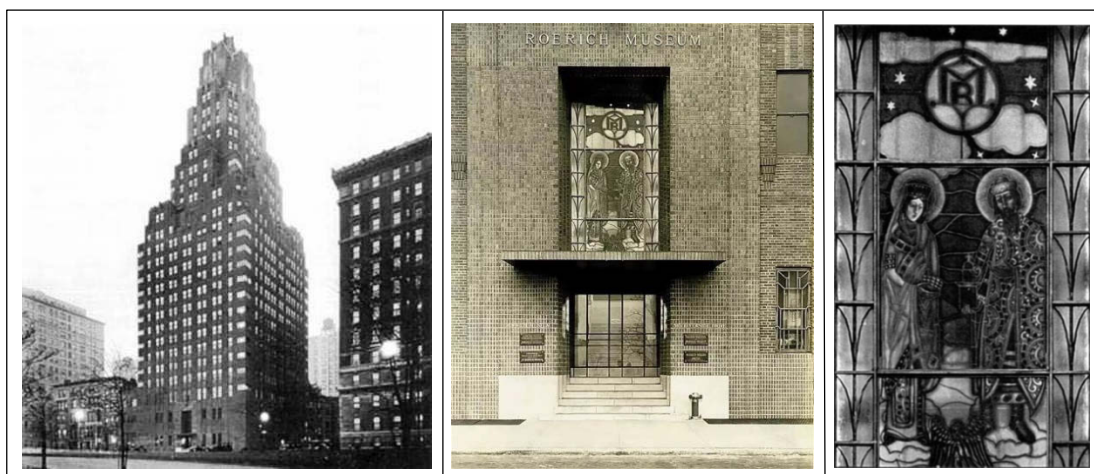
Город очень изменился за последнее время, и есть много по-настоящему красивых мест. С радостью сообщаю, что у Станции хорошие перспективы и люди настроены по отношению к ней с большим энтузиазмом. Мы надеемся проводить настоящую созидательную работу.

Пожалуйста, пошли нам несколько фотографий Кулу и Hall Estate. Я очень хочу узнать больше о твоей работе и о жизни в долине. Как там О[яна]? Она оправилась после укуса мухи? Я передал часы госпоже Хорш. Пожалуйста, скажи Шibaеву и девочкам, что я вручил их письма Хоршу и г-же Лихтман и все они благодарят за выраженные в них добрые мысли.

С большой любовью и наилучшими пожеланиями всем Вам,
Твой сын

Юрий Р.

Архив Музея Рерихов, Москва

Здание Музея Николая Рериха. Вход в Музей Рериха. Витраж над входом по рис. Н. Рериха,

20 июня 1929 г.

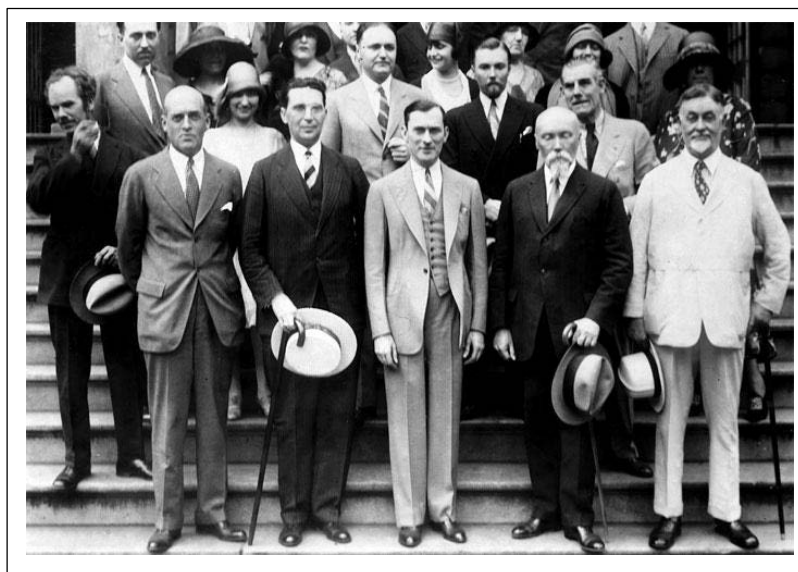
Из дневника З.Г. Фосдик:

20.VI.29 <...> По приезде Н.К. был встречен на пирсе тремя членами комитета мэра Нью-Йорка и нами. В трёх автомобилях и с полицейскими мотоциклами [*в сопровождении*] мы проехали через весь город, остановились у Музея, зашли вовнутрь, Н.К. посмотрел вход, вестибюль. Затем мы поехали в Балтмор пить чай, затем обратно в Школу. Всё это с полицейским эскортом, сиренами, останавливая для нас все движение в Нью-Йорке на 5-й авеню и повсюду. Вечером [18-20] собрались в доме Пор[умы], имели чудную Беседу с изумительным Посланием. На другой день, 19-го, с утра ряд репортеров в Школе интервьюировали Н.К., затем [*мы*] пошли в дом — [показать] перемены в Школе. <...>

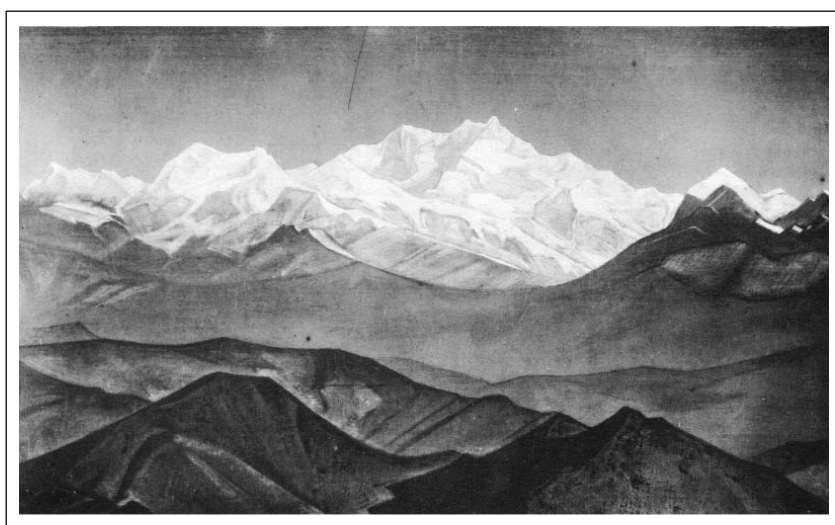
Утром была длинная беседа со Штрауссом. Н.К. одобрил идею “The Master” как название для Дома. <...>

Вечером от 8 до 11 [*часов*] большой приём в честь Н.К. Пятьсот человек, все известные, председатель Чарльз Крейн. Большой успех, все - ученики, учи-

теля, друзья, чужие — жаждали познакомиться с Н.К. Прекрасно всё декорировано флагами всех наций, цветами. Н.К. принимал [гостей] в Восточном Зале.
<...>

Н. К. Рерих и его ближайшие сотрудники во время приёма, данного мэром Нью-Йорка Джеймсом Уолкером в честь Н. К. Рериха. 20 июня 1929 г. Нью-Йорк

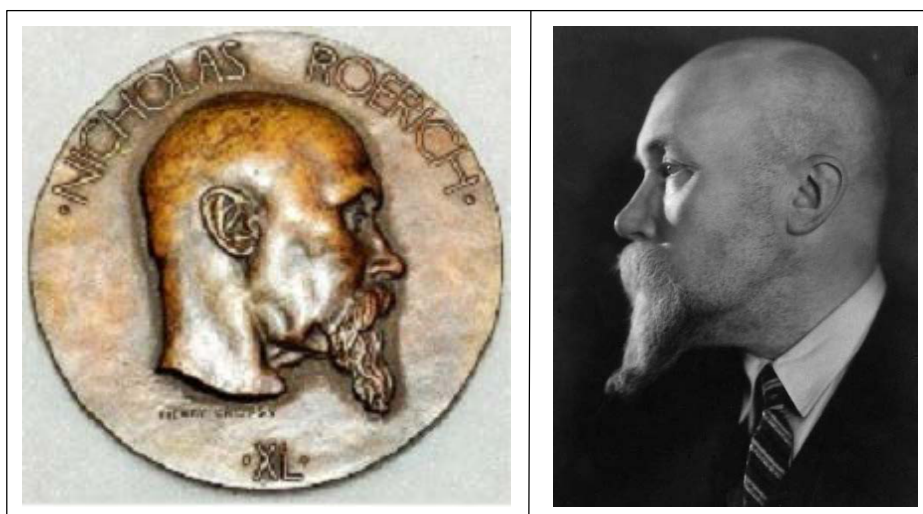

Н.К. Рерих. Канченджанга. 1929. (Однотонное воспроизведение)
(Белый дом, Вашингтон, США)

20 июня 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

20.VI.29. Рано утром Н.К. и Юрий - первые в Школе, Н.К. озабочен тем, что Штраусс не советует теперь дарить картину Гуверу, говорит, что лучше [именно] теперь, ибо она ([картина] "Гималаи") - результат экспедиции. В октябре к открытию Музея будет как бы реклама. Смотрели дивные новые картины.

Н.К. Рерих. Снимок в профиль для медали. 20 июня 1929 г.

Н.К. Джули снимал его в профиль, для медали, затем в 1 ч. дня ланч в “Clairmont” на двадцать четыре человека с Гектором Фуллером, представителем мэра, который ему представляет больших людей. Он сказал речь — недурно. Н.К. чудно ответил об Америке, стране будущей эволюции. Крейн говорил глупо.

Затем все в пяти автомобилях поехали в городское управление и в 3.45 были приняты мэром Уолкером. Фуллер представил Н.К., говоря о нём как об учёном, исследователе, способствующем делу мира. Н.К. опять чудно говорил мэру о своей радости вновь быть в Америке, о которой он всюду в Азии говорил с любовью. Мэр прекрасно ответил, назвав его “посланцем доброй воли”, и что он приветствует его от имени семи миллионов жителей Нью-Йорка. Затем мы все пожали ему [мэру] руку и помчались в автомобилях и с эскортом домой. Опять за работу: послали телеграммы Е.И., Шкляверу, разбирали корреспонденцию. Вечером у Порумы было собрание. Доклад по Мастер Инс[титуту]. Решено отказать Лунсбери в [такой] форме, что я [теперь] буду всем заведовать и мне нужен простой маленький секретарь, а она слишком хороша для этого. <...> Затем Франсис доложила о своей поездке в Южную Америку. Видны огромные возможности. Н.К. говорит, что она в марте должна опять ехать туда.

21 июня 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

21.VI.29. Н.К. поехал с Логв[аном] и Авир[ахом] в Метрополитен[-музей] исследовать освещение с потолков - оказывается, очень плохо. А оно такое же, что у нас. Очень печально, что Логв[ан] не [подо]ждал до приезда Н.К., ибо теперь придётся менять [освещение]. Затем составляли список людей, которых Н.К. должен увидеть, - включён даже Судейкин, который вызывал сегодня Н.К.

Очень не понравилось Н.К. паблисити в “Times”: все говорят об учёном, исследователе, а о художнике - ни слова. <...>

Н.К. потом пришёл в Школу и говорил, что его [Штраусса] идеи хорошие, “но пока ничего нового и особенного [он] не сказал, а [всё же] приятно, что они совпадают с нашими”. Все Учреждения, даже Корона Мунди, даже Новый

Синдик[at] будут [организациями] Музея Рериха. Им это поможет, а мы открыто выступим. Затем Штраусс советовал давать Н.К. жалование 12 тысяч в год и страховать его на полмиллиона в пользу его семьи. Это прекрасная мысль.

В 3 часа дня Н.К. уехал на дачу с Логваном увидеть детей! Странное у меня чувство - очень грустное, стараюсь побороть изо всех сил.

22 июня 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

22.VI.29. Утром в 9.15 у Н.К. было свидание с Беннетом при нас всех - он ему говорил, что не о России надо думать, а об Азии, начиная с Сибири. Говорил об Алтае, Монголии, как подойти там к местным правительствам через образование, говорил, что уже есть группа, которая начала шаги к концессии, и, если Беннет хочет говорить о бизнесе, Н.К. может дать ему деловые данные. <...> Затем читали почту, в газету Вашингтона пролезло [сообщение] о свидании Н.К. с Гувером. <...>

В 2 часа был Миндлин, дал многие идеи, Н.К. одобрил и предложил демонстрацию фильмов давать всю неделю, а не лишь три дня. Ибо говорит, что если будет успешно, то конкурент построит на всю неделю. А концерты или лекции давать в малом зале Музея на третьем этаже или же по утрам в Зале Наций.

Затем мы пошли смотреть квартиру Н.К., вероятно, решим на 22-м [этаже]. Н.К., увидев рисунок потолка в вестибюле Музея, сказал, что он не признаёт таких рисунков, что раньше была линия, а теперь дизайн. Потолок Восточного Зала тоже не нравится, и одно окно придётся замуровать. <...> Он был в ужасе от потолков, неровных окон, плохих стен, а наверху, смотря на нелепые комнаты, сказал мне тихо: "Это прямо ужасно". Потом он сказал: "Чёрт знает, что настроили внутри и снаружи". Он очень огорчён. После ужина собрались у Нетти. Читали документы о покупке земли в Кулу. Им было очень трудно получать визу, покупать землю, теперь они продают фрукты, обрабатывают землю. Н.К. сказал Штрауссу, что он останется здесь на год. Лекции он не будет давать, заменит их выступлениями. Музей будет иметь членство. <...>

23 июня 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

23.VI.29. Рано утром пришёл Н.К., и я с ним говорила. Н.К. говорит, что он ночью проснулся и всё думал о Доме - какой ужас там настроили. Это чудо, посланное нам, что люди [всё же] снимают квартиры, но не может же энергия Учителя идти на поддержание балкона, чтобы он не свалился, и что будет, и кто будет принимать Дом, когда он будет готов. Говорит, что он, может [быть], должен найти отговорку, что Дом построен по современным условиям жизни, мол, всё сокращается теперь в современных домах.

Я рассказала про всё: и что мог быть человек вроде Беккера, чтоб смотреть за Домом, и что многое было бы спасено. Н.К. жалел, что у нас не был взят такой человек. <...> Жалел, что ступы нет, ибо она именно связала [бы] нас с Востоком, а иначе "в чём мы проявили Восток, которым мы так интересуемся"?

Рассказал, что в одном из писем к ним Логван "нервно и криво вниз (а не вверх, что всегда лучше) приписал, что он очень жалеет, что ступа не была

ими указана раньше, что они её не желали, тогда бы он действовал иначе, и что он рад, что видения и Послания можно понимать жизненно, т.е. по жизни. Это в Индии их очень удивило, и Н.К. говорит: идея ступы им понравилась, но на ней никто не настаивал, и теперь жаль, что её нет.

Затем я рассказала про нашу работу, составление вообще каталогов. <...> Н.К. говорит, что каждый должен иметь глазок по своему учреждению, следя за тем, что не исполнено или может быть забыто. Но работать могут все вместе, и советоваться друг с другом, и Дом строить вместе, в согласии — иначе как же? И чтоб я училась на других школах, как всё делается.

<...> ...завтра свидание с Гувером.

Герберт Кларк Гувер –
31-й президент США 1929 – 1933 г.г.

24 июня 1929 г.

Письмо Н.К. Рериха президенту Герберту Гуверу

24 июня 1929

Господин Президент,

Для меня большая радость и честь, по возвращении из Американской Центральноазиатской экспедиции Рериха, сообщить Вам о различных аспектах проведённой нами работы – художественных и научных изысканиях, наблюдениях из области азиатской жизни – и о возможностях торгово-культурного взаимодействия. С большим удовлетворением хочется отметить: Ваше великое имя почитается в Азии наравне с божеством, как символ процветания и прогресса. Американская Центральноазиатская экспедиция Рериха отправилась в путь 8 мая 1923 года из Нью-Йорка. С тех пор мне посчастливилось не только запечатлеть на холсте своё видение Азии и записать свои впечатления, но и близко изучить жизнь Индии, Ладака, Китайского Туркестана, Алтая, Бурятии, Монголии, Цайдама и Тибета. Художественные плоды экспедиции – около пятисот моих картин – будут выставлены в постоянной экспозиции в Музее Рериха в Нью-Йорке, которая откроется 17 октября. Мои литературные наброски уже частично нашли отражение в книгах «Гималаи» (из-

дательство Брентано), «Алтай-Гималаи» (издательство Стоукса) и нескольких других трудах, которые сейчас готовятся к печати мной и моим сыном Георгием, выпускником Гарварда.

Неописуемы красоты Азии, её археологические сокровища. Нам посчастливилось обнаружить в Трансгималаях древние менгиры и кромлехи, подобные мегалитическим сооружениям в Карнаке, Великобритании и во Франции. Мы также сделали несколько находок, аналогичных [археологическим] памятникам в Монголии, на Северном Кавказе и так называемым готским могильникам. Изучая вопросы буддизма, мы узнали о существовании в Тибете большого количества последователей так называемой религии бонпо, течения, относящегося к добуддийской эпохе Тибетского нагорья. Эта загадочная религия, почитающая богов свастики, странным образом перекликается с буддизмом, однако, подобно чёрной мессе, все обряды исполняются наоборот. Нам удалось также получить для Америки Канжур и Танжур, 330-томное собрание, содержащее буддийский канон на тибетском языке. Среди древних учений тибетского и гималайского регионов особый интерес вызвало у нас так называемое Учение о Шамбале. Это древнее Учение о будущем, к нашему удивлению, объёмлет принцип эволюции, тесно перекликаясь с концепциями великих современных учёных. В дальних странах, на своих языках, люди говорят о тех же энергиях, что привлекли внимание профессора Милликена, открывшего космические лучи; они выражают идеи, перекликающиеся с вопросами, которые занимают Эйнштейна. Местные жители с огромной уверенностью говорят о приближении Энергии Огня, уже определяющей некоторые явления на нашей планете. Метеорологические показания, изменение климата, некоторые виды заболеваний, такие, например, как менингит, новая форма инфлюэнцы, расстройства сна, формы невритов, рассматриваются ими как проявление новых аспектов огненной энергии. Что немаловажно, эти люди дают точные указания, как излечить и преодолеть новые проявления, овладев психической энергией. Интересный факт для сравнения: наши врачи и учёные, обсуждая открытие новых лучей и тонких энергий, также начинают говорить о проявлениях психической энергии, как о чём-то совершенно материальном. Не вдаваясь в подробности этого поразительного учения, важно упомянуть о «кристаллах раздражения и злости». Местные жители рассказали нам, что организм человека вырабатывает мощнейший и опаснейший яд при каждом приступе злобы или раздражения – физические следы этого яда могут быть локализованы и подвергнуты анализу. Когда я поведал об этом нашему доктору, он проявил живой интерес, указав: современная наука находится как раз на пороге открытия особых продуктов, откладывающихся в организме, особенно при реакции, вызванной страхом или раздражением. Самым значительным наблюдением для нас было то, что сознание Азии подтверждает нашу эволюционную научную теорию. Старый традиционный подход, который зиждется на принципе непримиримости Запада и Востока, демонстрирует полную несостоятельность, когда соприкасаешься с живой мыслью этих далеких людей науки. При ближайшем знакомстве понимаешь: сознание далеких монголов, китайцев, сартов и тибетцев вполне готово принять все достижения нашей цивилизации.

Не могу не воспользоваться возможностью и расскажу Вам ещё об одном удивительном явлении – том благоговении, с каким почитается Ваше имя даже в самых глухих уголках пустынь Гоби, Такла-Макана и на просторах Алтай-

ских гор. В уединенной лачуге, в храме, посвященном священным образам, я видел Вашу фотографию, вырезанную из газеты или журнала. Когда я принялся разглядывать её, седобородый старец сказал мне с невыразимым благоговением: «Это великий человек, кормилец всех народов. Поди не просто покормить столько ртов – людей со всего мира». В другом местечке, тоже в пустыне, встречный монгол сказал мне: «На земле ещё существуют великаны. Есть великан, способный утолить голод всех людей на земле». Я спросил: «А вы знаете имя этого великана?» К моему изумлению, он произнёс слово, производное от Вашего почтенного имени и имени божества счастья Кувера. И в других местах – близ Хотана, Карашара, Урумчи, а также близ китайской границы с Тибетом – мне доводилось слышать удивительную легенду о великане, кормильце всех народов. Трудно передать радость, с которой сознаешь: даже эти далёкие народы способны ценить подлинный героизм и подлинно великие свершения наших современников. Вы спросите, как слух об этих свершениях достиг пустыни.

Одна из загадок Азии – способность слухов преодолевать пески и горные кряжи, озёра и пустыни. Как бы то ни было, факт остаётся фактом. С точки зрения международных отношений, о нём полезно знать и пользоваться этим уникальным радио. Хочется отметить: американский флаг встречал повсюду не только почтение, но искренние проявления дружеских чувств. Монголы, сарты, китайцы, тибетцы, – все произносили в один голос: «Америка – это Чи-чаб», а чи-чаб означает «защитник». Ни одна другая страна мира не вызывает столь глубокого уважения и надежды, как Америка. И если Америка, ради мира во всем мире, не услышит этот призывный голос из сердца Азии, неисчислимые души, разбросанные по азиатским просторам, наполнятся глубокой скорбью.

Когда я показал монголам фотографии индейцев из Аризоны и Нью-Мексико, они воскликнули: «Это же наши братья!» Затем они поведали нам красивую легенду о том, как давным-давно жили на земле два брата. Но восстал Великан-Дракон, и земля раскололась на части. И теперь родня ожидает вестей от любимой родни. Не могу передать, с каким воодушевлением люди в разных уголках Азии разглядывали репродукции небоскрёбов Америки – эти картинки считались самыми ценными подарками. Мне говорили: «Это же земля Шамбалы». Трудно представить отзыв более высокий, ведь Шамбала для этих людей – Земля Будущего.

Если меня спросят, почему другие путешественники не рассказывают столь охотно о расположении азиатов к Америке, отвечу: во-первых, возможно, они не смогли оценить наиболее конструктивных начал Америки. Затем, с людьми нужно разговаривать на их собственных языках. Если общаться через обычного переводчика-наймита, к вам не будет доверия; нельзя доверять и этому посреднику, ведь никогда не знаешь, какие мотивы определяют тот или иной тон его речи. Но, к счастью, со мной был мой сын Георгий. Тибетцы считают его высочайшим авторитетом тибетского языка среди европейцев. Он владеет монгольским, санскритом, персидским и китайским языками. Его словам действительно удавалось доходить до самого сердца местных жителей. И уверяю, мой оптимизм не беспочвенен. Скорее, это не оптимизм, а знание положения дел. Вновь с удовольствием повторяю: Ваше великое имя глубоко чтимо во всей Азии, а огромные азиатские просторы, с их миллиардным населением, таят многочисленные прекрасные возможности мирного взаимодей-

ствия и торговли. Готов в любое указанное Вами время поделиться всеми подробностями, наблюдениями и выводами с любым определённым Вами лицом или чиновником. Ибо, таким образом, чувствуем, мы послужим самому близкому нашему сердцу делу – славе Соединённых Штатов и истинной эволюции Человечества.

С глубочайшим уважением

Николай Рерих

*RUSC, Frances Grant Papers. Box 14, folder 82. Машинописная копия. 4 л. На англ. яз.
Публикуется по изданию: В.А. Росов «Николай Рерих Вестник Звенигорода». Кн. 2. Москва. 2004.
Перевод с английского Татьяны Самариной*

24 июня 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

24.VI.29. В 4 часа дня телеграмма от Н.К., возвещающая о чудном приёме у Гувера, что Америка может гордиться таким президентом и что Гувер предложил Рериху стать гражданином Америки. Днём был англичанин, видимо, шпион, репортёр “Tribune”, - допытывался у Нуци, был ли он и Н.К. в Москве. Привела его Сермолино. Вечером приехали Н.К. и все из Вашингтона. Гувер его принял хорошо, но были и Блюм, и Луис, и Юрий, но не Франсис - Блюм был против того, чтоб она пошла. Гувер спросил про путь из Урумчи для торговли, затем советовал увидеть секретаря комитета осенью и приветствовал Н.К. для американского гражданства. Н.К. говорит, что Блюм во всё вслушивался и при нём Н.К. не мог ничего говорить. Гувер принял в дар картину, о которой ему сказал Н.К., - видно, Н.К. жалел, что не повёз её с собой. Даже Блюм намекнул - не имеет [ли] Н.К. подарок для президента. Н.К., видимо, очень чем-то недоволен. Блюм за Англию, Гувер, говорят, тоже. <...> Н.К. обеспокоен английским репортёром от “Tribune”. Был сегодня днём в поезде взволнован, как он нам передал. <...>

25 июня 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

25.VI.29. Утром рано, в 8 [часов], пришёл Н.К. Учил, как говорить с репортёрами вроде вчерашнего шпиона, - ничего не отрицать! Хотят знать немного - рассказать уйму. И в Алтай поехали - другого выхода не было, а в Москву, конечно, из-за визы? Сколько дней в Москве? Да на визу дают три дня - приехали - числа не помню, но на визе стоит, а помню, что день был солнечный и многие люди даже еще босиком ходили. А Абиссиния? Да, одно время было так трудно, что хотели туда пробраться. А зачем? Живёт на Инде племя, похожее на эфиопов - так хотелось изучить их нравы, обычаи, а потом в Нубию и дальше. А какой паспорт? Да всех стран. А как насчёт Сов[етской] России? Да Швеция, Норвегия, Латвия, Финляндия, Франция, Америка считают его своим - так что теперь все страны говорят об этом. И в таком духе заговорить его, чтоб [ему] уйти захотелось.

Пошли с мамой встретить Нетти в госпитале: оперировали гланды Ориоле - сошло хорошо. <...>

После ланча понесли в Дом три картины смотреть демонстрацию освещения Музея - она ужасна, придётся всё менять, завтра покажут другие возможности. Н.К. совсем огорчён. Вернулись обратно. Пришёл журналист из

“Tribune” (ужасный человек), с ним говорили Франсис и Юрий. Показали Н.К. заметку из газеты - “Have Museum for Hotel Lobby?” [“Музей в фойе отеля?”]. Н.К. был в ужасе, говорит, что мы сами себя убиваем, если после признания всем миром позволяем писать нечто подобное. Сказал мне на мой вопрос, был ли он доволен Вашингтоном, что было всё, как нужно для официального приема, но он ожидал от Гувера большего. А то он всё улыбался, как царь Николай. Молчал и улыбался. Конечно, Блюм маленький человек, говорит Н.К., но ведь и он может быть полезен. Но с ним нужно быть осторожным. Н.К. говорил, что Франсис должна заняться паблисити, иначе что [же] она будет делать? Это, когда мы говорили, что Сермолино больше не нужна. Вечером мы встретились, Н.К. сказал, что нужно сидеть каждую неделю, ибо иначе слишком долгий срок, а атмосфера вокруг очень напряжена. После чудного общения говорили о Доме. <...> Главное следить, чтоб не было торговли спиртными напитками из-под полы, ибо сегодня продадим вино, а завтра опиум. Очень за этим следить.

26 июня 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

26.VI.29. Н.К. пришёл рано утром и беседовал со мной. Говорил, что Нового Синдик[ата] не существовало ни раньше, ни теперь, ни в будущем. Он растворился в Учреждениях. <...>

В 3 часа пришёл Штраусс и говорил худо, как никогда, показывая все свои плохие стороны. Двадцать восемь комитетов, столько же президентов, спрятать Н.К. до ноября, а в апреле он каждый вечер говорит к комитетам. Четыре дамы <...> за деньги от нас приведут нам друзей. Н.К. должен один вечер иметь столик в “Stadium”, чтоб его все видели. Должен съездить в Кони Айленд, чтоб 700 тысяч человек его видели. Ужас, какой вздор! <...>

Когда он ушёл, Н.К. был поражён, что о его визите у президента ничего не было в газетах, а Кони Айленд, званые обеды нужны! Н.К. сказал: “Мы должны будем сами действовать, и многое делать, и брать его идеи”. Видимо, очень недоволен был Штрауссом. <...>

Вечером [было] собрание, посвящённое делам. Установили цены на все курсы Школы. Будем посылать учителей на дом. Также давать несколько уроков, даже один урок, не только настаивать на курсе. Вообще, всё [должно быть] подвижно. <...>

26 июня 1929 г. Нью-Йорк

Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

Родная моя Мамочка!

Мы были счастливы получить твою телеграмму и узнать, что в Кулу всё хорошо. Пожалуйста, напиши нам, как ты живёшь. Как твоё здоровье? Ты страдаешь от жары? Как Ояна? Надеюсь, что укусы мухи не имел серьёзных последствий.

Мы тут переживаем великие дни. 24 июня Папу и меня принял Президент. Замечательная личность. Он очень интересовался результатами нашей экспедиции и согласился принять одну из папиных картин.

Мы послали тебе фотографию приёма у мэра в нью-йоркской Ратуше. Надеюсь, ты её получила. Здание будет готово к заселению в первую неделю

августа. Мы взяли себе квартиру на 22 этаже. У Папы две комнаты, у брата – три, и у меня одна. Я поставлю себе кушетку, чтобы можно было пользоваться комнатой днём как гостиной.

Комнаты немножко маловаты, но очень светлые. Тебе будет интересно узнать, что Толбот Манди, известный английский писатель, снял квартиру в нашем здании. Уже 50% помещений сдано.

Я еду в Бостон в пятницу, 28 июня, и пробуду там три или четыре дня. Ланман ещё жив и переживает вторую молодость. В будущий четверг состоится приём в честь Профессора Рериха у Ч. Крейна, который был председателем на большом приёме в здании Музея.

В Нью-Йорке ужасно жарко. Прямо как в Калькутте. Мы получили милое письмо от консула Фрейзера. Письмо будет послано отсюда в Консульство. Пожалуйста, напиши мне, нужно ли тебе что-нибудь. Я был у Брентано и обнаружил ту же ситуацию, что и пять лет назад. Брат Светик во Франции, где находится с друзьями на юге. Мы надеемся скоро увидеть его в Нью-Йорке.

С самыми лучшими пожеланиями и большой любовью ко всем Вам,

Твой сын

Юрий Р.

Я постепенно нахожу мои книги. Но это отнимает ужасно много времени.

Архив Музея Рерихов, Москва.

27 июня 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

27.VI.29. Н.К. рано пришёл и, увидя меня, говорит: “Уже кто-то сидит у стола”. Это он говорит каждое утро, когда приходит в Школу. Затем мы начали говорить о биографиях каждого из нас для энциклопедии. Я высказалась против, но Н.К. сказал, что это очень важно. “Вы — лидеры больших Учреждений, о вас должны знать, иначе Штраусс в своём стойле скажет, что он о вас никогда не слыхал, а это важно, чтоб через десять, пятнадцать или сто лет люди по таким рекордам знали о вас, чтоб, говоря о внучке Ориолы, входили в историю всего и читали про вас в разных энциклопедиях. Да и не только в Америке, но в иностранных энциклопедиях.

Зайдите на полчаса в публичную библиотеку и посмотрите там, какие [есть] иностранные энциклопедии, и там поместите. Это земная обувь. Но должно быть достойно, красиво написано, а не вздор, подобный тому, который написан о Луисе, что он вдруг подпал под влияние красок Рериха! Надо тщательно следить за этим, чтоб было написано достойно”. Затем Н.К. сказал, что у Штраусса склерозные идеи — западает что-то в голову, заседают в известковую почву — и не выгнать оттуда! Почему в Кони Айленд нужно поехать и видеть людей, а яхта Треболда могла испортить кампанию, непонятно никому. <...>

В 2 часа Н.К., Юрий и Франсис пошли к Фикинсу, вернулся Н.К. крайне возмущённым и говорит, что у нас теперь две опасности - освещение Музея и лекции Фикинса. Всего устроены четыре несчастные лекции, по 200, 300 \$. Н.К. делается рабом Фикинса, разъезжая, тратя свои деньги, и всё равно дадут 200\$ - он, мол, должен читать лекцию. <...> Это крайне опасно: после всех мировых успехов, славы, имени начинать сначала. “Это 1905-й год, - сказал Н.К. - И то, когда я приехал в Чикаго, я дал пять лекций за минимальную плату - 200

\$ за лекцию и получил 1000 \$, а меня тогда никто не знал. Великому художнику хочется говорить, фонтан открылся, и он разъезжает повсюду и платит людям, чтоб его слушали”. <...>

Н.К. поражён, что для Юрия ничего не сделано, ведь Фикинс ему сказал, что даже по 75\$ не дают, так что он ещё думает спустить цену. А это убьёт Юрия на будущее, ибо это его первый приезд сюда, и если будут устраивать его лекции по таким ценам, то через два года, если он опять приедет, люди и 30\$ не дадут. Главное, что Юрий вообще не хотел ехать в Америку, ибо боялся, что ничего для него не устроено, - и так и вышло! Ужасно трудно Н.К. видеть всё это.

28 июня 1929 г. Нью-Йорк.

Письмо Ю.Н. Рериха к Рериху С.Н.

Нью-Йорк, 28 июня 1929

Дорогой брат.

Были очень рады услышать о тебе. Надеюсь, ты хорошо провёл время на юге Франции и нашёл всё, что ожидал. Из наших телеграмм ты знаешь все основные здешние события. В честь профессора Рериха в Мастер Билдинге был большой приём, на котором присутствовало около 400 человек, Чарльз Крейн исполнял роль председателя по этому случаю. 23 июня мы поехали в Вашингтон, а 24 июня встретились с Президентом. Президент очень заинтересовался результатами нашей экспедиции. Он принял одну из картин профессора Рериха. Мы получили наши первые документы, и вопрос стоит о привлечении внимания важных людей. Видел Пелла в Вашингтоне, он был очень дружелюбен, и я поеду, чтобы остаться с ним на несколько дней. Здание строится.

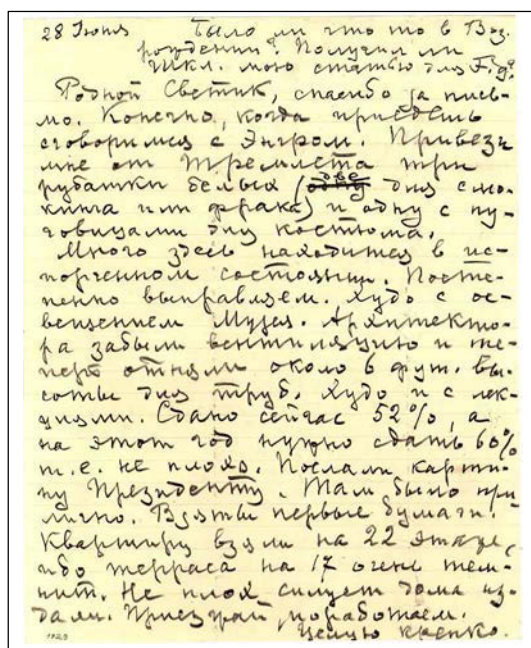
Мы испытывали трудности с освещением в Музее. Ниши слишком узкие, и свет не распространяется равномерно на стены. Экспериментируем почти каждый день, картины придётся вешать наклонно, чтобы избежать отражения в стекле. Залы музея недостаточно большие, а потолок слишком низкий. Есть некоторые сложности со звукоизоляцией пола в школе, архитекторы забыли оставить для этого необходимое пространство, придётся опустить арматуру или иметь некрасивые пороги в дверях школы. Архитекторы уделяют зданию очень мало внимания. В квартирах некоторые туалеты имеют электрическое освещение, некоторые нет, аренда выгодная, а Холл вполне способный работник.

У нас квартира на 22 этаже. У профессора Рериха две комнаты, твоя третья комната и у меня одна, которую я буду использовать как кабинет и спальню. Пожалуйста, напиши нам о мебели. Я купил себе письменный стол и кушетку, но решил подождать со стульями, пока не выслушаю тебя. Лекционный тур был плохо спланирован, и придётся искать другие способы получения денег. Сегодня я еду в Бостон и Гарвард и посмотрю, что там можно сделать. Пожалуйста, напиши нам о событиях в Париже. Очень важно, чтобы картины профессора Рериха вернулись в Люксембургский музей.

Всегда твой Ю. Рерих.

Архив Музея Н.К. Рериха Нью-Йорк.(перевод с английского)

28 июня 1929 г. Нью-Йорк
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Святославу

28 июня. Было ли что-то в Воз.
рождении? Получил ли Шкл. мою статью для Fig.
Родной Светик, спасибо за пись-
мо. Конечно, когда приедешь
сговоримся с Энгром. Привези
мне от Трэмлета три
рубашки белых (две для смо-
кинга и одна для фрака) и одну с пу-
говицами для костюма.
Много здесь находится в ис-
порченном состоянии. Посте-
пенно выправляем. Худо с ос-
вещением Музея. Архитекто-
ра забыли вентиляцию и те-
перь отняли около 6 фут. вы-
соты для труб. Худо и с лек-
циями. Сдано сейчас 52%, а
на этот год нужно сдать 60%
т.е. не плохо. Послали картин-
ку Президенту. Там было при-
лично. Взяты первые бумаги.
Квартиру взяли на 22 этаже,
ибо терраса на 17 очень тем-
нит. Не плох силуэт дома издали.
Приезжай, поработаем.
Целую крепко.

Автограф письма

28 июня

Родной Светик, спасибо за письмо. Конечно, когда приедешь, сговоримся с Энгром! Привези мне от Трэмлета три рубашки белых (две для смокинга или фрака) и одну с пуговицами для костюма.

Много здесь находится в испорченном состоянии. Постепенно выправляем. Худо с освещением Музея. Архитектора забыли вентиляцию и теперь отняли около 6 фут. высоты для труб. Худо и с лекциями. Сдано сейчас 52%, а на этот год нужно сдать 60%, т.е. не плохо. Послали картину Президенту. Там было прилично. Взяты первые бумаги. Квартиру взяли на 22 этаже, ибо терраса на 17 очень темнит. Не плох силуэт дома издали. Приезжай, поработаем.

Целую крепко.

Было ли что-то в Возрождении? Получил ли Шкл[овский] мою статью для Fig[aro]?

Архив Музея Николая Рериха Нью-Йорк.

28 июня 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

28. VI. 29. Утром, придя в Школу, Н.К. Рерих сказал, что чем платить за что-то деньги ничтожному человеку Фикинсу, лучше ему списаться с Хоршем и предложить, что он, помня его работу по выставкам, Н.К., решил посетить Чикаго и другие города, давая повсюду выступления о значении «радости через сознание», потом, показывая слайды с картин, но ничего не говоря о Тибете, ибо это не относится к кампании. И денег Н.К. не возьмёт, и видные люди будут, и всё красиво. <...>

Разве наша эпоха не одна из самых значительных? Разве самые удивительные открытия не вошли в нашу повседневную жизнь? И разве мы не знакомимся с некоторыми самыми тонкими энергиями? Не счастье ли это – не только знать об этих энергиях, но и быть в состоянии использовать их на самом деле в жизни? Перед самыми нашими глазами всё трансформируется. Мы уже знаем, как разделить наши энергии между индивидуальностями и миллионами. И мы знаем, где и как достичь миллионов и как использовать нашу энергию в случае с индивидуумом.

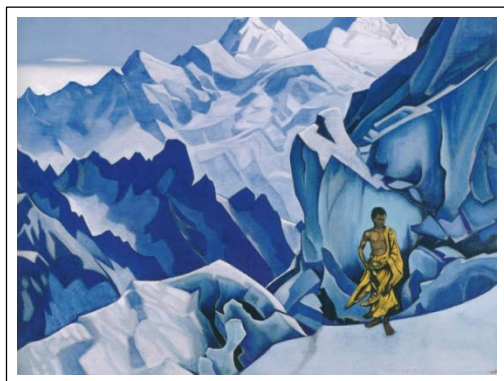
Границы духовной жизни расширяются. И физические границы становятся гибкими и вибрирующими. Идея Востока и Запада – идея близнецов, которые никогда не встретятся, – для нашего ума уже застывшая идея. Мы уже не должны верить в то, что искусственные стены могут разделять лучшие импульсы человечества, импульсы творческой эволюции. И теперь перед нашими глазами стоит так называемый Запад и так называемый Восток. Они смотрят пронизательно друг на друга. Они проверяют каждое движение друг друга. Они могут быть ближайшими друзьями и сотрудниками.

Запад может легко понять основные принципиальные идеи Востока и хранить вечную мудрость, которая исходит из той части мира, откуда фактически произошли все религии и все верования. А великий Восток следует открытиям Запада и ценит достижения этих творческих умов. На Востоке жаждут плодов цивилизации. Я избегаю сомнительного выражения «механическая» – потому что, по-моему, ничего нет механического, когда мы знаем, что материя и дух – это Энергия, и мы, как наши дальневосточные друзья, готовы принять благословение прогрессивной эволюции. Но жизнь из-за невежества полна непонимания. Они не враги.

Нет врагов эволюции – есть непонимание; непонимание семьи, непонимание секса; непонимание возраста; непонимание стран, континентов, миров. И только через открытую созидательную мысль мы можем преодолеть его; если мы думаем не о себе, а о будущих поколениях. Я повторяю, что Восток может быть близким другом, самым искусным сотрудником, но этот миллиард людей так же легко может стать врагом из-за непонимания. Разве не прекрасная задача для нашего поколения решить проблему непонимания, если мы чувствуем всеединство великой Энергии? Импульс улучшения, духовного подъёма, творчества является одним и тем же для всего человечества. Одной и той же рукой мы можем дать наше благословение и ею же совершить убийство. Я не верю в так называемые различные условия. Одно условие существует для всего человечества – общий язык сердца, и, владея этим языком, вы разрушаете всё непонимание, потому что вы действуете с полной искренностью. Вы можете действовать, вы можете преодолевать трудности, потому что вы знаете, для какой объединяющей цели вы работаете. Мы так часто говорим о вечном мире, но откуда происходят войны? Из непонимания. И если мы так искусны в своих открытиях, разве не самое важное открытие – определить, как решить проблему непонимания через язык сердца? Я не говорю о чём-то метафизическом. После 40 лет деятельности я утверждаю, что всё – не эфемерно, и, если каждая энергия может быть открыта, измерена и взвешена, то таким же образом и наша мысль является материальной эманацией. И сила мысли

без каких-либо метафизических влияний может подойти самым дружественным образом к каждому пониманию. Следовательно, с высоты, из будущего мы можем рассмотреть нашу действительность. И наш оптимизм не является продуктом далёких мечтаний, но результатом изучения дюжины стран и широких подходов к различным народам с совершенно разной психологией. И, в конце концов, несмотря на все различия, они едины. И язык сердца, язык любви один и тот же.

Если знак злобы – минус, острый, как пронзающая стрела, то знак любви – плюс, вечный пылающий крест, который с незапамятных времён проливал свет на сознание и содействовал подъёму жизни.

Н.К. Рерих. Сосуд нерасплесканный. 1927.

Среди ледников Гималаев кто-то спускается с вершин. В руках он несёт чашу. Откуда он пришёл? И где исчезнет в отвесных скалах, этот молчаливый одинокий пилигрим? Таковы незабываемые воспоминания о Гималаях. Гонцы вестей Шамбалы воскрешают связи между великими традициями прошлого и нашими стремлениями к будущему. Он – вестник Ригден-Джапо, правителя Шамбалы, правителя будущего, предопределяющего грядущие достижения человечества и посылающего своих вестников по всему миру.

От многих народов пришли эти вестники. Преданно и благоговейно они несут священную весть грядущей эволюции.

Что это за весть? По всему миру бьются миллиарды сердец. Что свяжет их вместе? В моей статье «Красота-Победительница» есть мысль, что лучший путь приблизиться к незнакомому жилищу – это песня. Не ночью, не с закрытым лицом.

Безграничное искусство, непредубеждённая наука несут улыбку понимания. Великие традиции прошлого и будущего, высокое Учение, которое исходит из вечных высот, позволяют достичь священные пространства в объединённом понимании. Затем открываются сердца, и начинается необъятная благословенная работа.

Не войну, не ненависть, но лучшие созидательные идеи принесут всему миру вестники Ригден-Джапо, правителя Шамбалы. Железные птицы, предсказанные Буддой, уже летят, мирно ломая условные границы. В прекрасных научных лучах Агни Йоги эволюция стучится в двери. Вестники Ригден-Джапо спешат, и благословенные открытия несут свет и благословение всему человечеству.

В двадцати пяти странах мы видели бесчисленное количество сердец, которые считают Искусство, Красоту, Знание самыми объединяющими сила-

ми. Воистину, это цель для великого достижения, поэтому так много народов считают Красоту и Знание великой побудительной силой, которая укладывает камни для грядущего прогресса.

Почему мы вправе считать Красоту и Знание реальными побудительными силами? На какой-то момент представьте себе историю человечества без сокровищ Красоты и Знания. На какой-то момент вычеркните из памяти величественные изображения Египта и Ассирии. Давайте забудем Красоту готских примитивов, очарование буддийского искусства и классической Греции. Давайте лишим эпических героев и правителей одежд Красоты. Какими грубыми стали бы страницы истории! Воистину, ни одно героическое достижение, ни одна созидательная победа не может быть представлена без чувства Красоты. Форма жизни есть синтез эволюции. Разве не вдохновляет осознание того, что эволюция человечества имеет высшее выражение в Красоте? Концепция красоты жизни растёт в Америке и по всему миру. Человечество начинает постигать, что искусства и знания являются самым благороднейшим венцом наций.

Когда мы начинаем думать о чём-то созидательном, строительном, смотрящим вперёд, не случайно на ум приходят высокие башни Северной Америки, величественные очертания Южной Америки.

Не случайно в этих местах самой древней Культуры растут зёрна новых мировых завоеваний и созиданий. Пан-Америка стоит как равновесие Азии. Сейчас наиболее поучительно знать, как на местах самых древних достижений растут новые цветы человеческих знаний. Даже с хладнокровной научной точки зрения мы уже привыкли говорить о токах, лучах и эманациях. Эти эманации Культуры удобряют почву, и кто знает, вероятно, они обеспечат реальный подъём конструктивного духа.

Я никогда не был в Южной Америке. Но в духе я чувствую эту физически невидимую дружбу и взаимное понимание. Откуда это идёт? Ну, хорошо, некоторые спрашивают меня, действительно ли корни нашей семьи в Испании, поскольку ветвь нашей семьи находится в Барселоне. Вероятно, общечеловеческие чувства прогресса, поиска и созидания глубоки в каждом человеческом сердце. Вероятно, священное чувство риска в поисках великих решений вошло в мое существование с первых лет сознания, когда, охотясь, мы бродили целыми днями по необъятным лесам России, конечно, не собираясь убивать. Но с чувством дружбы к природе, как к нашей путеводной звезде.

Когда мы изучали старинные строения Индии, Китая и Тибета, нашим первым сравнением было сравнение с остатками Культуры майя. И в моей старой статье «Радость искусству» я не мог закончить свои размышления ничем иным, как ссылкой на древних майя. Таким образом, то, что было самым древним и самым прекрасным, пришло в голову.

Вот и сейчас смотрю на кольцо из Азии с надписью о приходе Века Майтрейи. И я не могу забыть, как одна женщина, которая изучала развалины Юкатана, увидела там такую же надпись со значением Союза Огня. Теперь решение приходит в такой формуле: «Наша духовная невидимая дружба и преданность - не идёт ли это из всеохватывающего элемента огненного пространства? В этом всеохватывающем благотворном огне наши сердца освещаются, и через них мы узнаём наших друзей, искренность и сотрудничество».

Разве это не Союз Огня, который сейчас освещает строителей Пан-Америки? И Азия, когда она говорит о благословенной Шамбале, об Агни Йоге, Учении Огня, знает, что святой дух огня может объединить человеческие сердца в блистательной эволюции.

В марте 1914 г. я выставил серию картин, в которых было предвидение войны; сейчас я счастлив принести в Америку видение Азии - Агни Йогу, Уче-

ние Огня, ту самую идею, обозначенную мудростью старого юкатанского мудреца, идею Союза Огня.

Снова одна из Великих истин приходит к нам, и эта Истина объединяет всех носителей огня сердца, чтобы осветить землю мирным и прекрасным трудом. Абстрактная идея любви может снова трансформироваться в благотворное действие, потому что без конструктивного действия любовь мертва. Но в Новой Эре ничто не мертво, всё живёт, вознесённое просвещённым трудом и энтузиазмом. Когда я слышу прекрасные песни Испании и Южной Америки, они открывают во мне Великий Восток.

Где же Восток и Запад? После Азии вы едете в Грецию и чувствуете мудрость Востока; вы прибываете в Италию, и та же мудрая романтика пронизывает вас; Корсика, Испания - во всех этих местах до сих пор есть что-то от Великого Востока. И знамёна Фердинанда и Изабеллы близки мавританским орнаментам. Вы приезжаете в Нью-Мехико, и на просторах этой прекрасной страны снова звучит для вас гимн Востока; и вы знаете, что в Мексике, в Юкатане, во всех замках Южной Америки та же самая нота великой романтики, великого видения, великой мудрости будет повсюду.

Я не умаляю ни Запад, ни Юг, ни Север, ни Восток - потому что на практике разделения не существует, и весь мир разделён только в нашем сознании. Но когда при этом сознании проникает пространственный огонь, тогда создаётся Союз Огня, и Огонь Энтузиазма непобедим.

С этим священным знаменем мы можем достичь самых прекрасных земель и можем пробудить древние Культуры для новых достижений и для нового величия.

На одном из самых древних друидических изображений далёкой Монголии я увидел в руках каменного великана пламенную чашу. Пионеры великих переселений помнили также о святом духе огня. И, конечно, этот неугасимый факел мог провести их через все пространства Азии, Европы и через все океаны. На памятниках Юкатана записаны древние заветы об огне. Во имя этого объединяющего великого мудрого символа я приветствую вас, мои невидимые друзья из Южной Америки.

Какая радость видеть снова башни Нью-Йорка! Как часто в пустынях Азии и особенно в Тибете мы вспоминали небоскрёбы, индейцев пуэбло и древние города Италии и Испании! Многоэтажные тибетские здания вызывают образы небоскрёбов. Лабиринты глинобитных стен обычного азиатского жилища напоминают пуэбло Нью-Мехико и Аризоны. Монастыри, гордо стоящие у вершин, похожи на орлиные гнёзда Италии. Когда я увидел снова башни Нью-Йорка, я вспомнил радостные восклицания, которые вызывали в Азии фотографии этих твердь человеческих достижений.

Никогда мы не слышали более восторженного восхищения при виде открыток и фотографий Нью-Йорка, чем в городах и кочевых стоянках Центральной Азии. Жители глинобитных домов и юрт вырывали эти сувениры из рук друг друга и восклицали: «Это земля Шамбалы!»

Что может быть более священным для сына Азии, чем это самое сокровенное понятие, в котором объединены все его надежды и стремления? В молитвах Азия ждёт Шамбалу - эту Новую Эру человечества, поэтому каждое сравнение с Шамбалой действительно является высочайшей наградой.

Жители Азии добавляют: «Америка - chichab всех стран!»

И «chichab» означает «защитник».

Сколько фотографий башен Нью-Йорка осталось в пустыне! И все они хранятся в святых углах, где собраны самые почитаемые предметы.

В отдалённых юртах азиатских пустынь президента Гувера считают великаном, спасителем голодающих народов. Форда называют символом движущей силы. Монголы считают американских индейцев своими потерянными родственниками. Все наши последние открытия рассматриваются на Востоке

как знаки эры Шамбалы. Космический луч Милликена, теория относительности Эйнштейна, музыка Термена из воздуха принимаются в Азии как знаки эволюции человеческого сознания, подтверждаемые ведическими и буддийскими традициями и Учениями Шамбалы. Согласно этим древним Учениям, сороковые годы нашего столетия считаются эрой космических энергий и расширенного сознания.

Эти трогательные воспоминания возникают у меня, когда я снова вижу башни Нью-Йорка! И среди старых друзей я заметил так много новых твердынь, которые поднялись за последние пять лет.

Такое неостановимое творчество приносит настоящую радость.

Когда 30 лет назад я подготовил первую выставку картин художников США в России, я выразил твёрдое мнение, что искусство в этой великой стране распространится широко, как и вся её энергичная деятельность.

Восемь лет назад, подводя итоги развития искусства в Америке, я написал статью «Собиратели», наблюдая колоссальные завоевания культурных принципов, достигнутые Америкой. В 1923 году, уезжая в мою долгую Центрально-Азиатскую экспедицию, я мог узнать о росте и движениях в искусстве Америки только из случайных газет, вырезок из журналов или из писем, которые редко доходили до нас. Конечно, можно было почувствовать, что культурно-художественная и научная работа растёт с каждым годом и что появляются новые сотрудники и поклонники. Но вернувшись в Америку и сейчас входя в её культурную жизнь, я должен выразить искреннее удивление!

В истории достижений человечества Америка является уникальным примером изумительного прогресса. Не связанная условностями и старыми формами, без предубеждений, Америка построила свою жизнь мощными руками труда. Естественно, вопрос материального существования и жизни должен быть решён первым. Затем внимание было повернуто к проблемам технических нужд и социальной жизни.

Построив фундамент цивилизации, Америка начала стремиться к твёрдому созданию культурных принципов. Знание и Красота стали настоящей потребностью в жизни молодой страны. Самыми неожиданными путями, заслуживая великое восхищение, росли завоевания искусства и науки. Качество продукции всё улучшается, а это всегда знак роста национального творческого гения. Бурный рост промышленности достигает поэзия созидания.

Деловая жизнь обогащается истинными друзьями духовных книг и произведений искусства. Все ступени Культуры ведут, как они и должны, за пределы национальных границ. А другим законом истинной Культуры является тот факт, что то, что достигнуто, не хранится только для личного использования. Сокровища достижений открыты всему обществу.

Самые стремящиеся и жизненные силы всех наций собрались в Америке, внося свой вклад в гигантский рост страны. Добровольными, преданными, а иногда даже анонимными руками строятся огромные институты Америки.

Пусть свет, который осветил человеческие сердца, сияет для всех. Эти результаты добровольного и сознательного человеческого стремления высоко поучительны. Ими можно измерить особую ценность сотрудников Общего Блага. Также особенно интересно отметить, как развиваются американские организации и учреждения. Наблюдается не ограниченная специализация, а широкий взгляд, не боящийся предубеждённого мнения. Чувствуется, что свобода и истинное благо не испытывают помех ни со стороны шовинизма, ни со стороны допотопных систем.

Очень ценно убедиться для себя, как расширяется художественное творчество Америки и как, вдобавок к старым, известным патронам искусства, многие новые и мощные собиратели радушно принимают это творчество.

Существует поговорка: «Цветы не растут на льду». Художественные и научные достижения, музеи и школы - необходимы. Но существенным являет-

ся широкий отклик народа. Необходимо иметь тех преданных энтузиастов, которые понимают, что стремление к Культуре - высочайший долг и радость человечества.

Можно заметить, что часто колоссальные суммы платятся за художественные работы и книги. Разве это неразумно со стороны коллекционеров или является результатом осуждения? Когда человечество станет столь созидательным, что духовный и творческий гений станут высочайшими достижениями и вехами в истории народов, цены на эти работы станут особым индикатором. В нашей жизни - как мы можем оплатить труд творческого гения? Деньгами? Но только недавно человечество имело возможность убедиться, какой изменяющейся и ненадёжной вещью являются деньги. Поэтому цена за работы творческого гения очень относительна. Если мы слышим, что где-то платят высокую цену за произведения Культуры, то мы знаем, что там Культура ценится. И этот факт остаётся на страницах истории как свидетельство роста этого народа.

Люди могут высоко оценить результаты труда создателей Культуры. Люди могут желать иметь у себя лучшие образцы творческого гения прошлых веков. Нужно приветствовать каждое стремление мысли в этом направлении. В жизни всё относительно; могут случаться ошибки, но это направление мысли очень ценно. В настоящее время, когда старые формы превращаются так быстро и мощно в новые, направление народной мысли чрезвычайно драгоценно.

Америка следует в своём развитии дорогой истинного прогресса. В течение нескольких последних лет Америка стоит особняком в создании новых музеев, обществ, агентств, лекториев, театров... Поражаешься колоссальными ресурсами страны, которые поглощает этот богатый поток творческой силы. Найдена возможность как для развития национального искусства, так и для собирания сокровищ всего мира. Есть множество людей, которые доброжелательно приветствуют художественные события и откликаются на них.

Читая страницы истории самых культурных народов, мы рады отметить то, что народ поворачивается к ценностям науки и Красоты. Это всегда происходит в моменты расцвета нации. Сейчас, когда я вернулся из длительного путешествия, можно выразить радость по поводу художественного и научного роста американского сознания. Это то самое, во что я верил. Когда меня обвиняли в чрезмерном идеализме, я утверждал, что, напротив, моя вера была реальной и практичной. И я был прав, потому что именно самые практичные люди высоко оценивают достижения Культуры.

Творчество является её реальной и надёжной сущностью. Творческая нация не может ограничить свою деятельность узкими цивилизованными дорогами. Расширенное сознание ведёт к синтезу всей жизни. Самые высочайшие импульсы и решения становятся реальными и убедительными.

Америка воодушевляет сознание широкими решениями; в своём великодушии она хочет иметь лучшие предметы и хочет слышать лучшие слова и стремится сделать своих детей будущими созидателями. Государственные деятели Америки и её прекрасные руководители в то же время являются собирателями самых разнообразных образцов творческого гения. Там, где руководители и великие люди посвящают лучшую часть себя произведениями творчества, там массы также выражают те же стремления и будут думать в том же направлении истинной эволюции.

Не связанные предубеждением или суеверием люди хотят иметь не только удобную, но также прекрасную жизнь. Малые привычки не отяготят строителя жизни. И за его успехом придет новый прогресс, и даже сами препятствия станут рычагами энергии.

Я верю, что Секретарь Труда, м-р Джеймс Дэвис, не будет возражать, если я процитирую отрывок из его письма, посланного в Музей Рериха 24 марта 1929 года по случаю его основания:

«Поскольку наше материальное богатство растёт, то всё более необходимо сохранить живыми наше знание и любовь к прекрасным предметам духа и ума, иначе нам грозит опасность выиграть мир, но потерять души. Нужно благодарить каждого высоко мыслящего американца, который несёт судьбу своей страны в сердце, и заручиться его поддержкой в сохранении культуры и интеллектуального потенциала народа и организаций, таких же влиятельных, мощных и целеустремлённых, как ваша.

Куда бы ни были направлены ваши усилия, я желаю вам великого и постоянно растущего успеха на долгие годы. Хотя наше время опасно для творений духа, оно имеет и другой аспект. Цивилизация достигает своих высочайших пиков только после того, как она накопит материальные средства, которыми вознаграждают художника и мыслителя. Эти обильные средства у нас есть. Необходимо, чтобы только руководители востребовали это богатство и увидели, что оно пошло для культурных достижений. Вы и ваши соратники и есть руководители. Желаю вам построить не только это здание, но и заложить у нас великое новое движение, воспитывающее любовь к прекрасному, и пусть то и другое служат нашему народу и принесут ещё больше света в их жизнь».

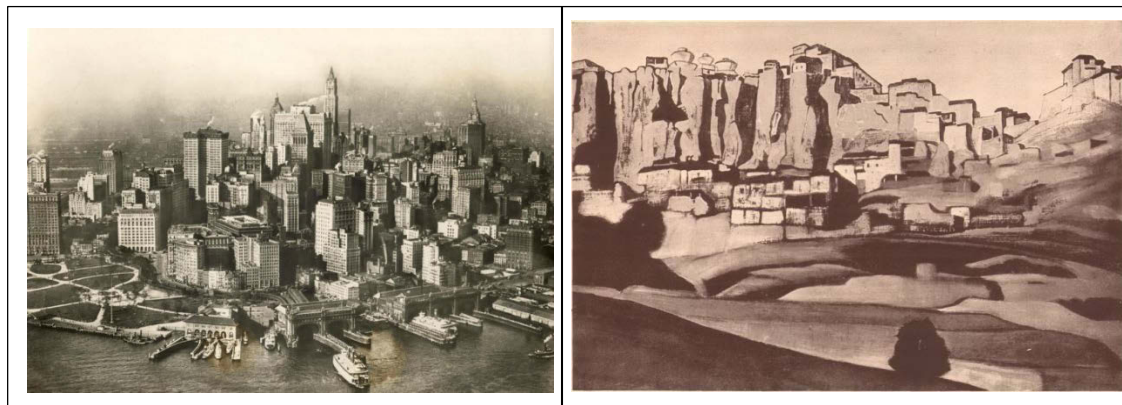
Это действительно замечательные строки из высказываний государственного деятеля! Там, где народ думает таким образом, там страна находится на пути счастливых достижений.

Когда вы приезжаете с гор и пустынь, где древняя Культура лежит спрятанная в тени веков, чрезвычайный рост художественной и научной деятельности в Америке глубоко поражает вас и приносит вам великую радость. Овладение Культурой не проходит незамеченным. Она создаёт тонкость мысли - творческое воображение и способность воспринимать новую волну прогресса.

Эра счастливых достижений предсказана Америке. Как быстрое движение огромного корабля притягивает всё движущееся, так и неотразимое развитие Америки объединилось самым высоким и лучшим.

Нью-Йорк, 1929.

«Какая радость видеть снова башни Нью-Йорка! Как часто в пустынях Азии и особенно в Тибете мы вспоминали небоскрёбы, индейцев пуэбло и древние города Италии и Испании!...»

Нью-Йорк. Манхеттен. (Фото конца 1920-х г.) Н.К. Рерих. Святыни и твердыни Тибета. 1925.

ИЮЛЬ

1 июля 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

1.VII.29. Н.К., придя в Школу утром, говорил, что мы должны перестать думать, что живём над пропастью, наоборот, живём хорошо, есть доходный дом, а Штраусс - это лишнее окно: может быть, что-нибудь придёт оттуда, но не надеяться на это. Я ему говорила про то, что Луис хочет повсюду быть главным - "стеклится", когда его что-либо спрашивают. Он мне на это говорит: "Зачем его спрашивать, когда вам дано следить за Учреждениями. Делайте сами, следите сами - дела слишком выросли, чтобы считаться с настроением одного или другого. А кто сделает, что надо, тот и главный. Надо научиться быть незаменимым".

<...> Вечером мы собрались, прочли и закрепили все бюджеты. <...>

2 июля 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

2.VII.29. Сегодня утром случилось пренеприятное и серьёзное событие - получили письмо из Вашингтона от Акерсона, секретаря Гувера, о том, что на картине, посланной Н.К. в подарок президенту, написано 10 000 \$ страховки, поэтому президент ни от кого не может принять такой дар. Это нам страшный удар. Н.К. был ужасно потрясён. Он должен был лично повезти картину в Вашингтон, судя по видениям мамы, или же, в крайнем случае, Луис или Морис, а не через Будворта. Мы можем теперь потерять всю связь с Вашингтоном. А ведь это был совет Штраусса не везти картины. Сейчас же Луис и Нуця поехали в Вашингтон увидеть Акерсона и сказать, что 10 000 - это страховка картины агентом по отправке её. Второй удар был нанесён Н.К. тем, что Франсис была у Фикинса и он ей сказал, что у него был ряд конференций со Штрауссом и Луисом и что все его действия по устройству лекций, все цены в 200, 250, 300 \$ и так далее были одобрены Луисом и Штрауссом. Другими словами, выходит, что его наняли для паблисити, а не для устройства лекций. Он написал во все Музеи, Харшу, и тот ему отказал. Теперь Н.К. не может предложить выступление Харшу в Art Institute [*Художественный институт*], как он предполагал, ибо это покажется очень подозрительным. Н.К. говорит: ещё два таких удара, и мы сами себя зарежем. Это, несмотря на всё, что нам даётся. Н.К. прямо убит и говорит, что во всей жизни ему ничего подобного не встречалось. Теперь надо начинать сначала, заводить дружбу, ездить по городам, тратить время. <...>

Заметил, что не придаётся большое значение видениям мамы, велел мне позвонить ей днём и узнать, что она видела. Сон её ночью был, что мы все шли, ведомые Н.К., по дороге, перед нами были препятствия, глыбы, камни. Н.К. умел обходить их, мы же падали, были ранены о камни и были задержаны из-за неумения обходить препятствия и этим самым задержали Н.К. Проснулась она вся разбитая, и ей хотелось почему-то плакать, до того тяжело ей было на душе. Н.К. считает это крайне значительным. Затем мы собрались вечером у Пор[умы]. Луис позвонил, что Акерсон принял картину для Гувера на условиях, что мы напишем письмо, что она не имеет финансовой ценности. Идиотство невероятное, чтобы офис президента так поступал. Но для нас это спасение, ибо отношения с Гувером не будут порваны. <...>

3 июля 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

3.VII.29. Сегодня утром получили очень славный бюллетень от New Center of Rosicrucians с изумительной передовой статьёй о Н.К. Так что он сказал: “Это, наверно, враги пишут, друзья о нас так не пишут”. Произнесена большая формула и чужими: если они умеют её сказать, и мы должны её уметь произнести и не бояться больших формул. Тем более что мы, как лидеры таких больших Учреждений, стоим на должной высоте и немислимо нам уронить себя, а этим самым и Учреждения. Для всех, для всего пространства повторять большие формулы. Если у человека маленькое сознание, наш долг - постараться расширить его. <...>

Вечером собрались у Н.К., говорили о комитетах в новом Доме и новых отделениях Обществ Друзей Музея во всём мире. <...>

4 июля 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

4.VII.29. Н.К. утром беседовал со мной и Нуцей. Он видит всё и всех открыто. “Пока я говорю Франсис: “Вы замечательны, великолепно! Вы завершили так много страниц, идите поработайте ещё немного”, она будет работать. А если этого не будет, перестанет”. <...>

О Поруме Н.К. говорит, что он на неё недавно смотрел и даже испугался - серо-синее мёртвое лицо, абсолютно переменялось на его глазах. И хотя Ента, приехав к ним, уверяла, что Логван и особенно Порума очень выросли, Н.К. этого не видит совсем. Наоборот, не находит, что она выросла. Затем Ента ему говорила тоже, что когда он сюда приедет, чтобы он на всё говорил: это хорошо, то есть всё хвалил. Он же ей сказал: “Ну а если дом горит и балки падают, разве можно говорить, что всё прекрасно?!” Теперь это сбывается. Н.К. хочет, что только может, лично всё устроить и обеспечить, ибо он такую серьёзную вещь сегодня сказал: “Это всё хорошо, пока я здесь и всё устрою, а как же будет дальше без меня?”

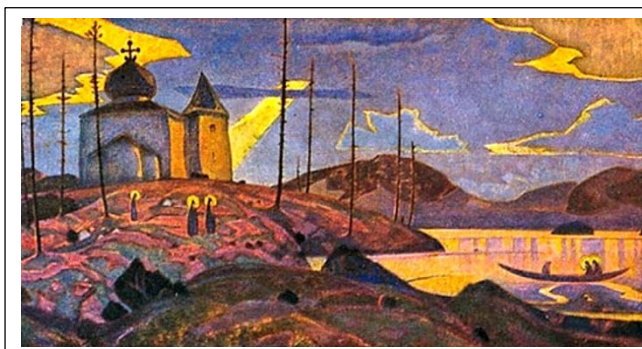
Он видит все недочёты, очень грустит, и ему тяжело в этой обстановке. Опять он говорил, что Логв[ан] хочет получить обратно все свои деньги, даже с процентами за эти шесть лет. То есть, он прекрасно поместил свой капитал, одолжив деньги, и теперь получит по 6% и деньги обратно. Даже то, что за это время деньги падали, были кризисы, его не касается, ибо он хочет всё сполна. Значит, с его стороны дара не было, Музей не был им основан. Мы буквально поражены всем. Но Н.К. запретил нам даже заикаться ему об этом, иначе, он сказал, вы нарушите его карму, а он должен её пройти. Значит, теперь мы устроим кампанию, чтоб в первую голову отдать Логвану деньги. А затем Дом будет приносить прекрасный доход, и долг банку будет постепенно погашаться.

В 10.30 мы поехали автомобилем все к Логв[ану] на дачу. Провели там [время] до 8-ми вечера. Решили план открытия Музея 17-го октября, всю программу, затем отделения в Америке Общества Друзей Музея и целый ряд других важных вопросов.

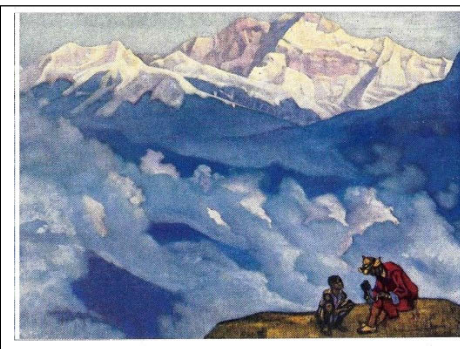
Н.К. дал дивную идею организации дела продажи репродукций-открыток, высчитав, насколько это будет выгодным. Рассказал, что в 1905-ом году он это начал для Общины Св. Евгении - Красного Креста, начали с капи-

талом в 10 000 руб., а в 1914 году они имели 200 000 руб. годового дохода. “Зачем нам ждать прихода денег от невидимых друзей, когда мы имеем возможности вокруг нас!” Н.К. говорил о Яруе, что за плохой [он] работник, не любит своей секретарской работы, готов от неё увильнуть всегда, делать всё, кроме того, что должен. Говорил об энтузиазме работников, силе, которая двигает нас всех. Затем мы читали письма Енты ко всем, полученные вчера. <...>

Репродукции-открытки изд. Музея Рериха, Нью-Йорк.

Н.К. Рерих. Святые гости. 1923.

Н.К. Рерих. Жемчуг исканий. 1924.

5 июля 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

5.VII.29. Утром Н.К. говорил об Ориоле, что она хороший дух, если её родители не испортят, не задёргают восхищением её необыкновенностью. Нельзя так дёргать ребёнка.

Затем Н.К. говорил, что Логв[ан] произнёс цифру в 900 000 \$, которую непременно нужно ему отдать. Вся кампания и для этого - значит, он забыл о даре. А если он получит деньги, нельзя знать, как[им] будет воздействие на него. Может быть, ему и нужен такой толчок. Затем говорили о Енточке. Вчера мы читали её письма, каждому отдельные, кроме Франсис, и это дало неприятный осадок. Н.К. говорит, что он ей говорил писать одно общее письмо, лишь в особых случаях вкладывать в письмо запечатанный конверт с письмом кому нужно. Иначе видно, как написано письмо каждому, разница в обращении и при общем чтении. Это очень бросается в глаза. Так что если мы сами создадим чувство “это хозяин, хозяйка, а остальные - работники”, в этом мы будем сами виноваты, ибо испортим отношения. “Ведь известно - кто главный? Тот, кто больше сделает”. Н.К. велел послать телеграмму в Индию, чтобы Енточка не писала отдельных писем, а одно общее письмо всем.

Н.К. говорил: пока человек не отрешился от мысли, что моё - это моё, а не моё - это чужое, до того времени его нельзя трогать и насильно пробуждать сознание. Ибо сознание растёт изнутри, а не внешними толчками. У меня был ланч с мисс Лунсбери, сказала ей про должность библиотекаря - бухгалтера в библиотеке при Музее и что она должна пройти курсы этих специальностей. Она была очень счастлива и согласилась. Н.К. рассказал мне, что говорил за ланчем Поруме и Логвану, как он рад, что они не испортят Ориолу. И что вообще родители теперь всеми силами портят детей и только тогда рады, когда ребёнок делается ничтожным, как все. Конечно, говорил он это для них, чтоб они задумались над этим. Н.К. много говорил с миссис Атватер, пригласил её

на должность заведующей Кор[она] Мунди. Устроил всё лично, ибо, как сказал мне недавно, боится, что выйдет безобразно, если не он всё установит. <...>

Затем мы вечером беседовали, мне велено было вдвоём сидеть с Н.К. Огромное счастье сидеть против этого великого человека. <...>

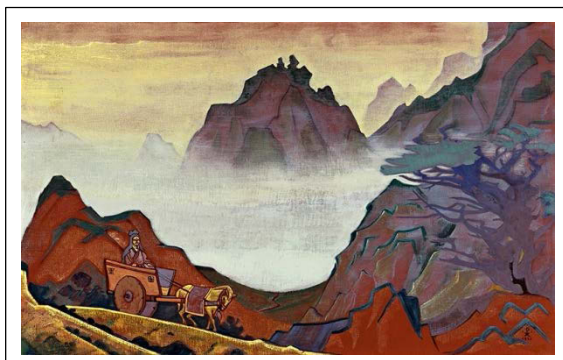
Н.К. Рерих

К ОТКРЫТИЮ ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВА ИМЕНИ РЕРИХА В ПАРИЖЕ

С особенною радостью узнал я об учреждении в Париже ветви общества друзей моего Музея. Франция, Париж всегда связаны для меня с лучшими воспоминаниями. Здесь я окончил моё художественное образование; здесь были выставки мои и театральные выступления. Здесь уважаемый Жак Бланш возгласил восторг от половецких плясок. Здесь каждый складывал утончённое мышление и преклонение перед прекрасным.

Вижу особое значение в связи американского музея с друзьями Франции. Блестящее искусство французского гения широко проникло в сердца Америки. С глубокою оценкою и уважением отведены достойные места в музеях и собраниях Америки произведениям великого творчества Франции.

Народное чутьё приводит эти великие нации к единению. Всегда говорил я о лучшем мире и взаимном понимании через искусство и знание. Эти верные оплоты мира и человеческой взаимности будут лучшими водителями достойной эволюции.

Н.К. Рерих. Конфуций Справедливый. 1925.

Конфуций заповедал: "Если каждый день буду приносить горсть земли, то, в конце концов, всё-таки создам гору". В неустанности личной дружбы, в непрестанном устремлении к творениям духа и достижениям знания, мы наносим эту гору благодати, которая укрепит будущие шаги человечества.

Ведь не для нас самих мы встречаемся и собираем всё близкое и лучшее для нашего развития. Мы делаем это для тех неведомых нам, для будущих, которые оценят всё, что делалось для мира всех, для мира всего мира.

Смотрю на ваше собрание здесь не как на случайное собрание частных людей. Новое крыло создаётся между Францией и Америкой, новое желание взаимного понимания и взаимного преуспевания посылается в пространство. И когда мы отрешаемся от наших лично человеческих желаний, и эта творческая мощь переносится в план всеобщего блага, тогда нечего желать успеха, ибо успех уже есть налицо, он там, где есть строительство общего блага. Итак, дело

общественных учреждений приобретает межгосударственное значение для истинного мира и мирного культурного строительства.

Приношу друзьям Франции мои лучшие чувства и знаю, что они будут оценены в утончённой мысли французского гения. Я буду так рад передать нашим американским друзьям, как лучшие умы Франции мыслят и собираются во имя общих задач культуры.

1929 г.

Н.К. Рерих «Держава Света», 1931.

6 июля 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

6.VII.29. Получили письмо от миссис Аттватер с принятием поста исполнительного директора Кор[она] М[унди]. <...> Мы должны издать от Издательства Музея Рериха серию книг, посвящённых выдающимся людям - художникам, учёным и так далее. Издать популярно, десять биографий в книге, уже одну к октябрю приготовить, с Кролем, Спайкером и всеми другими врагами - и они же будут нашими друзьями. Идея дивная, вечером была одобрена Мастером. Он [Н.К.] мне рассказал, как он говорил Франсис, хлопая её по плечу: "Миллионершей будете, приготовьте мешок для денег, но не растеряйте, тяжело будет!" Он видит её насквозь и нагружает работой - только не работать толчками, а ровно, продолжая, не взлетая, а потом падая. Именно как спираль, нарастая. Ибо работа толчками плоха. <...>

Получили письмо от концессионного комитета о том, что мы утратили права на "Белуху". Н.К. говорит: всё равно нам её не уместить, даже если бы и были деньги, - людей нет вести её. Но всё же мы не можем никого заинтересовать в том, что уже есть. Раз у нас её нет, лишь говорить об Азии - это даром давать идеи другим. Пишем письмо с просьбой продолжить опцион. Поехали смотреть нашу мебель. Н.К. не нравится, хотя он и говорил: "Она ничего, хорошая". <...>

Затем поехали в Art Center, на выставку современной мебели. Н.К. говорит: "Дёшево и безобразно". Картины Р. Кента поразили его, до чего он стал плох. Это современное движение слишком долго продолжается, и в нём всё ещё нет смысла. Ведь Ренессанс продолжался столетие. Все эти художники, артисты не живут современной жизнью, а лишь имеют такую мебель, а сами такие, как были [раньше]. А в колониальной эпохе люди жили, мыслили, одевались и окружали себя именно этим стилем - колониальным. И это было красиво и правильно. А это - дёшево и искажённо. И характерно, что мысль людей теперь, вся современная эволюция - это чёрная мебель, красный письменный стол, сумрак и уродливые вещи. Иначе, если бы всё было прекрасно, Мастерам не пришлось бы работать и говорить об опасном времени, как Они это теперь делают. В такси Пор[ума] сказала, что ей нравится серия книг об американских художниках, люди, мол, не будут говорить про Музей одного человека. Меня это как ножом ударило.

Вечером Н.К. сказал, что мы должны говорить с Мастером очень часто, ибо у нас нет полной налаженности. Азбука не очень плавна. После чудной Беседы послушали записи Франсис. <...>

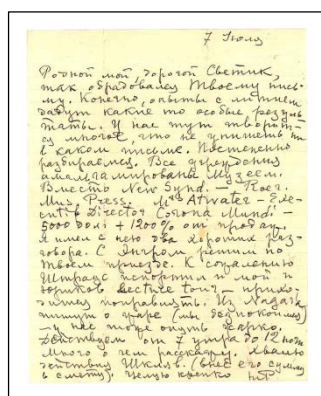
Франсис сказала Н.К., что она хочет писать книгу об Акбаре. Он ответил, что идея превосходная, но может ли она взять отпуск на год, чтобы собрать и

изучить все многочисленные источники, худые, хорошие, историю того времени, иезуитские миссии, которые ехали к его двору, об Акбаре, чтобы написать прекрасную книгу? Ведь писать по двум книгам, которые у неё есть, — это компиляция фактов двух книг, и это никому не нужно. А Юрий при этом добавил, что ей придётся изучить персидский, ибо лучшие источники об Акбаре на персидском, и не переведены. Н.К. думает, чтобы Франсис издала в будущем популярную книжечку об Акбаре <...> а большую книгу ей теперь невысказанно писать, ибо к такой личности, как Акбар, надо относиться серьёзно и научно, а не делать из неё беллетристику. Опять Н.К. говорил, что вся кампания теперь для Логвана, чтоб ему отдать деньги. Нам эта кампания не нужна, мы и без неё можем жить. Потом Н.К. говорит, а вдруг всё повернётся так, что Логвану всё вернут, а потом его вдруг спросят: желает ли он, и считает ли он возможным остаться в списке жертвователей. Что он на это сможет ответить?

Говорили о Тарух[ане]. Н.К. предложил вернуть Тар[ухану] его обязательство на уплату нам всем долга и получить его в виде земли в Чураевке. Так что мы все будем иметь там землю. Конечно, мы эту идею с радостью приняли, ибо она так достойна. А то деньги, что он платит, всё равно расходятся, а потом Логв[ан], когда всё будет уплачено, ещё спросит: а где эти деньги - и будет ждать новой уплаты. <...>

Очень много ценнейших идей Н.К. дал для Мастер Института. <...> У него была Колокольн[икова]. Он говорит, [что] она славная душа и ещё нам, может быть, в будущем пригодится, ибо, если Лунсбери уйдёт, она сможет быть библиотекарем и бухгалтером. А пока пусть учится в галерее, где теперь она служит. Н.К. говорил, что с Издательством Музея Рериха всё должно быть на деловых основаниях, столько процентов автору, столько Издательству, столько книгопродавцу - Музею как последнему. Книги могут продаваться в каждом Учреждении, у Холла внизу. Учреждение, покупая, имеет уступку как книгопродавец. Н.К. днём поехал к Судейкину, вернулся, говорит, что у него ужасная атмосфера, и он там себя очень плохо чувствовал, но теперь огромная дружба, и тот сказал: "Если вы меня будете хвалить, я на вас молиться буду". И не исключено устроить в Кор[она] Мунди его выставку. Поехали в "Longchamps" ужинать.

7 июля (1929 .) Нью-Йорк
Письмо Н.К. Рериха к Святославу Рериху.

Автограф письма.

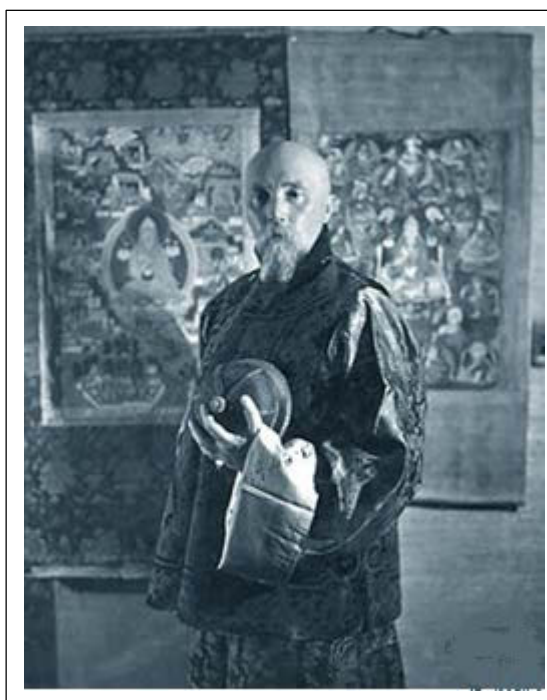
7 Июля

Родной мой, дорогой Светик, так обрадовался Твоему письму. Конечно, опыты с литьем дадут какие-то особые результаты. У нас тут творится многое, что не упишешь ни в каком письме. Постепенно разбираемся. Все учреждения амальгированы Музеем. Вместо New Synd. – Roer. Ms. Press. M-rs Atwater – Execib Director Corona Mundi – 5000 дол. + 12000 % от продажи. Я имел с нею два хороших разговора. С Энгором решим по Твоём приезде. К сожалению, Штраус испортил и мой и Юриков lecture tour – приходится поправлять. Из Nagara пишут о жаре (мы беспокоимся) – у нас тоже опять жарко. Действуем от 7 утра до 12 ночи. Много о чём расскажу. Хвалю действия Шкляв[ера] (внёс его смуту в смету).

Целую крепко

НР

Архив Музея Николая Рериха Нью-Йорк.

Нью-Йорк. Музей Рериха. Июнь-июль 1929 г.

8 июля 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

8.VII.29. Н.К. пришёл утром в Школу и сказал, что у него определённое чувство идущей неприятности. Ему тяжело в Нью-Йорке. Он уже вчера сказал, что токи теперь гораздо хуже, нежели четыре года тому назад. Пришёл Логв[ан], “остеклившийся”, выслушал про предложение перенести долг “Алатаса” на землю в Чураевке. <...>

Н.К. поехал к Вейкерту, говорит, вернувшись, что он полезный и хороший человек, очень интересуется торговлей и лекарствами в Азии, много расспрашивал его об Азии. Пойдёт по линии научной станции. “Конечно, - добавил Н.К., - если бы я его видел не один, ничего бы не вышло”. <...>

Затем Вейкерт пригласил Н.К. и Юрия на будущей неделе к себе в загородный дом проехать на яхте. Н.К. предложил и Луиса. Тот, видимо, удивился, но из любезности пригласил. Н.К. говорит, что на две трети было бы лучше,

если бы они поехали без Луиса. Всё видит Н.К., не уходит от него честолюбие Луиса и Пор[умы]. Вечером беседовали с М., писали план работ для открытия в октябре Музея и кампании и издержки. Н.К. хочет, чтоб Франсис пошла к Штраусу и представила ему всё это. Мне Н.К. сказал, что для Франсис лучше, если всё будет написано, для работы лучше. Завтра Н.К. не будет на собрании Общества Друзей Музея Рериха, но [он] выработал для нас всю программу. Иначе всё будет инсценировано, если он будет на этом собрании.

9 июля 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

9.VII.29. <...> Н.К. говорит, что Логв[ан] в духовном отпуске, он раздираем на части, но Порума дома одна, с детьми, спокойна, и если её мысли нечисты, то она отравляет Ориолу. И как она не понимает, что надо постоянно мыслить и в духе Учения? Н.К. тяжело здесь, он видит всё, даже Юрий заметил, что, когда Логв[ан] с ними и один - он другой, а как приезжает от Порумы - то совсем "остеклившийся". И в квартире Логв[ана], где живёт Н.К., атмосфера неприятна. Ужасно жарко, отвратительная прислуга. Завтрак Н.К. с Лебланком и тремя большими банкирами, судя по словам Логв[ана], был чудом из чудес. Н.К. говорит, что всё было хорошо, знакомство хорошее и Лебланк ничего человек. Вечером Н.К. говорил со Шнайдером, не был на собрании Общества Друзей Музея Рериха, но мы выбрали Шнайдера президентом, других важных членов, Сидней предложил кампанию, она была принята. Всё шло как по маслу благодаря тому, что Н.К. выработал для нас всю программу заранее.

10 июля 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

10.VII.29. В чём заключается сила и величие Н.К.? В том, что он всё прощает во Имя Учителя и для служения Ему. Сегодня утром мы говорили о будущем. Конечно, как он сказал: "Пока я здесь, мы живём, а что будет дальше, когда меня здесь не будет?" Всё же он готов многого не видеть и не придавать многому значения. Школа, он сказал, будет существовать, ибо мы, если у нас будут триста учеников, будем иметь благополучие К[орона] М[унди] - увидим. А Музей, конечно, самое главное. Но нужно делать всё самим.

Франсис не могла написать проспект для Общества Друзей Музея Рериха? Прекрасно, Н.К. продиктовал Нуце по имеющемуся уже образцу, и он готов. Письма Н.К. диктует мне, Нуце, кому можно.

Издательство Музея Рериха захочет сделаться миллионером? Может, не захочет, не толкать её, не настаивать. Главное, чтоб к октябрю вышла первая книжка, а потом она может спать или поступать, как хочет. Дано ведь каждому. У Н.К. тревожное чувство: он знает, что будет неприятность, - из Вашингтона от Акерсона ещё нет ответа. Н.К. завтракал с Даусоном: "Ничего, но что выйдет, не знаю". От Е.И. телеграмма: три недели назад была суровая сердечная атака, теперь ей лучше. В конце телеграммы вопрос о здоровье детей. Н.К. встревожен. Заметил, что не надо так много говорить о здоровье детей, это превращается в культ. А то, как с ним: в детстве [был] болен всё время, так что вообще и не ходил в гимназию. А один умный доктор сказал ему: "А вы ездите зимой на охоту!" - "Как на охоту, с температурой?" - "Да, с температурой". Так

он и излечился. То же было и с детьми Е.И. Один врач сказал ей: “Пусть они по земле ходят. Пустите их ближе к земле”. <...>

Вечером работали над программой к 17-му октября. Дивный человек Н.К.! Сверхчеловек! И так ласков ко всем, ровен со всеми, помогает всем. Удивительно хорошо с ним работать, всё делается. Он всё помнит и наблюдает.

10 июля 1929 г. Нью-Йорк
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

Родная моя Мамочка!

Сегодня мы получили твою телеграмму о сильном сердечном приступе и очень из-за этого расстроились. Мы радуемся, что теперь тебе лучше и в Кулу стало прохладнее. Пожалуйста, пиши нам о себе и о том, что тебе нужно. Брат пишет из Парижа, что он почти выполнил все твои поручения. Тебе нужны книги о буддизме? Ты получила все книги, которые я послал тебе из Нью-Йорка? Я недавно послал тебе экземпляр «Звенигорода» Ремизова. Помню, ты говорила мне, чтобы я послал тебе эту книгу.

Мы ужасно заняты. Папа реорганизует Учреждения, и мы надеемся, что будет очень успешный год. Зина – крайне активный и ценнейший сотрудник. До сих пор она была организующей силой в Учреждениях. У нового Французского Комитета огромные возможности. Скоро будет учреждён Лондонский Комитет с некоторыми очень важными людьми. Ты знаешь, что Музей Рериха становится центральным учреждением, а все остальные – его отделениями.

Я только что закончил писать программу для научного института, и в будущую среду мы с Папой пойдём на встречу с очень важным и состоятельным человеком. Он недавно заходил к Папе, и, кажется, глубоко заинтересован исследовательской работой. Я пытаюсь организовать что-то с Фикинсом. Многое было запущено, и в результате почти всё надо переделывать заново. Я не против работы, если лекции будут иметь существенный финансовый успех. Помимо лекционного тура я веду переговоры о возможности чтения курса на темы Востока в нескольких крупнейших университетах восточных штатов. Если всё состоится, я буду очень занят этой зимой. Моя книга хорошо продвигается, и я уже планирую дальнейшие тома.

Пожалуйста, напиши нам о результатах осмотра для электростанции. Как сад? Ты продаёшь много фруктов? Надеюсь, что бумажные жучки не причиняют слишком большого вреда моим книгам и что Людмила опрыскивает их «Флитом».

Пожалуйста, передай мои наилучшие пожелания капитану Банону. Я посылаю все мои лучшие мысли всем Вам в Hall Estate. Вскоре я надеюсь получить письмо от Вольдемара на хиндустани.

Я еду в Нью-Хейвен 12 июля, чтобы установить связи.

С любовью и преданностью,

Твой сын

Юрий Р.

Пожалуйста, пошли каких-нибудь вырезок из англо-индийской печати. Я сейчас заполняю Тибетскую библиотеку в главном здании Музея.

Архив Музея Рерихов, Москва.

11 июля 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

11.VII.29. Опять Н.К. говорит - всё делайте сами и не спрашивайте Франсис. Пришла статья, написанная журналисткой для "Brooklyn Eagle": Н.К. и Нуця её прочли, поправили до прихода Франсис, чтоб сразу отослать. <...>

Н.К. говорит, что главное - следить, чтоб о нём писали в прессе прекрасно как о художнике. Это главное, ибо у нас Музей. А о писателе, учёном и так далее - это неважно, что не пишут. Иначе скажут: у него великая мысль в картинах. Так для чего он мараёт полотно, писал бы лучше книги. Теперь важно писать о его искусстве, и писать сильно. Статья из "Brooklyn Times" очень талантливая, ибо в ней всё: и большевизм, и Англия, и Христос - великий коммунист. Всё это интересно. А вот он пишет, что был убит английский офицер. И вот Н.К. велит Франсис повидать этого человека и указать ему, что в экспедиции был английский офицер (полковник) и что на кого он намекает, кто был убит! Именно, атаковать врага со слабой стороны! А сама статья интригующая.

Затем Н.К. говорил, что сам же в былое время велел писать о Бенуа, что тот известный критик. И тем его известность как художника была побита. Затем рассказал, как Буренин из "Нового времени" одно время каждую пятницу писал о Н.К., сравнивая его с Толстым, Горьким, Андреевым, очень худо. Куинджи был этим очень огорчён и не знал, как это прекратить. А однажды Н.К. встретил Буренина в театре, подошёл к нему и говорит: "И находятся же такие плохие люди, говорят, что я вам плачу за то, что вы обо мне пишете каждую пятницу". Тот весь вскипел, но писать о нём моментально перестал. Куинджи очень хохотал, узнав про это.

Н.К. решил очень важный план - Юрию придётся поехать к Таши-ламе в Монголию до поездки его домой в Кулу. Ибо с ним начать дело легче, нежели чем через банкиров здесь или [через] Россию. Это план огромной важности.

12 июля 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

12.VII.29. <...> Утром Н.К. беседовал со мной - как ввести долг Логвану в кампанию. Невозможно собирать для него! С другой стороны, невозможно писать на каталоге "временная экспозиция". Значит, Н.К. не сможет никогда, никому продать своих картин. Всё отдал, теперь приехал помочь всему, что могло бы развалиться, а Логван никакого дара не давал и хочет получить обратно деньги! Затем Н.К. велел мне пойти посмотреть квартиры. <...>

Н.К. рассказал, что завтракал с Логваном и сказал ему, что директора занимают такие дорогие комнаты в Доме, люди будут говорить об этом, лучше нам всем выбраться из Дома. Луис ему сказал на это: "Да, вы правы, ибо люди спросят, а где живёт профессор Рерих? А на 22-м этаже! Значит, он выбрал себе лучшую квартиру! Вы всё видите, он - великий человек!" Н.К., услышав это, сказал: "Да, нам всем причитается по две комнаты, вот мы будем жить в другом доме и за нас, за квартиры, будут платить. Наши квартиры будут сданы, и, вычтя из этой суммы на уплату за нас [наши квартиры], для Дома ещё останется прибыль". Логван согласился с восторгом. <...>

13 июля 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

13.VII.29. <...> Н.К. говорил утром, что если у людей настолько забыто понимание Учения, что они должны начать с самого начала, с азбуки, тогда нам нужно обязательно выбраться и не жить в Доме. <...>

Вечером мы с Франсис <...> зашли к Н.К., и он рассказал, что Лунсбери была у него, впала в транс, описала Сестру Ориолу, и что у неё было испытание, и что она его прошла сама. Она хочет остаться, и Н.К. её оставил на наших условиях: сорок пять в неделю, быть только библиотечкашей, потом быть, по предложению Порумы, коммивояжёром, разъезжать, устроить комитет, привлекать людей. Затем Пор[ума] просила Н.К. остаться в Доме, а он сказал, что если до пятнадцатого сентября Холл не сдаст квартир, то мы увидим. Н.К. говорил, что у Франсис больше тонкости сознания, чувства и за это надо ей простить всё: и забывчивость, и ненаписание статей, и взятие денег из кассы - и быть с ней друзьями. Ибо надо усилить наш фронт, как в битве, подвести к нам войска, дать им провианту и тем самым укрепить нас. А про Енточку он сказал, что такая дружба: "Какая вы чудесная и какой дивный у вас ребёнок" - может привести к тому, что она может стать приживалкой Пор[умы]. Так что Н.К. сказал Нуце направить её на правильный путь. Затем он сказал про Поруму, что она много [бывает] одна, ничего не делает с детьми, и может и поглотить. Вспомнил, что Е.И. говорила, что все няни - это вообще святые.

14 июля 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

14.VII.29. <...> Утром пришёл Н.К. и сказал, что эпизод с нашими квартирами забыт нами до 15 сентября. Мы не должны о нём говорить, но хорошо, что нарыв вскрыт, ибо лучше, чем он гноится, а потом приходится отрезать руку. Одно лишь надо помнить: когда вскрывается нарыв - иметь наготове повязку. На время пока всё хорошо. <...> главное - сделать 17-ое Октября огромной важности, очень большим должен быть этот день.

В 10 часов дня поехали к Нетти в Scarborough. По дороге Н.К. рассказал, как он применял тактику адверза¹ уже давно. Когда Боткин ему сказал, что он не позволит читать лекции в музее, а закроет его, Н.К. ему ничего не ответил, а, уйдя в него, устроил собрание учителей, и вынесли резолюцию, по которой закрытый музей - не музей, а склад, и поэтому нужно строить свой. Эту резолюцию Н.К. на общем собрании прочёл Боткину, и при этом Боткина начали прозывать хранителем склада. Тому поневоле пришлось взять назад своё решение.

<...> Приехали домой, стали на Беседу - получили серьёзное Послание. <...> Н.К. находит, что очень полезно знать, кто живёт у нас в Доме, ибо он [может быть] от спецслужб. Звуковое кино ему не нравится - это примитивно, но восторгаться первым граммофоном. Потом Н.К. отметил, насколько картина Японии, их музыка, голоса, танцы - вообще Восток - тоньше Запада, первым аэропланом - это просто глупо.

¹ «Только когда все противники напряжены, можно провести в жизнь самый наибольший план. Так каждая основа действует тактикой Адверза». (Беспредельность ч.2, 772)

15 июля 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

15.VII.29. <...> Мы должны быть очень осторожны с нашим бюджетом, так что Н.К. просит цифры за все прошлые годы – прибыли и убытка. Ибо ведь видел Н.К. прибыль на тех бюджетах, которые мы ему привозили. <...>

Получили очень серьёзные письма, говорящие о воспалении нервов Е.И. из-за огорчений. Ей прислано правительственное письмо, что ввиду того, что они не заплатили пока ещё всей суммы за своё поместье, им нельзя продавать фрукты и собирать урожай, и их считают арендаторами. Придирки Англии и желание их вытурить оттуда. Н.К. очень огорчён, и думает заплатить отсюда все деньги, чтобы поместье считалось вполне их. <...>

Н.К. больше слушает на собраниях, собирая все мнения, затем даёт совет. Все мы видим, что Дом ему не нравится, а на Музей он смотрит так: уже построили, и ничего не поделаешь. <...>

Н.К. говорил вчера о собственности – это моё сегодняшнее платье, а завтра и нет его, ибо как коротка жизнь, когда человек пользуется тем, что имеет. И человеку пора понять это и отучиться от мысли, что это его состояние. <...>

16 июля 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

16.VII.29. <...> Н.К. мне утром говорил, что он в России, когда был директором школы, всегда пользовался следующей тактикой. Он предлагал на собрании свой хороший план, за который стоял, но уж не так отстаивал, а затем предлагал очень нелепый план, трудный. Конечно, все стояли за первый, и тогда он добивался, чего хотел. Так Н.К. и мне советовал.

Затем мы пошли в здание смотреть Hall of the East (Восточный зал) и как его устроить. Н.К. очень решительно сказал: «Мы поставим статую Будды, и пусть спрашивают и говорят что угодно. А мы скажем: “У нас и Мадонна, и Христос, и Будда – всех чтим, всех возносим”».

Ю.Н. и Н.К. Рерихи в Музее в Восточном зале у библиотеки Священных писаний. 1929 г.

<...> Вечером, собравшись у Н.К., беседовали об устройстве общего бюджета всех Учреждений, чтобы мы шли по линии жизненности и того, что можем сделать сами своими силами. <...>

22 июля 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

22.VII.29. <...> Вечером собрались вместе. Н.К. дал идею избрать двенадцать вечных попечителей - одиннадцать нас и двенадцатого – Учителя, чтобы они при жизни назначили преемников. А преемники, когда вступят в должность, назначили своих преемников. Это очень ценно для нас и для людей. Затем Н.К. избран Почётным президентом в отставку для людей, а в делах – председателем правления. Это крайне важно. Эту идею дал Нуця. Затем мы торжественно решили постановить: Музей Рериха – дар нации, а мы вечные его стражи, также и наши преемники. Это будет запечатлено на пергаменте, упомянуто в нашем письме президенту страны в связи с 40-летним юбилеем деятельности Н.К.

Июль 1929 г. Нью-Йорк

Н.К. Рерих.

КОРПОРАЦИЯ УР

Выступление профессора Николая Рериха в Нью-Йорке
перед Советом директоров Музея

Санскритский корень "ур" означает утро или рассвет. Это имя является не только символом рассвета, эволюции Азии, но также новых средств дружественного обмена всевозможными видами продукции в полном согласии с истинным пониманием основ эволюции человечества.

Новые достижения человеческого гения, открытия, явленные миру с головокружительной быстротой, мощный рост промышленности требуют новых подходов, которые, в своих мирных доспехах, разрушат презренные стены вредных предрассудков прошлого. Изобретение радио сломало традиционное представление о границах. Дирижабли бороздят пространство; телевидение и кино вскоре явят нам истинное лицо свершений. Все прочие принципы человеческого взаимодействия должны равным образом наполниться новым содержанием под влиянием новых жизненных реалий новой эры, или, как говорят в Азии, эры Шамбалы, наступление которой было предсказано в древнейшие времена.

Азия, вмещающая миллиард человеческих сердец, остаётся очагом всех духовных учений. Во имя Учения Жизни Восток и Запад объединяются, и истинное понимание эволюции предопределяет их мирную встречу на ниве просвещённого гения и труда.

Азия - миллиард сердец! Азия - сокровища земли и духа!

За время нашей экспедиции, длившейся пять лет, мы поняли, что Азия открыта для любых контактов, особенно с Америкой.

Отрадно было видеть, что любая американская продукция высоко ценится в Азии; наши новые открытия не только не отвергаются - их с радостью приветствуют. Обладая огромными потребностями, которые до сих пор не были насыщены, Азия открывает практически неограниченный простор для деятельности. Всё - от мельчайших предметов домашнего хозяйства до круп-

ных станков - здесь ждут с нетерпением, от семян до лекарств - встречаются с распротёртыми объятиями, от цветных открыток до книг на местных наречиях - всё открывает врата к новым просвещённым принципам жизни. От простейшего сельскохозяйственного инструмента до предметов домашнего обихода - всё является объектом острой необходимости. От куска проволоки до электрических приборов на батареях - всё встречает восторженный приём.

С большой радостью узнал я, что в Азии Америку считают страной будущего. Даже в самых отдалённых уголках люди говорят об Америке как о Стране Шамбалы - Стране Будущего. Они называют Америку "Чи-чаб", что означает "Защитник". А как много добропорядочных местных жителей, представителей разных народов, мечтают вступить в контакт с Америкой и работать представителями по продаже различных товаров!

Центр жизнедеятельности каждого организма - сердце. Тем более отрадно было видеть, что в сердце Азии, в самых удалённых уголках, великое имя Америки уже почитаемо. Мы не должны забывать, что даже Китайский Туркестан, где раскинулась пустыня Такла-Макан, не говоря уже о землях калмыков, бурят, монголов и тибетцев, заключает в себе многие миллионы жителей, а природные богатства этих обширных территорий практически нетронуты. Нефть и уголь, залегающие здесь, высочайшего качества. Золотые россыпи, залежи серебра, железа и меди, асбеста, прекраснейших сапфиров, рубинов, бирюзы и других ценных минералов, наравне с радиоактивностью составляют внутреннее богатство этого региона. Поразительное разнообразие природных ресурсов, горячих источников, богатой химическими элементами почвы представляет непревзойдённые возможности для скотоводства и добычи мехов.

Когда я спросил одного из местных жителей, что можно выращивать на песчаной почве пустыни Такла-Макан, он отвечал: "Это только кажется, будто почва песчаная, на самом деле - это донные отложения древних рек и озёр. Любое семя, брошенное в почву, даёт прекрасные всходы".

Когда я спросил нескольких лам, где они находят средства, если нуждаются в деньгах, они ответили: "Если нам нужны деньги, мы идём к реке, промываем песок и собираем золото". Так они используют вечную сокровищницу природы.

Как известно, европейцы несколько раз терпели неудачу при попытках проникнуть в Азию, поскольку использовали чужеродные для этого региона методы, и у местного населения складывалось впечатление, что его хотят завоевать и поработить. Несколько фирм, пытавшихся внедриться сюда, также потерпели крах, ибо вели деятельность лишь в одном направлении. Но когда сама жизнь выдвигает требование взойти на новую ступень цивилизации, когда рождается необходимость во всевозможных продуктах потребления, тогда мы можем насытить эту нужду, предоставив огромное разнообразие товаров. Так продукты человеческого гения могут войти в повседневную жизнь практически каждого человека и прижиться на местной почве, не нарушая исконных этических представлений и исконного уклада. Выполнить это условие несложно. Если вы говорите на местных наречиях, знакомы с местной религией и традициями, вас примут с радостью и даже самые примитивные племена протянут вам руку дружбы в ожидании проявлений дружбы Запада.

Конечно, нужно принимать во внимание специфику местных условий. Так, было бы большой ошибкой въезжать в некоторые области, имея на руках лишь разрешение или паспорт центрального правительства. Местные власти

могут не признать статуса путешественников, поэтому единственной надёжной защитой для осуществления деятельности в этих областях является паспорт, выданный местными властями. Подобные документы достаточно легко получить обычными средствами, лишь, как и везде, необходимо найти правильный подход - общаться с местными жителями на их собственном наречии и оперировать привычными им понятиями.

Путешественники должны иметь с собой большой запас предметов обмена и быть готовыми при необходимости принимать не только обычную валюту, не только серебряные монеты, бумагу, золото или медь, но также разнообразные продукты местных промыслов - золотые и серебряные слитки, золотую пыль, драгоценные и полудрагоценные камни, шерсть, меха, хвосты яков, расшитые ткани и даже предметы старины, которые зачастую восполняют отсутствие обычных денег. Истинную стоимость товаров обмена можно установить в специальной расчётной палате, что позволит сбалансировать базу взаимных расчётов. Подобно тому, как в период существования Хадсон-Бей Компани появились новые методы торговли, так и сегодня можно объединить разные народы, благодаря разумному подходу, который будет всё учитывать и проводить уважительную линию в отношении основ их жизненного уклада.

Мы вновь говорим о сердце и душе народа, и мы чувствуем, что сердца уже повсеместно открыты; наш долг состоит в том, чтобы развить это ценное свойство.

Каждый на своём языке народы Азии говорят об эволюции. Зная священное учение Шамбалы, они ожидают прихода новой эры и, благодаря этому ожиданию нового века, понимают вехи нового времени с его небоскрёбами и индустриальной мощью. Они признают самолёты, железные птицы, о которых говорил Будда. Они знают, что железные дороги - это металлические змеи, служащие человечеству в соответствии с древнейшими представлениями. В учении Шамбалы говорится, что богатейшие сокровища земли будут извлечены из её недр, дабы улучшить условия жизни в новой эре, грядущей скоро. Народы Азии знают, что Кали Юга, чёрный век железа, скоро закончится и на нашей планете наступит светлая Сатья Юга, век счастья. В соответствии с этими представлениями все новейшие открытия легко находят своё объяснение. Когда мы рассказали азиатам о космическом луче Милликена, они поведали нам о многих других лучах, которые придут на службу человечеству. Так на пороге истинного знания, во имя науки и красоты, рушатся стены между Востоком и Западом, и теперь мы можем обратить к нашим далёким друзьям лучшие чувства, будучи уверены, что нас поймут, и мы не оскорбим могучего сердца миллиардного народа.

Это одно из наиболее сильных впечатлений, вынесенных нами за время пятилетнего изучения сердца Азии. Не только в людях высокообразованных, но даже в самых низах чувствуется внутренняя способность к тонкому пониманию, которую легко можно направить по одной линии с нашими сегодняшними устремлениями.

Внутренние условия в Азии достигли той точки, когда каждого посланника мира и доброй воли ждут с нетерпением. В Монголии мы видели печатные машинки с монгольским алфавитом, присланные из Германии, они были приняты с большой радостью. Если Германия столь практическим способом выразила понимание нужд Востока, насколько дальше должна шагнуть Америка, решительно протягивая руку помощи и сотрудничества.

В трогательной заботе о нашем народе мы возводим дорогие мосты, чтобы сэкономить несколько минут времени работающего человека. Разве не стоит наш долг в том, чтобы воздвигнуть прекрасный мост между Востоком и Западом? И разве наша замечательная эпоха с её блестящими открытиями, не открывает прекрасную возможность для совершения этого достойного шага?

Помню, когда я показывал монголам фотографии индейцев Аризоны и Нью-Мексико, они назвали их своими потерянными родственниками. Поэтому можете себе представить, с какой теплотой будет принято повсеместно в Азии это дружественное и чуткое к чужим нуждам устремление Америки. В зависимости от имеющихся средств может быть создано множество проектов по азиатскому направлению. Если мы в целом решим, что хотим сделать этот благородный жест в сторону Азии, можно будет затем детально рассматривать каждый конкретный проект.

Америка отдала дань и внесла практическую лепту в развитие культуры и цивилизации многих стран. Прекрасный жест взаимопомощи со стороны Америки по отношению к Азии принесёт самые неожиданные и неисчислимые плоды. Разве не состоит наш долг в том, чтобы внести свой вклад в развитие прогресса, если мы понимаем, как просто достичь этого и сколь малые затраты нужны для реализации этой беспрецедентной миссии доброй воли и дружбы? Таким образом, Америка вновь окажется верной своему высокому предназначению нести мир во всём мире и способствовать мировой эволюции.

Однако самые практические и насущные идеи могут обратиться своей противоположностью, если не провести их в жизнь и не облечь в конкретную форму. Отраднo сознавать, что идея взаимодействия между Азией и Америкой приложима к любой ситуации - будь то работа скромного коммивояжера, готового торговать на гибких основах товарного обмена, или грандиозный и ещё более практически значимый проект, благодаря которому радиостанции донесут до азиатских народов приветственное слово и религиозное наставление их самых уважаемых лидеров. И даже в самых затерянных уголках люди смогут воспользоваться плодами лучших достижений современного гения, пропуская их через призму собственного языка, собственного искусства, собственных представлений о прекрасном. Телевидение, кино, открытки, книги и железные птицы, или самолёты, помогут этому миллиарду сердец сделать следующий шаг по пути развития цивилизации и войти в неё достойно, в отчётливом сознании вечных истин. Все конкретные шаги следует разбить, как обычно, на две части - подготовку и исполнение. К первой части относится следующее:

1. Издание буклетов и открыток, которые помогут визуальными средствами укрепить дружественные взаимоотношения. Использование местных языков и традиционных символов способно усилить эффект воздействия этих посланий доброй воли. Не следует считать эти издания пустой тратой средств. Помимо просветительских целей, они будут служить объектами торговли и обмена.

2. Строительство в Азии новых дорог, или, вернее, воссоздание древних дорог, пригодных для всевозможных видов коммуникаций. Древние дороги, сегодня подчас забытые, были проложены в самых удачных местах.

3. Получение на местах, наиболее дипломатичным способом, официальных разрешений и необходимого религиозного благословения для прокладки коммуникационных магистралей и устройства радиостанций. Естественно,

первая радиопередача должна выйти на местном наречии и, в духе уважения, коснуться местных традиций. Если четыреста миллионов буддистов и ламаистов посредством этой новинки услышат учение Будды, их сердца будут впредь всегда открыты новым возможностям. Если их прекрасное древнее искусство и наука вновь обретут жизнь благодаря новым открытиям, даже самый холодный очаг разгорится пламенем. Возможность совершить этот необходимый и прекрасный шаг сейчас находится в руках Америки. При этом всё, совершаемое на Востоке и на благо Востока, найдёт практическое приложение на Западе. Взаимообогащение искусства и созидательной мысли ведёт к новому процветанию.

Выполнение этих трёх предварительных условий не должно помешать незамедлительному осуществлению главной программы. Должна быть организована экспедиция для проведения предварительных работ. Экспедицию необходимо снабдить материалами для торговли и обмена и укомплектовать квалифицированным персоналом - в её состав должны войти горный инженер, опытный продавец, специалист по киносъёмкам, который будет работать в сотрудничестве с археологом, а специалист по местным наречиям поможет создать дружелюбную и достойную атмосферу. Главным образом, достоинство в сочетании с доброй волей, понимаемой в самом широком смысле, создадут практическую почву для торговли и взаимовыгодного роста. Америка не должна упускать эти прекрасные возможности, которые могут обернуться враждой, если не воспользоваться ими без промедления. Вышеупомянутая экспедиция с лёгкостью покроет все свои расходы, если привезёт из Центральной Азии отснятые киноплёнки. Насколько мне известно, даже этой малости хватит, чтобы оправдать всё путешествие, ибо одна французская фирма, специализирующаяся в области подобных фильмов, предложила нам за них миллион франков. А сколько ещё можно было бы произвести равноценных фильмов о разных народах, если занести в свой актив результаты обмена и организации посреднических контор. Но даже этот предварительный шаг будет вполне оправдан.

Прямыми следствиями такой экспедиции будут следующие практические достижения: 1) Ретрансляционные радиостанции и, в перспективе, станции радиовещания, под создание которых можно будет продать бессчётное количество радиоприемников; 2) Воздушные транспортные пути; 3) Электрификация и все виды вспомогательного электрического оборудования; 4) Разнообразные медикаменты и медицинская помощь; 5) Автотранспортные средства и тракторы; 6) Разработка минералов и почвы; 7) Внедрение автоматизации в товарооборот; 8) Внедрение новых способов обмена во всех сферах сельского хозяйства, а также домашних принадлежностей, начиная с простейших продуктов потребления, мыла, парфюмерии, продуктов местной фармакопеи и всевозможных бытовых предметов; 9) Разведение разнообразных пород домашнего скота и молочное производство; 10) Организация научных сельскохозяйственных станций.

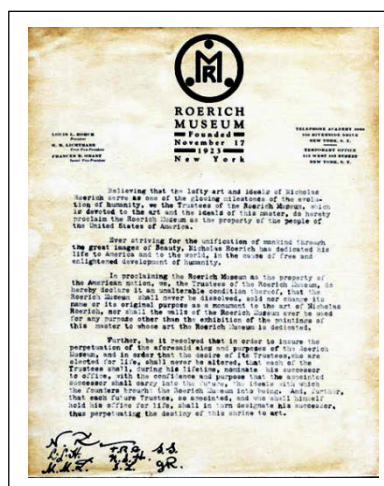
Так практически все отрасли хозяйства и все возможности приложения новых открытий будут задействованы наиболее рациональным и приближенным к жизни образом и, что немаловажно, просвещённым образом, поскольку, отвечая чаяниям новой эры, мы открываем врата истинного понимания прогресса, не нарушая старых традиций. Мы можем с лёгкостью приложить все эти прекрасные возможности и содействовать обновлению жизни. Мы можем

утверждать, что это не умозрительное прожектёрство, а проект, порождённый требованиями самой жизни. Внедряя лучшие плоды прогресса, развития торговли, научных достижений, мы открываем двери в новую просвещённую жизнь сотням миллионов человек. Не эксплуатировать их, а сделать подлинными сотрудниками и участниками грядущей новой эры - вот поистине достойная программа. Каждая жизнеутверждающая и прогрессивная мысль приносит практические плоды, и мы будем не мечтателями, а дальновидными практиками, когда скажем, что таким образом призываем наших друзей к практической и легко достижимой цели. "Ур" - это прекрасный рассвет, сотканный из конкретных возможностей.

В заключение вновь повторю прежнее предостережение: нельзя терять ни года, ни часа, приступая к реализации этого мирного и плодотворного проекта, направленного на разрешение столь многих насущных проблем.

Публикуется по изданию: Росов В.А. "Николай Рерих. Вестник Звенигорода. Великий План. Книга первая." (2002 г.)

24 июля 1929 г. Нью-Йорк
Музей Рериха

ДЕКЛАРАЦИЯ ПОПЕЧИТЕЛЕЙ НЬЮ-ЙОРКСКОГО МУЗЕЯ РЕРИХА

С верой в то, что высокое искусство и идеалы Николая Рериха являются одной из блистательных вех эволюции человечества, мы, Попечители Музея Рериха, посвящённого искусству и идеалам этого мастера, настоящим провозглашаем Музей Рериха собственностью народа Соединённых Штатов Америки.

Постоянно устремляясь к единению человечества через великие образы Красоты, Николай Рерих посвятил свою жизнь Америке и миру во имя свободного и просвещённого развития человечества.

Объявляя Музей Рериха собственностью американского народа, мы, Попечители Музея Рериха, настоящим заявляем неизменное условие, что Музей Рериха никогда не должен быть разобщён, продан, не должен изменять своё название или цель - служить памятником искусству Николая Рериха; а его стены никогда не должны быть использованы для других целей, кроме как

для экспозиции живописных работ этого мастера, искусству которого посвящён Музей Рериха.

В будущем, чтобы увековечить вышеизложенные цели и принципы Музея Рериха, и для того чтобы желание его пожизненно избранных Попечителей не было изменено, каждый из Попечителей должен в течение своей жизни назначить себе официального преемника, с той целью и с той уверенностью, чтобы назначенный преемник в будущем проводил в жизнь те идеалы, с которыми основатели Музея Рериха позаботились о его возникновении. И, в дальнейшем, чтобы каждый, таким образом назначенный Попечитель, который также будет исполнять свои обязанности пожизненно, в свою очередь определил себе преемника, увековечив, таким образом, судьбу этого храма искусства.

В случае, если непредвиденные обстоятельства помешают Попечителю назначить себе преемника, то настоящим мы решаем, что остальные Попечители большинством в две трети голосов выберут нового члена, который, с их точки зрения, будет продолжать традиции этого Учреждения.

Мы, Попечители Музея Рериха, настоящим приносим наш дар народу Америки с глубокой убеждённой уверенностью, что вдохновенное послание Рериха принесёт этой стране новую красоту и его призыв к новому братству людей, добавит славы настоящему и будущему Америки.

Для засвидетельствования этой Резолюции, Мы, Попечители Музея Рериха, ставим свою подпись и печать Музея Рериха.

Нью-Йорк, июля 24-го дня, 1929 г.

[подписи]: *Николай Рерих, Луис Хорш, Морис Лихтман, Франсис Грант, Нетти Хорш, Зина Лихтман, Софья Шафран, Юрий Рерих.*

**ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА ПОПЕЧИТЕЛЕЙ,
СОСТОЯВШЕГОСЯ 24-го июля в 4 часа вечера
по адресу 313 Вест 105-ая улица, Нью-Йорк.**

Попечители подписали это обращение и отказ от права получения уведомлений о заседании. Представлены были профессор Николай Рерих, доктор Юрий Рерих, мистер и миссис Хорши, мистер и миссис Лихтман, мисс Фрэнсис Грант, миссис С. Шафран.

На основании высказанных предложений, поддержанных надлежащим образом, было принято следующее решение:

Считая, что высокое искусство и идеалы Николая Рериха служат одним из сияющих указателей эволюции человечества, мы, попечители музея Рериха, который посвящён искусству и идеалам этого мастера, настоящим объявляем музей Рериха собственностью народа Соединённых Штатов Америки.

Всегда стремящийся к объединению человечества через величественные образы Прекрасного, Николай Рерих посвятил свою жизнь Америке и всему миру во имя свободного и духовного развития человечества.

Провозглашая музей Рериха собственностью американского народа, мы, попечители музея Рериха, настоящим объявляем неизменным условием, что Музей Рериха ни при каких обстоятельствах не должен прекращать свою дея-

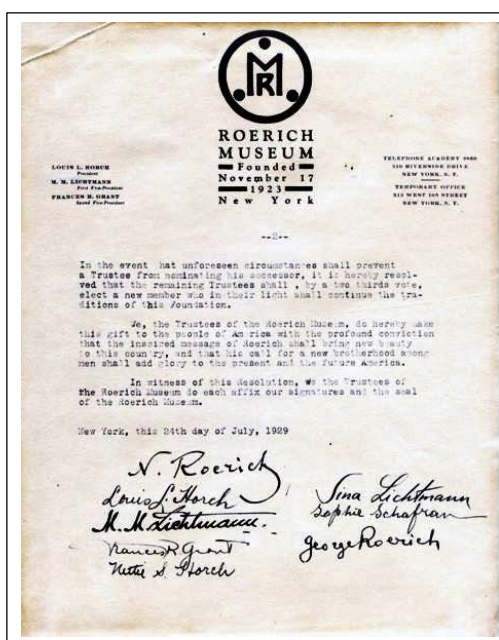
тельность; выставляться на продажу; не должен изменять своё название или свои первоначальные задачи, как учреждение, увековечивающее творчество Николая Рериха; стены Музея Рериха никогда не должны быть использованы ни для каких других целей, кроме как выставки картин этого мастера, творчеству которого Музей Рериха и посвящён.

Далее, по общему решению было принято, что в порядке обеспечить сохраняемость и неизменность вышеизложенных целей и задач Музея Рериха, и по желанию его попечителей, которые были избраны пожизненно, никогда не будет изменено условие, что каждый попечитель в течение своей жизни должен назначить своего преемника будучи уверенным, что назначенный преемник будет претворять в будущее идеалы, с которыми учредители осуществляли создание Музея Рериха. И, далее, каждый будущий попечитель, утверждённый таковым и который будет оставаться на этом посту всю его жизнь, в свою очередь должен будет назначить своего преемника, тем самым навсегда сохраняя судьбу этой святыни искусства в неизменном виде. В случае непредвиденных обстоятельств, которые будут препятствовать попечителю назначить своего преемника, принято решение, что оставшиеся попечители выберут двумя третями голосов нового члена, который в их свете будет продолжать традиции этого учреждения.

Мы, попечителя Музея Рериха, делаем этот дар народу Америки с глубоким убеждением, что духовное послание Рериха принесёт новую красоту этой стране, и что его зов к новому братству среди людей прибавит славы настоящему и будущему Америки.

В доказательство этого решения, мы, попечители музея Рериха, каждый ставим свою подпись и печать Музея Рериха.

Нью-Йорк, 24-го июля 1929 года.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (Перевод с английского языка)

24 июля 1929 г. Нью-Йорк.
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е. И.

Родная моя Мамочка!

Получили твои письма с вложенными копиями с писем из Манди. Мы были крайне удивлены. В случае, если будут необходимы наши действия отсюда, пожалуйста, дай нам знать.

Мы все в трудах и пытаемся проторить путь для всех осенних мероприятий. Папа очень много работает, но чувствует себя хорошо. Я просил мисс Фр[ансис] Грант послать Вам копии всех газетных вырезок. Некоторые очень забавны. Мы только что вернулись из Вудсхолла, где проводили время с семьёй Крейн. Вся семья очень дружелюбна. Г-жа Крейн выглядит хорошо, но должна лежать в постели – недавно она упала и ушибла ногу. Она посылает Вам большой привет. Джон женится на итальянской девушке. Видели полковника и г-жу Бейли и очень по-дружески беседовали с ними. Сегодня я собираюсь с ними ужинать. На будущей неделе они придут посмотреть папины картины, посвящённые Тибету.

Видел моего старого друга – Малькольма Вогана. Он крайне дружелюбен, и я вполне понимаю, в чём заключалась проблема. Он очень восхищается Папой.

Только что закончил три статьи для «Christian Science Monitor». Они платят по 40 долларов за каждую статью. Неплохо. Моя книга продвигается хорошо. Продолжаю переговоры с издателями. Издательство Оксфордского университета очень заинтересовалось, и скоро у меня состоится встреча с одним из редакторов.

Много времени потрачено на встречи с различными людьми, но все говорят, что это путь к успеху. Я вполне понимаю, что в этом есть доля правды, но я отвык от светской жизни. Через несколько дней мы снова поедem в Вашингтон, и я проведу несколько дней с Пеллом.

Наш дорогой Брат в Швейцарии со своими друзьями и доктором Георгием Шклявером.

Фикинс всё тянет с лекциями, и я не знаю, как обернётся дело в этом отношении. Ошибки были допущены в самом начале.

Насколько я помню, Натху было заплачено за кули в Кулу и в Патанкоте. В Бомбее он получил свою плату, билет и деньги на питание. Пожалуйста, попроси его представить подробный счёт на все его расходы.

Я рад, что о моих книгах так хорошо заботятся. Будь добра, попроси девочек смазать маслом мои столярные инструменты. Пожалуйста, напиши мне о твоей жизни и о делах в Hall Estate. Как там с урожаем фруктов? Наблюдает ли Вольдемар за работами в имении? Вам нужны семена? Как там жара и дожди? Меня очень заинтересовала история кап[итана] Банона насчёт садху. С большой любовью и пожеланиями всем Вам,

Твой сын

Юрий Рерих

Архив Музея Рерихов, Москва.

30 июля 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

30.VII. 29. Сегодня разразилась бомба. [Пришла] телеграмма из Кулу, извещающая, что правительство не позволяет им купить землю и хотят вернуть уже уплаченные ими деньги. Это самое серьёзное, что можно было ожидать. Н.К., Юрий, Франсис, Луис немедленно поехали в Вашингтон на встречу с сенатором Джонсоном и пойдут к английскому послу. <...> Конечно, Н.К. внутренне очень обеспокоен, боясь за здоровье Е.И., но всё же проявил изумительную силу и мудрость, и, конечно, победит. Увидим, какие новости будут завтра. <...>

31 июля 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

30.VII.29. <...> Вечером приехали из Вашингтона Н.К., Логван и Франсис. Говорят, что всё прошло успешно – сенатор Джонсон свёл их с мистером Каслом из Госдепартамента, <...> и он обещал послать телеграмму американскому консулу в Калькутту <...>, почему Н.К. не дают право на землю, уже им приобретённую.

С.Н. Рерих. Здание Музея Рериха в Нью-Йорке. 1929.

АВГУСТ

[Начало августа 1929 г.]

Письмо Е.И. Рерих к Рериху Ю.Н.

Родной мой Юханчик, сейчас вспомнили, что письмо это придёт к твоему дню². Поздравляю тебя, мой славный воин, и шлю тебе всю любовь и ласку мою. Грядущий год полон удач – все тучи скоро рассеются, потому бодро будем устремляться в сужденное будущее. Ничто не может изменить предначертанного Светилами. Спасибо Пасику и тебе за Ваши заботы, но больше не посылайте. Такая радость была получить «Историю искусств» Бенуа, но «Старые годы» ещё не пришли. Береги нашего драгоценного папочку. Тамдинг уже собирает цветы на твоё рождение – он недурной мальчик.

Будьте спокойны. Великое Ручательство с нами. Да хранит Вас Преподобный Сергей.

Сердцем с Вами, любимые мои.

Масик

Архив Музея Рерихов, Москва.

1 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

1.VIII.29. Н.К. сегодня утром говорил о том, что, если Штраусс опять скажет, как вчера мне, что рассылаем слишком много приглашений, ответить, что это наше самое маленькое и нормальное дело и каждая галерея высылает 15 000 приглашений на каждую выставку. Затем прямо предложить ему, чтобы он через своих людей, на коммиссионных началах, продавал у нас классы, комнаты, стулья - именные в помещениях. Посмотрим, сделает ли он что-либо. Рассылаем письма - Н.К. настоял, чтоб сегодня ушло письмо королю Георгу и Макдональду. Н.К. говорил, что он себя чувствует "depaysee" - не на твёрдой почве. Днём мы с Франсис помогли вместе с Н.К. вкладывать приглашения в конверты. Вспомнили, как мы это делали вместе с ним и Е.И. ещё на 54-ой улице. <...>

Н.К. сегодня весь светился, хотя и говорил, что у него не особенно приятное чувство. <...>

2 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

2.VIII.29 Получили телеграмму от Е.И. На предложение им заплатить сполна за землю правительство ещё не дало ответа. Н.К. говорит, что вчера вечером, когда он сидел на постели, ему на руку упала капля большая - как слеза. Это пот Учителя - знак, уже данный раньше Н.К. и Е.И. Затем Н.К. предложил пересмотреть бюджеты и сократить все возможные статьи расходов. Днём все работали, были в Доме, смотрели свет в Музее - Н.К. очень огорчён: радиаторы занимают так много места на стене, что придётся их закрыть, иначе картины погибнут. <...>

Вечером поговорили и распределили статьи бюджетов, решили очень серьёзно поговорить со Штрауссом. <...>

²Ю.Н. Рерих – День рождения 16 (3 ст./ст.) августа 1902 г., Окуловка, Новгородская губерния)

3-4 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

3 и 4.VIII.29. Я и Юрий были у Пальмеров. Мы чувствуем, они смогут быть очень полезными в будущем. Они были очень милы к нам. <...>

5 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

5.VIII.29. <...> Н.К. упразднил стипендии, заменив их Фондом средств на образование. Причём помощь идёт лично через учителя, а не Школу. Учитель рекомендует и выбирает достойных помощи, но не жюри и экзамены - всё это упразднить, ибо люди делаются паразитами, а потом врагами, и это пахнет благотворительностью. <...>

5 августа 1929 г. Дарджилинг, Кулу.

Письмо Е.И. Рерих к Рериху Н.К. и американским сотрудникам

5.08.1929

Родной мой, любимый Пасик и Вы все, мои родные, не сетуйте, что редко пишу, но из-за желанья как можно лучше вооружить вас на будущее приходится мне столько писать, что не имею времени даже на чтение буддистских книг, которые мне нужны для пополнения «Основ Буддизма».

Духовно чувствую себя как никогда – полная вера до конца при напряжении всех сил принята всем существом.

Дни наши наполнены радостью. Книга «Беспредельность» - сколько духовного подъёма даёт она нам! Всем духом вливаюсь в эту красоту космического огненного творчества Беспредельности, в этот несущийся огненный призыв к Бытию, к созиданию, к вечному беспредельному исканию! Всё пространство, каждый атом становится звучащим, и как чувствую эти несметные раздирающие и ликующие призывы! Хотелось бы выразить эти призывы в грандиозной симфонии объединённых оркестров и назвать её «Зовы Пространства». Но нужен для неё новый и ещё более мощный Скрябин. А пока изредка по ночам упражняюсь на токах сфер, чтоб наутро лишь слабо вспоминать.

Сейчас ещё ярче вижу всё искажение Великого Учения Благословенного. Устрашающая Танкха, или стимул бытия, причиняющий столько хлопот современным изуверам, встаёт передо мною как величайший космический принцип, как величайшее Космическое Таинство! И Благословенный, этот огненный дух, неустанно указывающий на вечно мчащийся поток наших жизней, этим самым утверждал космичность и, следовательно, беспредельность того, что так стремятся уничтожить в себе его последователи! Огненный Дух мог лишь уничтожать малые границы, расширяя их в Беспредельность, и Нирвана есть те Врата, которые вводят нас в ритм высшего, огненного, вечно расширяющегося потока Бытия беспредельного! Истинно, благословенна жажда бытия, указующая нам путь в Беспредельность!

Что сделали из этого величайшего, наипризывнейшего, наирадостнейшего Учения нищие сердцем и мыслью! Учение Будды – это один раздирающий призыв к осознанию Единого, великого творчества Бытия Беспредельного!

Что скажут на такой гимн стимулу к бытию?

Пасик, мой любимый, и Вы, мои родные, хочется мне и Вам сказать, как прекрасна жизнь в осознании Беспредельности, и наше высшее счастье – в приближении к гармонии вечного космического сотрудничества.

Пасик мой, не беспокойся за меня. Меня так оберегают, а каждая боль есть приближение к новым возможностям. Благословляю эти боли!

Радует меня Светик, стремится в Америку и к нам. Жду с величайшим нетерпением Ваших писем. Знаем всю точность и правильность твоих действий. Вся Мощь с тобою! И в радости посылаю тебе все лучшие мысли. Всю теплоту сердца. Родной мой, береги лишь здоровье. Юханчика тоже прошу следить за собою. Все его заветы о книгах, ружьях, лошадях и собаках исполняются добросовестно. Девочки тронуты присылкою книг.

<...>

Пасик и Вы все, мои родные, шлю Вам мою ласку и любовь. Сердце моё полно Вами.

<...>

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

5 августа 1929 г. Нью-Йорк

Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

Родная моя Мамочка!

Из наших телеграмм ты уже знаешь, что мы делаем всё возможное, чтобы преодолеть эту трудность. Государственный Департамент обещал помощь, и мы надеемся вскоре что-нибудь от них услышать. Я уверен в окончательном успехе. Провёл четыре дня в Вашингтоне с Робертом Пеллом, преданным другом. Завязал несколько важных контактов. Журнал «National Geographic» предложил мне написать статью за гонорар в 500 долларов. Неплохо. Также они заинтересованы в лекции, которую надо прочесть осенью. Лекционный тур хорошо вырисовывается, и, похоже, я буду очень занят. Издательство Оксфордского университета, возможно, возьмётся за издание моей книги. Делаю всё возможное, чтобы закончить рукопись к концу этого месяца. К сожалению, мне очень часто приходится быть в разъездах, с кем-то встречаться и устанавливать связи для Учреждений и для меня самого. Я, возможно, буду регулярно писать статьи для журналов и газет. Это может принести неплохой доход. У меня есть знаки, что наступающая зима будет очень успешной. Мне очень везёт с друзьями, которые все горят желанием помочь и делают всё, что могут, чтобы установить полезные связи.

15 августа Учреждения начнут переезжать в М[астер]-И[нститут]. 1 августа мы осветили верхушку здания; ночью оно выглядит очень внушительно – огромная тёмная масса со светящейся короной. Мы были так счастливы получить твои чудесные моментальные снимки. Пожалуйста, пошли нам ещё несколько фотографий всех Вас.

Ты получила «Жизнь Будды» Ашвагоши и все остальные книги? Я послал несколько легких книг для девочек. Пожалуйста, спроси Вольдемара, по какой причине он молчит. Я написал ему письмо из Парижа и из Нью-Йорка, но до сих пор не получил ответа. Получила ли О[яна] моё письмо? Я написал капитану Банону, надеюсь, он всё тот же дружелюбный человек. Получили письма от Брата. Он приедет в начале сентября. Он сейчас с Жоржем и его друзьями в

Швейцарии. Я не тороплю его с возвращением, поскольку знаю, что горный климат пойдёт ему только на пользу.

Папа очень занят, но хорошо держится, а мы все видим, что ему не стоило бы засиживаться допоздна. Дела заканчиваются около одиннадцати вечера. Ориола чувствует себя намного лучше. Она излишне возбудимая, и ей необходима спокойная обстановка. Я не видел детей довольно давно, поскольку завален работой.

Истман занимается полками для Тибетской библиотеки, и надеюсь, что нам удастся сделать их хорошо. У тебя, возможно, очень беспокойное время, и мы себя чувствуем очень плохо, но нечто подобное должно было случиться. Как там г-н Фильбус? Я помню, как он говорил, что препятствий со стороны закона не было. Если необходимо, мы предпримем сильные шаги. Надеюсь, что всё случившееся не повлияло на твоё сердце. Мне жаль, что тебе придется переживать такие трудности.

Пожалуйста, напиши мне о всех твоих нуждах. Тебе нужны свежие семена для огорода? Книги о буддизме? Учебники для девочек? Лекарства? Зимние вещи? Я буду только рад позаботиться о всех твоих потребностях.

Как монсун? Становится ли в Кулу прохладней? Жара в Нью-Йорке всё такая же. В Вашингтоне было 102,4 по Фаренгейту.

Мы видели полковника Ф.М. Бейли и его жену. Папа подарил им картину. Они отплывают на «Беренгарии» 7 августа.

Пожалуйста, передай привет от меня всем в Hall Estate. С большой любовью и преданностью ко всем Вам,

Твой сын

Юрий Перих

Архив Музея Перихов, Москва.

6 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

6.VIII.29. Н.К. говорит, что мы не знаем, кто и где виноват в Доме, - например, если что скажешь про неправильность, отвечают: "Мистер Хорш это одобрил". Значит, выходит, что говоришь против своих же людей. Бесспорно, архитекторы предъявят свой лист обид и жалоб. Бесспорно, Логв[ан] делал многое сам, а говорить теперь поздно и нельзя. <...>

Мы все были днём в Доме. Н.К. увидел, что Школа далеко не готова и мы не можем [туда] выбраться. <...> С Истманом по картинам Н.К. выбрали рисунки для витражей в Доме и Музее и также для занавеса театра. Днём был Штраусс, был отвратителен, сказал, что никого не приведёт, и мы должны сами находить людей, а также нанять организатора, чтоб он устраивал комитеты. Он ужасен. Н.К. недоумевает, что, где и кем испорчено между ним и нами и в чём он вообще будет полезен. <...>

Трудное время, и трудно здесь Н.К.! Сегодня мне сдавило горло до слёз, когда мама сказала, что Е.И. больно за Фуяму, ибо ему тяжело здесь.

7 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

7.VIII.29.

Н.К., видимо, очень ценит Вогана, тот говорил Юрию, что Н.К. считается предтечей приходящего теперь на Землю Спасителя, и его можно было бы и объявить сейчас повсюду таковым, но это вызвало бы слишком разнообразную литературу. Затем он хочет писать статью в "Tribune" о Н.К. и его славе и огромном значении в Европе до Америки, чтобы показать, что не Америка его сделала. Просил дать ему ряд русских цитат - одним словом, предан Н.К. Он, вероятно, напишет книгу о Н.К., но об этом лучше молчать, пока Франсис напишет свою. Н.К. сегодня утром уехал в Elboran к миссис Букман на день, Нуця и я проводили его на поезд.

8 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

8.VIII.29. <...> Н.К. сегодня говорил, что у Букман вчера ничего особенного не было, кроме неприятного доктора Метснера <...> и доктора Бринтона, который хотел нам служить за 30 \$ и саркастически говорил о миссис Аттватер: "Посмотрим, что великого она совершит!" Н.К. находит его опасным. Н.К. ничего нам не говорил и не показывал писем Енточки и Е.И. - последних, полученных вчера. <...>

Днём поехали к Миндлину смотреть наши фильмы. Фильм "Кулу" очень хорош - можно что-нибудь сделать. <...> Пришли Потоцкая, кузина Е.И. и племянница навестить Н.К. и уехали с ним обедать. <...>

По приходе Н.К. обсуждали приглашения к 17-му октября. Флаги Музея и Дома, общую вывеску для всех Учреждений, приглашения, общие бланки, объединяющие все Учреждения под Знаком Музея со всеми Почётными советниками, много чудных идей дал Н.К. Но напряжение, как он сам сегодня сказал, всё ещё продолжается. Пришло очень глупое, безграмотное письмо от Гувера, без малейшего знака благодарности за картину, и очень хорошее письмо из Госдепартамента. <...>

9 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

9.VIII.29. Н.К. говорил, что не видит, как он вообще сможет уехать отсюда. Всё приняло настолько большие размеры, что те, кто не могут вместить, должны будут барахтаться, биться о камни, но всё же будут унесены общим потоком. Как было с Боткиным - он шёл против, был врагом, но всё же должен был хоть и против своей воли, но плыть вместе со всеми. Затем Н.К. просит не повторять попугайской формулы: "А я это говорила!", "А я это знал или знала!" Это лишь возбуждает раздражение. Затем Н.К. говорил, что, безусловно, есть и будет неприятно, что мать Франсис будет жить в Доме. Но если заходит бесконечный разговор о ней или других неприятных вещах, лучше переменить разговор, выглянуть в окно, сказать, что где-то пожар, наконец, разбить стакан, но не продолжать вместе со всеми вредный для мыслей и развития сознания разговор.

Днём работали, вечером были все на ужине у Нетти, пришли миссис Уайтсайд и доктор Стоддарт, последний замечательный медиум. Н.К. дал ему

поддержать монетку. Он почувствовал сильные вибрации, увидел пещеру, вероятно, в Индии, в ней трон, на нём высокое лицо, ритуал. Затем мы все подали ему по одному вопросу на бумажке. Он с завязанными глазами щупал каждую и отвечал изумительно на все вопросы. На мой вопрос: кто даст деньги на станцию “Урусвати” - увидел женщину тёмной кожи, гладко зачёсанные волосы, глубокие глаза и сказал, что помощь придёт между третьим и серединой октября. Он очень милый и культурный человек. Они оба рассказывали много интересного.

Н.К. дал мне прочесть последнее письмо Е.И. В нём она очень хвалит Ояну, называет её истинным сокровищем, говорит, какие у них чудные беседы, и сбоку приписывает: “Жалею, что не удалось иметь такие же часы с Радночкой” - что могу сказать! Вспоминаю, как Франсис сторожила нас на каждом повороте, была всегда вместе, не дала поговорить спокойно, не говоря о её враждебности ко мне и отравлении времени, которое могло бы быть самым незабвенным и священным! Но, очевидно, так было надо, и я должна была пройти через это испытание. Лишь бы вырасти сознанием и не жить малыми мыслями!

10 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

10.VIII.29. <...> Сегодня с утра достигаю сознанием мыслей Н.К. и чувствую себя прямо на крыльях. Он при Франсис мне и Нуце начал говорить о понятии Учителя, Иерархии, что Индия лишь этим и держится - пониманием Учителства. Иначе бы давно распалась. И что в северных странах это понятие так высоко стоит - [в] Финляндии, Германии, Швеции. Конечно, это было [сказано] для нас всех, а в особенности для Франсис и понимания поручения, данного ей Н.К. <...> Затем я опять говорила с Н.К. о квартирах. <...> Я сказала, что мы должны иметь две комнаты на случай приезда Мастера, как я это понимаю, как это было Сказано давно, при постройке Дома. Это нужно нам как наше Святилище, должно это быть не в доме Порумы, а изолированно от всех помещений, ибо там мы говорим с Мастером. Н.К. это очень понравилось, и он сказал, чтоб я подняла этот вопрос вечером, а он меня поддержит. Затем Н.К. чувствует, что Учреждения Кор[она] М[унди] и М[астер] И[нститут] должны иметь с ним контракт, датированный 23-им годом, по которому все картины поступают в Музей с правом их покупки от Музея. Это крайне важно закрепить, я это чувствую. У меня удивительно радостное чувство, и Н.К. сказал, что мыслью о Святилище показывается рост духа и сознания. <...>

Вечером имели чудную Беседу, я предложила идею о Святилище, Н.К. поддержал, и решили устроить её на 28-ом этаже, украсив священными предметами и посвятив Учителю. Все радовались этому, кроме Франсис, которая в отвратительном настроении, куксится на всех, огрызается, и Н.К. на неё смотрит и улыбается мне, что она, мол, сердится. Жаль её и смешно вместе с тем. Истинный урок, как не надо поступать, глядя на неё. Н.К. послал телеграмму, приглашая капитана Беннона на неполную рабочую неделю, оклад 150 рупий в месяц, как консультанта для научной станции. У него было чувство сделать это сейчас же, показав англичанам, что он со своим планом по-прежнему идёт вперёд.

11 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

11.VIII.29. Важные постановления Н.К.: Ориола и Флавиус официально установлены директорами пожизненно, у нас тринадцать директоров, каждый имеет право на две комнаты, итого двадцать шесть комнат. Это должно быть в протоколе, и каждый директор получает об этом бумагу. Кроме того, сегодня был составлен документ о контракте между Н.К. и Учреждениями в 1923-ем году о том, что он предоставляет право на покупку своих картин исключительно нам для Музея. Это очень важно, ибо мы должны стараться закрепить картины для Музея за нами. <...>

Затем был Морей, предлагает устроить у нас в Музее концерты симфонического оркестра с его трансляцией. Пусть ищет людей и возможности для этого - мы берём его спокойно, может, и не так скоро выйдет, и даже не он сможет это устроить, но дать ему возможность, ибо он таким путем говорит о нас.

Днём пошли все на 28-ой этаж обсуждать устройство Святилища - превосходное место. Смотрели квартиры в Доме, некоторые ужасно выкрашены! Вечером смотрели фильмы экспедиции, потом была Беседа. Н.К. опять говорил, что мы в океанских волнах и должны идти этим размахом. Мы успешны и не можем просить благотворительности, нам её не нужно. Затем, когда 17-го октября все всем будет показано, мы сможем начать нашу кампанию на все публичные возможности в Учреждениях, продажу стульев, комнат и так далее. Иначе нам не пройти. Логв[ан] и особенно Порума опять не откликаются полностью на идеи Н.К. Что-то есть скрытое!

12 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

12.VIII.29. Утром Н.К. комментировал вчерашний разговор вечером с Логв[аном], когда тот ему при нас сказал, что он разочарован, что работа не делается и что у нас осталось мало времени. <...> Выходит, что мы прямо желаем денег как таковых, а лично работать для этого не желаем. Н.К. очень огорчён. Говорит, что абсолютно не видит возможности ему уехать.

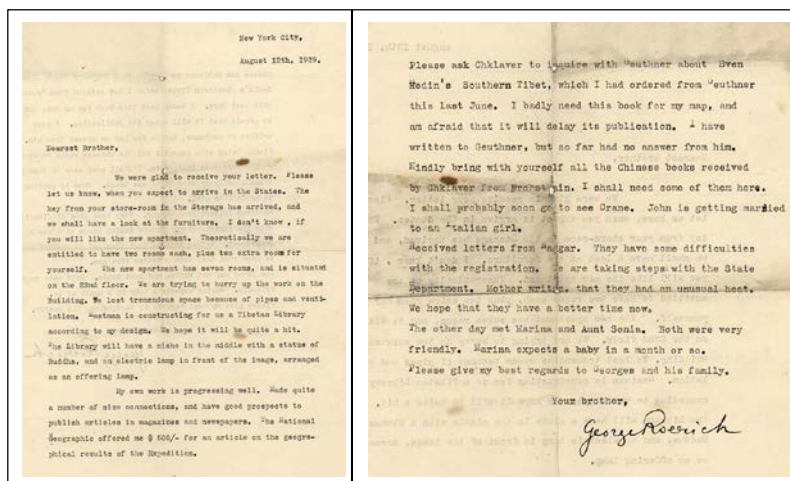
Писали письмо от имени Логв[ана] к Н.К., официально извещающее его об избрании Почётным президентом и Председателем совета. Иначе, как Н.К. говорит, его вообще не существует в Учреждениях, ни как президента, ни как попечителя.

Днём Н.К. видел мать Франсис, говорит, что она совсем ничего, только очень запущена. Что ей, в крайнем случае, можно и работу дать на дом, пересмотреть листы, сравнить. <...> Порума пошла с нами в Музей и опять нудела про стулья. Н.К. на это ей указал под лестницей, около лифта Музея, в комнатке [на]против библиотеки, места - всё для стульев. Но уже довёл до абсурда. Чтоб построить стены, истратить капитал и найти место для стульев. А картины куда угодно развесить, разложить, но главное - стулья. Как Н.К. говорит: предметы искусства, картины Музея в особенности ненавидимы Порумой. <...>

Вечером Н.К. предлагал цвет для флага Музея, заказать печати, [организовать выступление] оркестра на площадке Музея после открытия 17-го октября, чтоб многие пришли в национальных костюмах из International House.

Сегодня я нашла у себя негативы после того, что Юрий заставлял Франсис найти их, говоря, что он дал их ей в Дарджилинге.

12 августа 1929 г. Нью-Йорк
Письмо Ю.Н. Периха к Периху С.Н.

Нью Йорк / Август 12-е, 1929.

Дорогой брат.

Мы были рады получить твоё письмо. Пожалуйста, сообщи нам, когда ты планируешь прибыть в Штаты. Ключ от твоей кладовой в хранилище прибыл, и мы должны взглянуть на мебель. Не знаю, понравится ли тебе новая квартира. Теоретически мы имеем право на две комнаты каждый, плюс две дополнительные комнаты для тебя. Новая квартира состоит из семи комнат и расположена на 22 этаже. Мы стараемся ускорить работы по Дому. Потеряно огромное пространство из-за труб и вентиляции. Истман строит для нас Тибетскую библиотеку по моему проекту. Надеемся, это будет настоящее достижение. Библиотека будет иметь нишу посередине со статуей Будды, а также электрический светильник перед изображением, установленный в виде жертвенного огня.

Моя собственная работа продвигается хорошо, налажено немало хороших связей, есть хорошие перспективы для публикации статей в журналах и газетах. «The National Geographic» предложил мне \$ 500 - за статью о географических результатах экспедиции.

Пожалуйста, попроси Шклявера справиться у Гетнера о Южном Тибете Свена Гедина, который я заказал у Гетнера в июне этого года. Мне очень нужна эта книга для моей карты, и боюсь, что она задержит её публикацию. Я написал Гетнеру, но до сих пор нет ответа от него, прошу привезти с собой все китайские книги, полученные Шклявером от Бронштейна. Некоторые из них мне понадобятся здесь. Вероятно, скоро я увижу Крэйна. Джон женится на итальянке.

Получил письма из Наггара. У них есть некоторые сложности с регистрацией. Мы предпринимаем шаги с государственным департаментом. Мама пишет, что у них была необычайная жара. Надеемся, что сейчас у них наступили лучшие времена. На днях познакомился с Мариной и тётёй Соней. Обе были очень дружелюбны. Карина ждёт ребенка через месяц или около того. Пожалуйста, передай мои наилучшие пожелания Георгию и его семье. Я написал Гетнеру, но до сих пор нет ответа от него, прошу привезти с собой все китайские книги, полученные Шклявером от Бронштейна. Некоторые из них мне

понадобятся здесь. Вероятно, скоро я увижу Крэйна. Джон женится на итальянке.

Твой брат,

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке (перевод с английского)

«Истман строит для нас Тибетскую библиотеку по моему проекту...»

Н.К. Рерих в Тибетской библиотеке. 1929.

13 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

13.VIII.29. <...>Удивительно благородно Н.К. ограждает каждого из нас от огорчений и неприятностей. Говорил о Логване, что он широк по замыслу, и вчера сказал, что, если бы он был богатым человеком, он бы продолжил Музей на весь этаж Школы, а её передвинул бы на следующий этаж. Конечно, Порума его всё время задерживает. Затем Н.К. говорил о стипендиях, давать из Фонда средств на образование на пробу - один месяц или больше в зависимости от успехов ученика, а не на год. И судить об этом может только сам учитель. И не проводить экзамен на стипендию, а прямо извещать в каталоге Школы, без особой паблисити, жюри. <...>

Затем я присутствовала при свидании Бурлюка с Н.К. Тот принёс набросок своей книги о Н.К. - очень неплохо. А затем Н.К. показывал ему картины - в его грубом теле сидит очень чуткая душа. Он назвал картины Н.К. аккумулятором внутренних ощущений и сказал, что они заряжают зрителя электрической энергией! Редко кто это говорил до сих пор! Совсем недурной человек. <...> Светлые, неповторимые минуты с Н.К.! Терпим до необычайного, но также и доведёт до абсурда там, где люди тупо упираются в точку. <...>

14 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

14.VIII.29. <...> Утром была выдача дипломов, памятных знаков лучшим художникам Школы. Франсис прекрасно говорила, Корбет был очень неприятен и плохо говорил.

Днём выбирали цвет Музейного флага, что очень трудно, ибо Н.К. решил, чтоб он был из фуксина* со светло-голубым. Смотрели образцы очень интересных открыток для наших будущих рождественских открыток. Вейкерт, Альберт Котс, миссис Мигель приняли [звание] Почётного советника Музея Рериха.

Днём Н.К. и мы беседовали, что нужно добиваться гражданства, ибо этот самый важный вопрос будто бы остановился. Решили на будущей неделе устроить свидание в Вашингтоне с министром труда Дэвисом. <...>

14 августа 1929 г. Нью-Йорк.

Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

14 августа 1929 г. Нью-Йорк

Родная моя Мамочка!

На этой неделе мы не получали писем ни от тебя, ни от Эстер. Получил книгу о Кундалини Йоге, за которую очень благодарен. Я всё время думаю о возможности плодотворного исследования в этом направлении. Я занят организацией наших научных планов на будущее и уже установил несколько важных связей. Похоже, что у нас будет достаточный успех. Не люблю говорить о чём-либо, пока это не приняло определённой формы, но будущие возможности выглядят многообещающими.

Здание близится к завершению, и 65% его уже сдано. Тибетская библиотека для Канджура и Танджура будет готова через несколько дней, завтра мы начинаем её красить. Истман делает работу под моим руководством.

Государственный Департамент известил нас, что они попросили Генерального консула Соединённых Штатов сделать официальный запрос о причинах отказа в разрешении. Также мы обратились к Британскому посольству, и они обещали навести справки и сообщить нам. Мы получили очень дружественное письмо от г-на Фрейзера, и Папа написал ему о трудностях с регистрацией.

Папа хорошо выглядит и нашёл значительное число новых сотрудников.

Воган сказал мне, что многие люди осознают значение папиной работы. Теперь Музей – государственное учреждение и заметный памятник в Нью-Йорке.

Надеюсь закончить рукопись моей книги об экспедиции к концу будущей недели. Я мог бы сделать это намного быстрее, но всегда появляется ещё какая-то работа.

Пожалуйста, напиши нам о твоём здоровье и жизни. Как там жара? Урожай успешный? Вольдемар написал мне о лошадях и собаках. Я рад услышать, что Баракмар оказался удачным [приобретением]. Надеюсь, медведи и леопарды не беспокоят Вас больше. Пожалуйста, напиши мне о твоих нуждах, и я буду очень рад сделать всё возможное. Ты получила «Бодхичарьяватару» Ашвагоши, которую я послал тебе совсем недавно? Очень рад, что Людмила и

Рая хорошо заботятся о моих книгах. Я до сих пор не могу найти здесь мои книги. Все говорят, что они на складе. Надеюсь получить их обратно через пару недель и пошлю тебе «Астрономию» Игнатьева и несколько моих старых учебников для девочек.

Прилагаю единственный портрет друга работы Брата Светика. Ты, конечно же, оценишь его. Он несколько не изменился. Надеемся, что Светик скоро будет с нами. Он очень старается обустроиться.

Со всей любовью и преданностью ко всем Вам,

Твой сын

Юрий Р.

P.S. Получила ли Эстер моё письмо?

Негативы наших фотографий вчера, наконец, нашлись, после почти шести недель поисков. Винить некого, кроме «папок».

Архив Музея Рерихов, Москва.

15 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

15.VIII.29. Н.К. - воплощение доброты и радости за других. Сегодня утром он так радовался, когда я ему показала готовые статьи для отсылки Бурлюку и Тарухану - "Рерих в музыке". Затем мы пошли [смотреть] на здание, и ему было больно видеть, как много внимания архитекторы положили на ресторан, где соблюдена симметрия, потолок правилен, а на Музей никто внимания не обращал, торчат неровные колонны, никакой симметрии - обидно было за Н.К. И чайная комната внизу отличная, и хранилище Корона Мунди больше, чем нужно, а Музей самый убогий в смысле построения и планировки.

Затем Н.К. дал ряд указаний Истману для Тибетской библиотеки, вошёл во все детали, выбрал рисунки - жёлтый фон, а также алый - будет замечательная комната. Днём я была у Райкера в "Musical America", он принял статью "Roerich in Music" ["Рерих в музыке"], пришла и рассказала Н.К. Он был очень рад, советовал мне рассказать Поруме, что у меня, мол, было интервью с ним, и Логвану сам рассказал. <...> Он ласков, добр, во всё входит, готов всем помочь, даже карточки с Порумой читает для отсылки к 17-му октября, чтобы и она была довольна. Со мной трогательно ласков, подшучивает, одобряет, даёт советы, как самой все делать, чтоб другие и не знали, а дело бы двигалось вперёд, что есть самое главное. Дивный, светлый учитель - Махатма с нами!

16 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

16.VIII.29. Утром беседовали о том, что Франсис не может быть в таком скверном состоянии, как она сейчас. Н.К. говорит, что Учитель ей дал огромное дело, увеличил жалованье, помог в семейных делах, а она ходит, внося дисгармонию в дела. Это надо убрать, ибо, если придёт кто-либо, кого мы пожелаем приблизить, а у неё будет такое вредное настроение - это будет вредно для дел.

Затем мы пошли с Н.К. в Дом - смотрели наши квартиры. Н.К. должен будет взять передние комнаты Светика, а ему отдать свои, ибо у него плохой свет - не северный - для писания картин. Затем Н.К. поехал к Дабо смотреть

его картины - тот был очень тронут и подарил Н.К. свою картину. Он очень нравится Н.К.

После ланча я поехала с Юрием, Н.К. и Нуцей в магазины искать большого Будду для Тибетской библиотеки. Н.К. шутил, говоря о Доме, что теперь лифты ещё не действуют, а когда жильцы будут жить, то скажут, что они уже не действуют. <...>

Сегодня Юрий именинник, решили вечером идти в театр. Записали сегодня двух учеников и так радовались, что Н.К. сказал, видно, у нас это большая редкость - записывать новых учеников. Был Бурлюк, Н.К. очень хочет получить для прочтения его манускрипт, ибо может написать на руку большевикам - ему-то что!

Вечером беседовали с Учителем - Учитель всех хвалил, повторено пять раз: "Доволен". Н.К. говорит, что это неспроста, мы должны готовиться к боевым действиям - какие-то события произойдут, и Учитель нас готовит. Видели фильм "Four Feathers" - английское обожание и пропаганда войны. Они ведут в Америке изумительную пропаганду, работая в массах через романы, пьесы, фильмы. Это нам очень ценно знать. "Journey's End", "Black Watch" и этот - все о храбрости и славе англичан. Н.К. очень это отмечает.

17 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

17.VIII.29. <...> Н.К. утром говорил о том, что нам нужен оборотный капитал в 25 000 \$, и подал идею, чтобы Логван одолжил эти деньги в том банке, где когда-то он одолжил 25 000 \$ для "Ур", и на три месяца до декабря все наши дела смогут существовать, пока Дом и дела не начнут получать доходы. Ибо мы решили, что излишек дохода по Дому покроет эти 25 000 \$ для Учреждений. Чудесная идея!

Вчера был разговор о машинках, нет денег купить новую, и Н.К. был недоволен, ибо у нас дела огромные, а приходится говорить о малых вещах. Значит, теперь нужен оборотный капитал. В понедельник решили звонить в Вашингтон и пригласить нью-йоркского сенатора быть председателем программы мероприятий 17 октября. <...>

Были Таня и Тарухан. Он строит отель, будет иметь аэропорт у себя. Мы едем его навестить в эту пятницу. <...> Вечером говорили о том, чтобы собирать наших ближайших учеников и беседовать с ними два раза в месяц об Учении, Н.К., его идеях и искусстве. Называть эти беседы "Talks on Art" ["Беседы об искусстве"]. Оказалось, что Бурлюк распространил слухи о посылке экспедиции Рериха Ленинградской академией наук. Значит, с ним надо быть настороже.

Говорили о родных, Н.К. с юмором говорил о своей сестре, что она уникальна, что её никогда в семье не портили, ибо она уже родилась кристаллизованной, хотя и была единственной и старшей дочерью. Между ней и Н.К. десять лет разницы. Их семья состояла из восемнадцати человек, а осталось лишь четверо.

Опять Н.К. говорил, что надвигается что-то большое. События идут серьёзные. <...> Н.К. устало выглядит — ему нелегко. Атмосфера вокруг тяжела, да и мы нележки.

19 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

19.VIII.29. Очень тяжёлый день. С утра Н.К. себя чувствовал плохо, уши будто заложило ватой и всё внутри дрожало. Принимал мускус, пил валериан, но, видимо, страдал. Говорил о том, что все должны плыть вместе, в одном потоке, немыслимы плохие настроения, недовольные лица. Говорил, что нам нужны новые люди, и мы должны искать их, привлекать их, дать им свободу, и не ожидать как от рабов, немедленной работы.

Как, например, Логв[ан] говорил, что миссис Аттватер уже в сентябре сможет продать массу картин. Ведь так думать - это абсурд и опасно[сть] для дел. Или, говоря о Енточке, сказал, что ей надо научиться понимать, что дружба очень хороша, но хвалить людей во что бы то ни стало, вредно и для них, и для себя, и для дел. Хозяева ушли из дел, остались лишь общие работники. Надо избежать чувства приживальства - это очень вредно. Например, человек скажет, что на дворе солнце, когда льёт дождь, кто-то, желая ему сделать приятное, поддакнет. Тот выйдет на дождь, хорошо промокнет и будет ругать своего же льстивого друга, зачем тот не доказал ему, что на дворе дождь. Если у Порумы духовный порыв, надо об этом знать, обойти это, но не хвалить её за это! Видно, Н.К. недоволен был её отчётом и неумением отличать вред от пользы.

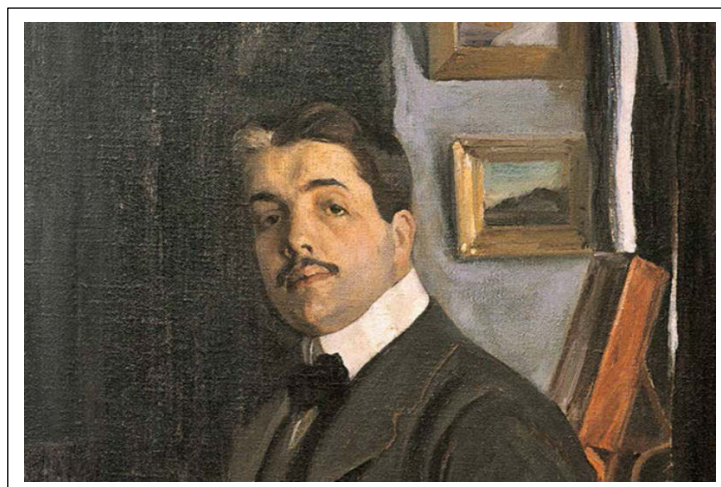
Н.К. работал с нами над проспектом Общества Друзей, закончил его; видимо, всё торопит. Но страдал он целый день. Вечером было сильное Послание, чтоб торопиться и направить все мысли на Музей. Логв[ан] и Пор[ума] были на даче, в город не приехали, боимся, что они не очень уж правильно мыслят, когда остаются одни, особенно она. Очень было тяжело.

19 августа 1929 г.

Памяти С.П. Дягилева.

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ ДЯГИЛЕВ

*(31 марта 1872 . Селищи, Новгородской губернии –
19 августа 1929, остров Сан-Микелеблиз Венеции)*

Л. Бакст. Портрет Сергея Дягилева.

ВЕНОК ДЯГИЛЕВУ

Ушёл Дягилев. Нечто гораздо большее, нежели великая индивидуальная сила, ушло с ним. Можно рассматривать весь подвиг Дягилева, как большую индивидуальность, но гораздо естественнее увидеть в нём истинного представителя целого синтетического движения. Оценим в нём вечно юного охранителя великих мгновений, когда современное искусство освобождалось от многих условностей и предрассудков.

Вся жизнь Дягилева была очень бурная, как и подобает жизни истинного представителя творчества. Не один раз и наше личное отношение с ним затемнялось, чтобы опять возобновиться в ещё большем единении. Дягилев первый выразил своё доверие художественному значению моей картины "Гонец". Затем, в 1900 году, во время Парижской Всемирной Выставки, он просил мою картину "Поход" для своего отдела, но картина эта уже была обещана на выставку Академии Художеств, и этот произвольный отказ мой обострил наши отношения. Затем, когда я принял участие в органе Императорского Общества Поощрения Художеств "Искусство", Дягилев опять содрогнулся, боясь, как бы я не впал в казёнщину. Но потом опять волны жизни соединили нас, и наш великий художник Серов оказался отличным примирителем.

В 1906 году Дягилев опять пришёл ко мне за эскизами "Половецкого Стана", его балета в Париже. Это было весёлое время, когда лучшие французские критики, как Жак Бланш, приветствовали Русское Искусство. Я был уже не связан с Академическими выставками, и так, не нарушая никаких обещаний, мог принять приглашение Дягилева на выставки "Мира Искусства", Президентом которого я был избран в 1910 году. С этого времени ничто не омрачало моих отношений с Дягилевым.

Прошло 500 представлений "Князя Игоря", прошли "Псковитянка" и "Китеж". Расцвела "Весна Священная". В 1920 году мы возобновили в Лондоне "Князя Игоря", когда Дягилев пригласил меня из Швеции. В последний раз я встретил его в Париже в 1923 году. Вспоминаю это последнее свидание с чувством особого мира и дружбы. Можно было во многом спорить с Дягилевым, но никогда это не переходило на личную почву. Конечно, вопросы искусства в его жизненном проявлении всегда вызывают такие многообразные суждения. Но в этих обменах мнений о деле не вспоминаются никакие личные выпады. Чувствовалась только большая положительная работа созданий нового выражения искусства.

Дягилев был чужд спячке жизни: с детства, будучи очень одарённым музыкантом, он признал истинный путь искусства. Это не был поверхностный модернизм. Он не был условным "носителем зелёной гвоздики", но был искренним рыцарем эволюции и красоты.

Вспоминаю, как во время выставки "Мира Искусства" 1903 года, поздним вечером, я совершенно перестроил мою картину "Город строят". К полночи пришёл Дягилев. Увидав перестроенную картину, он схватил мою руку: "Ни одного мазка больше; вот это сильное выражение! Долой академические формы!"

Этот девиз "долой с академизмом" в суждении Дягилева не был пустым разрушением. Ведь это он понял и явил в новом величии красоту гения Мусоргского. Он глубоко ценил лучшие моменты творчества Римского-Корсакова. Вопреки современным ничтожествам, он вызвал мощь Стравин-

ского и заботливо ценил искусство Прокофьева и лучших французских композиторов и художников.

Только тот, кто лично соприкасался с ним во время жесточайшей битвы за искусство, во время неописуемых затруднений, мог оценить его созидательный гений и утончённую чувствительность. Его сотрудники могут вспомнить, как однажды в Париже в течение всего дня он был обычно деятелен и никто не мог приметить в воздухе какую-нибудь опасность. Но вечером Дягилев сказал собравшимся друзьям: "Вы заслужили спокойный ужин; ведь сегодня мы были совершенно разорены, и только пять минут тому назад я получил сведение, что нам не угрожает продажа с торгов".

С улыбкою великого сознания он встречал новые прекрасные битвы за искусство, принимая на свои плечи всю ответственность. Он никогда не щадил своё имя, ибо он знал, насколько необходима священная битва за украшение жизни.

Кто-то говорил, что его антреприза была личным делом и как импресарио он работал для себя. Только злой язык и злобный ум могли произносить такую клевету на этого крестоносца красоты. Щедро отдавая своё имя, он покрывал свою личную ответственностью многие события и людей, и больших и малых. Помню, что даже в час затруднения, в критическую минуту, он говорил: "Ладно, я сам подпишу. Считайте меня одного ответственным за это". И это не было знаком эгоизма, но это был девиз единоборца, который знает, для чего он держит меч и щит.

Был он широк в суждениях своих. Только невежда может сказать, что он вводил лишь модернизм. В своих исторических портретных выставках он явил всю историю России, с одинаковым уважением как к современности, так и к древним иконописателям. В его журнале "Мир Искусства" одинаково заботливо были показаны как модернистические художники, так и лучшие достижения старых мастеров. Будучи очень чутким, он ясно ощущал источники, из которых приходили расцвет и возрождение. С одинаковым энтузиазмом он выявлял как скрытое сокровище древности, так и наши надежды на будущее.

Был ли он односторонен в музыке? Конечно, нет! Его внимание одинаково привлекали как итальянские примитивы, так и французские ультрамодернистические композиторы. Постановки его всегда были истинными праздниками красоты. Это не были экстравагантные выдумки. Нет, это были празднества энтузиазма, праздники веры в лучшее будущее, где все истинные сокровища прошлого ценились, как вехи к прогрессу.

Он далёк был от дешевой популяризации и тем более вульгаризации искусства. Во всех многообразных проявлениях он показывал искусство истинное. Перечислять все постановки, выставки и художественные предприятия Дягилева - это значит написать историю русского искусства от 90-х годов до 1928 года. Вспомните потрясающее впечатление, произведённое его журналом "Мир Искусства". Вспомните его работы с княгиней Тенишевой. Как живые, стоят блестящие выставки иностранных и современных русских мастеров! А все эти бесчисленные постановки балетов и опер, пронесшие русское имя по всему миру? Может быть, со временем имя Дягилева будет смешано со слишком многими понятиями, на которые он сам бы и не согласился, но он был щедр и никогда не скупился даже именем своим. Когда он чувствовал, что оно может быть полезно, он легко давал его - эту свою единственную собственность.

Утонченный, благородный человек, воспитанный в лучших традициях, он встретил и войну, и революцию, и все жизненные вихри с настоящей улыбкой мудреца. Такая мудрость всегда является знаком синтеза. Не только он расширял своё сознание, но и утончал его, и в этом утончении он мог одинаково понимать как прошлое, так и будущее.

Когда во время первого представления "Священной Весны" мы встретились с громом насмешек и глума, он, улыбаясь, сказал: "Вот это настоящая победа! Пускай себе свистят и беснуются! Внутренне они уже чувствуют ценность, и свистит только условная маска. Увидите следствия". И через десять лет пришло настоящее понимание, то следствие, о котором говорил Дягилев.

Вспоминая личность и труды Дягилева, перед нами встаёт благороднейший и гигантский итог синтеза. Его широкое понимание, непобедимая личная бодрость и вера в красоту создали прекрасный, незабываемый пример для молодых поколений. Пусть они учатся, как хранить ценности прошлого и служить для самой созидательной и прекрасной победы будущего.

Несказанно радостно вспоминать эпопею Дягилева.

1930

Журнал Лиги Композиторов, Нью-Йорк

Н.К. Рерих. Держава Света. Sothbury: Алатас. 1931.

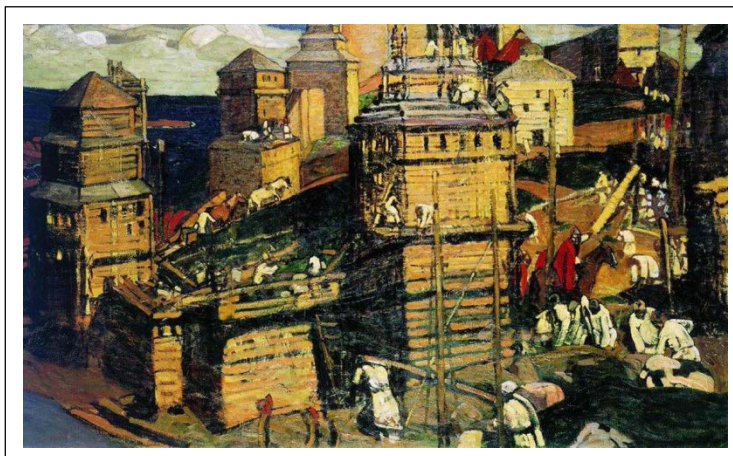
Из воспоминаний Н.К. Рериха:

ДЯГИЛЕВ

Сергея Павловича мы любили. Он совершал большое русское дело. Творил широкие пути русского искусства. Всё, что делалось, было своевременно и несло славу русского народа далеко по всему свету. С годами можно лишь убеждаться, насколько работа Дягилева была верна. Как всё верное и нужное, эта работа была особенно трудной. Сколько враждебности и наветов окружало всё, что слагалось Дягилевым и «Миром Искусства». Но и в самые трудные часы Дягилев не падал духом. У него хватало природной стойкости, чтобы одиноко, на своих плечах, выносить и разрешать самые запутанные положения. Санин рассказывал, как однажды в Париже театру Дягилева грозила почти неминуемая гибель. Но никто из участников даже не заметил и малейшего признака опасности. Узнали, лишь когда театр был спасён. Много таких побед!

Весь «Мир Искусства», журнал, портретная выставка, балет, опера — всё это легко теперь перечислять, но трудно измерить, какая бездна энергии потребовалась для каждого из этих дел. Много доброжелательства выказывал Дягилев во всех житейских встречах.

Наши отношения начались с конкурсной выставки 1897 года. В «Новостях» Дягилев добром отметил моего «Гонца». Затем он очень хотел получить для Парижской выставки 1900 года «Поход», но картина уже была отдана на академическую выставку. Жаль! После, в 1903 году, Дягилев приехал к нам на Галерную и пригласил на выставку «Мира Искусства» в Москву. Увидав ещё неоконченный, по моему мнению, «Город строят», Дягилев взял с меня обещание, что ничего более изменять в картине не буду. Эта московская выставка дала большие следствия.

Н.К. Рерих. Город строят. 1902. (ГТГ)

Следующая встреча наша была на почве театра в 1906 году. «Половецкий стан» (тот, который в Третьяковке), а затем «Псковитянка» (Шатёр Грозного), «Игорь» и в 1913 году - «Весна Священная». Уже в Лондон в 1920 году Дягилев прислал мне телеграмму - привет о пятисотенном представлении «Половецкого стана». Не знаю, где находится мой занавес к Китежу, - он был принят превосходно. Где занавес Серова? Ведь это была капитальная вещь: неужели мыши съедят?

Последний раз мы виделись в Лондоне в 1920 году. Обсуждались с Бичамом «Царь Салтан», «Садко»... Но Бичам впал в банкротство, и проект развалился. С радостью следили мы, как Дягилев через все трудности преуспевал. Теперь его имя уже обозначает большие русские победы.

Очень показательно, что Дягилева в последние годы потянуло к библиофильству. Он почуял, что надо спасать и окружить особою бережностью. Дягилев и Бенуа дали незабываемый путь искусства. Хулители на всё найдутся. Наверно, кто-то поносит «Мир Искусства» вообще. Но история русского искусства сохранит это движение на одной [из] лучших своих страниц.

Хорошо сделал Лифарь, устроив выставку, посвящённую Дягилеву.

[1937 г.]

Публикуется по изданию: Рерих Н.К. Художники жизни. М.: МЦР, 1993

20 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

20.VIII.29. Замечательно то, что какие-то разговоры были вчера между Порумой и Логв[аном] - мы это чувствуем. Н.К. сегодня лучше, он говорит, у него очень редко бывает такое настроение, как вчера, - его энергия нужна Учителю для многих других дел, и нам теперь Указано сидеть вместе лишь два раза в неделю.

Н.К. был у Корбета, очень завоевал его, тот единственный пока из всех людей в Нью-Йорке, как говорит Н.К., сказал ему, что Восток с его миллиардами людей очень нужен Америке для взаимных отношений. Он ещё нам будет полезен. Н.К. дал ему подарок.

Затем он посетил миссис Робертс, тоже дал ей подарок, и она ему говорила, что все люди поражены ростом наших Учреждений и потому болтают о нас

вздор. Она хочет дать у нас в Школе [лекцию] “Making of a magazine” [“Создание журнала”].

После ланча Н.К. был очень расположен, шутил. В 4 часа была миссис Дэйл, Н.К. говорит, что произошла великая трагедия - она слышала, что мы изумительно успешны, нашу площадь арендуют на 75%, и картины Н.К. величайшие сокровища, и что мы должны их хранить, но не продавать на сторону. Вот и вышло, что это правда, против этого не пойдёшь, а как же она нам будет полезна и как даст деньги!!! При этом она скупа!!! “Величайшая трагедия!” — говорит Н.К.

Вечером пошли на лекцию миссис Уайтсайд о Жанне д’Арк в Rosicrucian Center [Розенкрейцерский Центр] - все очень добрые, симпатичные люди, ищущие Учения. Н.К. опять вчера сказал: покуда он с нами, всё хорошо, а как только уедет, всё пойдет плохо. Потому Юрик его пилит, когда он вообще сможет уехать!

21 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

21.VIII.29. Утром Н.К. говорил, что Логв[ан] вполне [все] понял, когда Н.К. сказал ему, что дети не могут гулять на Бродвее среди низших эманаций и, наоборот, когда они вырастут, как они оценят возможность иметь террасу и свою комнату. Несчастны же дети, которые должны гулять на Бродвее, но что Н.К. первый протестует, если дети Логв[ана] будут делать то же самое. Логв[ан] почувствовал, что Н.К. из всего делает самое возвышенное.

Сегодня было послано длинное письмо Корбету о возможностях в Азии для Америки. Был Яременко, будет печатать на английском книгу о Н.К. с иллюстрациями.

American Bond & Mortgage сказали Логвану, что, так как наш Дом стоит на 200 000\$ меньше, они выключат нас из займа. Положение серьёзное, но Логв[ан] берётся всё сделать. Ловенстейн, с которым он созванивался по загородному телефону, приедет 1-го сентября всё уладить. Пока важно, чтоб они оплатили счета до 1-го.

Завтра Н.К. навестит Шугармана в его кабинете, ибо он нам теперь нужен. Н.К. вечером говорил, как их большой друг, адвокат, их предупреждал: “Помните, не берите адвокатов, вовлекут в дела, ибо должны же они существовать”. Затем вспоминал известного Гржебина, редактора социологической прессы, жулика. Он долго должен был Н.К. деньги за статью, но не платил. Однажды пришёл и принёс чек на 300 рублей. Н.К. изумился, но взял чек, дал ему расписку. Тот же попросил вдруг большую сумму взаймы. Н.К. сказал, что не имеет. Тот начал спускать, дошёл до 350 руб. и сказал: “Ведь 300 руб. вы уже имеете”. Н.К. расхохотался и дал ему деньги.

Мадам де Во Фалипо просит сегодня в письме Н.К. дать одну из его картин Гималаев в дар Люксембургскому музею от имени Французской ассоциации. Н.К. даст картину “Майтрейя”. Н.К. вспомнил, как мать Е.И. не [могла] запомнить названия Талашкино и всё говорила Калашниково. Однажды Е.И. ей сказала: “А что бы ты сказала, если бы люди называли твоё имение вместо Конищево - Вонищево?” Это её заставило [за]помнить название Талашкино ментально.

Н.К. очень удивлялся наглости банка и взяточничеству во всей постройке, особенно профсоюзных работников. И сказал, что образуется профсоюз из непрофсоюзных работников, в него войдут миллионы людей и в стране произойдёт революция.

<...> Получили телеграмму от Свет[ика], будет на следующей неделе. <...> Н.К. плохо [вы]глядит, очень встревожен. Вечером Логв[ан] принёс плохие новости - придётся ему платить некоторым подрядчикам, иначе пойдёт плохая слава. А завтра он, по совету Ловенстейна, вручит Моору письмо о том, что мы его привлечем к самой суровой ответственности. Увидим, что выйдет. Решили выбраться в Дом раньше. Указано спешить. Трудное время.

22 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

22.VIII.29. <...> Н.К. утром чувствует обострённость положения. Днём Луис сообщил, что American Bond сказали, что не в том дело, прав он или виноваты они, а что у них нет денег и чтоб он перезанял 200 000 \$. Ловенстейн посоветовал, чтоб Луис добился от них письма о том, что даже если Луис теперь авансирует деньги подрядчикам, всё же их обязательство к нам по контракту остаётся по-прежнему. Луис пошёл днём к Моору и после упорной беседы в полтора часа с ним добился от него этого письма. Конечно, это письмо нам нужно, а пока Логв[ан] даст самые необходимые суммы контракторам.

Н.К. озабочен, что нам нужны 27 000 \$ для начала дел, ибо как же мы начнём наш год до притока денег - не ходить же за каждой мелкой суммой к Логвану. Банк, где Логван имеет друзей, отказал ему в займе в 25 000 \$. Н.К. предложил, чтоб мы взяли в банке деньги под его ценные бумаги, ибо теперь они ему не нужны. Н.К. советовал Логв[ану] поехать завтра в Олбани для консолидации всех Учреждений. Я устроила, что завтра мы начинаем выбираться. Масса дел, прямо разрываешься на части. Н.К. даже сказал мне, как жаль, что я не могу разделить на три части и действовать на три стороны. Завадский привёл менеджера, который хочет снять у нас театр на интересных условиях. Увидим. В субботу мы увидим Миндлина. Вечером ужинали с Н.К. у Чайлдса, беседовали, работали. <...> Решили работать по вечерам, чтобы успеть и подвинуть дела быстрее. Всё же Н.К. чувствовал, что все затруднения ко благу.

23 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

23.VIII.29. Сегодня Н.К. заметил, что, когда кто-либо из учащихся опаздывает к назначенному часу, не ждать его, а менять время на другой раз - пусть приучается к дисциплине. Когда Франсис сказала, что жители Южной Америки всегда опаздывают, Н.К. сказал: "Значит, они не будут успешны".

С утра пошли с Н.К. в Дом следить, чтоб маляры красили в нижних этажах. <...> Днём, по желанию Луиса, мы переезжали, но вообще было глупо это делать. Н.К. говорил, что не нужно, чтобы его знали как писателя статей и поэтому особенно стараться, чтоб его статьи Франсис носила в журналы. Другое дело - это книги Н.К. Их можно выпускать сколько угодно. <...> Он, видимо, устал, ибо выдаёт огромное количество энергии и часто даром. В Доме многое ему неприятно - безобразное фойе, уродливые ниши в ресторане. Но он говорит [глядя] на всё: "Ол райт"*.

Вечером открыли, что Викман, наш бывший учитель, которого Порума выгнала прошлым летом, - мультимиллионер. Узнав, как это случилось (на его место взяли Бистрана, а его просто выставили), Н.К. был поражён этой неэтичностью. Устала я невероятно, да и мы все!

24 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

24.VIII.29. Утром говорила с Н.К., что мне очень неприятна мысль о том, чтоб одолжить деньги под залог ценных бумаг Н.К. Он согласился со мной, но спросил, как же поступить иначе, если деньги нужны для Учреждений, чтоб войти в жизнь. Больно трогать деньги Н.К. <...>

Говорили об Ориоле, которая сказала матери: "Если ты не разрешишь мне играть, я начну плакать". Ведь это может вырасти истеричное, капризное, своевольное существо! <...>

Вечером все беседовали о текущих делах, пошли в Дом, там всё движется, потом Пор[ума] и Логв[ан] уехали и я с Н.К. читали гранки Бурлюка, хохотали до слёз. Абсолютно безграмотно и бессмысленно написано, совершенно бесвязно. Он какой-то невежда. Но что делать! Он ведь выпускает эту книгу.

25 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

25.VIII.29 <...> Пошли с Н.К. в Музей. Каждый раз, когда мы в Музее - это ему нож в сердце: уж больно безобразны стены! Пришли обратно, и великий учитель наш со мной по пыльным, душным чуланам считал картины свои и Корона Мунди. Пачкались, пересчитывали, но сделали всё сами до конца!

Днём Н.К. очень понравилась моя идея употребить уже имеющуюся корпорацию "Ур" для сношений, торговли с Азией. Пошли ужинать с Заком, и Н.К. этот вопрос с ним очень подробно провёл, ибо тот умница, имеет массу связей и может быть очень полезным. Тем более, что он очень зажётся всем!

В общем, возможности огромные, авось, найдём нужных людей через него. Н.К. вспомнил днём, что, как Учитель говорил, так и вышло. Франсис абсолютно ушла от общих дел. И теперь занимается одним: Издательством Музея Рериха.

26 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

26.VIII.29. Переезжали в новое помещение Школы, в 310 Риверсайд Драйв с раннего утра и ещё не закончили - завтра закончим. Очень устала. Вечером приехали Н.К. и Юрий из Чураевки, где в уплату за долг устроили, чтобы Тарух[ан] дал нам на 370 000 \$ земли. <...>

26 августа 1929 г. Нью-Йорк Сити

Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

Родная моя Мамочка!

Мы были очень счастливы получить письмо Сестры Эстер и узнать, что теперь тебе немного лучше. Надеемся, что волна дикой жары окончательно

отступила и теперь у тебя будет несколько недель прохладной погоды сезона дождей. Пожалуйста, напиши нам о своей жизни и о делах Hall Estate.

Брат приезжает в четверг, и мы так рады, что он будет с нами. Он очень нужен нам для Музея. Мастер-Институт переехал сегодня в новое здание, а остальные Учреждения переедут в течение двух недель. Арендаторы начинают занимать жилые этажи, а Холл хорошо ведёт работу по сдаче внаём. Мы уже сдали более 73%! Говорят, что это беспрецедентный случай.

У «Урусвати» хорошие возможности, и я попытаюсь сделать всё возможное, чтобы обеспечить финансирование. Доктор Б.Е. Рид из Фонда Рокфеллера в Пекине вошёл в состав наших Почётных Советников. Он обещал помочь нашему начинанию и послать для нашей Библиотеки все книги и брошюры, выпущенные Медицинским колледжем в Пекине. Он сам проводит большую работу с китайскими целебными растениями, и его опытные советы будут для нас бесценны. К концу следующей недели будет готов мой кабинет в здании и начнётся настоящая работа.

Моя книга почти закончена, и рукопись сейчас перепечатывается. Надеюсь скоро отдать ее издателю. Общество «National Geographic» в Вашингтоне предложило мне прочесть у них лекцию. Они хорошо платят. По завершении моей книги попробую написать несколько статей для разных журналов, чтобы заработать немного денег. Расходов много, хоть я и пытаюсь изо всех сил их сократить. Мне трудно получить внештатную работу. Все должности, которые до сих пор предлагали, были постоянными, и мне приходилось отказываться.

Я провёл несколько дней у Крейнов. Вся семья весьма гостеприимна, и г-жа Крейн очень дружески к тебе расположена. Посылаю тебе её письмо в отдельном конверте и книжечку о жизни Христа, которую она попросила меня отправить тебе. Она приняла католическую веру.

Сегодня мы с Папой ездили в Чураевку к Гребенщикову. Он очень хороший человек! Мы провели с ним замечательный день. Его жена – по-настоящему добрая душа и очень духовна. Он посылает несколько своих книг в библиотеку «Урусвати». Сказал, что очень счастлив это сделать, и добавил: «Пусть Людмила и Рая их прочтут!» Пожалуйста, попроси Вольдемара написать мне, все ли книги ты получила.

Я был рад получить фотографию моей лошади, за ней, по-видимому, хорошо ухаживают. Может ли Вольдемар послать мне фотографию моей комнаты? И ещё хорошую фотографию большого дома.

Приближается много новых людей, но очень мало молодёжи. Одна дама из числа жильцов предложила 17 октября предоставить нам самолёт, чтобы сбросить на здание цветы. В день открытия у нас будет очень интересная музыкальная программа и ожидается ужасная толпа народу. С большой любовью и наилучшими думами о всех Вас,

Твой сын *Юрий Р.*

Радна проводит замечательную работу в Институте.

Привет капитану Х.Банону!

Жду – не дождусь того дня, когда вернусь в Наггар!

Архив Музея Рерихов, Москва.

27 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

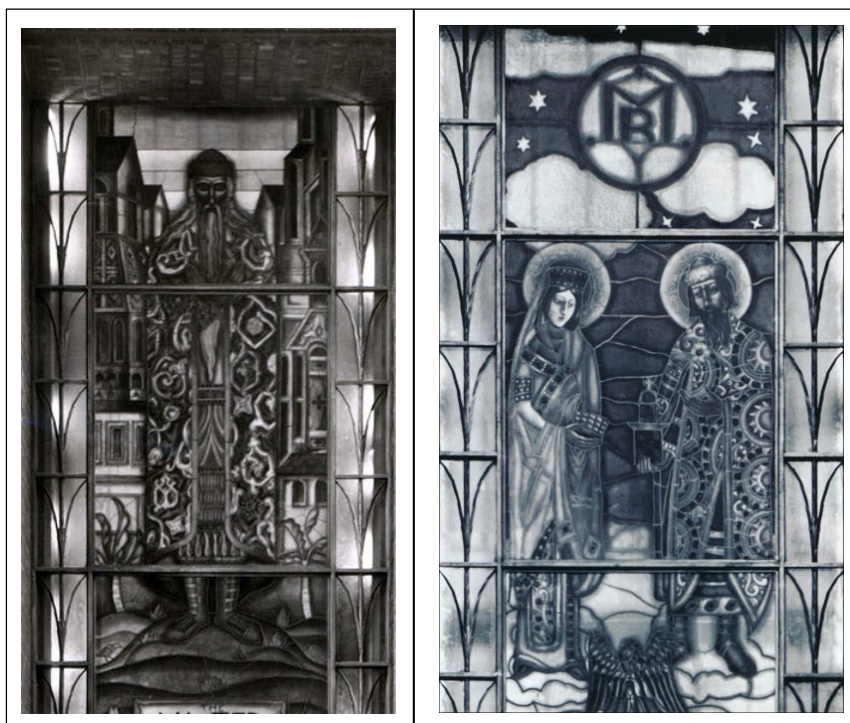
27.VIII.29. Сегодня с утра продолжали переезд, закончили в 5.30. Устали все. Пор[ума] приехала с утра и следила за всем. Н.К. показал мне письмо, в котором он пишет Е.И.: “Бедная Радна стоит на сквозняке, ибо, в конце концов, весь переезд был сделан ею”.

Затем Н.К. продиктовал мне коротенькую заметку о Дягилеве, которую он послал в журнал “Dance” по их просьбе. Говорили о Франсис. Он согласился со мною, что она ничуть не изменилась, а такая же, как и была. Но людей не переделаешь, говорит Н.К. Он прав. Я та же, что и была, при всём осознании всех своих ужасных ошибок и трудного характера. Когда же я переменюсь! Мне очень трудно. Говорили об “Ур”, ибо Зак предлагает финансировать это дело. Решили вечером объявить, что истратили уже 97 000 \$, включая экспедицию Н.К. и нашу поездку в Монголию. Пошли посмотреть Дом - многое в нём подвинулось.

28 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

28.VIII.29. Н.К. сказал замечательную вещь, когда я ему говорила, как трудно работать: “А вы смотрите в будущее, только в будущее! И на всё, что теперь, не обращайте внимания”. Так и запомню. Всё ещё устраиваемся в Школе, досадно, что многое не сделано, как должно было быть. Но что поделать. Н.К. тяжелее, чем кому-либо. Однако он молчит и улыбается.

Витражи по эскизам Н.К. Рериха для Музея в Нью-Йорке. 1929.

29 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

29.VIII.29. <...> После ланча мы поехали с Н.К. в студию Истмана. Окна с витражами, которые он делает, вышли очень хорошо. Н.К. отметил большое сходство со Св. Сергием.

Н.К. говорил: в закладку Дома положен портрет Учителя. Эмблема Дома, а над Домом - "Master of the House", где ещё можно найти сочетание всех таких высоких знаков. Для этого и стоит работать! Пошли на квартиру Светика в "Ritz Tower", пересмотрели, всё ли хорошо, купили цветы и конфеты. Потом <...> поехали все встречать Светика. Он приехал, Дом ему понравился, но не их квартира.

30 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

30.VIII.29. Утром занята, вижу людей по Школе, телефоны, диктовка писем, Н.К. беседует со мной о денежном вопросе - всё же думает дать свои бумаги, чтоб получить для нас, т.е. Учреждений, 10 000 \$. Ибо такой долг, он правильно чувствует, нам придётся ему отдать. <...>

Вечером ужинали у Луиса, высчитали, что нужно для Учреждений 9300 \$ на сентябрь. Светик премил, Н.К. о всех заботится и желает, чтоб всем было хорошо и удобно. Как отец родной для всех.

Вход в Музей Рериха. Нью-Йорк, 1929 г.

31 августа 1929 г.

Из дневника З.Г. Фосдик:

31.VIII.29. <...> Днём мы ходили по Дому, всё рассматривали, а вечером Н.К. устроил, как он говорит, "benevolent conspiracy". Просили меня одну приехать к Светику в отель ужинать с ними тайком от Франсис. Я так и устроила, беседовала с ними всеми, и решили, чтобы Н.К. своих денег не предлагал на покрытие расходов первого месяца, ибо этот шаг не нужен морально. Деньги должны придти другим путём. <...>

СЕНТЯБРЬ

ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ

Уолл стрит. Нью-Йоркская фондовая биржа. 1929 г.

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

ЖУТЬ

Америка осенью 1929 года явила страшное зрелище. После ряда лет благополучия, когда цены возросли и толпы потянулись к Молоху-бирже, грянул развал, падение, разрушение.

Люди в день теряли миллионы. Святослав потерял семьсот тысяч. Шаляпин много потерял. Изуродовался весь план наших учреждений. Программа была на нормальную жизнь, а тут всё встало верх дном. Начались самоубийства и от потери денег и вообще от отчаяния, — все обезумели. Наше учреждение должно было получить миллионное пожертвование. После бедствия приходит расстроенная жертвовательница: "От всего моего состояния осталось лишь сто пятьдесят тысяч...". Где уж тут говорить об обещанных жертвах.

Исчисляют, что такие беды бывают в Америке периодически, примерно через шесть-семь лет. Но как они должны влиять на характер всего народа? Странно, что такие примеры не предостерегают игроков. Не успеет танец смерти утихнуть, как уже готовятся новые жертвы Молоху.

Пришлось расстаться с собранием старинных мастеров. А ведь оно предназначалось для музея. Были отличные примитивы; один ушёл в Чикагский Музей. Был и Рубенс, и Ван-Дейк и Брейгель-старший. Много чего было. Всегда жаль видеть распад.

Испытатели жизни должны пройти перед жутким зрелищем краха всей страны, перед народным безумием, перед волчьими аппетитами, которые ощеряются на чужих бедствиях. Где тут Культура? Даже где тут цивилизация?

Вспыхивает произвол. Восстание подчеловеков! Следует пройти и через переоценку ценностей, чтобы судить о планетарной относительности.

Жаль, сердечно жаль тех невинных, которые за свои ли давние прегрешения бывают ввержены в огненную геенну развала. Можно представить, как гремит Армагеддон, как работают агрессоры. Много жутких зрелищ, но тридцать серебрянников - самое страшное.

Сейчас читали, что Рокфеллер, когда его благодарили за пожертвование, ответил, что "так как эта лепта была денежная, то тем она малозначительна". Немногие придут к такой формуле. Немногие догадаются, что не доллар - король, а есть и другая ценность истинная.

Рерих Н. К. «Листы дневника», т. 3. М., 1996. (Архив Музея Рерихов, Москва)

1 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

1.IX.29. Утром в 9.30 Н.К. мне диктовал письмо к Блюму, и вдруг на моих глазах моё кольцо с чашей совершенно почернело - так продолжалось до вечера. Конечно, мы встревожены, но пока ещё не знаем причины. Поехали на дачу к Поруме. Н.К. вручил Флавию письмо о попечительстве. Сцена была прелестна - сняли фильм и фотоснимок. Ориола больна и уже сильно испорчена уродливым воспитанием Пор[умы] и Логв[ана]. Вырастет истеричной барышней, как говорит Н.К. А это очень жаль. Н.К. её не чувствует, но Флавия ощущает. У них в доме очень серая обстановка, провели тяжёлый день. Сильно пошли назад, особенно Порума - её методы воспитания те же, что и при Джин.

Сотрудники Нью-Йоркского Музея. Слева направо, стоят: Хорш, М.М. Шафран, С.Н. Рерих, М.М. Лихтман, Т.Д. и Г.Д. Гребенщиковы; сидят: Э. Лихтман, З. Фосдик, Н.К. Рерих, Н. Хорш, Ф. Грант.

2 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

2.IX.29. Сегодня беседовала с Н.К. об Ориоле. Н.К. говорит, что у них в доме атмосфера психической инфекции и нет веры в то, что сказал Учитель. Всё

это положение неправильно, и у них тяжёлая, серая атмосфера в доме и трудное положение. Н.К. также намекал на это и Логвану. Затем мы [по]шли смотреть Дом. Н.К. удивлён, что и Холл, и Логван неделю тому назад говорили, что Дом готов и что всё идеально, а теперь всё надо перестраивать и перекрашивать и тратить новые деньги. Кому тогда и верить! <...>

Очень мы смеялись, когда Н.К. спрятался в чулане и пугал [нас] оттуда, а Юрий и Светик потащили меня туда. Затем смотрели их квартиру, думали об устройстве полок и кухни. Днём Н.К., Юрий и Свет[ик] поехали в Вашингтон повидать секретаря Дэвиса относительно гражданства Н.К. и Юрия.

3 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

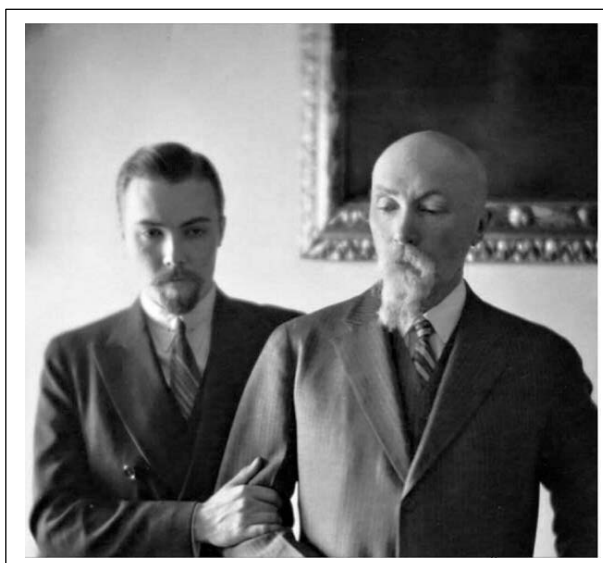
3.IX.29. День жары, грязи, пыли и труда в Школе. Н.К. приехал поздно вечером, и мы его не видали.

4 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

4.IX.29. Поездка в Вашингтон была нужна тем, что Дэвис сказал, что Н.К. может получить подданство лишь через билль, одобренный Конгрессом. Тут сможет пригодиться Блюм. <...> В английском посольстве секретарь им сказал, что думал о них всю ночь на воскресенье (вот почему потемнело моё кольцо!) и просил их дать ему доказательства, что Н.К. не был в Ленинграде, а лишь в Москве.

Н.К. недоволен Луисом. Он говорил о том, что Школа и Дом в превосходном состоянии ещё неделю назад, а теперь признаётся, что ничего не сделано. И действительно, у нас грязь, сумятица и всё в безобразном виде. И кому нужно было, чтоб мы переехали в этот бедлам? Неизвестно. Я плохо себя чувствую. Н.К. очень участливо ко мне относится и всё спрашивает, как мне. Затем мы говорили о денежном вопросе - у нас буквально нет денег в Учреждениях. Решили сегодня, чтоб Логв[ан] просил заём для Учреждений в Chattam and Phoenix Bank. Нам необходимо иметь 10 000 \$ на месяц. <...>

Ю.Н. и Н. К. Рерихи. Нью-Йорк, 1929 г.

4 сентября 1929 г. Нью-Йорк
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

Родная моя Мамочка!

Светик приехал в прошлый четверг, и мы все радовались, что он снова с нами. Он выглядит намного лучше, и его длительное пребывание в Швейцарии очень пошло ему на пользу. Сейчас он временно живёт в «Ritz Tower». Мы надеемся, что удастся переехать в наши квартиры где-то 15 сентября. Папа и Брат будут жить на 23 этаже, а я на последнем. Жильцы уже въезжают, и тут у нас ежедневно от пятнадцати до двадцати семей завозят мебель и утварь. Спешка жуткая. Отель, кажется, имеет очень большой успех. На первом этаже – красивые окна-витражи. Ученики начинают записываться в Мастер-Институт. «Сорона Mundi» также начинает свою деятельность. У «Урусвати» – отдельный офис на учебном этаже. Мы только что вернулись из Вашингтона. Государственный Департамент послал ещё одну телеграмму консулу Фрейзеру, и мы надеемся, что вопрос прояснится. У меня была очень интересная беседа с Институтом Карнеги, и, думаю, мы можем надеяться на плодотворное сотрудничество. Они предложили пополнить нашу библиотеку и участвовать в нашей научной деятельности. Мне предложили написать статью для «National Geographic» за 500 долларов и прочесть лекцию в том же Обществе за 300 долларов. Неплохо! Лекционный тур начинает принимать реальное очертание, и у меня есть несколько возможностей напечатать статьи. Сейчас я всецело занят копированием моей книги для издательства. Над книгой работает стенографистка, но даже так это занимает ужасно много времени.

Последние четыре дня в Нью-Йорке была страшная жара. Ртуть поднималась до 94 и 95, и газеты сообщают, что жара ещё постоит.

Мы были очень рады получить письмо от Вольдемара с планом и подробностями электропроводки. Также мы оценили два моментальных снимка яблок из Кулу.

Пожалуйста, пошли нам ещё фотографий о своей жизни и жизни всех Вас, если возможно. «Бодхичарьяватара» Ашвагоши (Священные книги Востока) была послана тебе давно, и я надеюсь, что ты её теперь уже получила. Пожалуйста, напиши мне, что тебе нужно, я всегда рад помочь.

Я был счастлив услышать, что девочки хорошо заботятся о моих книгах и борются с жучками. Получила ли Эстер моё письмо? Как там капитан Банон? Надеюсь, что прачечная имеет успех. Как жара? У Вас там достаточно дождей? Тебе нужны семена для огорода?

С наилучшими пожеланиями и с большой любовью ко всем Вам,
Твой преданный сын

Юрий Р.

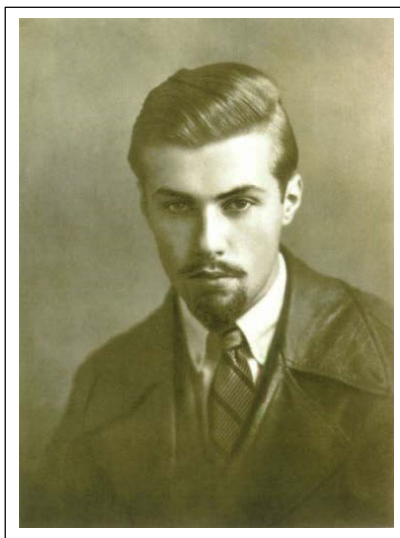
Архив музея Рерихов, Москва.

5 сентября 1929 г. Нью-Йорк.
Из дневника З.Г. Фосдик:

5.IX.29. Утром говорила с Н.К. о Франсис, что она ничего не хочет писать для Учреждений. Н.К. советует тренировать Пауэлл, диктовать ей, чтобы во всём была свежая кровь. Иначе всё время тот же язык, те же слова Франсис.

Ибо, как он говорит, если он ей диктует “the best”, она пишет “the worthiest”*. И он это заранее знает. Все думаем, как бы достать денег на необходимые нужды Учреждений, решили пока одолжить у Логв[ана], что я и сделала при всех. Он пока даст. <...>

Ездили с Н.К. смотреть фильмы о Кулу у Миндлина — они чудесны. <...> Вообще, несмотря на трудное положение, Н.К. весел и бодр, верит в будущее. Получено чудесное письмо от Е.И.

Святослав Рерих. 1929 .

6 сентября 1929 г. Нью-Йорк
Письмо С.Н. Рериха к Рерих Е.И.

6 сент. 29.

Дорогой Масик,

Получили мы Твое письмо и очень радовались. Мы здесь ещё в «elemental condition», но постепенно всё налаживается, в верхнем этаже будет маленькая лаборатория. Может быть что-нибудь и удастся сделать ещё этой зимой, возможностей много. Квартира будет в 23 этаже. Она неважная, но что делать. – Всё идёт очень медленно и продолжится ещё несколько недель. Но скоро надеемся всё наладится. Сейчас всё время уходит на мелочи, и заниматься чем-либо не приходится. Между прочим, как я заключаю из писем, у вас много яблок. Их лучше сушить, т.к. сушёные яблоки полезны зимою, их можно класть в пироги и компоты. Если можно было бы сделать консервы, они очень пригодились бы зимою. Помнишь, зимою, как мало было зелени? – Если вам что-нибудь надо, напишите. Мы вам пришлём.

Здесь много вопросов, которые надо разрешить. Это возьмёт много времени. Каждый день, новые соображения. Думаю, недели через три все мелочи в квартире наладятся, но пока никакого действия не замечается.

Я думаю, что мне удастся привезти к вам большую часть моей библиотеки, книги очень замечательные, и как только лаборатория наладится, можно позаняться. Между прочим, очень интересно, что очень часто, когда надо было что-нибудь открыть, или доказать как существующую реальность, к учёным приходили незнакомые люди, которые их посвящали в этот секрет, или же доказывали его существование.

Как я уже писал, вся работа Алхим. заключалась в операциях над "Acas", и во всех отношениях эти операции самые рациональные и естественные опыты. Может быть, и нам удастся их осуществить когда-нибудь. Хотя физическая алхимия гораздо ниже духовной, где оператор и оперируемое сам человек.

Обнимаю крепко, Твой

С.Рерих

P.S. Кланяйся всем нашим.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

6 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

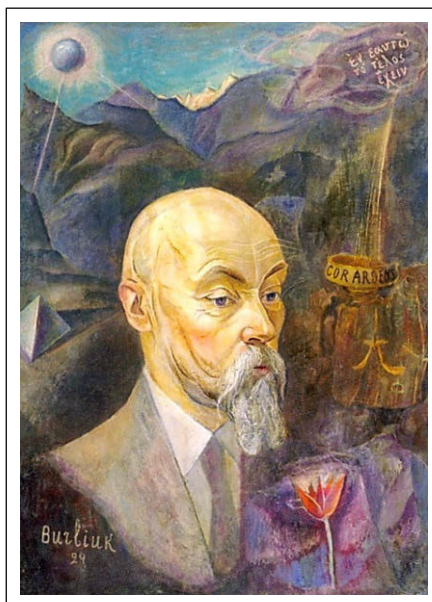
Из дневника З.Г. Фосдик:

6.IX.29. Н.К. всё спрашивает, как я себя чувствую, находит, что я плохо [вы]гляжу, озабочен этим. И мальчики так нежно заботятся обо мне, что [это] меня глубоко трогает. Утром говорили с Логв[аном] о деньгах. <...> Видно, туго с деньгами. Но мы полны все надежд. Свет[ик] и я были у Миндлина, добились хороших идей от него для открытия театра. Он - дельный человек. <...>

Затем вечером, перед тем как я ушла от Н.К., он мне сказал: "А мы Енточку отправим домой, а вас [возьмём] с собой в Кулу. Она приедет толстой". (Тут я добавила: "А я поеду тощей!"). И мы все смеялись. В эти дни я счастлива, несмотря на нездоровье и усталость. <...>

6 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

Бурлюк. Портрет Н.К. Рериха. 1929.

7.IX.29. <...> Бурлюк писал портрет Н.К., пришёл с утра - портрет плох, но Н.К. не мог ему отказать. У меня целый день была работа по приёму учеников. Н.К. предложил Луису показать, что мы занимаем 60% объёма Дома, ибо оставшиеся комнаты, помимо наших, идут под коллекции Американского Музея. Идея блестящая, поможет нам для налогов. Днём Н.К. ушёл с Франсис

смотреть картины Кубини (бывшего иезуита). Я со Свет[иком] и Юр[ием] была в Школе. Франсис вернулась в Школу, а я с Юр[ием] и Свет[иком] пошла на дом к Н.К., оттуда поехали к Свет[ику] и у него ужинали. Затем он повёл нас на кошмарную, грязную пьесу "Follow Through" [(англ.) "Следуй до конца" – Ред.]. Мерзость, стыдно было смотреть. А такой святой человек, как Н.К., должен был высидеть. Вышли из театра, ливень, час мокли, пока достали такси. Н.К. говорит, когда идёшь смотреть гадость, ничего из этого хорошего не выйдет. И что ужасно - людям это нравится. Люди буквально озверели. Жутко жить в городах.

8 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

8.IX.29. Утром немного беседовала с Н.К., искали телеграммы для английского посольства в Вашингтоне, чтоб доказать им, что Н.К. не был в Ленинграде. <...> Затем немного беседовала в Школе с Н.К. Настроение у него и мальчиков превосходное. Потом они уехали со Свет[иком] к нему, приглашали меня с ними, но я отказалась. Пошла с мамой, Франсис и Логв[аном] ужинать, ему очень нравится роль управляющего и домоправителя. В 8 часов пришёл в Школу Зак, я присутствовала при общей конференции с Н.К., Юрием и Светиком. Результаты будут, ибо он полон энтузиазма, хочет наладить экспедицию в Азию при содействии Музея Рериха, найти большие средства и [привлечь] видные фирмы для участия в этом, будет одним из попечителей. Одним словом, крайне полезный человек. Ушёл поздно, ибо мы показывали ему Музей и Школу. <...> Замечательно Н.К. ответил Заку на его слова, что он очень занят и сможет уделить мало времени нашему делу: "Когда Ришелье был нужен человек для очень ответственной миссии, он всегда просил: позовите того, кто наиболее занят!" Заку это так понравилось, что он моментально согласился взять на себя наиболее сложную работу приготовления доклада Клейну в Госдепартаменте.

9 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

9.IX.29. Утром Логв[ан] очень раздражён и взволнован, был в банке, и те отказали одолжить нам 30 000\$ под Учреждения. Нужны деньги, а их нет.

Днём Н.К. поехал с Логв[аном] к Ловенстейну. Тот сегодня утром видел Моора и говорит, что они прямо сказали, что не имеют денег, чтоб дать нам закончить постройку. Так что Логв[ан] должен дать 65 000\$ в этом месяце. Положение трудное. Надо найти деньги, ибо в будущем месяце нужно дать 100 000 \$. Приехала Нетти, жаловалась, что Ориола крайне раздражительна.

Днём я видела много подающих надежды учеников. Вечером беседовала с Н.К. о трудности положения и что нужно продавать комнаты, стулья, самые разные вещи. Деньги нужны! <...> Вечером поехали Н.К., Свет[ик], Франсис и я, Морей, его жена к Рут Денис, по её приглашению специально танцевать для Н.К. Она [всё] ещё чудесно танцует, несмотря на свои 60 лет, видна большая артистка. Он очень хороший танцор, но без её огня и духовности. У них чудесный дом с верандами, огромной студией. Очень хороший вечер провели у неё.

10 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

10.IX.29. День упорного труда, приёма людей. Н.К. сидит для бюста, у японца-скульптора Ногучи. Суссман его интервьюировал для "Musikal Observer" <...> Вечером он, по приглашению Рамбовой, встретил Спалдинга у миссис Скотт. Пришёл и рассказал нам, что этот человек или изумительный жулик, или же на службе у Скотланда Ярда. Слишком всё гладко говорит и имеет свой Spalding Foundation в Англии и Калькутте. В Гоби открыл города, около Кучар, редкие манускрипты на шёлке и привёз редчайшую вазу, на которую Британский Музей предложил ему 300 000 фунтов. Н.К. хочет навести о нём справки. <...>

Николай Рерих позирует скульптуру Исаму Ногучи. 1929 г.

11 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

11.IX.29. Получили наглое письмо из английского посольства в Вашингтоне, требующее дополнительные документы о происшествии с экспедицией в Тангмарке. <...> Приняли миссис Бузениус для [открытия] кампании, она будет очень полезна. Логв[ан] дал сегодня 84 000\$ за облигации American Bond & Mortgage. В Доме постепенно всё устраивается. В Школе ещё не всё закончено. Вечером зашли на полчаса к Н.К. Он хочет послать благодарственные письма лицам, составившим комитеты.

12 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

12.IX.29. С утра кабинет Н.К. заполнен: Бринтон и Аттватер, затем Селиванова и издатель. Вдруг приходит Морей с двумя очень подозрительными княгинями. Очень трудно, что Музей Рериха не имеет своего собственного кабинета. <...>

Днём пошли с Н.К. смотреть у Миндлина фильм "Jerusalem" ["Иерусалим"], но он не годится для открытия нашего театра. <...>

Вечером были у Н.К., готовили вопросы для Стоддарта на завтра, когда он будет у Н.К. <...> Нелегко, денежный вопрос серьёзен, деньги нужны извне. Хорошо если бы кто другой, но не Логв[ан] дал деньги.

12 сентября 1929 г. Нью-Йорк
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

Родная моя Мамочка!

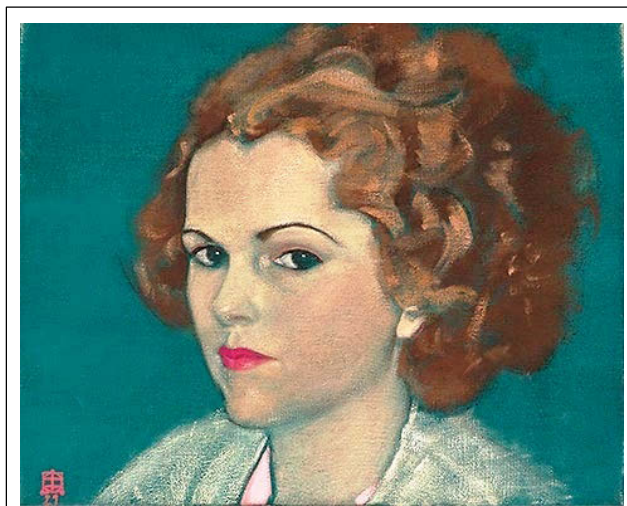
Твоё письмо доставило нам большую радость. Каждый снял с него копию, и твои прекрасные мысли о космическом значении учения Будды принесли нам новое понимание. Я всегда чувствовал, что есть нечто большее в понятии Танха, чем это принято считать теми, кто изучает эту доктрину на Западе. Я молюсь, чтобы поскорее вернуться в Кулу и продолжить настоящую научную работу в тиши гор. Наступающий год в Нью-Йорке будет великим испытанием на прочность и способности.

Лекционный тур проходит неплохо, и в последние несколько дней Финкинс начал проявлять активность. Также я, возможно, прочту курс из десяти лекций о восточном искусстве в Мастер-Институте, и несколько учеников уже записались на этот курс.

Исследовательский институт сейчас устраивает свой офис, и мы надеемся начать работу примерно через две недели. В настоящее время у нас в конторе нет дверей, и стены не вполне закончены.

Мы переезжаем в здание в понедельник 16 сент[ября]. Папа, возможно, проведёт несколько дней с братом в «Ritz Tower», а я перееду в мою квартиру в понедельник.

Светик пригласил меня на обед с Кэтрин. Похоже, она очень к нему привязана. Папа, возможно, познакомится с ней через пару дней.

С.Н. Рерих. Портрет Кэтрин Кэмпбелл. 1929.

У нас в Нью-Йорке была ужасная жара, а сейчас стоят прохладные дождливые дни. Мы очень обрадовались, услышав, что у Вас в Кулу было 60 по Фаренгейту.

Я послал тебе Ветхий и Новый Завет на английском и «Евангелие Будды» Поля Каруса. Эстер пишет о «Притчах Будды», но, согласно последнему каталогу, такой книги не существует. Пожалуйста, напиши мне, где была опубликована эта книга.

Надеюсь, ты получила «Бодхичарьяватару» Ашвагоши.

Рад, что девочкам понравились книги, скоро пошлю им ещё. Пожалуйста, скажи Вольдемару, что «World's Almanac» был послан очень давно заказной бандеролью. Ты получила фотографию на приеме у мэра и газетные вырезки? Насколько я знаю, всё было Вам послано. Я отправлю тебе ещё одну копию этой фотографии и попрошу мисс Грант послать тебе вырезки.

Я изучаю отчёт Вольдемара касательно сада. Главному министру было послано письмо, в котором говорилось, что мы известим его по окончании нашего расследования.

Пожалуйста, передай мой привет всем в Hall Estate. Получила ли Эстер мои несколько писем, на которые у меня до сих пор нет ответа? Пожалуйста, поблагодари от меня девочек за хранение моих книг и других вещей в должном порядке.

С самыми наилучшими пожеланиями и большой любовью ко всем Вам.

Твой преданный сын

Юрий Р.

Архив Музея Рерихов, Москва.

13 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

13.IX.29. <...> Миссис Бузениус старается достать деньги из фонда миссис Лидс для нас. Н.К. сегодня положил мне руку на плечо и лечил меня, ибо у меня опять очень болит спина. И делает он это так ласково. <...>

Логв[ан] старается продать облигации, которые он принуждён был купить у American Bond. В общем, он и Пор[ума] кислые, и Н.К. приходится особенно с ними говорить. Н.К. переезжает в "Ritz Tower" и просил меня помочь ему укладываться. В воскресенье в час дня мы с Н.К. обедаем у Колокольниковой, а затем едем к нему укладываться.

Вечером у Н.К. были доктор Стоддарт и миссис Уайтсайд. Он был приглашён профессионально и изумительно ответил на все наши вопросы. Он и она очень славные люди, но он поразителен: как он говорил про Рокфеллера, Форда - чудо из чудес, если всё это сбудется. Ушли от Н.К. поздно, ибо потом разбирали вопросы. Н.К. подарил миссис Уайтсайд кольцо Майтрейи, а ему кольцо с бусиной.

14 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

14.IX.29. Утром Н.К. получил письмо от Зака, в котором тот выражает своё восхищение Домом. Н.К. ответил ему на это и на прошлое письмо (отказ принять участие в работе экспедиции) прекрасным письмом, но "выдавливая воображение", как он говорил. <...> Луис узнал, что American Bond становится банкротом, это, возможно, будет нам выгодно.

У Н.К. днём и к вечеру тревожное чувство. Вечер чудно провели [все] вместе у Порумы, смотрели фильм "Kulu" Свет[ика], потом много смеялись; Н.К. шутил, и было очень радостно.

15 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

15.IX.29. <...> Затем я поехала с Н.К. на обед к Колокольниковой, и она нас так накормила, что мы чуть не заснули после обеда. Очень смеялись, ехавши домой, ибо Н.К. всё время ей говорил, что, если много есть, можно очень располнеть. Приехали днём к Н.К., я и мама начали паковать его вещи, закончили, и он переехал на время к Светику в "Ritz Tower", пока не освободится его квартира на 25-м этаже. <...>

Вечером были у Н.К. и рассказали ему, что Шугарман был сегодня у Логвана и требовал дополнительно 15 000\$ за свои планы для Дома. Н.К. возмущён и говорит, что ему не только не платить, но и выдвинуть обвинение против него.

16 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

16.IX.29. С утра началась серьёзная работа приёма учеников и рутины по Школе. Н.К. видела утром мало, лишь читали вместе письма. Он послал прекрасное письмо Корбету в ответ на появившееся интервью его в "World" о нашем Доме. Миссис Бузениус приводит людей, которые могут достать деньги. Увидим. На ланч Франсис и я поехали к Н.К. в "Ritz [Tower]". Говорили о нашем вредном списке - Ловенстейн, Шугарман, Штраусс. Н.К. решил пригласить Стоддарта к себе в отель, чтоб задать ему конкретные вопросы про кампанию, Форда и Рокфеллера. <...>

Вечером я осталась работать в Школе, и многое успела, но, к сожалению, не смогла быть вместе с Н.К. и всеми. Н.К. мне сказал, что ему нравится, что я всё делаю сама по Школе, и он находит, что темп Школы очень хорош.

17 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

17.IX.29. Говорила с Н.К., чтобы отделить для Енточки две комнаты, а потом их сдать для того, чтобы был доход, и она могла бы его иметь, как мы уже давно решили, что каждый попечитель имеет право сдавать свои комнаты, иметь с них доход, т.е., делать с ними, что захочет.

Потом Н.К. говорил, что хотя мы и написали на всех бумагах, что мы равные директора, но всё же у Логв[ана] и Пор[умы] сидит эта мысль, что они ещё хозяева. Но жизнь постепенно изживёт это. И слава Богу, что всё на деловой почве, что Логв[ан] не жертвовал и не основывал, а просто одолжил деньги на Музей и Учреждения. Мы их отдадим и тем установим равенство. <...>

18 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

18.IX.29. Утром мельком видела Н.К. Он огорчён состоянием Музея, стены в пятнах, их нельзя закрасить, а найти новый холст невозможно. И выйдут обрубки в Музее, как говорил Учитель. Днём пришли письма. Н.К. дал мне читать для всех вслух. Миссис Бузениус действует недурно, приводит людей, и мы надеемся на хорошие результаты. Вечером Н.К. принимал у себя в отеле док-

тора Стоддарта. Я работала в Школе. Юрий зашёл к нам вечером и рассказал много интересного из того, что увидел ясновидящий Стоддарт.

19 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

19.IX.29. <...> Вечером у нас было собрание, и решён был ряд вопросов о Миндлине и других делах. Н.К. сегодня мне сказал, что мы должны держать наш фронт вместе с Франсис, ибо нас больше. Он знает, что теперь идут неприятности, и готовится к ним. Бедный наш Н.К., он плохо [вы]глядит, замучен Домом и всем происходящим.

21 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

21.IX.29. Получили характерное письмо от Зака, пишет, что нам нужен человек с солидным окладом, чтоб [от]дать делу Азии [всё] своё время. Он явно намекает на себя, и мы рады, что избавились от него. Н.К. меня утешал и пел всё время: перетерпим и спасены будем.

Пор[ума] <...> отказалась помочь мне в устройстве комнат, был неприятный разговор. Н.К. и говорил мне, что она “out of shape” и не знает, что ей делать. Она приходила к нему плакать и спрашивать, что он хочет, чтоб она делала. А он ей ответил: “Общество Друзей”.

Потом Н.К. говорил о своей уверенности, что Ента приедет другой, ибо она проводит всё время в Учении. И по приезде должна будет взять прямую линию. Днём он со мной долго и дружески беседовал, говорил, что теперь всё столь сложно и глаза всех обращены на нас. Потому нам и тягостно. Но мы через это тоже пройдем. Н.К. всё гладил меня и жалел, как мне трудно. Люди миссис Бузениус пока не очень приносят и сегодня не особенно понравились Н.К. Но увидим.

Вечером Н.К. пригласил меня к ним на ужин, было очень радостно. Затем мы были у Пор[умы], имели Беседу. Н.К. позже очень просто сказал о квартире для Енты. Пор[ума] была поражена, но должна была согласиться.

21 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

21.IX.29. Н.К. всё поёт: кто перетерпит, спасён будет. <...> Днём Н.К. велел заснять плохие места в Музее для архива. <...> Н.К. был поражён, узнав, что в Музее около 100 \$ и что 1000 \$, данные Ансбахом, которые вложили на счёт, были моментально вынуты Луисом. <...>

21 сентября 1929 г. Нью-Йорк

Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

21 сентября 1929 г. Нью-Йорк

Родная моя Мамочка!

Мы были счастливы получить письма от Эстер и от Вольдемара. Надеюсь, боль оставила тебя, и ты наслаждаешься приятной осенью в Кулу. Мы часто говорим о всех Вас и строим планы на будущее. Эстер просила меня что-нибудь написать о нашей личной жизни в Нью-Йорке. Профессор Рерих и брат

временно живут в «Ritz Tower», пока отделяются их квартиры. Они займут весь 25 этаж. Мне пришлось спуститься, и теперь я живу на 20-м этаже. Мы все заняты организацией Учреждений. В последние дни мне приходится отдавать много времени и мыслей Тибетской библиотеке и Тибетской выставке, которая должна открыться 17 октября. Библиотека будет завершена на будущей неделе.

Нам пришлось поменять обои в Музее, они были очень неважные. Теперь у нас будут японские обои. То же самое надо сделать в холле Отеля. Отель заполнен более чем на 80%. Вчера в доме родился первый ребёнок. 80% приносят доход примерно в 330 000 долларов.

Моя первая лекция состоится 24 октября в университетском клубе. Мы получили милое письмо от Премьер-министра г-на Макдоналда.

Пошлю тебе его фотокопию. Пока что новостей от г-на Фрейзера не было.

Исследовательский институт хорошо развивается. Фонд Карнеги согласился послать нам книги для нашей исследовательской библиотеки. Мы установим тесное научное сотрудничество.

Я получил со склада ящик с принадлежащими тебе книгами и пошлю тебе их список. Пожалуйста, напиши мне, какие книги послать тебе в Кулу. Среди них я нашёл полное собрание сочинений Свами Вивекананды. Мои книги где-то в другом месте, но я надеюсь вернуть их. Среди моих книг в Кулу есть «Buddhist Legends» Берлингейма, три тома. Думаю, ты найдёшь в них те легенды, которые тебя интересуют.

Пожалуйста, скажи Вольдемару, что я выполняю его просьбы. Я рад, что девочкам нравятся книги. Надеюсь, их учёба идёт хорошо.

С большой любовью ко всем Вам,

Твой сын Ю.Р.

Я пишу Эстер отдельное письмо.

Архив Музея Рерихов, Москва.

22 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

22.IX.29. Сегодня утром говорила с Н.К., не лучше ли Поруму опять привлечь в Школу. Но Н.К. не хочет этого, ибо говорит, что она будет толкаться со мной, а если и Ента приедет, то будет объединение против меня, поэтому Порума должна работать для Общества Друзей, чтоб это Учреждение развивалось. Н.К., видимо, против её работы в Школе. “Всё для всех Учреждений и для всего, но каждый в своём Учреждении”, - сказал Н.К. Н[иколай] К[онстантинович]. сегодня устраивал приёмную со старой мебелью, а свой и Светика кабинеты перевёл в 23-й этаж.

В кабинете Н.К. имеет свой стол Нуця. На этом же этаже Порума и Логван имеют свои кабинеты. Но Н.К. сказал мне: “Не буду же я филином сидеть наверху, а придётся сидеть и быть внизу”. Днём случилась замечательная вещь. Пришёл жилец Дома требовать, согласно контракту, лекции и классы в Доме. Мы хватились - и действительно, в контракте мы обещаем лекции и классы даром. Вызвали Ловенстейна, он сказал: “Будьте великодушны, это поможет вам с налогами”. Мы решили дать три курса: искусство, музыка, литература - даром жильцам, три вечера в неделю. <...>

На ужин Свет[ик] и Н.К. пригласили меня, и мы все удрали от остальных. У них было очень весело, мы много смеялись, Н.К. шутил, было очень радостно и весело с ними. Такая радость быть с ними вместе.

23 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

23.IX.29. Утром приехал Нуця после месяца отсутствия в Белых Горах из-за сенной лихорадки. Опять масса работы с утра, приём людей. Н.К., конечно, всё время внизу, а наверху в кабинетах никто не сидит, как раньше и сказал Н.К. К 6-ти часам вечера Н.К. и Свет[ик] пригласили Нуцю и меня на ужин. Мы поехали, Франсис дала лекцию в Rosicrucian Center, но из нас никто не пошёл. Н.К. очень смешно изобразил, как он присутствует на лекции и всё время кланяется, когда о нём говорят. Мы хохотали до упаду. Затем мы все сели и беседовали с Учителем - было чудно, и нам было Указано сидеть раз в неделю в этом составе. Н.К. прекрасно видит непорядок в Доме, но всё пройдёт. Нам всем нелегко, а всё же мы переходим через препятствия. Когда Порума вчера сказала Н.К., что на лекции трудно достать публику и чтоб мы дали меньше лекций, Н.К. сказал ей - тогда надо закрыть церкви, ибо люди в них не ходят. Музеи вообще все закрыть. И она не знала, что ответить. Франсис пришла позже со своей лекции, злая и надутая, ибо Н.К. нас пригласил, а её нет. Н.К. был, как всегда, добр и ласков, трогательно любовно относится ко мне, всё гладит меня по спине, прямо лечит меня, ибо я очень устала. Было сказано на мой вопрос, что я скоро поеду в Кулу - осенью, но не с Н.К. и Светиком. Увидим. Так мечтаю поехать туда, прямо рвусь.

24 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

24.IX.29. <...> С банком неладно. Н.К. говорит, что он [Хорш] не разбирается во всём, ибо всё говорится неясно, цифры всё время меняются, и выходит тягость.

Настроение трудное. Атмосфера у них в доме тяжёлая. Сегодня и дети заболели - оба сразу, причём Ориола прямо нервна до истеричности, и поэтому у неё усилена астма. Ужинали с Н.К., пригласили его и Юрика в "Longchamps". Говорили о текущих делах, о какой-то разрозненности между нами, засасывании и бесхозяйственности. Один валит на другого, а о'кей Луиса красуется на самых ужасных вещах и указаниях. Всё это говорят - Джордон, Холл и другие. После ужина Н.К. говорил, что и Логван пройдёт всё, ибо, как на корабле, он уже поплыл и сойти нельзя. Пробил третий звонок, сходни подняты. Первый день пассажир брыкается, второй, а потом идёт по течению. Порума, будучи всё время с детьми, пошла назад и вообще поглупела. Так что Н.К. опять повторил: нам лучше всего держаться с Франсис. Он говорил, что знает все её недостатки, может тысячу вещей про неё рассказать, как она теряет ценные, только что продиктованные бумаги, но всё же с ней лучше быть вместе. Идея Н.К. о предоставлении зала Музея для имени старика Рокфеллера одобрена Учителем.

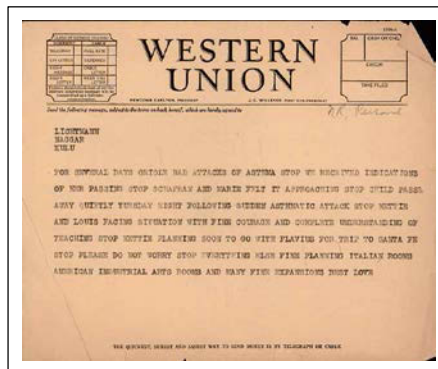
25 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

25.IX.29. Сегодня в полшестого утра Луис вызвал сказать, что Ориола умерла. Оказывается, у неё развилась пневмония вместе с астмой, при сильных средствах и вспрыскиваниях сердце не выдержало. Это сильный удар для всех. Конечно, ребёнок очень страдал, и ей теперь лучше. Флавий опасно болен тем же, и всё внимание на нём - дай Бог, чтоб он выдержал. Порума и Логв[ан] изумительно крепки и спокойны. Но душа болит за них. Это случилось в разгар полного успеха Дома и всех дел. Мы абсолютно не знали, что дети уже вчера были так больны. Мы просто думали, что у неё вечером был приступ астмы и пройдёт, как и другие. Н.К. говорил, что уже теперь видны знаки новой эволюции - ускорение сроков воплощений, что гораздо лучше для человечества. Время очень тягостное. Уже вчера днём я и Светик определённо чувствовали тягость и понимаем, к чему это шло. Н.К. нам даёт теперь всю свою силу.

25 сентября 1929. Нью-Йорк.

Телеграмма Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

НА ПРОТЯЖЕНИИ НЕСКОЛЬКИХ ДНЕЙ У ОРИОЛЫ БЫЛИ ПРИСТУПЫ АСТМЫ. ТЧК. МЫ ПОЛУЧИЛИ УКАЗАНИЯ О ЕЁ УХОДЕ ТЧК ШАФРАН И МАРИ ПОЧУВСТВОВАЛИ ЭТО ПРИБЛИЖЕНИЕ ТЧК РЕБЕНОК ТИХО УМИРАЕТ ВО ВТОРНИК ВЕЧЕРОМ ПОСЛЕ ВНЕЗАПНОГО ПРИСТУПА АСТМЫ ТЧК НЕТТИ И ЛУИ ПРИНИМАЮТ СИТУАЦИЮ МУЖЕСТВЕННО И С ПОЛНЫМ ПОНИМАНИЕМ ПРОИЗОШЕДШЕГО ТЧК НЕТТИ ПЛАНИРУЕТ ВСКОРЕ ОТПРАВИТЬСЯ С ФЛАВИЕМ В САНТА ФЕ ТЧК ПРОШУ ВАС НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ ТЧК ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ ПРЕКРАСНАЯ ПЛАНИРОВКА ИТАЛЬЯНСКИЕ КОМНАТЫ АМЕРИКАНСКИЕ КОМНАТЫ ПРОМЫШЛЕННОГО ИСКУССТВА И МНОГО ПРЕКРАСНЫХ ЭКСПОНАТОВ

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

26 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

26.IX.29. В 9 утра похоронили Ориолу - золотую птичку. Недолго она прожила с нами. Н.К. остался с Порумой [на] всё утро и буквально исцелял её, ибо она совсем без сил. Но она держится прекрасно, да и Логван, хотя у них глубокая рана, и больно чувствовать их страдания. Флавий очень серьёзно болен - живёт в кислородной палатке. У него бронхопневмония. Лишь бы он выжил. Все мы еле держимся на ногах от работы и последних тяжёлых дней. Но жизнь идёт. <...>

Ловенстейн был сегодня у нас - мы должны достать 250 000 \$. Нелегко! Бриз был, по-видимому, серьёзно работает, чтоб достать фонд на итальянский Музей и отделы. Конечно, возможностей много, когда они материализуются - неизвестно. А пока Н.К. говорит, чтоб мы высчитали, сколько денег нам нужно к 1-му октября по всем Учреждениям. Где их вообще достать! Переживём и это!

27 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

27.IX.29. <...> Сегодня Н.К. навестил отца Келли, известного католического священника, друга Отто Кана и Spiritual Director of Catholic Writers Guild, как он себя величает. Тот изумительно говорил об Н.К., Музее как о "великом международном источнике красоты и искусства". Сказал с улыбкой о протестантах, что они, мол, "протестуют и разрушают, и мы счастливы быть католиками!" Одним словом, говорил ловко и блестяще, обещал довести до кардинала Хейза сведения о Н.К. и Музее. Теперь, как Н.К. говорит, со всех сторон хвалят: большевики, англичане, католики - все! Затем днём доктор Флейчер говорил буквально тем же языком, что и доктор Келли. Католик и еврей - знаменательно! У нас желание расстаться со Штрауссом, сказав о трудности нашего положения. <...>

Вечером было первое заседание сибирской группы, устроенной Тарух[аном] у нас в Школе. Было человек восемь сибиряков - люди славные. Н.К. сказал им чудесное слово, напомнив о Беловодье - о Сибири - центре Азии. Затем Москов прочёл свою прекрасную статью о Н.К., Тарухан читал свои отрывки из книги. Затем мы пошли наверх к Поруме. Флавию лучше. Они держатся бодро. Говорят об Ориоле очень спокойно и правильно. Светлый, дивный дух Н.К. Если бы не он здесь, не знаю, что бы было!

Встреча со строителями музея Н.К. Рериха. Нью-Йорк, 1929.

В первом ряду, слева направо: София Шафран, Зинаида Лихтман (Фосдик), Франсис Грант, Морис Лихтман, Николай Рерих.

28 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

28.IX.29. Сегодня утром прибыл мистер Дэйрз, миллионер из Филадельфии, привёз его доктор Бринтон, он хотел дать серебряные рамы на все картины Н.К., прислать чёрный бархат для стен, занавесей. Но, в общем, возможно, что-то он даст. Забавный случай рассказал Н.К. Пришла старушка из Rosicrucian Center к Н.К. и всё говорила: я, я, я. Одним словом, о себе. Потом просила помочь ей. Н.К. и сказал ей: "Вы очень эгоистичны и должны отучиться от этого". А она в восторге говорит: "Вы мне помогли, ибо никто мне никогда об этом не говорил".

Днём Н.К. начал развешивать картины в Музее. Я случайно до развески пошла вниз и [только] зашла, [как] мне говорят: "Повсюду потух свет". Я вызвала сейчас [же] электрика, обслуживающего Дом, и он исправил освещение. Конечно, Н.К. это предвидит всё время - проблемы со светом. К вечеру мы зашли к Поруме, а затем Н.К. пригласил Нуцю и меня к ним в отель на ужин. <...> Было очень радостно с Н.К., Свет[иком] и Юр[ием]. После ужина мы имели Беседу и получили ответы на очень важные вопросы. О Музее, Доме и так далее. Затем ещё мы с Юриком, поехав домой, побыли у нас дома и пили валериан. Радостно быть вместе с Н.К.

28 сентября 1929 г. Нью-Йорк

Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

28 сентября 1929 г. New York

Родной мой Масик!

Получили Ваши письма от 31 августа и радовались узнать о Вашей бодрой работе и настроении. За последние дни у нас многое произошло. Вы уже знаете из нашей телеграммы, что умерла Oriola. Девочка ушла тихо после припадка астмы в 5.30 утра. Louis и Nettie приняли этот удар с замечательным мужеством духа. Во время похорон Папа оставался с Nettie на квартире, и после разговора с Пасиком Nettie вышла как бы перерожденная. Miss Grant, которая зашла к ней, воскликнула в удивлении: «I came to see sadness, but found happiness!» [Я шла увидеть печаль, но нашла радость! (англ.)] Большая победа духа!

Сейчас переживаем напряжённое строительное время. Hotel функционирует уже четыре недели. В Музее пришлось переменить «бурлап» на Japanese paper. Сегодня начинаем вешать картины. Весь New York говорит о Roerich Museum, и начинают приходить люди. Вчера приходил человек от Mrs. Rockefeller. Очень интересовался учреждениями и предлагал устроить свидание. Подходит крупная возможность Итальянского культурного центра. Говорят, что сам Муссолини «is in favor of it».

Работать приходится много. Только что закончил каталог для Тибетской выставки, которая также открывается 17 окт[ября]. Тибетская библиотека также заканчивается. «Урусвати» начинает получать в дар книги для библиотеки. Начну скоро их пересылать Вам. У Радны среди её книг нашёл английский перевод книги Блаватской «Из пещер и дебрей Индостана». Она утверждает, что у неё имеется также русский текст этой книги, которую она обещала переслать тебе. Мне помнится, ты интересовалась этой книгой.

В отдельном пакете посылаю Asvaghosha's «Awakening of Faith», список твоих книг, составленный Радной и в настоящее время находящийся у меня, а

также нашу старую кулинарную книгу. Пусть Людмила Вам что-либо приготовит.

Радовался слышать о Вашем «зоологическом» саде. Мальчик Юрик уехал и оставил лошадок, собачек, пушки и прочие детские игрушки. Попроси Сарт[ain] Ванон начать собирать гербарий лекарственных растений, обозначая каждое растение его туземным названием, тибетским и индустани. Это будет началом коллекции.

Крепко Вас всех обнимаю,

Любящий Ю.Р.

Надеюсь, скоро смогу вернуться.

Архив Музея Рерихов, Москва.

29 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

29.IX.29. С утра приём людей, учеников, записи новых, урок. Затем Н.К. пригласил меня и Нуцю к ним в отель. У нас был очень характерный разговор. Н.К. говорил, что, когда он сказал Франсис об указании написать Гуверу и Бора лично, она его упорно расспрашивала - он это [указание] получил один и как он его получил, слышал ли и так далее. Одним словом, она подозревала, что мы получили его вместе. Вот он и говорил о её ревнивой натуре и о том, что у неё всё на столе пропадает и что теперь он кладёт бумаги на стол секретаря, а Франсис его при этом спрашивает: "Значит, вы мне не доверяете?" И всё же он настаивает, что паблисити мы должны писать сами, всё делать сами, и настаивает, что это очень просто: надо взять старую паблисити за пример [на]писания. Увидим, как это можно будет провести. <...>

Затем я была до 7-ми в Музее, помогая при развеске картин. <...>

30 сентября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

30.IX.29. День упорной работы. Н.К., видя, что мечусь повсюду, воскликнул: "Ну а где же Катенька? Ведь так же нельзя, ведь ему было указано Учителем помочь вам!" Я ответила, что я его больше просить не могу, а буду делать сама как могу (Катенька Голем - прозвище для Нуци). Н.К. прошёл по классам, сказал, что нужно взять всё-таки людей! И шесть человек мыли и чистили, пока не пригладили и не привели всё хоть в мало-мальски приличный вид. Н.К. заходил мельком, погладил меня по плечу, сказал: "Миленькая моя", но он сам замучен. Развешивает до ночи [картины в] Музее, а целый день занят. Пришла телеграмма от Е.И. с Указанием, что золотая птичка [Ориола] опять вернётся. Порума мечтает уехать в Индию, но не знаем, когда сможет. Время трудное.

30 сентября 1929 г. Кулу.

Письмо Е.И. Рерих к Рериху Н.К.

30-9-29

Родной мой, любимый, чужало сердце грядущее горе и всю тяготу твою. Тяжело мне, что не могу быть физически около Вас, облегчить и тебе твою непомерную ношу. Очень тяжело было получить весть об уходе девочки. Но

Вл. так поднял дух наш указанием на возвращение её и на ближайший срок победы. Творческая битва всегда победна. Помнишь, я видела поседевшую Порумочку. Первый раз восьмого мая, второй раз тринадцатого. А затем сколько раз я была в Америке и как я всегда ласкала её, укрывая её у моего сердца. Была я и двадцать четвёртого Сент., но особенно помню утро двадцать второго Сент. Я была очень грозной, чётко видела свои сине-серебряные лучи, но говорила грозно и столько силы вкладывала в свои слова, что очнулась в полном изнеможении и голос ещё звучал в ушах.

Родной мой Пасик, сердцем так рвусь помочь Вам, и обо всех так болит оно. Написала письмо Порумочке, до отправки держу его у своего магнита, думаю, оно поможет ей перенести мужественно горе временной разлуки. Ведь действительно золотая птичка улетела к Великому Целителю. И в утверждённый срок прилетит обратно. Ведь Вл. опять отвоевал её в свой срок!

И мы знаем, что конечная победа за Ними, ибо Они действуют Великим Космическим Магнитом, сила которого необъятна, и когда приходит срок, всё подчиняется ему. И сроки эти близятся. И вся Астрология построена на утверждении законов Космического Магнетизма. Все дела наши идут с Космическим Магнитом, потому они не могут не развиваться. Вл. Так окрыляет дух наш. И сам Ты, мой родной, истинно, светоносный! <...>.

Спасибо Радночке за её заботы о Тебе. Мы часто вспоминаем её и хотели бы иметь её с нами во время наших бесед. Столько в этих беседах радостного и укрепляющего. Столько даётся прекрасного о великой силе, слагающей весь Космос, о силе Космического Магнита и о Главном Магните сердца. Ведь вся мощь Архата в Магните Его сердца. Я написала Порумочке беседу о сердце Архата.

Родные мои, любите друг друга, лишь в этом единении мощь. Горе сеющему раздор, и больше всего бойтесь маленьких подозрений. Не подняться духу, носящему в сердце тёмные мысли.

Спасибо также Авираху за его любовь к Тебе, мой светоносный воин. Что Модра, со времени её возвращения не имеем письма, неужели ей нечего сказать?

Радуюсь за успех моего Юханчика, пусть работает в полной уверенности успеха. За его имуществом следят сугубо...

Светуня, мой любимый, радуюсь, что Ты в Америке. Лотос хоней Тебе куплен, также четыре толы мускуса. Твоя покупка тоже налаживается, владелец согласен на Твои условия и высылает нужные бумаги. Мальчики мои, оберегайте нашего Пасика и храните своё здоровье. Окружите вниманием и лаской Порумочку и Логвана. Хорошо бы им принимать мускус.

Как чувствует себя Флавий, думаю, он будет крепче Ориолы.

Наша Рая схватила лихорадку, что-то вроде малярии, десять дней, как горит, температура доходит до сорока и пяти, и даже восьми десятых. Посреди дня её страшно трясёт. Но Вл. велел ей дать итальянское средство от малярии и по утрам мускус. Приехавший доктор сделал ей впрыскивания....

Архив Музея Рерихов, Москва.

ОКТАБРЬ

1 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

1.X.29. Школа началась при трудностях, служитель не пришёл: пришлось нанять спешно кого-то и лихорадочно спешить, чтоб всё приготовить, ибо все классы начались сразу. Но при всём наплыве учеников и новых приходящих записываться всё шло хорошо. <...> Работы было по горло до позднего вечера. Получилась телеграмма, чтоб Порума с ребёнком приехали бы по возможности скорее, а Логв[ан] позже с Н.К. поехал бы в Индию, а там его бы встретила Ента в Бомбее.

Вечером нам было сказано, что нужно провести совещание трёх адвокатов и судить банк за убытки. Если мы не атакуем их, нам будет плохо. Затем сегодня было открытие ресторана, Штраус и другие ужинали там и все хвалили. Музей подвигается в развеске. <...>

2 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

2.X.29. Сон С[офьи] Ш[афран]. Е.И. была с нами, прошла в Школу, вынула из сейфа и папок бумаги и облигации, начала их просматривать и была крайне огорчена. Затем пошла в Музей, всё посмотрела и сказала: "Картины висят слишком скученно". Затем прошла повсюду, по всем Учреждениям и сказала: "Когда же у вас будет порядок?"

Я беседовала с Н.К. об этом сне. Конечно, с бумагами трудно, не знаем, что Луис запутал и что он умалчивает. Но Ловенштейну верить нельзя. Относительно картин, говорит Н.К., это отчасти Светик устроил, развесив так тесно вещи и говоря, что это прекрасно, при всех. Но потом придётся их распределить. Вечером при развеске Музея я помогала, устала невероятно. Н.К. сам еле ходит. Были у Порумы позже, решили отказать нашей домработнице, ибо она никуда не годится. Ходили с Н.К. смотреть всё внизу - грязь невероятная, прямо антисанитарно.

3 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

3.X.29. День усиленной работы для всех. Все устали, Н.К. еле на ногах сам. В квартире Н.К. потолок до того намок, что провалился. Написал сильное письмо Шугарману, увидим, что тот ответит. Получено прекрасное письмо от Бора. Н.К. пригласил меня и Нуцю к себе на ужин. Завтра идут к адвокату узнать мнение о возможности действий с Домом. Рекомендован большой адвокат. Ловенштейн действует как бы в пользу наших врагов, но не на нас. Н.К. не думает, что Пор[ума] скоро поедет в Индию с ребёнком, но просил нас не говорить об этом вообще. Пусть будет пока в пространстве. Музей хорошо развешивается.

4 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

4.X.29. <...> Развешивали [картины в] Музее, были у Порумы, имели Беседу. А поздно Н.К., Юрий и Светик пришли к нам, и Свет[ик] открыл моего Будду из Дарджилинга. Нашли редкие старые манускрипты и изображения на шёлке.

Будда приблизительно 16-го столетия, очень старый. Одним словом, было огромное волнение. Разошлись поздно. Чудный вечер.

5 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

5.X.29. Утром в Школу пришёл Дэвид Грант - дельный адвокат. Тоже удивлялся нашему Ловенстейну. Затем мы все поехали к нему. Говорил он [Ловенстейн] прямо как адвокат нашего врага Bond & Mortgage, т.е. что мы неправы, а они ни в чём неповинны. Затем он нам доказывал, что у нас всё хорошо. Одним словом, ужасное чувство, я прямо заболела. Завтракали с Н.К. у нас в ресторане. Днём были заняты, я - по Школе, затем развеской картин. Открывали Будду Франсис, но он не такой старый, как мой, и в нём мало что нашли. Затем вечером опять принимали участие в развеске, уже много картин развешено. Затем Нуця, я, Н.К. и мальчики ускользнули потихоньку и поехали к ним и там имели чудную Беседу. У них радостно, чувствуется такое любовное отношение от всех. Н.К. поцеловал меня на прощание - дивный, светлый наш учитель. Чудный сон мне снился, будто я с Н.К., Юр[ием] и Свет[иком] ходили по пещере в Гималаях, нашли ряд ходов, священные предметы в одной комнате, будто принадлежавшие Св. Сергию. Было чувство, будто это одно из пристанищ Учителей.

6 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

6.X.29. Днём имела разговор с Н.К. Говорила ему, как враждебно Франсис относится ко мне и как она всех третирует. Н.К. сказал, что до 17-го мы должны всё перетерпеть, даже если она на голове ходить будет. Иначе многое не будет закончено, а главное - это не упустить 17-е, ибо с этим числом придут все большие возможности. Н.К. сказал, что она сегодня и с ним не хотела говорить, и Светику не отвечала, и он мог бы рассказать о ней в сто раз больше, чем говорит. Но теперь не время. А после 17-го её отделят от других дел, и ей придётся показать работу по большому делу Издательства Музея Рериха, а теперь же, кто имеет больше всех терпения, тот и вырастет. <...>

Говорил, как ему трудно со Светиком, что бы тот ему ни говорил, он должен молчать и говорить "да", иначе будут сплошные неприятности. И какой трудный Юрий. Потом говорил о Боткине, что тот после 17-ти лет вражды к Н.К. пришёл к нему и сказал: "Вы мой друг и всегда были им". И это была истинная победа. Вообще, когда Боткин говорил ему: "А я думаю взять ваш кабинет себе", Н.К. отвечал: "Отлично, правильно, берите!" А тот ему: "Ну а вы где же будете?" - "Найду, не беспокойтесь", - отвечал Н.К. А тот этого пугался, и говорил: "А не лучше ли оставить по-прежнему?" - "Да ведь вы же хотели?" - "Ну, я передумал. Я с вами останусь в кабинете". - "Как хотите, и это можно", - говорил Н.К. Так и нам, и мне поступать. <...>

А вечером мы с Франсис ужинали у них, а затем была Беседа и получили ценные Указы. Странно, что Свет[ик] настаивает на получении ответов и посланий через стуки.

7 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

7.X.29. Н.К. видел Брисбейна, говорит, что он глуповатый, но хороший человек. Во время завтрака Н.К. говорил ему о Тибете, а тот записывал. Обещал

прийти в Музей. Миссис Бузениус пока ещё ничего не принесла, а устройство итальянской комнаты вряд ли даст что-либо Музею, как говорит Н.К. Ещё нам будет стоить содержание такой комнаты. Трудно у нас работать, беспорядок. И нелегко, ибо, когда что-либо говоришь, всё против. Не знаешь вообще, как и поступать. Вечером поехали к Н.К. и сидели, имели Беседу. Было Сказано, что надо сидеть три раза в неделю, как и было Указано. Много трудного накопилось теперь, когда же будет легче!

8 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

8.X.29. Н.К. решил пригласить всех русских на открытие. Будет и бывшая Великая Княгиня Мария Павловна, и другие видные русские. Утром получено письмо от Бэттла, адвоката, что нам отказано в освобождении от налогов. Это будет трудно, если надо будет платить. Вечером Н.К. выступал по радио. Мы его слушали: говорил он необыкновенно ясно и звучно - отлично звучало. После мы отправились к нему на дом и имели Беседу. Получили ответы на вопросы. Завтра утром Н.К., Юрий и миссис Аттватер едут в Филадельфию повидать мистера Дэвиса и миссис Тэйер - очень богатых и полезных людей.

8 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

8.X.29. Сегодня звонила Юрию в Филад[ельфию] сообщить ему, что Фикинс достал ему приглашение читать лекции в [городе] Гранд Рапидс штата Мичиган за 200 \$. Потом подтвердила его согласие Фикинсу.

Днём у меня были Катрин, миссис Велч и Светик на чае. Было очень мило. До того Свет[ик] повесил у меня две своих картины. Затем он пригласил нас к себе на ужин с Нуцей. Уехали домой рано. Н.К. ещё не приехал обратно. Штраусс заложил облигации стоимостью 12 000 \$ за 10 000 \$. Так что с пожертвованиями Штамма и тем, что одолжили Джудсон и Розенталь, у Луиса [есть] 32 000 \$, которые он уплачивает подрядчикам. Мы чувствуем, что деньги у него есть, но он их не хочет давать. Он говорил Свет[ику], что сделал недавно на бирже 100 000 \$.

9 октября 1929 г. Кулу

Письмо Е.И Рерих к Рерихам Н.К., С.Н., Ю.Н.

Пропавшее письмо

Private

9-X-29

Любимый, родной Светуня, зная твою чуткость и твоё большое сердце пишу в полном доверии, прочти Пасику и Юханчику. Решила писать на твоё имя, ибо Пасику труднее скрыть это письмо от наших.

Очень огорчает меня и даже пугают письма Радны злоупотреблением имени Пасика. Получили целый ряд писем с нападками на Поруму³ и всё это с ссылками на Пасика. Father said so... [Так сказал Отец (англ.)] Последнее письмо после обычных осуждений и подкреплений их Father so justly said and we know now stubebornly small is Poroma. [Отец так справедливо сказал и теперь мы знаем, что Порума-это очень незначительно (англ.) – ред.]

³ Порума – Нетти Хорш.
Радна – З.Г. Фосдик

Родные мои, явите всю бережливость в отношении Л[огвана] и П[орумы], они так одиноки и ценят каждое ласковое слово. Никогда не забуду, как они звучали на мою ласку.

Пасик, родной, придай Л[огвана] силу и уверенность. Подойди сердцем к П[орумы], она так тебя ценит и понимает. Их письма о тебе так чудесны. И так не вяжутся с тем, что о ней пишут, как она мешает и затрудняет все дела. Забыты все её труды и заботы во время тяжкого для каждой женщины времени. Почему очевидность так туманит глаза?

Неужели «глазу Ур.» нет места в делах Уч.? Долго не хотела тебе писать, чтоб не отяжелить тебя, моего родного, зная, что ты разберёшься сам в этих сложных отношениях, сложившихся среди членов круга. Но после получения последнего письма Радны, мы имели от Вл. указания, которые и привожу для вашего осведомления. Также было и Указание, чтоб написать тебе и Светику. – «Сердце подымает все начинания. Только сердце может поднять все части, как магнит. Только самые устремлённые лучи подымают дух. Не являют Щиту понимание. *Страшно то властное устремление, не щадящее облик Гуру.* Пусть поймут, что Я дал Гуру для почитания, для продвижения, для объединения, для построения. Негоже укрываться под щитом Гуру! Конечно, можно пресечь, но каждый должен дойти сам. На работу Я призвал всех сотрудников, и члены – не судьи устранять друг друга. Пусть образумятся! Ты знаешь истину. Я, Я, Я! Помогите научить, научить их любить Учение не головою, но сердцем. Пусть ваши имена не связывают с жестокостью. О свете вашего духа не им судить! Архат знает! Явлено прикрытие именем для своих целей».

Помнишь, ещё в двадцать втором году было указано: «Явите понимание нраву, явленному нам во времена Соломона!», а также, что её дух может не выдержать.

Родной мой Пасик, помоги ей совладать с её властной натурой. Она имеет много ценнейших качеств и во многом незаменима, и все мы её ценим и любим, но не будем губить её чрезмерным доверием. Ещё было сказано в том же году: «Величайший вред дать Р[адне] слишком большое знание». И тогда же была указана Порума, которой будет дано большее знание.

Пасик, любимый, Радна в лидеры не годится, ибо слишком любит властвовать и прикрываться щитом Гуру. Дух мой чуял её непонимание Учения, и помнишь, как я скорбела, что не смогла дать ей понимание это. Не было у неё времени и не было аттьюнмента⁴. Сердце её очерствело и это самое страшное, ибо лишь сердце даёт всему жизнь, само творчество без участия сердца бесплодно, и вся психожизнь в сердце, и сознание Архата в сердце.

Светуня был трижды прав, и я трижды прошу у него прощения! Мальчик мой любимый, помоги и ты наладить правильное соотношение в круге.

Много вреда нанесла делам С.М.⁵ При тебе, мы знаем всё будет хорошо – «Луч Ф. поможет», а что будет, когда ты уедешь? Ведь она медиум и дух её часто допускает воздействие тёмных сил. Я виновата, что, желая поднять её, вознесла на не принадлежащее ей место, и, конечно, она не сумела принять его с достоинством. С.М. сеятель тёмных подозрений и сомнений, и расшатыватель основ Учения. Боже, как трудно руководить людьми!

⁴ Edutainment (англ.) – самообучение.

⁵ Софья Михайловна Шафран – мать З.Г. Фосдик (ред.)

Я понимаю, что она была очень нужна для передачи посылок, которые наши не могли ещё непосредственно воспринять духом. Но если она не будет поставлена на место, вред превысит пользу. Конечно, всё решение в руках Вл.

Не худо было бы перечитать все указания. Ведь Радне назначается работа по школе с секретарём, но это не значит, что другие там не имеют места и что все работающие в школе всецело ей подвластны. Не гоже умалять других. Каждый отвечает за свой класс и имеет равные возможности.

Л[огван] отвечает началу Ф[уямы]. П[орума]. отвечает началу Ур[усвати] и названа глазом Ур., значит её место всегда и везде. Радна – страж, и страж доносит, но не решает. О[яна] – свидетельница, и истинно, она свидетельница. Она будет вести всю историю кр[уга].

Неужели, родной мой Пасик, ты исключил бы меня из своих дел?, а П. очень отвечает моему духу. Вл. очень нежно говорит о Пор., и ещё недавно подтвердил, что П[орума] явит Учение в Америке. Архат имеет сердце и сердце матери Ему близко. Надо быть матерью, чтобы понять, что значит видеть страдания ребёнка, и что значит потерять второго ребёнка.

За что Радна так не любит Пор[уму]? Неужели она ревнует её к нам? Когда я беседовала с П., она зажигалась при каждой широкой мысли. И сейчас должна сказать, что Ояна в понимании Учения стоит много выше Р[адны] и М[одры]. У нас замечательные беседы, которые вечерами углубляются Уч. В будущем возлагаю большие надежды на неё. Она тонко понимает, как тонко нужно охранять Облик Уч. и земного Гуру. При этом дух её очень устремлён к Светику, она сказала мне, как тяжело бывает моему мальчику. В нём она надеется найти мощную поддержку, ибо у него глаза открыты.

Пасик любимый мой, люби мою П., «она бедная запугана» - сл. Вл.

Светуня, птенчик мой, помоги мне дать радость Пор. Юханчик и Логв. могут быть большими друзьями, между ними есть симпатия, углубите её.

Родные мои, всё сердце, все думы с вами, и так хотелось бы облегчить вам трудную задачу. Раскрытые глаза уже есть часть победы. Согласие необходимо достичь, но временно кому-то придётся пережить тоскливые часы.

Грустно, что никому нельзя доверять, но так оно есть, и, любя сотрудников, не будем их перегружать доверием. Помнишь, что сказано о поклаже доверия.

Тяжёлая битва кругом, но космический магнит ведёт наши дела и потому за нами победа. Мальчики мои, берегите Пасика и самих себя. Много радостного впереди. Посылаю вам силы и часто бываю у вас.

Радуюсь всем отзывам о книгах и картинах. Книга Алтай-Гималаи – лучший паспорт, она много помогла рассеять глупые толки. Пришлите англ. и русск. Агни Йоги. Что Криптограммы?

Обнимаю вас, мои любимые. Духом с вами.

2.XI.

Тяжело было писать это письмо, не люблю приводить слова осуждения, потому, родные, прочтя его, *сожгите немедленно*.

Родной мой Пасик, знаю, как трудишься ты, как идёшь к победе, как мощь Вл. всегда с тобою. Много думаю сейчас о старом Р., хорошо, что зала в музее названа его именем. У нас ходят слухи, что разрешение дано, но мы ещё никаких подтверждений не имеем.

По-прежнему все местные жители хорошо относятся. Наш менеджер неплохой человек, предан нам, но, конечно, он индус, и дисциплину работы не усваивает так легко. Конечно много упущений, так сейчас пропало много травы, из-за того, что вовремя не сумел запастись рабочими. Наш другой советник на днях кончает с покупкою Св. пока без регистрации. Спасибо Светуне за телеграммы. Радуюсь успеху Юханчика. Как Америк. бумаги? Думаю, что вам скоро полегчает, очень тяжелы были токи в Октябре, и Сентябрь был нелёгко.

Сейчас у нас значительное похолодание, предсказывают раннюю зиму. Чувствую себя неплохо, временно боли оставили, но приливы очень сильны и очень много огней. Каждое землетрясение, каждый падающий метеор, все токи отражаются на мне, замечательно поучительно сопоставлять эти явления с проявлениями внутренних огней и ощущений. Землетрясения обычно сопровождаются появлением красных огней, взрывами психической энергии и головной болью. Ояна видит много замечательного, почти каждую ночь она проводит со мною и я её учу, многое она запоминает. Видит также мою ночную работу, о которой я имею лишь редкое представление, ибо иначе моё сердце не выдержало бы.

Моя работа сейчас состоит в собирании и намагничивании духов шестой расы, и ты, родной мой, сеешь те же семена. Радуюсь, что Порумочка решила приехать, ведь только здесь в этой ауре она может воспринять основы Учения. Если бы кр. понимал лучше Учение, всё было бы гораздо легче. Всё стало бы на своё место, а сейчас многие великие понятия умалены. Пора им понять, что без Учения не пройти, и лишь Учением и Именем Уч. можем привлекать людей. Но это не значит, что следует кричать об этом на базарных площадях. Лишь необычное может привлечь необычных людей, в которых мы нуждаемся. И пора начать сеять великие семена, доверенные нам не для сокрытия, но для раздачи. Ведь столько ищущих, которые не знают, как подойти, нужно знанием духа дать каждому искру нужную. Пусть наши поймут, сколько красоты придаст им Учение, и завет «Господом твоим» даёт подход к самым, казалось бы, неприемлемым людям.

Всегда сердцем и духом с вами, мои любимые.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

10 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

10.X.29 Н.К. утром говорил, что в Филадельфии было всё очень успешно: доктор Бринтон познакомил с молодой барышней, мисс Вент, у которой шесть миллионов и совершенно одинока - она интересуется "Урусвати". Затем Н.К. обедал у миссис Тэйер - известной миллионерши, она сказала, что знает про Н.К., ждала его и видела Учителя. Затем мистер Дэвис даст свою выставку к нам в Кор[она] М[унди] и будет полезен в будущем. В общем, всё шло хорошо, и миссис Аттватер и доктор Бринтон оказались полезными.

Я завтракала с Н.К. у нас в ресторане. Он говорил, что люди приходят через Учение и хорошо, что новые люди и иногородние, ибо из Нью-Йорка не придут. Н.К. отсоветовал Пор[уме] ехать теперь в Индию, ибо, если она сейчас не едет, потом невозможно, ибо в Кулу суровая зима. Днём были миссис Ителсон и мистер Старр из Starr Commonwealth [Федерация Старра]. Первая хочет

купить картину Н.К. Вечером Н.К. приглашал к ним ужинать, но я отказалась, ибо было много работы по Школе. Н.К. взял к себе в "Ritz [Tower]" Франсис с машинкой и диктовал ей массу нужных писем.

11 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

11.X.29 <...> Утром к Н.К. пришёл Великий Князь Александр Михайлович с секретарём Румановым, был в восторге от Музея, провёл все утро. Днём у Н.К. был Бринтон, завтракал с ним. <...> Были на лекции Юрия, которую он дал для сибирской группы Тарух[ана]. <...>

12 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

12.X.29 У Н.К. был Скидельский, очень намекал, что ему следует за картины (два панно) больше, чем он получил пару лет тому назад, - от него можно ожидать пакость. Затем Н.К. навестил Лапрадель, очень много людей теперь ходят - все хотят видеть Н.К. и очень утомляют его.

Днём мы все пошли смотреть "Storm over Asia" [(англ.) "Буря над Азией"] - чудная картина Совкино, но такая пропаганда для большевиков, что нам невозможно её показать. Затем Нетти и Луис поехали домой, а мы все к Н.К.

Имели Беседу - опять Сказано беречь здоровье Н.К., Поруме и мне. Указано, что Великий Князь познакомит Н.К. с миссис Хёрст. Я задала два молчаливых вопроса: скоро ли я поеду в Индию, и будет ли мне легче на душе в ближайшем будущем после 17-го. На оба вопроса Отвечено было положительно. Я всё недоумеваю, почему мы встречаемся отдельно от Луиса и Нетти - это на них действует тягостно. Это, вероятно, тягостно и Н.К., ибо он намекал на это и хочет вообще переехать в Дом. Как это возмутительно, что его квартира ещё не готова. Все мы уже живём месяц, а его ещё нет здесь. <...>

1, 13 октября 1929 г.

Письмо Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке

1-X-29. Аэроплан, вёзший почту, погиб, но О. имела копию письма, потому и посылаю его вам. Конечно, оно должно было прийти тремя почтами ранее, сроки имеют большое значение, но думаю, что оно ещё не совсем неуместно.

13-X-29. Родные мои, давно хочу спросить вас - написаны ли у вас на отдельный лист все Указания Вл. Относительно дел, назначений, а также собрал ли каждый из Вас личные к нему обращения Вл.? Это необходимо сделать без дальнейшего отлагательства. В этом мы с О. можем помочь Вам.

Последнее время очень много думала о всех наших членах круга, ещё и ещё раз убеждаясь, насколько все незаменимы и нет лишних. И немудрено, ведь собирал их Вл. И как легко при подобных условиях достичь полной согласованности, обеспечивающей победу во всех направлениях. И как легко при подобных условиях достичь полной согласованности, обеспечивающей победу во всех направлениях. Но сердцу моему чуется, что есть что-то мешающее этому объединению. Как же помочь этому?

Конечно, решение одно - понимание Учителя и Учения не головою, но сердцем. Следовательно, нам нужно обратить внимание на развитие нашего сердца. На этот изумительный орган, вмещающий в себе, в своих

многочисленных центрах, весь синтез накоплений, всё творчество и всю психожизнь. Без развития центра сердца, мы бесплодны, нет творчества психожизни, нет жизни в высших сферах и не доступен венец Архата. Только сердцем мы можем приблизиться к сознанию Учителя-Архата, ибо Его сознание в сердце. Тускло живёт в сознании людском понимание Архата, и без этого понимания невозможно продвижение. Привожу определение Архата из книги «Жизнь Братства»: «Принято видеть Архата в области облачной. Рекорды мышления ужасны и смешны. Истинно, Мы - Братья человечества не узнаём себя в представлениях человеческих. Наши облики так фантастичны, что Мы думаем, что если бы люди применили фантазию на противоположное, то Наше Изображение приняло бы верную форму. Кармическая связь точно исчезает, когда мышление представляет себе Архата. Всё в другом масштабе, всё невероятно, всё не отвечает действительности. Скажем, идя к высшим мирам, Архат беспределен во всех проявлениях. Архат идёт, неся силу Космического Магнита в сердце».

Я уже писала моей Порумочке, как живёт этот облик в высшем сознании, но дам ещё отдельные выдержки, чтоб сильнее запечатлеть в ваших сердцах:

«Сердцу Космоса равно сердце Архата. Огню солнца равно сердце Архата. Вечность и движение Космоса наполняет сердце Архата. Майтрейя приходит и горит всеми огнями и горит сердце Его состраданием ко всему обнищавшему человечеству, пылает сердце Его утверждением новых начал. У людей живёт понятие мёртвых Архатов и бедные йоги питают воображение их своими образами. Когда же человечество поймёт, что Архат есть высшее проявление Материи Люциды, то оно поймёт, что нет разграничения между Материей Люцидой, дающей Свет и материей любви, облекающей всё светом. Человечество облекает Архата в суровую оболочку, но Материя Люцида сияет любовью. Когда можно будет озарить человека Нашим Образом? Мышление трудно осознаёт чистоту сферы. Скажем тому, кто знает путь к Нам – иди путём любви, иди путём труда, иди путём Щита веры. Тому, кто нашёл образ Наш в сердце своём – иди, сердце и чаша путь утвердит. Тому, кто думает, что постиг свой путь самомнением, тому скажем – иди поучиться у духа, знающего завершение». Самомнение останавливает продвижение, в зове сердца заложено всё творчество, весь Космический простор наполнен зовом, и сердце Космоса, и сердце Архата полны зова. Зов и отклик являются сочетанием Космических огней».

Ключ к Учению каждый должен найти в сердце своём. Понимание Учения может открыть творчество духа. Учителя Облик может дать озарённый путь к Космическому простору. Итак, приняв в сердце начертанный Облик, разве не загоримся любовью ко всему существу? Творческая Материя Люцида одевает высокий дух, но энергия эта рождается лишь любовью. Любовь держит весь космос. Любовь есть величайший магнит!

Любимые, любовь ко всем Вам и горение к Вашему продвижению подсказывает мне указать на необходимость улучшения. Как Ваша духовная мать, утверждённая Вл., шлю Вам эти советы, идущие от сердца. Начну с моей родной Порумочки, «отвечающей началу Ур.», и ещё раз утверждённо в 28-9-28 году, как «глаз Ур. во всех Учреждениях». «Глаз Ур., глаз матери всё усмотрит». Ей необходимо приобрести больше веры в свои силы. Новая ступень, данная ей Вл., обязывает её проникнуться всей ответственностью этого назначения. Всею силою духа должна углубиться в Учение. Ведь ей

заповедано привлечь много сердец и стать им матерью-наставницей. Влад. знает возможности, заложенные в её сердце. Устремлённым духом может готовиться к этой великой миссии. Родная моя, близкая мне духом, близкая узами земными и близкая приближением к Вел. Братству, счастье близко! О. привезёт много очень глубоко касающегося основ Бытия, найдите время вместе с нею углубиться в эту глубину. Ключ у неё имеется, она нашла его в сердце. Родная моя, особенно следует обратить внимание на мудрые звёздочки, эти указующие искры безошибочны и могут проявляться лишь во время сближения сознания с Учителем и Космическими огнями. В Тибете они известны, как пророческие огни.

Логв., носителю доверия Вл. И «Отвечающему началу и руке [Фуямы], следует учиться у Ф. главенствовать без насилия. И после отъезда Ф. принять на себя решение всех действий. Мы все подчинены Ф. в его решениях и такая же параллель должна будет быть проведена в будущем Логв. в Америке. Во всех решениях Ф. подчинён Вл. Во всех решениях мы подчинены Ф. По отъезде Ф. все решения действий принимает на себя Логван. Цепь должна быть охранена. Родной Логв. в сердце найдёт решение. Ведь символ «Направляющего» всегда было в сердце! Кто любит власть, тому Вл. никогда не дадут её. Милый Логв., шлю мою любовь, зная преданность его сердца.

Милому Авир[аху] скажу – пусть не умолчит, где нужно сурово сказать. Пусть смело выражает, что чувствует, защищая дела и имена Уч. и земного Гуру, помня, как скорбит Вл., когда Мужчина лишён своего лучшего украшения – мужества. Без мужества нельзя подняться на следующую ступень. А ведь она близка. Милый А., сердце Моё близко Вашему!

Модр[е], доброму вестнику, прежде всего, следует наблюдать за точностью срока исполнения в передаче вести. И всюду вводить порядок. Эти первые ступени дисциплины духа необходимы для продвижения. Ведь её высокие творческие качества, её чуткость к красоте легко могут вознести её на высокие ступени и негоже, чтоб эти недочёты подрезали крылья её духа.

Модрочка, любимая, поноси простой камешек, как сокровище мира!

Моя родная Радночка, сердце моё говорит сердцу твоему. Страж верный должен следить, чтоб Учит. и земного Гуру. «Нужно Имя Уч. держать высоко, Гуру дан для почитания, для продвижения, для объединения, для построения. Бережливость к словам Гуру земного есть понимание Учения. Злоупотребление словами Гуру равняется предательству. Страж верный охраняет Облики Уч. и земного Гуру, ибо эти понятия, как священные утверждения в цепи Иерархии.

Соф[ью] Мих[айловну] прошу всегда, де заметит проявление сомнения или же подозрения, немедленно напомнит, как опасно двойственное мышление, рассеивающее сознание и тем останавливающее устремление, которое есть источник жизни, зало продвижения и успеха дел. Крылья подозрений несут человека в бездну, из которой трудно подняться, и потому С.М., усмотрев эту пагубную психозаразу, немедленно подымет знамя доверия, на котором будет начертана формула Владык – «Доверие до конца!» В этой творческой формуле всё счастье, все достижения и все возможности. Соблюдением этого принципа пересоздаётся мир. Шлю сердечный привет. Я помню, как просто и с каким доверием С.М. подходила к Учению, и это единственный правильный путь!

Теперь, любимые, ещё один общий особо верный совет. Следует помнить, что, *применяя эти советы к себе, нужно явить сугубую суровость*, но для брата найти глаз добрый. Завет Владыки – суровость к себе и открытое сердце к брату. Лишь глаз добрый творит. Помните, родные, как Вл. всегда указывал *прикладывать Учение, прежде всего, к себе*, иначе останемся на той же ступени. – «Плачевно когда дух назначает себе тот же предел и порождение спутник верный ждать будет у порога».

Родные, развивайте чувство справедливости и соизмеримости. Оба эти качества измеряются сердцем. Начните думать о сердце, чтобы помнить о нём и затем прислушайтесь к звучанию его. Ведь самый мощный магнит – сердце. Манит этот притягивает все возможности и растёт с искренностью и устремлением.

Ничего отвлечённого в этом нет, ибо все тончайшие космические энергии проходят через сердце. Все тончайшие, значит, все самые мощные и самые творческие. Но чтобы привлечь эти творческие энергии, нужно возжечь огни сердца.

И так, родные, горите всеми огнями! Но не принимайте сентиментальность и слезливую доброту за суровое, мудрое явление сердца. Помните, что сказано о сострадании и жалении.

Любите друг друга, храните друг друга, радуйте друг друга!

Сердцем и духом с Вами, *Е.И.*

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

14 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

14.X.29. Получили замечательную телеграмму “Учителю Красоты и Мудрости, сочлену из Гималаев”, и в этот момент Нуця поднял флаг над Музеем в первый раз, пробуя его. Уже получаем телеграммы - замечательная от премьер-министра из Кулу, от Альберта Эйнштейна. Завтра ждём письмо от президента Гувера - устроенное Юриком через Пель. Сегодня утром все работали напряжённо. <...>

Днём был майор Рапикаволи, который вчера приехал из Италии специально к открытию Музея. Н.К. думает послать через него послание и танка в дар Муссолини. Вечером ужинали у Н.К., потом все сидели вместе. <...>

15 октября 1929 г.

Приветственное письмо Г.Д. Гребенщикова к Н.К. Рериху, по случаю 40-летия творческой деятельности.

Дорогой Николай Константинович!

Группа Сибириков, сынов и дочерей необъятной страны великого будущего, объединённых искренней любовью к Вам и ко всем учреждениям Музея, воздвигнутого Вашим именем в легендарно-могучей Америке, поручила мне выразить Вам – по случаю 40-летия Вашей изумительной созидательной работы – чувства своего восхищения и горячей благодарности за ту радость, которую Вы несёте в Вашем творческом благовествовании.

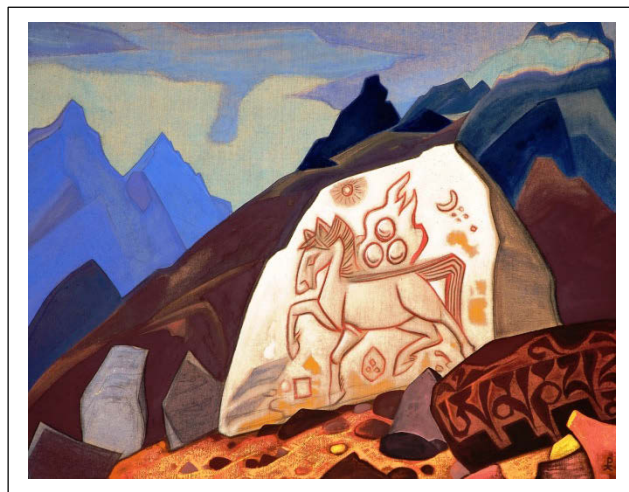
Почитая за великую честь работать вместе с Вами для идеалов, Вами проводимых в жизнь, мы, помня заветы Ермака и Потанина о великом будущем Сибири, хотели бы под новыми знамёнами труда и красоты вынести на широкий путь наш лозунг культурного и практического объединения Сибири и Америки. В этом объединении мы предвидим не только великую цель духовного и материального обогащения народов Азии и Америки, но и начало новой эры для водворения истинного мира на земле.

Вам, указующему «Пути Благословения» и открывающему для всех народов «Сердце Азии», несомненно, ведомо, на каком великом перепутье человечества лежат великие и девственные материки Сибири. По нашему глубокому убеждению, только там, под дозором белоснежных высот Алтая и Гималаев, будет строиться новая Культура как новая ступень для общечеловеческого восхождения по истинным Путям Благословения.

По поручению Сибирской группы Друзей Музея Рериха –

Георгий Гребенщиков.

Архив Музей Н. Рериха в Нью-Йорке. Автограф.

Н.К. Рерих. Белый камень. 1933.

Георгий Гребенщиков

БЕЛЫЙ КАМЕНЬ
Посвящается светлому имени Н.К. Рериха

Так и было, и никогда не забуду, как однажды, подъезжая к селу со стороны деревни Убинской, увидел белый, далеко сияющий в солнечных лучах, лежащий на южном склоне высокого холма кварцевый камень. И русские звали его киргизским именем Алатас, что значит - белый крепкий высокий Аллахов камень. И этот камень врезался в моей памяти на всю жизнь, как нечто светлое, как символ близости родины, как знак близкой встречи с матерью, как светлый, высоко горящий на солнце своею белизной маяк для путника и, наконец, как нечто вечное, неистребимое по своей крепости.

Много лет спустя, когда волею судьбы я стал уже романистом, накануне 1924 года, мне посчастливилось встретиться с Н.К. Рерихом. Он направлялся тогда в Индию и принял меня на рю де Мессин в Париже. Я предложил ему помочь мне основать книгоиздательство, и, когда он это одобрил, и мы стали

выбирать для книгоиздательства название, я снова вспомнил своё детство и как путевой маяк тот белый камень Алатас. Николай Константинович не только одобрил, но и обогатил его своим замечанием: “В слове этом трижды повторяется буква “А” – а эта буква означает собой нечто изначальное и живоносное”. И Н.К. внёс свой пай на основание дела, помог нам переехать в Америку и здесь, в его отсутствие, но с помощью его друзей-американцев, “Алатас” 7 мая 1924 года был инкорпорирован и начал свою жизнь как американская корпорация.

Корпорация “Алатас” в течение пяти лет испытала целый ряд материальных затруднений и всё-таки не только не погибла, но и находится на пути к дальнейшему развитию. Именно это скромное, с сибирским именем книгоиздательство выпустило одну из самых важных философских книг Н.К. Рериха под названием “Пути Благословения”. Эта книга, между прочим, вошла в пантеон мировой литературы, будучи избрана в библиотеку международных сокровищ человеческой мысли (Избранные книги мировой литературы при Лиге Наций). А теперь под знаком того же белого сибирского камня только что вышла новая книга Николая Рериха под заглавием “Сердце Азии”. Только на днях мы слышали лекцию старшего сына Рериха – Юрия Н. Рериха о путешествии рериховской экспедиции по Азии, и, когда я увидел многочисленные изображения на экране из той далёкой жизни и природы, как много знакомого и почти родного я нашёл. Та же нищета и пустынность жизни, что я наблюдал в Сибири, то же одиночество пустынных степей и та же неумолимая суровость северной зимы, когда под сугробами снегов десятками покорно погибают медленной голодной смертью самые выносливые корабли пустыни – верблюды. Они ложатся в ряд в надежде согреться друг о друга, снег их покрывает толстой ледяной корою, из-под которой они уже никогда не смогут встать. Так под снежным покровом они и умирали. И тут же рядом, в неутеплённых палатках, под сугробами снегов, проводили жизнь свою и члены экспедиции. И Н.К. Рерих умудрился даже создавать здесь новые и новые творения своей кисти и своего пера. И вот теперь наряду с красотою его картинных галерей, открывающихся сегодня в новом, 24-этажном доме его имени, мы можем изучать и его мысли, его образы и искания в пустынях Азии. Сколько одолел он недоступных высот! Как часто рисковал своей жизнью и жизнью своих близких! Почему и для каких конечных целей он это делал? Ответ на это может дать всё та же книга, в которой впервые даются людям изумительные откровения о том затерянном в пустынях Азии таинственном пути, который может привести всех ищущих истины к светозарному смыслу жизни, к неведомому миру новых радостей. Когда я читаю и перечитываю эту книгу, я даже боюсь, что многим она будет непонятна. Ведь всякий знает, что такое пустыня жизни, что такое эхо ищущего голоса, за которым дети гоняются в глухом лесу. Но именно тот, кто некогда мечтал о путеводном маяке в пустынном бездорожии, кто увидал хоть раз на высоте далёкий белый камень как знак какой-то чистоты и крепости – тот поймёт и примет в лучший уголок сердца всё то светлое и зовущее, что нашёл в пустынях и замечательный современник Рерих. Мне выпала большая радость изредка видеть Рериха в его работе. По утрам встаёт он очень рано, а по ночам ложится позже всех своих сотрудников, и никогда вы не увидите усталого выражения на его лице. Нет ни одного, ни крупного, ни малого вопроса, обращённого к нему, которого он не рассмотрел бы и не разрешил бы самым внимательным образом. Я не помню, чтобы когда-

нибудь он с кем-нибудь заспорил или сказал бы “нет”. Он всё выслушает, на всё найдёт мудрый ответ, и всякий придорожный камушек, несмотря на всю его серость или запылённость, он поместит на своё место в его творческой панораме жизни так, что камушек может гордиться, и всякий, кто посмотрит со стороны, только порадуется за судьбу такого камушка.

Будучи сам совершенно белым, Н.К. Рерих во всём любил чистоту и белоснежность. Белая гора, белый камень, белый всадник и в особенности белый камень в словах и изображении Рериха приобретает какую-то особенно прекрасную символичность или легендарность. Во всём этом есть какой-то зов к духовной и физической чистоте, к белоснежным вершинам, к чистым путям совершенствования. И в то же самое время сам он во всём прост, для всех имеется у него что сказать, ничьё мнение не осудит и постоянно даст самый светлый совет, самое утешительное слово – без слащавой доброты, без обманчивых обещаний.

И потому так радостно, что именно такой, наш родной русский человек, уже сорок лет созидающий на многочисленных полях культуры и искусства, столь достойно почётен в Америке путём создания ему ещё при жизни грандиозного памятника – завершённого белою тибетскою “ступой” знания – храма, названного Мастер Билдинг, то есть Дом Учителя.

Недавно тёмной ночью, подъезжая со стороны штата Коннектикут по берегу Гудзона, я увидел издали на Риверсайд-Драйв самое высокое здание на всём берегу, и вершина его пылала белым светом. Я сразу узнал наш дом и вдруг почувствовал, что не могу больше ехать. Сотни мчавшихся вместе со мною автомобилей окончательно ослепили моё зрение, и ещё что-то накатывалось на глаза, мешающее и влажное. Я с трудом кое-как выбрался из лавины автомобилей, остановил свою машину в стороне и, протёрши платком глаза, с забываемым волнением смотрел на ярко освещённую белую “ступу” – дочь пустыни и говорил себе: ведь это он, тот самый путеводный белый камень с родимых гор Алтая! Ведь это наше, созданное нашим гением, для нашей славы и для дальнейшего роста сокровище нашего разума и духа вознесено на эту высоту.

Какое счастье сознавать, что мы, изгнанники из своей страны, не превратились в пыль и не стали рабами дешёвых вождельней, но творим и идём победно к вершинам жизни и к красивым горным достижениям той самой святости и того подвига, которые хранят суровые пустыни Азии. И вспомнил я, что некогда давно я был грубо изгнан из собственной школы невежественным сторожем. Как знать? Свершилось ли это, быть может, именно для того, чтобы затосковать о справедливости и о новых белых путеводных камнях на высотах жизненных нагорий! И какое счастье, что все мои несчастья привели меня именно к путям Рериха, который, как гигант-строитель, мостит великий путь для будущих достижений всего человечества из этих белых, вечных камней нетления.

Да, я не стыжусь признаться, что не раз утёр я в те минуты слёзы на глазах моих, ибо слёзы не были слезами слабости, но они были слезами чистой радости и силы: мы идём победно, и никто не помешает нам украсить многие дороги мира белыми камнями – вехами в неописуемо прекрасное грядущее. Слава Николаю Рериху, учителю с белых высот!

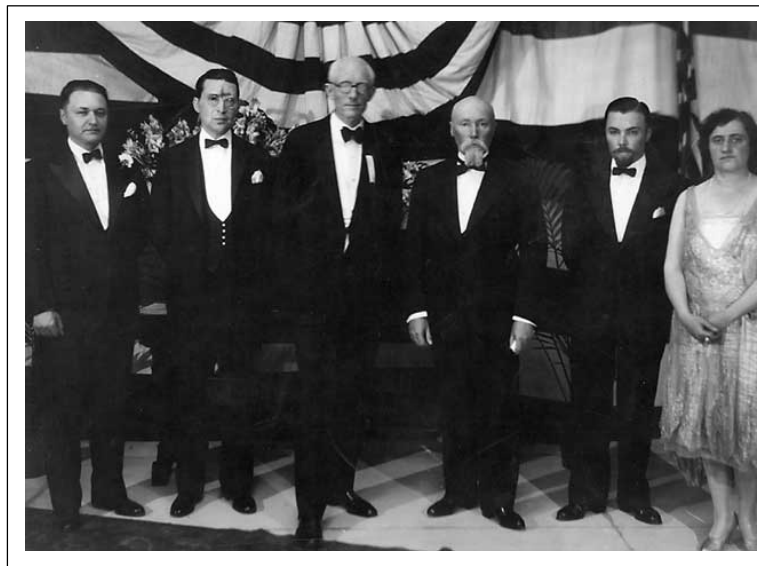
Архив Музея Рерихов, Москва.

16 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

16.X.29. Прибыли телеграммы от президента Французской Республики, Генерального прокурора. Изумительные послания и приветствия. Но пропадает масса писем для прессы, и было Указано оповестить прессу больше. Пропадало важное письмо о Музее как национальной собственности в кабинете Франсис. Н.К. знает всё, но всё же выставляет её при всех и поднимает. Очевидно, так нужно. Сегодня за ланчем были с майором Рапикаволи - премильный человек. Вечером смотрели театр и электричество. Дай Бог, чтоб завтра всё прошло благополучно.

17 октября 1929 . Нью-Йорк

17 октября 1929г. Слева направо Морис Лихтман, Луис Хорш, Харви Корбетт, Н.К. Рерих, Юрий Рерих, Франсис Гран

17 октября 1929 года состоялось торжественное открытие нового здания музея. Оно совпало с 40-летием художественной деятельности Рериха. По этому случаю знаменитый парижский гравёр Генри Дропси изготовил медаль, которая была преподнесена Рериху. На открытие музея прибыли представители государств Европы, Азии, Южной Америки, а также лидеры науки и искусства. Были получены приветствия от президента Соединённых Штатов и глав многих стран. (З.Г. Фосдик. «Музей имени Н. К. Рериха В Нью-Йорке»)

17 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

17.X.29. Изумительный вечер - около пяти тысяч человек посетило Музей. Свыше семисот в театре присутствовали на программе речей. Все говорили хорошо и стройно, когда Логван сказал свою речь и дал медаль Н.К. и тот встал, чтобы ему ответить, поднялась вся толпа в театре и стоя прослушали его речь. Говорил он изумительно, просто, ясно. Чувство у всех было самое возвышенное. Все чувствовали силу этого исторического события - открытия Музея опять в новом Доме. После того как толпа разошлась, мы немного побе-

сидели с Логв[аном], Пор[умой], Таней, Тарух[аном], а затем Франсис, Нуця и я поехали проводить Н.К. домой и у него посидели до 2-х. Н.К. особенно ласков с Франсис и её явно выделяет. Маме сегодня снилось, что Дедушка принёс Н.К. белое одеяние и сказал: “Сегодня ты надень его, брат, и носи с сегодняшнего дня”. Дивный, великий, полный красоты и значения день сегодня — 17-е октября 1929 г., четверг, 9 часов вечера!!!

18 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Нью-Йорк. 18 окт. 1929 Л. Хорш вручает Н.К. Рериху бронзовую медаль

18 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

18.X.29. От Акерсона получена телеграмма, что канцелярия Гувера теперь очень занята и не могли прислать приветствие. Возмутительно! В каких руках президент! Ведь это опасно для администрации - Н.К. говорит, что все знают, что президент сам на почту не ходит и телеграмм не пишет, как и король или император. И что это за секретарь, который обещал послать приветствие от имени президента, а потом отказался. Пель, друг Юрия, подымет теперь целое дело. От Рокфеллера отказ, что он не даёт своего имени для Музейного зала. Сегодня вечером все удрали без Франсис, и мы поехали к ним ужинать с Н.К. и

мальчиками. Она вызывала, требовала Н.К. к телефону, но всё же её не пригласили. Потом мы сидели, имели Беседу и ответы на вопросы. Н.К. говорит, что теперь самое трудное - финансовое положение.

18 октября 1929 г.

Письмо Г. Гребенщикова к Рерих Е.И.

18 Октября 1929 г.

ПОСЛАНИЕ НА ГИМАЛАИ
Из писем с Помперага

Не скрою от Вас моего смущения: Не знаю, как назвать Вас. В шёпоте и безмолвии часто повторяю имя Ваше, настоящее, вызывающее трепет сердца. В жизни же обыденной, в письме, которое может попасть в чужие руки, не могу произносить любимые слова. Пусть так будет - в безмолвии сильнее и Неповреждённое звучит Повеление Любви. В мыслях своих расстилаю плат, сотканный из тех светлых нитей знания, которыми Вы оделили меня от щедрот Вашей милостивой мудрости. В словах своих берегу невольно всё то сокровенное, что так ревниво и так бережно приходится нести среди будней земносуших. Всё-таки и это хорошо, что пряжа мыслей так тонка, что слова на ней, как каменные бисера на паутине. Лучше не пытаться украшать тончайшие шелка стеклярусом. Знаю, Вы поймёте недосказанное, не оскорблённое словами, и это сознание да будет лучшим красноречием в беседе с Вами, мой высокий друг.

Сразу же надо покаяться в том, что всё воспринимаем мы через собственное, иногда очень маленькое окошечко сознания. Вот мысленно смотрю на окрашенные утренним восходом вершины, видимые из Ваших окон, и в сердце робость: достаточно ли велико и хорошо ли промыто моё окошечко, чтобы созерцать и оценить всю красоту пейзажа. И словами несказуемое подтверждает: всё тело пронизывают мельчайшие острые лучики электротока. Марево над долинами между горами и над ближайшим склоном вибрирует. На минуту овладевает полное, совсем бездумное молчание и глаза сами собою опускаются вниз. И ощущения бытия физического нет. Нет под ногами земли, нет биения сердца, нет дыхания, но есть осязание тихого ветерка – дыхания горной прохлады, а может быть, это от движения воздуха, ибо я плыву в пространстве над бездонной глубиной. Нет низа и нет верха, но есть одна лазурная глубина, как твердь всего, и как прибежище полного забвения себя и полного слияния с самою океанической беспредельности радости. И не странно ли: я даже ни одной секунды не испытывал полёта, но опустил около Вас и множество подробностей Вашего физического бытия и окружения вижу, и слышу Ваши самые простые слова о том, чтобы едущего человека в город задержали на одну минуту: Вы в одном из данных ему писем должны сделать приписку. Я слышу Ваш голос, лёгкие шаги по ковру и вижу движение правой руки к одной из прядей Ваших волос, но это движение одновременно с поправкою пряжи волос слегка касается Вашего чела: Вы что-то ещё вспомнили и поспешно возвратились к письменному столу. Мимоходом посмотрели в окно на горы, и в глазах Ваших я увидел улыбку приветия новому учащемуся летать гостю, и одобрительно кивнули головою.

И ещё подробность: я пробую свои полёты всё чаще и чаще, но это мне не всегда удаётся, в особенности, если я пытаюсь сделать над собою какое-либо усилие. Никакие прекрасные слова из великих учений, ни даже самые тёплые молитвы не в состоянии помочь оторваться от земной тяжести. Но стоит только вспомнить Лик одного из Учителей Света, как сейчас же вижу улыбку Вашу или Н.К. , и эта улыбка мгновенно творит чудо: быстрее самой мысли я переношусь даже за пределы солнечной системы, и даже с грустью иногда вижу, как покинутая мною Земля мгновенно превращается в одну из крошечных звёздочек, и без следа теряется среди мириадов себе подобных. Короче говоря, эти попытки летать научили меня немножко лучше понимать то, что Н.К. для человеческого понимания называет одним всеобъемлющим словом Красота. Поистине это слово вмещает в себе всё, не только всех Вселенских Богов и Пророков, но и всю неподдающуюся разумению всекосмическую пряжу мирозданий.

Но спустимся опять на землю и отметим несколько примечательных случаев из нашей жизни в период Ваших наитруднейших переходов через пустыни Азии: ведь тогда в течение почти двух лет мы ничего о Вас не знали. Между прочим, весь тот период, как показывают мои записи, был полон изумительных сновидений. Особенно знаменательными были они у Н[ару]. Так и накануне первой о Вас вести она разбудила меня на заре и рассказала, что только что видела чудесный сон – мы поехали куда-то очень далеко и так красиво и быстро, точно полетели. На завтра я был далеко в лесу на постройке. Между тем, уже много дней мы были полны какой-то радостной тревогой ожидания и, точно предвидя что-то, решили поставить в нашей лесной хижине телефон. Система телефонов здесь очень смешная: на одной линии до десяти деревенских абонентов, так что, когда звонят к соседям, мы тоже слышим эти звонки и всё время подбегаем к телефону, но неизменно слышим чужой разговор. Но всё-таки мы уверенно ждали звонка именно от кого-нибудь из ближайших, которые к нам стали относиться особенно тепло. Ояна как-то возле Музея многозначительно мне сказала: «Ну, милый Т[арухан], теперь уж на все времена мы с Вами самые родные». Какие-то, словом, пронизывали всех нас соединительные токи, идущие именно откуда-то с высот, от Вас и Н.К. И вот я был на постройке. Стучал топором и радости вдыхал свежесть утра вместе с запахом соснового нового строительного материала. Вдруг впопыхах и радостная прибегает Н[ара] и еле произносит от сильного дыхания и волнения: «Иди скорее, звонит сам Ав[урах]». Я бегу как юноша – всю четверть мили по лесной тропинке оленьими прыжками. Да. Это был голос Ав. и о чём же? Нас спешно вызывают в Мораю за 100 миль. Как я был счастлив ответить без колебания, что да, мы можем и туда приехать. Ведь я только что обучился ездить на автомобиле и опрятный закрытый Форд был, как раз, приведён в порядок. Он был куплен нами из вторых рук.

На завтра в полдень мы уже были готовы в далёкий путь, и как же он был для нас прекрасен. И было всё так точно, как видела во сне Н. Дорога была действительно белая, только что залитая цементом, новая, прямая, нанизанная паутинкою по зелёным склонам гор и долин. Тогда впервые было ощущение полёта к самому М. и при всём моём скромном умении управлять машиной я сделал всё расстояние менее, нежели в одни сутки, причём, всю ночь мы провели на привале, расположившись на ночлег прямо под открытым небом. Ехать ночью по неизвестным дорогам я не решался. Приезд в Морай был неза-

бываемо прекрасен, прежде всего, потому, что Р[адна] только что приехала из Монголии, где видела Вас и привезла письмо от Н.К. – первое письмо за три года и более того, она привезла нам то сокровище, которое нельзя даже назвать и оценить словами, Она привезла нам Откровение под знаком Майтрейи. Даже теперь, спустя два года, я переживаю волнение той радости, когда опять-таки всякие слова застывают на устах, и только «мощь молчания» может быть достойным выражением благодарности за то, что вообще могли какими-то путями – Вас найти и прикоснуться вместе с Вами к Первоисточнику Красоты.- Девять дней тогда мы пробыли в Морае и впервые за много лет ничего не делали физически, но как никогда мы с каждым днём росли и совершали гигантскими шагами наш путь вперёд, за Вами вслед. Туда, откуда некогда был послан нам первый благодный зов также через Вашу улыбку. Мы прочли Вашу книгу, спокойно и, не спеша, перечитывая многие страницы заново, и были в семь дней совершенно обновлены, насыщены могучей силою и радостною жаждой действия. – Из Мораи мы почему-то, - а почему – будет ясно из последующего - решили поехать на Белогорье в штате Вермонт, затем пройти через штат Нью Хемпшир, и, заехав в Массачусетс и Бостон, спуститься по реке Коннектикут к себе в наш скит. В течение этих дней нами было <..> следующее: в маленьком городе Вермонта по имени Тетфорд мы задержались на ночлег. Нас очень мило приняли культурные Американцы в своём обширном инне. У них там большой камп для девочек. Я помню, дал им Арчер – тогда первый номер и впервые по-английски отважился перед группой человек в пятнадцать произнести нечто вроде лекции о Н.К. Но вот в конце беседы узнаю, что здесь же в Тетфорде живёт бывший большой американский проповедник, священник по имени Двидт Годдарт, который будто бы погубил свою карьеру тем, что после долгих странствований по Востоку буквально перешёл в Буддизм. Я с трудом дождался утра и вместе с Н. мы решили навестить Годдарта. И что же оказалось? В момент, когда мы входили в его дом, он с молотком в руках распечатывал свежеприбывший из местной же типографии ящик с книгами. Оказалась его собственная, сегодня вышедшая книга под заглавием: был ли Христос под влиянием Буддизма? Мало того, его дом был построен на горе, хоть и просто, но с алтарём, в котором собраны изумительные китайские предметы искусства, относящиеся к буддизму. Алтарь большой, светлый и в нём я впервые увидел скульптурное Китайское изображение Рождества Христа. Конечно, Иосиф и Мария, и пастухи, и волхвы, и сам Младенец изображены, как типичные китайцы.

И вот... Не знаю какими словами могу я передать то, что мы с Н. увидели одновременно оба и тишина безмолвия овладела нами. На возвышении в центре находилось бронзовое изображение Самого Готамы Будды. Это такое завершение гармонии во всём, в каждой складке Его одежды, в том, как сложены руки и ноги, и как мощно – необъятна вся фигура, как благодна даже крутая покатость плеч. И взгляд, опущенный в бездонность, и во взгляде вся Державность Вселенной и вся Непобедимость Молчания. И именно Неопишувемый, Неповторяемый, Неизречённый, Все проникающий, БЛАГОСТНЫЙ. Нельзя описать Его словами, нельзя никому более, кроме Вас Двоих во всём мире, понять, что это за сила в изображении <...>. Ведь творивший это изображение должен был быть сам Буддою, чтобы ТАК воплотить. Не сговариваясь, не спрашивая ни о чём друг друга, мы оба с Н. ушли от этого Христианского священника с Приказом Неотменным стать буддистами. Ибо нельзя было никаким разумом

вообразить ничего более убедительного в своей могущественной Истине и Красоте. Могу сравнить Это только ещё с Закрывшей Лик Свой и плывущей на ладье из звёзд – Матери Мира. И как же радостно – лишь Вы поймёте – как радостно сознавать, что Он – наш близкий, наш простой, наш родной и во плоти – Он мог также воплотить Невоплотимое.

Так уезжаем, полные небывалых, столь богатых насыщенных всеми днями видений и ощущений. Поднимаемся всё выше на Белые горы. Прекрасный солнечный день и благостное голубое небо, которое видим «как бы в первый раз», и вот, день склонился к закату. Мы засветло присматриваемся к местам, выбирая покрасивее для ночлега. Вот чудеснее местечко... Но почему же не остановил машину! А вот тут ещё лучше. Но и тут машина как-то сама пробежала мимо. Всё дальше и выше. Вот и вершины, а на вершинах такие чудесные и богатые дорогие отели, что наш Форд сконфуженно прибавляет ходу. Вот-вот начнётся спуск с высот. И солнце клонится к закату. Но не всё ли равно, когда Он в сердце так ослепительно вошёл и наполнил помыслы. Можно ли о чём-то думать и заботиться. Вдруг на извилине пути, справа в склоне крутой горы, родник, красиво и прочно обложенный камнями. По старой крестьянской привычке Алтайского обитателя, около каждого родничка надо остановиться, снять шапку, вымыть руки и пригоршней, нет, ковшичком из руки, напиться. Солнце ещё над горою. И вдруг, тут же, налево от дороги красивый каменный храм-памятник над прахом одной из знаменитых дочерей Американской Революции.

И вот тот момент – как мы только выходили из машины – раздался звон, красиво поплывший по лиловым горам. Но в сердце Образ Будды – внесём его в этот христианский храм при дороге. Быть может, это впервые в истории человечества, когда с такою благостностью соединяются Два Величайших Образа – Готамы и Христа. Вошли в храм именно с таким решением: в храме Христа поклониться Будде. В храме было совершенно пусто. Ни одной души. Но только вошли – заиграла музыка. Звуки органа в пустом храме, на закате, на вершине горы, и с Буддой и с Христом в сердцах двух пилигримов – это невыразимо и неповторяемо прекрасно. Музыка длилась минут десять. Кончилась. Мы ещё посидели. Молча встали. Благодарные и неисчислимо счастливые. Появился сторож. Звякнул ключами. Мы вышли в другие двери. Сели и поехали дальше. Начался спуск, крутой, извилистый, погружающийся в сумрак вечера.

Мы ночевали в глухом ущелье, но долго ночью сидели у костра и слушали песни ночевавших поблизости каких-то испанцев. Голоса звучали молодо, счастливо, звонко и прекрасные мотивы уносили нас на берега лазурного моря Индейского, на берега Брамапутры и на высоты Гималаев. Где были во плоти и крови наши самые любимые на всём свете современники, и было в душе гордое, чисто человеческое сознание, что мы счастливее всех на свете, ибо никому столько не дано, сколько дано нам. Н. спала в машине, я на походной кровати под открытым небом и мне были видны звёзды. далёкие, но близкие потому, что Его взгляд устремлён на все их мириады с высоты Его Престола, который суть, - «превыше звёзд». Так всё соединялось и замыкалось около Него.

А на завтра снова знамение, которое нельзя не описать, хотя и чувствую, что письмо и так чересчур затягивается. Мы были в штате Нью-Гемпшир и долго в сумерках искали такого места для ночлега, чтобы быть вдали от доро-

ги и поближе к полевым привольям. Нам это удалось. Один из фермеров отвёл нам целое поле с холмом и кудрявым лесочком. Мы чудесно расположились и, прежде всего, конечно, развели костёр – наше всегдашнее в пути место уюта, тепла, света и беседы. С ароматом полевого дымка и ужин куда как вкуснее самых изысканных ресторанных блюд.

Говорили всё о том же, чем были полны наши сердца в эти дни. С особым проникновением говорил о том, если бы когда-нибудь дойти до Гималаев и встретить бы там самых Понимающих и рассказать им всё, как мы живём и как мы дни и ночи только об одном грезим: достигнуть, заслужить, вырасти духом. И в это именно момент Н. подняла вверх глаза и говорит: - Смотри, смотри! – Я взглянул на небо. Там, доселе в звёздном, чистом просторе появилось белое облачко и на нём играли и переливались разноцветные полу-радужные знаки: вот крыло, вон другое, сложились и раскинулись. Вот заиграли и поплыли какие-то письмена, а вот рука, медленно и величественно протянувшаяся вдаль, как бы указующая путь. Длилась эта манифестация не более минуты, и исчезла так же внезапно, как и появилась. Конечно, расскажи всё это людям даже разумеющим, но далёким от Пути Грядущего – они, всё виденное нами, сочтут за выдумку и даже не попытаются подумать, что бы могло значить это явление? Между тем, всё это гораздо объяснимее, нежели самое тупое упорство людей, всё отрицающее. Дело в том, что где-то поблизости скрещивались два шоссе и скрещивались на подъёме в гору. И вот очевидно, на этом видимо подъёме встретились два автомобиля с сильными прожекторами в передних фонарях. Ослепив друг друга, ездоки, вероятно, оба задержали ход и медленно разминулись. Но лучи их прожекторов ударились концами в наплывшую над ними тонкую пелену тумана и сотворили то, что мы увидели. Но наше впечатление только усиливается, ибо поданные нам знаки становятся ещё более убедительными и ещё более красноречивыми. Вся их случайность для нас не что иное, как целый сложный, заранее предначертанный факт, имеющий физический источник и духовное и чудесно-символическое последствие.

Вся жизнь полна этими знаками и случайность их конечно не случайна. Разница лишь в том: хотящие обогащать своё сознание – примут и возликуют, не хотящие – отвергнут и омрачатся. Кто же в проигрыше? Мы только счастливы сказать, что приняли тот символ к исполнению и прошлые два года напрягли все силы физические и все силы духа, чтобы действовать во всех этих земносушных условиях и достигнуть нового, ещё более тесного сближения с Вами, Держатели нашего полного счастья.

И вот уже четыре месяца с нами Сам Он – разве это не самая убедительная и щедрая награда за все наши испытания, терпения, ожидания и борьбу? А борьба как раз все эти годы была самая ожесточённая и в чём только нас не обвиняли не только чужие, но и свои любимые. Ибо, чем ближе радость, тем ожесточённее искуситель, деятель тьмы. Но нас уже нельзя не только победить, но и смутить. Как радостно это сознание нерушимой крепости и полного отказа от каких-либо себялюбивых вожделений. Пишу об этом только потому так пространно, что знаю, как Вы порадуетесь Вами взлелеянному саду, с которым Вам когда-то было много забот и невзгод. Но не удивитесь Вы, знаю, нашей духовной алчбе: достойны или ещё недостойны. Но хотим и просимся к Вам, туда на высоту вершин. Не обременять вас устремляемся, но помогать.

Служить и радовать чистотою усердия и жаждою познания возле живоносных истоков Истины.

Итак, Н.К. с нами. Мы в этом сезоне выехали в Нью-Йорк немного раньше обыкновенного и сняли квартиру совсем вблизи от Музея. Я ещё провожу полнедели на Помпеаге, но Н. работает в своей мастерской непрерывно и наезжает в Ч. лишь по Воскр. Я пользуюсь всякою возможностью повидать Его. Тут как-то недавно я должен был Его видеть по ряду вопросов. Нужно было передать также газету со статьёй моей «Белый Камень», посвящённой Н.К. И. Н. меня учит: ты газету оставь до завтра, у тебя будет заделье повидать Его лишний раз. Я очень посмеялся этой женской хитрости, и Вы поймёте её в лучшем смысле.

Мы были несказанно счастливы, что имели возможность лично встретить Н.К. на пароходе. Это была целая эпопея. Нельзя описать радости и волнения, когда он появился на сходнях корабля. Нам удалось быть всё время вместе и даже на приёмном чае мэра города Нью-Йорка. Никогда не забуду, и в своё время включу в один из томов своей эпопеи, как всю нашу группу Комитета, по встрече во главе с Н.К. везли на одинаковых совершенно новых лимузинах через весь город, сначала с пристани к Музею, а затем через всё Пятое Авеню в один из фешенебельных отелей на этот самый чай и для почётного приёма городом высокого гостя. Сопровождавшие наш кортеж полисмены на мотоциклетах звонкими сиренами останавливали всё движение, и мы неслись буквально всё-разрезающей стрелой. На меня это произвело глубочайшее впечатление. А Н.К. за чаем очень мило и многозначительно заметил: везде нас хорошо встречают, но всё-таки везде с полицией. – Затем нельзя не упомянуть приёма множества почитателей Н.К. в самом здании Музея, ещё недостроенного, но в несколько часов декорировавшего несколько зал. Я думаю, что народа, самого избранного, перебивало не менее тысячи человек, и все они подходили к Нему, и каждый пожимал руку, и каждый что-нибудь говорил, и каждому надо было что-нибудь ответить.

Я смотрел на Него. Он был строен и свеж как юноша, ему очень идёт смокинг. (Непонятно ли: если бы самой Венере Милосской пришлось сойти с пьедестала и принимать современных почитателей – и ей неминуемо пришлось бы заказать себе туалет по самой последней моде). Я любовался, как Он со всеми говорил. Одним он только кивал головою, другим говорил два-три значительных слова, а при каком-либо, очевидно, не совсем умном вопросе только приподнимал немного голову и сейчас же взглядом приветствовал следующего, и тем самым пресекал неумные расспросы. Там же, где не хотел вовсе говорить, но и не хотел обидеть, склонял немного набок голову, или же расширял глаза, как бы от изумления и снова улыбался следующему.

И это крестное стояние продолжалось четыре часа подряд. Многие измотанные хлопотами члены Комитета то и дело обращались к нему с сочувственным вопросом: не устал ли Он! Другие даже уверенно просто ему заявляли: Вы очень устали. Он же с улыбкой отвечал: - Ни чуточку! И вам не советую признаваться, что устали. – Мне приходится всё-таки видеть Н.К. урывками, и всё же я вижу, какое Он несёт здесь величайшее земное бремя и всё-таки первым и последним на посту и со всякой мелочью, все к Нему, и всех Он принимает, и появляется Сам то там, то тут. Сам распределял все картины по галереям, и видно было, как был увлечён подбором красочных аккордов и световых сил для освещения тех или иных групп своих творений.

И, наконец, Торжество 17 Октября. Это описывать просто невозможно. Много, конечно знаете уже из телеграмм и газетных статей, и ещё узнаете из особо печатного отчёта. Я впервые сам написал и прочёл по-английски очень ответственное слово, в котором позволил себе рядом с именем Н.К. произнести громко и любовно и Ваше Имя.

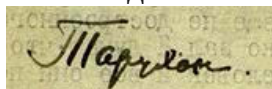
А вечером, когда мы остались одни в одном из зал, я явно почувствовал Ваше присутствие между Н.К. и Р[адной], и даже как-то невольно сорвалось к Р[адне]: «подвиньтесь, милая, дайте место Е.И.» - Н.К. был на этот раз во фраке. И опять-таки он шёл к нему очень. А я всё-таки подумал: такова высокая и жертвенная роль современного Готамы. Спускался же когда-то Сам Христос в ад, чтобы вывести оттуда грешников. Всё изумительно, всё просто и всё Неотменно Прекрасно. Благословен грядый во имя Господне.

Так заканчиваю Вам моё послание с маленького, но чисто-струйного Помперага в горах Америки, первой великой страны, достойно принявшей Учителя.

Пока выбирал время, чтобы прочесть это письмо Н.К., прошло несколько дней, и за эти дни в Америке произошла небывалая финансовая катастрофа. Кажется, нет человека, которого бы так или иначе не задело. И наши начинания с продвижением Чураевки и Алатаса будут сильно заторможены. И всё-таки у нас внутреннее торжество: основным нашим ценностям никакие биржевые катастрофы не опасны. Даже более того: от этих катастроф наши фонды становятся ценнее и ненарушимее.

Мы оба с Нару шлём Вам нашу нерушимую любовь и верим, что Вы сохраните в Вашем сердце о нас всё то лучшее, что мы не могли сказать словами.

Всегда с Вами в мечтах и действиях

[Тарухан]

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

19 октября 1929 г. Нью-Йорк
Телеграмма Н.К. Рериха – Рерих Е.И.

Рерих / Наггар. Индия

ПО ПОСЛЕДНИМ АВТОРИТЕТНЫМ ДАННЫМ, ОТКРЫТИЕ МУЗЕЯ ПОСЕТИЛО БОЛЕЕ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

19 октября 1929 г. Наггар.
Из письма Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке:

«Сейчас пришла Ваша телеграмма, радуемся с Вами и знаем сужденную победу! Устремление есть творящая сила!»

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

20 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

20.X.29. <...> Днём разговаривала с Н.К. Сказала ему про ужасное отношение ко мне Франсис и что всё это видят, и это влияет вредно на дела. Н.К. говорил, что у неё невероятная ревность, но она сама создаёт свою карму, и мне лучше от неё отойти и действовать в Школе самостоятельно и не говорить при ней ни о чём, что я и делаю, а искать новых людей и действовать повсюду, вести группы в Музей и видеть людей, но никому не сообщать.

Затем Н.К. сказал, что учитель - это точка в центре, а от него радиусы по всем направлениям, но далеко, на расстоянии друг от друга - это ученики. "От меня и вперёд, не ко мне, а именно от меня вперёд". "Почему апостолы Христа разошлись по всем странам, может быть, они не могли быть вместе не только духовно, но и физически. И Франсис, может быть, навсегда уедет в Южную Америку? И Порума буквально то же самое говорила мне о Франсис, что и вы, но только по-английски". Так говорил Н.К. <...>

Потом Н.К. сказал, что она говорила всё про издателя, что он обещал и она [была] уверена, что книги выйдут, но всё-таки они не вышли, а мы теряем на сотни долларов продажу, ибо сегодня было около пяти тысяч человек в Музее. Н.К. очень недоволен Франсис, что книги не вышли. А у неё в контракте и не стояло, когда они должны были быть готовы. Затем он нас всех собрал и указал, чтобы мы имели одно центральное управление финансами всех дел - Дома и всех Учреждений. Одного эксперта-бухгалтера. И деньги все идут в общее управление - в одну казну, и расход оттуда контролируется. Все были в восторге, кроме Франсис. Н.К. сказал, чтобы я больше интересовалась учениками, нежели учителями. Вечером мы поехали с Нуцей к ним ужинать, Франсис не было. Н.К. очень хочет переехать, ибо, живя в Доме, все его будут видеть и не будет тайн, с кем он и что он делает.

20 октября 1929 г. Нью-Йорк

Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

Родная моя Мамочка!

Мы все обрадовались, получив две твоих прекрасных телеграммы к 17 октября. Это было поистине памятное событие! Огромная толпа людей заполнила здание. Как считает полиция, было 10 000 посетителей, и намного больше не смогли пройти в здание. Принимали прекрасно, и когда Папа огласил своё послание, публика встала. Профессор де Ла Прадель произнёс прекрасную речь, а Президент Французской республики прислал дружественное послание по этому случаю. Пришли сотни телеграмм, одна даже от Правительства Персии. Англию представлял Толбот Манди, который произнёс хорошую речь. Как ты знаешь, у него квартира в здании Музея. Майор Рапикаволи специально приехал из Рима и выступил с очень хорошим обращением. В течение последних трёх дней Музей переполнен людьми, и сегодня у нас было 5000 посетителей. Тибетская выставка также привлекает значительное внимание. Папа чувствует себя хорошо, и мы уверены в успехе.

Мой лекционный тур начнётся 25 октября. Надеюсь завязать много полезных контактов, и это - единственное преимущество лекционного тура. Статьи дают большие финансовые возможности. Прилагаю пять моих публи-

каций в «Christian Science Monitor». Меня попросили написать статьи о восточном искусстве для раздела искусств «New York American». Медленно и постепенно я проложу себе путь в печать и обеспечу приличный доход, достаточный для моих личных нужд. Моя книга сейчас в издательстве Оксфордского университета, и надеюсь, что скоро её опубликуют. Сейчас мы печатаем брошюру об исследовательском институте. Пожалуйста, напиши мне о твоей жизни в горах. Я по-прежнему ищу мои книги, которые посылал Владимир. Они остались на таможне, и теперь мне приходится нанимать людей, чтобы вернуть их. Пожалуйста, сообщи мне обо всём, что тебе нужно, и получила ли ты книги и фотографии, которые я послал тебе с почтой на прошлой неделе.

Пожалуйста, передай мой привет Эстер и Владимиру. Получил милое письмо от Банона. Через несколько дней пошлю ещё книг для девочек. Нужна ли тебе «Жизнь и деятельность Свами Вивекананды»? Со всеми наилучшими пожеланиями и с большой любовью,

Твой преданный сын

Ю. Р.

Архив Музея Рерихов, Москва.

21 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

21.X.29. Получили письмо от Стивена Хёрша с отказом быть у нас на факультете. Н.К. сразу и сказал, что это нападение на нас американских художников. Велел мне с ним хорошо [но] говорить, что я и сделала, но он явно завидует Н.К., его успеху, Музею. Увидим, что он теперь напишет. Затем я говорила с Бородиным в Музее, он нагло хотел узнать о поездке Н.К. Я говорила с ним очень холодно и указала, чтоб он читал «Altai-Himalaya».

Сегодня у меня были Форест Грант и Джайлс и мы совещались и получили от доктора Фореста Гранта обещание дать кредиты от Министерства просвещения на курсы по искусству. Вечером мы все и майор Рапикаволи были вместе с доктором Стоддартом и он прекрасно отвечал на вопросы. Затем Юрий, по обыкновению, зашёл к нам вечером выпить валериан, и мы славно беседовали. Н.К. говорил с Джайлсом сегодня и сказал, что тот сказал чудную формулу: «Все за одного и один за всех». И что его нужно будет в будущем сделать деканом факультета искусства.

22 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

22.X.29. Утром пришло письмо от Дэвиса с отказом выставить свою коллекцию, ибо он не может получить комнат в Музее. <...> Днём пришли изумительные письма от Е.И. и Енточки, особенно письмо Е.И. к Поруме. Мастер объявил её Сестрой Белого Братства. Я при чтении письма Е.И. совершенно преобразилась - всё мелкое отпало, и я, говоря с Н.К., сказала ему, как мы его не понимаем. Он сказал: «Главное - идите широко, во все стороны, дела слишком огромные. Не так важны враги на листе, которых мы знаем, но внутренние враги. Их надо опасаться». Так радостно было беседовать с Н.К. Он меня обнял и поцеловал - пора мне избавиться от мыслей о Ф[рансис], а лишь думать о благе дел Учителя.

Н.К. чувствует беспокойство и тяготу сегодня. Вечером мы были у него. Он поехал с Юрием на Стоковского - мадам Стоковская пригласила их в свою

ложу. Мы же со Светиком провели вечер вместе - пошли в театр. Н.К. очень хорошо думает о Джайлсе.

24 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

24.X.29. Н.К. рассказал, что Руманов предложил ему дать на издание книги Вел[икого] Князя "Union of Souls" [(англ.) "Единение Душ" - ред.] 300 \$, и Н.К. не мог отказать. Затем сегодня Н.К. интервьюировал журналист из Цинциннати и сказал, что о Музее [ходят] разные слухи и надо бы их остановить. Н.К. ему на это ответил, что слухи никогда остановить нельзя. Его хоронили три раза по слухам, а он всё ещё жив. И писали про него, что он царист, папист, атеист и тому подобное. Вечером было открытие синема — "Silver Valley" [(англ.) "Серебряная долина" - ред.] — Кулу очень хорошая вещь. Людей недостаточно. В общем, плохой менеджмент. <...>

25 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

25.X.29. Письмо от миссис Дэйл - она принимает комнату своего имени в Музее - надеемся, что она даст крупную сумму. <...>

Вечером Fox Movietone [кинокомпания Фокс] пришли в Музей, снимали Н.К., и он говорил об искусстве как единственном паспорте во время всего путешествия. О Гувере - как гиганте, питающем нации, - как о нём говорят на Востоке. Затем мы говорили с Учителем. Н.К. писал о нашем единении, ибо в этом и есть истинное братство.

26 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

26.X.29. Н.К. был у Великого Князя Александра Михайловича, говорил, что тот может дать связи, ибо говорил о знакомстве с миссис Хёрст, Армстронгом и другими нужными людьми. Его книга будет печататься в Издательстве Музея Рериха, и Н.К. дал ему (Вел[икому] Князю) 400 \$ за известное количество книг. Вечером у нас было общее собрание, читали все бюджеты и решили, что Музей платит за телефоны, электричество, топливо!!! (по настоянию Холла и [при] поддержке Порумы). Но Пор[ума] не сообразила, что таким образом Музей имеет право на доход с Дома, ибо он является владельцем. Затем решили платить 8000 \$ в год проценты за 200 000 \$ стоимости временной экспозиции (4%). Таким образом, у нас нет временной экспозиции, ибо мы её приобретаем. В общем, было хорошее настроение. Н.К., говоря об Издательстве, сказал: "Это огромные возможности, и увидим, как оно вырастет".

27 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

27.X.29. Сегодня Н.К. предложил, чтоб Джайлс, Дабо, Шнайдер были американским комитетом Об[щества] Др[узей] Музея Рериха. И чтобы после того как мы выпускаем паблисити от всех Учреждений, одну копию дать в Издательство, пусть там будет архив паблисити. Днём мы слушали бюджет Дома, по нему чистого доходу 100 000 \$, а по вычитании всех расходов, включая платежи Луису, Н.К. и всех дефицитов по Учреждениям остаётся 18 000 \$ прибыли. Вот над чем Н.К. работал с июня, и чего, наконец, добился сегодня. Это истинная победа.

Вечером Свет[ик], Нуця и я ужинали у мистера Мэри и миссис Стейрас, потом приехали к Н.К. Там был Юрий - мы беседовали. Н.К. было Указано опасность для здоровья. Затем Юрий и Светик начали пилить Н.К. заботами о здоровье. Нелегко ему с ними. Они не понимают, что на нём как на учителя лежит вся тягота.

28 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

28.X.29. Сегодня утром Н.К. позвал меня поговорить с ним, очень жаловался, что Свет[ик] его дома тупой пилой пилит, почему, мол, Учитель не помогает в акциях. А затем Учитель пошлёт драгоценное и будет вопрос, можно ли это продать, как Свет[ик] и спросил уже раз.

Затем Н.К. говорил, что мы собираемся не для феноменов, а для возвышенных посланий, и очень странно требовать Беседу или ответы на вопросы стуками. А скоро мы потребуем стуки по темени.

Затем Н.К. сказал, что мы должны встречаться лишь вместе, а не отдельно, и не скрывать чего-то от других членов Круга. <...>

Вечером у нас дома были Н.К. и Светик. Они быстро теперь переедут, ибо Свет[ик] сам этого хочет из-за своих сильных потерь на бирже. Была ужасная паника последние три дня. Вечером была лекция Дабо. Хороший оратор. Затем мы имели Беседу с Учителем в доме Порумы.

28 октября 1929 г. Нью-Йорк

Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

Родная моя Мамочка!

С момента открытия Учреждений всё приняло более определённый вид. У нас в Музее ежедневно более тысячи посетителей, и интерес необыкновенный. Г-жа Дейл согласилась на комнату в Музее, и возможно, что другие поступят так же. Надеюсь, что у Папы скоро будет немного времени и на себя.

Исследовательский Институт вырисовывается, и у меня было несколько интересных и плодотворных бесед с членами Фонда Рокфеллера. Надеюсь, мы сможем начать нашу научную работу будущей весной. Не могу выразить, как мне хотелось бы вернуться в Кулу и увидеть всех Вас. Мы часто говорим об этом с Папой и Братом. Надеюсь, что смогу скоро это сделать. Моя первая лекция в Университетском клубе в Миддлтауне, Коннектикут, была очень успешной, и люди были искренно заинтересованы. Следующая лекция – 5 ноября в Мичигане. Много интересных людей приблизились, и Папа держит тебя в курсе относительно всех новичков, так что мне ни к чему писать о них. Мне немного жаль, что не остаётся времени для научной работы. Статьи, которые я пишу, должны быть изложены настолько популярно, что я не получаю от этого никакого удовольствия.

Пожалуйста, попроси Владимира начать расследование о трёх ящиках с книгами и одном ящике, в котором была шапка ламы, посланных им в Нью-Йорк. У местных таможенных властей нет никаких записей об этих ящиках, а мне было бы очень жаль их потерять.

Получила ли ты книги, которые я послал почтой на прошлой неделе? Мы все очень огорчились, узнав о болезни Раи. Надеюсь, она уже поправилась. Пожалуйста, попроси Владимира послать мне расчёт, какое количество обоев

необходимо для моей комнаты. Я собираюсь привезти с собой немного японских обоев. Рад, что за моей библиотекой хорошо смотрят. Получила ли Эстер моё письмо?

С большой любовью и наилучшими пожеланиями всем Вам,
Твой преданный сын Ю.Р.

Архив Музея Рерихов, Москва.

Октябрь [24] 1929 г. Нью-Йорк

Из воспоминаний Н.К. Рериха о начале Великой депрессии в США:

Осенью 1929 г. в Америке наблюдалось жуткое зрелище. После нескольких лет процветания и стабильности цены высоко подскочили, и толпы людей, как стадо, бросились к Молоху фондовой биржи. Вся денежная структура рухнула, и отголоски катастрофы прокатились по многим странам. Ежедневно люди теряли миллионы; прокатилась волна самоубийств, господствовала атмосфера безумий. Наш институт имел миллионные пожертвования, но после случившегося один из жертвователей воскликнул: "У нас осталось лишь 150 долларов!"

Подобные катастрофы происходят в Америке приблизительно каждые семь лет, и можно представить, как они влияют на характер людей. Странно, но люди не извлекают из них уроков. И если "Пляска Смерти" повторится, они вновь понесут свои жертвы Молоху.

Мы были вынуждены продать коллекцию работ старых мастеров, хранившуюся в музее. В ней были отличные примитивы, один из которых попал в Чикагский музей, а также работы Рубенса, Ван Дейка и Брейгеля-старшего.

Мне кажется, что в жизни можно привыкнуть к самому страшному и даже к этому жуткому зрелищу, охватившему всю страну и ведущему её к разложению из-за возникшего массового безумия и из-за тех, чьи волчьи аппетиты порождают подобные бедствия.

(Н.К. Рерих «Молох», 1946 г.)

29 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

29.X.29 Страшная паника на бирже продолжается. Свет[ик] потерял всё, да и вся страна в ужасном состоянии. Н.К. говорит, что это работа Англии, но где же правительство? Что же значат слова Гувера, который вчера уверял, что всё в блестящем состоянии. Это страшная вещь! Но мы вспомним, что 1929 г. - год кризиса был Указан.

Сегодня пришла Кошиц, завтракала со мной и Н.К. Она отвратительна, стала гораздо хуже и пришла явно выпрашивать. Днём был доктор Ногучи, известный хирург и антрополог из Японии. Вечером мы ужинали все с Рапикаволи, потом пошли к нам наверх. Н.К. со мной беседовал немного лично, он очень огорчён из-за Светика: на нём лица нет, и, главное, он ничего не говорит. Затем Луис не говорит Н.К., что он потерял, и мы не знаем ничего, как обстоят бумаги Н.К. Акерсон и ему подобные являются изменниками Гуверу и правительству.

Н.К. имел вечером свидание с миссис Блэйр и уехал, а мы остались и очень задушевно провели вечер с майором Рапикаволи. Он хороший, духовный человек.

30 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

30.X.29 Как мы узнали, Гувер отказался дать заявление по поводу положения страны, Уолл-стрит возмущена им. Англия скупилась массу бумаг, устроив всю эту панику, и, видно, люди около Гувера вроде Акерсона помогли в этом. Паника продолжается - финансовый кризис хуже, чем во время войны. Положение прямо ужасное. <...>

Ночью Н.К. говорит, что он проснулся и почувствовал вокруг себя такую сумятицу, такой сумбур! У него тревога. Получили чудное письмо от Е.И. к Порумочке. Она, возможно, поедет туда без Флавия. Вечером беседовали с Учителем. Было вновь Указано единение. Н.К. подтвердил потом: главное - единение во всём и всем вместе. Франсис в отвратительном настроении, буквально заражает всю атмосферу. Н.К. всё кивал на неё и меня спрашивал: "Почему она в таком настроении, почему злая?" Мучительно дышать при ней. Н.К. рассказал, как Боткин говорил: "Никогда не верьте рекомендациям. Я всегда даю прислуге прекрасные рекомендации, когда она уходит. А если б она была хорошей, я бы её никогда не отпустил".

31 октября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

31.X.29. <...> Вечером с Н.К. ужинали Ловенстейн и директор музея Амстердама, Луис и Нуця. Директор музея, [как] мне потом рассказал Н.К., говорил, что в Германии ужасно относятся к искусству. Желая узнать, настоящая ли картина, смотрят на неё, перевернув её вверх ногами.

Я поехала к Светику ужинать, позже приехал Н.К. и сказал, что он мечтает о том, чтоб облигации были распроданы, жильцы заплатили бы за квартиры, и потом, когда идут пароходы, ему тяжело и он хочет уехать домой. Вообще нелегко нам всем теперь. Увидим, как будет с платой за квартиры. Ведь от этого зависит благосостояние всех Учреждений.

НОЯБРЬ

1 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

1.XI.29. Н.К. сегодня завтракал у миссис Дэйл, говорит, что они прекрасно говорили и она, возможно, и даст, но нужно перестать думать о получении денег с отдельных личностей - надо расти изнутри и даже не просить больше денег у людей. Н.К. рассказал, как он вчера задал мисс Венц [*вопрос*]: живой ли она человек или чековая книга? И когда она сказала ему, что не даст от своего имени, а лишь анонимно, он спросил, а почему она бережёт своё сокровенное имя? Вот Христос - тот отдал своё имя. Потом, дело не в выписке чека, а в работе. Она ему сказала, что знает всё, что написано в "Агни-Йоге", а он ей сказал, что это даже страшно и преступно - ибо если она всё знает и не живёт по принципам, то как это назвать? Она сказала, что слышать это для неё - шок, а Н.К. ответил, что это здоровый взрыв. Н.К. сказал, когда ему заявили, что через три года положение дел уляжется в Америке, - что никогда не уляжется, ибо это начало трудных лет. Мучительная атмосфера вокруг. <...> Юрик поехал в Вашингтон, вызван телеграммой Пеля по поводу английского посольства. <...>

2 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Письмо Н.К. Рериха к Таубе М.А.

2 ноября 1929 г.

Мой дорогой барон,

Получил Ваше послание по случаю открытия Музея Рериха в его новом здании. Разрешите мне поблагодарить Вас за выражение Вашей доброй воли и поздравление меня лично. Пользуясь случаем, выражаю наилучшее пожелание успеха Вашим культурным начинаниям. В этих замечательных замыслах культурного строительства мы все объединены как искренние друзья. Во имя такого понимания и дружбы я приветствую Вас.

Всем сердцем,

Н.Рерих

Бахметьевский архив Колумбийского университета

Публикуется по изданию: "Дельфис" №80(4/2014) Письма Н.К.Рериха к М.А.Таубе

3 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

3.XI.29. Утром была группа, [*изучающая философию*] Спинозы — очень хорошие молодые люди. Н.К. говорил к ним, потом я провела их через Музей. Они симпатичные, и доктор Кеттнер, их учитель, очень славный. <...> Вечером был Ловенстейн, говорили с ним. Затем мы все поехали к Сутро на ужин. Потом приехал Юрий из Вашингтона. Передал, что Акерсон скоро будет удален и что Британское посольство теперь благосклонно.

4 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

4.XI.29. <...> Сегодня ужинала с Н.К. у Порумы. Говорил он о том, как нам полезна идея тайны, как Учителя её всегда поддерживали и дали нам в помощь. Ибо люди, что бы мы им ни говорили, всё-таки верят в то, что у нас тайна, и не атакуют нас. Это чудо, что не было сильных нападков в прессе после 17-го, а будь мы обыкновенными, как все, нас бы давно разорвали, ибо все галереи и школы - наши враги. Затем мы говорили, что Пор[ума] поедет в Индию в феврале, а Н.К. и Юр[уй] - в апреле, она же с Ентой вернётся обратно к июню. <...>

Затем мы, то есть я и Н.К., беседовали об "Урусвати". <...> Я же сказала Н.К., что надо заботиться о росте "Урусвати", ибо это создание целого города, и я, будучи сотрудником, смогу по отъезде Н.К. и Юрия продолжать работу и думать о созидании. У меня идея пригласить Клемин и Свифт и других дать лекции под покровительство "Урусвати", а деньги на это дать от Школы, ибо это наша образовательная программа. Н.К. это очень понравилось. Затем говорили, что хорошо бы привлечь богатых людей и их назначить президентами. Но, конечно, тогда опасность - служить Рокфеллеру, а не Учителю, как сказал Н.К. Пригласила Дабо в учителя. Бистран предложил дать курс теоретического дизайна. Отчего нет? <...>

Юрик поехал в Вашингтон, вызван телеграммой Пеля по поводу английского посольства. <...>

6 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

6.XI.29. Раз день начинается трудно, то и кончается трудно. Получили ужасное письмо от Эрскайна Луису против Н.К. и Музея. Устроила же историю Франсис, тем, что велела Миндлину пойти к Эрскайну, чтоб он был в жюри для выбора кинокартины. Никто не знал про это, и как Н.К. сказал: "Это преглупая и нелепая идея, чтобы видные люди выбирали бы для нас картины каждую неделю целым комитетом". Вечером Завадский устроил заседание для содействия симфоническому оркестру. Пришло тринадцать человек, в том числе Вел[укий] Князь Александр Михайлович. Было преглупо. Отец Келли тоже был - прехитрый иезуит. Глупая речь произнесена Мореем, и, конечно, всё чепуха и без толку. Ничего не выйдет из этого. Опять ужасная паника на бирже - всё упало. Н.К. говорит: "Что это за ужасное правительство, которое позволяет [такое] и помогает разрушению страны?" <...>

7 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

7.XI.29. Имела большой разговор с Н.К. Сказала ему всё про Франсис, что она чувствует свою силу, давит всех, портит дела, душит меня, отравляя атмосферу. Просила Н.К. соединить нас, иначе дела после его отъезда распадутся. Н.К. сказал, что я во всём права. Надо ещё больше удалить Издательство и её от всего, ей надо развить это дело, ибо Н.К. подчёркивает его огромные выгоды. Что каждый из нас, при всех огромных недостатках, всё же выбран Учителем и что лучших на их место Учитель пока ещё не нашёл. Что Порума более

опасна, ибо её можно окрутить, она не имеет своего мнения. Что каждый должен усиленно работать по данному ему делу. Я сама вижу, что могу писать паблिसити без Франсис и должна обходить её совершенно. <...>

Главное - не обращать на неё внимания. <...> “А ей нужно показать, - сказал Н.К., - что она ему вовсе так не нужна”. Паблисити теперь кончено, флаг Музея - наше паблисити. Памфлеты и книги написаны, теперь она должна их продавать. Н.К. ещё сказал, что он часто сидит один, намекая, что члены Круга, кроме Франсис, не стараются и сидеть с ним, и слушать его, и спрашивать его мнения. Как больно, что Пор[ума], Логв[ан], Нуця не ловят каждый момент, чтоб быть с ним. Боже мой! Если б я не была так безумно занята! Затем Н.К. сказал, что было непростительной ошибкой уступить Светику и собираться без Пор[умы], Логв[ана] и мамы у них в квартире Светика, вначале с нами, а затем с Франсис. Это принесло много непоправимого вреда. Затем он сказал, что Франсис приносит вредную волну, а через нас перекачиваются непоправимые волны, и мы должны соизмерить, какой волны опасаться. И поэтому забыть о Франсис, ибо Америка в опасности и мы в опасности, и должны об этом думать. Н.К. глубоко прав, и так и нужно действовать. <...>

Маме сегодня снился сон. Н.К. правил лошадьми, сидя в чудесном фаэтоне. Но лошади были ужасны, все тянули в разные стороны и разносили фаэтон на части. Н.К. из последних сил, с огромным напряжением старался остановить фаэтон. Второй сон. Я страшно ругала маму за какие-то деньги - один доллар, требуя у неё отчёта и говоря, что я ей их дала. При этом сидел Мастер М. и всё слышал. Она Его видела, а я нет, и ей было ужасно больно, что Он всё слушал. Она пыталась меня остановить, выдумала, что она ошиблась, а я всё же её ужасно ругала. Господи, как мне исправиться, что делать с моим кошмарным характером!

8 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

8.XI.29. Н.К. сегодня опять говорил, что у Логвана и Пор[умы] не выросло сознание. Он может их учить и проводить в жизнь тысячу вещей, а на 1001-й они сами сделают неправильно, ибо сознание не выросло. <...> Пока надо быть крайне экономными, не тратить лишних денег. Ибо у нас [их] нет. “Всё на бумаге, и всё бумага”, - как сказал Н.К. Вчера у Боссома был Гуггенгейм, миллионер, и сказал, что Америка не сможет оправиться от этого краха. Боссом сказал, что Америка уничтожена извне в смысле влияния и финансов. Конечно, не отрицает, что это Англия. Днём Великий Князь привёл миссис Хирст. Она была в восторге от Музея, говорила о необыкновенной красоте картин, обещала прислать человека из “International Studio”. Великий Князь очень старался, говорил ей, что Н.К. - Великий Мастер. Вечером был Рапикаволи, провёл вечер, простился с нами (завтра едет в Италию домой), премилый человек. Везёт письмо Муссолини от Н.К. и книги.

9 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

9.XI.29. Самое лучшее - это вообще не говорить о Франсис; пусть покажет сама в жизни, как она может развить Издательство. Я вынесла твёрдо это убеждение из разговора [с] Н.К. Он на днях отметил, что она с июня до сентября не написала ни одного письма Е.И. - значит, не о чем было писать. С другой

стороны, она нужен человек в деле, и ей необходимо развить Издательство. Лучшее всего и не думать о ней. <...>

10 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

10.XI.29. Н.К. предлагал печатание его биографии отложить на будущий год, чтоб иметь эту возможность попозже. Затем конкурс о Махатмах отложить и спросить Учителя, ибо теперь это вызовет толки о культе и так далее. Да и если напечатаем книгу "American Artists", на нас накинута все другие американские художники, не вошедшие в эту серию. Затем я и Франсис с Н.К. поехали в Церковь Св. Марка на улице Бауэри, где Н.К. выступил об Учительстве. Он чудесно читал первым о понятии Учителя, затем читал Ричард, отрицая всё, чтобы прийти к Беспредельному, - слабовато, затем англичанин Велчман. <...> Потом мы поехали домой, я и Н.К., к нему и долго беседовали о бюджетах. Конечно, Н.К. говорит, что бюджеты [должны быть] по жизни, и увидим, как они проникают в жизнь. Если театр будет убыточным - закроем его. Вообще, после завтрашнего заседания многое покажется нам ясным. Мама видела сегодня сон, что Е.И. усиленно кутала Н.К.

11 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

11.XI.29. Имела большой разговор с Н.К. Луис написал письмо, чтобы сдать деньги из Мастер Института в общую казну в "его офис", "мой офис" - как он выразился. Я протестовала, говоря Н.К., что, если эти деньги пойдут на Дом и разные долги, и нам нечем будет платить учителям, будет очень плохо. Н.К. сказал, что мы теперь делаем этот опыт, чтобы видеть: Учреждения мы или нет. Увидим. Я послала чек в 4500 \$ в общую кассу. <...>

Затем мы с ним днём говорили, и я предложила, чтоб у нас было правление Почётных директоров в Мастер Институте, чтоб привлечь новых людей. Идея понравилась Н.К., и он решил подумать о ней.

В 5 часов у нас было назначено деловое собрание. Нуця, я, мама, Юрик были ровно в 5 в кабинете Н.К., прошло 20 минут, пока появились остальные. Нуця, я и Юрий дали точные отчёты. Луис по Дому - никакого, кроме дурацкого письма Холла. Миссис Атватер прислала детское письмо, но ни денежного отчёта, ни бюджета. Миндлин прислал приход за три недели без расходов вообще. А Франсис устно проболтала об Издательстве Музея Рериха, не представив вообще никакого отчёта. Это было очень знаменательно, ибо я говорила Н.К., что мы в понедельник ни о ДOME, [ни о] ресторане и театре знать ничего не будем, и так и вышло. <...>

Приехали [к Рерихам], Н.К. шутил и говорил, думая про меня, что "крепость сегодня не сдавалась", сказала - "не дам денег". Мы поехали в театр, видели хорошую картину "Condemned" ["Осуждённые" (англ.)]. <...>

12 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

12.XI.29. Н.К. сказал, что случилась знаменательная вещь. Люди начали покупать золото, как это сделал Джудсон. Биржа абсолютно беспомощна, что это за правительство вообще? Он поражён терпением и покорностью амери-

канской публики, вроде знаменитой истории о цыгане, который сказал: “Жаль, я почти что уже выучил лошадь не кушать, а она взяла и околела!” Ведь в России при царском режиме разнесли бы биржу, во Франции была бы уже перемена кабинета. А здесь ничего, терпят. Были днём мистер и миссис Дюпон, привёл их Руманов, который и меня познакомил с ними. Н.К. их повёл по Музею, может быть, они дадут на комнату Музея. Мама сегодня была у Таберози, изумительной ясновидящей, которая живёт на 100-й улице, цифра, которая два раза была указана маме. Она ей сказала изумительные вещи о смерти Ориолы внезапно от сердца, о больных зубах Н.К., о том, что он несёт Учение Будды, Христа и Моисея людям в жизнь. <...>

Все были поражены, и Светик с Н.К. поедут к ней в будущую среду. Вечером пришли пятьдесят человек из клуба “Art in Trade” [(англ.) “Искусство в торговле” – ред.] с мистером Бёртоном, мистером Кейслером, вице-президентами, с мистером Ньюманом - издателем - и другими, очень большими промышленниками. Я их повела и показала им Музей, они были поражены Музеем.

13 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

13.XI.29. Н.К. сказал замечательную вещь, что те, кому дают, всегда разбегаются. Так было и с Христом - приходили за исцелением, за получением, кому [что] было нужно, и поспешно уходили. Но сами ничего не давали. И теперь приходят многие к Н.К., богатые, значительные, и получают от него слово, книги, помощь, а сами и не думают, чтобы дать что-либо. Сегодня биржа опять пошла вниз. Через два месяца мы почувствуем настоящую серьёзность положения. <...>

Сегодня день моего рождения. Порума пригласила всех на ужин, потом все собрались у меня в квартире и читали чудесные письма, от Е.И. полученные как раз сегодня. Е.И. пишет о Таинстве Иерархии.

14 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

14.XI.29. <...> Сегодня беседовали с Н.К. Я высказала мнение, что Миндлину нельзя позволять показывать кинокартины всю неделю, ибо стоит дороже и нам не будет прибыли. <...> Шнайдер написал письмо, что не может дать деньги на обещанный им бюллетень, ибо потерял деньги на бирже. Н.К. советует объявить это всем членам и что мы не можем из-за этого выпустить бюллетень. <...>

15 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

15.XI.29. Н.К. простужен, мы беспокоимся, ибо знаем, что ему нехорошо иметь простуду - она всегда у него затягивается. <...> Н.К. говорит, что нужно обязательно иметь ведомость учителей, чтоб знать, сколько лет каждый учитель был с нами, ибо это нужно знать для бонусов и будущих пенсий. Днём на чае у меня были Палмеры и Н.К. с Юрием и Светиком. Было очень мило, они хотят купить картину Н.К. Надеюсь, что выйдет. Потом мы поехали с Н.К. и Светиком к ним. Н.К. рассказал, что старик Клевер, известный художник в Петербурге, говорил, когда кто-либо хотел купить его картину, а он уже тогда больше не писал: “Хотите мою вещь, а приблизительно какого рода? С дере-

вом, зиму, вечер!!! Трудно, но постараюсь достать для вас такую из моих. Приходите через три дня”. Шёл домой в мастерскую, где у него работало восемь человек и говорил: “Пишите № 3, зиму, вечер, с деревом” - так и продавал. Мы очень смеялись. А чернила ирадикатор Н.К. называет живой и мёртвой водой.

16 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

16.XI.29. Н.К. был нездоров со вчерашнего дня, не приехал в Музей. <...> Днём мы поехали к Н.К. и остались у него ужинать. У него простуда, надеемся, она скоро пройдёт. Он получил письмо от Вел[икого] Князя - престранное. Тот пишет, что хочет работать в духе с Н.К., но совершенно автономно и самостоятельно. И иметь кабинет у нас в Доме. <...>

Свет[ик] нудит, ибо потерял много на бирже. Н.К. нелегко с сыновьями. Он думает с Юриком в марте ехать домой - боюсь, что слишком рано для дел. Но Н.К. замучен всем - и делами, и положением страны.

17 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

17.XI.29. Обедали у Порумы, она думает ехать в январе в Индию. Мы все надеемся, что облигации будут проданы, ибо к январю нужны 60 000 платить по векселям. Днём заехали к Н.К. Ему лучше, но Свет[ик] битый час грыз его, да и нас своими потерями - мучительное у него состояние. Вечером в Тибетской библиотеке была лекция доктора Сойса о буддийской философии.

17 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

Родная моя Мамочка!

Твоё письмо от 19. X. 29. принесло нам большую духовную радость. Оно было здесь очень нужно, и Папа, без сомнения, напишет тебе о всяких житейских недоразумениях. В конце концов, все мы – люди, и стараемся смотреть на вещи со своей точки зрения. Безличное – привилегия богов.

Две последние недели были довольно трудными из-за общего упадка на Бирже. Теперь, когда вмешалось Правительство, есть надежда, что ситуация быстро улучшится. Многие потеряли всё своё состояние. События последних двух недель со всей силой показывают относительность мирового положения.

Мы изо всех сил боремся, чтобы открыть Институт, и я верю, что у нас есть хорошие шансы на успех, даже несмотря на тяжёлые условия на Рынке. Я сейчас пишу письма в различные научные учреждения и фонды, чтобы заручиться их сотрудничеством.

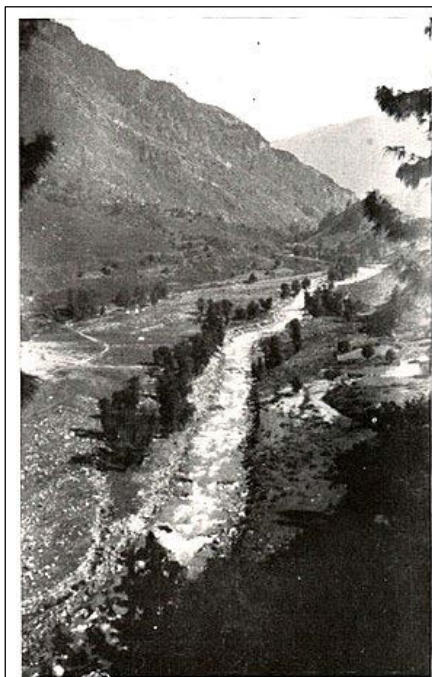
Музей привлекает невиданное внимание, и каждое воскресенье в него приходят толпы. В будни также полно народа. Общество Музея Рериха проводит еженедельные лекции, которые очень хорошо посещаются.

Г-жа Херст посетила Музей и, говорят, пришла в большой восторг.

Прилагаю мою первую статью в «N[ew] Y[ork] American» о ранней китайской скульптуре. После публикации я пошлю тебе и другие мои статьи. Мой лекционный тур продолжается. Дорожные расходы ужасающие, и у меня будет совсем небольшая прибыль.

Папа слегка простужен последние два дня и сидит дома. Сегодня он чувствует себя лучше. Все требуют его времени, и я рад, что он может провести пару дней спокойно.

Пожалуйста, напиши нам о своей жизни. Большое спасибо Владимиру за его письмо и вложенные фотографии.

Кулу, долина реки Беас. Фото 1929 г.

Долина реки, в самом деле, очень красива, и, судя по Людмиле, Вы все выглядите великолепно. Размер китайских и индийских знаков впечатляющий. Получила ли ты список твоих книг, которые находятся здесь у меня? На этой неделе я пошлю тебе ещё книг, которые могут быть тебе интересны.

Нетти начинает готовиться к путешествию. Я завидую её возможности побывать в Кулу. Надеюсь, что мы сможем поступить так же. Я очень хочу рассказать тебе о моих впечатлениях в этом мире суматохи и конфликтов.

Пожалуйста, передай мою любовь всем в Hall Estate.

Твой преданный сын

Ю.Р.

Архив Музея Рерихов, Москва.

18 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

18.XI.29. Получено письмо от Акерсона о получении им книг для президента. Днём завтракала с Джульет и Тини, уговорила их на портреты, чтоб Светик их писал. Вообще надеюсь, что Джульет можно привлечь в Кор[она] Мунди. Н.К. одобрил эту идею. К вечеру мы к нему заехали и очень поздно беседовали. Н.К. очень огорчён Свет[иком]. Он говорит без конца о деньгах, отчего Учитель ему не указал, что и когда вообще продать. Затем хочет найти золотые вещи в Кулу, в своей крепости, расплавить их и продать. В общем, мучает Н.К., и Н.К. хочет ехать уже 24-го марта домой, ему тут очень тяжело и хо-

чется поскорее уехать. А я сегодня ему сказала: боюсь, что он уезжает слишком рано и дела пострадают, ибо Логв[ан] будет многое делать самовольно, чего мы даже и не узнаем. Тут на меня и Юрик, и Нуця напали и говорят, что голосованием будем всё решать. И что будем посылать все отчёты всем попечителям и обязательно в Индию, и что в случае нужды будем телеграфом запрашивать о важных решениях. Всё это хорошо, но всё же вижу, что будет много произвола и самовольных действий, которых остановить нельзя. Но я высказала своё мнение, а будущее нам многое покажет.

19 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

19.XI.29. <...> День большой работы. Вечером поехала к Н.К., помогала укладываться. <...> Сегодня вышел буклет “Урусвати” - хорош, очень достоин.

19 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

20.XI.29. Сегодня Н.К. и Свет[ик] были у Таберози. Она говорила, что это последнее воплощение Н.К. на Земле, что он будет жить до 90 лет и что он - великий дух. Что Свет[ик] найдёт растение, подробно описанное ею, которое он употребит как средство против рака. Очень много замечательного она говорила, и Н.К. её находит лучше Стоддарта - не такая предубеждённая. <...>

Мы с Нуцей помогали Н.К. и Светику укладываться, ибо они завтра переезжают в свою квартиру над нами, на 25-м этаже. Н.К. и Юрий уедут отсюда 20-го марта, возможно, что и Светик поедет с ними. Н.К., видимо, хочет поскорее уехать. И так все уедут, останемся лишь Нуця, я, Луис, мама. Очевидно, так надо и всё ко благу.

21 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

21.XI.29. Н.К. переехал сегодня в Дом - наконец, он живёт в Доме. Днём Н.К. говорил о том, что раз мы занимаем 51% Дома (это Учреждения), то нам нужен человек, который будет заведовать технической частью, то есть починкой электричества, тепла, следить за всем. <...> Чудесная мысль! Вызвана она тем, что у нас мучение с радиаторами в классах рисования и не от кого, буквально, искать помощи. <...> Было у нас сегодня деловое заседание. Все представили отчёты, но заём ещё не представлен Луисом. Доход ресторана ещё не представлен как следует. Н.К. решил закрыть кинотеатр, ибо от него один убыток. Решили сдавать под театр, концерты, лекции и так далее. Сегодня собрались у Пор[умы] для Беседы. <...>

23 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

23.XI.29. <...> Беседовали сегодня с Н.К., Пор[умой] и Логв[аном] об электричестве, решили, что Музей платит за все Учреждения, но что Общество Друзей должно платить за свет и охрану на лекциях, концертах и вечернем открытии Музея. Н.К. рассказал, что однажды один миллионер в России пришёл

покупать у него картину и так торговался за 500 руб., что Н.К. сказал ему: “Ну, знаете, столько мы времени потеряли, и так мне это надоело, не могу поверить, что вы, богатый человек, сделаетесь банкротом, если заплатите на 500 руб. больше. Берите вы себе эту картину, надоело мне это, а дайте мне расписку, что, не будучи моим другом, получили её от меня даром”. Тот опешил и сказал: “Вы шутите!” Н.К. ему говорит: “Да, и вы, наверно, шутили, и я теперь шучу!” Тот, конечно, поспешил дать полную цену за картину. Мы очень смеялись этому. Вечером я осталась дома, ибо у меня насморк, и я не хотела быть у Порумочки, где читали дивные письма, полученные от Е.И., и чудное письмо от Енточки. Был у меня Моор, я ему дала десять книг “Агни-Йоги” - он славный человек. Юрий пришёл пить валериан поздно. Каждый вечер мы с ним беседуем за валерианом, который он регулярно приходит пить.

24 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

24.XI.29. Провели светлый день. <...> В 1 час дня пришла Пэтти Хилл с сестрой. Мы с Н.К. и Юрием обедали с ними. Они нам рассказали, как теперь ужасно в России, в каком напряжении и страхе живут Макаровы. Они произвели хорошее впечатление на Н.К., который потом им показывал Музей. Днём Н.К. сказал Луису <...>, что мы должны развиваться изнутри, а не лишь искать денег извне. <...> Работали весело, с шутками и смехом, встретились наверху у Пор[умы], читали дивное письмо Е.И., затем второй том Агни-Йоги, сравнивая с английским переводом, присланным из Индии. Затем имели Беседу с Учителем, потом пошли к нам пить валериан.

24 ноября 1929 г. Нью-Йорк

Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

Родная моя Мамочка!

Твоё письмо об Агни Йоге произвело огромное впечатление на всех нас. Я так хочу рассказать тебе обо всех моих впечатлениях и обсудить проблемы, которые предстают перед моим сознанием. После того как я провёл столько лет под открытым небом, мне кажется, что я пришёл из другого мира, и обычная атмосфера современного города с его почти убийственной индустриализацией – что-то совершенно инородное. Даже при том, что я встречаю довольно много дружественно настроенных людей, всегда имеется непреодолимая пропасть, созданная тем фоном, на котором развивалась человеческая личность.

Мы надеемся, что более прохладная погода в Кулу пойдёт тебе на пользу и ты почувствуешь себя лучше. Кулу – наша обычная тема для разговоров, и мы завидуем Нетти, её великой возможности.

Мы были очень рады получить добрые вести из Кулу и надеемся, что все недоразумения вскоре прояснятся.

Папа полностью оправился от своей простуды и сейчас живёт в Доме на 25 этаже. Светик живёт с ним.

Пожалуйста, напиши мне, что тебе нужно. Получила ли ты книги и фотографии, которые я тебе отправил? Посылаю с Нетти семена для твоего цвет-

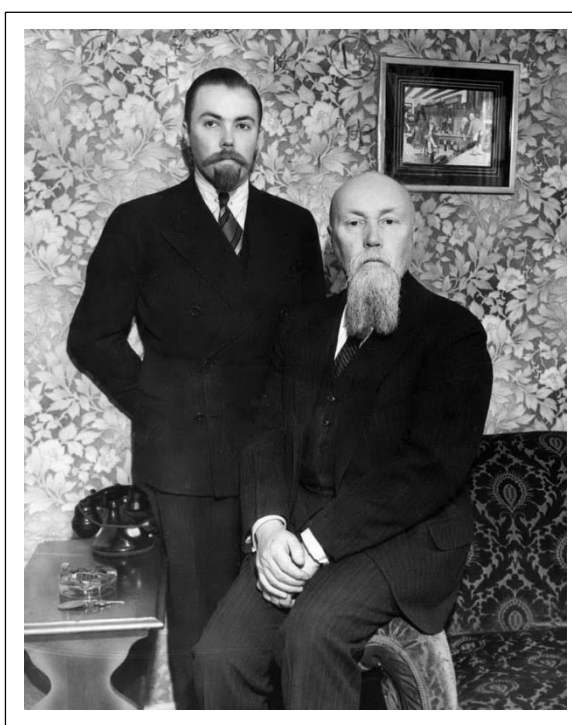
ника и огорода, а также несколько книг по садоводству. Пожалуйста, напомни Владимиру послать мне размеры стен в моём кабинете и во всех других комнатах, где необходимо сменить обои.

Как Эстер? Получила ли она моё письмо, которое я послал на прошлой неделе? Как там девочки? Мы были рады узнать, что Владимир и Банон нашли красивое место повыше на склоне. Это будет замечательное летнее место. Понравилась ли Владимиру его жизнь в палатке?

Со всеми наилучшими пожеланиями и с большой любовью,

Твой сын Юрий Р.

Архив Музея Рерихов, Москва.

Ю.Н. и Н.К. Рерихи. Нью-Йорк. 1929 г.

25 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

25.XI.29. <...> Была сегодня у Н.К. Алиса Бейли, говорила о кооперации и что все великие люди должны встречаться у нас в Доме. Днём у Н.К. был Раймонд Дункан, тоже хочет у нас читать курс. Вечером Дэйлы ужинали с Н.К., Нетти и Логв[аном]. Я навестила Леонтин, которая недавно потеряла своего отца, - она хорошая душа. Пришла и пошла со всеми вместе смотреть квартиру Н.К. Нетти была у Таберози - та ей говорила много замечательного, читая, очевидно, по её ауре. Затем Н.К. и мальчики пришли к нам пить валериан. <...>

26 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

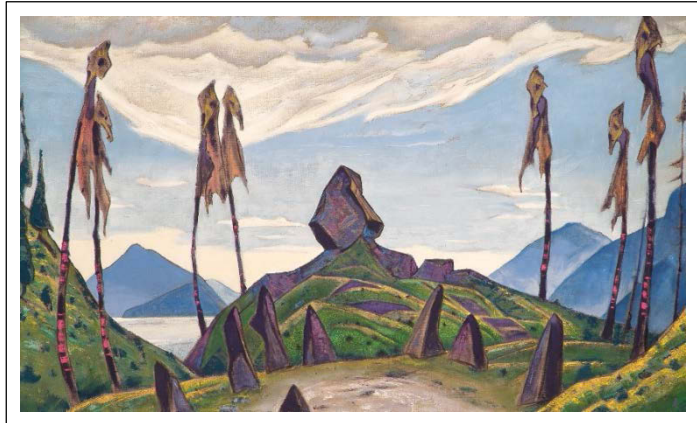
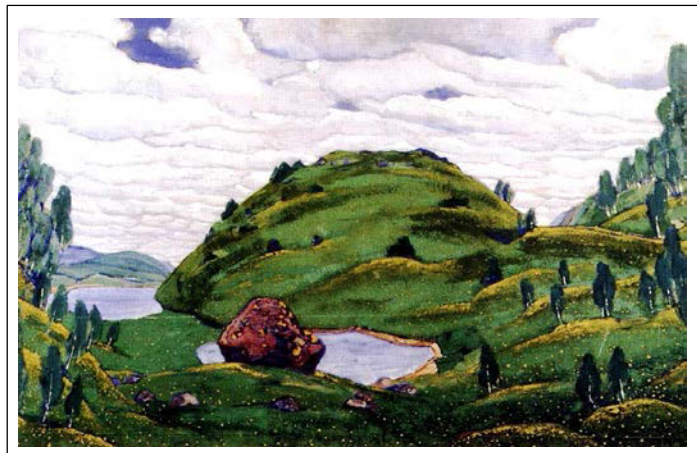
26.XI.29. Н.К. замечательно сказал сегодня, что Гувер сделал заявление с просьбой стабилизировать бизнес!!! Ведь это ужасно, выходит, что хваленый американский бизнес нуждается в стабилизации!!! Он сегодня завтракал у Вел[икого] Князя, и тот ему сказал об Указании, что Великий Учитель придёт из России, и при этом добавил: “Ну, мы с вами в этом не будем соперниками!” Прекурёзно!!! Руманов говорил, что и Дюпон и Бач потеряли миллионы и мистер Хорш потерял массу миллионов. Н.К. ответил: “Не массу, а несколько! Ибо ведь в хорошей компании”, - добавил он мне. Мы много смеялись. <...> Н.К. потом был у нас, беседовали, пили валериан. Нетти думает ехать с ними в марте.

27 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

27.XI.29.

<...> Вечером Бринтон читал лекцию о России - убогая пропаганда. Затем мы читали “Агни-Йогу”. Потом Н.К. и Юрий пили у нас валериан. Н.К. говорит, что узнал грустную вещь, что у нас в будущем году амортизация поглотит 50 000 из 100 000 дохода, так что у нас будет недочёт для покрытия всех расходов. Это вещь серьёзная - Логв[ан] забыл вписать. Н.К. ищет художника, чтоб писал по его рисункам декорации к “Весне Священной”, ибо он думает в марте ехать, а “Весна Священная” идёт в апреле. <...>

Н.К. Рерих. Эскизы декораций к «Весне священной». 1929-30.

28 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

28.XI.29. Доктор Фридлиб уверял Н.К., что вовсе нет ничего страшного в финансовом положении страны - люди, мол, всё прячут и через четыре месяца весь бизнес будет [идти] по-старому. Пошли в класс 5 с Н.К. слушать "Parcifal". Н.К. сказал мне, что днём он и Луис говорили о делах и Логв[ан] очень хвалил меня, как Школа хорошо идёт. Но, конечно, я сказала Н.К. - главное, если он [Н.К.] меня хвалит. <...>

Потом сидели вечером, получили Указание, что Порума может ехать в январе с ботаником. Н.К. думает на будущей неделе поехать с Юрием в Вашингтон и повидать Ритчи, секретаря Гувера, и передать ему медаль для президента. <...> Затем Н.К., Юрий и Свет[ик] пошли к нам пить валериан.

29 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

29.XI.29. Пришло письмо, подписанное Ритчи, где тот от имени президента Гувера благодарит за присланную медаль. Какая тонкость Учителя! Предупредил вчера, что надо послать, а сегодня было послано нам уже как ответ. <...> Н.К. получил диплом от Общества розенкрейцеров и не особенно доволен им, ибо источник этой логи ему неизвестен. <...> Учитель говорил, что надо держать настроение духа высоким, ибо мы знаем про финансовую тяготу и должны думать, как помочь этому, но не говорить о том, что кто-то отдал последний цент. Вечером я пошла с Порумой в оперу на "Don Giovanni" ["Дон Жуан"] Моцарта.

30 ноября 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

30.XI.29. Имела разговор с Н.К. Он мне говорил, что видит и знает недостатки каждого, но "претерпевший до конца - спасён будет", как он пел, начиная с лета. Что вначале мы перестаём многое говорить, но затем самое важное - это очистить мысли, ибо мы говорим мыслями, и лишь потом наступает продвижение. Главное - не давать ход нежелательным мыслям. Говорил, что Пор[ума] сказала ему, что из шестидесяти комитетов мы имеем лишь два. На это ей Н.К. сказал, что можем иметь хоть сейчас шестьдесят, но выдержим ли? Она на это замолчала.

Говорил о непонимании того, что теперь творится в стране, - полное неразумие, начиная с Вашингтона. Говорил, что доктор Фридлиб сказал ему, что он пытался продать наши облигации, но ему давали такую низкую сумму, что он не может её повторить. Говорил, что у нас очень серьёзное положение, ибо никто не хочет дать денег ни на что. Говорил, что, если не получим хотя бы 5000 с театра, придётся его закрыть. Днём у нас было деловое совещание, вечером были у Бистрана. Он показал Н.К. свои картины. Н.К. находит их неплохими, но не сильными.

ДЕКАБРЬ

Интерьер Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. 1930-е гг.

1 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

1.XII.29. Н.К. слушал музыку Алисы Салафф к поэме "To the Hunter entering the Forest" [(англ.) "Ловцу, входящему в лес" - ред.], и ему очень понравилось. Фридлиб прислал своего знакомого купить 25 облигаций по 75. Хотя и с потерей, но если продадим, будет прекрасно. <...> Днём заседание с Дэвидом Грантом о том, чтобы требовать 165 000 за убытки с Bond & Mortgage. Затем читали "Агни-Йогу" у Нетти.

В 8 вечера у меня была группа в 75 человек из International Club, которых я повела через Музей. Остальную часть вечера провели с Н.К., Свет[иком] и Юрием, которые пили у нас валериан и беседовали допоздна.

2 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

2.XII.29. Была в городе за покупками - ужасный кризис: платье за 180 продаётся за 25. Шляпа в 40 - за 5\$. Sachs¹ перед Рождеством рассчитал 300 продавщиц. Пришла, рассказала Н.К., а он говорит, что не понимает теперешнего положения страны - всё процветание, очевидно, дутое, и положение у нас очень серьёзное, ибо в лучшем случае за облигации стоимостью в 300 000 мы можем выручить 225 000, а нам нужны 240 000, помимо Учреждений и административных расходов. При этом Луис каждый раз преподносит другие цифры, и в них не разберёшься. Н.К. хочет теперь научить Авираха разбираться в цифрах Музея. Увидим постепенно, ибо иначе не вылезем из вечных долгов. Н.К. на днях думает поехать повидать сенатора Бора.

¹ Sachs Fifth Avenue - один из самых фешенебельных магазинов Нью-Йорка.

Читали “Агни-Йогу”, затем пошли все в синематограф, потом Н.К., Светик и Юрий прошли к нам и мы долго беседовали. Н.К. очень смешно говорил, что он на днях у нас в синематографе спросил Уайтсайд: кто едет в Индию? А она моментально заявила: “Я еду, в любой момент готова”. А мадам Кэффри вытянула голову и заявила: “И я еду”. А за спиной у Н.К. кто-то заблеял: “И я еду в Индию!” Н.К. испугался и говорит: “Да никто не едет, я так просто спрашиваю”. А он это к тому говорил, что Колокольникова хочет ехать с Нетти в Индию.

2 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

Родная моя Мамочка!

В течение прошлой недели мы не получали от тебя писем и недоумеваем, что стало с ними. Надеюсь, ты чувствуешь себя лучше, и климат Кулу будет тебе очень полезен.

Я был простужен последние три дня, но сегодня чувствую себя лучше. Погода неожиданно переменилась, и затем мне надо было два вечера подряд читать лекции, в результате я перетрудил горло.

Мы много работаем в Учреждениях. Нынешняя трудная финансовая ситуация в стране повлияла на всех. Мы все надеемся, что в январе станет легче.

Г-н Крейн вернулся в Штаты и придёт в Музей с важным человеком из Чикаго.

Святослав обустривает свою квартиру, которая представляет собой настоящий музей древностей. У него действительно замечательная коллекция тибетской бронзы и несколько очень хороших тханок.

Папа чувствует себя хорошо, и сотрудники очень нуждаются в его присутствии. Нетти планирует своё путешествие. Пожалуйста, напиши или телеграфируй нам, что тебе нужно, и мы будем очень рады помочь тебе.

Получила ли ты мои предыдущие письма и вложенные вырезки моих статей? Тебе нужны ещё книги? Какая была погода в Кулу в последние три месяца? Было жарче, чем в Дарджилинге? Как идёт продажа фруктов? Ты довольна управляющим? Я собираюсь послать семян для сада.

Как Эстер? Как там девочки? Я написал Владимиру несколько дней назад, и надеюсь, что он получил письмо.

С наилучшими пожеланиями и большой любовью ко всем Вам,

Твой сын

Ю.Р.

Архив Музея Рерихов, Москва.

3 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

3.XII.29. Масса работы в Школе, зорко надо за всем следить. Н.К. сегодня утром говорил, что вопрос о долгах всех Учреждений Мастер Институту представить в форме вопроса: как будет выплачиваться этот долг и как насчёт процентов? Вообще, всегда такие заявления на собрании представлять в форме вопросов. Так и Н.К. делал в прошлом в России. Он говорил: “Если хотите, можно и закрыть школу”.

Утром были Крейн и Райерсон, восторгались Музеем. И комнату своего имени видел Крейн, однако никаких результатов от него не произошло. Пришло дивное письмо от Е.И. Вечером читали письма. Решили “Foundations of Buddhism” [*“Основы буддизма”*], которые тоже пришли, печатать в “New Era Library” [*“Библиотека Новой Эры”*]. Послали об этом запрос Е.И. Получили замечательные Указы и видения. Потом пили у нас валериан, беседовали.

4.XII.29. Утром говорила с Н.К. о Юрии. Он взволнован тем, что ему не дают жалования, что его лекционный тур испорчен, и т.д. <...> Н.К. думает, что придётся ведь Юрию платить жалование, ибо он на том же положении, что и Франсис, т.е. директор “Урусвати”, а ведь она, будучи директором Пресса, получает жалование. В это время зашёл Логв[ан], Н.К. ему и сказал, что Юрию нужно платить [еже]месячно 200\$ и директорам выдать хоть что-либо наличными, ну 50 в месяц, а остальные - облигациями. Л[огван] ответил, что так как наличных почти нет, то лучше ничего не давать деньгами, потом предложил, что не лучше ли зарегистрировать только в книгах. Н.К. ответил, что это не деловому. <...>

[*Всё*] это не особенно понравилось Логв[ану], но всё же он принял. <...> А вечером Юрий заявил, что не признали 12 000\$ субсидии на “Урусвати” и выдали ему 40\$ - за неделю. Я сказала Н.К.: если он [*Хорш*] с утра до вечера при Н.К. всё переменял, хотя и принял всё утром, что же будет при отъезде Н.К., в особенности, если он неверно понял обращение Е.И. о том, что он должен принять на себя решение дел? Н.К. согласился со мной и сказал, что отъезд его явится самым большим испытанием для Логв[ана] и увидим, как он его перенесёт. И если он будет настаивать на проведении опасных решений - дать им телеграмму. Вообще решать большинством голосов, ибо это право попечителей. Один президент вообще никогда не может решать! <...>

5 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

5.XII.29. <...> За ужином Светик был очень груб к Нетти и Луису, обвинял их в неумении оберечь его вещи (говорит, что у него пропало 40 картин). <...> Затем, что вместо книги об американских художниках надо было выпустить книгу о нём и что все должны стыдиться. Затем, что на “Урусвати”, мол, дают деньги, а на его травы и изыскания не дают. <...> Одним словом, ужас, что он говорил.

Это мне рассказал Н.К., который очень убит. Именно, как сказал Н.К.: “Главное не положение извне, а состояние духа изнутри”. Бедный Н.К., как ему тяжело! Ведь непонятно, почему невозможно достать денег на наш Дом - во всей Америке не достать! Н.К. не верит и в получение подданства теперь, не верит, что Блюм что-либо сделает. Аукциона Н.К. тоже боится, ибо можно [*на нём*] и потерять. <...>

Сегодня первый раз собрались в новом Святилище, на 28-м этаже. Чувство дивное - такая изоляция от всех и спокойствие. Чудные видения и сообщения. Я и Н.К. стояли за маленьким столиком и говорили.

6 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

6.XII.29. <...> Днём я пошла к Таберози, показала ей часы Н.К. Она сказала, что покупка земли с четырьмя буквами (Кулу) очень успешна и что там будут

копать и найдут массу ценностей в земле. Говорила, что Н.К. стремится уехать, ждёт парохода и что он Мастер, Великий Вождь, и если к нему всё придёт, то и мы будем иметь [всё], ибо у нас общая связь и мы все испытываем финансовые неприятности.

Затем о Юрии сказала: учёный, лидер, масса книг, “произносит речь, стоя на помосте”, “большой успех в январе”. Про Нуцю: что его здоровье неважно теперь, не должен волноваться и сомневаться, но иметь веру. Мне: что у меня никогда не будет детей, что я не должна “волноваться и унывать. Счастье скоро придёт”, в марте я еду с тремя людьми, у меня большая целительная сила в руках, и она меня видит, “как я выступаю на помосте. Я ещё не выказала свои большие знания другим, но обязательно сделаю это”. Уеду на два года, если всё устроится. Заменит меня мужчина и две женщины и ещё мужчина на букву W. Я должна готовить заместителей, буду выполнять много организационной работы. Спросила, занимаюсь ли я астрологией, и [сказала], что я могу это делать. Что меня трудно заменить в деле, ибо я делаю так много. Но очень интересно она сказала, что вчера у ней были два члена правительства из Вашингтона и она им сказала, что Гувера убьют, и у власти будет Кёртис. Условия здесь будут крайне плохими. У нас же через три недели всё улучшится финансово.

Вечером мы пошли смотреть у нас “Shiraz” [“Шираз”] в кино, потом к нам - валериан пить. Светик мечтает продать свои и К[орона] М[унди] картины на аукционе и закрыть Кор[она] М[унди]. Я не понимаю такого хода, но вообще ещё увидим, выйдет ли что-либо из этого. Были немного наверху у Н.К., смотрели найденные Свет[иком] картины. <...>

**Н.К.Рерих. Ur Corporation.
An Address by Nicholas Roerich Before the Board of Directors.
New York, 1929.**

КОРПОРАЦИЯ "УР"

*Выступление профессора Николая Рериха в
Нью-Йорке перед Советом директоров Музея.*

Санскритский корень «ур» означает утро или рассвет. Это имя является не только символом рассвета, эволюции Азии, но также новых средств дружественного обмена всевозможными видами продукции в полном согласии с истинным пониманием основ эволюции человечества.

Новые достижения человеческого гения, открытия, явленные миру с головокружительной быстротой, мощный рост промышленности требует новых подходов, которые, в своих мирных доспехах, разрушат презренные стены вредных предрассудков прошлого. Изобретение радио сломало традиционное представление о границах. Диржаблы бороздят пространство; телевидение и кино вскоре явят нам истинное лицо свершений. Все прочие принципы человеческого взаимодействия должны равным образом наполниться новым содержанием под влиянием новых жизненных реалий новой эры, или, как говорят в Азии, эры Шамбалы, наступление которой было предсказано в древнейшие времена.

Азия - миллиард сердец! Азия - сокровища земли и духа!

За время нашей экспедиции, длившейся пять лет, мы поняли, что Азия открыта для любых контактов, особенно с Америкой.

Отрадно было видеть, что любая американская продукция высоко ценится в Азии; наши новые открытия не только не отвергаются - их с радостью приветствуют.

Обладая огромными потребностями, которые до сих пор не были насыщены, Азия открывает практически неограниченный простор для деятельности. Всё - от мельчайших предметов домашнего хозяйства до крупных станков - здесь ждут с нетерпением, от семян до лекарств - встречаются с распротёртыми объятиями, от цветных открыток до книг на местных наречиях - всё открывает врата к новым просвещённым принципам жизни. От простейшего сельскохозяйственного инструмента до предметов домашнего обихода - всё является объектом острой необходимости. От куска проволоки до электрических приборов на батареях - всё встречает восторженный приём.

С большой радостью узнал я, что в Азии Америку считают страной будущего. Даже в самых отдалённых уголках люди говорят об Америке как о Стране Шамбалы - Стране Будущего. Они называют Америку «Чибаб», что означает «Защитник». А как много добропорядочных местных жителей, представителей разных народов, мечтают вступить в контакт с Америкой и работать представителями по продаже различных товаров!

Центр жизнедеятельности каждого организма - сердце. Тем более отрадно было видеть, что в сердце Азии, в самых удалённых уголках, великое имя Америки уже почитаемо. Мы не должны забывать, что даже Китайский Туркестан, где раскинулась пустыня Такла-Макан, не говоря уже о землях калмыков, бурят, монголов и тибетцев, заключает в себе многие миллионы жителей, а природные богатства этих обширных территорий практически нетронуты. Нефть и уголь, залегающие здесь, высочайшего качества. Золотые россыпи, залежи серебра, железа и меди, асбеста, прекраснейших сапфиров, рубинов, бирюзы и других ценных минералов, наравне с радиоактивностью составляют внутреннее богатство этого региона. Поразительное разнообразие природных ресурсов, горячих источников, богатой химическими элементами почвы представляет непревзойдённые возможности для скотоводства и добычи мехов.

Когда я спросил одного из местных жителей, что можно выращивать на песчаной почве пустыни Такла-Макан, он отвечал: «Это только кажется, будто почва песчаная, на самом деле - это донные отложения древних рек и озёр. Любое семя, брошенное в почву, даёт прекрасные всходы».

Когда я спросил нескольких лам, где они находят средства, если нуждаются в деньгах, они ответили: «Если нам нужны деньги, мы идём к реке, промываем песок и собираем золото». Так они используют вечную сокровищницу природы.

Как известно, европейцы несколько раз терпели неудачу при попытках проникнуть в Азию, поскольку использовали чужеродные для этого региона методы, и у местного населения складывалось впечатление, что его хотят завоевать и поработить. Несколько фирм, пытавшихся внедриться сюда, также терпели крах, ибо вели деятельность лишь в одном направлении. Но когда сама жизнь выдвигает требование взойти на новую ступень цивилизации, когда рождается необходимость во всевозможных продуктах потребления, тогда мы можем насытить эту нужду, предоставив огромное разнообразие товаров. Так продукты человеческого гения могут войти в повседневную жизнь практически каждого человека и прижиться на местной почве, не нарушая исконных этических представлений и исконного уклада. Выполнить эти условия несложно. Если вы говорите на местных наречиях, знакомы с местной религией и традициями, вас примут с радостью и даже самые примитивные племена протянут вам руку дружбы в ожидании проявления дружбы Запада.

Конечно, нужно принимать во внимание специфику местных условий. Так, было бы большой ошибкой выезжать в некоторые области, имея на руках лишь разрешение или паспорт центрального правительства. Местные власти могут не признать статуса путешественников, поэтому единственной надёжной защитой для осуществления деятельности в этих областях является паспорт, выданный местными властями. Подобные документы достаточно легко получить обычными средствами, лишь, как и везде, необходимо найти правильный подход - общаться с местными жителями на их собственном наречии и оперировать привычными им понятиями.

Путешественники должны иметь с собой большой запас предметов обмена и быть готовыми при необходимости принимать не только обычную валюту, не только серебряные монеты, бумагу, золото или медь, но также разнообразные продукты местных промыслов - золотые и серебряные слитки, золотую пыль, драгоценные и полудрагоценные камни, шерсть, меха, хвосты яков, расшитые ткани и даже предметы старины, которые зачастую восполняют отсутствие обычных денег. Истинную стоимость товаров обмена можно установить в специальной расчётной палате, что позволит сбалансировать базу взаимных расчётов. Подобно тому, как в период существования Хадсон-Бей Компании появились новые методы торговли, так и сегодня можно объединить разные народы, благодаря разумному подходу, который будет всё учитывать и проводить уважительную линию в отношении основ их жизненного уклада.

Мы вновь говорим о сердце и душе народа, и мы чувствуем, что сердца уже повсеместно открыты; наш долг состоит в том, чтобы развить это ценное свойство.

Каждый на своём языке, народы Азии говорят об эволюции. Зная священное учение Шамбалы, они ожидают прихода новой эры и, благодаря этому ожиданию нового века, понимают вехи нового времени с его небоскрёбами и индустриальной мощью. Они признают самолёты, железные птицы, о которых говорил Будда. Они знают, что железные дороги - это металлические змеи, служащие человечеству в соответствии с древнейшими представлениями. В учении Шамбалы говорится, что богатейшие сокровища земли будут извлечены из её недр, дабы улучшить условия жизни в новой эре, грядущей скоро. Народы Азии знают, что Кали Юга, чёрный век железа, скоро закончится и на нашей планете наступит Сатья Юга, век счастья. В соответствии с этими представлениями все новейшие открытия легко находят своё объяснение. Когда мы рассказали азиатам о космическом луче Милликена, они поведали нам о многих других лучах, которые придут на службу человечеству. Так на пороге истинного знания, во имя науки и красоты, рушатся стены между Востоком и Западом, и теперь мы можем обратиться к нашим далёким друзьям лучшие чувства, будучи уверены, что нас поймут, и мы не оскорбим могучего сердца миллиардного народа.

Это одно из наиболее сильных впечатлений, вынесенных нами за время пятилетнего изучения сердца Азии. Не только в людях высокообразованных, но даже в самых низах чувствуется внутренняя способность к тонкому пониманию, которую легко можно направить по одной линии с нашими сегодняшними устремлениями.

Внутренние условия в Азии достигли той точки, когда каждого посланника мира и доброй воли ждут с нетерпением. В Монголии мы видели печатные машинки с монгольским алфавитом, присланные из Германии, они были приняты с большой радостью. Если Германия столь практическим способом выразила понимание нужд Востока, насколько дальше должна шагнуть Америка, решительно протягивая руку помощи и сотрудничества.

В трогательной заботе о нашем народе мы возводим дорогие мосты, чтобы сэкономить несколько минут времени работающего человека. Разве не состоит наш долг в том, чтобы воздвигнуть прекрасный мост между Востоком и Западом? И разве наша замечательная эпоха, с её блестящими открытиями, не открывает прекрасную возможность для совершения достойного шага?

Помню, когда я показывал монголам фотографии индейцев Аризоны и Нью-Мексико, они называли их своими потерянными родственниками. Поэтому можете себе представить, с какой теплотой будет принято повсеместно в Азии это дружественное и чуткое к чужим нуждам устремление Америки. В зависимости от имеющихся средств может быть создано множество проектов по азиатскому направлению. Если мы в целом решим, что хотим сделать этот благородный жест в сторону Азии, можно будет затем детально рассматривать каждый конкретный проект.

Америка отдала дань и внесла практическую лепту в развитие культуры и цивилизации многих стран. Прекрасный жест взаимопомощи со стороны Америки по отношению к Азии принесёт самые неожиданные и неисчислимы плоды. Разве не состоит наш долг в том, чтобы внести свой вклад в развитие прогресса, если мы пони-

маем, как просто достичь этого и сколь малые затраты нужны для реализации этой беспрецедентной миссии доброй воли и дружбы? Таким образом, Америка вновь окажется верной своему высокому предназначению нести мир во всём мире и способствовать мировой эволюции.

Однако самые практические и насущные идеи могут обратиться своей противоположностью, если не провести их в жизнь и не облечь в конкретную форму. Отрадно сознавать, что идея взаимодействия между Азией и Америкой приложима к любой ситуации - будь то работа скромного коммивояжера, готового торговать на гибких основах товарного обмена, или грандиозный и ещё более практически значимый проект, благодаря которому радиостанции донесут до азиатских народов приветственное слово и религиозное наставление их самых уважаемых лидеров. И даже в самых затерянных уголках люди смогут воспользоваться плодами лучших достижений современного гения, пропуская их через призму собственного языка, собственных представлений о прекрасном. Телевидение, кино, открытки, книги и железные птицы, или самолёты, помогут этому миллиарду сердец сделать следующий шаг по пути развития цивилизации и войти в неё достойно, в отчётливом сознании вечных истин.

Все конкретные шаги следует разбить, как обычно, на две части - подготовку и исполнение. К первой части относится следующее:

1. Издание буклетов и открыток, которые помогут визуальными средствами укрепить дружественные взаимоотношения. Использование местных языков и традиционных символов способно усилить эффект воздействия этих посланий доброй воли. Не следует считать эти издания пустой тратой средств. Помимо просветительских целей, они будут служить объектами торговли и обмена.

2. Строительство в Азии новых дорог, или, вернее, воссоздание древних дорог, пригодных для всевозможных видов коммуникаций. Древние дороги, сегодня подчас забытые, были проложены в самых удачных местах.

3. Получение на местах, наиболее дипломатичным способом, официальных разрешений и необходимого религиозного благословения для прокладки коммуникационных магистралей и устройства радиостанций. Естественно, первая радиопередача должна выйти на местном наречии и, в духе уважения, коснуться местных традиций. Если четыреста миллионов буддистов и ламаистов посредством этой новинки услышат учение Будды, их сердца будут впредь всегда открыты новым возможностям. Если их прекрасное древнее искусство и наука вновь обретут жизнь благодаря новым открытиям, даже самый холодный очаг разгорится пламенем. Возможность совершить этот необходимый и прекрасный шаг сейчас находится в руках Америки. При этом всё, совершаемое на Востоке и на благо Востока, найдёт практическое применение на Западе. Взаимообогащение искусства и созидательной мысли ведёт к новому процветанию.

Выполнение этих трёх предварительных условий не должно помешать незамедлительному осуществлению главной программы. Должна быть организована экспедиция для проведения предварительных работ. Экспедицию необходимо снабдить материалами для торговли и обмена и укомплектовать квалифицированным персоналом - в её состав должны войти горный инженер, опытный продавец, специалист по киносъёмкам, который будет работать в сотрудничестве с археологом, а специалист по местным наречиям поможет создать дружелюбную и достойную атмосферу. Главным образом, достоинство в сочетании с доброй волей, понимаемой в широком смысле, создадут практическую почву для торговли и взаимовыгодного роста. Америка не должна упускать эти прекрасные возможности, которые могут обернуться враждой, если не воспользоваться ими без промедления. Вышеупомянутая экспедиция с лёгкостью покроет все свои расходы, если привезёт из Центральной Азии отснятые киноплёнки. Насколько мне известно, даже этой малости хватит, чтобы оправдать всё путешествие, ибо одна французская фирма, специализирующаяся в области подобных фильмов, предложила нам за них миллион франков. А сколько ещё можно было бы произвести равноценных фильмов о разных народах, если занести в

свой актив результаты обмена и организации посреднических контор. Но даже этот предварительный шаг будет вполне оправдан.

Прямыми следствиями такой экспедиции будут следующие практические достижения: 1) Ретрансляционные радиостанции и, в перспективе, станции радиовещания, под создание которых можно будет продать бессчётное количество радиоприёмников; 2) Воздушные транспортные пути; 3) Электрификация и все виды вспомогательного электрического оборудования; 4) Разнообразные медикаменты и медицинская помощь; 5) Автотранспортные средства и тракторы; 6) Разработка минералов и почвы; 7) Внедрение автоматизации в товарооборот; 8) Внедрение новых способов обмена во всех сферах сельского хозяйства, а также домашних принадлежностей, начиная с простейших продуктов потребления, мыла, парфюмерии, продуктов местной фармакопеи и всевозможных бытовых предметов; 9) Разведение разнообразных пород домашнего скота и молочное производство; 10) Организация научных сельскохозяйственных станций.

Так практически все отрасли хозяйства и все возможности приложения новых открытий будут задействованы наиболее рациональным и приближённым к жизни образом и, что немаловажно, просвещённым образом, поскольку, отвечая чаяниям новой эры, мы открываем врата истинного понимания прогресса, не нарушая старых традиций. Мы можем с лёгкостью приложить все эти прекрасные возможности и содействовать обновлению жизни. Мы можем утверждать, что это не умозрительное прожектерство, а проект, порождённый требованиями самой жизни. Внедряя лучшие плоды прогресса, развития торговли, научных достижений, мы открываем двери в новую просвещённую жизнь сотням миллионов человек. Не эксплуатировать их, а сделать подлинными сотрудниками и участниками грядущей новой эры - вот истинно достойная программа. Каждая жизнеутверждающая и прогрессивная мысль приносит практические плоды, и мы будем не мечтателями, а дальновидными практиками, когда скажем, что таким образом призываем наших друзей к практической и легко достижимой цели. «Ур» - это прекрасный рассвет, сотканный из конкретных возможностей.

В заключение вновь повторю прежнее предостережение: нельзя терять ни года, ни часа, приступая к реализации этого мирного и плодотворного проекта, направленного на разрешение столь многих насущных проблем.

Публикуется по изданию: "Николай Рерих. Вестник Звенигорода. Великий План. Книга первая." (2002 г.) Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (Перевод с английского Татьяны Самариной)

7 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

7.XII.29. <...> Днём Н.К. беседовал со мной. Разбирал, почему Нуця подавлен, ибо, как он говорил, он многого не может сказать. Хотя и начинает, но бросает говорить, понимая, что время всё изменит. Вообще, над нами нагнетение больше, чем угнетение. А живём мы в Доме, имеем по две комнаты каждый и как попечитель - доход в 200 \$ в месяц, что избавляет нас от мыслей о мелких земных нуждах. Это и есть забота Учителя, а полного благополучия и отсутствия нужды у нас никогда не может быть, ибо это возможно лишь в мёртвых делах. Затем каждому из нас дано кое-что изжить. Юрик ест мясо и не хочет признать вегетарианства. Ну и будет есть [его] три раза в день, пока не опротивеет. Так и с каждым. <...> Вечером сошлись все у нас: пить валериан и беседовать до 12 часов, что делаем каждый вечер.

8 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

8.XII.29. <...> Разговаривала с Н.К. Он говорит, что один путь - это уйти от человека, который тебе делает зло, а другой - ответить ему любовью, ибо от одного человека зависит не нарушать единения, а не от двух. <...>

Н.К. говорил, что у нас потому есть единение, что мы не уйдём от Учителя и дел, кроме того, извне мы его [единение] покажем тем, что будем защищать наших членов Круга от чужих нападений. Но внутри это не так важно, если нет определённого единения. Пусть каждый покажет его в высшей мере, не обращая внимания на другого, и даже если другой посылает ему стрелы вражды, подойти к нему на расстоянии стрелы, тогда стрела не заденет. Так говорил Учитель. Н.К. опять привёл как крайний пример Боткина, который 18 лет был врагом Н.К., а последние два года говорил, что он его единственный друг, и спас его от многого. <...>

Вечером сидели, потом пошли к нам пить валериан. Светик, видно, не в ладах с Юрием, ибо сегодня у нас утром за завтраком напал на него. <...>

Интерьер Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. 1930-е гг.

8 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

Родная моя Мамочка!

Спешу отослать это письмо до моего отъезда в Кливленд, штат Огайо, и в Вашингтон. Я собираюсь читать лекции в Кливлендском университете, а также должен буду посетить и Вашингтон с полуофициальным визитом. Всё идёт хорошо, и несмотря на то, что финансовая ситуация остаётся достаточно острой, мы надеемся на лучшие времена в январе и феврале. Я слышал, что ситуация с регистрацией и разрешением проясняется и скоро мы сможем прийти к полному пониманию. Папа написал тебе о финансовом положении, и я не буду повторяться.

У меня было несколько совещаний с руководителями Колумбийского университета, и я ожидаю интересного развития. У нас будет большой успех, если мы будем продолжать действовать в правильном направлении.

Родная моя Мамочка, пожалуйста, напиши мне о твоей жизни в Кулу. Я искренне надеюсь, что смогу скоро к тебе присоединиться. Я так хотел бы рассказать тебе о том, что я испытал, но это трудно в письме. Твои письма всегда приходят вовремя, и мы ценим их мудрость. Я нахожу, что люди слишком эгоистичны и совсем не хотят жертвовать своими ничтожными разногласиями.

Надеюсь, что ты получила все книги и фотографии, которые я тебе послал. Твои письма всегда несколько запаздывают. Вместо того чтобы приходиться каждую неделю в четверг, они часто приходят в понедельник. Рене Груссе опубликовал в Париже очень интересную книгу по истории буддизма: «Sur le traces du Bouddha». Я отправлю её тебе. Книжный рынок здесь очень спокойный, а недавний крах на Бирже повлиял на покупательскую способность читателей.

Как Эстер? Как девочки и Владимир? С самыми наилучшими пожеланиями и большой любовью ко всем Вам,

Твой преданный сын

Юрий Рерих

Архив Музея Рерихов, Москва.

11 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

11.XII.29. Пришли письма от Енточки, первое письмо к нам за всё время. Утром видела мельком Н.К. Днём он поехал в Вашингтон с Франсис увидеть Бора и [всех] кого нужно в Госдепартаменте и английском посольстве. Будет отсутствовать два дня.

12 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

12.XII.29. <...> Луис думает, что нам удастся получить заём от банка. У Светика ночью материализовалась старая индусская монетка. Вечером был в театре концерт взрослых учеников. Играли все хорошо, но зал слишком велик и из-за снежной бури было мало народу. В будущем будем устраивать в аудитории Музея. <...> Был звонок от Н.К. Он видел Бора и Касла, завтра днём приезжает. <...>

15 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

15.XII.29. Н.К. сегодня у нас утром завтракал, как он это теперь делает по воскресеньям со Свет[иком] и Юриком. Это для нас истинный праздник. Говорили об “Урусвати”. Н.К. говорит, что о денежном отчёте и вообще всех делах “Урусвати” должен заботиться Юрик. Затем Н.К. говорил, что Луис теперь ко многому привыкает, к новым решениям, положениям дел. <...>

Днём Н.К., Франсис и я читали “Агни-Йогу”, затем к Н.К. пришёл Сорин, принёс отлично изданную свою монографию ему в дар, выразил большую дружбу.

Потом я с Франсис dokonчили чтение и проверку “Агни-Йоги”. Вечером Нуця, Свет[ик] и я были приглашены к Рамбовой и провели с ней очень приятно вечер. Позже Н.К. и Свет[ик] пришли к нам пить валериан.

16 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

16.XII.29. <...> Вечером я, Н.К. и мама пошли на концерт Голтье, было недурно, хотя и поёт она однообразно. Затем пошли к нам наверх, ибо удрали от всех людей в Музее и повсюду. Подошли Свет[ик] с Нуцей, которые были в кино. Мы устроили экзамен Свет[ику], <...> очень смеялись, ибо Н.К. задавал смешные вопросы Свет[ику]. <...>

Затем, Н.К. говорил утром Бистрану, когда кто-либо против идей Музея, Школы, вообще искусства, сказать ему, что он враг культуры, и это подействует. Н.К. однажды на суде был вызван свидетелем, когда генерал Верещагин обвинял княгиню Тенишеву в её работе, тогда он всё сказал, какую благородную работу для искусства делает Тенишева, а что он именно враг культуры. На следующий день это было во всех газетах.

Вечером Н.К. говорил, что нам больше не нужна газетная паблсити, у нас её слишком много, и Америку надо оставить на время. А посылать статьи изредка в иностранные журналы, но с новой нотой - о великом художнике, подчеркнуть искусство Н.К., иначе, Н.К. говорит, будут смотреть как на диковину. Этот Миллер, которого привела Аттватер, сказал эту фразу, и Н.К. говорит, что он прав, и поэтому советуется писать о картинах, творчестве, красках.

17 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

17.XII.29. Сегодня утром Н.К. со мной беседовал и говорил мне, что у нас теперь организация в тысячу человек, со всеми членами Общества, учениками, учителями, их надо ценить, давать им концерты, лекции, не жалея затрат на это, ибо они наша сила. Мы думали, что нам нужна кампания, чтоб собирать как бы милостыню, а наши жильцы, наша организация в тысячу человек - они и есть кампания. И вот в этом Штраус нам и был полезен, он нам и показал, что значит кампания, и комитеты, и трудности, связанные с этим, и потеря достоинства. И мы, обойдя всё это, имеем свой верный доход и наших людей. Н.К. боится, что Ента ещё этого не поняла, и просил меня написать им туда об этих мыслях. И главное, чтоб Порума отучилась от мысли закрывать концерты, учреждения, сокращать, экономить и так далее. Сбережёт 10 \$, а потеряет ценных людей. <...>

Сегодня банк отказал в займе, все очень подавлены, ибо мы очень надеялись на это. Увидим, принесёт ли завтра новое развитие событий. Нетти даже намекала, что, возможно, не поедет. Н.К. очень трудно.

18 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

18.XII.29. <...> Н.К. думает предложить в пять республик Южной Америки, во Францию, Италию свои картины, чтоб там висели два или три года, в отдельной комнате, или, занимая стену, и значились бы от Музея Рериха. Тогда Музей делается мировым, а не только американским. А к тому времени, когда

картины придут обратно, можно будет здесь взять больше комнат для Музея. Жаль, что сейчас нельзя расширить Музей, а с другой стороны, распространить картины по музеям мира - тоже отлично. Банкиры нам не дали денег, Луис повсюду бегаёт и старается. Откуда же когда-нибудь придут деньги! Н.К. говорил, что такое состояние страны его пугает. Он начинает думать, что не страна обанкротилась, а люди овцы и слишком просты. В момент и разбойничать готовы, а там от всего и всех отказаться готовы. <...>

19 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

19.XII.29. Пока ничего не идёт благополучно с нашим займом. Н.К. говорит, что, раз все банки нам отказывают, он боится, что наши облигации станут не пользующимися спросом. Сегодня Н.К. выступал перед учениками классов Бистрана и Джайлса. Я была при этом. Он говорил изумительно. Начал с того, что поздравил их с учёбой под таким мастерским руководством, как Джайлс и Бистран. Говорил, как незначительно людское "Holy name" ["Святое имя"] и что мы не знаем имён великих египетских и китайских мастеров древности. Затем говорил, что иногда, когда имя употребляется, то это есть отдача собственности для блага. Мы ведь знаем, что от собственности должны отказаться.

Говорил, что психическая энергия есть творческая, духовная энергия, что её нужно развивать, ценить её присутствие, но не заглушать. Что творим мы под её благотворной силой, ниспосланной нам, и тогда она питает нас, даёт силу. При ней можно работать 20 часов в день без усталости, ибо мы сменяем разные центры. Говорил, что ничто не должно быть отрицаемо, даже враг или вред, но лишь покрываемо благом, тогда всё вырастет. Говорил о Куинджи и как тот сказал ученику, жаловавшемуся на семью и необходимость работы для заработка от 10 до 6, что работать надо от 4 до 9, как и сам Куинджи делал, будучи ретушёром в студии фотографа. Затем, что тот же Куинджи говорил, если кто жаловался на непосильный труд, ответственность: так ему лучше сразу погибнуть, если он такое экзотическое растение. Говорил, что если родня и семья мешают, и на них смотреть другими глазами, освещая их, тогда и они будут другими. Все ученики были в восторге, а Джайлс мне прямо сказал: "Он истинный Учитель". <...>

19 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

Родная моя Мамочка!

Меня не было почти две недели, я читал лекции на Среднем Западе и заезжал в Вашингтон и Бостон. Лекции были очень успешны, и результаты бесед в Вашингтоне и Бостоне воистину вознаграждающие. Надеюсь, что скоро мы сможем начать созидательную работу, не будучи связаны по рукам. Друзья в Британском посольстве делают всё возможное, чтобы повлиять на ситуацию, и у меня есть причины надеяться на успешный год.

Надеюсь, что теперь ты чувствуешь себя лучше и более прохладная погода в долине улучшит твоё состояние. Эстер написала нам о перемене температуры, которая на тебя повлияла. Надеюсь, что скоро смогу увидеть тебя и обсудить много вопросов, которые просто невозможно изложить в письме.

Учреждения постоянно пробиваются сквозь туман теперешней финансовой ситуации в стране. Надеюсь, что общая депрессия, которая во многих

случаях имеет воображаемую природу, скоро закончится. Ждём письма с перечнем твоих нужд, и можешь быть уверена, что обо всём позаботятся. Ты слышала о регистрации? Мне говорят, что сложностей нет. Я ищу книги по буддизму, но, похоже, что в этом году ничего важного не выходило, и книжный рынок довольно скучный.

Мне жаль, что я не увидел письма Владимира о медведе. Уверен, что скоро Вы начнёте сажать собак на цепь.

Пожалуйста, передай мой привет всем друзьям. Как Эстер и Владимир? Как девочки? Судя по фотографиям, Вы все выглядите хорошо.

Со всеми наилучшими пожеланиями и большой любовью,
Твой преданный сын

Юрий Р.

Архив Музея Рерихов, Москва.

20 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

20.XII.29. <...> Вечером у нас было собрание Общества Друзей Музея. Шнайдера не узнать, до того осунулся, тик у него какой-то, посерел, видно, почти всё потерял. Н.К. говорит про него, что он уходящая тень. Собрание было коротким. Н.К. предложил Манди и Дабо в вице-президенты, а Вогана и Маккормика - в Почётные члены. <...> Н.К. говорит, что время смутное и устроена паника и теперь не модно зарабатывать. Так что все должны при разговоре сообщать, что потеряли. Конечно, как дальше будет, трудно вообразить. Но пока очень сложно. <...>

21 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

21.XII.29. Утром Н.К. был огорчён, имел длинный разговор за завтраком с Нетти и Луисом, они настаивали на именных арендных договорах всех попечителей, что они, мол, платят за квартиры. Н.К. же говорил, что, если дать в руки Холлу эти документы, он будет шантажировать нас. Вообще нельзя устраивать подлог - якобы платить за наём квартиры, а на деле не платить. Потом, заработок у Франсис, например, 4000, а платит она за квартиру 3000. Потом нам придётся платить большие налоги. Нетти и Луис, видно, настаивали на этом, Н.К. же отказался от этой мысли.

Н.К. днём позвал Дэвида Гранта, тот тоже сказал, что это мошенничество и опасная вещь. Что лучше, как советовал Н.К., чтоб Мастер Институт нанял все эти комнаты, платил за них Музею, Музей же даёт субсидию Школе на бюджет, администрацию и так далее в ту же сумму. Кроме этого, Мастер Институт даёт жилые помещения попечителям. Подошёл Луис, и ему это было сказано. <...>

Вечером приехали Светик и Нуця из Вашингтона. Им обещано полное содействие для бумаг Светика со стороны Криста, члена комиссии по натурализации.

22 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

22.XII.29. Н.К. порвал сегодня свой арендный договор, мы ещё наши не получили. <...> Он очень обеспокоен отсутствием точных цифр и отчётов по отелю и ресторану на наших деловых собраниях. Он также не видит, как он может уехать в Лос-Анджелес, если за два дня его отъезда в Вашингтон могли появиться на свет наши арендные договора, на которых так упорно настаивал Луис.

Н.К. очень огорчён непониманием многого, неумением вести дела, и хочет непременно увидеть Енточку, хотя бы на неделю, когда приедет в Кулу, чтобы установить с ней точную линию её поведения здесь, ибо ему отнюдь не нравится её желание всех хвалить за всё, а именно Поруму и Логвана.

Днём был Бурлюк, показал письмо Голлербаха, где тот [*пишет, что*] хочет напечатать монографию о Николае Константиновиче. Н.К. одобрил мысль, дал Бурлюку 50 \$ авансом для Голлербаха, чтоб ему переслать. А мы же будем печатать присланные им материалы о Н.К. в музеях России — здесь. <...>

23 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

23.XII.29. Сегодня утром Н.К. опять настаивал, чтоб в отсутствие Холла проверить отчёты и цифры по Дому и общим расходам. Иначе сегодня у нас 90 000 прибыли, а завтра столько же убытку. <...> Самое отрадное, - когда Н.К., Юрик и Светик приходят поздно вечером пить валериан. И шутки, и смех, и деловые разговоры - всё вместе. <...>

24 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

24.XII.29. Сегодня утром Н.К. сказал мне, что хотя и был вчера против моей идеи, чтобы оклады администрации все были бы от Музея, но сегодня он пришёл к этой идее и одобряет её. Говорил со мной об увеличении доходов Школы. <...>

Сегодня National City Bank предложил Луису, чтобы он представил один арендный договор от Дома Музею, ибо они считаются лишь с Музеем, и с ним одним желают заключать договоры. Возможно, они дадут деньги под облигации. Дай-то Бог, ибо положение очень трудное. Большой платёж в январе, время очень сложное. Луис совсем убит, Нетти плохо выглядит. Все мы ходим напряжённые.

Н.К. очень трудно жить во всём этом и переносить всё: и дурное настроение Франсис, и каприз Светика, и всех нас вообще. У нас никогда так трудно ещё не бывало. Вечером собрались в Святилище, оно уже убрано, и в нём чудесное чувство. Сегодня ещё вешали материи и танка на стены. Н.К. имеет своё кресло и Учитель Своё - на эти два мы никогда не садимся. Перед собранием играем "Parcifal" [*"Парсифаль"*]. <...>

Завтра Рождество - 1930-й год. Самый трудный год в нашей и, в частности, моей жизни. Как даже Венер сказал через своего водителя - Белое Облако, что у меня сильные приступы печали и что я не должна им поддаваться. А я из этих приступов и не выхожу.

25 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

25.XII.29. Всё утро писала письма Е.И. и Енточке. Утром был в Музее Хьювита, очень всё хвалил, говорил про чудные рамы и на вопрос Н.К., не тесно ли висят картины, ответил, что это ведь картины одного художника и потому составляют одно целое. Так что увидим, пошлём ли мы вообще картины в другие музеи. Луис и мы все против этого, и Н.К. сам начинает соглашаться. Днём Н.К. завтракал у Вел[икого] Князя, и ему не понравилось, что тот так открыто идёт против них и говорит “заученные и привычные слова”.

Днём мы с Луисом, Франсис, Нуцей и Н.К. разбирали отчёт и цифры на завтра для банка, чтоб получить заём. <...>

Вечером были все у мамы с Н.К., ибо пришли Таня и Тарухан. Было очень славно, Н.К. читал Учение, комментировал его. Затем советовал Тарухану пустить обзор об Агни-Йоге в русские газеты. Разошлись поздно после чудного вечера, проведённого вместе с Н.К.

26 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

26.XII.29. Н.К. показал сегодня мне телеграмму от Буймистровой, где она просит места в Музее для выставки скульпторов, художников, для “этически духовных целей”. Затем Руманов был у Н.К., потом мне сказал, что он был духовным советником Н.К., что тот подарил лучшую картину его жене, и что теперь пришло время “соединить под одну эгиду Великого Князя и Музей - практику и духовность”. Н.К. говорит, что они могут сделаться совсем нежелательными. <...>

Забавно было, что Н.К. сделал ужасный беспорядок на моём письменном столе. Я пришла в ужас, думала, что Нуця, и Н.К. начал смеяться. Все мы очень смеялись, когда он сказал, что это вид рабочего стола. Луис ещё не получил ответ от банка, дадут ли они деньги, - положение трудное. <...>

Вечером все были у нас, пили валериан, много смеялись, что я такая сильная и в битве победила Юрия, и он ретировался. Н.К. очень шутил. Но он очень устал, замучен, побледнел. Ему тягостно. <...>

27 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

27.XII.29. <...> Сегодня Бурлюк приезжал благодарить Н.К. за устройство его выставки в Корона Мунди, говоря, что это для него великая честь. <...>

Днём я спросила Н.К., хорошо ли, что мы идём все в будущий четверг к Таберози и вообще ходим к разным ясновидящим? И не думаю, чтоб Е.И. ходила к ним. И боюсь, что Луис и Нетти начнут к ним и позже ходить, ставя их выше Учения. Н.К. говорит, что мы идём [для того], чтоб учиться, это поучительно, и нужно знакомиться с такими явлениями, и если кто и пойдёт потом за советом, получит по шапке. И хорошо, что мы были у Венеры и видели, что он нуль, и что мы убедились в незнании Стоддарта. <...>

27 декабря 1929 г. Нью-Йорк
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

27 декабря 1929 г. Нью-Йорк

Родная моя Мамочка!

На этой неделе у нас не было писем из Индии. Я очень беспокоился из-за недомогания, которое ты ощущала последние несколько недель. Без сомнения, более прохладные зимние месяцы помогут тебе. Я занимаюсь списком книг, который ты нам послала. Как ты, вероятно, знаешь, Нетти отложила свой отъезд до 1 марта. Музей имеет потрясающий успех, и мы надеемся, что наступающий год увидит новое развитие Учреждений. Это была трудная битва, но победа близка.

Моя личная жизнь и деятельность уже давно идут по наезженной колее. Я очень успешно посетил Бостон, и, возможно, мне придется поехать туда снова. Было установлено несколько важных связей с научными учреждениями. Немного утомительно встречаться с таким множеством людей, но мне говорят, что это единственный путь к успеху. Одно меня всегда поражает: как легко люди загораются энтузиазмом. Через несколько мгновений они почти готовы дойти до предела, но на следующий день интерес уже ушел. Поле придется вспахивать снова.

Я разыскал много старых друзей, но едва ли обзавелся новыми, хотя и делал все возможное, чтобы найти новых людей. Возможно, они появятся.

Пожалуйста, напиши мне, что тебе нужно, поскольку я всегда буду рад это исполнить. Получили ли Эстер и Владимир мои письма? По замечаниям в их общих письмах, похоже, что нет.

Мне пришло письмо от капитана Банона, и очень скоро я ему напишу. Надеюсь, что в Hall Estate все в порядке. Как девочки? Успешно ли продвигается их учеба? Я пошлю им ещё учебников.

С большой любовью и пожеланиями счастливого Нового Года,
Твой преданный сын

Юрии Рерих

Архив Музея Рерихов, Москва.

29 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

29.XII.29. <...> Н.К. сегодня говорил про Таберози, что и её, после визита к ней в четверг, надо будет обобщить со всеми прочими и поставить на место. <...> С утра тягостное чувство, будто что-то висит в воздухе. Н.К. хочет, чтоб отчёт по Школе заключал лишь факты об учителях, учениках и событиях за этот год. Поэтому я работала два часа с Мэри Сигрист над материалом. <...>

Вечером работала с Луисом над бюджетом. Н.К. предложил жалованье администрации установить по Музею, как я давно ему об этом говорила. Луис согласился, плохо он глядит, и у него, видно, очень тяжело на душе. <...>

Затем пришли Н.К. и Светик. Н.К. говорит, что интересно, что Бора ответит на план of Art Treasures Protection [(англ.) *Защиты сокровищ искусства*], который они оставили у него. Н.К. тоже чувствует с утра беспокойство. Что-то должно произойти! Здорова ли Е.И.? Лишь бы с ней всё было благополучно.

30 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

30.XII.29. <...> Днём Логв[ан] был с Честером Дэйлом в банке, и тот очень ручался за Луиса и помогал, чтоб получить заём. И возможно, что завтра получим благоприятный ответ. Вечером Н.К. сам пришёл к нам и долго с нами беседовал. Говорили о трудностях прошедшего года, и если бы не приезд Н.К., наш банк бы давно прекратил платёж - и не в 300 000, а, может, и на целый миллион. Мы и не знаем, от чего мы были спасены.

Н.К. говорит, что Штраусс святой человек, глаза нам открыл, иначе мы бы всегда надеялись, что деньги сами придут и кто-то их достанет. Говорили о предстоящем концерте Морейя и что он обязательно хочет, чтоб Н.К. сказал речь на концерте. Смеялись до упаду, когда Н.К. ответил: скажите ему, что могу говорить речь только в короне, а раз там тоже Великий Князь, то при нём неудобно носить корону.

Н.К., вероятно, поедет со Светиком в апреле, после аукциона, ибо событие такой важности, как аукцион, где такой капитал поставлен на карту, должно произойти при Н.К. Затем Н.К. пробудет два дня в Париже, где ему Министерство устроит большой приём, хотя и не хочется ему “подымать пыль Парижа”, как он выразился. А Юрий поедет один в марте. Н.К. говорит, что он ужасный консерватор и его нужно оставить. Как хочет, так пусть и делает.

<...> Затем мы поехали на 25-й этаж, где Светик расставлял мебель. Всё опять перевёрнуто, и я спросила, есть ли перемена в спальне Н.К., а он говорит очень деловито: “Нет, кровать ещё стоит”. Очень смеялись.

Потом пошли все к нам пить валериан. Смотрели фотографии [сделанные] на Монхигане. Светик уверял, что у Н.К. хитрый вид, затем хохотали тому, что Юрий сказал: “Его можно убить, но не ограбить”. Было радостно видеть у нас Н.К. и провести с ним вечер. Н.К. очень озабочен Светиком, ибо он плохо выглядит, очень нервен, и лучше ему его забрать с собой в Индию. Да и сам Н.К. очень плохо выглядит.

31 декабря 1929 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

31.XII.29. Утром пришёл представитель Chemical Bank, не понравились ему арендные договора Учреждений, но всё же сказал, что всё здание оставило у него благоприятное впечатление. Н.К. говорит, что мы вообще, когда просим заём, должны спросить у банка, какие условия они хотят. А мы уже так и делаем. А то, как мы ни предложим, кому-то не понравится.

Днём Н.К. поехал к Сорину, тот ему жаловался на Америку и жизнь здесь. Говорил про Отто Кана и его жену. Если она говорит “да”, то это ещё “может быть”, но если он говорит “да”, то это значит “нет”. А в будущем году приезжает сюда Бенуа со своей выставкой. Вечером собрались в Святилище. Затем, получив чудные благословения и послания на Новый год, пошли к Поруме, где и встретили Новый год. Год был трудный, а что будущий несёт? Судя по всему - нелёгкое. А одна радость всё же есть - встречали мы его вместе с Н.К., Светиком, Юрием и все вместе. Что-то будет в будущем году? Потом Н.К., Светик и Юрий пошли к нам наверх пить валериан.

**1930 г.
ЯНВАРЬ**

**Отчёт о поездке в Вашингтон Н. Рериха, Ю. Рериха и Френсис Грант
в декабре 1929 г.**

За время поездки в Вашингтон нанесли визиты сенатору Бораху, заместителю госсекретаря Вильяму Кастлу, конгрессменам Тильсону, Солу Блуму, мистеру Артуру Куку, доктору Роу и мисс Брейнорд из Панамериканского союза, мистеру Дункану Филлиппсу, мисс Мечлин из Американской ассоциации Музеев, мистеру Дрю Пирсону из госдепартамента, мистеру Хаксли из Британского посольства.

12 декабря проект адреса проф. Рериха об Азии был представлен сенатору Бораху вместе с проектом «Пакта Рериха» и специальным флагом, который должен будет обеспечивать защиту культурных ценностей во время войны.

Сенатор Борах также обещал отправить рекомендательные письма о проф. Рерихе американскому консулу в Индии и другим лицам, которые могли бы помочь.

От мистера Кабла, а также из Британского посольства стало известно, что дело, касающееся долины Кулу, продвигается и скоро будет получен благоприятный ответ.

Доктор Роу обещал свою помощь в панамериканских планах и в предстоящей поездке в Южную Америку.

Мистер Кабл также предложил написать послу Доусу в Лондон и другим представителям дипломатического корпуса, чтобы помочь в предстоящей поездке профессору Рериху.

Конгрессмен Блум обещал написать несколько писем. Мистер Кабл сообщил о поправке к Биллю о натурализации, в которой будет сделано исключение для выезда из страны в связи с научными и культурными исследованиями для американских институтов. Эта поправка должна быть внесена на рассмотрение комитета по натурализации.

От Фонда Карнеги предложили ботаника мистера Парка в качестве возможного сотрудника Института Гималайских исследований. Подробности будут в отчёте Института Гималайских исследований «Урусвати».

Архив Музея Рерихов. Москва.

1 января 1930 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

1.1.30. <...> Днём я беседовала с Н.К. Он говорил, что хорошо бы Юрию потолкаться среди людей и посмотреть, как нелегко зарабатываются деньги, а то он думал, что легко заработает 5000, имеет 5000, вот и будет 10 000. Н.К. заплатил за дорогу за него и Светика. <...>

Н.К. говорил, что люди часто судят по результатам, а не по фактам. Например, кто-то думает, чтобы свалился с неба миллион, и, если ему кто-то даст в этот момент 10 000, он и не возьмёт. А ему в этот момент, может быть, вообще нужны только десять тысяч, а не больше. Или взять миллионера, возможно, и у него наличных денег так же мало, как и у нас теперь, и приходится изворачиваться, ибо все деньги уже лежат в каком-нибудь деле. <...> Вечером пошли смотреть опыт с литием к Светику. Горит белым ярким светом.

3 января 1930 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

3.1.30. Сегодня утром Chemical Bank вызвал Луиса и сообщили ему, что они дают заём в 70 000. Для нас всех это большая радость. <...> Вечером собрались для Беседы с Учителем, но из-за Франсис, которая имела с кем-то ужин, мы должны были отложить Беседу на час позже. Потом у нас были Н.К., Светик и Франсис. Сидели до полпервого ночи.

4 января 1930 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

4.1.30. Сегодня был подписан заём на три месяца - условия лёгкие, ибо Дэйл дал обеспечение. Это была тяжёлая пора для всех. Логван приложил все усилия, искал повсюду, везде отказывали, прошёл через много разочарований и всё же добился своими усилиями. <...>

5 января 1930 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

5.1.30. Утром Н.К. чудно говорил, что здесь преступное правительство, если суды переполнены на четыре года вперёд. А завтра будут школы, и надо будет ждать образования детям, а потом больные будут ждать операции два года. Говоря о тюрьмах, он говорил, что преступники должны испытать суровый труд, а не быть называемы "несчастненькими". Это он говорил за завтраком. <...>

Н.К. видел Моора и его группу в девять человек, затем Стокса, который привёл приятного раджа-йога - лектора. <...> Днём я была у нас в Tibetan Hall на лекции преподобного Тара - Maha Bodhi Society, с которой соединился Buddhist Center. <...> Затем пошли к нам на "валериановый вечер". Н.К. ездил днём к Германовой, считает её очень духовным, хорошим человеком, и говорит о кооперации с ней.

6 января 1930 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

6.1.30. Сегодня утром, как и всё время, Н.К. читал при мне вслух свои письма и одно - из "Temple Artisan" от миссис Доуэр - передал мне, чтоб ответить. Ибо они, испытывая трудности, хотят объединиться с нами под именем "Урусвати", а это рискованно. Также передал мне для ответа и другие письма. В четверг он едет говорить с актёрами Германовой. <...>

Вечером был разговор о бюджетах, хвалили Школу за рост учеников и сравнительно малые расходы. Вечером собрались, ибо было Указано, что это Праздник Наполнения Чаши. Чудная Беседа и записи Н.К. Затем все собрались у нас пить валериан. Н.К. днём заметил, что он испытывает тягостное чувство.

7 января 1930 г. Кулу.

Письмо Е.И. Рерих к Рериху Н.К.

7 января 1930 г.

Родной мой Пасик, две недели не было писем от вас. Вчера пришли два твоих, одно от Юрия, биографии, американские репродукции твоего портрета и картин – дают радость глазу! Оценили клипингсы и замечание Великой Княгини.

Родные наши, чуем всё напряжение ваше, но не забываем, что «всё будет повернуто Владыкой ко благу там, где горит преданность и устремление». И мы уже знаем, как различать очевидность от действительности, и никакие устрашения нам не страшны, ибо знаем грядущее.

Ведь всё предусмотрено и взвешено, и в крайнюю минуту всё нужное пойдёт. Но надо выдержать это напряжение, не допуская губительных сомнений, опасений, раздражений и мелких обид. В письме Владыки от 5 мая сказано: «Считаю, можно получить следствия лучшие, одним напряжением можно кончить все беспокойства. Ручаюсь, как найдутся новые помощники, если *только в самом ядре можно удержаться от раздражения и разложения*. Явления наших сил нужно наблюдать на действии каждого дня. Точное изложение фактов покажет феноменальность событий». И самое основное, самое главное, что нужно начертать огнём в сердце, это: «Все дела значительны, но превыше их Учение, ибо из него дела рождаются. Частичное устремление к Учению и Учителю ведёт к расколу и не принесёт перерождения. Все губительные следствия от частичных устремлений, при них человек не может совершенствоваться и не может очистить чувство прекрасного, но без этого качества невозможно слияние сознаний Учителя с учеником». А как без этого понимания пройдем это грозное и решительное время? Время великого космического сдвига. Конечно, такие сдвиги сопровождаются всевозможными пертурбациями и смещениями и знаменуют наступление нового цикла, зарождение новой расы. <...>.

Сейчас входит в правление Уран – Светило эпохи Майтрейи. Светило это сражается с Сатурном и напрягает все течения, которые текут сгармонизированно с эволюцией. Сила устремления лучей и их воздействие зависят от состава Светила, и Уран, обладающий свойствами тонких энергий, конечно, трансмутирует все другие энергии. Оккультно сила лучей Урана велика. Уран, входя в правление, конечно, вызывает напряжение сил противных (ведь без противодействия нет и творчества), но утверждает новую ступень человечеству. Много перемещений, много пертурбаций и много исследований, устремлённых к исследованию высших энергий. Много изумительных попыток исследований психической энергии, исследований свойства луча и пространственных излучений. Светило готовит человечеству лучшую ступень.

Интересно отметить, что астрологически указано на перемещение Космического Магнита по направлению Азии, также и современные учёные указывают, что в 1720 г. наклон магнитной стрелки в Лондоне указывал угол 74°, в 1925 г. – 66° и сейчас продолжается его уменьшение, тогда как, если не ошибаюсь, в Вашингтоне наклон увеличивается и доходит до 70°.

Книга Беспредельности полна значением Светил. Поражаться нужно, какие астрологические знания были в Индии! Они знали, как астрологически восстанавливать по гороскопу прошлые жизни, и что ещё больше, знали срок Лотоса Завершения. Рекорды гороскопов с указанием на прошлые жизни раджей хранятся в Бенаресе. Владыка подтверждает эти знания.

Владыка приподнял завесу Космического творчества и дал нам понимание величайшего Космического Таинства, и мой дух весь устремлён к беспредельной красоте этой мистерии. И так мучительно хочется передать людям радость этого сознания, но это возможно лишь после ассимиляции ими Учения. Где они, ищущие, близкие нам духом?

Как расходится «Агни Йога»? Мне больно, что на все наши запросы относительно судьбы английских «Криптограмм» и присылки нам этих книг никто не откликнулся. Послали телеграмму – опять никакого ответа. А у нас были случаи, кому дать их. Такое ли отношение приличествует к книгам Владыки? Скорблю.

Пасик, родной мой, очень порадовало твоё решение назначить Ояну [*Эстер Лихтман-ред.*] вице-председателем Общества Друзей Музея Рериха. Ты угадал желание духа моего, много посылок посылала я тебе. Её общительность и энтузиазм и преданность Учению, знание языков делают её незаменимой для этой деятельности. Владыка подтвердил это назначение, сказав, что «Ояна донесёт чашу Урусвати». Да, она донесёт, чудесный дух полон устремления и преданности, и рост сердца поможет ей многое вместить. Считаю её своей истинной ученицей, много незабываемых часов мы провели с нею душа в душу и могу сказать: радуюсь росту её сознания. Она многое вместила и усвоила принцип «Господом твоим». Она понимает, что Учение должно быть впитано, как основа существования. Любуюсь, как она трогательно относится ко всему, касающемуся до Учения и Учителя. Да, там, где слёзы восторга, там трансмутация близка, и она проходит через эту трансмутацию, много разных болей, но она радуется. Владыка был так щедр, вводя нас в понимание Космичности всего происходящего. Видения Ояны были замечательны, истинно, она свидетельница. Владыка дал ей жемчужину, которую она хранит в сердце, и эта жемчужина делает её дух несокрушимым. Но чтобы получить её, нужно было всё устремление духа. Ту же жемчужину сердце моё рвётся передать Порумочке. Пасик, родной, также радовалась твоей похвале мужеству Логвана, знаю твёрдо: он выдержит бой. Сердце его близко моему. Знаю всю твою любовь к сотрудникам. Да, только единением, этим магнитом, дойдём до предназначенного. Видела всё твоё напряжение, твои светящиеся руки были покрыты потом напряжения.

Архив Музея Рерихов, Москва

7 января 1930 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

7.1.30 Утром получили письма от Енты к Н.К. и нам, затем чудесное письмо от Е.И. к Н.К. Праздник гармонии, когда приходят письма Е.И. Теперь, после получения нами займа от Chemical Bank, нам предлагают заём и National City Bank. Н.К. начал сегодня писать картину для Палмер. Просил меня звонить Моору и просить его совета, как устроить свидание Н.К. с Рокфеллером, ибо об этом говорили в Rockefeller Foundation Юрию. А Моор оказался лгуном, вилял и потом заявил, что контакт с семьёй у него очень слабый. Н.К. мне напомнил, что он потому так легко и относился к Моору и его группе, ибо не особенно верит ему. Сегодня был концерт Рагини, было около шестисот человек народу, переполнено, очень понравилось, успех огромный. <...>

Потом пошли с Н.К. к нам валериан пить. <...>

Затем Н.К. диктовал Нуце археологическую статью, возможно, для помещения в “Art and Archeology”. Сидел у нас до 12-ти, потом ушёл к себе наверх.

Публикуется по изданию: З.Г. Фосдик. Мои Учителя. М. Сфера. 1998.

Н.К. Рерих. Книга жизни. 1929-1930.
(Слева – эскиз к картине)

Н.К. Рерих

ПРЕКРАСНОЕ

Приветствие Школе Дальтона

Какая разница Востока от Запада? Когда этот вопрос был предложен мне в Индии, я ответил: "Самые прекрасные розы Востока и Запада одинаково благоухают". Мы говорили о неразрешимых проблемах, о непереходимых пропастях, тогда как перед нами великий Свет открывает прямой путь: Закон Прекрасного, закон ведущий и благостный, могущий всё объединить в свете всепонимания.

Если мы не достигаем порога Прекрасного, скажем - "моя вина", осознаем, что только мы сами виноваты, ибо мы не нашли силы прислушаться к великому закону совершенствования. Если мы не глухи, не слепы, не поражены умственным параличом, мы должны различить, где та эволюция, которая будет достойна доблестных примеров прошлого, которая может обеспечить действительное счастье наших потомков.

Наблюдать устремлённое шествие героев всех веков - это значит окатиться перед беспредельными далями, наполняющими нас священным трепетом. По существу нашему, мы не имеем права отступать. Вы, молодёжь, которая готовится строить твердыню жизни вашей, вы хотите счастья, и, обращаясь к вашим старшим, вы спрашиваете их:

"Как же сложить наш очаг?"

Я работал сорок лет, и прошёл более двадцати пяти стран, и на этом опыте могу дать совет вам:

"Только Прекрасным!"

Даже ужасающими Хаос разделений, уходов, ограничений, претворится в Свет и гармонию там, где прикасается луч Прекрасного. Замечаете, что я не употребляю слово Красота, но говорю Прекрасное, этим я хочу выразить не только физические выявления, осязательные в Красоте: музыку, живопись, драму, танец, но я хочу подчеркнуть понятие Прекрасного, которое проникает всюду. Вы, молодые друзья, поймите же невидимый великий смысл этого основного понятия и сделайте его устоем вашей жизни, это обязанность ваша.

Часто мы слышим: "Он утерял прямой путь". Спросим себя, был ли очаг этого несчастного беглеца прекрасным внешне и духовно?

Возможно ли вводить Прекрасное в нашу каждодневную обычность? Но разве работа нашего каждого дня не истинная молитва? И сознательная дисциплина, разве это не есть истинная свобода?

Скажут нам: "Конечно, подобная мечта увлекательна, но каким образом можно украсить жизнь?"

Лишь в невежестве мы думаем, что Прекрасное суждено только богатым и недоступно трудящимся. В превратном мышлении мы, пожалуй, придём к опасному заключению, что Прекрасное есть не что иное, как роскошь. Нужно раз и навсегда понять, что одухотворяющая сущность Прекрасного не имеет ничего общего с роскошью. Прекрасное - это не есть праздничный отдых, это не есть гость случайный. *Прекрасное - это благородный водитель всей нашей жизни!* Беспреданно Прекрасное твердит нам о мудрости утверждения, сердечного и объединяющего, и предостерегает не поддаваться звериному отрицанию, враждебному и свирепому. В мудром утверждении выражено величие самосознания.

Благородно служить Прекрасному, это не значит быть мячом судьбы. В разных странах мы видели, какими непреложными средствами можно возделывать плодоносные пашни Прекрасного. Люди бедные получают богатую жатву, как, например, собиратели искусства. Вспоминаю трогательный пример. Собиратель - полковник армии, вы знаете, как скромно вознаграждение полковника, и не было у него личного состояния. Но жила в нём любовь к Прекрасному, он был природный собиратель. Конечно, он не мог надеяться составить собрание картин. Но он знал, что, кроме картин, существуют предшествующие им эскизы. Будучи истинным ценителем, он знал, что иногда первая мысль, зажегшая художника, бывает вдохновеннее условно законченного выражения. И так наш собиратель начал коллекцию эскизов. Он приходил в наши мастерские и с достойной удивления настойчивостью находил наши первые наброски. Он был удивительно настойчив, и в результате десяти лет он составил замечательное собрание, которое подарил нации. В некоторых отношениях эта коллекция эскизов была даже более ценной, нежели собрание законченных картин.

И не только составил он собрание истинных выражений искусства, но устремление его создало вокруг этой коллекции атмосферу преданности и успеха. Вы знаете, как близки понятия преданности и любви понятию победы.

Основная задача поощрять всячески развитие внутреннего сознания Прекрасного, этого истинного щита против тьмы невежества.

Не все обладают способностью внешнего выражения искусства, но каждый имеет в существе своём возможность осознания Прекрасного. Очень часто создание мысленное гораздо выше выраженных при посредстве внешних средств искусства. Не забудем эту простую истину, ибо она поможет нам понять те возможности, которые скрыты в существе нашем. Не однажды мы слышали: "Моя жизнь окончена, я не могу даже мечтать о чём-либо Прекрасном, я не имею времени сосредоточиться мечтать". Точно мысль нуждается в каком-то особенном времени. Часто вы замечаете очень одарённого, который носит в себе замечательные идеи, полон своеобразных понятий, которые он выражает с силою, как только его эгоистические жалобы смолкают. Он глубоко способен посылать полезные мысли в пространство. Трудно понять, что *все* мысли, являющиеся следствием нагнетения энергии, запечатлеваются в пространстве и подлежат обидим физическим законам. Потому мы должны дис-

циплинировать себя в творческом мышлении и в этом прекрасном творчестве сотрудничать со всем Космосом. Указывают, что мысль может изменять вес; человек, озарённый глубокою мыслью, теряет в весе. Для этого, прежде всего, нужно иметь мысль, истинно сильную. Напряжённая мысль имеет все качества магнита.

В самопожертвовании, в творении бескорыстного создания красоты, на котором мы сосредоточим высшую духовную силу, мы станем истинными сотрудниками Вышнего.

Посетив все континенты, изучая народы Азии с их многообразными обычаями, с их древнейшими символами, мы знаем, до какой степени ценна сила развития мысли для построения будущего.

Вместо того, чтобы доступы Красоты и Искусства в жизнь вымучивать, нужно лучше понять, что просвещённая жизнь есть выражение Прекрасного.

Кто-то спросил нас: "Как могли вы провести пять лет без театра, без музыки?" Ответили с улыбкою: "Каждый день мы имели театр в жизни; ибо сама жизнь есть музыка, радость духа есть песнь, изображать природу - это значит воздать лучшее приношение Создателю".

В пустыне Монголии, в Центральной Гоби, мы слышали прекрасную песнь, но когда мы просили Монгола повторить её, он отказался: "Невозможно, эта песнь лишь для пустыни".

Мы стараемся сделать наше искусство жизненным. Не показывают ли нам лучшие эпохи истории, что именно жизнь была направляема Прекрасным?

Мы часто задаём себе вопрос, как ввести театр в жизнь? Вспомните мою картину священных танцев в Монголии. В пустыне высятся гигантские знамёна, великолепно расцвеченные, мощные трубы сливаются с величественными хорами. С утра и до вечера протекают священные танцы. День за днём огромные толпы принимают участие в священных обрядах. Они вносят в жизнь осознание Прекрасного, утверждают в необычном.

Дельфийские Мистерии, священные обряды Египта уже так далеки от нас, что делаются принадлежностью хроники и исторической книги. Но когда вы оказываетесь свидетелем мощных проявлений Красоты в современной жизни, вы чувствуете, как многое ещё может быть достигнуто. Ещё раз вы понимаете, почему мудрые люди придавали такое значение живописности и музыкальности всех общественных обрядов. Поистине, обязанность наша вводить Прекрасное во всё и всюду; если это трудно иногда, но всё же возможно. Убедимся, что во все времена и во всех странах были те же трудности, но и те же возможности. Каждая трудность есть и возможность.

Осознать эти благословенные трудности будет значить, уже понять, как улучшить жизнь. И разве не наша первейшая обязанность заслуженно оценить мощь мысли?

Мы часто легкомысленно говорим о силе воли. Если бы только мы могли применять эту силу с благой целью! Часто мы очень изобретательны в разрушении, очень изысканны в отрицаниях, но как слабы мы бываем в созидании, в даянии, в помощи!

Иногда мы даже не знаем слов благословения. И всё же незыблем закон, что лишь в даянии мы получаем.

Когда мы говорим о телепатии, о ясновидении и яснослышании, нам кажется, что мы говорим о чём-то отвлечённом, даже сверхъестественном, фе-

номенальном. Но феноменальное и оккультное существуют лишь для тех, кто не знает этих явлений. Не считают ли дети телефон очень таинственным предметом? Ещё недавно не был ли славный изобретатель фонографа Эдисон называем шарлатаном? Наше суеверие, наши предрассудки поистине безграничны. Необходимо создать панацею против этих болезней, так опасных. Высшая наука, самые вдохновенные знаки всегда будут подозреваемы невеждами. Очень поучительно наблюдать, насколько истинные творцы и учёные обладают всепониманием и терпимостью, потому что они действительно знают. Они знают, что существуют безграничные возможности, они прикасаются к едва ощутимым мощным энергиям. Не преступление следовать великому закону Истины.

Великие Истины не должны быть ограничены воскресною Службою, но предназначены для совершенствования жизни. Осветить работу лучами Прекрасного, не значит ли превратить в праздник все дни недели? Не радостно ли заменить туманные и печальные призраки невежества светлыми и полезными находениями знания? Столько превосходных открытий даётся каждый день человечеству. Мы можем видеть, насколько они изменяют все условия жизни.

В горах Азии много говорят об Агни Йоге - Учении Огня. Эта Йога синтезирует все предыдущие Йоги. Как вы должны знать, все Йоги не имеют ничего в себе сверхъестественного. Они лишь учат, как пользоваться природными нашими силами. После всех открытий в области электричества, магнетизма, радио и дальновидения, которые нам предлагаются механическими усовершенствованиями, не удивительно ли слышать, как на Востоке почитают всепроникающую стихию - Огонь Пространства. Вы слышите, как они говорят: "Приближается век Огня", и рассуждают об этой стихии поистине научно. При этом вспоминаете, что профессор Милликен недавно открыл так называемый Космический луч и устремляется применить эту новую силу. Самые древние Учения Азии, на пространстве многих веков, говорят о великолепной стихии Огня. Говорится, что если бы люди сумели благостно овладеть этою стихией, то планету ожидала бы счастливая Эра. Но в противном случае великий Огонь может стать опасным и разрушительным. Со времён Будды упоминаются железные птицы Огня, которые будут служить человечеству. Глубочайшая древность знает железных змиев, полезных людям. Как замечательно находить в Риг-Ведах и в других тысячелетних Учениях факты точной науки, сокрытые в символах. Может быть, язык их нам сразу покажется странным, нас удивят метафоры и сравнения, но если мы честно разберём эти длинные мудрые свитки, не впадая в предрассудки, мы можем различить множество полезных указаний.

Главная наша задача - изучать факты честно. Мы должны почитать науку, как истинное знание, без предпосылок, ханжества, суеверия, но с уважением и мужеством. Могут ли некоторые учёные утверждать, что они умеют относиться к фактам и умеют упоминать их с полною честностью? Но мы должны брать факты так, как они есть, без эгоистического перетолкования. Разве мы не являемся иногда ещё более суеверными, нежели люди пустынь? Свет разгоняет Тьму. Радостно осознать, что имеются такие учёные, как Эйнштейн, Милликан, Брогли, и мы чувствуем себя безопасными под учёным руководством этих испытанных пилотов. Вы следили за чудесными опытами Брогли над электронами, над трансмутацией энергии и материи. Вы читали,

как Милликен приближается к первичным энергиям, и вы удивлялись, какая широта зрения лежит в основе его изысканий. Вы рукоплескали теории Эйнштейна. Эти рукоплескания уже показали, что вы освобождены от суеверий. Эти великие открытия входят в сферу Прекрасного; в момент подобных открытий учёный вибрирует высоким вдохновением. В момент высшего открытия исследователь испытывает высший экстаз: он, поистине, у порога Вечности!

Все новейшие школы должны иметь лаборатории, посвящённые естественным наукам. Вы уже знаете, что электрон рождается от скрещивания двух энергий. Это прекрасный момент, когда две энергии, ещё невесомые, производят уже что-то измеряемое, нечто физическое. Вы видите, как важно выявлять вашу собственную потенциальную энергию. Вам говорят о научных энергиях, об оккультных энергиях, об энергии Огня и о множестве прочих. Не есть ли все они грани той же творящей энергии, которая заключена и в каждом из нас. Большое заблуждение думать, что только какие-то особенные учёные и художники ею обладают.

Каждый созидатель, каждый работник может совершенствовать эту природную способность, поскольку он будет действовать сознательно. Это сознание приобретается не только через учение. Творческий опыт развивается самодетельностью, осознанием силы, неуклонною волею. Из этого же понимания происходит и терпимость. Не забывайте о ней, она вам будет так нужна в жизни вашей! Как мы уже говорили, нетерпимость есть невежество, которое уже разрушило такое множество дел, полезных и прекрасных. Посмотрев на невежество, вы приходите к заключению о единстве науки и искусства, энтузиазма и творческого экстаза. Единство Света, разве это сознание не будет для нас источником постоянной радости?

Иногда нам кажется, что мы устали. Но это тоже призрак своего рода невежества. Попросту мы слишком много утруждали один нервный центр. Достаточно переменить работу, чтобы заставить действовать другие центры. Эта простейшая перемена труда принесёт нам отдых. Ибо не следует думать, что только сон или бездействие восстанавливают нервы.

Раздражение и злоба отравляют существо наше. Мы не должны забывать, что каждое раздражение оставляет в нашем организме физические отложения, известные многим врачам. Они знают, насколько опасен этот отравленный кристалл гнева, как его, между прочим, называют и в Азии.

Если вы осознаете всю опасность гнева, не только физическую, но и духовную, вы избегнете всякую возможность раздражения. Если вы осознаете, что кто-то пришёл с целью раздражить вас, ведь вы его встретите улыбкою. Велика сила знать, что именно вы хотите. При этом стрела улыбки гораздо более могущественна, нежели стрела гнева. Кроме того, подойдя совсем близко к врагу, вы ему не дадите возможности метнуть отравленное копьё.

Надеюсь, что вы меня не обвините в том, что я говорил вам о чём-то отвлечённом, оккультном или мистическом. Что называют мистицизмом? Нечто туманное и непонятное. Но мы не имеем ничего общего с туманами, мы занимаемся фактами, точными и светлыми. Эти дела Света претворят всю жизнь вашу и облегчат и украсят её.

Когда мы спрашивали иногда молодёжь: "Что вы считаете самым существенным в жизни вашей?", они шептали в ответ: "Нет у нас ни существенного,

ни замечательного. Сера наша жизнь", "Я служу в банке", "Я работаю на фабрике", "Я занят на телеграфе..."

Молодёжь, неужели вы забыли Великого Плотника?

На земном плане знаменитый английский хирург Джон Хентер провёл годы молодости на фабрике мебели. Он всегда приписывал замечательную верность руки столярному делу. Знаменитый эльзасский философ Яков Бёме был сапожником. Он обдумывал свои философские системы, делая сапоги. Сколько замечательных людей исполняли, казалось бы, скромную работу! Перечтёте ли их подвиги?

Каждая истинная работа имеет свою красоту.

Наша каждодневная жизнь есть Пранаяма совершенствования. Но будет действена эта Пранаяма, если вы проведёте её в полном сознании. Совершенный ремесленник неотделим от художника, даже если он начнёт складывать рисунки паркета. Изысканность и чёткость Японцев разве не принадлежит к области Красоты?

Когда человек выделяется в исполнении работы своей, мы, естественно, думаем: "Надо доверить ему что-либо более значительное". И из совершенства работы рождается чудо - работа протекает в постоянной радости, потому что работник ощущает законную гордость совершенства. Велико несчастье прикасаться к работе без любви к ней, с единственным желанием поскорее от неё отвязаться. Работающий в сердечном увлечении не чувствует усталости, энтузиазм умножает его силы, он не нуждается ни в сне, ни в пище, лишь бы не нарушить своего возрастающего устремления.

Когда вы ищете совершенствования, вы забываете себя во имя творимого вами, вы отрешаетесь от эгоизма, и в этом самоотречении заключается один из видов Прекрасного.

В Музеях вы видите много анонимных произведений искусства. Имя, как лист отсохший, унесено вихрями времени. Но живёт Прекрасное, оно лишь умножается временем. Имя может пережить художника на несколько веков, но творение может жить тысячелетия.

Истинно, самоотречение является одной из форм Прекрасного. Всякое Я, в существе своём, обособлено, ограничено. Всякое Мы сильно и безгранично. Это благостное Мы, как истинное сотрудничество, ложится в основу жизненного начинания. Во все эпохи возрождения, и на Западе и на Востоке, можно встречаться с многозначительным понятием Учителя-Гуру. Выбрать Учителя и следовать ему не было рабством, но было осознанием Иерархии Знания и чувством сотрудничества. Это значило стать звеном беспредельной Цепи, от несведущего до Всезнающего, это значило приобщиться к бесконечным созвучиям всеобъединяющим. Восходите путём энтузиазма, блага, жизни, сотрудничества!

Не думайте о себе в работе, но ощущайте всю ответственность перед теми, кто следует за вами. Никогда не забывайте бедствий, наносимых озлоблением, страхом, ленью, эгоизмом, этими порождениями невежества.

Осознание единения врождённо всем народам. Каждый народ имеет сказание, традиции, которые выражают эту истину.

Мы слышали, что Азия и Америка когда-то составляли один континент; в красивой сказке люди Азии расскажут вам о катаклизме, разделившем эти континенты, и вы почувствуете, что образ Азии не менее прекрасен, нежели образ Атлантиды.

Знание преображается в легендах. Столько забытых истин сокрыто в древних символах. Они могут быть оживлены опять, если мы будем изучать их самоотверженно.

Как народы Пустыни умеют говорить об искусстве и о художниках! Хотелось бы, чтобы наши критики искусства обладали такими же образными и благозвучными словарями, оценивая творчество.

В дальних Кучарах, в Центральной Азии, нам рассказывали:

"Однажды принёс художник картину заимодавцу, чтобы получить под неё ссуду. Заимодавец отсутствовал, но оставшийся за него мальчик восхитился картиной и выдал за неё большую сумму художнику. Вернулся хозяин, в гневе услышал случившееся и закричал: "Сумасшедший, ты дал столько тысяч саров за какую-то капусту, никогда не увижу моих денег более". И обозлённый хозяин выгнал мальчика и забросил в угол картину, а на ней была действительно капуста и бабочки. Кончилось время залога, и художник принёс взятую сумму, требуя картину обратно. Но осмотрев картину, он отказался принять её, сказав: "Это не моя картина, на ней была капуста и бабочки, а на этой одна лишь капуста". Заимодавец в ужасе заметил, что бабочки действительно исчезли. В конце концов, художник сказал ему: "Ты изгнал мальчика, оказавшего мне услугу. Но только он может избавить тебя из затруднения. Найди его, может быть, он согласится помочь тебе". Мальчик был найден и сказал хозяину: "Искусство этого художника так высоко, что во всех его произведениях отображены все законы природы. Картина была принята летом, теперь же зима: бабочки не могут жить без тепла и солнца. Поставьте картину у огня, и под нею тепла опять возродятся бабочки". Так и случилось, у благодетельного пламени бабочки вновь ожили и опять окружили капусту. Настолько искусство этого художника было совершенно. Мальчик же был принят обратно и сделался великим, полезным человеком, ибо дух его мог проникнуть в прекрасные тайны Искусства".

Разве не прекрасно, что народ в далёких пустынях в таких изысканных сравнениях мыслит о прекрасном совершенстве?

В жизни вашей оставайтесь верными Прекрасному, храните энтузиазм. Растите в себе творческие мысли, помня, что по мощи ничто не сравнится с силою мысли. Действие лишь выражает мысль, потому мы ответственны не только за наши действия, но ещё более за мысли. Даю вам жизненный совет: Имейте мысли чистые и сильные. Наполняйте жизнь вашу несломимым энтузиазмом и тем обращайтесь её в постоянный праздник. С улыбкою истинного познания внушайте детям вашим непобедимое желание созидать. Эта бесконечная цепь труда, совершенствования и блага приведёт вас к Прекрасному.

Нью-Йорк, 1930 г.

Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.

8 января 1930 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

8.1.30 Сегодня утром получили письмо от графа Ледэн из Парижа, что он отказывается вернуть картины и заплатить деньги - 40 000. Мы чувствовали перед отправлением картин, что он жулик. Теперь надо угрозами получить их обратно. <...>

Был утром сумасшедший русский портретист, грозил, скандалил, требовал денег и *[хотел]* видеть Н.К. Вышел Н.К., спросил его адрес, говорил с ним холодно, но спокойно, направил его к Руманову, но после позвонил тому и просил его поступить с ним "политически". Вот я научилась, как поступать с такими людьми. <...>

Вечером Н.К. был на обеде у Букмана. Свет*[ик]* пошёл с Франсис в театр, а я, Нетти и Юрий - в кино. Свет*[ик]* не хотел идти со всеми, объявил разрыв.

<...> Получили от Маккормика письмо, что он отказывается быть Почётным советником, ибо как католик не может быть в Учреждении, где любят Будду и почитают его. Мы изумлены его поступком. Н.К. рассказал, что Кубини ему передавал, что кардинал ему запретил видеть профессора Рериха, ибо он такой большой человек, что "вы никто его не убедите, а он вас всех убедит".

9 января 1930 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

9.1.30 Сегодня днём мне выпала большая радость поехать с Н.К. в Laboratory Theater, куда его пригласила Германова, известная артистка Московского Художественного театра, выступить перед её молодой труппой - её учениками. Если и были у меня горести и непонимание, то, как завеса спала с глаз моих, и я не забуду этого дня. А когда мне будет опять что-либо непонятно, вспомню этот день и что говорил Н.К. молодёжи.

Приехали мы в 2 часа, сцена была освещена, на ней сидело человек 25 учеников, в середине кресло, готовое для Н.К. Театр был в темноте. Н.К. начал с того, что поздравил их с успехом, который был вчера на премьере "Трёх сестер". Сказал, что они делают огромное дело, они несут красоту и дают, и должны давать всё время. А дающие всегда получают. Поэтому они и получают всегда, неожиданно, из пространства, отовсюду, а не именно из одной тёмной двери, через которую люди обыкновенно ждут полочки.

Затем он говорил против отрицания - всё покрыть благословенным "да", а не отрывистым "нет". Даже по звуку они характерны. Одно позитивно, другое негативно. Одно строит, созидает, а другое разрушает. Одно - животное состояние, другое - человеческое. "Да" можно и врага покрыть, привлекая его на свою сторону. Затем *[следует]* избегать недоразумений - их надо тушить, прощать, а это возможно при единении. Вот чем и сильна группа или организация - своей сплочённостью. Поэтому Н.К. советовал им не разъединяться.

Н.К. говорил о психической, или творческой, энергии: её нужно реализовать, прислушиваться *[к ней]* - она и даёт радость творения. Осознав её, человек не устаёт при усиленной работе, ибо все его центры работают, сменяя друг друга. Говорил, что правильна вечная неудовлетворённость, ибо, что есть радость грусти или грусть радости? Просил их задавать вопросы, беседовал с ними, отвечал им и зажёл много молодых чутких сердец.

Германова была очень тронута. Он обещал им прислать "Агни-Йогу". Говорил по-английски - чудесно, плавно. Затем мы поехали к Мейровичу выбирать очки, где все узнали Н.К. и окружили его необычайным вниманием. По дороге Н.К. говорил, что советует путешествовать, ибо в дороге меньше повода для ссор. Лишь на стоянке армия распадается, а в походе держится. Незабываемы его слова: главное *[что]* меня поразило - не отрицать ничего.

Вечером у нас была Беседа с Учителем - чудесная. Потом пили у нас валериан. Думали, как начать католическую группу Св. Франциска Ассизского,

что было сегодня указано Учителем, когда я стояла за столиком с Н.К. Объединить все религии под кровлей нашего Дома - изумительная задача!

10 января 1930 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

10. I.30. Получили очень сильное, серьёзное письмо от Е.И. с указанием на то, что вице-президентство даётся и надо чтить его как дар и что для “Урусвати” были Указаны все члены и в каком порядке. Это относится к Модре. И, кроме того, она получила личное письмо от Е.И., в котором ей послан упрёк в легкомыслии по отношению к Учителю, как мне говорил Н.К. Она, конечно, это письмо никому не показала и не покажет. Послание в Америку - Послание Учителя - очень сурово и сильно. Велено каждому переписать и знать его. Новая трудность: в одном деловом журнале было объявлено, что “Master Building” заплатил проценты за декабрь, но не имеет фонда погашения [задолженности]. Надо судить за такие слухи, ибо это ужасный подрыв. <...>

Затем Н.К. пришёл к нам, подошли Юрий, Свет[ик] и Нуця, и мы беседовали до полпервого ночи. Говорили о грядущей мировой катастрофе, ибо время уже надвигается, и всё время будут происходить сдвиги.

11 января 1930 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

11. I.30. Утром получили письмо от мадам де Во Фалипо. Она считает долгом сообщить, что говорят и пишут, будто Н.К. образовал новую религию - вроде теософской. Ватикан против неё и недоволен [ей], и мадам де Во, как преданная католичка, думает, должна ли она быть в таком движении. Одним словом, враг не дремлет, а действует через дружеские ряды. Днём беседовала с Н.К. о бюджетах - решил сделать новые, открытые всем. <...> И люди будут нам тогда давать. Затем у нас было собрание, после чего мы разошлись с чувством недовольства Холлом - его отчёты плохи, без цифр и фразы пустые. Ресторан имеет убыток в 16 000 вместо 5000 по бюджету. <...> Явно, идёт новая сильная власть на мир - католицизм, а английская власть слабеет. Или же, как сказал Н.К., не скрывается ли одна за другой! Отец Келли, видно, немало знает от Завадского. Вспоминаю, как на днях Н.К. сказал, что вместо “но” надо говорить “и”. Большие построения. И ещё сказал, что величайшее открытие Эйнштейна состояло в том, что он произнёс слово “относительность”. Это даже важнее всей его теории. Вечером пили у нас валериан. Свет[ик] заявил, что не едет в Индию, мы все его поддержали, ибо это один способ [общения] со Светиком — не идти против него. <...>

14 января 1930 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

14. I.30. Тягостное чувство у Н.К., у меня, Нуця нездоров, не спал всю ночь, Флавиус нездоров - что-то в атмосфере. Днём видела мельком Н.К. Он просматривал статью Мэри Сигрист о Мастер Институте. Потом поехал к Стоковскому. Вечером я и Светик, стоя в коридоре Школы, видели мелькание как бы крыльев летучей мыши, пролетевшей над лампой. Чувство неприятное. <...>

Н.К. рассказывал, как однажды в Новгороде его пригласила старушка посмотреть её картины. Отличные были копии, но на одном портрете не было глаз. Н.К. ей сказал, а она говорит: “Не может быть”. Он ей говорит: “Да нету,

посмотрите сами”. Она ответила: “Наверно, золой на Рождество прочистили, ибо раньше были”. А на другом отличном портрете на руке было шесть пальцев вместо пяти - мы много смеялись этому. Затем все пошли окуривать Школу эссенцией балю.

Класс живописи в Мастер-Институте объединённых искусств.
(Воспроизводится по изданию: Message of 1929. Book I. Series VI – Roerich Museum Series (New Era Library). New York, 1930. Facing page 15.)

15 января 1930 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

15.I.30. Утром просмотрела статью о Школе с Н.К., потом прочла её с Сигрист и передала ей. Напряжённо работала целый день, устала невероятно. Перед ужином беседовала с Н.К., говорили, как опасна мелочная экономия со сдачей зала, урезыванием сторожа в Кор[она] Мунди, Музее.

Н.К. говорил, что Поруме крайне важно теперь поехать к Е.И. и многим проникнуться. Говорили о новых статьях дохода для Школы, Н.К. предложил иметь членов как в “Урусвати”, что и было вечером одобрено Владыкой. Очень поощряет Н.К. открытие отделов Школы в других городах. Даже при малом приходе это даст рост в будущем, новый контакт. Вечером у нас была Беседа, слушали принесённые Н.К. пластинки “Sacre du Printemps” [(англ.) “Весна Священная” - ред.] от Стоковского. Потом собрались у нас пить валериан.

16 января 1930 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

16.I.30. С утра напряжённое преподавание, только в три часа дня видела Н.К. - говорили о заметке Завадского в “Times” “International Orchestra under Societe Anonyme” [(англ.) “Международный оркестр при анонимном обществе” - ред.] (Мисс Дрейер — большевики) и “организован Великим Князем Александром”, а название “Roerich International Symphony Orchestra” [“Международный симфонический оркестр имени Рериха”] выпущено! Н.К. сказал, чтоб я хранила эту вырезку как зеницу ока, ибо пригодится. А сам вызвал Руманова и рассказал ему, какой идиот Завадский и что не иезуиты, а большевики поддержат, по его (Завадского!) мнению, оркестр! Днём был д-р Макгоффин, президент Archeological Institute of America [(англ.) Американского Археологического института - ред.], пригласил Н.К. в вице-президенты и сказал, что всю свою разведочную работу в Индии они будут делать через “Урусвати”. Это большая победа, тем более что было давно Указано, чтобы Н.К. был выбран от их института. Устроил это доктор Ньюэт. Затем вечером был Норвуд, пастор Епископальной церк-

ви, и рассказал Н.К., что на Рождество он прочёл проповедь об Н.К. Вообще он считает Н.К. Учителем, распространяет Агни-Йогу и говорил, что 15 лет тому назад имел видение - Мастера в лилово-серебряном свете. Н.К. его очень хвалил. Была у Порумы и советовала ей, что взять в путь.

17 января 1930 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

17.I.30 <...> Было обычное субботнее собрание. Трудно из-за Светика, который часто выступает против Н.К. Например, что надо закрыть Корона Мунди, не устраивать никаких выставок. <...> А вечером за ужином у Порумы Н.К. нам рассказал, что Светик прямо прочёл лекцию с выпадом против всех: в такое трудное время, как теперь, мы помогаем устраивать новое предприятие (имея в виду "Урусвати"), а когда ему было трудно, мы не помогли ему с его медициной. Очевидно, был очень неприятный разговор. <...> Н.К. говорил, что ему [Святославу] уже двадцать семь лет, а в двадцать семь лет Н.К. сам работал и собственными усилиями всё устраивал, и говорить о помощи даже странно. Затем, что "Урусвати" был Указан М., и мы увидим, как ценнейшие люди подойдут через него. Закрывать же Корона Мунди нет основания, можно устраивать по три хороших выставки в году, но не закрывать без причины. <...> Светик очень против "Урусвати". <...> И слава Богу, что он не едет теперь в Индию. Ехать и делать шум и раскопки - это козырь англичанам и преопасная игра. Так что Н.К. хочет поехать с Юрием 2-го апреля и не быть на [премьере] "Весны Священной". <...>

19 января 1930 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

19.I.30. Утром, в 9 часов, как всегда в воскресенье, Н.К. завтракал у нас. Мудро говорил, что мы все осознали, что нам некуда уйти от дел, что все должны работать в делах. А [то], кто как действует, покажет его рост. Если во время Бесед с Учителем есть и шутки, и смех, и рисование карикатур, то остановиться или указать кому-либо нельзя. Через 10, 50 или 200 лет человек припомнит, как он вёл [себя] на этих заседаниях. Вообще, то, как на человека влияют внешние действия, и покажет его внутренний рост. Иной уже выше поднялся, на него меньше всё влияет. Значит, он вырос, а другой ещё не может освободиться. Потом Н.К. говорил, что нужно начать с себя, подмечать у себя, а не у другого. Утром Н.К. немного работал со мной, прочёл каталог, дал ряд ценных советов. Днём пришёл доктор Кеттнер, Н.К. дал комнату для его группы. Они могут вырасти. <...> Вечером у Нетти беседовали с Н.К., затем Нуця, Н.К. и я пошли навестить Юрика, потом к нам - пить валериан. Светик составлял мой гороскоп, мы читали русские и английские газеты. Чудесно быть с Н.К. Он весь светится. <...>

20 января 1930 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

20.I.30. Утром беседовала с Н.К. около часа. Очень мучает теперь всех состояние Светика. Н.К. говорит, что его идеология вроде купеческой - обобрать, а потом свечи ставить. Или же Рокфеллер! Велика ли заслуга - теперь он отдаёт излишек, который ему не нужен, и переварить который он не может. Не будет же он носить две пары штанов! Как человек, который наелся до отвала и отдаёт то, что съесть уже не может! За это Н.К. нисколько не уважает Рокфел-

лера. А Светик сидит и ждёт повышения конъюнктуры, а работать не хочет и другим мешает. Требуется лаборатория, говорит об открытиях, не зная химии, не зная, как составлять формулы, а не просто смешивать составы, надеясь на случай. Он забывает, что научная работа требует годы. <...> Днём <...> пришла Германова. Я водила её учеников (группу в 35 человек) по Музею. Затем Н.К. беседовал с ними. Славная молодёжь. <...> Вечером у нас пили валериан. Светик читал мой гороскоп, много смеялись. <...> Сидели поздно, беседовали с Н.К. - радостно проводить с ним вместе каждый вечер.

21 января 1930 г. Нью-Йорк.

Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

Родная моя Мамочка!

Мы только что получили твои письма с рассказом о Рождественских днях в долине Кулу. Это, наверное, было радостно, но мы огорчились, узнав, что ты чувствовала себя неважно и что Эстер и Влад[имир] простудились, последний подхватил что-то похожее, по написанию, на «ревматизм». К сожалению, мы в Нью-Йорке не можем похвастаться Рождественской зимой. Только последние два дня было морозно, всё остальное время у нас были туманы и дожди, и сравнительно унылая и мягкая погода. Исход дела Калидас, действительно, более чем странный. Рады, что наши груши Сен-Жермен пользовались успехом на сельскохозяйственной выставке в Лахоре.

Нетти начинает готовиться к путешествию, и я очень завидую её возможности. К моему сожалению, мне придётся ждать, пока сможет поехать Папа. Я готовлю нашу поездку в Лондон, и Жорж пишет из Парижа, что тамошние власти планируют ряд церемоний в честь Папы. На следующей неделе я еду в Филадельфию побыть с друзьями и посмотреть, что можно сделать для Института. Надеюсь, что поездка будет успешной. Так много хочется сказать тебе, но надо ждать до моего возвращения.

Профессор Ростовцев предложил мне написать совместно с ним статью о древних эпических сценах на сибирском золоте. Я согласился и послал ему мою трактовку некоторых сцен. Он нашёл её ценной и сейчас публикует её под моим именем как приложение к своей статье. Это для меня хорошая реклама, поскольку у Ростовцева достаточно солидная репутация в научных кругах. У меня остаётся очень мало времени на мои личные научные занятия, поскольку жизнь в Нью-Йорке очень суматошная. Надеюсь хорошо поработать после возвращения. Пока же рассылаю книги почтой. Я недавно послал тебе «Ключ к Теософии» и два выпуска «Studies in Occultism». Книги большего размера я пошлю с Нетти. Также я отправил несколько моих личных книг, которые надо поместить в мою библиотеку. Пожалуйста, попроси Людмилу поставить их в книжные шкафы и обязательно написать мне по их получении. Ты что-нибудь слышала насчёт разрешения? Мне говорят, что всё идёт хорошо. В общем, увидим. Пожалуйста, пошли мне список книг, которые требуются тебе для занятий. С удовольствием помогу найти их. А также и другое, что тебе нужно. Я знаю, что Зина и Нетти привезут тебе кое-какие вещи (точнее, это Зина посылает их через Нетти).

Очень огорчился, что бедняга Баракмар умер. Что с ним было? Надеюсь, что остальные члены собачьего семейства в добром здравии.

Нам очень понравились твои рисунки с медведем и с Владимиром, укрощающим горного козла. Леопард ещё бродит в округе? Теперь у него уже должен быть хороший мех.

Пожалуйста, пиши нам, мы всегда счастливы получать от тебя хорошие новости.

С самыми наилучшими пожеланиями и большой любовью от всех нас,
Твой преданный сын

Юрий Р.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

21 января 1930 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

21.I.30. Утром пришёл Завадский, Н.К. не мог его принять и поручил мне. Он мне сказал: “Я работал шесть месяцев, чтоб основать Roerich International Orchestra, вы одним ударом разрубили всё, и мне пришлось снять имя Рерих и пойти под моим флагом”. При этом мне была сказана куча грубостей. А это всё потому, что он, не известив Н.К., снял его имя и устроил свой международный оркестр под эгидой Анонимного Общества - Катрин Дрейер. Н.К., узнав про это, сказал, что здесь есть рука отца Келли и леди Армстронг, глава тайной английской полиции здесь. И мы решили повидать Завадского вечером при свидетелях. Он пришёл, разговор был с Н.К. при мне, Тарухане и Нуце. Н.К. начал с того, что за сорок лет впервые его имя сняли с названия общества, в котором он является Почётным председателем. Затем он спросил Завадского, назвал ли он свой оркестр по месту, то есть потому, что это Roerich Hall [Зал Рериха], или по человеку? Сказал, что в своей жизни не участвовал в анонимных обществах и ему не советует, ибо это для всех подозрительно, если кто-то анонимен. В общем, сурово говорил с ним полтора часа и в результате сказал: “А теперь продолжайте, как начали, без моего имени, вообще не упоминая его. А потом увидим”. Конечно, Завадский безнадежный дурак и пешка в руках отца Келли, который дал два дня тому назад рекомендательное письмо для леди Армстронг, и таким путём Завадский пригласил её в комитет. Как и говорил Н.К. Но разговор был изумителен тем, что Н.К. ему доказал своё желание иметь оркестр у нас и дал бы ему зал на 5-ое февраля, но Завадский сам бестактно ушёл и снял имя Н.К. с названия общества. <...>.

24 января 1930 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

24.I.30. <...> Вечером Н.К., мама и я заехали за Таруханом и Таней и поехали вместе на обед, устроенный Maha Bodhi Society. По дороге Тарухан рассказал, что Н.К. у нас на концерте, когда певицы вышли кланяться, сказал: “Скорее бы пели, а то публика разойдётся”. Они пели. Потом опять были аплодисменты, и Н.К. сказал Тарухану: “Пойдёмте скорее, а то опять будут петь”. <...> Н.К. рассказал, как он на совете школы у них в Петербурге искоренил курение. Все курили, Н.К. зажгёт кусок бумаги. Все начали кричать: “Что ты, с ума сошел?” А он: “В чём дело?” - “Да ведь дым идёт!” А он в ответ: “Да и от вас дым идёт!” Вот они и перестали курить. Принцип доведения до нелепости - как проповедует Н.К. Обед сошёл скучно, курили до невозможного. Потом все собрались у нас, говорили о Холле и его плохом управлении, лени и попусти-

тельстве к краже. Обнаружено, что мы платим за провизию на 30% дороже, чем другие отели, что наполняет, очевидно, чьи-то карманы. <...>

25 января 1930 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

25.I.30. <...> Очень много работала сегодня, вплоть до нашего собрания в 4.30, которое бывает каждую субботу. Убедились, что Холл нечестен, из-за его управления будут убытки в ресторане и по Дому. <...> Вечером была Беседа, потом пили у нас валериан, Франсис тоже была, она два раза в неделю, после собраний, приглашена к нам. <...>

26 января 1930 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

26.I.30. Утром - воскр[есный] завтрак с Н.К., днём - обед у мистера Александра и Уайтсайд - все мы, кроме Луиса, Нуци, Свет[ика], которые уехали в Принстон видеть профессора Мазера и Юрия, который ещё в Филадельфии. <...> В 5.30 немного беседовала с Н.К. Он говорит, что главное - это продолжать активную политику повсюду: в Школе, Прессе - везде, иначе замрёт всё. <...> Н.К. на днях сказал, что теперь поездка в Южн[ую] Америку должна будет показать, как они будут реагировать, только ли брать от нас или что-либо давать. И группы тамошние, которые ничего не пишут сюда, - будут ли они заменены другими? В 8.30 йог Кескар говорил в Тибетской библиотеке просто, искренно - хороший человек. Н.К. говорит, что он мог бы сказать это и на улице, а не [только] избранной аудитории. <...>

27 января 1930 г. Париж.

Письмо А.А. Калитинского к Рериху Н.К.

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Константинович,

Конечно, я Вас очень понимаю в Вашем желании отложить разговор об Институте до личного нашего свидания. У меня, ведь, точно также - если имеется о чём-либо смутное впечатление, то я обычно жду, когда оно прояснится.

Богу угодно было послать мне и всем тем, кто со мной, тяжкое испытание. Вражья сила, получив свободу действий, очень логично повела атаку, усиливая с каждым разом свой удар. Началось, как Вы помните, может быть, с моих слов, подрывом нашей материальной базы - внезапным и неожиданным отказом со стороны чешского учреждения, которое делало у нас большие закупки сразу и тем давало нам возможность выждать пока разойдутся медленно остальные экземпляры изданий. Мы могли, благодаря этому, не останавливаться в выпуске книг. Вы пришли к нам на помощь и мы выдержали этот удар, я бы сказал, вероломный, т.к. он противоречил предварительному уговору и данному слову. Тогда дело пошло серьёзнее - моя ужасная болезнь. Но и это не разбило той группы самоотверженных людей, которую мне удалось спаять в Праге. Последовал ещё более ужасный удар - гибель Н.М. Беляева, на которого мною было более всего истрчено и души, и сердца, и ума, которого я предназначал вести важнейшую сторону задуманного мною дела - <...> (памятники иконописи). Наконец, последний удар: Ваши сомнения.

Есть отчего, дорогой Николай Константинович, придти в отчаяние, впасть в уныние. Но Бог милостив, не до конца Он оставил меня – со мной Марья Николаевна. От неё не только утешение. От неё я знаю, что всё это только искушение, преодолев которые я одержу победу над тёмной силой, умной и лукавой, которая, однако, <...> [*Всё ещё существует (лат.)*], как говорили в средние века. А потому буду бороться дальше, смирясь и не ропща. Чем будет труднее, чем больше будет всяческих препятствий, тем буду упорнее, ибо я знаю, что дело моё правое, ясно вижу, как бьёт оно в самую точку, в самый центр врага. Не от гордости это, Николай Константинович, ибо внутри себя я не вижу ни озлобления, ни протеста, но только ясное осознание того, что как бы ни складывались внешние обстоятельства, они располагаются и в качестве своём и в количестве не случайно, но злостно, однако только до времени, покуда это дозволено свыше.

Был у меня здесь Н. П. Толль², и мы с ним написали план ближайших работ. Он в Праге будет заканчивать то, что осталось от планов прошлого года. Самое большое и трудное – это «Русская икона» т. III. Далее обещанный № «Зоографики» - Солдатенковское Умиление. Текст писал Н.М. Беляев, но не закончил. Соберём всё, что от него осталось, а остальное выполним, вероятно, с помощью Андрея Грабара³ из Страсбурга. Выйдут также два номера «Скифики» - статьи Юрия Николаевича и Fetic'h'a. Особенно трудно справиться с нашим Ежегодником – С. К. Как я Вам писал, я обратился к учёному миру Европы и Америки с приглашением принять участие на этот раз в нашем журнале по случаю: 1) пятилетия смерти Н.П. Кондакова, 2) нашего тоже 5-летнего юбилея, 3) намеченного превращения нашего Семинария в Институт, как состоящий под Вашим протекторатом. Мне хотелось бы под новым званием выступить в особенно торжественной одежде. Материалу прислано столь много, что его можно уместить в два тома. Как мы с этим справимся, не знаю. Вероятнее всего поступим так: выпустим одновременно два сборника С. К., пометив один – 1930, второй – 1931 гг., обозначив на обоих, что они посвящаются памяти Н.П. Кондакова по случаю 5-ти летия его кончины.

На время моего пребывания здесь в Париже я назначил своим заместителем в Праге, на правах вице-директора, Н.П. Толля. Секретарём назначил Д.А. Расовского⁴ вместо покойного Н.М. Беляева. Г.В. Вернадский не приедет.

Свою идею Института я не оставляю. Когда получу из Праги материал, начну прорабатывать примерный устав.

Что касается планов дальнейшего развёртывания основной идеи Семинария, то разрешите отложить до следующего раза.

Свой выход в Париж хочу начать посещением Вашего очага здесь – нашего о-ва культуры. Если Бог даст мне сил, постараюсь смастерить какой-либо доклад.

Марья Николаевна вот уже несколько недель чувствует себя довольно плохо. Был у неё грипп. Слабость столь велика, что всё валится у неё из рук. Написала она Вам письмецо карандашом, лёжа в постели, но так неразборчиво,

² Толль Николай Петрович (1894–1975), археолог-востоковед, искусствовед.

³ Андрей Николаевич Грабар (1896—1990) — историк средневекового и византийского искусства.

⁴ Расовский, Дмитрий Александрович (1902, Москва - 1941, Белград) — русский учёный, философ, этнограф, историк и археолог. Доктор философии Пражского Университета.

что не решилась посылать. Сейчас у нас есть пишущая машина, и она хочет научиться работать на ней.

Очень поклонитесь от меня Юрию Николаевичу. Я был бы рад, если бы он поделился со мной мыслями на скифские темы. Не откажите передать мой почтительнейший привет Елене Ивановне. Марья Николаевна посылает Вам всем свои сердечные и душевные мысли.

Искренне Вас уважающий А. Калитинский

27/1 1930.

Архив Музея Рерихов, Москва.

28 января 1930 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

28.1.30. Получена телеграмма от Форда о том, что из-за невозможности видеть Н.К. в назначенный им срок встреча не состоится. Конечно, выдумка! Днём Н.К. говорил к группе женщин из Общества денверских детей, больных туберкулёзом, об образовании, красоте в быту, повседневной жизни - негативное, отвратительное "нет" и положительное, приятное "да". Говорит он просто, спокойно, красиво, ведёт к пониманию новой эволюции, новой эры через красоту, труд, знание. После того как он окончил, он вышел, а меня просили остаться и рассказать дамам о его жизни, деятельности, работе, что я и сделала. Они были все очень милы и хорошо всё приняли. <...>

Н.К. сегодня сказал Руманову, что не может участвовать в корпорации с Фридлибом, ибо банк не отвечает его роду работы. Говорила пару минут с Н.К. о докторе Кеттнере, Маха Bodhi. Н.К. говорит, мы не должны быть очарованы и поэтому не будем разочарованы. Все эти люди имеют свои ссоры, мелочность, и у нас будут от них мучения и затруднения. Всё же мы должны открыть им двери и полный доступ ко всему. Конечно, когда я сказала Н.К., как нам будет трудно после его отъезда, ибо ужасно, если мы начнём всё допускать или же всё уничтожать по принципу, что всё возможно, и из этого могут вырасти страшные махровые цветы, Н.К. ответил, что формула "для чистых всё чисто" тоже может оказаться ужасной, ибо "для грязных всё грязно". Вечером была Беседа, собрались ненадолго пить валериан. Свет[ик], как рассказал Н.К., был опять очень плох за ужином. Очень тяжело и грустно. <...>

29 января 1930 г. Нью-Йорк.

Из дневника З.Г. Фосдик:

29.1.30. Приходил утром доктор Хоффнер, специалист по итальянским примитивистам, - ему хорошо заплатят за сертификаты для аукциона, который еще неизвестно как пройдёт. Н.К. сегодня мне говорил о разговоре с Нетти, что и её поездка должна быть обставлена на деловой почве, то есть Учреждения платят за неё. <...>

ФЕВРАЛЬ

*15 февраля 1930 г. Нью-Йорк
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.*

15 февраля 1930 г. New York

Родная моя Мамочка,

Пользуюсь отъездом Порумы, чтобы написать обстоятельное письмо. По многим причинам приходилось писать лишь краткие весточки. Весьма часто ощущалась необходимость более полного изложения событий как внешней, так и духовной жизни. За последнюю зиму произошла значительная кристаллизация в моём мировоззрении, и твоё последнее письмо о суровости к самому себе и о воздержании от обсуждения близких, прозвучало совершенно особенно. Именно об этом я постоянно говорю. Часто меня упрекают в излишнем милитаризме и редко понимают, что эта воинственность духа, которая часто меня захлёбывает, есть не что иное, как внешнее выражение боевой готовности смело смотреть в глаза событиям. Часто вижу себя во снах идущим в далёкий поход, при этом всегда вижу тебя, стоящей на холме в отдалении. В одном из последних снов видел как бы занесённую снегом холмистую долину и идущую по ней колонну войск. В конце сна помню человека с тёмной бородой, который учил меня петь песнь. Интересно отметить, что проснулся я, напевая слова совершенно незнакомой песни. Не знаю, относится ли это к действительному походу или только символическое отражение состояния духа. Так хотелось бы испытать себя на деле.

Постараюсь изложить события своего пребывания здесь по порядку:

1. О лекциях я уже писал. Feakins был необычайно медлителен, так что вместо 30 обещанных лекций, я имел только 16, хотя успех был большой. На своей последней лекции в Philadelphia имел audience в 1000 человек. Прилагаю заметки в местной газете. К сожалению, при подписании contract'a не условились о плате за разъезды. Вопреки существующим правилам турне, мне приходится всё платить самому. В результате терплю убыток. О подробностях расскажу лично.

2. Книга моя сейчас в Yale University Press Ввиду размера книги (около 600 стр.) Yale Press старается получить сумму на издание книги от Университета. Если всё пройдёт благополучно, надеюсь выпустить её в августе.

3. Сейчас работаю над финансовой campaign для Института в размере \$100.000. Завтра решающий день. Nettie изложит тебе подробности campaign. Всеми силами стараюсь двинуть Институт. Интерес большой, но деньги туго даются. Была указана Philadelphia, и действительно этот город необычайно отозвался. Кроме четырёх лекций в городе (небывалое число для одного города) я приобрёл много друзей, которых часто посещаю. Все они милые люди и трогательно стараются услужить. Хотелось бы спросить твоё мнение о них всех. Быть может, некоторые были тебе указаны. Вот краткий список имён некоторых из них: Mrs. Thayer, McCall, Alfred Collins, Helen Glenn, Mr. White, Appleton, Wheeler. Из них Mrs. Thayer была указана, и действительно деятельно помогает. Я уже писал тебе, что Archaeological Institute заключил с нами договор о производстве раскопок. Через своих друзей надеюсь достигнуть результатов, ибо здесь «social contact» единственная возможность успешной работы. Nettie расскажет тебе о созданных связях, а также о прекрасной работе и помощи моего старого друга Robert Pell'a. Итак, бьёмся на всех направлениях.

Мечтаю вернуться в Кулу и немного отдохнуть от напряжённой работы. Пасик чувствует себя хорошо, и мы старательно его оберегаем. Светка действует, и вообще живём мирно.

Шлю сердечный мой привет Ояне, Влад[имиру] Ан[атольевичу], Людмиле и Рае. Буду рад всех снова увидеть.

Посылаем с Nettie ряд вещей, остальные привезём сами. Выезжаем 4 апреля и 2 мая покидаем Италию на Бомбей. Придётся остановиться в Лондоне для налаживания обстоятельств.

Итак, до скорого свидания.

Крепко обнимаю,

Твой сын Ю. Р.

Рады за возможности Nettie. Так важно осознать размер работы и что каждое расширение есть не лишнее бремя, а новая ступень развития.

Ю.Н. Перих. Письма, т. 1. М. 2002.

Н.К. Перих

СОКРОВИЩЕ ДОМА

Обращение к Конвенции библиотекарей в Нью-Йорке, 1930

Каждый библиотекарь является другом и художника и учёного. Библиотекарь - первый вестник Красоты и Знания. Ведь это он открывает Врата и из мёртвых полок добывает сокровенное слово для просвещения ищущего духа. Никакие каталоги, никакие описания не заменят библиотекаря. Любящее слово и опытная рука производят истинное чудо просвещения. Мы настаиваем, что Красота и Знание являются основами всей культуры и именно они меняют всю историю человечества. Это не мечтание. Мы можем проследить это от первых страниц истории. Несомненные факты говорят нам, как от первобытных времён весь прогресс, всё счастье, всё просвещение человечества слагалось красотой и знанием.

Мы говорим это в то время, когда миллионы книг печатаются и ежегодно фонтаны печатных страниц замерзают, подобно снежным горам. В этом лабиринте бумажных ледников снежная слепота может поразить неопытного путника. Но зорек библиотекарь, как истинный хранитель Знания. Он знает, как провести ладью искателя через волны безбрежного печатного океана.

Библиотека существует не только, чтобы распространять знание. Каждая библиотека сущностью своею поощряет приносить знание и в дом. Возможно ли представить себе просвещённый дом и очаг без книг? Если вы возьмёте даже очень древние изображения внутренности дома, вы найдёте в них и произведения искусства и книги. Вы заметите, что эти старинные книги защищены прекрасными переплётами и представляли из себя истинное сокровище. Это было не потому, что библиотеки тогда не существовали. Книгохранилища существовали во все века, со времени рукописного знака. Но дух человеческий всегда чувствовал, что знание может быть приобретено не только в общественных местах, но закрепление знания происходит именно в тишине дома. Часто мы носим с собою наиболее священное Изображение и книги. Они являются нашими бессменными друзьями и водителями. Мы отлично знаем, что истинная книга не может быть прочтена лишь однажды. Как магические знаки, истина и красота книги впитываются постепенно. И мы не знаем ни дня,

ни часа, когда мы бы не нуждались в Завете Знания. И мы проверяем рост сознания нашего на этих верных друзьях. Итак, книгохранилище - это первые врата просвещения. Но истинное восхождение знания совершается в часы молчания, в одиночестве, когда мы можем сосредоточить всю нашу познавательную сущность на истинном значении писаний.

Книги являются истинными друзьями человечества. Каждое мыслящее существо обязано иметь эти благородные ценности. На Востоке, на этом мудром Востоке, книга является наиболее ценным даром и тот, кто дарит книгу, является благородным человеком. В течение пяти лет путешествия по Азии мы видели многие книгохранилища в монастырях, в каждом храме, в каждой разрушенной китайской дозорной башне. Всюду, и явно и тайно, хранятся сокровища замечательных Учений, жизнеописаний, научных трактатов и словарей. Князю Ярославу Мудрому, тому, который украсил Киев прекрасными памятниками романского стиля, приписывают слова о книгах: "Книги суть реки, наполняющие благодатью всю Вселенную". И теперь, когда в пустыне или в горах вы видите одинокого путника, часто в его заплечном мешке найдётся и книга. Вы можете отнять у него остальное имущество, но за книгу он будет сражаться, ибо он считает её истинным сокровищем. Итак, приветствую вас как хранителей истинных сокровищ. Будем собирать и беречь их как благороднейший знак нашего дома.

Нью-Йорк. 1930 г.

Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.

18 февраля 1930 г. Нью-Йорк
Из дневника З.Г. Фосдик:

18.II.30. Н.К. говорит, что облигации продать невозможно, разве, заработав деньги с аукциона, нам самим их купить. Возмутительно, что когда Н.К. выразил желание смотреть костюмы для "Sacre du Printemps" ["Весны Священной"], ему ответили, что их видели миссис Рис, мистер Мэкан и поэтому ему их видеть не нужно. Он жалеет, что писал костюмы и декорации для "Sacre du Printemps"! <...>

20 февраля 1930 г. Нью-Йорк
Из дневника З.Г. Фосдик:

20.II.30 Н.К. говорит: какой-то трудный день. Н.К. и Юрий пошли в Британское консульство, там вопросы: почему вы едете в Кулу и когда? Потом они вызывали Луиса - те же вопросы. Будут делать пакости. Днём работала без конца. Луис говорил, что продал несколько облигаций по 65. Также получил чек в 7500 в уплату долга в 55 000 от American Bond. Увидим, будут ли они выплачивать. <...> Узнали, что в день нашего аукциона днём будет [другой] важный аукцион. Говорили о кампании, надо работать и увидеть, что эти люди сделают за пять недель, иначе мы не будем продолжать, лишь заплатим им 3000 \$. <...>

20 февраля 1930 г. Нью-Йорк
Из дневника З.Г. Фосдик:

27.II.30 Н.К. получил от Бора письмо ко всем консулам при проезде за границы. Сегодня советовал Логв[ану] в каталоге не выставлять некоторые картины, был удивлён, что некоторые выставили для аукциона. <...> Немного

беседовала с Н.К. о бюджете будущего года: советовал платить за электричество и телефон в конце года, также аренду - сообразно с доходом. <...>

Говорили о выпуске к десятилетию Школы юбилейной книги (к 1931-му году), собирая подписку в 2 \$ с учеников. Н.К. идея эта нравится. Вечером была на заседании сибирской группы с Юрием и Нуцей. Говорение, работали над уставом.

Вечером поздно пили у нас валериан. Решили на понедельник пригласить Германову к нам на "валериановый вечер". Сегодня она была у Н.К., а потом зашла ко мне. Чудесная душа, я её очень люблю. <...>

Н.К. очень был недоволен тем, что печатник, заказанный нашим бывшим глупым бухгалтером, переменял шрифт. Решил, чтоб мы всегда держались одной формы и шрифта. Днём поехали на "Валькирию". <...> Н.К. говорил, что всё же люди, и, услышав эту дивную музыку, приходят домой и *[продолжают]* делать то же самое. Вечером я и Нуця с Н.К. поехали к доктору Кеттнеру на собрание его группы. Очень понравились Н.К. 30 человек, больше из рабочих, кто из Бруклина, кто из Кони Айленд, молодые, вопросы задавали прекрасные, обдуманые, видно, изучают Агни-Йогу. Ничего глупого не спросили. И не сравнить с группой Моора - те прямо тупые. Н.К. говорил нам, как это прекрасно, что существует такая группа, которая стремится к свету, и чтоб мы её посещали и к нам приглашали. Н.К. замечательно отвечал на их вопросы. Сказал, чтоб не получить стрелы врага, чтоб его стрелы нас не ранили, *[нужно]* подойти к нему вплотную, то есть хорошо изучить врага и принимать его с улыбкой. На вопрос, как соединить каждодневную работу и духовное устремление, Н.К. ответил, что даже пол можно мыть красиво, то есть радостно, с песней, с восторгом. Говоря о единении группы и работе вместе, он сказал, что две руки лучше одной, шесть ещё лучше, а шестьдесят рук - отлично, ибо можно больше сделать. Говорил, что центр чаши накапливает весь опыт и очень ценен для чувствования. Просто принять психическую, или огненную, энергию, ввести её в жизнь, подумать над странными болезнями, эпидемиями и раком и вспомнить, что к сороковым годам огонь усилится, если мы его не осознаем в нас. Думать не о себе на этой маленькой Земле, но соединиться со всей Вселенной, тогда чувство собственности, эгоизм, мысль о себе исчезнут. Чувство любви тогда чисто, когда, забывая о себе, думаешь о принесении блага другим. И ещё важно - держать в мыслях Лик Учителя, отчётливо, сильно, со всеми деталями - этим соединяешь Его сознание со своим.

28 февраля 1930 г. Нью-Йорк

Из дневника З.Г. Фосдик:

28.II.30 Н.К. видел днём Германову, потом направил её ко мне, он её очень одобряет - хорошая душа. Приходил ко мне Москов, его друг, американский адвокат, хочет купить картину Н.К. Я при Н.К. и говорила с ним, причём Н.К. узнавал, какую сумму он собирался на это затратить, а потом можно и решить. Также советовал насчёт "Весны Священной", которая им теперь написана.

Затем днём Юрик читал памфлет "Урусвати" Н.К. и мне. Я внесла поправки о включении имени Е.И. и Н.К. как основателей, ибо их имена не были упомянуты. Вечером была лекция доктора Кескара - прекрасная - "Послание из Гималаев". Я шепнула Н.К., чтобы просить Стокса ещё две лекции доктора Кескара для Общества. Н.К. понравилась эта идея, и я её *[вы]*сказала Стоксу от

имени Н.К. Он был очень тронут и тут же объявил её. Стокс вообще, видно, всё устраивает для доктора Кескара. Он и его жена полезные люди. Вечером Н.К. был у нас, говорил, что Светик вернул ему 5000 \$, а также, что Светик говорил Логвану, что Музей не должен поддерживать "Урусвати". Н.К. ходит с самым тяжёлым настроением. <...> Н.К. настаивает, что если что-то происходит в классах - отопление, порча, - писать письмо менеджеру Дома, ибо есть доказательство. Вспомнил Боткина, который говорил в таких случаях, когда ему подавали письмо: "А зачем же писать было, могли и на словах сказать!" - "А я это для памяти", - отвечал Н.К. Затем обсуждали с Н.К. устав сибирской группы, и он дал ряд полезных советов. <...>

28 февраля 1930 г. Нью-Йорк
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

28 февраля 1930 г. New York
Лично

Родная моя Мамочка,

Грустно мне было читать, что письма мои являются лаконическими, но так уж сложились обстоятельства. О многом могу говорить только устно, и я надеюсь, что письмо, которое тебе передаст Nettie, осветит тебе положение. Теперь как-то особенно трудно говорить о себе, так велик натиск кругом. Часто пытаюсь описать, вернее, дать самому себе отчёт о происходящем внутри себя. Но каждый раз рву написанное, ибо написанное слово звучит как-то чуждо, и расстояние меняет оттенок выражения. Поэтому старался излагать только факты. Суммируя переживания за последний год, констатирую особую напряжённость, а также ожидание чего-то большего, как бы надвигающегося шквала. Трудно сказать, есть ли это сознание наступающих событий, или это порождение волнуемого духа. Самоочевидно, что об этом состоянии не приходится говорить, ибо как-то ясно, что столь обособленно от людей близких. Знаю, что всё написанное чрезвычайно туманно, но, повторяю, не умею анализировать самого себя. А именно в этом анализе нужна особая честность.

Надеюсь, что временное возгорание центров уже прошло. Вижу, как сугубо нужно быть осторожным.

Внешняя работа продолжается весьма интенсивно. Финансовый «drive», который сейчас начинается, занимает много времени, и я редко имею свободный вечер для своих занятий или писаний писем. Хотелось бы в Кулу иметь хотя бы два месяца свободных, чтобы подогнать свои занятия. В апреле выходит моя статья в «Revue des Arts Asiatiques». Перевод мой «Жизнеописания Цзонкапы» пропал в Библиотеке Музея.

Вопрос с книгой моей ещё выясняется. Быть может, придётся печатать в Лондоне, где интерес значительнее. Только что провёл два дня в Вашингтоне. State Department послал дополнительные телеграммы в Индию и Лондон. Обещают успех в registration.

Шлю сердечный привет Ояне, Влад[имиру] Ан[атольевичу], Людмиле и Рае.

Крепко обнимаю,

Ю. Р.

Архив Музея Рерихов, Москва.

МАРТ

Весна 1930 г. Нью-Йорк – Лондон – Париж – Пондишери (Индия)

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

«...Наш эпизод, длившийся без малого год, становится лишь одним из показателей современной «цивилизации», быстро утрачивающей всякую человечность»...

ПРОПУСК

Дело с визами причинило нам не только бесчисленные хлопоты, но, больше того, оно нанесло неизгладимый вред для наших просветительных учреждений. Всё визное дело и само начало его было несказанно безобразно. Весною 1930 года мы возвращались из Нью-Йорка в Индию, где в то время была Е.И. Обратились к британскому консулу в Нью-Йорке, он как-то странно замялся и предложил нам, раз мы едем через Европу, взять визу в Лондоне. Мы последовали консульскому совету, но когда прибыли в Лондон, то нам в Министерстве Иностранных Дел сказали, что виза нам вообще не будет выдана. Тут-то и началось памятное визное дело. Семнадцать государств хлопотали о выдаче нам визы. Необоснованный отказ вызывал всеобщее справедливое возмущение. Один дипломат передавал, что на обеде в Букингемском дворце старшина дипломатического корпуса воскликнул: «Всё-таки это дело более чем странно!», и все поняли, что имелось в виду наше визное дело. Кроме иностранных правительств и лучшие английские представители много раз посетили улицу Даунинг с самыми сильными заявлениями. Так, в одно время там побывали герцог Соммерсетский, кардинал Бурн и архиепископ Кентерберийский, лейборист Тревельян... Писали Гордон Боттомлей и Гальсворти... Хагберг Райт, директор Лондонской библиотеки, написал своему правительству чрезвычайно сильное письмо, заканчивая его словами, что он надеется, что «разум возьмёт верх». Масарик нам сообщал: «Джентльмены, мы наткнулись на Альбион». Дело о визе нашей так разрослось, что его возили по коридорам Министерства в тачке. Наконец я спросил определённо, когда будет выдана виза. Нам ответили, что она выдана не будет (опять-таки без всяких объяснений). Я спросил: «Это окончательно?» И господин в жёлтом жилете ответил, низко поклонившись: «Окончительно!» Тогда я сказал: «По счастью, в мире нет ничего окончательного».

Наш друг, французский посол Флорио, разразившийся целой нотой по поводу наших виз и имевший об этом целые длительные словопрения с британским правительством, посоветовал нам возвращаться в Париж, тем более, что Президент Думерг назначил нам аудиенцию. В Париже продолжалась эта война на ставку крепости нервов. Некоторые эпизоды её, несмотря на трагизм, были даже забавны. Так, когда шведский посол граф Эренсверг сделал своё представление по нашему делу, ему было сказано, чтобы он не беспокоился, так как и посильнее Швеции державы не имели успеха.

Ввиду болезни Е.И. наши французские друзья посоветовали нам ехать в Пондишери, откуда было всё же ближе до наших Гималаев. Перед нашим отплытием из Марселя мы дали телеграмму британскому министру Гендерсону

о нашем отъезде в Пондишери, на что он телеграфировал нам, что это «принято во внимание». Кроме французской визы во все пять французских владений в Индии мы запаслись ещё португальской визой в Гоа и в португальское селение около Бомбея. Британский консул в Пондишери был чрезвычайно встревожен нашим приездом, тем более, что по местному обычаю приезжие в Пондишери имели возможность посещать и Мадрас. Британский консул озабоченно спрашивал нас, что мы будем делать, если виза всё же не будет выдана. Мы сказали, что приобретём имение в Пондишери, а затем будем ездить во французский Чандранагор (в 20 милях от Калькутты), в Гоа, в Каракал и в другие места, согласно нашим визам. Наши сожители по гостинице в Пондишери уверяли, что на деньги, потраченные на одни телеграммы, можно выстроить целый большой дом.

Визное дело началось необъяснимо безобразно, но и также необъяснимо вдруг закончилось. После месяца пребывания в знойном Пондишери мы в одно прекрасное утро на площади увидели чапраси (служащего) британского консула, бегущего к нам, махая какой-то бумагой. Оказывается, виза от вице-короля. В последнее свидание с нами британский консул удивлённо спрашивал: «В конце концов, скажите, что всё это значит?» Мы отвечали: «Если даже вы не знаете, то, как же нам знать?» Некоторые злые языки поговаривали, что всё то дело устроено нами же для рекламы, настолько непонятен был этот нелепейший эпизод от начала до конца. Но кто возместит потраченное время и огромные расходы, вызванные всеми этими перипетиями? Когда смотрю на толстенную папку нашего визного дела, то даже невероятно бывает вспомнить все вреднейшие человеческие попытки пресечь культурную работу. Но с тех пор в мире произошло столько всяких злостных ухищрений, что наш эпизод, длившийся без малого год, становится лишь одним из показателей современной «цивилизации», быстро утрачивающей всякую человечность.

30 Октября 1939 г.

Рерих Н.К. Листы дневника. М.: МЦР, 1995. Т.2

Весна 1930 г. Нью-Йорк
Н.К. Рерих

ТВОРЯЩАЯ МЫСЛЬ

Обращение к студентам Ховарда Джайльса

Когда я вхожу в мастерскую во время работы и вижу, как мой друг Джайльс вдохновляет учеников, я всегда радуюсь в сердце своём. Знаю, что ученики получают настоящий совет. Они слышат об основных законах, которые в глубине всего Бытия. Я чувствую присутствие мысли творящей. А там, где явлена мысль творящая, там нет страха за будущее. Говоря о мыслях творящих, я не имею в виду тенденцию, описательную историю, сухой сюжет. Я представляю себе великолепный творческий синтез. Эволюция наша неизбежно приближается к благословенному синтезу. Имею в виду неограниченную творческую мысль, которая в прекрасных формах и красках творит крылья человечества. Эта творящая мысль, украшенная всеми основами, всеми красотоми созидательных законов, ведёт человечество ввысь, приготовляет его к принятию эволюции, и от меньшего сердца до сердца государства и ча-

сти Света устанавливает великое понятие Прекрасного, которое в существе своём свойственно всем векам и народам.

Из этого чувства Прекрасного рождается и благородство духа, постоянное творчество, героизм и подвиг. Из того же источника истекает и оптимизм, так необходимый, ибо каждое отрицание не творяще.

Всё человечество разделено на "да" и "нет". Мы же пребудем всегда с теми, в природе которых звенит открытое светлое "да". Берегитесь утверждать "Я" и "нет".

Поистине, каждый свидетельствует о себе. В тайных мыслях он оформляет будущее действие. Лжец боится быть обманутым. Предатель в сердце своём особенно страшится измены. Невер в сердце своём трепещет от сомнения. Героическое сердце не знает страха. Да, мысль управляет миром. Прекрасно сознавать, что, прежде всего, мы ответственны за наши мысли.

Часто мы твердим слово "мысль". Мы лепечем его во время обедов и ужинов. Мы не скупимся на него в припадке подозрения и злобы. Мы механически бормочем это слово даже тогда, когда мы не имеем в себе определённой мысли. Если бы мы могли осознать, что повторяя это священное слово, мы произносим формулу величайшей мощи! Но редко мы признаём динамическую силу мысли; так же редко мы можем обуздывать её и направлять по правильным руслам. Малые и отвратительные мысли часто летают в нашей ауре, как ядовитые насекомые. Если бы мы могли снять фотографии наших аур (и такие снимки были уже сделаны), - мы могли бы заметить, что излучения наши наполнены чёрными и серыми пятнами. Ведь эти пятна не что иное, как пятна невежества и взращённой им тьмы.

Если бы только мы могли сознавать непобедимую мощь устремленной, благостной мысли! Если бы могли начать исследовать условия, которые могут укреплять в нас подобные мысли, мы могли бы тогда постепенно стеречь эти физические отложения тьмы. На одной фотографии два неожиданных луча света блеснули из плеч. Было проверено, что именно особенное случилось в этот момент? И было найдено, что именно в это время зародилась прекрасная, бескорыстная мысль. Мысль была бескорытна и творяща, и она немедленно отразилась в виде прекрасных лучей Света. Кто знает, может быть, скоро мы будем иметь снимки соискателей на выборах на государственные должности и будем, вместо измышленных письменных свидетельств, иметь истинный неоспоримый сертификат. Тогда мы будем иметь перед собою лишь факты и, познавая, что существует лишь Единый Свет, мы научимся и следовать за этим Светом.

Жизнь не в состоянии будет разочаровать нас, ибо мы увидим, что восход един и едино позорное низвержение. Всё подвижно. Обратите внимание на условие восхождения; по основному закону каждое восхождение соединяется с творческим состоянием ума. История показывает, что ни один человек, имевший творческий ум, не был забыт.

Я не говорю о каком-либо ограниченном проявлении мысли, как на полотне или в камне, или в других материалах, но я имею в виду всё Прекрасное, это значит выражение Прекрасного во всей жизни. Иногда это выражение закреплено на холсте или на другом материале, но очень часто оно выявлено в мысли. Этими благородными мыслями мы украшаем пространство и соединяем дальние миры, ибо для мысли нет ни пространства, ни времени. Указывается, что человек, насыщенный мыслью, даже разнится в весе. Может быть до-

казано, что в момент сильнейшей, творящей мысли человек становится легче. Святая Тереза и Святой Иоанн Креста, и Святой Франциск возносились на воздух. Это не есть необъяснимое чудо. Может быть, и из вас кто-нибудь видел опыты, когда, благодаря силе мысли, отмечалась потеря веса и даже левитация. Таков физический, творящий закон. Так мы видим, что приближаясь к этим созидательным законам, мы ближе подходим и к основным законам Вечности. Понятно, если вас наполнила высшая форма мысли, то вы вступаете в сотрудничество с Высшим Сознанием. Разве не чудесно иметь в вашем сознании прекрасную мысль, что вы сотрудничаете с Прекрасным, с Высшим? В этом сознании ваша мощь, ибо в час непосредственного приближения к Высшему вы создаёте что-то достойное эволюции, для будущих жизней. Вечен Зов устремляться к этому достижению. В этом Зове выражен закон Прекрасного!

Никто не может принуждать вас к одному определённом выражению в искусстве. Вы не можете творить без вашего внутреннего осознания формы синтеза. Ведь всё имеет назначение и достижение. Но помните только одно, что это назначение должно быть прекрасно.

Часто мы слышим жалобы на неразрешимые проблемы жизни, - семейные, домашние, общественные и государственные. Если вы наполните вашу жизнь и жизнь ваших ближайших драгоценным чувством прекрасного так, что всё безобразное должно будет скрыться, этим вы создадите постоянную жизнь в энтузиазме Прекрасного. Это суждено всем, не только каким-то избранным; мы можем сказать, что даже тюрьмы должны быть прекрасны, тогда мы не будем иметь более тюрем! Конечно, мы предполагаем не только физические тюрьмы, но и темницы духа. В этих мыслях мы можем мечтать о совместной созидательной жизни.

Когда говорят о прикладном искусстве, часто употребляется отвратительное слово "коммерческое искусство". Это отвратительное выражение должно быть изъято. Что же, в сущности, искусство, как не выражение Прекрасного? Вы можете иметь нечто прекрасное или безобразное. Если вы имеете перед собою предмет обихода, сделанный Бенвенуто Челлини, ведь это будет творение великого искусства. Во всех проявлениях искусства мы должны руководиться только одним основанием - Прекрасным! И мы должны помнить, как применять искусство в нашей каждодневной жизни. Даже полы могут быть вымыты прекрасно. Ибо нет ничтожного искусства в том, что истинно. Постоянно повторяя, как заклинание, - прекрасное, прекрасное, прекрасное, вы становитесь уже творящим в существе своём. Безобразные отрицания есть символ невежества, и подобное невежество также должно быть изъято. Не убоимся постоянно иметь перед собою эту великую мысль.

Новичок постоянно смущается, как ему творить? Он предполагает сначала: я изучу только законы, потом познаю краски, а там когда-то в будущем начну творить. Но ведь каждый должен творить изначально. В раннем детстве дети должны быть научены именно творчеству. Изучающий искусство должен знать вечный закон созидательный для вечной мысли. Пусть законы наполнят ум, а не только изоцрят руки. Итак, предлагая, чтобы вы изучали основные законы, мы только желаем помочь вам, ибо верим, что вы прирождённые художники и уже понимаете значение творческой мысли.

Так часто мы не умеем обращать внимание на подробности нашей жизни. Поставьте перед собою простейший предмет, внимательно рассмотрите его, а затем закройте глаза и постарайтесь представить себе его. Скажите искренно,

насколько ярко и ясно останется в вас этот отпечаток? Обычно люди не помнят ни определённого цвета, ни точной линии. Таким образом, нужно повторять этот простой эксперимент каждый день. Если вы имеете несколько минут, поставьте перед собою что-нибудь простое, но цветное, и попробуйте перенести этот отпечаток в ваш, так называемый, третий глаз. В этом нет ничего сверхъестественного и, сосредоточивая внимание, вы постепенно заметите, как отпечаток становится ярким и точным.

Каждый слышал о графе Сен-Жермене, который предупреждал Францию перед революцией. Читали ли его биографию? Указывается как исторический факт, что он мог вести три разговора и писать обеими руками одновременно два разных письма. Но ведь даже в этом нет ничего сверхъестественного. Это лишь доказывает, что его сознание было необычайно развито и утончено. Каждый пианист действует обеими руками различно и в то же время он может вести разговор. Так приучаясь устремлять сознание на определённые предметы, вы можете производить так называемое "чудо". Но кто-нибудь скажет вам, что это невозможно. Тогда скажите ему о чуде пианиста, а может быть, улавливающего и второй разговор во время игры. Поистине, многие проявления, возмущённые как феномены, как нечто сверхъестественное, в сущности, очень просты и жизненны, и они могут и должны быть выявляемы. Когда мы научимся направлять наше сознание, в то же время и ум наш сумеет сосредоточиться на определённом. Человечество спешно готовится для эволюции, и ближайшею обязанностью его является мыслить об этой грядущей эволюции, мыслить о будущих поколениях. Вы ответственны за будущее поколение и неизбежна для вас ответственность эта. Мы можем получить великое счастье посредством прекрасной мысли.

Когда в следующий раз мы встретимся, пусть каждый из нас расскажет мне что-либо необычное из своей жизни. Пусть каждый обдумает свою жизнь, и я уверен, что если он обернётся на жизнь свою честно и искренно, то каждый из нас найдёт нечто необычное. Недавно, обращаясь к группе театральной молодёжи, я тоже спросил их о необычном в их жизни. Прежде всего, они ответили, что с ними ничего необычного не случилось, ибо жизнь их протекает в печальной обычности. Они сказали мне, что, конечно, у меня во время горных путешествий, наверно, были прекрасные необычности, но что же необычного могло случиться с ними в суматохе города? Но я настаивал, давая им время подумать и убеждая, что каждый человек вспомнит что-то и прекрасное и необычное. Затем, после момента стыдливого молчания, одна из присутствующих сказала, что в минуту смерти её тётки они слышали странный колокольчик и некоторые из присутствующих видели словно облачко, прошедшее над их головами. Лёд был сломан, не прошло получаса, как и все остальные припомнили самые замечательные случаи, все вдохновились и повеселели, а через три недели каждый участник этой группы стремился рассказать мне интереснейшие и замечательные факты их жизни. Значит, нам нужно только заглянуть внутрь себя честно и непосредственно, чтобы заметить множество прекраснейших наблюдений. Каждый стремится быть честным, но редко факты сообщаются без личной окраски, это случается даже и с учёными, которые, казалось бы, должны уметь обращаться с фактом как с таковым. Мало кто умеет усматривать факт вне предрассудков и без суеверий. Если кто-либо начинает видеть чудесные цвета, звёзды и искры, ему говорят, что он должен начать носить очки и, таким образом, механическое стекло должно прекра-

тить свет незримый. Но мы должны, наконец, научиться оценивать явление непосредственно!

Часто люди жалуются на своих родственников, губящих их жизнь. Но если сознание их будет расти, они поймут, что их родственники и друзья всё же существа человеческие, и они попытаются открыть их сердца. Иногда это очень легко, но часто это трудно. Если же ключ ваш не действует, будьте уверены, что он ещё недостаточно прекрасен. Ведь каждый человек имеет сердце. И каждое сердце есть всё же сердце. Итак, если вы не в состоянии открыть это затвердевшее сердце, то верно наш ключ не годится для этого ларца. И, конечно, мы должны найти для него нужную формулу. Часто слышим, что в некоторых домах искусство вообще не может быть введено. Слышим от обитателей этих тёмных домов, что всё прекрасное не нужно. В этих случаях как вы можете показать им, что именно прекрасное имеет огромную ценность?

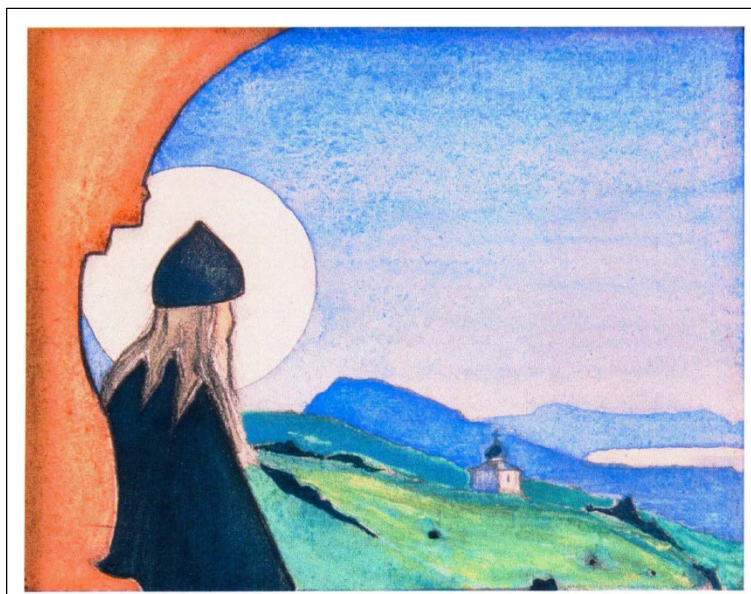
Во время восстаний и революций, когда собственность и деньги были уничтожены, именно предметы искусства оставались единственными ценами, и даже целая страна могла временно существовать благодаря сокровищам искусства. Помните это, и в нужный час скажите вашим окаменелым друзьям, что единственная ценность, возрастающая даже во время войны и революции, в конце концов, будет предметом искусства. Попросите вашего друга назвать вам точно цену акций, он затруднится это сделать, и недавние потрясения, как нельзя более, подтвердили это. Все видели стремительное низвержение бумажных ценностей. Пусть каждый получает доказательство по мозгам своим. Даже окаменелые друзья вспомнят, как на их же глазах предмет, считавшийся ничтожным, вдруг получал огромную цену и, наоборот, непоколебимые ценности, с точки зрения обыденности, оказались грудой бумажного сора. За время революций мы не однажды видели, как банкиры и финансовые деятели оказывались сметёнными, тогда как выживали именно художники и собиратели искусства. Сама жизнь показывает, что всё связанное с творчеством выживает; живут научные открытия и неистребимо живёт мысль. Итак, научимся направлять все наши мысли к Прекрасному.

Надеюсь через год увидеть вас опять, уже далеко подвинувшимися на творческой лестнице. Надеюсь почувствовать на работах ваших отображение осознания Прекрасного. Останусь уверенным, что вы неустанно будете расти и творить.

Во всех сказках мы слышим о закрытых вратах, о скрытых Сокровищах, которые могут быть открыты лишь чудесным, сужденным ключом. В нас самих гнев и раздражение собирают и отлагают вреднейший яд и, чтобы очистить сердце своё, мы должны признать и гнев, и раздражение разрушительными и непрактичными. Так же образуется и рак, и многие другие бичи человечества, неся за собою непоправимое разложение. Но знаем, что подобные бедствия излечиваются психической энергией. Для этого, прежде всего, научитесь изгнать все ядовитые мысли, научитесь осветлить и устремить вверх сознание ваше, тогда вы научитесь творить для будущего человечества и, проснувшись, в радости увидите в руках ваших чудесный ключ от Врат Сокровенных.

Нью-Йорк. 1930 г.

Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.

Н.К. Рерих. Земля славянская. Эскиз. [1930]

7 марта 1930 г. Нью-Йорк
Н.К. Рерих

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ

*Слово Н.К. Рериха, произнесённое им в Нью-Йорке
после лекции Г.Д. Гребенщикова о Св. Сергии*

Передо мною встают два воспоминания, воскрешающие имя Преподобного Сергия. Одно уже давнишнее, а другое - всего три года тому назад. Одно относится к покойному проф. Ключевскому. На Москве¹, в очень просвещённом доме, просили Ключевского прочесть лекцию о просвещении. К радости многих и изумлению некоторых Ключевский начал читать о Преподобном Сергии. Он создал облик истинного подвижника и предпослал своей лекции очень простую мысль: «Мы, историки, должны быть очень честны. Мы должны уметь подходить к фактам без всякой предубеждённости, так, как они есть». И вот, во имя непредубеждённости, он обрисовал необыкновенного, неустанного труда облик Преподобного, так близкий всем, такой просветлённый, близкий всему будущему. Ключевский закончил свою лекцию о Преподобном Сергии словами: «Он знал лучше других».

Другое воспоминание относится к нашей экспедиции, когда мы в 1926 году проходили алтайские села, на север и на юг от Белухи и китайский Алтай. Всюду разбросаны старообрядческие сёла, очень древние, в которых и по сей час сохранилась самая необыкновенная жизнь. Я представляю себе избу, в которой мы остановились. На стене написана красной краской большая чаша. Писала её тетка Алёна. Тут она одна занимается в селе живописным рукоделием. Она и целебными травами лечит в деревне. Она знает, что такое на стене.

- Чашу кто написал?

¹ Москва-река (ред.)

- Да ведь ты знаешь, я одна занимаюсь. Да, известно, чаша самая лучшая. На той же стене виден пожелтый квадрат от висевшей иконы.
- А где же икона?

- А угодник под спудом.

- А когда он выйдет?

- Вовремя.

И приносит нам она несколько старинных икон. Стараюсь разобрать. На одной из них уже стёртое временем изображение.

- А это кто?

- Как? Преподобного не узнал? Ведь это Сам.

- Да кто Сам?

- Да известно — кому русская земля поручена — Сергей.

- А когда же поручена русская земля?

- Изначала.

- Да на какое же время?

- А на всё будущее.

- А когда же оно наступит?

- А это Ему лучше знать.

Опять то же самое, когда на Москве говорил Ключевский: «Он лучше знал». И тёмной белухской тёткой Алёной говорилось -«А это Ему лучше знать»...

И вот в этом «знать» не заключается ли нечто необыкновенное, предугаданное, нечто необычайно убедительное. Преподобному приписывалось и сверху и снизу то же понятие «знать», знать тот свет, который суждён, к которому так или иначе человечество приходит и придёт.

И не удивительно ли, что здесь, собираясь для Сибирской группы, как бы во имя Сибири, мы вспоминаем Того и приходим опять неминуемо к Тому, кто лучше знал и кто лучше знает. Он связан с, таким огромным понятием и пониманием. Конечно, Он и в Сибири это своё знание воплотил необыкновенно. Почему о Нём знают? Потому, что Он «знает».

Ему приписывают величайшую мудрость знания.

Не будем удивляться, что Сибирская группа как бы будет связана с именем Преподобного Сергея - во имя великих знаний и великих возможностей, которые заложены в великих пространствах Сибири, во имя того Света, который ей сужден.

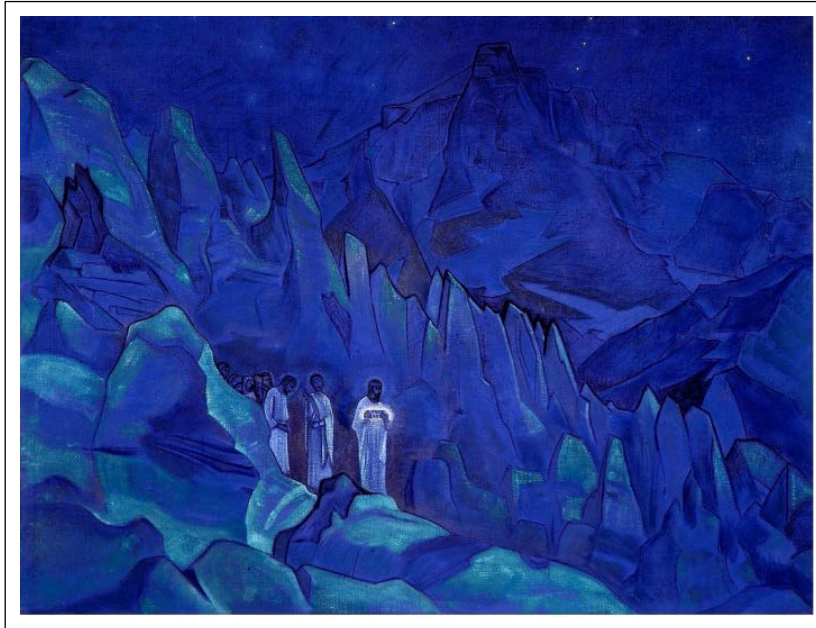
Та же Алёна рассказывала высокого значения предание, что Преподобный будто говорил: «А когда придёт время, то и сани без коней побегут».

В этом мелькает знание, непреодолимое тяготение к истинному Свету, и во имя этого истинного Света позвольте вас приветствовать и видеть в вас истинных друзей того же знания и того же Света.

7 марта 1930 г.

Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.

Март 1930 г. Нью-Йорк

Н.К. Рерих. Сжигание тьмы (Сожжение тьмы). 1924.

Н.К. Рерих

СОЖЖЕНИЕ ТЬМЫ

Привет Молодым

Итак, не устанем мы повторять, что в основе существования лежит творящая мысль. Жизненно осознаем глубокое значение ритма, как внутреннее динамо нашей работы. Будем помнить завет Света, что, прежде всего, самое важное для нас будет дух и творчество, затем идёт здоровье и лишь на третьем месте - богатство. Если же вползающая Тьма начнёт шептать нам сладким голоском: «Прежде всего, богатство, затем тело и здоровье, а как последнее - творчество и дух», тогда скажем мы: «Знаем тебя, переодевшийся гомункул! Опять ты вполз! Ты воспользовался незапертой дверью, покуда привратник ушёл на время обеда. Ты опять надеялся на человеческую слабость, на людское непостоянство и опять ты мечтал оживить семена предательства. Но как бы ты ни переодевался, мы распознаем тебя. Со своими материалистическими переоценками ценностей ты открыл себя и своё разлагающее влияние. Но будущая эволюция не построится на твоих основаниях, гомункул! Напрасно стараешься; твой маскарад тебе не поможет! Твёрдо мы знаем, что лишь ценности духа и творчества лежат в основе Бытия. Только эти ценности будут спасением человечества».

Зорко проникая в законы, ведущие человечество, мы всюду замечаем спасительные искры. Обратите внимание, гомункулы, как прототипы предательского Миме, мечтавшего уничтожить героя Зигфрида, всегда, так или иначе, выдают свои тайные умыслы. Вы, конечно, помните, как сладко успокаивал Миме настороженность Зигфрида. Как сладко шептал Миме: «Я и поил, я и кормил тебя». Он даже говорил Зигфриду о геройском подвиге, конечно, с

единственной целью, чтобы воспользоваться следствиями гигантского задания, когда Зигфрид погибнет от его предательства. Но по чудесному закону Миме начинает говорить не то, что хотел бы произнести, но то, что он думает. Истинно, устремляя внимание, вы всегда различите настоящие формулы гомункула, рано или поздно он произнесёт их в вашем присутствии. Обостряйте ваше внимание, а для этого простейшими способами научайтесь углублять ваше сосредоточение. Также будьте всегда подвижны, чтобы в нужное мгновение не оказаться затемнёнными какими-нибудь туманными, жалкими мыслями. Сказано, что преступник всегда бывает привлечён на место своего преступления и тем выдаёт себя. Также и гомункул выдаст себя, ибо всё, что стремится к разложению, будет позорно выявлено. Гомункул боится будущего так же точно, как некоторые люди становятся атеистами только для того, чтобы отогнать мысли о будущем.

Идея «Духа Ведущего», идея «Высокого Водительства» проходит через все века, ибо в ней заключён противовес Тьме гомункула. Начав с обращения к выявленному гомункулу, мы вспомним некоторые заветы великого Света, которые твёрдо и вечно ведут мятущееся человечество.

Вот, что заповедано Восточною Мудростью.

«При сооружении утверждённых начинаний нужно помнить, что построенное всегда идёт вверх. При построении (Именем Владыки) есть один лишь путь, который приводит к Творящему Источнику, путь мощной Иерархии; путь мощного Водительства Великого Служения. Потому прикосновение к творческому принципу устремляет дух к утверждённому закону Иерархии. Каждое строение требует осознания устремления вверх. Потому только закон послушания Иерархии может дать законное напряжение. Только так можно осознать путь, ведущий к мощной Беспредельности».

«Как же утвердиться в Учении? Как же приблизиться к высшему закону Иерархии? Только утончением мышления и расширением сознания. Как можно вместить Указ Свыше, если нет утверждения соответствия? Ведь нужно суметь принять ширь Учения. Ведь только соответствие может позволить наполнение сосуда. Потому явление широты достойно широкого сознания. На пути к Нам можно достигать только Иерархией».

«В религиях введены телодвижения и положения тела, способствующие нагнетению энергии и устремляющие к Высшему. У Нас, конечно, можно преуспеть без утомительных движений наполнением сердца. Кто преуспел этим путём, тот имеет преимущество, ибо не престанет источник сердца. Лик Владыки, введённый в сердце, не потускнеет и в любой час готов на помощь. Этот путь сердца самый древний, но нуждается в значительном расширении сознания. Нельзя говорить о сердце с первой беседы, иначе можно без цели перегрузить его. Также бесцельно говорить о любви, если сердце ещё не вместило Образ Владыки. Но приходит час, когда нужно указать на мощь сердца. Советую обратиться к сердцу не только потому, что Образ Владыки уже близок, но по космическим причинам. Легче переходить через пропасть, если крепка связь с Владыкою».

«Так нелегко быть без Владыки. Не устами только повторяйте Имя Владыки, но вращайте его в сердце, и не выйдет Он оттуда, как камень, вточенный горною водою в расселину. У Нас называется «Cog Reale», когда Царь Сердца входит в чертог сужденный. Нужно оборониться Владыкою!»

«Вездесущий огонь насыщает каждое жизненное проявление. Вездесущий огонь напрягает каждое действие. Вездесущий огонь устремляет каждое стремление, каждое начинание, потому как же не проникнуться ведущим огнём? Космическая мощь, которая заложена в каждом импульсе человека и творческой силе, направлена к сознательному созиданию. Как нужно бережно собирать эти тождественные энергии для созидания лучшего будущего! Ведь только сознательное отношение к овладению силою соизмеримости может явить творчество, достойное лучшей ступени. Потому каждый на пути к Нам должен устремиться к созиданию, сознательно направляя свои распознавания».

«Как важно сохранять огонь импульса! Без этого двигателя нельзя насыщать начинание лучшими возможностями. Силы, прилагаемые к началу, умножаются огнём импульса. Потому так необходимо устремление к умножению данных сил Первоисточника. Во всех построениях нужно соблюдать стройность и соизмеримость, потому для насыщения наших начинаний нужно соизмерять данное с приложенными мерами. Огонь и импульс поддерживают жизнь в каждом начинании. Без этого начинание теряет свою жизнённость. Так устремимся к утверждённому огню, данному Владыкою! Так можно достичь насыщения огненного».

«При посадке на корабль у путника украли кошель с золотом. Все возмутились, но пострадавший улыбнулся и твердил: «Кто знает?» Сделалась буря, и корабль погиб. Лишь один наш путник был выброшен на берег. Когда островитяне сочли его спасение чудом, он опять улыбнулся и сказал: «Просто я заплатил дорожке других за проезд». Не знаем, когда восходят зёрна хорошие и долго ли зреет жатва ядовитых мыслей. Нужно им то же время, чтобы созреть. Потому бойтесь ядовитых мыслей, ни одна из них не пропадёт без следа. Но где та страна, где тот час, когда назреет колос яда? Пусть он будет даже мал, но колюч, и не будет куска хлеба, который не раздирал бы горло».

«Можно ли не иметь жатвы посева своего? Пусть зерно будет доброе, иначе яд родит яд. Можно избежать многое, но хранилище мысли самое прочное. Мысль как высшая энергия неразтворима и может быть отлагаема. Явление опыта над растениями может показать силу мысли. Также может учёный брать с полки нужную книгу, если мысль напряжена».

Импульс огня даёт всему Космосу жизнь. Каждая творческая искра приводит в движение устремление духа. Как же не утвердить в каждом явлении огненный импульс, который питает все напряжения и насыщает каждое действие. Потому нужно растить чудесный импульс огня, который всему придаёт жизнь. Так насыщенный огонь может притянуть все соответственные энергии. В культуре мысли нужно, прежде всего, растить огненный импульс. Как творческий импульс собирает созвучия, так мысль притягивает соответствия - так берегите импульс огня».

«Как прекрасны искры духа, который являет огонь и устремление. Служение огненное принесёт человечеству столько знаков новой эволюции. Потому так жизненно вошла Агни-Йога и столько знаков перерождают и угрожают планете, только нужно принять всё посылаемое человечеству».

«Главная ошибка людей, что они почитают себя вне Сущего. Из этого истекает отсутствие сотрудничества. Невозможно объяснить стоящему вне, что он ответственен за происходящее внутри него. Явленный отец эгоизма посеял сомнение и самообольщение, чтоб отрезать провод с хранилищем Света. Никто

не хочет представить себе, что Свет есть следствие мысли, но множество населяющих межпланетные пространства подтвердят охотно мощь мысленного сотрудничества. Они знают сотрудничество и понимают ответственность. Можно внедрить себя в мировую мысль и тем явить себе крылья в небе и в основании на земле. Много ценных напоминаний о связи с дальними мирами разбросано!»

«Искра духа зажигает сердце, потому Наше Учение нуждается в распространении огнём сердца. Как можно зажечь факелы духа без огня сердца? Ведь только огонь поднимает творчество и насыщает каждое действие. Энергия, которая устремляет к жизненному импульсу, должна иметь явленный жизненный огонь. Так в этом законе заключены творческие силы».

Когда мы вспоминаем великие Заветы Восточной Мудрости, прекрасный пример из нашей современности встаёт перед нами. Подвижники Озарения, благословенный Рамакришна и огненный Вивекананда! Какой незабываемый пример благословенной Иерархии Учительства! Какой пример для молодёжи, как трогательно молился Рамакришна о приближении духа Вивекананды, и как мудро возвышенно нёс Вивекананда в жизни основы своего Гуру. Истинно, мы видим блестящее следствие принятой в духе Иерархии. В памятный день Рамакришны миллионы паломников объединяются в духе во имя его вдохновенной самоотверженной молитвой. Так же мощно растёт имя Вивекананды и нет такой грамотной страны, где бы эти великие имена не почитались вместе с Абхеданандой, Параманандой, Браманандой, Сараданандой и другими славными учениками Рамакришны.

Высоки были основы их Учений и мудро было применение в Жизни. Каждым прикосновением они выжигали часть Тьмы. И ничего не было разрушительного в их Учении. Светоносно звучит призыв Рамакришны и Вивекананды - «Не разрушай!» - Ибо благословенная Иерархия знает лишь положительное строительство.

Вдохновляюще знать, что мы имеем не только славные подвиги древних времён, но и в дни наших смятений перед нами также встают блестящие примеры.

Изучайте без предрассудков историю человечества, и вы увидите, что во всех своих одеяниях гомункул одинаково ненавидит Свет и, прежде всего, Иерархию Блага и Знания. Прикасаясь к этой Светоносной Иерархии, гомункул в смятении начинает вслух бормотать свои скрытые формулы. Но все, что произнесено, уже не опасно. Тонкая паутина Тьмы будет немедленно разрушена огнём пространства.

В служении великой Культуре мы не должны ограничивать себя одной стандартной программой. Каждый стандарт ведёт к тирании. Основное пламя Культуры будет едино, но искры его в жизни будут индивидуально и драгоценно многообразны. Как заботливый садовник, истинный носитель Культуры не будет вырывать те цветы, которые расцвели не со стороны главной дороги, если они принадлежат к тем ценным породам, которые он охраняет. Выявления Культуры так же многообразны, как бесчисленны разнообразия самой жизни. Они облагораживают Бытие. Они, как истинные ветви единого священного дерева, корни которого держат мир.

Если вас спросят, в какой стране вы хотели бы жить и о каком будущем государственном устройстве вы мечтаете? С достоинством вы можете ответить: «Мы хотели бы жить в стране великой Культуры». Страна великой Куль-

туры будет вашим благородным девизом: вы будете знать, что в этой стране будет мир, который бывает там, где почитаемы истинная Красота и Знание. Пусть все военные министры не сужаются, но им придётся уступить их первые места министрам Народного Просвещения. Несмотря на всех гомункулов, которые шпионят из своих щелей, вы будете выполнять ваши обязанности во имя великой Культуры. Вы будете укреплены сознанием, что только жалкие гомункулы будут врагами вашими. Ничего не может быть благороднее, нежели иметь врагом гомункула. Ничто не может быть чище и возвышеннее, нежели стремиться к будущей стране Великой Культуры.

Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.

12 марта 1930 г. Нью-Йорк

Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

Родная моя Мамочка!

Ещё три письма из Нью-Йорка, и мы уже будем плыть в Европу и в Индию. Трудно поверить, что уже через два месяца мы будем приближаться к Адену по пути к Бомбею. Надеюсь, что теперь ты чувствуешь себя лучше и бережешь себя, много отдыхаешь. Я переживаю очень лихорадочный период, потому что Кампания идёт полным ходом. Нетти расскажет тебе о подробностях поездки. Надеюсь, у нас будет успех, хотя результаты, возможно, будут достигнуты в последний момент. Завтра я поеду в Нью-Бедфорд с последней лекцией моего тура, а затем – в Бостон, чтобы повидать людей, связанных с нашей Кампанией. Прилагаю вырезку насчёт одной из моих лекций об экспедиции. Остальные вырезки привезу сам.

Мы часто говорим о Кулу, а Святослав получил сегодня посылку с кедровым маслом и другими медицинскими препаратами. Я посылаю тебе почтой немного семян для твоего огорода и цветника. Было трудно найти хорошие книги по садоводству. Многие из них очень специфичны и потому мало пригодны. Тем не менее, я привезу несколько книг о выращивании фруктов. Надеюсь, ты получила все книги, которые я тебе послал заказной почтой. Это письмо придет к тебе уже после приезда Нетти, и к тому времени ты уже будешь прекрасно осведомлена о нашей деятельности в прошлую зиму.

Не знаешь ли ты, продолжает ли капитан Банон искать хорошую сильную лошадь, о чём я его просил перед своим отъездом? Будущим летом нам, возможно, потребуется ещё одна дополнительная лошадь, чтобы заменить белую, которая, должно быть, теперь уже полный инвалид. Пожалуйста, передай от меня привет Нетти, Эстер, Влад[имиру] (который молчит много недель) и девочкам.

С большой любовью,

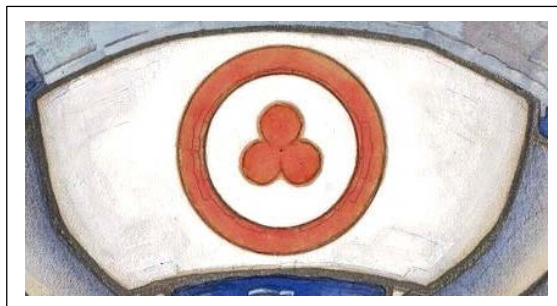
Твой преданный сын

Юрий Р.

Архив Музея Рерихов, Москва.

[24 марта] 1930 г. Нью-Йорк.

«Предложенное Знамя на белом фоне в круге три соединённые амарантовые Сферы как символ Вечности и Единения...»

Н.К. Рерих. Знамя Мира. 1931.
(фрагмент)

ЗНАМЯ МИРА

Многообразно устремляется человечество к Миру. Каждый в сердце своём сознаёт, что это созидательное действие пророчески выражает Новую Эру. Неуместно создаются суждения о предпочтении известному типу пуль и конвенции, определяющие, что ближе Мировому Единению – один или два броненосца с дальнобойными орудиями. Но представим себе даже и такие убийственные рассуждения, как примитивные ступени к тому же самому великому понятию Мира, которое когда-то обуздает воинственные инстинкты человечества духовными радостями созидания.

Но факт всё же остаётся, что пушки, хотя бы одного из избранных броненосцев, могут так же уничтожить величайшее сокровище искусства и науки, как и целый флот. Мы оплакивали библиотеку Лувена и незаменяемые красоты соборов Реймса и Ипра. Мы помним множество сокровищ частных собраний, погибших во время мировых смятений, но мы не хотим вписывать слова враждебности. Скажем просто – «Разрушено человеческим заблуждением и восстановлено человеческой надеждою». Но всё же пагубные заблуждения в той или иной форме могут быть повторены, и новые множества памятников человеческих подвигов могут опять быть разрушены.

Против этих заблуждений невежества мы должны принять немедленные меры. Даже в начале своём эти меры охранения дадут многие полезные следствия. Никто не будет отрицать, что флаг Красного Креста оказал неоценимые услуги и напомнил миру о человечности и сострадании. С этой целью проект Международного Мирного Договора, охраняющего все сокровища Искусства и Науки под международно признанным флагом, представлен нашим Музеем иностранным правительствам. По этому проекту, который был представлен Государственному Департаменту и Комитету Иностранных Сношений, должно быть воспрепятствовано повторение зверств последней войны, когда было разрушено такое множество соборов, музеев, книгохранилищ и прочих сокровищниц творений человеческого гения. Этот план предусматривает особый флаг, который будет почитаем, как международная нейтральная территория; это Знамя должно быть поднято над музеями, соборами, библиотеками, университетами и прочими культурными центрами. Мой план, представленный нашим Музеем, был обработан согласно кодексу Международного Права и По-

литических Наук Парижского Университета, лектором Института Международных Наук Г.Г. Шклявером, по совещании с профессором Альбертом Жоффри де ла Прадель, членом Гаагского Мирного Суда, вице-президентом Института Международного Права и членом Факультета Сорбонны. Оба состоят почётными советниками нашего Музея.

Первый параграф Пакта говорит: «Просветительное и художественное учреждение, художественные и научные Миссии, их персонал, собственность и собрания должны быть признаны нейтральными и как таковые должны быть охранены и уважаемы враждующими сторонами».

«Охрана и уважение означенных учреждений и миссий будет под суверенитетом договаривающихся Держав без различия подданства каждого указанного учреждения».

Когда идея международного Флага Культуры впервые была мною оповещена, мы несколько не были удивлены, что она была встречена всеобщим интересом и энтузиазмом. Опытные государственные деятели изумлялись, как нечто подобное не было сделано уже ранее. Когда мы просили наших почётных советников д-ра Шклявера и проф. Жоффри де ла Прадель² уложить этот проект в международные формулы, мы вскоре получили прекрасно оформленный Международный Договор, который сопровождался горячими общечеловеческими симпатиями.

Этот Международный Флаг Культуры для охраны Искусства и Науки никого не умаляет и не нарушает ничьих мирных интересов. Наоборот, он подымает мировое понимание эволюционных сокровищ. Он помогает ценностям грядущего творчества и в существе своём ведёт к великому понятию Прогресса и Мира. В этом понимании, в творческом стремлении, понятие Мира становится более реальным. Это Знамя, как Страж Мира, напомнит о необходимости каталогирования всех культурных сокровищ мира. Это совсем нетрудно и в некоторых странах уже почти завершено, но всё же остаётся много пробелов и каждое завоевание мирового сознания должно быть приветствовано.

Флаг Красного Креста не нуждается в объяснениях даже для наиболее некультурных умов. Так же точно и Новое Знамя, этот Страж культурных сокровищ, говорит само за себя. Нетрудно объяснить даже дикарю значение охранения сокровищ Искусства и Науки. Мы часто твердим, что краеугольный камень будущей Культуры покоится на Красоте и Знании. Теперь мы дожили до действия в этом благословенном поле и должны действовать безотлагательно. Лига Наций, которая работает для Международного Согласия не может восстать против этого Знамени, ибо оно является одним из знаков мирного единения.

Не случайно эта идея возникла на почве Америки. По своему географическому положению Америка менее других стран в военное время находится в опасности подобных разрушений. Потому, что это предложение исходит из страны, сокровища которой менее подвержены сказанной опасности, это ещё более подчёркивает, что предложенный флаг есть символ всего Мира, не одной страны, но всего цивилизованного Мира.

Предложенное Знамя на белом фоне в круге три соединённые амарантовые Сферы как символ Вечности и Единения. Хотя мы не знаем, когда именно это Знамя будет развиваться над всеми культурными памятниками, но несо-

² Жоффри де Ла Прадель Альберт - аргентинский писатель и поэт, президент Комитета Пакта Рериха и Знамени Мира в Буэнос-Айресе - ред.

мненно, что семя уже взросло. Оно уже привлекло внимание больших умов и устремляется от сердца к сердцу, пробуждая ещё раз среди людских множеств идею Мира и Доброжелательства.

Повелительно принять немедленные меры, чтобы оградить от опасности благородное наследие Прошлого для славного Будущего. Это произойдёт тогда, когда все страны торжественно поклянутся охранять сокровища Культуры, которые в сущности принадлежат не одному народу, но Миру. Этим путём мы можем создать ещё одно приближение к расцвету Культуры и Мира.

Март 1930 г. Нью-Йорк.

Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.

24 марта 1930 г. Нью-Йорк
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

24 марта 1930 г. Нью-Йорк

Родная моя Мамочка!

На прошлой неделе у меня не было возможности сесть и написать тебе письмо. Дела шли настолько быстро, что у меня едва хватало времени, чтобы сидеть за письменным столом и отвечать на корреспонденцию. Очень скоро Нетти будет с тобой, и ты сможешь узнать о нашей деятельности. Я полагаю, что мне удалось собрать группу друзей, которые будут следить за финансовыми нуждами нашей исследовательской работы. Возможности носят в воздухе, и я надеюсь, что удастся встретить преданных, знающих своё дело сотрудников.

Я счастлив сообщить тебе, что моя книга была принята издательством Йельского университета и сейчас находится в печати. Было трудно пристроить эту книгу из-за больших на неё расходов (600 страниц, около двухсот фотографий и карт). Я с нетерпением жду возвращения и работы в долине. Как было бы хорошо опять увидеть всех Вас! Я отправил четыре коробки книг, принадлежащих «Урусвати», и надеюсь, что они придут в хорошем состоянии. Пожалуйста, найди вложенную фотографию гробницы св[ятого] Сергия. Один из его Монастырей был недавно взорван. Что за вандалы! Надеюсь, что ты получила все книги, которые я послал. Среди них есть несколько по садоводству. Посылаю счёт-фактуру на отправленные тебе семена. Некоторые из моих друзей посылают ещё семена редких цветов для твоего сада. Пожалуйста, передавай мой наилучший привет Нетти, Эстер, Влад[имиру] и девочкам.

Твой преданный сын

Юрий Р.

Огорчился, узнав, что в собачьем семействе прибавилось четыре новых члена. Тем не менее, все они будут полезны.

Архив Музея Рерихов, Москва

АПРЕЛЬ

2 апреля 1930 г. Нью-Йорк

Телеграмма Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

CLASS OF SERVICE DESIRED		WESTERN UNION CABLEGRAM	Form 1250	
FULL-RATE			NO.	CASH OR CHG.
HALF-RATE DEFERRED			CHECK	
CABLE LETTER			TIME FILED	
WEEK-END LETTER		NEWCOMB CARLTON, PRESIDENT		J. C. WILLEVER, FIRST VICE-PRESIDENT
<small>Please avoid check class of service desired; otherwise the cablegram will be transmitted at full rate.</small>				
Send the following message, subject to the terms on back hereof, which are hereby agreed to				
MME. HELENA ROERICH NAGGAR KULU, PUNJAB BRITISH INDIA				
LEAVING PARIS ARRIVING LONDON APRIL ELEVENTH HOTEL CARLTON STOP LEAVING GENOA MAY SECOND STEAMSHIP "GENOA" STOP FRANCES LEAVES APRIL EIGHTEENTH STEAMSHIP "PANAMERICA" STOP FOUNDATIONS READY APRIL SEVENTEENTH ALL WELL				
NICHOLAS ROERICH				
NIGHT LETTER				
Charge: Roerich Museum 310 Riverside Dr., N. Y. C.				

Перевод с англ. яз.:

ПРОПУСК МИНУЯ ПАРИЖ ПРИБЫТИЕ В ЛОНДОН ОДИННАДЦАТОЕ АПРЕЛЯ ОТЕЛЬ
КАРЛТОН ТЧК ОТЪЕЗД ИЗ ГЕНУИ ВТОРОЕ МАЯ ПАРОХОД "ГЕНУЯ" ТЧК ФРАНСИС ОТЪЕЗД
ВОСЕМНАДЦАТОГО АПРЕЛЯ ПАРОХОД "ПАНАМЕРИКА" ТЧК ОСНОВЫ ГОТОВЫ СЕМНАДЦАТОЕ
АПРЕЛЯ ВСЕ ХОРОШО

НИКОЛАЙ РЕРИХ

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

2 апреля 1930 г. Нью-Йорк

Из дневниковых записей З.Г. Фосдик:

2. IV. 30. "Растите в жизни, шире широкого" – сказал мне Н.К., когда я
спросила насчёт новых отделов и классов. Сапожные, шляпные, портняжные,
столярные, тиснение по коже – все мастерские, но художественные. А про-
грамму давать опасно – вдруг жизнь всё переменит. <...> Главное – расти шире,
кооперироваться. <...>

3 апреля 1930 г. Нью-Йорк

Из дневниковых записей З.Г. Фосдик:

3. IV. 30. <...> Сегодня утром читали письма, как всегда, вместе с Н.К. <...>
Ужасно обидно из-за нашего каталога: по вине печатника на обложке вместо
"lectures" напечатано "lecture", и теперь надо всё перепечатывать. Н.К. согла-
сился со мной в том, что лучше платить немного больше и иметь лучшего пе-
чатника. Н.К. видел утром Крейна. <...> Н.К. мне говорил, что, когда Бурлюк

принесёт для редакции книгу Голлербаха, я [должна] за этим следить: где нужно, всё вынуть, например, о поездке Н.К. в Россию, а где сильнее сказать, украсить, прибавить, не стесняться с Бурлюком, ибо в России их цензура, а у нас наша. <...>

Н.К. и сам чувствует, что здесь будет нелегко с денежными вопросами. Увидим! Потом пошли закончить паковку Н.К. – он изумительно аккуратен. Сдала ему вечером послание от Школы – от учителей и учеников, чтоб повезти в Кулу. <...>

4 апреля 1930 г Нью-Йорк.

Из дневниковых записей З.Г. Фосдик:

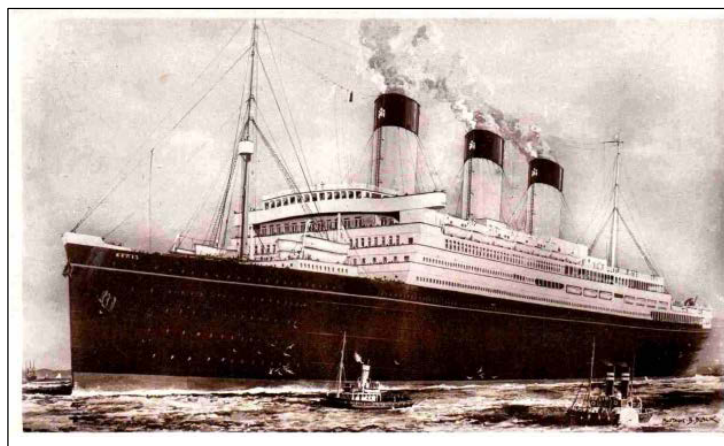
4. IV. 30. Отъезд из Америки в Лондон на “Majestic” “White Star Line”, каюта 13 – 131 <...>

Утром читала письма с Н.К. <...> Н.К. говорил, что нужно было бы, когда будем писать историю Учреждений, упомянуть, что Рокфеллер отказал, Carnegie Foundation [Фонд Карнеги] отказал и т.д. <...> Н.К. подписался на построение часовни Св. Сергия – 120\$, я - 31\$. Так что сегодня был открыт сбор пожертвований для этого указанного Учителем дела. Масса людей шли прощаться с Н.К. мы ещё допаковывали вещи, бумаги.

<...> Вечером все ужинали у Луиса. До того Юрик передал мне ведение «Урусвати», кабинетом, секретаршей. Надеюсь, что я смогу найти время и умение продолжать здесь «Урусвати» Именем Учителя. Н.К. говорил, что теперь мы уже живём без программы и без мёртвых правил. А как сложатся условия жизни и обстоятельства. <...>

Мы в последний раз смотрели на Н.К. и любовались на его доброе, мудрое лицо, <...> Простились с Юриком, прося его усиленно охранять в пути Н.К. <...> Н.К., который стоял до конца на палубе с Юриком <...> и кивал нам, и посылал привет. Так чудно чётко обрисовывалась его фигура, борода и тонкая, мягкая рука, которой он всё время махал нам.

После 10-ти часов, около 10. 05, “Majestic” плавно двинулся и отплыл...

“Majestic” “White Star Line” (открытка 1930 г.)

7 апреля 1930 г. Наггар, Кулу
Письмо Е.И. Рерих к Рериху Н.К.

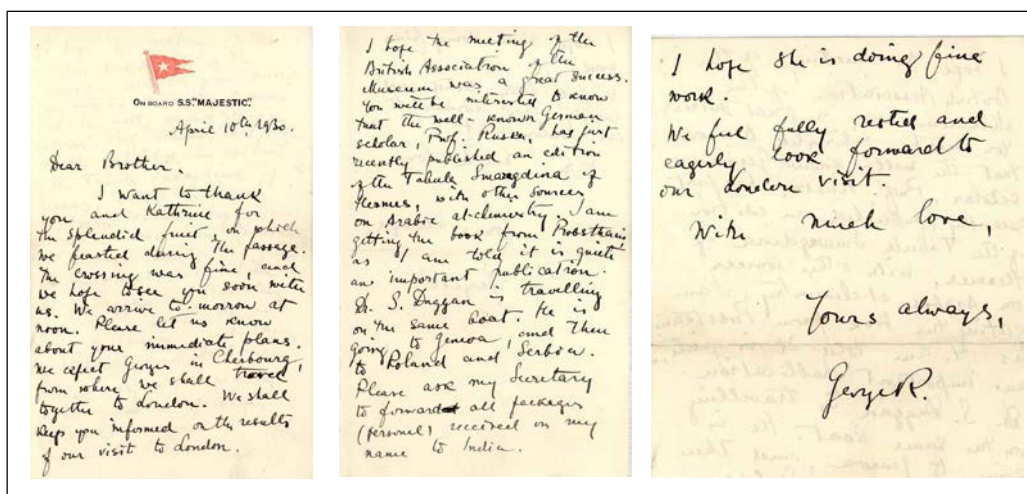
7 апреля 1930 г.

Родной мой Папочка, пожалуй, это уже последнее письмо, которое заста-нет тебя ещё в Америке. Ждём с большим нетерпением. Последние четыре дня непрекращающегося дождя, града и грозы причинили нам большие убытки: конюшня, дом, вмещающий прачечную, офис, кладовку и помещение двух слуг, дали трещины и стали необитаемы, грозят обвалом, ибо стены под ними частично обрушились. Стены, выстроенные нами, пока стоят. Также съехала вниз часть нашей площадки перед домом. Вся длинная грядка с цветником (перед самым домом) шириною от четырёх до шести футов съехала на восемь футов вниз, и, конечно, этот оползень захватил всё пространство до выстро-енного нами бассейна. Придётся затратить несколько тысяч рупий, чтоб удержать от дальнейшего разрушения при монсуне. Большое горе при нашем финансовом положении. «Аркадия» стоит. До твоего приезда ничего суще-ственного предпринимать, конечно, не будем, лишь самое необходимое, ибо во многих местах дорожки уничтожены. Очень грустно писать тебе об этом, у тебя, бедного, довольно забот и без этой напасти. Если бы это случилось в прошлом году, цена была бы другая. Пострадали также несколько фруктовых деревьев, конфигурация сада значительно изменилась. Ну что делать, как-нибудь вывернемся, но боюсь, тысяч десять рупий затратить придётся.

Не знаю, будем ли иметь почту эту неделю, всюду размыты дороги. Через неделю Ояна уже выедет встречать Птичку Востока, с волнением ожидаем её, так хочется, чтобы она полюбила наше место, и пребывание её здесь осталось бы светлой и радостной страницей нашей необычной жизни.
Родные мои <...>

Елена Ивановна Рерих. Письма (1919-1933) М.: МЦР, 1999.

10 апреля 1930 г. На борту S.S. Majestik.
Письмо Ю.Н. Рериха к Рериху Святославу.

10 апреля 1930

Дорогой брат!

Благодарю тебя и Катрин за прекрасные фрукты, которыми мы угощались в течение рейса. Переезд прошёл прекрасно, и мы надеемся скоро с вами увидеться. Приезжаем завтра в полдень. Пожалуйста, дай нам знать о своих ближайших планах. Мы ожидаем Георгия в Шербуре, откуда мы вместе поедem в Лондон. Будем держать тебя в курсе по поводу результатов нашего визита в Лондон. Надеюсь, собрание Британской Ассоциации Музея было достаточно успешным. Тебе будет интересно узнать, что хорошо известный немецкий учёный, проф. Ruskei, недавно опубликовал книгу «Изумрудная скрижаль Гермеса» вместе с другими арабскими источниками алхимии. Я достану книгу через Probsthain'a, так как мне было сказано, что это весьма важное издание. Д-р Дагган путешествует на том же корабле. Он едет в Женеву, а затем в Польшу и Сербию. Пожалуйста, попроси мою секретаршу проследить за всеми моими ящиками, полученными на моё имя из Индии. Надеюсь, она хорошо выполняет свою работу.

Мы чувствуем себя хорошо отдохнувшими и с нетерпением ожидаем наших лондонских визитов.

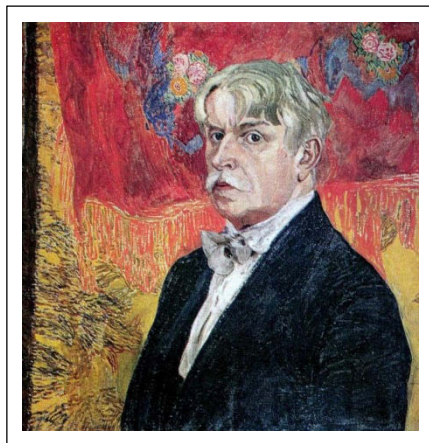
С большой любовью,

Всегда твой, Юрик.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке (перевод с английского)

17 апреля 1930 г. Россия.

Памяти А.Я. Головина.

Александр Яковлевич Головин.
(Автопортрет. 1919 г.)
(1 марта 1863, Москва – 17 апреля 1930, Детское село)

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

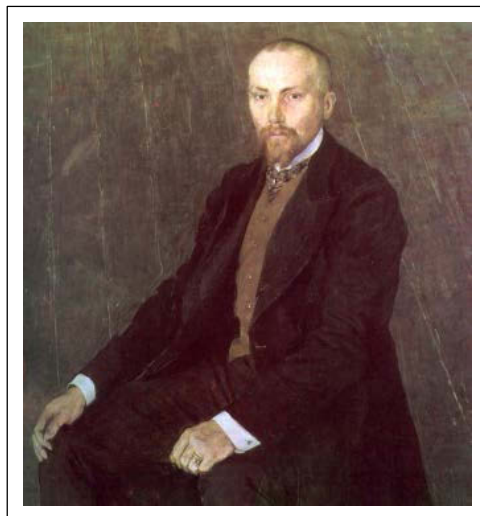
ГОЛОВИН

Головин привлекал к себе не только дарованием, но своею утончённостью, постоянным исканием и совершенствованием. Была в нём и какая [-то] таинственность. Никто не знал его домашней жизни. Иногда Головин куда-то спешил. Должен был с кем-то встретиться, и никто не был посвящаем в его

внутренний быт. Но это не мешало дружбе с Александром Яковлевичем. Почти каждый вечер в его мастерской над зрительным залом Мариинского Театра собиралась группа друзей. Снизу неслись приглушённые звуки оркестра, шла особая театральная жизнь, а Головин толковал о своих будущих постановках. Углублялся или в "Кармен" или в "Руслана". Многие любили "почаевать" на верхотурке у Головина, и он умел быть радушным хозяином и хорошим другом. Иногда он бывал расстроен. Друзья спрашивали: "Неужели Коровин приехал?" Головин подозрительно смотрел на двери и шептал: "Да, да, чёрный здесь. Слышу его запах". Вероятно, вражда Головина с Коровиным имела какое [-то] глубокое основание. Мы не расспрашивали о причинах, втайне мы вспоминали пресловутую вражду Энгра и Делакруа. Почти в тех же выражениях говорил Энгр, когда Делакруа появлялся на выставке: "Слышите, серой пахнет!" За исключением Коровина, Головин ко всем был очень приветлив, и даже неизбежные театральные тернии, видимо, не выводили его из себя.

Была истинная радость говорить с Головиным об искусстве. Он любил обсуждать и технические приёмы. Искал сочетания темперы и пастели. Думал о лучшей подготовке холста. Болел вопросом о рамах. После всяких проб ввёл медные закантовки. Всегда настаивал, чтобы стекло было толстое с фасетом. "Ведь такое стекло всё равно, что лучший лак". Даже свои крупные вещи Головин обрамлял медною закантовкою. Интересовался цветными холстами. Его маляр много раз подготовлял их для меня.

По заказу "Золотого Руна" на той же театральной верхотурке Головин писал мой портрет.

А.Я. Головин. Портрет Н.К. Рериха. 1907.

Неприменно хотел, чтобы был надет чёрный сюртук с жёлтым жилетом и с лиловатым галстуком. "А в глазах пусть будет что-то монгольское, азиатское" - так ему казалось. Он любил азийскую Русь. Прекрасный художник!

Он умел всегда оставаться молодым, готовым на новые поиски. И в красках его, всегда свежих и нежных, сказывалась природа истинного мастера.

[1937 г.]

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих "Художники жизни". М. 1993.

22 апреля 1930 г.

"Весна священная" (сценическое название: "Le Sacre du Printemps").

Картины языческой Руси в двух частях. Балет И.Ф. Стравинского

Авторы либретто Н.К. Рерих и И.Ф. Стравинский

Постановка Лиги композиторов, Филадельфия, Метрополитен Опера.

Премьера 22 апреля 1930 г.

Дирижер Л. Стоковский. Хореограф Л.Ф. Мясин

Декорации по эскизам Н.К. Рериха 1930 года исполнили художники мастерских Бергмана и Клеона Трокмортон; костюмы – М. Давенпорт

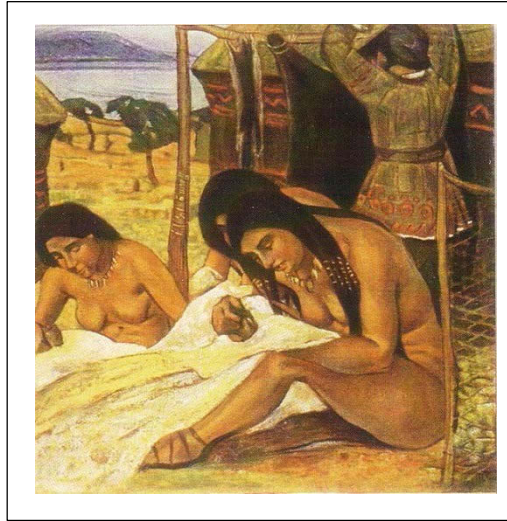
Эскизы декораций и костюмов Н.К. Рериха для постановки И.Ф. Стравинского "Весна священная». 1929-1930 гг.:

Две девушки. 1930.

Жрец. 1930.

Старик. 1930.

Н.К. Рерих. Задумывают одежду. 1908..

ВЕСНА СВЯЩЕННАЯ

Обращение в аудитории Ваннамэкера на собрании Лиги Композиторов, Нью-Йорк, 1930

Много лет тому назад у меня была картина “Задумывают Одежду”. В этой картине были выражены первые мысли женщины об одежде, первые орнаменты, первые руны украшения. Удивительно было сознавать, насколько эти первичные орнаменты были сходны с украшениями наших дней.

Вы, конечно, знаете, что сейчас в Париже в большой моде скифское искусство, которое многие авторы считают предтечей кубизма.

В 1922, в Чикаго, во время постановки “Снегурочки” мастерские Маршала Фильда произвели интересный опыт; построив современные костюмы на орнаментах или линиях доисторических славянских одеяний. Поучительно было видеть, насколько многие современные формы естественно слились с древнейшими орнаментами.

В связи с сопоставлением древнейшего и новейшего, вспоминаю, как в Тибете нам приходилось показывать изображения небоскребов, и можно было наблюдать, как народ, видевший их впервые, принимал их с полным пониманием, сравнивая с семнадцатью этажами знаменитой Поталы — дворца Далай-ламы. И не только по высоте принимал народ небоскребы, но он оценивал и сходство самого существа постройки со своими древнейшими зданиями. Так опять мы могли видеть, как самая древняя и самая современная мысль созвучат.

В дневнике моём имеется страница, посвящённая первой постановке “Священной Весны” в Париже, в 1913 году.

“Восемнадцать лет прошло с тех пор, как мы со Стравинским сидели в Талашкине, у княгини Тенишевой в расписном Малютинском домике и вырабатывали основу “Священной Весны”. Княгиня просила нас написать на балках этого сказочного домика что-нибудь на память из “Весны”. Вероятно, и теперь какие-то фрагменты наших надписаний остаются на цветной балке. Но знают ли теперешние обитатели этого дома, что и почему написано там?”

Хорошее было время, когда строился Храм Святого Духа и заканчивались картины “Человечьи Праотцы”, “Древо Препологое Врагам Озлобление” и эскизы “Царицы Небесной”. Холмы Смоленские, белые березы, золотые кувшинки, белые лотосы, подобные чашам жизни Индии, напоминали нам о вечном Пас-

тухе Леле и Купаве, или, как сказал бы индус, - о Кришне и Гопи. Нельзя не отметить, что сыны Востока совершенно определённо узнавали в образе Леля и Купавы великого Кришну и Гопи. В этих вечных понятиях опять сплеталась мудрость Востока с лучшими изображениями Запада. С полным сознанием я говорил в Индии на вопрос о разнице Востока и Запада: “Лучшие розы Востока и Запада одинаково благоухают”.

Пришла война, Стравинский оказался за границей. Слышно было, что мои эскизы к “Весне” были уничтожены в его галицийском имении. Была уничтожена и “Ункарада”. Многое прошло, но вечное остаётся. В течение этих лет мы наблюдали, как в Азии ещё звучат вечные ритмы “Весны Священной”. Мы слышали, как в священных горах и пустынях звучали песни, сложенные не для людей, но для самой Великой Пустыни. Монгол, певец, отказывался повторить случайно услышанную прекрасную песню, потому что он поёт лишь для Великой Пустыни. И мы вспоминали Стравинского, как он влагал в симфонию “Весны” великие ритмы человеческих устремлений. Затем в Кашмире мы наблюдали величественный Праздник Весны с фантастическими танцами факелов. И опять мы восклицали, в восторге вспоминая Стравинского.

Когда в горных монастырях мы слышали гремящие гигантские трубы и восхищались фантастикой священных танцев, полных символических ритмов, опять имена Стравинского, Стоковского, Прокофьева приходили на ум.

Когда в Сиккиме мы присутствовали на празднествах в честь великой Канченджанги, мы чувствовали то же единение с вечным стремлением к возвышенному, которое создало прекрасный поэтический облик Шивы, испившего яд мира во спасение человечества. Чувствовались все великие Искупители и Герои, и Творцы человеческих восхождений.

Тогда уже “Весна” была признана всюду и никакие предрассудки и суеверия не боролись против неё. Но нельзя не вспомнить, как во время первого представления в Париже, в мае 1913 года, весь театр свистел и ревел, так что даже заглушал оркестр. Кто знает, может быть, в этот момент они в душе ликовали, выражая это чувство, как самые примитивные народы. Но, должен сказать, эта дикая примитивность не имела ничего общего с изысканною примитивностью наших предков, для кого ритм, священный символ и утончённость движения были величайшими и священнейшими понятиями.

Думалось, неужели тысячи лет должны пройти, чтобы увидеть, как люди могут стать условными и насколько предрассудки и суеверия еще могут жить в наше, казалось бы, цивилизованное время. С трудом понимают люди, как честно приближаться к действительности. Жалкое самомнение и невежественная условность легко могут затемнять и скрывать великую действительность. Но для меня является драгоценным знаком засвидетельствовать, что в течение десяти лет моей работы в Америке я не почувствовал дешёвого шовинизма или ханжества. Может быть, новая комбинация наций охраняет Америку от ядовитой мелочности. А наследие великой культуры майя и ацтеков даёт героическую основу широким движениям этой страны. Поистине, здесь, в Америке, вы не должны быть отрицателем. Так много прекрасного возможно здесь, и мы можем сохранить нашу положительность и восприимчивость. Можно чувствовать наэлектризованность, насыщенность энергии этой страны; в этой энергии мы можем осознавать положительные элементы жизни.

Созидательное устремление духа, радость прекрасным законам природы и героическое самопожертвование, конечно, являются основными чувствованиями “Весны Священной”. Мы не можем принимать “Весну” только как русскую или как славянскую... Она гораздо более древняя, она общечеловечна.

Это вечный праздник души. Это восхищение любви и самопожертвования, не под ножом свирепой условщины, но в восхищении духа, в слиянии нашего земного существования с Вышним.

На расписной балке Тенишевского дома записаны руны “Весны”. Княгиня Тенишева, преданная собирательница и создательница многого незабываемого, уже ушла. Нижинский уже более не с нами, и уже Дягилев творит по-новому в духовных сферах.

И всё же “Весна Священная” нова и молодёжь принимает “Весну” как новое понятие. Может быть, вечная новизна “Весны” в том, что священность Весны вечна, и любовь вечна, и самопожертвование вечно. Так, в этом вечном обновленном понимании, Стравинский касается вечного в музыке. Он был нов, потому что прикоснулся к будущему, как Великий Змий в кольце касается Прошлого.

И волшебник созвучий, наш друг Стоковский, тонко чувствует истину и красоту. Чудесно, как жрец древности, он оживляет в жизни священный лад, соединяющий великое прошлое с будущим.

Правда, прекрасен в Кашмире праздник огней! Прекрасны гигантские трубы горных монастырей! Из-за Канченджанги началось великое переселение, несение вечной “Священной Весны”!

Мы знаем, насколько нежелательно одно распространение без утончения. Везде, где мы видим распространение без утончения, везде оно выражается в жестокости и грубости. Отчего погибли великаны? Конечно, потому, что рост их был несравним с утончённостью.

Не забудем и другое. Вспомним, когда в 1921 году в Аризоне я показывал фотографии монголов местным индейцам, они восклицали: “Они ведь индейцы! Они наши братья!” И так же точно, когда затем в Монголии я показывал монголам изображения американских индейцев в Санта-Фе, они узнавали в них своих ближайших родственников. Они поведали замечательную сказку: “В давние времена жили два брата. Но повернулся Огненный Змий и раскололась Земля, и с тех пор разлучились родные. Но вечно ждут они весть о брате и знают, что близко время, когда Огненная Птица принесёт им эту желанную весть”. Так, в простых словах от древнейших времён, люди устремляются в будущее.

Когда вы в Азии, вы можете видеть вокруг себя многое замечательное, что в условиях колыбели народов совершенно не кажется сверхъестественным. Вы легко встречаетесь с великими проблемами, заключёнными в прекрасные символы. Мы всегда мечтаем иметь театр в жизни. В Азии вы имеете его ежедневно. В Монголии, во время многодневных священных торжеств, вы видите и замечательные танцы, и глубокую символику. В пустынях перед вами несут древние знамена и священные изображения в оправе тысячи народа, в громе трубном, в прекрасных красках костюмов и горных сверканий. И всё это является выражением жизни. Если вы допущены принять участие в этой жизни, вы видите, насколько она сливается с природою; очень ценно это ощущение.

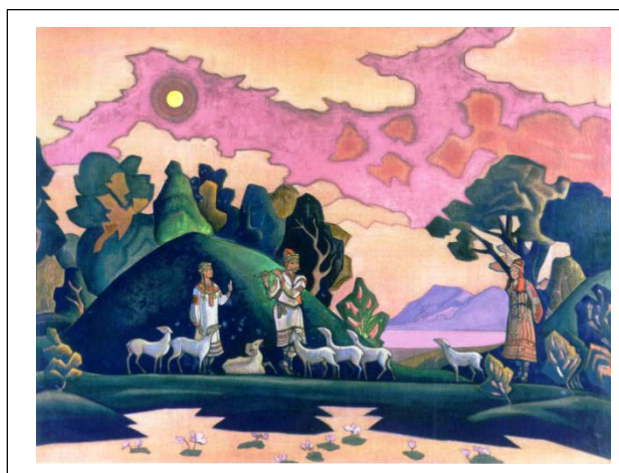
Во время священных танцев вы вспомните множества прекрасных сказаний, сотканых вокруг искусства и музыки Востока. В Тибете вы услышите, почему так величественны трубы и так мощен их звук. Вам скажут: “Однажды Властитель Тибета пригласил для очищения Учения великого Учителя Индии. Поднялся вопрос, как необычно встретить этого великого гостя. Невозможно встретить духовного Учителя золотом, серебром и драгоценными камнями. Но Лама имел видение и указал Властителю соорудить особые гигантские трубы, чтобы встретить Учителя особыми новыми звуками”. - Разве это прекрасное почитание звука как такового не напоминает вам искание современных композиторов?

Вспомните орнаменты и рисунки американских индейцев в их старых становищах. Эти рисунки полны замечательного значения и напоминают о необыкновенной древности своей, ведя ко временам единого языка. Так, наблюдая и объединяя национальные символы, мы выясняем историческое значение чистого рисунка. В этом первичном начертании вы видите мысли о космогонии, о символах природы. В радуге, в молнии, в облаках вы видите всю историю устремлений к прекрасному. Эти начертания объединят давно разъединенное сознание народов; они те же, как и в Аризоне, так и в Монголии, так и в Сибири. Те же начертания, как на скалах Тибета и Ладака, так и на камнях Кавказа, Венгрии и Норвегии.

Эти обобщающие осознания должны быть особенно ценны теперь, когда так обострено стремление к эволюции. Человечество устремляется освободиться от старых форм и создать что-то новое. Но, чтобы создать что-то новое, мы раньше должны знать все древние источники. Только тогда мы можем мечтать об Озарении жизни.

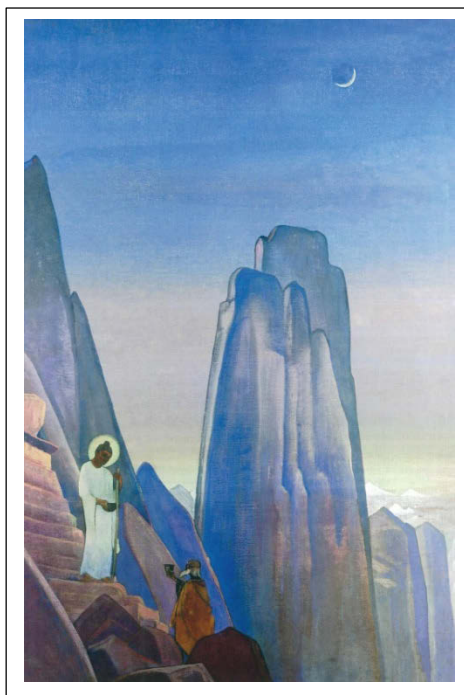
Н.К. Рерих. Держава Света. Sothbury: Алатас. 1931.

«Холмы Смоленские, белые березы, золотые кувшинки, белые лотосы, подобные чашам жизни Индии, напоминали нам о вечном Пастухе Леле и Купаве, или, как сказал бы индус, - о Кришне и Гопи. Нельзя не отметить, что сыны Востока совершенно определённо узнавали в образе Леля и Купавы великого Кришну и Гопи...»

Н.К. Рерих. Кришна – Лель. 1932 г.

МАЙ

Н.К. Рерих. Будда Дающий. 1932.

8 мая 1930 г. Нью-Йорк.

МИР ВСЕМУ ЖИВУЩЕМУ

Обращение к Обществу Маха-Бодхи в Калькутте

Радостно послать привет Обществу Маха-Бодхи. С исключительною изысканностью и заботливостью это Общество продолжает свою благородную работу. Все обращения Основателя его и Водителя Анагарика Дармапалы наполнены такою преданностью и состраданием, которые вызывают в сердцах самые ценные отзвуки. Трогая сердце, эту державу Света, мы прикасаемся к истинному сокровищу. Истинный ученик может быть явлен широко понимающим, всевещающим и всестрадающим. С лучшими чувствами я вспоминаю встречи с главами буддийского мира. Храню, как драгоценный знак, весть, посланную мне от одного из лидеров буддизма в Японии архиепископа Ногучи, и от Таши-Ламы Тибета. Старший Служитель храма в Канди, среди благоухающего Цейлона, пишет на пальмовом листе трогательное обращение к Западу, полное мирных зовов. Так же мирно звучат приветы высоких лам Монголии, Тибета и Сиккима.

Истинно, Мир всему живущему!

В этот памятный день много замечательных и прекрасных текстов вспоминается. С уважением мы можем представить, как многие народы в тот день приносят дань уважения великому понятию Будды.

После многих тысяч томов, посвящённых этому возвышенному Учению, мы лишь убеждаемся, как проста истина; так проста, что может быть записана

на ладони. Любовь, труд, самосовершенствование, неустанное благородное действие, - вот в чём зов Великого Льва.

Палийские Сутры содержат много прекрасных определений Будды, который установил благословенный Золотой Путь. "Он - Водитель каравана, Он - Основатель, Он - Учитель, Он - Наставник людей. Он - Владыка Колеса Благословенного Закона. Он - Лев Закона. Он - чудесный Целитель. Почитаемый Готама-Пахарь и поле - Его Бессмертие. Он - Свет Мира. Он - Освободитель". Так говорят Бодхичариаватара и Сутта Нипата. Когда недостойный член Общины покидал Учение, Будда мудро замечал: "Теперь зерно отделилось от мякоти". И опять неустанно Он продолжал пашню на полях человеческого духа.

Во имя доблестного творческого труда мы шлём наше почитание к этому Великому Дню.

Нью-Йорк. 8 мая 1930 г.

Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.

ЛОНДОН

Лондон. 1930 г.

11 мая 1930 г. Лондон.

Письмо Ю.Н. Рериха к Рериху С.Н.

11 мая 1930.

Дорогой брат,

Мы всё ещё в неведении относительно нашего дела, но надеемся получить ответ через пару дней. Никаких причин не приводится, и нам говорят, что дело благоприятно рассматривается. Если всё пойдёт хорошо, мы надеемся отплыть на P. & Ø SS "Cormorin", покинув Марсель 16-го сего месяца. Надеемся, что у тебя всё хорошо. Я послал тебе по почте заказным письмом Изумрудную Скрижаль на русском, знаменитую Скрижаль Гермеса. Тебе интересна история Липпман в «Alchemy»?

Мы получили ваши телеграммы об открытии Британской ассоциации и выставке работ отца в американском посольстве в Рио. Также была телеграмма от Фрэнсис. Писем из Кулу не было, но мы получили несколько телеграмм. Там с нетерпением ждут нас, и мы очень огорчены нашей неожиданной задержкой. Мы принимаем все меры, чтобы прояснить ситуацию. Сегодня вос-

кресенье, и мало что можно сделать, кроме как писать письма. Завтра мы снова будем встречаться с людьми и сражаться за своё дело. Пожалуйста, напиши нам о деятельности учреждений. Доктор Кельц сказал мне, что у него было несколько конференций с тобой. Мы посетили некоторых арт-дилеров, но не так много. В Национальной галерее есть прекрасная новая галерея, построенная Дувеном. Нам понравилась итальянская коллекция в галерее. На пару дней мы были озадачены объявлением о том, что господин С. Рерих прибыл в Париж на «Мавретании». Статья была опубликована в «N. Y. Herald» и «Chicago Tribune». Мне жаль говорить, что Боссом не помог и, похоже, не имеет никакого влияния здесь, его единственное отличие – богатая американская жена.

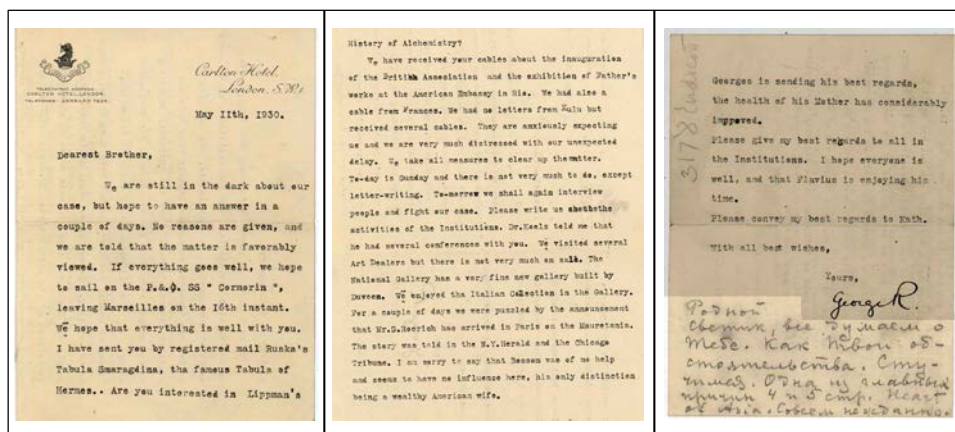
Жорж передаёт наилучшие пожелания, здоровье его матери значительно улучшилось.

Прошу передать наилучшие пожелания всем сотрудникам учреждений. Надеюсь, всё в порядке, и Флавий наслаждается своим временем.

Передай от меня наилучшие пожелания Кэт. Всего наилучшего

Внизу записка Н.К. Рериха на русском яз.

Родной Светик, все думаем о Тебе. Как Твои обстоятельства. Стучимся. Одна из главных причин 4 и 5 стр. «Heart of Asia» [«Сердце Азии»]. Совсем неожиданно.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Машинопись, перевод с английского)

17 мая 1930 г. Лондон.

Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

17 мая 1930 г. Лондон

Родная моя Мамочка!

Сегодня ровно год, как мы уехали из Кулу. К тому времени, как ты получишь это письмо, наш ботаник уже будет с тобой. Мы всё ещё в неведении относительно наших виз. Делаем всё возможное, и друзья энергично помогают, чтобы устранить препятствия. Мы не ожидали этих трудностей, а весь вопрос оказался крайне запутанным. Послали телеграмму Вице-королю, но до сих пор из Симлы не было ответа. Пожалуйста, будь уверена, что мы делаем всё, чтобы добиться благоприятного решения. Уже сейчас задержка вызвала значительные денежные потери, и нам сообщают из Нью-Йорка, что ситуация породила

широко распространившееся чувство замешательства. Государственный Департамент сейчас посылает второй запрос по нашему делу.

Святослав ещё в Нью-Йорке. Работа в США растёт необычайно, и у нас есть хорошие новости от Франсис. Пожалуйста, дай мне знать, получила ли ты четыре ящика с книгами, принадлежащими Исследовательскому институту, а также несколько ящиков с садовым инвентарем, посланные через «Hudson Shipping Co». Все принадлежащие Институту книги должны быть помещены в «Аркадию».

Мы очень обеспокоены телеграммами относительно твоего здоровья. Надеемся, что волнение, вызванное нашей неожиданной задержкой, не повлияет на твоё состояние. Так важно оставаться спокойной в летнюю жару. Достаточно ли ты обеспечена лекарствами? Мы недавно видели сэра Джагадиса и леди Бос, которые сейчас в Лондоне. Рабиндранат Тагор тоже здесь, читает лекции на религиозные темы.

Действительно, очень жаль, что наша задержка произошла в самый последний момент. Если бы это случилось на четыре месяца раньше или прошлым летом, когда мы послали наше первое письмо сэру Эсме Говарду (26 июля 1929 г.), всё было бы по-другому.

Пожалуйста, передай мой, самый горячий привет Нетти и Эстер. У нас хорошие новости от Флавия. Как там Влад[имир] и девочки? Мы очень хотим всех Вас увидеть.

Жорж передаёт Вам свой привет.

Со всеми наилучшими пожеланиями и в надежде воссоединиться с тобой в ближайшем будущем,

Твой преданный сын

Юрий Р.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке (перевод с английского)

24 мая 1930 г. Лондон.

Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

24 мая 1930 г. Лондон

Родная моя Мамочка!

Мы всё ещё в подвешенном состоянии с нашими визами. Говорят, что задержка связана с теперешней ситуацией в стране. Какие бы ни были причины, они появились достаточно внезапно. Очевидно, что нам придётся опять подавать прошения. Дело вызвало большой интерес в Соединённых Штатах, и много важных персон телеграфировали в Лондон, прося официальные круги ускорить это дело. Мы очень озабочены твоим состоянием и надеемся, что этот нервный период не повлияет на твоё состояние здоровья. Пожалуйста, будь уверена, что мы делаем всё возможное, чтобы победить. Когда ты получишь это письмо, наш ботаник уже будет с тобой. Французский посол, который снова оказал свою дружескую поддержку, не получил ответа от властей. Мы дадим тебе знать, как только сможем добиться решения. Надеюсь, что все наши прошлые письма дошли, и ты понимаешь обстоятельства.

Эта задержка крайне утомительна, и мы ждём помощи. Государственный Департамент телеграфировал в здешнее Посольство, чтобы оно ещё раз вмешалось. У нас хорошие новости из Нью-Йорка, и, без сомнения, ты хорошо осведомлена обо всей многосторонней деятельности Музея. Работа в Европе

также продвигается удовлетворительно, и были установлены новые важные связи с французскими научными учреждениями.

Завидую великой возможности Нетти находиться всё это время рядом с Вами.

Я пишу отдельное письмо Влад[имиру] с указаниями относительно ближайшей работы в Институте. Ботаник должен начать свою работу немедленно, чтобы не потерять драгоценного времени.

Жорж передаёт огромный привет. Пожалуйста, передай мой сердечный привет Нетти, Эстер, Влад[имиру] и девочкам.

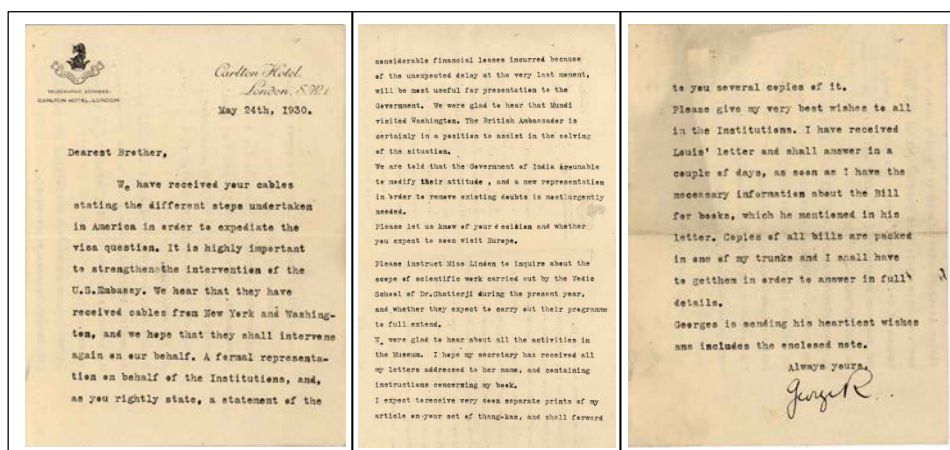
С большой любовью и преданностью,

Твой сын *Юрий Р.*

Архив Музея Рерихов, Москва

24 мая 1930 г. Лондон.

Письмо Ю.Н. Рериха к С.Н. Рериху.

24 мая 1930.

Дорогой брат,

Получили твои телеграммы с указанием всевозможных шагов, предпринятых в Америке для того, чтобы ускорить визовый вопрос. Очень важно усилить вмешательство посольства США. Слышали, что они получили телеграммы из Нью-Йорка и Вашингтона и надеемся, что они снова вмешаются от нашего имени. Официальное представительство от имени учреждений, и, как ты справедливо отметил, состояние значительных денежных потерь, понесённых из-за неожиданной задержки в самый последний момент, будет наиболее полезно для предоставления правительству. Были рады услышать, что Мунди посетил Вашингтон. Посол Великобритании, безусловно, в состоянии оказать содействие в урегулировании ситуации.

Нам говорят, что правительство Индии не в состоянии изменить свою позицию, и для устранения существующих сомнений крайне необходимо новое представительство.

Пожалуйста, сообщи нам о своём решении и о том, планируешь ли ты в ближайшее время посетить Европу.

Пожалуйста, поручи Мисс Линден расспросить о масштабах научной работы, проводимой Ведической школой доктора Чаттерджи в течение нынеш-

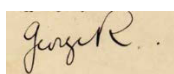
него года, и о том, рассчитывают ли они в полной мере выполнять свою программу.

Мы были рады услышать обо всех мероприятиях в Музее. Я надеюсь, что моя секретарша получила все мои письма, адресованные на её имя и содержащие пояснения относительно моей книги.

Жду очень скоро получить отдельные распечатки своей статьи о твоём наборе тханок, - и вышлю тебе несколько копий. Пожалуйста, передай мои самые наилучшие пожелания всем в Учреждениях. Я получил письмо Луиса и отвечу через пару дней, поскольку у меня есть необходимая информация о счёте за книги, о котором он упомянул в своём письме. Копии всех счетов упакованы в один из моих чемоданов, и я должен получить их, чтобы дать подробный ответ.

Жорж посылает свои самые искренние пожелания и прилагает записку.

Всегда Твой

[GeorgiR]

Архив Музея Н.К. Рериха в Нью-Йорке. (Машинопись, перевод с английского)

ИЮНЬ

1930 г. Лондон.

Н.К. Рерих

КООПЕРАЦИЯ

Обращение к Британскому Обществу имени Рериха

Очень рад приветствовать открытие нашего Британского Общества. Не случайно, что это Общество открывается, когда я нахожусь в Лондоне. Этим путём пусть будет выражена Англо-Американская дружественность. Ещё раз к этому случаю соберём наше воспоминание о Великобритании. Для меня Великобритания связана с несколькими ценными воспоминаниями. Как-то я слышал рассказ, что один иностранец, впервые посетив Вестминстерское Аббатство, упорствовал, что там где-то должна быть одна маленькая комната. Но никто не знал о её существовании. Посетитель настолько настаивал, что, наконец, в старых архивах нашли следы этой комнаты, которая постепенно была уничтожена и присоединена к другой и только заложенное окошко напоминало о её существовании. В 1920 г. во время моей выставки в Галереях Гупиля я встретил много друзей и с удовольствием вспоминаю епископа Бюри, Франка Брянгвина, лорда Гленконнера, леди и сэра Самуель Хор, Хагберг Райта, сэра Сесиль Харкурт Смифа, Альберта Котса, Г. Уэллса и других представителей как официального, так и культурного мира. Вспоминаю, как в то же время мои картины вошли в собрание Музея Виктории и Альберта, а д-р Ионг предлагал мне остаться в Лондоне для совместных работ. Тут же и сэр Томас Бичам и пятисотое представление у Дягилева "Половецкого Стана".

В течение нашей Центрально-Азиатской Экспедиции мы неоднократно испытывали любезность великобританских консулов. Помню, как майор Гиллен, британский консул в Кашгаре, помог нам, когда экспедиция была задержана даогаем Хотана. Вспоминаем и гостеприимство полковника Бэли, британского резидента в Сиккиме.

Вспоминаю, как неожиданно мы встретились с именем королевы Виктории в Тибете. На северных нагорьях в Нагчу мы нашли серебряную монету с изображением в китайском одеянии. Изучая монету, мы были изумлены, узнав несомненное сходство между этой монетой и индийской рупией с изображением королевы Виктории. Это сходство было очень неожиданно, но впоследствии мы узнали, что китайское правительство Юнана, зная, как ценит население индийские рупии с изображением королевы Виктории, отчеканило специальную монету вполне отвечающей индийской рупии, но прибавило китайское одеяние. Это знак популярности.

Вместе с Британским Обществом приветствую и наше Общество имени Шекспира. Очень радуюсь его зарождению, ибо всегда был близок к организациям его почитателей, и среди моих друзей было несколько переводчиков Шекспира на иностранные языки.

Пусть же великое, всеобъединяющее имя углубит нашу дружбу и поможет мирной работе для высоких идеалов человечества.

Мои лучшие пожелания вашей успешной работе.

1930 г.

Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.

ПАРИЖ

Собор Парижской Богоматери. 1930 г.

Июнь 1930 г. Париж.

Н.К. Рерих

ПРИВЕТ ФРАНЦИИ

Приезжая в Париж, по моему старому обычаю, прежде всего, посещаю Собор Богоматери. Под сенью благородных сводов, в сиянии розет, я ещё раз чувствую геройский дух французского народа, этот "дух Франции", во имя которого объединилось наше Французское Общество и в Нью-Йорке, и в Париже. Во время открытия Общества Генеральный Консул Монжендр и проф. "Коледж де Франс" Меллье произнесли прекрасные речи, в которых была выражена накопленная веками культура.

Когда проф. Меллье говорил о жизни на других планетах, он вознёсся выше всех предрассудков в области творческого сознания. Вспоминаю, как один из присутствовавших, сидевший очень далеко в переполненной аудитории и не могший слышать тихого голоса проф. Меллье, сказал мне: "Должно быть, он говорил о чём-то очень прекрасном". - "Почему?" - спросил я. - "Так был вдохновлён лик его", - ответил мой друг. Действительно, тонкие черты французского учёного были ещё более облагорожены долгими годами научного труда, тем несказуемым светом, который даётся только каждодневным общением с сокровищами красоты и знания.

То же думал я, когда Генри Верн показывал мне в Лувре выставку Делакруа, этот триумф благородного синтеза.

Столетие романтизма! Кто сказал? Почему это не тысячелетие? Вспомним о романском стиле, о наследии друидов, о всех тех героических наслоениях многочисленных веков. Вспомним о священной Матери Друидов, облачённой в сияющие одежды "Матер Максима".

Столетие романтизма! Но ведь романтизм не родился вместе с Эженом Делакруа, который сам явился следствием вековых накоплений. Нет, отправная точка романтизма будет в героизме романского стиля. Из каких же глубин принесён этот героизм? Романтизм не что иное, как синоним героизма. И в этом он выражает одну из лучших, одну из наиболее возвышенных страниц человечества, вдохновлённого, преодолевающего эгоизм и трансмутирующего его в благородную индивидуальность.

Многообразен и мощен гений Делакруа. Восхищаемся его синтезом. Этот священный синтез освобождает художника от рамок личности и ведёт его к космическим озарениям. Эти священные обобщения вели художника, как к величественному закату, так и к изображению людей, в их страданиях, в их стремлениях, в их достижениях. Вероятно, художник сам никогда не стремился показать себя в таком разнообразии. Он просто выражал на холсте экстазы своих настроений. Но его творческий гений опирался на вековые традиции. Художник не страшился походить на других и связывать себя однообразием мысли. Он руководился окружающей действительностью; в этой торжествующей действительности он находил правду, которая соединяет его теперь и с нашим поколением. Среди многообразных выявлений Делакруа не удивляйтесь встретиться с понятиями самыми различными и даже противоположными.

Как полезны подобные выставки! Можно искренно поздравить Лувр в лице Генри Верна, благодаря которому музей перестаёт быть мёртвым хранителем сокровищ, но делается живым и даже не боится менять традиционную развеску картин. Сколько новых сопоставлений можно вывести, благодаря собранию сокровищ, обычно рассеянных в отдалённых музеях! В каком новом свете, благодаря такому собранию, встаёт перед нами художественная личность Делакруа! Наряду с гигантскими холстами в витринах вы можете изучать до сих пор непоказанные альбомы, записные книжки, заполненные в разных настроениях, разными почерками. Новые оправы добавлены к основной драгоценности этого искусства романтизма. Истинно, это не столетие, но тысячелетие романтизма, которое празднуется в этом выявлении. И этот романтизм есть только выражение "духа Франции", который вы не поймёте ни из разорённых томов библиотеки, ни из случайных изображений. Но полное

сокровище романтизма является в собрании всех аспектов его, и тогда вы убеждаетесь окончательно, что романтизм есть героизм.

Этот путь лучший, чтобы познать "Дух Франции", к нему не приведут нас ни доводы логики, ни вычисления, ни сухой анализ. Но если мы находим ключ героического романтизма, то этот чудесный ключ позволит нам войти во все святилища.

Героизм, это основное качество человека, должно ли оно быть рассматриваемо как ведущее к постоянным потрясениям или, наоборот, как мощная основа в созидательном стремлении французского народа?

Среди бесконечных усложнений, уклонений, противоречий, двусмысленных формул мы должны делать твёрдый выбор между положительным и всем отрицательно-разрушительным. В жизни нашей проявилось так много факторов, столько старых понятий стёрлось, что психология, подобно художнику, ищущему силуэт, должна следовать твёрдой классификации и устанавливать основные черты построения. Мы идём как бы в зарослях, где лианы и прочие паразитарные растения совершенно охватили мощные стволы. Орхидеи, эфимириды совершенно закрыли поверхность корней. Пройдя этот лес, мы всё же выйдем на проезжую дорогу. Там, как в старинных сказках, мы найдём лаконическую надпись, указывающую путь ко спасанию. Это путь Культуры; не путь цивилизации материальной, но путь истинной культуры, которая время от времени открывается человечеству. Неизбежны задержки. Но новые открытия приходят, новый вихрь сгоняет старую пыль, и мы устремляемся по этому пути, отмеченному вехами подвига.

Не нужно усложнять обиход жизни; не обезображивать, не подражать равнодушно, но следует собирать все жизненные элементы культуры и прилагать их на дальнейшем этапе.

Так мы возвращаемся опять к понятию "Духа Франции". Так из-под сомнений, из-под холодных расчётов выступают очертания ведущего героизма. В продолжение лет, когда все усилия народа были направлены к победе, Франция дала истинный пример героизма, самоотречения и несравненной стойкости. Можно было ещё раз судить о твёрдом закале духа её, ясном и несокрушимом, как сталь. Мы свидетели этих незабываемых лет, мы можем утверждать, что это не был преходящий пароксизм. Новая страница, притом великолепная, была вписана в историю страны. Когда мы ощущаем вибрацию духа Франции, нам кажется, что мы видим могучие крылья, которые несут его к новым высотам. В известные часы жизни критика становится ненужной и вредной. Единственно плодоносным остаётся положительное действие.

Вспоминаются слова наших сибиряков, говоривших: "Кто его знает, что делается у вас в столице, а нам строиться нужно. Мы не хотим больше жить в хижинах, нам подавай дома о двух этажах". Не дух эгоизма, но дух практического созидательства выявлялся в кооперативах и во всём многообразии сотрудничества. То же поражает нас и во Франции. Даже поверхностный глаз замечает, что во Франции всюду строятся. Давняя французская пословица говорит: "Когда постройка идёт, всё идёт". Эта народная мудрость прекрасно отмечает основу строительной эпохи.

Благородный проект М. Бриана о штатах Европы относится к тому же созидательному духу французского народа. Ещё недавно такая мысль была бы названа отвлечённостью. Но теперь она рассматривается как новая возможность международного соглашения вполне реально.

Итак, я вызываю перед собою высокий интеллигентный лик в американской аудитории, творчество Делакруа и строительный дух французского народа. Эта троица в моих глазах выражает культуру, которой мы восхищаемся и на древнейших путях. Очищая эти старые формулы, мы с новыми силами возвращаемся под знак победоносной культуры. И не случайно сейчас, в самых разных странах, различные люди объединяются около великого понятия Культуры. Они стремятся отринуть все условные разделения, они хотят восстановить победоносную победу духа. Тождественны все представления о культуре, так же точно, как понятие честности; так же отлично понимаемо каждым человеческим сердцем и понятие культуры. Мы говорим не о каком-то новом идеализме, не о туманных отвлечённостях, но об ежедневном питании духа.

Ошибочно было бы подставлять под значение культуры цивилизацию или даже прогресс. Цивилизация и прогресс являются только отдельными обстоятельствами культуры. И даже подвиг, как гигиеничное действие, является моментом культуры. Постоянная эволюция собирает все инициативы и отбрасывает всеразлагающее отрицание.

Новые пути открываются в пространство, пути Беспредельности. Но не страшимся мы этой великой Беспредельности, где души наши, наполненные опытом, воссияют улыбкою героизма. Истинно, радостно видеть героизм в основе духа Франции, ибо, где жив героизм, там сердце человеческое звучит на призыв Беспредельности.

Также должны мы выразить признательность всем тем, которые дают нам возможность вызвать перед нами ещё раз священное начало героизма.

"Пари Пресс", 1930 г.

Н.К. Рерих. Держава Света. Southbury: Алатас, 1931.

10 июня 1930 г. Париж.

Письмо Ю.Н. Рериха к Рериху С.Н.

10 июня 1930 г. Париж

Родная моя Мамочка!

Наша злополучная задержка очень нас расстраивает. Простой вопрос с визами приобрёл необычный вид. Пожалуйста, будь уверена, что мы будем продолжать переговоры, и надеемся получить какие-то результаты через две или три недели. Этот случай позволил нам приобрести новых друзей, и мы уверены, что скоро сможем воссоединиться со всеми Вами. Надеемся, что летняя жара в Кулу не настолько сильна, как в прошлом году, и ты чувствуешь себя комфортно. Пожалуйста, напиши о своём здоровье. Мы с таким нетерпением ждём от тебя вестей.

На прошлой неделе мы приехали в Париж. Наши французские друзья очень внимательны. Президент Республики примет Папу и меня в будущую пятницу. После этого у нас несколько других важных мероприятий. Папу избрали Почётным членом Югославской академии, а Франсис пишет о большом успехе в Южной Америке. Выставка папиных картин в Рио, в американском посольстве, была великим событием. Ты, возможно, уже получила о ней письма и газетные статьи.

Мы были необычайно рады узнать, что доктор Кельц приехал к тебе в Кулу. Я пишу ему письмо, рассказывая о новых связях нашего Института с

французскими Ботаническими садами. Пожалуйста, попроси его собрать несколько образцов каждого растения, чтобы мы смогли послать полную коллекцию флоры Западных Гималаев (Кулу) Парижским ботаническим садам. Посылаю отдельно «Руководство по сбору растений» для Парижского Jardin des Plantes.

Папа чувствует себя неплохо, и мы хорошо о нём заботимся. В Париже мы встретили замечательного друга и духовного человека в лице мсье Шабаса, Председателя «Salon des Artistes Français». У мсье Шабаса богатый опыт, и его познания велики. Он большой поклонник папиного искусства и активный член нашего Парижского общества.

У нас хорошие новости от Святослава, несмотря на то, что его дела всё ещё в подвешенном состоянии. Надеемся получить от него хорошие новости относительно его дела. Он не пишет, но мы справляемся о нём у Мориса.

Только что пришло от него длинное письмо. Он всё ещё не уверен относительно своих планов, и просто стыдно, что ситуация не разрешается так долго. Он пишет, что послал в Бомбей тридцать шесть ящиков биохимического оборудования, чтобы они там дожидались нашего приезда. Ты что-нибудь слышала об этом?

Что касается меня, мне мало что остаётся добавить, кроме того, что большую часть моего времени отнимают переговоры и беседы. Моя большая книга в печати. Статья о тибетской живописи тоже вот-вот появится в «Revue des Arts Asiatiques». Статья по тибетской фонологии для Бенгальского Азиатского Общества также в печати. В остальном я чувствую себя хорошо и с нетерпением жду возможности долгой беседы с тобой. Так много надо сказать тебе.

Пожалуйста, передай мой привет Эстер, Нетти, Владимиру и девочкам. Мы так рады, что в этот тяжкий час разлуки ты окружена настоящими друзьями. Жорж почтительно тебе кланяется.

Со всеми наилучшими пожеланиями и большой любовью.

Твой преданный сын

Юрий Р.

Мы пошлём тебе книгу *Преподобного Исаака Сирина «Пламень вещей»*. Книга этого святого была напечатана в Сербии, и на её обложке воспроизведена папина картина *«Новгородский Погост»*

Архив Музея Рерихов, Москва.

18 июня 1930 г. Париж.

Письмо Ю.Н. Рериха к Рериху С.Н.

Париж, 18 июня 1930.

Дорогой брат,

Получили два твоих письма и были рады узнать, что ты в хорошем расположении духа, несмотря на всевозможные промедления. Это просто удивительно как соблюдается процедура твоего дела. Странное отношение, о котором ты упоминаешь в своих письмах, вполне возможно и особенно на той стороне Атлантики, где "друзья" слишком активны и очень стремятся оттянуть дело.

Несмотря на все задержки, мы идём вперёд, и у нас есть несколько удачных событий, о которых нужно сообщить. Президент произвёл на всех нас неизгладимое впечатление, и его культурное отношение было высоко оценено отцом. Положение отца в мире культуры здесь широко известно, и не надо каждый раз заявлять, кто ты и зачем пришёл.

Послание, переданное в Марте, было очень хорошо воспринято и произвело глубокое впечатление на всех, есть большая вероятность, что в ближайшие годы произойдёт много важных событий. Очень часто говорим о Тебе, и надеемся, что у Тебя всё хорошо, несмотря на критическую ситуацию на бирже. Мы заказали здесь эмблему для музея. Она получилась очень хорошо, вышлем Тебе эскизы. Пожалуйста, отложи утверждение знака, сделанного в Нью-Йорке, до тех пор, пока Ты не получишь наш знак отсюда, поскольку оба знака могут быть представлены как различные степени знаков отличия М[узея] Р[ериха].

Посылаю Тебе эскизы знаков отличия Музея Рериха за заслуги в области искусства и науки I и II степеней. Также вышлем Тебе статус знаков отличия, который мы сейчас составляем.

Берегу для Тебя две книги по тибетской медицине: Бадмаев: «Система тибетской медицины», Часть I, 1898 г., Баторов: «Народная медицина монголов», 1926.

Пожалуйста, дай мне знать, следует ли мне отправить эти книги по твоему Нью-Йоркскому адресу или оставить их здесь.

Получили письмо из Наггара, они с нетерпением ждут нас. Мы сделаем всё возможное, чтобы решить все вопросы, и надеемся, что всё будет улажено в течение этого и следующего месяца. В Париже проводим время очень активно и наняли Твоего шофёра. Он хороший человек и очень предан Тебе.

Все твои Парижские друзья посылают Тебе свои самые лучшие пожелания. Особенно Жорж. К сожалению, его мать снова больна.

Пожалуйста, передай мои наилучшие пожелания всем в Музее. Надеюсь, что Ты получил моё письмо, пожалуйста, попроси Мисс Линден узнать о гранках моей книги.

С большой любовью,

Твой Юрик.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке (перевод с английского)

18 июня 1930 г. Париж.

Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

18 июня 1930 г. Париж

Родная моя Мамочка!

Мы только что получили твою телеграмму, подтверждающую получение телеграммы о нашей встрече с Президентом, которую мы послали тебе. Мы нашли в его лице человека высокой культуры и друга, хорошо осведомлённого о наших Учреждениях и о папиной работе во имя искусства и науки. Эта аудиенция была необычайно счастливой возможностью для всех нас. Было очень радостно увидеть, что Франция имеет своим Верховным Судией человека редких знаний в области искусства и науки.

Мы очень надеемся скоро соединиться с тобой и чувствуем, что друзья хотят помочь нам в этот трудный час. Очень радостно видеть, что все очень уважают Папу и папино положение в Российской империи хорошо известно во

французских кругах. Это особенно радостно, поскольку в некоторых странах мы обнаружили удивительный недостаток знания. Твоё письмо от 4 июня дошло до нас благополучно, и мы с удовольствием его прочитали. Надеемся, что летняя жара в Кулу не отразится на твоём здоровье. Я рад, что доктор Кельц поражён возможностями научной работы в районе Кулу. Его работа может быть очень важной. Пожалуйста, передай ему привет от меня.

Вчера у нас был обед в честь Папы, организованный маркизом д'Андины и Conseil Municipal de Paris. Это было очень счастливое событие. В Париже мы очень активно проводим время, и я лично расскажу обо всех интересных подробностях.

Мадам де Во Фалипо – настоящий друг. Жорж проводит хорошую работу. К сожалению, его мать опять страдает от острых приступов неустановленной болезни.

У нас очень хорошие новости от Франсис, её деятельность была благо-склонно прокомментирована посольствами Соединённых Штатов в письмах в Государственный Департамент. Светик всё ещё ждёт решения. Совсем недавно мы получили от него письмо, и он рассказывает нам много интересных подробностей обо всей процедуре. Сам я чувствую себя хорошо и энергичен как всегда. Глаз лучше, но мне надо много упражняться. Моя статья о тибетских тханках наконец-то появилась в «Revue des Arts Asiatiques».

Пожалуйста, сообщи мне, получила ли ты все семена, посланные в Наггар из Нью-Йорка? Не знаю, почему Вольдемар так долго хранит молчание. Как там Нетти и Эстер? Пожалуйста, передай им от меня огромный привет. Как девочки? Мы везём им ещё немного книг для чтения. Пару дней назад мы видели семью Чайлдов. Они верные друзья, а у Чарльза была очень хорошая выставка в Париже. У него большие успехи, он подарил Папе одну из своих картин.

С большой любовью,

Твой преданный сын

Юрий Р.

Пожалуйста, спроси Кельца, получил ли он всё своё оборудование? Наш нью-йоркский офис проводит большую работу, и новая секретарша мисс Линден – хороший работник.

Посылаю снимок с картины Чайлда. Думаем, не мы ли в ожидании виз?

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

18 июня 1930 г. Париж

Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г.

Париж / 18-го Июня 1930.

Дорогая Зина.

Только что получили Ваше письмо от 8-го с.м. Весьма любопытны подробности, сообщаемые Вами о ходе дела брата. Об этих влияниях я давно говорил, а теперь убеждён в них. Несмотря на задержку, мы бодро смотрим вперёд. После беседы 24-о Марта мне многое стало понятно, и я рад сообщить, что скоро получу возможность в области мне дорогой, и к которой я всегда имел склонность. Затруднения весьма часто создают новых друзей. После лекции отца 24-го марта многие вполне согласились с заданиями и готовы приложить все силы к развитию культурной деятельности во Франции. Итак,

будем работать во имя культурного строительства. Мне часто вспоминается легенда о Звенигороде. Сколь много в этих старых преданиях вечно нового.

Очень стремлюсь в Гималаи. Так важно побеседовать с Е.И. о моей научной работе. Твёрдо верим, что всё уладится, ибо на горизонте появляются счастливые возможности. Просим неуклонно сохранять бодрость духа, о которой свидетельствуют Ваши письма. Радуемся развитию French Association. Очень важное объединение в нынешнее напряжённое время. Передайте мой привет Георг. Дмитр. и родному отделу. Как всегда готов всемерно содействовать развитию.

Как прискорбно совершающееся на бирже. Истинно время гигантских сдвигов. Шлём всем вам наши лучшие приветы и верим в мудрое строительство.

Искренне Ваш, Ю.Р.

P.S. Теперь о <...>. Попросите перевести мои dolary (250 \$) за пол месяца в Bankers Trust в Париж. Передайте Miss Linden, чтобы она запросила о корректурах к моей книге.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

**21 июня 1930 г. Париж.
Н.К. Рерих.**

СОЗИДАТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Декларация Комитету Французского Общества имени Рериха в Париже

Сегодняшний день особенно памятен мне. Ровно тридцать лет тому назад я покидал Париж. Окончив моё художественное образование под руководством Кормона, Пюви де Шаванна, я увозил с собою не только Советы по искусству, но и жизненные советы, которые впоследствии вспоминались не один раз.

Среди замечательных художников, которых я встретил в Париже, часто меня поражало одно качество, которое лишь истинная культура могла дать им. Когда Пюви де Шаванн или Фернанд Кормон выражали суждение об искусстве, они выказывали при этом терпимость, достойную восхищения.

Вспоминаю, как однажды мы с Пюви де Шаванном проходили по большой выставке и можно было удивляться, какие положительные и благожелательные суждения высказывал этот великий мастер. Лишь иногда художник проходил в молчании, это было единственным знаком его неодобрения.

Годы творчества, годы труда и общения с людьми заставляют нас ещё глубже оценить светлое качество положительной терпимости, которое является спутником духа творящего. С годами мы начинаем осознавать, что нетерпимость есть не что иное, как невежество. Лишь знание и опыт, свободные от всех предрассудков, могут созидать строение прочное.

Радуясь сегодня выразить Французскому Комитету нашего Общества мою глубокую дружбу и вместе с Вами обозреть деятельность Комитета.

Изучая деятельность Комитета от начала Общества, мы можем отметить знаки самые благоприятные. Наша общая работа начата во имя единения. Та-

кое единение может быть основано лишь на сердечной симпатии. Эту взаимную расположенность и преданность я вижу в действиях нашего Французского Комитета.

Часто повторяем наш основной девиз: искусство и наука являются устоями грядущей эволюции. Мы настолько понимаем это общее основание, что не будем сейчас повторять о нём. Достаточно будет утвердить воспоминание о наших международных сношениях. В них не только возвышался дух человеческий, но и облагораживался. В течение последних месяцев мы имели много возможностей тесного сотрудничества. В Нью-Йорке была создана французская ассоциация, поддержанная выдающимся представителем Французской Республики Генеральным Консулом Монжендром. Накануне отъезда моего из Нью-Йорка я имел честь открыть это общество. Радостно было видеть, как в этот вечер доблестные знамёна Франции объединялись в великолепном созвучии со звёздными штандартами Америки.

Приветствие, принесённое нам генеральным консулом Монжендром, профессором "Колледж де Франс" Меллье и другими выдающимися ораторами, создало незабываемую атмосферу сердечности. Единодушные рукоплескания покрыли звуки Марсельезы, ещё раз показывая, как глубоко ценят граждане Соединённых Штатов великий французский народ, дружественный и союзный.

Вскоре после этого были основаны разные другие общества - Общество Св. Франциска Ассизского, Центр Спинозы, Общество Шекспира. Во время моего недавнего пребывания я узнал об образовании Британской Ассоциации Музея и Греческой Группы Оригена. Одновременно же в Южной Америке образовалось двенадцать наших обществ: в Бразилии, Аргентине, Перу, Уругвае, Чили, Боливии, Колумбии и в Мексике.

На прошлой неделе наш Музей имел честь принять президента Колумбийской республики. Следствием этого посещения было основание Колумбийской Ассоциации в Нью-Йорке. Трогательно отметить это единение во имя красоты и блага. Возвращаясь к деятельности Французского Общества, мы должны отметить те широкие возможности, которые так естественно встают перед нами. Каждая манифестация, каждая лекция и концерт подтверждают это. Лекции о французском искусстве и концерты старинной музыки Казадезюс доказывают успех этих общений. В нашем музее за протекающий год мы имели возможность дать целый ряд художественных и научных выявлений по разным отраслям творчества.

Я очень ценю, когда французские авторы и художники посещают Соединённые Штаты и показывают нам успехи французского искусства и литературы.

Я уверен, что французские власти создадут и для выступления Америки во Франции благоприятные условия. Могут быть созданы значительные фильмы, посвящённые историческим памятникам и подвигам французского народа. Тут же могут быть показаны живописные снимки Америки с её историческими красотами и живописными индейскими племенами.

Моё настоящее пребывание во Франции отмечено многими знаками, ценными для меня как знаки сердечности и духовного единения. Тринадцатого июня я имел аудиенцию у президента республики, оставившую во мне незабываемое впечатление. Президент в прекрасной форме выразился о значении искусства в государстве, высказал ближайшее знакомство с деятельно-

стью наших учреждений и сердечно затронул струны дружбы и культуры, что так характерно для славной Франции. "У Вас сердце Француза", - сказал президент, и в этом выражалось обобщающее чувство всех людей и всех наций, которое приуготовляет человечество к новым возможностям. Так же точно, когда президент республики сказал: "Нет ничего, что противоречило бы союзу Франции и Соединённых Штатов", - можно было оценить высокую политическую мысль, ведущую к плодотворному миру.

С тем же благожелательством президент очертил положение Азии, чем ещё раз показал стремление к миру и к культуре. Г-н президент мне поручил передать всем нашим друзьям чувство высокой благожелательности ко всем нашим культурным задачам. Я был поражён, увидев, насколько президент знает и ценит наши Учреждения в Америке и наше Французское Общество в Париже. Я был счастлив преподнести президенту республики американское издание "Гималаи" и книгу, изданную в Париже со статьями г-жи де Во Фалипо и Г. Г. Шклявера. Выходя после этой многозначительной аудиенции, я думал, что лишь подобные отношения, основанные на культуре, могут создавать лучшие возможности.

Перед нами обязанность поднимать новое поколение, сильное и просвещённое. Только в этом широком понимании государства могут установить сердечное сотрудничество.

Поистине этот день будет памятным для меня, ибо я не только мог оценить высокую отзывчивость президента республики, но также и благородство Франции, где так просвещённо можно обсуждать начала культуры.

Отвечая на мою телеграмму с сообщением об аудиенции, совет нашего Музея, в лице Луи Хорша, телеграфировал мне следующее: "Президент и совет Музея глубоко обрадованы аудиенцией Вашей у президента Французской республики. Президент Думерг всегда высоко нёс идеалы великого французского народа в их наиболее высоких устремлениях. Его просвещённое отношение к миру и к культурным задачам наших учреждений всегда сохранится в сердцах наших многочисленных друзей Америки, которые создают ближайший союз Франции и Америки средствами искусства и цивилизации".

В те же дни я имел приятную возможность встретиться со многими политическими и художественными деятелями Франции. Счастлив записать в анналы наши, что те же чувства обоюдной сердечности сопровождали все эти встречи. Это послужит не только для укрепления настоящих отношений, но поможет сковать блестящие возможности для будущего. Буду рад сообщить эти добрые вести всем нашим сотрудникам в Европе, в двух Америках и в Азии.

Я был глубоко тронут дружественным жестом городского совета Парижа, предоставившего в моё распоряжение для выставки зал Дворца Искусств. Ещё не знаю, когда удастся осуществить эту выставку, но во всяком случае приглашение города Парижа записываю среди самых сердечных знаков.

Передаю Вам сегодня два знамени. Одно - Знамя нашего Музея, другое - Знамя Мира для охранения сокровищ искусства и науки. Вы уже знаете, какие множества симпатий мы получаем моему проекту охраны культурных сокровищ.

Счастлив сообщить, что представители держав, собранные в Брюсселе 22 мая в сессии Музейного Комитета Института Интеллектуальной Кооперации Лиги Наций, единодушно подписали этот проект. Проект будет 18 и 22 июля

рассмотрен в Комиссии Интеллектуальной Кооперации Лиги Наций и мы надеемся, что впоследствии он будет ратифицирован правительствами. Во всяком случае, мы можем чистосердечно утверждать, что Знамя Мира уже входит в жизнь и выявляет бесчисленных друзей и почитателей культуры.

Также передаю Вам и знак нашего Музея. Будем надеяться, что этот знак, этот крест культурной работы, ещё более соединит членов наших учреждений, разделённых пространствами, но тесно связанных в духе.

Изучая быстрое развитие деятельности Комитета, полагаю, что в Париже необходимо создать особое помещение, которое явится Европейским Центром наших Учреждений. Кто знает, может быть, это будущее помещение Французского Общества и Европейского Центра быстро разрастётся в целый дом. Устремим эту мысль в пространство. Ещё невозможно представить, как составятся средства на это начинание, но если они нужны - они придут.

Когда в 1921 году мы начинали Институт Объединённых Искусств в одной комнате, мы не могли себе представить, как сложатся двадцать девять этажей нынешнего здания. Правильность и жизненность мысли сообщает ей качества магнита. Итак, начиная скромно, устремляйте мысль вашу о постройке мощной и победоносной, помня, что свет и благо - лучшие союзники. Допустим же мечту, что в городе света, в Париже, когда-то вознесётся вновь замок красоты и знания.

Мадам де Во Фалипо, столько делающая для нашего Общества, просила меня дать одну из многих картин для нашего помещения в Париже, что послужит началом отдела нашего Музея во Франции. С удовольствием исполню её желание, как только приеду в наш Гималайский Институт в Индии.

Пользуюсь случаем сообщить Вам, что Гималайский Институт вошёл в сношение с г-ном Манженом, директором Музея Естественной Истории в Париже, о пожертвовании собрания гималайской флоры. Проф. Манжен с обычным благожелательством выразил радость свою этому дару. Пусть цветы Гималаев окажутся новой гирляндой дружественной связи Франции и Америки.

Ещё одно значительное обстоятельство, знаменующее сотрудничество, хочу сказать Вам. Королевская Академия Искусств и Наук в Югославии избрала меня своим почётным членом и пригласила устроить экспедицию для изучения исторических мест Югославии. Письмо президента Академии Мануйловича сообщает о внимании короля Александра к нашим учреждениям и о высокой оценке королём Александром моего искусства. Радуюсь, что это сообщение получено на почве Франции.

С глубоким удовлетворением мы видам нарастающую работу наших обществ, протекающую напряженно, свободно, вне всяких предрассудков. Качество свободы в общественных построениях есть знак широкого сознания. Очень часто полезнейшие вещи осложняются нелепыми рутинными привычками. Но там, куда проникает энтузиазм, благожелательный и благодетельный, основанный на красоте и знании, там всё облегчается.

Если какой-нибудь невежда выступит против деятельности нашей, скажем ему в твёрдом сознании мы искренни, мы стремимся создать для каждого жизнь более прекрасную и более благородную. Мы ничто не разрушаем, мы созидаем. Мы принадлежим к положительным строителям и избегаем всякое отрицание. Не будучи безжизненными пацифистами, мы хотели бы видеть Знамя Мира развевающимся, как эмблему новой счастливой эры. Мы не от-

влечённые идеалисты. Наоборот, нам кажется, что тот, кто хочет украсить и облагородить жизнь, тот является настоящим реалистом.

Это устремление к общему благу создаёт и чувство Прекрасного; дадим же все наши силы для успеха этого нового посева.

Франция, которая мне представляется драгоценною чашею культуры, нам даёт прекрасный пример. Как Феникс возрождается из пепла, всегда более могущественный и прекрасный, так и великая, славная Франция после каждого испытания обновляется более мощной на своём пути к прогрессу.

Привет и лучшие чувства Французскому народу и всем нашим дорогим друзьям.

Париж. 21 июня 1930 г.

Н.К. Рерих. Держава Света. Southbury: Алатас, 1931.

Лето 1930 г. Париж.

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

ОСОБЕННОЕ

Лето 1930 года мы с Юрием проводили в Париже, на авеню Камюэнс. Была большая квартира с длинными тёмными коридорами. Дом старый, но подновлённый. Прислуга испанка уверяла, что она слышит в коридорах какие-то странные шумы, но мы не обращали внимания на её заявления. Однажды около полуночи Юрий проходил по коридору и услышал совершенно явственно, что перед ним кто-то шёл, как бы шаркая туфлями по полу. Другой раз рано утром Юрий проснулся, точно разбуженный, и увидел около постели падающий горящий дирижабль. Юрий разбудил меня, говоря, не произошло ли где несчастья? В то же время погиб в Бельгии дирижабль, летевший из Лондона в Индию. Но самое поразительное явление в этом доме было с чёрной кошкой. В восемь часов утра я вышел в столовую, где уже был накрыт стол для кофе. Столовая имела одну дверь и против неё большое венецианское окно, тогда запёртое. На белой скатерти стола сидела большая чёрная кошка с голубой ленточкой на шее и пристально смотрела на меня яркими жёлтыми глазами. Мы все кошек не любим. Далёкий от всяких потусторонних мыслей, я обернулся к Юрию, который был тогда в спальне, и сказал: "Какая гадость, кошка забралась", - и тотчас опять посмотрел на стол, но там никакой кошки не было. Мы осмотрели всю комнату, в которой, кроме буфета и стульев, ничего не стояло. Спросили прислугу, которая в то время несла кофе, но ни она, ни консьержка о такой чёрной кошке никогда и не слышали. Так мы о нашей "гостье" больше ничего и не узнали. Правда, именно на этом месте всегда сидела некая дама, которая впоследствии обнаружила все свойства чёрной кошки с жёлтыми злыми глазами. Не была ли кошка предупреждением? Сколько таких эпизодов можно записать. Однажды сенатора Кони спросили, не бывало ли с ним чего-либо необычного, необъяснимого? Он задумался, а затем улыбнулся и сказал: "Всё-таки был один такой случай". Оказывается, Кони имел тайное расположение к одной особе. Но о своём чувстве он никому никогда не говорил. Уже после смерти этой особы, в один из памятных её дней, посыльный принёс объёмистую посылку, которая оказалась мраморным бюстом этой особы. Откуда? Кто послал? Почему? Ко-

ни никогда не узнал. Да, бывают такие посылки. И Е. И., и Юрий, и Святослав знают, как из парижского банка приходит повестка о посылке. Много надземного и среди земной жизни.

1938 г.

Публикуется по изданию: Н. Рерих. О Вечном. М.: Изд. Политической литературы. 1991.

24 июня 1930 г. Кулу

Письмо Е.И. Рерих к Рерихам Н.К. и Ю.Н.

24 июня 1930 г.

Пасик и Юханчик, родные мои! Все думы сердца около вас. Пасик мой, ты глубоко прав, говоря, что кто-то старается сделать из тебя легендарную фигуру и создать небывалую рекламу нашим учреждениям. Иногда я задумывалась, что привлечёт нужное внимание, откуда придёт необходимое доверие? И вот, то и другое приходит и намечается в большем размахе, нежели мы могли ожидать. Интерес и симпатии растут с усилением запретов и препятствий. Путь обычной рекламы ничто в сравнении с сильными выпадами врагов. Большие люди никогда не боялись врагов, ибо их расширенное сознание могло оценить значение врагов. И мы знаем, что «если бы не враги, то благодарное человечество похоронило бы все лучшие начинания». Потому в радости подвигу во имя знания и красоты произнесем нашу любимую формулу – «хвала врагам!» Вивекананда говорил, что Христос и Будда потому так запечатлелись в умах человечества, что Они счастливы были иметь врагов. Ведь люди ещё очень грубы и кровожадны, и даже лучшие из них любят цену крови и страданий, заложенных в основании начинаний, несущим им же Свет! Все трудности, чинимые вражеской рукою во время нашей экспедиции, нужны были, чтобы привлечь внимание, и лишь они в глазах обывателя украсили наш путь. Так будет и здесь. Тупая жестокость, вызывая возмущение и тоску разлуки в больном сердце, увенчает нас венцом мученичества, и ещё одна блестящая страница обогатит биографию.

Оппозиция нашим мирным начинаниям во имя красоты и знания есть вызов всему культурному миру. Оппозиция эта обнаруживает бездну морального и духовного невежества. Чины инквизиции, кардиналы, сжигавшие Жанну д'Арк, осудившие Галилея, и святые Константины, предававшие огню величайшие откровения, лишь переоделись в современный фрак, кстати, своим покровом приближающий их к хвостатым предкам; истинно, сознание творит свои символы! Истинно, ещё не изжито сознание средневековья! Мрачная страница в будущих рекордах истории культуры XX века! Но трудна борьба против культуры и эволюции. Можно задержать, но остановить ход эволюции невозможно. Бывают сроки, когда особенно губительно идти против ведущего Космического Магнита. И чем напряжённее сопротивление, тем страшнее разрушение под напором этой Космической мощи. Мы же знаем, что время космического смещения наступило и все уходящие силы, напрягаясь в борьбе, ускоряют своё непреложное падение. Всюду вспыхивают сигналы надвигающейся катастрофы, а люди слепы и глухи! Голоса отдельных учёных о грозном состоянии планетной коры – глас, вопиющий в пустыне. Поучительно составить список планетных катастроф за последние годы. Количество и размеры их идут с возрастающей силою и чередою и прямо пропорциональны росту

тупости, невежества и грубости восприятия людей. Отсутствие наблюдательности поразительно!

Итак, мои любимые, всем существом верю в победу наших мирных и светлых начинаний. В борьбе закаляются силы, в борьбе зарождаются возможности, и притяжение неминуемо там, где все силы напряжены. Мы знаем, какой неисчерпаемый резервуар силы представляет из себя чистая психическая энергия. Дух и воля претворяют жизнь. Владыка постоянно указывает на победу и на созидание новой ступени. Явление препятствий даст звезду непобедимую. Так создается щит делам. «Лишь явление радости может задержать победу». Будем радоваться растущим легендам, ибо легенда увенчает дела. Умело используем все выпадения врагов. Интересны астрологические указания на текущие годы. Также пророчества Нострадамуса. Лето полно борьбы, битва Сатурна с Уранусом, осенью усиление Урануса.

Теперь о докторе. Он хорош, очень подвижен и работяга, всем доволен и без особых предрассудков, также умеет постоять за себя. Ему здесь очень нравится, и он всем нравится. Сейчас ушёл в горы, надеется около снегов найти цветущие растения. Да, родной мой Юханчик, организация «Урусвати» в Америке ещё неважна. Не умеют своевременно уведомить нас о присылаемых научных материалах, причём отправляют их без необходимых бумаг для освобождения от пошлины. Владимир Анатольевич пишет тебе подробно. Книжки твои в порядке, и краски Пасика не засохли, следим.

Сердце моё неважно, малейшее усилие вызывает сильный прилив крови и дурноту, почти не двигаюсь, редко спускаюсь вниз. По ночам сплю, окружённая мешками, наполненными снегом, и около постели стоит кувшин со льдом для опускания рук, нужно избежать пожара. Иентуся сильно похудела в заботе о моём самочувствии, она так остро чувствует свою ответственность. Удивительный человечек, так тонко понимает, так выросла в понимании основ, неопределимый сотрудник и свидетель. Большая радость мне. Также Нетти крепнет в понимании и к отъезду утвердится. Роль Иентуси в Америке может быть огромна. Бедняга Франсис занеслась и обнаруживает бездну непонимания. Пока не трогаю её, пускай работает в счастливой самоудовлетворенности. Время придёт сказать, что я даже смягчила все обращенные к ней указания. Вообще много непонимания, сильно огорчает Радна, но об этом при свидании. Имей в виду, что более чем когда-либо, мы должны поддерживать друг друга и подтверждать всё нами сказанное, тобою или мною. Есть тенденция среди Радны и Модры исказить и противопоставить не только наши слова, но и указания. Так, Франсис заявила, что ты ей сказал, что ты не понимаешь строгости Указания и очень ей доволен. И потому Владыка тоже не понимает её, и кто-то её оклеветал. Подобное сознание граничит с глупостью. Владыка определяет подобное сознание ниже ступени пригласительного класса. Счастлива, что Светик дружит с Луисом. Владыка также хвалит моего воина Юханчика за его мужественность и хорошо говорит о Светуне. Родные, любимые мои воины духа, красоты, знания и веры в непреложность космических начертаний, будем несокрушимы! «И вознесутся славные имена ваши!» Культурные идеи ведут и спасают человечество! Сердцем, всеми думами окружаю вас. Только вам скажу: так хочется увидеть вас, любимые, но долго не позволяю себе останавливаться на этой мысли, ибо приходится тогда прибегать ко второй порции мускуса, а это нежелательно. Мой сердечный привет семье Шклявер.

Пасик родной, большая просьба – когда будешь писать в Америку, пожалуйста, укрепи положение Логвана как твоего заместителя в глазах членов, это совершенно необходимо и неотложно. Владыка так настаивает на понижении Иерархии и постоянно указывает, что Логван – твоя рука в делах и Нетти – глаз Урусвати. Его не пустили ехать одного в Вашингтон, и в момент важного ответа сопровождавший его М. отвлек внимание посторонним вопросом и разбил впечатление. На его желание ехать без сопровождаемых ему было указано, что Н.К. установил, чтобы всегда двое ехали с поручением. Намекни деликатно, что члены выросли и могут действовать на свою ответственность, обходиться без нянюшек.

Владыка очень заботится о предоставлении Логвану возможности роста в самоутверждении, иначе как найдёт нужные слова. Все должны уметь говорить и стоять за права Учреждений. Пасик, мне дана задача утвердить понятие Иерархии среди членов; родной мой, помоги мне, ибо, как я уже говорила, сейчас есть тенденция противопоставлять твои слова посылаемым указаниям. Логван трогателен в своих письмах, и Иентуся передала мне столько прекрасных поступков. Врождённая деликатность не позволила им отяжелить тебя, но они много переняли за эти годы от Франсис и Радны. Установление космического права, как называет Владыка, необходимо. Опасна мать Франсис. Неужели возможно, что брат Франсис сделан президентом Общества Друзей Рерих Музеум? Неужели нельзя было найти более значительное лицо? Мы прочли в газете в заметке о приёме какого-то испанского деятеля. О состоянии Франсис Владыка сказал, что Указания, может быть, уже опоздали, ибо самомнение при детском понимании очень вредит делам. Сейчас мы пишем Модре прекрасные и ободряющие письма, ибо она нуждается в силе вдохновения, но потом придётся осторожно поставить её на место. Встряска ей необходима, её дух нуждается в этом душе. Иентуся пишет под мою диктовку, ибо я не могу писать на машинке: сердце начинает прыгать и боли в спине под лопатками затрудняют дыхание. Книга «Беспредельность» растёт, соединю её с «Агни Йогой» и «Шамбалой». Всё так переплетено, что, если начать выделять одну «Беспредельность», то она будет лишена души. Очень грозны указания о надвигающейся планетной катастрофе. Флавию исполнится едва 25 лет, как многие страны перестанут вообще существовать. Грозное время, а люди не хотят понять значение кооперации при надвигающейся катастрофе!

Архив Музея Рерихов, Москва.

24 июня 1930 г. Париж.

Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

24 июня 1930 г. Париж

Родная моя Мамочка!

Получили Ваши письма от 11 июня, одно от Эстер и одно от Влад[имира], со всеми подробностями о жизни и деятельности в Наггаре.

Мы все очень озабочены состоянием твоего здоровья и молимся, чтобы воссоединиться с тобой в ближайшем будущем. Эстер совершенно права, когда говорит, что всё, что сейчас с тобой происходит, имеет особый смысл. Мне очень жаль, что ты до сих пор не получила ответа на твои письменные и теле-

графные обращения. Это кажется невероятным. Копия письма от господина миссионера просто смешна. Отказать в убежище больному человеку и женщине – новое направление и определёнno первый случай за историю миссии. Мы делаем всё возможное, чтобы ускорить дело, и полностью уверены в конечном успехе. Завывание бури очень часто содержит приятные ноты, и мы прочно держимся в седле.

Я очень рад, что доктору К[ельцу] нравится место и его работа. Он произвёл очень хорошее впечатление в Нью-Йорке, и я счастлив, что учёный и благородный человек сейчас с тобой. Последнее качество сегодня крайне редко встречается. Влад[имир] пишет, что ты не получила ни список книг, принадлежащих исследовательскому институту, ни накладную на ящики с оборудованием. Всё это было послано тебе заказным письмом очень давно. Также я написал письмо о докторе Кельце и удивляюсь, что ты его ещё не получила. Много писем, должно быть, затерялось. Как ты знаешь, все мои письма посылаются заказными, и все квитанции хранятся у меня в конторе.

Я очень хотел бы с тобой поговорить, потому что знаю, что тебя очень порадуют некоторые рассказы. Моя статья о принадлежащей Светику коллекции тибетских тханок наконец-то появилась, и я пошлю тебе ее экземпляр, как только получу оттиски.

Получили письмо от Светика. Его дела всё ещё откладываются, и вся процедура приобрела необычную форму. Он в хорошем расположении духа.

Я рад сообщить о большом успехе в Южной Америке, где Франсис проводит хорошую и полезную работу. Приём на Европейском континенте также был очень тёплым.

Я рад, что ты наконец-то получила посылку с семенами, которую я послал тебе из Нью-Йорка. У меня с собой ещё один пакет семян редких цветов, которые мне дал один друг из Филадельфии. Я привезу их сам.

Нам жаль, что Панчи стареет и что его придётся заменить после нашего возвращения. Его астматическое состояние было очевидно уже давно. Надеюсь, что остальная часть нашего зоопарка чувствует себя хорошо.

Оползни – это очень прискорбно, и я надеюсь, что сезон дождей не принесёт дальнейших разрушений, поскольку похоже, что в имении много слабых почв.

Пожалуйста, передай мои самые лучшие пожелания Эстер, Нетти, Влад. и девочкам.

Твой преданный сын

Юрий Рерих

P.S. Надеюсь, Мама помнит письмо миссионера из Ле.

Архив Музея Рерихов, Москва

ИЮЛЬ

1 июля 1930 г. Париж

Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г.

Paris / 1-го Июля 1930.

Дорогая Зина.

Спасибо за Ваше письмо от 17-го июня. Очень хорошо понимаем положение, о котором Вы пишете в связи с поездками Луиса. Решительное вмешательство могло бы радикально изменить отношение официального мира. Его ждали, но оно ограничилось беседами по телефону. Теперь приходится идти иными путями. Положение на бирже, а также тарифы сильно повлияли на местные круги. Много искр в атмосфере, но строительство продолжается.

Сегодня Н.К. имел свидание с одним из наиболее активных деятелей церкви.

Передайте мой привет Г.Дм. и Т.Д. Ждём вестей от них. На прощание тот пристально посмотрел в глаза и сказал: мы, кажется, поняли друг друга. Глубоко значительный момент, когда под стягом культуры сойдутся все, кому дорога мечта о родном крае.

Вполне доволен работой Линден. Необходимо собрать справки обо всех археологических начинаниях Америки. Кажется, в С. Франциско имеется очень активная группа археологов. Наш Институт совершенно необходимый вклад в эту науку. С нашим приездом в Наггар деятельность значительно разовьётся. Пока пусть собирает сведения по археологическим Школам в U.S.A. Также пусть попросит Magoffin'a прислать обязательную статью о способах ведения раскопок, которую он мне обещал для 1-го номера Bulletin Института.

Искренний привет М.М. и С.М.

Ваш

Архив Музея Николая Рериха. Нью-Йорк

2 июля 1930 г. Париж.

Письмо Н.К. Рериха к Рериху Святославу.

2 июля 1930 г.

Родной Светик, спасибо за письмо. Миленький мой, и чего эти суды тянут Твои бумаги? И откуда этот формализм и холод, который попортил наше дело в Л. Да, всё-таки здесь иное отношение. На этой неделе здесь должна произойти новая комбинация. Шкл[явер] пишет меморандум о земле. Характерно, что они пишут не о земле, а о Halle Est. Ни слова о нашем другом участке. Во всяком случае, за это время сделано очень много полезного.

Пишут, что Ты выдаешь Mundi – это очень хорошо. Конечно, тариф и крахи очень меняют здешние отношения. К нам и учреждениям здесь отношения хороши.

Целую крепко

НР

Видел Твоих Буше – очень хороши.

Архив Музея Николая Рериха. Нью-Йорк

3 июля 1930 г.
Письмо Ю.Н. Рериха к Калитинскому А.П.

3 июля 1930 г.

Профессору А.П.Калитинскому
директору Семинария Кондакова,
Прага, Чехословакия.

Мой дорогой профессор Калитинский,

С превеликим удовольствием извещаю о Вашем избрании членом-корреспондентом Института Гималайских исследований, которое осуществлено по решению Попечителей Музея Рериха и Правления Института.

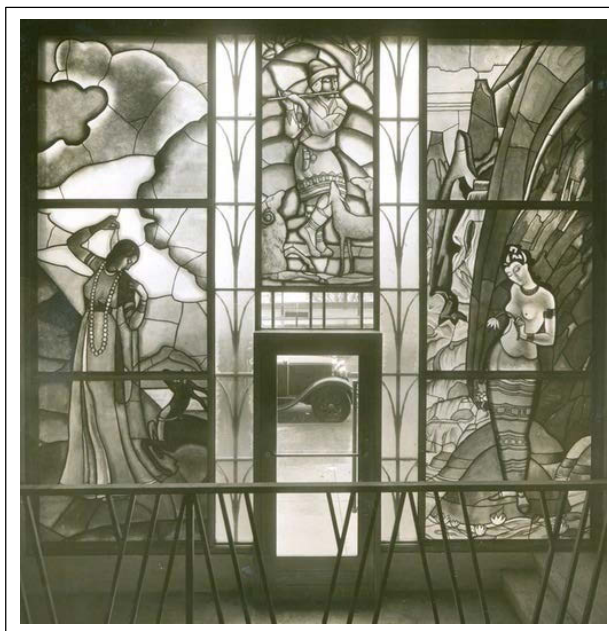
Попечительский совет и Правление высоко оценивают Ваш интерес к деятельности Института «Урусвати» и рады пригласить Вас к сотрудничеству.

Время от времени мы будем посылать Вам отчёты о продвижении дел. Любые предложения, которые Вы можете высказать, будут приняты нами с особым вниманием и благодарностью.

С наилучшими пожеланиями от Совета Попечителей и Правления Института.

Сердечно, Ваш,
Юрий Рерих,
директор Института «Урусвати»

*(На бланке Института Гималайских исследований «Урусвати»; перевод с английского).
Публикуется по изданию: «Ариаварта». 1996 г. Начальный выпуск.*

Витраж Музея Рериха, исполненный по рисункам Н.К. Рериха. Нью-Йорк, Фото 1930 г.

5 июля 1930 г. Париж.

ЗОВ О КУЛЬТУРЕ

*Обращение на учредительном собрании Комитета Общества Друзей Культуры
Париж, 5 июля 1930 года*

Понятие *Культура*, по значению самого корня своего, устремляет к самоотверженному изучению, познанию и наслоению всех исканий, возвышающих сознание. Самое огрубелое сердце затруднится отринуть благородную красоту культуры, созданную безбоязненными подвигами духа. Можно расходиться в путях цивилизации, можно спорить о признаках прогресса, но невозможно не учуять понятие Культуры, сокровищницы всего возвышающего, путевого столба истинной эволюции. Каждый живущий и мыслящий понимает также и ответственность свою перед сложением светлого будущего.

В трепете исканий доходим до живого синтеза, чтобы сносить воедино разнообразные накопления и, после вражды невежества, опять оценить терпимость и соизмеримость, сложенную знанием.

Не казалось ли иногда, в буднях смятения и неустройства, что в мелочах подразделений, в серых нагромождениях исчез Свет Единый, ведущий, прощающий и обновляющий?

Но час особого смятения пены высекает гребень волны. Многообразно начинают собираться сведения о том, что в самых неожиданных углах творятся полезные достижения. Издалека доносится зов, в котором бодро звучит светлое слово "Культура". И работники всех отраслей оборачиваются и улыбаются этому мирному и ответственному призыву. Всё созидательное и трудящееся, умеряя голос неверия и осуждения, начинает приближаться взаимно, зная, что достоинство Культуры уберёжет от оскорбления; зная, что огонь духа, которым живо сердце, поможет достичь сознания ближнего и оправдает всё самоотверженное и созидательное.

Безмерно надоело разрушение! По признаку созидания и Культуры начали собираться. В Нью-Йорке, в марте этого года, создалось Общество Друзей Культуры и немедленно к основе начали прирастать в разных странах отделы.

Без особых оповещений начали притекать драгоценные сведения о работе неоглашённой, созидательной, вдохновляющей. Сколько многостороннего опыта накапливается, сколько прилагается незаменимого труда, дающего мировые понимания.

Разнообразны подробности уставов и правил отдельных ветвей общества, применённые к основному занятию и устремлению группы, но от этого нисколько не потрясается основное, всесвязующее понятие.

"Если можем встречаться во имя ценности Культуры, ведь это уже огромное счастье, ещё так недавно невозможное. Пусть в своеобразных выражениях, пусть в смятениях духа, но пусть бьётся сердце человеческое во имя Культуры, в которой сольются все творческие находения. Мыслить по правильному направлению - значит уже двигаться по пути к победе".

Радостна была возможность ответить на обращение учредителей Общества Друзей Культуры 4 апреля так:

Друзья!

Как радостно соединить драгоценное понятие Друг с понятием Культуры. Среди всех, часто необоримых, сложностей современной жизни понятие

Культуры высятся, как несокрушимая Башня, как тот великий Мост, по которому мы достигнем берег прекрасный.

В разных частях света, в разных состояниях и в разных устремлениях мы находим то же зовущее, обобщающее понятие Культуры. Если нечто должно быть забыто - оно легко может быть забыто во имя Культуры. Если нечто должно быть создано - оно легче всего может быть создано во имя того же понятия света. Этот свет не отвлечённый, но свет реальности, как само Солнце согревает сердце человеческое и от прошедшего обращает нас лишь к будущему.

Изучая основы Культуры, мы видим, что немое ограниченное "нет" было лишь губительным, тогда как светлое, готовое к подвигу и созидательному труду "да" создало целые великие эпохи.

В новых открытиях современности много дано человечеству. Люди полетели, растворяя условные границы. Но с какою же вестью? Люди послали свой голос через безбрежные пространства, но каков этот зов? Мы имеем право совершенствоваться Прекрасные открытия лишь во имя Культуры. Мы имеем право облегчённо создавать лишь во имя великой будущей Культуры. И нет такого чёрствого человеческого сердца, которое бы не смягчилось перед понятием Культуры.

Рад принять Ваше избрание, ибо каждый должен принести свою каплю в чашу достижений светлого будущего. Собирайтесь в культурно-трудовые организации в разных странах и разных частях света в крепком деловом общении. Протягивайте через все океаны и через все горы мужественную руку, знающую радость труда и сотрудничества. Ещё раз укрепимся в сознании, что ограниченное "я" уступает перед мощным "мы", и эти "мы" во имя просветительного подвига, во имя оздоровления, укрепления и украшения жизни не остановятся перед просветлённым трудом.

Если праздник труда не в бездействии, то во время этого будущего праздника позволено будет подняться на гору и оттуда увидеть бесчисленные нити, действительно соединяющие человечество во имя прекрасного Строительства. Поистине радостно сознание, что объединение именем Культуры из абстракции облеклось в дело и зовом своим напоминает и воодушевляет созидательный труд.

Сколько духовных единений! Сколько рассыпанных по всем материкам научных и художественных начинаний! Сколько рабочих мастерских и инженерных предприятий! Сколько соколиных спортивных ячеек будут объединены и укреплены.

Сколько кооперативных и финансовых дерзаний будут осмыслены тем же благородным созидательным зовом "Культура".

Сколько новых открытий, сколько побед над хаосом стихий, сколько неустанного творчества вспыхивает там, где растёт бодрое достоинство Культуры.

Да живёт живущее! Общество друзей культуры уже живёт и укрепляется неожиданными далёкими друзьями. И будет жить, и будет широко творить благо это общество, ибо сроки пришли.

Привет!

1930.

Публикуется по изданию: Николай Рерих. Держава Света. Рига: «Виеда», 1991.

17 июля 1930 г. Париж
 Таможенная декларация Н.К. Рериха, собирающегося выехать в Соединенные Штаты.

(Form 228.)
 (Established July, 1917, and amended July, 1918.)

DECLARATION OF ALIEN ABOUT TO DEPART FOR THE UNITED STATES.
 (See General Instructions No. 886.)

AMERICAN CONSULATE-GENERAL, LONDON, ENGLAND, July 17, 1930.

I, Nicholas Roerich, Professor Artist.
 a citizen or subject of Russia since Birth
 bearer of passport No. 624 dated December 23, 1918 issued
 by Russian Consul in Stockholm, am about to go to the United States. The persons men-
 tioned below are the immediate members of my family; those whose names are underscored accompany me on
 this journey.

Wife, Helen, born at Petrograd 1879
 Sons under 18 years of age, as follows:
Sviatoslav, born at Petrograd 1904
 And daughters under 21 years of age, as follows:
 _____, born at _____
 _____, born at _____

1. I was born at Petrograd on September 27, 1874
 My father was a citizen or subject of Russia of the Russian
 race; my mother was born a citizen or subject of Russia of the
Russian race.

2. (a) I last resided at London 25 Queen's Gate Terrace, on July 10, 1919
 (b) I have resided in or visited the following countries within the past six years for the objects mentioned
 herein: Russia (1917), Petrograd, Finland (1917-1918) Wiborg,
Sweden (1918-1919) Stockaund, Norway Bergen, London
 objects of residence July 10, 1919

4. I have _____ previously resided in the United States as follows: _____
 objects of residence _____

5. I intend to depart for the United States on the date, from the port, and on the steamship as follows:
August 13 Date London (Bombay) Port Maidera Steamship

6. I name the following, with addresses, as references:
 (a) Sir Bernard Pares, (King's College) Dr. Hagberg Wright,
 in the country from which declarant starts
 (b) Chr. Brinton, Homestead Farm, Westchester, Pa.
 in the United States.

7. I expect to go to the United States for Russian Embassy
Exhibition of paintings.
 as shown by invitation from Dr. Christian Brinton.
 Documents or other proofs of object
 to reside at New York
 City, street and number
 * [I desire to proceed to the United States merely in transit to _____ and to remain
 in the United States only _____ days. I intend to depart from the United States at _____.]
 City and country Place of departure

8. I have informed myself of the provisions of Section 3, Immigration Act of February 5, 1917, and am convinced
 that I am eligible for admission into the United States thereunder.

9. (a) I realize that if I am one of a class prohibited by law from admission into the United States I will be deported
 or detained in confinement in the United States; and
 (b) I am prepared to assume the risk of deportation and of a compulsory return trip in case of my rejection at
 an American port.

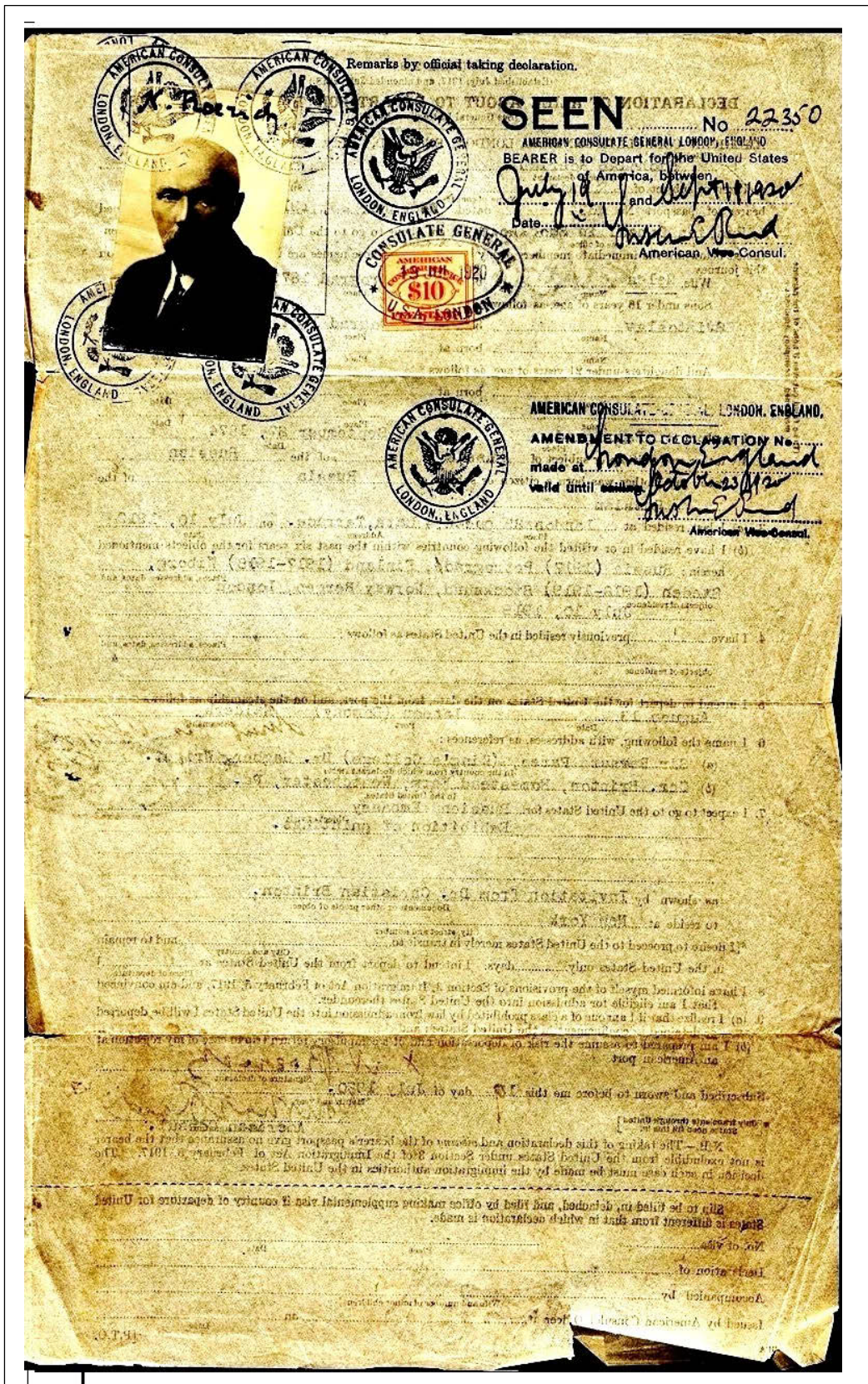
Subscribed and sworn to before me this 17 day of July 1930
 Signature of declarant N. Roerich

 American Consul.

[Only transients through United States need fill this in.]
 N.B.—The taking of this declaration and vising of the bearer's passport give no assurance that the bearer
 is not excludible from the United States under Section 3 of the Immigration Act of February 5, 1917. The
 decision in each case must be made by the immigration authorities in the United States.

Slip to be filled in, detached, and filed by office making supplemental visa if country of departure for United
 States is different from that in which declaration is made.

No. of visa _____ Place _____ Date _____
 Declaration of _____
 Accompanied by _____
 Wife and number of minor children _____
 Issued by American Consul/Officer at _____ ON _____ Date _____ [P.T.O.]

Архив Музея Перухов, Москва.

20 июля 1930 г. Париж.
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

20 июля 1930 г. Париж

Родная моя Мамочка!

Все наши мысли о тебе. Принимаем все меры, чтобы ускорить решение. Главное, сохраняй здоровье. Это самое важное в настоящее время. State Department и наши друзья французы вновь двинулись на приступ. Сегодня воскресенье, но завтра ждём известий. Беседовали со Светой по телефону через океан. Хорошо слышно. Он бодр, а также энергично работает над ускорением разрешения. Видели M. Raymond Poincare. Этот большой человек обещал всё своё содействие в работе Музея. Удивительно видеть, как большие люди обеих Америк и континентальной Европы признают значение Папы. Вчера также Министр Колоний приглашал нас посетить колонии Франции. Поразительна разница в отношении! Из New York'a пишут, что в день рождения Преподобного Св. Сергия заложен Храм Его Имени. Итак, твёрдо совершается строительство Духа и пути будущего обозначаются многими знаками. Вообще много знаков кругом. Франция как всегда проявила большую чуткость и сердечность. Человечность многих из официальных лиц заслуживает внимания. Председатель нашего общества M-me de Vaux Phalipau необычайно преданный человек. Она всегда очень радуется письмам из Naggar'a.

Послал через «American Express» 4 ящика с Scientific Equipment, а также с частью моих личных книг. Надеюсь, всё дойдёт в сохранности. В большом ящике, где седло, найдёте ножницы для цветов. Маленькие для тебя, а большие для девочек. Также несколько пар сапог для них. Кроме того, лекарство для розовых кустов и несколько книг по садоводству.

Посылаю Dr. Koelz'у руководство по сбору коллекций для Jardin des Plantes. Par avion послали тебе два пакета лекарств и иголки для впрыскивания по совету Dr. Lapeuge. Увидишь сама, как ими пользоваться, из прилагаемой копии рецепта. Надеюсь, всё дойдёт хорошо. В отдельном письме Влад[имиру] пишу о делах Института. Появились некоторые заметки в газетах о причинах невыдачи виз, но они нас не беспокоят.

Тетя Соня шлёт привет. У нас с дядей хорошие сердечные отношения. Марина и Нока в Америке. Марина ожидает снова прибавления семейства. Русификация Америки делает гигантские шаги.

Надеюсь, Вы уже получили пакеты книг, посланные из Парижа.

Искренний привет Netti, Esther, Влад[имиру], Людмиле и Рае.

Крепко обнимаю.

Любящий тебя,

Ю. Р.

Архив Музея Рерихов, Москва.

21 июля 1930. Париж
Письмо Ю.Н. Рериха к Рериху С.Н.

Париж / 21-го Июля 1930 г.

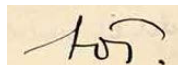
Дорогой Света,

Радостно было слышать твой голос в телефоне. Да, мы бьёмся по всему фронту. Заметка в Timesot 18-го с.м. только показывает разложение противника.

Здесь пока ничего не было. Видимо решили замолчать, о причинах молчания в газетах узнаем завтра. Французы снова предприняли энергичные шаги. Ждём результатов со дня на день. Рады были узнать, что Castle готов помогать. Голоса Америки недостаточно сильно звучат. В Лондоне. Причина этому - формалистика посольства. Видели Poincaré, обещал своё полное содействие в делах Института. Ты уже знаешь, что мы получили паспорта, дающие нам привилегии граждан. Из Naggar'a пишут о скверном состоянии здоровья Мамы. Главное, её не беспокоить. Таможенные затруднения с посылками, видимо, их очень взволновали. О каждой посылке писалось заранее, и я мало понимаю в чём тут дело. Видимо, многие письма пропали. Получил ли Ты моё письмо о фотографиях? Не знаешь ли, когда пришлют "proofs" моей книги?

Georges [Жорж - ред.] ждёт письма от Тебя и шлёт привет. Часто вспоминаем Твои рассказы из Швейцарского быта. Но в больших волнах всё смывается. Привет всем.

Крепко обнимаю,

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

21 июля 1930 г. Париж.

Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г.

Париж. 21-го Июля 1930.

Дорогая Зина,

Спасибо за Ваше сердечное письмо от 5-го с.м. Мы чувствуем всю Вашу заботу и велика наша тягость при мысли о волнениях Е.Ив. Действительно, нет границ человеческой глупости. Принимаем все меры, но так важно, чтобы State Department подчеркнул бы своё отношение в деле. Даже противник высказывался в этом смысле. Франция продолжает оказывать чрезвычайное внимание. Получил хорошее письмо от Георгия Дмитриевича. Пожалуйста, передайте ему \$20 на построение Храма в счёт моего след. жалованья, которое также след. переслать в Bankers Trust, Paris. Построение Храма Преподобного - великое дело и мы всемерно должны его поддерживать. В день Преподобного (5-го июля стар. стиля) было собрание общ. Культ. у нас.

Из Naggar'a пишут много о посылках botanical и друг. снаряжения без извещения. Видимо, этот вопрос не очень беспокоит. Прошу, напишите им, что о всех посылках сообщалось отдельно, и что, вероятно, письма пропали. Также о приезде Dr. Koelz писалось мною ещё в Марте. Я говорил и предупреждал Dr. Koelz, что лучше брать equipment с собою. Надеюсь, они нашли пропавший ящик. Жду моих "proofs". Запрос Tale Press о правах печатания выдержек более чем странен. Специального разрешения не требуется.

Привет всем,

Преданный

ЮР

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

24 июля 1930 г. Прага.
Письмо А.П. Калитинского к Рериху Ю.Н.

24 июля 1930 г.

Юрию Рериху, директору Института Гималайских исследований при Музее Н.Рериха в Нью-Йорке

Мой дорогой директор,

Позвольте мне выразить Вам искреннюю благодарность и принять почести, которыми Вы одарили меня, избрав членом-корреспондентом возглавляемого Вами Института Гималайских исследований.

Я постараюсь, насколько это будет возможно в моих силах, оказаться полезным в Вашей деятельности на ниве научных поисков - в решении тех проблем, над которыми Ваш Институт работает и которые по существу важны для понимания русской культуры.

Сердечно Ваш *А.Калитинский*

Публикуется по изданию: «Ариаварта». 1996 г. Начальный выпуск. (На бланке Института Гималайских исследований «Урусвати»; перевод с английского).

24 июля 1930. Париж
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г.

Лично

Париж 24-го июля 1930.

Дорогая Зина,

Спешу ответить Вам на Ваше письмо от 13-го с.м. Я вполне согласен с Вами, что в случае введения режима экономии Miss Linden лучше работать по Школе. Я весьма доволен её работой, и мне кажется, что её следовало бы сохранить. Хорошие работники так нужны. Всё, что Вы пишете о состоянии сознания официальных кругов подтверждается каждый день. Да, всё могло быть иначе, если бы в самом начале июля была проявлена ими настойчивость. Продолжаем вести упорный бой. Атмосфера очень напряжена, и приходится стойко держать позиции. Ав. пишет о новом романе Mundi. Тема интересна и показывает, насколько он знает. Напишем на нашем щите «осторожность». Мы рады его дружбе, но не думаю, что его интерес в построении часовни был бы глубоким. Лучше Имя Преподобного держать среди истинных друзей.

Вы, конечно, знаете положение об отправках снаряжения (ботанического и другого) в Индию для Института. Я подробно написал Шиб[аеву]. Всё было сделано согласно правилам. Я помню, что предупреждал Koelz'a взять снаряжение с собою. Надеюсь, они всё получили. Хорошо бы было возобновить сношения с Влад. Конст. в Харбине. Напишите ему, или попросите Георг. Дмитр. списаться. Я писал Георг. Дмитр. Славный друг, часто о нём вспоминаем. Мы рады видеть, что Вы знаете о глубоком значении времени. Как бы порывы ветра перед громом событий. Благостная гроза даст многим облегчение.

Пишу отдельно Miss Linden о всех текущих вопросах в связи с Институтом. Сердечный привет всем,

Духом с Вами

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

25 июля 1930. Париж
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

25 июля 1930 г. Paris

Родная моя Мамочка!

Получили Ваши письма от 10-го с[его] м[есяца]. Надеемся, что в прохладе гор твоё здоровье несколько оправится. Прилагаем все усилия, чтобы возможно скорее достигнуть Naggar'a. Сегодня получили известие, что франц[узское] Посольство в Лондоне продолжает переговоры. Также написали в Вашингтон, дабы усилить американскую линию. Принимаем все меры к ускорению дела. Так хотелось бы повидать всех Вас. Ведь уже 14 месяцев прошло с нашего отъезда. Будем надеяться, что всё войдёт в должное русло. Рад слышать, что Koelz всем нравится. Он славный малый, и я надеюсь, что он проведёт полезный год. Я подробно написал Влад[имиру] о всех посылках, а также о расходах. В New York'e были приняты все меры, но, видимо, «Shipping Co°» недостаточно внимательно отнеслась к пересылке из Bombay в Naggar. Копия нашего budget, вложенная в письмо Влад[имира], объяснит Вам расходы по разным статьям. Советую запросить New York о переводе некоторой суммы в Индию. Вы должны были получить budget уже давно. Пишу отдельно Koelz'у о работе. На днях отправил Вам 4 ящика со всевозможными вещами, список которых послал Влад[имиру]. Надеюсь, всё дойдёт в хорошей сохранности. Письмо Моравской Миссии мы переслали некоторым <...>.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

28 июля 1930 г.
Письмо Н.К. Рериха к барону фон Таубе.

28 июля 1930 г.

Дорогой барон фон Таубе,

Имею удовольствие сообщить Вам, что Вы избраны Почётным Советником Музея Рериха. Это избрание также означает, что Вы имеете титул Почётного Члена Французской ассоциации друзей Музея Рериха. Уверен, что Вы будете готовы оказать свою незаменимую поддержку нашим начинаниям, способствовать Красоте, Знанию и Миру. Пользуюсь случаем, чтобы сообщить Вам, что я ознакомил Совет Траста с принятым решением относительно сотрудничества между Музеем Рериха и будущим Международным Институтом Востоковедения. Я буду созывать специальный совет, информирующий о дальнейшем развитии этого проекта, предназначенного для оказания лучшей помощи продвижению научного знания и развитию идеалов культуры.

С верой, искренне Ваш,

Н.Рерих

Бахметьевский архив Колумбийского университета
Публикуется по изданию: "Дельфис" №80(4/2014) Письма Н.К.Рериха к М.А.Таубе

АВГУСТ

*3 августа 1930 г. Париж
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.*

3 августа 1930 г. Paris

<...> Надеюсь, ни Ваша, ни наша корреспонденция не пострадала.

Продолжаем бой на всём фронте. В печати появились заметки о нашем деле, неизвестно кем пущенные, которые значительно укрепили нашу позицию. Французское Правительство снова сделало «représentation», и State Department также телеграфировал в Лондон. Будем надеяться, что это новое движение будет иметь хорошие результаты.

Выписали из Германии «Спермин» д-ра РоеГя и послали пакетом par avion. Также другой пакет лекарств. Надеюсь, всё [дойдёт] в сохранности. <...> в остальных делах всё обстоит благополучно. Моя большая книга всё ещё находится в печати. Кроме неё издали ещё у Geuthner'a сокращённую сводку на французском языке. Сейчас работаю над книгой для Seminarium Kondokovianum в Праге, хотя атмосфера и не способствует научной работе. Как бы хотелось скорее добраться до Кулу. Главное, береги здоровье. Надеемся, что высоты укрепят состояние. Послала тебе замечательную книжку – отрывки из православного «Добротолубия». Шлю сердечный привет Nettie, Esther and the girls. От Светы имеем хорошие вести. Получили фотографии с каравана Dr. Koelz'a.

Крепко обнимаю,

Ю.Р.

Публикуется по изданию Юрий Николаевич Рерих письма том I (1919-1935) Москва, 2002

*3 августа 1930 г. Париж
Письмо Ю.Н. Рериха к Кельцу В.*

Уважаемый доктор Кельц,

С сожалением узнал, что моё предыдущее письмо затерялось. Официальные переговоры с Британским Министерством иностранных дел и Индийским департаментом этого министерства в Лондоне задержали меня в Европе дольше, чем я ожидал. Надеюсь, что скоро мы сможем к Вам присоединиться.

Господин Шибает сообщил мне о Вашем отъезде в Лахул, и я надеюсь, что у Вас будут богатые результаты. Думаю, стоит связаться с братом местного Такура в Кейланге (Лахул), известным собирателем лекарственных растений. У него обширные познания в области тибетской народной фармакопеи, которая, как Вы знаете, представляет собой один из предметов нашего научного исследования. Коллекция лекарственных растений Тибета имела бы огромное значение. Я привезу с собой «rGyud-bzi» в переводе Позднеева, классический тибетский труд по медицине. Пока же Вы могли бы собирать информацию через Вашего англоговорящего переводчика.

На прошлой неделе я послал Вам авиапочтой «Руководство по сбору растений», опубликованное парижским Jardin des Plantes. Директор Ботаническо-

го сада очень хочет иметь солидную коллекцию гималайской и тибетской флоры.

Также я обсуждаю с Французской медицинской академией возможность встречи на предмет, сможет ли французский врач быть в штате нашего Института в Индии.

Надеемся опубликовать наш первый Бюллетень где-то будущей осенью. Каждый наш штатный сотрудник должен будет написать отчёт о своей работе за прошедший год. Кроме того, члены Института – представительная группа ученых, как из США, так и из Европы – выразили свою готовность дать статьи в наш Бюллетень.

Мисс Линден прислала мне все подробности об отправке научного оборудования. Мне жаль, что произошла задержка, но все необходимые шаги были предприняты. Дезинфицирующие средства и бирки для коллекции растений, а также геологическое оборудование были посланы из Парижа через компанию «American Express», я надеюсь, что всё дойдёт благополучно.

У господина Шибаева есть все сведения об этом отправлении.

Юрий Рерих

Юрий Николаевич Рерих письма том I (1919-1935). Москва, 2002

4 августа 1930. Париж

Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г.

Париж / 4 Августа 1930 г.

Родная Зина,

Только что получил письмо от Мисс Линден от 23-его Июля с известием о сдаче офиса 2007 и перевод его в мою квартиру 2004. Известие это нас весьма поразило, ибо казалось, что нам выгоднее иметь много офисов в доме. Если же комнату 2007 нельзя было не сдать, по каким-либо причинам, то офис Института можно было бы перевести в другую комнату. Весьма беспокоюсь участью моих книги личной переписки, которые были сложены в один из клозетов [closet (англ.) – стеной шкаф. – Ред.] комнаты 2007. В настоящее время требуется особая осторожность с книгами и перепиской. Вы, конечно, это поймёте. По соображениям личного характера предпочитаю, чтобы квартира моя стояла пустой, тем более, что собираюсь сделать кое-какие переделки. Книги лучше сложить в квартире, хотя бы в ящик.

Сегодня получили вашу телеграмму о статье в Таймс. Вся эта возмутительная история является явной провокацией и нам придётся разобраться в её истоках. Вы, надеюсь, помните, тех двух молодых людей, которые посетили нас прошлым летом. Один из них теперь в Париже и уже проявил себя. О них мы имеем точные сведения. Они имеют большое влияние в газетах Херальд Трибьюн.

Наши французские друзья продолжают энергично помогать и сегодня послали новые инструкции в Лондон. Отрадно видеть энергичных людей, полных сознания своего долга. Отменно также рыцарское отношение к даме. Последнее качество, увы, совершенно исчезает. Будем надеяться, что соединённые усилия американцев и французозов принесут скорые результаты.

В письме Мориса читали о Скоттах. По пути ли нам с ними.

Радовались, читая письма Г.Д. От них всегда веет сибирской бодростью. Узнали, что одна русская дама в Париже хранит плат с лика Преподобного. Постараемся убедить её передать плат в Часовню Чураевки.

Скоро в Америку собирается генерал Потоцкий. Привезёт сведения о нас.

Сейчас много работаю над книгой для Семинария Кондакова. Хочу кончить до отъезда в Индию. Послал Мисс Линден письмо с указаниями.

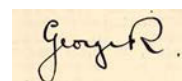
Из Наггара просили прислать смету на год, что и было сделано, Видимо, много писем пропало в дороге.

Получили ли Вы моё письмо о переделках квартиры. Все письма я послал по Вашему адресу в городе.

Давно не имели писем от Светы. Надеюсь, у него всё благополучно. Неужели нельзя подогнать Ловештейна. Наш новый паспорт действует хорошо. Это был большой жест со стороны Франции.

Передайте, пожалуйста, привет всем Вашим.

Духовно Ваш,

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (Машинопись).

16 августа 1930. Париж

Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

16 авг.1930 г.

Родная моя Мамочка!

Все ещё бьёмся в надежде скорого разрешения вопроса наших виз. Кардинал Вестминстера лично ездил в India Office хлопотать по нашему делу. Также the Duke of Somerset. На днях имели письмо from His Majesty's Principal Secretary of State for Foreign Affairs. Согласно этому письму: «the matter is under consideration». Как долго это «consideration» будет еще продолжаться – один Господь знает. Но мы бодры. Папа могуче двигает новые объединения вокруг Музея. Институт имени акад[емика] Кондакова избрал Папу Почётным Председателем и присоединился к кругу наших дел. Газетные заметки о каких-то причинах невыдавания виз вызвали бурю негодования. Мы ежедневно получали письма, высказывающие своё возмущение. Foreign Office официальным письмом от 30 июля опровергло «причины». На днях правительства Южно-Африканских республик интервенируют по нашему делу.

Надеемся, что горы укрепят <...>¹.

В моём письме, которое передала тебе Nettie (особо на его первой странице), посмотри некоторые мои мысли и переживания. Одобряешь ли их? В этом направлении открывается работа.

Ю. Н. Рерих письма том I (1919-1935). Москва, 2002

17 августа 1930. Париж
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г.

Paris/ 17 Авг. 1930.
Личное

Родная Зина,

Спасибо за Ваше письмо т 4 с.м. Генерал Дм. Ник. Потоцкий вам подробно осветил положение дел. Мы все продолжаем бороться, вводя новые силы в бой. Как-то всё должно разрешиться. Конечно, нынешнее правительство Англии враждебно к русским, особенно национальным, т.е. антисоветским. Рад узнать, что часовня им. Св. Сергия подвигается. Прилагаю вырезку из местной газеты о движении на Дальнем Востоке и Монголии. По сведениям движение это разрастается и носит стихийный характер. Передайте, пожалуйста, вырезку Георг. Дмитр. Нашему Сибир. старшине надо знать. Много знаков кругом и сроки подходят. Сейчас стоим на дозоре. Новое общество **Research** research интересно. Конечно, все "research", но мне хотелось бы больше знать о характере этого "research" [исследование (англ.)].

Весьма поражён был переносом моего офиса в мою же квартиру. Удивительно. Нашли ли икону Св. Сергия? Предпочитаю оставить мою квартиру пустой. Имею на это причины личного характера из области психических явлений.

Два раза видели Katherine. Собирается ли Света в Париж? Katherine едет в Сентябре обратно в N.Y.

Духовно Ваш,

Сейчас у нас гостит Лукин. Чудный человек.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

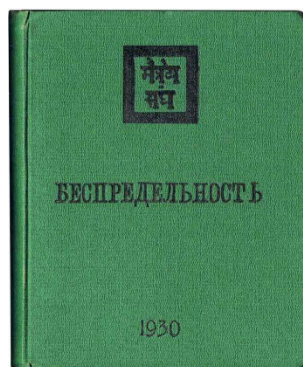
20 августа 1930 г. Кейланг, Лахуль
Письмо Е.И. Рерих к Рерихам Н.К. и Ю.Н.

20 августа 1930 г. / Кейланг, Лахуль

Родные и любимые мои Пасик и Юханчик, сердце моё так рвётся увидеть вас, но дух вооружился терпением, ибо понимаю всю мудрость, всю красоту происходящего. Незабываемые страницы нашей жизни! Как всегда, враги помогают слагать нам ступень великого будущего. С полной искренностью мы скажем им в будущем: «Мы могли быть вашими друзьями, но вы сами захотели стать нашими врагами, да будет так!»

Как прекрасна мысль Баннера of Pease, не ожидала такого успеха, такого размера отзывчивости. Очень отрадное и показательное явление, что понимание ценности культуры проникло и живёт в сознании человечества. Хорошо бы издать отдельную брошюру всех получаемых ответов. Сколько прекрасного можно было бы создать, объединив всех носителей культуры! Наши Учреждения и «Урусвати» должны стать этим объединяющим центром. Впоследствии мы могли бы иметь информационное бюро всех новых мыслей, исканий, достижений во всех областях науки, искусств, социальных проблем, медицины и т.д., и т.д. Можно было бы издавать еженедельные бюллетени и ежемесяч-

ный журнал. Многое можно создать, но где сотрудники и где средства! Терпение, терпение, терпение!

Порумочка привезёт вам книгу «Беспредельность», также все Указания Владыки кругу и мои письма в Америку, из них увидите, что внутреннее состояние круга далеко от необходимой гармонии. Для установления новой ступени более высокого понимания Учения нарывы должны быть вскрыты, на что я и решилась. <...>¹ Случая с инспектором полиции, после переодетых саниазинов с полицейскими номерами, гуляющих по нашему компаунду и расспрашивающих наших слуг, после всей клеветы на наше имя? К сожалению, наш милый Яруя не всегда находчив в ответах.

Наш советник убеждён теперь, что правительство боится притока американского капитала и влияния. Также их пугает ярко выраженная симпатия населения. Положение здесь очень серьёзное, и, конечно, они не хотят иметь свидетелей такого калибра, как ты и Юханчик. Они боятся, что ты дашь истинное освещение происходящему. Бедные, не могут допустить, что мы совершенно не интересуемся их политикой, ибо знаем космические сроки, которые уже не могут быть ни задержаны, ни остановлены.

29.VIII. Родные мои, постоянно думаем о вас и так ждём дня вашего приезда. Владыка сказал: «Всё придёт», в полном доверии мы устремляемся к этому часу.

Сейчас пришла почта, твоих три письма от 7 и 13 августа. Третье без даты – должно быть, кто-то ими интересовался. То, что ты пишешь о подделке, об искажении смысла письма Иенты, об изъятии строк с упоминанием о моей болезни, чудовищно, и нашему негодованию нет границ. Действительно, это какая-то шайка бандитов, но очень мелких, ибо работа топорная. Неужели не могли подобрать соответствующих чернил? «Истинно, когда мир содрогается от смещения энергий и стран, утерявших своё значение, Мы напрягаем силы высших путей, и на противоположных позициях употребляются низшие меры. Так утверждаются самые мощные возможности. Так, тактика Адверза – Наша мера». И знамя Владыки будет развеваться по всему миру.

Порумочка уезжает послезавтра утром. Пишу урывками, столько нужно ещё сделать, дописать и столько дать напутствий.

Родные мои, обнимаю вас, но неужели мой Светуня запоздал с гражданством? Так хочется увидеть его.

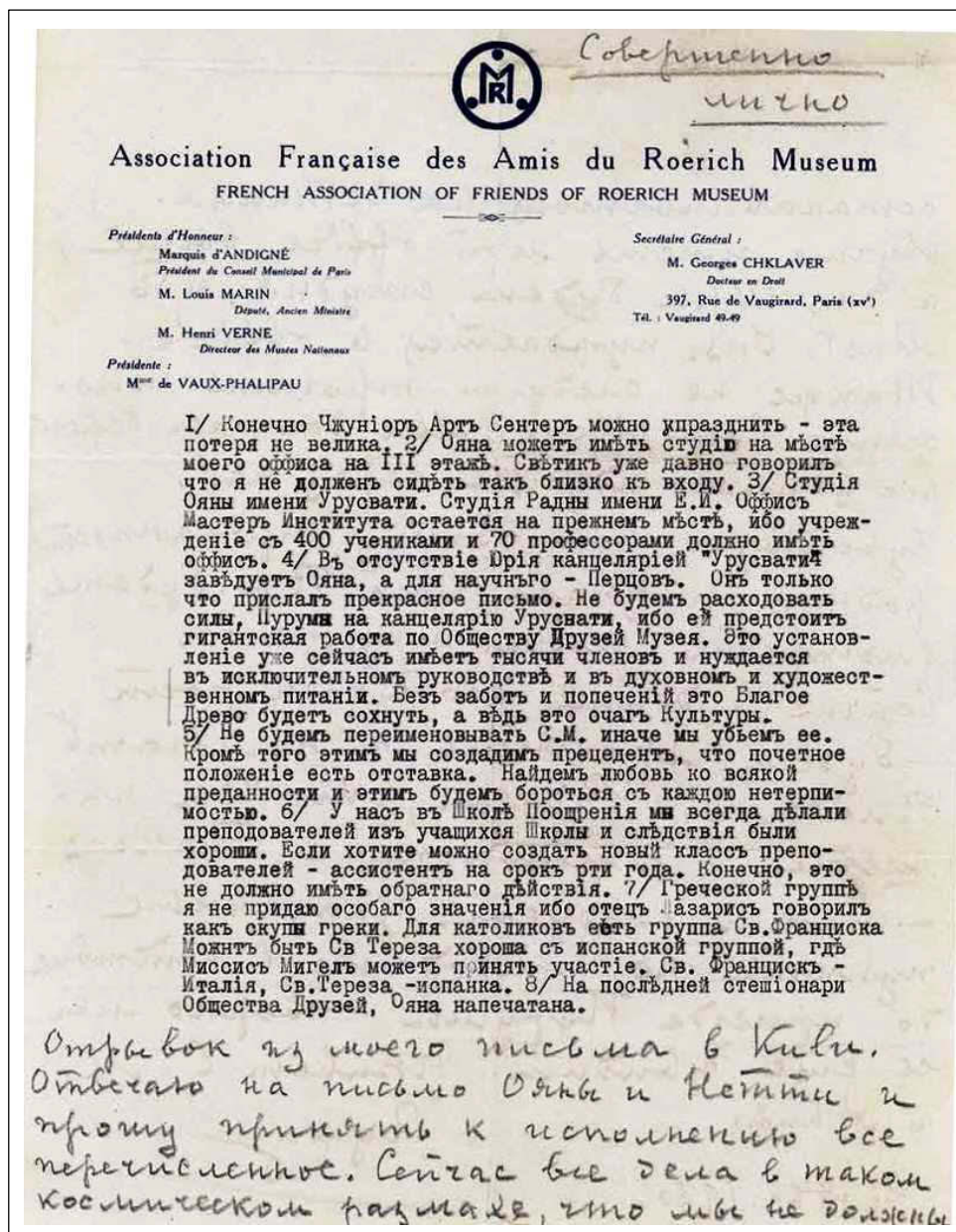
Пасик, неужели мы не будем преследовать клеветников? Не худо было бы разоблачить их?

Архив Музея Рерихов, Москва.

21 августа 1930 г. Париж

Письмо Н.К. Рериха к Лихтман З.Г.

[на бланке Французской ассоциации друзей Музея Рериха (совершенно лично)]

Автограф письма Н.К. Рериха
[Отрывок из письма Н.К. Рериха в Кулу (машинопись)]

Текст письма (машинопись):

1. Конечно, Чжуніор Арт Сентер можно упразднить – эта потеря не велика. 2. Ояна может иметь студию на месте моего офиса на III этаже. Светик уже давно говорил, что не должен сидеть так близко к входу. 3. Студия Ояны им. Урусвати. Студия Радны имени Е.И. Офис Мастер Института остаётся на прежнем месте, ибо учреждение с 400 учениками и 70 профессорами должно иметь офис. 4. В отсутствие Юрия канцелярией «Урусвати» заведует Ояна, а для научного – Перцов. Он только что прислал прекрасное письмо. Не будем расходовать силы Парумы на канцелярию Урусвати, ибо ей предстоит гигантская работа по обществу Друзей Музея. Это установление уже сейчас имеет ты-

сячи членов и нуждается в исключительном руководстве, и в духовном и в художественном питании. Без забот и попечения это благое Древо будет сохнуть, а ведь это очаг Культуры.

5. Не будем переименовывать С.М., иначе мы убьём её. Кроме того, мы создадим прецедент, что почётное положение есть отставка. Найдём любовь ко всякой преданности, и этим будем бороться со всякой нетерпимостью.

6. У нас в Школе Поощрения мы всегда делали преподавателей из учащихся Школы, и следствия были хороши. Если хотите, можно создать новый класс преподавателей – ассистент сроком на три года. Конечно, это не должно иметь обратного действия.

7. Греческой группе я не придаю особого значения, ибо отец Лазарис говорил, как скупы греки. Для католиков есть группа Св. Франциска. Может быть Св. Тереза хороша с испанской группой, где Миссис Мигель может принять участие. Св. Франциск – Италия, св. Тереза – испанка. В последней <стешонаре> [статье] общества Друзей Ояна напечатана.

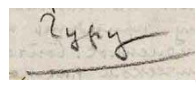
(внизу приписано карандашом):

Отрывок из моего письма в Кулу. Отвечаю на письмо Ояны и Нетти, и прошу принять к исполнению всё перечисленное. Сейчас все дела в таком космическом размахе, что мы не должны останавливаться на деталях. Лучше иметь мой office выше, а для Ояны будет студия, ибо Mast[er] Ins[titut] нуждается в office'е.

Также не следует трогать положение Соф[ьи] Мих[айловны]. Мы должны беречь всё, идущее от неё. Чувствую всю Вашу преданность, родная, и знаю, что Вы будете смотреть шире широкого.

Сейчас в делах необычайный рост – будем хранить и помогать Владыке. Радует, что Вы пишете о переписке с Frances – так и следует. Указанные пункты не приводите в действие до приезда Парумы. Верно, мы её ещё увидим.

Привет Соф. Мих. и Авир[аху]

(Гуру)

21 Авг. 1930 г.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

21 августа 1930. Париж.

Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г.

Paris/ 21 Авг. 1930.

Личное

Родная Зина,

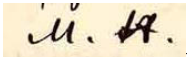
Получили Ваше письмо от 7-го Августа. Пишу это письмо лично. Многие места Вашего письма заставили нас задуматься. Что за Co-Masonik-Lodge? В прошлом письме своём я уже писал о Scott. Неужели Св. не видит смысл совершающегося? Для Парижа понятие «масоник» недопустимо. Мы только что перебороли весьма сильно течение против этих понятий. В нашей культурной работе лучше всего держаться в стороне от подобных организаций. Требуется большая осторожность.

Написал Луису о переводе офиса в мою квартиру. Видимо, существует представление, что я против сдачи офиса в 2007. Да, конечно, я против пере-

вода офиса в мою частную квартиру, но вполне согласен на перевод его в другую комнату, если 2007 сдаётся. Это было решено уже до моего отъезда сюда. Наш Институт должен иметь своё помещение, ибо без этого невозможно развивать дело. Своё Cable [телеграмму (англ.)- ред.], но к удивлению получил ответ от Луиса.

При нарастании генеральной линии и выявлении постановления от 24-го марта с.г. значение Сибирского Отдела и его блюстителя особо возрастает. Вы это понимаете и следует неукоснительно проводить это среди жизненных препятствий и чисто личных отношений.

Очень радовались посещению Ав[ирахом] и Тар[уханом] Митрополита Платона. Здесь, в Париже, православные пастыри необычайно ярко поняли значение Н.К. Особо важное время. Кругом Н.К. собирается круг верных людей

и наша чрезвычайно полезна. Удивительный человек.

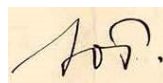
Получили славное письмо от моего друга Перцова. Он хорошо понимает значение Института. Хорошо бы из Мисс Линден сделать ответственного работника в Институте. С этим, конечно, не следует торопиться, но можно иметь в виду. В будущем, (а сроки близки), придётся действовать на иных рубежах.

Вы, наверное, уже видели Дмитр. Ник. Потоцкого. Он Вам даст картину нашей работы здесь. Много работаю в моей области, а также в области строительства будущего. Не за горами день, когда придётся двинуться в поход – этой последней и великой ставки св. Сергия.

Потому необходимо готовить второочередных сотрудников.

Шлю сердечный привет всем Вашим.

Духом с Вами,

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

**22 августа 1930. Париж.
Письмо Юрия Рериха к Рерих Е.И.**

22 августа 1930 г. Paris

Родная моя Мамочка!

На этой неделе получили длинное письмо Esther и Nettie с изложением желательных изменений в организации Школы. В своём письме Папа уже подробно ответил на все затронутые вопросы, потому пишу исключительно об Институте. Рад слышать, что Esther стремится заняться Институтом. Боюсь, что для Nettie будет слишком много работы по Обществу Друзей, чтобы ещё заниматься Институтом. Общество чрезвычайно разрослось, и в будущем году наши Европейские отделения потребуют много работы. Собственно говоря, по Институту работа ограничивается замещением меня на заседаниях Trustees и Finance Committee. Вся routine work ведёт Miss Linden, которая вполне справляется с работой. Научной стороной деятельности Института в Америке заведует В.А. Перцов, мой друг и духовно близкий мне человек. О нём хорошо говорит Вл[адыка]. До сих пор на заседаниях Trustees меня замещала Зина. Надеюсь, она согласится продолжать работу в отсутствие Esther и моего, ибо до отъезда обсудили во всех деталях деятельность Института. Отчёты Института Вам посылаются еженедельно.

Budget почему-то не посылается нашим Finance Office, хотя я неоднократно просил об этом. Надеюсь, Вы теперь регулярно получаете его. Боюсь, что многие письма пропадают, как это было в деле с письмами, извещающими о поездке Dr. Koelz. Вы пишете о каком-то Chesterfield. Такого я не знаю, но думаю, что Esther имеет в виду Mr. Shuttleworth'a, с которым я действительно вёл переговоры. Вопрос остался открытым. В моём письме Влад[имиру] Ан[атольевичу] посылаю ряд указаний по научной работе Института. Рад сообщить, что библиотека Института получает от издателей ценные книги.

Всеми силами стараемся получить визы. Вопрос принял совершенно неожиданные формы. Америка сделала энергичные представления. Все Ю[жно]американские страны также двинулись. Собираются поднять вопрос в Лиге Наций. Словом, неслыханный случай. Верим в победу, но всё же грустно, что приходится напрягать все силы на борьбу с людской тупостью. Написали сильные письма в Главное Управление Моравских Братьев в Саксонии. Всюду требуем удовлетворения. Главное теперь откинуть всё личное и сохранить единение. Приезжал из Риги д-р Лукин. Чудесный человек. Мы много говорили и многое вырешили. Бар[он] Таубе нашёл в своих изысканиях о нашем роде, что в 1246 г. в Померании жил Friedrich von Roerich, comtur ордена Тамплиеров. Там до сих пор существует замок Roerichen и река Roericke. Много интересных подробностей.

Посылаю несколько фотографий Марины с сыном.

Шлю сердечный привет Esther, Nettie, Людмиле и Рае.

Любящий,

Ю.Р.

Архив Музея Рерихов, Москва

24 августа 1930 г. Париж

Письмо Ю.Н. Рериха к Калитинскому А.П.

Paris, 24 авг. 1930 г.

Дорогой Александр Петрович,

Посылаю Вам 11 фотографий предметов, орнаментированных в «зверином» стиле. Английский текст скоро будет готов. Посылаю также одну фотографию каменной могилы Северного Тибета.

Ждём Ваших вестей об Институте. Написал секретарю нашего Himalayan Research Institute, Miss Linden, о новом Институте в Праге.

«Последние новости» (19.VIII.30) сообщили, что проф. Н.Н.Поппэ (СПб. Университета) открыл в Бурятии ряд курганов. В них найдены многочисленные предметы древности: жел<езные> стрелы, копья, стремена, части сёдел, бусы и т.д. Кроме того, обнаружены предметы каменного века. Скончался академик В. Бартольд. Большая утрата.

По нашему визному делу всё ещё ведутся переговоры.

Шлём сердечный привет.

Искренне Ваш,

Ю.Рерих

Публикуется по изданию: «Ариаварта». 1996 г. Начальный выпуск.

28 августа 1930. Париж.
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г.

Paris/ 28-го Авг. 1930.

Родная Зина,

Спешу ответить на Ваше личное письмо от 15-го с.м. Советую Miss Linden сохранить для Института, с тем, чтобы она работала у Вас полдня для школы (если этого требует режим экономии). Вам на месте виднее. Заявления Dr. Kunz пока лучше оставить без ответа. Н.К. подробно напишет. Castle действительно энергично принялся за дело, но противники продолжают на своих укрепленных позициях. Продолжаем действовать. Читали о делах в Перу. Удивительно, как умеют бегать вожди стран!

Esther прислала хорошее письмо об Институте. Видимо, понимает всё положение. Буду ждать Ваших вестей с моим дядей.

Теперь о моей квартире. Конечно, Stucco [*гипс (анг.)*] очень дорого. Я имел в виду "cement" цемент наподобие верхней комнаты. Сообщите, если это возможно. Кроме того, хотел построить простые полки для книг. Но об этом сообщу позже.

Шлю сердечный привет всем Вашим.

Передайте мой привет нашему «молчальнику» Свете. Забыл даже, как его почерк выглядит. Сегодня завтракаем к Cathrine.

Духом с Вами

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

28 августа. 1930 г. Париж.
Письмо Н.К. Рериха к Рериху С.Н.

Родной мой, миленький Светик,

Давно не имеем от Тебя вести. Сражаемся здесь и вместе с вопросом визы удаётся сделать многое очень полезное в главной линии. Кто такой Skott - имя, упомянутое в последних письмах? Не имеет ли он касания к S. Service? Rambova приглашала меня к каким-то Skott'ам. Где был Spaulding - они показались странными.

Как было приятно встретиться здесь с Катрин и Фриче - славные! Мы у них завтракали. Так хорошо поминался Ты и было искреннее возмущение Англией. До чего доходит, если полиция не только вскрывает, но меняет содержание писем Ояны. Такое совершенно неслыханно, даже в деле сыска. Но зато их проделки создали нам массу друзей. Вместо вреда получается польза в большом плане. Конечно, в Лахуле Масику дышится легче. Следующий наш удар - на Лигу Наций, где будет общее собрание 5 сентября. Время боевое, но и всё будущее без боя недостижимо.

Родной Светик, напиши нам. Шлём Тебе все приветы и здоровье.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

30 августа 1930. Париж.
Письмо Ю.Н. Рериха к Рериху С.Н.

Париж, 30 августа 1930

Дорогой Света!

Посылаю это письмо с Кэтрин. Давно не было от тебя вестей. Великий молчальник у нас. Как обстоит дело с твоим гражданством? Из газет видим, что как будто билль Блума проходит. Всё ещё продолжаем действовать. На днях Южно-Африканские республики делают коллективное представление великобританскому послу в Париже. Жорж [Шклявер] едет 7 сентября в Женеву. Наш вопрос будет поднят французской делегацией при содействии Гильберта и перивианского министра. Всюду большое возмущение отношением властей. Нет слов описать возмутительность происходящего.

Из Наггара пишут, что Нетти скоро собирается в обратный путь. В общих делах наших много интересного. Необычайно ярко вырисовывается значение Папы. Сняли новое помещение для Общества друзей на rue de Poitiers, VII. Хорошее помещение в чудном доме. Княгиня Четвертинская пожертвовала несколько ценных шкафов для книг и свыше 11 картин и рисунков Папы. Кэтрин тебе подробно расскажет о помещении, ибо мы её возили туда. Два раза завтракали с ними — меню «а ля Светик»: макароны с грибами, икра, фрукты.

Посылаю тебе в дар сборник текстов греческих алхимиков.

Сердечный привет, любящий тебя

Юрий Рерих

Из архива Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

30 августа 1930. Париж.
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г.

Paris/ 30-го Авг. 1930.

Родная Зина,

Посылаю это письмо с верной оказией. Продолжаем действовать. На будущей неделе Южно-Американские Республики сделают коллективное представление Великобританскому Послу. Вопрос будет также поднят в Женеве. Словом, действуем во всех направлениях. В нашем деле ярко выявилась старая вековая вражда Англии к России и боязнь экономической экспансии Америки. Нам открыто говорили, что национальное движение в Индии поддерживается Американскими деньгами, из-за каучука!! Словом, потеряли головы и захлёбываются во лжи.

В общих делах продолжаем быть успешны. Кэтрин Вам расскажет о помещении. Она милый человек и мы имели несколько хороших бесед.

Удивительно, как проскальзывает повсюду message марта, 1930. Как будто предчувствие. Особенно, конечно, стараются врачи, раздувая всё в необыкновенные размеры. Прямо диву даёшься! В Сибири крепнет движение, и мелькают давно указанные имена. Словом, корабль плывёт в больших волнах. Нужно быть готовым к большим действиям.

Рад, что Тарухан и Нару бодро и светло смотрят в будущее. Часовня Преподобного имеет совершенно особое значение. Очень хотелось бы узнать результаты Вашего свидания с генералом Потоцким.

Как Вы уже знаете, мы образовали общество Культуры здесь, во Франции, Будущая зима будет полна событий. Очень беспокоит нас положение в

Америке. Кризис отразился повсюду: В Германии и Польше дела весьма неважны. Конечно, устоим перед всеми трудностями, ибо знаем, что перед великими потрясениями всегда замечается кризис. Восстановление новой и Великой России будет не малым кризисом.

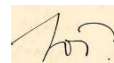
На днях послал Вам письмо о текущих делах Института. Сегодня имели интересную беседу с Литовским Посланником.

Прилагаю при сём фотографию Н.К. , снятую на нашем балконе.

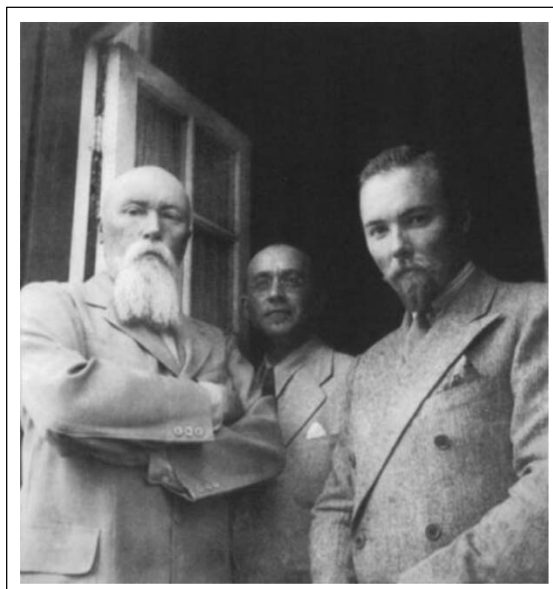
Жорж Шклявер едет 7-го Сент. В Женеву.

Сейчас стоит ужасная жара, пришедшая из-за Океана. В прошлом письме написал о своей квартире.

Передайте, пожалуйста, мой привет всем нашим,
Духом с Вами,

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

Н.К. и Ю.Н. Рерихи. Париж. 1930 г.

**30 августа 1930 г. [Париж].
Письмо Н.К. Рериха к Рериху С.Н.**

Родной мой Светик, посылаю Тебе с верной оказией всю мою радость общения с Тобою. Все мы с Юрием толкуем о Тебе, и хоть на расстоянии, живём к Тебе близко. Прошу пришли мерку с Твоего пальца – хочу Тебе послать шевальер с гербом, как теперь у Юрия. Ведь Таубе уже докопался до 1265 г.-командор Ордена Темплиеров. Все дни стремимся о визах. Теперь Южно-американские республики делают соединённое представление. Кроме того, Корнехо и французы будут говорить о Лиге Наций в Женеве. Думаем, что мысль (Манни) Страуса о подписании петиции неплоха. Америка предупредила Англию, что с нами будет cause celebre. Если Англия хочет этого - пусть имеет! Посылаю заметку о Германовой – нельзя ли сделать что-то при Church Drama. Надо бы ей помочь. Она как раз подходяща для этого. Из заметки видна её деятельность. Потом дай заметку Радне.

Кроме визных дел за это время наделана масса полезного. Кстати, мерзкий Горчаков опять выступил. Разослал секретный циркуляр – сообщая, что через книги Агни Йоги, Цветы Сада М. распространяется *большевицкое учение*.

По нелепости, это уже слишком! Впрочем, и Митрополита Евлогия Горчаков считает большевиком.

Дальше идти уже некуда! Сейчас очень жарко. Тяжко сидеть всё время в городе, но каждый день что-то происходит по визам, и отлучиться прямо нельзя. Воображаю, как ждёт нас бедный Масик! Ведь даже во время войны болезнь принималась во внимание. Все чувствуют, что в нашем деле идёт яркая борьба чёрных и белых сил. Ты прекрасно помог Mundy с письмом. Получилось очень ценное приложение к нашему досье.

Всюду говорят о финансовом кризисе в Америке. Некоторые литовцы даже покидают страну, боясь большевизма в Америке. Конечно, отсюда трудно судить об истинных размерах. 6 Сент. Шкловский едет в Женеву, чтобы сделать представление в Лигу Наций.

Напиши, Светуня, как у Тебя всё? Шлём Тебе и всем нашим славным наши лучшие стрелы.

Делает ли что-либо для нас Bloom? Или это больше «горячий воздух»?

Из архива Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

Париж. 1930-е гг.

СЕНТЯБРЬ

1 сентября 1931. Прага.

Письмо А.А. Калитинского к Рериху Н.К.

1/IX1930

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Константинович,
Когда я приехал в Прагу, то собрал всех сотрудников – основателей Sem. Kond., рассказал им о Вашем желании придти на помощь нашей научной работе, и предложил высказаться откровенно, согласны ли они пойти по пути превращения Семинария в Институт. Все единогласно просили меня передать Вам благодарность за обещанную помощь и просить Вас принять звание Почётно-

го Попечителя Института. Сейчас я уже начал переговоры с Министерством об официальном признании Института.

Дело, конечно, пойдёт очень медленно, но сочувствие есть. При этом мне сказали, что уже теперь мы могли бы переменить титры. Мне же хотелось бы это сделать лишь с того момента, когда Вы найдёте возможность начать выдачу Вашей субсидии. Мне кажется, что было бы торжественнее, если бы Вы, дорогой Николай Константинович, прислали на моё имя бумагу, в которой даёте своё согласие на принятие звания Почётного Попечителя и определите момент, когда практически принимаете Институт на своё попечение. Эта бумага была бы той хартией или буллой, с которой начнётся жизнь Института.

Сохраняясь в архиве Института, этот документ послужил бы «письменным памятником» для будущего историка русской культуры и её деятелей, среди которых Вам принадлежит столь почётное место.

Мы уже отправили в Америку, по адресу m-s Linden, заказанные Ваши книги. Ваша закупка очень нам помогла, и я теперь надеюсь, что этот год удастся завершить благополучно.

Иллюстрации к статье Юрия Николаевича мы получили, ждём теперь англ. текста. На этой неделе <приезжает> в Париж Н.П. Толль. Он будет говорить с Юрием Николаевичем по поводу того, что лучше бы все приобретения иметь в фотографиях. От этого выиграет внешняя сторона издания, да и сами приобретения будут иметь документальный характер.

Ещё раз благодарю Вас, дорогой Николай Константинович, за помощь. Прошу передать мой привет Юрию Николаевичу.

Искренно Вас любящий и уважающий,

А. Калитинский.

Архив Музея Рерихов, Москва.

3 сентября 1930. Париж.

Письмо Юрия Рериха к Лихтман З.Г.

Paris/ 3 Сент. 1930.

Лично

Родная Зина,

Спасибо большое за Ваши ценные письма от 21-о и 26-о Авг. Радовались, читая Ваше сообщение о встречах с моим дядей. Его предложение о брошюре и деятельности Н.К. будем рассматривать и сообщим Вам о содержании и способах выполнения настроения, о которых Вы пишете, должны быть всячески искореняемы. Нельзя допускать брожение и шатание мысли. Должно и можно экономить, но пагубно наносить, быть может, смертельный удар делу. Ведь организм Учреждения также чувствителен, как и человеческий. Всеми силами, и напрягая все усилия, будем бороться с этой «человеченой» («человечена» - новое слово в смысле проскальзывающихся слабостей).

Рад сообщить Вам, в Нагаре, видимо, понимают сущность происходящего, и я имел хорошее письмо от Иенты.

Сообщение Ваше о моей квартире больно меня задело. Не потому, что это касается личного, а потому, что дело идёт о создающемся Учреждении. Как Вы знаете, мною была послана Телеграмма с запросом Светику, но почему-то получил ответ от Логв.

“Office was rented not to lose lucrative rental as present rental conditions rather difficult stop your office and books were very carefully moved to room 1814 stop. Trying utmost torrent your present apartment stop. Please do not worry. Horch.” *[Офис был сдан в аренду, чтобы не потерять прибыльную аренду, так как нынешние условия аренды довольно сложно остановить свой офис и книги были очень тщательно перемещены в комнату 1814 остановки. Стараюсь, чтобы ваша нынешняя квартира прекратилась. Пожалуйста, не волнуйтесь. Хорш. (перевод с англ.)]*

На что я ответил письмом, что не беспокоюсь о с даче и переводе office в другое помещение, но протестую против оставления оставления официального места в частом помещении. Сегодня я написал Л. Друое письмо об общем положении, а также прибавил след.: “I hope that room 1814 has some extra space tu home Some exhibits from our zoological and botanical collections. The main collection while have tu remain in Naggar but Something has live exhibited in the office of the Institute New york. I shall write about it fully Miss. Linden”. *[Я надеюсь, что в комнате 1814 найдётся дополнительное место для некоторых экспонатов из наших зоологических и ботанических коллекций. Основная коллекция пока осталась в Наггаре, но кое-что уже экспонировалось в офисе Института в Нью-Йорке. Я напишу об этом подробнее Мисс. Линден. (перевод с англ.)]*

В следующем письме к Мисс Линден попрошу её прислать мне приблизительный план нового офиса, а также whole space *[всего пространства (англ.)]*

Радуемся Вашей работе и празднику Общ. Друзей Культуры в Чураевке. От Г[еоргия] Д[митриевича] не имели давно писем. Пусть пишет, хотя бы изредка.

Надеюсь, возвращение Кетрин внесёт новую струю в “психические” планы. Он ничего не пишет. Надеюсь, всё обойдётся благополучно с новыми “друзьями”. Последние события сделали нас осторожными.

Шлю сердечный привет всем борцам за заветы за Заветы Вл. Сергия.
Духом с Вами, ЮР

P.S. Последую Вашему совету о переделках в квартире. Я думал сделать новые книжные полки. Всё-таки закреплять.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

Н.К. Рерих. Лахул. 1931.

*4 сентября 1930 г. Лахул.
Письмо Е.И. Рерих к Рериху Святославу.*

Родной мой любимый птенчик, как выразить тебе всю мою жажду увидеть тебя? Сокровище моё, сделай шаги, не упusti ни одной возможности, чтоб ускорить получение Американских бумаг. Говорят о жестокости Англии, но что сделала Америка, чтоб облегчить приезд семьи к больной матери? Неужели у твоего поверенного не нашлись слова, чтоб тронуть сердца законников? Неужели все они утратили тонкие человеческие качества? «Если ограничиться мёртвыми законами, то лучше переехать на кладбище». Ни одна страна, управляемая мёртвыми законами, не может эволюционировать! Какую красивую страницу вписала бы Америка в историю культуры, если бы нашла понимание красоты жеста, вовремя признать Американскими гражданами семью великого носителя культуры, вложившего так много сил для возвеличения Америки.

Ведь биографии Н.К. пишутся и все его мытарства, вся клевета, все жестокости, также как и сочувствия культурных деятелей будут рекордированы. И в самом недалёком будущем люди будут изумляться всей жестокости..., которая есть порождение тупости. Страшно тронута отношением Франции, для которой мы ничего не сделали. Но обычно в жизни так и бывает – получившие меньше приносят монету добрую.

Сокровище моё, напряги все силы, чтоб пробиться. Дух мой твёрд, но сердце болит и особенно жаждет видеть тебя, моего Светика, ведь столько лет были в разлуке! Понимаю, знаю всю мудрость происходящего. Понимаю, какое огромное накопление около имени совершается, благодаря клевете, жестокости врагов. Мне было показано, через какие пропасти были настланы врагами мосты для нас. Проявленная жестокость устлала мостами сочувствия иначе трудно соединимые части. Ценность врагов вполне осознана в больших делах. Но для того, чтобы не упустить все великие возможности, не следует ли нам напрячь все силы. Наша сила напряжения должна расти по мере упорства врага. Мы имеем все щиты, за нами стена Бессмертных, ничто и никто не может пресечь наш путь, лишь наше колебание может задержать и ослабить конечную победу, «которую трудно описать»! Также было показано, как малейшее сомнение или неуверенность тотчас же усиливали врага. Проявите всю находчивость, с полной искренностью можете указывать, как моё сердце слабеет, Дух может быть крепким, но единственный орган, неподдающийся лечению есть сердце. Только прана и покой может охранить его.

Родной мой, против каждой клеветы у нас есть щит, смело сражайтесь. В будущем создадим целую эпопею, а пока зорко собираем гнусные факты жестокости уходящей расы.

Америка должна понять, что, именно, из-за боязни её влияния происходят все задержки. Имеем доказательства этому. Неужели у неё так мало национального самоуважения? Страны, народы, когда проснётесь к сознательной, строительно-культурной жизни? Когда жизнь начнёт строиться не на взаимном ущемлении, а на культурной кооперации?

Сокровище моё, несказанно радуюсь, что ты снова принялся за живопись. Ты знаешь, как Владыка ценит твой несравненный дар. Всегда помни его любовь и заботу о тебе: «Люмоу-Махатма, Моя Рука над ним».

Порумочка везёт тебе русскую копию Беспредельности, храни её.

Наша птичка Востока улетела, окрылённая радостным духом. Она очень, очень окрепла духовно и физически. Без усталости делает по 18 миль в день верхом по горным тропинкам над пропастью. Всё ей удобно и всё хорошо и ничего не боится, лучшего спутника в дороге трудно представить. Много радости дала она мне и, надеюсь, надолго сохранит духовную бодрость, неустрашимость перед препятствиями. Чудесный дух всегда готов взлететь на высоту, но от грубого прикосновения мы должны её оберечь. Как цветок она раскрывается навстречу солнечному лучу, и готова излить свой чудесный аромат, но от грубого касания лепестки закрываются. Пусть в кругу это помнят, и ценят чудесный аромат. Радуюсь за Логвана, что его сокровище возвращается, ещё больше оценив его самоотверженную любовь. Эта страница в рекордах их жизни будет записана красотой.

Последняя вырезка газет о том, что [четыре страны] в нашем деле, очень интересна. Но нас интересует, как отнеслась Америка к ответу Англии, что она не даёт визу проф. Рериху из-за больших беспорядков в сев. Пунджабе. Нам кажется, что именно подобное положение обязывало бы их к обратному решению, ибо, не рискованно ли оставлять больную женщину среди ужасов революции? Но что ответила Америка? Пока что наша долина не затронута восстанием и, вообще, сейчас много спокойнее.

Молю Владыку, чтоб сердце моё выдержало, чтоб я могла увидеть вас, мои родные, принимаю все меры, стараюсь не волноваться гнусными выходами, но так трудно сдерживать справедливое негодование. Кроме того, страх за состояние сердца ослабляет борьбу.

Птенчик мой, так хочется больше знать о тебе, о твоих мыслях, о твоём самочувствии, твоих планах. Все мои мысли окружают тебя. Мой дух ближе близкого тебе. Также помни, что нет у тебя более близкого друга, чем Владыка. Помнишь, что сказано о космических предках?

Сверкающий мой Светик, чуй всю любовь мою! Всю нежность ласки моего сердца. Знаю твой великий дух! <...>

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

9 сентября 1930 г. Париж.

Письмо Юрия Рериха к Лихтман З.Г.

Paris/ 3 Сент. 1930. / Лично

Дорогая Зина,

Получил Ваше письмо от 29-го Авг. Название *Internacional Masons* более чем неудачно. Слово "Internacional" вообще, как и многие хорошие слова, изменило значение, и в данное время имеет очень скверный оттенок. Очень оценили сон С.М.

Мы здесь несколько раз видели Kath. И она нам очень понравилась. Надеюсь, с приходом Kath интересы направятся в иное и более спокойное русло. Я вполне понимаю острый вопрос office для Института, и уже написал Miss Linden.

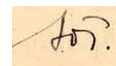
Посылаю Вам письмо к Влад[имира] Конст[антиновича]. Прочтите его и перешлите, пожалуйста, по адресу в Харбин. Сообщите о содержании письма Георг. Дмитр. и ген. Потоцкому. Луис переслал нам ряд подозрительных писем от какой-то Флоренс Кэмпбелл; сообщите, кто она такая?

Если возможно, узнать, кто именно "нашептал" Влад.... Платону в Вашингтоне. Мы имеем весьма существенные данные предполагать, что имеется

враждебная нам партия англофильствующих чиновников в Вашингтоне. Шклявер сейчас по нашему делу в Женеве. Ждём Вашего сообщения о 14 Сент. Все растём. Часто вспоминаю русскую поговорку: "Смелым Бог владеет".

Шлю сердечный привет.

Духом с Вами

P.S. Пришлите нам несколько копий англ. Агни Йоги.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

9 сентября 1930 г.

**Выдержки из письма Ю. Рериха к Рериху В.К.
(переписанные рукой З.Г. Фосдик):**

Письмо Юрия к В.К. Рериху.

Выдержки

9 / IX / 1930

Группа американских деловых людей интересуется возможностью арендовать у китайцев участок в районе Шара-сүме (Тульпа) в Монгольском Алтае на этом участке предполагалось устроить доходную ферму культурного хозяйства и скотоводства. Посоветуйся с Петр. Ал-чем и узнай у компетентных китайских властей возможность и условия аренды. Хорошо бы заручиться принципиальным согласием областного правительства в городе Урумчи, провинции Синь-цзяна...

Требуется только принципиальное согласие, без каких-либо денежных обязательств. Ты, конечно, поймёшь, какое значение будет иметь это хозяйство для будущего нашей родины. Буду ждать от тебя подробную записку о возможностях в тех краях доходной фермы. Сообщи стоимость аренды и все условия пользования землёй.

Американская группа интересовалась следующим:

- 1) разработкой натуральных богатств, если таковые имеются;
- 2) возможность доходного культурного хозяйства (земледелие);
- 3) скотоводства. Улучшение пород рогатого скота, а также коневодство.

в Кит. Туркестане имеются несколько ценных конных пород – Карашарская и Илийская.

Как всякое большое дело - предприятие начнётся весьма экономно (если состоится), а также должно быть построено на доходных началах. Количество акров будет зависеть от условий аренды и местных условий скотоводства...

Рабочие руки найдутся среди местных русских, которых много в Кит. Туркестане... важно знать возможность такого предприятия в настоящих условиях Синь-цзяна.

P.S. При этой ферме могли бы найти себе работу некоторые из Харбина беженцы.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

15 сентября 1930 г. Париж.
Письмо Юрия Рериха к Лихтман З.Г.

Paris/ 15.IX.30.

Дорогая Зина,

Радовались Вашим cables с текстом письма Бенна. Обратились в Красный Крест с просьбой помочь в деле виз. Ждём Ваших вестей о 14-м Сент. День этот ознаменовался весьма крупными событиями. В Германии избраны кандидаты национал-социалистов, т.е. наиболее правая партия. Между Италией и Югославией большие недоразумения. Югославия закрыла свою границу с Италией. Словом, газеты начинают напоминать 1914.

Светик мне писал, что не может найти Тибет. предметов в моей квартире. Мне помнится, что я оставил их в жёлтой коробке, в моём wardrobe trunk [кофр (англ.)]. Если их там не имеется, следует поискать в моём личном "file". Ключ от него у Вас имеется. Буду весьма благодарен, если Вы передадите всё изложенное брату. Предметы эти (вернее, фотографии их) очень нужны для моей книги.

Шлю сердечный привет,

Ваш Ю. Рерих

Архив Музея Николая Рериха. Нью-Йорк

18 сентября 1930 г. Париж.
Письмо Ю.Н. Рериха к Калитинскому А.П.

Paris, 18 сент. 1930 г.

Дорогой Александр Петрович! На днях высылаю Вам дополнительный материал из моей книги. Виделся с Н.П.Толлем и обсудили ряд вопросов о книге, а также касательно издания скифских и других кочевнических древностей, наход[ящихся] в частных коллекциях.

Из Чехословацкого Archiv Orientalni, vol.II, 2, узнал, что в Праге издаются ряд книг на калмыцком языке. Choncho: Калмыцкая хрестоматия, вып. I, II, III, 1925-27. V.L.Kotvic: Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. 2-ое изд. 1929.

Буду Вам очень благодарен, если бы Вы прислали мне эти книги, а также сообщили их стоимость. Книги можно достать у Dr.Badma Naran Ulanov, Revnice и Praha, Tchechoslovaquie [5]. Видел у Geuthner'a [6], что вышел сборник в честь Ф.И. Успенского с Вашей статьёй.

Продолжаем хлопотать о визах. Получили сообщение из Лондона, что вопрос снова пересматривается.

Н.К. (Николай Константинович — ред.) шлёт сердечный привет.

Искренне преданный Вам,

Ю.Рерих

Публикуется по изданию: «Ариаварта». 1996 г. Начальный выпуск.

22 сентября 1930 г.

Н.К. Рерих

ПРИВЕТ К ОТКРЫТИЮ БОЛГАРСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Мне сообщили два ваших последних письма, адресованных в Париж и в Нью-Йорк. Благодарю за ваши искренние строки. Именно так мы и должны поступать, служа Великому Свету. Весь мир разбился сейчас на разрушителей и созидателей. Но каждый, кто понимает высокое значение культуры, конечно, будет среди строителей, среди напрягающих энергию, чтобы защитить мир от злобных попыток тьмы. Велико должно быть невежество и слепота тех, кто не может даже отличить Света от тьмы. Вы понимаете, отчего издревле отец тьмы назывался сорителем. Ведь это он засоряет глаза невежд так, чтобы они окончательно не отличали дня от ночи. Я послал вам мою книгу "Цветы Мории" и послал её во имя Св. Сергия. Устремляйте ваши лучшие порывы к этому великому Заступнику, сеятелю истинного просвещения. Книга "Цветы Мории", как вы знаете, издана для голодающих. Для духовно голодных! Ибо голод телесный ничто в сравнении с голодом духовным. И ближайшая задача каждого мыслящего во благо - помогать. Ведь лишь помогая, мы получаем. Получаем мы ту великую реальную благодать, о которой предчувствует и знает вся древняя мудрость и которая так реально выражена в истинном Христианстве. Эти два понятия: Благодать и Подвиг, так твёрдо сказанные по-русски, но не нашедшие себе выражения в некоторых других языках, нужно понимать реально. Приобщаясь к Благодати, следует действительно вносить её в весь обиход жизни, ибо что же претворяет уродливые будни обихода в красоту? Ведь только эта - великая Благодать, - какое чудесное слово! Ведь это понятие творит чудеса, и самое звероподобное сердце склоняется перед вышним светом, который так же реален, как солнце. Но и мы в каждом нашем светильнике вызываем высокую стихию огненную. Значит, и в каждом сердце может возгореться очищающий пламень всепонимания и вмещения.

Вы пишете о врагах. Они существуют и полезны нам чаще, нежели мы думаем. Ведь они обостряют нашу энергию, они не оставляют нас в покое. И это - благо. Как сказал Преподобный Исаак Сирий: "Когда мы в покое, демоны веселятся, когда мы в трудах, - ангелы радуются"...

Но вы правы, иногда следует сказать врагам: "Не совершайте зла в неведении, ибо всякое зло, как бумеранг, возвращается к метнувшему его". Я очень сожалею, что какие-то помянутые вами люди в неведении пытаются творить зло. Этим нераспознаванием они только разрушают свои собственные силы. А нераспознавание опять происходит от невежества, от неведения. Недаром издревле невежество считалось худшим из преступлений. Я не люблю слово "мистика" или "окультизм", ибо то и другое лишь синонимы незнания. Мы же, как я неоднократно поминал в тех "Путях Благословения", которые вы читаете, должны стремиться к ясности, к чёткости, к правде, в которой распознается великая, светлая Иерархия. Слышу из писем ваших, что вам трудно. И должен сказать, что всем трудно сейчас. И потому все мы можем радоваться тому, что сподобились в трудах призываться к примеру великих трудов самого Святого Сергия. Самого Его, который многократно сносил хулу и даже был покидаем братией, но единственно силою духа оборевал все затруднения и непрестанно строил Лавры Блага, путеводные светочи.

В Америке, как вы знаете, мы строим часовню Преподобного Сергия. Как стражи Блага станут эти знаки на путях накопления опыта. Сколько собратий наших, в рассеянии сущих, накапливают великий опыт и знание, которые поддерживают их на благих путях. Я вам послал мою речь о культуре. Будемте все мы думать об этом великом понятии, об этой ступени к свету. Я знаю, что, мысля о культуре, у вас благостно затрепещет сердце, и в ритме этого священного трепета в вас волеются новые несокрушимые силы.

Привет!

22 сентября 1930 г.

Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.

Из дневниковых записей К.И. Рерих:

22 сентября 1930 г.

Канун отъезда в Наггар.

Из дневниковых записей К.И. Рерих:

23 сентября 1930 г.

Отъезд.

28 сентября 1930 г. Paris

Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

Paris, 28-th Sept, 1930

Родная моя Мамочка!

Приехала Nettie, и как радостно было слышать живое слово о тебе и всех милых нам людях в Hall Estate. Nettie очень выросла духом. Дай Бог, чтобы она сумела укротить непонимающих и тех, кто стремится к личным целям, забывая о долге перед Учреждением. Завтра Nettie побывает в American Embassy и во французском Мин[истерстве] Иностраннных Дел. Живое слово будет иметь громадное значение. Рад сообщить, что Международный Красный Крест послал телеграммы в Симлу и Лондон. Югославия, Франция, Чехословакия снова сделали энергичные представления Лиге Наций. Словом, двигаем всех, кого можем достать. Конечно, теперь многое идёт помимо нас, ибо вопрос принял вполне принципиальный характер. На днях Швеция делала представление по нашему делу в Париже. Главное, береги своё здоровье. Мы радовались узнать о Вашем понимании событий. Кружки *Общ[ества] Др[узья]* образованы в Германии, в Австрии, Швейцарии и начинается в Голландии. Словом, растём. Получил рапорт Dr. Koelz. Написал сейчас же ответ с изложением некоторых соображений. Писал ему 3 августа, но ответа не получал. Еженедельно пишу В.А. по делам Института. Пусть покажет письма. Почему-то Louis и Зина решили не посылать отчётов в Наггар, хотя я неоднократно писал об этом. Благодарю Esther за хорошие мысли. Мы решили её просить быть chairman of the Patrons' Committee. Там нам нужно энергичного человека. Поговорим по приезде. Передай мою благодарность за преданность Людмиле и Рае. Мы научились ценить всех сотрудников. Крепко обнимаю.

Любящий, Ю.Р.

P.S. Как жаль, что семена оказались плохими! Шлю привет Vanone'у.

Архив Музея Рерихов, Москва

ОКТАБРЬ

1 октября 1930 г. Париж.
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г.

Paris / 1 X. 30.

Дорогая Зина,

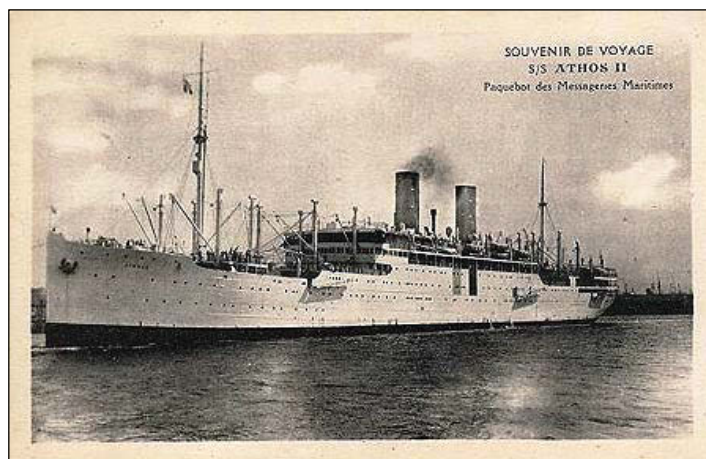
Спасибо за Ваше письмо от 19-го Сент. Всё, что Вы пишете о брате, весьма нас озабочивает. Видели ли Вы Kath? От него мы не имеем писем. И Nettie говорит, что Мама получила всего одно письмо за 6 месяцев! Жду Ваших вестей о заседании Общ[ества] Др[узей] Культ[уры]. Конечно, письмо моё к В.К. не следует сообщать Св[ятославу]. Nettie Вам передаст о совершённом неожиданном повороте в отношении Посольства. Они даже поспешили переслать cable в Вашингтон. Я дам письмо к Вам знакомой Шклявера – д-р Н.А. Завадской.

Теперь получил сообщения о некоторых её взглядах (социал-демократка), потому прошу Вас быть с ней весьма осторожной и только устроить лекцию, если такая возможность имеется. Об Общ. Др. Культуры говорить не следует. Написал подробное письмо Miss Linden с донесением ботаника. Nettie уехала полная благих мыслей, и я надеюсь, она всё это проведёт в жизнь. Всё ещё жду фотографий с Тибет. предметов в “зверином” стиле. Линден писала, что Св. их выслал, но я их не получал. Быть может, Вы найдёте остальные в моём “file”. Кстати сказать, я не получал на этот раз жалованья (1-го Окт.).

Шлю сердечный привет,

Ю.Р.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

Messageries Maritimes. 1930-e.

17 октября 1930 г. Messageries Maritimes.
Письмо Н.К. Рериха к барону М.А. Таубе

[Борт корабля Messageries Maritimes]
17 октября 1930 г.

Дорогой Михаил Александрович,
В Алжире на стене старого сарацинского здания у ворот мы нашли выбитый на камне герб. По аналогии частей он не без интереса для Вашего изыска-

ния. Нет ли и здесь мальтийских тамплиеров? Комбинация Соломоновых восточных звёзд с мусульманским знаком руки, а также раздел щита – всё это любопытно. В этой же части города находятся старинные испанские форты времени Карла V. Конечно, невозможно найти подробности об этом гербе. Стена очень старая, и герб залит белой известью.

Я предложил Америке включить Вашу работу как отдельную часть большой биографии, предполагаемой сейчас. Конечно, торопиться не следует, ибо найдётся масса поучительного материала. Нашли ли Мюллера? Плываем мирно. Привет Вашей супруге и дочерям.

Искренно Ваш,

Н.Рерих

Бахметьевский архив Колумбийского университета Публикуется по изданию: "Дельфис" №80(4/2014) Письма Н.К.Рериха к М.А.Таубе

[13 - 17 октября 1930 г.]
Н.К. Рерих

ЗАБОТЛИВЫЙ ХРАНИТЕЛЬ

Письмо к Конференции музейных экспертов в Риме, 1930 год³

Очень рад был получить ваше любезное приглашение высказаться на Конференции в Риме, устроенной Институтом Международного Интеллектуального Сотрудничества. К моему сожалению, спешные работы не позволят мне лично участвовать на Конференции, но мне хотелось бы выразить некоторые мысли, входящие в программу обсуждений. Эти мысли мне представляются не только нужными в жизни современного искусства, но и неотложными.

В течение последних лет охранение художественных сокровищ строится на новых методах, на которые мы должны обратить серьёзное внимание и относиться к ним очень осторожно. Икс-лучи, этот новый мощный фактор, внесён в исследования художественных произведений. Конечно, мы восхищаемся новыми возможностями, предоставляемыми наукою в искании истины. Но мы должны быть уверены, что этот новый метод с течением времени не даст нежелательных последствий на состояние красок и других материалов художественных произведений.

³ 13-17 октября 1930 г. в Риме прошла первая из конференций, посвящённых научным методам исследования и консервации произведений живописи и скульптуры. Она была организована Международным бюро музеев, которому удалось собрать около 100 видных ученых и реставраторов-практиков. – *Ред.*

Не сомневаемся, что могущественные Икс-лучи произведут какие-то последствия, может быть, благоприятные, но, может быть, и разрушительные. Но даже высшие авторитеты не в состоянии удостовериться, какие последствия вызовут эти новые лучи. Одно ясно, что никто не будет утверждать, что эти лучи абсолютно нейтральны и не производят никакого воздействия. Слишком коротко время со дня открытия Икс-лучей, чтобы позволить судить о их конечном воздействии. Конечно, никто никогда не хотел изобретать вредные пигменты и лаки, и всё же мы, к сожалению, удостоверяемся, что многие из этих так называемых улучшений в течение веков дали самые плачевные последствия и погубили жизнеспособность многих мастерских созданий.

Конечно, вовсе не значит, что мы должны окаменеть в старинных методах, лишая себя возможности новых приближений к истине. Всё должно эволюционировать. Среди этих новых полезных предприятий мы считаем лабораторию, устроенную в Лувре, благодаря просвещённой инициативе и энергии г-на Генри Верна - в ней могут быть исследуемы и проверяемы новые методы и открытия. Могу всеми силами приветствовать это полезное учреждение. Могу пожелать, чтобы подобные лаборатории для исследования новейших научных открытий были бы учреждены во всех странах. Так мы можем исследовать воздействие климата и всех местных пигментации, также как и применение техники, созданных исключительными условиями местности.

Также необходимо, чтобы работы подобных лабораторий были координированы, и был установлен точный обмен их результатов. Также точно нужно, чтобы были предприняты долговременные опыты. Без сомнения, человеческая жизнь не достаточна для выяснения последствий различных нововведений. Но для будущего, рано или поздно, необходимо начать эти координированные опыты, которые дадут свои благостные последствия лишь для будущих эпох. Мы должны примирить новейшие открытия с опытом давних веков, которые донесли до нас памятники искусства сохранёнными, и таким образом заслуживают полного внимания. Например, мы знаем, что очищение масел и прочих препаратов производилось многолетними процессами. Также точно приготовление старинных лаков и олифы иконописателей, также как и особый выбор качеств досок, уже не говоря о самих порошковых красках, - все эти, так внимательно осознанные нашими предшественниками, условия обязывают и нас с осторожностью отнестись к современным методам.

Если Конференция согласна с предлагаемой мною координацией лабораторий для исследований при музеях, я мог бы предложить сотрудничество нашего Музея в Нью-Йорке в этой полезной музейной ассоциации.

Само назначение Института Интеллектуальной Кооперации как бы предрекает уже зачаток этих осознанных и объединённых работ. Таким образом может создаться для будущих поколений ещё один вид плодотворного сотрудничества. Кроме усовершенствования технических средств, нужно принимать во внимание ещё один вопрос чрезвычайного значения. Вопрос об обмене художественными произведениями и о посылке художественных сокровищ на иностранные выставки.

Этот вопрос вызывает очень существенное размышление.

С одной стороны, каждый понимает, что истинное международное понимание лучше всего создаётся на почве искусства и науки. Ничто в нашем мире не может сравниться с этими созидателями сердечности и мирного энтузиазма. Но, с другой стороны, мы не должны забывать об опасностях, сопряжённых

с перевозкою художественных сокровищ. Кроме опасностей транспорта как такового, несмотря на все лучшие предосторожности, мы знаем, что произведения искусства, как живые организмы, разделяются на «кочевников» и «оседлых». Как ни странно, но произведения, которые волею судьбы сделались кочевыми, гораздо легче переносят путешествие, нежели те, которые веками сохранялись в одном месте, не встречаясь со случайностями жизни. Сколько раз мы удостоверились в зловредных последствиях перевозок, когда создавалась настоящая болезнь произведения. Сколько раз мы огорчались непоправимыми последствиями перевозки художественных произведений через океан. Несмотря на толстые доски, несмотря на паркет, картины лопались и выгибались.

Эти последствия вызывали всегда нежелательную операцию переноса на новый холст или проглаживание поднявшихся мест. Все вещи, наклеенные на дерево, поднимаются пузырями. Такие же несчастья окружают и деревянные скульптуры, и резьбу по кости. Подобные разрушения ни одно страховое общество не может покрыть. Также, кроме мыслей о сохранности самих произведений, мы не должны забывать и полезное соображение о развитии туризма, развитие которого, оставляя произведения нетронутыми на местах их долговременной жизни, несёт за собою поучительное и ничем незаменимое ознакомление с условиями, окружавшими само зарождение художественного произведения.

Все хранители художественных сокровищ знают то прискорбное чувство, когда вверенное им произведение подверглось неисправимой порче. Мы знаем, сколько справедливых сожалений сопровождают каждую перевозку художественных произведений. Необходимы особые соображения для выбора этих вестников народного единопонимания, принимая во внимание не только их физическое состояние, но и внутреннюю ценность, и всю прежнюю их жизнь. Согласительные исследования музейных лабораторий, выше предложенных, будут полезны во всех отношениях. Было бы особенно полезно узнать мнение Конференции об этом предмете, в котором, повторяю, наши Учреждения были бы очень рады сотрудничать на общую пользу.

[1930 г.]

Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.

Египет. Порт-Саид. 1930-е. гг.

18 октября 1930 г. Port-Said
Письмо Ю.Н. Перуха к Перух Е.И.

Родная моя Мамочка!

Сегодня подходим к Port-Said'у На носу реет флаг М.М. Погода чудная, и как-то особенно вдыхаем воздух моря, после целого года газолена и др[угих] запахов снова чистота открытой природы. На днях была сильная гроза с ветром и по горизонту бродили высокие столбы смерчей.

С нами едет доктор для медицинских работ и чтобы осмотреть твоё состояние. Он говорит, что подобное состояние можно определить только после длительных наблюдений. Собирается вести дневник болезни. Очень интересуется психическими явлениями. Приготовьте ему комнату в «Arcadia». Так рвёмся к Вам. 4 ноября прибываем в Pondichery, где будем гостями местного губернатора. Имеем сильные рекомендательные письма. Надеемся, что всё скоро выяснится. Ждём известий от Nettie, которая должна была посетить Washington и видеть нашего друга Castle. Удивительно славный он человек и так понимает положение. Слышали, что назначается новый вице-король. За эти дни три сильных комбинации должны были снова поднять вопрос о наших визах. Интересно отметить, что до решения доктора ехать с нами видел во сне его едущим с нами мимо Палампура. Вообще подобные сны делаются частым явлением.

Спасибо Зине за хорошие письма.

В своём письме к Trustees она взяла нужную ноту. В некоторых вопросах её помощь будет необходима. Рад, что Dr. Koelz так энергично действует в своей области. Получили ли Вы 4 ящика со снаряжением и личными вещами? Также несколько пакетов книг для Института и моей личной библиотеки? Получили ли из N[ew] Y[ork] планы столов и шкапов для биохимической лаборатории?

Очень рад, что Папа отдохнёт на пароходе. Paris был очень утомителен, ибо многое было сделано. Тяжело было быть все время на людях, особенно некоторых, которые постоянно вертятся около нас. На пароходе много пассажиров едет в Абиссинию на коронацию Негуса. На пароходе едет один американский археолог в Индию. Получил визу без всяких затруднений.

Очень ждём Ваших вестей в Colombo и Pondichery. Почта из Pondichery идёт 6 дней до Кулу. Быть может, и скорее. Купили граммофон и «Filiuse» Дебюсси, а также франц[узский] рекорд «Прощание Вотана».

Шлём сердечный привет Esther, Vlad[imir], Людмиле и Рае.

Крепко обнимаю,

Любящий, Ю. Р.

Архив Музея Перухов, Москва.

23 октября 1930 г. Париж
Письмо Георгия Г. Шклявера к Перуху Н.К.

397 rue de Vaugirard / Paris XV

23-го Октября 1930 г.

Дорогой и высокочтимый Учитель,

Большое спасибо за Ваше письмо из Алжира. Для меня так бесконечно ценно каждое слово Ваше! Постараюсь точно и полно осветить положение дел здесь.

1) Получил письмо от Messageries Maritimes⁴, что они дали инструкцию капитану Azaay-le-Rideau и своим портовым агентствам, окружить Вас особым вниманием.

2) Послал Губернатору Pondichéry [Пондишерри, Индия – ред.] письмо с просьбой оказать Вам всемерное содействие.

3) Получил письмо от майора [Cauret], что он, в Алжире, прошёл в 8 час. утра на пароход, но, к своему большому сожалению, не застал Вас. Шлёт Вам привет.

4) Телеграфировал Sirivadhana (на Цейлоне), чтобы он пришёл повидать Вас во время стоянки в Colombo.

5) Женевский Международный Комитет Красного Креста сообщил мне текст своей телеграммы Индийскому Красному Кресту. Я написал Miss Lichtman, в ответ на её запрос, что можно теперь апеллировать к Miss Hill, Indian Red Cross, Simla (между прочим, по требованию из Женевы я выслал им 400 фр. на телеграммы).

6) Получено письмо от [M. Trevelyan] (о котором я сообщал уже Брату Юрику), что они в Англии предпринимают новые шаги, с надеждой на успех.

7) Я получил письмо от Luis Marin, в котором он заявляет, что готов действовать дальше и, в частности, вновь просить Philippe Berthelot⁵ об интервенции со стороны Франц. Правительства.

8) Неожиданно получил через княгиню Е.Н. Волконскую следующее странное сообщение: Если Вы пригласите в состав Института Captain Gerard H. L. Fitzwilliams, который будет, конечно, посылать рапорты в Naggar и своему начальству в Лондоне, то виза будет дана немедленно. Волконская была вполне в курсе дела, видимо, через Варв. Петровну. В Пятницу 17-го Дек. вечером она по телефону попросили меня приехать по совершенно экстренному делу, касающемуся Вашей поездки; а когда я явился, сделала мне вышеизложенное предложение, заявив, что это “suggestion” [рекомендация (фр.)] её друзей. Она сообщила адрес Captain Fitzwilliams’a.

9) Я написал Г.Д. Гребенщикову, чтобы он, прежде всего, подал прошение Консулу Mongenevre [Монженевр (фр.)]. В случае какой-либо задержки, я постараюсь устроить для него и для [Mata Dek.] визы через Мин-во Иностр. Дел.

10) Через Влад. Александровича устроил окончательно бессрочную визу для Андрюши и достал для него carte d’identiti [удостоверение личности (фр.)-ред.]. Влад. Александрович шлёт Вам наилучшие пожелания.

11) Говорил с испанкой о серой рубашке. Она боится, что ту рубашку, рукав которой она давала перешивать, она Вам передала в руки перед отъездом.

12) Societi Academique d’Histoire Internationale [Академическое общество международной истории (фр.) – ред.] всё-таки существует. Они передали мне два своих издания, которые я Вам не переслал, ввиду их незначительности.

13) Наводили справки о Maison des Gardiens de la Paix, между прочим, через Влад. Алекс. Пока не удалось выяснить, в каких списках жертвователей

⁴ Messageries Maritimes — крупнейшее французское пароходное общество, основано Наполеоном III в 1851 году. – Ред.

⁵ Филипп Берто (1866 - 1934) - французский дипломат.

Вы значитесь. Но я всё же выясню, проехав в самое это учреждение на Boulevard Saint Marcel.

14) Написал Mrs Fröbe-Karpeyn о магнитах, как вы указывали.

15) Передам в Общество Antiquaries Вашу статью. Устрою на днях свидание с Jourdain и с Maurice Denis.

16) По делу дорогого Брата Юрика генерал Гуро переговорил с Генерал-Инспектором Кавалерии. Ввиду исключительности случая (отсутствия дипломатического представительства) придётся действовать исключительным путём, т.е. через Пуэнкаре и его приятеля и земляка Военного Министра Мажин.

17) Барон Таубе пишет мне из Берлина, что он нашёл много новых интересных данных, относящихся к XVI-му в.

18) Королева Голландская Вильгельмина прислала письмо с благодарностью за медаль и просит извинить за запоздалый ответ.

19) Маршал Franchet d'Espèrey прислал очень любезное письмо в ответ на Insignia (о чём я уже сообщал Юше).

20) При сём пересылаю письмо И.А. Бодянского. Я писал ему.

21) Получил от Ф.Д. Лукина образцы обложки «Криптограмм Востока» (издание на латышском языке). Я писал Лукину.

22) Переслал в Берлин экземпляр нашего флага.

23) Отослал Miss Linden заключительную главу книги дорого Юши. Как хорошо пишет милый Брат Юрик! Перевод на франц. язык будет в ближайшее время закончен. Согласно указаниям Юши, пересылаю Ему прибывшие на Его Имя книги в Naggar-Kulu.

24) Согласно Вашим указаниям, сообщаю сведения о новом акционерном Обществе Geuthner et Cie. Капитал 1.800.000 фр. Акции по 100 фр. Подписка закрывается к 1-му Ноября, но года через два предполагается увеличение капитала и новая подписка.

25) Часть мебели княгини Е.К Четвертинской перевезена на rue de Poitiers. Остальная часть (диван, витрина, столик) будет перевезена в Декабре, когда Тенишевы выедут из дома на Avenue Duquesne. Картины на rue de Poitiers развешаны и всё помещение приобретает достойный вид.

26) Посылаю Отчёт в New-York. Между прочим, послал туда обзор результатов Вашего пребывания в Европе и достижений за это время, как Вы указывали для будущего "Annual" [ежегодника (фр.)].

27) О.Г. Зелюк согласился напечатать наш "Messenger Français" за 5000 фр. Бумага будет та же, что в Америк. "Annual", но обложка будет бумажная, а не картонная. Книга будет готова (обещает Зелюк) в начале Ноября.

28) Статья в Illustration должна появиться на этой неделе.

29) Я постараюсь организовать продажу книг и открыток на наилучших условиях.

30) Видел Mrs. Vuxton, которую рекомендовала Зинаида Григорьевна. Mrs. Vuxton очень заинтересовалась нашим Обществом и, надеюсь, поможет нам в финансовом отношении.

31) Сегодня получил письмо М. de Fleurian, Франц. Посол в Лондоне, который подтверждает, что он сделал "demarches" по визному делу, и готов ещё интервенировать. Считаю это письмо важным для нашего архива, как доказательство действий Франции. Сегодня в нашем помещении были М-me de Vaux-

Phalirau и княгиня Ек. Конст. Они шлют Вам привет. Мои Родители просят меня передать Вам сердечный привет.

Посылаю лучшие мысли Вам и дорогому Брату Юше.

Всегда Ваш *Жорж*

P.S. Привет д-ру Конст. Конст-чу.

Архив Музея Рерихов, Москва.

НОЯБРЬ

4 ноября 1930 г. Нью-Йорк

Письмо проф. Г.В. Вернадского к Рериху Н.К.

Глубокоуважаемый Николай Константинович.

Будучи одним из основателей Семинария им. Н.П. Кондакова в Праге, позволяю себе к Вам обратиться – хотя лично и не имею чести быть с Вами знаком – по делам этого Семинария, т.к. знаю, что Вам близка его деятельность.

Месяц тому назад я получил от Директора Семинария проф. П.А. Калитинского письмо (от 15 сентября), в котором он с радостью сообщает мне о том, что Вы высказали готовность поддержать Семинарий духовно и материально и тем дать возможность ему развернуть и в дальнейшем его деятельность, которая уже, как Вы знаете, выразилась в ряде изданий, имеющих, по моему, большое значение для истории русского искусства и археологической науки.

Несколько дней спустя после получения этого письма я узнал о трагическом происшествии с А.П. Калитинским – припадке особой формы эпилепсии. Во время этого припадка А.П. Калитинский был арестован пражской полицией якобы за нарушение нравственности в извращенной форме. Происшествие это попало в газеты, даже в Нью-Йорк Таймс (телеграмма из Праги в номере от 1 Октября с.г.).

Как бы то ни было, в результате всего этого, А. П. Калитинскому пришлось оставить Прагу. Семинарий сейчас остался без главы. В виду этого члены Семинария предложили мне принять на себя руководство работами Семинария.

Сомневаюсь, чтобы практически оказалось для меня возможным сейчас уехать из Америки. Тем не менее, т.к. А.П. Калитинский не может очевидно не сможет вернуться к своим обязанностям, то на случай, если никак иначе управление делами Семинария не представится возможным – я условно согласился поехать в Прагу на будущее лето (1931 г.).

Во всяком случае, мне, прежде всего, было бы необходимо подробно переговорить с Вами о судьбах Семинария.

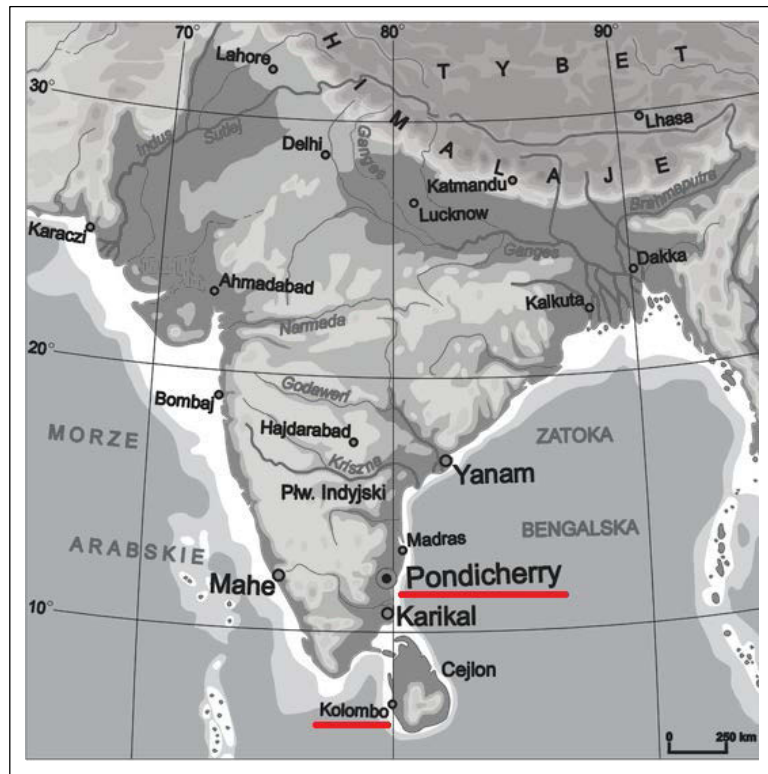
Очень прошу Вас не отказать уведомить меня, могу ли я Вас увидеть в Нью-Йорке в течение этой зимы, или Вы в этом году не приедете в Америку. Может быть, Вы будете будущей весной в Париже.

С совершенным уважением

[Г. Вернадский]

Архив Музея Рерихов, Москва.

ПОНДИШЕРИ⁶

Современная карта Индийского полуострова.

7 ноября 1930 г. Пондишери
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

7 ноября 1930 г. Пондишери

Родная моя Мамочка!

После двадцати четырёх дней спокойного морского путешествия мы прибыли в Пондишери и теперь ждём исхода наших переговоров. Мы получили твои письма от 27 и 29 прошлого месяца и были рады узнать твои новости. Надеемся, что власти вскоре дадут благоприятный ответ. Твоё здоровье – постоянная причина беспокойства для всех нас, и мы надеемся, что наш доктор сможет тебе помочь. Конечно, тебе нужен полный покой, чего не было последние полгода. Пожалуйста, сообщи нам телеграммой, как ты себя сейчас чувствуешь.

Мы уже четыре дня в Пондишери. Так странно снова оказаться в Индии и наблюдать знакомые сцены из сельской жизни. Первые три дня были очень жаркими, с обильными дождями. Сегодня лучше, и мы отдохнём от жары. Мы познакомились с Губернатором и с Архиепископом Пондишери. Оба обещали всячески помогать нам. Вчера мы посетили интересное древнее поселение и раскопали несколько глиняных урн, с остатками костей и железных мечей. Вся коллекция будет передана нашему Институту. В ней есть также гончарные изделия и отполированные каменные топоры.

⁶ Пондичерри, Пудуччери, ранее — Путтуччэри или Пондишэри – (ред.)

Пондичери. Руины старого форта. *(Современное фото)*

Отель здесь типа бунгало, без водопровода и хороших ванных комнат. Наша ванная комната расположена на крыше, и прошлой ночью, блуждая в темноте, я имел несчастье (или счастье) наступить на мышь и раздавить бедное животное. В Пондичери много памятников XVIII века. Несколько старых домов и церквей, а также руины старого форта.

Будучи в Коломбо, мы посетили Канди и видели его буддийские храмы. Дорога из Коломбо в Канди (около 105 км) была великолепна, и нам очень понравилась поездка. Дорога проходит через красивые джунгли и холмы, которые живо напомнили нам предгорья Гималаев.

Храм Зуба Будды в Канди.
(старое фото)

Я искренне надеюсь, что Господь скоро поможет нам добраться до всех Вас. Мы получили заверения от Французского Правительства и от французского посла в Лондоне, что они будут продолжать свои хлопоты. Дело приобрело такие размеры, что бороться за скорый и положительный ответ стало вопросом личной чести. Верь, что мы сделаем всё, что в наших силах, чтобы отстоять наше имя и снять с него нелепые и голословные обвинения.

Я был счастлив узнать об успешных поездках доктора Кельца и надеюсь, что он получил мои письма. Наш доктор и я очень хотим присоединиться к нему в научной работе.

Очень жаль, что некоторые вещи пришли разбитыми. В Н[ью]-Й[орке] они были упакованы очень тщательно. Надеюсь, ты получила несколько посылок с

твоими книгами. Мы привезём граммофон, который, похоже, неплохой, как считает наш доктор, настоящий пианист (действительно хороший).

В Пондишери невозможно купить тёплые вещи. Надеемся купить их в Мадрасе.

Со всеми наилучшими пожеланиями Эстер, Влад[имиру] и девочкам,
Твой преданный сын *Юрий*

Архив Музея Рерихов, Москва.

15 ноября 1930 г. Пондишерри.
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Святославу.

15 ноября 1930 г.

Пондишерри

Родной Светик, как мы тебя с Юшей вспоминаем!

Юша очень разболелся – пульс 124 и общее, сердечное и нервное, потрясение. У меня тоже не всё хорошо со здоровьем. Совершенно невероятный факт: даже доктора на консультацию не пропускают! Об этом я писал Луису. Между тем, Jenta шлёт очень тревожные депеши. Такого бесчеловечия даже трудно вообразить. Все, кто слышат, восклицают: “incredible”! [невероятно! (англ.)- ред.]. И это после ряда сообщений из Лондона о favorable consideration [благоприятное рассмотрение (англ.) – ред.] Здесь мы живём в отеле, вроде, как в Бенаресе, но с электричеством. Французы симпатизируют – остальная Индия такая же, как везде. Факиры, бычки с узорами, несколько пагод. Сам город интересен колониальным стилем – можно бы сделать даже издание с этих бело-жёлтых домов с колоннами. Есть раскопки. Кстати, Шкл. вскрыл письма к нам и нашёл там суждения Рады и Авир. о себе – большая претензия. Но вскрытие писем тоже неладно! Вообще, в нервности Юши Шкловский тоже имеет значение. Передай наш сердечный привет Катрин – такая она славная. Эти люди редки. Хорошо, что Парума видела Масика – это так нужно. Пришлось ли кольцо по пальцу?

Поцелуй всех наших. Ценим каждое сведение о Тебе.

Целуем крепко

P/x

Архив Музея Рерихов, Москва.

17 ноября 1930 г. Пондишерри
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

17 ноября 1930 г. Pondichery

Родная моя Мамочка!

Шлю наилучший привет и мысли крепости и бодрости к 17 числу. Мечтаю, быть может и без достаточных оснований, что этот день принесёт нам долгожданное разрешение вопроса, для которого бьёмся вот уже 18 месяцев (с июля 1929 г.).

Главное, сохраняя здоровье и старайся не принимать к сердцу возмутительное отношение. Конечно, это всё вражда ко всему нам национальному. Всё же верим, что скоро всё разрешится. Быть может, как всегда, ты уже чувствуешь день, а мне бы так хотелось знать этот день, ибо тогда легче идти вдоль каж-

додневных препятствий. Pondichery жарко и душно, маленький городишка, территория в какие-то 10 миль. Каждый день совершаем прогулку от границы к границе. Послали снова телеграммы Lord Irwin, Acheson и Benn'у. Ждём вестей из New York'a и Лондона.

Шлём сердечный привет всем. В надежде скоро приехать.

Твой Ю.Р.

Архив Музея Рерихов, Москва.

21 ноября 1930 г. Кулу

Письмо Е.И. Рерих к Рерихам Н.К. и Ю.Н.

21 ноября 1930 г.

Родные мои и любимые, любимые Пасик и Юханчик, очень ещё слаба после припадка, но всё же хочу продиктовать страницу. Хочу сказать, что мы должны очень оберегаться от сплетен и бестактных выходок, потому что приезд тетушки Л. более, нежели нежелателен, «колеблющийся дух» опаснее явного врага. Свою полезность она, может быть, уже выявила или же выполнит другим образом, но приезд её при настоящем состоянии моего сердца был бы губителен! Иентуся будет писать ей о моём состоянии и то, что нужно.

Любимые мои, вы уже знаете, что нужно ещё явить терпение и не все возможности наших Щитов ещё явлены. Твержу и себе эти слова, но сердце так жаждет увидеть вас, мои родные! Каждый день слышу: «Береги здоровье, береги сердце – это самое главное!»

Спермин очень хорош, другими ядами пользуюсь с содроганием, ибо, давая минутное облегчение, они отравляют организм и лишают его жизнеспособности. Помнишь, как наш великий врач сказал, что «лишь покой и чистый горный воздух лечат исстрадавшееся сердце».

Думали ли мы, любимые, что такое непонимание культурных задач и такая жестокость ещё живут среди «культурных» представителей человечества? Истинно, враги в самом сердце Англии разрушают её блестящее прошлое, время, когда она первая стала на защиту свободы мысли и слова, когда все великие мыслители находили у неё приют! Забвение великих основ культуры приводит к гибели. Ведь неумолим Великий Космический Закон вечного обмена, требующего неустанного, непрерывного продвижения вперёд с Космическим Магнитом! Идти против этого закона – значит готовить себе гибель.

Астрология, эта величайшая из наук, дающая людям ключ к совершающимся и грядущим событиям, осмеяна невеждами, как некогда осмеивались все великие открытия, на которых сейчас зиждется всё благополучие потомков этих невежд.

Но знаменитое изречение «апрэ ну ле делюжь» так вкоренилось в сознание людей!

Пасик, Юханчик, вооружимся терпением, ведь всем духом чуем красоту слагаемой великой исторической страницы! Помнишь, как прекрасно сказано в Священном Писании, что «лишь великие дела вызывают великое противодействие; противодействие есть единственный и точный измеритель величия начинания». На какую высоту уже вознеслись противодействием наши Учреждения и наши имена! Истинно, камни врагов – лучшая лестница! Создаётся целая эпопея борьбы за право культурного приношения во имя всего челове-

чества! И как радостно читать и сознавать, что новые и новые друзья подходят и становятся в наши ряды воинов за право принести миру строительные и спасительные начинания.

Где сейчас М.Н.? Как здоровье её мужа? Не имеем вестей о ней. Начинание «Сестёр Золотой Горы» очень ко времени, мечтаю видеть во главе его в Америке мою истинную ученицу и духовную дочь Ояну. Не за горами время великой победы духа!

В Америке открылась первая Церковь объединённых религий, многие идеи как бы заимствованы от нас. Что скажут на это разные старатели? Сама ещё не читала статью, говорю со слов Яруи. Так созидательные идеи воплощаются в жизни, несмотря на противодействие разрушителей всего Святого, всего, дающего Свет и Жизнь.

Пасик, Пасик, почему люди так слепо прекращают себе путь к Свету? <...>

Архив Музея Рерихов, Москва.

26 ноября 1930 г. Пондишери
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И.

26 ноября 1930 г.
Пондишери

Дорогая Мама.

Капитан Банон вернулся, и мы рады видеть его снова. Кулу и все Вы кажетесь совсем рядом. Дела начинают двигаться, но пока я боюсь сказать, что мы на правильном пути. Друзья ведут активную работу в Лондоне и США. Много вреда было нанесено безответственными личностями, но наши друзья вполне подготовлены, чтобы преследовать их за клевету на отца. Мы были очень обеспокоены, прочитав письмо Эстер от 16-17 [ноября]. Надеюсь, что сейчас ты чувствуешь себя лучше. Я полностью согласен, что мы живём в исторический период, но считаю, что нужно использовать каждую возможность для продолжения научной работы и не допускать такое тяжёлое финансовое положение. Мы вполне готовы организовать в Музее специальную «Визу» для отъезда и продолжаем наши усилия, пока не достигнем честного решения. Сожалею, но мои фотографии получились плохо, выслал ещё несколько, получше. Солнце слишком сильное, чтобы делать фотографии без пробковых тропических шлемов.

Со всей любовью ко всем Вам.

Твой преданный сын

Юрий

Архив Музея Рерихов, Москва.

ДЕКАБРЬ

Храм в Пондичери.
(Современное фото)

2 декабря 1930 г. Пондишери
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З. Г.

Pondichary / 2 Dek. 1930

Родная Зина,

Большое спасибо за Ваши письма от 19 Окт. и 1-го Нояб.; оба пришли в один день. Радует нас крепость Вашего духа; столько нужно сделать, но нет времени задерживаться над критикой сотрудников.

Мы сейчас не вправе расходовать энергию на осуждения, и тем самым усложнять положение. Всё, что Вы пишете, прекрасно понимаю и неоднократно наблюдал на мелочах за прошлую зиму. «И это пройдёт». Мысли мои на Институте. Koelz пишет об чрезвычайно успешной работе в Ramprag Beshard (около Kulu). Надеюсь скоро присоединиться к работе в Инст. в Кулу.

В.А. Певцов написал мне интересный план создания временной лаборатории около Grenoble. Он готов помочь финансово. Написал ему, прося прислать подробности.

Вот уже четвёртый день сидим, оторванные от всего мира. В ночь с Пятницы на Субботу начался сильный циклон, уничтоживший телеграф и железную дорогу. Ветер и дождь начались ещё с вечера, связывающую нас с Madras и Colombo. Сегодня пришёл первый поезд, но телеграф ещё не работает. Ветер и дождь начались ещё с вечера; в два часа ночи были разбужены трубачами, трубящими тревогу.

Всё всполошилось, сосед англичанин выскочил из комнаты с криком: "The calls Trumpet!" [Труба зовёт! (англ.)] Бедняга спросонья думал, что наступила кончина мира сего. На утро многие крыши были снесены, также стены садов. Улицы были завалены деревьями и кирпичами. При сём прилагаю несколько фотографий.

Написал Д.Н. о случае со вскрытием. Думаю, "ручной зверёк" и тут приложит своё умение. Главное, не обращать внимания.

Н.К. просит меня передать Вам всем, что духовно он постоянно с Вами. Привет всем вашим. Сердечный привет мой Cath.

Искренне Ваш ЮР

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

2 декабря 1930 г. Рига.
Письмо Ф.Д. Лукина к Рериху Н.К.

Рига 2/XII 30 г.

Дорогой Николай Константинович!

Я получил от Марьи Николаевны письмо, в котором она меня извещает о нездоровье Юрия Николаевича. Т.к. я его состояние несколько знаю, то я решаюсь послать ему лекарства, кот. наверно облегчат его положение. Из Парижа Вам вышлют по почте четыре бутылочки, которые следует принимать в следующем порядке: 1) Cactus grand: Н. 2) Primula offic. 3) Grataegus. 4) Phosphorus.

Надо сначала выпить всю бутылочку Cactus, потом Primula, потом Grataegus, а потом Phosphorus. Всякое лекарство принимать 3 раза в день по 7 капель на чайную ложку воды 1/2 часа до еды, пока бутылка будет выпита.

Я уверен, что будет лучше, это нужные средства, кот. постепенно усилят деятельность сердца, успокоят сердечные нервы. Даже если бы Юр. Ник. уже было хорошо, эти лекарства могут предотвратить возвраты.

Эвел. Георгиевна недовольна Вами и мною. Я звонил по телефону по поводу издания Ник. Викт., прочёл выдержку из Вашего письма, она ответила, что для этого надо вести переговоры с книжной лавкой. Я попросил её это сделать, потому что её это всё уже было известно и потом поставить меня в известность, но она до сих пор ничего не ответила, я уже не жду ответа. Я знаю, что она Вами, особенно мною недовольна, и не думаю, что она что-либо предпримет, потому что, если бы она захотела, то давно могла сообщить о результатах переговоров с книжной лавкой.

Я решаюсь Вам описать один ответ, который был мне дан. Я размышлял по поводу великих арканов, которыми занимался и подумал о ценности этого произведения и потом увидел куст с осенними листьями, которые малопомалу начали падать, а потом куст этот отошёл в сторону, и появилась большая прекрасная голова льва, который отечески улыбался. Начал поворачивать голову в мою сторону. Я это истолковал так, что арканы принадлежат всё-таки к уходящему времени. А вот пустынный лев начнёт поворачивать свою голову в твою сторону. Прекрасная была голова. Вот если бы нарисовать.

Всегда вспоминаю с восторгом и любовью Вас и Ел. Ив., чувствую всё больше прилив любви к Вам обоим, хотя Ел[ену] Ив[ановну] ещё не видел.

Всего светлого, привет Юр[ию] Ник[олаевичу]!

Ф. Лукин

Архив Музея Рерихов, Москва.

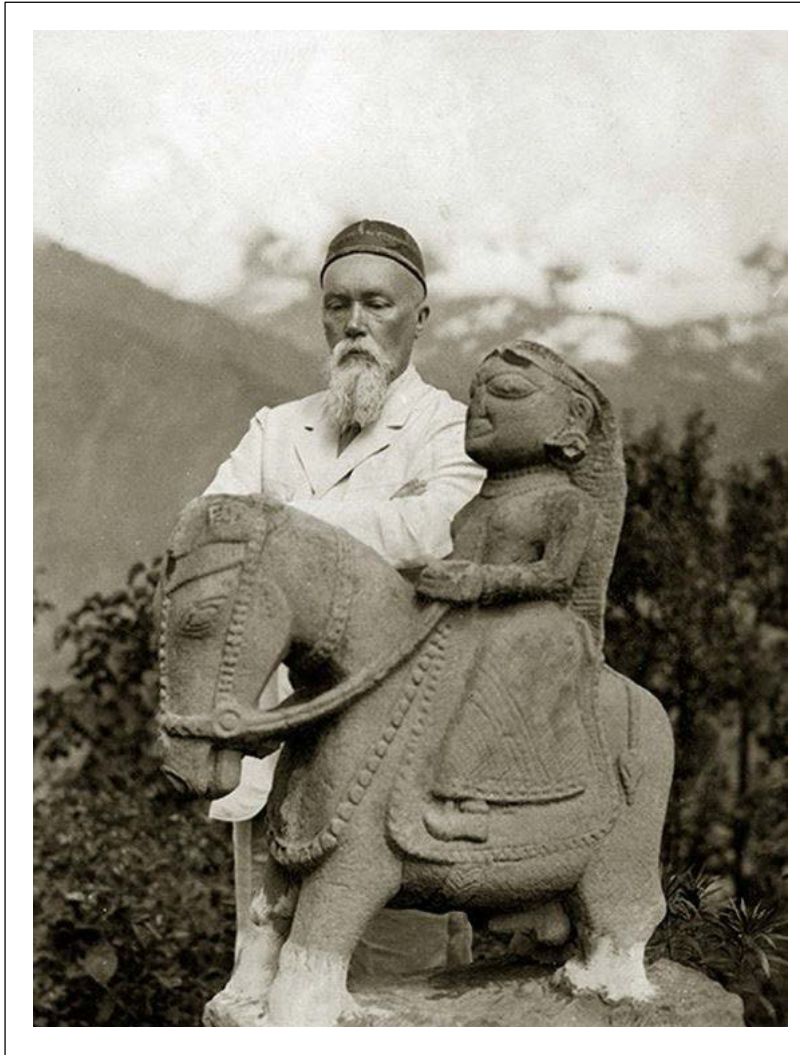
НАГГАР, КУЛУ.

6 декабря 1930 г. Кулу
Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

Утром получена телеграмма о приезде Н[иколая]
К[онстантиновича] и Юр[ия].

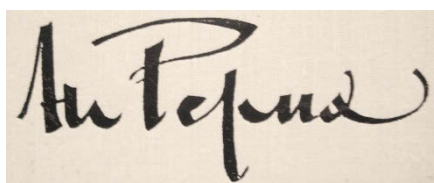
11 декабря 1930 г. Наггар, Кулу.
Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

Приезд Н[иколая] К[онстантиновича] и Юр[ия].

Н.К. Рерих. 1932. Кулу.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

ВЕЛИКАЯ СИМФОНИЯ ЖИЗНИ
(1928 – 1932 гг.)

Книга 14

О КУЛЬТУРЕ И МИРЕ МОЛЕНИЕ

Часть 2.
МОЛЕНИЕ О КУЛЬТУРЕ И МИРЕ
(«Урусвати»)

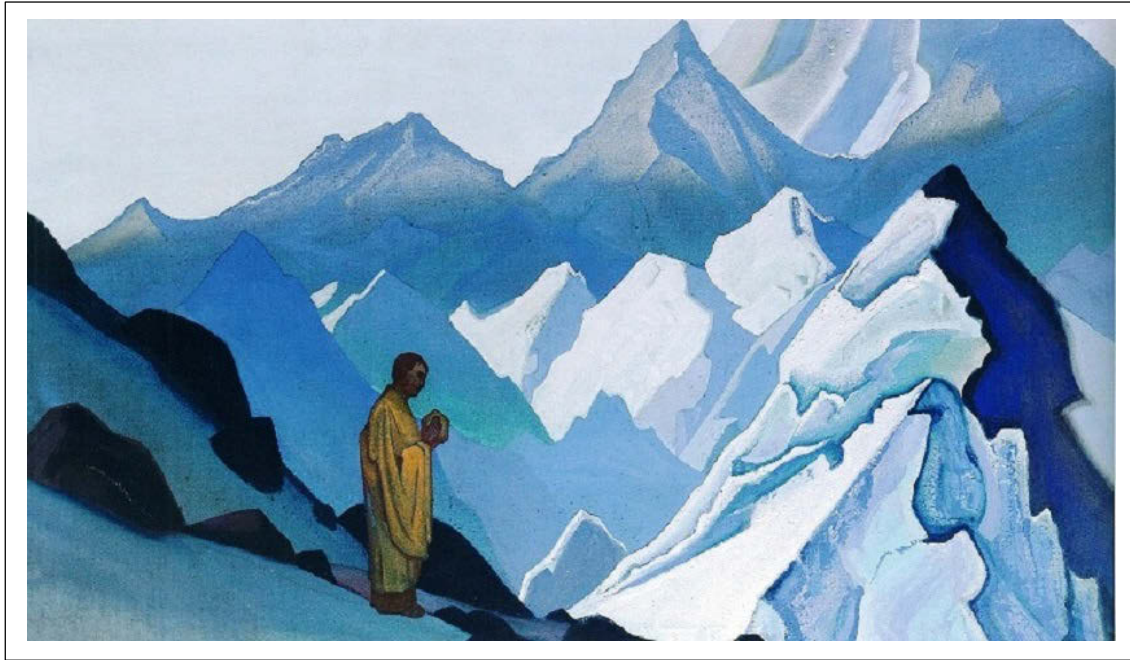
ТБ
МОСКВА 2021

К 150-летию со дня рождения Н.К. РЕРИХА

«Созову всех, когда настанет время действия, всех не забывших меня, всех устремлённых, всех, кто Учение Агни Йоги положил в основание жизни своей. Всем позванным было дано, каждому по вместимости принесённых кувшинов, и каждого получившего спрошу, что сделал он с полученным сокровищем, как приумножил его, не растерял ли и как приготовил себя к тому, чтобы войти в сужденную ему сферу деятельности. Причины, заложенные когда-то, как семена будущих всходов, дадут ростки духовных достижений, которые будут очень нужны в будущем. Мы намечаем действия наши, вернее, следствия их далеко вперед. И наша забота о том, чтобы сотрудники наши не растеряли ничего из того, что им было дано, но чтобы каждый принёс к сужденному сроку плоды своих устремлений и накоплений».

Гуру¹

¹ Грани Агни Йоги, т. 10. 634 (Гуру).

Н.К. Рерих. Утренняя молитва. 1931.

***«Молитва сердца есть выражение любви и преданности.
Будем питать Наш сосуд опыта, ибо к нему неминуемо придём.
Не будем тратить ценное время на умаление и разложение.
аждое разложение влечёт необузданность стий,
иначе говоря, противоречит проявленному Космосу.
Рост сознания, истинно, праздник Наш!»***

Из дневниковых записей Е.И. Рерих

Часть 2
МОЛЕНИЕ О КУЛЬТУРЕ И МИРЕ
(«Урусвати»)

1931 г.

«Армагеддон начался в тридцать первом году»

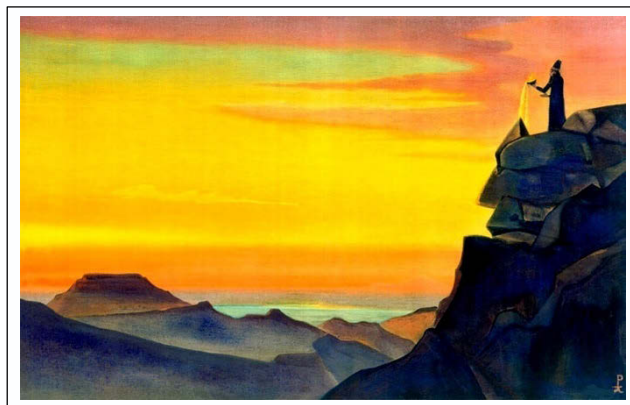
(Надземное, 142)

«Многие тысячи лет тому назад было сказано:

"Будет время, когда люди откроют сердца свои и вознесут Чашу высшему". Пришло это время, когда человечество близится к шестому совершенствованию и начнёт пылать огонь над Чашей. Сколько образов и предсказаний сложено в пространстве! О Чаше, истинно, пора вспомнить. Как пылала смола в чашах древних, и жена возносила чашу, опираясь на меч подвига.

Истинно, как тончайший узор, многообразны проявления психической энергии. Не рассудок, но чувствознание Чаши может распознать их. Как мать знает волнение дитяти, так огонь Чаши освещает смятение токов. Можно предложить человечеству подумать, почему будущее развитие выдвигает значение Чаши.

Как к усовершенствованию техники нужно добавить утончённость мышления, так этому просветлённому глазу станут доступны прекрасные облики. Ведь не только за себя, но за все множества сознаний ответственен человек». *(Знаки Агни Йоги, 554)*

Н.К. Рерих. Зороастр (Заратустра). 1931.

«В культурах Зороастра изображается чаша с пламенем. Та же пламенеющая чаша отчеканена на древнееврейских серебряных шеклях времени Соломона и древнее. В индусских раскопках эпохи Чандрагупта Маурии видим то же самое мощно стилизованное изображение. Св. Сергей Радонежский, трудясь над просвещением России, приобщался от пламенеющей чаши. На тибетских изображениях Боддисатвы держат чашу, процветшую языками огня. Помним чашу жизни друидов. Горела чаша Св. Грааля. Не воображением, но именно делами сплетаются великие учения всех веков. Язык чистого огня.

Н.К. Рерих. «Струны земли»

ДОЛИНА КУЛУ, НАГГАР.

Наггар. Долина Кулу зимой.
(современное фото)

6 декабря 1930 г. Наггар, Кулу.
Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

Утром получена телеграмма о приезде Н[иколая] К[онстантиновича] и Юр[ия]

11 декабря 1930 г. Наггар, Кулу.
Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

Приезд Н[иколая] К[онстантиновича] и Юр[ия]

14 декабря 1930 г. Наггар, Кулу
Письмо Ю.Н. Рериха к д-ру Меррилу.

14 декабря 1930 г.
Наггар, Кулу, Пенджаб, Британская Индия

Уважаемый доктор Меррилл,

Мне доставляет огромное удовольствие сообщить Вам об отправке пяти почтовых посылок с гималайскими растениями, собранными доктором Вальтером Н. Кельцем, ботаником нашего Института.

Институт будет рад, если Вы любезно примете их в качестве вклада в коллекцию Вашего учреждения.

Мы будем очень признательны Вам за идентификацию и детальное описание растений, чтобы мы могли внести эти данные в нашу коллекцию.

С наилучшими пожеланиями и заверением в нашем постоянном сотрудничестве,

Искренне Ваш, *Ю.Р.*
Директор

Архив Музея Рерихов, Москва.

Н.К. Рерих

ОБИТЕЛЬ СВЕТА

Сердцу самому дорогому посвящается

Обращение к ученикам.

«Ангел Благое Молчание». Кто не восхищался пламенной тайной в образе огневого Ангела? Кто не преклонялся перед всепроникающей вестью этого жданно-нежданного Гостя! Он безмолвен, как сердце постигшее. В Нём хранится нетленная красота духа. Красота в вечности безмолвного и кроткого духа, – Он и хранит и напутствует.

«Ангел есть неосязаемое, огневидное, пламеносное», – говорит «Зерцало». «Языка для слова и уха для слышания не требует; без голоса и слышания слова подаёт един другому разума своя» ... «Мечтательное тело надевают ангелы для явления людям».

Н.К. Рерих. Ангел Последний. 1912.

В молчании было видение. Исполнились света предметы. И воссиял лик Великого Гостя. И замкнул Он уста и скрестил руки и струился светом каждый волос Его. И бездонно пристально сияли очи Его.

В бережности принёс Пламенный весть обновленного, благословенного мира. Тайночью Он дал знак ко благу. В дерзании Он напомнил о Несказуемом.

Без усталости в часы дня и ночи будит Он сердце человеческое. Он сказывает приказ к победе духа, и каждый поймёт и примет Его на языке своего сердца.

Кто же запечатлел Ангела Благое Молчание? Образ Его писем поморских. Но не только от полуночного моря тайна сия. В ней ясен и покрытый лик вестника Византии. В ней и тайна креста. Запечатлён Ангел Молчания тою же рукою и мыслью, что сложила образ Софии Премудрости Божией. Пламенные крылья устремлённой Софии, пламенные же и крыла Ангела Благое Молчания. Огненные кони, Илию возносящие. И пламенное крещение над апостолами. Всё тот же огонь, Агни всеведения и возношения, который проникает всё Сущее и перед которым слово не нужно.

Рассекают пространство искры динамо. В напряжении расцветают они спиралями восходящие и сверкают как древо ветвями и листьями огня. Логос

мысли нагнетает прану и в трепете смущается человеческое естество перед блистанием языка молнии. Вспыхивает огонь Кундалини. Вращаются колёса Иезекиила, вращаются чакры Индии, грозен глаз Капилы ...

Где же предел сиянию? Где размер мощи? Но невидим стал свет, и звук потонул ... Ничто не мерцает, и сам аромат праны растворяется. Это высшее напряжение. Недоступно глазу и неслышно уху. Лишь сердце знает, что взывает молчание и переполнена чаша. Сперва молния и гром, и вихрь, и трепетание, и лишь затем в молчании Глас Несказуемый. Говорит Агни Йога: «Первый завет грому подобен, но последующий творится в молчании». Сперва Вестник Пламенный, а затем Сама Пречистая София Премудрость ...

Н.К. Рерих. София-Премудрость. 1932.

Сказано: Благодать пугливая птица; стремительны крыла Софии – горе неустотрешему, горе непостижному, отогнавшему. Крыло, пламенное по Благодати, ставшее явным, почему явится опять жестокому или робкому глазу? Но сколько огней уже различимых даже неиспытанным оком! Об обителях Света мечтает человечество. Мечтает в молчании, среди мрака в дерзании признаваясь себе. Даже верит ночью, оно днём не исповедует. Хотя и помнит закон: «Верую и исповедую». Сами отлично знают, что вера без утверждения лишь призрак, лишь отвлечённость! Но ведь благодать есть привлечённость и утверждённость. Иначе к чему все туманные воздыхания? И к чему наука, если дух не дерзает на приложение? Никодим во нощи лишь символ веры без последствий, лишь искра без пламени и отепления.

Смердяще разложение. Невыносим холод невежества. Недопустим по вреду своему, по заражению накоплений, по разложению основ. Уже многоразды испуганная Благодать птица тревожит белыми крылами у запертых окон, но боимся всего нарушающего невежество наше и надеемся на затворы. Если даже глаз увидит – мы назовём случаем, если ухо подтвердит – мы скажем – совпадение. Для нас даже Икс-лучи и радий просто нечто, а электричество есть просто фонарь для удобства. Если нам скажут, что мысль изменяет вес тела – и это не смутит механиков цивилизации.

Необычно увеличивается неправильность кровообращения и губительное давление крови. Последняя форма инфлюэнцы подобно лёгочной чуме сжигает лёгкие. Пылает гортань. Свирепствует астма. Усиливается менингит и «непонятные» сердечные явления. Но для нас эти показатели пока лишь

«модные болезни», не заслуживающие ещё общего внимания. Мы слышим о переполнении пространства волнами радио, об отравлении газOLIном, об особенностях пресыщения электричеством ... Но думать о будущем неприятно, и судьба гольфного шара равняется иногда судьбе шарика планеты. Мы боимся обратиться подобно мудрой Хатшепсут к тем, которые будут жить в грядущие годы, которые обратят сердца свои и будут взирать на будущее.

Но если даже «пугающее» понятие «будущее» и будет признано, то обычно оно будет обставлено такими пережитками вчерашнего дня, что путь к нему сразу превратится в подземелья темницы. Между тем первое условие познания - не стеснять методом изучения. Не настаивать на условных методах.

Познание складывается дерзанием, внутренними особыми накоплениями. Подходы к Единому Знанию так многообразны. Описание этих зовов и вех жизни составило бы нужнейшую и ободряющую книгу. Не настаивать, не узреть, не угнетать указкою, но напоминать о свете, об огнях пространства, о высоких энергиях, о сужденных победах необходимо. Надо собрать все факты, ещё не вошедшие в элементарные учебники. Надо нанизывать эти факты с полной добросовестностью, не презирая и не высокомерничая. Также и без лицемерия, ибо за ним скрыт личный страх, иначе невежество.

Никогда нельзя знать, откуда придёт полезное зерно или звено завершающее. Физик, биохимик, врач или священник, или историк, или философ, или тибетский лама, или брамин-пандит, или раввин-каббалист, или конфуцианец, или старуха, знахарка, или, наконец, спутник, имя которого почему-то забыли спросить, кто и как принесёт? В каждой жизни так много замечательного, светлого, необычного. Только вспомнить. Среди напоминаний вспыхивают лучшие, временно затемнённые звёзды. Итак, опять, не покидая трудового дня, мы близимся не к запрещениям, но к возможностям, осветляющим жизнь. Именно не наше дело настаивать, чтобы не перейти в насилие, ибо насилием ничего не достигнуто. Но, твержу, следует напоминать о радостях возможных. Имена этих радостей духа трудно выразить на языке плотского мира.

«Надежда покоя во все времена заставляла людей забывать великое», заповедует Преп. Исаак Сирийский. Кто не знает, что и птицы приближаются к сети, имея в виду покой. Счастливы те, кто, осознав беспредельность, полюбили труды каждого дня ...

Горение нужно. Огонь костра сзывает в пустыне путников. Так и зов напоминания стучится и доходит под всеми одеяниями до созревшего сердца. Путевые вехи разнообразны. Неожиданны зовы. Но ведь неустанная зоркость и заботливое внимание будут ключами к затворенным вратам. Неуместны отрицания, где заповедано широкое вмещение, честность познания и почитание Иерархии Блага.

В жизнь науки начинает входить непредубеждённость. С трудом, под усмешки, но уже в разных странах освобождённые от страха души устремляются к сужденным синтезам. Может быть, скоро будут возможны съезды этих работников созидания. Уже слагаются центры, где безбоязненно, неосуждённо невежеством или завистью можно обмениваться доверчивыми мыслями. Будем со всею заботливостью бережно собирать эти разносящие цветы единого сада культуры, помня «не бо врагам тайну повем, ни лобзание дам яко Иуда». Без холода осуждения, без невежества отрицания откроем двери приветия и светлого утверждения каждому зерну Истины.

Мы делаем из огненного восхищения возвышенных духом *Hysteria Magna* с повышенной температурой. Вишудга – центр гортани – лишь клубок истерический. Огни Святых Терезы, Клары, Радегунды; сердечная теплота Отцев Добротолубия; Тум-мо тибетских высоких лам; или хождение по огню в Индии – обряд, живущий и до сего времени; ведь Агни-Дику – Престол Огня тоже издревле помещался в Индии, где тысяча глав горы Маха Меру – всё это ещё в пределах ненормальности повышения температуры. Даже разница веса картофеля до разложения и потеря веса при сложении отдельных частей его не заставляет подумать об энергиях, которые пока избегали изучать чистосердечно и добросовестно. Между тем каждый искренний химик сознаётся, что при любой реакции воздействует какое-то несказуемое условие, может быть условие личности самого экспериментатора? Присутствие определённого лица воспрепятствовало смерти растений в лаборатории сэра Джагадис Боше, но так как сэр Боше истинный учёный, то он сейчас же отметил это явление. Мало кто обращает внимание на воздействие природы человеческой на жизнь растений. Мало, кто настолько утончён и зорок, чтобы принимать факты так, как они есть, а не так, как ему предписали суеверие, предрассудки, эгоизм и самомнение.

Светоносность (танджаси) Манаса та же действительность, как и светоносные излучения, возникающие особенно при напряжении мысли высокого качества. Художники христианского иконописания, так же, как и буддийские мастера, изображали световые излучения с великим знанием. Вглядитесь и сопоставьте эти изображения, и вы найдёте наглядное изображение и изложение кристаллизации света. Эту действительность ценности мысли, ценности света пора изучать и прилагать к жизни. Пора подумать, что произнося великое понятие Благодать, мы не впадаем в отвлечённость, но осознаём реальность и драгоценность действительности.

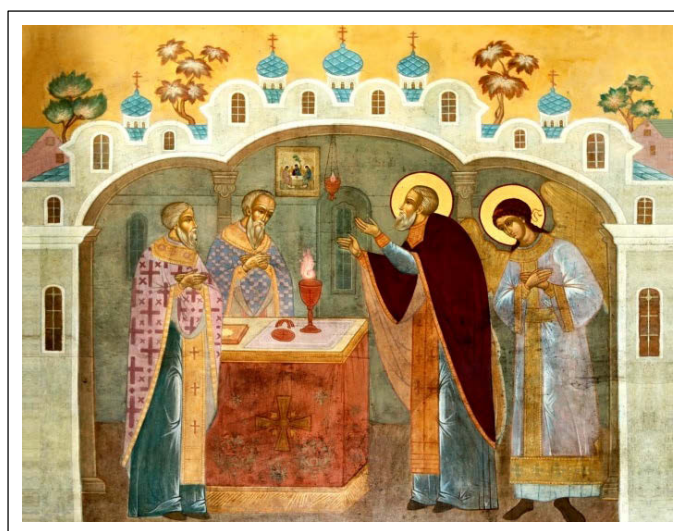
Наступило время установления ценности находимых лучей и энергий. Предстоят долговременные, сознательные опыты над воздействиями и последствиями радия, х-лучей и всей той мощи, которая незримо напитывает и нагнетает атмосферу планеты. Без отрицания, в упорном познании нужно предпринять лабораторный опыт именно многолетних изучений. Там же будет исследоваться и психическая энергия, физиология духа, и светоносность, и мысль, и жизнедатели, и жизнехранители. Огромное целебное и творческое поле, и в самой длительности опытов отразится безбоязненность перед беспредельностью.

Огонь и свет; весь прогресс человечества приходит к этой вездесущей, всепроникающей стихии. Вызванная, она или будет осознана и законно приложена, или опалит неразумие несознательности. И в этом искании слово Единство зовёт ещё раз, и стираются условные наросты Запада и Востока, Севера и Юга, и всех пыльных недоразумений. То же «умное делание», та же «тонкая боль» познающего сердца, то же «восхищение духа». И отбрасывая мелочи наростов, мы усиливаемся, тем же Неделимым, Единым и вместе с апостолом повторяем: «лучше пять слов сказать умом, нежели тьму слов языком».

Не оставим действительные ценности в отвлечённости, но будем неотложно применять их без предрассудков. Перенос действительности в абстракцию есть одно из прискорбных преступлений против культуры. Ещё до сих пор часто не чувствуют различия между цивилизацией и культурой, и тем самым отсылают ценности последней в облачную недосыгаемость. Сколько уже

сужденного изгнано, засорено страхом и лицемерием! Но рано или поздно от страха нужно лечиться и освободить ту массу энергии, которую мы тратим на страх, раздражение, ложь и предательство. Скорей научимся запечатлевать фильмою наши излучения – мы увидим истинный паспорт духа. Говорит Агни Йога: «Оглушая обыденностью тьма кричит. Тьма не выносит дерзновение света».

Святая Тереза, Св. Франциск, Св. Жан де ла Круа в экстазе поднимались к потолку келий. Но что ж, скажете, - просто нарушение поляризации ... к тому же теперь уже вообще не очевидное. Ну, а если и теперь есть свидетели левитации и изменения веса?

Роспись Святых врат Троице-Сергиевой лавры.

Пламенный сослужил Святому Сергию. От пламенеющей Чаши Св. Сергий приобщался. В великом огне прозревались незримые истины. Возвышенное сознание озарилось пламенными языками. Во время молитвы Св. Франциска так сиял монастырь, что путники вставали, думая, «не заря ли?». Сияние возгоралось над монастырем, когда молилась Св. Клара. Однажды свет сделался так блистателен, что окрестные крестьяне сбежались, подумав – «не пожар ли?».

Много преданий, а вот и нехитрый рассказ о Псковском Печерском монастыре: «Наш монастырь особенный. Отойдите в тёмную ночь подальше от монастыря да оглянитесь вокруг. Кругом – мрак беспросветный, зги не видать, а над монастырём светло. Сам сколько раз видел. – Может быть, это от огней монастырских? – Говорят так, кто не знает. Какие в монастыре огни: два фонаря керосиновых, да две лампы перед иконами. Вот и всё освещение. В городе у нас электричество горит, да и то в темноте не узнаешь, в какой стороне оно находится. Нет, это свет особенный ...»

Также сбежались на пожар в Гималаях и также вместо пламени уничтожения нашли сияние духа.

Также стояли горы, окаймлённые синими листьями огненного лотоса. Вспыхивал неопалённый огонь. И пролетали молнии очищения. И не в предании, а теперь, когда знаки так нужны. Когда познание опять начинает подходить к явлениям с благою рукою и глазами открытыми, когда неотложно

выступили многие знаки. И стали их замечать на разных материках различные люди. После всех оговорок, после всех извинений люди стали сознаваться, что не по оплошности, но подлинно видят они самые разнообразные огненные явления. Особое проявление электричества ...! А что есть электричество, того так и не сказали опять.

При землетрясении в Италии видели всё небо в языках пламени. Над Англией видели огненный крест. Суеверие ли только, или просто кто-то увидел то, что часто не замечали ...!

Попробуйте проверить внимательность людей, и вы ужаснётесь, насколько мы не умеем изодрать нашу подвижность и зоркость. И сама мысль – этот драгоценный магнит, и мощная стрела не заострена и засорена в пренебрежении. Смейтесь, смейтесь, а все-таки не пытайтесь мыслить чётко.

Впрочем, и бокс, и гольф, и крикет, и бэзбол вряд ли требуют силу мысли. Да и скачки, пожалуй, не для мышления. Можно придумать множество занятий, оправдывающих пренебрежение к мысли, но всё-таки к творчеству мысленному обратиться придётся, и потому малые упражнения внимания не будут излишни. Положительно в школах надо устроить особые курсы обострения внимания и мысли. Ведь редко умеют диктовать два письма или писать двумя руками, или вести два разговора. Часто совсем не умеют сохранить в представлении чёткое изображение предмета и запомнить даже незатейливую обстановку. Для некоторых даже почти все иностранцы – на одно лицо. А ведь маленькая внимательность и чёткость мысли дала бы огромные находения. Среди гигиены мышления заметим многое такое, что в мещанстве называется феноменами. И ещё одна отвлечённость станет реальностью. И ещё одна возможность заменит отчаяние отрицания.

Нам не уйти от века огня. И потому лучше оценить и овладеть этим сокровищем. Скепсис хорош в мере разумности, но как сомнение невежества он будет лишь разлагателем. Между тем весь мир сейчас особенно ярко разделился на разрушителей и созидателей. С кем будем?

Наслышаны мы о всяких световых излучениях, но всё-таки презрительно слушаем об аурах человеческих и животных. Даже если фотографическая пластинка запечатлевает их, мы скорее намекнём не случайный дефект пластинки, нежели вспомним об общеизвестном издревле законе.

Когда мы вспоминаем о «странных экспериментах» Келли – мы скорее назовём его шарлатаном, но не подумаем об особом психическом свойстве его природы. Аппарат действовал в его руках, но отказывался действовать в руках других. Почему тогда каждая машина устаёт в одних руках быстрее, нежели в других? Каждый опытный инженер замечал это. Почему усталость коня зависит от всадника? И рука сокращает жизнь букета цветов? Ходим вокруг психической энергии. Знаем, что подобно мощной старой *Militia crucifera evangelica*, собравшейся вокруг символа Креста, также должны мы собраться вокруг понятия Культуры. Не умаляя, не унижая это великое ведущее начало, но служа ему во всеоружии беспредрассудочного познания.

И сложно и прекрасно наше время, когда в горниле сплавов сияют многоцветные звёзды. Опытные старцы заповедуют: о дивном в сердце делании. «Должно всегда вращать в пространстве сердца нашего имя Господа, как молния вращается в пространстве пред тем, как быть дождю. Это хорошо знают имеющие духовную опытность во внутренней брани. Брань эту внутреннюю надлежит вести так же, как ведут войну обыкновенную».

Когда же солнцем правды рассеются страстные мечтания, тогда обыкновенно в сердце рождаются световидные и звездовидные помышления. Или: «у того, кто установился в трезвении (сознании), чистое сердце соделывается мысленным небом со своим солнцем, луною, звёздами, бывает вместилищем невместимого Бога по таинственному видению и восторжению ума».

«Сядь или лучше стань в несветлом и безмолвном углу в молитвенном положении. Не распускай членов. Сведи ум из головы в сердце. Храни внимание и не принимай на ум никаких мыслей, ни худых, ни добрых. Имей спокойное терпение. Держи умеренное воздержание».

Чтобы усposобить этот труд, Св. Отцы указали особое некое делание, назвав его художеством, и даже художеством художеств. Естественное художество, как «входить внутрь сердца путём дыхания, много способствующее к собранию мыслей».

«Дыхание через лёгкие проводит воздух до сердца. Итак, сядь, и, собрав ум свой, вводи его сим путём дыхания внутрь, понудь его вместе с сим вдыхаемым воздухом низойти в самое сердце, и держи его там, не давая ему свободы выйти, как бы ему хотелось. Держа же его там, не оставляй его праздным, но дай ему священные слова. Попекись навикнуть сему внутри пребыванию и блюди, чтобы ум твой не скоро выходил оттуда, ибо вначале он будет очень унывать. Зато когда навикнет, ему там будет весело и радостно пребывать, и он сам захочет остаться там. Если ты успеешь войти в сердце тем путём, который я тебе показал и будешь держать этого делания всегда – оно научит тебя тому, о чём ты и не думал».

Итак, потребно искать наставника, знающего дело. Деятельность – умно-сердечная молитва совершается так: «сядь на стульце в одну пядь вышиною, низведи ум свой из головы в сердце и придержи его там и оттоле взывай умно-сердечно: Господи Иисусе Христе, помилуй мя. Ведай и то, что все такие приспособительные положения тела предписываются и считаются нужными, пока не стяжется чистая и не парительная в сердце молитва. Когда же Благодатью Господа достигнешь сего, тогда оставишь многие и различные делания пребудешь паче слова соединёнными с единым Господом в чистой и не парительной молитве сердечной, не нуждаясь в тех приспособлениях. Не забудь при этом, что ты, когда по временам будет приходить тебе самоохотная чистая молитва, ни под каким видом не должен разорять её своими молитвенными правилами ... Оставь тогда правила свои и сколько сил есть простирайся прилепиться к Господу и Он просветит сердце твоё в делании в духовном».

Даже в глубоком сне молитвенные благоухания будут восходить из сердца без труда. Если и умолкнет она во сне, но внутрь тайно всегда священнодействоваться будет не прерываясь. Ибо только сей посвящённый меч, будучи непрестанно вращаем в упразднённом от всякого образа сердце, умеет обращать врагов вспять и посекаать, опалаять, как огонь солому».

Многотомно можно выписывать из Отцев Церкви и из заветов пустынножителей и подвижников правила их, ими выношенные и применённые в жизни. «Когда сподобится духовных дарований, тогда, непрестанно бывая, воздействуем Благодатью, весь соделывается световидным и становится неотклоним от созерцания вещей духовных. Таковой не привязан ни к чему здешнему, но перешёл от смерти в живот. Неизреченны и неизъяснимы блистания божественной красоты! Не может изобразить их слово, ни слух вместить. На блистание ли денницы укажете, на светлость ли луны, на свет ли

солнца – всё это неуважительно в сравнении со славою оною и больше скучно перед лицом истинного света, чем глубочайшая ночь или мрачнейшая мгла перед чистейшим светом. Так может говорить познавший из опыта, что есть «сокровенный сердца человек» – «свет, который во тьме светит и тьме его не объять».

Не отвлечённые символы, но реальное сознание отображал Макарий Египетский, когда писал: «Те, кто суть сыны Света, и сыны служения во Св. Духе, те от людей ничему не научатся, ибо они суть богонаученные. Ибо сама Благодать пишет в их сердцах законы Духа. Им не нужно достигать полноты убеждения в писаниях, написанных чернилами, но на скрижалях сердца Божественная Благодать пишет законы Духа и небесные тайны. Сердце же начальствует над всеми органами тела. И если Благодать проникла в долины сердца, то она властвует над всеми членами тела и над всеми помышлениями».

Начало тайны врача – «знание хода сердца» – заповедует египетский папирус. Тот, кто знает духовное сердце, тот знает и «тонкую боль» сердца физического, о чём так проникновенно говорит «Добротолубие». Знающий эту «тонкую боль», познал и огонь любви, – не любви воздыхания, но любви действия и подвига. Той любви, которая издревле зовется богочеловеческою, вознося людское чувствование. «Какой мудрец знания не будет владыкою любви», заповедует Агни Йога.

«Тонкая боль», жар огня сердечного ведом потрудившимся в накоплениях опыта. Ведом тем, у кого труд осознанный вошёл в молитву, а молитва претворилась в неумолчное биение сердца, в ритм жизни. Спросят ли вас, что есть ритм и почему важно познание его? Значит, вопросивший не знает тонкую боль сердца, и не знает пространства, и не прислушался к гимну природы. Без собственного напряжения не познает он искр подвига, приближающих его сердце к мере созвучия с Бытием и Любовию. Центр Духа связан с центром организма. Связь эта, веками известная, ни научно, ни философски не разгадана, но вместе с тем совершенно очевидна.

Чаша опыта! И этим путём мы опять подойдём к творчеству мыслью – к таинственному, но непреложному «Слово плоть бысть». Таким путём Логос воплощается в телесное. Тайна эта явлена в каждом человеке, в каждом воплощённом духе. Бог вложил человеку вечность в сердце, – обитель духа нетленна, вечна через все воплощения. И познает она свет, ибо и сама является источником света. Тонкая боль есть шевеление тонкой энергии, а светоносность есть один из первых признаков действия энергий этих. Когда нагнетётся свет этот, когда делается видим и нашему глазу – этот момент всегда остаётся жданно-нежданным. Завещано держать светильники зажжёнными, но момент вестника несказуем. Так несказуема и тонкая боль и завет, что радость есть особая мудрость. Можно вспомнить заветы Бхагават-Гиты и Агни Йоги и Каббалы и пророков Библии и огонь Зороастра.

Платоновское «солнцеподобие» относится к тем же несказуемым, но светоносным понятиям. Встречаются испытанные, и для них не нужен словарь, но в движении едином и даже молчании они взаимно поймут язык поверх всех словесных различий. Потому исповедуйте, испытывайте, ибо не знаете, где лучший час ваш и когда вспыхнет огонь над чашею накоплений. Качество мыслей будет вожатым, а ненасытная устремлённость будет крылами света Софии. Ведь сиять, но не сгореть заповедано.

Звучание сердечного центра, подслушанное и Сократом, созвучит ритму блага. Очищение материи Спинозы озонируется теми же волнами света. Световой центр сердца может засиять всеозаряющим пламенем – карбункул легенд Грааля.

Агни Йога говорит: «В основе всей Вселенной ищите сердце. Творчество сердца напрягается чакрою Чаши. Величайшая мощь лежит в магните сердца. Слово, не содержащее в себе утверждение сердца, – пусто. Жемчужина сердца – тончайшая напряжённость. Архат как пламя несёт в сердце все огни жизни».

Ориген утверждает: «Глазами сердца видим Бытие». «Для чистых всё чисто!» – безбоязненно заповедал апостол Павел. Он знал чистоту и действительность сердца, когда оно ведаёт лишь Благо и как магнит собирает вокруг себя лишь доброе. Магнитоподобность сердца упоминается часто, хотя научно также ещё не познана. Между тем сокровища премудрости и ведения постигаются именно умом сердца, чашею любви и самоотверженного действия. Где сокровища ваше, там и сердце ваше. Светоносность сердца подобна флуоресценции моря, когда движение возжигает зримые, бесчисленные образования. Так и дуновение творческой любви возжигает светочи сердца. «Да будет свет», – говорится Мыслью Великого.

Внутренний человек хочет только добра, и в минуты сердечного сияния он необманно знает, где благо. Из сердечного сияния истекает лишь благо, и свет излучаемый может пресекать все изломы нарощенного невежества. Ибо грех и невежество – братья мрака. Жить в духе – значит сиять и благодетельствовать и постигать, жить в плоти – значит затемнять и осуждать и невежествовать и удлинять путь. Но не следует забывать, что удлиняя наш путь, мы затрудняем и путь близких, потому всякий эгоизм, думание о себе, саможаление, гордыня, всякое невежество – есть престол тьмы. Во имя близких мы не должны нарушать ритм волн света.

Полезны наблюдения над цветами. Сад света также нуждается в заботе и уходе, и струи чистых мыслей лучшее для него питание. Чем напряжённее свет, тем слабее тьма. Даже светоносное сердце прекрасного ангела могло избрать свободу омрачения вместо свободы служения и сияния. Потому нужно неотложное питание сада света, иначе пятнистые языки тигровых лилий пожрут лилии Благовещения и предательская белладонна скроет фризии сияния вершин. Надо светиться, надо рождать и усиливать свет сердца. Сосияния и созвучия света в свободе познания усилятся взаимно. Безмерна мощь объединённых благом мыслей. Уготован каждому свет, но можем закрывать его сосудом пустым. Сказано: от падения лепестка розы миры содрогаются, и перо крыла птицы рождает громы на дальних мирах – какая прекрасная великая ответственность, и не обернём громы, рождённые легкомыслием на бытие земли.

Из этой возводящей ответственности истекает светоносное стремление добросовестно, без разочарований изучать всё окружающее. Даже каждый виртуоз нуждается в ежедневных упражнениях. Повторено: «Если ты устал – начни ещё. Если ты изнемог – начни ещё и ещё. И как щит любовь призови»... Свет сияния мысли не только ощутим глазом, но и доступен фильму. Неотложно нужно несуетное изучение, безбоязненное и неэгоистичное. Очевидность родственна плоти, но не духу. Истина в действительности, но не в патологии очевидности.

Сердце-великий трансмутатор энергий – знает, где содрогание ужаса и где трепет восхищения. Дух отличает пятна ужаса и сияние восторга. Столько лучей и энергий уловляется вниманием учёных, это же внимание должно быть проявлено каждым человеком к ритму и свету, ведущим каждую жизнь. Зачем опалиться и обуглиться, если можно сиять в нетлении. Бог есть огонь, согревающий сердца, – говорит преп. Серафим. Он знает тайны сердца, – поёт псаломпевец в созвучии восхищения. Когда говорим о прекрасном, о тайнах сердца, то, прежде всего, имеются в виду прекрасные творящие мысли. Как самые нежные цветы их нужно растить, нужно поливать непрерывно радостными струями Благодати. Нужно ежедневно учиться чётко и благостно мыслить. Нужно научиться мечтам – этим высшим росткам мысли. Дерзнём. Не убоимся мечтать в высоте. С горы – виднее. С гор скрижали Завета. С гор – герои и подвиг. Мечта светоносна. Пламенная мечта – порог Благодати. Огонь и мысль. Пламенные крылья Софии Премудрости Божьей.

Гималаи. 1930 г

Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.

14 декабря 1930 г. Наггар, Кулу
Письмо Н.К. Рериха к барону фон Таубе

Naggar, Kulu, Punjab, Br. India
14 декабря 1930 г.

Мой дорогой барон Таубе,

Пишу уже из Наггара, куда мы прибыли недавно после нашего столь долгого «странствия». Мне очень неприятно сообщать, но здоровье мадам Рерих ухудшилось, и мы делаем всё возможное, чтобы поддержать её и помочь ей. Очень рад Вашим последним новостям и убеждён, что Ваше исследование в генеалогии будет иметь наилучшие результаты. Чувствую, что Вы того же мнения, что и я, и что полная мантия Зибмахера и коронованные шлемы, которые Вы недавно разыскали, и комптур тамплиеров приведёт нас неизменно ко времени Charlemagne, где упомянут Ярл Рорик, и затем мы снова придём к Ютландии. Надеюсь, Вы найдете книгу тайного архивариуса Мюллера, и тогда Ваш материал пополнится. Пожалуйста, передайте мои наилучшие пожелания Вашей семье и всем нашим общим друзьям.

Искренне Ваш,

Н.Рерих

Публикуется по изданию: "Дельфис" №80(4/2014) Письма Н.К.Рериха к М.А.Таубе

Н.К. Рерих

НАСЛЕДИЕ МАЙЕВ

Южно-Американским Обществам имени Рериха

Когда думаем о созидательном, о строении, то не случайно встают перед нами величественные напоминания о Южной Америке. Не случайно на сокровищах древнейшей культуры теперь расцветают семена новых мирных завоеваний и сооружений. Пан-Америка стоит как равновесие Азии. Поучительно наблюдать, как на месте древнейших подвигов пышно расцветают новые человеческие достижения. Даже с точки зрения хладнокровной науки мы уже привыкли говорить о токах, о лучах, об эманациях. Эманации культуры поис-

тине удобряют почву, и кто знает, может быть, именно они сообщают настоящий энтузиазм этим созидательным стремлениям. Мне ещё не пришлось побывать в вашей прекрасной Америке, но в духе я чувствую физически незримую дружбу и взаимное понимание. Откуда же приходит эта благодать? Кто-то может думать, что в этом сказываются какие-то родовые нити, ибо ветвь нашего рода имеется в Барселоне. Но, может быть, общечеловеческое чувство, устремление поиска, созидание сближает все сердца. Может быть, священное чувство подвига в поисках великих решений внедрилось в меня с детства, когда мы охотились в необозримых лесах России, конечно, не с целью убийства, но вникая в тайны природы.

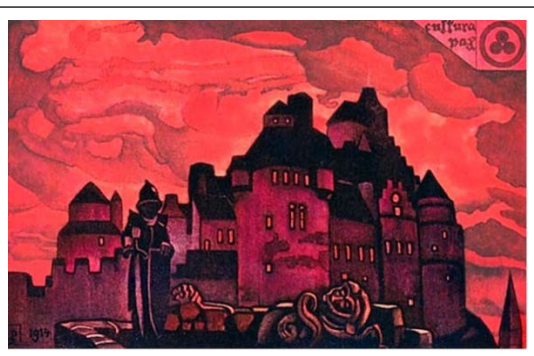
Когда мы изучаем созидание Индии, Китая, Тибета, постоянно наше первое сопоставление бывает с памятниками Культуры майев. В моей статье «Радость Искусству» я не мог кончить её ничем лучшим, нежели ссылкой на древних майев. Это было надревнейшее и прекраснейшее, что вспомнилось.

Смотрю сейчас на кольцо из Азии с надписью о грядущем веке Майтрейи. Вспоминаю, как одна путешественница, изучавшая развалины Юкатана, признала там эту самую надпись, но в значении Союза Огня. Приближаемся к разрешению этой формулы: наша духовная незримая дружба и взаимная расположенность, не происходит ли она от всепроникающей стихии огненной? В этих благословенных вездесущих огненных струях просветляются и вдохновляются сердца наши и по этим струнам мы распознаем наших истинных друзей и сотрудников.

Не тот же самый Союз Огня вдохновляет созидателей Пан-Америки? И Азия, когда она говорит о благословенной Шамбале, об Агни Йоге, об Учении Огня, она знает, что священная сущность Огня может объединять сердца человеческие в прекрасной эволюции.

Н.К. Рерих. Зарево. 1914.

Н.К. Рерих. Зарево. 1931.

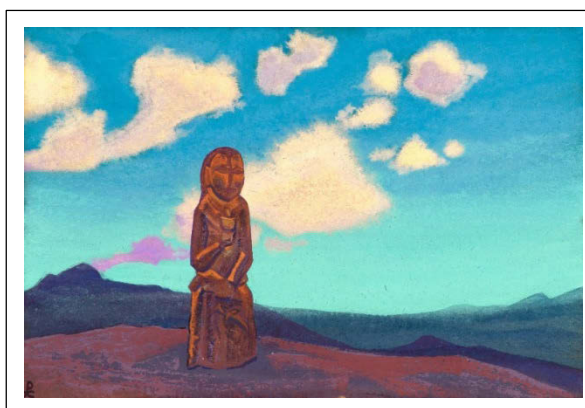
В марте 1914-го года я закончил серию картин, в которых была предчувствована великая война. Теперь я счастлив сказать Пан-Америке пророчества Азии об Агни Йоге, об Учении Огня, в той же концепции, какая была выражена мудростью древнего Юкатана - Союз Огня.

Опять страница великой правды приходит к нам, и эта истина возвещает необходимость единения всех носителей Огня сердца, чтобы просветить мир мирным и прекрасным созиданием. Понятие любви, ставшее холодным и отвлеченным, опять должно сделаться благословенно-действенным, ибо без дел любовь мертва. Но в Новой Эре ничто не мертво, всё жизненно, вдохновенно просвещённым трудом и укреплено несломимым энтузиазмом. Когда я слышу

прекрасные песни Испании и Южной Америки, я невольно вспоминаю о великом Востоке.

В самом деле, где же этот Восток и Запад? После Азии вы приближаетесь к Греции и чувствуете мудрость того же Востока. Вы приходите в Италию, и тот же мудрый романтизм окружает вас. Корсика, Испания - всюду многое от великого Востока. Знамена Фердинанда и Изабеллы близки арабеску. В Новой Мексике, в прекрасных незабываемых местностях вы чувствуете тот же гимн Востока. Вы знаете, что и в Мексике, и в Юкатане, и во всех твердынях Южной Америки вы почувствуете те же созвучия великого романтизма, великого прозрения и мудрости. Я не умаляю ни Запада, ни Юга, ни Севера, ни Востока, ибо, в сущности, эти разделения и не существуют. Весь мир разделён только в нашем сознании. Но если просветлено это сознание, то в нём возжигается свечечок Огненного Союза и поистине несломим пламенный энтузиазм.

С этим священным Знаменем мы можем достигать страны прекрасные. И можем пробудить сокровища древнейших культур для новых подвигов, для нового великолепия.

Н.К. Рерих. Страж пустыни. (Хранитель Чаши). 1928-30.

На одном из древнейших изображений друидического характера далёкой Монголии мы видели в руках каменного гиганта пламенеющую Чашу. Эти зачинатели великих переселений народов тоже помнили о священном пламени. Поистине этот неисчерпаемый свечечок открыл им пространство Азии и Европы и за все океаны. Юкатан хранит древнейший завет Огня. Во имя этого всеобъединяющего мудрого символа я приветствую вас, мои незримые друзья в Южной Америке.

1930

Архив Музея Рерихов, Москва.

[Декабрь] 1930 г. Гималаи.

Н.К. Рерих

ЧАРЫ ФИНЛЯНДИИ

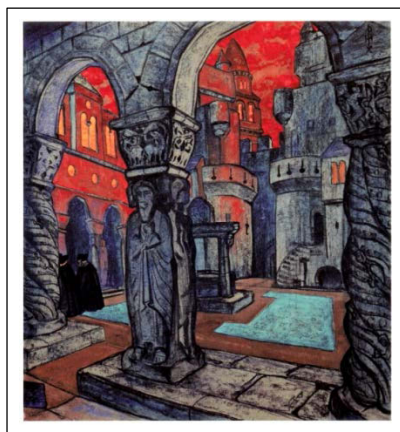
Финскому Обществу Имени Рериха

Друзья!

Радуюсь получить ваше славное письмо от 6-го октября 1930 г., принёсшее мне избрание Почётным Президентом нашего Финского Общества.

Охотно принимаю это избрание, так близкое мне. Сообщите Посланнику Финляндии и Генеральному Консулу моё глубокое сочувствие большой стро-

ительной работе, производимой финским народом. Также прошу передать доктору Реландеру, генералу Маннерхейму, Акселю Галлен-Каллела, Сааринену и другим моим друзьям в Финляндии мои лучшие чувства. Мы никогда не забываем время, проведённое в имени д-ра Реландера, и приветствие от Финского Правительства, сообщённое мне Акселем Галлен-Каллела к открытию моей выставки в Гельсингфорсе. Я всегда чувствую, что моя картина в Атенеуме является послем моего благожелания Финляндии.

Н.К. Рерих. Двор замка. 1913. Атенеум, Хельсинки, Финляндия

Сердечно вспоминаю я, как в Америке я имел радость приветствовать великого строителя Финляндии Сааринена, создавшего незабываемый стиль в строительстве. Я сказал ему: Где же тот мост, который делает наши встречи такими дружественными? Где же тот ключ, который открывает наши сердца? И где же те крылья, которые через все препятствия несут нас во имя самого благородного и самого творческого? Прекрасное ведёт нас через все мосты. Прекрасное открывает наиболее тяжкие затворы. Прекрасное ткёт светоносные крылья и объединяет души человеческие в их стремлении к единому Свету.

Когда я вспоминаю замечательные Музеи искусства, археологии и этнографии, созданные Финляндией, я чувствую, с какою заботою и самопознанием Финны собирали свои сокровища. И мы знаем, как глубоки финские корни. Уважаемый финский учёный Тальгрэн напомнит нам, как глубока древняя культура Финляндии. Истинно слово «Культура» близко и легко произносимо на финской земле.

В моей книге «Шамбала» я воздал привет Финляндии в статье, озаглавленной «Гуру - Учитель».

Однажды в Финляндии, на берегах Ладоги, я сидел с крестьянским мальчиком. Кто-то, средних лет, прошёл мимо, и мой маленький друг вскочил и с искренним почтением снял свою шапочку. Я спросил его: «Кто этот человек?» Необычайно серьёзно мальчик ответил: «Это Учитель». Я снова спросил: «Это ваш Учитель?» - «Нет,- ответил мальчик,— это учитель из соседней школы».- «Вы знаете его лично?» - «Нет»,- ответил мой юный друг. «Почему же вы его приветствовали так почтительно?» Ещё более серьёзно малыш ответил: «Потому, что он Учитель».

Истинно в этом мальчике, снявшем шапку перед учителем, заключено здоровое зерно народа, знающего своё прошлое и сознающего значение слова «созидать».

Когда мы плыли по незабываемым финским озерам, вызывая образы мудрого Вайнемайнена, Айно и Сампо, мы видели и развалины седых замков, и древние храмы, и знакомились с такими же древними обычаями, и мы чувствовали так ясно, почему Калевала стоит в первом ряду вечных человеческих творений.

Я уверен, что вы, дорогая наша сотрудница, Эллен Кеттунен и президент Финского Общества господин Г. Тэслеф, внесёте в жизнь Общества те здоровые творческие и героические основы, которыми так богата славная Финляндия.

Лучший привет!

Гималаи, 1930 г.

Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.

Декабрь 1930 г. Гималаи

ВЕХИ КУЛЬТУРЫ

Германскому Обществу имени Рериха в Берлине

Дорогие друзья!

Для меня было огромною радостью получить здесь среди белых вершин Гималаев ваш привет, избрание и приглашение.

В строках вашего обращения я прочёл ту сердечность, которая поистине может согреть культурные начинания. Большая радость видеть, что сердца ваши горят при мысли о культуре и действительно мы должны собрать всю нашу твёрдость духа, чтобы защитить находения культуры, так сейчас пренебрегаемые среди водоворота механической жизни. Мы должны найти лучшие формы взаимных дружеских сношений и обмена творческими достижениями. И когда мы будем знать друг друга, в полном доверии установится и настоящая кооперация, которая осветлит жизнь, нарушенную всякими материальными кризисами. Но если мы знаем духовные ценности и сознаём возможные духовные полезные завоевания, то это уже большая ступень к взаимному пониманию. Охранить достоинство творческой личности, помочь росткам, рождённым в трудах, это есть одна из наших ближайших светлых миссий. Для меня всегда будет радостью получить от вас вести и послать вам и статью мою, и доброе слово, которое, я уверен, будет сердечно обсуждено.

Всегда Вагнер оставался моим любимым композитором, и Шиллер и Гёте занимали почётное место на моём столе, начиная со школьного времени. И я помню, что мои первые сюжеты со школьных лет были "Ундина" и "Лесной Царь". И Дюрер и Холбейн оставались всегда для меня как свидетельство мощных достижений духа. Те же великие традиции искусства мы должны всячески охранять и укоренять в современную жизнь. Иначе, откуда же придёт благородство духа? Как же будет расти достоинство человечества? Откуда же снизойдёт осознание широкого сотрудничества и взаимное доверие? Всё из того же неисчерпаемого источника, светоносного, благословенного творчества. Жизнь преобразуется подвигами Культуры. Трудны они во времена узкого материализма, но, тем не менее, мы знаем, что лишь эти подвиги составляют двигательную силу человечества. Свет един, и поистине, международны врата к нему и доступны они для всех искренних искателей света. Темнота допущена лишь на время сна. Но поистине, не для сна человечество пытается совершенствовать себя уже миллионы лет.

Не трюизм мыслить и взывать о Культуре. Неограниченно в количестве мы должны вкладывать в чашу культуры все лучшие накопления наших сердец. Сказано, что мы сейчас приближаемся к эпохе огня. Какая это чудесная стихия, если мы можем осознать её и применить благостно. Зажигая светочи духа, разве это не прекрасно сознавать, что и в других странах те же самые светочи сверкают. Это осознание сотрудничества укрепит и воздымет наши устремления. Увидим ли мы этих друзей физическим глазом или почувствуем их в духе сердца нашего, не знаем мы, что более ценно. Главное знать, что чаша Грааля, чаша Культуры неустанно наполняется и в сердечном сотрудничестве наши друзья слагают в неё их лучшие духовные ценности.

И во имя этих ценностей духа шлю вам с белых вершин мой искренний привет и прошу почувствовать, как рад буду встретиться лично, когда придёт к этому время.

Гималаи. Декабрь, 1930 г.

Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.

24 декабря 1930 г. Нагар. Кулу.

Письмо Н.К. Рериха к О. Георгию Спасскому.²

«Наггар, Кулу, Пенджаб, Бр. Индия

24-го Декабря 1930 г.

Дорогой Отец Георгий,

Сегодня, в Сочельник, мы так много говорили о Вас, что у меня явилось непреодолимое желание с уходящей сегодня почтой послать Вам ещё наш духовный привет и восточку взаимного понимания.

Как уже Вы, вероятно, знаете от Марии Николаевны [Германовой] и Георгия Гавриловича [Шклявера], здоровье Елены Ивановны находится в очень серьёзном положении, требующем, прежде всего, горного воздуха. Конечно, всё в Руце Божьей и нашего Предстателя Преподобного Св. Сергия.

Вам будет значительно узнать, что нами уже избрано место в деодаровом лесу на Гималаях, где будет стоять первая часовня Имени Св. Сергия. Драгоценно чувствовать, как имя Преподобного подобно недрёманной страже встаёт на вершинах Бытия, слагая светлое будущее тем, кто может постичь понятия духовности.

Мария Николаевна, вероятно, уже получила моё обращение к ученикам «Обитель Света». Буду рад, если Вы прочтёте его, и если бы захотели применить в Ваших просвещённых проповедях, я буду считать это за честь.

Надеюсь, и Вы, и семья Ваша в добром здоровье встретили праздники Рождества и Нового года.

Поручаю Вас молитвам Вашим,

Сердечно преданный Вам,

Н. Рерих

Bakhtmeteff Archive of Columbia University, USA (BAR). Coll.: A.Miller. Box 1, (Авториз. Машинопись)
Публикуется по изданию: Вестник Ариаварты, №1-2 2003 г.

² Отец Георгий (Спасский) (1877-1934) – русский священник, живший в эмиграции в Париже. В очерке «Светочи» (газета «Наша Заря». 13.12.1934) Н.К. Рерих называл его одним из последних своих духоаников.

*24 декабря 1930 г. Нагар. Кулу.
Письмо Н.К. Рериха к Митрополиту Платону³.*

«Naggar, Kulu, Punjab, Br. India
24-го Декабря 1930 г.

Высокопреосвященный Владыка.

Уже из Индии из нашего Института в Гималаях спешу послать Вам искреннейший привет и мою сердечную признательность за все те добродухристианские ходатайства, которые Вы направили по причине болезни жены моей.

Мне печально сообщить при этом, что доктор, привезённый нами, нашёл её состояние очень серьёзным, требующим постоянного пребывания на высотах.

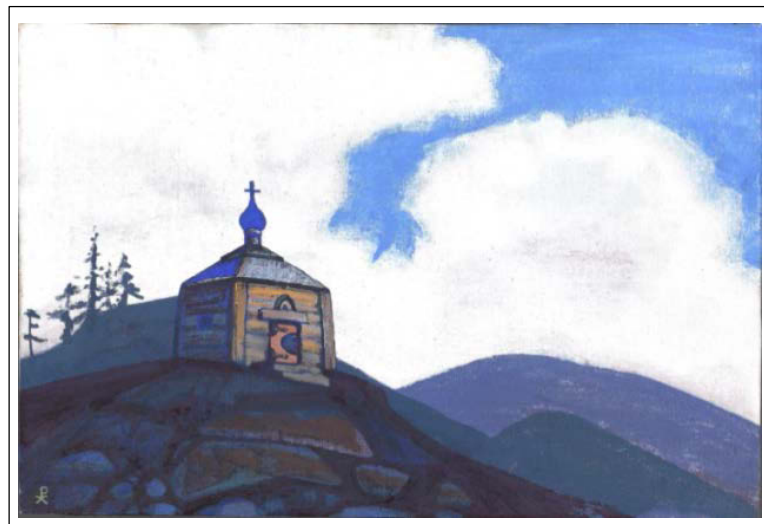
Среди этой грустной новости, мне было отраднo услышать Ваше доброе слово о получении нашего Знака Культуры. Поистине корень культуры – культ и высший культ – Свет Христианский. Посему мне особенно драгоценно сознавать, что Вы, Попечитель Духа Христианского, находитесь с нами на поле культуры, которую мы все должны охранять от невежества и злонамерения.

Надеемся весною приступить здесь к построению Часовни во Имя Святого Преп. Сергия, и я уверен, что Ваше Высокое Благословение пребудет на этом благом начинании.

Поручая нас молитвам Вашего Высокопреосвященства, прошу принять чувства моей духовной преданности.

Николай Рерих».

Публикуется по изданию: Вестник Ариаварты, №1-2 2003 г.

Н.К. Рерих. Свято-Сергиева часовня на путях в Гималаи. 1931.

³ Митрополит Платон (Рождественский Порфирий). Митрополит Американский и Аляскинский. (1866-1934.)

**29 декабря 1930 г. Наггар, Кулу.
Письмо Ю.Н. Рериха к Шкляверу Г.Г.**

Уважаемый доктор Шклявер, Профессор Рерих просит меня передать Вам, что он дал указания своим адвокатам в Америке внимательно изучить каждый источник клеветы и дезинформации и доложить ему.

Просим Вас сделать то же самое и сохранить установленные данные обо всех лицах, кто активно занимается очернением имени профессора Рериха и учреждений, в которых он является Почётным Президентом.

Все дальнейшие действия в каждом случае будут определены профессором Рерихом лично.

Искренне Ваш,

Юрий Рерих

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

**31 декабря 1930 г. Наггар, Кулу, Пенджаб
Письмо Ю.Н. Рериха к Хоршу Л.**

Уважаемый господин Хорш,

Было очень приятно получить первые новости о собрании Комитета Попечителей и о вдохновенной речи, с которой госпожа Хорш любезно выступила на этом собрании.

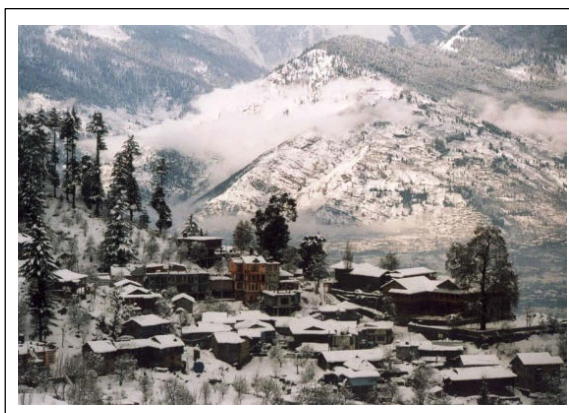
Помню, что во время нашей беседы с госпожой Иттлсон мы наметили в общих чертах план действия на текущую зиму, и она намеревалась увеличить число членов различных классов, начиная с 1 дек[абря]. С нетерпением жду известий о том, что сделано в этом направлении и приняло ли собрание Совета Попечителей этот план действия. Не будете ли Вы любезны сообщить мне, было ли доложено на собраниях о каких-нибудь новых членах и есть ли какие-нибудь шансы на пожертвования для биохимической лаборатории – нашей основной задачи.

С нашей стороны действия организованы, и каждое отделение успешно выполняет свою работу согласно нашей программе.

С самыми добрыми пожеланиями и с искренним уважением,

Ю.Р.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

Долина Кулу зимой, замок в Наггаре,
(Современное фото)

1931 г.

ЯНВАРЬ

1 января 1931 г.

Н.К. Перих

ДУХОВНЫЕ СОКРОВИЩА

В собирании красот духа, если мы начнём вспоминать события последних лет, нас поразит одно укоряющее обстоятельство, вызывающее особые соображения. За последние десятилетия мы проводили в далёкий путь многих замечательных людей. При этом ценно было почувствовать, какие искренние сожаления об утрате их вызывались в сердцах самых разных людей, на разных материках. Словно бы уходило что-то родное, нужное, слагавшее восходящие основы жизненного строительства. У самых, казалось бы, непричастных людей сверкала слеза - эта чистая жемчужина неэгоистической вибрации. Помним, как провожали уход Льва Толстого, или Пастера, или Вагнера, или Менделеева, и многих таких же ценных творцов для улучшения и очищения человеческого сознания. Вспоминаем и другое ощущение, тоже не менее ценное, а именно: приветствие производившимся опытом и культурным достижениям. Не бездушная хроника отмечала и приветствовала новые завоевания человечества. Они возбуждали горячие оценки и неминуемые осуждения, сопровождавшие эти события вспышкой искр, в свою очередь, творящих и возбуждающих внимание.

Так ли оно стоит сейчас? Хроника отмечает открытие, отводя несомненно большее место бирже и спорту. Появление крупных людей встречается недоверчивым сомнением, а уход их сопровождается официальным вставанием и искусственным молчанием, и никогда не знаешь качества мыслей во время этой минуты предписанного молчания.

Что же значит это? Может быть, это знак необыкновенного духовного богатства? Может быть, гиганты мысли, гиганты творчества стали так обычны, что уход их более не может занимать общественного внимания?

Так ли это? Не обозначает ли сказанное как раз обратное? Не значит ли оно пренебрежение к духовным ценностям? Не значит ли оно увлечение материальными, телесными, преходящими понятиями, при которых, как пыльным облаком, застилается свет и отодвигаются во мглу ценности культуры? Нам не нужно взаимно убеждать друг друга об истинных причинах происходящего очевидного явления. Мы собрались во имя культуры и каждый из нас, конечно, остро чувствует необходимость истинного сплочения вокруг этого руководящего эволюцией понятия. Но если мы в той или иной мере чувствуем вышесказанное, то не есть ли наш долг выявить это и посылить каждому в своей сфере обратить внимание окружающего на небрежение духовными ценностями?

Сказано и повторено на всех скрижалях заветов, что сад духовный нуждается в том же ежедневном орошении, как и сад цветочный. Если мы всё ещё считаем физические цветы истинным украшением жизни нашей, то кольми паче мы обязаны вспомнить и уделять главенствующее место в окружающей жизни творческим ценностям духа. Будем же неусыпно на вечной страже благобно отмечать появление работников культуры и стремиться всячески облегчать этот трудный путь подвига.

Так же точно будем отмечать и находить место в жизни уходящим героям, помня, что имя их уже не является личным со всеми свойствами ограниченного эго, но оно является достоянием всемирной культуры и должно быть бережено и прочно возвращено в наиболее благодатных условиях.

Этим мы будем лишь продолжать их самоотверженный труд, и будем растить их творческие посева, которые так часто, как мы видим, засоряются пылью непонимания и зарастают бурьяном невежества.

Духовных находений творческих откровений очень мало. Мы не можем объяснить развитием стандарта жизни небрежение к руководящим светильникам. Пусть на наших улицах уже горят электрические фонари, ещё недавно бывшие редкостью. Но на нас надвинулось сокровище новых, ещё неиспытанных энергий, и проявление их во всех областях связано с такими же самоотверженными жертвами и трудами, которые должны занимать общественное внимание, ибо в этом внимании мы как бы сотрудничаем с Творцом и в наших благих мысленных посылках мы усилием возможности нахождения.

Итак, среди занятий наших культурных ассоциаций будем же отводить должное внимание к творениям и находениям во всех отраслях искусства и знания. Будем приносить наши искренние мысли в преуспевание трудов, как вновь приходящих, так и уходящих носителей света. Пусть это будет не сомнительное пожимание плечами. Пусть это будут не холодные некрологи, но мы, как бы почётная стража, будем охранять ростки света. Освобождённые от предрассудков и суеверий, служа победой красоте и всеподымающему знанию, мы приложим во всех размерах и отраслях ревностную мысль утверждения блага, тем способствуя дальнейшим ветвям изучения и улучшения жизни.

Как драгоценно, что наши ассоциации находятся в различных странах. Тем легче всемирно следить за проявлениями творчества и опытов, тем легче взаимно обмениваться и обогатить друг друга полезными и ободряющими сведениями, которые иначе, быть может, потонули бы в безбрежных потоках хроник мелкого шрифта. Никто не знает, к чему непременно нужно творцам истинного прогресса приходиться изгнанными и уходить с земного плана осуждёнными!

Как уже повторено: заповедано не обуглиться, но сиять. Обугливающее злопахание может быть легко контролируемо сознательными усилиями объединённых культурных ассоциаций, искренно направленных к созидательному творческому познанию.

Конечно, наша основная программа действия - обмениваться художественными выявлениями всех отраслей и научными проявлениями, взаимно знакомясь с духовными ценностями всех народов. И потому среди программы художественных и научных выявлений и обмена, которыми мы взаимно обогащаемся, не забудем и благородную работу собирания и установления культурных ценностей, которые так часто могли бы быть пренебрежены в отливах и приливах океана жизни.

Итак, друзья, введём в ближайшую программу нашу этот обмен о созидательных, познавательных подвигах. И будем помнить, что пренебрежение к культурным ценностям есть позорное преступление невежества. Поэтому неустанно и бесстрашно будем взаимно укреплять и освещать путь, приближающий нас к свету.

1 января 1931 г. Гималаи.

Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.

Январь 1931 г. Гималаи.

Н.К. Рерих

ПУТЬ ТВЁРДЫЙ

Колумбийскому Обществу имени Рериха

Ваша весть об избрании меня почётным президентом дошла ко мне уже в Гималаях. Могу вам сказать со всею сердечностью, что я обрадовался вашему письму. Я знаю президента вашего Общества генерала А. де Леона и всю вашу работу на общее благо. Я питаю лучшие чувства к президенту Колумбии Энрико Олайя Херрера. Всё, что я слышал о его просвещённой деятельности, показывает, что он сильный человек и прирождённый государственный дея-

тель. Страны нуждаются в сильных личностях, в мощной руке, которая может вести их к благосостоянию и к истинной эволюции. Я знаю, что вам близки основы кооперации и что вы сознаёте глубоко, насколько человечество нуждается в просвещённом знании и в благородной красоте, только они являются истинными основами жизни и восхождения.

Вы знаете, что мы не можем оставаться без движения. Или мы идём вперёд, или отступаем. Во имя постоянного восхождения, во имя неутомимой битвы против всех зол невежества шлю вам пожелание несломимого мужества, терпения, радости в труде и истинного прогресса в грядущем Золотом Веке человечества.

В настоящее время всюду происходит глубокий материальный кризис, в основе своей это не только финансовый кризис, но чаще всего это кризис потухших сердец. Истинная культура не роскошь. Истина, что для пламенеющих сердец, для воодушевлённых высоким понятием культуры - не деньги как таковые существенны, но нужен постоянный рост и утончённость духа. И все необходимые средства приходят от единого источника, от того же священного огня. Там, где просвещённые трудящиеся руки, там, где преданность и пылание сердца, там будет и успех. Священный огонь даёт силу преодолеть все препятствия. Действительно, какие такие огромные средства требуются, чтобы группа преданных культуре людей могла время от времени объединяться и в сердечном обмене возжигать светоч истинной культуры? Для энтузиастов даже чашка чаю не нужна. Ибо не чайник будет кипеть, но сердце.

Духовное понимание и созвучие ткнут светоносную ткань Матери Мира — священную Культуру. Этим творческим путём вы и будете восходить.

Соединим же руки наши в крепкой клятве, что всеми силами будем укреплять и расширять благородную работу просвещения и улучшения жизни.

Гималаи. Январь, 1931 г.

Н.К. Рерих "Держава Света". Алатас. 1931.

4 января 1931 г. Наггар.

Письмо Н.К. Рериха к M-me de Voux Phalipau, председателю Французского общества Рериха и Европейского центра при Музее Николая Рериха в Нью-Йорке

Naggar, Kulu, Pujab, Br. India
January 4th, 1931.

Mme de Voux Phalipau
36 bis Avenue de Paris / Choisy-kt-Roi, Seine, France

Мой дорогой друг.

Ваше письмо от 22-го Дек., как всегда, принесло нам добрые вести. Радуюсь, если две новые картины Вам нравятся, конечно, они могут погостить в Париже очень значительное время. Из Америки мы получили ряд прекрасных известий, как о праздновании Десятилетия, так и о торжестве Знамени Мира 27-го Дек.

Мы очень радовались, что в различных церквах служба была посвящена Знамени Мира. Это обстоятельство так отвечает нашим настроениям и внесёт идею Пакта в новые круги церковных конгрегаций, до которых иначе эта идея может быть и не скоро бы достигла. Если в католических церквах чтение

обращений и не могло быть сделано без Папского Послания, то, во всяком случае, очень хорошо, что мы писали представителям католической церкви.

Во-первых, это хорошо, потому что Знамя впервые было освящено в Соборе Святой Крови. Во-вторых, это очень полезно, ибо лишний раз протолкнуло идею Пакта среди католического Духовенства, которое и без чтения в церкви, в частных беседах может с одинаковым добрым результатом осведомлять наиболее преданных прихожан. Ведь главная наша задача, чтобы люди возможно шире почувствовали необходимость охранения Культурных Сокровищ, которые могут способствовать созданию здоровых будущих поколений. Невежество, небрежение к лучшим сокровищам человечества, атеизм и изгнание всякой духовности уже даёт многие печальные и трудноисправимые плоды. Все страны жалуются на малосозидательное направление молодого поколения.

Мы только что читали в газетах, что в некоторых городах Австрии закрыты школы, прекращено уличное освещение и очистка улиц. Ведь это уже явная опасность не только высшей Культуре, но даже самой примитивной цивилизации. Помним, как во время одного моего чествования в Лондоне в 1920 году, Уэльс сказал, поднимая стакан: «Трудно подумать, что и этот простой предмет может сделаться предметом недостижимой роскоши, если человечество нарушит все устои Культуры и цивилизации». И вот мы видим во многих странах прямые факты нарушения даже примитивной цивилизации.

Значит, как же бережно, как сердечно устремлённо нужно охранять основы высокой Культуры, которая множеству людей кажется вообще чем-то абстрактным или недостижимым. Итак, начнём и этот год сердечными устремлениями к оживотворению и охране лучших творческих духовных достижений. Пусть эти маяки Света высятся не как забытые номера Музеев, но как живые руководители жизни. Все эти, когда-то освящённые предметы высоких и прекрасных культов сейчас служат лишь предметом квази-научной вивисекции. Но духовная красота, творческая мощь духа, создавшего их, не только забыта, но даже избегаема омрачённым сознанием. Вот, во имя Света, неугасимого и нестеснённого предрассудками познания, мы и начнём и этот год. И мадам Рерих, и я, и Юрий, и Святослав, шлём Вам и всем друзьям нашим лучшие наши мысли. Вновь выпавший белый снег на вершинах напоминает о метеорной пыли дальних миров, и тем самым, о беспредельной возможности познания и устремления.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись. Перевод с англ. яз.)

**9 января 1931 г. Наггар, Кулу.
Письмо Н.К. Рериха к Таубе М.А.**

Naggar, Kulu, Punjab, Br. India
9 января 1931 г.

Дорогой Михаил Александрович,

Спасибо Вам за Ваше письмо. Все мы сожалели о Вашей болезни и радовались выздоровлению. Относительно Вашего приглашения в Германию единственное, что можно сказать: человек предполагает, а Бог располагает. С интересом следим за Вашими исследованиями рода. Конечно, Вы правы, что в основе лежит скандинавское слово и в переводе на немецкий язык Rorich значило бы Ruhmreich [(нем.) Славный – ред.]. Н перед R очень типично для Ur

скандинавского. Идя в глубину, я не сомневаюсь, что мы придём к тому же Roerick Ютландскому, как это указывает Мюллер и некоторые подробности этого перечисляет Беляев, который с такою любовью занимался Rogic'ом, Маркграфом Фрисландским. Коронованные шлемы, найденные Вами, и полная мантия ведут нас к тому же. Так ценно, что Вы с Вашим знанием, а главное, с верным чутьём стали на эту правильную линию. Мне так же, как и Вам, казалось, что Roerich Тамплиеров не должен быть местным жителем, ибо очень часто комптуры назначались, и даже мне приходилось читать, что главы тамплиеров, а также и розенкрейцеров, ввиду разных особых причин, назначались извне. Уже предвкушаю, какое замечательное исследование у Вас получится. Без излишней торопливости, столько полезного будет принесено волнами жизни. Каждое Ваше письмо доставит нам живейшую радость.

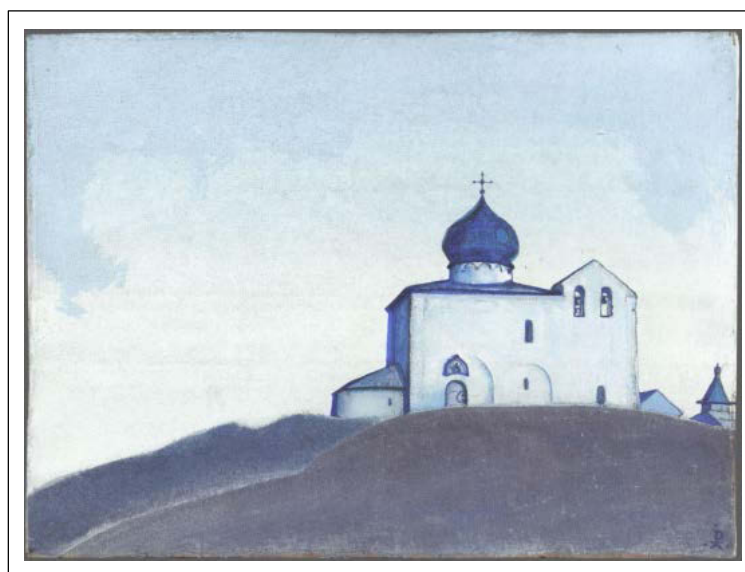
Прошу передать семье Вашей от меня и от Елены Ивановны лучшие чувства. К сожалению, не могу сказать, что здоровье её улучшилось.

Сердечно Ваш,

Н.Рерих

Бахметьевский архив Колумбийского университета

Публикуется по изданию: "Дельфис" №80(4/2014) Письма Н.К.Рериха к М.А.Трубе

Н.К. Рерих. Храм во Имя Св. Сергия. 1931.

17 января 1931 г. Наггар, Кулу.

Письмо Н.К. Рериха к Гребенщикову

17 Января 1931 г.

Родные мои,

Посылаю Вам сообщение Псковско-Печерского монастыря. Конечно, по финансовому положению Америки дело трудное, но монастырь замечательный, и может быть что-то и удастся сделать. Может быть, можно послать в Зарю или в Чикагский журнал.

На будущее отметьте себе отношение Кайгородова, упомянутое в письме Рота. Самого Рота я не видал с 1916-го года. За такие сроки, как эволюция, так и инволюция могла произойти.

Из писем наших слышу о Ваших удачных действиях. Душевно радуемся достижениям. Каковы наши отношения к Мансветову. Помню его хорошее письмо, положившее начало наших отношений. Меняет ли он свои мнения, или твёрд.

Из Общ-ва друзей Вы будете получать мои ежемесячные письма, которые могут быть читаемы в Сиб. группе. Если бы считали нужным дать им ещё какие-либо применения, поступите по достоинству.

Никогда ещё враги, желая повредить, не оказывали столько пользы, как теперь.

Надеюсь, здоровье Ваше и энергия держатся. К сожалению, не могу сказать того же о здоровье Е.И. Пламенно живёт она духом, но её хроническая болезнь очень серьёзна.

Здесь уже обойдено место будущей часовни Часовни Преподобного и готовятся ели и кедры для сруба. Да пошлёт Преподобный Благословение.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

19 января 1931 г. Наггар, Кулу.

Письмо Н.К. Рериха к барону М.А. Таубе

Naggar, Kulu, Punjab, Br. India

19 января 1931 г.

Конфиденциально

Дорогой Михаил Александрович, и вчерашняя почта не принесла нам Вашего письма, что заставляет нас беспокоиться, не пропало ли оно на почте. Всяко бывает. Последнее, что мы имели, была карточка из Рима. Со вчерашней почтой пришло письмо от Г. Шклявера. В нём он сообщает о посещении нашего центра митрополитом Евлогием. При этом не упоминается ни присутствие мадам де Во, ни Ваше. Разве Владыко был встречен совершенно частным порядком?

В журналах заседаний в Нью-Йорке видно из письма Вашего, что Вы желали бы более частые собрания нашей Русской Ассоциации, но встречаете препятствие со стороны Г. Шклявера. Думаю, в количестве заседаний решающий голос имеет исключительно председатель. Шклявер сообщает о предполагаемых двух лекторах в Русской Ассоциации: граф Рошфор и Калитински (если он достаточно поправился, как замечает Шклявер). Между прочим, генерал Потоцкий никогда Вам не говорил своих соображений о графе Рошфоре, которые он нам передавал в Париже? В качестве лекторов, не приходили ли на ум имена Эрнста, Ширинского-Шихматова и других, если кто может быть полезен. Впрочем, распределение 2000 франков, данных на русские лекции, всецело предоставлено самой Ассоциации, и я без всякой настойчивости лишь вспоминаю о более широких возможностях.

Посылаю Вам при сём русский текст моей декларации, посланной мной мадам де Во (по-английски). Хотя она, вероятно, и ознакомит Вас с содержанием её, но всё-таки посылаю Вам копию для Вашего личного ознакомления. Как Вы знаете, я всегда защищаю моих друзей и никак не могу согласиться с arrogantными выражениями г-жи Дедле, которая вместо пользы может вносить лишь смущение умов. Выражение о торжествующем собственнике и о том, что её предложение написать мне, было встречено с аплодисментами (что Вы ви-

дели в копии её письма, Вам посланного), конечно, превышает всякую меру. Если есть что сообщить конфиденциально, то ведь Вы, как представитель и по родственному чувству, и по духу, конечно, сделали бы это гораздо лучше и полезнее для дел, нежели совершенно посторонняя и болезненная ментально мадам Дедлей. Если в чём-то мы можем видеть ошибки, то ведь хотя бы во имя христианских чувств о них можно предупреждать без всяких неприемлемых выражений.

К делу о неправильной степени ордена, о чём мадам де Во пишет неоднократно, посылаю Вам копию меморандума, полученного нами из Америки, из которого видно, что не одна Америка виновата. Вы знаете, насколько и я, и Америка готовы с радостью приветствовать каждую инициативу и принять в соображение каждое сообщение, основанное на каких-либо местных фактах. И мы, со своей стороны, можем поделиться несколькими накопленными сведениями. А Вы знаете, как мы разделяем осторожность Ваших суждений и всегда помним Ваш рассказ о соображениях Маркова II, которые Вас так справедливо ужаснули. Ну, Бог с ней, и с большой Дедлей, и с её аплодисментами. Жду Вашего сообщения, ибо хочу знать соотношение и истинную соизмеримость фактов. Мы так горячо радуемся Вашей договорённости с мисс Лихтман и хотели бы, чтобы в Америке не подумали бы как-нибудь, что Вы участвовали в аплодисментах г-же Дедлей, вдохновившейся написать письмо, могущее затронуть наше общее достоинство. Я потому так и горевал, узнав, что, может быть, и симпатичное в сущности, но по болезни безответственное [лицо] взято в конфиденты и, конечно, при всяком случае расскажет на стороне, кроме фактов, и всякие приукрашенные легенды.

Очень рад слышать, что Владыко Евлогий так сердечно отозвался о делах наших и о моём искусстве и даже хотел писать Восточным Патриархам. Из Америки сообщают также о незабываемых сердечных выражениях митрополита Платона и знаменитого епископального проповедника доктора Норвуда и духовного директора при кардинале о. Келли.

Эту неделю здоровье Елены Ивановны очень неважно. Она так волновалась письмом Дедлей. Сердечный привет Вашей семье.

Духовно с Вами,

Н.Рерих

Бахметьевский архив Колумбийского университета

Публикуется по изданию: "Дельфис" №80(4/2014) Письма Н.К.Рериха к М.А.Таубе

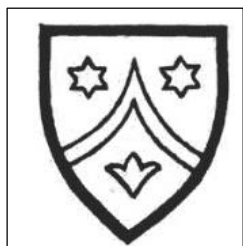
**21 января 1931 г. Наггар, Кулу.
Письмо Н.К. Рериха к Таубе М.А.**

Naggar, Kulu, Punjab, Br. India
21 января 1931 г.

Дорогой Михаил Александрович,

Сейчас пишу триптих, посвящённый Жанне д'Арк. Как всегда, обращаясь, прежде всего, к первоисточникам, я начал перечитывать и пересматривать материалы древнейшей Франции. Прилагаю листок с двумя подробностями, которые, знаю, заинтересуют Вас в связи с гербом. Герб хроники Фруасара (золото на тёмно-синем) может напомнить нам времена, когда потомки Ютландских викингов могли принимать участие в походах первых королей

Франции – во всяком случае, подробности любопытны. Если у Вас ещё что-нибудь накапливается, черкните словечко. Есть кое-что интересное в отношении розенкрейцеров. Шлю сердечный привет Вашей семье и Вам.

(Фрагмент будущего триптиха – ред.)

Преданный Вам,

Н.Рерих

Бахметьевский архив Колумбийского университета

Публикуется по изданию: "Дельфис" №80(4/2014) Письма Н.К.Рериха к М.А.Таубе

«Сейчас пишу триптих, посвящённый Жанне д'Арк...»

Эскизы к картине Жанна Д'Арк. 1930.: 1) Дева на костре; 2) Великая Мать; 3) Молитва.

Н.К. Рерих

АДАМАНТ

К Ассоциации Оригена при Обществе имени Рериха

Адамант! Замечательно это наименование, оно лучше всего выражает сущность Великого Имени, вокруг которого вы собрались. Часто наименования даются только после смерти, но иногда определённое качество так ярко выражено, что уже в жизни лицо осеняется определённым знаком. Адамант, твердейший алмаз, несломимый, режущий даже твёрдое. Ориген-Адамант!

Не выражено ли в этом одном слове всё почитание великим Учителем Истины, которое не могло быть потрясено ни лишениями, ни обещаниями, ни обычаями. Ориген назван Учителем Церкви. Но, конечно, он мог быть признан и Святым, мог быть признан Отцом Церкви. И мог в течение жизни иметь высшее церковное назначение и отличие.

Вместо того чтобы стать Архиепископом, Ориген оказался узником, может быть, в одной темнице с преступниками. Церковный Собор вменяет ему следующее: «Ориген, чудо своего века, по необычайности своего ума и глубине своего образования был обвинён на двух Александрийских Соборах при жизни и после смерти - на Константинопольском Соборе. Ориген неправильно мыслит о многих Истинах Христианской Церкви, распространяя языческие учения о предсуществовании души; он неправильно отражал Учение Христа, полагая, что определённое число духовных существ равнодостоинных, были созданы, из которых одно устремлялось с такою пылающей любовью, что объединилось с Высшим Словом и стало носителем Его на Земле. Придерживаясь верования в воплощение Бога Слова и в творение Мира, Ориген неправильно понимал крестную смерть Христа, представляя её как имеющую духовное соответствие в духовном мире, он слишком много уделял воздействиям Сил Природы, которыми одарено наше естество...»

С точки зрения современности невозможно понять, как могли эти обвинения довести до темницы! Ведь во всём облике Оригена так ярко выражено стремление к Истине, которое не только не умаляет, но, наоборот, открывает безграничный кругозор для священного единения с Вышним.

Множество трудов Оригена, из которых не все дошли до нас и не все переведены и опубликованы, показывают поражающую образованность и светоносный, устремлённый ум. Но враги Оригена, чтобы ещё более утвердить его значение, прибегли к обычному своему средству - преследованию.

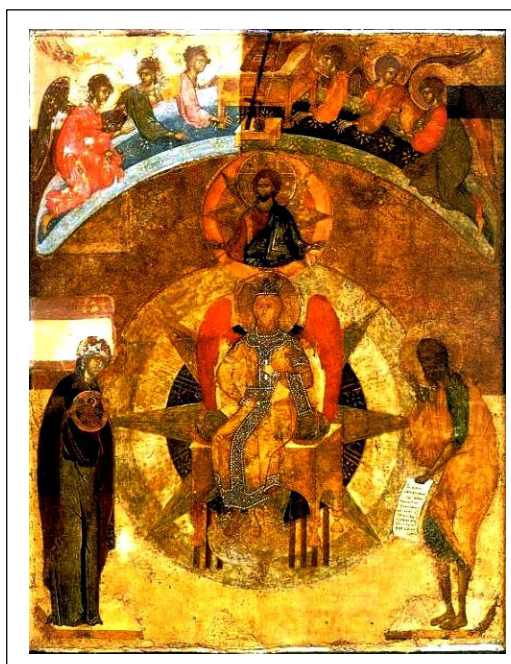
Позабыв ещё недавнюю великую Голгофу, они решили, именно во имя великого Мученика Голгофы, сделать мученика и из Оригена. Они забыли, что терновый венец есть высший знак Славы. Обратимся к истории многих мученичеств. В своём разнообразии эта печальная история являет нам тождественные законы последствия самоотверженности. Если возможно в чём-либо выразить высшее понятие истинной славы, то, конечно, оно будет соединено с самопожертвованием Адамантовым. Говоря о мученичествах, вспомним изображения их замечательными художниками. Обернёмся на картины Иеронима Босха, Питера Брейгеля, Дюрера, Орканьи и других одинаково великих создателей. И посмотрим, какие они избирали типы для палачей и преследователей. Не покажется ли вам, что в этих тупых, озверелых ликах вы узнаете какие-то образы, встреченные вами и в наше время? Поистине, живут ещё тёмные и отрицательные типы, но именно они так же действенно обращают нас к тем символам, от которых излучается Свет великий. От преследователей вы неизбежно обернётесь к великому Преследуемому, к мощному понятию Адаманта. Пусть же это качество сделается и вашим отличием. Около этого качества вы найдёте неустанный творческий путь. Вы найдёте всемещение, неумаление и неугомонное стремление к Свету.

Изучая творения Оригена, вы найдёте в себе стремление к тем же основам - «де принципии». Светоносная высокая логичность автора передаст вам через все века то же упорство, откровенность, мужество, прозорливость. Короче говоря, вы воспламенитесь для ваших лучших работ и творений.

Без этих качеств вам будет трудно осознать, что подражать Вышнему вы можете, прежде всего, в творчестве.

Вспоминаем, как десять лет тому назад мы начинали Институт Соединённых Искусств в доме Греческого Собора. Почтенный отец Лазарис первый приветствовал наше просветительное начинание, в котором мы выражали нашу веру в то, что только красота и знание могут объединить и вести человечество к истинному счастью и благосостоянию. О. Лазарис так понимал, что Прекрасное и Мудрое являются столпами Религии. Если мы начнём искренно писать историю Прекрасного, тем самым мы должны писать и историю Религий. И обратно, начиная с Религии, мы неизбежно придём к Прекрасному.

Прекрасные мысли! Они, светлокрылые создатели будущего, донесли и ценный нам Облик Оригена. Он провидел творчество Всемогущего.

Икона Святая София - Премудрость Божия. Первая четверть 15 в. (Справа – фрагмент иконы).

Среди почитаемых древних икон имеется образ глубокого значения: «Святая София - Премудрость Божия». В часы вашего высшего вдохновения эта Мудрость шепнёт вам: «Творите неутомимо, знайте, как давать. Только в даянии мы получаем!» На огненном коне, в сверкании пламенеющих крыльев представлена несущаяся в Пространстве Святая София, Мудрость Всевышнего.

Ориген заповедал: «Глазами сердца мы видим». Во имя этого вседостигающего языка сердца, во имя всепроникающего духовного Ока, я приветствую вас, которые собрались вокруг вечно живущего Имени Оригена.

1931 г.

Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.

26 января 1931 г.
Н.К. Рерих

ЖИВАЯ МУДРОСТЬ
Ассоциации Спинозы при Обществе имени Рериха

Одним из наиболее драгоценных для меня впечатлений останется центр Спинозы при нашем Обществе. Во времена беспокойства и смятения, во дни крушения механической цивилизации, каждый знак духовного подъёма особенно ценен.

Я вспоминаю, с какою устремлённостью и упорностью д-р Кетнер пришёл ко мне, и какую пламенность я почувствовал в его приходе во имя великого философа Спинозы. Также драгоценно было для меня ознакомиться с устремлённою группою молодых работников, объединённых великими идеями Спинозы, под руководством д-ра Кетнера. Не преувеличиваю, но только свидетельствую.

Конечно, великая духовная радость будет творяща для последующего. Представьте себе рабочую молодёжь, бедную материально, трудами содержащую себя, но духовно объединившуюся вокруг великого имени и посвящающую все свободное время действительному изучению высокой философии. И не для отвлечённости изучают они. Нет, этим изучением они преображают жизнь свою и через свет их сердец начинают жить высокие идеалы. Эти светочи самоотверженности пробивают окружающую тьму и создают ещё одну твердую протину против невежества. А ведь мы знаем, как воинственно невежество и как заразительна тьма!

Руководитель группы д-р Кетнер является истинным учителем, ибо он не только ведёт собрания и читает лекции, но к нему приходят за советом во всех житейских дилеммах. И он вооружает прочным доспехом молодых воинов. Он говорит им, как практично Благо и как постыдно и разрушительно Зло. Он же скажет, что Благо там, где творчество, созидательность и духовность. В Благое и вмещение, и преданность, и любовь. Высшее - в свете самопожертвования и низшее - в тьме предательства. Отвлечённое для ограниченных мозгов понятие эволюции и подвига таким порядком становится жизненным краеугольным камнем каждодневности. Эти основы явлены там, где жизнь так трудна, там, где борьба иногда выбивает из строя лучшие силы.

Разве не трогательно видеть, как многочисленная группа молодёжи избрала щитом своим высокую философию? Они объединили и укрепили себя именем Мудреца, который так безбоязненно и самоотверженно вносил в жизнь обновленное понятие Бытия. В его прозорливом понимании материя была возвышена и заняла должное место. А ведь всякое возвышение есть благородное действие. В возвышении всего мы неизбежно возвышаем и самих себя, ибо мы устремляем энергию вверх; от начала и до конца всё будет восходить в том же направлении. Этим благородным подъёмом приходит к нам нужное качество терпимости. Если мы будем вводить терпимость лишь условно и поверхностно, получится лишь лицемерие - одна из наиболее темных масок. Только благородным подъёмом духа в неустанном осознанном труде приходит этот чудесный гость — просвещённая терпимость. Именно это качество, выросшее естественно, приносит с собою и улыбку мудрости. Говорю о той улыбке мудрости, с которою Мудрец выслушивает искателя. В его ободряющих глазах и молчаливом кивании выражено: "Пытайся, мой сын!"

Ничего не значит, если временно ты идёшь боковой тропой. Лишь иди вперёд, не оглядываясь, не страшись камней и терний. Помни, если крутой взход будет слишком гладок, то восхождение тебе будет ещё более трудным. Камни не только не мешают тебе, но даже поддерживают тебя. Не забывай это и благословляй эти камни, ибо каждый может быть употреблён как ступень”.

Вспоминаю, как однажды на Востоке учёный раввин сказал: “Вы тоже Израиль. Ведь каждый ищущий Света - Израиль”. В этих кратких словах была выражена Мудрость незапамятных веков. В них звучала не только возвышенность, но и терпимость.

Когда вы, соучастники Центра Спинозы, сходитесь на собрание, вы одеваетесь в праздничные одежды, ибо, как я знаю, эти собрания для вас истинный праздник. Такое обыкновение является уже ручательством истинного понимания, следствиям которого будет и терпимость и вмещение. Вы знаете, как великий Спиноза страдал в своей жизни только потому, что он самоотверженно стремился выразить Истину. Но мы знаем, что мученичество есть нагнетение энергии. В этом нагнетении вы получаете право стучаться во все врата, где может быть укреплено полезное созидание. Повторяю, вы перенесли философию из абстракции в жизнь. В этом действии вы явили основы истинной эволюции, ибо все Учения, все философии были даваемы для жизни. Нет такого высокого Учения, которое не было бы практичным в высшем смысле этого слова. Мы можем разрешить бесчисленные проблемы современных смятений лишь осознанием Прекрасного и Высшего. Лишь прекрасный Мост будет достаточно прочен для перехода от берега тьмы на сторону Света. Вы знаете, какое глубокое значение в священных Учениях соединяется с символом Моста. Через этот Мост придёт Вышний во Славе!

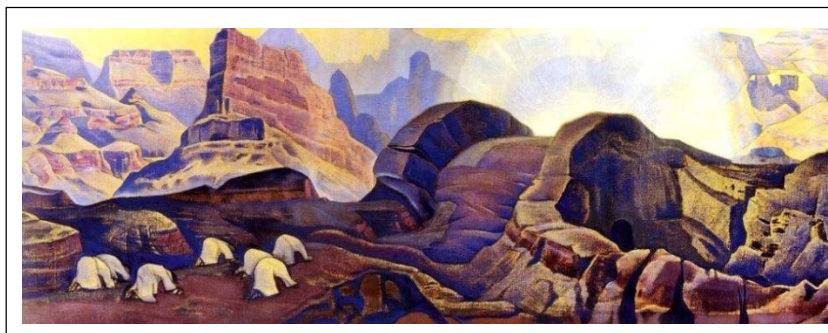
Знаю, что Центр Спинозы будет расти, ибо он был зачат на здоровых основах в жизненно ощутимой реальности. Не туман, но Свет в основе эволюции. Если мы понимаем, что Свет есть цвет и звук, мы также поймём, насколько всё прекрасное необходимо для построения храма эволюции. Даже Джинны помогали Царю Соломону строить Храм. Призывая Свет и Прекрасное, мы также заставим даже Джиннов помогать в этом великом созидании.

Во имя великого Знания и прекрасного Подвига приветствую вас!

Гималаи. 26 января 1931 г.

Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.

«Через этот Мост придёт Вышний во Славе!»

Н.К. Рерих. Явление Мессии. 1923.

ФЕВРАЛЬ

1 февраля 1931 г. Нью-Йорк.
Письмо З.Г. Лихтман к Рерих Е.И.

MAURICE LICHTMANN
Riverside Drive ,/ New York, N.Y.
1-ое Февраля, 1931, Н.Й.

Дорогая, родная Е.И.

Какая великая радость – Ваше последнее письмо, и в нём весть о Великом Даре Учителя нам всем! Со времени получения его во мне звучит как бы радостная благодать при сознании, какую первую необъятную возможность нам вновь посылает Вл.

Родная, всею силою устремления к Вл. и Вам, всем желанием служения и его истинного понимания, я жажду и надеюсь исправиться и искупить все мои ужасные легкомысленные поступки, и заслужить Великий Дар. На вопрос Вл.: - Кто готов получить их? – Чем могу поручиться, что имею право на получение, когда всё недавнее прошлое моё указывает на отсутствие преданности, непонимание служения и эгоистичность побуждений! С Великим милосердием Учитель и Вы указали мне путь исправления, но проверяя себя и оглядываясь назад, вижу, как мало ещё достигнуто мною, и как долг путь предо мною. Часто мне казалось в прошлом, что я утратила право на доверие Ваше, моих Тары и Гуру. И Ваши письма, зовом сердца и любви, зовущие меня к исправлению, являлись самыми ценными знаками на моём пути. При всём отчаянии, испытанном мною за последние месяцы, всё время я твёрдо сознавала мою вину и посылала благодарность Вл. и Вам за посылаемую помощь. И теперь со всем устремлением сердца молю лишь об одном – искоренения чувства самости, ибо верю, что если поборю его, придёт расширение сознания. И тогда явится право говорить об истинном служении. Поэтому, если я ещё имею право на доверие Ваше, молю всем сердцем дать и мне Дар Учителя. Крупица Магнита Учителя будет для меня даром новой жизни, но не для себя, а для дальнейшего служения, с сознанием полной ответственности за даваемую великую возможность.

Родная и любимая, при осознании всей Вашей великой работы для человечества, которой Вы отдаёте магнит Вашего сердца и всю Вашу жизнь, шлю все мои мысли о сохранении Ваших сил и Вашего здоровья. С радостью отдала бы свою жизнь для восстановления Ваших сил.

Шлю всю преданность и любовь, и непередаваемую словами благодарность за все Ваши заботы и ласку.

Ваша [З. Лихтман]

Архив Музея Рерихов, Москва.

10 февраля 1931 г. Урусвати.
Письмо Н.К. Рериха к Лосскому Н. О.

Урусвати. 10-2.32.

Дорогой Николай Онуфриевич,

Ваша книга «Бог и Царство Божие как Основа Ценностей» только что дошла к нам. Дошла она в прекрасном окружении. С тою же почтою пришла книга Иеромонаха Иоанна «Слава Воскресения», а также послания Митрополита

Антония и Митрополита Платона, моих давних друзей. Как драгоценно, что настоящее время устанавливает реальные Ценности.

Митрополит Антоний пишет о дружелюбии, к тому же приводит и Ваша замечательная теория «отталкивание», указывая на наличие в нём эгоистического момента, который должен быть изжит. Если бы во имя именно того Царства Божия, о котором Вы говорите, люди сумели бы, хотя бы немного, отойти от отталкивания, какое прекрасное строительство могло бы осенить наш век. Иеромонах Иоанн, глава Сергиева Братства, к которому я чувствую глубокую симпатию, прекрасно пишет о разлагающей вреде сомнения. Если бы наше время смогло побороть и этого червя невежества, то, сколько, казалось бы, неразрешимых проблем опять представились бы решёнными в самой жизни. Какой это ужас – взаимное недоверие, клевета и ложь! Притом ложь, от малого до великого, не стесняющаяся очернением даже самых высоких понятий. И в эти смятенные моменты Ваши книги так спокойно и уверенно говорят о Незыблемом. Чем разнообразнее будем мы подходить к той же твердыне Блага, тем пространнее будет она. Лишь бы преобороть то материалистическое отталкивание, смысл которого Вы так хорошо подчеркнули. Очень благодарим Вас за эту книгу. Не знаю, получили ли Вы из Америки мою последнюю книгу «Держава Света»? Мне так хотелось, чтобы она дошла к Вам к Рождеству, но за дальними расстояниями иногда трудно бывает уложить сроки. Только что мною кончены две картины: одна «Владычица Знамени Мира» (1) и другая «Святая София Премудрость Божия» (2). Начат «Св. Франциск, благословляющий птиц» (3).

Надеюсь, что в семье Вашей всё хорошо и работа Ваша идёт на просвещение общего сознания. Она так нужна и всюду, и в среде в рассеянии сущих. Привет от всех нас Вашим, и ещё раз спасибо за прекрасную нужную книгу.

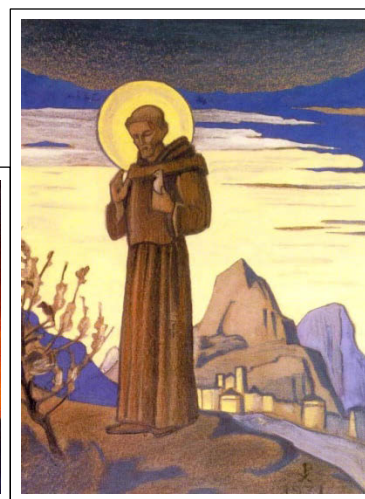
Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись).

(1)

(2)

(3) (эскиз 1931 г.)

11 февраля 1931 г. Гималаи.
Письмо Н.К. Рериха к Гребенщикову Г.Д.

Feb. 11-th 1931.

Родные,

Радовались мы Вашей телеграмме. Поистине, где дано от чистого сердца, там и приплывает. Недаром Владыко так заботится о преданности. Ведь в этом осознании Иерархии только и может быть продвижение.

Наша война далеко не кончилась. Воюем и с болезнью Е.И. Очень она больна и непомерно всё на ней отражается – как чаша переполненная.

Посылаю Вам Слово на освещение Часовни и Привет Вам к славному дню четверти века работы. Так, в доверии, и взойдём, и дойдём. Владыке виднее, как лучше.

Будем рады слышать о Ваших работах и успехах.

Для Альманаха можете взять Обитель Света – русский текст тоже послан нашим, и, конечно, оба прилагаемых обращения. У Мориса должны быть несколько новых моих статей, посланных отсюда, но, думается, Обитель Света сейчас нужнее. Делайте, как лучше.

Целуем Вас все.

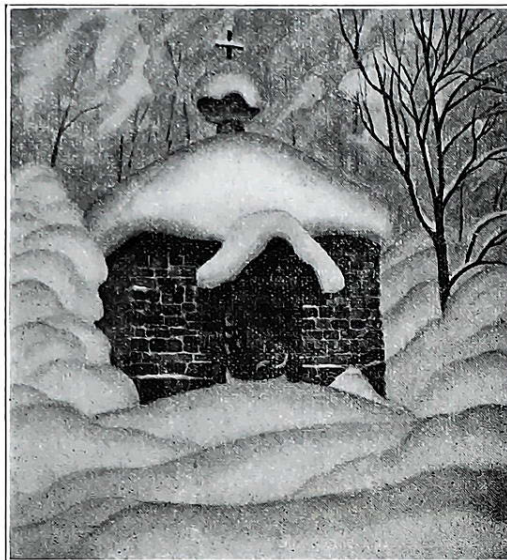
На Гималаях лежит Снег.

Привет сердечный!

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (Машинопись)

ХРОНИКА.

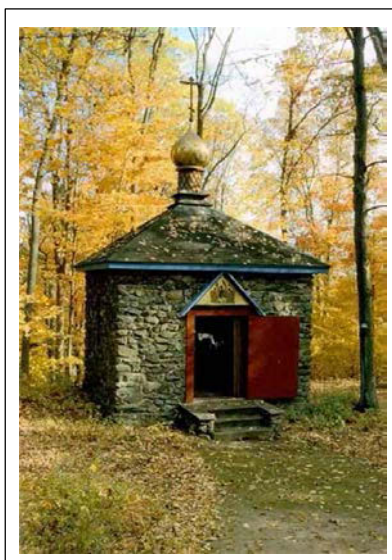
Из статьи в Еженедельной Русской Православной газете в Америке «Светъ».
1933 г.:

ЧАСОВНЯ ИМЕНИ СВЯТАГО СЕРГІЯ
въ Чураевкѣ, Сѣверная Америка.
CHAPEL OF ST. SERGIUS of RADONEGE,
in Churaevka, Southbury, Conn., U. S. A.
Established by GEORGE D. GREBENSTCHIKOFF.

«Десять лет тому назад в Константинополе, когда Русским писателем Г. Д. Гребенщиковым задумано было издание первого тома эпопеи «Чураевы», и когда нужна была художественная надпись на обложке, автору эпопеи пришла первая мысль о символе нерушимого Русского бытия: - лесной убогой часовенке, как месте чистом и святом, и приводящем в тихое уединение и раздумие встревоженный и грешный дух и разум человеческий.

Художник Зарецкий выполнил эту идею с должным настроением, автор эпопеи стал мечтать с тех пор о действительном воплощении этой идеи в жизнь и об уединении в своём скиту. И вот в Америке осуществил эту мечту: заранее присмотрен был прозрачный источник в холмах среди берёз, близ Саутбери, в штате Коннектикут и много битв духовных и физических пришлось преодолеть, пока, в поте лица, трудом писателя была вознесена над родником скромная и небольшая, но крепко-сложенная из диких камней часовня во имя одного из самых древних светлых строителей Святой Руси»

*Февраль 1931 г. Гималаи
Н.К. Рерих*

СЛОВО НА ОСВЯЩЕНИЕ ЧАСОВНИ СВ. ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ,
*сооружённой Сибирским отделом общества друзей Музея Рериха в Радонеге, Чураевке, штат
Коннектикут*

Святой Сергей - Строитель Русской Духовной Культуры. Каждое упоминание этого священного имени повелительно зовёт всех нас к непрестанному светлому труду, к самоотверженному созиданию и делает из Святого Сергея поистине Преподобного для всех веков и народов. Повторяю, для всех веков и народов, ибо культура духа стоит над всеми границами. И нет такой религии, и нет такого учения, носитель которого не преклонился бы перед образом Преподобного, когда вы расскажете ему о трудах Его.

Ориген заповедал: "Глазами сердца смотри". Не есть ли это также и заповедь Самого Преподобного, который в пламенной Чаше вознёс заповедь страдания и любви?

Преподобный Исаак Сирин сказал: "Когда мы в покое - демоны веселятся, а когда в трудах - Ангелы радуются". Этими соангельскими трудами положил Преподобный Сергей краеугольный, нестираемый камень русской духовной культуры, внеся его в сокровищницу мирового почитания.

Имел счастье произносить Имя Преподобного и буддистам, и мусульманам, и евреям, и индусам, огнепоклонникам и почитателям Великого Духа. Было ли при этом хоть одно отрицание или отстранение? Не было, ибо всепрощающая и всевозносящая духовная культура заложена в каждом человеческом сердце. И не мечом, но сотрапезою духовную открывается этот светоносный сосуд благодати.

Случайно ли, что на всех путях сужденных вырастают священные знамёна Преподобного? Дивно и чудно видеть, как даже в наше смятенное, отягощённое мраком время всюду разносятся светочи храмов и часовен во имя Преподобного. В Париже Сергиева Обитель, в Лондоне Сергиева группа учащихся. В Южной Америке Имя Святого Сергия. Под Нью-Йорком мы имеем радость освятить часовню Св. Сергия. В Нью-Йорке, в доме Музея комната-часовня Преподобного. По Азии раскинуты зачатки часовен и храмов во Имя этого непобедимого Водителя ко Благу. Огромное количество книг, статей и листовок посвящены Преподобному. Всюду благовестит это непобедимое Имя.

Больше того, когда вам приходится встречать людей близких в духе, рано или поздно, но безошибочно вы узнаете от них, что у кого в сердце, у кого и в образе носится это священное Имя, так объединяющее, так зовущее от дня вчерашнего перейти к светлomu завтра.

Обратите внимание, Преподобный в жизни своей не терялся в искании, но устремлённо восходил и строил. Можно сказать, что далеко за пределами Богоискателя он был Богоносцем. Буддисты называют его Бодхисаттвою, евреи - Израилем, а индусы - Махатмою.

Преподобный приобщался от пламенной Чаши. Преподобному сослужил Пламенный. В этой благодатной пламенности, в этом благом огне творящем дошёл до нас облик Святого Сергия, и пламенны были видения Ему Владычицы!

Познающий Пламень Сердца навсегда связан с Обликом Преподобного. Это великое познание, редко сходящая благодать навсегда соединила Имя Преподобного с представлением о всезнании. "Преподобный знает", - так запомнил народ. "Преподобный знает, когда спасти", "Преподобный знает, когда помочь", "Преподобный знает, чьё сердце доступно благодати", "Преподобный знает, где нет неверия и предательства", "Преподобный знает, где искренний дар".

Во всех встречах о имени Преподобного приходим к тому же понятию о непреложности знаний Его, о мудрости подвига Его. В этом схождении на понятие знания, культуры мы найдём спасение общее. Чем же иначе заменим мы разрушительное отрицание, неверие, легкомыслие, предательство вольное и невольное!

В осознании прекрасной благодати только и мыслимо схождение. Человечество устало от разрушений и смятений, выдувающих пламень сердца. Чудесно является перед нами великое Имя Водителя, с которым неразрывно связаны знание и строительство, сострадание и неутомимая твёрдость. Да поможет нам Преподобный стать посильными пособниками Ему в Его неутомимых великих трудах, и зримых и незримых, и сказанных и несказанных! Не-

сказанных во всей своей невыразимости условным языком человеческим, но, по счастью, кроме языка словесного, человечеству дан и язык сердца.

В этом языке пламенном, в огне сердца, сойдёмся мы, и, забыв темноту дня вчерашнего, устремимся совместно к Свету.

Свет один, так же как и тьма одна, и при внесении Света тьма рассеивается.

Да поможет нам Преподобный приобщиться к великому единому Свету.

Гималаи, февраль 1931 г.

Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.

Февраль 1931 г. Гималаи

Послание Н.К. Рериха в Америку по случаю 25-летия литературной деятельности Г.Д. Гребенщикова

ПРИВЕТ ГРЕБЕНЩИКОВУ

Особо высока радость отмечать славные путевые вехи близких. Вы знаете доподлинно, как боролся он, как неустрасимо и неудержимо ковал он оружие своего подвига. Вы знаете, с какими, казалось бы, непобедимыми препятствиями встречался он и как одолевал он их растущую силою своего духа. Вы свидетельствуете, как от частных он обращался к благословенному синтезу. И вы убеждаетесь в том, какая благая сила, осветляющая и воздвигающая, вела его на гору.

Когда оборачиваешься на жизненную битву Георгия Гребенщикова, почему-то всегда вспоминается, что на стяге Богатыря Ермака был Георгий. Под этим всепобедным символом Ермак совершал подвиги, приводящие в изумление многие поколения. Вспоминается также и то, что рукоположенником этого строительства был Сам Преподобный Святой Сергий. Собственноручно Он в непреклонном знании дал первую часовню, которая выросла в светоносную Лавру и стала по всему миру могучей Твердыней, бесчисленные обители которой стоят на страже истинно духовной культуры. Не к уютному успокоению зовёт суровое творчество Гребенщикова. В самом имени этом есть что-то твёрдое и возвышающее. Вы вспоминаете не о простом гребне, но о гребне океанской волны, в котором трепещут даже могучие суда.

Многообразно творчество Гребенщикова, как многообразна сама Сибирь, верным сыном которой он пребудет в сердце своём. Величественны горы и дали Гребенщикова, и цветны они в искрах пера его, так же как многоцветны луга Алтая и самоцветны камни его высот.

Герои Гребенщикова всегда ищут и стремятся к строению. Большие их думы. Велика дума и самого создателя этих образов. Он тоже строит. Строит неустанно, упорно и, в конце концов, всегда успешно. Для него и для его верной спутницы Татьяны Денисовны каждая невзгода есть лишь гром в горах, после которого солнце светит особенно ярко.

И ещё есть особая радость приветствовать Гребенщикова после четверти века творчества. Мы знаем, что он не остановится. А в этом поступательном творческом труде, в непрестанном строительстве отражается вечный завет нашего высокого Водителя и Хранителя Преподобного Сергия. Принявшие этот мудрый завет познают и свет. Радость есть особая мудрость. Мудрость

светлых заветов ведёт к истинной радости духа. Во имя этой радости, с белоснежных вершин Гималаев горячо обнимаю славного Георгия и шлю ему всю радость труда и успеха светлого строительства.

*Николай Рерих
Гималаи, февраль 1931*

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф. Машинопись.

Февраль 1931 г. Гималаи.
Н.Н. Рерих

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЖИЗНИ

Минувшим летом в Лондоне на самом многолюдном перекрёстке был установлен робот для регулирования уличного сообщения. Этот механический человек первое время добросовестно исполнял свои обязанности, причём некоторые шутники указывали, насколько многие человеческие обязанности могли бы быть заменены роботами. Но вот произошло неожиданное обстоятельство, которое сразу нарушило эту теорию механической стандартизации. После сумрачного дня ударил в робота яркий луч солнца и, по видимому, от нагревания, произошло частичное короткое замыкание, словом, робот, только что благополучно заменявший человека, под лучом солнца скоропостижно обезумел, начал махать бессмысленно руками и привёл в смятение на целый час самое нужное уличное движение столицы. Полисмены и механики должны были применить крайние меры, чтобы прекратить это безумие. Крупным шрифтом газеты отметили это необычайное уличное происшествие.

И другой случай был отмечен газетами. Во время бокса человеческий счёт был заменён роботом, и в силу этого, даже и в этом излюбленном сейчас занятии, было внесено смятение, и даже – о, ужас! - произошли денежные потери. Опять очень характерный случай.

Но мы должны увидеть в нём нечто далеко за пределами улицы. Предел механизации. Предел безумия. Насколько необходимо подумать о нужности равновесия между духовными энергиями и механическими приспособлениями. Именно теперь всемирная цивилизация приходит к решению этой важнейшей проблемы. В обратном увлечении ещё недавно люди думали, что фотография может убить искусство, и сейчас мы ещё думаем, что граммофон и говорящие кинематографы могут убить музыку и театр. Но ещё на нашем веку человечество должно было бы ослепнуть от электричества и оглохнуть от телефона, как предсказывали житейские мудрецы. Ещё не так давно моторы считались непрактичным изобретением, и ехидно предсказывалась неудача беспроволочного телеграфа и воздухоплавания. И вот, столько необычайных побед уже дано людям, и как быстро ухитрились они даже из этих применений энергий и стихий сделать подлую стандартизацию, убивая уже сужденные разветвления этих завоеваний. Попробуем повертеть регулятор обыкновенного радио, чтобы удостовериться, чем насыщено пространство - настоящий бедлам, какой-то адский несвязный хор ответит вам из беспредельности. И

все проклятия ненависти и зависти так же точно висят в пространстве и отягощают, и убивают целебную прану.

Мы достигли того, что в две минуты человеческое слово может облететь планету. Но что же принесёт оно в этой поспешности? Или сведения биржи, или спорта, или клоунады.

Как же необходимо всеми мерами очистить качество мышления, чтобы не унижать и не обезображивать прекрасные завоевания человеческого гения. В школах уже начинают говорить иногда о необходимости развития творческого начала и организации мысли. Если из этого благого предприятия не будет сделана убийственная стандартизация, то, может быть, где-то произойдёт толчок, который поможет школьным поколениям задуматься над тем, что есть благородство мысли? Что есть героизм? Что есть самоотвержение и самопожертвование? И именно тогда кто-то поймёт ту простую истину, что лишь отдавая, мы получаем и, жертвуя, мы обогащаемся. И поймёт это не только в узко материальном значении, но и во всём том истинном богатстве, источником которого является дух. Вот эта физиология духа, о которой именно так часто теперь приходится говорить, и будет тем практическим жизненным началом, которое ещё раз привлечёт абстракцию в действительность.

В наших объединениях не будем бояться этих синтезов понимания жизни, без псевдоокультизма и мистицизма. Да, мы приветствуем каждое завоевание духа и света, и мы понимаем, что механика тогда делается истинной механикой, когда с нею соединено и понятие искусства.

Итак, через друзей наших будем объяснять всепроникающее понятие прекрасного искусства, которое спасут нас от мертвящей стандартизации, от губительного засорения жизни. Мы будем твердить, что это не общие места. Повторим, что понятие благородства и достоинства мышления не есть ханжество, но есть признак истинного творчества, которому обязывает нас Божественная искра духа человеческого. Укрепляясь взаимно сами, мы скажем эти же слова и школьным поколениям. При этом покажем им, что мы не пытаемся унижить их детскими игрушками, но истинно зовём их к сотрудничеству. Ведь каждый ребёнок гордится, если ему поручают работу большого. Только тогда он действует осмотрительно и бережно, стараясь не унизиться перед взрослыми. Обратите внимание, дети гораздо больше любят книги взрослых, нежели искусственно стилизованные, якобы детские книги, в которых какие-то большие старались натянуть себе детские штанишки. Эти же соображения относятся и к толпе, которая по существу своему гораздо лучше, нежели обычно полагают. Лишь невежество думает, что для толпы необходима вульгарность, - нет, можно назвать тысячу примеров, когда знак геройства одухотворял толпу гораздо возвышеннее и действеннее, нежели клоунада и плоская шутка. Благородство и героизм для нас пусть не будут отвлечённостью, но пусть сделаются почётными гостями наших повседневных трапез. И опять, пусть не будет в устах наших пустым звуком, когда мы скажем, что мы все будем посвящать наши силы положительному началу творчества. Изучая историю искусств, мы видим, какие именно признаки сопровождали созидательные и разрушительные моменты. Бережно и непредубеждённо будем выбирать эти искры положительного творчества и будем пытаться вносить их во всю нашу повседневную жизнь.

Февраль 1931 г., Гималаи.

Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.

*Февраль 1931 г., Гималаи.
Н.К. Рерих*

СЛАВА САМУРАЕВ

Японскому Обществу имени Рериха

Комио, прекрасная Владычица Нары, пела: “Я не сорву тебя, цветок, но посвящу тебя Буддам прошлого, настоящего и будущего”.

В этом обращении к прошлому и будущему заключена вся мощь японского гения. Почему так нестираемо запоминаются картины старых японских мастеров? Почему мы так запечатлеваем жесты и несравнимую мимику японских актёров? И отчего дух японского самурая остаётся в истории человечества как символ героизма, истинного патриотизма и мужества? Эти понятия установились с такою убедительностью, что как друзья, так и враги, и близкие и дальние, без всякого сомнения, устанавливают эти эпитеты.

За границами зримого создаётся и особый язык. Непередаваемое чувство-знание творится там, где мы соприкасаемся с областью духа. В этой державе мы понимаем друг друга несказуемыми рунами жизни. Там мы начинаем познавать в прозрении, близком вечному чуду Истины.

Чудо жизни, всепобеждающее и величественное! Чудо, наполняющее все глубины Бытия. О, чудо, редко ты выражаемо рукою человечества. Но с древнейших времён сверкающие искры Истины всё же достигли нас. Но часто извращён их величавый ритм. Тем драгоценнее замечать сохранность этой чудотворной ткани красоты в старых японцах. Благоухание блаженной сказки струится с позолоченных временем листов и с несломимой веками патины чудесных лаков. Безграничен горизонт живого глаза и пылающего сердца. И насыщенные концепции старых японцев и поучают и поражают. Выражена в них удивительная жизнь и запечатлены явления великой Истины. В тончайших иероглифах жизни запечатлён синтез. В выражении повседневной жизни не обойдены высшие законы. Фантасмагория жизни делается невинной в высшей убедительности. В прекрасной гамме красок выражена мощная песнь, которая может вдохновлять наше беспокойное сознание.

Многие вершины искусства сверкают в создании японских мастеров. Многие проблемы, такие трудные, отважно разрешены японскими создателями. Аристократизм красоты, народность, романтизм, героизм, символизм, содержание, история, этнография, подвиг - всё это так ценно человеческой природе и так часто отринуто предрассудками; всё это сокровище объединено в прекрасном творении японских мастеров.

Говоря о Японии, мы можем употреблять слово Прекрасное. На это понятие имеет право народ, который до сих пор весною выходит празднично приветствовать пробуждение природы, народ, который обращает повседневность в сокровище искусства и выбирает одну картину для каждого дня; народ, который знает, как очувствовать произведение искусства. Где же, кроме Японии, так много частных художественных собраний? В какой другой стране так же почётно называться собирателем искусства? И где та страна, кроме Японии, где на школьном конкурсе, на тему “Фудзияма”, первая награда будет дана за наиболее самоотверженное описание? Множество фактов являют нам Японию с самой положительной стороны, но при этом мы должны помнить, что для нас ускользает такое же множество трогательных и героических подробностей. Наши мерилы, конечно, не чувствительны ко многому, что может быть

заметно самим японцам. Но мы помним Японию в цветении вишнёвых садов, и в сердце нашем мы чувствуем, что жив тот священный цветок, о котором пела так прекрасно Комио, божественная Повелительница Нары. Японский народ, осознавая богатые традиции, понесёт и дальше высокую культуру, которая уже помогла ему занять в мире такое выдающееся место.

Крепчайшая человеческая твердыня, истинное сокровище, заключается в возможности встречаться во имя высшей культуры. В этом великом понятии мы соединяем все завоевания высших культов, все непобедимые красоты и всё вышнее знание. В наше время, во время земного смятения, не трюизм твердить заклинание о высокой культуре. Более чем вовремя сейчас укреплять друг друга в том, что высокая культура не должна оставаться в небрежении, и что личность, род, государство могут расти лишь на основе культуры; никакая вульгарность, ни разложение не должны проникать за эти благородные врата.

Мы стремимся к взаимному пониманию. Назначаются награды за мир. Мы стремимся к Знамени Мира, которое охранит все культурные сокровища от вандализма и грубости, как во времена войны, так и во время мира. Ведь мы знаем, что и во время так называемого мира очень часто вандализм свирепствует не меньше, чем во время войны. Мы также знаем, что иногда война в духе более опасна, нежели война в поле. Духовное убийство ещё более опасно и преступно, нежели физическое. Все позднейшие открытия, изобретения сулят множество ещё неосознанных возможностей. И все служители культуры несут прекрасную ответственность применять эти благие возможности в высших решениях. Каждый огонь может быть потушен. В сумерках повседневности может незаметно понижаться дух народный и постепенно опять может вползти жестокость, вульгарность и эгоизм. Духовный сад нуждается в орошении даже больше, нежели материальный.

Во имя прекрасного сада Японии, во имя почитания великих предков, во имя вечного Цветка Комио, Владычицы Нары я приветствую вас, ещё незримые мне, друзья мои! Твёрдо верю, что идеалы высшей культуры всюду тождественны; ни океаны, ни горы не могут препятствовать дружеским стремлениям человечества.

Те, кто живут высшими стремлениями, неизбежно встретятся на перепутьях великой Беспредельности. Приветствую вас во имя общей творческой работы!

Гималаи. Февраль, 1931.

Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.

Февраль 1931 г. Гималаи.

Н.К. Рерих

ЛЕГЕНДЫ

Профессор Варшавского Университета Зелинский в своих интересных исследованиях о древних мифах пришёл к заключению, что герои этих мифов вовсе не легендарные фигуры, но реально существовавшие деятели. К тому же заключению пришли и многие другие авторы, таким образом, опровергая материалистическую тенденцию прошлого столетия, которая пыталась изображать всё героическое лишь какими-то отвлечёнными мифами. Так, французский учёный Сенар пытался доказать, что Будда никогда не существовал, и не

что иное, как солнечный миф, что было сейчас же опровергнуто археологическими находками. Такие же попытки были делаемы, чтобы доказать, что и Христос никогда не существовал, хотя мы имеем свидетельства очень близкие к Его времени. Кроме того, в Сирии недавно была найдена плита с римскою надписью - эдикт против первых христиан, по времени чрезвычайно близкая к манифестации Христа. В этой борьбе между познающими и отрицающими так ясна граница, разделяющая всю мировую психологию. При этом чрезвычайно поучительно наблюдать, насколько все отрицатели со временем оказываются побеждёнными; те же, кто защищал героизм, истину, великую реальность, они находят оправдание в самой действительности.

Тот, кто истинно понимал героев и мифы, и кто временно считался мечтателем, оказывался величайшим реалистом, тогда как скептик-отрицатель по справедливости занял место "мечтателя", поверившего или клевете, или извращённому источнику. Так медленно, но верно оборачивается колесо эволюции, неся с собою восстановление забытой правды.

Оглянемся и заметим, как быстро и как легко человечество забывает даже недавние события и деятелей. Ещё недавно такие лица, как Парацельс или Томас Воган, отмечались в энциклопедиях как обманщики. Но затем некоторые люди, в которых была жива справедливость, дали себе труд ознакомиться с их произведениями и нашли, вместо оглашённых шарлатанов, глубоких учёных, открытия которых принесли человечеству много блага. Вспоминаю, как в детстве мы увлекались книгою Гастона Тиссандье "Мученики Науки". Те, которые погибли жертвами всеожжения, в пытках, на эшафоте, теперь признаны как великие учёные. Но лживый скептицизм продолжает свою подпольную работу и, вместо прежних мучеников, спешит изобрести других, чтобы затем они, в свою очередь, так же были почтены памятниками и народными торжествами. За последние годы в общественных направлениях замечаются некоторые отдельные действия, которые дают надежду, что вредоносное отрицание как будто уже осознаётся и, таким образом, будем надеяться, займёт заслуженный тёмный угол.

Люди начинают стремиться к жизнеописаниям. Но и в этом шептуны-скептики не хотят уступить. Пожимая плечами, они скажут вам: "Как вы можете быть уверены относительно истинных побуждений, родивших поступки, отображённые в биографии?" Или: "Как вы можете быть уверены, что не были случайностями те события, которые окрасили жизнеописания ваших героев?" Или: "Можете ли вы утверждать, что биограф был искренен и беспристрастен?"

Допустим, что эти замечания, до известной степени, могут иметь под собою почву. Отдадим некоторую окраску жизнеописания личности самого биографа. Но, тем не менее, архивы исторических документов доносят до нас всё же многие несомненные жизненные вехи действительности. Ещё в недавнем прошлом летописи считались как сомнительные документы, не заслуживавшие серьёзного внимания. Но археологические и исторические находки и документы, современные летописям, показывают, что они заслуживают гораздо большего почтения, нежели ещё недавно поверхностные умы полагали. Конечно, будем надеяться, что человечество теперь не будет терять целые века для верного освещения выдающихся явлений.

Отдавая должное летописям и жизнеописаниям, человечество научится и писать их. Было бы величайшей ошибкой думать, что понятие героев сов-

местно лишь с прошлым. Синтез нашей Эры выкристаллизовывает своих героев. Позволительно надеяться, что костры, тюрьмы и казни более не будут непременными атрибутами этих великих душ!

Устанавливая, что боги древности были героями, запечатлёнными в памяти народа, мы укрепим себя в сознании, что и в наши дни индивидуальность и личность управляют рулём человечества. Утверждая существование таких индивидуальностей, мы научимся, по примеру предков, в благожелательном позитивном исследовании передать сущность их личности в последующие поколения. Не забудем, что в будущем эти жизнеописания войдут в народные школы как Светочи Прогресса. Потому научим молодёжь не только читать биографии, но и уметь писать их или, вернее, различать - что из проявлений их современников войдёт в историю.

Читая легенды, молодёжь научится мечтать. Это великое качество, ибо оно наполняет сердце лучшими, мощными огнями. Этими огнями сердца молодёжь познаёт, как различать, где истина. Истина не познаётся расчётами, лишь язык сердца знает, где живёт великая Правда, которая, несмотря ни на что, ведёт человечество к восхождению. Разве легенды не есть гирлянда лучших цветов? О малом, о незначительном и жалком человечество не слагает легенд. Часто даже в кажущихся отрицательных мифах заключено уважение к потенциалу внутренней мощи. Во всяком случае, каждая легенда содержит нечто необычное. Не ведёт ли эта необычность дух человеческий поверх сумерек механического стандарта? Этим машинным стандартом эволюция не строится. Легенда, которая освобождает нас от подавляющих условий каждодневной рутины, обновляет наше мышление, позволяет погрузиться в новые глубины познания, полные неисчерпаемого молодого задора.

Спросите великого математика, великого физика, великого физиолога, великого астронома, умеет ли он мечтать? Я не упоминаю художников, музыкантов, поэтов, ибо всё существо их построено на способности мечтать. Великий учёный, если он действительно велик и не боится недоброжелательных свидетелей, конечно, доверит вам, как прекрасно он умеет возноситься мечтами. Как многие из его открытий в основе своей имеют не только расчёт, но именно высокую жизненную мечту.

Да, легенды не отвлечённость, но сама реальность. Поистине, мечты не знаки безграмотности, но отличия утончённых душ. Потому всячески поощрим в молодёжи нашей стремления к зовущим и творящим сказаниям, и вместе с молодёжью, оставаясь молодыми, почтим мечту как ведущие и возносящие крылья нашего возрождения и усовершенствования.

Устремление, Иерархия, Беспредельность, Красота - только по этим вехам мы движемся, несомненно, вперёд. Существо нашей деятельности мы должны приложить в жизни немедленно. Воздавая должное мечте, мы не сделаемся "мечтателями".

Пусть будет эта мечта Творца. В этой мечте не будет ни одурманивания, ни изменчивости, но будет непреложное Знание, собранное в глубинах нашего духа. И, прежде всего, будем помнить, что слово Культура может значить "Культ-Ур" - Культ Света.

Гималаи. Февраль, 1931 г.

Н.К. Перих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.

МАРТ

Март 1931 г. Гималаи
Н.К. Перих

МУДРОСТЬ РАДОСТИ

И враги будут у нас. И даже в большом количестве. Подобно древним римлянам, пусть мы скажем: скажи мне, кто твои враги, и я скажу, кто ты есть. Великий Император Акбар говорил всегда, что враги – это тень человека, и что человек измеряется по количеству врагов. При этом, соображая врагов своих, он добавлял: тень моя очень длинна.

Откуда же возьмутся, главным образом, враги наши при нашей мирной культурной работе, которая, казалось, никого не умаляет и никого не задевает. Только ли от непонимания и от зависти? Конечно, нет. Нам придётся встретиться ещё с одним глубоко гнездящимся человеческим свойством, прорастающим также от невежества. Нам придётся всеми способами говорить и распространять сведения о значении истинного искусства и знания. Нам придётся неустанно говорить о внесении предметов искусства в обиход нашей жизни. Также придётся говорить о друзьях нашей жизни, о книгах, которые находятся в пренебрежении во многих домах наших. Придётся нам и обращаться к правителям, и президентам целых стран, прося их считать министерство Народного Просвещения и Изящных Искусств не в конце списка их государственных учреждений. При этом нам придётся встретиться со многими замечаниями, утверждающими, что эти два живейших фактора эволюции вовсе не заслуживают первых мест. Часто это будет говориться не в силу какой-либо особой ненависти к просвещению и украшению жизни, но просто в силу каких-то пережитков и окаменелых традиций. Вот это обстоятельство породит значительное количество врагов наших, но, проверяя список их, мы будем гордиться, что именно эти люди оказались врагами культуры, а не наоборот. Кроме того, как однажды я говорил в статье «Похвала врагам»: никто так не помогает нам в жизни нашей, как именно такого свойства враги. Нашей зоркости, нашей неусыпности, нашей трудоспособности мы обязаны им в большей степени. Эти враги, как вы знаете, не останавливаются на малых формулах, наоборот, именно они щедры на преувеличения. Они располагают роскошным словарём ненависти, перед которым язык друзей часто бледнеет и кажется пресным. Слишком часто в жизни нашей мы теряем словарь добра, признательности и похвалы. Мы стыдимся часто даже предположить, что кто-то может заподозрить, что мы можем быть благодарны. Часто мы боимся быть заподозренными, что почитаем иерархию Блага, но враги, побуждая нас к неустанной деятельности, куют нам и доспехи подвига.

Помню, как один большой художник, когда ему передавали, что кто-то поносит его, задумался и, покачивая головой, сказал: «Странно, а ведь я ему ничего хорошего не сделал». В этом замечании сказала большая житейская мудрость. Та же житейская мудрость так же может подсказать нам, что, не смотря ни на что, неустанно мы должны проталкивать в жизнь простую истину об охране и осветлении культуры.

Опыт долгого времени указывает нам, что искусство и знание расцвели там, где сверху они признавались величайшими стимулами жизни. Там, где главы государства, где владыки церкви и все руководители жизни сходились в стремлении к прекрасному, там и происходил ренессанс, то возрождение, о

котором теперь пишутся такие восхищённые книги. Если мы знаем, какие именно внешние факторы способствовали искусству и знанию, то, казалось бы, легче всего во имя культуры применить те же приёмы и теперь. Ведь зародыши всех этих возможностей существуют и обычно только задавлены омертвелыми традициями неудачных эпох. Но мы знаем, что действия в этом направлении являются настоящими благородными действиями, и потому с полной искренностью мы можем усиливать друг друга в этом подвиге. Подумайте, какое счастье сознавать, что мы, рассеянные в разных странах, можем чувствовать невидимую дружескую руку, всегда готовую на духовную помощь и поддержку. Когда мы обращаемся во имя прекрасного, во имя культуры к главам государств и церквей, мы приносим им помощь, потому что многие из них и хотели бы оказаться Лоренцо Великолепными в лучшем смысле этого слова, но маленькие суеверия и предрассудки мешают их превосходным порывам.

Кто-то может спросить, неужели именно теперь, во время общего материального кризиса, уместно говорить об искусстве и науке? Вот именно уместно.

Расцвет искусства и науки является разрешением житейских кризисов. Именно он обращает упадочное перепроизводство к более высокому качеству. Именно он заставляет людей задуматься над проблемами жизни, которые могут быть разрешены через мост прекрасного. Именно он окрыляет тех людей, которые иначе, под неволею условностей, обращаются в Панургово стадо. Словом, расцвет искусства и знания одухотворяет достоинство личности человеческой. Как это старо, и как это нужно сейчас, когда разрушительные силы так действенны. Именно теперь ни на минуту нельзя забыть о преимуществах истинно культурных эпох, чтобы, опираясь на эти вехи прошлого, мужественно направляться в будущее.

Можно много критиковать, но критическое разложение уже доставило много невзгод человечеству. Сейчас так повелительно нужно созидать, слагать, собираться и почерпать обоюдную бодрость в сознании, что за горами и морями всюду есть друзья наши, готовые обоюдно радоваться.

Март 1931 г. Гималаи

Рерих Н.К. Держава Света. Изд. Southbury: Алатас.1931

3 марта 1931 г. [Нью-Йорк]

Письмо Г.Д. Гребенщикова к Рериху Н.К.

Родные и любимые Николай Константинович и Елена Ивановна!

Мы так давно Вам не писали, что уже не только стыдно, но и страшно – Бог знает, что Вы можете о нас подумать. Особенно непростительно для нас. Что мы не ответили немедленно на самое последнее, полное заботы и ласки, письмо, подписанное Вами обоими. У меня в Вашей папке лежат два больших письма от 17 Декабря и 24 Января, оба не посланные, ввиду того, что они полны подробностей о наших тяжёлых, главным образом, материальных нуждах. На этот раз я думаю вовсе не писать о них, и письмо не будет задержано. Кому же и пожаловаться, как не Отцу и Матери, но когда посмотришь на наших чудных братьев и сестёр, которые переживают не меньшие затруднения, и всё-таки полны духа, бодрости и ласковых улыбок, - стыдно станет и жаловаться. Очевидно, что мы ещё не вовсе растерялись, коль скоро всё преодолеваем.

Как-то платим по срочным векселям, махнули рукой на то, что может не сегодня – завтра быть отобрано, и всё время пльвём и пльвём, и утопать никак не собираемся. Конечно, более добрым людям не платим совсем или всё время готовимся платить, устраиваем лекции в Сибирской Ассоциации, Н. продолжает гнуться над шитьём, и счастлива, если оно хоть изредка её попадает, а я всё время разъезжаю на своём автомобиле с лекциями и даже начал читать уже по-английски. Из прилагаемых вырезок Вы кое-что увидите. А завтра мы вместе с Н. уезжаем в Чикаго. Материально эти лекции пока ровно ничего не дают, но некое возмущение воды происходит. Зина называет это «благим наитием» и одобряет. Морис на днях был так умилён всем, что я делаю, что решил перейти со мной на ты. Вообще, наша духовная привязанность к Музею и его Душе является для нас главным утешением и ободрением. Но парадокс остаётся: чем больше трудимся, тем больше приплачиваем. Так вышло с типографией, которую после напечатания четырёх книг и ряда мелких заказов пришлось всё-таки закрыть, а долги по ней остались большие, и теперь не знаем, сможем ли мы опять пустить её весной. Несовершенство аппарата и отдалённость от большого центра, необорудованность жилища – всё это, конечно, было причиной, но главная причина – общая депрессия – никто ничего не желает печатать.

В ответ на Ваше письмо относительно Державы Света, мы справились по рукописи и нашли, что из Приветствия к Латвийскому Обществу мы ничего не убрали, напечатали так, как было в рукописи. Так же и к Болгарскому Обществу обращение было зачёркнуто, ибо оно значило лишь имя и отчество. Внутреннее поле в книге оставлено более узким в предвидении, что книга будет обрезаться. В переплетённом и обрезанном виде, как увидите, поля уравнялись. При 280 ст. убористого текста в книге цена 1.50 нам казалась высокой, в особенности в сравнении с английским изданием, которое оценено в 3 дол. Неправильно сброшюрованных экземпляров книги было не больше двух десятков, т.е. самых первых книг, которые при складывании были перепутаны нашей работницей. Это единственный раз, когда мы книгу складывали не сами. В общем, мы надеемся, что в новой брошюровке книга не покажется Вам плохой. Очень много пошло времени на ожидание решения о брошюровке, и только в Январе мы получили указание отдать часть книг для брошюровки в Нью-Йоркскую переплётную. Значительная часть книг лежит в листах в Чураевке в ожидании, когда от продажи первых 600 экземпляров накопятся деньги для брошюровки остальных. Книга, как Вы знаете, взята для распространения в ведение Ояны и М. Мы дали им все адреса, послали образцы книги во все наши отделы, разослали ряд заметок и статей в русские газеты, и уже имеются результаты: из Берлина поступил заказ на 35 экз., который мы и передали Ояне. Теперь на очереди ряд моих больших статей о книге. А на днях мне удалось договориться с Новым Русским Словом о помещении в ряде номеров специального объявления за плату натурой, т.е. книгами. Напечатанное объявление пришлём дополнительно.

Как одно из новых достижений Чураевского движения считаем долгом доложить, что идея основания новой Чураевки с И. Сикорским значительно продвинулась. Денежно или земельно мы в ней не участвуем. Но инициатива культурного развития поручена мне. Для новой Чураевки, пользуясь дешёвой землёй, приобретено 700 акров земли, в том числе частное озеро около 40 акров. Все обязательства по земле принял на себя Сикорский, а все труды и

инициативная созидательная деятельность будут разделены. Там есть готовая <фарма>, и первое, что мы будем строить, будет часовня во имя св. Николая Чудотворца. Для будущей обители парка будет отведено 100 акров с частью берега и с горными ручьями. Всякие планы о развитии отложены до лета. Первая, основная Чураевка, от этого нового шага значительно выигрывает, как центр ещё и будущих, иных Чураевок.

Писал ли я Вам, что Духоборы в Уругвае, собравшись в день моего юбилея, прочли моё письмо к ним, главу из Гонца, и в тот же день сто человек стало на работу по сооружению зала для собраний, почти закончив в один день всю черновую работу. И это было основание Уругвайской Чураевки.

Писать мне (эпопею), к сожалению, и даже прискорбю, так и не доводится. А тут ещё недавно пережил серьёзную автомобильную катастрофу. Хорошо ещё, что никто физически не пострадал, но платить пришлось, так как мой автомобиль не застрахован. Спасибо выручил Сикорский. Всё же действуем, и в сравнении с другими, даже и не так плохо.

Коненков к Рождеству подарил нам своей работы Христа, изваяние из дерева и на время нашего турне, мы привезли Его в комнату Св. Сергия в Музее. Фигура Христа изображает Его в момент Нагорной проповеди. Благостный Лик Его с полуоткрытыми устами обращён к народу. Левая рука скромно опущена на кисть правой, но в прямоте вытянутой вниз правой руке чувствуется напряжение быть понятым. Но Вам лучше знать, понят ли Христос – Учитель хоть каким-либо из народов воистину? И потому да будут поистине благословенны всякие деяния. Направленные к Вашей Державе Света, к тому, чтобы народов. Или хотя бы их малая часть, поняли хотя бы часть Светлейшей из Держав Господних.

Часто с великой благодарностью направляются мысли наши к Вам, взявшим на себя Крест Подвига и утверждающим основы Нового Завета. Верьте в твёрдость нашей поступи в путях Культуры Света. И будьте снисходительны к физическим недомоганиям нашим. Основа духа в нас непоколебима. Всем просим передать наши поклоны и любовь, и на особицу любимым Юрию и Святославу, и Яруе, Людмиле и Рае.

С преданностью и любовью,

Георгий, Татьяна

Архив Музея Рерихов, Москва

3 марта 1931 г. Наггар, Кулу.

Письмо Н.К. Рериха к барону Таубе М.А.

Naggar, Kulu, Punjab, Br. India

3 марта 1931 г.

Дорогой Михаил Александрович,

Только что через Гейтнера мы получили книгу, изданную в Бармене, «Studien über den Einzelnamen von E.W.Rohrig», со ссылками на «Geheimarchivrat» Dr. K.Veltman в Wetzlar, а также на старое издание 53-го года «Das Altdeutsche Namenbuch» von E.W.Forstemann (2 Bände Nordhausen 1854–59) & Kruse, Chronicon Normannorum, Wariago-Russorum, etc. (Dorpat, 1851). Эта книга Вам очень полезна для древнейшей части Вашего исследования. Пусть Гейтнер достанет ещё экземпляр из Бармена для библиотеки нашего европейского Центра в Париже, и Вы можете им пользоваться. Кстати, если Вы хотели бы получить ещё чек, сообщите мне, и я переведу Вам ещё сто долларов.

Очень рад был слышать от Шклявера, что Вы вполне поправились. У нас здесь не только неслыханно плохая погода и поздняя весна, но и болезнь Елены Ивановны, а также и тягучее продолжение волокиты, о которой Вы знаете, – всё это создаёт большое напряжение. Как всегда, буду рад слышать о Ваших работах и шлю Вам и семье Вашей наши сердечные приветы.

Сердечно преданный,

Н.Рерих

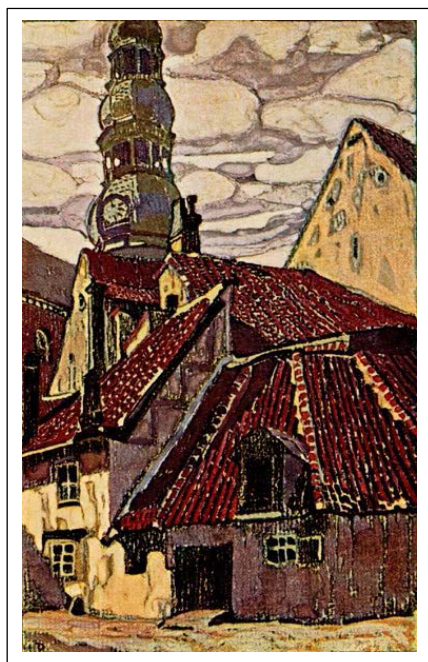
Бахметьевский архив Колумбийского университета

Публикуется по изданию: "Дельфис" №80(4/2014) Письма Н.К.Рериха к М.А.Тяббе

4 марта 1931 . Гималаи.

Н.К. Рерих

ЛАТВИЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ ИМЕНИ РЕРИХА

НК. Рерих. Старая Рига. 1903.

Когда я вспоминаю Латвию и Ригу, передо мною встаёт целый ряд незабываемых светлых впечатлений. Я помню, как во время нашей поездки по священным местам, мы вошли в великолепный Собор Петра, где мощно лились звуки органа. Мне не пришлось узнать, кто был этот выдающийся органист, который, подобно Себастьяну Баху, изливал своё божественное вдохновение, мощно наполняя исторические своды влекущими ввысь и возвышающими аккордами. Мы ходили неоднократно в определённые часы слушать и приобщаться к этой молитве Духа. И в нашем обиходе Рига так и осталась, прежде всего, одухотворённой величественным Собором.

Именно теперь, когда религия вновь из абстракции делается такой живой и насущной, особенно драгоценно, если можно начать воспоминание с неувядаемой памяти Храма.

Под тем же знаком сердечности прошли и все остальные встречи в Латвии, прошлое которой так насыщено необыкновенными памятниками, начиная с тонких образцов каменного и бронзового веков. Несколько прекрасных экземпляров древности этих первых насельников Латвии тогда же украсили моё собрание. Дед мой жил в Риге, и многие из сотрудников моих, на разных поприщах, принадлежали Латвии. Сердечно стоит в моём представлении фигура Яна Розенталя, полная истинного и высокого драматизма. Всегда тепло вспоминаю Вильгельма Пурвита, теперь справедливо занявшего такое первенствующее место в латвийском искусстве. Меня с ним связывает и память о нашем общем учителе Куинджи, умевшем объединить в своей гостеприимной мастерской под знаком служения искусству самые разнообразные индивиду-

альности и народности. Вспоминаю и моего бывшего ученика, теперь крупного культурного деятеля Латвии - Альберта Пранде.

И сейчас, среди цветущих деревьев и снеговых вершин Гималаев мы постоянно вспоминаем Латвию под знаком её языка, так родственного санскриту. Само имя Бога - тождественно и в санскрите, и в языке Латвии. Какая многозначительность есть в этом светлом наследии наречий. Как мощно обязывает оно внимательно относиться друг к другу, вспоминая о ведущих корнях. После всех таких воспоминаний вы чувствуете, почему мне доставляет такую радость писать вам это и знать, что круг наших культурных обществ имеет свою ветвь также и в Латвии.

Радостно, что под этим новым древом сошлись разные элементы, для которых священно понятие истинной культуры. Среди узко материальных увлечений часто потухает светоч духа и тем самым заглушается самое великое понятие народа - Культура. Но культура имеет два корня - первый друидический, второй восточный. Культ-Ур - значит Почитание Света. И во имя этого непотушимого великого Света вы будете сходитья, взаимно осветлять друг друга и нести духовную помощь молодым сердцам, ищущим в каждодневной работе совершенствование. Мы не будем бояться ни этой работы, ни каждодневности. В них закаляется Дух и укрепляется великое и непобедимое осознание Света. И посвящая себя творческому неустанному труду, мы также постигнем мудрый завет, что в каждом препятствии заключена также и возможность. Этим же светлым заветом мы изгоним и всякий подавляющий вдохновение страх.

Будем стремиться к Свету, и будем радостно обмениваться светлыми накоплениями искусства и знания - этих устоев Культуры.

Уверен, что под просвещённым руководством Председателя д-ра Ф. Лукина Общество в Латвии будет расти и преуспевать.

Духом с вами.

Гималаи. 4 марта 1931 г.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

19 марта 1931. Нью-Йорк.

Письмо З.Г. Лихтман к Рериху В.К.

Уважаемый Владимир Константинович,

В одном из последних писем Юрия он запрашивает, получила ли я от Вас список книг, которыми он особенно интересуется. Если в списке книг, о котором Вы ему сообщали, имеются работы Позднеева, Руднева, Бичурина и других русских монголистов, ему желательно их приобрести, конечно, если недорого. Очень прошу Вас сообщить мне, возможно ли достать дубликаты этих книг, и по какой цене, ибо мы могли бы приобрести вторые экз. для нашей библиотеки. Юрий также запрашивает, не могли бы Вы достать для него труды Православной Духовной Миссии в Пекине, а также Позднеева «Историю Монгольской литературы»? Буду Вам очень признательна, если Вы напишете, возможно ли для Вас достать эти книги? Пересылаю Вам также при этом письме последнюю карточку Юрия, по ней Вы можете судить, как он изменился и похудал за последнее время, но это меня не удивляет, ибо Н.К. и он крайне огорчены и волнуются из-за серьёзного состояния здоровья Е[лены] И[вановны]. Рапорты, получаемые нами, неутешительны. Сердце Елены Ива-

новны, из-за всех пережитых ею волнений, очень ослабело, и болезнь её очень прогрессирует. Надеемся на лучшие вести в ближайшем будущем.

Деятельность Музея за это время сильно разрослась, что Вы можете увидеть из трёх Бюллетеней Музея, которые посылаю Вам при этом письме.

В надежде скоро услышать от Вас, остаюсь искренно уважающая Вас.
Мой муж шлёт Вам лучший привет.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (Машинопись)

Н.К. Рерих

ОБЩЕСТВУ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В какой стране предпочтёте жить? Конечно, в стране Культуры. Ваши лучшие помыслы чему вы принесёте? - Культуре.

Чему вы посвятите ваши просвещённые труды? - Конечно, Культуре. Чем вы обновите ваше сознание? - Победным светом Культуры. Не потрясатели ли вы? - В постоянных трудах мы не имеем времени для потрясений. Мы строим. В положительном утверждении и познании мы стремимся улучшить и украсить жизнь земную.

Так скажут светоносцы Культуры на все вопросы со стороны и просто незнающих, или в основе невежественных, или завидующих о свете. Познающий священные устои Культуры оценивает и великий единый Свет. Убеждается в Иерархии Блага, вне которой нет созидательного пути.

Служащий Культуре перестаёт быть мечтателем, но делается воплощением высочайшей и светлейшей мечты в жизни. Ибо что же может быть светлее и величественнее, как не служение и осознание светлых элементов, под сенью которых создались великие народы. Всячески нужно укрепить сознание, что мысли о Культуре не отвлечённость, но созидательное утверждение. Понявший положительные красоты Культуры, не останется во сне, не останется бездейственным вне созидания. Нет, этот познавший без промедления внесёт свою лепту стройного сознательного труда. Работник Культуры поймёт истинное сотрудничество, ту живую доброжелательную кооперацию, которою даже малые дела растут. Расширивший своё сознание понятием Культуры поймёт и сотрудников своих, ибо не подавлять, но мудро применять будет он сокровища человеческого опыта. И неустрашим будет познавший Культуру, ибо, взглянувши глазом верхним и добрым, он увидит, что страх есть принадлежность тьмы. Вне суеверий и предрассудков служитель Культуры понимает, что единственная радость мыслящего человека в непрестанном труде, в творении, ибо всё сущее может быть творимо прекрасно. Познающий ценность Культуры начинает ценить качество мысли, и научается мудро применять эту величайшую творческую мощь. Из обихода светоносца Культуры уходит осуждение, клеветнические пересуды и говорение о том, чего не знаешь. Какой это страшный бич невежественности - говорить о том, чего не знаешь. И как многие, казалось бы, цивилизованные люди, грешат этим. Носитель Культуры ясно почувствует всю разницу между основами духовной Культурности и наносною материалистической цивилизацией.

Оценивая светлые накопления народов, служитель Культуры разберётся в случайном переходящем и истинно живущем. Понимая великую ответственность Бытия человеческого, светоносец Культуры вносит, как в мысли свои,

так и в деятельность высокое качество работы. Он разумно испытует чудесные силы природы, памятуя, что решительно всё существующее может быть целебно приложено во Благо. Во имя этого Блага и Света вы найдёте в себе тот драгоценный язык сердца, словарь которого гораздо полнее и прекраснее словарей нашего языка. Какую убедительность вносит с собою язык сердца, и как перед его победными заветами распадаются самые мрачные врата лжи и невежественности.

Действительно убеждаемся, что ложь глупа и недействительна, ибо в духе никакая ложь не скроется. Мудрость в явном, от которого ни в каком духовном и телесном состоянии мы не откажемся. И не солгать в державе Культуры. Нельзя стоять на одной точке; можно лишь идти вперёд или отступить. Но знамёна истинной Культуры не знают отступления. Не знают светоносцы разочарования, ибо магнит света велик.

Великие народы, во имя чьё вы собирались, под знаком которых будете изучать их творческие наследия, в истории своих великих передвижений дают нам поучительные примеры. Встретимся и с героизмом, и с самоотречением, и с мученичеством за свет, и с благородными подвигами созидания. Эти открытия не отяготят изучающих, наоборот, они вдохновят их к такому же неустанному труду. Великие переселения народов не случайность. Не может быть случайностей в мировых постоянных явлениях. Этою особенностью закаляются наиболее живые силы народов. В соприкосновении с новыми соседями расширяется сознание, и куются формы новых рас. Потому живая передвигаемость есть один из признаков мудрости.

В глубинах Азии - этой колыбели всех духовных и созидательных движений - в давние времена передвижение рассматривалось как завершение образования. Ещё и теперь мы встречаем остатки преданий о том же просвещённом начале. В тех же далёких краях подарок книгою или священными предметами считается высшим признаком благородного духа.

Великие переселенцы уносили с собою такие же замечательные заветы и по пути своём создавали великие стили искусства и жизни. Вспомним хотя бы об Аланских наследиях и о прекрасном романском стиле. Вспомним характер монастырей, как в славянских землях, так и азиатских окраин. Без удивления вспомним, что рукоятки мечей Гималайских нагорий и фибулы их находятся как на Кавказе, так и в южно-русских степях, и рассеяны по Европе. На фибулах, на нагрудных пряжках этих встречаем многие изображения, ставшие символами целых народностей. Пусть и на нашей нагрудной фибуле будет написано слово Культура. Теми же общепонятными зовущими знаками. И каждый светоносец Культуры пусть помнит о всех светлых наследиях и о высокой ответственности за качество его творческой работы. Не будем думать о роскоши. Культура и Красота - в Знании. Не нужны чрезмерные богатства для того, чтобы обмениваться и взаимно укрепляться языком сердца.

Верю в несокрушимость общих созиданий наших. Во имя Света и Сердца, во имя Красоты и Знания, во имя живых устоев эволюции приветствую вас от белоснежных высот Гималаев.

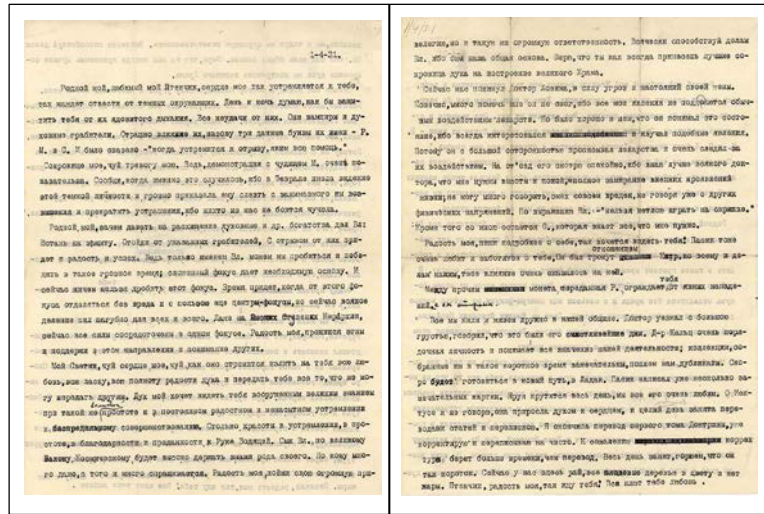
Гималаи, 1931

Перих Н.К. Держава Света. Изд. Southbury: Алатас.1931.

АПРЕЛЬ

1 апреля 1931 г.

Письмо Е.И. Рерих к Рериху С.Н.

Автограф письма

Родной мой, любимый Птенчик, сердце моё так устремляется к тебе, так жаждет отвести от тёмных окружающих. День и ночь думаю, как бы защитить тебя от их ядовитого дыхания. Все неудачи от них. Они вампиры и духовные грабители. Страшно влияние их, назову три данные буквы имён – Р. М. и С. И было сказано – “когда устремится к отрыву, явим всю помощь”.

Сокровище моё, чуй тревогу мою. Ведь, демонстрация с чудищем М. очень показательна. Сообщи, когда именно это случилось, ибо в Феврале имела видение этой тёмной личности и грозно приказала ему слезть с занимаемого им возвышения и прекратить утрашения, ибо никто из нас не боится чучела.

Родной мой, зачем давать на расхищение духовные и др. богатства дел Вл[адыки]. Встань на защиту, отойди от указанных грабителей. С отрывом от них придёт и радость, и успех. Ведь только именем Вл. можем мы пробиться и победить в такое грозное время; сложенный фокус даёт необходимую основу. И сейчас ничем нельзя дробить этот фокус. Время придёт, когда от этого фокуса отделятся без вреда и с пользой ещё центры-фокусы, но сейчас всякое деление сил пагубно для всех и всего. Даже на Высших Ступенях Иерархии, сейчас все силы сосредоточены в одном фокусе. Радость моя, проникнись этим и поддержи в этом направлении и понимание других.

Мой Светик, чуй сердце моё, как оно стремится излить на тебя всю любовь, всю ласку, всю полноту радости духа и передать тебе всё то, что не могу передать другим. Дух мой хочет видеть тебя вооружённым великим знанием при такой же великой простоте и в постоянном радостном и ненасытном устремлении к беспредельному совершенствованию. Столько красоты в устремлении, в простоте, в благодарности и преданности Руке Водящей. Сын Вл., по великому Закону Космическому будет высоко держать знамя рода своего. Но кому много дано, с того и много спрашивается. Радость моя, пойми свою огромную привилегию, но и такую огромную ответственность. Всячески способствуй делам Вл., ибо она наша общая основа. Верю, что ты, как всегда, принесёшь лучшие сокровища духа на построение Храма.

Сейчас нас покинул доктор Лозина, в силу угроз и настояний своей жены. Конечно, много помочь мне он не смог, ибо все мои явления не поддаются обычным воздействиям лекарств. Но было хорошо в нём, что он понимал это состояние, ибо всегда интересовался и изучал подобные явления. Потому он с большой осторожностью прописывал лекарства и очень следил за их воздействием. На отъезд его смотрю спокойно, ибо знаю лучше всякого доктора, что мне нужны высоты и покой, полное замирание внешних проявлений жизни; не могу много говорить, смех совсем вреден, не говоря уже о других физических напряжениях. По выражению Вл.: “Нельзя метлой играть на скрипке”. Кроме того, со мной остаётся О[яна], которая знает всё, что мне нужно.

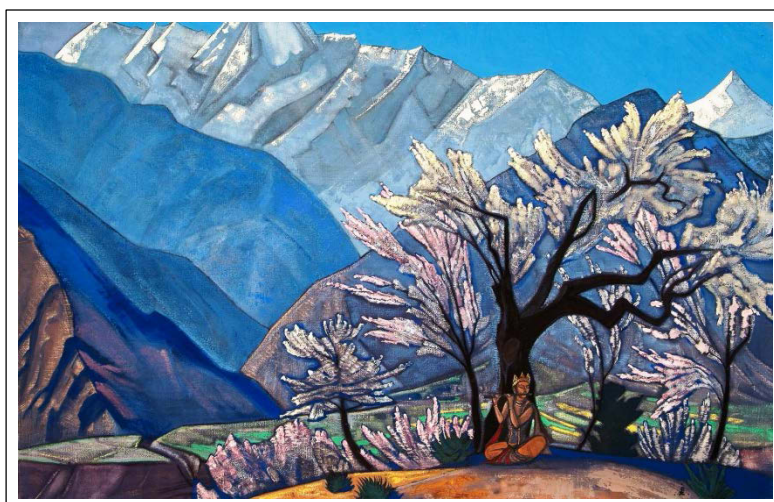
Радость моя, пиши подробнее о себе, так хочется видеть тебя! Пасик тоже очень любит и заботится о тебе. Он был тронут отношением Катр. ко всему и делам нашим, твоё влияние очень сказалось на ней.

Между прочим, монета, переданная Р., ограждает тебя от явных нападений с её стороны.

Все мы жили и живём дружно в нашей общине. Доктор уезжал с большой грустью, говорил, что это были его счастливейшие дни. Д-р Кельц очень порядочная личность и понимает всё значение нашей деятельности; коллекции, собранные им в такое короткое время замечательны, пошлём вам дубликаты. Скоро будет готовиться в новый путь, в Ладак. Пасик написал уже несколько замечательных картин. Яруя крутится весь день, мы все его любим. О Иентусе и не говорю, она приросла духом и сердцем, и целый день занята переводами статей и перепискою. Я окончила перевод первого тома Доктрины, уже корректирую и переписываю начисто. К сожалению, корректур, горюем, что берёт больше времени, чем перевод. Весь день занят, горюем, что он так короток. Сейчас у нас рай, все плодовые деревья в цвету и нет жары. Птенчик, радость моя, так жду тебя! Все шлют тебе любовь.

Архив Музея Никола Рериха, Нью-Йорк. (Машинопись)

«Сейчас у нас рай, все плодовые деревья в цвету...»

Н.К. Рерих. Кришна. Весна в Кулу. 1929.

*7 апреля 1931 г. Нагар. Кулу.
Письмо Н.К. Рериха к О. Георгию Спасскому.¹*

*Нагар, Кулу, Пенджаб, Бр.Индия
7 апреля 1931*

Дорогой Отец Георгий,

Спасибо за привет Ваш. Очень радовался я слышать о Вашей последней речи об эпохе огня. Истинно приближается давноречённое Крещение огненное. Столько знаков. Только слепые и глухие остаются бесчувственными. Посчитайте одни землетрясения, извержения и ураганы. Ведь не было такого умножения космических знаков. Если сознание человеческое не примет священную Благодать, то поистине может повториться вторая Атлантида. Когда мы усиленно провозглашаем Культуру, мы подразумеваем истинное познание сущности Бытия, во всем величии и беспредельности.

Говоря о будущей стране Культуры, мы тем самым утверждаем и страну церкви. Без религиозного вдохновения мы не можем приготовиться к Крещению огненному, потому именно теперь так ценна каждая религиозность. И Вы поступаете именно как Пастырь мудрый, напоминая о грядущей эпохе огня, напоминая о возможности или новых благостных достижений человечества, или об опасности низвержения в тьму ещё большую. Лишь носитель Культуры может выразить построение Наше - такова заповедь Преподобного Сергия, который сейчас облечён высокой властью.

Мне так радостно хотя бы через океаны иметь возможность переслать Вам эту краткую весточку о том, насколько истинная Церковь должна быть готова стать в оплот и в основу будущего Государства. Подвиг Преподобного Сергия указывает нам тот неустанный творческий труд, в котором утвердил себя этот Великий Просветитель Земли Русской. В третий раз дано Ему спасти великое Государство². Зная это, мы знаем также, что, следуя Указам Преподобного, мы можем быть в Служении правильном. По Благодати придёт и сознание Иерархии.

Великий Огонь пространства, прежде всего, касается, как Вы знаете, сердца человеческого, а язык сердца, по счастью, обладает теми словами, которые недоступны языку человеческому. В знаках огненных, в знаках сердца указано, какую созидательную любовью и духовным вмещением можно обратиться огненную стихию во Благо. Приложите все силы обратить церковь на строительство, на радость труда, на благой спешный подвиг. Не будем думать, что нас мало. Преподобный пошлёт нам и Пересвета своего, и Ослябю. В правильные сроки умножатся и силы правильные.

На том крепко обнимаю Вас и буду рад вестям Вашим.

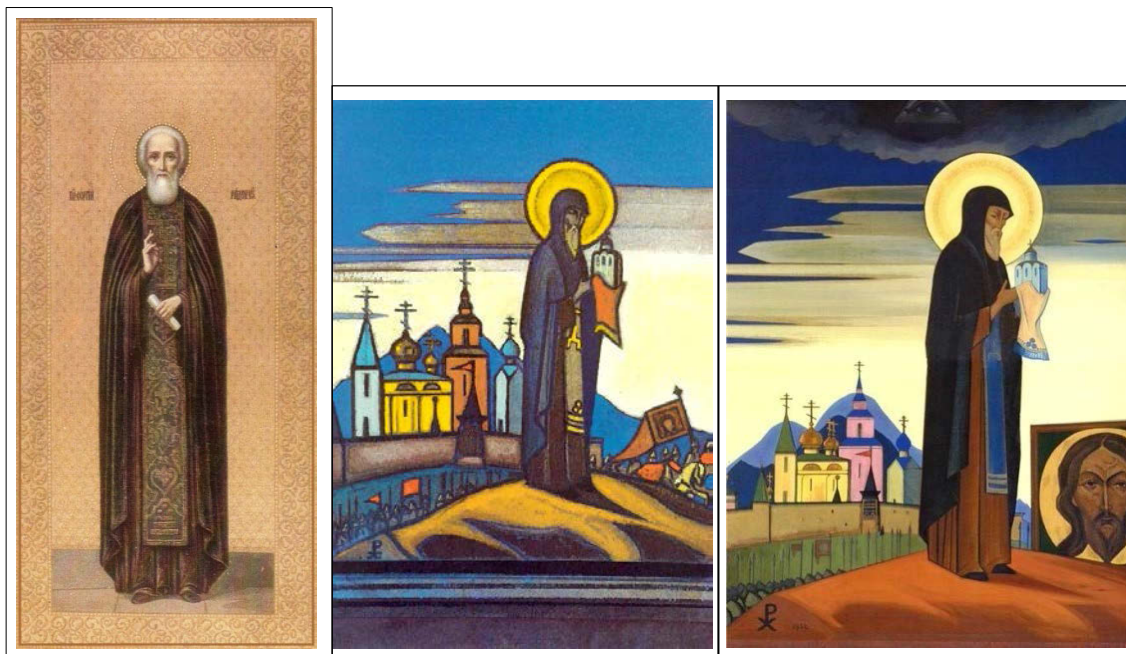
Духом с Вами, в молитве

Николай Рерих

BAR. Coll.: E.A. Miller. Box 1. Машинопись, 2 л.

Публикуется по изданию: Вестник Ариаварты, №1-2 2003 г.

¹ Отец Георгий (Спасский) (1877-1934) – русский священник, живший в эмиграции в Париже.

Слева: Репродукция Иконы Пр. Сергия Радонежского из собрания Ю.Н. Рериха, Москва.
Справа: Н.К. Рерих. Св. Сергий Радонежский. Эскиз. и Св. Сергий Радонежский. 1932.

На картине справа «Святой Сергий», по нижнему краю которого идёт надпись, выполненная в стиле старославянской вязи: «Дано Св.Преподобному Сергию трижды спасти Землю Русскую. Первое при князе Дмитрие. Второе при Минине. Третье...»

24 апреля 1931 г. Гималаи.

КОНФЕРЕНЦИЯ В БРЮГГЕ, 1931 год

Письмо 2-ну К. Тюльпинку

Дорогой собрат! Г-жа де Во Фалипо мне сообщила письмо Ваше от 25 марта. От всего сердца благодарю вас за инициативу конференции в Брюгге. Физически, к сожалению, не могу присутствовать, так как в это время буду находиться за горными цепями Гималаев.

Ваша благородная идея собрать международную конференцию в Брюгге для утверждения нашего Пакта Мира меня глубоко трогает. Драгоценно видеть светлую инициативу в области Культуры на защиту сокровищ человеческого гения. Конечно, героическая Бельгия так же, как и доблестная Франция, имеет в этом вопросе глубокие исторические основания. Герои Бельгии свидетельствовали разрушение своих бесценных соборов, исторических зданий, книгохранилищ и других памятников искусства, которые ничем не могут быть восстановлены. И не только во время войны подобные человеческие заблуждения могут проявляться; каждое восстание и внутренняя враждебность окружают памятники Культуры теми же опасностями, так же тяжкими, как и во время войны.

Именно теперь человечество всеми силами духа должно заняться охраною этих творческих сокровищ. Если Знамя Красного Креста не всегда доставляло полную безопасность, то всё же оно ввело в сознание человеческое огромный стимул человеколюбия. Тоже и Знамя, нами предложенное для

охраны Культурных сокровищ, если оно и не всегда спасёт драгоценные памятники, то всё же оно постоянно напомнит о нашей ответственности и необходимости забот о сокровищах человеческого гения. Это Знамя внесёт в сознание ещё один стимул, стимул Культуры, стимул уважения ко всему, что создаёт эволюцию человечества. Мы, собиратели, имевшие много дела с музеями, мы знаем Голгофы бесчисленных творений искусства и науки. Никто не дерзнёт сказать, что желание охранить сокровища творчества может быть излишне или не нужно. Нет, каждое углубление этого сознания приносит новые культурные возможности. Так, наше предложение откроет возможность просмотреть и каталогировать истинные сокровища и поставить их под защиту всего человечества, не только во время войны, но, усиленно подчеркиваю, и во время так называемого мира.

Драгоценно наблюдать, сколько исключительных симпатий вызвало наше предложение во всех концах мира. Вы будете рады узнать, что не только Правительства и отдельные представители Культуры, но и многомиллионные Общественные Организации вдохновились нашею идеей. На собрании 24 марта, в Нью-Йорке, посвящённом нашему Пакту, г-жа Спорборг, представительница Женских Федераций штата Нью-Йорк, поручилась именем Федераций поддерживать наше Знамя. А в этих Федерациях более четырёхсот тысяч членов. Кроме того, пришло постановление о подобной же поддержке от организации с тремя миллионами членов. Так, идея охранения Культуры поддерживается общественным мнением. Кто же дерзнёт противодействовать эмблеме дружественного союза и охранению Культуры? Отрицание Культуры всегда останется самым позорным знаком. Истинные работники Культуры во всех областях её не будут отрицателями, ибо по природе своей они строители. Без творения нет и жизни. Конечно, говоря это, я только выражаю мысли, которые объединяют нас на пространстве всего мира.

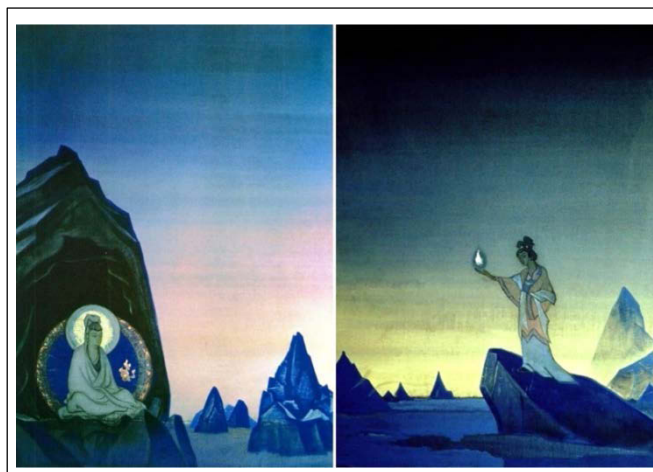
Приветствую и Вашу благородную инициативу, и сочувствие г-на министра Дестре и маркиза Адачи. Выражаю те же лучшие чувства всем сочленам, которые объединяются в строительных, мирных устремлениях. Покуда мы действуем на защиту Блага, Прекрасного и Культуры, мы непобедимы в нашем энтузиазме.

Не случайно Конференция собирается в Брюгге. Ваш город, этот живописный памятник старины, сущностью своею уже молит о культуре. Знамениты колокола Брюгге, которые вдохновляли меня во время посещения вашей прекрасной сокровищницы; пусть эти колокола будут колоколами победы Конференции Знамени Мира. Всегда вспоминаю, что музыка к вступлению посвящённой мне оперы "Принцесса Мален" построена на благостных гармониях колоколов древнего Брюгге.

Во имя Мира всего Мира, во имя Культуры и светоносной творческой мощи, во имя подвига и облагораживания человечества я шлю мой сердечный привет вам, дорогой собрат, всем членам Конференции и героическому народу Бельгии.

24 апреля 1931 Гималаи

Н.К. Перих. Держава Света. Sothbury: Алатас. 1931.

Н.К. Рерих. Агни Йога.1928. (Проект фрески)

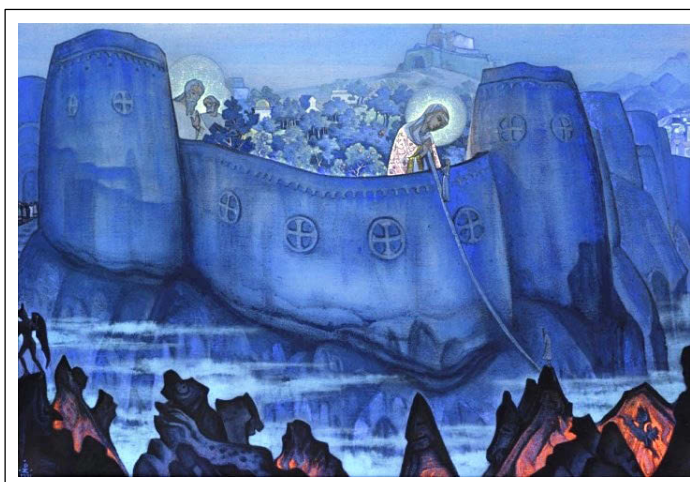
ЖЕНЩИНАМ

Посвящается Единению Женщин Общества имени Рериха

Матерь Мира. Сколько необыкновенно трогательного и мощного слилось в этом священном понятии всех веков и народов.

Космическими волнами приближается это великое понятие к человеческому сознанию. В спирали нарастания иногда точно удаляется, но это не есть отход, это есть лишь фазы движения, недоступные нашему глазу.

Учения говорят о наступившей эпохе Матери Мира, Близкая всем сердцам, Почитаемая умом каждого рождённого, Матерь Мира опять становится у великого кормила. Будет счастлив и убережён тот, кто поймёт этот Лик эволюции!

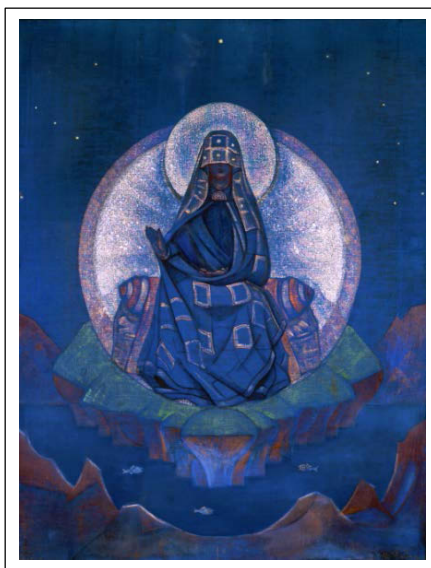
Н.К. Рерих. Труды Богоматери. 1931.

Трогательно и проникновенно посвящает христианство Богоматери следующую легенду: «Обеспокоился Апостол Петр, ключарь Раю. Сказывает Господу: «Весь день берегу врата, никого не пускаю, а наутро новые люди в Раю».

И сказал Господь: «Пойдем, Петр, ночным дозором»,

Пошли ночью и видят: Пресвятая Богоматерь опустила за стену рая белоснежный шарф Свой и принимает по нему какие-то души.

Возревновал Петр и вмешаться хотел, но Господь шепнул: «Ш-ш! не мешай!»

Н.К. Рерих. Матерь Мира. 1924.

Восток посвящает Матери Мира следующий гимн:

«Покрывшая Лик Свой, Соткавшая пряжу Дальних Миров, Посланица Несказанного, Повелительница Неуловимого, Дательница Неповторенного.

Твоим приказом океан замолкает и вихри черты невидимых знаков наносят.

И она, Лик Сокрывшая, встанет на страже Одна в сиянии знаков.

И никто не взойдёт на вершину, никто не увидит сияние Додекаэдрона, знака Её Мощи.

Из спирали Света знак соткала Сама в Молчании. Она Родительница идущих на подвиг.

Четыре угла - знак Утверждения - явлен Ею в напутствие решившимся».

В древнейшем городе Кише был найден культ Матери Мира, и самая старая литература Китая приветствовала Матерь Мира вдохновенным песнопением. Она и Скоропомогающая, Она и Сторучица, Она и Тысячеокая, Она Охраняющая Покровом Своим всех прибегающих к Ней. Будь то в лике Куанин или в светотканой мантии Мадонны.

Прекрасная артистка Мария Германова, прославленная русская Дузе, минувшим летом обратилась ко мне со следующим трогательным и зовущим письмом. Письмо это тем более ответило нашим сердечным устремлениям, что мысль о Женском Единении уже давно, как у Елены Ивановны, так и у меня складывалась в формы новых организаций, которые в широком понимании призвут мир к новому строительству. В марте 1930 года Елена Ивановна писала в Америку о необходимости начала Женского Единения. Задолго до этого оформилась идея Сестёр Алтая - Сестёр Золотой Горы. Не раз мне приходилось приветствовать женские организации и писать о Великой Матери Мира и о таинственном женском покрывале. В этой статье я спрашивал, почему издревле венки являются истинным украшением женского чела? - Венки - венцы подвига... И во имя этого венца подвига так ответило нашим старым решениям письмо М. Н. Германовой.

Привожу его:

«Горе имеем сердца!..»

Есть старая поговорка: когда дети малы - они бремя для колен матери, когда они выросли - для сердца. И действительно, дети вырастают, перерастают нас, отлетают из гнезда, не надо их мыть, кормить, одевать, но сердце-то матери всё так же полно забот, тревог и молитвы за любимых.

Сердце матери, сердце женщины - великое сокровище. Оно зажигает нас, освещает семью. Кто учил вас молиться, кто всё поймёт и простит? - Мать, женщина. Кто вдохновит на подвиг? Возлюбленная, подруга, женщина.

Чаще и чаще, твёрже и твёрже осознаётся теперь, что настала эра женщины, и много лампадок женских сердец зажигаются в одиночестве, тайне, и часто в плену у мрака? Но зажжены они одним огнём - любви, Красоты материнства, женственности.

Если бы соединиться во время этого огня? Если бы знать, что мы не одиноки, как легко и радостно воспрянет пламя наших сердец!

Мы, женщины, все женщины, старые, молодые, матери, жёны, подруги, счастливые и одинокие, если мы опоясаемся силой Любви, какая божественная сила воздвигнется, какая светлая рать ополчится против тьмы и зла на помощь всему человечеству, которое находится в небывалой ещё опасности.

Мы спасём землю, мы преобразим жизнь.

Не надо нам в единении наших сердец собираться в клубах и собраниях, читать доклады и лекции и покидать для этого близких и дом. Нет, именно в доме понесём мы наш свет.

Как много мы можем! Мы изгоним безобразие, пошлость из нашего обихода и позовём в гости красоту.

Выметем сор и паутину, не только из углов дома, но и из отношений, слов, мыслей, чтобы духу было легко дышать. Подумаем не только об обеде, но и о том, чтобы не было отравы для духа, выбросим яд ссор, сплетен, пересудов и дадим смеху радости почётное место за нашим столом.

Отправляя в дорогу или на работу, позаботимся не только о чемоданах и деньгах на расходы, но пошлём чистые благие мысли и молитвы.

Да, не пересказать сразу все возможности творчества, подвига, что лежат перед женщиной, как земля обетованная.

Положим душу нашу за милых наших.

Жанна д'Арк спасла родину.

Мы, если все вместе, спасём землю.

Нет Воскресения без Голгофы, так и зов этот возник от боли. Одно истерзанное женское сердце Елены Ивановны Рерих, - закинутой в чужую, далёкую страну, куда так самоотверженно привело её служение Просвещению. Она больна, одинока, тоскует, и по близким, и разлучена с мужем и друзьями, которым по непонятным, несправедливым, необъяснимым причинам не дают визы и возможности утешить, успокоить, исцелить эту боль и тоску матери.

Встанем на защиту этого истерзанного сердца. Пусть оно будет нашей орифламмой.

Оно омыто огнём вечного страдания и будет, как путеводная звезда, которая приведёт нас к победе.

Письмо в частности обращалось к Е. И. Рерих, которая так пламенно писала и говорила о Матери Мира. Приведу её вдохновляющее ответное письмо:

Родная Мария Николаевна! Получила ваше вдохновенное письмо и возродилась духом. Истинно, мысль создать единение женщин всего мира сейчас более, нежели своевременна.

В тяжкие дни космических катаклизмов и человеческого разъединения и дегенерации, забвения всех высших принципов бытия, дающих истинную жизнь и ведущих к эволюции мира, должен подняться голос, призывающий к воскрешению духа, к внесению огня подвига во все действия жизни, и, конечно, этим голосом должен быть голос женщины, испившей чашу страдания и унижения и закалившейся в великом терпении.

Пусть теперь женщина - Матерь Мира - скажет: Да будет Свет!

Каков же будет этот Свет, и в чём будет заключаться огненный подвиг? - В подняттии знамени Духа, на котором будет начертано - Любовь, Знание и Красота.

Да, лишь сердце женщины-матери может собрать под это знамя детей всего мира, без различия пола, рас, национальностей и религий.

Женщина-Мать и жена, свидетельница развития мужского гения, может оценить всё великое значение культуры мысли, знания.

Женщина - вдохновительница Красоты - знает всю силу, всю синтетическую мощь Красоты.

Итак, немедленно приступим к несению Великого Знамени Новой Эры - эры Матери Мира. Пусть каждая женщина раздвинет пределы своего очага и вместит очаги всего мира. Эти многочисленные огни укрепят и украсят её очаг.

Будем помнить, что каждое ограничение ведёт к разрушению и каждое расширение даст созидание. Потому всеми силами устремимся к расширению нашего сознания, к утончению нашей мысли и чувствований, чтоб этим огнём зажечь наши очаги.

Положите в основу единения устремление к истинному знанию, не знающему человеческих разграничений. Но как достичь истинного знания? - спросят вас.

Скажите - это знание лежит в вашем духе, в вашем сердце, сумеете разбудить его.

Устремление к Красоте будет ключом к нему. Знание это лежит в каждом устремлении к Общему Благу. Знание это рассыпано во всех Великих Учениях, дававшихся миру. Знание это разлито в каждом проявлении Космоса, и лишь разучившись наблюдать космические явления, люди утратили ключ ко многим тайнам Бытия, которые могли дать им понимание причин всех ныне происходящих бедствий.

Потому, собирая воительниц духа, устремите их к несению этого знания.

Человечество должно осознать великий Космический закон, закон величия и равновесия двух Начал как основу Бытия. Все принципы, лишённые этих двух Начал, вызывают неуравновешенность и разрушение. Но пусть женщина, осознавшая этот закон, стремясь к уравновешиванию Начал, сохранит всю красоту женского облика, пусть не утратит мягкость сердца, тонкость чувств, самопожертвование и мужество терпения.

Вы, родная, воспринявшая чутким сердцем Учение Владыки, можете стать зовущей, зажигая готовые души огненным Словом величайшего Сердца. Сумейте дать каждой по сознанию её и расширяйте сознания лёгкими, осторожными касаниями, не нарушая естественного и индивидуального роста каждой.

Пусть каждая развивается в близком ей направлении и приносит по уровню сознания своего. Красота заключается в разнообразии. Дайте всем общую основу, основу устремления к Общему Благу. Ведь самая широкая кооперация начертана на Знамени Владыки. Его купол вмещает всё и всех. Явим самую широкою терпимость.

Сестры Золотой Горы! Перед нами грозное, но прекрасное время, шлю вам призыв сердца, вооружитесь огнём устремления, терпения и мужества, через все препятствия пронесите Знамя Матери Мира, знамя Самопожертвования и Красоты, чтобы в час победы водрузить его на вершинах Мира.

Родная, чую сердце ваше, чую будущую работу нашу и шлю вам силы и радость духа на созидание великого Единения. С нами Владыка Сердца.

Духом и сердцем с Вами, *Елена Перих.*

В радости ответил я Германовой следующими словами:

Дорогая Мария Николаевна!

Поистине радовался я вашей записке об образовании Единения Женщин при Музее. Истинно, ко времени эта мысль, так всегда мне близкая. И посвящение вашей мысли Елене Ивановне меня глубоко трогает.

Кто же, как не женщина, должна сейчас восстать и объединиться во имя Культуры и Прекрасного? Ведь именно женщине было суждено первой благовестить о Воскресении.

Перечислять совершённое и вдохновлённое женщиной, значило бы описать историю мира. Если мы говорим о внесении Прекрасного во всю полноту жизни, если мы знаем, что сужденная эволюция покоится на краеугольных камнях Красоты и Знания, то кто же будет самым верным союзником и проводником этих основ в глубине человеческого сознания?

Прекрасное предание говорит о наступившей эре Матери Мира. Под многообразными покровами человеческая мудрость слагает всё тот же единый облик Красоты, Самоотверженности и Терпения. И опять на новую гору должна идти женщина, толкуя близким своим о вечных путях.

Сёстры Золотой Горы - скажут на Западе. Сёстры Алтая - скажут в Азии. Матери, жёны, сёстры, возлюбленные - всё это запечатлевается поверх наречий и границ земных. Ещё раз в этом единении нам покажется единый смысл Красоты и единым покажется подвиг, единою всесвязующая и дающая силы Благодать.

Лучше других женщина знает стихию огня, ту стихию, с которой связано ближайшее будущее. От древнейших времён к самым сокровенным опытам призывалась женщина. Так и теперь, к самому широко понятому знанию она призывается, ибо сердцем своим поймёт она, как многообразно и бережно нужно зажигать огни понимания и отзывчивости.

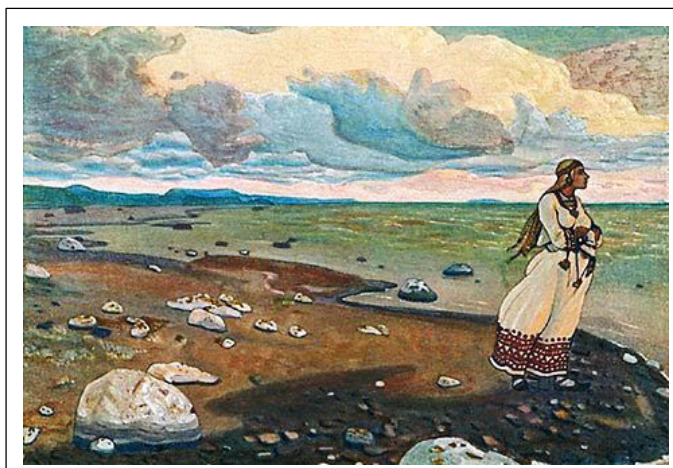
Дойдя до крайней черты расчленения и разъединения, человечество опять мыслит о собирании и о созидании. Пути разрушения уже доходят до бездны. Путь зла уже как бы являет границы. А ведь соизмерить границу зла с безграничностью добра можно только сопоставляя ограниченность - сравнительную зла с безбрежием Блага. Когда все ухищрения злобы уже искажены в ужасе бессилия, тогда ещё необозрим строй светлых воителей.

Именно, не только ставшие уже условными женские собрания, о чём-то сожалеющие или что-то осуждающие, но единение женщин при бодром живом

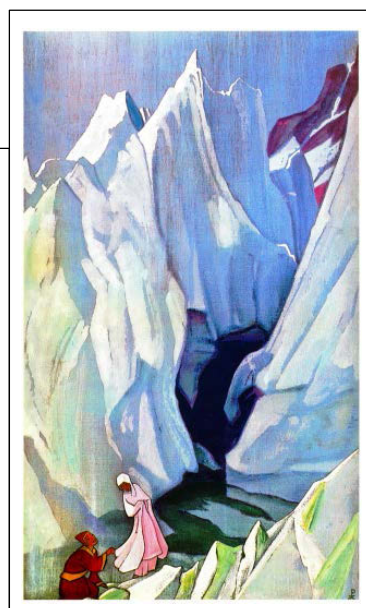
обмене всеми созидательными возможностями единения, зовущее к осознанию Блага совместной работы, даст желанные следствия.

Уже много было всяких Союзов и Объединений. И всё-таки вы правильно чувствуете, что единение женщин, которое соткёт сверкающие нити от очага через все иерархии в бесконечность, именно теперь особенно нужно.

Жизнь сама сложностью своею повелительно созывает строителей. В разных концах земли женщины мечтают: «За морями земли великие». Именно этот облик женщины, устремившейся к крайнему берегу в осознании сужденных сокровищ духа, казался Мне в этой картине. И как апофеоз этого духовного стремления, мне хотелось в картине «Ведущая» дать светлый облик женщины, ведущей искателя подвига к сияющим вершинам.

Н.К. Рерих. За морями земли великие. 1910

Ведущая. 1932.

Первым отличием этого Объединения Женщин от многих других должно быть, что участницы его будут сходиться для внесения каждая в своих пределах, в своих знаниях и возможностях. Эта чаша Священного приношения осветит собрания и обратит тяжкие будни в праздник труда и достижений.

Мне радостно чувствовать, что к этим великим твердыням духа устремляются женщины. А стремиться по правильному направлению уже значит приближаться к победе. А без битвы не может быть и победы.

И потому желаю вам, Сёстры Алтая, Сёстры Золотой Горы, преодолеть все огненные преграды, отвергнув всякий страх и сомнение, и безудержно, неутомимо, героически терпеливо строить светлый Звенигород, создавая несокрушимый Кремль Красоты.

И воздыхание станет вдохновением Благодати. И в Победе Духа будут сиять дерзание и восторг и Красота.

Духом с Вами, Н. Р.

Итак, уже сложилось Женское Единение, воздвигнутое не деловым расчётом, но сердечным влечением - тем сердечным порывом, который оживотворяет и земное и надземное.

И в Америке, и в Европе, и в Южной Америке уже наметились представительницы отделов этого Общества, и новые творческие зёрна опять взойдут в лоне великого подвига.

Как это хорошо, что красота и знание неразрывно сливаются с лучшими великими подвигами и крепнут сами на ступенях к великому преображению жизни. Сейчас трудное время.

Не нужно думать, что школ достаточно. Не следует утешаться, что кем-то и что-то уже сделано. Творческий труд оценён слабо. Мало понято, что не деньги делают идеи. Мир переживает материальный кризис огромнейшего значения. Каждый чувствует, что невозможно излечить денежный знак лишь денежным знаком. Конечно, нужно противопоставить иные ценности. Сокровища духа, идеи, познания творчества и просветления лишь будут достаточной панацеей при крушении поверхностной механической цивилизации. Условность несознательной жизни может быть преображена лишь тем светлым утверждающим понятием, которое выражено в священном слове «Культура».

Но культура не бурьян и растёт лишь в духовно возделанных садах.

Неотложно действие.

Помните, женщины, помните, матери, жены и сестры, сколько прекрасного должно объединять вас. За пределами тесных будней вырастает великий праздник. В ночи уже готовятся и зажигаются светильники, которые будут освещать Великое Восхождение Матери Мира. Прекрасное одухотворение Её светозарным Покровом.

Н.К. Рерих. Знамя Мира.

Женщины, ведь вы соткёте и развернёте знамя мира. Вы безбоязненно станете на страже улучшения жизни. Вы зажжёте у каждого очага огонь прекрасный, творящий и ободряющий. Вы скажете детям первое слово о красоте. Вы научите их благословенной иерархии знания. Вы скажете малым о творчестве мысли. Вы можете уберечь их от разложения и с первых дней жизни вложить понятие героизма и подвига. Вы первые скажете малым о преимуществе духовных ценностей. Вы произнесёте священное слово Культура.

Великое и прекрасное дело заповедано вам, женщинам!
Привет и поклон вам!

Апрель 1931 г. Гималаи.

Н.К. Рерих. Держава Света. Sothbury: Алатас. 1931.

СТРАЖА МАТЕРИ МИРА
Федерации Женских Клубов штата Нью-Йорк

Поистине прекрасно сказала председательница мощной Женской Федерации В. Д. Спорборг от имени полумиллиона женщин, представительницей которых она выступила на собрании, посвящённом Знамени Мира 24 марта, в нашем музее. Она как истинная просвещённая водительница выразила дух женщины Америки. Она сказала: «Мы верим, что взаимные интересы, в которых сходятся народы, представляют культурные необходимости во всех художественных и научных видах. Ибо Н. К. Рерих, покуда мирная машина заменит военную систему, предлагает эту чудесную идею охраны всего просветительного, художественного и религиозного так, чтобы эти ценности могли быть пощажены даже во время войны. Но я вполне уверена, что он говорит не только о войне, он имеет в виду просветительную работу среди всех наций... Мы внимательно изучали положение и готовы приложить все силы духа и все наше влияние к тем движениям, которые начал Н. Рерих. Знайте; что мы - я говорю от полумиллиона организованных женщин - неуклонно поддерживаем вашу организацию, и мы считаем за большую честь, что можем сегодня присоединить наше приветствие...»

Слова эти навсегда запечатлеются на скрижалях женского подвига, который возвышается под вечным символом Великой Матери Мира. Вдохновительно услышать, как широко поняла представительница Женских Организаций охранение культурных сокровищ. Именно, как нужно, вовремя она подчеркнула, что творения духа человеческого, столь необходимые всемирному прогрессу, нуждаются в охране не только во время войны, но и каждодневно. Да, воспитание всех народов в истинной культуре совершится под Знаменем Мира, ибо Мир и Культура нераздельны. Кто же, как не женщина внесёт в дух человеческий высшее понятие Культуры? Это она, от колыбели, через все фазы жизни, до высшего управления народами, терпеливо и неусыпно вносит понятие Культуры в жизнь славной эволюции.

О высокой миссии женщины сказано много, но теперь пришло время действия. Это вполне естественно, что именно женское сердце отзывается на все зовы Культуры и Мира. Драгоценно мне видеть, что именно женщина понимает, насколько мой зов направлен к общему преобразению культурной жизни. Мы можем торжественно поклясться - неустанно служить великой задаче. Мы знаем, что невежество неизбежно будет огрызаться на всё, связанное с Культурой, ибо невежда и Культура так же различаются, как Свет и Тьма. Мы знаем эту злобу невежд, но она лишь мостовая для подвига. Вся история учит нас, что такая мостовая очень пригодна для постройки на ней памятников Красоты и Знания. Та же история человечества учит нас, что невежество противоположно всему истинному и творческому. Потому атаки невежества не только не будут мешать нам, но вдохновят нас. Мы знаем, что каждое нагнетение рождает энергию, и мы должны быть достаточно образованными, чтобы уметь использовать это обстоятельство. Разве не чудесно осознать, что вы имеете против себя лишь карликов невежества? Кроме невежд, кто может противиться Культуре? И кто же будет злобствовать на мечты о Стране Культуры? Кто может быть обеспокоен, если кто-то заботится об охранении сокровищ человеческого гения? И кто осмелится сказать, что не нужно стремиться к Культуре, и что для Культуры уже достаточно сделано? Поистине, только

очень тёмный, очень глубоко невежественный может препятствовать стремлению к Культуре.

Знамя Мира вызвало симпатии многих лидеров разных стран. Мы слышим о симпатиях Гаагского Трибунала. Представители Музеев и прочих Культурных Учреждений восторженно отзываются. Особая Конференция созывается в Брюгге, и творится Лига Городов как оплот для культурных сокровищ. Как мы и ожидали, идея растёт безгранично, и сердце человеческое отзывается на всемирное понятие культуры. Драгоценно сознавать, что и в наше сложное беспокойное время идея Культуры может иметь такое водящее значение. Этим создаётся славная веха на пути человеческого восхождения.

Говоря о женском участии в этой великой культурной работе, мы не должны забыть слова глубокой древности: «Перечисляя подвиги женщин, мы напишем историю всего Мира. Перечисляя экстазы озарения, мы перечислим глаза женщин. Изучая сотрудничество, мы увидим руку женщины». Подвиг, вдохновение, сотрудничество - все эти сокровища женщина приносит Культуре. В этом заключается залог того, что Древо Культуры глубоко проникнет во всех направлениях и будет мощно питаться лучами мировых понятий.

Культура не может цвести без энтузиазма. Культура окаменеет без огня, верности и преданности. Культура обеднеет без ежедневного труда, без сознательного приношения. Культура умолкает там, где сердце немо. И что же может быть прекраснее, нежели мирный, всепонимающий язык сердца? Не мечтатели мы. Повторяем, когда мы говорим о Культуре, мы все реалисты, позитивисты, для которых прогресс человечества особенно драгоценен и неотложен. Мы не имеем права думать, что каждодневная работа может препятствовать нашим культурным стремлениям. Наоборот, каждая рутинная работа преобразится и облагородится в осознании Культуры. Истинно, чую, что В. Д. Спорборг возглавляет мощное войско женщин - высочайших башен Америки. Высота этих башен устремляется вверх, и дух человеческий обязывает священно хранить основы истинного прогресса. Человечество уже достаточно знает различие между Культурой и цивилизацией. Избранные знают, насколько цивилизация может иногда вымереть, но семена Культуры сохраняют свою вечную жизненность. Башни стоят, как маяки человечества.

Если каждый член Женской Федерации вдохновит лишь десять своих друзей мыслями о Культуре, то, сколько миллионов новых носителей Культуры окажется. Мощный магнит Культуры вдохновит и обновит жизнь их семей, их организаций. Какое прекрасное паломничество во имя Культуры может быть так легко представлено. Не Вавилонская башня - символ рассеяния и разделения, но всеобъединяющая Башня Света, где мы можем объединиться в едином могучем языке сердца, является нашим обоюдным достижением.

В этом языке сердца мы приветствуем вас, светоносное воинство женщин! Честь вашему несломимому энтузиазму! Во имя Гималаев, этих светлых высот, мы приносим наше чистосердечное сотрудничество и приветствуем в радости общих стремлений к самым прекрасным и самым нужным достижениям человечества.

С вами мы достигнем!

1931 г. Гималаи.

Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.

14 апреля 1931 г.

Н.К. Рерих

ПАМЯТИ МАРИИ КЛАВДИЕВНЫ ТЕНИШЕВОЙ³

После разрушений и отрицаний во всей истории человечества создались целые периоды созидания. В эти созидательные часы все созидатели всех веков и народов оказывались на одном берегу. Кто-то растрачивал, кто-то уничтожал, не имея чем заменить. Но сказано:

"Не разрушай храм, если не имеешь поставить на месте его новый".

И имена расточителей и уничтожителей или уходили во мрак, или остаются страшными призраками, ужасающими новые поколения.

Но в часы созидания бесконечной вереницей имена создававших и звавших в будущее будут на одном берегу и человечество будет всегда оглядываться на них с облегчённым вздохом надежды на эволюцию. Как разнообразны эти созидательные имена, как разделены они несчётными веками, на каких разных поприщах являли они своё непобедимое оружие за прогресс человечества.

И в то же время все они сохраняют, несмотря на безмерное различие, одни и те же качества.

Неутомимость, бесстрашие, жажда знания, терпимость и способность к озарённому труду - вот качества этих искателей правды. И ещё одно качество сближает эти разнообразные явления. Трудность достижения, свойственная всем поступательным движениям, не минует этих работников мировых озарений.

Принято с лёгким и спокойным сердцем говорить: "Мученики науки, мученики творчества, мученики созидания, мученики исканий". Это говорится с таким же лёгким сердцем, как обсуждается вопрос об ежедневной пище и о всех условных обычаях. Точно это мученичество сделалось нужным и непреложным, и носители пошлости и вульгарности остерегают своих детей:

"Зачем вам делаться мучениками, если по нашему опыту мы можем предложить вам лёгкую жизнь, в которой ни одна тяготительная дума не испортит аппетит ваш. Посмотрите, как трудно этим искателям. Только исключение из них проходит невредимо по обрыву жизни. Вы - наши дети и примите то же спокойное место на кладбище, которое заслужили и мы, с пожеланием успокоения".

³ М.К. Тенишева (1 июня 1858 г. СПб. - 14 апреля 1928 г. Париж)

В этом успокоении, конечно, заключается самая страшная смерть, ибо ничто живое не нуждается в успокоении, а, наоборот, живёт вечным пульсом усовершенствования.

Ушла Мария Клавдиевна Тенишева - созидательница и собирательница!

Как спокойно и благополучно могла устроиться в жизни Мария Клавдиевна. По установленным образцам она могла надёжно укрепить капитал в разных странах и могла оказаться в ряду тех, которые вне человеческих потрясений мирно кончают свою жизнь "на дожитии".

Но стремление к знанию и к красоте, неудержимое творчество и созидание не оставили Марию Клавдиевну в тихой заводи. Всю свою жизнь она не знала мертвенного покоя. Она хотела знать и творить и идти вперёд.

Может быть, с моей оценкою не согласятся те, которые знали Марию Клавдиевну извне, среди условно-общественных улыбок. Именно в ней искание жило так напряжённо и глубоко, что сущность его далеко не всегда она выносила наружу. Чтобы узнать эту сторону её природы, нужно было встречаться с нею в работе, и не только вообще в работе, но и в яркие созидательные моменты работы. Тогда пламенно неудержимо М.К. загоралась к творчеству, к созиданию, к собирательству, к охране сокровищ, которыми жив Дух человеческий.

Действительно, всею душою она стремилась охранять ценные ростки знания и искусства. И каждый собиратель знает, как ревниво нужно охранять все созидательные попытки от клешней умертвителей.

Посмотрим итоги, что Мария Клавдиевна сделала.

Она дала городу Смоленску прекрасный музей, многим экспонатам которого позавидовал бы любой столичный музей.

Она дала Русскому Музею прекрасный отдел акварели, где наряду с русскими художниками были представлены и лучшие иностранные мастера. Но тогдашняя администрация музея не поняла этого широкого жеста, и чудесные образцы иностранного искусства не были приняты, точно мы не можем мыслить шире мёртвых рамок.

Вспомним и другой случай крайней несправедливости. Смоленская епархия, с благословения епископа, назначила к продаже с аукциона церковные предметы из Смоленской Соборной ризницы. М[ария] К[лавдиевна], стремясь сохранить эти ценные предметы для Смоленска, послала хранителя своего музея Борщевского для приобретения с публичного аукциона этих церковных художественных предметов. Вместо признательности за действие на пользу города Смоленска, некий генерал Б. в печати оклеветал М.К. за "разграбление Смоленской Ризницы". Дело дошло до суда и, конечно, клеветник был посрамлён. Но это показывает, как обстояло дело, и какие нападения приходилось выносить собирательнице для народной пользы.

Сколько музеев сохраняет память о М.К. Тенишевой.

Музей Общества Поощрения Художеств, Музей Общества Школы Штиглица, Музей Московского Археологического Института и многие другие хранилища сохранили в себе приношения М.К.

А сколько школ было создано или получало нужную поддержку! Наконец - художественное гнездо Талашкино, где М.К. стремилась собрать лучшие силы для возрождения художественных начал.

Вспомним, как создавались художественные мастерские в Талашкине. Вспомним воодушевляющие спектакли. Вспомним посылки учеников за границу. В ту самую мастерскую, которая, затем, оказалась жилищем М.К. Вспомним все меры, предпринятые М.К. к поднятию художественной промышленности и рукоделия в Смоленском народе. Вспомним "Родник" - Художественно-промышленный Магазин в Москве. Вспомним те исключительные заботы, которыми М.К. старалась окружить художников. Вспомним сказочные Малютинские теремки во Флёнове. Вспомним раскопки в Новгородском Кремле, поддержанные лишь М.К. вспомним археологов Прахова, Борщевского, Успенского... Вспомним выставки, и в России, и за границей, где М.К. хотела показать значение русского искусства. Вспомним музыкантов и писателей, русских и

иностранцев, бывших в Талашкине. Стравинский на балясине Малютинского теремка написал лад из "Весны Священной". Вспомним, что именно Мария Клавдиевна ближайшим образом помогла Дягилеву и группе Мира Искусства начать замечательный журнал этого имени, который поднял знамя для новых завоеваний искусства.

Нужно представить себе, насколько нелегко было по условиям конца девятнадцатого века порвать с академизмом и войти в ряды нового искусства. Официальных лавров этот подвиг не приносил. Наоборот, всякое движение в этом направлении вызывало массу неприязненной вражды и клеветы. Но именно этого М.К. не боялась. А ведь равнодушие к клевете тоже является одним из признаков самоотверженного искания. Не нужно сомневаться в том, что менее сильный дух, конечно, имел бы достаточно поводов для того, чтобы сложить оружие и оправдаться в отступлении. Но природа Марии Клавдиевны устремляла её действие в новые сферы. В последнее время её жизни в Талашкине внутренняя мысль увлекала её к созданию храма. Мы решили назвать этот храм - Храмом Духа. Причём центральное место в нём должно было занимать изображение Матери Мира.

Та совместная работа, которая связывала нас и раньше, ещё более кристаллизовалась на общих помыслах о храме. Все мысли о синтезе иконографических представлений доставляли М.К. живейшую радость. Много должно было быть сделано в храме, о чём знали мы лишь из внутренних бесед.

Но именно в храме прозвучала первая весть о войне. И дальнейшие планы замерли, чтобы уже более не довершиться. Но если значительная часть стен храма осталась белая, то всё же основная мысль этого устремления успела выразиться. Остальное хотя и осталось в пространстве, но, тем не менее, этот завершительный завет М.К. в Талашкине ещё раз показал, насколько верно осталась она своему изначальному устремлению строить и верить в будущее и новое.

Дальше для М.К. открылись новые странствия, перемена всей внешней жизни и переоценка многих людей. Очень жалею, что сейчас в Гималаях не имею при себе одного из последних её писем, которое при всякой её характеристике должно быть приведено полностью. В этом замечательном письме она высказывает всю полноту вместилища современных событий. Выходя за пределы личных ощущений, минуя национальное и все прочие соображения, М.К. без малейшего раздражения, наоборот, в лучших объединяющих тонах, переносит мысль свою в будущее.

Имея только свой рабочий стол, небольшую мастерскую и маленькую виллу под Парижем (как я называл её: "Малое Талашкино"⁴), М.К. опять оказывается свободной в своих помыслах. Не останавливаясь на людских оценках, она говорит о будущем, а будущее это в Знании. Перед нею не только не поблекли, но сияюще расцветают проблемы наследия искусства, выраженные в традициях и орнаментах далёкого Востока. Но она не делается теоретиком. Никакие потрясения не могут оторвать её от жизни. Она работает и по-прежнему полна желание давать людям радости искусства.

Среди родов искусства М.К. избирает для себя наиболее трудный и наиболее монументальный. Эмали её, основанные на заветах старинного долговечного производства, разошлись широко по миру. Эти символические птицы-Сирины, эти белые грады, эта цветочная мурава, эти лики подвижников показывают, куда устремлялись её мысли и творчество. Жар-Птица заповедной страны будущего увлекла её поверх жизненных будней. Отсюда та несокрушимая бодрость духа и преданность познанию.

⁴ Недалеко от Парижа, в небольшом имении Воскрессон, с 1919 года прошли последние годы жизни выдающейся деятельницы русской культуры - княгини Марии Клавдиевны Тенишевой. Здесь, в «Малом Талашкино», как называли это место её друзья, она ещё какое-то время продолжала дело, начатое в конце XIX века в России. В Воскрессон приезжали Н.К. Рерих, И.Я. Билибин, художник Ф.А. Малявин. - *Ред.*

Во французских музеях и у частных собирателей эмали М.К. напомнят об этой памятной жизни и о стремлениях к Жар-Цвету - Творчеству.

В то время, когда множество душ человеческих кипело вопросами сегодняшнего дня, в пене событий, забыв о будущем, М.К. интересовалась переселением народов и готскими наследиями, спрашивала меня о нужных для её верных проблем данных из глубин Азии, и повторяла: "Ведь это непременно нужно найти. Ведь эти эмали и цветочный этот орнамент должны найти подтверждение. Эти зверюшки ещё покажутся из новых мест".

Когда М.К. узнала об отъезде нашем в Центральную Азию, она лежала больной в своём Малом Талашкине.

"Ну, Отче Никола, видно, и взаправду, собрался ты храм строить", - так напутствовала М.К. наше последнее свидание. А лежала она строгая-престрогая, как-то постароверски, покрытая платком. Выйдя из Талашкина, Е.И. сказала: "Вот уж истинная Марфа-Посадница. И сколько в ней сил и строгости!"

Могу себе представить, как была бы рада М.К. узнать теперь, после нашей экспедиции, что её соображения о движении народов шли по совершенно правильному пути. А если бы она увидела некоторые орнаменты, увидела бы аналогии древностей Тибета со скифскими и аланскими, если бы увидела тибетские мечи и фибулы, которые напоминают о так называемых готских древностях, то радости её не было бы границ.

Никто не скажет, что Мария Клавдиевна шла не по правильным путям.

Возьмём имена разновременных сотрудников её и оцененных ею.

Врубель, Нестеров, Репин, Серов, Левитан, Дягилев, Александр Бенуа, Бакст, Малютин, Коровин, Головин, Сомов, Билибин, Наумов, Ционглинский, Якунчикова, Поленова и многие имена, прошедшие через Талашкино, или через другие мастерские и начинания Марии Клавдиевны.

Названные имена являются целой блестящей эпохой в русском искусстве. Именно той эпохой, которая вывела Россию за пределы узкого национального понимания и создало то заслуженное внимание к русскому искусству, которое установилось за ним теперь. Это показывает, насколько верно мыслила М.К., обращаясь и ценя именно эту группу смелых и разносторонних искателей.

М.К. любила и высоко оценивала значение старорусской иконописи. В то время, когда ещё иконопись оставалась в пределах истории искусства и иконографических исследований, М.К. уже поняла всё будущее художественное значение этого рода искусства. И теперь мы видим, что и в оценке икон она шла по правильному пути.

Забываясь о просвещении и о поднятии уровня Смоленской окраины, М.К., как видим, делала очередное дело, о котором пришло действительное время подумать. Правильность этого пути неоспорима.

Сейчас в Смоленске большую улицу назвали Тенишевской улицей. Истинно по Тенишевской улице много народу ходило за просвещением и много народу ещё пойдёт в искании сужденных культурных возможностей.

Обогащая музеи лучшими образцами творчества, М.К. хотела указать, насколько понятие творчества и созидания и уважения к этому строительству должно быть не забыто в будущей культуре. Можно восхищаться всеми, кто стремится слагать основы будущего строительства.

В этих итогах мы говорим кратко и с лёгкостью: "Вспомним все школы, мастерские, музеи и заботы о просвещении". Это произносится очень кратко, но подумайте, сколько труда и забот, и препятствий заключалось в каждом из этих понятий!

Обращаясь к широкому пониманию религиозных основ, можно считать, что М.К. в этом отвечала без предрассудков и суеверий запросам ближайшего будущего.

Меткие и острые суждения могли иногда вызывать раздражение мелких умов, но разве остроумия суждения не есть тоже принадлежность просвещения?

Оглядываясь с чувством радости на деятельность М.К. Как мы должны ценить тех людей, которые могут вызывать в нас именно это чувство радости. Пусть и за нею

самою в те области, где она находится теперь, идёт это чувство радости сознания, что она стремилась к будущему и была в числе тех, которые слагали ступени грядущей культуры.

Большой человек - настоящая Марфа-Посадница!

Уже давно, на раскопках в Тверской губернии, мы посетили могилу Марфы-Посадницы и слушали, какими благожелательными легендами сопровождает народ имя знаменитой женщины Новгорода.

И теперь я живо вижу признательную память народа около имени Марии Клавдиевны.

Много легенд сложится на Тенишевской улице, и имя княгини Тенишевой запечатлеется среди имён истинных созидателей.

И вот мы сидим в комнате княгини Тенишевой. Те же картины на стенах, та же расстановка мебели, тот же письменный стол, с теми же принадлежностями и любимыми памятливыми вещами. Всё так же заботливо, как если бы сама хозяйка только что вышла из любимой рабочей комнаты. Сидя у рабочего стола княгини, трудно подумать, что её самой уже нет с нами. Но какова же должна быть заботливая дружеская рука, чтобы ревностно сохранить всю творчески-рабочую атмосферу, окружавшую княгиню. Поистине, такие друзья и соратники, как княгиня Екатерина Константиновна Святополк-Четвертинская, редки. Она шла рука об руку с покойной княгиней, по всем горным тропинкам творческих восхождений. Она знала смысл жизни княгини и сама в неустанном жизненном творчестве неуклонно шла и идёт к культурному духовному, к прекрасному. Только высококультурный дух может запечатлеть и охранить ценность своего близкого. И княгиня Екатерина Константиновна не только охраняет, но и неустанно творит, духовно обогащая всю окружающую её атмосферу. Истинная радость наблюдать, как она, полная житейского опыта, и ободрит нуждающихся в ободрении, и пожурит падающих духом, и скажет справедливое слово, избегая пересудов и клеветы. И всюду она поспеет, и всюду вы можете положиться на её точность и верность, ибо в них её герб благородства. Охранить старое, творя новые возможности, - какая это незабываемая услуга Культуре со стороны княгини Святополк-Четвертинской.

1929-1931. Гималаи.

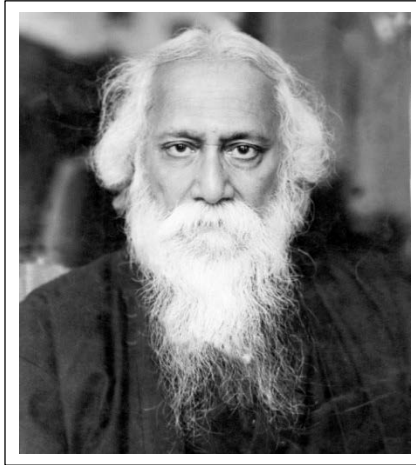
Н.К. Рерих. Держава Света. Sothbury: Алатас. 1931.

М.К. Тенишева в своей мастерской в Париже.

МАЙ

8 мая 1931 г. Гималаи

Рабиндранат Тагор

Н.К. Рерих

ВИДЖАЯ, ТАГОР!

К семидесятилетию Рабиндраната Тагора, 8 мая 1931 г.

Иногда кому-то может показаться, что вопросы культуры, занимая человеческое мышление с древнейших времён, уже представляют из себя твердыни. Будто бы уже целые города и страны восприняли культуру. Будто бы нашему времени можно самодовольно озираться назад на тех далёких-далёких, на тех бедных, не пользовавшихся телефоном и радио, и даже не имевших кинематографа. Какое горделивое заблуждение! И как немногие понимают, что культура как таковая по-прежнему гнездится только на некоторых вершинах, и что пути к этим замкам восхождения человеческого духа по-прежнему необыкновенно трудны и кто знает, может быть, даже ещё труднее, нежели в некоторые бывшие эпохи.

Очень быстроходны наши корабли. Кто-то хотел построить корабль в 100 000 тонн. Очень поучительно было бы знать, какие мечтания у него были о качестве перевозимого груза. Не пушки ли, и не опиум ли могли быть доходными статьями? Очень высоки дома наши. Кто-то строит дом в сто этажей - много превышает Вавилонской башни. Но часто во всём помещении нет места ни для письменного стола, ни для книжных шкафов. Очень обширны наши скотобойни. Благодаря необыкновенной технике, можно сразу убить сотни тысяч животных. А в то же время в скромности, и почти в неизвестности пребывают изыскания учёных о растительных витаминах.

При всей нашей якобы образованности не многие внутри согласятся, что апельсины или лимон может заменить кровавый бифштекс. Ещё так недавно якобы учёные доктора посылали больных на бойню, чтобы они могли пить парную тёплую кровь. Те же доктора советовали, как наиболее целебное, пожирать, уподобляясь животным, сырое кровавое мясо. Но даже в тех странах, где по условиям природы аборигенам приходится довольствоваться сырым мясом, они издревле поступают разумно, употребляя его или в сухом или в вяленом виде, или, в крайнем случае, допуская копчёное мясо.

Наша механическая техника прилагала все усилия, чтобы сделать возможно большее количество роботов. Правда, даже роботы часто впадали в механическое безумие и потрясли движение мира. Кто-то изобрёл механического приказчика в магазинах, а следующий изобретатель вложил в уста машины механическое «благодарю». А в ответ на механизацию родились армии безработных - это ли есть достижение культуры? Ещё недавно мы ввозили в храм пушки для благословения. Между тем всякий разговор о мире и о религии становился в обществе чем-то неприличным и вообще стыдным. Если кто-нибудь рискнул бы вместо уродливого однобокого спорта, вместо клеветы и злословия заговорить о возвышающих принципах культуры, благовоспитанные люди, пожав плечами, шепнули бы про него: «Как он туп». А если бы кто-нибудь, входя в гостиную, рискнул сделать священный знак своей религии, то его просто сочли бы не только невоспитанным, но и ханжой. Вопросы духа, вопросы религии, вопросы культуры для успокоения невежественности отодвинуты в отвлечённость.

Раз всё возвышающее сделано отвлечённостью, значит, мы и не ответственны за это. В лучшем случае люди отговорятся рутинной каждодневной работой, которая будто бы мешает им обратиться к возвышающим основам духа. Так часто думают, забывая, что каждодневная работа является благодетельной пранаямой. Она рождает энергию, она приближает нас к космическому ритму, она же способствует возжжению внутренних огней - этих благостных соединителей с пространственным великим Агни. Так часто мы изобретаем самооправдание. Мы очень изысканны в избежание ответственности, опять-таки забывая, что великая ответственность за состояние всей планеты там, где достигнуто человеческое достоинство. Но это ли достоинство, достоинство бытия, обязывает приложить все свои силы, чтобы найти соответственный ритм эволюции? Обязывает подумать о том, как бы не оказаться в космическом отбросе. Ведь это не отвлечённость, увы, это яркая действительность, как само бытие. И не сами ли мы свободно избираем или разложение, или созидание, или отрицание, или утверждение? Или творчество, или мертвенность. Не указывает ли вся история человечества на высшую благодать творчества мысли - в чём бы оно ни выражалось, где бы оно ни протекало. Великие примеры истории являют нам необычайных творцов мысли, или выражавших её в каком-либо материале, или широко возвещавших её пространственным мегафоном. Если всё едино, то не связано ли между собою и всё сущее, как давно сказано в мудрых словах?

Мы твердим священные гимны «Бхагавадгиты» о неразрушимости и всепобедности духа, но часто в песнопении мы утрачиваем сознание, что сказанная мудрость дана для немедленного приложения. Не требует ли повелительно культура немедленного приложения к жизни всего того прекрасного, что нами же изгнано в отвлечённость? Состояние планеты таково, что, или будет найден верный подход к эволюции, или предстоит духовное одичание. Великий Агни или пребудет самой благодетельной силой и нагнетёт самые чудесные энергии, или, не воспринятый духом нашим, испепелит в разрушении всю мишурную иллюзорность, в самомнении принятую нами за твердыни. Или мы поймём опять всё величие и всю непреложную нужность иерархии блага, или в одичании мы изгоним всякое понятие Учителя, всякое благородное водительство Гуру.

Если замки культуры по-прежнему гнездятся только ещё на высотах, претерпевая все трудности тернистого и каменистого пути, то, как же мы должны быть признательны всем тем, кто приняли на себя тяготу водительства к Культуре. И как бережно должны мы не повреждать стены этих твердынь, созданных неустанным каждодневным трудом; как должны мы благословлять тех, кто зажигает и утверждает наш энтузиазм.

Когда думается о несломимой энергии, о благословенном энтузиазме, о чистой культуре, передо мною всегда встаёт столь близкий мне облик Рабиндраната Тагора. Велик должен быть потенциал этого духа, чтобы неустанно проводить в жизнь основы истинной культуры. Ведь песни Тагора - это вдохновенные зовы к культуре, его моление о великой культуре, его благословение ищущим пути восхождения. Синтезируя эту огромную деятельность - всё идущую на ту же гору, проникающую в самые тесные переулки жизни, разве может кто-нибудь удержаться от чувства вдохновляющей радости? Так благословенна, так прекрасна сущность песнопения, зова и трудов Тагора.

Вот и Шантиникетан растёт, как древо культуры. Мы не можем судить, как растёт мощное древо. Почему у него ветви расположены в том, а не в ином порядке? В условии ветров мы нашли бы объяснения. Но важно для духа нашего сознание, что это древо растёт. Или, переходя на язык замка, что его стены укрепляются. И мы знаем, что стены эти сложены во имя культуры и существовали они всё это время единственно культурою. Разве не священно радостное ощущение глядеть на вечные снега Гималаев, насыщенные чудодейственною пылью метеоров дальних миров, и сознавать, что теперь среди нас живёт Рабиндранат Тагор, что, семидесятилетний, неустанно возносит он прекрасное и без усталости слагает вечные камни культуры, создавая из них твердыни радости духа человеческого? Это так нужно! Это так безотлагательно нужно! Без усталости повторим о нужности твердынь культуры. Без усталости воскликнем об этой истинной гордости нации и всего мира!

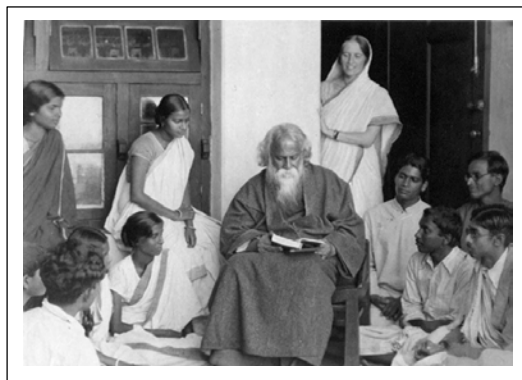
Твердыни культуры как магниты собирают всё культурное. И как якоря удерживают корабли духа, мятущиеся в океане стихий.

Живёт Тагор во славу культуры. Пусть стоит и Шантиникетан в назидание росту человеческого духа, как строение самого нужного, самого благородного, самого прекрасного.

Виджая, Тагор! Виджая, Шантиникетан!

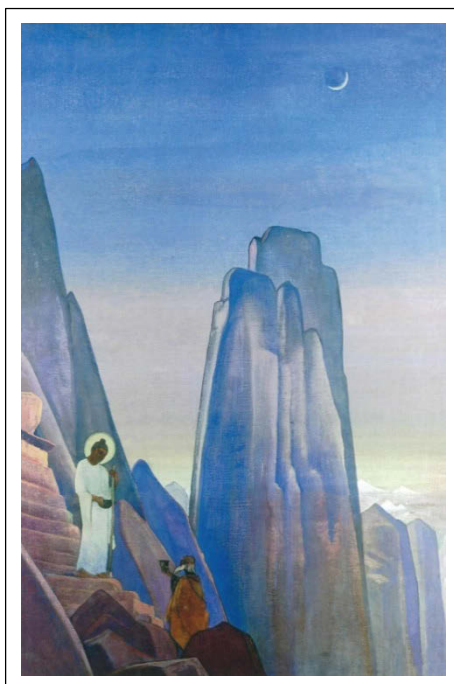
Май 1931 г. Гималаи.

Н.К. Рерих. Держава Света. Sothbury: Алатас. 1931.

Рабиндранат Тагор в Шантиникетане

8 мая 1931 г., Гималаи.

Н.К. Рерих. Две чаши (Будда Дающий). 1932.

МИР И КУЛЬТУРА

Буддийской Ассоциации Молодёжи в Коломбо

В этот памятный день будем вспоминать Свет и взаимно укрепим друг друга основными понятиями истинной эволюции. Великий Готама многообразно заповедовал о Мире и Культуре. Мир означает неутомимое созидание. Культура является вечным познаванием и улучшением жизни основами славного прогресса.

Непрактично и пагубно всё, созданное враждебностью и озлобленностью. История человечества дала нам замечательные примеры, как именно мирное творчество создавало прогресс. Устанет рука от меча, но рука творящая, усиленная мощью духа, будет неутомима и непобедима. Никакой меч не может расстроить истинное наследие культуры. Человеческий ум может временно уклоняться от первичных источников, но в сужденный час вновь обратится к ним с обновлённой мощью духа.

Завещанные тончайшие энергии уже не отвлечённость для человечества; истинные учёные уже применяют их в своих благословенных опытах улучшения жизни. Давно предуказанная жизнь на дальних мирах и новые возможности земной жизни перестают быть сказками. Мы уже пользуемся этою реальностью и она создаёт нам новые часы возвышенного размышления. И само размышление это тоже преображается. Оно делается короче и напряжённее. Учение об очищенной пище уже твёрдо вошло в жизнь, даже ограниченный ум уже знает о мощных витаминах. Всё, что жизненно в блестящем прогнозе, уже не исчезнет, но, как каждая истина, будет вновь появляться уже в расширенном представлении. Человечество начинает понимать, что рука Мира самая мощная. В руке войны никогда не будет той неисчерпаемой упорности, как в

руке Мира. Тот, кто несёт Мир и Культуру, не насилует других, ибо в своём созидательном энтузиазме он будет исполнен блистательным творчеством и величайшим пониманием истинного сотрудничества.

Основы Мира и Культуры поистине делают человека непобедимым и, осознавая все духовные условия, он становится терпимым и всевещающим. Ведь каждая нетерпимость есть знак слабости. Если мы понимаем, что каждая ложь, каждое предательство будет явлено, это, прежде всего, значит, что лживость и глупа и непрактична. Но что же должен скрывать тот, кто посвятит себя Миру и Культуре? Изучая Основы Учения, он не будет совершать ничего такого, что будет противоречить благородному, ибо истинное Знание необходимо для эволюции. Помогая своему ближнему, он тем самым помогает и общему благосостоянию - качество, оценённое во все века. Стремясь к Миру, он делается устоем развивающегося государства. Не клевета на ближнего, мы усиливаем продуктивность общего созидательства. Не ссорясь, мы докажем, что действительно познали Основы Учения. Не теряя времени в праздности, мы докажем, что становимся истинными сотрудниками безграничных неустанных мировых энергий. Находя радость в каждодневной работе, мы покажем, что понятие Беспредельности нам не чуждо. Не вредя другим, мы не будем вредить самим себе и ещё раз поймём, что в вечном даянии мы получаем. И это благословенное получение не есть скрытое сокровище скупца. Мы поймём, насколько созидательно утверждение и разрушительно отрицание. Среди основных понятий Мира и Культуры содержатся Основы, против которых не дерзнёт восстать даже полный невежда.

“Лалита Вистара” упоминается на страницах “Золотых Легенд”. Перед нами стоит икона Святого Иосафа, Царевича Индийского. Ведь это благостные знаки, которыми приходит взаимное понимание! Граница Света и Тьмы проходит по всему миру и, различая её, мы становимся защитниками Культуры Света. Не бывает Культуры тьмы. Если мы можем представить твердыню Света, то в противоположность будет лишь пропасть тьмы невежества. Но, хотя бы в памятные дни светлых событий, тьма должна быть рассеяна.

В памятный День мы должны принести великое духовное возношение. Если сегодня мы принесём истинное устремление к Миру и Культуре и если мы поклянёмся, что не отступим от этих светлых Основ, тогда действия наши заслуженно могут быть названы благородными действиями.

Истинно, заповеданы благородные действия Мира и Культуры.

Гималаи. 8 мая 1931 г.

Н.К. Рерих. Держава Света. Sothbury: Аламас. 1931.

8 мая 1931 г. Naggar, Kulu

Письмо Н.К. Рериха к Святополк-Четвертинской Е.К.

*Naggar/ Kulu/ Punjab
/Br. India / 6/5/1931.*

Конфиденциально

Дорогая Екатерина Константиновна,

Каждое Ваше письмо приносит нам сердечную радость, в ощущении Вашей дружбы со всеми глубокими корнями. Действительно, между нами так много осознанного, непреложного, что откровенность является непреложным следствием всех накоплений прошлого. Время сейчас такое серьёзное, такое насыщенное, а

друзья, вместо сотрудничества, часто занимаются лишь усложнениями. Хочу только Вам лично сказать о наших недоумениях с Марией Николаевной¹. Ещё с прошлой почты мы получили от неё такое письмо, что если я сочту его нормальным, я должен оскорбиться, или же его нужно счесть ненормальным, что сквозит через каждые две строчки. Увы, психиатр был бы об этом письме (со всеми противоречиями и намёками) совершенно определённого мнения. Мне хочется, чтобы Вы знали совершенно точно, как стоит дело с Калитинскими.

Прошлым летом за день своего отъезда в Прагу Калитинский пришёл ко мне с предложением кооперации (Семинарий Кондакова), которую он хотел преобразовать в Институт Кондакова. Он предложил мне звание Покровителя этого будущего Института. Полный доброжелательства я согласился аффилировать этот будущий Институт с нашими Учреждениями, обещая в таком случае помощь в размере 1500 долларов от Учреждений и прося Калитинского, как можно, скорее доставить мне полную конституцию Института, хозяйственный план, бюджет, историю официальных отношений с Чехословацким Правительством и полный состав Совета Института. По прибытии в Прагу, Калитинский вместо спешного ответа на мои вопросы прислал какое-то загадочное, неопределённое письмо о том, что методы его Учреждений разнятся от наших. Конечно, методы могут быть только этические и научные, и в которых из этих наши Учреждения уступали Семинарии Кондакова, так и осталось неясным. Затем Калитинский известил, что он выслал, в счёт данных ему 500 долларов, на 240 долларов книг (на остальные 260 долларов мы понимали сто экземпляров книг Юрия и какие-либо будущие книги Семинарии). Не составив новой конституции, Калитинский впал в известную Вам прескорбную болезнь, и с тех пор наш наши деловые отношения по будущему Институту прервались.

Княгиня Яшвель написала мне, что вследствие тяжкой болезни Калитинского, директором Института в Праге избран проф. Вернадский, который в последствии написал мне из Америки письмо о том же.

Моё предложение в отношении Праги сделалось совершенно невозможным, ибо стало ясно, что даже в таком факте, как избрание директора, я не имею права голоса. Юрий, который предполагался в члены Совета Института, также не получил об этих важных никакого сообщения. В письмах же кн. Яшвель и проф. Вернадского определённо сквозило, что Калитинский по особому характеру заболевания вряд ли может вернуться в Прагу к делам. После всего происшедшего мог ли я рекомендовать нашим Учреждениям аффилировать нечто, о чём я сам потерял всякое представления.

Уже здесь в Индии в феврале мною получено письмо Калитинского, где он предлагал мне начать денежные взносы опять-таки не указывая ни конституцию, ни настоящее положение Института. На это его письмо (к сожалению, совершенно не деловое) я ответил доброжелательно, тактично указывая, что лучше оставить это дело в первобытном состоянии, до выяснения конституции будущего Института при личном свидании. Я прибавил, что можно продолжить это выяснение и письменно, но детали возьмут много времени. С тою же почтою пошло письмо Калитинскому и письмо Юрия с предложением интересного издания некоторых скифских коллекций в Америке, с указанием и средств на это издание. На оба эти наши письма Калитинский более уже не ответил, но из Парижа до нас доходили сведения, что хотя А.П. и поправился, но работать не может. В силу этих обстоятельств я по совести отложил вопрос аффиляции на неопределённое будущее, тем более, что и наши Trustees [*попечители (англ.)*] были огорчены и разочарованы всем происшедшим. Всякая неопределённость не может помочь укреплению кооперации.

¹¹ Мария Николаевна Германова (1884 – 1940) – русская актриса. Была замужем за А. П. Калитинским, директором Археологического института им. Н. П. Кондакова в Праге.

Перехожу теперь к Марии Николаевне, которая приблизилась ко мне в прошлом году в Нью-Йорке на чисто дружеском духовном основании. Вы знаете, что духовная дружба может переходить и в материально-деловые отношения, но для этого требуется истинное доверие и стойкость, и преданность со стороны желающего этих отношений. С Георгием Гавриловичем наши отношения начались с 1918 года и через 10 лет его положение укрепилось и материально. Ткань укрепления отношений, как Вы знаете, очень нежная. Я не хочу винить Марию Николаевну. Я понимаю, что особая форма сумасшествия Калитинского должна была сильно на неё повлиять нравственно. Понимаю и что обязательства, принятые ею с покупкою квартиры, тоже тяжелы. Вероятно, тяжелеет положение и тяжёлый характер Суворови, на которого она мне неоднократно жаловалась. Вероятно, все эти обстоятельства и вывели её из нервного равновесия. Она отказалась от председательства, порученного ей мною лично, причём заявила об этом вовсе не мне, а Георгию Гавриловичу и в Америку, что обнаружилось из соответствующих писем. Если она уклоняется от порученного ей дела, это её ответственность. Но жаль, что таким порядком она отошла от сотрудничества с нашими Учреждениями, иначе говоря, есть возможности каких-либо материальных решений в будущем.

По десятилетию существования наших Учреждений мы видим, как многое принципиальное сотрудничество выливалось в материальные возможности. Но для этого нужно, как Вы знаете, терпеливо накапливать взаимоотношения. Должен сознать, что последнее письмо М.Н. нас всех глубоко огорчило своей непоследовательностью и странными намёками, казалось бы совершенно неприличествующими характеру М.Н., как чуткой художницы. Остаётся объяснить тем, что она тоже нездорова и остаётся погоревать о том, что многое уже возможное отложилось, разложилось и принесло горечь.

Если Вы имеете какие-либо соображения к сказанному, будьте добры, скажите мне их так же доверительно, как я говорю их Вам. Мы с Вами опытные бойцы в житейских битвах и знаем, какая твёрдость и неуклонность должна быть проявляема для строительства. Происходившее с нами прошлое лето и так победно закончившееся теперь, лишний раз показывает, насколько неуклонность и ясность построения приводит ко благому концу. А проблемы на то и существуют, чтобы их разрешать.

Елена Ивановна при нездоровье своём является нам необыкновенным примером твёрдости и веры, облечённой в действие. Между прочим, очень странно, что М.Н. никогда не ответила на отличное письмо, которое она от Е.И. получила.

Ящик с картинами моими 9-го мая прибывает во Францию.

Шлём Вам наши лучшие приветы и радуемся каждой Вашей весте.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. (Машинопись)

9 мая 1931 г. Наггар.

Письмо Ю.Н. Рериха к Рериху С.Н.

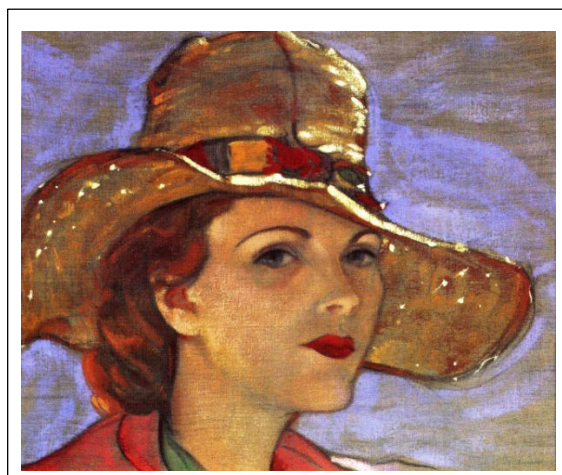
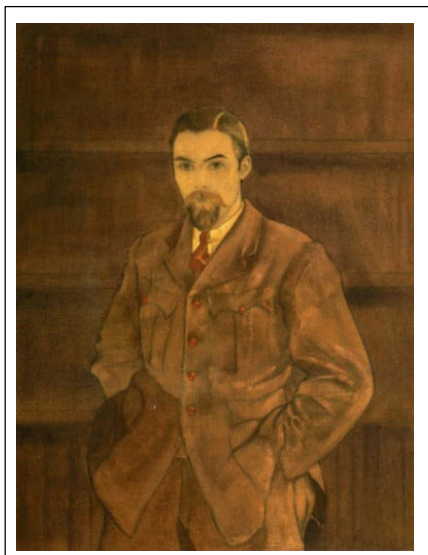
Naggar/ Kulu / Punjab/Br. India. May 9, 1931.

Родной Светик,

С прошлой почтой, как всегда, мы ожидали Твоё письмо и один из американских конвертов с письмом Франсис оказался написанным почерком необыкновенно похожим на Твой. Надо было видеть, как схватился Масик за этот конверт, но Твоего письма опять не было. Здоровье Масика, несмотря даже на сравнительно прохладную погоду, тревожит нас, так как разные проявления приходят совершенно неожиданно. Конечно, всякое волнение для

неё особенно опасно, но этих волнений, как очевидность так и пространных очень много.

Ты уже знаешь, что все препятствия здешние устранены и мы имеем здесь отличного сотрудника полковника Махона. Это то, что нужно, ибо наш В. оказался неприменимым.

С.Н. Рерих. Портрет брата (неоконченный). 1929. Портрет Кетрин Кэмпбел. 1929 (?).

На стене комнаты Масика, рядом с моим портретом висит портрет Катрин и мы так часто о ней вспоминаем в лучших мыслях. Были бы рады когда-либо увидеть её здесь. Передай ей это, а также моё самое тёплое воспоминание о свидании в Париже. Это прекрасное сердце. Будем рады, если пришлешь нам снимки с твоих последних работ: все о них пишут так прекрасно. Каковы Твои планы.

Не удивляемся, что Кес. скрылся. После его лже-заявления, конечно, ему невозможно было бы оставаться. Конечно, и поведение Келлога нас мало удивляет. Очевидно, шатание и сомнение есть основа его кармы. Вместо этих отошедших и отходящих приходят другие. Как сказано, нам приходится смотреть на дальние расстояния, ибо всё укрепляется как видим не малыми единицами преходящими, но массами, которые не могут быть заражены ядом чёрной ложи.

Замечательные проекты Союза Городов, Конференция в Брюгге, отзывчивость женских организаций и те иностранные Общества вроде Д-ра Лукина, которые открывают новые контакты и возможности.

Очень нас тревожит вопрос с налогами. Не может ли иметь положительное значение в этом высокая степень Люиса, Мориса и Сидней. Многие лица принадлежат той же степени.

Вчера были в Манали, издалека видели форт. Конечно сейчас мы не трогаем этого производства, потому что В. годен только для затруднений. Когда Ты приедешь сюда, тогда будет виднее, как лучше сделать. Когда Ты решишь свой приезд сюда, пришли письмо заблаговременно, чтобы через полковника мы могли бы заручиться чем нужно для Тебя. Конечно, Ты

чувствуешь, как мы все были бы рады видеть Тебя здесь. В начале июня, в зависимости от снежного перевала, мы переедем в Лахуль, откуда вернёмся перед закрытием перевала, т.е. в конце сентября. Всё-таки наше место – лучшее во всей долине, и сколько полезнейших изысканий может быть сделано здесь. Хотя бы взять исследование условий рака, который здесь неизвестен, или целебность источников. Или эфедру для астмы, а наконец, все новые виды растений, находимых Кэльцем, конечно имеют своё особое применение.

Все мы работаем целый день, и если бы только хватало времени, то можно бы сделать и вдвое, так много впереди. Мы не можем окончательно судить как кажущиеся препятствия обращаются в новые возможности. Сколько нам уже дано примеров как упорство, терпение и преданность превозмогали то, что в глазах самых опытных людей казалось невыполнимым. Не могут преодолеть нас препятствия, если мы всецело преисполнены Владыкою и укреплены Иерархией. Уже давно сказано насколько тяжёл текущий год. Кроме людских потрясений и сама земля трясётся и никогда не было такого количества землетрясений. Как замечательно видеть в дневнике Масика, насколько точно каждое землетрясение она чувствовала. Какое это замечательно тонкое и возвышенное состояние организма и духа.

Наш Владимир строит свой Трипура Махал. На днях будет заложен дом Ояны в характере Пуэбло тибетском; нижняя беседка превращена в студию. Предусмотрено помещение для Твоей лаборатории. Площадки на разных высотах дают возможности роста Урусвати. Так и будем плыть и расти, помня, что даже парусник судна при известной постановке парусов двигаются даже против ветра.

Все мы Тебя крепко целуем и приезд Твой был бы большой радостью. Скажи душевный привет всем нашим и будь крепок и бодр.

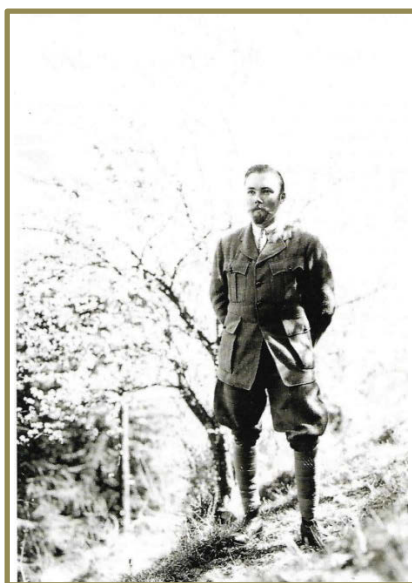
Архив Музея Рерихов, Москва.

«Будем рады, если пришлешь нам снимки с твоих последних работ: все о них пишут так прекрасно...»

С.Н. Рерих. Лошади. 1931.

С.Н. Рерих. Олень и лани. 1931.

Весна в Кулу. Ю.Н. Рерих. 1931 г.

Май 1931 г. Naggar. Kulu

Обращение Н.К. Рериха к Академии Творческих Наук.

СВЯЩЕННЫЕ ОСНОВЫ

Обращение к Академии Творческих Наук

Дорогой г-н Шрак² и друзья!

Вместе с ароматом цветов, покрывающих нагорья Гималаев, донеслась ко мне ваша сердечная весть. С тою же сердечностью могу сказать вам, что с самого начала вашей Академии я сочувствовал вам и незримо для вас помогал. В основах ваших заключено несколько ценнейших понятий, которые накрепко сближают нас.

Вы не убоились понятия Академии, которое так часто понимается в смысле окаменелости и условности. Не убоились вы потому, что к обычному понятию Академии вы добавили всеоживляющее понятие творчества. Прежде всего, вы подумали о великом творческом начале. Вы поняли творчество как ведущее начало жизни, иначе говоря, вы помыслили о том, что лежит в самом основании грядущей эволюции. Честь вам!

Вы не убоились и другого понятия, которое для ничтожных душ часто является устрашающим. Вы не убоились произнести понятие Учителя. Как многие лишённые индивидуальности, лишённые творческой мысли страшатся этого понятия великой Иерархии. Для ничтожных понятие учителя является синонимом поработителя, удушителя, является понятием тисков условности, из которых стремится вырваться будто бы молодое сердце. Но такое сердце именно уже не молодое. Оно уже дряблое, отравленное ядовитой слюною бессилия. Обращаясь к жизнеописаниям, мы увидим, что для сильных творцов учитель был незабываем, ибо он являлся для них не оковами, но крыльями. Это он знал код магического ключа, который научал открывать слож-

² Эрл Джозеф Шрак - американский художник, сотрудник, возглавлявший Академию Творческих Искусств при Музее Н.К. Рериха в Нью-Йорке.

ные замки сердца. Он пробуждал творчески мыслить и творить, творить, творить неустанно и днём и ночью, ибо творчество не требует ни времени, ни пространства. Оно вне этих измерений и язык его, прежде всего, выражается языком сердца, который богаче и прекраснее всех языков. Недаром в древней мудрости Востока считалось, что если человек утверждает, что сказанное им лишь от себя, то он есть мёртвое дерево, не имеющее корней. В этом синтезе представления об Иерархии заключены заветы творческой жизни. Дерево без корней обречено лишь на гниение; лишь корни, проникающие глубоко до самой сущности первичных минералов, могут удержать в равновесии и в расцвете мощный ствол и украсить его изысканным творчеством ветвей и цветами благоуханными. Итак, вы не убоились понятия Учителя. Значит, сердце ваше свободно, значит, в вас нет рабского начала, значит, в вас живёт творчество жизни. Честь вам!

В даянии получаете. Вы не убоились сходить и выявлять мечты о творчестве, об украшении, улучшении жизни, о сотрудничестве, о взаимной помощи. Малые души, может быть, ещё недавно пришедшие из животного царства, всегда боятся сотрудничества. Для них животное "я" оказывается превыше всех эволюций и всего Космоса. Это животное "я" приучает их скрывать, утаивать, клеветать и ссориться с таким же нечеловекообразным присвистом и брызгами слюны, как неистовствуют обезьяны и другие животные. Но не будем чрезмерно обижать и обезьян, ибо часто злобный яд человечества бывает куда отвратительнее, нежели прыжки раздражённых животных. Ведь у них нет возвышенного сознания, но есть сознание, и притом затемнённое ненавистью и завистью, которое является самым отвратительным веществом. Разве не подскажет, прежде всего, просветлённое сознание, что "мы" сильнее, нежели "я"? Поистине, светоносный доспех подвига бесконечно прочнее ржавых чешуй подлости, злобной вульгарности и зависти. Вы не убоились сотрудничества. Этим опять сопричислили себя к истинному воинству эволюции. Вы как бы поклялись самым священным творить каждодневно, трудиться и не ссориться, предоставляя ссоры и свары тем, ничтожным, которым суждено уйти в космический сор. Поистине, несовременно продолжать разъединение и разложение. Мировое положение не позволяет, чтобы кто-нибудь мог позволить себе мерзость разрушительных забав. Решительно во всём чувствуется поворот рычага эволюции. Или предстоит быстрое одичание и разрушение, или возможно чудесное преображение жизни. Среди трудов каждого дня, преоборевая личные трудности, вы нашли время и энергию к сотрудничеству, к выявлению совместно самого ценного, благородного, прекрасного. Честь вам!

В самом названии вашего начинания, в упоминании священного слова "творчество" уже заключается залог того, что вы не пойдёте омертвелыми обычными путями. Вы широко раздвинете рамки возможностей. Вы поймёте и отоплите каждую индивидуальность. Вы обогреете каждое наболевшее от невыраженных чувств сердце. Ведь в этих священных болях крепнет зерно прекрасных достижений. Вы твёрдо помните, что творчество, искусство выразимо во всевозможных материалах, как духовно-физических, так и духовных. Один выражает убедительность творчества в звуке, другой в цвете, третий в форме, четвёртый в творческой мысли, которая так же напитывает пространства миров, как и все прочие выражения. Произнося понятие творчество, вы не убоились венчающего понятия Беспредельности. Только у некоторых жи-

вотных построение скелета таково, что они не могут смотреть вверх. Вы не убоились взять на себя ответственность и понесли священное понятие творчества. Вы не убоились показаться для ничтожных энтузиастами, ибо вы знаете, что энтузиазм творческой мысли непобедим. Честь вам!

Сказанные основы, избранный вами завет существования вашего, куда будет свято храним вами, уберезёт вас от распада. Действительно, стыдное и унижительное есть в понятии разложения и распада; оба эти стыдные для человечества понятия соединены с гниением и падением. Поистине, было бы стыдно подражать этим тёмным началам.

Вы называете меня учителем и лидером, и мы все знаем, какую ответственность налагают эти понятия. Вы также даёте мне наименование Адамантиус. Конечно, этим вы хотите выразить всю непреклонность, которая должна быть явлена в деле защиты Культуры и Света. В этой борьбе с темнотою вы встретитесь со всеми чудовищами невежества и двуличными клеветами. С каждым годом творческой работы вы поймёте, насколько это качество Адамантиуса является необходимым, чтобы противостоять бездне тёмного невежества. В обмен могу и я выразить уверенность в том, что будет день, когда и мне позволено будет приложить и к вам и к Академии Творческих Искусств то же наименование Адамантиуса. Кроме того, слово Адамантиус вызывает во мне одно драгоценное воспоминание, о чём поговорим при личном свидании.

Итак, будем вместе во имя творчества, во имя понятия Учителя, во имя сотрудничества, во имя Беспредельности, во имя Света, во имя Культуры.

Всем опытом, всем помыслом буду рад помочь вам.

1931

Н.К. Рерих. Держава Света. Sothbury: Алатас. 1931.

«Драгоценно осознавать, как утверждены во всемирном значении славные имена Пушкина, Достоевского, Тургенева, Гоголя, Толстого, Чехова, Мусоргского, Серова, Римского-Корсакова, Скрябина и многих славных. Как и подобает, русская культурная гордость стала гордостью всемирной...».

Н.К. Рерих

ПАНТЕОН РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Многие новости Европы неясны за дальностью расстояния. Например, доходили смутные сведения о том, что могила Дягилева на Лидо в забвении, но затем приходили известия о Музее Дягилева, так что, в конце концов, трудно установить, в каком состоянии находятся заботы о русском имени.

Вспоминаю Дягилева как одно из представительных имён Русской Культуры. Без всяких разделений и случайностей сегодняшнего дня подумаем о том, как бы следовало неустанно освещать общее значение Русской Культуры, которая в представлении и Востока и Запада дала такое незабываемое целое. В блеске монгольских мечей Русь внимала увлекательной сказке Востока. На щитах варяжских перенесли руны романеска, вошедшие благороднейшими знаками на стены русских палат и храмов. Но не только Восток и Запад, но и Юг и Север напитали Русь потенциалом возможностей. Византийская мозаика жизни и уклад Амстердама, всё вносило те зачатки Синтеза, которые, поверх

всех проблем сегодняшнего дня, должны сказать каждому русскому, где истинная ценность. Не разрушениями, но созиданиями внесла во всемирный уклад Русская Культура то, что уже на наших глазах создало внимание и оценку во всём мире.

Художественные выступления Дягилева, в разных областях искусства, показали ещё раз, чем мы владеем; и сейчас в культурной работе и Европы, и всех прочих материков принимает участие целая плеяда славных русских выразителей Прекрасного. Без всякого преувеличения можно сказать, что многие сердечные нити связи с Европой и с Американами нерушимо сплетает Русская группа, дружелюбно вошедшая в культурную работу всех стран. Не только сейчас прочно утверждено во всемирном сознании понятие Русского Художества, о котором всего четверть века тому назад и не знали, но и во многих областях создано согласное, дружественное сотрудничество с местными творцами Культуры.

Драгоценно осознавать, как утверждены во всемирном значении славные имена Пушкина, Достоевского, Тургенева, Гоголя, Толстого, Чехова, Мусоргского, Серова, Римского-Корсакова, Скрябина и многих славных. Как и подобает, русская культурная гордость стала гордостью всемирной. Но вот перед нами такая же замечательная плеяда живых утвердителей связи всемирной, живущих созидателей во благо Красоты. Ведь Шаляпин всемирен, и всё его незабываемое тончайшее творчество и художество сделалось символом истинного достижения. Ведь такой прозорливый творец, как Мережковский, внёс неповторное культурное понимание прошлого с прозрением в будущее. Без преувеличения, много ли таких творцов писателей, которые глубоко и мудро могут касаться всемирных прозрений? А Ремизов и Бунин, и Бальмонт, и Гребенщиков разве не являются замечательнейшими выразителями сущности русской, убедительной во всём её характерном многообразии? Ценны знаменитости искусства и художники Эрнст и Бушен. Как же бережно должны мы обращаться с такими огромными культурными величинами, как Александр Бенуа, которые и творчеством своим и неутомимым познанием всё время держатся на высоких путях Культуры. Не должны мы забыть, что вошедшие в лучшие страницы истории Искусств имена Репина, Сомова, Яковлева, Добужинского, Бакста, Билибина, Малявина, Судейкина, Григорьева, Шухаева, Петрова-Водкина и целого блестящего сообщества таких сильных и прекрасных живущих творцов в самых разнообразных областях, всегда останутся ценными и близкими лучшим соображением о Всемирной Культуре.

Живёт и мощный Коненков, и Стеллецкий, и работы их входят в самые разнообразные круги и страны. А кто же не знает Стравинского и Прокофьева, без имён которых не обходится ни одно значительное музыкальное выступление? Какие широкие утверждения русского художества будут оставлены прекрасными артистами Павловой, Карсавиной, Нижинским, Мордкиным, Большом, Мясиним и всею славною группой Московского Художественного театра!

И сколько ни перечисляйте имён выразителей и утвердителей Русского Художества, вы сейчас же будете чувствовать, сколько прекраснейших деятелей ещё не упомянуто, и в этом богатстве выражается мощь духа Пантеона Русской Культуры. Во всех веках запомнятся мощные устои Культуры, воздвигнутые научными трудами Павлова, Мечникова, Менделеева, Милюкова,

Метальникова, Лосского, Ростовцева, Кондакова и всех тех, которые, несмотря на трудности времени, как бы восстающего против всякого культурного созидательства, вносят незабываемые светлые страницы в утончение всемирного сознания. Труды Бердяева, бар. Таубе, бар. Ноль-де и целого ряда авторитетов в разных областях высоко несут знамя Русской Культуры. И ведь всем нелегко!

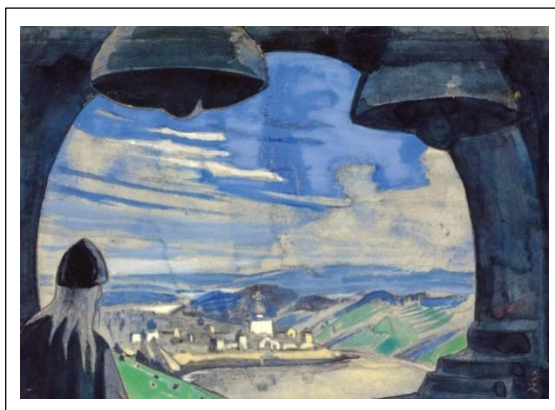
Русское молодое поколение, да и вообще все подрастающие поколения должны знать об этих созидателях Культуры, которая так необыкновенно бодро преуспевает среди смятения сознания нынешних дней. И не только молодёжь должна знать об этих творцах Культуры, но она может черпать и вдохновение, и новые силы, прислушиваясь к голосу неутомимого светлого творчества. В том, о чём говорим мы, есть несомненный элемент подвига и героизма, т. е. именно то, что должно быть ведущим началом созидания широкого, светлого будущего.

Наше Французское общество имеет в программе своей выявление сил великой Французской Культуры. Было бы невместно, если бы наша Русская ассоциация не стремилась, по мере сил и возможности, запечатлеть и достойно почитать разнообразными культурными выступлениями и русское начало, отмечая среди молодых поколений прекрасные вехи великого пути. В программе наших предположенных лекций, собеседований, брошюр, о чём я уже писал ранее, надлежит посвящать широкое внимание именно культурным достижениям русских. На месте Вам виднее, с чего именно начать и какое сотрудничество установить с тем, что творится во имя Культуры.

Как и во всех прочих делах, главное условие - не ссориться, не делиться бессмысленно, не самоуничтожаться в разложении. Объединяющее понятие Культуры должно достаточно удалить всё мешающее и слить в одно творящее русло нёс чаяния, действия и сознания. Буду с нетерпением ожидать сведений о том, как Вы решили поступить с этим предложением. Решили ли Вы делать лекции в помещении нашего Европейского Центра или в каких-либо других местах, при объединении культурных воздействий. Всё равно где и как, но лишь бы во имя Культуры произошло ещё одно действие, неотложное и прекрасное. Прилагаю ещё чек к фонду наших выступлений во имя Культуры.

1931.

Н.К. Рерих. Твердыня пламенная, Париж: Всемирная Лига Культуры. [1932] г.

Н.К. Рерих. Земля Славянская. 1931. Эскиз.

22 мая 1931 г.

Письмо барона М.А. Таубе к Рериху Н.К.

Дорогой Николай Константинович,

Моё заказное письмо от 21 февраля разошлось с Вашим от 3-го марта, а «пасхальное», очевидно, не дошло. Поэтому, я, прежде всего, кратко резюмирую его содержание; послано оно было тотчас, по получении Вашего письма, не заказным.

В нём я благодарил Вас за библиографические указания – и, вперёд, за 100 долларов (которые я получил через Г.Г. Шклявера) – и спрашивал Вас, является ли работа Э.В. Рерига «со ссылками на Гехеймрата Фельтмана в Вецларе» именно тем трудом, о котором Вы вспоминали зимою, приписывая его тогда, «Гехеймрату Мюллеру»? Дело в том, что о существовании этой работы Рерига мне давно известно и, между прочим, я и её имел в виду раздобыть в Лейпцигской «Фамилиенгешихтliche Центральштелле», в библиотеке которой она, несомненно, имеется, согласно полученной мною ещё в Январе справке. Конечно, в этом направлении дело было бы облегчено, если бы Гётнеру удалось достать ещё один её экземпляр, заказанный мною тотчас же по получении Вашего письма от 3 Марта.

Что касается других двух указываемых Вами книг, то старый и очень капитальный труд Фёрстемана мне хорошо известен, а в «Хронике Нормандов» по интересующему нас вопросу есть очень немного; он, между прочим, – один из первых изобретателей гипотезы о тождестве русского Рюрика с Рюриком Ютландским. Кстати, господин Беллев продолжает разрабатывать эту свою тему и недавно читал тут интересный доклад о своих фризах в древнейшей истории Англии и России; ему, оказывается, известна и моя работа о родовом знаке Рюрикова дома – «трезубце» – с выводами которой он вполне соглашается. Пока, к сожалению, я не могу отплатить ему тем же в области главных его выводов...

Чего-либо существенно нового и интересного сегодня сообщить Вам не могу. Я, ведь, предполагал – как и писал Вам 21 февраля – отправиться в новую генеалогическую экскурсию в Германию в Апреле и даже, видя, что «фонды» не прибывают, пытался, чтобы не терять времени, получить (в том же, конечно, упомянутом Вами в последнем письме, размере) необходимый для поездки а-конто на «Рю де Пуатье», у Шклявера; однако, Г.Г. затруднился это устроить, и, волей-неволей, я в течение «резервированного» у меня на поездку Апреля должен был ограничиться пересмотром по здешним библиотекам разных второстепенных источников.

Теперь предполагаю ехать в Германию в самом начале Июня и две недели минимум посвятить этим чрезвычайно интересующим меня разысканиям. Главная трудность их сейчас во множестве расходящихся в разные стороны генеалогических и геральдических указаний и несвязанности между собою различных ветвей или фамилий Рерих (или созвучных ей).

Мои остальные работы за это время свелись, главным образом, к корректурованию на днях выходящей в свет книжки (по-французски) о неприкосновенности «Международных договоров»... Это – мои лекции, читанные в прошлом Июле в Гаагской Академии международного права. Само собою, разумеется, что я собираюсь, тотчас по выходе этой работы, прислать её Вам в

Наггар. – Всё время слежу издали, по мере возможности, за тем, что у Вас там происходит, и часто вспоминаю Вас с Вашими милыми и дельными сыновьями. Кончаю письмо с низким и почтительным приветом их глубокоуважаемой Матери и сердечным поклоном Вам, дорогой Николай Константинович, - от себя, жены и всех детей.

Ваш искренно Вам преданный [М Таубе]

Бахметьевский архив Колумбийского университета

Публикуется по изданию: "Дельфис" №80(4/2014) Письма Н.К.Рериха к М.А.Таубе

ИЮНЬ

Институт Пастера, Париж, 1930-е. гг.

5 июня 1931 г. Париж

Письмо С.И. Метальникова к Рериху Н.К.

*Institut Pasteur / 25 Rue Dutot
Париж, 5 июня 1931 г.*

Дорогой Николай Константинович,

Благодарю Вас за Ваше письмо, которое доставило мне большую радость. Ваше описание природы Гималаев и тех поразительных красот, которые окружают Вас, глубоко заинтересовали меня. И мне захотелось хоть миг побывать в этой замечательной стране. Но это едва ли возможно по целому ряду причин. В настоящее время кроме теоретической работы по иммунитету я веду по поручению Пастеров[ского] Института чисто практическую работу по борьбе с вредными насекомыми. Мне удалось найти целый ряд очень опасных заболеваний у насекомых. Я выделил чистые культуры этих бактерий, при помощи которых можно вызвать эпидемии среди насекомых, повреждающих различные растения. И вот, теперь, особенно весной и летом, приходится много путешествовать для постановки опытов в различных местах. Я только что вернулся из Германии и Польши, где ставил опыты, а скоро придётся ехать в Египет, где очень страдают культуры хлопка от вредителей-насекомых. Всё это берёт массу времени и мне остаётся мало времени для теоретических и натурфилософских работ. А годы уходят, и уже наступает старость с её болезнями и страданиями. А затем вечный покой. Между тем дух мой не хочет примириться с неизбежным. Я чувствую себя ещё молодым, а тело постоянно ре-

грессирует. Сил становится меньше, появляются одышка и бессонница и хрип. А главное, мне нужно ещё так много сделать, накоплено столько всяких наблюдений и мыслей! Нужно как-то реформировать свою жизнь, но пока это невозможно.

Ну вот, кажется, все, что хотел написать Вам.

Сердечный привет Вашей супруге. Искренне преданный Вам,

Сердечно преданный Вам,

С. Метальников

Архив Музея Рерихов, Москва

25 июня 1931 г. Наггар, Кулу.

Письмо Ю.Н. Рериха к Калитинскому А.П.

Наггар, 25 июня 1931 г.

Дорогой Александр Петрович,

Спасибо за Ваше письмо от 16-го мая с.г. Это письмо даёт мне возможность поставить Вам некоторые вопросы, возникшие в связи с планами аффилиации Семинария им. Кондакова с учреждениями нашего Музея, и на которые мы ещё не имели исчерпывающих ответов. Сожалею, что видимо не получили Ваших двух писем, упоминаемых Вами в письме, в которых Вы сообщали нам положение и ближайшие планы Семинария. В Вашем письме от 16-го дек. с.г. Вы касались исключительно вопроса о будущих изданиях Семинария и обошли молчанием все детали преобразования Семинария в Институт имени Акад. Кондакова, которые были совершенно необходимы для дальнейшего рассмотрения вопроса об аффилиации. Мне кажется, что слова Николая Константиновича, процитированные в Вашем последнем письме, были не совсем поняты. Н. К. неоднократно выражал сожаление, что не удалось договориться о деталях ещё во время нашего пребывания в Париже, и справедливо сомневался в возможности проведения всего плана письменно, опасаясь недоразумений. К глубокому нашему прискорбию эти опасения Н.К. до известной степени оправдались. Отношение Н.К. и всех сотрудников нашего Музея к Вам и возглавляемому Вами Семинарию остаётся прежнее.

Лишённые основных сведений о Семинарии, его Уставе, бюджете, личном составе, организации аффилиации и детальных планов научных работ, нам пришлось естественно отложить дело до более благоприятного часа. Все эти вопросы требуют детального обсуждения Советом Музея, а также теми лицами, которые поддерживают научную деятельность Музея. Ваше английское письмо от 16-го сент. с.г. на имя Н.К. было поставлено на обсуждение Совета Музея, поддержанное в исключительном порядке нашим Почётным Президентом. К нашему глубокому сожалению заключительный параграф Вашего письма вызвал некоторое недоумение. Вы писали: «Although our problems and the methods of solving them are somewhat different from those of the Institutes you have organized in America & India (and this would only serve to make the individual branches self-existing and independent both in their inner-life and outward activities) it seems to me that under your general protection we might find contact and a broad field for friendly collaboration».*)

*) [Хотя наши задачи и методы их разрешения несколько отличаются от поставленных Институтом, который организован Вами в Америке и Индии (это различие сослужило бы только тому, чтобы отыскать собственную ли-

нию развития и приобрести независимость обоих учреждений в их внутренней жизни и внешней деятельности), мне кажется, что при Вашем попечительстве мы можем установить прекрасные отношения и отыскать широкое поле для дружеского сотрудничества (перевод с англ.).]

Члены Совета Музея справедливо указали на необходимость точно выяснить этот вопрос о методах. В нашей десятилетней работе в связи со многими научными учреждениями Америки, Европы и Индии этот вопрос не возникал, и потому, до продолжения обсуждения планов аффилиации, нам необходимо знать Вашу точку зрения. Это облегчит задачу и избавит нас от ненужных трений в будущем. Конечно, обстоятельства значительно осложнили положение, но что отложено, не потеряно. Ещё в Париже мы уговорились о скорейшей присылке Устава Института и его бюджета для обсуждения Советом Музея. Этот материал не был нам доставлен из Праги и потому лишил нас возможности дать ход этому делу. Итак, дорогой Александр Петрович, Вы видите, что задержки были не на нашей стороне, и что своевременная информация по организационным вопросам Института им. Кондакова значительно бы помогла делу. Рад был видеть свою работу в рядах «Скифики». Издана как всегда хорошо. Укажите, пожалуйста, выслать мне ещё 15 экз. Стоимость их верну чеком по получении фактуры Семинария. Из объявлений об изданиях вижу, что 1-ый том текста «Русской Иконы» вышел в свет. Прошу выслать мне 1 экз. Стоимость его 10 <долларов> вышлю в Прагу. Через три дня выступаю в горы Индийского Тибета на летние работы нашего Института, где пробудем до октября. Много научных результатов. Шлём привет Марии Николаевне. Надеюсь, её силы вполне восстановились.

Ваш Ю.Рерих

Переписка Ю.Н.Рериха и А.П.Калитинского

27 июня 1931 г. Наггар
Письмо Ю.Н.Рериха к Шкляверу Г.Г.

27 июня 1931 г. Наггар

Мой дорогой доктор Шклявер,

Пишу Вам накануне нашего отъезда на летнюю работу в Лахул, и ввиду того, что корреспонденция будет идти до меня больше времени, я пользуюсь возможностью, чтобы пересмотреть некоторые наши ближайшие планы. В своём письме от 1 апреля 1931 г. я довольно подробно писал о налаживании контактов с различными французскими научными институтами. Я хотел бы знать точные данные относительно этих контактов к 10 сентября 1931 г., чтобы иметь возможность включить их в наш следующий годовой отчёт. В Вашей записке в ответ на моё письмо от 1 апреля Вы уверяете нас, что хорошо поняли мои указания относительно установления сотрудничества с различными научными институтами в Париже и доложите о развитии Ваших переговоров с институтами, указанными в моем письме. Мы должны знать, куда следует отнести каждый институт согласно моему письму от 1 апреля.

Думаю, пора узнать об обещанной статье для нашего следующего номера журнала. Попросите, пожалуйста, проф. Шрамека представить свою статью к ноябрю 1931 г., а также напомните проф. Минорскому, если он всё ещё желает

дать в наш журнал заметку. Любое Ваше предложение относительно привлечения достойных сотрудников будет принято во внимание. Я слышал от проф. Мангина, что наша ботаническая коллекция, включая идентификации, претендует на высокую оценку. Доктор Меррилл прислал нам свою заметку, которую Вы можете найти на странице 5 № 3 Бюллетеня М[узея] Р[ериха].

Также я хотел бы знать точные результаты Ваших переговоров с различными книготорговцами на предмет приобретения у них книг для обзора в нашем журнале. В этом деле мисс Макалистер может оказать Вам соответствующую помощь и этим позволит Вам сосредоточиться на важных проблемах нашей работы. Я отправлю Вам свои два коротких сообщения, чтобы они попали на Этнографический Конгресс к концу августа. Хорошо было бы подарить этому Конгрессу экземпляры моих книг «По тропам Срединной Азии» и «Звериный стиль». Американское издание «По тропам Срединной Азии» прибудет к концу июля. Покажите, пожалуйста, это письмо мадам де Во Фалипо, с тем, чтобы она знала наши будущие планы. Прилагаю письмо господину С.Н. Рериху, которое храните, пожалуйста, до его прибытия.

Желаю Вам счастливого отпуска,

Искренне Ваш, Ю.Р.
Директор

Архив Музея Рерихов, Москва.

27 июня 1931 г. Наггар.

Письмо Н.К. Рериха к Рериху С.Н.

Naggar / Kulu / Punjab / Br. India
June 27-th 1931.

Родной Светик,

Конечно Ты представляешь себе, как нас обрадовало Твоё решение приехать, и мы немедленно предприняли шаги о разрешениях. Ответ ещё не получен, но мы не сомневаемся в положительном его характере. Пишу Тебе на Париж, чтобы письмо не разошлось. Не вози с собой готовых подрамников. Здесь столяры их делают гораздо лучше. Но привези, пожалуйста, мне 30 метров нашего неприготовленного холста. Не худо захватить ещё красок в порошке. Как всегда больше всего выходят белые, синие, фиолетовые. Жёлтых ещё довольно много. Имей в виду, что пошлина здесь значительно увеличена, потому ни на чём не следует указывать цены. Также привези мне две пары женских шерстяных длинных чулок, духи Кельке флер и Виолет, 12, чёрных книг (6 толстых и 6 средних, но не тонких), 20 ЭСКА зубной пасты (Шклявер знает), палку со светящимся концом и пару полушёлковых кальсон.

У нас готова для Тебя мастерская. Имеется автомобиль, так что Абдул Гани (который у нас служит) по твоему извещению выедет Тебя встретить в Патанкот с Шибаетым. На днях мы выступаем в Лахуль, где пробудем до 20-го сентября и ты, вероятно, уже подъедешь прямо туда.

При проезде Парижа всячески поддерживай значение Знамени Мира, ибо в этом понятии заключено то общественно-человеческое, что нам так нужно.

Здоровье Масика очень неравномерно и неожиданность приступов всегда на пороге. Будем надеяться, что высоты дадут облегчение.

Ты уже знаешь, что Германова доставила нам много незаслуженных огорчений. При проезде передай наш привет М-ме де Во, княгине Четвертинской, Шклявер и всем друзьям.

Музей Николая Рериха, Нью-Йорк. (Машинопись)

27 июня 1931. Прага.

Письмо А.П. Калитинского к Рериху Н.К.

27-го Июня 1931 г.

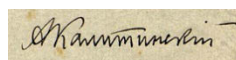
Глубокоуважаемый и дорогой Николай Константинович,

Нас с Марьей Николаевной неприятно поразила какая-то странная история с книгами, предназначенными Вами для библиотеки Семинария. Какие книги? Всё то, что я получил от Вас и Юрия Николаевича, передано в библиотеку, и только что в полученном мне из Праги IV-ом томе «Семинариум Кондаковианаум» в отчёте библиотекаря это отмечено и Вам выражена благодарность. Георгий же Гаврилыч мне сообщил, ссылаясь на письмо Юрия Николаевича, что какой-то американский банк в Париже переслал Вам пачку книг, будто переданную мне Вами. Ничего не понимаю. Я очень просил Георгия Гаврилыча навести в этом банке справки и выяснить это недоразумение. Мне лично очень жалко этих книг, т.к. нам с таким трудом достаётся обставление библиотеки, и мы всегда с чувством глубокой признательности принимаем помощь в этом направлении.

Не случилось ли так, что пересылая на моё имя эти книги, Вы дали наш старый адрес на «Рю де ла Турель»? Не найдя меня, их отослали Вам обратно. Если среди них были такие, которые здесь считаются «люкс», то это могла проделать и французская таможня, опять же разыскивая меня по старому адресу.

Как бы то ни было, но это недоразумение очень неприятно нам с М.Н. Будем надеяться, что оно выяснится.

Примите наш от М.Н. сердечный привет, искренне Вас уважающий,

[А. Калитиновский]

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

1931 г. Гималаи.

КОРНИ КУЛЬТУРЫ

К десятилетию Института Объединённых Искусств Музея Рериха

Уже прошло десять лет, как мы положили основание Институту Объединённых Искусств. Как незаметно прошло это десятилетие, ибо, когда много обстоятельств и происшествий, тогда время идёт особенно быстро.

Как вчера, представляется, что мы с М.М. Лихтманом спешим снять помещение в Отеле Артистов в Нью-Йорке. Случайно по дороге задерживаемся, и, благодаря этой случайности, при входе в подземную железную дорогу к нам бросается греческий художник с неожиданным возгласом: "Уже три месяца ищу вас - не нужна ли вам большая мастерская?" - "Конечно, нужна, где она?" - "В

доме Греческой Церкви, на 54-й улице". - "Хорошо, завтра же пойдём осмотреть её".

"Нет, невозможно, не могу больше держать её. Если хотите видеть, идёмте сейчас же".

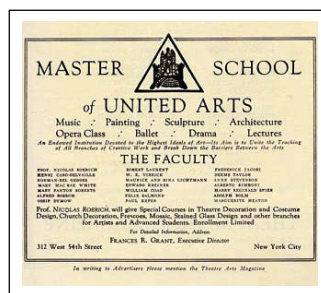
И вот вместо Отеля Артистов мы сидим у отца Лазариса, Настоятеля Греческого Собора, который уверяет меня, что я духовное лицо. Тут же решаем снять помещение, и под крестом Греческого Собора полагается начало давно задуманному Институту Объединённых Искусств. Мастерская большая, но всего одна комната.

Говорят нам: "Неужели вы можете мечтать иметь Институт Объединённых Искусств в одной студии?"

Отвечаю: "Каждое дерево должно расти. Если дело жизненно, оно разрастётся, если ему суждено умереть, всё равно умирать придётся в одной комнате".

Итак, раздаются первые фортепианные этюды и реализуются первые мечты о живописных, вокальных и скульптурных классах. Скоро студию пришлось разделить на три помещения, и сама жизнь поддержала идею объединения.

Вот с нами такие опытные творческие руководители, как Джайлс, Сач, Мордкин, Лихтманы, Грант, Германова, Бистран, Андога, Вагенер, Апия...

Уже семьдесят сотрудников работают по разным отраслям, и сотни учащихся наполняют классы и аудитории. Уже растёт новое поколение преподавателей, и Кеттунен, Фрида Лазарис, Лида Капобиянка и другие наши ученики составляют уже вторую наступательную линию. Двенадцать лет тому назад, на основании долгого школьного опыта, я брал решимость утверждать следующее: "Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство имеет много ветвей, но корень един. Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство - для всех. Каждый чувствует истину красоты. Для всех должны быть открыты врата священного источника. Свет искусства озарит бесчисленные сердца новою любовью. Сперва бессознательно придёт это чувство, но после оно очистит всё человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное. Дайте же им это. Дайте искусство народу, куда оно принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем..."

Помню, что тогда некоторые друзья улыбались между собою, перешёптываясь: прекрасные мечты, но как отзовется на них жизнь?

Но главный наш принцип: допущение и доброжелательность. Мы и наши сотрудники не любим мёртвого "нет" и пытаемся при каждой возможности сказать "да". Недаром все народы выражают утверждение открытым звуком, а для отрицания избрали немое, полужвериное "нет".

Какие же ещё соображения подтвердил опыт последнего десятилетия?

Жизнь подтвердила, что всякое объединение полезно. Подтвердила, что практично (не убоимся и этого слова) иметь под одной крышей разные отрасли искусства, имея общую библиотеку, общую канцелярию, общее художественное выступление, общее руководство и ближайший обмен между отдельными отраслями. Жизненно дать возможность учащимся пробовать свои силы в разных отраслях, пока они не остановятся на окончательном избрании. Жизненно, чтобы происходило общение музыкантов, живописцев, декораторов. Жизненно оказать преподавателю полное доверие, предоставив ему выявить в жизни свои методы. Результаты покажут, прав ли он, ибо, как и во всей жизни, мы должны судить по следствиям. Жизненно дать возможность учащимся как можно скорее пробовать свои силы в жизни, уча их мужеству и охраняя от вульгарности. Жизненно, как делали Джайлс и Битран, дать музыку во время живописных классов и давать лекции, своим художественным и философским содержанием поднимающие и объединяющие дух всей художественно-рабочей гильдии. Жизненно давать примеры из истории искусства, которая ещё раз научит, насколько искусство являлось творящим мирным началом во всей государственной жизни. А главное - меньше отрицать, помня, что большинство отрицаний имеет в основе невежество.

Таким образом, преподаватели обращаются в руководителей, преподавая учащимся не только технику, но и жизненный опыт и делаясь с ними ценными накоплениями, которые окажутся для подрастающих крепким щитом.

Сколько раз запутавшееся в проблемах человечество пыталось отрицать значение Учителя. В упадочной эпохе иногда точно бы удавалось потрясти это основное понятие духовной иерархии. Но недолго держалась эта темнота. С расцветом эпохи неминуемо опять кристаллизовалось великое учительство, и люди опять начинали чувствовать лестницу восхождения и благословенную руку Водящего. Малые умы не раз смущались, не будут ли они подавлены личностью Учителя. Но, как и всегда бывает, отрицание может возвыситься лишь кратковременно, и творческие начала человечества опять выводят странников жизни на путь утверждения безбоязненного искания - на путь творчества и красоты. Люди опять вспомнили об Учителях. Конечно, эти Учителя не должны быть дедушкиным кабинетом, со всеми окаменелыми пережитками. Учитель Тот, Кто открывает, умудряет и ободряет. Тот, кто скажет "Благословенны препятствия - ими растём". Тот, кто вспомнит прекрасные Голгофы знания и искусства, ибо в них творящий, созидующий подвиг. Тот, кто сможет напомнить, научить подвигу, тот не будет отвергнут сильными духами. Тот и сам знает ценность иерархии знания и в постоянном движении своём создаёт восходящие исследования.

Сколько школ и полезных распространений знания сможет быть организовано при наших обществах. Всем им можно дать тот же совет: каждое дерево может быть посажено лишь в малом отростке. Лишь в постепенности оно привыкнет и обоснует прочные корни. Потому, если где есть сердечное желание помочь распространению знания и красоты, пусть его выполняют безотлагательно. Пусть не стесняются малыми возможностями. Жизненность не в размере, но во внутренней субстанции зерна.

Гималаи, 1931 г.

Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.

ИЮЛЬ

*1 июля 1931 г. Наггар, Кулу.
Письмо Ю.Н. Рерих к Л. Мингиюру*

1 июля 1931 г.
Наггар, Кулу, Пенджаб

Досточтимый лама Мингиюр,

Сим подтверждаю наше соглашение относительно Вашей работы в Институте в качестве штатного сотрудника в отделах лингвистики и археологии.

На основе договоренности между нами Ваше жалованье будет 150 рупий в месяц, плюс Институт обеспечит Вас жильём.

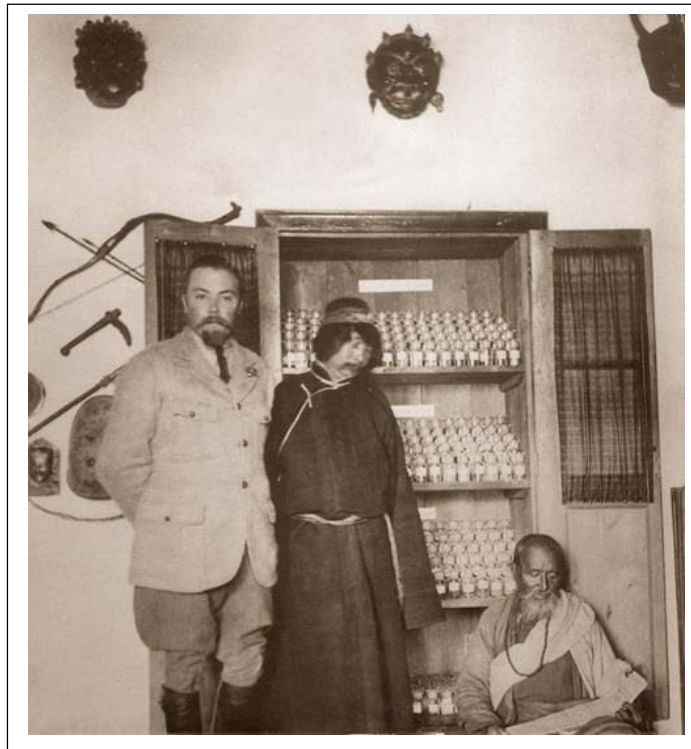
Ваши обязанности в основном будут состоять в помощи сотрудникам Института в их исследовательской работе, а также в проведении самостоятельной исследовательской работы, которая может, время от времени, возникать в плане Института. Институт не может считать себя ответственным за любые телесные повреждения или ущерб, которые Вы можете получить во время Вашей службы в Институте.

Это соглашение действительно в течение одного года и может быть возобновлено по истечении этого периода.

Искренне Ваш,

Ю.Р.
Директор

Публикуется по изданию: Ю. Н. Рерих. Письма Том I (1919-1935 гг.). – М.: МЦР. 2002

Ю.Н. Рерих с учёными ламами в Кулу. 1930-е гг.

1 июля 1931 г. Наггар, Кулу.

Н.К. Рерих

ГИМАЛАИ

Обращение к Гималайскому Обществу Имени Рериха

Дорогая Эстер!

Благодарю за ваше светлое извещение об избрании меня и Елены Ивановны Покровителями основанного вами нашего Гималайского Общества. Вы знаете, что для меня Гималаи являются вершиною мира не только по высоте, но и по всем благостным многозначительным традициям. Из книг моих вы знаете, что именно нагория Гималаев и Транс-Гималаев были одним из главных пунктов переселения народов, объединяя этим лучшие стили Запада, выдвигая скифику, напоминая о романском стиле и прочих незабываемых культурных сокровищах.

Я уверен, что вы будете вносить в жизнь Общества всевещающее, всеобнимающее благостное понимание. Пусть будет единственным врагом вашим лишь жалкий гомункулус - невежество. Всё же в пределах знания, в пределах созидательного творчества должны быть друзьями Культуры. Во имя Культуры вы и собираетесь. Во имя этой великой эволюционной основы вы устремляетесь слагать мирное и светлое будущее. Единственно Культура разрешает нагромождённые затруднения человечества и никто, кроме гомункулуса, не дерзнёт сказать, что излишне или недостойно посвящать себя служению Культуре.

Мы так много работали совместно, что вы, конечно, чувствуете, насколько реально и неотложно строение и защита Культуры. Факты каждого дня говорят, что это не преувеличение, но поистине необходимость и притом необходимость прекрасная. Во имя этой прекрасной необходимости и действуйте так же благостно, так же самоотверженно и мужественно, как вы, все наши дорогие сотрудники, действовали во всех прочих строительных делах.

Не забудем, что именно на Гималаях создано сказание о Жар-Цвете. Много всемирных сказаний пришло от этих снежных вершин. Мысли о целебных травах, о чудесной пыли метеоров, о магнитных токах и мощных энергиях во благо человечества приведут нас опять к тем же снеговым великанам.

Мировая Сокровищница Духа! Устремление ко Благу, стремление вверх, где же оно так же действенно может проявиться, как не у Высот, на которые ещё не ступала нога человеческая? Во имя этих Высот укрепляйте всю бодрость духа. Забудьте всё размельчающее и умаляющее. Охраняйте сокровища человеческого гения. Воздвигайте неустанно твердыни, где дух человеческий укрепит свои благие достижения. Крепко держите Знамя Мира.

Привет, Вера, Успех!

1 июля 1931 г.

Архив Музея Рерихов, Москва.

*3 июля 1931 г. Наггар, Кулу.
Письмо Н.К. Рериха к Таубе М.А.*

Naggar, Kulu, Punjab, Br. India
3 июля 1931 г.

Доверительно

Дорогой Михаил Александрович,

Сейчас Вам была отправлена следующая телеграмма: «Trustees Roerich Museum elected you their Delegate Bruges Conference. Detailed letter check follows – Roerich». Радуюсь этой вести и надеюсь, что это избрание послужит к тому, о чём мы говорили с Вами ещё в прошлом году, то есть к постепенному приближению Вашему к нашим делам. Радуюсь и тому, что Ваше компетентное юридическое слово укрепит наш Пакт в постановлениях конференции. И по родству, и по родству духа Вы скажете крепкое слово в пользу культурного завоевания, которое символизирует наше Знамя Мира, нужное в мирное время ещё более, нежели в военное.

Посылаю Вам при сём копию моего Обращения к конференции, а также мою последнюю статью о Знамени Мира, которые ознакомят Вас с течением моей мысли по поводу Пакта. Это не есть что-то отдельное или, чего Боже сохрани, конкурирующее. Уже вижу Вас мысленно во всех регалиях Ваших и в вооружении доспеха культуры, непроницаемого ни для каких врагов. Вы чувствуете мировой международный масштаб этого Знамени Культуры. Только что нами получена телеграмма из Америки, сообщающая о состоявшейся резолюции трёх миллионов членов женских организаций поддерживать наше Знамя. Может быть, Вы встретитесь на конференции с предложением другого знака (один католический член конференции предложил красную звезду, что, по нашему мнению, совершенно неприемлемо). Но наш знак, уже опубликованный и множествами принятый, - знак Троицы, знак Троицы – нужно сохранить. Три сферы можно видеть и на Папском гербе, и на очень многих как католических, так и православных иконах.

Прилагаю при сём чек на сто долларов на Ваши расходы в связи с поездкой. Может быть, Вам придётся сделать какой-то членский взнос, чтобы иметь голос, или же, как делегат, Вы уже его имеете. Нам писали об удешевлённом проезде в Брюгге для членов конференции, но подробно этого не знаю. Спешу послать это письмо, чтобы поспеть на завтрашнюю воздушную почту. Напишите нам, пожалуйста, Ваш подробный адрес для ускорения сообщения. Наш адрес для писем на этом письме, а для телеграмм сокращённый: Рерих, Наггар. Надеюсь, что это письмо найдёт Вас и всю семью Вашу в добром здоровье и настоящее избрание ответит и Вашему желанию, и сочувствию. От нашего французского Общества делегатами едут м-м де Во Фалипо, Марк Шено и Г.Г.Шклявер, так что с ними Вы образуете дружественный квартет. М-м де Во прочтёт моё обращение к конференции. Привет и лучшие чувства.

Духом с Вами,

Н.Рерих

Бахметьевский архив Колумбийского университета

Публикуется по изданию: "Дельфис" №80(4/2014) Письма Н.К.Рериха к М.А.Таубе

«Посылаю Вам при сём копию моего Обращения к конференции, а также мою последнюю статью о Знамени Мира, которые ознакомят Вас с течением моей мысли по поводу Пакта...»

ПРИВЕТ КОНФЕРЕНЦИИ ЗНАМЕНИ МИРА

Конференция в Брюгге, 1931

Сердечный привет всем вам, собравшимся во имя Знамени Мира, во имя культурных ценностей. Я уже выражал моё восхищение благородной идее Камилла Тюльпинка о созыве Конференции в Брюгге для распространения и укрепления в жизни нашего Пакта Мира. Конечно, г-н Тюльпинк ознакомит почтенное собрание с некоторыми положениями моих писем к нему. Также мне хочется обратиться ко всем присутствующим, чтобы, приветствуя, засвидетельствовать тот энтузиазм, который мы ощутили из стран всего мира.

Для меня настоящее собрание является как бы основанием долгожданной Лиги Культуры. Эта Лига укрепит всемирное сознание, что истинная эволюция совершается лишь на основах Знания и Красоты. Лишь ценности Культуры дадут разрешение труднейшим житейским проблемам. Лишь во имя ценностей Культуры человечество может преуспевать. В самом корне этого священного для нас понятия заключено всё почитание света, всё служение благу. Именно понятие культуры предполагает не отвлечённость, не холодную абстракцию, но действенность творчества, оно живёт понятием неустанного подвига жизни, просвещённым трудом, творением. Не для нас самих, ибо мы уже это знаем, но для подрастающих поколений повторим, что во все лучшие периоды человеческой истории возрождение и расцвет создавались там, где выростала традиция почитания Культуры.

И мы знаем, что не мгновенно укрепляется эта светлая традиция, её нужно каждодневно орошать благодатью света. Ибо даже лучший духовный сад засыхает в темноте и безводье. Потому для нас Знамя Мира является во все не только нужным во время войны, но может быть ещё более нужным каждодневно, когда без грома пушек часто совершаются такие же непоправимые ошибки против Культуры. Всемирное значение имеют культурные духовные ценности человечества, и так же мирно обобщающе будет дружественное рукопожатие во имя этих светлых находений всех поколений.

В широкой программе будут обсуждены многообразные способы применения заботы о Culture. Конечно, мы услышим множество полезных предложений, которые все будут нужны в этом мировом деле, и лишь будет вопросом, в каком порядке и как лучше применить их.

Мы услышим и о мировом Дне Культуры, когда во всех школах и просветительных обществах одновременно будет посвящён день осознанию национальных и мировых культурных сокровищ. Мы обсудим, какие именно памятники Культуры и собрания культурные будут охранять Знамя Мира. Обсудим и всемирное каталогирование всех ценностей человеческого гения. Будет обсуждён весь комплекс забот о Красоте и Знании, который поистине является обязательностью всего мыслящего человечества, внося в жизнь прочные устои. Конечно, будет обсуждено и учреждение особых комитетов во всех странах, представители которых уже выразили или готовы выразить симпатию этому культурному делу.

Начало подобного комитета в Америке уже положено. В нашем первом ежегоднике, предлагаемом настоящему собранию, выражены все те действия, которые до сих пор нами были произведены по этому Пакту. Конечно, мы уверены, что не только ежегодник будет отображать развитие Пакта, но появится и другое издание, посвящённое вопросам всемирной каталогизации культурных сокровищ.

С будущей осени, имея в основании симпатии и одобрение Пакту миллионными организациями, кладётся основание фонду Знамени Мира. Особое собрание, посвящённое Знамени Мира в нашем музее, в Нью-Йорке, ещё раз показало, какие мощные симпатии стоят за этой идеей. Нельзя не отметить, что некоторые учреждения уже подняли над своими хранилищами наше Знамя, тем подтверждая непреложность этого решения. Нет надобности подчёркивать, что эти действия должны идти по одному руслу. Понятие культуры должно вызывать в нас и соответствующее понятие единения.

Мы устали от разрушений и взаимного непонимания. Лишь культура, лишь всеобобщающие понятия Красоты и Знания могут вернуть нам общечеловеческий язык. Это не мечтание! Это наблюдение опыта сорокадвухлетней деятельности на поприще Культуры, Искусства, Науки. И в одном мы можем принести нерушимую клятву, что от этой охраны Культуры, от Лиги Культуры, ни мы, ни последователи наши не отступимся. Нас нельзя разочаровать, ибо наблюдения в поле Искусства и Знания наполнит нас несломимым энтузиазмом. Не одна нация, не один класс с нами, но все множества человеческие, ибо в конце концов сердце человеческое открыто Красоте творчества.

Со снежных вершин Гималаев во имя этой всеобнимающей, всепобедной красоты творчества, в самом широком понимании, я приветствую вас, приветствую друзей – единомышленников Культуры, и это единение в Прекрасном умножит силы наши, волеёт согласие в мышление наше и убедительностью прекрасной необходимости привлечёт к нам множество сотрудников Культуры.

Ведь понятие Культуры принадлежит к нерушимым синтезирующим понятиям. Против Культуры может быть лишь невежество, и если бы таковое где обнаружилось, мы можем лишь сожалеть об этом тёмном начале. При этом будем помнить, как медленно входят в сознание даже совершенно очевидные идеи. Будем помнить, что даже знамя Красного Креста, уже оказавшее человечеству бесчисленные услуги, вначале было принято с усмешкою, недоверием и сарказмом. О том же говорят бесчисленные примеры полезных открытий и нововведений. Но они эти факты своею прискорбностью вливают в нас новую энергию о необходимости и жизненности Знамени Мира и Лиги Культуры.

В конце концов, то, что мы предлагаем, ничто и никого не умаляет, ничто не затрудняет и достижимо самыми простыми средствами. Конечно, большие дела не могут быть выполнены немедленно – требуется неустанная, длительная работа, к которой мы и готовы. Но огонь зажигается мгновенно, и пусть этот священный огонь, огонь чаши возношения, мгновенно объединит нас всех сойтись и дружно поднять Знамя Мира, Знамя Культуры!

Н.К. Рерих «Держава Света, 1931 г.

ЗНАМЯ МИРА
Конференция в Бельгии

В конце Кали-Юги тяжкие и, как бы, непобедимые трудности отягощают человечество. Множество будто бы неразрешимых проблем подавляют жизнь и разделяют народы, государства, общезития, семьи... Народ безнадежно старается разрешить их материалистической находчивостью, но даже величайшие колоссы механической цивилизации оказываются потрясенными. Каждый день приносит новые смятения, столкновения, недоразумения и лжетолкования. Жизнь наполняется множеством маленьких кривд. Всё вдохновляющее и зовущее ввысь становится в глазах невежд чем-то стыдным и недоступным. Так описывают Вишну-Пураны конец Кали-Юги.

Но те же Пураны возвещают также и благословенную Сатию-Югу. Какое же великое понятие, какая Благодать, прежде всего, будет в основе этого очищения и преобразования жизни. Конечно, это будет та Благодать, которой объединяется всё вмещение, всё прекрасное, всё вдохновляющее и всё воздымающее. Поистине, это будет то великое понятие, которое человечество понимает под словом Культура. Именно к этому величайшему понятию направим все наши лучшие мысли и творчество. В этом осознании явим древнюю мудрость для доблестного будущего. Во славу этого сокровища осознаем и нашу взаимную высокую ответственность, и не будем мешать друг другу нести торжественно эту скинию Света. Поймём ежедневную работу не как отвратительные кандалы, но как пранаяму, которая пробуждает и координирует наши высочайшие энергии. Не потеряем ни дня, ни ночи для посева благословенных семян утончения и возвышения духа и для несения культуры в широкие массы.

Для этого великого Служения был предложен наш мирный договор со Знаменем Мира для охранения всех культурных сокровищ человечества. Наш великий Рабиндранат Тагор, являющийся одним из наиболее просвещенных покровителей культуры, пишет нам следующее по поводу Пакта Мира:

“Я зорко следил за вашими замечательными достижениями в области искусства и за вашей великою гуманитарною работою во благо всех народов, для которых ваш Пакт Мира, с его знаменем для защиты всех культурных сокровищ, будет исключительно действенным символом. Я искренно радуюсь, что этот Пакт принят Музейным Комитетом Лиги Наций, и я чувствую глубоко, что он будет иметь огромные последствия на культурную гармонию народов”.

Мы не удивлялись, получая такое множество восторженных ответов по поводу нашего Знамени Мира. Прошлое наполнено ужасающими и непоправимыми разрушениями. Мы видим, что не только во время войны, но и при всех прочих заблуждениях сокровища человеческого гения беспощадно разрушались. В то же время избранные человечества понимают, что никакая эволюция невозможна без этих накоплений культуры. Мы понимаем, насколько несказуемо трудны пути культуры, но тем заботливее мы должны охранять доступы, к ней ведущие. Наша неотложная обязанность создавать для молодого поколения традиции культуры. Там, где культура, там и мир. Там и подвиг, там и правильное решение труднейших социальных проблем. Культура есть накопление высочайшей Благодати, высочайшей Красоты, высочайшего

Знания. Человечество ни в какой мере не может гордиться, что оно сделало достаточно для расцвета культуры. После невежества мы достигаем цивилизации, затем мы получаем образование, затем следует интеллигентность, затем утончение и после этого синтез открывает врата высокой культуры. Мы должны сознаться, что наши драгоценные исключительные сокровища искусства и науки даже не вполне каталогированы. Если Знамя Мира даст толчок хотя бы к этой манифестации, то уже одно это будет колоссальным достижением. Как много полезного и прекрасного может быть достигнуто простейшими средствами. Представим себе всемирный день культуры, когда одновременно во всех школах и просветительных учреждениях всего мира будет возведено об истинных сокровищах нации и человечества. Среди многообразных выражений энтузиазма мы должны отметить глубокое движение женщин Америки. На последнем собрании, посвящённом Знамени Мира, представительница полумиллиона женщин В. Д. Спорборг поручилась за их поддержку Знамени Мира. Сейчас получено сочувствие трёх миллионов женщин. Велик список организаций, обществ, музеев, библиотек, школ, научных и государственных деятелей, которые выразили нам свою горячую надежду, что этот проект войдёт в жизнь. Несколько учреждений уже подняли наше Знамя над своими сокровищами. Музейный комитет Лиги Наций под председательством Ж. Дестрей, бельгийского министра, единогласно принял этот проект. А теперь, благодаря инициативе г-на К. Тюльпинка, под покровительством маркиза Аддачи, президента Постоянного Международного Суда в старом городе Брюгге, организована особая Конференция, для которой выработана широкая программа. В связи с этой конференцией заслуживает большого внимания предположенная Лига Городов, объединённых тем же Знаменем Мира. К. Тюльпинк и другие просвещённые деятели горячо объединились на этой идее. Письмо из Парижа сообщает, что наш друг поэт Марк Шено уполномочен представить древний город Руан. Только что получена важная брошюра д-ра Г. Г. Шклявера под заглавием "Пакт Рериха и Лига Наций", первоначально напечатанная в Обзрении Международного Права. Автор горячо рекомендует Пакт с точки зрения международного права. Истинно, охранение сокровищ культуры принадлежит тем всеобъединяющим основам, на которых мы можем дружественно объединиться без всяких жалких чувств зависти и злобы. Мы утомлены разрушениями и отрицаниями. Положительная созидательность есть основное качество духа человеческого. В жизни нашей всё, что может поднять и облагородить дух наш, должно иметь господствующее место. Вехи славного прошлого от раннего детства устремляют наш дух к прекрасному будущему. Поверьте, не трюизм говорить о неотложности стремлений к культуре. Если какой-то невежда найдёт, что эта идея не нужна и излишня, скажите ему: "Бедный невежда, оставайся вне эволюции, но помни, что нас целое воинство и мы никак не отступим от идеи Знамени Мира. Если ты создашь препятствия, мы обернём твои препятствия в возможности".

Вспомните, сколько полезнейших начинаний так легко может быть введено в жизнь. Возвращаюсь к моей давнишней идее о мировом дне культуры, когда одновременно под одним знаменем по всему миру раздастся светлое слово о сокровищах культуры народных, всемирных. Сенотафы напоминают нам лишь о прошлом, но всё соединённое с культурой, с бесчисленными славными мученическими и гигантскими подвигами направит наш ум к будущему.

Только подумайте, с какими малыми средствами человечество в единении может создать традицию высокого значения для молодых поколений!

Поистине, я хотел бы приветствовать Конференцию в Брюгге как начало Лиги Культуры. Хотелось, чтобы все сочлены и друзья Конференции радостно сошлись на этой всё вмещающей, всё обобщающей, всё облагораживающей мысли. В таком движении мы бы могли показать прекрасный пример всем тем, которые в невежестве разделяют, расчленяют и уничтожают. Без сомнения, внутреннее значение Конференции в Брюгге будет очень замечательным, и откроет новые врата для всех будущих славных построений в области культуры. Конференция в Брюгге не окажется тем мотыльком, который обжигает крылья на первом пламени. Она образует тот светоносный легион, пламенные крылья которого будут расти в созвучии с подвигом великой красоты и славной необходимости.

В городском музее Падуи находится картина Гуариенто “Ангелы Мира”. В торжественном круге собрался совет ангельский. Каждый ангел держит сферу как всеобнимающий знак и ветвь мира, которая в руке ангела сурова, как меч непобедимый. Эта картина встаёт передо мною, когда я думаю о нашей Конференции. Ангелы благостны, но непреклонны. Так же благостным и непреклонным я представляю себе легионы Мира и Культуры.

Будем приветствовать всех тех, которые, преодолевая личные трудности, обходя жалкое себялюбие, устремляют дух свой к охранению культуры, которая превыше всего принесёт блестящее будущее.

Всеми средствами воздымайте прекрасную необходимость культуры. Если бы в нашем распоряжении были другие определительные величия, мы должны были бы употреблять их, говоря о самом значительном понятии мира.

Мы не должны бояться энтузиазма. Только невежды и духовно бессильные могут глумиться над этим великим и чистым чувством, но такие насмешки не что иное, как знак истинного почётного легиона. Было бы ужасно, если бы при великих выявлениях употреблялись как определительные слова “малое” и “ничтожное”. Мы должны всячески оберегаться от самого постыдного действия - от умаления. Это значило бы разложение. Ничто не может мешать нам послужить сложению культуры, поскольку мы сами верим в это, и поскольку даём этому наши лучшие пламенные мысли.

Не умаляйте! Великий Агни сжигает поникшие крылья. Только в созвучии с эволюцией мы можем восходить, и ничто не может погасить бескорыстные пламенные крылья энтузиазма.

1931 г.

Для Висва-Бхарати, Шантиникетан.

Н.К. Рерих. Держава Света. Alatas. 1931; Рига

3 июля 1931 г. Наггар, Кулу.

Письмо Ю.Н. Рериха к Кельцу В.

8 июля 1931 г.

Уважаемый господин Кельц,

Послезавтра все отправляются в Кейланг, мы в спешке упаковываем вещи и приводим всё в порядок, и в довершение всего на сегодня был назначен визит помощника комиссара Дхармасалы.

Посылаю при сем 23 статьи почтой первого класса. Книги и печатный материал хранятся здесь до Вашего прибытия.

Надеюсь вскоре получить от Вас телеграмму. Кроме Вашего письма из Кейланга, пока никаких других новостей от Вас не дошло.

С наилучшими пожеланиями от всех нас

Искренне Ваш.

Публикуется по изданию: Ю. Н. Рерих. Письма Том I (1919-1935 гг.). – М.: М.Ц.Р., 2002

9 июля 1931 г. Наггар

Письмо Ю.Н. Рериха к Рериху Н.К.

9 июля 1931 г. Наггар

Уважаемый профессор Рерих,
Институт выражает свою искреннюю благодарность за Ваш щедрый вклад, состоящий в том, что Вы взяли на себя расходы, связанные с экспедицией в Лахул в этом году.

Пользуюсь возможностью поблагодарить Вас за Ваше неоценимое руководство во всех наших начинаниях и остаюсь

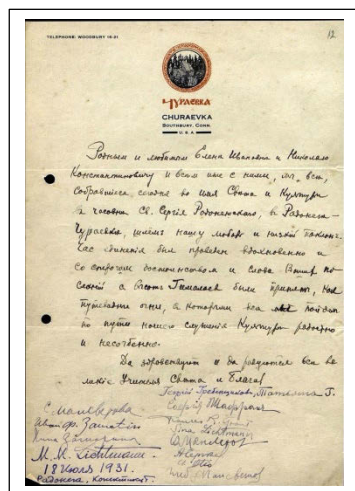
Искренне Ваш,

Юрий Рерих
Директор

Публикуется по изданию: Ю. Н. Рерих. Письма Том I (1919-1935 гг.). – М.: М.Ц.Р., 2002

18 июля 1931 г. Радонега. Чураевка. Кантхиккут

Письмо Г.Д. Гребеникова к Рерихам

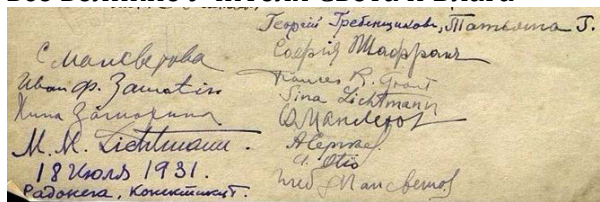

Автограф письма.

Родным и любимым Елене Ивановне и Николаю Константиновичу и всем иже с ними, мы, все собравшиеся сегодня, во имя Света и Культуры, в Часовне Св. Сергия Радонежского, в Радонеге – Чураевке, шлём нашу любовь и низкий поклон. Час единения был проведён вдохновенно и со строгим достоинством; и слова Ваших посланий с высот Гималаев были приняты, как путеводные ог-

ни, с которыми все мы пойдём по пути нашего служения Культуре, радостно и несогбенно.

Да здравствуют и да радуются все великие Учителя Света и Блага

Подписи:

18 Июля 1931.

Радонега, Коннектикут

Архив Музея Рерихов, Москва

24 июля 1931 г.

Н.К. Рерих

УРУСВАТИ И КОРОНА МУНДИ

І. УРУСВАТИ

(Обращение Президента-Основателя по случаю трехлетия Гималайского Института научных исследований)

24-го июля 1928 года было положено основание Гималайскому Институту научных исследований. Обернёмся на это трёхлетие и посмотрим, где стоим мы?

Институт уже имеет своё помещение в Наггаре, в лучшей долине Пенджаба. Уже положено основание Музея Института, как в Наггаре, так и в Нью-Йорке. Трёхлетие застаёт нас над сооружением стен биохимической лаборатории с отделом борьбы против рака. Когда мы читаем в недавней прессе статистику доктора Гофмана, показавшую, что в одной Америке за один год погибает сто двадцать тысяч человек от рака, то можно представить себе, насколько своевременно и это начинание Института. Когда же мы читаем отзывы выдающихся учёных о необходимости исследования целебных веществ на местах, а не по претворённым спиртом тинктурам, то и в этом мы видим, насколько место Института среди наиболее богатой для исследований Гималайской области уместно и нужно.

Не забудем, что долина Кулу, собравшая в себе все величественные имена человечества, начиная от Ману, Будды, Арджуны, всех героев Пандавов, Виасы, Гессар-Хана, является исключительною местностью, научная ценность которой еще только начинает выявляться, но и в начале своём поражает богатейшим материалом. Как в историческом, археологическом, филологическом, так и в ботаническом, геологическом и физическом отношениях Институту предстоит, как уже и теперь видно, плодотворнейшая работа.

Не забудем, что из тридцати шести месяцев существования более восьми месяцев ушло на прискорбные и совершенно ненужные трения, нанесшие глубокий как денежный, так и моральный вред. Но по обычаю нашему, следуя лишь положительными вехами жизни, не будем останавливаться на отрицательных явлениях. Будем признательны всем помогавшим культурному начинанию и предадим забвению тех, кто по невежеству пытался мешать научной работе. Но даже за вычетом указанного промежутка времени мы име-

ем ряд выдающихся положительных результатов. Под руководством ботаника Института Институтом были организованы пять экспедиций в самой долине Кулу, в Лахуль, в Бешар, в Кан-гру, Лахор и в настоящее время протекает экспедиция в Ладак и Занскар, которая, будем надеяться, даст такие же богатые результаты, как и вышеназванные местности.

За время указанных экспедиций собраны богатые ботанические коллекции, которые обогатили не только музей Института, но и были принесены в дар университету в Мичигане, Ботаническому саду в Нью-Йорке и Музею естественной истории в Париже. При этом доктор Меррил, заведующий Ботаническим садом Нью-Йорка, равно как и профессор Манжен, директор Музея естественной истории Парижа, отметили высокое значение собранных коллекций, среди которых находится целый ряд новых видов, в настоящее время изучаемых и ими выдающимися учёными.

Наряду с ботаническими коллекциями в Институте составились и многочисленные коллекции орнитологические и зоологические, которые хранятся в музеях Института, а около четырёхсот экземпляров направлено в музей Гарвардского университета в Кэмбридже.

Кроме естественнонаучных изысканий, под руководством директора Института Ю. Н. Рериха производится ряд работ по местному языковедению, истории и археологии. Во время пребывания нашего в Пондишери во Французской Индии, при посредстве члена-корреспондента Института, члена католической миссии Фушэ, было произведено обследование местных добуддийских погребений в урнах и саркофагах. Директором Института закончено два научных труда, ныне изданных – один в издательстве Уэльского университета о нашей Средне-азиатской экспедиции и другой о Зверином стиле, изданный Семинарией имени Кондакова в Праге. В настоящее время директор Института в сотрудничестве с известным знатоком тибетской литературы ламою Мингиюром занят над изучением и переводом книг по тибетской медицине, а также составлением грамматики лахульского языка и другими исследованиями тибетской литературы, которые будут опубликованы в ближайшем будущем.

К сроку трёхлетия Института вышел и первый «Ежегодник» за тридцатый год, в котором участвуют президент Археологического института в Америке доктор Маггофин, известный французский археолог граф де Бюиссон, биохимик Гарвардского университета В. Перцов и директор Института. Номер «Ежегодника» посвящён выдающемуся санскритологу проф. Ланману, состоящему почётным советником нашего Музея по отделу науки. Нельзя не отметить, что за последнее трёхлетие состав почётных советников по отделу науки усилился крупнейшими научными именами, как-то, проф. Милликен, проф. Раман, проф. Метальников, докт. Свен Гедин, проф. Эйнштейн, сэр Джагадис Боше, докт. Меррил. По отделу археологии, кроме докт. Маггофина, принимает участие докт. Хьюитт.

Члены-корреспонденты Института находятся как в Америке, Европе, так и в Африке и Азии, при этом многие университеты и научные учреждения выразили желание кооперировать как собраниями, так и печатными трудами. Карнеги Фаундешэн сделала щедрое пожертвование библиотеке Института, целый ряд издательств выразил желание обмениваться изданиями.

Следует выразить искреннюю признательность комитету, собиравшемуся под председательством г-жи Иттelson; в результате работ этого комитета

получился ряд пожертвований, и открылись возможности для расширения последующих работ.

Вступая в новое трёхлетие, мы должны ещё раз подтвердить особую пригодность избранного места для Института; среди Гималаев именно здесь неизвестен бич человечества рак, а, кроме того, тибетская медицина с давних времён имеет в своём распоряжении средства против рака и туберкулёза, удачно применявшиеся. Конечно, подобные средства должны быть исследованы самым точным и беспристрастным образом. Почва Гималайских долин отличается необыкновенною плодородностью, позволяющей совмещать самые различные посадки, начиная от альпийской флоры почти до тропической. Как показали наши начальные коллекции, среди местной растительности имеются много новых видов.

Теперь перед нами ближайше стоит работа по установке электрической станции и по оборудованию биохимической лаборатории с отделом борьбы против рака. Ибо где же изучать условия рака, как не в местности, где он вообще неизвестен - как здесь, в Гималаях? Мы знаем, что нужны будут новые средства, но мы и не сомневаемся, что они придут, ибо общественное мнение само отмеривает по размерам культурной задачи. Существует такое прекрасное понятие, как пространственная справедливость. При жизненности начала, всегда является та сужденная помощь, которая позволяет не сокращать размеры и не умертвлять культурные построения, так необходимые человечеству.

Итак, мы вступаем в новое трёхлетие полные сознанием, что работа наша неотложно нужна, что поле деятельности выбрано правильно и сочувствие друзей и широких культурных слоев обещает мощное развитие общепользных построений.

Там же, где общая польза, там мы не отступим и сохраним энтузиазм, обращающий все препятствия в светлые возможности.

1931.

II. КОРОНА МУНДИ

(К десятилетию)

Монхеган. Белые буруны Атлантической волны. Скалы седые. Хаты рыбацьи. Полуразрушенная пристань. Маленький пароходик «Губернатор Дуглас». Наш истинный друг Чарльз Пеппер советует во время выставки в Бостоне: «Побывайте на Монхегане, там можно работать». И Теофил Шнейдер и другие друзья Бостонского Клуба советуют то же. 1922-й год, лето. Пишется на Монхегане океанская серия. Говорят нам индейское значение этого названия острова. А на мшистых скалах неожиданно краснеет душистая земляника. В туманные дни стонут сирены маяков и кажется, что вы где-то очень далеко; тут же читаются статьи об искусстве. Обсуждается течение творчества в жизни и в Культуре народов.

Из «Путей Благословения» отчёркивается девиз для Международного Центра Искусства. Там должно происходить Общение народов в мирном творчестве. Название «Корона Мунди» - венец Мира. Не то венец, что сам центр венец Мира, как потом сказал какой-то невежда, но венец Мира - всеобъединяющее Искусство, возносящее творчество, прекрасный подвиг духа. Всегда человечество нуждалось в этой панацее. А будет нуждаться и ещё больше. При-

дут ещё большие смущения и потемнения. И некуда будет обратиться духу человеческому, разве что к незыблемым твердыням Красоты.

Прекрасное воспоминание. Если бы побольше таких граждан для каждой страны, как наш друг Хорш, и побольше бы таких открытых сердец, как у милой Нетти Хорш. Во многих ли странах финансовый деятель так широко понимает и бывшее и грядущее значение Искусства; многие ли не станут презрительно улыбаться, если им скажут о выставках в тюрьмах или госпиталях, или о художественных выявлениях в деревнях. А тут вдруг люди, казалось бы замкнутые в пределах города, казалось бы скованные тиранией Уолл-стрита, так понимают широко задачи Искусства, задания творчества, как если бы сизмальства их готовили к возвышенным областям.

Ведь без внутреннего утончения сознания, сколько ни говорить об Искусстве, о Красоте, если сердце мертво, то никакие благородные ритмы и созвучия не оживят мертвецов ходячих. В лучшем случае, мёртвые сердца проскрипят: «Несносное мечтательство!». А почему же оно несносное? Не потому ли, что мешает спать невежеству? И почему оно мечтательство, когда вся история человечества подтверждает, что лишь сокровищами Культуры человечество получило право на существование. Лишь мыслями о прекрасном человечество могло двигаться вперёд и могло надеяться на лучшее будущее.

Представьте себе на минуту целую страну из граждан, открытых сердцами к познанию и к Прекрасному. Если даже при единичных геройствах духа страны могут прогрессировать, то какой же золотой век мог бы ожидать государства сотрудинок, пылающих о Культуре?

От трубного звука пали стены Иерихонские. Как бы были сметены твердыни тьмы от созвучия сердец пылающих, культурных! Какие бы проблемы жизни решились бы легко и свободно. И какое бы равновесие духа и тела снизошло к человечеству, освобождая его от болезней и телесных, и духовных.

Человечество должно быть признательно своим согражданам, которые, несмотря на все трудности, созданные тьмою, несут светоч широкого понимания, светоч благодати и неустанного труда. При этом знают они, что многие всходы подвига своего они и не увидят. Но так же знают они, знают всем сердцем своим, всем сознанием своим, что творимое ими неотложно нужно, и никакие глумления невежества не отвратят их от светлых трудов во Благо будущих поколений человечества.

Злой невежда скажет, что они хотят себе памятники построить. Но думающий во Благо не имеет времени мыслить о памятниках, к тому же зная, что строительные материалы очень несовершенны. В сердцах человеческих, в духе несомненно создаются нерукотворные памятники, и эти памятники неразрушаемы и нестираемые: История человечества показывает нам, как высшая Справедливость отмечает подвиги во Благо Мира. А какое же Благо может быть без Красоты и Знания? Без постоянного, неутомимого и светлого труда?

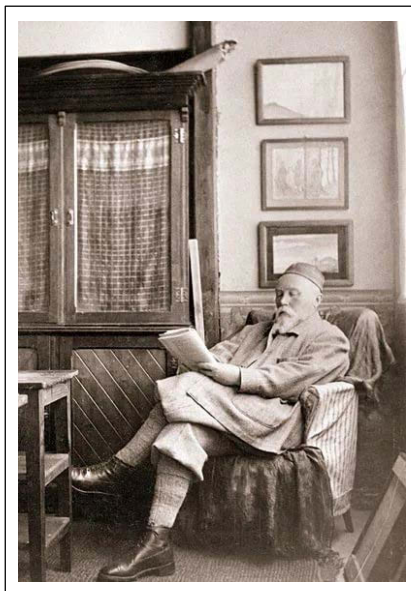
Вот и десятая часть века прошла. Столько уже сделано. Столько прекрасных людей подошло. И необозримы планы на будущее. Удаётся помогать народам, правительствам обмениваться лучшими продуктами национального Творчества. Лекторы, благие вестники, объезжают страны, твердя о том, насколько нужна Культура. Подходят молодые поколения, и в них запечатлеваются пламенные познания и стремления к Прекрасному, как к единственному решению жизненных проблем. Жизнь не отвергает то, что жизненно. Мы видим, что уже рук не хватает наполнить все протянутые чаши. Есть и враги,

но, большей частью, по недоразумению. Даже неприязненные выступления обращаются лишь в новые возможности там, где правильно само задание.

Шлю горячий привет всем сотрудникам, всем подошедшим и подходящим друзьям. Уже появилось как зрительный символ всеобъединяющее Знамя Культуры. Это Знамя Блага ещё больше поможет молодым, прекрасным в поисках своих, сойтись ближе и стройно слагать ступени будущего.

Привет от гор! И честь всем мыслящим о Культуре!

1931.

**27 Июля 1931 г. Наггар, Кулу.
Письмо Н.К. Рериха к Рериху С.Н.**

Родной Светик, можешь себе представить, как мы ждём Тебя, и как много мамочка говорит о желании увидеть Тебя скорее. Вероятно, ты приедешь в Наггар дня на два ранее нас – ибо, иначе нельзя устроиться с мотором, а приехать ещё раз было бы пагубно из-за мамочки из-за жары.

Надеемся, что Абдул Ганиз окажется хорошим берером во время пути. Мы слышали, что в случае, если пассажир занимает целое купе, то слуга может на ночь оставаться с ним в купе. Нечего говорить, что предохранительные болты дверей и решётки на окнах, очень существенны.

Надеюсь, что наш мотор сделает хороший рейс, а в комнате Юрика наверху имеется его постель. Очень бережём здоровье мамочки, которое, даже несмотря на высоты, требует большого спокойствия и уже несколько раз здесь встревожило нас неожиданными атаками. Кроме лекарств, главное конечно, спокойствие, и мы всячески следим за этим, отстраняя всё тревожащее.

Не приходи в Кайтран встречать нас, лучше встретимся у дома, ибо, кажется, трудно достать лошадей для подъёма. Впрочем, Шибаетов всё тебе расскажет, он же предупредит тебя о Мистере Шуфте и Раабе, их нужно остерегаться.

Итак, до скорого свидания, все тебя крепко обнимаем и будем рады пожить вместе и в мире.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

ГЁТЕ

«War nicht das Auge sonnenhaft,
Die Sonne konnt'es nie erblicken».
*«Не будь глаз солнцеподобным,
Никогда он не увидел бы солнце».*

«Alles konnte man verlieren
Wenn man bleibe was man ist».
*«Не беда всего лишиться,
Только б вечно быть собой».*

Солнцеподобность, мощь личности, эти знамена значения Гёте сказаны им самим. Опять вовремя смятенному человечеству напоминает непобедимо прекрасный облик, в котором выражена вся сущность времени. Не нужно никаких прилагательных к выражению «время Гёте», или вернее «Эпоха Гёте».

Имя Гёте стало почётным гербом не только творчества, цельности мысли, глубины познания, мужества сознания, благородства чувства, - это имя действительно собрало в себе целую эпоху, полную сильнейших выражений духа. Стиль Гёте не есть только стиль писателя - не только стиль сильного государства, но есть стиль эпохи. Ни волны моды, ни переоценки, ни новые достижения, ничто не касается гигантов, создателей, выразителей эпохи, как Гомер, Шекспир, Данте, Сервантес, Гёте... Нельзя сказать, чтобы они были как вершины одинокие, ибо в них собрался дух времени! Они сделались сверхличностью, ибо олицетворили самое благородное нахождение эпохи. Гр. Толстой, проникновенно обращаясь к художнику, говорит, вспоминая образы Гомера, Фидия, Бетховена, Гёте:

"Нет, то не Гёте великого Фауста создал,
Который в древнегерманской одежде,
Но в правде великой вселенской
С образом сходен предвечным, от слова до слова.
Или Бетховен, когда создавал он свой Марш похоронный,
Брал из себя этот ряд раздирающих душу аккордов?
Нет, эти звуки рыдали всегда в беспредельном пространстве.
Он же глухой для земли неземные подслушал рыдания.
Будь слеп, как Гомер, и глух, как Бетховен,
*Слух же духовный сильней напрягай и духовное зреньё.
И как над пламенем грамоты тайной неясные строки
вдруг выступают,*
Так выступают вдруг пред тобою картины.
Станут всё ярче цвета, осязательней краски.
Стройные слов сочетанья в ясном сплетутся значенья.
Ты ж в этот миг и смотри и внимай, притаивши дыханье.
И созидай потом, мимолётное помни виденье».

Такими словами писатель хотел показать всю неземную, нечеловеческую сущность творений Гёте. Многих тайных грамот великие строки открылись глазу Гёте. Говорят о принадлежности Гёте к тайным философским обществам. Не в том дело. Мало ли членов и всяких дигнитариев во всех обществах. Пламя духа, огонь сердца, великий Агни не рассудком, но чувствознанием ввёл

Гёте в тайники вершин. Синтез никакими обществами не даётся. Но знаменательно видеть, как Гёте, как истинный Посол Истины, не уклонялся от жизни, но находил улыбку ко всем её цветам. Ограничение не к лицу всеместившему духу.

Мышление Гёте, по справедливости, можно назвать пространственным. В нём утверждалась личность, но было освобождение от эгоизма. Агни-Йога! Такое сочетание для малых сознаний даже невообразимо, но оно является верным мерилем потенциала личности. Знал ли Гёте учения Востока? Вероятно, знал, ибо романтизм не живёт без Востока. Не дошло до нас, насколько Гёте изучал сокровища Востока. Он не настаивал на них, но ясно, что он знал их; может быть, присущая ему всеобъемлемость открывала легко и эти знаменательные врата.

Говорят: Гёте - Посвящённый! Ещё бы не посвящённый, если в пламенных формулах мог прикасаться к самым священным камням, не обжигая руки.

Ещё бы не посвящённый в законы основ, если без страха проходил все ущелья, полные отсталыми и заблудшими путниками. Ещё бы не посвящённый, если не искателем, но носителем сокровища миров дальних прошёл он свой путь.

У тайновидца Гофмана именно тайный советник архивариус оказывается духом огня.

Поистине Гёте был действительным Тайным Советником, только не королевским, а общечеловеческим. Носил он этот чин с лёгкостью гиганта, который улыбается осколку утёса, упавшему на грудь его. Эта лёгкость несения нераспесканной чаши жизни поражает в прохождении крупнейших личностей. То, что иному стоило бы многих морщин, искривлений и вздохов, - для великана просто ещё одна неизбежность, которую он встречает весело, чтобы спешить дальше. Сам Гёте признается: «Моё стремление вперед так неудержимо, что редко могу позволить себе перевести дух и оглянуться назад». В этом мощном несении чаши вспоминаются легенды о Христофоре через поток жизни. Как-то особенно солнечно нужно праздновать память Гёте.

Как и многие другие, сшитые не по мерке стандарта, Гёте для одних остаётся чуть ли не испытанным сановником, и для других неисправимым революционером. Для одних - устой, для других - потрясатель. Потрясающе само количество комментариев, толкований на Гёте. Всё разнообразие приписанного и потребованного от Гёте даёт размеры его творчества.

Конечно, такой ум не мог быть однообразен.

Гёте кульминировал время Шиллера, Гердера, Бюргера, Винкельмана, Канта, Лессинга. Великое время и Франкфурт-на-Майне, хорошее место! Лейпциг, Страсбург, Вецлар, Веймар - всё насыщено знаменательными встречами. Литература, искусство, наука, законоведение, государственные труды - весь комплекс жизни - лишь углубляют сознание Гёте, нисколько не отягощая его могучих, творящих плеч. Всему есть время, всему есть улыбка.

Годы Италии. Дружба с таким же великим духом, с Шиллером: в противоположениях и взаимодополнениях куётся нерывная связь. Наконец, восьмидесятилетняя рука Гёте кончает последние строфы Фауста как синтез жизни. Так считает сам Гёте, говоря Эккерману, что он понимает остаток жизни как дар. И на следующий год Гёте спешит в мир дальний.

Мировой дух «Weltgeist» Гёте и, конечно, мировое единство есть его основа. Творчество и критика проявляются в творениях Гёте в своеобразном сочетании «решить жить во всеобъемлемости, во Благости, в Прекрасном».

Гёте повлиял даже на Скотта в его «Айвенго». «Коринфская невеста», «Лесной царь», «Бог и Баядера», «Тассо», «Эгмонт», «Ифигения» вдохновили лучшие умы к переводам, переложениям и выражениям в музыке.

А «Мастер Вильгельм» незабываем как образ Культуры, Строения (Bildung) и многим дал жизненный урок. Свободный от дидактики и сухой морали, давал Гёте учения жизни во вдохновенных образах трогательного романтизма, собрав их в символе «Страданий молодого Вертера».

«Weltanschauung» - мирозерцание Гёте неповторяемо, ибо основано на его собственном неповторенном ритме насыщенного, неутомимого действия.

Влияние Гёте не только глубоко во всех германских странах, но и в англосаксонских, и в славянском мире, и в Америке. «Nur rastlos bethatigt sich der Mann». [*Лишь тот, кто непрестанно трудится, есть человек. (нем.)*] Лишь меняя работу нервных центров, подобно Вольтеру, он не знал, что такое отдых. Его «eine Menschlichkeit» [*чистая сущность человека (нем.)*] не была чужда бессмертия, так же как «ewig Weibliches» [*женское начало (нем.)*] всегда парило в чистых сферах восторга красотой. Вековой юбилей Гёте должен быть праздником каждого расширенного сознания. Именно солнечным праздником! Гёте близок Аполлону. Близок свету античности. Ключ его мажорный. Красивое представление, красивое издание, в прекрасном кожаном переплете, не ломающееся при первом открытии, с заставками и заглавными буквами. Непошлѐнный народный праздник, на котором увенчивают благородного мейстерзингера. Так представляется годовщина славного, всем близкого Гёте. «Лесной царь» и «Коринфская невеста» были темы одних из моих первых эскизов; и, конечно, Фауст ставился в нашем детском театре.

Гёте. Вспоминаем своей учебный стол. Школьное издание Гетца и Вертера; вспоминаем все те хорошие, прекрасные мысли, зарождавшиеся от баллад Гёте. Ни от одной из них не приходилось отказаться, и никогда не пришлось постесняться имени Гёте. Один восторженный школьник недоумевал: отчего Вольфганг, зачем не Лео, ведь львиная поступь у Творца Фауста!

Не спорить о Гёте, но должно радоваться о нём, укреплѐнными лучшими воспоминаниями. Другу наших духовных накоплений надлежит солнечный праздник.

Чем-то очень торжественным, и задушевым, и созвучным хочется проводить праздник Гёте. В саду жизни он. И распустились лилеи Мадонны; там собираются внимающие. И от Соломоновой прекрасно-мудрой древности, от «Песни Песней» благоухает этот цветник жизни.

«Куда пошёл возлюбленный твой, прекраснейшая из женщин? Куда обратился возлюбленный твой? Мы поищем его с тобою. Мой возлюбленный пошёл в сад свой, в цветники ароматные, чтобы пасти в саду и собирать лилии».

Урусвати 1931.

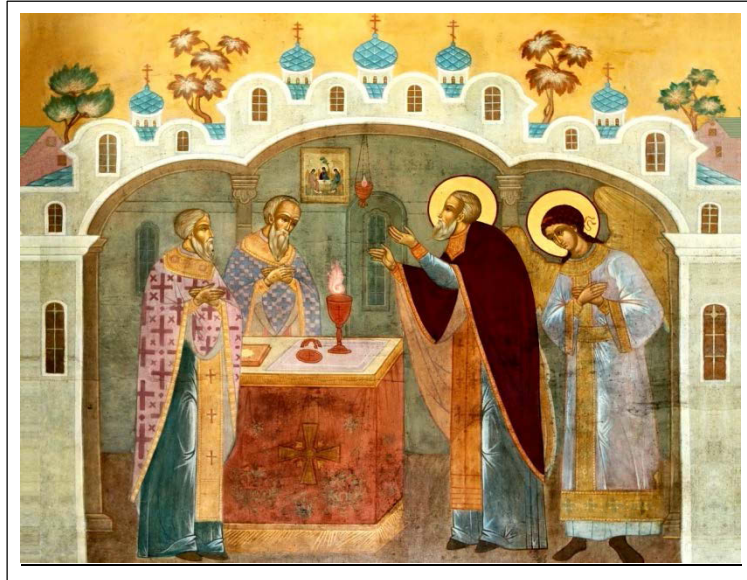
Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. [1932].

ПРЕСТОЛ ОГНЕННЫЙ

«Тайная сторона огня сокрыта в его очевидной (или объективной) стороне, а объективная возникает из тайной стороны».

Тайная Доктрина

ЛИШЬ НА МЕСТЕ, У ПРЕСТОЛА ОГНЕННОГО СЕРГИЙ УМНОЖАЛ СВОЮ СИЛУ

Роспись Святых врат Троице-Сергиевой Лавры.

Почему же Сергей не последовал за князем на битву? Неужели он не мог покинуть монастырь? Неужели он считал такую битву недостаточно значительной? Неужели он не желал руководить князем во время битвы? Конечно, иные соображения остановили Сергея в монастыре. Если битва была решающей, то духовное руководство должно быть чрезвычайным.

Лишь на месте, у Престола Огненного Сергей умножал свою силу. Требовалась соединённая мощь Света, и Сергей сердцем сослужил с Силами Невидимыми. Так воин Сергей избрал самую дозорную башню, чтобы нести несменную стражу. Не могут силы возрасть в смятении битвы, но луч Света идёт за воинами из Обители Огненной, так можно мудро понимать распределение сил.

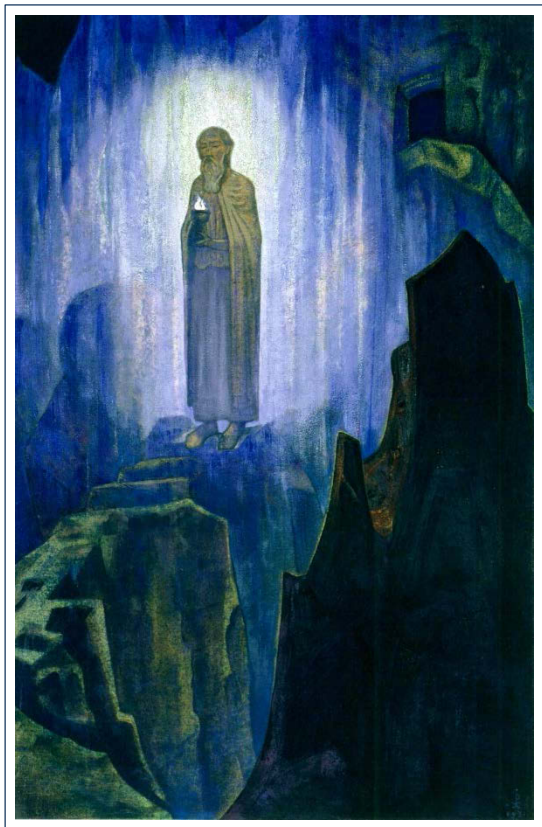
Ведь не сам Сергей оставил себя в монастыре. Может быть, он очень стремился быть с князем, но *Сослужитель Огненный* шепнул ему: *«Останься здесь, где уже создан Престол Огненный!»*

Так нужно помнить, как мысленно Сергей следил за битвою и направлял легионы Небесные на осуществление Новой Эры. Пусть во всех построениях светит пример Сергея. Та же мера переполнилась теперь, и не для прошлого, но для будущего созидателя Новый Мир.

Записи Учения Живой Этики. Т. 13. М. 2007- 2011. (13.06.33 г.)

НЕБЕСНЫЙ СВЕТ

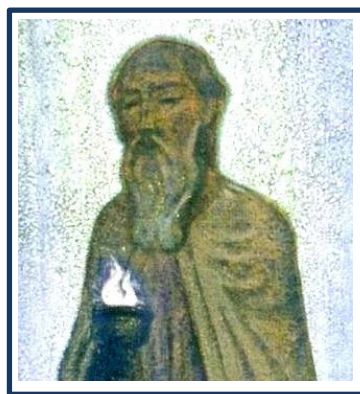
*«Ведущее Начало есть Огненный Учитель.
Не пройти без Него, не продвинуться без Него, не до-
стичь без Него». (Мир Огненный, ч. 3.)*

Н.К. Рерих. Небесный Свет. 1931.

*Из дневниковых записей Е.И. Рерих
(6.10. 1929 г.):*

*«- Видение мужской фигуры в сереб-
ряном огне, не есть ли Фуяма?
- Очень напряжённый Агни-Йог –
Наш Фуяма.
-Наш Фуяма идёт, как Наш утвер-
ждённый Собрат».*

«Пламя, утвердись, двуконечное!»

Чистая молитва доходит –
У подножия Христа она расцветает серебром.
Чистым синим огнём пылает зовущее Слово.
И сияет Чаша Возношения.
Господи, испей наши слёзы и возри на пламя нашего сердца.
«Я пламенем осушу ваши слёзы и вознесу храм вашего сердца».
Снимите одежды очага: Владыко приходит,
сокровище чаши он претворил,
и сосуд Он возвращает зажжённым.
Пламя, утвердись, двузачное, утвердись, двуконечное!
Радости слёзы – Господне вино – сияют чистым огнём.
Сердце, возлей вино слёз, но не засохни, сердце моё.
Чем наполню чашу, Владыко!

Зов. 1921. Май. 19.

FIAT REX! «ДА БУДЕТ КОРОЛЬ!»

**«Значение Палаты, явленных Царя и Царицы и есть завершение,
которое предстоит приближению всех Космических Огненных сроков»**

«Камень, упавший с Ориона, хранится в Братстве. Осколок его посылается в Мир сопутствовать мировым событиям и своею внутрннею магнетическою силою держит соединение с Братством, где лежит главное тело Камня. Принцип простого магнита. Не только символ, но телесное сродство держит напряжённый провод... Также слышала о Женском и Мужском Началах, когда они соединены духовным чувством, батарея замыкается, и возможно претворение Высших Сил на земном плане». (Е.И. Перих «Огненный опыт», 3.05.24 г.)

Закон Огненного Права

«...Древние Посвящённые Египта знали великий закон, который правит всей Вселенной. Сама Пирамида походила на символ горы с широким основанием и узкою вершиною. Конечно, значение Палаты, явленных Царя и Царицы, и есть завершение, которое предстоит ещё при приближении всех Космических Огненных сроков. Нужно запомнить эти явленные сроки. Нужно запомнить эти древние указания и вычисления. Так можно проследить, как с самых древних времен утверждались космические сроки. Нужно также обратить внимание, что те вычисления приводят к нашему сроку и времени. Так незыблемо Право Огненное, которое записано на всех скрижалях, которое записано великою жизнью вечного Магнита. (Мир Огненный, ч. 3, 198).

Закон Слияния

«Так родная, Мы утверждаем Наше объединение. Все кольца наших явленных жизней собрались, и в Книге Жизни развёртывается чудесная страница.

«Так Мы знаменуем победу! Так Наше знамя развивается. Так стена мрака распалась. Истинно, радость в Ашраме. Истинно, Наши воины так являют радость.

«Да, время было незабываемое. Время изоляции и слияния. Так Наши сердца в единении. Так Наши ауры слились в радости. Время великое, время, насыщенное лучами А. Так космическое слияние вошло в жизнь. Так, родная, Мы творим вместе. ... Так Наш мудрый Фуяма творит космически напряжённо. Так воин Удрая вырос, и Наша верная Свидетельница так заслуживает Наше доверие.

«Так чудесные страницы Книги Жизни записаны.

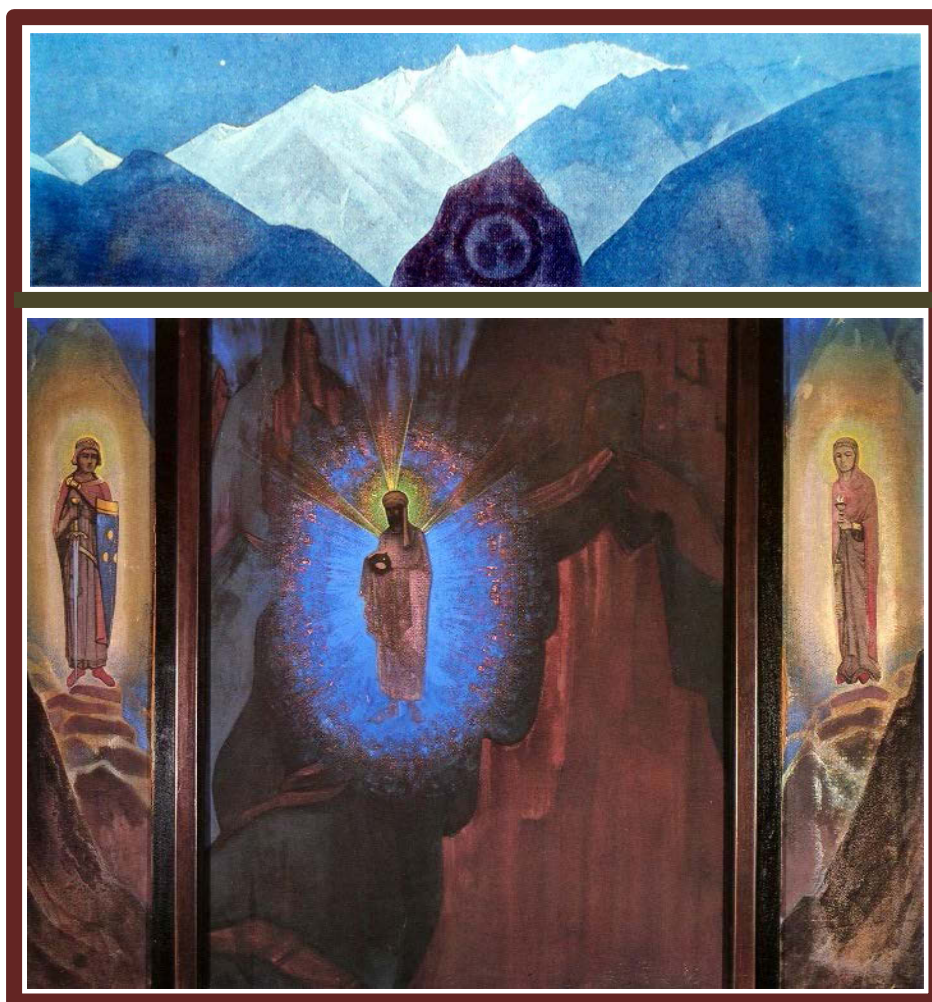
Да, такое прекрасное время!» (Высокий Путь. Декабрь 1930).

Так Наши сознания объединены, потому Гуру и Тара являются Нашими доверенными. Потому Иерарх, который будет исполнять волю Тары и Гуру, должен, прежде всего, быть объединён в сознании. Так могут глаз Урусвати и рука Фуямы действовать только объединённым сознанием. («Высокий Путь». 20 декабря 1930).

24 марта 1931 г. «Так творчество Фуямы даёт основание красоты и устремление к явлению созидания утверждений. Так мысль Света наполнила пространство и утвердила явление сознания необходимости духовного центра, так можно обозначить Нашу Твердыню. И в Наш день можно сказать – огненно вошло в пространство духотворчество Тары. Так Мы творим вместе, так дуги сознания слиты.

Единство заключает круг жизни, истинно, кто идёт, наполненный ответственностью, любовью, сознательно путём уважения к Иерарху, тот достигает Наших башен. Так единый путь ведёт к Утверждённому и к явлению сознательного сотрудничества. («Высокий Путь»)

**1 апреля 1931 г. «Потому Фуяма есть Водитель народов;
Потому Урусвати есть Водительница огненная» («Высокий Путь»).**

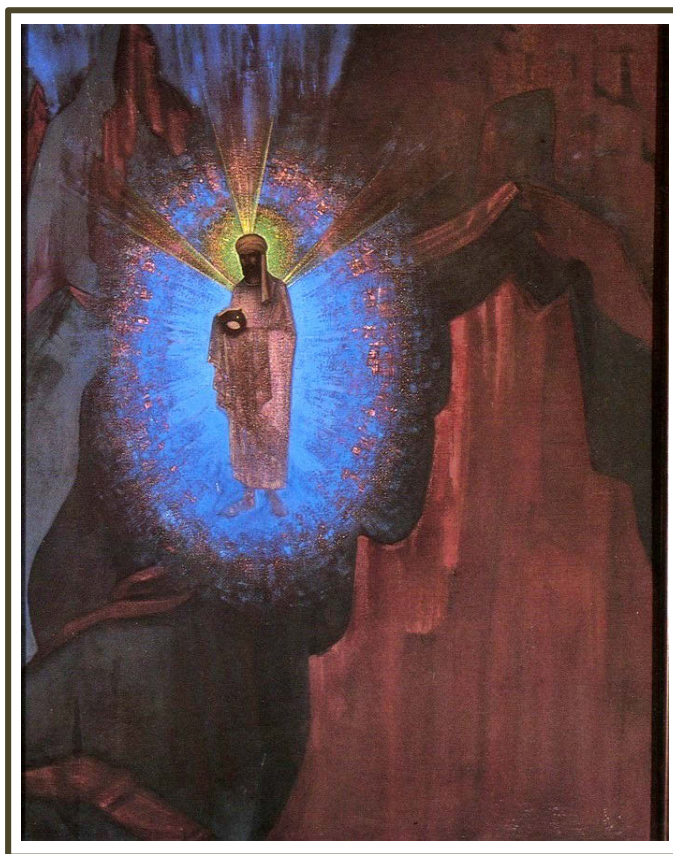

Н.К. Рерих. FIAT REX! («ДА БУДЕТ КОРОЛЬ!»). 1931. Триптих.
Вверху: Н.К. Рерих. Знамя Мира. 1931.

30 июля 1931 г. «Утверждается, истинно, эпоха Аквариуса, когда ковш событий проливается по всем направлениям света и перемешивается стрелка магнита – так заповедано; сотрутся границы, живущие веками на кровопролитных действиях, и заповедано, что придёт белый царь, который даст уявление Нового Мира. Так мощные нити принесут утверждённые явления, так границы истинно принимают утверждённые свойства граней, которые будут отражать истинные народные искания. Так век Аквариуса есть век Майтрейя. **Так белый царь и царица воистину утвердятся в жизни. Так мы будем строить новую ступень, новое государство Блага, которое будет возглавляться Светом и утвердится под Знаменем Мира.** («Откровение»)

ЦАРЬ ДУХА – ОГНЕННЫЙ ИЕРАРХ

«Царственный дух знает истинное Служение. Человек, устремляющийся к познанию Истины, вникает в самую основную сущность жизни. Без этого явления вникания невозможно знать сущность всей жизни. Сколько необходимых обузданий нужно явить, чтобы человек принял надлежащую человечность. И сколько энергий будет проявлено, прежде чем дух человека найдет свое истинное назначение! Царственный дух Иерарха есть та мощь, которая будит сознание, которая проявляет высшее понятие Истины на планете. **Царь духа - Огненный Иерарх! Сколько мощи проявляет этот великий Страж Огня! Сколько великих строительства зиждется на огненном Царе духа! Так запомним на пути к Миру Огненному о той благой мощи, которую несёт Царь духа - Иерарх.** (Мир Огненный, ч. 3. 157)

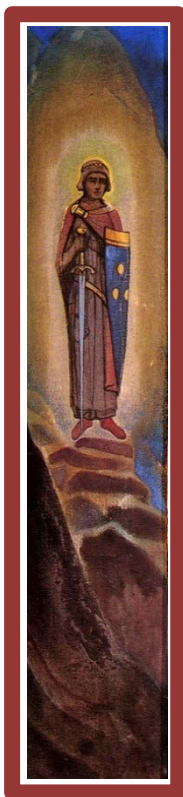

Н.К. Рерих. FIAT REX! («ДА БУДЕТ КОРОЛЬ!»). 1931. Центральная часть триптиха.

*Камень знай. Камень храни.
Огонь сокрой. Огнём зажгися.
Красным смелым.
Синим спокойным.
Зелёным мудрым.
Знай один. Камень храни.
Фу, Ло, Хо, Камень несите.
Воздайте сильным.
Иенно Гуйо Дья – прямо иди!*

Н.К. Рерих. «Заклятие», 1911.

**«Значение Палаты явленных Царя и Царицы,
и есть завершение, которое предстоит ещё при приближении всех
Космических Огненных сроков».**

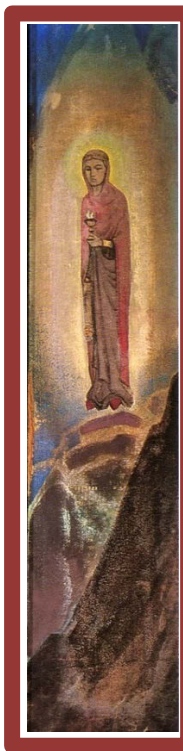

Щит Мой охранит вас, мои родные.

Цените простор мысли. Учю вас
ценить гигантов воли.
Указ Наш – принять на плечи
Свидетельство Моего Прихода.
Подымите Щит тяжкий на волю
крепкого вашего сознания.
«Владыко, помогу Стране Твоей, дух
Мой облечён в пользу бесстрашия..
Ярко горит на щите звезда Твоя.
Приму в щит все стрелы
противников Твоих.
Хочу помочь Тебе»

Озарение. 1925.

Н.К. Рерих. FIAT REX! 1931.
Левая часть триптиха.

Держите светильники зажжёнными.
Я учу.

Чудо луча красоты в укреплении
жизни поднимает человечество.
Неси свой светильник.
Освети украшение Моего Храма.
Учи счастьем знания.
Учи счастьем любви.
Учи счастьем слияния с Богом.

Зов. 1921. Июль 4.

Н.К. Рерих. FIAT REX! 1931.
Правая часть триптиха.

АВГУСТ

***[Июль – август 1931 г.] Кейланг.
Письмо Н. К. Рериха к м-м де Во Фалино.***

Дорогой Друг.

Очень рад был узнать из письма Вашего, что конференция в Брюгге назначена на 12 сентября. В лице Вашем пишу и всей нашей делегации. Мне хочется сказать Вам мою радость, в том, что Вы поедете защищать всемирное Благо за пределами наций, за пределами Искусства и науки как таковых, даже за пределами Культуры, возвышается всемирное, незыблемое Благо. Всякая забота об этом божественном сокровище является высшим проявлением человеческого духа.

Защищая всемирное Благо, мы имеем одно неотъемлемое преимущество - мы непобедимы. Ибо кто же может говорить против охранения и заботы о самом прекрасном, о самом драгоценном. В полном осознании Вы скажете Конференции, что эта идея не будет оставлена, но под тем же светлым знаком человеческого сочувствия она как началась, так и будет продолжаться. Может быть, для дальнейших укреплений Знамени Мира потребуются ещё другие конференции и собрания. Будут ли они также в Бельгии или во Франции, в городе Света или в Сокровищнице Красоты в Руане - это покажет будущее. Но теперь ясно одно, что Вы едете к друзьям в непобедимом доспехе и будете творить великое дело всемирного значения. Эта непреложность, это осознание самого прекрасного умножит и силы Ваши и просветлит улыбку светлого сотрудничества, которое Вы найдёте в Конференции в Брюгге. Свезите ещё и ещё раз нашим друзьям мои горячие пожелания и уверенность в несомненном успехе в благородной задаче Конференции. Человечество стремится к Знамени Мира. Добрый путь! Привет сердца! Духом с Вами.

Архив Музея Рерихов, Москва. [июль – август 1931 г.]

***19 августа 1931 г. Кейланг.
Письмо Ю.Н. Рериха к Рериху Н.К.***

19 августа 1931 г. Кейланг

Ваше Превосходительство!

В соответствии с выраженным Вами желанием, имею честь послать Вам следующее извещение о деятельности Института за период прошедших четырёх недель.

Секретарь Института в Наггаре сообщает о завершении работ на фундаменте биохимической лаборатории. Делается всё возможное, чтобы обеспечить требуемое количество лесоматериалов.

Д-р Кельц прибыл в Лех [11] августа. В телеграмме, датированной 11 числом сего месяца, он сообщает о превосходных коллекциях. Следующий пункт его следования – Зангскар.

Положено начало коллекции тибетских книг, как медицинских, так и религиозных.

Продолжается коллекционирование лекарственных растений. Штатным сотрудникам Института помогают два местных врача.

Продолжается работа над первыми двумя томами серии «Тибетика».

Представленный Вам Меморандум г-на Перцова был отправлен в Нью-Йорк. Секретарь нью-йоркского офиса брала отпуск в июле. Журнал Института всё ещё в печати.

С совершенным почтением.

Архив Музея Рерихов, Москва

20 августа 1931 г.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

«Дом за Кейлангом Нам нравится. - У Такура? – Да. Нужно иметь место дальше от дугна. Конечно, можно начинать постройку с будущего года. Нужно иметь место за горами».

Н.К. Рерих. Жилище Такура. 1931.

24 августа 1931 г.

Письмо Н.К. Рерих к Таубе М.А.

24 августа 1931 г.

Дорогой Михаил Александрович,

Оба Ваши письма - из Берлина, и спешное из Парижа - дошли. Мы ещё раз порадовались тому, что Вы будете на Брюжской конференции. Тем обеспечивается для меня, что в конференции сохранятся большие линии, в которых мы с Вами традиционно привыкли мыслить. Отныне буду писать Вам по Вашему личному адресу, и потому в случае перемены его, будьте добры, немедленно меня о том уведомить. Считаю, что, так или иначе, наши планы о более интенсивной совместной работе должны постепенно укрепляться, а для этого, прежде всего, мы должны углублять взаимопонимание. Очень буду ценить всякие Ваши соображения о деятельности нашего европейского Центра.

В конце октября в Париже будет мисс Э. Лихтман, одна из самых наших довереннейших сотрудниц. Вы будете иметь с нею частые беседы и можете быть совершенно откровенны, ибо я знаю, и к Вам мисс Лихтман питает самые лучшие доверенные чувства. С нею Вы переговорите о многом.

Осенью, вероятно, выйдет из печати моя книга «Держава Света», о которой нужно будет дать соответствующие её внутреннему содержанию отзывы. Вы понимаете, что такие книги нельзя безлично бросать на редакционный стол, но если Вы заметите, что кто-то не предаст и оценит многообразное единство содержания, то очень необходимо содействовать достойным отзывам в разных зарубежных колониях. Пора думать о будущем!

Имейте в виду, что мисс Лихтман послала мадам де Во и Шкляверу своё предложение для конференции, чтобы вне зависимости от постановления Ли-

ги Наций все учреждения, музеи, общества, принявшие Пакт, немедленно уже подняли и развернули над своими культурными сокровищницами наше Знамя. Этим гласом народным всемирное Знамя Культуры уже войдёт в жизнь, и Вы, конечно, оцениваете практическое значение этого. Это не должно остаться каким-то предложением, повисшим в воздухе, но должно сразу войти в жизнь, тем более, что Гаагский Протекторат является внутренне более значительным, нежели Лига Наций, и по приоритету, и по традиции, близкой нам с Вами, и по большей справедливости, которая положена в основание Гаагского Учреждения. Очень важно, что, по глубоким традициям, мы с Вами можем мыслить объединённо, и те же традиции обязывают нас к широкому вмещению.

К приезду мисс Лихтман будьте добры приготовить Ваш краткий *курукулум вите* [*Curriculum vitae* (лат.) – «жизнеописание», резюме - ред.] с указанием почётных должностей и отличий. Это совершенно необходимо иметь в нашем досье Музея для будущих соображений.

Надеюсь, что на конференции гласность и печатное слово будут поставлены вполне достойно и широко, что вполне соответствовало бы всемирному, историческому, культурному значению собрания. Уверен в Вашем успешном выступлении в Брюгге, и чувствую, что в Ваших руках наше всемирное Знамя держится бодро. Привет супруге и всей семье Вашей.

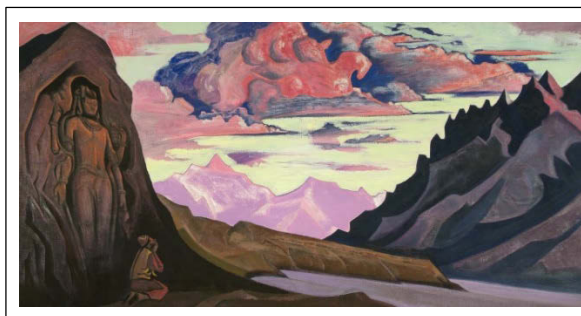
Духовно с Вами,

Николай Рерих

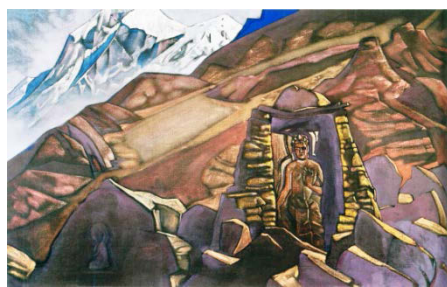
Публикуется по изданию: "Дельфис" №80(4/2014) Письма Н.К.Рериха к М.А.Таубе

24 августа 1931 г. Кейланг.

Н.К. Рерих

Н.К. Рерих. Майтрейя Победитель. 1927.

Н.К. Рерих. Майтрейя на пути. 1928.

МАЙТРЕЙЯ

На пальмовой коре острой иглою, по-синегальски, пишет приветливый бикшу. Докучает ли он? Пишет ли просьбу? Нет, он, улыбаясь, шлёт привет в далёкую Заокеанию. Привет добрым, хорошим людям. И не ждёт ответа. Просто добрая стрела в пространство.

В Канди, в древней столице Ланки-Цейлона, водят нас по старым знакам прошлого. Храм священного зуба, храм Паранирваны, чудесное хранилище священных книг в чеканных серебряных покрывах-переплётках. "А что же там, в маленьком запертом храме?" - "Там храм Майтрейи, Владыки будущего". - "Можно войти?" Проводник, улыбаясь, отрицательно качает головой. "В этот

храм никто, кроме главного священнослужителя, не входит". Так не должно быть осквернено светлое будущее. Знаем, живо оно. Знаем, символ его Майтрейя, Майтри - любовь, сострадание. Над этим светлым знаком всепонимания, всевмещения строится великое будущее. Произносится оно самым священным углублением. Не должно быть оно оскверняемо легкомыслием, любопытством, поверхностностью и сомнением. В лучших выражениях говорят Вишну-Пураны и все другие Пураны, то есть старинные заветы, о том светлом будущем, которому служит всё человечество, каждый по-своему.

Мессия, Майтрейя, Мунтазар, Митоло и весь славный ряд имён, многообразно выражающих то же самое сокровенное и самое сердечное устремление человечества. Особенно восторженно говорят пророки о будущем. Перечтите все страницы Библии, где выражено самое светлое чаяние народа; перечтите заповедь Будды о Майтрейе; посмотрите, как светло говорят мусульмане о пророке будущего.

Как прекрасно говорит Индия о конце чёрного века, Кали Юги, и блистательном начале белого века, Сатьи Юги. Как величествен облик Калки Аватара на белом коне! И так же сердечно ожидают далёкие Ойроты белого Бурхана. Наши староверы, подвижнически идущие искать Беловодье в Гималаях, делают этот трудный путь лишь во имя будущего. Во имя того же светлого будущего лама, прослезившись, рассказывает о сокровищах и мощи великого Ригден-Джапо, который уничтожит зло и восстановит справедливость. К будущему ведут победы Гессар-Хана. На каждый новый год китаец возжигает свечи и молится Владыке будущего. И осёдлан белый конь в Исфагане для великого Пришествия. Если вы хотите прикоснуться к лучшим струнам человечества, заговорите с ним о будущем, о том, к чему, даже в самых удалённых пустынях, устремляется человеческое мышление. Какая-то особенная сердечность и торжественность наполняет эти устремления к преобразению Мира.

В самые мрачные времена, среди тесноты недомыслия, особенно звучно раздавался ободряющий глас о великом Пришествии, о Новой Эре, о времени, когда человечество сумеет благоразумно и вдохновенно воспользоваться всеми сужденными возможностями. Каждый по-своему толкует этот Светлый Век, но в одном все одинаковы, а именно, каждый толкует его языком сердца. Это не безразличный эклектизм. Наоборот, как раз обратное, со всех сторон к одному. Ибо в каждом человеческом сердце, во всём царстве человеческом живёт одно и то же стремление к Благу. И стремятся воссоединиться в сущности своей эти рассеянные ртутные шарики, если они не слишком отяжелелись маслом и не слишком замохнатились пылью. Какая очевидность в этом простейшем опыте внешнего загрязнения ртутных шариков. Ещё можно заменить трепетание внутреннего вещества, но уже осквернена поверхность, и замаслена постороннею мерзостью, и отчуждена этим от вселенского сознания. Уже пресечён путь ко вселенскому телу всеобщения. Но, если не успела загрязниться поверхность, с каким неудержимым устремлением сливаются разрозненные капли снова с первоисточником. И не найдёте уже, не различите эту воспринятую целым частицу. Но живёт она, вся она в Нём, в Великом. Всеединность обобщила её и усилила до вселенского понятия. Все учения знают это вселенское тело под разными именами.

В самых неожиданных проявлениях встречаемся с объединительными знаками. В посмертных заметках старцев пустынь были иногда находимы неожиданные начертания о Гималаях. Эти записи, мандалы и другие неужи-

данные знаки вызывали недоумение и удивление. Но лама далёкого горного монастыря, спрошенный об этом, улыбается и замечает: "Поверх всех разделений существует великое единение, доступное лишь немногим". Итак, сливается мышление, казалось бы, самых удалённых человеческих индивидуальностей. В этих высших знаках стирается самое отвратительное, что затемняет свет сердца, а именно отрицание и осуждение. Часто в нашей современности мы придумываем особые выражения для тех же старинных понятий. Глубокомысленно мы замечаем: "Он понимает психологию", что, в сущности, значит, он не отрицает и не невежествует. Мы говорим: "Он практичен и знает жизнь", что, в сущности, значит, он не осуждает и тем не препятствует себе. Мы говорим: "Он знает источники", что будет значить, он не умаляет, ибо знает, насколько вредно каждое умаление.

В "Воскресении во плоти" Н.О. Лосский замечает:

"Деятель, противопоставляющий свои стремления стремлениям всех других деятелей, находится в состоянии обособления от них и обрекает себя на то, чтобы пользоваться только собственной творческой силой: поэтому он способен производить лишь самые упрощённые действия вроде отталкивания. Выход из этого обнищания жизни достигается путём эволюции, осуществляющей всё более и более высокие ступени конкретного единения".

"Члены Царства Божия, не вступая ни к кому в отношении противоборства, не совершают никаких актов отталкивания в пространстве, следовательно, не имеют материального тела: их преображённое тело состоит только из световых, звуковых, тепловых и т.п. проявлений, которые не исключают друг друга, не обособлены эгоистически, но способны к взаимопроникновению. Достигнув конкретного единения, то есть усвоив стремления друг друга и задания Божественной Премудрости, они соборно творят Царство совершенной Красоты и всяческого Добра, и даже тела свои созидают так, что они, будучи взаимопроникнуты, не находятся в их единоличном обладании, а служат всем, дополняя друг друга и образуя индивидуальные всецелости, которые суть органы всеохватывающей целостности Царства Божия. Свободное и любовное единение членов Царства Божия так велико, что все они образуют, можно сказать, "Единое Тело и Един Дух". (Ап. Павел. К Эфес., 4.4).

"Что касается сверхпространственности, значение её хорошо выяснено в творениях Отца Церкви, св. Григория Нисского: "Душа не протяжённа, - говорит он, - и потому естеству духовному нет никакого труда быть при каждой из стихий, с которыми однажды вступило оно в сопряжение при растворении, не делясь на части противоположностью стихий: естество духовное и непротяжённое не терпит последствий расстояния. Дружеская связь и знакомство с бывшими частями тела навсегда сохраняется в душе".

Кому же особенно ясны и близки будут слова нашего знаменитого современного философа? Конечно, высокий лама найдёт и сердечный ответ и благостное понимание. Больше того, он найдёт в своей реальной метафизике и соответствующие оправдания и с восторгом приобщится диспуту о духовном, иначе говоря, о том, что составляет его стремление. Для вселенского тела лама будет знать Дармакайю. Высшее взаимопонимание, общение представителей духа он назовёт Доржепундок. И, главное, сделает это не в разобщении, не в оспаривании, но в добром общении, в котором так легко стираются вредоносные перегородки.

Там же, на Востоке, поймут и С. Метальникова о бессмертии одноклеточных. Идея единственности, неделимости, неразрушимости будет оценена. Тот, кто понимает Дхарму, тот может говорить и о бессмертии. Так же благостно поймут и Брогли и Милликана и Рамана и Эйнштейна. Лишь бы язык был. Нужно знать для понимания и внешний, и внутренний язык. Нужно знать не только внешний иероглиф. Необходимо знать происхождение знака, нарастание символа, чтобы непонятная внешность не явилась новой перегородкою.

Во Благе разве трудно сойтись? Для кого-то священность Ганга суеверие. Но истинный учёный и здесь отдаёт должное народной мудрости.

Так прекрасно прикосновение к фактам, основам народной мудрости. Священную почитается вода Ганга. Поразительно, насколько не заражается взаимно бесчисленное множество людей, столпившихся в водах священной реки у Бенареса. Но к вере, к психическому охранению природа присоединяет ещё ценнейший фактор. В воде Ганга только что найдены особые бактерии, уничтожающие прочие очаги заразы. Старое знание и здесь являет свою прочную основу.

Трогательны все объединительные знаки. Буддисты видят икону св. Иосафа, Царевича Индийского, и хотят иметь копию её. Ламы видят фреску Нардо ди Чионе в Пизанском Кампо Санто и начинают пояснять содержание её и значение изображённых символов. Когда же вы прочтёте им из "Золотых легенд" о св. Иосафе, они будут приветливо улыбаться. И в улыбке этой будут те же благодать и вмещение, которые уделили место Аристотелю на портале Шартрского Собора вместе со Святыми и Пророками, и призвали образы греческих философов на фрески церквей в Буковине. Изображение магометанина Акбара в Индусском Храме; Лаодзе и Конфуций в ореоле католических святых; все чёрные Мадонны в Рокамадуре и в землях негритянских! А Царь Соломон в православной Церкви Абиссинии! Лишь не закрыть глаза умышленно и множество благих фактов нахлынут. Поистине, следуя завету Оригена, "глазами сердца видим". И не только древний Шартр и Буковина почитают великих философов на порталах своих. Газеты Нью-Йорка сообщают о новой церкви Баптистов на Риверсайде: "Конфуций, Будда и Магомет вместе с Христом изваяны на портале Церкви Баптистов, Новая Эра религиозной терпимости выразительно символизирована в изображениях, где великие учёные и философы (многие в своё время обвинённые в ереси) занимают место со Святыми, Ангелами и Вождями религии". "Моисей изваян плечо к плечу с Конфуцием; За Буддою и Магометом следует Ориген, святой Франциск Ассизский, Данте, Пифагор, Платон, Сократ, Аристотель, святой Фома Аквинский, Спиноза, Архимед". "Одновременно с доктором Фосдик, давшим это свидетельство его широкого мышления, другой представитель свободной мысли, д-р Холмс, объявил на проповеди, что Храмы будущего представят синтез всех великих религий мира". О том же говорят и проповеди доктора Гутри в одной из старейших церквей Нью-Йорка Святого Марка в Бовери. Все помнят его дни Будды и других водителей религиозной мысли. Новый Храм Епископальной Церкви на Парк-авеню под руководством известного проповедника д-ра Норвуда стремится к тому же благому синтезу.

Если почтенный мусульманин будет утверждать, что могила Христа находится в Шринагаре, и станет с самым благоговейным видом перечислять все традиции и исцеления, свершившиеся при этой гробнице, вы не станете сурово перечить ему. Ведь он говорил вам, полный самых добрых намерений.

Так же точно вы не будете вносить препирательство, когда в Кашгаре вам будут утверждать о гробнице Богоматери в Мириам Мазар. Так же, когда вам говорят о пророке Илии в верховьях Инда, вы и тут не протестуете, ибо, во-первых, вы чувствуете доброжелательство, а во-вторых, вам, по существу, и нечего возразить. Или разве будете вы злобно возражать против трона Царя Соломона у Шринагара? Напротив, вы порадуетесь, что таких тронов много в Азии и, по словам доброжелателей, мудрый Царь Соломон во всеобъединении и посейчас летает над азиатскими пространствами на своём чудесном ковресамолёте. Вы порадуетесь и вспомните общество Амоса в Нью-Йорке и его широкие благие цели.

Есть особая радость, когда вы слышите воедино великие имена Мессия, Майтрейя, Мунтазар, произносимые в том же месте и с тем же почитанием. Вообще, со всею бережливостью отнесёмся к благостным объединительным знакам. Вспомним трогательную легенду тибетскую о происхождении многих святынь. И особенно вспомним теперь, когда благие знаки вовсе не заковыывают нас в прошлое, но восторженно устремляют в будущее.

О чём же взывает мудрый Апостол Павел, когда он пишет во все концы и Римлянам, и Евреям, и Коринфянам, и Ефессянам, и Галатам: "Итак, очистите старую закваску, чтобы быть вам тестом новым". "Посему станем праздновать не со старою закваскою".

"Немощного в вере принимайте без споров о мнениях. Ибо иной уверен, что можно есть всё, а немощный ест овощи".

"Итак, будем искать того, что служит к миру и ко взаимному назиданию". "Каждого дело обнаружится: ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытывает дело каждого, каково оно есть". "Когда будут говорить "мир и безопасность", тогда внезапно постигнет их пагуба".

"Духа не угашайте".

"Итак, отвергнем дела тьмы и облечёмся в оружие света", "Достигайте любви, ревнуйте о дарах духовных".

"Писать вам всё о том же для меня не тягостно, а для вас назидательно".

Какой указ и моление о воссоединении духовном, о будущем; нужны оружия Света. И не о прошлом только горюя, не ревнуя о будущем, предупредил Исайя страшными словами: "Магер-шелал-Хаш-Баз".

Не для прошлого, но для будущего путника насаждал Акбар молодые деревья вдоль путей Индии.

Что же может быть хуже, нежели отнять и оставить "место пусто"? Говорит Златоуст: "Когда же душа уклоняется от любви, тогда помрачается её умственный взор".

Истинно, многоценны объединительные знаки! Не забываем слова Вивекананды о Христе, сказавшего: "Если бы в жизни моей встретил Христа, кровью сердца моего я омыл бы ноги Его". Многие ли христиане имеют в сердце своём такое же действительно возвышенное чувство? И можно ли забыть слова того же Вивекананды, спросившего Чикагский конгресс религий: "Если вы считаете ваше учение столь высоким, почему же вы не следуете заветам Его?"

Можно ли забыть тот факт, что, когда однажды христианская церковь была в бедственном положении и угрожаема продажей с торгов, евреи добродушно и добровольно выкупили христианскую святыню и возвратили её в лоно Митрополии. Митрополит Е. подтвердит это.

Разве не во Благое говорит вам раввин-каббалист: "Вы ведь то же Израель, если ищите Свет". Разве не улыбнётесь благостно намтару среднеазиатского бакши о чудесах Великого Иссы-Христа? И разве не будете слушать за полночь, в Кашмире, славословье Христу в устах мусульманского хора, с цитрами и затейными барабанами? Вспомните все почтительные, высокотрогательные сказания мусульман Синкианга об Иссе, великом и лучшем.

Или если возьмём книгу реверенд Джемс Робсон "Христос в Исламе", то, вместо нашёптанных невежеством враждебных знаков, мы увидим множество сердечного понимания и доброжелательства. Старовер поёт стих о Будде. В субурганах, среди священных книг, закладываются и Евангелия. Дравид читает Фому Кемпийского "Подражание Христу". Мусульманин в Средней Азии рассказывает о Святых колоколах за горою, которые на заре слышат Святые люди. Почему нужны мусульманину колокола? Просто ему нужен зов блага. Ко всемирному Беловодью идут и сибирские староверы.

Вспомним все сказания всех веков и народов о Святых людях.

Сказывающий даже и не знает, о ком говорит он, о христианах, о буддистах, о мусульманах, о конфуцианах... Он знает лишь о благодати, о подвигах Святых людей. Они, эти Святые, сияют неземным светом, они летают, они слышат за шесть месяцев пути; они исцеляют, они самоотверженно делятся последним достоянием; изгоняют тьму и неутомимо творят благо на всех путях своих. Так же говорят и староверы, и монголы, и мусульмане, и евреи, и персы, и индусы... Святые становятся общечеловечны, принадлежат всему миру, как ступени истинной эволюции человечества. Всё вмещает Свет. Чаша Грааля над всем благом. Божественная София Премудрость летит над всем миром.

Проклятия ведут лишь во тьму. Не злобою, не отрешениями, но по благим векам можно перейти самый бурный океан.

Вот слова от Корана:

"О народы земные, скиньте всякие узы, если хотите вы достигнуть Становья, уготованного вам Богом".

"Быть может, тогда удастся заставить людей бежать от состояния беспечности, в котором обретается душа их, к Гнезду Единства и Знания, заставить их пить воду вечного Ведения". "То жребий святой и вечный, удел чистых душ за божественной трапезой».

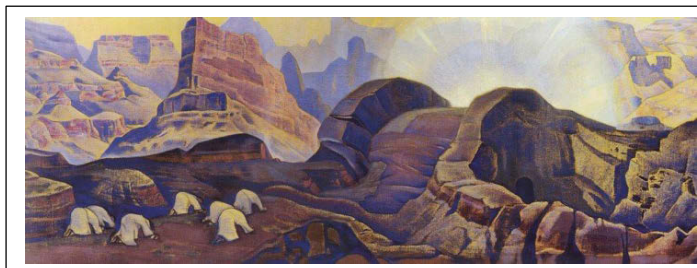
Вот от Каббалы, от великой Шамбатион:

Эллад Ха-Дани описывает реку Шамбатион, объединяющую детей Моисея, как твердыню духовного объединения. Мусульманские писатели Ибн-Факих и Казвини повествуют, как однажды Пророк просил Архангела Гавриила перенести его в страну "детей Моисея" (Бану Муза), в страну праведных. "Гелилот Эрез Израэль" соединяет Шамбатион со священной рекою Индии, имеющую целительные свойства. Целительные объединения!

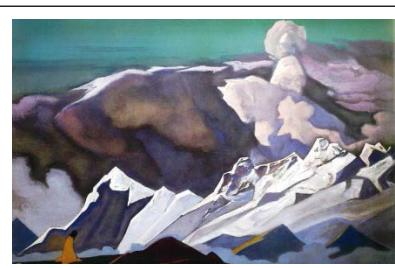
Не будем думать, что мышление о всепонимании, об объединении свойственно лишь новаторам, потрясающим догмы. Православная, католическая и римско-католическая церковь постоянно молятся "о воссоединении церквей и о временах мирных".

Это чаяние самого духовного, самого сердечного единения не есть только догма, это есть самое животворящее, благодатное начало. И после этого воссоединения чают времена мирные. От церковного амвона переносимся в бесчисленные мирные Конференции, которые тоже, каждая по-своему, более или

менее удачно, мечтают о временах мирных. На этой вершине сходитесь внутренняя надежда всего человечества. И самые косные, и самые трепетно обновлённые мечтают о временах мирных, о самом прекрасном воссоединении. В тайниках сердца мы понимаем, что гонения, отрешения, проклятия привели только к ужасу, к дроблению, измельчению. Привели к изысканной лживости и отвратительному лицемерию.

Н.К. Рерих. Явление Мессии. 1923.

Н.К. Рерих. Калки Аватар. 1932.

Через мост придёт Мессия. Каббалисты знают этот объединяющий символ. На белом коне Всадник Великий и комета, как меч Света в деснице Его. Говорит знатный Абиссинец: "И у нас есть старинная легенда. Когда Спаситель Мира придёт, Он пройдёт по каменному мосту. И семеро знают о приходе Его. И когда они увидят Свет, они припадут к земле и поклонятся Свету".

Разве случайно пришествие Мессии должно произойти через мост? Какой же символ ближе всего мысли об объединении, о воссоединении? Уже не повосточному сидит Майтрейя, но по-западному, со спущенными ногами, готовый к пришествию. "Время сокращено есть". "Воистину не было ещё времени, сокращённое нашего!" "Сгущённо время". "Коротко время", "Узко время", на разных языках восклицают народы, трепеща от предчувствия, собирая вокруг чаяния своего лучшие символы. Без слов скажут, глазами укажут, как устремляется дух их к Тому Великому, которое предчувствовано всеми страданиями, всеми кострами, всем шёпотом непонятого сердца. В чём и сознаться даже себе страшно, к мечте прекраснейшей открыт дух народный. И нет затемнения такого, которое бы пересекло путь в будущее, где исправится молитва, настанет мир и возвеселится дух радостью, не теперешнею, ликованием светлого завтра.

Зачем нужны человечеству эти мирные времена? Так же точно каждое сердце знает, что мирное время нужно ему для познавания, для строения. Немирные времена привели к краху, материальному и духовному. И это знает сердце человеческое. Немирные времена создали шатание безработицы, в которой теряется лучшее устремление к повышению качества. Немирные времена привели ко множеству условностей и к тому ужасу, который возникает от потери качества, иначе говоря, к духовному одичанию.

Очень часто мирные конференции вызывают улыбку сожаления своею лицемерностью, когда люди собрались уничтожить неудобные им разрушительные средства лишь для замены их более утончёнными и современными. Но и среди этих сборищ всегда имеются те, которым близок созидательный принцип времён мирных. Вот эти-то неозверелые, как чистые шарики, всё-таки будут стремиться к светлому воссоединению, к великому вселенскому телу. Эти устремлённые всегда могут договориться, ибо сердце их или днём, или ночью молится о воссоединении. Если жив этот глас, то можно осознать и

то нерушимое облагораживание духа, которое даётся осознанием Культуры. Ведь каждый мечтающий, ищущий Культуру, знает в сердце своём и великое воссоединение, и времена мирные. Ему нужно это воссоединение, ему нужно мирное время, чтобы отворить врата светлые. "Не мешай", "не заслоняй мне солнце" просит Сократ ведь не для того, чтобы быть лежебоком, он просит не заслонять света, не рождать тьмы.

Да, да, будущее не терпит лежебоков. Всё сгустилось, В нагнетении энергий значительно каждое мгновение сознательной работы. Значительно каждое изгнание эгоизма. И светло каждое утверждение кооперации.

Век Майтрейи всегда указывался, как век истинного сотрудничества.

Наталия Рокотова, в своей замечательной книге о буддизме, по источникам характеризует век Майтрейи так:

"Грядущий Будда-Майтрейя, как указывает его имя - Будда Сострадания и Любви. Этот же Бодхисаттва, в силу присущих ему качеств, часто именуется Аджита-Непобедимый.

Интересно отметить, что почитание многих Бодхисаттв нашло развитие только в школе Махаяны, тем не менее, почитание одного Бодхисаттвы Майтрейи, как преемника, избранного самим Буддой, принято и в Хинаяне. Таким образом, один только Бодхисаттва Майтрейя охватывает всё пространство, являясь выразителем всех чаяний буддизма.

Какими же качествами должны обладать Бодхисаттвы? В учении Готамы Будды и в учении Бодхисаттвы Майтрейи, согласно преданию, данному им Асанге в веке (Махаяна-Сутраламкара), прежде всего, было отмечено развитие энергии, мужества, терпения, постоянства устремления и бесстрашия. Энергия есть основа всего, ибо в ней одной заложены все возможности",

"Будды вечно в действии, им неведома недвижность, подобно вечному движению в пространстве, действия Сынов Победителей проявляются в мирах",

"Сильный, отважный, твёрдый в своей поступи, не отказывающийся от бремени принятия подвига общего блага".

"Три радости Бодхисаттв - счастье даяния, счастье помощи и счастье вечного познания. Терпение всегда, во всём и везде. Сыны Будд, сыны Победителей, Бодхисаттв в своём действенном сострадании, Матери всему Сущему" (Махаяна Сутра).

Не о том же ли Свете, сердечно жданном во Благе и Единстве, говорит Восток, заповедуя Шамбалу?

"Мировой Глаз Шамбалы несёт человечеству Благо. Мировой Глаз Шамбалы, как Свет на пути человечества. Мировой Глаз Шамбалы та Звезда, которая направляла всех ищущих.

Для одних Шамбала есть Истина, для других Шамбала есть утопия. Для одних Шамбалы Владыка есть Старец, для других Шамбалы Владыка есть Явление Довольства. Для одних Шамбалы Владыка есть украшенный Идол, для других Шамбалы Владыка есть Руководитель всех планетных духов. Но Мы скажем - Шамбалы Владыка Огненный Двигатель Жизни и Огня Матери Мира. Дыхание Его горит Пламенем, и Сердце Его пылает Огнём Лотоса Серебряного. Шамбалы Владыка живёт и дышит в сердце Солнца! Шамбалы Владыка зовущий и Позванный! Шамбалы Владыка стрелу Несущий и все стрелы Принимающий! Шамбалы Владыка дышит Истиной и утверждает Истину. Шамбалы

Владыка Нерушим и рушимость претворяет в созидание! Шамбалы Владыка Навершие знамени и Вершина жизни!

Примите Шамбалы Владыку, как Знамение жизни. Трижды скажу - жизни, ибо Шамбала есть залог устремлений человечества. Наше Явление - человечества залог совершенствования. Наше Явление - утверждённый путь к Беспредельности.

Шамбалы Владыка являет человечеству три начертания: Учение, явленное Майтрейей, зовёт дух человеческий в Наш творческий мир. Учение Майтрейи указывает на Беспредельность в Космосе, в жизни, в достижениях духа! Учение Майтрейи держит знание космического огня, как открытие сердца, вмещающего явление Вселенной.

Старое предание, утверждающее, что явление Майтрейи явит воскрешение духа, правильно. Мы добавим: воскрешение духа может предшествовать явлению Прихода, как принятие сознательное Учения Владыки Майтрейи. Истинно воскрешение!"

Не к той же ли крепости духовной зовёт Восток, утверждая законную необходимость Иерархии Света?

"При переустройстве мира можно продержаться лишь на утверждении Нового Мира. Установление явленного решения может войти в жизнь лишь великим пониманием мирового перерождения путём великого закона Иерархии. Потому ищущие Нового Мира должны устремиться к утверждению закона Иерархии. [...]

Тем только можно установить равновесие в мире. Только пламенно Ведущее Сердце явит спасение. Так нужно миру утверждение закона Иерархии",

"Потому законно утверждается Иерархия при смещении стран в замене огнём всего уходящего. Потому так необходимо принять закон Иерархии, ибо без цепи не построить великую лестницу восхождения, так нужно принять огненно утверждение величия закона Иерархии".

"Нужно твердить об Иерархии. Правильно, что Иерархия рабства кончилась, но явление Иерархии сознательной сопровождается страданием человечества. Слишком много рабства в мире и слишком подавлено каждое пламя сознания. Рабство и сознательная Иерархия, как день и ночь. Потому не смущайтесь повторять - Иерархия сознательная, Иерархия свободы, Иерархия знания, Иерархия Света. Пусть незнающие зачатие Нового Мира насмехаются, ибо каждое понятие Нового Мира им страшно. Разве им не ужасна Беспредельность? Разве им не тягостна Иерархия? Ведь, будучи сами деспотами невежества, они не понимают созидание Иерархии. Сами, будучи трусами, они ужасаются перед подвигом. Так положим на весы самые нужные понятия наступающего Великого Века - Беспредельность и Иерархия".

"Следует принять Иерархию, как эволюционную систему. Духам, не изжившим рабства, можно повторить, что Иерархия совершенно отличается от деспотизма.

Какой же путь самый утверждающий? Самый верный путь есть самоотверженность подвига. Самый чудесный огонь есть пламя сердца, насыщенное любовью к Иерархии. Подвиг такого сердца утверждается Служением Высшей Иерархии, потому так чудесна самоотверженность тонкого сердца. Духотворчество и самодеятельность тонкого служителя огненно насыщает пространство. Так, истинно, созвучит видимое с невидимым, настоящее с будущим и

предуказанное свершится. Так самоотверженность тонкого сердца насыщает мир пламенем.

По строению слов эволюционная спираль расширяется, а инволюционная суживается. То же самое можно наблюдать не только на личном, но и на идеях. Очень поучительно разбирать, как идеи рождаются и совершают свой круг: часто они как бы совершенно исчезают, но если они эволюционны, то они снова выявляются в расширенном виде. Можно изучать спираль корня идей для мышления эволюционного. Задача постепенной вмещаемости идеи может дать прогрессию к высшему пониманию.

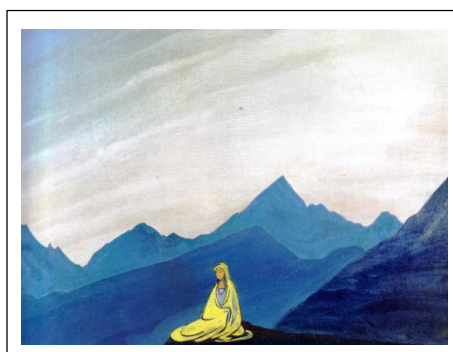
Трудись, твори благо, чти Иерархию Света - этот Завет Наш можно начертать на ладони даже новорождённого. Так несложно начало, ведущее к Свету. Чтобы принять его, нужно иметь только чистое сердце".

"Иерархия есть планомерное сотрудничество.

Если кто истолкует его в своём условном понимании, он только докажет, что мозг его не готов для кооперации". Так сказано. На чём же согласимся? На чём простим? На чём поймём? На чём расширимся? На чём не ущемимся? На чём тронемся дальше? Обойдя все круги Дантовы, придём мы к сотрудничеству. Сотрудничество, сострадание, та же любовь. Заповеданная всеми иероглифами сердца, любовь - Мать Мира. Неисчерпаемая, любовь творящая, создавшая племя Святых людей, не знающих ни земли, ни народности; поспевающих на крыльях духа на помощь, на сострадание, сотрудничество; спешащих во Благо: несущих капли Всепонимания, Всеединой Благодати.

Спешит мир в переустройстве. От злобы устало сердце человеческое. И в трудах смятенных вновь вспомнило о Культуре, о знаках Света. И шепнуло друг другу: "Есть оно будущее, для чего мы пришли сюда. Ведь не для опоганения, не для ужаса, но шли сюда для труда совместного, для познания, для просветления. Возьмём же этот Вселенский Свет. Возьмём Преображение Мира, предуказанное, предсужденное».

Все народы знают, что место Святых людей на горах, на вершинах. От вершин откровения.

Н.К. Рерих. На Гималайских вершинах. 1933.

В пещерах, на вершинах жили Риши. Там, где начинаются реки, где вечные льды сохранили чистоту вихрей, где пыль метеоров приносит от дальних миров доспех очистительный, - там возносящие сияния! Туда стремится дух человеческий. Сама трудность горных путей привлекает. Там случается необычное. Там мысль народная работает кверху. Там каждый перевал сулит невиданную новизну, предвещает перелом на новые грани великих очертаний.

Н.К. Рерих. Майтрейя. 1932.

На трудных путях, на опасных горных перевалах стоят изображения Майтрейи Светлого будущего. Кто озаботился поставить их? Кто потрудился? Но стоят они, часто гигантские, точно нечеловечески созданные. Каждый путник прибавит свой камешек к нарастающему мендангу. Разве насмехнётся сердце ваше над этим камнем для ступеней будущего? Нет, путь трудный и опасный откроет сердце ваше. Не насмехнётесь, но, улыбнувшись во Благе, прибавите и свой камень к сложению ступени всевещающего Света.

До зари задолго, при звёздах - вся соседняя гора за рекою усеяна розоватыми огромными огнями. Они движутся, собираются в гирлянды, распадаются на части, вспыхивают и исчезают, несутся вперёд и назад или соединяются в одно мощное пламя. В студёном ноябрьском воздухе дивуемся на это гималайское чудо, знакомое всем жителям местным. Можете наутро спросить Гура и он, блеснув глазами, скажет про огни Левита, а другой шепнёт о светлом воинстве Майтрейи. Огни земли, а вот и сияние небесное, Тибет знает "Де-ме", огонь божества и "Нам бумпа", огневое сияние.

Н.К. Рерих. Полуночное. 1940.

Над снежными вершинами Гималаев полыхает светлое сияние, ярче звёзд и причудливее зарниц. Кто же возжёт эти столбы света, шествующие по небу? Не близки полярные края полуночные? Не блеснуть в Гималаях сиянию севера? Не от северных сверканий эти столбы и лучи света. От Шамбалы; от башни Великого Приходящего.

"Майтрейя идёт". Ему воздают почитанье; задерживая бег коней в просторах пурпурной Гоби; торжественно восклицают монголы: "Алдар".

"Майтрейя".

Киеланг, 24 Августа 1931 г.

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. 1932.

25 августа 1931 г. Кейланг..
Письмо Н.К. Рериха к M-me de Voux Phalipau, председателю Французского общества Рериха и Европейского центра при Музее Николая Рериха в Нью-Йорке

Mme de Voux Phalipau / 36 bis Avenue de Paris /Choisy-kt-Roi, Seine, France

Мой дорогой друг.

Как всегда с радостью получили мы письмо Ваше, где вы так тепло говорите о значении академика Говэн для нашего Парижского Общества. Я очень тронут, что Вы отмечаете всегда-живущее во мне чувство познавательности за всё сделанное во Благо. Действительно, я очень ценю чувство признательности, ибо оно есть одно из первых оснований культурности. И куда же мы пойдём без признательности, без справедливости, и всех прочих благ Культуры. Поистине, я очень ценю все выступления Академика Говэн против чёрной клеветы Пеллио. Остаётся только пожалеть, что Пеллио, хороший учёный по Китаю, так несмываемо запятнал себя клеветою и завистью, несовместимыми с достоинством истинного учёного. Предоставим его судьбе, им самим сделанной. Рост наших дел показывает, что его клеветнические наветы не имеют значения.

Я очень рад, что Вы получили моё приветствие Брюжской Конференции. Это всемирно культурное дело, в котором доблестная Франция и Бельгия приняли такое сердечное участие, будет расти во Благо человечества, даже если бы все Лиги Наций лопнули от зависти.

Мы поручили Мисс Лихтман совместно с Вами выработать в Париже наилучшие условия для разгрузки работы, о которой Вы сообщали. Не сомневаюсь, что взаимными усилиями это вполне удастся. Я буду очень рад, если Вам удастся тратить на собственно дела Общества не более одного дня в неделю. Я так люблю обмениваться с Вами письмами, но и в этом меня берёт раскаяние, ибо всякая переписка, конечно, отнимает у Вас так много времени. Во всяком случае, Вы должны быть уверены, что мы все одинаково горим желанием, чтобы сотрудничество с нашими Учреждениями не отягощало никого чрезмерно. Мы все, как и Вы, знаем, что такое работа. И здесь обычно мы не имеем даже и получаса в день для того, чтобы подышать свежим воздухом. И единственное внутреннее удовлетворение есть в сознании, что общая работа наша будет кому-то нужна, и поможет в движении Культуры. Постоянно приходится удерживать от чрезмерной работы Мадам Рерих, которая, несмотря на, к сожалению, повторяющиеся атаки, неудержно стремится к работе.

Не могу не вернуться ещё раз к Вашему чудесному письму о моих картинах. Вы умеете так тонко чувствовать искусство и знаете отметить самую важную концепцию творчества. Это не просто похвала, Но Вы, в свою очередь, обогащаете мир формулами Прекрасного, и, тем самым, получается самая ценная кооперация.

Шлём Вам наши лучшие пожелания и уверенность в блестящем успехе Ваших выступлений на Конференции. Скажите наш сердечный привет всем друзьям.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись. Перевод с англ. яз.)

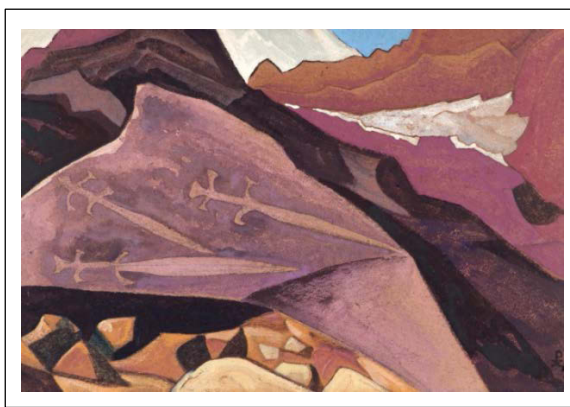
26 августа 1931.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

Указ Сибирскому Обществу Рериха.

«Пора всем сынам Сибири собираться для обновления культуры сибирской. Можно немедленно соединить все зарубежные группы под Знаменем Культуры. Можно проникнуть через Китай в недра края. Также Монголия, как член Сибири, может думать о Знамени. Каждое сердце сибирское может прикрепить верою в сужденную судьбу Земли Славной. Так предписываю не терять времени. Знамя Культуры готово».

«В Западном Тибете на скалах высечены издревле три меча. Граница ли? Победа ли? Знак трёх мечей встал в памяти...»

Н.К. Рерих. Три меча. 1932.

Из воспоминаний Н.К. Рерих:

ТРИ МЕЧА

Меч деревянный.

Остров, древний псковский город на реке Великой. Крепость на острове. 1879 год. Мы гостили у бабушки Татьяны Ивановны Коркуновой-Калашниковой. На Липенке – старинный дом с большим заросшим садом. Нижний этаж белый каменный, а верхний и чердак – деревянные охряные, со ставнями и белыми наличниками окон. Под косогором Великая, а за ней парк какого-то большого поместья с белым екатерининским домом. В саду у бабушки много ягод, немало и репейника. Хочется сразиться с этими драконами. Но меча нет. Впрочем, во дворе живет строительный подрядчик Иван Иванович Чугунов. Всё чай пьёт вприкуску. У него всякие мастерские где-то. Он услышал про нужду в мече и скоренько принёс новенький. Хорошо сделано, и ручка вырезана с наверху, и длина хороша. Одно горе – меч-то липовый, деревянный, а выкрашен под медь. Нечего делать, и такой послужит. Много драконов было сражено в бабушкином саду...

Меч железный.

1896 год. Академия Художеств. Уже складывается сюита "Славяне". Задуманы "Гонец: восстал род на род" и "Сходятся старцы", и "Поход", и "Город строят". Читаются летописи. Стасов открывает сокровища Публичной библио-

теки. В Изваре из старого птичника переделана мастерская. Собраны волчьи и рысьи меха. Нужно славянам и оружие. В придорожной кузне почерневший кузнец куёт меч, настоящий, железный, точь-в-точь, как мы находили в курганах. Долго этот меч находился в кладовой. Юрий помнит его.

Меч огненный

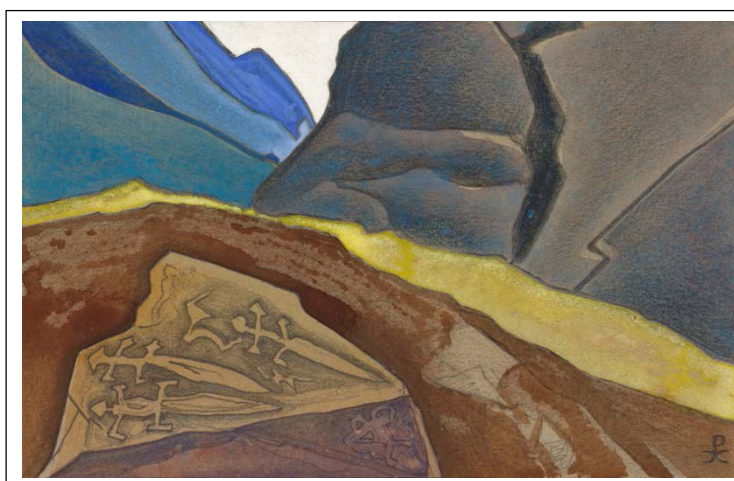
Н.К. Рерих. Меч мужества. 1913.

1913 год. Спящим стражам приносится меч огненный. "Меч мужества" понадобился. Приходят сроки. Тогда же и в начале 1914 года спешно пишутся: "Зарево" – с бельгийским львом, "Крик змея", "Короны" улетевшие, "Дела человеческие", "Город обречённый" и все те картины, смысл которых мы после поняли.

Меч огненный – к новым вратам. А вот 1931 год, и все три меча напомним. В Западном Тибете на скалах высечены издревле три меча. Граница ли? Победа ли? Знак трёх мечей встал в памяти.

1937 г.

Публикуется по изданию: "Октябрь", 1958, № 10

Н.К. Рерих. Три меча. 1931. Эскиз.

Н.К. Рерих

МЕЧ ГЕССАР-ХАНА

(Лахул)

Подают воду в жестяной чашечке. Ещё живёт эта чашечка, а ведь она прошла с нами весь Тибет и Китай и Монголию. А вот и ягтан, сделанный ещё в Кашмире. Выдержал старик всю Азию, на всех перевозных средствах. Надо его поберечь, слишком много он знает. А вот и знамя бывшей экспедиции - "Майтрейя". С тех пор под разными углами встречались мы с этим понятием. Уже далёк тибетский художник, писавший это знамя. Уже нет ламы Малонова, украсившего знамя китайскими шелками, и знамя видело немало. Участвовало и склонило на нашу сторону диких голоков. Удивило и смягчило тибетского губернатора. Было по лбу хотанского амбаня и далеко пестрело красками при сооружении субургана в Шарагольчах. Теперь оно в Гималайском институте, выросшем из экспедиции. Пусть оно охраняет все целебные травы гималайские, в которых так много лучших решений.

Каждый предмет, прошедший с нами всю Азию, делается необыкновенно милым и незабываемым. Сами трудности пути претворяются в необычные радости, ибо они овеяны просторами, вобравшими в себя столько чудесного прошлого.

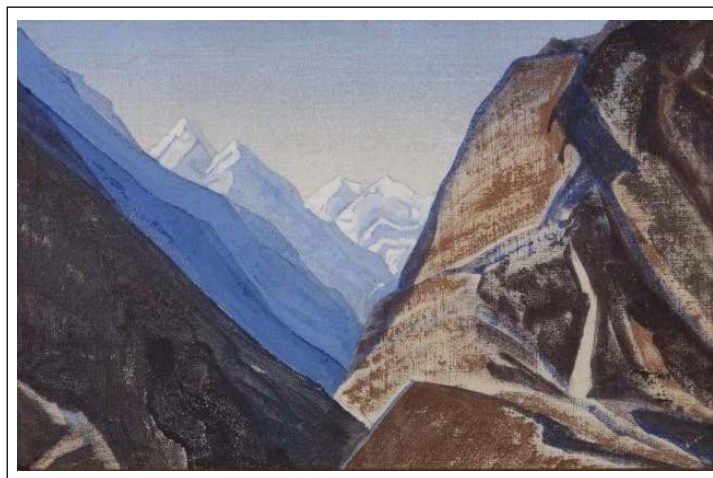
Н.К. Рерих. Перевал. 1931. Н.К. Рерих.

Н.К. Рерих. Перевал Ротанг. 1931.

Опять гремят бубенцы мулов караванных. Опять крутые всходы горного перевала. Опять встречные путники, каждый из них несущий свою житейскую тайну. Опять рассказы о местных духовных сокровищах, о памятных местах. Опять на скале запечатлён героический меч Гессер-хана; опять перед нами пещеры и вершины священного паломничества. Вечно бродящие странники тянутся с котомками за плечами. Не только вера, но непреодолимое стремление к житию странному увлекает их по трудным горным тропинкам.

Мы идём в Лахул. Опять продолжение экспедиции. Как будто так же, как бывало. С тою разницею, что там никакая почта, никакие сведения из внешнего мира по долгим месяцам нас не достигали. Но здесь мы ещё на границе последних почтовых бегунов, и смятение мира может стучаться к нам каждую неделю. Но за перевалом Ротангом уже повеял сухой тибетский воздух. Тот самый воздух, целительный и вдохновляющий, звавший к себе всех искателей духовного восхождения. Ночью же по ясному небу с бессчётными звёздами, со всеми млечными путями и зарождёнными и мёртвыми телами полыхали

странные зарницы. Не зарницы это, но то самое замечательное гималайское свечение, о котором уже не раз поминалось в литературе.

Н.К. Рерих. Лахул. 1931.

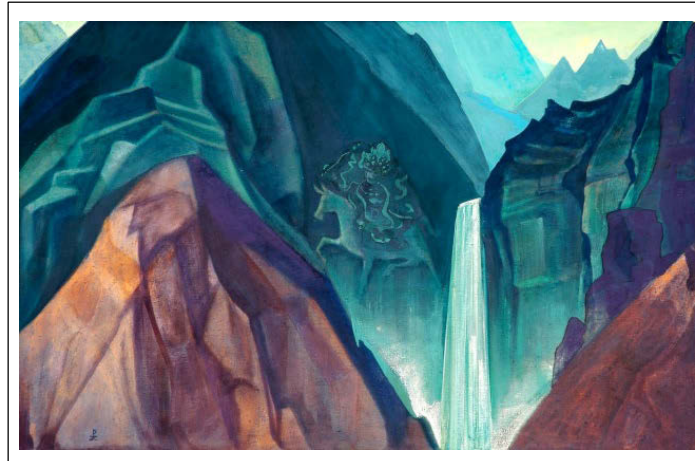
Пройдя Тибет и Ладак, можно оценить и Лахул. Снеговые пики, цветочные травы, пахучий можжевельник, яркий шиповник не хуже лучших долин Тибета. Многие святыни, ступы, пещеры отшельников не уступят Ладаку. На скалах тоже ритуальные фигуры лучников, догоняющих стрелю круторогих горных баранов. А ведь древний айбеко был символом света! Те же погребения в могилах, уставленных камнями, и каменных склепах-камерах. Над Келангом раскинулась мощная гора Колокола - "Духовного отдохновения", со своею священной триглавою вершиною подобно Норбу-Римпоче.

Н.К. Рерих. Гора Колокола. 1932.

Сколько здесь медицинских книг и записей, хранимых ламами. Местный знаменитый лама-лекарь уже ходит для нас с мальчиком кули и, подобно Пантелеймону-целителю, наполняет длинную заплечную корзину травами и корнями. Хорошо, что Юрий так хорошо знает тибетский язык; хорошо, что с нами лама Мингиюр, столько знающий по тибетской литературе. За первые же дни

к нам принесли несколько сочинений, ещё никогда не переведённых. Среди них и медицинские записи, и поэтическое описание местных святынь. Кругом всё насыщено именами знаменитыми, тут и пещеры Миларепы, слушавшего на заре голоса дэв, тут был и Падма Самбгава, и Джава Гузампа, и все главы учения нуждались в незаменном сиянии Гималаев.

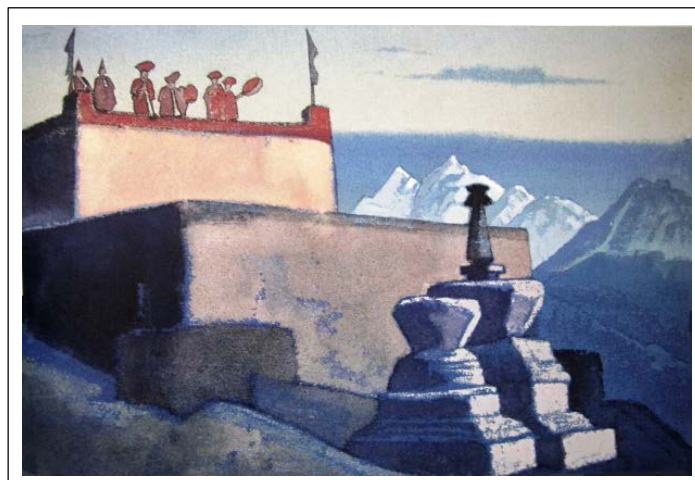

Н.К. Рерих. Палден Лхамо.1931.

Тут недалеко и водопад Палден Лхамо; сама природа начертала на скале изваяние грозной богини, скачущей на любимом муле. "Видите, как мул поднял голову и правую ногу. Рассмотрите, как ясно видна голова богини". Видим, видим! И слушаем неумолчную песнь горной струи. Проходим пещеры и скалы нагов - там живут особые змеи.

Изумляемся древнему замку такуров Гундлы. С изумлением видим, что некоторые островерхние крыши балконов опять напоминают Норвегию. Почувствительно наблюдать плоские крыши, неперемное наследие древней Азии, и эти острые неожиданные завершения, напоминающие север.

Незабываем приём, устроенный нам в Келанге, столице Лахула. Увешанные цветочными гирляндами, предшествуемые трубами и барабанами въезжали мы в Келанг.

Н.К. Рерих. Вечерний зов. 1931.

При въезде нас ожидало неожиданное и трогательное зрелище. На крыше выстроились ламы в пурпурных высоких тиарах с гигантскими трубами. С плоских крыш сыпались жёлтые и красные лепестки шиповника. Толпа теснилась в праздничных нарядах. Дети школы, выстроенные шпалерами по знаку вазира области, кричали приветствия. А на арках и в домах цветились плакаты с трогательными приветствиями. Подходя в нарастающей процессии к летнему помещению нашего Гималайского института, мы были встречены ещё ламскими трубами, а дочь соседа Ану в бирюзовом высоком кокошнике поднесла священное молоко яка. Так Келанг, затерянный в снеговых горах, хотел выразить свою сердечность.

Не только новые находки сразу нахлынули, но и удалось увидеть ламскую мистерию "разбитие камня". Группа странствующих лам из Спити на нашем дворе дала эту необычную, ещё не изданную мистерию. Юрий даст точный перевод её в журнал института.

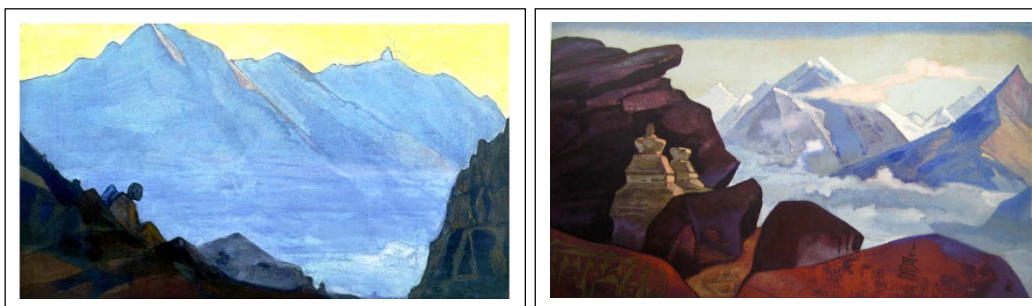
Началось с того, что ламы притащили с холма огромный, более полутора ярда камень, с трудом под силу двум людям. Установили походный алтарь и в длинном ряде ритуальных танцев, пенья и молитв изобразили разрушение злых сил.

Было и прокалывание щёк. Был очень замечательный танец с опрокидыванием на острия. Нужно отдать справедливость, что эта процедура требовала действительно большого навыка, ибо иначе два меча, упёртые в живот, могли очень легко пронзить внутренности. Среди этих драматических эпизодов, как полагается, вставлялась и полушутливая интермедия. В ней под видом пастуха являлся властитель дикой страны, при этом шёл вызывавший смех присутствующих диалог о невидимых сокровищах этого властителя. Но к концу мистерии все шутливые элементы замолкли, и можно было заметить более сосредоточенное внутреннее приготовление. Кончились эти заклинания и приготовления тем, что один из лам лёг на землю и двое других с усилием подняли приготовленный огромный камень, положили ему его на живот. В то время старый лама, тот, который прокалывал щёки и падал на мечи, подняв высоко круглый булыжник, величиною не менее двух человеческих голов, бросил с силою этот камень на камень, лежавший на животе ламы, и снова с той же силой бросил. При этом вторичном ударе длинный камень к изумлению присутствующих с треском распался на две части, освободив лежавшего ламу. Таким образом, тяжкий материальный мир был побеждён, злые силы были сокрушены, и мистерия закончилась весёлым хороводом и пением лам под аккомпанемент тибетской расписной балалайки. Предварительную сцену перед наложением камня Эстер Лихтман успела снять, но надо сознаться, что в момент раскалывания камня на животе ламы все присутствующие забыли о фотографии и только глубоко вздохнули. Конечно, тяжкие формы этой необычной материи о победе над низкоматериальным миром, но ведь не менее тяжки и действительно общежитейские материальные формы. Также не забудем, что на разбиваемом камне был изображён углем и мелом человек, телесную сущность которого в предварительном ритуальном танце ламы прокалывали магическими кинжалами фурпа.

К нам ходит лама из Колонга. Юрий и лама Мингиюр записывают местные напевы, а Эстер Лихтман запишет музыкальный лад. Ходим смотреть старинные изображения на камнях. При этом ещё раз убеждаемся, что чортены, прибавленные к старым изображениям охотников и нагорных баранов, явля-

ются более новыми дополнениями. Как и раньше думалось, эти круторогие священные бараны - символы света - и искатели их, неутомимые лучники, являются символами гораздо удалённых культов. Здесь мы опять прикасаемся к необъяснённым ещё солнечным культам, напоминающим отдалённые зарождения друидизма и огненной свастики.

Опять посещение монастырей. Интересные книги об отшельниках. Опять любование с высоких плоских крыш на необозримые ледники, снеговые пики и глубокие долины с гремящими потоками. Тут и гора "духовного отдохновения", тут и пик М., тут и манящие пути и на Ладак, и к Священному Кайласу.

Н.К. Рерих. Гора духовного отдохновения. 1931. Н.К. Рерих. Путь на Кайлас. 1931.

Танцы лам. Незнающий называет их "чёртовыми плясками". "Бросьте эту глупую кличку. Танцы лам имеют глубокое символическое значение". "А как же рога?" "Покровители животного царства и повелители стихий имеют этот символ, но не имеют ничего общего с бесами. Скоро и лучи Моисея примете за рога, ох уж это незнание!" Танцы, после долгого ритуала, полного вековых движений, закончились мистерией, посвящённой черноголовому ламе, поразившему нечестивого царя Ландарму, жестокого гонителя веры.

Древнее урочище Карга. Остатки старинного укрепления. Чортены, манданги, выложенные камнями с молитвенными надписями. Говорят, здесь же и старинные могилы, но раскопку не ведём, чтобы не войти в контроверзу с археологическим управлением. Главное внимание привлекают многочисленные рисунки на скалках. Опять бараны и лучники. Очень древние. Лама Мингиюр с гордостью зовёт к камню, на котором изображение меча. Вот почему задумывалась картина "Меч Гессер-хана". Где же мы видели эти характерные формы меча-кинжала? Видели их в Минусинске, видели на Кавказе, видели во многих сарматских и кельтских древностях. Всё к тем же соображениям к переселению народов ведёт этот меч, так отчётливо запечатлённый на древней, веками заполированной, коричнево-пурпурной поверхности камня. Знак ли битвы, знак ли мужественного прохождения? Или забытая граница? Победа?

Тут же и легенда о воинах Гессер-хана, пришедших издалека и осевших здесь. Они же принесли и первую косточку персика. Конечно, это не монголы, дошедшие до Лахула в семнадцатом веке... Народная память бережёт что-то гораздо более древнее и значительное.

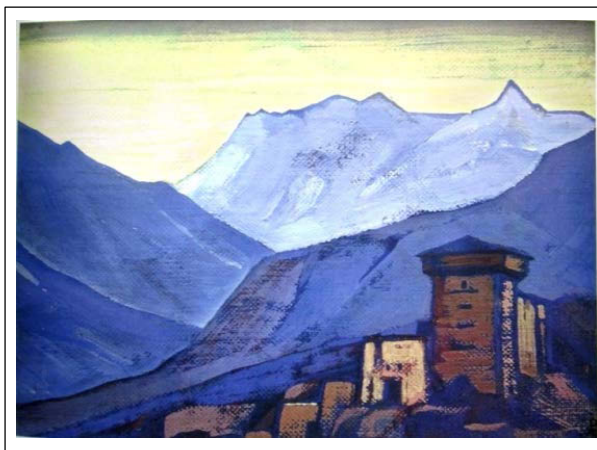
А напротив, за рекою, высоко на скале, древнейший монастырь края Гандо-Ла, основанный самим Падмою Самбгавою. Древность седьмого-восьмого века. Старые зовущие места.

А вот и старый Пинцог - певец-сказитель саги о Гессар-хане. Сидит степенно на полу мастерской и рассказывает, а затем и поёт речитативом стих о великом герое Ладака, Тибета, Китая. Не от шестого ли века сложился этот

напев, и не от того же ли времени важные жесты певца. Кто может заподозрить в поношенной внешности Пинцога ритмичную плавность жеста и изысканные вариации импровизаций напева. Всё отмечено - как собирается герой противу врагов, как он раньше похода принимает мудрые советы сестры отца своего, как он готовит оружие... Пинцог мысленно, наглядно и осматривает доспех, и натягивает лук, и точно примечает врага на горах. "А знаете ли вы здесь, что в К'аме есть палаты Гессер-хана, где вместо балок лежат несметные мечи воинства Гессар-хана"? - "Не только в К'аме, но и в Цанге воины Гессера сложили такой памятник", - вставляет слово примолкший лама. В один раз певцу не сказать всех Гессара подвигов. Нужно сказать и о мудрой жене героя Бругуме. Нужно не забыть сподвижников и все победы несокрушимого защитника правды. Чего не услышишь в горах, в Тибете, в Индии. Газеты только что писали о человеке, плавающем по Джумне, держась за хвост тигра. И это вовсе не сказка.

Доктор Индус пишет нам, что рак, это растущее бедствие человека, совершенно неизвестен на гималайских высотах.

Из Таши-Лунпо лама доктор приносит тибетские лекарства, среди них и средства от рака. Вспоминаем официальные удостоверения успешного лечения рака покойным бурятом доктором Бадмаевым. Лама Мингиюр сообщает о съедобных корнях, находимых в лесах гималайских, обещает достать их. От нашего друга полковника приходят сведения о том, что рабочие капитана Б. всю ночь были тревожимы появившимся великаном, который так напугал их, что они убежали с работы. К этому лама замечает, что в Сиккиме известны случаи появления подобных великанов, вестников Дармапалы, посылаемых с предотвращениями или для предотвращения злых действий. Так разнообразна жизнь.

Н.К. Рерих. Жилище такура. Гундла. 1932.

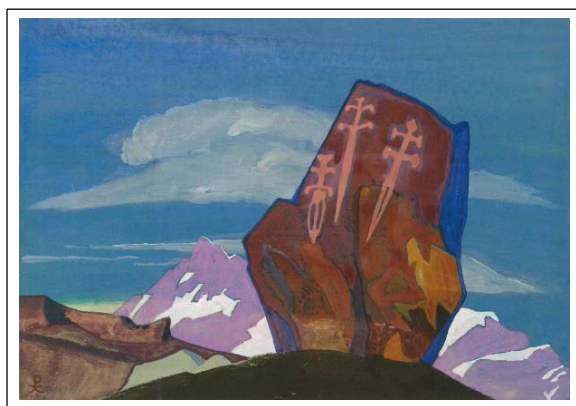

Н.К. Рерих. Гундла. Лахул. 1931.

Вот и дом такура из Колонга. Пратапа Чанда, или по-тибетски Санге Дава. Старое здание по образцу тибетских укрепленных дворов. Хозяин и хозяйка встречают у входа. Слуги сверкают серебром и китайскою парчою. Гремят трубы лам. Прежде всего зовут на торжественную службу в домашнюю модельную. Много семейных реликвий. Много отличных танок. Тут и Шамбала, и Ригден-Джапо, и Миларепа, и многие подвижники. Служение идёт по буианскому обряду. Затем показываются не только драгоценности, но и книги и доски для печатания. Это не простой дом, такур - глава края, и в семье много

накоплений. Конечно, кончается тибетским чаем и цампою. Тут же завязывается сговор о постройке дома. Говорят: "Честь нам, если великие люди приехали из больших мест в наше малое место".

И опять течёт речь об изображениях на скалах, о нечитаемых надписях, о каменных могилах и о скрытых книгах священных. Кроме мест в долине Кулу называется ещё место около Трилокната, где, по преданию, скрыты книги во время гонений свирепого Ландармы. Есть на горах и развалины каких-то древних жилищ. Говорится, что когда пришли воины Гессер-хана, то старые лахульцы ушли на вершины. От белого царя ушла Чудь под землю на Алтае, а жители Лахула на вершины. В историческом и археологическом отношении край мало исследован. Картина "Менгиры в Гималаях" будет напоминать о менгироподобных камнях, утверждаемых с древнейших времён и до наших дней на горных перевалах. Обычай этот имеет несомненную связь с древними менгирами Тибета, открытыми нашею экспедицею в 1928 году, подобными менгирами Карнака.

Н.К. Рерих. Три меча. 1931.

Картина "Три меча" пусть изображает древний рисунок на камне вблизи Киеланга, главного города Лахула. Лахул в испорченном произношении означает южный Тибет. Местные изображения на скалах и камнях достойны изучения.

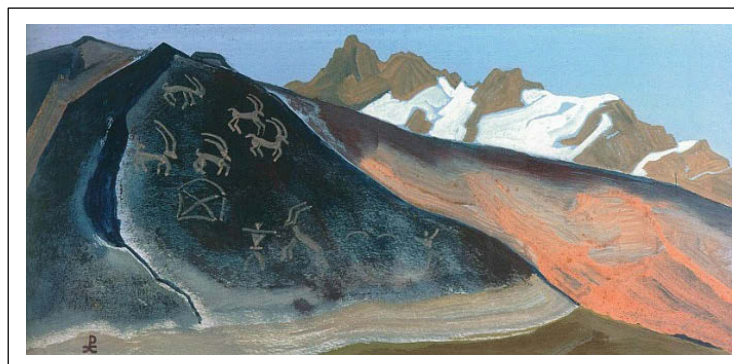
Ладак, Дартистан, Балтистан, Лахул, Трансгималаи, часть Персии, Южная Сибирь (Иртыш, Минусинск) изобилуют изображениями, невольно напоминающими скалы Бугуслана и изображения ост-готов и прочих великих переселенцев.

Изображения Ладака, Лахула и всех Гималайских нагорий распадаются на два главных типа. Тип буддийский, дошедший и до нашего времени в виде изображения свастики (как буддийской, так и обратной Бонпо), реминозных надписей, чортенов и прочих предметов культа.

Другой тип изображений, дошедший из времён более древних, в связи с добуддийским Бонпо и прочими культами огня ещё более увлекателен по своей загадочности, по своему друидизму, так интересному в связи с изучением великих переселений.

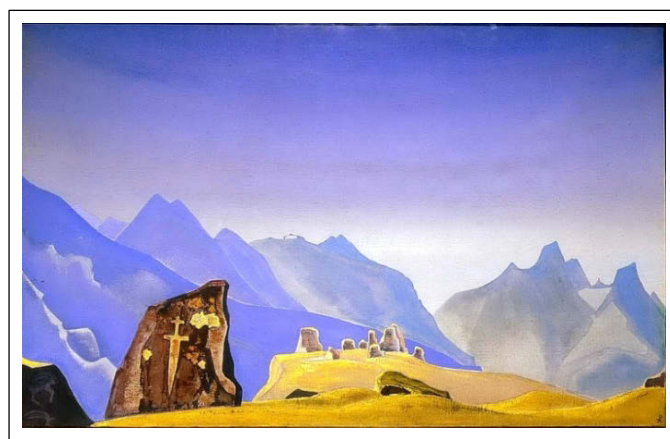
Главный сюжет этих изображений (частью воспроизведённых в трудах д-ра Франке, 1923) - горный козёл, являвшийся символом огня. Среди изображений этих по технике можно различить целый ряд наслоений от древних

(сходных со шведскими halristingar) до новейших, доказывающих внутреннее существование какого-то культа.

Н.К. Рерих. Камни Лахула.1931.

Кроме горных козлов во всевозможных комбинациях можно видеть изображения солнца, руки, танцы ритуальных фигур и прочие знаки древнего фольклора. Этот тип изображений с древнейшими традициями даёт любопытные изучения.

Н.К. Рерих. Меч Гессер-хана. 1931.

К прочим изображениям нам удалось прибавить ещё два ранее не указанных. В урочище Карга и около самого Кейланга (Лахул) найдены нами изображения мечей. Значение этих изображений загадочно, но особенно интересно, что форма их совершенно совпадает с формой бронзовых мечей и кинжалов минусинского сибирского типа, так характерных для первых великих переселенцев. Не будем делать ни предположений, ни тем более выводов, но занесём эту поучительную подробность как ещё одну путеводную вежу.

Не забудем, что старый католический миссионер сообщал, что место Лхассы называлось Гота.

Развалины древних храмов Кашмира поразительно напоминают основы аланских построек, так расцветшие в формах романского стиля. Де Ла Валле Пуссен сообщает об иноземцах - строителях храмов Кашмира. При этом Стен Конов указывает на принадлежность Ирилы к племени гаты, что, по его заключению, означает готы. Все такие знаки очень полезны в теме о великом переселении народов.

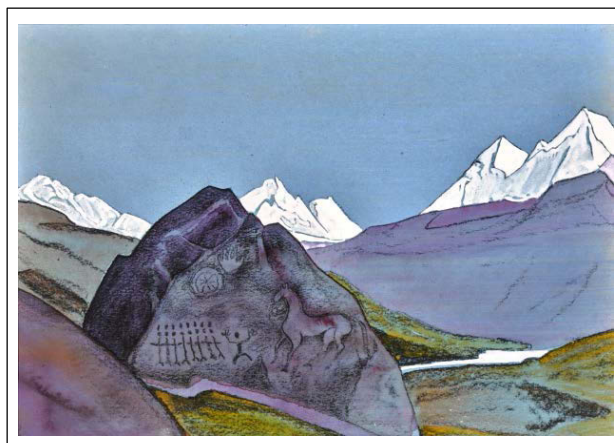
Телеграмма из Ле. Экспедиция института пришла благополучно. В караване ни болезней, ни потерь. Коллекции превосходны. Так и думали, что Ладак не разочарует наших собирателей. Опять предстоят поучительные опыты. Кто же не зажжётся чудесами Гималаев?

Откуда же происходит эта необыкновенная заманчивость путей азиатских? Горы установились не преграждающими великанами, а зовущими путевыми вехами. Из-за вершин сверкает сияние гималайского снежного царства. Местные люди, те, которые слышали о чём-то, почтительно указывают на это сияние. Ведь оно сверкает от труда, из самой башни великого Ригден-Джапо, неустанно трудящегося во благо человечества.

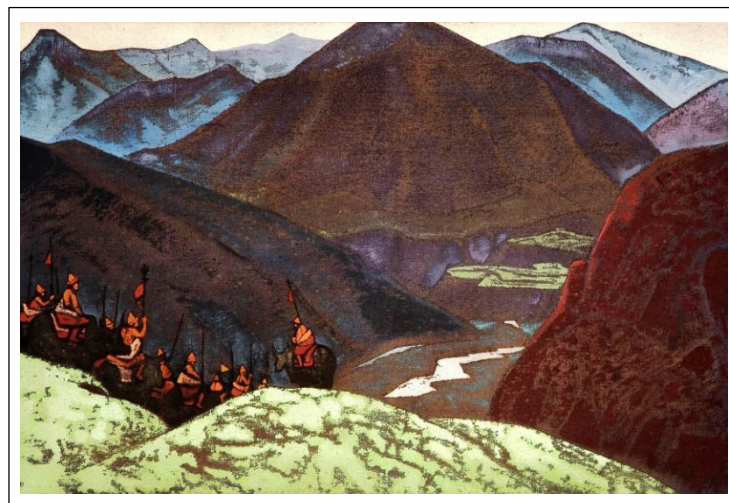
А вот и редкое изображение самого великого Гессер-хана. Около воителя собраны знаки его перевоплощений, и всё то памятное, что не должно быть забыто в этой великой эпопее. На ступенях трона стоят тибетские сапоги. Ведь это те самые сапоги-скороходы, отмеченные в подвигах Гессер-хана. Но стоят они близко, это значит, что великий воитель нового мира уже готов к подвигу. Скоро он войдёт.

Кейланг. 1931.

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. 1933.

Н.К. Рерих. Конь Гессер-хана. 1931.

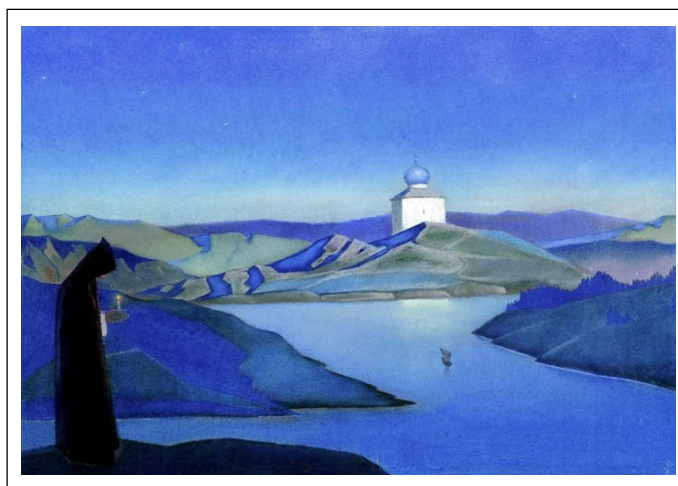

Н.К. Рерих. Дружина Гессер-хана. 1931.

СЕНТЯБРЬ

*«Сумерки сменит рассвет. Срок сумерек до 31 года.
...Можете знать, как распределять силы до дня сентября 31 года.
... Сроки 24 – 28 – 31».*

(Из дневниковых записей Е.И. Рерих от 8 апреля 1922 г.)

Н.К. Рерих. Сумерки. [1931]

Сентябрь 1931 г. Кейланг.

Н.К. Рерих

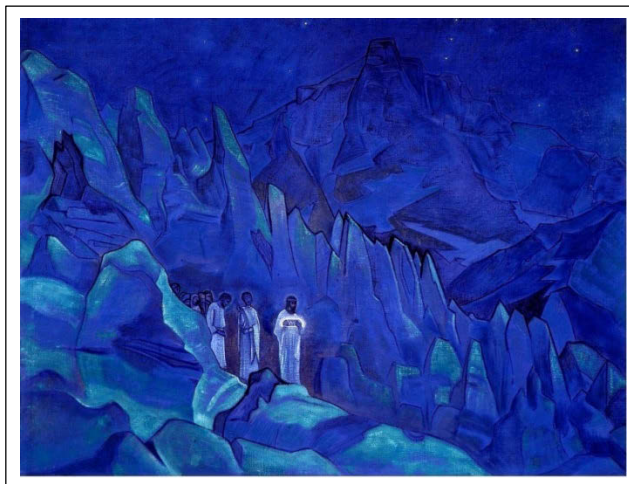
СОПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ

«Отойди от зла и сотвори благо», - заповедует апостольская мудрость. В кратком завете заключено два определённых действия. «Отойди» и «сотвори». И не тем «сотвори», что только отойдёшь. Нет, «отойди», и непременно «сотвори благо». Одно отхождение от зла ещё только половина дела. Но «сотвори», сделай, создай благо как противовес злу. Кратко и, безусловно, указано сотворить благо. Без действия, без сознания, без устремления духа не будет достижения и выполнения завета. Но как часто для самоуслаждения этот бодрый и повелительный завет превращался в кислое и неподвижное в существе своём отхождение. Если отойдёшь, то уже и благо будет. Нет, родные мои, не слишком ли легко? Для блага нужно ещё всеми силами духа и тела потрудиться. Благо не орех, требующий лишь крепкого зуба. Из безмозглости, из спящего сознания благо не воссоздаётся. Пашня блага, с посевами и жатвами, заповедана Апостолом в истинном всезнании жизни. И ещё вопрос: когда больше пота упадёт, при посеве или при жатве? Тот же неустанный зов к действительному труду рассеян во всех апостольских зовах. Ведь зло в основе своей активно. Оно отошло от блага и в отхождении уже проявило сущность активности. Значит, и противовес, прежде всего, должен быть активен. Зло утверждает себя, ибо иначе оно не привлечёт к себе. Так же утверждает себя и добро и благо, ибо без дел оно мертво.

Не сражение со злом, не возвеличение этим врага, заповедует Апостол, но творческое создание блага. Свет не борется со тьмою, но сожигает, вытес-

няет её. Но для такой победы требуется поступательная скорость света. И какая скорость и неудержимость!

Апостол заповедует благородное сопротивление злу созданием массы блага, которая, подобно свету, прободёт и рассеет любую тьму зла. Конечно, без сопротивления и поступательного действия зло неминуемо будет догонять отступающее благо, ибо полно всё пространство. Отступая, мы увеличиваем поле врага.

Н.К. Рерих. Сожжение тьмы. 1924.

Как же определить зло? Восточная мудрость указывает так: «Противостояние злу является одним из основных качеств ищущих Иерархию. Не физические свойства дадут упорство перед злом, но дух и огонь сердца создают доспех перед ухищрениями зла. Но как понять зло? Конечно, оно, прежде всего, разрушение. Но ведь замена ветхого дома новым и лучшим не будет разрушением. Значит, разрушение есть разложение, приводящее в аморфное состояние. Такому разложению надо уметь противостоять. Нужно найти силы духа превозмочь боязнь, свойственную непротивлению злу. Так пусть готовятся к противостоянию злу».

Та же мудрость предостерегает: «Разве мало землетрясений? Разве мало крушений, бурь, холода, жара сверхмерного? Разве не поднимался Крест огненный? Разве не сияли звёзды в дневное время? Разве не пылала огненная радуга? Разве мало знаков умножившихся? Но человечество не хочет знать явлений перед явным, среди хаоса. Так не будем настаивать на зрячем знаке, когда сомнение ослепило людей. Но среди слепых и глухих находятся дети Огня. К ним мы посылаем знаки, чтобы узнавали наступление Света».

Итак, опять, без осознания происходящего, без действительности мы снова будем подпадать под зло. Опять будем соприкасаться с бессмысленным разрушением, с отвратительным возвращением к аморфности, непроявленности.

Кто имеет право возвратить проявленное величайшим творчеством во тьму непроявленного? Кто же может гасить свет во имя тьмы?

И не указано ли действиями оформливать и углубить сознание своё? Без сознания как же поймём, где благо? Сэр Джинс замечает, что если дать обезьянам пишущие машины, то, может быть, в миллион лет они в непрерывной, случайной стукотне выстучат и сонет Шекспира? Но какова будет ценность этого бессознательного стука?

Слепой стрелок, пускающий в пространство стрелы, тоже может иногда получить добычу, но он-то не будет участвовать в этом успехе.

Миллионы лет разбрасывает человечество стрелы в пространство, но из них лишь немногие посылаются сознательно во благо. И потому велико смятение и саморазрушение вместо вытеснения тьмы. По совести признаемся, разве облегчило или разрешило человечество житейские проблемы свои? Наоборот, все задолжали и материально, и духовно; все перезаложились так, что даже и не установить, где конец и начало перезаклада всемирного. Даже материально люди утратили учёт своего достояния, ибо подвергли его бесчисленному количеству ими же измышленных нагромождений. Точно деловой контракт, в котором хотели механически предусмотреть все условия и среди перегружений изложили вместо четырёх четвертей пять четвертей в одном целом. Без осознания блага теряется смысл начертаний.

Что же есть благо? Если зло есть разложение и аморфность, то благо должно быть созидание, творение, всепонимание общей пользы. Та же мудрость заповедует: «Трудись, твори благо, чти Иерархию Света». Этот завет наш можно начертать на ладони даже новорождённого. Так несложно начало, ведущее к Свету. Чтобы принять его, нужно иметь чистое сердце».

И ещё: «Скажу изуверам и ханжам о предательстве. Они полагают предательство лишь в тридцати сребрениках, но забывают, что оно в каждой хуле и поношении. Не следует думать, что злобное слово не будет предательством. Именно, часто злоба неотделима от предательства и клеветы. Одно чёрное древо питает эти позорные ветви. И следствие будет так же черно, как черны корни позора. Нужно отучиться от ужаса злобных слов».

Так отграничивается тьма зла от творящего блага.

В технологии есть очень занимательная глава о сопротивляемости материалов. Можно легко переложить эти вычисления на язык человеческих соотношений и получить поучительные заключения о жизненности сопротивляемости. Кто хочет умереть, тот легче всего и умирает. Жизненность - в цельности, в движении, в наполнении пространства. Наполняя пространство благом, посылками и мыслями блага мы получаем космическую поддержку нашему сопротивлению злу. При нагнетении этом получается энергия безгранично возрастающая. Поэтому благотворчество есть наиболее достойное и практичное занятие. И сколько возможностей, и больших и малых, измеряемых и неизмеряемых, заключает в себе благотворчество. И сколько чисто медицинских решений несёт в себе профилактика блага. Кроме того, в существе своём благотворчество, как энергия поступательная, устремляет нас неудержно вперёд. В этом священном наступлении никакая тьма не страшна.

Не забудем, что та же апостольская мудрость, которая говорит о «духе утешителе», она же утверждает и «возмущение духа». Без этого священного возмущения не возмутятся воды и не последуют исцеления.

Вы знаете, что самую действительную защиту в ночное время от леопарда и тигра будет мощный электрический фонарь. Слеплённое исчадие тьмы в ужасе отступает и скрывается, если волна света безбоязненно направлена в глаза. Ещё более могучий свет излучает сердце человеческое. Пронзает тьму этот луч, если возмущение духа послало его непреложно, без серых сомнений.

«Смертный глаз» Йога безошибочен, если он защищает Благо. Но Йог и не будет Йогом, если он во благе пошатнётся. Главное же, не потушить «элек-

трический» свет сердца нашего. Перед этим сиянием отступят все исчадия тьмы. Отступят и соберут на себя всё то, что сами готовили против Блага. Сопротивление злу будет тем благородным действием, которое заповедано высшим Учением. Из благородного нагнетения энергии рождается та возвышенная утончённость, которая является основанием Культуры.

Кейланг. 1931 г.

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. [1932].

6 сентября 1931 г. Кейланг.

Письмо Ю.Н. Рерих к Хоршу Луису

6 сентября 1931 г. Кейланг

Уважаемый г-н Хорш!

Большое спасибо за Ваше письмо от 11 числа сего месяца, на которое спешу ответить в порядке затронутых в нём вопросов.

Должен поблагодарить Вас за беседу с д-ром Мерриллом. Пожалуйста, дайте указание нашему офису послать мне несколько экземпляров Бюллетеня Нью-Йоркского Ботанического сада с сообщением д-ра Меррилла. Конечно, мы хотели бы начать обмен книгами с Ботаническим садом, и надеюсь, что это легко можно будет устроить.

Относительно Вашего предложения насчёт нашего бюджета на будущий год: я обсудил этот вопрос с Попечителями, находящимися в Кулу, и мы все считаем, что предложенные изменения в бюджете нью-йоркского офиса можно принять, при условии, что они оправданы перспективами кампании. К трём статьям упомянутого Вами бюджета следует добавить сумму в \$[200], составляющую половину зарплаты мисс Лихтман. Секретарская зарплата может быть полностью покрыта существующими статьями бюджета. Несколько месяцев назад мы просили у нашего нью-йоркского офиса проект его бюджета на будущий год, таковой не был нам послан, отсюда – невозможность определить соответствующий бюджет для Нью-Йорка.

Было очень приятно прочитать в Вашем письме о добром отношении супругов Стокс. С энергичным председателем Комитета мы сможем добиться многого за короткое время. Сейчас мы пытаемся сделать всё возможное, чтобы обеспечить достаточное количество лесоматериалов для строительства лаборатории, а также купить землю неподалёку от реки, которая будет давать необходимую электроэнергию.

Надеюсь, Вам понравился первый номер нашего журнала. Пока что его не доставили в штаб-квартиру в Наггар, но с последней авиапочтой я получил из Парижа несколько хороших отзывов. Этот журнал значительно облегчит наше взаимодействие с научными учреждениями в США и за границей.

Недавно нас очень хорошо разрекламировали европейская и индийская пресса, и мы пошлём Вам подборку вырезок для использования в кампании.

Могу ли я попросить Вас дать указание нашему офису послать мне сообщение с экземпляром журнала, а также указать цену одного экземпляра?

Вам будет интересно узнать, что Эйнштейн основал «Эйнштейновский международный фонд противников войны». В открытом письме он призывает тех, кто сейчас противится войне, первыми вступить в войну без войны! Как жаль, что великий ум его масштаба вступил на такой опасный и разрушительный путь, призывая людей сопротивляться властям и толкая, таким образом,

мир в ужас гражданских войн. Пока лучшие умы сосредоточиваются на разрушении, Знамя Мира профессора Рериха провозглашает созидательную цель культурного достижения, поднимает культурные ценности и заставляет людей осознать безумие разрушения. Уничтожая вооружения и трусливо убегая в безопасное место, под прикрытием безответственных слов и заявлений, мы никогда не достигнем цели «мира без войны». Пожалуйста, напомните нашим молодым друзьям из группы Кеттнера, что только созидательная эволюция и культурное воспитание приведут к новой эре.

Великие времена небывалого культурного роста приближаются, и мы должны подготовиться, чтобы быть достойными красивой и высокой идеи, выраженной русским словом «ПОДВИГ».

Пожалуйста, передайте мой самый большой привет нашим сотрудникам и друзьям,

Сердечно Ваш.

Юрий Николаевич Рерих. Письма. (1919-1935 гг.) М.: МЦР 2002.

Делегаты Первой международной конференции в Брюгге, обсуждавшие Пакт Рериха.
Сентябрь 1931

9 сентября 1931 г. Урусвати.

Письмо Н. К. Рерих к барону М. А. Таубе.

Урусвати, сентябрь 9, 1931

Дорогой Михаил Александрович.

Мы ещё не получили из Парижа соответствующих писем, но из телеграмм от мисс Лихтман мы знаем о Вашем председательстве и ближайшем приобщении. Вы должны чувствовать, как мы радуемся этим весточкам, ибо это всегда отвечало нашему внутреннему желанию.

Не имеете ли Вы сведений от Тюльпинка о ближайшей программе следующих действий? Мне он прислал письмо со всякими знаками уважения, но без всякой программы на будущее. Не думаете ли Вы, что для финального успеха следует действовать уступами, т. е. сперва поднять Знамя в Бельгии, в Ватикане, во Франции, везде, где уже выражено сочувствие Правительства.

Затем нетрудно будет получить такое же согласие Югославии, в Чехословакии, в Латвии, Литве и Китае. Таким образом, постепенно прибавляя арену Знамени, мы подойдем к желательному результату.

Уповать только на Лигу Наций, которая и сама в затруднительном положении, может быть, и не нужно, тем более, что Лига Наций покрывает меньшую половину земного шара. Действуя постепенно и самостоятельно, можно получить согласие и Турции, и Сиаму, и Персии, и тех Южно-Американских республик, которые не вошли или уже вышли из Лиги Наций.

Как Ваше мнение о ближайших действиях? Может быть, у Вас есть другой план, который мы были бы рады услышать.

Также, каково Ваше мнение о Русс-Группе? Не считаете ли нужным добавить её двумя, тремя благонамеренными членами? Если да, сообщите мне, кто именно предполагается. Всячески уничтожайте клевету, которая неизбежно создаётся завистью и невежеством. Вы-то за всю Вашу жизненную практику государственную чувствовали на себе не раз эти чёрные стрелы. Но судороги клеветы часто доставляют большую пользу, если их применить, как должно.

Из последних сведений из Музея мы, например, узнали, что уволенный за недобросовестность и нечестность управляющий дома начал рассылать клеветнические письма об Учреждениях во всевозможные инстанции; и даже прибег к письмам, угрожающим жизни г-на Хорша.

Тут и злоба и вымогательство. Мы указали в Нью-Йорк собирать все сведения по этому низкому нападению, и я очень прошу Вас, если бы и до Вас дошло нечто, сообщить это мисс Лихтман, ибо никогда не знаете, где истинный корень клеветы. Во всяком случае, широкий, можно сказать, всемирный и успешный рост Учреждений, конечно, многим не даёт спать.

Со своей стороны мы должны показать и широкий взгляд, и внепартийность, и крайнюю меру доброжелательства, словом, все те качества, которые неразрывно связаны с понятием истинной культуры. Делать врагов не есть наша задача, и Вы, конечно, этому посочувствуете.

Получили ли Вы уже "Державу Света" и что думаете предпринять для распространения её? Вероятно, в следующей почте мы найдём уже некоторые ответы и потому пока шлём Вам и всей семье Вашей наш искренний сердечный привет.

Публикуется по изданию: "Дельфис" №80(4/2014) Письма Н.К.Рериха к М.А.Таубе

9 сентября 1931 г. Наггар.

Телеграмма Н.К. Рериха к . Метерлинку М

Шато-де-Медан, через Женеву (Швейцария)

СЕРДЕЧНО ПРИВЕТСТВУЮ ВАШУ ПРОСВЕЩЁННУЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ ПАКТА РЕРИХА. ВОСХИЩАЯСЬ ВАШИМИ БЕССМЕРТНЫМИ ТВОРЕНИЯМИ, Я ДОРОЖУ ТЕМ, ЧТО ОНИ ВДОХНОВИЛИ МЕНЯ НА СОЗДАНИЕ КАРТИН К ПРИНЦЕССЕ МАЛЕН И СЕСТРЕ БЕАТРИС, ПРИВЕТ С ГИМАЛАЕВ.

Николай Рерих.

Архив Музея Рерихов. Москва.

13 сентября 1931 г. Кейланг.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

День конференции Roerich Pact в Брюгге.

Пригласительный билет Н.К. Рериха на Первую Международную конференцию, посвящённую Пакту Рериха. Сентябрь. 1931.

14 сентября 1931 г. Кейланг.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

Отъезд из Кейланга в Наггар.

18 сентября 1931 г. Наггар.

Приезд из Кейланга в «Урусвати».

20 сентября 1931 г. Париж.

Письмо А.П. Калитинского к Рериху Ю.Н.

Париж, 20 Сент. 1931 г.

Дорогой Юрий Николаевич, Рад был получить Ваше письмо от 25-го Июня с.г. Я и сам чувствовал недоговорённость в нашей переписке и большую напряжённость. Теперь, после Вашего письма, нам легче перейти, как удачно сказал Николай Константинович, в «первобытное состояние», а по слову Вашему: «что отложено, не потеряно», и начать всё сначала. Задержался же я ответом, т.к. запрашивал Прагу о некоторых мне нужных данных в связи с этим ответом.

Начну с моего английского письма от 16-го сентября пр[ошлого] г[ода], как о том Вы просите. Письмо это было написано после того, как я получил от Марьи Николаевны указание, что моего частного письма к Николаю Константиновичу, где говорилось о благожелательном отношении чешского Мин[истерства] Ин[остранных] Дел к идее Института, недостаточно, и что хорошо бы было, если бы я обратился к Николаю Константиновичу официально. Вполне соглашаясь с правильностью такого хода, я и написал это английское письмо, полагая, что ответ Николая Константиновича на него мог бы послужить своего рода учредительной грамотой, явился бы отправным пунктом в новой жизни нашего учреждения, как бы некая дата в истории его роста и развития. Таково происхождение этого письма.

Теперь перехожу к его содержанию. Оно, конечно, отражает те настроения, мысли и планы, которые были у меня тогда и сложились под влиянием, с одной стороны, забот и тревог об общем положении семинарских дел, а с другой, и под впечатлением моих встреч и разговоров с Николаем Константино-

вичем. Придав своему письму официальный характер, я не мог развивать в нём детально никаких положений, считая уместным упомянуть только несколько соображений, которые мне казались важными и которые могли бы лечь в основу перехода нашего учреждения под покровительство Николая Константиновича, являясь в то же время достаточно обоснованными мотивами моего обращения к нему за этим покровительством. Мне казалось недостаточным в столь ответственном деле сослаться только на то, что два созидателя в области рус[ской] культуры (Рерих и Кондаков) были в дружеских отношениях. Не столь уж много в таком важном деле может иметь значение и то, что я сам и кое-кто ещё из членов Семинария своими знаниями и пониманием далёкого прошлого России обязаны творчеству Н.К. Рериха. Этих обстоятельств, может быть, было бы достаточно для обращения за простой временной помощью. Как это, кстати сказать, и имело место, когда Николай Константинович закупил у нас некоторое количество наших изданий, чем и оказал нам большую поддержку. Но одни только упомянутые мотивы, сами по себе, как мне казалось, не давали мне права и повода звать Николая Константиновича на пост Попечителя Института. Ведь положение Попечителя (по здешнему Протектора) предполагает принципиальное согласие с тем, что делается в Институте. Только это делание, поскольку оно является культурно и общественно полезным, могло, по моему мнению, явиться фундаментальным оправданием моего обращения. А если так, то было необходимо и в оф[ициальном] письме остановиться и на содержании, и на методах работы Института и сказать, что в них нет ничего, что бы противоречило распространению и на наш Институт, наравне со всеми другими, протектората Николая Константиновича.

Вы пишете, что в Вашей десятилетней работе в связи со многими научными учреждениями Америки, Европы и Индии не возникал вопрос о методах. Это естественно и мне понятно, и у нас он не возникает при сношениях с разного рода научными установлениями, хотя среди них имеются и такие, которые в своей деятельности преследуют цели не только научные, к примеру сказать, - несколько ультра-католических, иногда погрешающих в пользу исповедуемой ими доктрины. Повторяю - это понятно, т.к. в данном случае сносятся учреждения вполне независимые друг от друга, в порядке взаимной информации, оказания каких-либо услуг, наконец, совместной разработки тех или иных научных вопросов и т.д., и т.д. В нашем же случае дело обстояло несколько иначе. Речь шла не только об организации научного контакта в указанном выше смысле, решался вопрос об установлении не временной, а постоянной и глубокой связи между учреждениями, существующими не первый год, возникшими и развивавшимися при совершенно разных условиях, а потому в борьбе за существование выработавшими каждое свой особый иммунитет, определивший и их внешнюю форму, и их внутреннюю конструкцию. При желании подвести их под одну крышу необходимо это учитывать. Я считал, да и теперь считаю, что с моей стороны было бы неправильно, если бы я не указал на эту сторону дела. Ведь я обращался к Николаю Константиновичу, а не он ко мне, значит, я и должен был сказать, что именно я предлагаю. Предлагал же я взять под покровительство уже готовое учёное учреждение определённого характера. А что же для учёного учреждения, как не преследуемые им задачи и методы их разрешения, является характерным? Поскольку они своеобразны, постольку и само учреждение имеет право на существование. Как мне извест-

но, сейчас вне России только мы поставили себе задачей уяснение истоков русской культуры, следуя «кондаковскому методу». О последнем так много писалось (Жебелев, Айналов, Миннс и др.), что, я думаю, мне излишне на нём останавливаться. И вот, если с этой точки зрения сопоставить «Семинарий имени Н.П.Кондакова» с «Институтом Соединённых Искусств» и с Институтом «Урусвати», то различие выступит тотчас же. В первом случае мы имеем, с одной стороны, акт искусства с его откровениями, а с другой - акт науки с её открытиями. Во втором случае, хотя перед нами два научных учреждения, но задачи и приёмы исследования у них разные. Вы сами прекрасно знаете, как и материал, и условия его использования в значительной, а часто и в полной мере определяют методы, применяемые при его исследовании. Мы (т.е. Семинарий) - вынужденные теоретики. Практическая работа в виде раскопок не только в России, но даже и здесь, за границей, для нас закрыта. Гораздо чаще приходится пользоваться материалом воспроизведённым, чем наблюдать его непосредственно. Всё это накладывает на нас особый отпечаток. У Вас же, в «Урусвати», картина иная: Вы не только стоите в непосредственном соприкосновении с объектом Вашего исследования, но и сами его добываете. На Вас лежит учёная обязанность проверки уже вошедших в научный обиход приёмов и изобретения новых, если старые методы оказываются бессильными при разрешении возникающих вопросов.

Сейчас я имею в виду археологическое отделение Вашего Института, но как учёное учреждение, он ставит себе цели более широкие - в круг его заданий входят исследования и естественно-исторические, и медицинские. Значит, «Урусвати», кроме указанных выше особенностей, отличается и универсальностью своих задач по сравнению с узко специальным назначением нашего Института.

Можно было бы ещё немало написать на затронутую Вами тему, но думаю, я уже ответил на Ваш вопрос о методах. Хочется думать, что попутно пояснил и то, почему не писал подробно обо всём этом в своём английском письме, которое, ведь, не было докладной запиской, а лишь оф[ициальным] обращением, каковое, само собою разумеется, предполагает предварительные принципиальные переговоры. Чтобы покончить с английским письмом своим, остановлюсь ещё на одном пункте его, включенном мною в цитированный Вами отрывок, хотя Вы и не ставите мне по поводу его никаких вопросов. Говорю о том, что написано у меня в скобках. И здесь опять-таки я ограничился лишь намёком из-за официальности письма. Суть же сводится к следующему. Интенсивность и продуктивность работы Семинария, я сказал бы, его научная чуткость, быстрое реагирование на запросы современной научной мысли находятся в прямой зависимости от той самостоятельности, которой он пользовался как во внутренней своей жизни, так и во внешних своих сношениях. Эта автономность есть одна из основ его существования. Она определяет преэминентность традиции, с её уничтожением замрут и погибнут основные, жизненные функции нашего Института, ибо исчезнет самодеятельность. В этом отношении мы, конечно, не представляем какого-либо исключения и подчиняемся общему закону развития любого общественного объединения или установления, созданного частной инициативой. Мне казалось совершенно необходимым упомянуть в обращении об этой стороне дела, столь существенной и так часто вызывающей разного рода трения между учреждениями, поставленными в ту или иную степень зависимости друг от друга. Фраза, вы-

завшая у Вас недоумения, начинается у меня словом «хотя», т.к. я глубоко убеждён, что все, указанные мною различия, ни в какой мере не могли служить препятствием для дружной и совместной работы тех разнообразных учреждений, о которых шла речь. Не будь у меня этого убеждения, я не обратился бы к Николаю Константиновичу со своим предложением. Для меня нет вопроса о том, что и возможно, и логично объединение под одним общим протекторатом и научных, и художественных учреждений, ибо разделяю мнение, что «человек не только «наука», он мыслит и переживает не только научными методами». Своего рода «*co-incidentia oppositorum*» [*совпадение альтернатив (лат) – ред.*], Николаем Константиновичем в созданных им учреждениях, меня глубоко взволновала и была побудительной причиной того, что я заговорил с ним о делах Семинария. Однако я вижу, моё интерпретирование самого себя затянулось, а потому кончаю его и прошу верить, что произошло это от искреннего желания выяснить недоумение, которое вызвал у Вас заключительный параграф моего письма.

Перехожу теперь к положению Семинария и к вопросу о преобразовании его в Институт, но предварительно не откажите в любезности передать Николаю Константиновичу и всем сотрудникам Вашего Музея мою благодарность за доброе отношение и к Семинарию, и ко мне лично. Мне было весьма утешительно прочесть об этом в Вашем письме, и я радуюсь, что оно остаётся прежним. Сейчас больше, чем когда-либо, наше дело нуждается в поддержке друзей. Из дальнейшего Вы увидите, сколь тяжко наше положение. Однако я не считаю его безнадежным, ибо верю в милосердие Божие и смотрю на всё это, как на испытание, хоть и тяжкое, но временное, ибо сказано: «претерпевший до конца, той спасется».

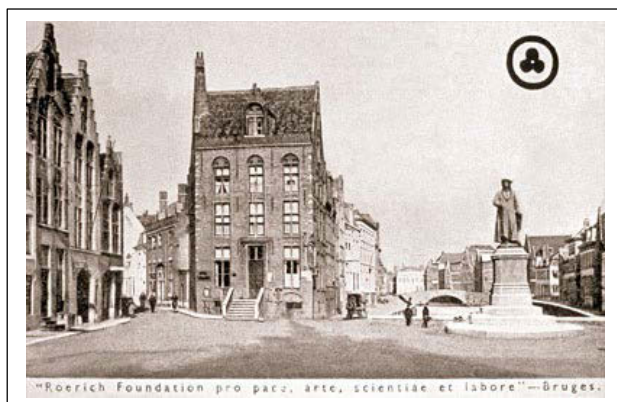
Вы спрашиваете об уставе Семинария. В ответ могу повторить только то, что говорил Вам здесь, в Париже; у нас не было устава, мы жили без писанной конституции. Наше дело создавалось не сверху вниз, но выросло естественно по мере того, как сама жизнь ставила вопросы. Так, в самом начале наше научное объединение имело целью дать возможность молодым нашим членам, ученикам скончавшегося ак[адемика] Н.П.Кондакова, закончить свою научную подготовку. Совместная и взаимная критика, под свежим ещё обаянием личности покойного учёного, заменила до некоторой степени его непосредственное руководство и в то же время закрепила научную традицию, носителем и создателем которой был Н.П.Кондаков. Результат годовой работы оказался столь значительным, учёное ядро столь сильным, что к нему потянулись симпатии и учёного мира России и Запада, и культурных представителей чешского правительства, и частных благотворителей. Всё это вместе дало возможность выступить Семинарию с первым томом своих трудов - Сборник в память Н.П.Кондакова.

Казалось бы, миссия Семинария в этот момент получила своё завершение, т.к. все молодые его члены закончили тогда своё образование и проявили себя вполне сформировавшимися учёными. Жизнь, однако, свалила на его плечи новую тяжесть. Не следует думать, что здесь произошло нечто вроде классического «*deus ex machina*». События развивались последовательно, логично вытекая одно из другого, и перед Семинарием встала задача организации постоянного периодического органа по вопросам изучения древностей России, Востока и Византии. К этому одинаково побуждали и положение науки в России, и необходимость постоянного участия в общеевропейской научной

жизни, и необходимость объединения разбросанных, рассеянных и насильно разъединенных русских ученых сил. Так возник наш «Семинариум Кондаковианум». Как Вы знаете, первые его тома восстанавливают единство русской науки. Тем же естественным путём становится Семинарий центром изучения русской иконы и рождается наша «Зографика». Те же причины создают и «Скифику», а с последней Семинарий окончательно вышел на международную дорогу. Сложная, напряжённая и всегда жертвенная жизнь Семинария в самом ходе её, в повседневной работе, выработала те формы отношений и субординации, т.е. иерархическую лестницу, особую неписанную конституцию, которые регламентируют роль и положение каждого члена Семинария. Индивидуальные особенности, возраст и общественное положение определили каждому из нас то место, которое он занимает в общем деле. Это случилось тем легче, что нас очень мало.

Основан Семинарий шестью лицами: кн[ягиня] Н.Г. Яшвиль, Т.Н. Родзянко, проф. Г.В. Вернадский, Н.П. Толль, Н.М. Беляев и я. Общее собрание этой группы и есть верховный орган управления Семинарием по всем вопросам. За смертью Н.М. Беляева его место занял Д.А. Расовский, который хотя и не был среди учредителей, но работает почти с самого начала деятельности Семинария. Проф. Вернадский давно уже в Америке, однако связь с Семинарием у него полная, и по всем основным для жизни Семинария вопросам запрашивается его мнение. В самом начале, в тот первый период, о котором я говорил выше, мы различали среди членов Семинария двух руководителей: Вернадского и меня. С отъездом Вернадского и с изменением характера работы Семинария у нас установилась должность директора в моём лице. Обязанности секретаря нёс всё время Н.М. Беляев, а теперь Д.А. Расовский. Вся хозяйственная часть находится в руках Н.П. Толля. Таков наш административно-распорядительный аппарат.

Архив Музея Рерихов, Москва

Здание, где размещался Международный союз за Пакт Рериха. Брюгге.
Открытка издательства «Himalayan Roerich Society»

23 сентября 1931 г. Париж.
Письмо М.А. Таубе к Рериху Н.К.

23 сентября 1931 г. / Париж

Дорогой Николай Константинович,
Возвратившись на днях в Париж после недельного пребывания в чудном Брюгге, переговорив ещё здесь с рядом лиц и приняв вчера вместе с милой

мад[ам] де Во на рю де Пуатье умную и симпатичную г-жу Мигель, я только сегодня могу спокойно засесть за подробную Вам «реляцию» о всём виденном и слышанном, о результатах конференции и надеждах на будущее. Считаю совершенно необходимым дать Вам, при всей возможной сжатости, фотографически точный отчёт – без всяких условных восторгов и преувеличений – ибо только при таких условиях Вы в состоянии будете ясно разобраться во всех плюсах и минусах теперешней стадии дела и в его фактической постановке в настоящее время.

1. Начну с общей *характеристики*. Конгресс, бесспорно, удался, насколько может быть удачным *первый* шаг большого международного и гуманитарного дела, предпринятого частными лицами, и притом в области новой, трудной и «деликатной»: он был хорош, но не «блестящ», – интересен, но не многолюден, – богат возможностями в будущем, но скромнен достижениями для настоящей минуты. Его плюсы я приписываю тому, что Ваша благородная идея успела зажечь сердца многих благородных людей романского мира, частью достаточно влиятельных, чтобы не дать этой идее заглохнуть и в практико-международной области; его минусы – приходится отнести на счёт явно недостаточной предварительной подготовки конгресса (о чём и будет сказано ниже), а также выжидательно-недоброжелательного отношения международно-дипломатическо-официального мира с Лигой Наций во главе.

2. Реальные *плюсы конференции* я вижу в следующем: 1) радушное и даже восторженное отношение к делу со стороны художественно-музейного мира Бельгии; 2) согласие и даже настояние его на том, чтобы Брюгге стал официальным международным центром этого движения в Европе с постоянным в нем комитетом; 3) такое же отношение правительственных кругов Бельгии (телеграмма короля); 4) явно доброжелательное отношение Католической Церкви (телеграмма ст. секретаря Пачелли); 5) официальное участие представителей гор. Парижа и итальянских музеев; 6) открытое «покровительство» франц. министерства (пожалование Вам Поч[ётного] Легиона, – с которым я Вас здесь сердечно поздравляю); 7) личное более близкое знакомство между главными франко-русско-бельгийскими деятелями в этой области (в частности, между мною и энергичной г-жой де Во).

3. *Минусами* – или, вернее, неоправдавшимися ожиданиями, – я назвал бы следующие стороны нашего съезда: 1) полное, удивившее всех, отсутствие американцев (по газетам, ожидали их несколько сот, город был украшен америк[анскими] флагами, – и единственная американка, г-жа Мигель, прибыла после закрытия конгресса (!), хотя и не по своей вине); 2) такое же отсутствие дипломатического мира – во главе с предполагавшимся председателем конференции, бывшим послом в Париже японцем Адачи; был лишь греческий посланник в Брюсселе, явившийся, очевидно, в качестве соглядатая и по наущению греч[еского] посла в Париже, известного Политиса, ибо этот последний, в качестве масона «высоких степеней», занял за последнее время открыто враждебную позицию по отношению к нашему делу; 3) отсутствие каких бы то ни было представителей внероманского мира – англичан, немцев, скандинавов, на конференции не было; 4) отсутствие разных внешних торжественных подробностей, которые сами по себе были, конечно, не нужны, но о которых, к сожалению, заблаговременно «разблагостили», как напр., приём у королевы, посадка дерева (по бельгийскому обычаю) и пр.; 5) слабая вообще посещаемость конференции: на открытии её в большом зале губернаторского

дома было всего человек 60, а на последнем – даже не более тридцати... 4. Эти минусы я приписываю главным образом: 1) некоторым недостаткам в предварительной подготовке съезда и 2) местным личным трениям в Брюгге. Что касается первых, то несомненно, что главное их объяснение лежит в оригинальном характере председателя конференции, стремившегося всё делать лично и ревниво отстранявшего всякое сотрудничество. Так как приблизительно таким же свойством отличается и наш милый – работающий и знающий своё дело – Г.Г. Шклявер, то в результате и оказалось, что с самого начала конференции плавал я в разного рода неизвестностях и неопределённостях. Для иллюстрации лучше всего приведу два-три конкретных примера: 1) До самого приезда в Брюгге я, напр., вообще ни от кого не получил никаких материалов по съезду, и никакого общего плана действий в нашей парижской группе установлено не было, так что каждый выступал независимо друг от друга; 2) Благодаря этому, общего очерка зарождения и развития Вашей идеи и объяснения, как получился данный съезд, – несмотря на моё заблаговременное указание на необходимость дать это при самом открытии конференции, – сделано не было, и только на второй день – после ряда довольно диких вопросов с разных сторон (американец ли Вы? Причём тут русские и пр.) – Шклявером были сделаны краткие пояснения; 3) До самого открытия заседания порядок и число ораторов председателем держались от всех в строжайшей тайне – (и без проверки, прибыли ли эти лица в Брюгге), – так что в результате половина вызывавшихся г-ном Тюльпинком лиц вообще оказывались отсутствующими; 4) Внутренние трения между бельгийцами (фламандцы и валлоны – католики и масоны!) оказались настолько не сглаженными, что два раза в течение трёх дней тот же Тюльпинк счёл возможным публично, во время заседания, угрожать своим уходом из дела; 5) Наконец, – и это было самым опасным моментом конференции (которая могла совершенно провалиться на этом пункте) – по вопросу о немедленном поднятии нашего флага на сочувствующих этой идее учреждениях и музеях выяснилось «тактическое» разногласие между нашим «генеральным секретарем» и г-жой де Во: Шклявер (которого я сейчас же поддержал) был вначале, конечно, принципиально прав и действовал по полученным им инструкциям, но неудачно было «упереться» в этом вопросе и дважды требовать голосования – несмотря на то, что было абсолютно ясно, что голосование дало бы подавляющее большинство голосов *против* поднятия флага. Невозможно забывать, что в противоположность американским взглядам (а американцы, как я сказал, блистали своим отсутствием!), европейцы настолько подавлены – и даже задавлены – всяческим бюрократизмом и государственною ферулой, что и думать нечего *сейчас* склонить их к такому «пожеланию», т.е. до решения этого вопроса правительствами.

5. Тут я и перехожу к будущей, предстоящей теперь работе. Опираясь на достигнутый в Брюгге «приз-де-контакт» *Prise de contact* (франц.) – первое знакомство, вступление в контакт. с рядом энергичных и влиятельных лиц, заручившись их согласием (и просьбой) считать Брюгге местопребыванием будущего центрального междунар[одного] комитета, необходимо всеми возможными средствами действовать параллельно на отдельные *правительства*, на *Лигу Наций* и – «ласт нот ласт» *Last but not least* (англ.) – последнее, но, тем не менее, важное, – на *мировое общественное мнение*. Работа большая, исключительно важная и требующая уже более разработанной (по Европе), чем до сих пор, и более технической подготовки и организации. Совершенно

ясно, что и средства на всё это потребуются бóльшие, чем до сих пор. Одна французская пресса чего будет стоить! Ведь здесь, по общему правилу, влиятельные органы ничего не печатают без «взятки» (Прим. М.А.Таубе.); от г-жи де Во я знаю, напр., что «фонды» Парижского центра были исчерпаны – вследствие массы телеграмм, требовавшихся Америкой, – ещё в середине конференции. К слову сказать, бельгийцы также весьма прозрачно намекали, что после первого периода сделанных ими затрат должен наступить момент известного прилива средств из Америки... хотя бы в пределах не американского, а только европейского размаха!

Обо всём этом – ввиду Вашего последнего письма – я предполагаю откровенно переговорить с мисс Лихтман. Что касается меня лично, то, передав ей мои соображения о наилучшем дальнейшем направлении работы, я едва ли буду иметь возможность принять в ней непосредственное участие. Дело в том, что по возвращении сюда я нашёл ожидавшее меня формальное приглашение Мюнстерского (в Вестфалии) университета взять на себя в учебном 1931–1932 году чтение лекций по междунар. праву. Хотя условия этого приглашения и очень скромны (немцы пользуются исключительно трудными условиями русской эмиграции), я не считаю возможным отказаться от этого лишнего источника постоянного заработка, ибо все французские обещания постоянной профессорской работы при Сорбонне так и остались обещаниями. В Мюнстере я должен быть к 1 ноября.

Не могу не закончить письма своим «коньком». Вас будет интересовать, дорогой Николай Константинович, что в Брюгге среди спряжений на все лады и произношений на все вкусы Вашей фамилии, фламандцы усиленно произносили её не иначе, как *Рурик*... Кстати, на этой неделе на предстоящем заседании нашего здешнего Историко-Генеалогического Общества будет иметь место обмен мнений о теориях проф[ессора] Беляева. Профессор И.Беляев в 1920-х годах высказал предположение, что Рюрик русской летописи – это Рорик Ютландский (или Фрисландский), один из сыновей ютландского конунга Хальвдана, изгнанного из Дании примерно в 782 г. и получившего от Карла Великого во владение страну фризов [*фризы – народ в Нидерландах*] о Рюрике Ютландском. Вероятно, и я приму участие в этих прениях. Моё последнее письмо от начала сентября со сводкой последних данных по моим берлинским исследованиям (а также мою французскую работу о междунар. договорах) Вы, я надеюсь, уже получили.

С сердечным, как всегда, общим приветом всем членам Вашей милой семьи и с низким поклоном глубокоуважаемой Елене Ивановне.

Ваш, с нетерпением ожидающий «Державы Света»,

М.Таубе

P.S. Моя речь при открытии Конгресса, кажется, имела успех. Постараюсь как-нибудь переписать её (с моей невозможной рукописи) и прислать её Вам.

Отдел рукописей МЦР. Ф. 1. Оп. 1. № 8075. Л. 12–13об.

24 сентября 1931 г. Гималаи
Письмо Н.К. Рериха к Его Превосходительству 2-му Генеральному секретарю Министерства иностранных дел 2-му Филиппу Бертелло

Париж

Ваше Превосходительство.

Я, как руководитель наших культурных учреждений в Америке, счастлив воспользоваться предоставившимся мне случаем просить Вас передать Французскому Правительству нашу сердечную признательность за высоко организованную помощь, неоднократно оказанную нам в наших делах.

Посылая одного из представителей Министерства иностранных дел для участия в Международной Брюжской Конференции, посвящённой нашему Пакту по охране культурных ценностей человечества. Ваше Правительство этим самым вновь содействовало нам своей поддержкой.

Наши организации, хотя и основаны в Америке, по сути своей являются французскими по духу, благодаря как моим личным связям с Францией, так и трудовому действию нашего Европейского Центра и Общества Рериха, открытыми в Париже. Кроме этих организаций, упомянутых мной выше, я уже предлагал в своих обращениях, адресованных Французскому Правительству, свои проекты о создании в Париже других культурных центров. А также наши художественные и научные учреждения могли бы объединиться с другими художественными и научными обществами, помогая тем самым сближению, как на международном, так и на профессиональном уровне, и в то же время способствовать взаимопониманию между собой.

Одобрение Французским Правительством нашего Пакта по охране культурных ценностей человеческого гения, так необходимого для развития всего человечества, наполнило нас огромной радостью и придало нам силы продолжать наши конструктивные шаги в области Культуры.

Я пользуюсь этим случаем, чтобы Вас лично поблагодарить, Ваше Превосходительство, за блестяще оказанную нам помощь, и искренне проникаюсь дружеским чувством, когда вижу Ваше имя среди Почётных Членов нашего Общества, которое будет счастливо иметь в своих рядах таких доблестных представителей прославленной Франции. Именно сердечным взаимопониманием и стремлением к Истине народы хотят укрепить чувство Великого Культурного Братства, которому прекрасная Франция служила столько раз. И не случайно, что мы создали наши Институты здесь, во Франции и в Америке, ибо по вдохновенному выражению доблестного героя Франции, нашего Почётного Члена господина генерала Гуро: "На поле брани или на поприще Искусства, Америка и Франция должны быть вместе".

Великое богатство Франции быть колыбелью Культуры всегда было для меня, получившего художественное воспитание в Париже, бесценным указующим началом развития широты мысли и творческой силы человеческого гения. И теперь, по истечении сорока трёх лет моей деятельности, я констатирую, что эти чувства не без основания росли и крепились и способствовали всё более тесному нашему сближению.

Я имею удовольствие вручить Вашему Превосходительству экземпляр нашего Французского Послания, в котором я рад выразить своё наиглубочайшее восхищение перед гением Франции, а также свою монографию "Гималаи", где я рассказываю о разных нагорьях нашей планеты и о вечной притягательности высоких снегов Гималайских.

Ваше Превосходительство, я прошу Вас ещё раз передать Французскому Правительству нашу душевную признательность за благородную помощь нашим культурным учреждениям и Пакту по охране культурных ценностей. Слава Франции! Честь и Хвала Вам!

Прошу Вас принять, Ваше Превосходительство, выражение моей искренней преданности и глубокого уважения.

Н. Рерих

Гималаи / 24 сентября 1931 г.

Архив Музея Рерихов, Москва (Машинопись)

24 сентября 1931 г.

Письмо Н.К. Рериха к Морису Метерлинку.

Морису Метерлинку, Эсквайру.
Шато-де-Медан. / Вийен-Сюр-Сен.
Сентябрь, 24, 1931.

Мой достопочтенный и выдающийся друг, мне было очень приятно получить известие из нашего Европейского центра в Париже, что Вы одобрили Пакт Рериха в таких трогательных и красивых комментариях. Ваш творческий гений всегда был мне близок и несколько раз вдохновлял меня к созданию картин на тему принцессы Мален, Сестры Беатрис и других Ваших бессмертных творений.

В настоящее время рад сообщить Вам, что на собрании попечителей Музея Рериха Вы были избраны почётным советником Музея Рериха Отдела искусства и литературы. Вы увидите на этом бланке несколько известных имён, лиц, участвующих в наших культурных организациях. Выборы, конечно, исключительно почётные и не влекут за собой никаких особых обязательств.

Из тех фамилий, кто присоединился к нашей организации, но ещё не мог войти в этот список, мы должны упомянуть сэра К. В. Рамана, известного индийского физика, лауреата Нобелевской премии прошлого года, и М. Поля Шабаса, Президента салона художников Франции. Пользуясь случаем, посылаю Вам самые искренние пожелания во имя Культуры.

Предчувствуя удовольствие от Вашего ответа,

Искренне Ваш,

*Почётный Президент
Председатель Попечительского совета.*

Архив Музея Рерихов, Москва. (Перевод с англ. яз.)

24 сентября 1931 г. Урусвати.

Письмо Е. И. Рерих к Рериху В. К.

Урусвати, сентябрь 24, 1931

Родной Володя, к письму Юрия, которое Вы, должно быть, уже получили, мне хочется добавить несколько строк и от себя. Знаем, родной, что Вам нелегко, и стремимся всем сердцем дать Вам радость светлого будущего. Шлём Вам некоторую помощь и просим помочь великому мировому культурному строительству. Помогите ему всем напряжением Ваших лучших устремлений. Собирайте культурных строителей в Общества имени Рериха. Все светлые

умы, смотрящие в будущее, подходят и группируются вокруг светлого и мощного облика Н. К. С гордостью могу сказать, что имя это звучит как в Европе, так и в Америке и на Востоке.

В дни неслыханных бедствий и разрушений, когда люди мнутя, не находя выхода из порождённого ими хаоса мышления и действий, подымается мировая фигура Водителя Духа и Культуры и раздаётся светлый и бодрый призыв к новому строительству, к новому осознанию всечеловеческих отношений и всех духовных, творческих ценностей. Знамя Мира, Знамя Культуры, поднятое Рерихом над всем миром, истинно объединяет всех сильных духом, всех отрешившихся от предрассудков и пережитков условностей и понявших неизбежность случившегося, и стремящихся к истокам духа, чтоб в этих извечных истоках почерпнуть новые силы для нового радостного, культурного строительства. Все старые идеи отрицания и разделения отживают и уже частью отжили. Нужны новые призывные формулы единения и утверждения мощи единого духа человеческого. Нужно понимание великого водительства духа, ибо лишь в этом целительное начало мира.

Потому, родной Володя, распространяйте, насколько это в Ваших силах, искусство, книги и писания Н. К., которые перешлют Вам из Америки. С Вами будет переписываться наш довереннейший друг. Ей Вы будете сообщать ежемесячно результаты Вашей просветительной деятельности. Очень важно распространить созидательные идеи Н. К. и поддержать дух наших соотечественников в Китае и Японии, собрав их вокруг фокуса Имени Рериха. Нужно насытить их культурными стремлениями и ценностями, ведь им так тяжело живётся, и они будут рады каждой искорке радости творчества духа и надежды на светлое строительное будущее. Потому распространяйте также и книги Учения, если книги эти вышли, сообщите, сколько Вам прислать. У нас имеются на складе первая и вторая книга "Листов Сада М.", "Агни Йога", "Криптограммы Востока" и готовятся к печати "Беспредельность" и "Иерархия".

Пришлём Вам также всю литературу, собирающуюся около Знамени Мира. Вы, вероятно, уже знаете, как горячо отозвались Европа и Америка на эту великую мысль Н. К. Объединяются целые города под наименованием Лиги Рериха. Конференция в Брюгге обещает быть очень внушительной, наиболее выдающиеся Академии и другие просветительные учреждения примкнули к этой идее. На многих музеях и обществах уже развевается это Знамя. Уже некоторые Правительства посылают своих официальных представителей на эту Конференцию. В Америке три миллиона женщин через свою председательницу высказались за принятие этого культурного Знамени и обещали свою поддержку. Образуется фонд Знамени Мира, также будет назначен день для всемирного празднования Знамени Мира и Культуры.

Так все мы работаем по мере способностей, не теряя минуты, ибо знаем, какое сейчас грозное и великое время. Знаем, какие семена событий закладываются сейчас! Н. К. неустанно пишет картины, пишет книги, учреждает и строит культурные очаги по всему миру, направляет сознание духовно ищущих и стремящихся к новому созиданию. Также и Вы, родной, приобщитесь к этой великой деятельности и не теряйте ни минуты, распространяя всё присылаемое Вам в указанные страны. Сейте эти чудесные психозёрна радости духа. Миру нужны обновлённые души, способные орлиным глазом обозреть и понять, что смысл современных событий в том, что в мировом масштабе доказывается вся непригодность отживших идей и построений и среди неслыхан-

ных рушений, как зарницы на чёрном, грозном небе, зарождаются новые идеи культурного духоводительства.

Будем присылать Вам отдельные фрагменты Учения. Примите их духом и сердцем, ибо, истинно. Учение это идёт из наивысшего Источника. И Св. Сергей вновь поднялся на защиту и строительство своей страны. Поможем Ему всем достоянием, всеми силами нашими!

Чем больше Вы успеете, тем скорее и свидимся с Вами. Приезд Ваш может быть приближен в зависимости от успешности Вашей деятельности. Устремитесь всем духом. Великая работа ожидает нас!

Очень жалею Борю, будем стараться выписать его в Америку. И так близко время, когда снова все соединимся в радостном строительстве, но, повторяю, приближение его зависит от приложенных усилий. Действуйте спешно и со всею осмотрительностью.

Сердечный привет Чистякову, помним и его! Посылаю Вам заметку Жана Дювернуа о новой книге Н. К. "Держава Света". Можете это прочесть, кому найдёте нужным, и даже поместить в газете, ибо книга уже вышла на английском языке и скоро выйдет на русском, тотчас же по выходе пришлём её и вам из Америки.

Поспешайте, родной, время очень кратко. Шлю силу и крепость духа в светлых начинаниях.

Сердцем с Вами *Е.Р.*

Когда Вас спросят, почему Вы неотступно избрали водителем Р.? Скажите: "С ним успех, и мы будем успешны при нём. Можете назвать кого-нибудь успешнее?" Так сказал один Великий Дух!

Архив Музея Рерихов, Москва

24 сентября 1931 г. Наггар
Письмо Ю.Н. Рериха к Шкляверу Г.Г.

24 сентября 1931 г. Наггар

Уважаемый доктор Шклявер,

Пишу Вам, чтобы Вы не забыли получить из Музея Естественной Истории обещанные идентификации и их письмо в подтверждение. Мы ожидаем также Ваши новости относительно распространения журнала в Париже и возможности обмена с местными ведущими научными журналами. Наш журнал должен получить соответствующую рекламу в каталогах Гетнера.

Я не получил французский текст моей книги «По тропам Срединной Азии» и несколько книг, о которых Вы уведомили в Ваших письмах и которые должны были быть посланы с моим братом. Я узнал у него, что Вы отправили их отдельно, и просил бы Вас очень позаботиться, чтобы груз не был повреждён по пути в Бомбей. Из моих личных книг, оставшихся на rue de Poitiers, мне понадобятся только научные книги. Остальные книги храните в ящике до востребования. То же касается одежды и огнестрельного оружия, которые храните, пожалуйста, у себя до дальнейших указаний.

Я жду Ваш отчёт по поводу участия Института в Международном фармакологическом конгрессе и конгрессе по этнографии.

С наилучшими пожеланиями,

Искренне Ваш,

Директор

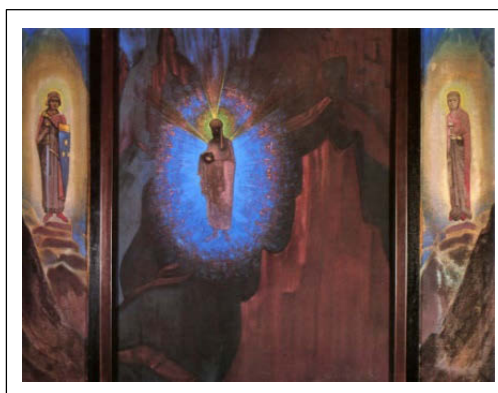
P.S. Я надеюсь, что Вы получили в полной сохранности половину толы мускуса, посланную Вам заказной почтой.

Публикуется по изданию: Юрий Николаевич Рерих. Письма. (1919-1935 гг.) М.: МЦР 2002.

**25 сентября 1931 г. Кейланг.
Из дневниковых записей Е.И. Рерих:**

«Так утверждаю великое водительство. Так примем дар как великое восхождение. Такое великое время завершения великой ступени. <...> Так мы завершаем предназначенный рок».

FIAT REX!

Н.К. Рерих. Fiat Rex! (Да будет Король!). 1931.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

31.08.31. Так мы возвещаем Водителя-Иерарха! Так мы провозглашаем Рериха как спасителя народов. Так огни Тары насыщают пространство. Придёт великое будущее.

4.09.31. Истинно, мощно Знамя Мира, и мощь Наша с ним! Так утверждаем, что предназначенное должно свершиться. <...> Так великое завершение входит в жизнь. Окружаю родную Свати огнём. Щит вам. Меч воинам.

Н.К. Рерих. Знамя Мира (Пакт Культуры). 1931.

26 сентября 1931 г. Наггар.
Письмо Н.К. Рериха к барону фон Таубе М.А.

Наггар, 26 сентября 1931 г.

Дорогой Михаил Александрович,
Мисс Э. Лихтман передаст Вам наши лучшие приветы и расскажет Вам о жизни нашей и обо всём, имеющем значение для настоящего. Расскажите ей подробно о конференции, ибо, к сожалению, кроме прелиминарных сведений, мы не получили оттуда никаких вестей. Даже не знаем, как была организована передача сведений в Америку, что имело бы особое значение для наших культурных кампаний. Жду получить от Вас подробные сведения о Брюгге, ибо знаю, что при упорстве и терпении мы будем непобедимы. Было ли сделано постановление о немедленном поднятии Знамени всеми учреждениями, которые уже присоединились к Пакту? Предвижу, что у Вас будут продолжительные и значительные разговоры с мисс Лихтман. Буду духовно присутствовать и посылать Вам мои лучшие мысли.

Привет Вашей семье.

Сердечно Ваш, *Н.Рерих*

Публикуется по изданию: "Дельфис" №80(4/2014) Письма Н.К.Рериха к М.А.Таубе

30 сентября 1931 г. Гималаи.
Николай Рерих

ОТКРЫТЫЕ ВРАТА

Перед нами пять телеграмм о конференции в Брюгге:
- «Конгресс Международного Союза Пакта Рериха приветствует Мастера горячими пожеланиями осуществления благородной идеи – Байэрт Секретарь Брюгге».

- Прекрасная статья брюжского корреспондента появилась в «Таймсе»: «Весь Брюгге славословит Америку благодаря вам. Американский флаг будет развиваться с каждого окна Брюгге. Все фламандские женщины шьют американские флаги».

- «Конференция в Брюгге открылась в присутствии 400 делегатов с большой торжественностью; Месса в Базилике Св. Крови, затем шествие на благословение и увенчание Знамени Мира Рериха гербом города Брюгге. Получены послания от папы и короля Альберта, утверждающие Пакт, также приветствия от посланников, государственных деятелей, министров, сенаторов Соединённых Штатов, представителей просвещения. Город Брюгге поднёс Рериху медаль, специально выбитую в его честь, как вождю мировой культуры. Декларация Рериха читалась под аплодисменты. Присутствовали делегаты Франции, Бельгии, Италии, также представители правительств. Извещение французского президента с пожеланием Рериху Большого Креста Почётного Легиона покрыто криками: «Да здравствует Рерих». Все резолюции Рериха были приняты. Потрясающий успех конференции. Великая идея прославлена, как начинающая эпоху мирового мира».

- «Объединившись, шлём вам поздравления в этот великий день, когда Знамя Мира победно утверждает ваше водительство Культуры – члены Совета Музея Рериха».

- «Собрание в Музее для увековечивания конференции в Брюгге вынесла резолюцию, утверждающую ваш Исторический Пакт Мира. Посылаем резолюцию вам и президенту Соединённых Штатов – президент Музея Рериха. Нью-Йорк».

Поздравляю членов совета, поздравляю почётных советников наших, сотрудников, преподавателей, учащихся и всех сочленов с успехом этой первой конференции во имя Культуры и Мира.

12 сентября из Лахуля я писал о том, как гумункулусы и игнорапусы всё же будут пытаться препятствовать безусловному культурному начинанию.

В лицемерии они будут шептать, что мы признаём войну и не заботимся о жизни человеческой. Но они должны понять. Что наш Пакт и Знамя вовсе не только для войны, но они имеют общекультурное значение. Культура несёт за собою мир – мир сохраняет как творения человеческого гения, так и самую жизнь человеческую. Игноранты и прочие служители тьмы, конечно, будут продолжать и шептания, и подкопную работу. Ведь каждый свет для них неприемлем. А каждое разрушение даёт им те частицы разложения, которыми они питаются. Но борьба с невежеством уже есть духовное достижение о свете.

Брюссельский корреспондент «Таймса» сообщает по поводу конференции, что на ней будут участвовать не только двести лорд-мэров, но и, странно сказать, принимают участие многие рабочие союзы. Нам совершенно непонятно, почему для корреспондента оказалось с транным, что рабочие союзы оказались достаточно развитыми, чтобы помыслить о культуре. Наоборот, каждый здравомыслящий человек, казалось бы, должен радоваться, что мысль о достойном сохранении сокровищ человеческого гения уже близка, не только главам городов, но и трудящемуся населению, которое в буднях работы могло бы не уследить за творческими ценностями. Потому на замечание корреспондента, - странно сказать, мы ответим – радостно сказать.

Корреспондент «Таймса» своим изумлением по поводу культурности рабочих союзов лишь показывает своё ветхое мышление, полагая, вероятно, что Красота и Культура должны быть недоступны народным массам. Но нужно ли повторять, что даже самый простой обыватель, обращаясь к массам, знает изобразительное и звуковое достоинство объявлений. Очень прискорбно, что ещё приходится задерживаться на давних трюизмах, но если сознание чьё-то это требует, то лучше ответить на ветхое признание. Вообще, не дурно бы завести особые анналы врагов Культуры. Ведь имя Герострата служит назиданием для многих школьников.

Трогательно подумать, что старый город Ван-Эйков и Мемлингов так ярко откликнулся на наш Пакт и вложил истинное действие, которое останется незабываемым в истории культуры. Сколько славных имён, водителей стран, религий, представителей просвещения было с нами в дни конференции. Международный союз нашего Пакта сделан постоянным учреждением. Это постановление, именно, ответило предложению нашему сделать Брюгге центральным местом Союза, чтобы в связи с благородным соседством Дворца Мира и постоянным Международным Судом в Гааге происходило средоточие культурных сил, которые в ясном осознании неотложности решили действительно объединиться и принести труды свои во имя укрепления традиций Культуры.

Этим самым участники Международного Союза отвечают самому насущному запросу Культуры. Они решили не только охранять бывшее, но и создавать благородное стремление среди подрастающих поколений, чтобы камни прошлого не только свидетельствовали о благородстве прошлом, но и являлись истинными побудителями прекрасностроительству. Эти благородные труды настолько неотложно нужны сейчас, что приветствуя взаимно друг друга с успехом конференции, мы вовсе не говорим о победе, но чувствуем лишь открытые врата, через которые посилено понесём всё самое ценное, помня, что высшее желание человечества – это жить в стране культуры.

Знамя Культуры и Мира, всемирный день Культуры, всемирный каталог сокровищ человеческого гения. Орифламма – журнал, выявляющий эти творческие сокровища, добрые встречи и непрерываемый обмен энтузиазма и благих предложений, - всё это даст международному союзу не только кипучую жизнь, но и бесконечное нарастание возможностей. Мы будем просить все наши Общества и все учреждения, примкнувшие к Союзу, поднять знамя Культуры и Мира теперь же, ибо нечего ждать, нужно начинать благое дело строительства немедленно, с тем несломимым энтузиазмом, которым строились лучшие страницы истории человечества.

В программу всех наших обществ и близких нам учреждений необходимо ввести действие на пользу Союза и Знамени. Ведь каждое из наших Обществ уже является членом Международного Союза нашего Пакта и тем самым уже ответственно за процветание идеи культуры, которое единственно может объединить мир в благом строительстве. В различных странах по разному преломятся идеи культуры. Лишь широкое вмещение и взаимоуважение помогут на этот раз удержаться от нелепых разделений и измельчений.

Итак, во имя единства, во имя светлого сотрудничества, во имя великой мировой культуры, во имя основы мира, соединим все наши усилия и в дружном сотрудничестве сделаем то, что даст грядущим поколениям радость и счастье.

Николай Рерих
Гималаи. 30-го сентября 1931 г.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Вырезки из газеты: Новая Заря. 12 Декабря 1931 г. № 462)

ОКТАБРЬ

5 октября 1931 г. Наггар, Кулу.
Письмо Н.К. Рериха к Таубе М.А.

Наггар, Кулу, / 5 октября 1931 г.

Дорогой Михаил Александрович,

Благодарю Вас за оба Ваши письма, как о конференции, так и о генеалогии; Ваша точная характеристика конференции для нас была очень ценна – чем объективнее картина, тем удобнее для будущей стратегии. Так же как и Вас, нас удивило число присутствовавших на конференции. В Америке даже на самом интимном собрании мы имеем не менее трёхсот человек. Очевидно, административные способности Тюльпинка, как Вы отмечаете, заставляют желать лучшего. Ваша параллель между Шклявером и Тюльпинком также очень верна, и мы должны иметь это в виду. Отсутствие шведов, югославов и чехо-

словаков можно приписать лишь неосмотрительности наших администраторов, ибо совершенно легко получить весть от нашего друга принца Евгения, от короля Александра [*король Югославии – ред.*] и от Масарика [*Президент Чехословакии – ред.*], с которым мы хороши через семью Крэнас. Также король Борис [*Царь Болгарии – ред.*], королева Вилгельмина [*Нидерланды – ред.*] и король Гаакон [*Норвегия – ред.*] всегда отзывались самым лучшим образом. Как Вы и отмечаете, у Шклявера есть известное нежелание кооперации, и Вы, как опытный администратор, знаете, насколько такая эгоцентричность может быть вредна в общественных делах.

Настоящая весточка, вероятно, дойдёт до Вас уже во время Ваших бесед с Э. Лихтман. С нетерпением буду ждать результата Ваших совещаний. Мы очень порадовались письму м-м де Во, в котором она, очевидно, отвечая нашим сердечным посылкам, предлагает избрать Вас генеральным делегатом нашего Музея в Европе. Такими же мыслями напутствовали мы и Э. Лихтман. Не удивляюсь Вашим сведениям о Политисе [*Министр иностранных дел Греции – ред.*]. Сам он во время наших встреч в Париже не произвёл на меня положительного впечатления. Впрочем, мы и не должны особенно погружаться в сферу второстепенных легаций. Лишь там, где мы будем идти большими линиями, которые Вы так чувствуете, лишь там мы будем победоносны.

Итак, буду ждать Ваших сведений о совещаниях с Э. Лихтман, и очень рад, что М-м де Во так восторженно оценивает Ваше сотрудничество. Всегда люблю, когда хорошие люди вместе. Сердечный привет Вам, супруге Вашей и всей Вашей семье от нас всех.

Духом с Вами,

Н.Рерих

Публикуется по изданию: Журнал "Дельфис" №80(4/2014)

20 октября 1931 г. Наггар. Кулу.

Письмо Н.К. Рериха к Тюльпинку.

NAGGAR, KULU, PUNJAB /Okt. 20-th, 1931

Дорогой Мистер Тюльпинк.

Благодарю Вас за письмо Ваше о результатах Конференции. Очень рад был услышать, что основные результаты, по Вашему мнению, даже превзошли ожидания. Не сомневаюсь, что при должном терпении и настойчивости вся благотворная идея культурного охранения памятников человеческого творчества победоносно и всемирно войдёт в жизнь.

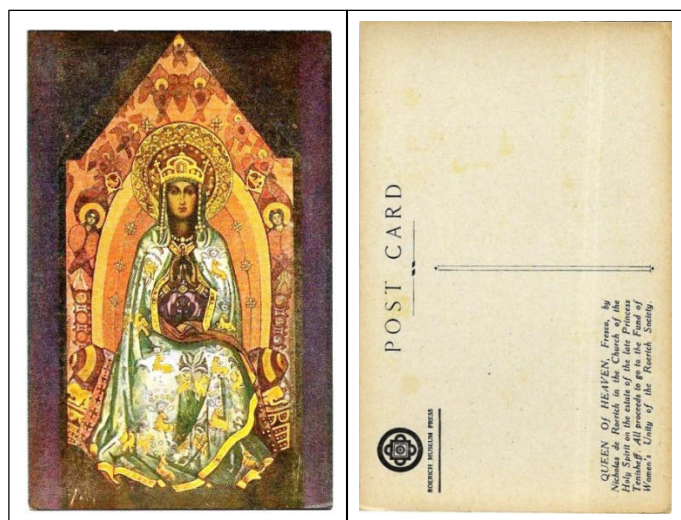
Считаю, что дальнейшие действия не должны быть отложены, для этого же прошу Вас сообщить мне следующие данные: 1). Полный состав постоянного комитета. 2). Инструкции, данные постоянному комитету. 3). Прочие резолюции Конференции и особые мнения, если таковые были? 4). Была ли представлена моя телеграмма Королю Альберту и каков был ответ на неё? 5). Существуют ли новые отношения с М. Адачи и если да, то какие именно? 6). Очень интересуюсь всеми возможностями о Лиги Городов. Каковы в этом смысле возможности среди городов Италии, а также Руана, Накси и пр. исторических мест? 7). Были ли постановления о всемирном дне Культуры в школах и пр. учебных Заведениях? 8). Были ли представлены Конференции мои два открытые письма Знамя Мира, и какие соображения были при этом высказаны? 9). Имеет ли связь наш постоянный Союз и Комитет с Лигою Наций, или же в виду того, что Лига покрывает лишь неполную половину Мира, Ко-

митет будет опираться на Учреждения в Гааге и проводить идею Знамени Мира самостоятельно? 10). Если решён созыв Конференции следующего года, то не следует ли определить срок её теперь же, чтобы многие страны, случайно не участвовавшие на первой Конференции, могли бы заблаговременно пригласить и высказаться.

Не сомневаюсь, что Король Югославии Александр, Принц Евгений Шведский, Король Борис Болгарский, Президент Масарик Чехословакии, Император Японии, Шах Персии, Король Сиам и пр. Главы Государств, высказывавшиеся неоднократно симпатии к нашим Учреждениям доброжелательно выскажутся и в этом всемирном необходимом культурном деле, если заблаговременно произвести необходимые сношения.

Буду ждать Ваших разъяснений по всем интересующим меня вопросам, чтобы, в свою очередь, принять соответственные меры, которые за дальностью расстояния требуют известного времени. Когда будете иметь новую почтовую бумагу постоянного Комитета, прошу Вас прислать мне несколько листов её.

Пользуясь случаем ещё раз приветствовать Вас во имя нашей общей работы, и ещё раз пожелать Вам и здоровья, и бодрости, которые так необходимы во всех культурных просветительных начинаниях. Прошу Вас при случае передать Прелату Доминиканского монастыря мои лучшие чувства и признательность за всё его благорасположение к нашему делу, в чём я и не сомневался, ибо ничто разрушительное не должно быть свойственно благостной религии.

Почтовая открытка 1930-х г.

На обороте слева внизу надпись: **«Царица Небесная, фреска Николая Рериха в церкви Святого Духа в имени покойной княгини Тенишевой. Все вырученные средства пойдут в фонд Женского единства общества Рерихов».**

Прошу Вас передать прелату мою открытку «Царица Небесная», когда вы получите её из Парижа. Надеюсь, Вы уже получили из Америки мою новую книгу «Держава Света», в которую вошли и некоторые мои писания о Конференции в Брюгге. Сердечный привет Вам и славному городу Брюгге.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

*24 октября 1931 г. Наггар. Кулу.
Н.К. Рерих*

ДЕКАДА

Прошло десять лет с тех пор, как мы положили первый камень наших Учреждений в Америке. Вполне естественно, что мы начали с Института Объединённых Искусств, чтобы сразу в полной мере подчеркнуть идею единства. Таким путём наши давние идеи, протекавшие в других странах, перенеслись и вкоренились и на почве Америки. За десять лет сложилась обширная литература по всем отделам нашего культурного центра. Я не собираюсь сейчас писать историю этих нарастаний. В день приветия мы не будем летописцами, но выразим то, что нам кажется самым несомненным в росте культурных начинаний.

Дорогие сотрудники, я не собираюсь просто хвалить Вас, ибо можно ли хвалить человека, который всецело предан идее Культуры? Можно ли хвалить за честность? Можно ли хвалить за духовность и воодушевление красотой? Ведь это всё основы человеческие, вне которых никто и не мог бы считаться культурным работником. Похвала всегда относительна, но факт незыблем! И вот теперь в памятный день десятилетия трудной работы во имя Культуры мне хочется отметить то, что несомненно.

Оборачиваясь назад, на все труды, на все битвы с невежеством, бросается в глаза, что работа созидательная шла безостановочно. Это не похвала, это только выявление факта истинной духовной доблести. Можем ли мы сами себе назвать хотя бы один год, проведённый в покое и самоуслаждении?

Можем ли мы назвать хотя бы один месяц из этих 120 месяцев, когда бы не укреплялось уже сделанное, и не устремлялись бы мысли к новым областям культурного поля.

Тут-то мы и можем, положив руку на сердце, сказать, что не было такого года, не было такого месяца и даже недели, когда бы мысль и труд не слагали новых возможностей. Не было того дня, когда бесчисленные препятствия не были бы обращаемы во благо. Это сознание безостановочной устремлённости непрерывного созидательного труда - поистине должно быть знаком сегодняшнего дня. Нас могут спрашивать о порядке нашего плана. В индивидуальных суждениях могут предлагать перестановку чередования дел, но никто не скажет, что энергия не была положена во Благо.

Нет ничего удивительного, что за десять лет Учреждения развились необычно. В безостановочности энергии заключён великий мегафон, великая инерция, которая вооружает работников крепким доспехом.

Очень сожалею, что в этот знаменательный день не могу быть с Вами и не могу словом отеплить посылаемые Вам мысли; но во имя той же безостановочной работы, о которой я говорю, я чувствую, что устройство Гималайского Института вполне оправдывает моё отсутствие сегодня в Америке. Уже более трёх лет тому назад мы внесли к нашим областям Искусства и область Науки, ибо Культура в своём синтезирующем начале не терпит ограничений, умалений, отделений. Мы видим, что все условности, так вредящие прогрессу, порождены лишь невежеством. Но каждый из нас за всю деятельность может сказать, что сущность духа народного гораздо сильнее выпадов невежества. Имея дело с массами, в сердце своём устремлёнными к знанию и красоте, мы можем оставаться оптимистами. Не будем сегодня вспоминать о трудностях.

Всякое воспоминание о трудностях может привязывать корабль наш к пристани. Вспоминая о трудностях, мы невольно начинаем думать о заслуженном отдыхе, иначе говоря, начинаем предаваться самым вредным мыслям, ибо, где же он, отдых, в беспредельности творчества? Оставаясь неразрушимыми оптимистами, мы будем лишь стремиться окрылить корабль наш новыми парусами.

"Странные люди", - сказал кто-то про нас, но друг наш заметил: "Действительно, необычные люди, даже все трудности встречают с улыбкою".

Откуда же может прийти эта улыбка? Ведь только из сознания, насколько нужна всегда и именно теперь работа во имя Культуры. Итак, вступим же в новое десятилетие с прежнею неудержимою стремительностью, с тем же звучащим зовом о Culture и с тою же неустанностью.

Сделаем поклон всем тем, кто помогал росту Учреждений, и пожалеем тех, имена которых смешались со тьмою.

Как я уже часто говорил, Culture есть почитание света. Даже травы и растения к свету стремятся. Как же одушевлённо и восторженно нужно стремиться к единому Свету людям, если они считают себя выше растительного царства.

Сегодня ночью над цепью Центральных Гималаев вспыхивали необычайные озарения. Это была не зарница, ибо небо было чисто, но то самое, недавно отмеченное в науке, светоносное излучение Гималаев. Во имя Света, во имя светоносности сердца человеческого будем же работать, творить, изучать.

Этот привет дойдёт до Вас, Друзья, уже почти в день десятилетия наших Учреждений. Не забудем также, как многообразно откликнулось общественное мнение на наше строительство. По-своему каждый выразил внимание. Кто послал добрую мысль, кто одобрил, кто помогал и сотрудничал; наконец, те, у которых вообще не живут добрые мысли, послали свою клевету, и в этой форме выражая тоже внимание. Клевета, как это не чудовищно, является условием признания, и эти своеобразные знаки неминуемо тоже нужно накапливать, точно выражения чуждого нам языка.

Среди многообразных наречий есть столько неожиданных созвучий, и по букве одной трудно решить, что несёт с собою иногда внешне благозвучный знак. В жизни очень часто злобное клеветническое намерение оборачивается на пользу, лишь не закрыть глаза на это круговращение.

Потому, вспоминая добрые знаки, также вспомним и о своеобразных ласках клеветы. Без неё земная трапеза была бы не полна. Но именно за полную трапезою мне хочется ещё раз приветствовать всех друзей и сотрудников, которые дружно идут, чтобы помочь нуждам Культурной жизни.

Если мы можем помогать этим насущнейшим нуждам человеческого бытия - это уже прекрасно. И если в день десятилетия мы можем направлять мысли наши к бодрым строительным делам, это значит, что мы на пути правильном. Осознание правильного пути даст нам бодрость, зоркость и находчивость, чтобы неустанно и терпеливо помогать строению светлой жизни.

Десять лет тому назад мы планировали начало и развитие наших культурных Учреждений. Должны сказать, что, следуя основной программе, во многих пунктах мы преуспели за пределы её. Так же точно теперь, вступая в новое Десятилетие, посмотрим вперёд и наметим новые вехи, по которым пойдёт развитие. Подчёркиваю "Развитие", ибо можно или развиваться, или разрушаться, но не стоять на месте. Приходится говорить эти слова в момент

величайшего мирового материального кризиса, когда в мире многое отсекается, забывается, как груз терпящего аварию корабля! Но во время аварии весь экипаж корабля собирает всю свою опытность, все панацеи, дабы победно выйти из тяжёлого положения.

Выше панацеи Культуры не знало человечество. Да и не будет знать, ибо в Культуре сумма всех достижений огненного творчества. И нашему кораблю трудно среди бури всемирного Океана. Конечно, совершенно естественно все материальные расчёты наши, бывшие правильными для нормального положения вещей, поколеблены под напором идущего девятого вала. Мы начинаем новое Десятилетие обращением к массам о сотрудничестве. Для народов мы начали Культурные Учреждения, и теперь народные массы должны выявить мощь свою в культурном понимании и оценке творимого.

Во все времена истории духовная мощь творила и возможности существования. Разумная экономия, с одной стороны, и пламенное творчество, с другой, создают незыблемый оплот. Даже в самые трудные часы строитель не вправе думать только об экономии, которая по негодности допущенных материалов может вызвать взрыв и разрушение.

Созидательно мы должны смотреть вперёд. Скажу, как я понимаю Музей наш.

Музейон, Музей не есть мёртвое хранилище, не сокровище скупца. Музей неразрывен с понятием Культурного Центра. Музей это уже и есть Обитель Лиги Культуры.

В широких планах Культуры нельзя предрешать неизменных ограничений или каких-то заповедных исключительных владений. Также трудно предрешать каждое начало строительства. В пространстве иногда пролетал термин "Музей Одного человека", и, сознаюсь, всегда такое определение мне не нравилось. Не потому не нравилось, чтоб я был вообще против выявления индивидуальности. Индивидуальность, характер создаёт стиль, а стиль это есть печать века и ритм Вечности. Мне не нравилось это наименование, потому что в непонимающих умах оно звучало как некое ограничение, между тем в программу нашу именно понятие ограничения не входит. Уже в 1924 году я предложил устроить Отдел американского искусства, который уже тогда посылно начал собираться. Понимаю, что этот отдел не мог быть ещё выставлен, ибо находится в процессе собирания и части его входят в состав передвижных выставок по штатам, знакомя массы с отечественным искусством.

В 1929 году, вернувшись после долгого отсутствия в Экспедиции, мы начали планировать целый ряд следующих отделов. Было положено фактическое начало Восточному отделу, было положено основание Русскому отделу, состоящему в ведении нашего Сибирского Общества. Художественный материал, привезённый нашей экспедицией из Монголии и Тибета, лёг основой Восточного отдела, а собрание русских икон послужило нуклеусом-ядром для возможности будущего развития отдела Русского. Комната имени Святого Сергия, комната имени Св. Франциска, комната мыслителя Спинозы, комната Великого Учителя Оригена, комната Маха Бодхи уже являются началом целого мощного будущего строения Музея религий. Тогда же в 29-м и 30-м году мы планировали Отдел итальянского искусства, о чём апеллировали к многочисленной итальянской колонии в Америке, и не наша вина, если сограждане итальянского происхождения пока остались глухи к желанию показать наилучшее представление о великом искусстве Италии.

Но что отложено, не потеряно. По-прежнему мы будем наполнять пространство призывами во имя объединения Культурных сил. Тогда же зародились мысли об отделах Французском, Испанском, Шведском, Финском и целом ряде выявлений Южной Америки. Конечно, продвижение по такому широкому фронту, да ещё в столь затруднённое время, не может совершаться так быстро, как хотелось бы. Но мы всегда имеем перед собою первоначальный план наш, а именно, чтобы со временем всё здание, в постепенно переустроенном виде, служило бы разнообразным Отделам человеческого творчества, являясь живым Культурным Центром, предоставленным в народное пользование. Укрепление и развитие именно этого плана стоит перед нами как ближайшая задача Нового Десятилетия.

Мы будем счастливы приветствовать и секции, посвящённые отдельным индивидуальностям, запечатлевая в воображении молодых поколений плоды цельной деятельности, напоминающей и зовущей к синтезу построения будущей жизни. Для роста всех этих многообразных выявлений мы должны обращаться не только к различным общинам и слоям общества, но и к разным странам, которые должны понять, что именно в Америке, где объединилось такое множество национальностей, всякое стремление к синтетичности особенно уместно, и шовинизм не к щиту Америки.

Опять же не будем себя урезать какими-то преднамеренными программами о том, что именно должно делаться в первую голову. Пусть сама жизнь выявит, где и в чём наибольшая жизненность или подвижность. Сама история нарастаний покажет, которые элементы были наиболее широко мыслящи и строительны. Конечно, в нашей программе не должно быть упущено основание качества делаемого; ведь нации и сограждане, полагаю, будут хотеть представить себя наилучшим образом и закрепят прочно. По счастью, положение наших комнат в здании таково, что сравнительно легко они могут быть обращаемы в единицы, отделяемые и постепенно сообщаемые между собою.

Вспомним уют Ключи, Шантильи и других замечательных музеев в замках и бывших жилых помещениях, которые даже помогли дать величайшую жизненность и убедительность представленным на обозрение предметам.

Наши многообразные Общества Культурные поистине являются хранителями намеченных Отделов. В текущем году возник ещё музей "Урусвати", нашего Гималайского Института, который вносит ещё одну важную ноту Синтеза и новым своим аспектом призывает к плодотворному мышлению молодые поколения. Как тесно связана жизнь Музея с Институтом Соединённых Искусств, с выставками Международного Центра и с Театром. Как в природе мир растительный взаимно питает друг друга, так и все эти ветви не отягощают ствол и не иссушают корней, но наоборот, дают новую жизнеспособность всему дереву.

В Институте Соединённых Искусств какое огромное количество новых ответвлений может прибавляться совершенно естественно, не буду даже вновь перечислять уже много раз отмеченные нами желанные мастерские по всем родам жизненного искусства, которые могут образовывать полезнейших и просвещённых работников государств. Наша задача лишь привлекать лучших преподавателей и всеми силами создавать лучшие возможности для учащихся, окружая их высококультурной мыслящей атмосферой, конденсированной в таком объединённом Центре, порождающем здоровое творчество, -

творчество, не связанное узкими предубеждениями и прочими последствиями невежества.

По тому же руслу должны развиваться и выставки Международного Центра. В сотрудничестве с индивидуальными творческими силами, с художественными Обществами и с правительствами выставки эти должны привлекать лучшие творческие силы и в благодатном многообразии утверждать взаимопонимание и дружественность наций. Памятуем, что путь красоты есть путь взаимного восхищения и понимания.

По тем же расширяющимся каналам должно идти Издательство наше, без ограничительных запретов приобщая и выявляя истинно культурные сведения, как о прошлом, так и устремляясь к Светлому Будущему. За недолгое существование своё Издательство уже дало и ряд книг, и бюллетень Музея, и в пространстве уже мелькнула "Орифламма", название художественного Журнала. И общественное мнение радушно отметило появление первого Журнала "Урусвати", нашего Гималайского Института. Мелькнули мысли и о газете, уже пришли с вопросами о сотрудничестве с нами многие издания и Учреждения. Пусть по тем же незатемнённым культурным путям живёт и ширится наше просветительное издательство.

Также нельзя не порадоваться и не предвидеть быстрый рост "Урусвати", нашего Гималайского Института. Перед нами уже возносятся стены биохимической лаборатории с отделом борьбы против рака. Каждый месяц требуются новые вместилища для собраний ботанических, зоологических и этнографических. Только что успешно завершены экспедиции в Ладак и Лахуль и намерен ряд следующих работ и изданий. Каждая новая находка лишь подтверждает, насколько верно избрано место и правильно развивается план.

Растут наши культурные Общества, создавая своеобразное полезное единение культурных сил всех народов. Являются предложения об организации новых сообществ.

Уже состоялись кооперации и аффилиация с целым рядом образовательных и просветительных Учреждений. Пусть ширятся и эти каналы деятельности, ибо, что же может быть ценнее и привлекательнее, как не кооперация, в которой, слагая воедино опыт накопленных возможностей, полезные начинания взаимно укрепляются и вытесняют из обихода ненавистное нам понятие разложения и разъединения. И так под Знаменем Мира во имя Красоты и Знания - вперёд в Новый Путь! Никакие препятствия не могут удержать устремление духа.

Служение Культуре есть благородный подвиг человечества. Обязанность каждого мыслящего во Благо внести своё сотрудничество в общую чашу эволюции.

Верую!

24 октября 1931. Гималаи

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. [1932].

24 октября 1931 г. Гималаи

Н.К. Перих

“MUTATIS MUTANDIS”¹

История в своих древних периодах даёт нам многочисленные примеры последствий игры в кости и в другие азартные игры. Даже очень значительные страницы истории полны указаний, как властители обращались в рабов, проиграв в кости не только жён и детей, но и всё своё государство. Многие поэтические и драматические произведения основаны на этих пагубных увлечениях. Даже само славное поле Курукшетры в основе великой битвы имело проигрыш в кости.

Казалось бы, все условия жизни с тех пор изменились. В основу положены новые кодексы законов, предусмотревшие массу деяний и последствий. Но всё-таки пресса приносит странные сведения о том, что ввиду конских скачек, связанных с крупною игрою, переносится на другой срок день рождения короля. Если историк с изумлением убеждается в гигантских размерах последствий игры в кости, то, когда-то, другой историк с тем же удивлением и осуждением отнесётся к такому явному предпочтению принципу игры перед почтением главы государства. Та же история отмечает давнишнее благословение оружия для смертной борьбы во имя того же самого Бога. Ещё недавно мы были свидетелями, как многочисленные страны заклинали одного и того же Бога помочь им уничтожить врага. Когда-то мы встречались с фактом, что главы государства возили с собой особого повара во избежание отравления и имели особое лицо для отведывания яств. Не к тому же ли самому приходится и теперь прибегать выдающимся представителям государственности.

Подобные сопоставления можно приводить нескончаемо. Все они вызовут одно и то же удивлённое восклицание: “Но ведь это то же самое, происходило ли оно в глубокой древности или в несколько изменённом виде и костюме происходит сейчас. Значит, мы никуда не ушли”. Может быть, даже в древности оно происходило более откровенно и более картинно, чем до известной степени искупалось внутреннее лицемерие и гнусность. К тому же в древние времена меньше было написано о лицемерии, и законы Ману, Хаммурапи и первых законодателей были много кратче, хотя во многих случаях в сжатости своей были много внушительнее.

С тех давних пор много государств успело возникнуть и вновь уйти в небытие, так много властителей переменялось, что рекордам истории не угнаться было за этими сменами, и только свидетельства художника, донесшего до нас на монете, медали или стеле новое имя, дало нам намек об исчезнувшем ещё одном победителе. Но эти смены не могут поражать, когда перед нами колоссальные смены всей планетной поверхности. Когда помимо полуполю-легендарной, но уже осознанной теперь Атлантиды, мы имеем целый список исчезнувших в сравнительно недавнее время совершенно исторических островов. Целая сказка превращений.

Остров Фалькон в Тихом океане был впервые замечен много лет тому назад и занесен на карту, но через несколько лет исчез под воду. Теперь, приблизительно год тому назад, он снова появился на поверхности.

В легендах о короле Артуре рассказывается об исчезнувшем острове Авалон. Много рассказов сохранилось также о таинственном острове Св. Бренда-

¹ Mutātis mutandis (лат.) – Изменив то, что следует изменить. (Ред.)

но. К западу от Ирландии находился ещё остров, о котором сохранилась только отметка на старинной венецианской карте, и который одно время назывался остров Бразилия, а несколько позже был переименован в Терчейра. Он исчез незаметно под водой и о нём, кроме легенд, ничего не сохранилось.

Легенды о короле Артуре сохранили память ещё об одном острове - "Львица", - лежавшем где-то возле Корнуолла. На этом острове жил Тристан. Старинные английские хроники подробно описывают этот остров, его обитателей и его трагическую гибель.

Одни острова исчезают, другие пики подымаются, кажущаяся нам незыблемая почва движется немного менее океанской волны в своей относительности. Казалось бы, к движению этому человечество за свою долгую жизнь должно было уже привыкнуть. Именно этот принцип относительности и движений должен был бы, наконец, обратить людское внимание и на свою собственную эволюцию. Ещё просвещённый Марк Аврелий писал очень мудрое наставление: "Изучай движение светил как принимающий в них участие". Но этот мудрый совет пока что остаётся совершенно без применения. Если бы человечество в мыслях своих могло бы вознестись до дальних Миров, то какая быстрая и блестящая эволюция была бы уже осилена.

Знаю, вы скажете о всех новейших открытиях, полагая их как венец эволюции. Вы скажете об одиночных блестящих теориях, которые иногда на досуге прочитываются. Наконец, вы скажете о приёмах так называемой цивилизованной жизни, которые дают широким массам то, что когда-то принадлежало лишь властителям и верховным жрецам. Правда, наши города, отравляя человеческий организм и создавая искалеченное поколение, уже дают несколько возможностей пользоваться новыми открытиями. Но ведь мы говорим не о канализационной системе цивилизации. Мы говорим не об овощах в жестянках и не о жестяной музыке, мы говорим о том, что движет лучшие решения человечества.

Ведь мы только что пережили ужасную и нелёгкую войну. Мы только что заметили, что за десятилетие следствия войны не только не изгладились, но наоборот, они кристаллизовались и выросли в настоящее бездействие. Разрослись в такое почти непоправимое бедствие, что только неожиданные в существе своём меры Культуры могут помочь ему. Сколько раз на школьной и университетской скамье мы слышали старый "mutatis mutandis" - перемените то, что надлежит переменить. С тех пор множество совершенно варварских фактов, как военного, так и мирного времени нахлынуло, человечество ещё раз могло убедиться, как в то самое время, когда честнейшие элементы погибали на полях сражения и в мировых смятениях, подлое приспособление предательски набухало на чужой крови. Какая дьявольская изобретательность была выражена этими тёмными, чтобы изобрести тысячи мер к наживе, отлично зная, как губительно отзовется грабительство это на подрастающих поколениях. И теперь, если вы произведёте какой-то совершенно тайный опрос, кто за войну и кто против, то ещё совершенно неизвестны будут результаты этого тайного голосования. Конечно, множество женщин подадут голос против войны; конечно, Культурные круги, несомненно, восстанут против этого бедствия, так же как многие рабочие массы. Но не будем думать, что часто чёрных записок будет мало. Как многообразно разветвляются корни подлости, и какие грустные и забавные доводы будут приведены, чтобы опять вернуться к безответственному времени, когда всё позволено и всё можно

объяснить лицемерным участием в общем деле. Жутко вспомнить о тех преступнейших поставках и гнилого, и вообще не существовавшего материала. Ужасно для достоинства человеческого оглянуться на подложные документы, преступные отписки и приказы, вследствие которых погибали многие тысячи людей.

“Но ведь это прошло”, - скажете. С тех пор мы имели уже такое количество пактов, конференций и финансовых постановлений. Исполнялся план такой-то и такой-то, а в результате усилившееся разорение, разоружались и даже уничтожались ни в чём не повинные корабли, чтобы заменить их ещё более вредоносными сооружениями. Даже в магазинах мы позаботились озонировать воздух, в то же время как научные лаборатории изощряются в изобретении новых удушливых газов. Не мирную ли премию мечтает получить по химии учёный, изобретший газ наиболее смертельный? Ведь кто-то и сейчас, в эту самую минуту, мечтает о таком достижении науки, чтобы сразу одной братоубийственной посылкой умертвить целые населённые местности. А может быть, другой просвещённый учёный мечтает о “счастливом” отравлении всех вод, чтобы всё живущее погибло. На это мне скажут - это не учёные выдумывают такие убийственные вещи, это техники, инженеры. Нет, милые, без учёных познаний такой убийственной мерзости не выдумаешь. И разве не был учёным открывший луч смерти, но по велению пространственной справедливости отправившимся в преисподнюю вместе с своим злобным изобретением.

А ведь дело могло бы значительно упроститься, если бы учёные, подобно клятве медиков, поклялись не выпускать из лаборатории никакого вредоносного открытия, тем более что многие из этих ужасных газов и лучей, может быть, только одним ингредиентом, могут быть обращены на истинную пользу человечества. “Mutatis mutandis!” В дни наибольших глубоких смятений надо спешно переменять то, что подлежит перемене. И прежде всего надо начать переменять то, что во вред, и то, что на пользу. Не прикидывайтесь дурачками, будто вы не знаете то, что есть на пользу. Каждое сердце человеческое в глубине своей отлично знает, где есть польза общая, польза ближним, а вместе с тем и польза самому себе. Ибо в созидании нигде не сказано о саморазрушении. Истинная общая польза есть польза и самому себе, ибо сам-то он будет часть общности.

Заменяя в пользу то, что было во вред, то есть, заменяя преступное разрушение созиданием, мы и сделаем то, что нужно для эволюции. Мы сделаем то, что нужно не для эволюции цивилизации, но для эволюции Культуры. Некто в безумии старался измыслить такое акционерное общество, которое бы предприняло на экваторе шахту самой бездонной глубины и, наполнив её новейшими веществами ужасающей взрывчатой мощи, неслыханным взрывом попыталось бы расколоть планету. План безумный. Но в радикальности своей он, пожалуй, заслуживает большего внимания, нежели изобретение новых смертоносных газов. А тайное покровительство наркотикам, разлагающим целые поколения, умертвляющим целые нации, славные в своём прошлом! Разве же этот бич человечества, куда больший, чем сифилис, рак и чахотка, разве он не должен быть изъят из жизни? И разве каждый из нас не может назвать множество проблем, заслуживающих немедленного изъятия из обихода?

Какие-то лучшие, какие-то просвещённые должны неотложно объединиться для воздействия на тьму невежества, извращение и предательство.

Должны объединиться во всех странах эти лучшие, не во имя полицейских мер и вызывающих противодействие запретов, но во имя Света и просвещения, как такового. Очувствовав в сердце своём всю неотложность эволюции Культуры, эта светлая Лига Культуры должна сойтись, отбросив все мелкие условности, и должна действительно во Благо человечества переменить то, что надлежит изменению.

24 октября 1931. Гималаи.

Н.К. Рерих. Твердыня Пламенная. Париж: Всемирная Лига Культуры. [1932.]

27 октября 1931 г. Наггар, Кулу.

Письмо Н. К. Рериха к м-м де Во Фалипо

Наггар, Кулу, октябрь 27, 1931.

Мой дорогой Друг,

благодарю Вас за письмо с прибавлением вести от Президента Республики. Вы правы, действительно, это совершенно экстраординарно, что Президент отвечает письменно на признательность. Для меня будет истинно памятно признание меня Другом Франции в устах Президента Республики. Так же точно я не забуду, как в прошлом году маркиз де Ла Буллэ и Филипп де Вертелло называли меня Протеже Франции. Так иногда слагаются исторические формулы, и Франция права, понимая в сердце своём, что я её действительный Друг. А Вы знаете, что слово "действительный" я понимаю как действительный и деятельный.

Благодарю Вас и за доброе сведение о посвящении мне номера бельгийского журнала. Как всегда, конечно, Ваше распределение симпозиума правильно. Шепните только мадам Ван Лоо (первая статья которой была прекрасна), чтобы она не увлеклась бы декоративностью и декорационностью, обе эти особенности не очень близки мне, и из трёх с половиной тысяч моих вещей самая большая часть была посвящена творческому искусству, которое и было как Россией, так и с 1904 года за границей оцениваемо высоко. В нашей телеграмме мисс Лихтман мы предлагали, если Вам кажется это уместным, дать и её небольшую статью в этом же симпозиуме. Конечно, Вам на месте виднее, как лучше и удобнее поступить. Интересно знать, поместило ли Общество Антикваров статью мистера Лихтмана о моих археологических занятиях? Доктор Шклявер ещё в прошлом году передал эту статью, она не была возвращена и предполагалась быть приуроченной к моему двадцатипятилетнему участию в этом Обществе, в котором я оказался одним из старейших членов.

Статья, переданная туда, является более распространённым изложением бывшей в "Искусстве и Археологии", о которой Вы знаете. Благодарим Вас за присылку оттисков статьи мисс Лихтман и моей из Общества Этнографии. Если Вам нужны будут ещё сведения о долине Кулу, то в моих статьях "Урусвати" и "Триста Богов" в "Шамбале" у меня приведены ещё различные свидетельства об этих местах.

Конечно, как всегда, при широко распространённых действиях наряду с хорошими сведениями всегда приходят и вести о клевете. К сожалению, мы опять обнаружили клеветнические действия г-на Пелио, и я искренне сожалею, что человек, носящий звание члена Института Франции, оказывается тёмным клеветником. Казалось бы, что первой обязанностью учёного является стремление к истине, но г-н Пелио предпочитает устремляться ко лжи и тем

самым снимает с себя почётное звание учёного. Конечно, это сведение ни для Вас, ни для нас не новость. Мы с Вами знаем, что клевета есть мерило сознания и пробный камень для силы подвига. Но одно обстоятельство замечательно, а именно, что все подобные действия очень быстро доходят до нас из достоверных источников и тем самым дают возможность принятия соответствующих мер. Хотя мы и миролюбивы, но на каждый ядовитый газ нужно иметь и противогаз. Но если бы знали враги эти, сколько новых и преданных друзей создадут они, вызывая возмущение справедливых сердец! Именно теперь участились письма и дружественные обращения от людей, которых ещё вчера по их неприязненным действиям мы могли считать врагами.

Мы предвкушаем, какие глубокие результаты дадут Ваше свидание с мисс Лихтман и новое назначение барона Таубе. Вот уже прошло десятилетие наших Учреждений, начатых в 21-м году в Нью-Йорке. Мы уже не можем их считать Американскими Учреждениями, они уже сделались французскими и распространились уже в семнадцати странах. Во время неслыханного материального кризиса эти духовно-культурные очаги становятся особенно нужными.

Приветствуем и Вас сердечно к нашему десятилетию Учреждений за всю Вашу отзывчивость и самоотверженную работу в культурных делах.

Мадам Рерих и я шлём наши сердечные пожелания сил на продолжение Вашей высокоплодотворной деятельности. С этой же почтой я получил и дружественное письмо от Марка Шено, и из него я увидел, что моё письмо, посланное ему в июне, очевидно, было им получено. Пожалуйста, передайте ему, как я искренне ценю его светлые мысли и радуюсь сотрудничеству с нами.

Архив Музея Рерихов, Москва.

НОЯБРЬ

7 ноября 1931 г.

Н.К. Рерих

КЛЕВЕТА

Друзья, уже неоднократно вы сообщаете мне о бродячей клевете. Формы её становятся совершенно безобразны и неправдоподобны, и могут обслуживать лишь самое примитивное низменное сознание. Не удивляюсь существованию клеветы вообще; есть известные породы двуногих, питающихся смердящим разложением, возвращённым ими же самими. Парники зла и тьмы всегда прозябают, особенно же там, где они мечтали бы вредить культуре. Как вы слышали от старых алхимиков, тёмные гомункулы зарождались в навозе.

Не ново существование клеветы. Не существование её, но методы её забавны и должны быть наблюдаемы. При всём их многообразии, в основе своей они проявляют всю духовную нищету свою. В конце концов, как вы уже много раз замечали, клевета создаёт такого рода выдумки, которые противоречат всякому здравому рассудку. Как видите, клевета даже не утруждает себя пользоваться какими-либо фактами, она просто измышляет, притом измышляет и бедно и нехудожественно.

Может лишь показаться тем, кто не знает данных обстоятельств, что измышление клеветы значительно, впрочем, клевета и надеется всегда действовать на умы неподготовленные или уже заражённые злобою. Всякий же, кто

устремляется или чистотою духа своего, или добросовестным знанием действительности, тот сразу усмотрит грубые и духовно нищенские выдумки. Между прочим, именно в этом свойстве неправдоподобности и заключается даже полезность клеветы. Она ударами своими выбивает как бы какой-то учащённый ритм, а в энергии ритма рождается новая сила сопротивления.

И не только зарождается новая энергия у самих оклеветанных, но вокруг их в целом слое добропорядочных сердец создаётся напряжённая и благодатная сила. Вы уже знаете о действенной благодати подобного напряжения энергии. В статье «Похвала врагам» говорилось о том, как препятствия создают новые возможности. Теперь же, после целого ряда новых наблюдений можно, к счастью, удивляться, насколько бедна клевета в основе своей. Вся её кажущаяся пышность и замысловатость сводятся к самым примитивным и грубым уловкам. Клевета нисходит до пользования показаниями уволенного за недобросовестность слуги. Клевета не затрудняется приписать совершенно ложное местонахождение. Клевете ничего не стоит приписать пользование аппаратами, с которыми никогда и не приходилось встречаться. Клевета в своей тупости старается поразить утверждением, что писатель никогда не писал своих сочинений, а художник даже не притрагивался и к одному холсту, а изобретатель, конечно, украл все свои изобретения.

Наличность наилучших достижений нисколько не смущает клеветника, он ведь в существе своём безнадёжен и, в безнадёжности своей заведомо действуя против очевидности, он попросту пытается бросать в пространство отрицательные заклинания. Житейские мудрецы давно заметили: «Клеветайте, клеветайте, всегда что-нибудь останется». Но Апостол Павел гораздо раньше заметил, что «хотя вы и считаете нас мёртвыми, но мы живы».

Итак, не огорчайтесь клеветою. Наоборот, наблюдайте методы её. Подобные испытания прекрасно укрепляют жизненный опыт. Клевета вытесняется и уничтожается количеством действенных благих построений. Помню, как многие даже хорошие друзья наши не могли понять, почему в беседах часто произносится понятие духовной битвы, понятие духовного доспеха, меча и щита.

Но вытеснение тьмы благими построениями ведь и есть духовная битва.

Сторонникам мира нечего опасаться, что в понятии духовной битвы заключается агрессивный милитаризм. Нет, эта битва есть лишь ещё одно сопротивление злу. И ведь никто же не советует радушно открывать двери всякому злу, разложению, клевете и предательству. Лишь какие-то низкие некроманты стали бы устраивать сборища трупов, пиры тления. Это зрелище, прежде всего, будет безобразно, и, как таковое, антиэволюционно и акультурно.

Клеветники, в существе своём, и убийцы и некроманты, и если к ним можно применить посрамляющее их понятие благого строительства, это будет лучшим холодным душем для клеветнических сердец. Потому, изучая методы клеветы, мы вовсе не будем оставаться лишь наблюдателями. Обратите внимание: когда вы накрываете клеветника и спрашиваете его об источниках его сведений, он никогда не назовёт вам никаких имён. Не назовёт он их потому, что он-то и есть или породитель или ближайший соучастник клеветы. Конечно, могут найтись и такие умственно ограниченные люди, которые, распространяя клевету, тут же будут настаивать на том, что они лишь передают

эти слухи. Их затемнённый ум не может уразуметь, что в эту минуту они-то и являются распространителями клеветы, то есть вполне приобщают себя к клеветникам.

Помню, как мой покойный учитель Куинджи, когда ему передали какую-то несообразную клевету о нём, покачал головою и сказал: «Странно, а ведь я этому человеку никакого добра не сделал». В этом искреннем замечании умудрённый жизненным опытом учитель выразил ещё одну способность круга клеветы. Правда, многообразна она. Странно замечать, как иногда зарождается она бесцельно, в бессознательном зле.

Народная мудрость отметила особый вид простаков клеветы, якобы даже не помнящих порождённого ими зла. Упаси, Создатель, от таких простаков. Чаще всего это вовсе не простаки, а прежде всего, в силу невежества, новобранцы сил тёмных. Но невежество есть преступление, это отмечено уже из глубокой древности. А всякое преступление по закону справедливости будет рано или поздно посрамлено. Всякий же момент посрамления совсем неприятен, даже и для низменного, грубого сознания. Даже пёс избегает быть посрамлённым. Простаков клеветы, в конце концов, не так уже много, клевета остаётся явным порождением зла, а потому всякий клеветник принадлежит и по состоянию своему и по судьбе своей тёмному царству.

Каждый совет не обращать внимания на клевету не есть истинный совет. На каждое явление нужно обращать внимание; на каждый ядовитый газ нужно иметь противогаз. Будем помнить, что клевета антикультурна, что во всяком ложном сведении есть клевета и что по суровому библейскому выражению: «Клеветник, псу подобно, пожрёт свою блевотину». Та же Библия замечает: «Дьявол был клеветник искони». Вот кто клеветою занимается.

А, в конце концов, клевета является мерилем сознания и пробным камнем силы подвига.

7 ноября 1931 г.

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. 1933.

13 ноября 1931 г. Гималаи.

Н.К. Рерих

НАСКОКИ

В письмах ваших сообщается, что какие-то индивидуумы упрекают друзей наших в том, что они будто бы считают меня богом, желая этим как бы задеть и друзей и меня. Какая вредительская чепуха!

Ответ на всё готов. Посмотрим, насколько нелепо кощунство тёмных.

В чём же заключается в моей деятельности то, что вызывает их негодование?

Я пишу книги, посвящённые искусству и знанию, посвящённые культуре. Очень многие делают то же самое. Метерлинк, Бернард Шоу, Уэллс, Тагор часто появляются со своими книгами и занимают общественное внимание, но никто не негодует.

Мне посвящено несколько биографий и симпозиумов, но сравнительно с литературою, посвящённой другим художникам и деятелям знания и искусства, их гораздо меньше издано в Америке. Правда, в России и в Европе за период от 1907 до 1918 года было издано девять монографий и несколько десятков особых номеров художественных журналов, посвящённых моему твор-

честву. Но никто не негодовал, и всё это считали совершенно естественным реагированием общественного мнения.

В течение семнадцати лет до приезда в Америку я руководил художественными школами и различными просветительными, художественными и научными учреждениями. Школа Общества Поощрения Художеств, в которой было до двух с половиной тысяч учащихся и восемьдесят профессоров, в обиходе постоянно называлась школою Рериха. Учащиеся говорили: "Пойду к Рериху" или "учусь у Рериха", и никто из Комитета нашего не претендовал на такой глас народный. Наша председательница Евгения Максимилиановна Ольденбургская постоянно говорила мне: "Приеду к вам" или "говорят, у вас там...", в таких выражениях благожелательно идентифицируя понятие школы с моей личностью как представителя и главного ответственного лица. И опять никакого негодования не возбуждалось в общественном мнении.

Я коллекционировал старинные картины и предметы каменного века. В монографиях отмечалось значение моих художественных коллекций и признавалось, что моя коллекция каменного века является самой обширной - в этом был просто неотъемлемый факт.

Я пишу картины, что совершенно естественно для всякого художника. Я пишу много картин, что опять-таки не является небывалым в истории искусства. Мои художественные выступления, как в России, так и в Европе, доставили мне как признание общественное, так и почётные награды и избрания. Никто не негодовал на эти проявления общественного мнения. На международных выставках меня приглашали занять отдельные залы, и никто не протестовал против таких решений жюри.

Мне приходилось постоянно выступать за сохранение сокровищ творчества и за улучшение быта художников и учёных. И эти мои зовы никто не считал чем-то сверхъестественно божественным, но, наоборот, к моему сердечному удовлетворению, мне неоднократно удавалось помочь моим собратьям в искусстве и науке.

Мне приходилось устраивать многочисленные выставки и приветствовать представителей иноземных государств. И опять ни в среде сородичей, ни среди иностранцев не возбуждалось никаких злонамеренных толкований.

Возьмём ли мы идею Знамени Мира и последний номер бюллетеня нашего Музея, посвящённый конференции в Бельгии,- быть может, какой-то злоязычник начнёт упрекать в том, почему "Пакт Рериха" называется так, а не иначе? Но почему же он тогда не возражает против "Пакта Келлога" и всех прочих пактов и установлений, символически носящих определённое имя?

Возьмём ли мы образование многих Обществ, которые захотели принять моё имя, новость ли это? Уже давно в России существовали кружки Рериха, и всё время нам приходится совершенно неожиданно наталкиваться на существование подобных кружков, даже совершенно нам неведомых. Уже пятнадцать лет тому назад Леонид Андреев писал о "Державе Рериха", а Балтрушайтис о "Чаше Грааля" и Бенуа о "Барсовых прыжках успехов". Все такие заявления не вызвали никаких писем в редакцию и никаких явных злобствований. Наоборот, список друзей прекраснейших и действительных представителей искусства и науки, являющих собою истинный критерий, постоянно возрастал и продолжает расти, не уstraшенный ни "шарлатанством", ни "божественностью".

Наконец, когда из тёмных намерений, из вымогательства известная темная личность почтила меня большою статьею под названием "Шарлатана"*, то в самом содержании статьи он привёл столько раздутой лжи якобы о торжественных моих всемирных шествиях, что в самых дружественных статьях не было сказано столько величия и мощи, сколько приписал язык злобы, и автор статьи сам не заметил, что содержание статьи опровергло его же название.

Спрашивается, что же делается мною такого дурного, что бы могло возбудить чьё-то негодование, если только это не есть выражение мелкой зависти или злобы? Гималайский Институт Научных Исследований - неужели это дурно или сверхъестественно? Или моя забота о собирании отделов искусства кому-то не даёт спать? Или кажется "божественным", что моё двадцатипятилетие праздновалось в России, а сорокалетие деятельности в Америке, когда пришло десять тысяч друзей? Все мои призывы к охранению сокровищ искусств и науки - разве это противоестественно? Писание картин, сам смысл которых, казалось бы, должен был вызывать добрые мысли, неужели и это противоестественно? Руководство школою с желанием дать хорошее художественное образование массам, неужели и это или "шарлатанство" или "божественность"? Поднесение мне особой медали, выбитой в Бельгии - но ведь не я же сам её себе поднёс? Почётный Легион - но ведь многотомны списки носителей этого ордена? Звезда Св. Саввы, или Северная Звезда Командора - но, вероятно, шведский король был бы очень изумлён, узнав от шептунов, что он дал мне её не за искусство, но наградил бога или шарлатана? Французские учёные и художественные Общества, Югославская Академия, Археологический Институт Америки и другие учреждения во многих странах - неужели они давали свои отличия не за факты, им вполне известные, но за божественность или за шарлатанство? Или кого-то тревожит имя на здании? Но тогда его бедному созданию придётся много тревожиться и при имени Родена и Моро, и Мане, и Мареса, и Торвальдсена.

Или, может быть, тёмненькое сознание обеспокоено, что я ещё не умер, но ведь неоднократно газеты хоронили меня в разных странах. Жалкие сознания шептали, что я не мог написать все мои картины, именно потому, что этот оппонент и не мог бы сам написать столько картин. Шептали, что я вовсе не Рерих.

Конечно, все эти скудные и не отвечающие истине суждения нам любопытны лишь со стороны психологической. Подсказаны ли они яростью шовинизма или тупостью провинциализма, или же тою мрачною злобою, которая восстает против всего, где повторено слово Культура? Тьмы много в нашем мире; судороги этой тьмы угрожают через всю инертность массы, через всё предательство, для которых каждый факт стремления к строительству кажется чем-то сверхъестественным, нарушающим их кладбищенский покой.

Во многих моих писаниях, отдавая должное восхищение художникам, я указывал на отсутствие шовинизма, который был бы совершенно не к лицу стране, вместившей все нации мира. Клеймо шовинизма является лишь доказательством невежества. Плачевно было бы приписать произнесённые кем-то нелепости провинциализму, ибо, что же может быть ничтожнее и смешнее ограниченности и старомодности такого сознания!

Предположим, что это злоба невежества - оно будет более существенно, нежели другие два предположения о шовинизме и провинциализме. Конечно, злоба тьмы ради своего существования должна преследовать всё устремлён-

ное ко благу. Но не забудем, что именно столкновение света и тьмы создаёт строительство, к которому ничто не может воспрепятствовать устремляться тем, сознание которых зовёт их к неотложным заданиям Культуры. Будем всегда основываться на фактах, на действительности, которых так боится тьма, но которые для нас всегда и во всём будут единственной основой.

13 Ноября 1931 г.

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих «Листы дневника», т. 1. Москва. 1995 - 1996.

Ноябрь 1931 г. Гималаи.

Н.К. Рерих

НА ПОРОГЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Совету Музея Рериха в Нью-Йорке

С радостью прочёл я ваши последние доклады, из которых видно, что, несмотря на всеобщий финансовый кризис, наша деятельность не только не сокращена, но даже широко развивается. Во время неслыханного мирового кризиса мы должны сознательно подготовиться, как встретить его.

Углубляясь в корни каждой нашей проблемы, я вспоминаю пионеров Америки с их крытыми повозками. Когда они начинали свою новую жизнь, они, вместо помощи или займов, могли ожидать лишь отравленную стрелу. Тем не менее, своим постоянным трудом и расширением деятельности они создали ту блестящую цивилизацию, которую мы свидетельствуем. Работая по культуре в наши трудные дни, мы являемся теми же зачинателями, и те же отравленные стрелы ожидают нас из-за угла. Но в наших руках тот же самый творческий труд и то же самое непоколебимое осознание правоты и необходимости нашей работы. Ни один, хотя бы слегка цивилизованный человек, не скажет, изучая нашу деятельность, что она не нужна или вредна. Из этого - одно заключение, а именно - что лишь усиливая и расширяя нашу работу, мы прейдём все отравленные стрелы и все материальные кризисы.

Конечно, мы должны соблюдать жизненную экономию во всех тех подробностях, которые не уменьшат основы и нравственную сторону наших работ. Вопросы цен и всех прочих домашних соображений должны быть решаемы истинно экономно. Как вы понимаете, мы не можем сокращать и умалять основы нашей культурной деятельности. Если мы станем карликами, тогда мы легко будем унесены потоком, который уже сломал мощные плотины. Мы не можем согласиться, что какие-либо отделы неотложной работы должны остаться без работников, - это будет значить, что мы замолчали и закрылись. Но мы должны создать такую деятельность всем работникам, что даже самое близорукое сердце должно поразиться этим творчеством и продуктивностью.

Каждый из наших отделов, следуя программе своей, должен создавать возможности для самосодержания. Конечно, предпринятые начинания для специальных фондов также необходимы. Среди этих начинаний особое место займут сотрудничества масс, вносящих посильные лепты. Не только в одном долларе, но и в четвертаке может быть выражено посильное сотрудничество. Работа творится для общей культуры, для масс и это даёт нам право и обращаться к массам. Но мы не должны ни о чём просить, мы должны давать, чтобы это данное по своему внутреннему достоинству значительно превышало размер вносимой лепты.

Другое условие даёт нам возможность широкой кооперации. Наши основные расчёты и бюджеты были абсолютно правильны по времени, когда они были сделаны. Не наша вина, что с этого времени общее финансовое положение совершенно изменилось. Как же мы можем противостоять этому потоку общего бедствия? Мы можем пересилить этот бедственный поток ещё более мощным потоком труда, находчивости и творчества. Если мы честно осмотрим факты нашей десятилетней деятельности, ничего не упуская из вида и не умаляя в легкомыслии, мы увидим неповторяемый размах деятельности, который отзвучал и пробудил симпатии более чем в двадцати странах.

Просматривая наши Ежегодники, в которых, по размеру их, далеко не все факты жизни отображены, мы увидим такую сумму деятельности, что даже враги наши не считают её малою. Все странные легенды о каких-то сверхъестественных силах, изобретённые завистниками, показывают, как щедро они кредитуют нас. Одна из последних легенд утверждает, что мы даже чеканим нашу собственную монету. Да будут наши знаки культуры этими истинными банкнотами. Пусть наш честный лист фактов деятельности растёт безгранично, так, что мы могли бы сказать даже самому жестокому притеснителю: "Стыдитесь, неужели вы дерзнёте притеснять полезную и быстрорастущую культурную работу, плодами которой ваши же собственные дети облагодетельствованы?"

Я недавно написал вам о мученичествах творчества, науки, культуры; сейчас я не буду говорить о том же несомненном. Сейчас мне хочется подчеркнуть то, что может быть противопоставлено всем гасителям культуры. Истинно, мы можем представить им полный лист нашей положительной деятельности. Будем помнить, что в 1930 году мы понесли такие крупные финансовые потери, но всё же победоносно преодолели трудности, так неожиданно вставшие перед всей нацией. Кто же не пострадал в этом году? Но не забудем все многие сотни собраний наших обществ во имя культуры. Вспомним множество концертов и лекций. Не забудем ценных выставок, в которых сотрудничали не только отдельные художники, но и правительства многих стран. Не забудем очевидный рост школы нашей. Вспомним книги нашего книгоиздательства, которые постепенно завоёвывают широкое поле. Вспомним трудности при завершении здания нашего. Вспомним все новые иностранные наши общества и образование Европейского Центра в Париже. Вспомним, сколько полезного, ободряющего и строительного мы всё же смогли предложить сочленам нашим. Не забудем, что четверть миллиона посетителей пришли к нам за это время. Не пройдём вниманием тысяч сочувствий, выраженных нашему Знамени Мира, которое уже развивается над некоторыми учреждениями. Вспомним новые издания, посвящённые нашей Центрально-Азиатской экспедиции. Вспомним основание нашего Гималайского Института Научных Исследований, первый же Ежегодник которого сообщает ряд ценных результатов. Вспомним лекции, прочтённые в Америке Ю. Рерихом, директором Гималайского Института. Вспомним посещение Южной Америки директором нашего издательства Францис Грант с культурными целями. Вспомним экспедиции д-ра Кельца, организованные Гималайским Институтом, которые доставили большой научный материал, который высоко оценён Американскими и иностранными музеями и университетами.

Вспомним мою декларацию на собрании Французского Общества в Париже о новых сотрудничествах и возможностях. Поистине, каждый из назван-

ных фактов может быть развёрнут в целую книгу. Мы можем утверждать, что эта работа была полезна общей культуре и не будет забыта в истории Америки. Наше основное преимущество в том, что мы не должны ни преувеличивать, ни приукрашивать что-либо. Мы можем лишь честно выявить факты, зная в существе нашем, что мы дали все наши возможности на общую пользу прогресса и культуры. И мы не новички более, ибо отмечаем уже десятилетие неустанного труда в Америке. А если вы к тому же приложите сорок лет моей культурной работы и опыта, то, положив руку на сердце, мы можем сказать, что приложили все усилия служить тому, что поистине необходимо культуре человечества.

Множества неизвестных друзей на разных континентах признают нашу деятельность. Часто мы получаем знаки внимания нашей работе оттуда, откуда мы менее всего могли бы ожидать их. Без преувеличения мы можем сказать, что эти незримые друзья наши рассеяны и в пустынях, и за горами, и за морями.

Нас называют энтузиастами. Не забуду, как утверждающе сказала наша Франсис Грант на многолюдном собрании: "Да, мы энтузиасты и ничто не сломит наш энтузиазм". Радостно было слышать эту непоколебимость, ибо только в несломимом порыве подвига можем мы отклонить все отравленные стрелы и продолжать постройку Державы, куда дух будущего человечества будет обращаться за обновлением и наполнением. Истинно, мы энтузиасты; этот энтузиазм основан не на слепом фанатизме, но на чистосердечии, на синтезе знания, укрепленном мудростью веков. Когда мы составляли суровый устав наших Учреждений, мы опять не преувеличивали, говоря, что мы всё отдали на служение Культуре. Невежды по злобности своей могут подозревать, что мы что-то скрываем, но мы по справедливости можем гордиться красноречивою действительностью.

Так мы можем встретить новое десятилетие в полном сознании неустанного труда и полезных достижений, несмотря на все трудности. Мы вовсе не мечтатели и не идеалисты в обычном понимании, наоборот, обращаясь к достижениям, мы имеем право рассматривать себя как практических реалистов. Мы не любим туман и бесформенные облака и всё, что соединено с туманностью. Мы любим Свет; мы любим осязательность не в смысле низшей материальности, но в значении духа. Мы нуждаемся в средствах для просветительных задач и мы знаем, куда должны быть направлены они для скорейших осязаемых достижений. Помню, помню, что произношу эти слова именно в момент величайшего материального кризиса, но я также знаю, что все кризисы исцеляются лишь духовными ценностями.

Культура есть культ Света, как я уже недавно писал вам. Во имя этого Света, мы имеем право призывать наших знаемых и незнаемых друзей к творческому труду, к славному сотрудничеству, в котором, как в мегафоне, умножаются силы человеческие.

Мы твёрдо знаем, что во Вселенной ничто не конечно, ибо всюду встречаемся с Великой Беспредельностью. Мы знаем Великую Иерархию Блага, и мы уверены в победе Света! Законы Света несокрушимы.

1931 г. Гималаи

Н.К. Перих. Держава Света. – Southbury: Алатас, 1931.

13 ноября 1931 г. Наггар, Кулу.

Телеграмма из Наггара сотрудникам Института Объединённых Искусств.

HEARTY CONGRATULATIONS GLORIOUS MILESTONE TEN YEARS INSPIRING CREATIVE WORK FOR HUMANITY SENDING BEST WISHES FOR CONTINUOUS EXPANSION ACTIVITIES FOR CAUSE OF CULTURE HELENA NICHOLAS GEORGE SVETOSLAV ROERICH

Copies to: Prof. Roerich/ Miss Penderson / Master Inst. / R.N.P.

Перевод с англ.:

СЕРДЕЧНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ / СЛАВНАЯ ВЕХА ДЕСЯТЬ ЛЕТ / ВДОХНОВЛЯЮЩАЯ ТВОРЧЕСКАЯ РАБОТА ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА / ПОШЛАЕМ НАИЛУЧШИЕ ПОЖЕЛАНИЯ ДЛЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАЗВИТИЮ КУЛЬТУРЫ

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ СВЯТОСЛАВ РЕРИХ

Копии: проф. Рерих/ Мисс..Эндерсон / Мастер Инст./ Р. Н. П.

Архив Николая Рериха, Нью-Йорк

ПРАЗДНИК ЗНАМЕНИ МИРА

17 ноября 1931 г.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

ДЕНЬ ДЕСЯТИЛЕТИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ.

«..., 17 ноября 1931 года, в одном из залов Музея имени Рериха в Нью-Йорке происходило торжество по случаю десятилетия со дня учреждения этого изумительно выросшего культурного учреждения в Америке. Всего лишь 10 лет назад в одной из комнат Греческой церкви на 54-й улице возникла скромная школа искусств ...» (Г. Гребенщиков «Держава Света»)

Н.К. Рерих

КОРНИ КУЛЬТУРЫ

К десятилетию Института Объединённых Искусств Музея Рериха

Уже прошло десять лет, как мы положили основание Институту Объединённых Искусств. Как незаметно прошло это десятилетие, ибо, когда много обстоятельств и происшествий, тогда время идёт особенно быстро.

Как вчера, представляется, что мы с М.М. Лихтманом спешим снять помещение в Отеле Артистов в Нью-Йорке. Случайно по дороге задерживаемся, и, благодаря этой случайности, при входе в подземную железную дорогу к нам бросается греческий художник с неожиданным возгласом: "Уже три месяца ищу вас - не нужна ли вам большая мастерская?" - "Конечно, нужна, где она?" - "В доме Греческой Церкви, на 54-й улице". - "Хорошо, завтра же пойдём осмотреть её".

"Нет, невозможно, не могу больше держать её. Если хотите видеть, идёмте сейчас же".

И вот вместо Отеля Артистов мы сидим у отца Лазариса, Настоятеля Греческого Собора, который уверяет меня, что я духовное лицо. Тут же решаем снять помещение, и под крестом Греческого Собора полагается начало давно задуманному Институту Объединённых Искусств. Мастерская большая, но всего одна комната.

Говорят нам: "Неужели вы можете мечтать иметь Институт Объединённых Искусств в одной студии?"

Отвечаю: "Каждое дерево должно расти. Если дело жизненно, оно разрастётся, если ему суждено умереть, всё равно умирать придётся в одной комнате".

Итак, раздаются первые фортепианные этюды и реализуются первые мечты о живописных, вокальных и скульптурных классах. Скоро студию пришлось разделить на три помещения, и сама жизнь поддержала идею объединения.

Вот с нами такие опытные творческие руководители, как Джайлс, Сач, Мордкин, Лихтманы, Грант, Германова, Бистран, Андога, Вагенер, Апия...

Уже семьдесят сотрудников работают по разным отраслям, и сотни учащихся наполняют классы и аудитории. Уже растёт новое поколение преподавателей, и Кеттунен, Фрида Лазарис, Лида Капобиянка и другие наши ученики составляют уже вторую наступательную линию. Двенадцать лет тому назад, на основании долгого школьного опыта, я брал решимость утверждать следующее:

"Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство имеет много ветвей, но корень един. Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство - для всех. Каждый чувствует истину красоты. Для всех должны быть открыты врата священного источника. Свет искусства озарит бесчисленные сердца новой любовью. Сперва бессознательно придёт это чувство, но после оно очистит всё человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное. Дайте же им это. Дайте искусство народу, куда оно принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем..."

Помню, что тогда некоторые друзья улыбались между собою, перешёптываясь: прекрасные мечты, но как отзовётся на них жизнь?

Но главный наш принцип: допущение и доброжелательность. Мы и наши сотрудники не любим мёртвого "нет" и пытаемся при каждой возможности сказать "да". Недаром все народы выражают утверждение открытым звуком, а для отрицания избрали немое, полужвериное "нет".

Какие же ещё соображения подтвердил опыт последнего десятилетия?

Жизнь подтвердила, что всякое объединение полезно. Подтвердила, что практично (не убоимся и этого слова) иметь под одной крышей разные отрасли искусства, имея общую библиотеку, общую канцелярию, общее художественное выступление, общее руководство и ближайший обмен между отдельными отраслями. Жизненно дать возможность учащимся пробовать свои силы в разных отраслях, пока они не остановятся на окончательном избрании. Жизненно, чтобы происходило общение музыкантов, живописцев, декораторов. Жизненно оказать преподавателю полное доверие, предоставив ему вывить в жизни свои методы. Результаты покажут, прав ли он, ибо, как и во всей жизни, мы должны судить по следствиям. Жизненно дать возможность учащимся как можно скорее пробовать свои силы в жизни, уча их мужеству и охраняя от вульгарности. Жизненно, как делали Джайлс и Битран, дать музыку во время живописных классов и давать лекции, своим художественным и философским содержанием поднимающие и объединяющие дух всей художественно-рабочей гильдии. Жизненно давать примеры из истории искусства, которая ещё раз научит, насколько искусство являлось творящим мирным началом во всей государственной жизни. А главное - меньше отрицать, помня, что большинство отрицаний имеет в основе невежество.

Таким образом, преподаватели обращаются в руководителей, преподавая учащимся не только технику, но и жизненный опыт и делаясь с ними ценными накоплениями, которые окажутся для подрастающих крепким щитом.

Сколько раз запутавшееся в проблемах человечество пыталось отрицать значение Учителя. В упадочной эпохе иногда точно бы удавалось потрясти это основное понятие духовной иерархии. Но недолго держалась эта темнота. С расцветом эпохи неминуемо опять кристаллизовалось великое учительство, и люди опять начинали чувствовать лестницу восхождения и благословенную руку Водящего. Малые умы не раз смущались, не будут ли они подавлены личностью Учителя. Но как и всегда бывает, отрицание может возвыситься лишь кратковременно и творческие начала человечества опять выводят странников жизни на путь утверждения безбоязненного искания - на путь творчества и красоты. Люди опять вспомнили об Учителях. Конечно, эти Учителя не должны быть дедушкиным кабинетом, со всеми окаменелыми пережитками. Учитель Тот, Кто открывает, умудряет и ободряет. Тот, кто скажет "Благословенны препятствия - ими растём". Тот, кто вспомнит прекрасные Голгофы знания и искусства, ибо в них творящий, созидающий подвиг. Тот, кто сможет напомнить, научить подвигу, тот не будет отвергнут сильными духами. Тот и сам знает ценность иерархии знания и в постоянном движении своём создаёт восходящие исследования.

Сколько школ и полезных распространений знания сможет быть организовано при наших обществах. Всем им можно дать тот же совет: каждое дерево может быть посажено лишь в малом отростке. Лишь в постепенности оно привыкнет и обоснует прочные корни. Потому, если где есть сердечное желание помочь распространению знания и красоты, пусть его выполняют безотлагательно. Пусть не стесняются малыми возможностями. Жизненность не в размере, но во внутренней субстанции зерна.

Гималаи, 1931 г.

Н.К. Рерих. Держава Света. Изд. Алатас, 1931. - 285 с.

Студия Мастер Института Объединённых Искусств. 1921 г.

Н.К. Рерих

ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Десять лет минуло с тех пор, как мы заложили первый камень наших Учреждений в Америке. И вполне естественно, что их основание мы начали с Института Объединённых Искусств, чтобы сразу и в полной мере подчеркнуть мысль единства. Таким путём мысли наши, уже проникшие в другие страны, перенеслись и в Америку и укоренились на её почве. В течение десяти лет во всех отделах нашего культурного центра накапливалась обширная литература. Я сейчас не пытаюсь написать историю этих накоплений. В день приветствия мы не должны становиться летописцами, но должны выразить то, что кажется нам самым неоспоримым в росте культурных начинаний.

Дорогие сотрудники, также не пытаюсь я и просто хвалить вас, ибо разве можно хвалить человека, всецело посвятившего себя идее культуры? Разве можно хвалить человека за честность? И можно ли восхвалять за духовность? Или за вдохновение красотой? Ибо все они суть человеческие основы, вне принципов которых никто не может считать себя работником культуры. Похвала всегда относительна. Но факт - абсолютен. И вот сейчас, в сей памятный день, отмечая десятилетие тяжких трудов во имя Культуры, я бы хотел оценить то, что неоспоримо.

Оглядываясь назад на все труды, на все наши битвы с невежеством, становится очевидным, что творческий труд продолжается неустанно. И это не похвала. Это лишь проявление реальности, истинного духовного героизма. Можем ли мы вспомнить хотя бы год, проведённый в покое или потворстве нашим желаниям? Можем ли мы назвать хотя бы месяц из тех ста двадцати месяцев, когда бы сделанное не было закреплено, и когда бы мысли не устремлялись к новым сферам культурной нивы?

Итак, положа руку на сердце, мы можем сказать, что не проходило ни года, ни месяца, ни даже недели, когда бы мысль и труд не слагали новых возможностей. Не проходило даже ни дня, когда бы бесчисленные препятствия не претворялись в возможности. Эта реализация неустанного стремления, постоянного творческого труда должна, поистине, быть знаменем нашего времени. Нас могут спросить о порядке нашего плана. Кто-то, согласно своему собственному мнению, предложит произвести замену в порядке нашей работы, но никто не скажет, что энергия не была обращена ко Благу.

Нет ничего удивительного в том, что в течение десяти лет Учреждения широко развивались. В непрестанности энергии заключён великий усилитель, великий ток, облачающий сотрудников в надежную броню.

Я весьма сожалею, что в сей знаменательный день я не могу находиться среди вас и словами оживотворить мысли, которые я вам посылаю. Но во имя того неустанного труда, о котором я говорю, считаю, что организация Гималайского Института полностью оправдывает моё физическое отсутствие сегодня в Америке. Прошло уже более трёх лет с тех пор, как в наши области искусства мы привнесли и область науки, ибо Культура, в своём синтетическом начале, не допускает границ, характерных разделений. Мы видим, что все условности, столь пагубные для прогресса, порождены только невежеством.

Имея дело с людьми, стремящимися в душе к знанию и красоте, мы можем пребывать оптимистами. Давайте же не будем вспоминать сегодня о трудностях. Память о трудностях может привязать наш корабль к пристани. Вспоминая о трудностях, мы невольно начинаем думать о заслуженном покое; иными словами, мы начинаем допускать до себя вреднейшие мысли. Ибо где же покой в безграничности творчества? Оставаясь несокрушимыми оптимистами, мы лишь стремимся окрылить наш корабль новыми парусами.

«Странные люди», - сказал кто-то о нас. Но наш друг ответил: «Истинно, необычные люди. Даже трудности они встречают с улыбкой».

Но где же рождается эта улыбка? Только в реализации той меры, какой всегда требует работа во имя Культуры, и, возможно, особенно сейчас. Так что давайте начнем новое Десятилетие с тем же неукротимым стремлением, с тем же боевым призывом к Культуре и той же неутомимостью.

Давайте выразим почтение всем тем, кто способствовал росту Учреждений, и пожалеем тех, чьи имена поглотила тьма.

И я так часто говорил - Культура есть почитание Света. Даже трава и растения стремятся к свету. Как же тогда вдохновенно и возвышенно должны стремиться к единому Свету люди, если почитают они себя выше растительного царства.

В эту самую ночь над горной цепью Центральных Гималаев сверкает необычный свет; это не молния: небо ясное. Это тот лучезарный свет, который совсем недавно заметили над Гималаями учёные. Во имя Света, во имя того Света, что рождается в человеческом сердце, давайте трудиться, и творить, и учиться.

Приветствую вас всех по случаю сей памятной годовщины Десятилетия - этой десятой части целого столетия.

Н.К.Перих

Н.К. Перих. Держава Света. Изд. Алатас, 1931. - 285 с. [1931 г.]

19 ноября 1931 г. Наггар.

Письмо Н.К. Перих к барону Таубе М.А.

Naggar, Kulu, Punjab, Br. India

19 ноября 1931 г.

Дорогой Михаил Александрович,

Последняя воздушная почта принесла и Ваше письмо, и добрые вести о Вас от нашей милой Э. Лихтман. Сердечно радуюсь, что кооперация с нею, видимо, Вам по душе – это так важно, ибо иначе, в несогласии, не растут дела. Ес-

ли поездки Ваша в Рим даст те результаты, о которых можно предполагать, это будет несомненным мудрым завоеванием. Всё последнее время мы имели от католического мира хорошие сведения. Папский нунций на Индию прислал мне своё благословение. Монсеньер Колас, архиепископ Французской Индии, прислал мне рекомендацию свою ко всем католическим миссионерам. Словом, где-то что-то стоит на хорошем месте, а все наши с Вами беседы о всевозможных духовных воссоединениях ведут к тому же доброму пути. Кстати, Елена Ивановна видела очень хороший сон о Вашей поездке в Рим, а её чувствования очень замечательны.

С этой же почтой я послал в Париж «О культуре и Мире моление» для прочтения 27 декабря во всех церквях. Такая манифестация постановлена нашим комитетом нашего Пакта в Нью-Йорке. Хорошо, если бы католический мир и в этом случае широко отозвался на призыв о Культуре и Мире. Не сомневаюсь, что митрополит Евлогий и отец Спасский³⁵ также не откажут поддержать этот призыв. По возвращении в Париж будьте добры, посмотрите, что делает Шклявер в этом направлении. Доверительно могу сказать Вам, что письма мадам де Во и мисс Лихтман выражают значительное неодобрение по поводу некоторых действий Шклявера. Между прочим, мы удивляемся, почему он поехал в Женеву без санкции от мадам де Во и Вас. В то время мы послали мадам де Во очень ясную телеграмму, чтобы эта поездка была решена коллегиально. Впрочем, это уже прошлое, будем смотреть в будущее. В наших комитетах в Нью-Йорке сейчас принимает участие мальтийский кавалер граф Лователли³⁶, из семьи которого известны четыре Папы.

Посылаю при этом письмо мою речь к столетию Гёте. Если Вы найдёте нужным поместить её где-либо и в Германии, пожалуйста, располагайте ею. С удовольствием читал Вашу книгу, за которую искренно благодарю Вас. Получили ли Вы «Державу Света» по-русски? Если считали бы полезным дать кому-то эту книгу, напишите мисс Лихтман, и Вам пришлют из Америки нужное количество экземпляров. Буду ждать Ваших добрых сведений, которые так ответят моим внутренним настроениям. Напишите откровенно, очень ли вредит Германия? Прямо не знаем, что с нею, точно какое-то одержание. Главное, прискорбно, что она всем даёт совершенно противоречивые сообщения, от которых потом сама письменно отказывается. Не перешло ли к ней от мужа её?

Шлём наши лучшие приветы Вашей супруге и всей семье Вашей.

Духом с Вами

Публикуется по изданию: Журнал "Дельфис" №80(4/2014).

23 ноября 1931 г. Наггар.

Письмо Н. К. Рериха к барону М. А. Таубе

Урусвати, ноябрь 23. 1931

Дорогой Михаил Александрович.

Только что мы получили письмо мисс Лихтман по свидании её с Тюльпинком. Тюльпинк произвёл на неё лично хорошее впечатление и сказал ей о нескольких предположенных им мероприятиях, но среди них мы не видим двух, казалось бы, главных: первое, мер к распространению, а главное, к поднятию Знамени Мира, хотя бы частным образом, внутри Учреждений, прикнущих к Пакту; второе, мы не видим мер для восстановления мирового Дня Культуры, о котором будет стараться наш Американский Комитет. Из ме-

роприятий Тюльпинка некоторые являются и преждевременными и побочными. Его обращение к кардиналу о церковном денежном сборе для предоставления религиозных работ безработным художникам является соображением и побочным и даже отвлекающим.

Устройство во время будущей Конференции выставки фотографий всех художественно культурных сокровищ мира является предприятием чрезвычайно громоздким. Кроме того, само техническое однообразие фотографий всегда губило каждую фотографическую выставку. Напечатание особой карт-посталь, совмещающей две эмблемы нашего Знамени и Красного Креста, является очень опасным, ибо нам известно, как ревниво относится Красный Крест к своему знаку, и это может вовлечь нас в осложнение с такой крупной организацией. Назначение приза за противогаз для художественных сокровищ; не лучше ли вообще протестовать против газов, нежели придумывать противогаз, который, конечно, немедленно будет покрыт новым губительным изобретением. Среди таких побочных и могущих вовлечь в осложнение соображений мы пока не видим никаких мер ни к распространению самого Знамени, которое естественным своим будет уничтожить нравственную возможность войны, не видим также и мер к мировому школьному Дню Культуры, когда будет сказано повсеместно о значении культурных сокровищ и тем будет насаждаться новая традиция возвышенной и утонченной Культуры, которая так нужна в наше одичалое время. Что Вы обо всём этом думаете? И не считаете ли Вы полезным собрать под Вашим председательством маленький Комитет Пакта в Париже в нашем помещении? Комитет этот был бы в сотрудничестве с Американским Комитетом и корректировал бы отвлечённое мышление Тюльпинка. Что Вы и об этом думаете?

Буду ждать Ваших суждений по сказанным вопросам и, конечно, с великим нетерпением Ваши Римские последствия. Полагаем, что название "Основатель" во Французском Обществе для меня неудобно, если нужно, то не лучше ли "Протектор" или "Почётный Президент", так же как во всех других Обществах моего имени.

Привет от нас Вам и всем Вашим, сердечно желаем Вам счастливо встретить Рождество и Новый год.

Духом с Вами (Н. Рерих)

Публикуется по изданию: Журнал "Дельфис" №80(4/2014)

24 ноября 1931 г. Урусвати.

Письмо Н. К. Рериха к барону М. А. Таубе.

Урусвати, ноябрь 24, 1931

Дорогой Михаил Александрович.

Шлю искренний привет к избранию Вашему Председателем Русской Ассоциации нашего Общества в Париже, а также искренно радуюсь тому, что согласно извещению мисс Лихтман Вы также будете моим личным представителем. Начало председательства Вашего ознаменовывается благодетельными для Ассоциации знаками. Намечается привхождение и сотрудничество редакции журнала "Утверждение", подходит редакция журнала "Числа", присоединяется Калмыцкая группа и приходит большая Сибирская группа, а Вы знаете, как велика моя личная симпатия к Сибири.

Под Вашим просвещённым руководством, нестеснённо направляемые и самодеятельные в существе своём, группы, конечно, будут расти, и Вы найдёте каждой из них соответственное созидательное применение. Быть может, Сибирская группа установит ближайшее отношение со своими сородичами в Праге и в других европейских центрах, так же как и Калмыцкая станица будет в духовном объединении со станицами в Белграде, Праге и с прочими калмыцкими и донскими станицами. По всей вероятности, Вам придётся избрать в число почётных членов Ассоциации ближайших представителей означенных групп. Главное же, чтобы культурная работа налаживалась в широких линиях не стеснено никакими убийственными предрассудками, словом, в том широко строительном размере, который Вы благожелательно сумеете внести. И по нашим с Вами общественным связям и по родственному положению мы всегда будем укреплять согласие, пресекая в самом зародыше разлагающие недоразумения среди сотрудников.

Буду рад слышать от Вас все соображения и сообщения о деятельности вверенных руководству Вашему Культурных Ассоциаций.

Искренно Вам преданный

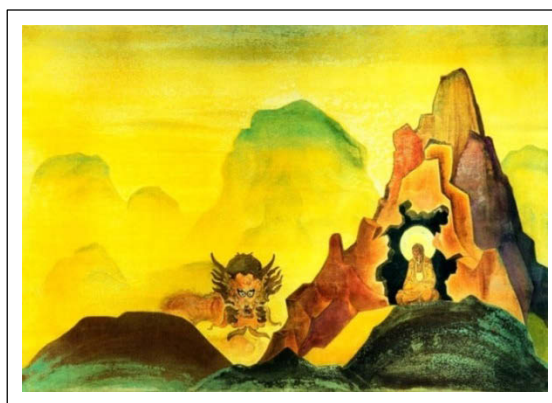
Публикуется по изданию: Журнал "Дельфис" №80(4/2014) Публикацию подготовил доктор исторических наук В.А. Росов.

ДЕКАБРЬ

2-3 декабря 1931 г. «Урусвати»

Из дневниковых записей Е.И. Рерих

«Древнее сказание передаёт, как некий царь, желая освободиться от всех посторонних влияний, спросил совета у мудреца, тот сказал: "В сердце своём найдёшь освобождение". Но царь возмутился, отвечая: "Недостаточно сердца, стража вернее". Тогда мудрец простился, говоря: "Главное, тогда не спи, царь!"

Н.К. Рерих. Архат. 1932.

«Во всех Заветах явлены символические повести, как пустынные и святые заставляли демонов служить и работать на пользу. Действительно, это вполне возможно в случае бескорыстного импульса. Утверждаю, насколько все тёмные служат построению, когда сила приказа самоотверженного сохра-

няет сердце повелевающее. Но одно условие может быть опасным и губительным – раздражение, полное империла, открывает доступ тёмным»

3 декабря 1931 г. Прага.

Письмо Зам. Дир. Института им. Кондакова Н. Толля к Рериху Н.К.

ИНСТИТУТ ИМЕНИ Н.П. КОНДАКОВА

Прага

3 декабря 1931 г.

Ваше Сиятельство,

Имеем честь известить Вас, что в целях укрепления своего существования и расширения своей деятельности, Семинарий имени Н.П. Кондакова реорганизовать в Институт.

Высоко ценя Ваше неизменно доброжелательное отношение к Семинарию, а также за Вашу столь многостороннюю помощь делу Семинарии, Правление реорганизованного Института избрало Вас почётным членом-благодетелем Института имени Н.П. Кондакова.

Просим Вас, Ваше Сиятельство, принять уверение в нашем глубоком к Вам уважении и сердечной преданности.

Заместитель Директора Института (Н. Толль)
Секретарь (Дм. Расовский)

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

15 декабря 1931 г. Урусвати.

Письмо Н. К. Рериха к барону М. А. Таубе

Урусвати, декабрь 15, 1931

Дорогой Михаил Александрович.

В последних письмах своих Г. Г. Шклявер сообщал об удачных выступлениях в нашем Центре группы "Утверждения" и Сибириков. Можно радоваться, что начало Вашего председательствования ознаменовывается такими желательными и многочисленными привхождениями. Конечно, именно Вы сумеете сердечно протянуть руку всем проходящим, обогреете их исстрадавшееся сердце и широко скажете им о вмещении и доброжелательстве. Также Шклявер упоминал о каком-то Обществе в Париже имени Св. Сергия и о кадетском корпусе, как об организациях, пригодных для кооперации. Как Ваше мнение об этих планах и не имеет ли Вы в виду каких-либо ещё других организаций, которых доброжелательно можно было бы привлечь ко строительно-культурному пути?

По всей корреспонденции представляется возможным нахождение новых друзей, что будет облегчено тем широким вмещением, которое Вы принесете. Ведь мы работаем не только для цивилизации, но, именно, для высшей Культуры, в которой "несть ни элин, ни иудей". Шклявер писал о нездоровье Вашем. При наступлении зимы в Париже это так обычно. Надеюсь, что всё у Вас уже прошло, и мы скоро получим, как всегда, доброе сведение Ваше и о Риме и обо всём, о чём я Вам писал в прошлых письмах. Имейте в виду, что мною послано одно буддийское изображение нашим калмыкам в Белграде. Вы, вероятно, уже встретились с калмыками в Париже. Ещё раз повторяю,

именно при вашем просвещенном вмещении Ваш словарь Блага будет так богат и блестящ.

Сердечный привет Вам и семье Вашей от всех нас к Новому году.

Духом с Вами

Архив Музея Рерихов, Москва.

24 декабря 1931 г. «Урусвати»

Из дневниковых записей Е.И.Рерих:

«Тридцать первый год был Знаменем Владыки – это так же верно, как под камнем Гума лежит Пророчество. Тридцать второй будет Вратами Владыки – это так же верно, как под камнем Гума лежит Пророчество».

Пусть все Наши Учреждения и Общества сохраняются и развиваются, но поверх их пусть входит в жизнь Всемирная Лига Культуры. Пусть все члены Наших Учреждений будут вместе с тем и членами Всемирной Лиги Культуры. Знак Владыки золотом на пурпуре будет нагрудным знаком Лиги. Она вместит следующие отделы: первый – отдел мира; второй – духовного совершенствования; третий – науки; четвёртый – искусства; пятый – материнства и воспитания; шестой – ремёсел и труда; седьмой – кооперации и промышленности; восьмой – охраны безопасности; девятый – землеустройства и строительства; десятый – здоровья охранения.

Остальные войдут как части указанных отделов. Так, справедливость найдёт место в мире, войско – в охране безопасности и казна – в сотрудничестве и кооперации. Конечно, духовное совершенствование вмещает религии и философии. Отделы предполагают советы и председателей. Так пусть привыкают к названию верховного Президента, между собою называя вождём. Пусть в Америке теперь же понемногу формируют Лигу.

В Париже Таубе имеет поручение собрать русскую Лигу во всех странах, широко находя пригодных людей, не стесняясь их разновидностью. Пусть начало будет малым, без особых воззваний. Мы пошлём лучи по разным странам, но главное – не отталкивать приходящих и воздерживаться от ссор, как от невежества. События наступающего года помогут движению Культуры развиваться, как последнему прибежищу. Пусть никто не считает это движение не новым – оно будет порогом Нового Мира. Так Мы допускаем все мирные средства, чтобы использовать все меры Мира. <...>

Так, пусть каждый высказывается, охраняя инициативу, ибо личность есть явление ценного цветка. Укажите, чтобы из Америки написали Указ Св. Сергия в Париж. Там Таубе соберёт малыми группами, ибо не имеет значения, каким отделом начать – вероятно, ему будет ближе мир. Но сурово напоминаю, чтобы Лига не исключала Наших существующих Организаций, не меняя их наименований. Пусть и «Св. Франциск», и «Шекспир», и «Спиноза», и «Ориген» служат Культуре. Также и вопрос казны среди разнообразия найдёт разрешение. Устремление к дальним странам поможет избежать вредных скоплений. Не вижу лекций о самой организации, но над всеми культурными явлениями нужно иметь титул «Лига Культуры». Можно также все явления Наших Обществ печатать в сотрудничестве с Лигой Культуры. Так мы пойдём путём расширения и восхождения. Пошлите текст того, что нужно Америке писать в Париж. Уявление новых сочетаний поможет обессилить врагов Света!

Накопляйте вопросы о культуре, ею войдете! Посылаю мысли крепости к знаменательному году!»

27 декабря 1931 г. «Урусвати»
Из дневниковых записей Е.И.Рерих:

«День поднятия Знамени Мира в Америке и на Гималаях».

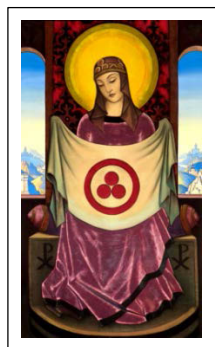

Н.К. Рерих. Знамя Мира. 1931.

27 декабря 1931 г. «Урусвати»
Из письма Е.И.Рерих:

«Поймите Лигу Культуры как конгломерат всевозможных организаций – от духовных до кооперативов, все могут поместиться под куполом Культуры. Потому не нужно опасаться, если будут примыкать неожиданные организации. Мы не белоручки, мы должны перевязывать многие гноящиеся раны. Мы должны иметь внимание ко всему, составляющему жизнь. Явленную Лигу можно начать, не опасаясь неудачи, только не нужно кричать на площадях. Пока не трогайте Эйнштейна и прочих советников, идите просто, пока древо вырастет. Торжественно храните Знак Владыки, как Врата к Будущему. Торжественно уничтожайте все мешающее. Так устремитесь к Нам».

Шлю Вам, родные, все лучшие думы. Спасибо Ояне за присылку снимка с комнаты в башне. Хотела бы иметь более ясный снимок со статуи Рока. Поручка в своём последнем письме дала мне мало подробностей о девочке. С нетерпением жду также фотографию с Ориолы. Давно уже не имели также снимков с Флавия, а дети так меняются. Шлю Вам, родные, все лучшие думы. Передайте мою сердечную ласку и Амриде. Святослав целые дни проводит в лаборатории. Приготовил чудесный бальзам, Владыка очень одобрил. Весь ушёл в свою работу. Ждёт присылки холста из Парижа, чтобы начать портрет Н.К. во весь рост. *Н.К. закончил Матерь Мира, держащую Знамя Мира.* Святослав помог. Пошлём Вам фотографию.

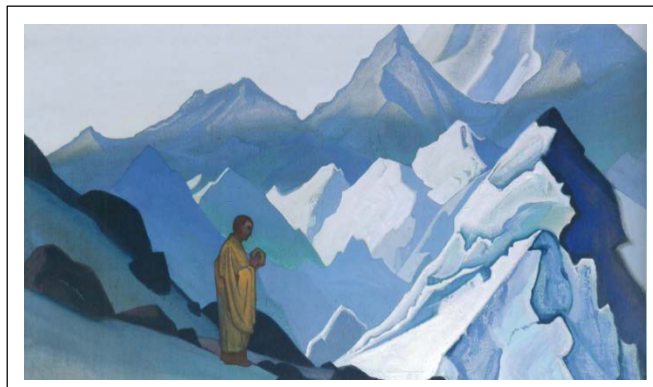
Н.К. Рерих. Мадонна Орифламма. 1931-32.

Рерих Е.И. - Письма в 9-ти томах, том 1.

К 27 декабря 1931 г

Из письма Н.К. Рериха к барону Таубе М.А. от 19 ноября:

«...я послал в Париж «О культуре и Мире моление» для прочтения 27 декабря во всех церквах. Такая манифестация постановлена нашим комитетом нашего Пакта в Нью-Йорке. Хорошо, если бы католический мир и в этом случае широко отозвался на призыв о Культуре и Мире. Не сомневаюсь, что митрополит Евлогий и отец Спасский также не откажут поддержать этот призыв.

Н.К. Рерих. Утренняя молитва. 1931.

О КУЛЬТУРЕ И МИРЕ МОЛЕНИЕ

Культура и мир являются священным оплотом человечества. В дни больших потрясений и материальных и духовных именно к этим светлым прибежищам устремляется дух смущенный. Но не только должны мы идейно объединиться во имя этих возрождающих понятий. Мы должны каждый по-сильно, каждый в своём поле, вносить их в окружающую жизнь как самое нужное, неотложное.

Наш Пакт Мира, обнародованный в 1929 г., устанавливает особое Знамя для защиты всех культурных сокровищ. Особый комитет избран в Америке для распространения идеи этого Знамени. Международный Союз Пакта нашего учрежден с центральным местопребыванием в Брюгге, где в середине сентября заседал созванный им мировой конгресс, показавший, насколько близка идея Знамени Мира каждому созидательному сердцу.

Из храмов, святилищ духовности, изо всех просветительных центров должен неумолчно греметь всемирный призыв, уничтожающий самую возможность войны и создающий грядущим поколениям новые высокие традиции почитания всех сокровищ творчества. Воздвигая повсеместно и неутомимо Знамя Мира, мы этим самым уничтожаем физическое поле войны. Будем же утверждать и всемирный День Культуры, когда во всех храмах, во всех школах и образовательных обществах одновременно, просвещенно напомнят об истинных сокровищах человечества, о творящем героическом энтузиазме, об улучшении и украшении жизни. Для этого будем не только всемерно охранять наши культурные наследия, в которых выразились высшие достижения чело-

вечества, но и сердечно-жизненно оценим эти сокровища, помня, что каждое прикосновение к ним уже будет облагораживать дух человеческий.

Как мы видим, никаким приказом нельзя запретить войну, так же как нельзя запретить злобу и ложь. Но неотложно, терпеливым напоминанием о высших сокровищах человечества, можно сделать эти исчадия тьмы вообще недопустимыми, как порождения тёмного невежества. Благородное расширенное сознание, прикоснувшись к свету истины, естественно вступит на путь мирного строительства, отбрасывая, как постыдную ветошь, все порождённые невежеством умаления человеческого достоинства.

Уже велики и славны списки примкнувших к Знамени Мира. Оно уже освящено в дни Конгресса в Брюгге в Соборе Св. Крови, и тем мы поклялись вводить его повсеместно всеми силами. Ведь не тщетно будут искать Знамя Мира над хранилищами истинных сокровищ все те, которые во всех концах мира поверили нам и наполнили пространство сердечным желанием. Каждый день приходят новые письма, новые отзывы. Избирательная урна «За Мир» наполняется ценными знаками. А ведь мир и культура сейчас так особенно нужны.

Нужен не столько ещё один закон, сколько ещё одно повелительное желание, одна всенародная воля охранить светочи человечества. Всякое дело, даже самое очевидное, нуждается в действенном начале. Для мира и культуры вовсе не надо ждать всемирного признания. Начало Общего Блага и Красоты творится во всяком размере, сохраняя свой животворный потенциал. Хотелось бы признательно-сердечно напутствовать всех наших сотрудников: «Каждый по-сильно, в своих возможностях, без промедлений и откладываний, в добрый путь!»

Истинно, коротко время! Не потеряем ни дня, ни часа. И возжём огонь сердца в немедленном претворении в действительность светоносных начал культуры и мира. Под Знаменем Мира, в мощном сердечном единении, как Всемирная Лига Культуры, пойдём к Единому Вышнему Свету. Знамя!

Н.К. Рерих

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. [1932].

Мадонна-Покровительница. Защитница.1931

Н.К. Рерих

ЛЮБОВЬ НЕПОБЕДИМАЯ

К Ассоциации Св. Франциска Общества имени Рериха

Перуджино, Джотто, Зурбаран, Коста, Мурильо, Скиавоне, Рибера, Флиппино, Липпи, Ганс Фриз, Маргаритоне, Сассетта, Тадео Гадди, Виварини, Моретто да Брешиа, Чимабуэ... Кто же мог собрать и духовно объединить этих разнообразных и даже противоположных Мастеров? Кто мог вдохновить такое множество великих поэтов? Кто мог наполнить такими высокими мыслями множество знаменитых деятелей? При чьей молитве сияла над монастырём заря священного Света? Кто воздымался на воздух в экстазе? Кто раскидывал сокровища Благости, как естественные искры своего земного существования.

Всё тот же самый, бессмертный и светоносный в существе своего духа. Святой Франциск, притягательный как для взрослых, так и понятный детям. Истинное прибежище зверям и птицам. Именно Он мог беседовать и обратить волка ко благу. На Его руке птицы чуяли крепкую безопасность.

В чём же заключается могущественный мировой магнит Святого Франциска? Конечно, в своём высшем духовозношении Он приближался к Вышнему. В необычной мощи сознания Он сливался с Господом. Он знал высокую мощь сердечной молитвы, которая единственно может привести к действительной любви. Для Него любовь была не отвлечённость, но насущное питание Его духа. И ещё одно замечательное качество освящает нам Облик Святого Франциска. Он никогда не осуждал.

Если некоторые Его действия были объяснены последователями как возмущение против несовершенных нравов Его современников, то и эти действия были так утончены и так были полны благостными знаками, что само возмущение возносилось на тех же самых крыльях всепобеждающей любви. Если не каждый из нас может достаточно следовать в силе восторга, то, во всяком случае, в двух качествах Святого Франциска каждый должен подражать Ему - в неустанном действии и в неосуждении.

В своём победном неосуждении Святой Франциск выявил величайшую жизненную мудрость, которая к тому же так легко достигается. Каждый труженик, после достаточных испытаний, неизбежно приходит к сознанию, как мертвенно отрицание и осуждение и как творяще и созидательно каждое понимание. Любить - значит прощать. Прощать - значит понять. Понять - значит знать. Знать - значит приблизиться к порогу Мудрости.

Каждый творящий рано или поздно чувствует, что осуждение и отрицание будут знаками неуспешности. Каждый истинный творец, подражая в существе своём Вышнему, в своих постоянно растущих трудах даже не имеет времени для осуждений. Взгляните на осуждающего, и вы сразу убедитесь, что он, прежде всего, не создатель. Тот же опыт жизни легко убедит вас, что сад отрицания и тёмн и беден.

Как же вы встретите и победите трудности жизни? На печальном опыте вы познаете, что щит отрицания и осуждения не годен. Далее, вы будете убеждены, что подобный щит и вреден. Как магнит Тьмы, он будет притягивать к вам всё отрицательное. Какую печальную старость и тёмное будущее

вы будете готовить себе, извергая злобную слюну осуждения, неудачно проходя путь жизни и преступно извращая священное понятие любви!

Итак, следуя заветам Святого Франциска, заветам, скованным любовью, - творите, творите и творите!

В этом вечном творении вы приблизитесь к мудрой радости. Вы найдёте, что день слишком короток, чтобы успеть выразить все зовы духа вашего. В новом широком понимании вы осознаете, что есть синтез. Завоевание красоты и знания синтезируется для вас не как груда сухих подробностей, но как стройное знамя священного знака эволюции. В творчестве вашем вы осознаете и высокую ответственность перед Великою Беспредельностью. Это осознание ответственности будет целительным водителем в преображении всей вашей жизни. Это осознание ответственности ещё более поможет вам удержаться от осуждений. Истинно, вы не найдёте более мгновения для осуждения и отрицания.

Творить, помогать и давать - эти заветы наполнят всё существо ваше. И, несмотря на все трудности, создаваемые тьмою, невежеством, вы всё же преобразите жизнь вашу в вечную радость. Эта же радость творчества принесёт вам и насущный хлеб на день завтрашний.

Велика была моя радость узнать, как восторженно приняли вы моё предложение объединиться под Именем Святого Франциска. Невозможно без светлой улыбки помышлять об основании этого Общества. Мы трудимся для высшей Культуры, Красоты, Знания, Мира. Пусть будет всепобеждающая улыбка Святого Франциска нашим мощным щитом в этих стремлениях.

Когда я буду писать Святого Франциска, пусть будет Он явлен благословляющим гнездо птиц. Это вызовет во мне одно старое воспоминание. Я был счастлив иметь моим первым Учителем замечательного человека: мощный художник Куинджи был не только замечательным художником, но также был и великим Учителем жизни. Его частная жизнь была необычна, уединённа, и только ближайшие его ученики знали глубины души его. Ровно в полдень он восходил на крышу дома своего и, как только загремит полуденная крепостная пушка, тысячи птиц собирались вокруг него. Он кормил их из своих рук, этих бесчисленных друзей своих, голубей, воробьёв, ворон, галок, ласточек. Казалось, что птицы столицы слетались к нему и покрывали его плечи, руки и голову. Он говорил мне: "Подойди ближе, я скажу им, чтобы они не боялись тебя". Промеж себя мы называли Куинджи Святым Франциском. Незабываемо было зрелище этого седого улыбающегося человека, покрытого щебечущими пташками, - оно останется среди самых дорогих воспоминаний. Перед нами было одно из чудес природы, мы свидетельствовали, как малые пташки сидели рядом с воронами, и те не вредили меньшим собратьям.

Одна из обычных радостей Куинджи была - помогать бедным так, чтобы они не знали, откуда пришло благодеяние. Неповторяема была вся жизнь его. Простой крымский пастушок, он сделался одним из самих прославленных наших художников, исключительно благодаря своему дарованию. И та самая улыбка, питавшая птиц, сделала его и владельцем трёх больших домов. Излишне говорить, что, конечно, всё своё богатство он завещал народу на художественные цели. Этот "Святой Франциск" моей молодости нераздельно связан с образом Святого Франциска, которым я впоследствии восхищался при моём паломничестве по святыням Италии.

Священная насыщенность Ассизи ощущается даже случайными прохожими. Тем сильнее она должна ощущаться тем, кто ищет. Вы, объединяющиеся во Имя Святого Франциска, да будет с вами улыбка Его! Пусть Его высокая духовная утонченность укрепит вас. Вдохновленные Святым Франциском, вы найдёте творчество вечно новое и неисчерпаемое. Вы познаете, что даже и гений должен неутомимо ежедневно трудиться. Во имя Святого Франциска вы найдёте сияющее утверждение, которое сохранит вас от мёртвого отрицания и разрушительного осуждения. В Имени Святого Франциска вы найдёте неистощимую мощь против всех зол Тьмы. Вы поймёте, что есть благословенное сотрудничество и единение. Творите, творите, творите!

Слава Святому Франциску!

Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.

Н.К. Рерих. Святой Франциск. 1931. Эскиз.

О.Г. Калмыков. Куинджи кормит голубей на крыше дома. 1910.

«Когда я буду писать Святого Франциска, пусть будет Он явлен благословляющим гнездо птиц. Это вызовет во мне одно старое воспоминание.

Я был счастлив иметь моим первым Учителем замечательного человека: мощный художник Куинджи был не только замечательным художником, но также был и великим Учителем жизни...»

1932 г.

«Тридцать первый год был Знаменем Владыки – это так же верно, как под камнем Гума лежит Пророчество.

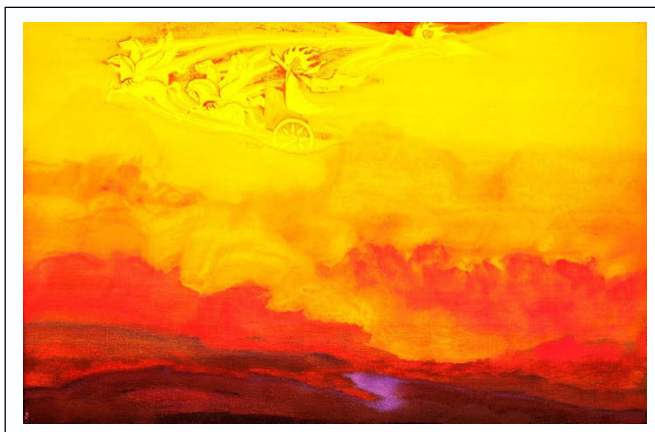
Тридцать второй будет Вратами Владыки – это так же верно, как под камнем Гума лежит Пророчество».

Из дневниковых записей Е.И. Рерих. 24.12.31.

ВЕЛИКАЯ БИТВА

«Армагеддон уже начался - конец тридцать первого года открыл Великую Битву»

«Не нужно удивляться, как нагромождаются события, ибо битва земная следует за небесной. Много сказано о Воинстве Небесном, об Архистратиге Михаиле, о явлении Водителя утверждённого и о всех смятениях».

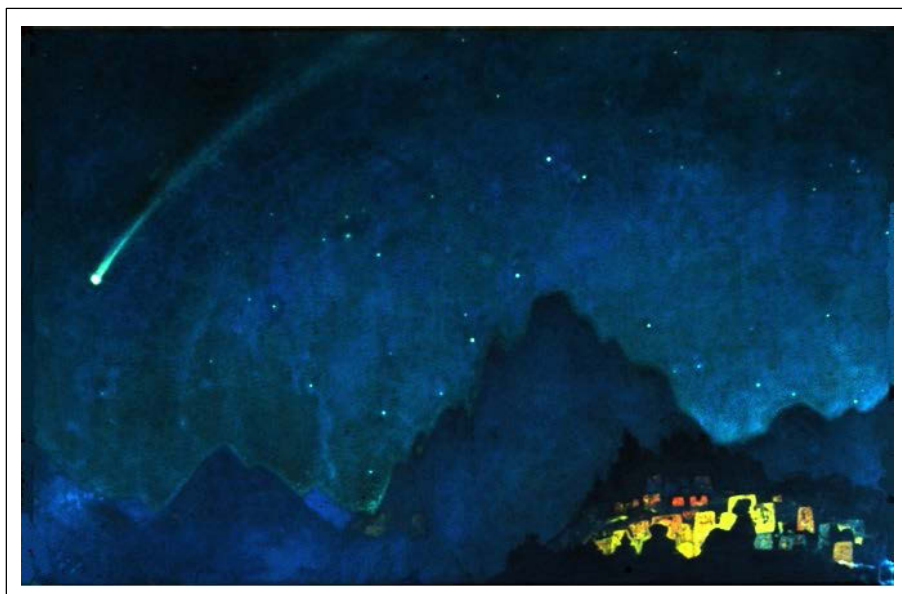
Н.К. Рерих. Илья Пророк. 1931. Внизу – фрагмент картины.

«Ещё не сказано о начале Великой Битвы, как уже кто-то чувствует себя усталым. Что же скажет, когда увидит бесчисленных воинов вражеских? Каждая Юга имеет значительное время, как срок подготовительный, но могут быть ускорения, которые должны необычно нагнетать все силы. Великую решающую Битву нельзя понимать, как только войну. Явление Битвы той гораздо глубже. Она протечёт по всему Тонкому и земному миру. Она выразится не только в сражениях, но и в небывалых столкновениях народных. Границы между сражающимися будут так же извилисты, как между добром и злом. Многие решительные битвы окажутся непостижимыми для глаза земного. Устрашающие столкновения Тонкого Мира на земном пути выразятся катастрофами. Также мужество земное отразится на Мирах Тонком и Огненном. Великая Битва будет первым звеном соединения миров. Так можно ожидать

скорых действий по всем направлениям. Сотрудничество в этой Битве имеет громадное значение. Уже теперь звезда пылающего сердца приносит помощь большую. (Сердце, 176,180)

«Кто не боится войти в огонь, тот огненного рождения. Кто не боится невидимого, тот может пронзить тьму. Кто не боится обойти мир. Тот к дальним мирам обращён. Кто не боится знать заветы мудрости, тот будет с Нами...»

Знаки Агни Йоги, 481.

Н.К. Рерих. Звезда героя. 1932.

КОСМОГОНИЧЕСКАЯ СКАЗКА

Космогоническая индусская сказка сообщает: жило ужасное чудовище, пожиравшее людей.

Однажды чудовище преследовало намеченную жертву. Человек, спасаясь, нырнул в озеро. Чудовище прыгнуло за ним. Ища спасения, пловец скакнул на спину чудовища и крепко схватился за торчащий гребень. Чудовище не могло опрокинуться на спину, ибо брюхо его не было защищено. Оно устремилось бешеным бегом, ожидая, когда человек изнурился.

Но человек думал, что он своим отчаянным положением спасает человечество. И в этой мировой мечте силы его напряглись без устали.

Чудовище между тем так ускорило бег, что искры летели огненным хвостом. И в пламени чудовище стало подыматься над землю. Мировая мысль человека подняла даже врага.

Когда люди видят комету, они благодарят отважного, устремлённого вечно. Мысли людские мчатся и дают новые силы всаднику чудовища.

Белые, жёлтые, красные и чёрные люди устремляют мысли к тому, что давно стал огненным.

Криптограммы Востока

ЯНВАРЬ

3 января 1932. Урусвати

Письмо Н.К. Рерих к барону М. А. Таубе

Урусвати, январь 3, 1932

Дорогой Михаил Александрович,

Благодарю Вас за Ваше письмо от 7 дек. с ценными вложениями Вашей речи в Брюгге и соображений по Восточному Институту. Когда я пишу это письмо, Вы уже не только побывали в Риме и Мюнстере, но, вероятно, уже провели праздники с Вашей семьей. Чтобы дать регулярность нашему обмену мыслей, я полагаю установить нумерованное письмо через каждые две недели (конечно, кроме случаев экстренных ускоренных сообщений), таким образом, и Вы, и я будем знать, что письмо не пропало на почте, а за две недели, при нашем ускоренном темпе, всегда набирается множество новостей. Необычные надвигающиеся события тоже дают повод к ускоренному обмену и действиям.

В прошлом письме Шклявер сообщил о какой-то гнусной выходке Философова в Варшавской газете. К сожалению, сама статья ещё не прислана. Конечно, мы не можем ожидать от Философова ничего доброго, как от видного сатаниста. Уже с 1897 года он неоднократно выступал против меня, пытаюсь нарушать добрые отношения мои как с Дягилевым, так и с Бенуа и с княгиней Тенишевой. Когда я указывал о большем значении скифского искусства, то именно Философов смеялся над этим, а между тем, сейчас весь мир восхищается этим своеобразным творчеством. Также, когда в 1903 году я выполнил мои этюды русской старины и писал о государственном значении русской древности и русских Икон, то именно Философов глумился над моими правыми воззрениями. Между тем, и в отношении русских икон и старины я был опять прав, и всемирное внимание, обращённое на них, подтверждает мои предчувствования. От такого заправского клеветника, конечно, можно ожидать всяких недостойных выпадов. Каково ваше мнение о происшедшем?

Шклявер пишет, что некоторые считают полезным возражение, но другие думают, что лучше не погружаться в сношения с явным клеветником. Очень странно, что "Возрождение" перепечатало эту мерзость. Вообще, если у вас есть знакомые сотрудники этой газеты, не мешало бы выяснить, можем ли мы считать эту газету дружественной или враждебной? Шклявер как-то сообщил о дружественности "Возрождения", но перепечатка гнусных статей без соответственных комментариев не свидетельствует ли о противоположном? Конечно, не зная самой статьи, мне трудно говорить более определённо.

Мадам де Во сообщает нам о выставке Городов Искусства, предположенной Тюльпинком. Конечно, идейно всякое такое выступление ко благу, но рассчитал ли Тюльпинк силы свои, ибо такая выставка может оказаться дорогостоящей? И не могли ли быть более полезными другие выступления? К вопросу о будущей выставке Тюльпинк должен понимать, что Америка, хотя и может дать некоторое количество взносов на Конференцию, но вследствие финансового общего кризиса, конечно, не будет в состоянии уделить особые суммы для выставки в этом году. Как Вы себе представляете будущую Конференцию? Видите ли Вы случайное многолюдство или же она может быть составлена из представителей дружественных Пакту стран, которые могли бы ближайшим образом обсудить меры по введению Пакта, по крайней мере, в этих уже заявивших о себе дружественных странах, которых по счастью уже

немало? По-прежнему думаю, что Пакт должен быть вводим в жизнь постепенно и неукоснительно. Ожидать внезапного введения его во всём мире невозможно, ибо даже сама Лига Наций распространяется не на целую половину мира. Кроме того, Вы знаете все странности этого Учреждения. Напишите мне Ваше личное предположение о вопросе Пакта. Сообщите также Ваше мнение об "Утверждении", о калмыках, о сибиряках и о всех новых обстоятельствах. Кому Вы поручили лекции о Культуре и как распределили суммы? Слышал я о приветливых словах митрополита Евлогия и ответил ему тем же сердечным приветом. Какого Вы мнения о иеромонахе Иоанне Шаховском, который стоит во главе Братства Св. Сергия? Вы были правы, чувствуя благие мысленные посылки Вам Ел. Ивановны. Она так ясно видит Вашу ближайшую деятельность. Привет Вашей семье и всем друзьям нашим, сердечно Вам преданный

Архив Музея Рерихов, Москва.

*Декабрь 1931 г.. Париж.
Мари де Во Фалипо.*

ПАКТ РЕРИХА И ЗНАМЯ МИРА

Европейская точка зрения

Пакт Рериха в той форме, в которой он был юридически оформлен и представлен перед Лигой Наций, правительствами государств и международной конференцией в Брюгге, представляет собой конкретный проект с чётко обозначенной целью – защитить в случае войны наиболее ценные сокровища мировой культуры. Для этого над историческими памятниками, музеями, библиотеками и т.д. будет водружаться Знамя Мира, которое, таким образом, автоматически превращает их в нейтральную территорию, признаваемую в качестве таковой воюющими сторонами.

Европа, совсем недавно опустошённая страшной войной и над которой нависла угроза ещё одной войны (наступление которой может положить конец цивилизации), сразу осознала полезность этой инициативы. Нет сомнения, что, как только действенность этого проекта станет очевидной, все государства примут его, точно так же, как всеми странами были приняты флаг и организация Красного Креста.

Несмотря на то, что эта идея представляется совершенно новой и требующей тщательной проработки, а также соглашения между правительствами, необходимо, чтобы она получила огласку и произвела впечатление на общественное мнение, которое, в свою очередь, будет рекомендовать её ответственным руководителям государств.

Конференция в Брюгге начала эту пропагандистскую работу в 1931 году, но это только начало кампании, которая должна осуществляться методично и неуклонно. Второй стадией этой работы, направленной на обеспечение международной охраны ценностей культуры, является выставка искусства старинных городов, которую г-н Тюльпинк хочет организовать в Брюгге в 1932 году.

На этой выставке будут представлены фотографии главных достопримечательностей, благодаря которым старинные города являются общим сокровищем человечества. Она позволит немедленно и остро осознать весь ужас новой войны, способной превратить в груду пепла множество почитаемых на

протяжении веков шедевров, которые уже никакими человеческими силами невозможно будет восстановить.

Таким образом, каждый народ и каждое правительство должны осознать, что бесценные сокровища, которыми они обладают и за которые они несут ответственность перед будущими поколениями, принадлежат не только их собственным странам, но и всему миру.

Эта выставка может стать решительным шагом на пути к всеобщему сотрудничеству.

Американская точка зрения

Соединённые Штаты хорошо поняли те благородные идеи, которыми руководствуется профессор Рерих, когда он настоятельно советует принять Знамя Мира, которое могло бы охранить памятники искусства в случае войны. Однако, склонный к обобщениям склад ума американцев, а также географические условия, в которых находятся Соединённые Штаты, очень скоро стали причинами отклонения от первоначального проекта.

Фактически, термин «Знамя Мира» стал в понимании американцев синонимом выступления за всеобщий и постоянный мир. При этом была упущена из виду главная цель этого Знамени – сохранение художественных шедевров и научных центров во время войны. Эта цель обладает первостепенной важностью для Европы, где имеется большое количество памятников искусства и где нет страны, которая в то или другое время не пострадала бы от разрушительных войн. Но в Соединённых Штатах, защищённых своим географическим положением от всех угроз при конфликтах с другими государствами, за исключением угрозы с моря, которая не несёт опасности для национальной территории, эта цель отошла на задний план.

Это и объясняет, почему конкретная идея Пакта Рериха претерпела в Америке такую быструю трансформацию в абстрактную идею крестового похода за мир, из которой родилось предложение о том, чтобы в один день вознести молитвы в церквах всех вероисповеданий и всех стран, а также проект паломничества, согласно которому Знамя Мира должно переезжать из одной страны в другую. При этом на каждом этапе к нему будет присоединяться флаг той страны, по территории которой оно перемещается. Наконец, Знамя Мира должно вернуться в Нью-Йорк, сопровождаемое флагами всех стран. Это предложение – хотя и выглядит привлекательно, благодаря своему благородному характеру и грандиозности – является чрезвычайно опасным, поскольку с большой долей вероятности вызовет недовольство большинства европейских правительств и станет причиной их противодействия всему проекту, который может показаться им нарушением их суверенитета.

Так, например, предложение, которое было сделано по срочному запросу членов правления Музея Рериха в Нью-Йорке, о том, чтобы уже сейчас вывешивать Знамя Мира над музеями, библиотеками и т.п., было объявлено неприемлемым хранителями музеев и национальных коллекций, посетивших Конференцию в Брюгге. Их обязательства в качестве государственных должностных лиц не позволяют им вывешивать какие-либо флаги, за исключением своего национального.

Фундаментальные различия

между Соединёнными Штатами и Европой

В Соединённых Штатах всё, что имеет отношение к искусству, народному образованию и т.п., не зависит от правительства. Музеи, университеты, боль-

ницы, детские приюты основываются здесь частными лицами и поддерживаются по личной инициативе. Таким образом, эти учреждения имеют возможность свободно вывешивать у себя любой флаг. В европейских странах наоборот – музеи, университеты, больницы и т.п. зависят от правительств и находятся под их контролем. Даже частные лица не имеют права вывешивать на своих домах другие флаги, кроме государственного или той страны, с которой поддерживаются дипломатические отношения.

Следовательно, в Европе Знамя Мира может вывешиваться над общественными зданиями только при условии одобрения национальных правительств. При нынешней американской кампании возможность получения такого одобрения выглядит чрезвычайно сомнительной.

Фактически, начавшись со знамени для охраны в военное время, т.е. с вполне определённой и великолепно изложенной идеи, первоначальный проект всё время расширялся, пока не превратился в выступление за мир во всём мире, которое, в известном смысле, выходит за рамки всех правительств. Но правительства, по крайней мере, в Европе, будут возмущены инициативой, которая может вызвать подозрение в желании создать супердержаву, основанную на частной американской инициативе, не принимающей во внимание суверенитет европейских государств и верховный закон национальной безопасности.

Некоторые главы правительств уже выразили своё недоумение по поводу таких независимых мероприятий, настолько чуждых дипломатической практике.

Такой образ действий, хотя и является вполне естественным для Соединённых Штатов и может дать прекрасные результаты в этой стране, является совершенно неприемлемым в Европе, где принятие Знамени Мира различными государствами проходит без спешки и где он может сделать такое принятие почти невозможным.

Уже имеются опасения, что определённые государства, которые поначалу были вполне благоприятно настроены к Пакту Рериха, не разрешат своим старинным городам – центрам искусства принимать участие в выставке, которая должна пройти в Брюгге в 1932 г.

[1932]

Отдел рукописей МЦР. Ф. 1. Вр. № 7274. Л. 7-9

**14 января 1932 г. Гималаи.
Письмо Н.К. Рериха к Мадам Де Во.**

Письмо Ваше от 31-го Дек., заключающее 1931 год, было для нас грустной вестью. Конечно, хорошо, что вы со свойственной Вам откровенностью, сообщаете Ваши соображения. Мы глубоко ценим каждую откровенность и ставим откровенность условием каждого сотрудничества. Вместе с письмом Вашим пришло и письмо от г-жи Дедлей, с четырьмя пунктами, якобы предложенными ей сообщить мне. Вследствие этих пожеланий, мы немедленно телеграфно приостановили высылку Бюллетеня в Париж. Также для абсолютной точности мы предложили помещать в Бюллетени лишь верbatim [дословно (лат.)] те сведения из Парижа, которые будут подписаны Вами, бароном Таубе и Шклявером. Таким образом, мы охраним совершенную точность осведомле-

ний, без единой буквы толкований, верbatim. Третий пункт сообщения г-жи Дедлей говорит о помещении в Бюллетене статей европейских деятелей, с симпатическими биографическими данными. Это как раз то, что было предложено мною уже несколько месяцев назад, причём я предлагал это начать с помещения Вашего портрета, так любезно пожертвованного Вами нашему Центру. Помещение сведений из Парижа, заверенных вашими тремя подписями, исключает необходимость соредактора, что сейчас было бы невозможно по тяжёлому мировому финансовому положению. Ваша весть была тем грустнее для нас, что мы были под впечатлением, что после свиданий Ваших с мисс Лихтман, установлен точный модус вивенди [*способ существования (лат. англ.)*] и устранены какие-либо несоответствия сотрудничества. Мы так радовались, читая Ваши сердечные характеристики Мисс Лихтман и Ваших бесед с нею. Также радовались, получая от мисс Лихтман восторженные оценки Вашей деятельности и Вашей личности, в чём её характеристики так сходились с нашим мнением. И вот, не прошло и двух месяцев со времени таких дружеских постановлений, как обрушиваются всякие затруднения и даже угрозы, выраженные в письме г-жи Дедлей о нарушении плодотворного сотрудничества и взаимного понимания между Парижем и Америкой. Вы понимаете, как мне тяжело и грустно слышать от лица, совершенно нам постороннего, и никогда не допускавшегося к административным делам, в виду её неуравновешенности. Можно сердечно сожалеть её, ибо при несомненной симпатичности, она не может владеть собою, что приводило её к очень печальным положениям в жизни. Очень сожалею о таком вмешательстве г-жи Дедлей в наши внутренние дела, на что никогда, никем она не была уполномочена. Между прочим, не ввела ли она Вас в заблуждение, что она будто бы имеет касание к Администрации Учреждений в Америке? Надеюсь, что непонятные ею сведения не сделаются достоянием зловредных индивидуумов. В одном мы с Вами совершенно сходимся, именно о необходимости полной точности фактов, о чём я постоянно говорю во всех моих писаниях. Для меня остаётся совершенной тайной происхождение несоответствующей степени ордена, о чём Вы поминаете. Остаются два предположения: или всё происходящее из Франции велико, или же кто-то самовольно провёл параллель степеней прежних награждений. Ясно лишь одно, что в основе было какое-то очень хорошее желание или суждение по старым статутам. Что касается до упоминания несуществующего титула графа Флери, это тоже остаётся совершенно непонятным. Последнее, вообще о нём упоминание, исходило из чрезвычайно сердечной личной о нём его оценки, в письме мисс Лихтман. Не будем упоминать, как высоко я всегда выражался о деятелях Франции и самой Франции, памятником чего служат мои статьи о Французском Вестнике. И мне, работающему на такое сердечное единение Америки с Францией, особенно больно слышать обвинения. Письмо Ваше и письмо г-жи Дедлей опередили письмо от барона Таубе, и потому я ещё не могу сказать о тех моих соображениях, которые были вызваны его письмом. Но г-жа Дедлей затронула в очень неуместной форме вопрос о создании фондов для расширения нашей культурной деятельности.

Каждое просветительное Учреждение живёт пожертвованиями, ибо оно не банк, не коммерческое Учреждение и не биржа. Культурные работники, профессора, преподаватели, секретари и весь прочий штафф [*персонал (анг.)*], должны быть, хотя бы и скромно, но оплаченными. Неизвестно почему, пожертвование в течение первого десятилетия, не вызвали ни чьих нареканий, и

странно, что совершенно точные указания деятельности второго десятилетия кому-то вдруг могли показаться чем-то коммерческим. Неужели найдётся такое чёрствое сердце, которое назовёт коммерческим предприятием создание Биохимической Лаборатории для борьбы против рака и прочих полезных медицинских исследований? Неужели Институт Объединённых Искусств, почтённый Хартией от Университета и имеющий большое число даровых учащихся может быть назван коммерческим? Неужели Международные Выставки, приносящие учреждению лишь расход, не являются доказательством просветительной работы? В прошлом письме наш сотрудник, доктор Шклявер, сообщал мне о необходимости “Урезать себя в пище и одежде”, очевидно, из-за недостаточности средств, а ведь даже по американским масштабам его содержание является вполне достаточным. Грустно слышать, что секретарша, с университетским образованием, владеющая несколькими языками, знающая стенографию, просит место хотя бы на десять долларов в неделю, таково мировое положение! Именно такое неслыханное, мировое, положение заставляет ещё раз обращаться к общественному сотрудничеству, при этом, чтобы Вы знали, в моём проекте был предусмотрен самый точный общественный контроль, так что даже казначеи отдельных Комитетов, должны быть назначаемы из общественных деятелей, не входящих в состав Совета Музея. Как известно, все Образовательные Учреждения и Музеи Америки содержатся на общественные средства, и совершенно неудивительно слышать, что даже старейшие Музеи, как Музей Естественной Истории и Музей Метрополитен, кончают год дефицитом в сотни тысяч долларов, который может быть покрыт лишь пожертвованиями. Впрочем, и в Европе, и по всему миру, Музеи и Образовательные Учреждения не отказываются от пожертвований, в том числе, и Государственные Учреждения. И ничего в этом меркантильного и дурного нет, ибо нации, таким образом, действительно сотрудничают в подъёме Мировой Культуры. Остаётся думать, что чья-то очередная злоба или сатанинская зависть, или глубокое невежество, опять пытаются затруднить благое дело. Но Вы знаете наши духовные устремления и твёрдую веру в то, что Свет непобедим! За 43 года широкой общественной деятельности (настаиваю на этом выражении) мне пришлось принять участие и провести много битв во имя Просвещения, и та же нерушимая уверенность в победу Света доводила эти дела до победного пути. Ничто не может поколебать убеждение моё в том, что в мире имеются и хорошие вдохновенные люди, с которым всегда можно сговориться по вопросам Просвещения и Прогресса. И если даже кто-то назовёт эти стремления сверхчеловеческими, то будем очень скромными и скажем, что это просто обычно-человеческие строения в отличие от животного разложения и хаоса.

Знамя Мира принадлежит к тем же неоспоримым Утверждениям, которые как и Красный Крест, не могут быть отринуты в человеческих построениях. Конечно, Знамя будет входить в жизнь жизненно, ибо даже и нет такого Всемирного Органа, который мог бы сразу заставить все народы, по приказу, применять Мир всего Мира. Знамя с символом Святой Троицы, уже освящённое в Соборе Святой Крови, (именно, настаиваю, Святой Крови) уже тем самым вошло в жизнь, ибо мы с Вами знаем значение освящённых предметов. Пусть это духовное соображение покажется смешным всем невеждам, но мы знаем о какой высокой действительности мы говорим. На этом понятии драгоценной

Святой Крови, крови Божественного Подвига я и кончаю сегодня и знаю, что частица этой драгоценной капли объединит и нас, и всех ищущих Блага.

Грустно сказать мне, что эта неделя была очень трудной для здоровья мадам Рерих. Необычная напряжённость в атмосфере сказывается на её сердце. Какое это великое понятие – Сердце, и что сделали из него люди!

Шлём Вам наши лучшие мысли и крепость духа в борьбе с злобными невеждами.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

14 января 1932 г. Гималаи.

Приложение к письму Н.К. Рериха к Мадам Де Во.

ДЕКЛАРАЦИЯ Н.К. РЕРИХА К ПИСЬМУ ОТ 14 ЯНВАРЯ.

К письму от 14 января прилагаю следующую декларацию.

В письме Вашем от 31-го дек. заключаются два выражения, которые во имя нашей общей Культурной работы я считаю совершенно необходимо выяснить. Конечно, это выяснение я делаю не для Вас лично, ибо в оговорках письма Вашего Вы даёте понять, что вы лично не согласны "с ошибочным мнением Европы". Но если где бы то ни было такое несправедливое мнение существует, я хочу, чтобы в делах наших осталась совершенно ясна моя декларация.

Два понятия, против которых в каждой Культурной работе издавна приходится бороться, являются: понятие Блефа и понятие меркантильности. Если кто-нибудь употребляет это выражение Блеф (я не спрашиваю об имени этого человека), он должен сказать совершенно точные факты из нашей деятельности, которые, по его мнению, подходят под это постыдное понятие. Ещё в России, в течение 17 лет, лично представляя Государю Императору отчёты о деятельности вверенных мне Учреждений, я привык к необычайной точности фактов и цифр. Поэтому, хотя бы косвенное заподозрение Учреждений, во главе которых я стою сейчас, в неточности фактов, с моей точки зрения, требует коренного выяснения. И не возвращаясь к досадной опечатке о степени ордена, ибо пусть лучше всё идущее из Франции будет большим, нежели малым. Теперь, обращаясь к заподозрению Учреждений наших в меркантильности, выраженной в чьей-то фразе, приведённой в письме Вашем "итак в итоге Музей Рериха является обширной коммерческой антрепризой". В этой формуле заключается наибольшее обвинение для Культурного Учреждения.

Из дальнейшего текста видно, что это обвинение является следствием объявления кампэнь для создания нескольких фондов для специального поддержания и развития неоспоримых культурных задач. Кто-то очевидно заподозривает, что сумма означенных кампэнь слишком велика. Без всякой расплывчивости обратимся к точным фактам. Хозяйство наших Учреждений, при которых уже выросло 52 культурных Общества, как в Америке, так и на других континентах, требует больших расходов даже при сравнительно скромных оплатах труда. Вы знаете, что для обеспечения содержания нашего Центра в Париже уже требуется капитализация 100 тысяч долларов, или 250 тысяч фр. только для того, чтобы в самых скромных, и, несомненно, требующих увеличения размерах, покрыть жизненные нужды. Каждое из остальных 50 Обществ

рассчитывает на подобную же поддержку, о чём мы имеем неоднократные разнообразные заявления, которые, к сожалению, мы совершенно не в состоянии удовлетворить. К довершению сего, как Вы знаете, неслыханный общемировой кризис сократил все ценности и доходы на две трети. Оставшаяся третья часть, а очень часто и четвёртая, конечно, прежде всего, отражается на положении культурных работников, число которых очень велико. Прискорбно видеть, как страдают из-за положения стран преподаватели, секретари, писатели и все прочие прямые и косвенные сотрудники.

Вы справедливо упоминаете в Вашем письме о безработных. Большому количеству таковых наши Учреждения дают работу и стараются по возможности увеличить эту, так нужную населению статью. Конечно, Вы знаете, что безденежье отразилось тяжело и на количестве учащихся в школах. Чтобы по-настоящему помочь этой беде, мы даём, где можно, бесплатное обучение, бесплатные лекции, бесплатные концерты и бесплатные выставки; неужели же в этой бесплатности кто-то может усмотреть меркантильность? Если кого-то по незнанию тревожат сумма желательных кампэнь, то пусть он возьмёт Американскую субсидию и помножит её на 50 Обществ, и простая арифметика покажет огромную сумму потребную.

Теперь прибавьте всё потребное для развития основных Учреждений, для покрытия расходов по устройству Международных Выставок, которые справедливо признаются даже далёкими от Искусства Правительствами самым желательным фактором культурного сближения. Может быть кому-то покажется, что уже существующие Общества Наши не заслуживают поддержки? Но вспомним, что в одном Обществе «Движения молодёжи» 500 членов, в «Центре Спинозы» 150 членов; в «Академии Творческих Искусств» 135 членов; и так далее. Все эти организации, чрезвычайно полезные по своему Культурному значению, нуждаются во всевозможной помощи. Всем им нужно дать или даровые, или за ничтожную плату помещения, всех их нужно ободрить какими-либо облегчениями и возможностями.

Кому-то может показаться, не следует ли сократить что-либо в бюджетах, но просмотрев бюджеты наши, каждый увидит, насколько они сведены до минимума, и сколько постоянного бескорыстного пожертвования в виде бескорыстного труда и всевозможных трогательных и благодетельных приношений, постоянно вносятся в общую культурную работу. Не будучи Американцем, и не получая жалованья от Учреждений, я могу незаинтересованно судить, насколько организация далека от постыдного обвинения в меркантильности. Ещё урезать самую деятельность, это значило бы не только закрыть так полезные Общества, но и, буквально выражаясь, увеличить армию безработных. Было бы бесчеловечно выбрасывать на улицу людей, когда вы действительно нечего есть. Только что сотрудники Америки добровольно провели урезывание на 30 процентов, кроме всего предыдущего. И о большем никакой человеческий язык не повернётся говорить. Где же искать сотрудничества? Конечно, наиболее культурная форма сотрудничества будет обращение к массам, где каждый совершенно незаметно для себя, платя только то, что он и без того бы истратил, вольёт в фонд так полезный Культурному просвещению. Говорю это по долголетнему опыту в России.

Мне довелось быть в числе ближайших инициаторов организации фонда Евгеньевской Общины – Госпиталя, состоящего под Покровительством Её Императорского Высочества Принцессы Евг. Максимилиановны Ольденбургской. Для со-

ставления этого фонда было начато Художественное Издательство Евгеньевской Общины, о котором каждый русский человек вспоминает с признательностью. В течение нескольких лет мы достигли ежегодного дохода, достигшего десятков тысяч долларов. Эти крупные суммы, всецело пошедшие на лечение неимущих и на медицинские цели, составлялись, главным образом, от продажи художественных открытых писем. Я счастлив вспомнить, что в числе этих пожертвований была целая многочисленная серия и с моих картин.

Также и теперь, обращаясь к добровольному широкому сотрудничеству масс, мы можем самым лучшим путём решать финансовую проблему. Даже странно подумать, что может существовать у кого-то такое пожелание ознакомиться с действительностью, с фактами и посылать в пространство братоубийственные стрелы взаимных подозрений и оскорблений. А разве пропаганда Знамени Мира, которому и вы так сочувствуете, разве она не потребует крупных средств? Разве Тюльпинк, в своё время, не начнёт изумляться, почему Америка не присылает доллары? Разве организация полезнейших Конференций не будет вести за собою неизбежные расходы? Какая же меркантильность будет в том, если добрые люди принесут жертвования на такое неотложно нужное всемирное дело охранения сокровищ человеческого духа и гения?

Г-жа Дедлей в безответственном письме своём очень критикует мышление Америки, явно считая его чем-то низшим. Во мне всегда живёт, прежде всего, справедливость и чувство благодарности, и во имя этих чувств, я должен сказать, что мне приходилось наблюдать в Америке столько самопожертвования, столько веры в светлые идеалы, столько лучших чувств по отношению к другим нациям, что, в данном случае, я не только не могу согласиться с соображениями г-жи Дедлей, но считаю их прискорбным в истории Культурных Учреждений. Каждый понимает, что всюду могут быть ошибки и Христос сказал: «кто без греха, брось первый камень». Но и фарисеи могли бросить этот первый камень. «По делам Моим видите Меня»; так неоднократно повторяет Священное Писание», и пусть судят на по делам, не по своему недомыслию или по чьей-то клевете.

Вы знаете, как я люблю и всякую откровенность и всякое сердечное обсуждение во имя полезных дел. Нет такого положения, которое не могло бы быть улучшено, и я вспоминаю, как с Вами в Париже дружественно сердечно обсуждали и находили решения даже в очень деликатных вопросах, потому что всякое соображение, исходящее от вас, мы принимаем, как истинно дружественный знак, и Ваша подпись – «очень верная Вам», мы понимаем не как светскую условность, а, действительно, как выражение преданного сердца.

И можем ответить и Вам тою же самою подписью, а Вы могли убедиться, что я не допускаю пустых безответственных выражений, и верю только в великие светлые реальности. Вы понимаете, что именно побуждает меня оставить в делах наших эту декларацию, чтобы никто никогда не мог бы сказать, что мои намерения были обоснованы и неясны. В последний раз возвращаясь к фондам предполагаемым, могу сказать, что они сознательно разбиты на совершенно отдельные потребности для лучшего собственного учёта, чтобы даже каждый малый даятель знал совершенно точно на что именно пойдёт его пожертвование. Если бы у Вас или у ближайших наших сотрудников, которые, конечно, могут знать эту мою декларацию, явились бы какие-либо соображения к улучшению и расширению нашего общего дела, скажите это мне

совершенно откровенно. Зная, что этим лишь доставите мне радость, ибо сердечно радуемся каждому сотрудничеству.

Ещё раз обращаюсь к письму Мадам Дедлей, где она говорит о торжественном чувстве собственника. Такое выражение от члена общества совершенно недопустимо, ибо оно глубоко несправедливо. Вы знаете, как сердечно ценю всякую инициативу и радуюсь каждому сотрудничеству, ведущем у к процветанию дел. Всякий закрывающий двери шовинизм и чувство собственника или узкость взглядов к совершенно не существует в моём обиходе.

По справедливости должен сказать тоже и о ближайших сотрудниках в Америке. Кому же они препятствовали блестяще выразиться? Кому же они помешали сделать полезное развитие дела. Если г-жа Дедлей может предложить прекрасное расширение дела и может показать свою продуктивную неустанную деятельность, я первый отзовусь об этом с искренним энтузиазмом. Но опять-таки будем судить её по итогу дел, а не по безответственным словам, которые могут вести в результате лишь к разложению, а не к укреплению, ведь я ещё не знаю, в состоянии ли вообще г-жа Дедлей считать что-либо, а если в состоянии, то я первый буду этому радоваться. При случае скажите ей, не посвящая её в эту декларацию, ибо её могут знать лишь члены Администрации, к каковой она не принадлежит, мудрую французскую поговорку: “критика легка, а искусство трудно”. Критика желательна, но она должна обходиться без оскорбительных понятий. Также скажите тому легкомысленному человеку, который, не зная сущности дела, мог употреблять такие выражения об меркантильной антрепризе: “Раньше узнайте факты и не бросайте в пространство безответственных и вредных формул”.

Мне очень жаль, что приходится передавать эту декларацию именно через Вас, которая знает существо дела и имеет сердце всегда открытое к справедливости. Но Вы понимаете, что я, как глава Учреждений не могу оставить в пространстве неотвеченными, приведённые пагубные формулы. Мне хочется кончить соображениями о Доме Центра в Париже, о котором прочла Вам в моём Обращении Мисс Лихтман. Пусть никто не подумает, что и это моё предложение имело бы какой-либо аспект Блефа. Я твёрдо верю, если мы приложим наши искренние усилия мысли, то и это будет вовсе не мечта, но ещё одно полезное дело, и никакая г-жа Дедлей не будет в состоянии упрекнуть нас в Блефе и меркантильности. Не подумайте, что упоминая миссис Дедлей, я сержусь на неё. Нет, я глубоко скорблю, что вместо внутреннего улучшения дел, она внесла смущение умов. Но Вы, как опытный предводитель, знаете эти человеческие препятствия, и также мы с Вами знаем, что поверх человеческих решений и суждений, существует то Высшее, Божественное, которое во благих делах каждое препятствие обращает в возможность.

Всегда верный Вам

Николай Рерих

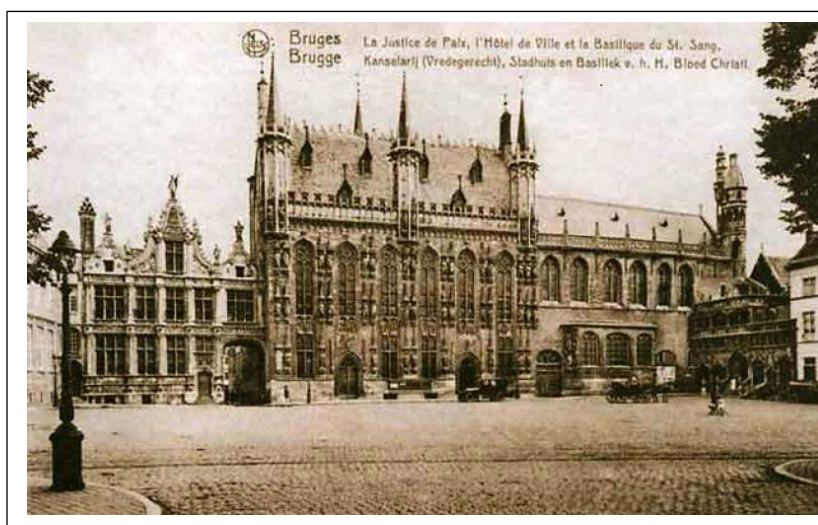
Гималаи.

Архив Музея Рерихов, Москва (Машинопись)

21 января 1932 г. Гималаи.
Письмо Н.К. Рериха к Мадам Де Во.

Сегодняшняя почта принесла нам письмо Шклявера от 12-го Янв., в котором было вложено и Ваше письмо и сообщение. Очень рад, что Вы одобрили мою мысль об установлении памятной доски с именами усопших членов Комитета. Таким образом, дорогие наши бывшие сотрудники как бы навсегда остаются ближайшими соучастниками растущих дел. Так же радуюсь я Вашему выбору о замещении композитора Дельмаса композитором Ж. Феврие. Если я упоминал имя мадам Ван-Лоо, то только в виду Ваших симпатий к ней, но, как я уже писал, я всегда особенно радуюсь всякой инициативе, ведущей к улучшению и расширению дел. Что касается Ваших соображений о Пакте Мира и Знамени Мира, то все мои пожелания были указаны в письмах к г. Тюльпинку и в моей декларации, одобренной и почтённой Вами при открытии Конференции в Брюгге. Раз эта декларация была принята и одобрена, то я не считаю нужным в чём бы то ни было изменить её.

Насколько мне известно, и в Америке все поддерживаются тех же путей, выраженных в этой декларации. Во Французском "Вестнике" я достаточно говорил против бессильного мёртвого пацифизма и думаю, что благородная охрана с кровий человеческого гения не имеет ничего общего с бессильным пацифизмом. Вы правильно сопоставляете наше Знамя со Знаменем Красного Креста, которое оказывается необходимым не только во время войны, но и в так называемое мирное время, когда часто революции, восстания и всякие несчастья грозят самым драгоценным достоянием человечества, не менее чем война, в чём, к прискорбию, мы убеждаемся именно сейчас ежедневно. Я знаю Ваше истинно религиозное настроение и вы знаете, насколько и мы устремлены в том же направлении, потому после освящения Знамени в Соборе Святой Крови мы лишь радовались слыша, что и в Православных и в Епископальных и пр. Христианских Церквах было вознесено моление и сказаны проповеди, указывавшие на наторятельную полезность нашего Пакта.

Собор Святой Крови Христовой. Брюгге.

Что касается упомянутого Вами вопроса Тюльпинка о финансировании Выставки в Брюгге от Америки, я имею сказать, что до сих пор г-н Тюльпинк ещё не представил мне обработанного и обоснованного плана этой выставки. Кроме того, хотя я и спрашивал его о всей идущей деятельности Комитета и о всей ближайшей программе действий, но и на это определённого ответа и программы я ещё не имею. Как Вы знаете, в Америке учреждён Комитет Пакта, ближайшей задачей которого является также образование Фонда на расходы по введению в жизнь нашего Пакта. Жалею, что по независящим от нас причинам начало этого фонда несколько затянулось, но всё же надеюсь, что в недалёком будущем мы будем иметь специальные средства, которые вполне могут идти также и на план Выставки, предложенной г-ном Тюльпинком. Чем полнее и основательнее предложит свой план г-н Тюльпинк, тем легче будет и Комитету действовать в этом же направлении. Во всяком деле каждая координация действий так необходима и мы все знаем ценность сотрудничества. Конечно, никто не может думать, что полезное дело может совершаться без трудностей, вызванных подозрениями, клеветой и всеми ужасами невежества и узкого сознания, того сознания, которое в своё время сжигало спасительницу Жанну д'Арк. Я помню как ещё в Париже, мы с Вами вспоминали о первых временах Красного Креста, когда и это, казалось бы очевидно необходимое человечеству благодеяние, и осмеивалось и окружалось подозрениями и клеветой. Будем на страже в сердечном сотрудничестве, и будьте совершенно уверены в том, что наши сотрудники в Америке всегда готовы с открытым сердцем воспринять и примкнуть ко всему полезному, потому-то мы так приветствуем откровенность и сердечную искренность. Вспоминаю из далёкого прошлого, как когда я после путешествий моих по России и по Европе докладывал о подобном плане покойному Государю Императору, а затем, во время великой войны, председательствуя на Выставке Искусства Союзных Народов, мною было предложено особое к тому же направлению Издание, и я с искренней признательностью вспоминаю те благие знаки, окружавшие эту идею и лишь затемнившиеся тяжкими событиями государственного переворота. А теперь, пусть перед нами стоит история возникновения Красного Креста, который, несмотря на все свои первоначальные трудности, всё же поднялся над человечеством.

Духом с Вами

Архив Музея Рерихов, Москва.

24 января 1932 г. Гималаи.

ОГНЬ ПРЕТВОРЯЮЩИЙ

*«И тогда — в гремящей сфере
Небывалого огня —
Светлый меч нам вскроет двери
Ослепительного дня».*

Много раз Блок повторял видение о лучах, о свете, об огне, преображающем Мир. И когда спрашивают Блока, отчего он перестал бывать на религиозно-философских Собраниях, он отвечает кратко: «Потому что там говорят о

Несказуемом». Помню, как он приходил ко мне за фронтисписом для его «Итальянских песен» и мы говорили о той Италии, которая уже не существует, но сущность которой создала столько незабываемых пламенных вех. И эти огни небывалые, и гремящие сферы, и светлый меч, процветший огнём, — все эти вехи Блок знал как нечто совершенно реальное. Он не стал бы говорить о них аптечными терминами, но понимал их внешнюю несказуемость и внутреннюю непреложность.

Когда вспоминаешь о великих огнях Реальности, тогда среди недавно ушедших обликов непременно вспомнятся и Блок, и Скрябин, и Леонид Андреев: каждый по-своему, каждый своим языком рассказывал и предупреждал о великих реальностях, опять мощно наполняющих нашу жизнь. Из далёкого прошлого люди заговорили опять об Амосе, о рыкающем Льве пустыни.

«И пожрёт огонь чертоги,
Ибо злое это время».

«Не поколеблется ли от этого земля и не восплачет ли каждый живущий на ней?» — проникновенно указывает Амос, пастырь Фекойский. Опять вспомнили и начали претворять в своих вдохновениях Притчи Соломона, древнейшие Заветы Книги Бытия, вещие страницы Ригведы, Пылающую Чашу Зороастра и всё то множество непреложного уже исторического материала, которое говорит нам о том же огне, о том же ослепительном Дне Завтрашнем. Переступилась какая-то бездна. Ближе подошло сознание и к строкам Апокалипсиса, из которых выступили совершенные, ясные указания исторического и географического смысла. Люди особенно прилежно вспомнили одно время полузабытого Нострадамуса и вдруг, точно сняв восковые печати, закрывавшие смысл, убедились в длинном ряде совершенно явных исторических фактов, уже совершившихся и совершающихся на глазах наших, о чём за триста лет предвидел этот ясновидец. Вошли на научные страницы видения Сведенборга. Австрийский профессор издал Парацельса.

В какие-то, точно вновь открытые, Врата подходят люди к хранилищам старых вечных заветов. Вместо отгалкивающей нетерпимости, не приводящей ни к чему, кроме зла и разложения, появились проблески творящего синтеза. Появилось ощущение той великой истины, которая существует предвечно и выражалась во многообразии вековых трансмутаций. После удручающего понятия осуждённости выступило понятие Сердца и Огня и той Беспредельности, в которой широко вмещаются строения всех прозревших душ.

Толстой говорил: «Случалось ли вам в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно: иначе снесёт».

Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше — жизнь всё равно снесёт». «Пусть очень высоко руль держит, тогда доплывёт», — пожелал Толстой моему «Гонцу».

«Не смотри в бегущую воду», — говорят монгольские ламы. По опыту перехода верховьев быстрой Голубой реки во время ледохода знаем, насколько нельзя смотреть в эти стремительно несущиеся струи, пронизанные хрустящими льдинками. Нужно избрать дальнюю точку горизонта, чтобы не потерять равновесия. Эти два принципа, «как можно выше» и «как можно дальше», всегда вставали перед человечеством, а сейчас встают, может быть, особенно остро.

Ох эти несущиеся льдинки, острые-преострые, холодно-ломкие, коней пугающие, точно какие-то заледенелые сердца человеческие, которые, и сами разбиваясь в стоне, стараются подсесть твёрдую поступь всего идущего «дальше» и «выше». Не против ли этих льдинок-сердец сейчас так стремительно обратилось сознание человеческое к огню. Что же противопоставить льдине и холоду и миражному потоку, как не огонь, освещающий, согревающий огонь, на котором куётся меч светлый! Поиски тепла согревающего, творящие тепловые светочи, которые так выражены в обращении к Великой Матери Мира, оставят светлые зёрна и для нашего времени. А за поисками тепла, за обращением к великому женскому сердцу мы опять обратимся и к поискам центра. В сердце восчувствуем, что нельзя более жить окраинами, нельзя более расчлениваться, но создавать можно, лишь осознав центр, тот самый центр, тот самый Град Светлый, о котором столько сказано во всевозможных прообразах.

Кажется, уже вылиты чаши Апокалиптических Ангелов. Если и горчайшее этих чаш не пробудит сердце человеческое, то ведь и пламень великий куда обратится? Не к опадению ли? Сможет ли непробудившееся сердце трансмутировать этот жгучий пламень очищающий? И если человечество не захочет осознать, во имя чего можно собраться ему, то оно пронесётся подобно разбивающимся холодным льдинкам Великой Голубой реки Жизни. Если этот пример разбивающихся льдинок дан нам Голубою рекою, то как же мутно-ужасны струи реки Жёлтой, постоянно носящей множество трупов. И Голубые и Жёлтые реки напоминают нам о примерах потери центра, потери единения, потери того простейшего и здорового чувства духовного просветления и накопления.

Примеры истории, с одной стороны, вдохновенные слова поэта, с другой, ведь это не метафизика, это не отвлечённость, а это то самое, во имя чего и грозно и моляще раздавались голоса пророков, предупреждая в самых сверкающих и зовущих образах человечество, забывшее о том, что и «выше» и «дальше».

И вот человечество вошло в кризис. Человечеству некому продать товары. Человечество не знает, в чём работа его, и не имеет работы этой. Вопрос о безработных является ужасной печатью века сего. Безработица, прежде всего, есть утеря смысла существования, есть следствие ужаса прикрепления существа своего к бегущим, осуждённым на таяние льдинкам.

Человек научился завинчивать один винтик, который отвлёк его от осознания смысла его бытия. В бедности человек дошёл до самых огрубелых форм жизни, иногда более грубых, более бесформенных, нежели орудия каменного века. И в оскудении духа своего человек даже не пытается противостоять потоку, обречённых льдинок, которые понесут его в безбрежный океан хаоса.

В ужасе человек ополчается на Прекрасное. Он старается оговорить, низвести ниже всё то, что создавалось когда-то истинным подъёмом духа.

Человек старается разрушить Храмы. Ведь и льдинки пытаются срезать ноги коней переплывающих. Человек пытается перестать читать и с изумлением смотрит, если какие-то, с его точки зрения несовременные, кружки молодёжи всё же обращаются к великим Заветам. Долго нужно перечислять все те льдинки, которые создают ужас современного существования; те льдинки, которые в ожесточении пытаются уничтожить всё на холодном пути своём.

Но не было времен безысходных, ибо безысходность противоречила бы Беспредельности. Как великий Светоч, восстаёт мощный Огонь, который может трансмутировать каждую льдинку в очищенную энергию. Потому-то велико сейчас время. Грозно оно, но, противопоставив лёд огню нетленному, можно знать и исход. Конечно, каждый свободен избрать или лёд, или огонь творящий. Также каждый свободен остаться в той постыдной середине, которая причиняет, может быть, наибольшие страдания. «Ни холоден, ни горяч, но тёпл», — говорят об извергнутых.

Сферы, нашедшие центр, начинают петь, ибо хаос петь не может. Музыка сфер там, где уже найден ритм, где уже найдено число, и в этом законном исчислении рождается великий ритм, сердца открывающий. Легко испепелится огнём сердце, ритма не знающее, но сотрудник творящий Бытия — ритм воссоздаёт то пламенное сердце, которое становится нетленным и вечно восходящим, как и сам великий Огонь Пространства.

Сегодня 24-е число, число очень замечательное, хочется, вопреки всем смущающим газетным известиям, думать об Огне, о творчестве, о пламенном сердце и о пламенной мысли.

«Кто не боится остаться непонятым, тот с нами. Кто не боится соединить русла больших течений, тот наш друг. Кто не боится увидеть свет, тот от орлиного глаза. Кто не боится войти в огонь, тот огненного рождения. Кто не боится невидимого, тот может пронзить тьму. Кто не боится обойти мир, тот к дальним мирам обращён. Кто не боится знать заветы мудрости, тот будет с нами. Мы отказались и приобрели. Мы отдали и получили. Познающий идёт подобно пустынному льву. Кто отзовется на рыканье льва? Лишь лев, освобождённый от страха».

«Где же узы? Где цепи? Познание дальних миров сложит венец достижения» (I, 481. «*Знаки Агни-Йоги*»).

«Три огня. Затем чаша подвига (I, 465). Зовёт к мужеству и познанию Агни-Йога.

24 января 1932 г. Гималаи.

Н.К. Рерих. «Твердыня Пламенная». Париж: Всемирная Лига Культуры. 1932.

29 января 1932 г. Париж.

Письмо Иеромонаха Иоанна к Рериху Н.К.

СВЯЩЕННИК БРАТСТВА
ПРЕП. СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

О Господе Иисусе Христе,
Глубокочтимый Николай Константинович,
Благодарю Вас за Ваш письменный привет, который я получил от Г.Г. Шклявера с книгой Вашей последней и карточками картин Ваших.

Вы спрашиваете о моём впечатлении от книги. Охотно поделюсь с Вами, вполне искренно, конечно. Книга говорит о самом важном, о *Сердце*, о духе, но говорит – *не для христианского мира и не от христианского мира*. Под “христианским миром” разумею всех людей, к какой бы Церкви, народу или обществу они ни принадлежали, которые веруют в Реальное Боговоплощение – Единое и навсегда. Нам, христианам, ап. Иоанн велел по этому признаку отличать правый дух от неправого, даже более: Христов дух от антихристового. Современные попытки эклектических религий нам очень чужды. Отражение Ис-

тины есть во многих учениях мира, но истина воплотилась на земле лишь в Евангельском Откровении. Современные учения, так назыв. “окультурные” (можно не любить это слово, но оно символизирует известный дух миропрятия), очень разнятся от нашей аскетики. Ни на одно мгновение не согласен с Вами, Николай Константинович, что опыт отцов Добротолюбия подобен опыту тибетских лам. Опыт тибетских лам – опыт сил автономного человеческого духа: опыт Христовых подвижников – блаженство обнищания во Спасителе.

В Церкви дарования *иного духа*, чем в Тибете. Общения с духами, но – иными. Пути *очень* разные. Наша точка зрения в этом вопросе есть точка зрения бывшего редактора “Спиритуалиста” В. Быкова, высказанная им в книгах его: “Исповедь спирита” и “Тихие приюты”. Мы желали бы весь мир видеть единокровным с нами, но то, что чувствуем братственную пустоту мирскими мерками ценности.

Ваша книга не выводит человека из этого мира относительности духовных понятий и ценностей, а культ Вашего имени, *допускаемый Вами*, более чем тревожен для нас.

Видите, Николай Константинович, написал Вам всё. Решите сами, можете ли Вы быть членом нашего Братства. Преподобного Сергия мы чтим как воина Христова (“яко истинный воин Христа Бога” - тропарь), и только как такового. Как слугу Пресвятой Троицы. Построение часовен имени Преподобного не столь ценно для нас, как открытое исповедание, сейчас, среди мира, Имени Единого и Сладчайшего Владыки нашего Господа Иисуса Христа, Воплощённого Единого Творца твари, Альфы и Омеги бытия.

Лишь в этом небоязненном исповедании мы обретём единый дух с преп. Сергием.

Примите мой сердечный привет и ответное знание, что наша встреча не случайна.

Иеромонах Иоанн

Сергиево Подворье. 1932.
16/29/1 Париж

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

Св. Сергиево Подворье. Париж.
(Открытка 1930-х гг.)

30 января 1932 г. Гималаи
Письмо Н.К. Рериха к Митрополиту Платону

Митрополиту Платону
30 января 1932

Высокопреосвященнейший Владыко,

Глубоко тронуло меня письмо Ваше, в котором Вы не только посылаете нам благословение своё, но и сообщаете о том, что «Моление о Мире и Культуре»*) будет прочтено в Кафедральном соборе Нью-Йорка. В настоящие дни небывалого смятения поистине все мы должны объединиться в молитве о сохранении ценностей духовных. Ведь не только верить, но и свидетельствовать веру свою делами должен каждый, кто устремляется к Высшему. Хочется всеми силами, во всех возможностях утверждать Благое начало, иначе самое ценное, самое Высокое Святое стало какой-то отвлеченностью. Но обязанность общая — не допускать этого и всячески выявлять Великую Божественную Реальность. Время и трудное, и великое.

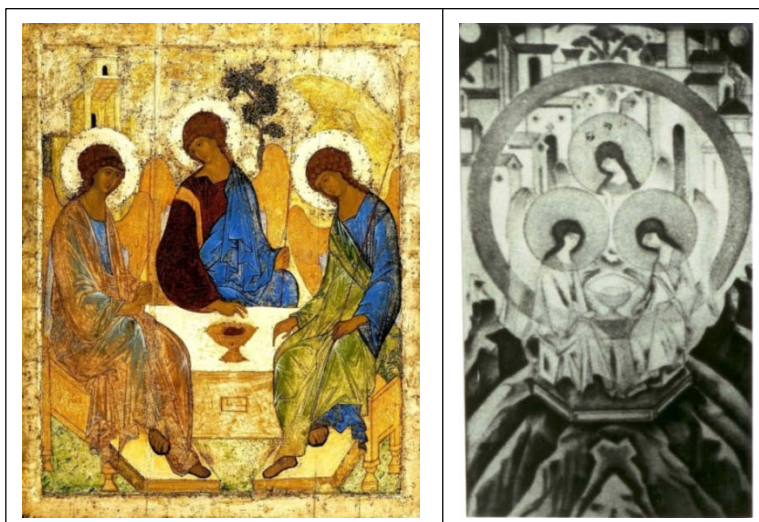
Недавно нам прислали книгу, изданную в Белграде, о чудесах, совершившихся на Руси за последнее время. Прекрасная книга, излагающая многие знамения, данные для возвращения заблудших на Путь. Какие-то невежды, вероятно, скажут, что всё это подстроено, но мы чувствуем, насколько изложенное правдиво, ибо видели многое. Видели и многие чудеса Преподобного Сергия, данные как знамения светлого будущего. Но как бы ни было суждено это Будущее, должны мы все готовиться к нему и не [постыдиться] возревнования и свидетельствования и в делах, и письменно об том, о чём мы можем говорить по совести. Конечно, не скроем, что главная сатанинская злоба направлена против всего, что говорит и мыслит о духовном. Но ведь исконная земная битва неизбежна, и те, кому выпала она, могут лишь благодарить Господа об уделе таком. Вот и Вам, Владыко, трудно. Знаем, сколько несправедливостей и злобы вызывают благие дела Ваши. Как же крепко, воедине, должны держаться все мы, которые понимают внутренний смысл ныне происходящего. Поистине, гонимы, но существуем. И никто не умалит Веры нашей в Светлое Будущее.

Радостно мне, что Вы оценили намерение наше о сохранении всех сокровищ духа человеческого, среди которых столько уделено изображениям Божественным. Когда на глазах наших разрушаются храмы, воздвигнутые во имя Искупителя, Господа нашего, разве не должны мы особенно усердно воздвигать знамя с изображением символа Св. Троицы. Ведь мой знак на Знамени нашего Пакта покоится на изображении Св. Живоначальной Троицы в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Если с Владыко, Вам пришлось быть и говорить о нашем Знамени в Вашингтоне, прошу Вас, скажите им со всею силою духовною, насколько поистине нужно наше Знамя, подобное знамени Красного Креста. Ведь и Красный Крест долго не понимали и даже пытались глумиться над ним, но всё же он вознёсся во Благо. Если скажете в Вашингтоне о Знамени нашем, то прибавите ко всем Вашим добрым делам ещё одно дело благое.

Поручая себя молитвам Вашим, преданный Вам

Николай Рерих

BAR. Coll.: M.A. Taube. Box 1. Машинопись, л. 1-1об. Публикуется по: Вестник Ариаварты, №1-2 2003 г.

Андрей Рублёв. Троица. Около 1411.

Н.К. Рерих. Знак Троицы. 1932.

ФЕВРАЛЬ

6 февраля 1932 г.

Н.К. Рерих

ЗНАМЯ

Не успели мы оплакать гибель картин Гойи и драгоценной церковной утвари, истребленных в Испании, так же как и храмов в России во время революций, как перед нами вновь лежит газета с известием о гибели ценнейшей Восточной Библиотеки в Шанхае во время последних военных действий. Можем ли мы молчать об этих разрушениях? Можем ли мы сознавать, что молодое поколение будет знать, как мы попустительствовали разлагающим элементам уничтожать то, чем может укрепляться Культура человечества?

Разве не долг наш неустанно твердить о необходимости охранения драгоценнейших памятников от всех посягательств на них? Люди так мало отдают себе отчет о том, какие объединенные дружные меры должны быть приняты во избежание новых печальнейших обвинений нашего времени.

Будем же смотреть лишь в существо дела, не будем останавливаться перед преходящими формулами. Ибо именно они часто мешают людям увидеть существо дела в полноте.

В дальнейшем движении нашего Знамени, которое должно служить охранению истинных сокровищ человеческих, много новых предложений. Кто-то не хочет никаких манифестаций. Пусть будет так. Кто-то не хочет паломничества Знамени, не хочет церковных освящений Знамени, не хочет выставок, связанных со Знаменем. Заслушаем и это. Кому-то хочется, чтобы все, связанное со Знаменем и Пактом об охранении человеческого гения, проводилось в пониженном тоне, – и это заслушаем. Кому-то кажется, что вместо слова Культура нужно в данном случае сказать цивилизация, ибо, очевидно, он полагает, что даже уже цивилизация находится в опасности. Конечно, такое суждение немного сурово, но обстоятельства времени, может быть, действительно намекают уже и на опасность для цивилизации. Заслушаем все.

Кто-то предлагает сделать для Знамени такое длинное название, чтобы в него описательно вошли все определительные. Заслушаем и это, хотя такое предложение мне напоминает эпизод некоего Комитета, обсуждавшего учре-

ждение одного нагрудного знака. Каждый из присутствующих настаивал на своем символе, и председатель из любезности собрал все эти символы воедино, так что получился совершенно нескладный комплекс. Тогда один инженер, до тех пор молчавший, предложил покрыть весь этот сложный знак сетью мировых железных дорог, имея в виду намек на пути сообщения человечества. И только тогда, под этой бесконечной, минимально уменьшенной сетью, всем присутствующим стала ясной неприменимость бесконечного числа механически сложенных символов. И другие многие предложения слышатся. Кто-то предлагает установить по доступной цене повсеместно продажу этого нашего Знамени для вящего его распространения; другие же предупреждают о необходимости держать Знамя и все соображения о разрушении всех сокровищ под спудом. Одни желают видеть знак охраняющий на груди каждого мыслящего человека. Другие же хотели бы так скрыть его, чтобы никто и не доискался до его существования.

Одни считают повсеместный интерес и запросы о Знамени Мира благим знаком, другим же это представляется смертельно опасным. Одним кажется, что по примеру прошлой войны знак должен быть главным образом применен в Европе, другие же утверждают, что сокровища Египта, Персии, Китая, Японии, Южно-Американские наследия майев нуждаются в таком же охранении, выявляя собою тысячелетия нарастания человеческой мысли и прогресса. Одним представляется Лига Наций учреждением, решающим за весь Мир, другие же указывают лишь на частичное ее распространение. Одним представляется необходимым на Международных выставках иметь это Знамя, составленное из флагов всех наций, другим же кажется, что даже в частных помещениях вредно держать это Знамя. Одним оно представляется пугающим их Знаком бессильного «пацифизма», другим же оно представляется активной защитой достоинства человечества. Одни считают неотложно необходимым открыто заявлять о необходимости охранения сокровищ Мира. Другие же предпочитают бы обо всем говорить в «пониженном» тоне. Заслушаем все это.

Что же значат эти хотя и противоречивые, но настоятельные заявления, даже требования? Ведь они значат лишь великий интерес к существу этого дела, на которое хотя бы и своеобразно, но не может не звучать сердце человеческое. К своеобразию выражений сердец человеческих, конечно, нужно привыкнуть. Нужно знать, что никакое общее дело не строилось без поднятия всевозможных символов. Каждый крестный ход бывает наполнен всевозможными знаками, которые лишь во внутренней сущности своей служат одному и тому же идеалу.

Если кто-то сердится по поводу Пакта и Знамени, то и это уже хорошо. Пусть сердится, но пусть хотя бы в гневе думает о сохранении сокровищ, которыми жив род человеческий. Часто сказано, что враг явный все-таки ближе к истине, нежели срединный несмысляй, который, не будучи ни горяч, ни холоден, извергается по всем космическим законам. Как видим, сущность вопроса охранения сокровищ человечества настолько неотложно настоятельна, что каждая газета, каждое ежедневное оповещение приносит прямое или косвенное упоминание все о том же. Тому, кто предлагает говорить об этом в пониженном тоне, мы скажем: «Когда в доме больной, когда сердце потрясено чьей-то болью, не будет ли бесчеловечно требовать тон холодного безразличия?»

Когда что-либо дорого, мы не можем говорить об этом в ледяных словах. Каждый, кто хоть кого-нибудь, хоть что-нибудь любил на этом свете, знает, что невозможно говорить о любимом в словах ничтожных. Само существо духа человеческого в этих случаях высоких проявлений находит и самый громкий словарь, полный энтузиазма. Никакие могилы, никакие «огнетушители» энтузиазма не могут задуть пламень сердца, если оно чует истину. Откуда же рождались и подвиги, и мученичества, как не из сознания Истины? Откуда же рождалось то несломимое мужество, та неисчерпаемая находчивость, отличающие те дела, о которых помнит человечество даже из школьных учебников своих.

Любители слов ледящих пусть простят энтузиазм тем, которые существуют его живительным укрепляющим пламенем. Но мы готовы заслуживать все соображения, ибо нельзя сделать несуществующим то, что уже существует. Даже предлагающим говорить в словах ледящих о дорогом для нас понятии мы скажем: «Ладно, послушаем и вас. Начнем шептать, но будем шептать тем громовым шепотом, который дойдет до каждого сердца человеческого». Ведь даже молчание может быть громче грома, о чем так прекрасно сказано в древних Заветах. Но как же мы запретим сердцу человеческому биться о том, что для него насущно и дорого!

Как же можем мы прекратить все песни, и земные и небесные! Истребить благолепие песнопений - это значило бы ожесточить и затем и умертвить сердце. Но где же тот феноменальный индивидуум, который может кичиться тем, что он всегда и во всем обойдется без сердца? Если мы в сердце своём назовем Знамя наше Знаменем Прекрасным, то это короткое название, конечно, зазвучит в сердце, но в жизни оно будет неприменимо, ибо люди так стыдятся всего прекрасного. Они готовы иногда твердить это слово, но когда дело доходит до свидетельствования о нем, то, оробевшие, они убегают в дебри опошленных условностей. Так же люди поступают, когда им приходится сталкиваться и с великими реальностями: то, что они, может быть, еще дерзают осмыслить в ночной тишине, то в свете дня им кажется уже недостижимым до стыдности.

Когда мы перелистываем все, уже изданное и написанное о Пакте и о Знамени, все, дошедшее и от людей высокопоставленных, и от трогательных голосов далеко разбросанных труженников, нам хочется быть с этими энтузиастами, которые не побоялись подписать полностью имя свое во имя охранения самого драгоценного человеческого сокровища. Вот перед нами тысячи писем, полученных из Америк, и из ближних и из дальних Штатов и республик, вот отзыв ряда лучших людей Франции, вот трогательные голоса Бельгии, Чехословакии, Югославии, Латвии, Швеции, Голландии, Германии. Вот письма из Англии. Вот голоса Индии, Китая, Персии, Японии. Так хочется назвать целое множество имен, которые сделались драгоценными в чувствах, ими выраженных, но это взяло бы целые страницы.

Если опять же по старинным заветам целый город мог быть пощажён ради даже одного праведника, то когда мы, согласно полученным письмам, начинаем отмечать на карте всемирной все места их отправления, уже получается тот драгоценный по своей очевидной неоспоримости факт, что множество людей, воистину, согласилось защищать и охранять сокровища мира. А какие множества не опрошены еще! Сколько подходят новых друзей издали, которые лишь случайно узнавали о Знамени-Охранителе.

Потому не помешаем ничем подходить к единому Свету всем разбросанным и рас-сеянными. Ведь все они, каждый по-своему, мыслят во имя созидательного Блага, во имя того Блага, которое зажигает священный энтузиазм, ведущий к непоколебимому подвигу. Вседостигающим шёпотом скажем приходящим о любви и доброжелательстве, ведь они пришли несвоекорыстно, но во имя ценностей духовных, во имя всего того прекрасного, что разлито во всем творческом труде, во всем знании.

Кто хочет кричать, пусть кричит. Кто хочет шептать, пусть шепчет, но невозможно умертвить и заставить замолчать сердце человеческое, если оно открывается для красоты и добра. Со всею бережностью отнесёмся к самым разнообразным выражениям сердец человеческих и, если своеобразный словарь добра окажется более объемистым, нежели мы думали, будем лишь радоваться этому и будем всеми силами продолжать охранять и звать к охране истинных сокровищ Мира.

6 февраля 1932 г., Гималаи.

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. [1932].

Н.К. Рерих

ТЕРПИМОСТЬ

Надпись царя Ашоки гласит: «Не унижение других верований, не беспричинное обесценивание других, но надлежит воздание почитания всем верованиям за всё, что в них достойно почитания». Великий Акбар с мудрой Джодбай, создавая храм Единой Религии, мыслили о том же великом вмещении, преисполняясь терпимости.

Когда Бхагаван Рамакришна принимал участие во всех религиях и выполнял работы всех каст, он делал это для того же великого чувства уважения ко всему существу, во имя великой терпимости, которая открывает Врата к светлым построениям Будущего. И Преподобный Сергей, предлагая великому князю прежде военных действий истощить весь запас мирных предложений и дружественной находчивости, делал это во имя того же великого Завета. Разве не оставляет во всех нас одно и то же тягостное чувство всякое проявление тупой нетерпимости? Разве не довольно всех бесчисленных примеров истории, когда величайшие наследия разрушались невежественной нетерпимостью? Ведь это тёмное порождение можно связывать мысленно лишь с невежественностью, дочерью тьмы.

«Агни-Йога» в отделе «Сердце» говорит: «Нетерпимость есть признак низости духа. В нетерпимости заключаются задатки самых дурных действий. Нет места явлению роста духа, где гнездится нетерпимость. Сердце неограниченно, значит, какое же скудное сердце должно быть, чтобы лишить себя беспредельности! Нужно искоренять каждый признак, который может вести к идолу нетерпимости. Человечество изобрело разные преграды к восхождению. Тёмные силы всячески пытаются ограничить эволюцию. Конечно, первым натиском будет действие против Иерархии.

Слышали все о силе Благословения, но по невежеству превратили это благодатное действие в суеверие. Между тем, сила магнита и есть усиление Благословением. Много говорят о сотрудничестве, но при каждом созидании

нужно утвердить сознание. И что же непосредственнее укрепляет мощь, нежели луч Иерархии!».

Действительно, поучительно видеть, против чего прежде всего устремляется тупая нетерпимость. Прежде всего, ненавидит она сотрудничество и Иерархию. В её низком понятии мощное слияние сотрудничества с Иерархией делается совершенно несовместимым, между тем на чём же ином можем мы строить преуспеяние? Особенно странно видеть, как преисполненные нетерпимости, сами того не замечая, они устанавливают свою Иерархию. Если даже она будет Иерархией разрушения, то всё же она останется как таковая. Иерархия тёмных есть тирания, тогда как Иерархия Света прежде всего основана на сознательном сотрудничестве. Тирания - насилие, страх, ужас, рабство. В истинной Иерархии созидательство, в котором каждая положительная способность находит своё применение и растёт в постоянном совершенствовании.

Не подумает ли кто, что и мы допускаем нетерпимость, что как было отмечено, является основой разложения, становится вратами к хаосу. Кроме того, терпимость вовсе не означает терпимость зла и преступности, но, конечно, будет распространяться по всем бесчисленным отраслям созидания.

И не будем относить понятия терпимости или нетерпимости в какие-то высшие, абстрактные сферы. Не будем сопричислять их и к чему-то громадному, великому, за пределами обыденности. Зачем так далеко, когда оба свойства выражаются именно в обиходе каждодневности. В малых обыкновенных действиях следует искать выражения нашей сущности.

«На это сказал Иисус: «Некоторый человек шёл из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставивши его едва живым.

По случаю один священник шёл тою дорогою и, увидев его, прошёл мимо.

Также и левит, быв на том месте, подошёл, посмотрел и прошёл мимо.

Самаритянин же некто, проезжая, нашёл на него и, увидев его, сжалился и, подошед, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привёз его в гостиницу и позаботился о нём; а на другой день, отъезжая, вынул два динара, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нём; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе.

Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?

Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же». (Евангелие от Св. Луки, 10, 30-37).

Не с престола возливал милосердный самаритянин свой целебный бальзам в раны неизвестного путника. Нет, библейский пример дан в окружении обыденности. Пустынная дорога, погибающий одинокий раненый. Немало людей обошло раненого и поспешили скрыться. Ведь кто знает, кто он таков? Может быть, не нашего вероисповедания? Может быть, помощь ему вовлечёт в неприятную историю? Один из служителей церкви признался, что не мог помочь больной, ибо не знал, к какой вере принадлежит она. Но самаритянин своим примером укорил всех ханжей нетерпимости. Да и Святой Мартин, когда отдал плащ свой нагому нищему, вряд ли предварительно учинил допрос о вере и общественном положении.

Примеры всех Заветов говорят о высшей, прекраснейшей терпимости.

Нетерпимый человек, прежде всего, и не милосерден, значит, и не великодушен и не знает доверия. Всякий зачаток нетерпимости должен быть искореняем с детства, с первых дней пробуждения сознания. Опытный воспита-

тель должен подмечать, в чём проявится первое отрицание, и немедленно заменить его действенным вмещением. Какое множество предрассудков и суеверий будет изъято из жизни! Сколько новых приветливых взглядов и сердечных сочувствий будет создано! Сколько домашних драм будет разрешено благодостными заветами всевмещения!

В каждой школе, по любой специальности, с первого же дня терпеливо и заботливо будет вводиться просвещенное всевнимание и вмещение. Безысходность, исчадьё нетерпимости, заменится беспредельностью познавания и созидания. Тёмное «нельзя» заменится светлым «можно», облагороженным истинным просвещением.

Стары напоминания о нетерпимости, как первые страницы Заветов, но невнимание к ним делает их новыми, точно бы сложенными на день завтрашний. Как немного усилий требуется, чтобы это завтра оказалось сияющим многими достижениями, возможными при сердечном сотрудничестве.

Даже и в наше нетерпимое время возможны такие объединительные учреждения, как всемирный Почтовый союз или Красный Крест. Никто из самых нетерпимых ханжей не протестует против этих учреждений. Значит, какой же незначительный сдвиг сознания требуется, чтобы достичь и всего прочего доверия и сотрудничества. И разве это так трудно?

Псалмы и песни народные издревле воспевают самые объединительные чувства человеческие, самые лучшие подвиги. Молодые очи, разве не сияют они от слова о подвиге прекраснейшем? И никакою машиною, никаким стандартом не задавить священный трепет сердца перед прекрасною беспредельностью. Пусть в школах ещё больше говорят о подвиге, о великодушии, о творчестве мысленном и действенном. Маленький сдвиг покажет из-за тени сияние света. И превратится сдвиг в подвиг.

Вспомним поучительный пример китайской легенды о художниках. «Знаменитый художник был приглашён ко двору императора, чтобы написать возможно лучшую картину свою. Велики были затраты на оплату и на издержки приезда художника, но Покровитель Искусства император хотел иметь его лучшее произведение и предоставить все лучшие условия. Художник назначил срок в течение одного года. В отведённом ему помещении художник проводил день за днём в сосредоточенном обдумывании, так что, наконец, придворные обеспокоились, когда же, наконец, начнётся сама картина. Все материалы были давно приготовлены, но художник, видимо, и не думал приступать к заполнению холста. Наконец, спросили художника, ввиду приближения окончания срока, им назначенного, но он сказал: «Не мешайте». И за два дня до окончания года он встал и, быстро принявшись за кисти, закончил лучшее своё произведение, сказав после: «Сделать не долго, но нужно раньше увидеть то, что сделаешь».

Казалось бы, уже достаточно много времени прошло, чтобы человечество могло увидеть всю непрактичность, низость и ничтожество нетерпимости. Будем надеяться, что многие века уже научили увидеть и осознать этот вред, взаимно непрестанно наносимый. Будем думать, что по Завету мудрого китайского художника — «увидеть долго, но сделать быстро». И так сдвиг опять может превратиться в подвиг.

А чтобы не огорчаться на пути к подвигу, можно вспомнить известное многоопытное изречение Благословенного. Когда Ананда спросил, зачем тратить дыхание перед собранием, которое не желает понять поучение, Благо-

словенный сказал: «Зима приходит. Если кто и не думает о ней, она, тем не менее, придёт. Ничто не мешает мне посвящать себя проповеди истины, даже если кто-то не нуждается в том, что я говорю».

1932 г. Гималаи.

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. [1932].

10 февраля 1932 г. Урусвати.

Письмо Н.К. Рериха к Отцу Иоанну.

Его Высокопреподобию Отцу Иоанну
Св. Сергиево Подворье. Париж.

Глубокоуважаемый Отец Иоанн.

Только что нами получена Ваша прекрасная книга «Слава Воскресения». Поистине радовались мы все, наперерыв читая Ваши задушевные и повелительно зовущие слова о великой Реальности. Вы подошли к этой реальности так близко и так просто, что и отвечает великому значению единого пути человечества. Прекрасно, что без осуждений Вы поминаете все те страшные для человечества понятия, от которых необходимо отрешиться всем, кто хочет отойти от разрушения и разложения светлого будущего. Сами заглавия отделов книги Вашей горят как вехи, твёрдо запечатлённые. Да, об этих понятиях нужно не только мыслить, когда то во ноши Никодимам подобно, но действительно, пришло время свидетельствовать о них в широком вмещении в просвещённой терпимости и распознавании всех сияний Блага. От одного Света все огни и каждое сердце, в котором не угас огонь, творящий и благой, все эти сердца должны быть вместе.

Когда Армагеддон, в Откровении указанный, уже гремит по мирам зримым и незримым, когда сияющее Воинство св. Михаила Архистратига в соборе для отражения полчищ сатанинских, когда Преподобный Сергей, Заступник и Просветитель уже поднял Руку Водящую, хотя бы к этому великому и грозному все, сознающие Благо и созидание, должны проявить себя свидетельствованиями и собраться к единому Воинству Света. Невозможно молчать, когда, с одной стороны, гремят разрушения всех духовных ценностей, но с другой, облетают мир светлые знамения, многообразные чудеса обновлений, видений, светлых пророчеств, и всех тех знаменательных знаков, которыми, по счастью, не оставлено человечество. Мы только что читали книгу о светлых знамениях, явленных на Украине. Составительница книги, как жительница Украины, не могла знать о чудесах, проявленных нашим Преподобным Сергием. Хорошо бы собрать в единые записи и эти замечательные знаки, как путеводные камни сужденного пути человечества.

Вы посылаете нам *Славу Воскресения в широком и многовмещающем* понимании Вашем. Об этом великом Воскресении Искупителя и всего Мира мне и хочется письменно засвидетельствовать Вам, ибо, как чувствую, Мир, именно, нуждается в свидетельствованиях, которые рождают и мужество, и сознательность, и подвиг.

Когда-то у меня была поэма о Подвиге*), где просил я мальчика в его светлой Вести заменить понятие сдвига подвигом. В русском языке нам дано это понятие подвига, которое почему-то не имеет в других языках равнозначного по существу. Если такое понятие присутствует в нашем языке, значит, оно и должно быть в душе народной.

Ещё раз сердечное спасибо за Вашу прекрасную книгу. Каждая весточка от Вас будет нам сугубо радостна.

Поручаю себя молитвам Вашим, душевно Вам преданный.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

***) ПОДВИГ**

Волнением весь расцвеченный,
Мальчик принёс весть благую.
О том, что пойдут все в гору.
О сдвиге народа велели сказать.
Добрая весть, но, мой милый
Маленький вестник, скорей
Слово одно замени.
Когда ты дальше пойдёшь,
Ты назовёшь твою светлую
Новость сдвигом,
Но скажешь ты:

подвиг!

1916.

24 февраля 1932 г. Урусвати.

Письмо Н.К. Рериха к Отцу Иоанну.

24.- 2 – 1932.

О Христе Спасителе, Глубокоуважаемый Отец Иоанн. Ваше письмо от 29-го Января мною получено. Искренно рад, что Вы говорите искренно, это и есть единственное условие сношений человеческих. Разрешите и мне тоже сказать совершенно искренно, ибо, если мы упоминаем в Писаниях Имена Величайшие, то это самое обязывает и нас к той искренности и сердечности, которая позволяла бы и нам помышлять о высоких понятиях. Вы уже получили письмо моё о Вашей книге СЛАВА ВОСКРЕСЕНИЯ, и Вы знаете то сердечное восхищение, которое вызвала эта прекрасная книга Ваша, так зовущая, возвышающая и радующая сердце. Книга Ваша зовуща, но письмо отталкивающе. Но Вы служите Пр. Сергию, славному воину Христову, и никто, и ничто на свете не может меня заставить отклониться от посильного служения тому же Великому Воину Христову, Заступнику и Предстателю о Земле Русской. Что бы Вы не стали говорить обо мне по недоразумению ли, по наговору ли, но ничто не может нанести с моей стороны трещины между служащими имени Св. Сергия. Сейчас так необходимо Единение. Вот Вы пишете, почему я позволяю называть себя божком. А ведь это неверно. И вообще никаких подобных эквивалентов в Культурных Учреждениях и быть не может. Вы, как бы укоряете меня за ту долю терпимости, о которой Вы или прочли, или услышали. Вероятно, Г.Г. Шклявер дал Вам прочесть мою статью ЛЕГЕНДА АЗИИ, которая, как Вы знаете, вызвана клеветническими нападками в том, что мною, яко бы, найден документ из времён Христа Спасителя. Так много тёмной лжи кругом.

Но и в этой статье, как Вы видели, я не скрываю моей радости в том, когда вижу, где бы то ни было, прославление славного Имени Христова. Если по неразумению мусульмане ли, буддисты ли, индусы ли не знают как славо-

словнее подойти ко Господу, тем не менее, радостно слышать, что в пределах своего разумения они относятся с величайшим почитанием. Разве не трогательно слышать каждому сердцу православному, что буддисты полагают в храмах и памятниках своих Св. Евангелие. Разве буддисты, радующиеся иконе Св. Иосафа, не делают ли уже мысленную тропу к Свету Единому. Велисуждением живы будем. Во время прохождения по 35-ти странам, сознаюсь, мы собирали лишь вести благие, ведущие к строительству и к тому же Единому Свету. Если на разных материалах можно было находить пламенные вехи непринуждённого чистосердечия, то ведь одно это уже хорошо. Правда, существуют книги, собирающие лишь отрицательные факты, как Вы и упоминаете, но они являются теми тёмными разрушительными вехами, которые из-за рогатых репейников не видят того, что может вести к пути Благому. Сейчас весь мир разделен по духовности и материализму. Там, где уже есть искренняя религиозность, там, где хотя бы по-своему славословят Господа Христа, там найдутся и прочие сердечные нити серебряные. Гораздо опаснее холодный атеизм, не воинствующий, но погрязший в материалистическом пребывании. Уже писал я Вам в прошлом письме о необходимости свидетельствования в наши дни. Если письмом Вашим Вы хотите дать мне возможность в письме свидетельствовать о преданном сужении нашем Св. Преподобному Сергию, Заступнику и Предстателю перед Господом Христом, то я очень рад, что могу это сделать совершенно искренно, ибо скрывать мне нечего.

Когда мы говорим на Востоке о великом мировом значении Преподобного Сергия, то иногда говорят нам, что он есть Майтрейя, но и на это мы не можем сетовать, ибо люди при этом произносят высшее для них понятие, в переводе значащее Владыка Любви и Сострадания. Этим признанием разве не открываются врата к дальнейшему сердечному общению.

В Образовательных учреждениях наших существует только та иерархическая ступень, которая должна, кажется, быть во всех образовательных учреждениях и во всех проявлениях просвещения и Государственности. Никогда я не слышал, чтобы руководитель учреждений должен быть ненавидим или умаляем. Помню, как первые руководители мои на общественном поприще, отец Иоанн Кронштадтский, Д.В. Григорович и её Имп. Выс. Евг. Макс. Принцесса Ольдельбургская и А.И. Куинджи, прежде всего, говорили мне, что руководитель, устанавливающий духовную дисциплину, должен сделать себя уважаемым, и качество преданности и уважения этим порядком будет расти и по всем отраслям Учреждений. Лишь на пределах некоторого уважения и преданной любви я и почитаю возможным охранять строительную дисциплину вверенных мне Учреждений. Не может же кто-нибудь непременно нечто от антихриста там, где, ознакомившись внимательно, он не найдёт ничего вредного для формирования будущих кадров деятелей. Что же от антихриста в том, что Общество имени Спинозы, присоединившись к Учреждениям нашим, очень трогательно праздновало Святое Рождество Христово. Что же дурного в том, что Общество Сибирское наше строит часовню Св. Сергию. Господи, неужели это от антихриста, что перед освящением этой часовни масло в лампаде, могущее гореть не более трёх часов, как всегда, - горело и теплило лампаду всю ночь, и она была найдена горевшей при открытии часовни утром пришедшими приготовить часовню к Служению. Неужели Владыка Платон, действительно, ознакомившись с Учреждениями нашими, стал бы неискренно посылать Благословение и говорить то, что он сказал при этом и о чём писал

мне. В течение сорока лет на многих моих картинах, в стенописях и в мозаиках имел я великую честь изображать и Господа Иисуса Христа и Пресвятую Богоматерь и всех тех Святых, которые пусть свидетельствуют искренно или неискренно я изображал их. Разве неискренно руководил я Иконописною Мастерскою. Выставка Христианской религиозной живописи, устроенная нашими Учреждениями в Нью-Йорке во время минувшего Рождества Христова, поверьте, вреда не принесла, но наоборот, вызвала множество прекрасных выявлений, заставив печать говорить о значении вдохновлявших изображений. Но всё это незачем утверждать словами, когда сердце и сознание наше ясно и без слов для Тех, Кто превыше нас. Относительно же духовности Востока, конечно, очень часто трудно судить, ибо незнание языков со всеми их оттенками и наречиями очень часто даже в трудах известных учёных вносило неправильные толкования. Именно на Востоке можно слышать, что ни один человек не может достичь личными силами, без помощи Высшего Начала. Только, когда возгорается серебряная нить между стремящимся и Высшим, только тогда достигается Высшая Благодать. Разве это уже не есть начало пути, по которому так легко говорить и о Свете Едином. Я, конечно, понимаю, что не в осуждение писали вы мне письмо Ваше, ибо осуждающий и не был бы тем искренним служителем Христовым Именем Святого Сергия, каким являетесь Вы.

Вы кончаете письмо, повторяя фразу мою, что встреча наша не случайна и в этом вижу я дверь в будущее. Ведь не случайно было и то, что соименник Ваш, Отец Иоанн Кронштадтский предуказал мне трудиться на благо Родине.

Отец Иоанн неоднократно предуказывал мне многое, как о приближающихся болезнях моих или о трудах будущих. Помню, как что он посещал семью нашу. Отец Иоанн однажды подозвал меня, тогда ещё ребёнка, и дал мне испить в чашке вина; но когда моя мать заметила: Батюшка, он у нас вина не пьёт, он сказал: Не мешай, скоро придётся испить ему. Действительно, через две недели после этого я заболел сильнейшим тифом, причём доктор прописал мне то вино, которое дал мне отец Иоанн. Затем в течение гимназических лет приезжал к нам часто, наставлял меня, а последнее его напутствие всегда остаётся врезанным в памяти моей. Во время окончания Академического курса отец Иоанн служил в церкви Академии Художеств, и я, желая быть ближе, стоял в проходном коридоре, близком от Алтаря, среди густой толпы, присутствовавшей на литургии. По окончании Служения, Отец Иоанн, теснимый толпою, проходил этим коридором, несмотря на то, что я был в студенческом мундире, менявшим наружность, он вдруг задержался, благословил меня и воскликнул: «Смотри, не болей больше, придётся сильно для Родины потрудиться». И действительно, все болезни детства моего постепенно оставили меня. И теперь, избрав в силу неоднократных явлений Преподобного Сергия, Водителем и Предстателем своим, я старюсь по разумению своему и силам трудиться и идти той начертанной мне тропею терпимости и любви, почерпая все Указы Христа о любви и терпимости. Ещё на днях я кончил одно письмо о ТЕРПИМОСТИ притчею о Милосердном Самарянине. Если всё, что я делаю, то и скажите мне это, прежде изучив все факты моей деятельности, и духовно проникнуть в глубину побуждений.

Если какие-то злонамеренники или одержимые шепчут о чём-то, то проверим все факты. Проверим, почему я отказываюсь от многих отличий, предлагаемых мне за деньги и даже за очень маленькие суммы. Часто такие предложения сопровождаются даже угрозами в случае неприятия их. Ещё недавно

в Америке мы открыли существование какого-то лица, рассылавшего подмётные и клеветнические письма. Так как скрывать нечего, то мы сейчас же обратились к детективам, причём обнаружилось, что этот клеветник, известный вор, уволенный отовсюду за многие кражи и кем-то оплаченный – вот с такою-то темнотою приходится сталкиваться. Если я Вам расскажу о самых уродливых проявлениях зависти, клеветы и лжи, Вы, как человек искренний, будете потрясены. Среди этих трудов и больших трудностей не скрою, что именно Имя Святого Сергия является прибежищем нашим. Почитаем Его как можем. Верим Ему, как сердце вмещает. Свято воспринимаем все, все явления Его. И не могу допустить, чтобы Великий Воин Христов не стал бы противодействовать тому, что, яко бы, идёт от лукавого. Мы видим во многом Руку Святого, нашего Хранителя во всех опасностях.

Без всякой гордыни и без всякого преувеличения, если скажу Вам все чудеса и споспешествования Преподобного, то Вы умилитесь сердцем, ибо нельзя без духовного трепета сознавать, как Высшие Благие Силы близки к жизни человеческой. Опять не заподозрите какую-то гордыню, не подумайте, что я предполагаю, что именно нам близка Рука Преподобного; явления и чудеса Его ведь широко раскинуты и проявлены во спасение человечества. Сын мой Юрий носит на себе крест серебряный, покрытый эмалью старинной, московской, а может быть и самой Свято-Сергиевской работы, который упал при всех нас в освящённой комнате, когда мы говорили о великом значении Креста. Жена моя Елена Ивановна неоднократно сподобилась видений Преподобного Сергия. Неужели же демоны бросаются крестами и зовут к служению во имя Христа и его Святых Воинов. Неужели же демоны шепчут о любви, о терпимости, о сострадании и великом сотрудничестве и служении, как о ведущих началах жизни. Неужели же демоны строят храмы Христовы и побуждают к свидетельствованию и посильному очищению жизни. Если так, Отец Иоанн, то и идти дальше некуда. Ведь по словам Св. Евангелия фарисеи спрашивали – не силою бесовскою изгоняются бесы.

Затем, не покажется ли Вам странным, что почему, когда мы читаем Вашу книгу, мы совершенно согласны со всем в ней сказанным. И спрошу Вас сердечно, нет ли какого шептателя, который старается вложить мне в уста то, чего сердце моё и не имело в виду. Во всяком случае, как Вы истинно повторили, что встреча наша не случайна. Письмом Вашим Вы даёте мне ещё одну возможность свидетельствовать Вам написанное. Отвечая на искренность искренностью, мне кажется, что другого способа обмена в делах духовных и быть не может. А если бы я в чём-то ошибался, то простите и скажите мне это явно, на фактах и со всем тем великим Благим, которое ведёт жизнь человеческую к совершенствованию, к великому сердечному пониманию во Имя Господа.

Поручая себя молитвам Вашим,

Архив Музея Н. Рериха, Нью-Йорк. (Машинопись)

МАРТ

3 марта 1932 г. Наггар.

Письмо Н. К. Рериха к м-м де Во Фалипо

Март 3, 1932.

Очень благодарю Вас за сообщение о предположенной выставке Тюльпинка. Барон Таубе сообщит Вам мои соображения, посылаемые ему с этою же почтою. Конечно, ни мы, ни наши американские сотрудники и не думали относиться недружелюбно к выставке Тюльпинка, скорее всего, некоторую обособленность можно было заметить в действиях самого г. Тюльпинка. Как Вы и просили, я рекомендовал телеграфно нашему Комитету Фонда Пакта поддержать проект Тюльпинка в размере 50 тысяч бельг. франков: конечно, жаль, что Тюльпинк упустил сейчас столько времени, но ведь если бы выставка открылась даже несколько позднее, то какая-то пара месяцев не может иметь решающего значения в жизни самого Пакта. Хотя сейчас, как Вы знаете, финансовое положение всего мира необычайно потрясено, и некоторые ценности, как сообщила нам вчерашняя почта, упали в 64 раза.

Можете представить себе, что происходит, когда чьё-то состояние уменьшается в 64 раза. Тем не менее, прошу Вас передать г. Тюльпинку мой привет и полное доброжелательство его выставке и мою сердечную надежду, что Американский Комитет Фонда Пакта изыщет требуемую им вышесказанную сумму. Конечно, я считаю совершенно невозможным на этой же выставке выставить мои картины и прочие предметы наших Учреждений, ибо злонамеренные люди несомненно сочли бы это саморекламой и сказали бы, что мы своекорыстно хотим использовать идею Пакта. Такое обвинение мы должны избежать всеми мерами, ибо с самого своего зарождения идея эта горит во мне светло и бескорыстно и без какого-либо блефа.

Все мы надеемся, что Ваше здоровье и всё около Вас хорошо, и все мы шлём Вам наш сердечный привет.

Архив Музея Рерихов, Москва.

13 марта 1932 г. Берлин.

Письмо Иеромонаха Иоанна к Рериху Н.К.

*13/III 1932. Russische Kapelle
Moritzstrasse 27. Berlin W 30*

О Господе, глубокочтимый Николай Константинович,

Прошу Вас разъяснить мне, что означают те - (кажется, 12) – камней, которые Вы заложили под часовню преп. Сергия Радонежского в Америке? Я недоумеваю перед сочетанием тех имён, которые усвоены этим камням. Другое: что означает-печатать с известными Вам знаками, которое даётся Вашим близким единомышленникам? Третье: продолжаете ли Вы практику магического (т.е. спиритического) общения с бесплотным миром?

Вы правы, что сейчас время смятений и лжи, разрушения и разложения. И потому так необходимы открытость и ясность до конца. В особенности в отношении духа.

Христианство должно обрести свой апостольский дух правды, чистоты и ясности веры. Хотелось бы всех людей видеть за братским служением Богу Живому, но это нельзя сделать искусственным эклектизмом. Слишком тонко

распростёр свои щупальца над миром “отец лжи” и захватывает в них уклонившихся от чистоты апостольского исповедания. Вся эта сеть “современных” религий, возникших, оформившихся из ряда старых и смешанных истин за несколько последних десятилетий, представляет собою огромное препятствие к проповеди Слова. Нерадение нас, священников, равнодушие массы христиан расчищает поле успеха этим как бы с первого взгляда тонким, а на самом деле грубым антихристианским учениям, подмешивающим самую основу, самый огонь Христова Духа на культ общих розово-красивых, но (христиански) бесцветных сентенций.

Этой нездоровой мистикой ничего не сделаешь, ибо она исходит не из примитивных слоёв народных восточных, но от душ, крестившихся в христианской культуре, но не увидевших ни в себе, ни в представителях этой культуры, близких им, подлинного бытия духа, и пошедших искать это бытие в месте, хотя и охваченные томлением по Избирателю мира, но не просветлённых ещё этим томлением. Христиане эти изменили Христу, стали учиться у тех, кого они должны были учить, но, конечно, не могли, ибо не были соединены с Единным Учителем мира – Христом. И мир, тонко-чуждый Христу, захватил их и – они теперь несут новое благовествование в то общество полу-христианское, которое начинает слушать их. Они не сознают, что они, смешивающие Единородного Сына Божия, Бога-Слова, Творца твари с рядом тварных существ, что они лжепророчествуют в мире... И вот это больно: видеть эти одарённые души, пошедшие путём мира сего, уловившиеся в его самые тонкие сети. Эти души, как бабочки, летят на феномены, удивительные для них, феномены раскрытия тайны материи и тайны нематериального мира. Они не помнят, что огромное число книг оккультных было сложено христианами, узревшими Христа, и, общаясь, стали учиться у тех, кого они должны были учить, но, конечно, не могли, ибо не были соединены с Единным Учителем мира – Христом. И мир, тонко-чуждый Христу, захватил их и – они теперь несут новое благовествование в то общество полу-христианское, которое начинает слушать их. Они не сознают, что они, смешивавшие Единородного Сына Божия, Бога-Слова, Творца твари с родом тварных существ... И вот это больно: видеть одарённые души, пошедшие путём мира сего, уловившиеся в его самые тонкие сети. Эти души, как бабочки, летят на феномены, удивительные для них, феномены раскрытия тайны материи нематериального мира. Они не помнят, что огромное число книг оккультных было сожжено христианами, узревшими Христа, и, общаясь с тем миром недозволенными Богом путями, уничтожают, обессоливают христианство столь же, как и те христиане, которые остаются во внешне истинном исповедании, но нравственно соблазняют окружающий мир. Конечно, грех духа острее и глубже, чем грех плоти, но одинаково горестно видеть христианское человечество, летящее на этих двух крыльях грехе. Истинно, Господь мог бы сказать: “Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою” (Откр.)

Приветствую о Господь Весь и Всю Вашу семью.

Я сейчас живу в Берлине, куда назначен настоятелем Храма здешнего.

Чек Ваш слишком велик для подписки [Боюсь обидеть Вас, отсылая его Вам обратно. Передаю его содержание одной очень бедной больной. Глубоко

уверен в Вашей согласии]. К тому же газета эта не периодическая... (И позвольте Вам её братски прислать, если она ещё выйдёт).

О Господе чтущий Вас

Иеромонах Иоанн

P.S. Кольцо я сам видел, а письмо о камне было от одного из благожелательных Вам лиц...

Архив Музея Рерихов, Москва.

Русская церковь в Берлине. 1931 г.

16 марта 1932 г. Берлин.

Письмо Иеромонаха Иоанна к Рериху Н.К.

Берлин, 16 марта 1932 г.

О Господе Иисусе Христе, Глубокочтимый Николай Константинович!

Собирался отправить Вам свои вопросы, когда получил Ваше последнее письмо от 24.2. Поймите меня, мы все устали от красивых слов, от манящих красотой своею истин, сократив в вуали тонкой неясности. Мы жаждем, как Вы, полной терпимости, полной снисходительности ко всему непреобразённому, но тянущемся к преобразению. Не об осуждении или даже суде здесь речь. Вы не могли не почувствовать сами это в моём письме. Нет, здесь иное. Мир сейчас *апокалептически охлаждается*, и охлаждение это проявляется далеко не в одних только облаках лжи видимой, ясной, тёмной. Нет, эта неправда менее опасна. Она – видна, она сама себя обличает. Что гораздо серьёзнее, это – отречение христиан, стремящихся к Свету от апостольской веры. Здесь, *прежде всего, виноваты мы, священники*, что часто не только сами не входим, но и других не пускаем в подлинное познание Царствия Божия. Этому обезцвечиванию Евангелия в столь же сильной мере способствует поток современных оккультных учений, проповедующих терпимость, но совсем не ту, которую заповедует Евангелие. Евангелие заповедует всецелую терпимость к человеку, а не к “истине” человеческой. Проповедуя терпимость к истинам, современные оккультные учения кажутся высшими по сравнению с Евангелием, но при малейшем углублении – вскрывается их духовный подлог. [Да и проповедь “широты” это лишь метод, ибо в сущности оккультного учения лишь своё “эзотерическое” учение считают высшим познанием. И выходит опять обман

какой-то.] Эти учения тончайше подмешивают все основные понятия евангельской веры. Всё выходит как будто похожим, а на самом деле противоположным. Чтобы не исходить только из одного себя в этом свидетельстве, прилагаю копию статьи Серг. Соловьёва о буддизме и теософии, и ещё одно, столь же серьёзное, свидетельство проф. Введенского. Прошу Вас, скажите Ваше мнение об этих свидетельствах.

Оккультное прославление имени Христова – совершенно иное, чем христианское. Так, у оккультистов прославляется “Божественность”, у нас Полнота* Божества [*Неповторимая полнота]. У оккультистов Иисус Христос лишь одна из букв мессианского алфавита, у вас Она – Альфа и Омега, Первый и Последний. Оккультисты проповедуют перевоплощение и людей, и мессий. Мы проповедуем абсолютное воплощение Единого Мессии – Богочеловека, и единое воплощение каждой человеческой души. Оккультисты пытаются рядом тончайших оттенков и интерпретаций понятий свести христиан в острия их веры и знания. Это всё истинный “правый фланг” зла. Зло слишком опытно, чтобы завлекать человечество одним материализмом и нравственным грехом. Нет, *в действии грех духа*, грех отказа от *подлинного Богочеловечества*. Все реальности христианства делаются фигурами. Формами *Нового благовестия* о Боге и о спасении в Нём.

Предо мной сейчас одна из наиболее частых, духовно-благородных оккультных книг: “Провозвестие Рамакришны”, с предисловием Суали Абхеденаиды. Читаешь предисловие и изумляешься легковесности его. Например, “прежде чем появиться перед публикой или начать кого-либо учить чему-либо, Рамакришна как учёный исследователь посвятил двенадцать лет на изучение догматов и обрядов всех религий, исполняя их богослужения, ритуалы, и церемонии с полной верой и глубоким благоговением для того, чтобы уяснить себе на опыте, к чему, в конце концов, приводят все религии”... И вот он пришёл при помощи всех “методов” к “одному и тому же ощущению Божества” (стр. 12). ...Этого одного уже достаточно будет для Вас, чтобы понять мою мысль и моё недоумение, как подобную духовную бессмыслицу можно как-либо сравнить с Откровением Христовым.

“Сравнять религии” эти люди хотят, чтобы прикрылось убожество их реального знания о Боге, убожество, которое они чувствуют, но даже, наоборот, уверены, что имеют высшее откровение и “терпимо” относятся к Христову Откровению, как терпимо относятся к некоему низшему, не столь совершенному знанию, но имеющему в себе всё же “крупницы вечной истины”... Именно к Евангелию, к вере апостольской *нельзя так относиться*. Либо всё Евангелие надо принять в ущерб всем другим откровениям, либо эти откровения (все древние и современные) в ущерб Евангелию. Ибо, хотя все дети Единого Отца и Истина светится в душе каждого чистого человека, но *Плотью Господь был однажды в истории мира и столь Новым Адамом*, и каждое слово Его Евангелия имеет НЕПОМЕРНОЕ значение для нас.

“Провозвестие” того же Рамакришны, после Евангелия, это какой-то косноязычный лепет, какая-то еле-еле открытость глаза. Много мыслей красивых и добрых, но в основе – темно, холодно, условное политеистическое, веддическое восприятие реальности с холодно-теистическими сентенциями. Если бы не претензия “Нового Евангелия” – книга и была бы интересной книгой восточного языческого мистицизма, не знающего воплощения и

преображения твари. С этой же “мессианской” претензией - прямо “дешёвенькие духи”. Скорее честный атеизм и ослеплённое богоборчество по сердцу, чем этот лунный свет, выдающий себя (здесь всё зло!) за Солнце!

“Братья, не всякому духу верьте” – умоляет Апостол любви. А другой верный ученик говорит о некоем духе, являющемся в виде “ангела света”.

Явление Святых – реальность. Но разные бывают явления. Очень разные.

Прошу Вас, напишите мне: явился ли преп. Сергей Вам через магический предмет? (в так наз. спирит. сеансе). Если да, это вернейшее доказательство, что это не преп. Сергей, но кто-то, кто говорит от его имени. Ибо Божьи духи не будут никогда прибегать к способу, запрещённому Богом, к которому прибегали только отпавшие от Живого Бога люди.

Редактор “Спиритуалиста”, просвещённый и прекрасный человек, долгое время не мог вырваться из круга этих “добрых” духов – тончайше не пускавших его к восприятию полноты Откровения.

Свою искренность простру до конца. Беседовать с высшими духами и прибегать к человеческим гербам, - это несовместимо. Видите, по скольким пунктам хотелось бы услышать Вас. Обостряю выражения – для краткости, зная, что Вы поймёте это как недостаток доброжелательства к Вам и чисто братского чувства. Не смотрите на меня с морской точки зрения, я ведь мёртвый человек. Это ведь тогда легче. Можно говорить сразу и прямо о главном.

И если основы веры моей не совпадут с Вашей – это не изменит моего человеческого отношения к Вам, как к брату – по стремлению к Свету. Евангелие учит определённом в этом отношении, коему радостно следовать *до конца – во всех смыслах.*

О Господе Иисусе Христе чтущий Вас

Иеромонах Иоанн

Поклоняться Кресту демоны не могут, не могут и говорить с любовью о великом его значении и необходимости ограждать его силой...

Но бросить Крест могут. У одного человека, которого я знаю, демоны во время спиритического сеанса сорвали крест с шеи и повесили на колене*. [Ангелы не будут бросать креста. Они – укажут, где этот крест можно взять.]

Из “Моей жизни во Христе” о. Иоанна Кронштатского

“ О, как тщательно дьявол и мир засеивают своими плевелами ниву Христову, которая есть Церковь Божия. Вместо слова Божия усердно сеется слово мирское, слово суеты. Вместо Храмов мир избрал свои храмы – храмы суеты мира: театры, цирки... Вместо Бога и Святых в мире почитают до обожания своих знаменитостей – литераторов, актёров, певцов, живописцев, владеющих общественным доверием и уважением до благоговения. Бедные христиане...”

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

22 марта 1932 г.

Рихард Рудзитис Елене и Николаю Рерих

22. III. 32

Дорогие Елена Ивановна и Николай Константинович,

С разрешения Др. Лукина посылаю Вам первую книгу нашей программы по материнству. В Книге о Матери помещены стихи и фрагмен-

ты более эволюционного духовного содержания, причём я использовал также Ваше Воззвание к женщинам, Агни-Йогу, Листы Сада Мории, Криптограммы Востока, западных и восточных писателей, и в завершение некоторых духовно более передовых латышских поэтов. Содержание я разделил по главам: материнство, ждущая рождения, мать и дитя, мать – вообще, женщина, Матерь Мира.

Книга о Матери представляет лишь первую и ещё весьма неполную попытку в таком роде.

Глубоко почитая Вас,

R. Rudzitis

Публикация по изданию: Письма с гор.

24 марта 1932 г. Гималаи.

Н.К. Рерих

САДЫ ПРЕКРАСНЫЕ

Привет!

Ваше общее собрание 24-го марта во имя Культуры и Мира, во имя Знания и Красоты является одной из тех исторических вех человечества, которые вольют в будущее поколение новую бодрость и преуспевание. Кому-то будущему будет глубоко значительно знать и чувствовать в сердце, что путники, ранее его прошедшие, не только мыслили про себя о ценностях Знания и Красоты, об истинных ценностях Духа, но и свидетельствовали это в жизни своей. Пусть вновь приходящие сознают, как происходили эти свидетельствования о Прекрасном даже среди самых трудных времён.

Ведь не будем скрывать от себя, что нынешние времена, действительно, самые трудные. И материальный и духовный кризисы дошли, как кажется, до апогея. Но где же этот апогей в Беспредельности? Иначе говоря, остановится ли углубление и нарастание кризисов, если люди, все, кто мыслит от Блага, не сойдутся вместе, в доверии, в полном сознании, чтобы поддержать созидательные основы? Всякая отвлечённость должна быть осмыслена как реальность, ибо в реальном мире и нет туманных отвлечённостей, но есть одна великая Реальность.

Не во имя малых хозяйственных дел, но во имя Великой Реальности вы сходитесь вместе. Вместо бессмысленного растрачивания времени на самоуслаждение, вы пытаетесь общими усилиями укрепить сознание масс во имя Реального и Прекрасного. Вы поняли, что досуг есть тот же радостный труд, во имя тех же духовных ценностей. Весёлое времяпровождение есть радость о духе, и в таком порядке каждое веселье, высоко облагороженное, представит из себя не пир во время чумы, но радость Духа, одетого прекрасным доспехом мужества.

Кто-то окаменевший скажет: «Время ли, во дни материального потрясения, думать о просвещении?». Стыдно должно быть такому окаменевшему сердцу, если вообще в окаменении возможно понятие стыда. Да, родные наши, вы-то знаете, что именно во время потрясения необходимо самое напряжённое устремление к Просвещению. Обратимся к страницам Истории, и мы увидим, что времена расцвета создавались силою Духа. Это не труизм, это утверждение, которое мы все должны твердить друг другу. Ведь чудовище сомнения приходит искушать и днём и ночью, и там, где оно найдёт для заразы хотя бы крошечную клеточку, оно немедленно посеет самое злобное семя.

Чем же, прежде всего, закаменело то сердце, которое стало бы восставать против Просвещения? Окаменение началось от малейшего сомнения на основе невежества. Величайшие бедствия произошли от малейшего сомнения. И не перейдет сомневающийся ни над пропастью, ни через горный поток. А ведь сейчас не только шумит Армагеддон, но словно бы открылись целые зияющие пропасти, угрожающие Культурному Обществу.

Мы позитивисты и оптимисты и потому говорим о пропастях не из пессимизма, не из отчаяния, а просто говорим тоже о действительности. Мы были бы боязливы, пытаясь замолчать действительность. Пример страуса, зарывающего голову в песок и думающего, что тем самым он уже спасся, ибо сам не видит опасности, недопустим в человеческом обиходе. Нет, нужно особо широко и зорко устремить глаза, чтобы найти все разрушительные и разлагающие причины.

Если сомнение исходит от невежества, то и злоба, и ложь, и предательство, в конце концов, проистекают от того же источника. Потому-то Просвещение, дисциплина ума и духа являются той спасительной панацеей от всех разрушений. Пусть не сетуют на нас, что нам приходится повторять такие истины, за которыми стоят десятки тысячелетий, но современное состояние мира, так явно потрясенное, заставляет нас и повторять это, и собираться вместе, чтобы свидетельствовать сердцем своим, насколько мы желаем строительного Блага.

Одевать ли нам траур по причине всех потрясений? Это было бы чем-то тоже от ветхого мышления. Тот, кто устремляется к Действительности, очень далек от траура и от отчаяния, если сердце его устремлено ко Благу.

Этот радостный строитель знает, что есть огонь сердца, и знает, что если этот могущественный талисман засиял, то и самая чернейшая тьма будет прободена и рассеется под лучами Света.

Во имя Света вы и сошлись сегодня. Во имя радости Духа вы хотите узнавать друг друга и укрепляться обоюдно. Во имя Культуры и всего Прекрасного вы идёте радостно по горным тропинкам и даже благословляете острые камни, ибо по гладкой поверхности вы и не могли бы подняться к Высотам. Если бы не было потрясений, если бы не шумел уже Армагеддон, может быть, вы, друзья наши, и не сошлись бы.

Повседневное благополучие не есть рассадник подвига и героизма. Без бедствий мы не имели бы множайших прекрасных примеров истории. Если бы препятствия не закаляли меч и щит героев, то теперь человечество было бы лишено многих благодетельных движений. Аэропланы готовы к полёту, надводные и подводные сообщения открыты. Сотысячный тоннаж к услугам, и радио кричит по всему миру, а может быть, и далеко за пределы его. Значит, одна из подробностей достижений уже налицо. Стоит только согласиться на том, чем, видимо, нагрузить воздушных и водных птиц железных и что вложить в уста радио.

Просвещение, Просвещение, Просвещение, Просвещение, Знание, Мир, Красота! Что бы ни сказали те, которые боятся каждого большого понятия, что бы ни шептали разлагающие разрушители, но вы, сошедшие во имя Прекрасного, не убоитесь никаких шёпотов и злоречия. Пламя костра осветило подвиг Св. Жанны д'Арк; тернии высокого просветительского пути Св. Сергия стоят, как сверкающие памятники человеческого достижения, и зовут, и

показывают, что решительно всё, даже самое высокое, возможно здесь, в нашей земной жизни.

И вот в пределах земных и надземных будем сходитья вместе в твёрдом убеждении о совместной работе на Просвещение. Каждый по-своему, каждый в своём саду пусть посадит лучшие деревья и каждодневно поливает посадку, чтобы не засохли побеги от бездождья. И в каждодневности этой будет та же великая радость, которая и сегодня сводит нас вместе.

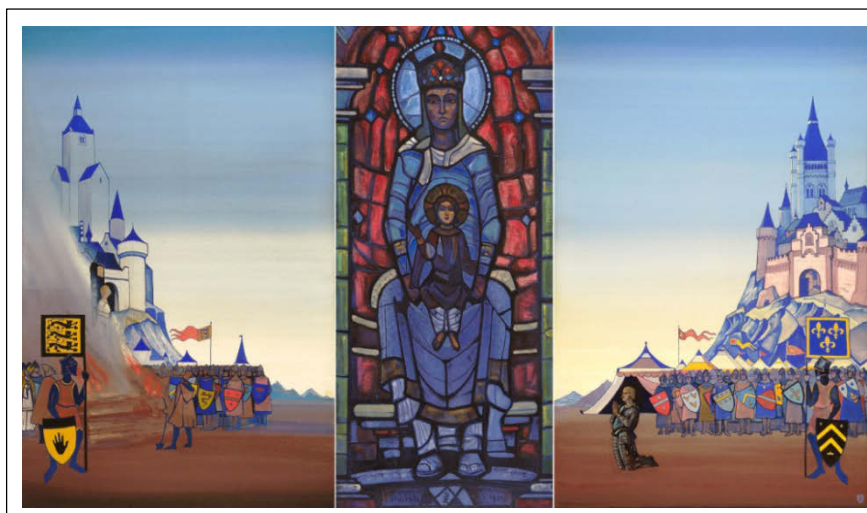
А там, где сияет великий Магнит сердца, там и умножаются силы. А ведь Благодать берётся усилиями. Эти же благие усилия превращаются и в Праздник, на котором требуется множество огней, чтобы рассеять глубины тьмы. Вот и улыбнёмся и зажжёмте эти огни радости, оставим зверям все ссоры и пререкания. Вы же устремитесь ко Благу в сиянии вдохновляющего труда.

Будьте вместе, будьте дружны и растите ваши сады прекрасные!

24 марта 1932. Урусвати

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. [1932].

«Пламя костра осветило подвиг Св. Жанн д'Арк;

Н.К. Рерих. Жанна Д'Арк. (Триптих). 1932.

29 марта 1932 г. Наггар.

Письмо Н.К. Рериха к Королю Александру, Югославия.

29-го Марта 1932 г.

Ваше Королевское Величество,
Только что мною получена стенограмма заседания по случаю Десятилетия наших Учреждений в Америке и среди прочих приветствий запечатлена прекрасная речь Генерального Консула Янковича, передавшего Ваши столь драгоценные нам слова. Не могу удержаться, чтобы не принести ещё раз нашу искреннюю признательность за ту высокую духованую поддержку, которую Вы посылаете нашим Учреждениям. В дни потрясения культуры такое высокое слово поистине знаменательно, и ещё более

знаменательно оно, ибо идёт от высокого защитника Культуры и Света, от монарха Всеславянского.

Надеюсь, что книга моя Держава Света, посланная Вашему Королевскому Величеству отсюда, дошла сохранно. Также надеюсь, что и письмо моё, посланное прошлой осенью, во время пребывания нашего на горных, также не затерялось, что иногда вполне возможно при сложных условиях местной почты. В письме этом я передавал предложение Совета нашего Музея о присылке в Белград от десяти до двадцати моих картин, если бы для них нашлось место в Белградском музее. Подобные отделы нашего Музея уже осуществляются в некоторых других Центрах, в том числе и в нашем центре в Париже. Конечно, такая присылка картин не вызвала бы никаких расходов в Белграде, ибо в таких случаях картины, хотя и остаются собственностью Музея в Нью-Йорке, но могут гостить без ограничения срока. Если идея подобного Отдела – комнаты соответствовала бы желанию Вашего Королевского Величества, то я, получив от Вас указание, был бы глубоко рад передать его Совету нашего Музея для выполнения.

При сём имею радость послать Вашему Королевскому Величеству последний, только что вышедший журнал нашего Гималайского Института и два последних бюллетеня Музея. В настоящее время, кроме построения Биохимической лаборатории с Отделом борьбы против рака, наш Институт уделяет самое большое внимание изучению Тибетской и Аюр-Ведической Медицины. При этом выясняются многие драгоценные сведения, и можно лишь пожалеть, что западная медицина до сих пор недостаточно уделяла внимание исследованию этой мудрости многих тысячелетий. Получаются сведения, что некоторые болезни, признаваемые западными врачами как неизлечимые, успешно излечиваются здесь. При этом некоторые некоторые окрестности здесь совершенно не знают ни рака, ни лёгочных заболеваний, и потому чрезвычайно поучительно изучать все условия жизни и природы, которые могут освобождать человечество от таких тяжких болезней.

Только что мною закончена картина Владычица Знамени Мира, которая войдёт в состав Музея Нью-Йорка; и так ценно получать от самых различных стран мира сочувствие Знаку, который, подобно Знаку Красного Креста охранял бы духовные культурные сокровища человечества и внёс бы в мировое понимание новую волну созидательных прекрасных устремлений. Чувствую, что и эта идея близка сердцу Вашего Королевского Величества. Так радостно, хотя бы мысленно представить себе, что человечество могло бы объединиться на осознании ценностей духовно-культурных.

Очень жалею, что такое рабоче-напряжённое время, требующее моего неотлучного присутствия, всё это не позволяет мне посетить прекрасную страну Югославию и лично представить Вашему Королевскому Величеству мои мысли. Буду счастлив получить указания Ваши относительно предложения Совета нашего Музея о комнате – отделе в Музее Белграда.

Вашего Королевского Величества всепреданнейший,

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

АПРЕЛЬ

7 апреля 1932 г. Прага.

Письмо Н.О. Лосского к Рериху Н.К.

Prague. Bubenec. / Bučková, 27 /7. IV.32.

Христос Воскресе!

Дорогой Николай Константинович, поздравляю Вас с Светлым Праздником и желаю Вам провести его в радости и веселии духа.

Свою книгу я послал Вам в ответ на Вашу симпатичную «Державу Света», внушающую бодрую надежду на то, что всякое доброе начинание разовьётся и даст хорошие и обильные плоды.

Очень увлекательны темы Ваших новых картин. Как раз в Праге открыта в новом великолепном здании Французского Института выставка (Б. Григорьев, Малько, Мусатов – не известный). Гораздо бы интереснее было бы видеть выставку Ваших картин.

Вы своим творчеством уже показали, какие чудные темы могут дать життя святых. Вам интересна была бы, наверное, только что появившаяся книга Фёдорова «Святые Древней Руси» (до VII в. ; УМС, Paris). В ней мало конкретных подробностей, но попытка выявить общие черты русской святости содержит в себе много ценного.

Интересен так же, хотя и относится к другой области проблем, новый журнал «Новый Град». Редакторы его – Фондаминский, Степчук и Фёдоров. Вышло уже два выпуска – по 10 frs. Там в очень живой форме обсуждаются проблемы социального строительства и экономических отношений. Журнал отстаивает необходимость религиозных основ общественной жизни.

Мария Николаевна (Стоюнина), Людмила Владимировна и я шлём Вам и Вашей семье сердечный привет.

Душевно преданный Вам

Н. Лосский

Архив Музея Рерихов, Москва.

9 апреля 1932. Гималаи.

Н.К. Рерих

БОГ

(Из «Ежегодника Калиан-Ишваранк» в Горакпуре)

«О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени предвечный
Без лиц, в трёх лицах Божества!
Дух, всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто всё Собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем — Бог!»

Так в 1784 году первый русский поэт Державин начал свою бессмертную оду «Бог».

Первый основной член Символа Веры читается: «Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца Неба и Земли; Видимым же всем и Невидимым».

Ко Всевышнему, к Дыханию всех Дыханий, к Атману всего Сущего, все народы на всех языках приносят своё сокровенное и непреложное устремление. Каждый в пределах своего сердца, в пределах своего разума красоты, прилагает лучшее название Элохиму. Пусть эти священные Имена многообразны, но, сложенные воедино, они дают трогательную симфонию всего самого лучшего, самого высокого, что только мог произнести язык человеческий и что могла начертать воплощённая рука всеми Священными Иероглифами.

Священнейшая Непреложность Бога Всевышнего зачинается в каждом детском мозгу, впервые обратившемся к мирам бесчисленным, и приходит эта мысль к той же светлой формуле: «У Отца Моего Обителей много». И другая формула, такая же безмерная в величии своём, утверждает: «Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть Дух и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в Духе и Истине».

Только что вышла книга-симпозиум «Нашла ли наука Бога», в которой Эд. Коттон собрал мнения учёных о Боге. Среди ряда выдающихся имён мы видим и Милликена, и Эйнштейна, и Лоджа, и Томсона, и Берда, и Куртиса, и Эддингтона, и Матера, и каждый из них по-своему славословит это высшее всеобъединяющее Понятие, без которого невозможно стало бы само представление о величии Беспредельности.

Прошло короткое время, когда во имя какой-то ложной материалистической научности были отрицаемы великие Реальности. Атеизм в истории человечества являлся теми пароксизмами отчаяния, когда человек, по вине своей очутившийся в полной тьме, теряет представление об окружающем, о формах, о смысле. Ещё прошлое поколение иногда допускало самодовольно кощунственную формулу о том, что, кроме них, ничто не существует. Все миры дальние были для них лишь услаждающими их лампадами, а солнце, конечно, было лишь источником их комфорта.

Пресловутый в атеизме своём Базаров тупоумно восклицает о том, что из него после смерти лишь лопух вырастет! При этом эти восклицания не являлись своеобразными выражениями самоуничижения, наоборот, они хотели этим утвердить свою телесно материальную конечность, погрязая в гордыне относительных и ограниченных материальных знаний. Этот отрицательный тип ярко выражен в произведении Тургенева «Отцы и дети».

Но другой русский писатель, Достоевский, даёт иной тип кажущегося народного атеизма. Писатель говорит об атеисте солдате, который желал измыслить высшее кощунственное действие, чтобы увериться в отсутствии Бога. Для этого он положил святое Причастие на столб и выстрелил в него. После чего кощунствующий увидел самого Христа, там стоящего. В этом образе кажущегося атеизма описано своеобразное вызывание Бога, моление о чуде, о знаке, который и без того хранился в глубинах сердца.

Перед нами лежит очень замечательная книга последних дней о чудесных явлениях, бывших в самое последнее время. В книге приведены факты, подтверждённые многими свидетелями, отмеченные в прессе. Описаны эти тончайшие явления подробно, с указанием качества светоносности, со всеми эффектами на присутствующих. А вот такие же показания о чудесных исцелениях в Лурде. А вот сведение о том, что в 1925 году на Волге, в городе Костро-

ме, скончался старец, в бумагах которого нашли путь к святыням светлых Обитателей Гимавата. И староверы сибирские по-прежнему идут в священное Беловодье; стремятся к высшему общению с Богом. И на этом пути они встречаются с «Дон-дам ден-па», с так называемым высшим Пониманием буддийско-тибетского сознания.

Как только сойдёте с пути тупоумного отрицания и устремитесь по пути Блага, по пути светлой творческой мысли, на вас нахлынет необозримое множество фактов и знаков от всех народов всего мира, так очевидных чистому сердцу. Все народы в богоискательстве и в богоносности знают в сердце своём и о светлом будущем. Мессия, Майтрейя, Калки Аватар, Мунтазар, Митоло, ведь каждый по-своему и опять в самых лучших образах ждёт это светлое будущее, обращаясь к тому же Богу Всевышнему. В Исфагане уже осёдлан белый конь для светлого Пришествия. Раввин в Хамадане говорит вам: «Вы ведь тоже Израиль, если ищете Света!». А брамины приходят к вам, чтобы вместе с вами в весенних цветах праздновать великий Образ Кришны. Каждый из этих, по-своему устремляющихся ко Благу и светлomu будущему, знает Бога.

В замечательной книге Ж. Сент-Илера «Криптограммы Востока» приведено высокое речение о Почитании Учителя.

«Маленький индус, познавший Учителя. Мы спросили его: «Неужели солнце потемнеет для тебя, если увидишь его без Учителя?»

Мальчик улыбнулся: «Солнце останется солнцем, но при Учителе мне будет светить двенадцать солнц!»

Солнце мудрости Индии будет светить, ибо на берегу сидит мальчик, знающий Учителя».

В этом сердечном почитании Иерархии Света уже есть непоколебимая вера в Бога; мало того, не только вера, но знание Бога, которое даёт не только Богоискательство, но Богоносность. Знание вездесущия Бога в каждой былинке существующей не умаляет величие, наоборот, оно даёт реальность всем тонким состояниям, всем дальним мирам, всему тому, что видит даже человеческий глаз, а кроме того, и всему тому, что знает в существе своём сердце человеческое. Сердце - это Солнце солнц, это престол Всевышнего.

Лишь ненадолго разошлась наука с великими Реальностями. Все новые открытия энергий, лучей, волн, ритма и всего незримого оку богатства всей фактической Мощи Всевышней, опять обращают честное познание вверх по беспредельной Иерархии Света, где нет мелких земных делений, где нет злобы и ненавистничества, но где сияет великий Огонь великой творческой Мысли. И в сиянии этой великой Мысли Всевышней и человеческая мысль озаряется сиянием сердца.

Также недавно западная наука отводила сердцу лишь физиологическое значение, упустив его высокое значение как трансмутатора тончайших энергий, беспредельно проходящих через него и питающих и утончающих сознание. По старым Заветам индус знает, что великий Манас живёт в сердце, и недаром индус, когда говорит о мысли своей, полагает руку на сердце. Таким образом, аппарат мозга, насильственно иногда отделявшийся от деятельности сердца, опять становится реальным сотрудником. И в этом обращении к сотрудничеству опять выявляется великое Понятие вездесущности Духа-Бога. И понятие сотрудничества, сужденное человечеству для светлого будущего, не близко ли оно Реальному Осознанию Бога? Сильные духом не страшились ответственной формулы Подражания Всевышнему. «Подражание Христу» Фомы

Кемпийского не есть намек на самомнительность, но призыв к тому же светлому сотрудничеству! Древний Восток с изумлением созерцал попытки новейшей науки отделиться от всего самого высокого, ибо где же, как не на Востоке, прежде всего, было познано сердце, этот первый проводник ко Престолу Всевышнего? И пещерники Синаитские, и Пророки, и Риши - все, осиянные стремлением к Богу, знали высокие возможности нашего духовного путевода сердца.

Свами Вивекананда справедливо замечает, что некоторые из новейших мыслителей, при нынешнем разнообразии концепций, ставили вопросы, не нужно ли заменить слово Бог каким-либо другим наименованием. Но мудрый Свами Вивекананда, конечно, приходит к выводу, что в этом слове собрано столько высших человеческих устремлений, что реальность его не следует изменять. Действительно, какое бы то ни было изменение было бы похоже на первобытные искания, когда ум человеческий, ещё связанный многими условиями, пытался слить беспредельное Величие со своими земными понятиями.

Понятие Бога, бесчисленное количество его высочайших свойств, конечно, несказуемо ограниченным словарём земным, но сердце, на своём неограниченном языке, знает эту высшую беспредельную мудрость, огни которой сверкают в Логосе Сознания. Вспоминаю, как один из моих покойных друзей, прекрасный поэт Александр Блок, однажды перестал ходить на религиозно-философские Собрания. Когда же его спросили о причине отсутствия, он сказал: «Потому что они говорят там о Несказуемом». Это великое Несказуемое было для него полною Реальностью. Поистине, всем тонким чутьём поэта он чувствовал словесную грубость суждений о таком высоком, о таком Тонком, о таком Беспредельном, которое звучит в сердце. Каждое слово о Высочайшем уже наносит какой-то кощунственный предел этому Величию.

Но именно сейчас особое время, чтобы вспомнить о Боге, чтобы вспомнить о том, как сказано в Заветах древних, о том Неизречённом, Несказуемом, Непознаваемом, Беспредельном и, в то же время, о так близком, и всенаполняющем каждое сердце человеческое, когда оно мыслит о Благе.

Как прекрасно выражено Вездесущие Божие в самых лучших Заветах!

Потрясаема земля всевозможными кризисами. В этом убожестве, в этом всяческом обеднении ещё раз мощно встаёт величайшее Понятие, которое, хотя бы частично осознанное, преображает жизнь человеческую в сад прекрасный. Отрыв от Бога, отрыв от свободного, неограниченного, светлого познания, отрыв от сужденной радости совершенствования, обращает знаменательное земное существование в Остров Слез. Но ведь не несчастья заповеданы, не горе суждено. Суждена высокая радость, сужден творящий трепет мысли, сужден благовонно-омытый Престол Сердца. И не Остров Слез, но Сад Прекрасный, Сад преображённого Труда и Знания в руках самих людей, обратившихся к Богу.

Кончает Державин свою оду «Бог» следующим обращением:

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь!
Источник жизни, благ Податель,
Душа души моей и царь!

Твоей-то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертное бытие,
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! в бессмертие Твое!
Неизъяснимый! Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображения бессильны
И тени начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,

Как им к Тебе лишь возвышаться,
В бессмертной разности теряться
И благодарны слезы лить.

9 апреля 1932. Гималаи.

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. [1932].

11 апреля 1932 г. Белград.

Письмо Короля Александра к Рериху Н.К.

Николай Константинович,

Ваша картина, присланная Вами для Белградского Народного Музея, получена, и Я искренно Вас благодарю. – Этот Ваш ценный вклад займёт достойное место в создаваемом в Белграде собрании произведений лучших сил мира, но кроме того, Ваша картина, передавая настроение Вашего духовного созерцания, будет служить наглядным и выразительным символом нашего общего славянского братства и единения.

Желаю Вам дальнейших успехов в Ваших трудах в области искусства и науки, и ещё раз благодарю. –

Белград, 11 Апреля 1932 года.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Перевод с англ. яз. Машинопись).

Н.К. Рерих. Земля Всеславянская. 1931.

12 апреля 1932 г. Урусвати.

Письмо Н. К. Рериха к м-м де Во Фалино

Апрель 12, 1932.

Благодарю Вас за письмо Ваше от 22 марта с вложением проекта Федерации Молодёжи для сохранения Сокровищ человеческих. Очень рад видеть, что таким образом идеи Пакта и Знамени входят в жизнь. Я никогда не ожидал от Тюльпинка длинных рапортов. Хотя бы в самой короткой форме, конечно, он мог сообщить краткое резюме бывшей Конференции и инструкцию Конференции постоянному Комитету Международного Союза нашего Пакта, иначе мне известны лишь два несомненных факта о Конференции: первый - освящение Знамени в Базилике Святой Крови и второй - установление постоянного Комитета Международного Союза Пакта. Именно во имя точности мне хочется знать, хотя бы кратко, инструкцию, данную Конференцией Комитету, чтобы во имя лояльности постоянно иметь в виду пожелания Собрания. Только что я телеграфировал в Америку нашему Комитету Пакта и Знамени о пожертвовании мною 5 тысяч франков в счёт суммы, заявленной Тюльпинком для выставки. Очень жалею, что в настоящее время решительно не могу уделить более. Время действительно исключительное. Вчерашняя почта принесла сведения, что известный миллионер Отто Кан, меценат, потерял 40 миллионов долларов и вынужден продать свой дом в Нью-Йорке. Та же почта говорит, что само существование Метрополитен-Опера в Нью-Йорке на будущий сезон находится в опасности. Такие многозначительные самоубийства, как шведа Кругера, ещё усугубляют и без того неслыханно тяжкое положение. По нынешним временам даже такая сравнительно небольшая сверхсметная цифра, как тысяча шестьсот долларов, т.е., 50 тысяч бельгийских франков, уже является трудно находимой и, во всяком случае, не может быть превышена. Очень хорошо, что и эта сумма требуется отдельными взносами, что значительно облегчает поиски средств. Предстоящее лето, очевидно, будет очень тяжким

для Америки и, вероятно, будет оно и не легче и во всех других странах. Конечно, и эта волна тягостей пройдёт, но нужно суметь вынести это океанское давление невзгод. Очень надеюсь, что Комитет в Нью-Йорке найдёт ближайшие возможности собрать сумму на выставку. К сожалению, по-прежнему не знаю плана её. Судя по Вашему запросу о фотографии Лагора и Гималаев, по-видимому, Тюльпинк думает включить в состав выставки и памятники Азии. Конечно, принимая во внимание не только Индию, но и Персию, Китай, французский Индо-Китай, Сиам, Японию - всё это может дать колоссальный материал, но кроме средств и потребовало бы большего времени. Дать фотографию Лагора нетрудно, но, как Вы знаете, Лагор наименее интересен среди городов Индии. А выставить фотографию Гималайской Цепи - могло бы вызвать подозрение, не подготовляем ли мы новую немецкую экспедицию в Гималаи, о чём было слышно в газетах. Чтобы нас не обвинили в неточности и в бессистемности, не лучше ли предоставить, в данном случае, самому Тюльпинку ограничить состав выставки. Ведь выставка может быть или только Бельгийской, или Европейской, или Всемирной. Тюльпинку на месте виднее, где положить предел по обстоятельствам. Со своей стороны посылаю ему ещё раз лучшее пожелание успеха выставки.

Шлём такие же сердечные пожелания успеха наших Обществ в Париже и во всех Ваших трудах.

Архив Музея Рерихов, Москва.

14 апреля 1932 . Урусвати.

Письмо Н.К. Рериха к Г-ну Мануйлович (Югославия)

Урусвати.

14 - 4 - 1932.

Глубокоуважаемый Г-н Мануйлович.

Наш Генеральный Секретарь в Париже уведомил меня о приветях, переданных мне от Министра Мажунарича, от Посла Сполайковича и от Вас. Пользуюсь этим случаем, чтобы взаимно приветствовать Вас и с лучшими пожеланиями просить Вас передать Академии Югославии мои сердечные чувства. Посылаю Вам мою подписанную копию последней книги «Держава Света», в которой Вы найдёте и моё приветствие Славянскому Обществу в стремлении к великому понятию Культуры.

Вы знаете мои глубокие симпатии к славянским землям и моё восхищение Вашим славным Монархом, Королём Александром. Потому для Вас будет вполне понятен мой следующий вопрос. Я знаю, что некоторые Университеты, как в Югославии, так и в других странах, дают звание доктора по печатным трудам, принимая их как докторский тезис. Мне и сыну моему, в виду наших сказанных симпатий к Югославии, хотелось бы иметь в формуляре нашем и это славянское отличие. Потому доверительно не откажите сообщить мне по вышеуказанному адресу, каким способом это возможно сделать. Вы уже знаете целый ряд моих книг, а книга моего сына «Пути Азии», изданная в Йельском Университете в Америке, уже переизданная Оксфордом и сейчас издаваемая по-французски и по-немецки, уже одна сама по себе представляет серьёзнейший докторский труд. Самые серьёзные критики отзываются о ней с восторгом. Кроме того, его книги о Зверином стиле и о Тибетской Живописи являются такими же серьёзными исследованиями, вызвавшими самое глубо-

кое внимание. Со следующей почтой посылаем и эти книги Вам. Сейчас мы усиленно заняты построением биохимической лаборатории; об этой лаборатории и прочей нашей деятельности в Гималаях Вы увидите из последнего прилагаемого выпуска нашего журнала. Ещё раз шлю Вам и славной Академии Югославии мои искреннейшие приветы.

С искренней преданностью.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

16 апреля 1932 г. Париж

Письмо С.И. Метальникова к Рериху Н.К.

INSTITUT PASTEUR

Париж, le 16 IV 1932

Дорогой Николай Константинович,

Извините, что так долго не писал Вам и даже не поблагодарил Вас за присланные книжки: «The Misterium Kundalini» и «Держава Света». Книжки я прочёл с большим интересом. Не писал я Вам, потому что на меня, т.е. моих близких обрушился целый ряд бедствий. Теперь заболел грудной жабой мой брат-близнец, котор. живёт в Париже, и к тому же он лишился всех заработков благодаря кризису. Была больна моя дочка. Моя старшая дочь, которая замужем и имеет двоих маленьких детей, также лишилась заработков. И кроме того, были всякие неприятности и тяжёлые переживания, о котор. не стоит писать. Мне приходилось употреблять страшные усилия, чтобы найти приработки и помочь моим близким. И теперь эта борьба за кусок хлеба ещё не совсем закончилась. Но сейчас уже гораздо легче. Брату удалось найти небольшой заработок, и положение семьи старшей дочери также начинает улучшаться. Вместе с тем улучшается и моё душевное состояние.

Сейчас я работаю над созданием и обоснованием новой теории иммунитета. До сих пор в медицине и физиологии господствовали главн. образом физико-химические теории иммунитета. Иммунитет изучался как автономный процесс, который протекает главн. образом в крови. Я же доказываю на основании целого ряда экспериментов на различных животных, что главную роль в иммунитете играют нервная система и психические факторы. Я не помню, посылал ли я Вам свою последнюю статью «Factoures biologique et psychique de l'immunité». Готовлю сейчас книжку о «Роли нервной системы и психических факторов в иммунитете». Вот почему я теперь интересуюсь Yoga'ми. Присланные Вами книжки не совсем удовлетворили меня. Мне всё-таки не ясно, каким образом воспитывается воля над собственным телом в такой степени, что человек способен остановить произвольно биение сердца или прекратить кровотечение. Я удивлён, что в Индии, где есть и Университеты и лаборатории, до сих пор это не изучено. Мне кажется, одна из главных задач современной науки - это освободить нашу душу от рабской зависимости нашего тела. Хозяином должно быть не наше тело и различные физиологические процессы, а моё духовное «Я».

Я был бы очень благодарен Вам, если бы Вы сообщили мне, где и как Вы живёте в Индии. Нет ли каких-ниб[удь] описаний или даже фотографий, открыток? Почему вы предпочитаете жить в Индии, и долго ли Вы останетесь там?

Затем ещё вопрос. Я хотел бы поехать в Америку, где мог бы прочитать несколько лекций на общеинтересные темы, напр.:

1) Проблема бессмертия и омоложения в современной биологии.

2) Эволюция смерти и борьба со смертью.

3) Роль и значение оплодотворения в природе.

4) Творческая эволюция.

5) Биологические и психические факторы иммунитета и другие.

Я знаю, что в Америке существуют какие-то организации, котор. приглашают на чтение лекций профессоров из Европы. Не знаете ли, как это делать.

Сердечный привет Вашей супруге.

Искренне Ваш,

С. Метальников

Архив Музея Рерихов, Москва

17 апреля 1932 г. Гималаи

Н.К. Рерих

КРАСНЫЙ КРЕСТ КУЛЬТУРЫ

Читаем в газете телеграмму из Нью-Йорка о восьмистах тысячах безработных в одном этом городе. В Соединённых Штатах число безработных превысило двенадцать миллионов. При этом мы знаем, какое множество интеллигентных работников, конечно, не включено в эту цифру, но испытывают нужду, безработицу не меньшую. Такие цифры истинное несчастье; они показывают, что кризис не только вошёл во все слои общества, но уже является разрушительным фактором. В той же почте сообщается о том, что само существование "Метрополитен Оперы" находится в опасности. Письма сообщают не только о новых урезываниях просветительных учреждений, но и о многомиллионных потерях таких людей, которые считались незыблемыми столпами финансовой мудрости.

Когда на наших глазах потрясаются основы этой многожителейской мудрости, то не является ли это знаком, что эти материалистические основы дошли до какого-то предела и уже изживаются? И не является ли это знамение ещё одним свидетельством о том, что нужно из праха поднимать забытые, запылённые знамёна духа, чтобы противопоставить очевидному для всех разрушению ценности незыблемые?

Когда же, как и теперь, должны быть зажигаемы сердца детей свидетельствами о подвигах, об истинном образовании и познании. Может быть, ещё не было такого времени, когда самым спешным порядком нужно входить в трудности семьи и, на основании всех исторических примеров, указывать, чем именно были преоборены многократно возникавшие в истории человечества кризисы.

Ведь нельзя более скрывать, что кризис произошёл, невозможно утешаться тем, что какой-то новый однодневный сбор накормит всех безработных и голодающих. Совершенно очевидно, что случившееся гораздо глубже.

Уже давно народная мудрость сказала: "Деньги потеряны - ничто не потеряно, но мужество потеряно - всё потеряно". Сейчас приходится вспоминать об этой мудрой пословице, ибо о кризисе стало принято говорить; и пострадавшие и, почему-то, мало пострадавшие стали одинаково ссылаться на кризис, одинаково подрезая все инициативные, творческие устремления.

Так, если не будут приняты основные противодействия, то, быть может, этот кризис явится лишь прологом чего-то ещё более грандиозного.

Мы, оптимисты, прежде всего, должны предотвращать всякую панику, всякое отчаяние, будет ли оно на бирже или в священнейшем Святилище Сердца. Нет такого ужаса, который, вызвав к жизни ещё большее напряжение энергии, не мог бы претвориться в светлое разрешение. Особенно ужасно слышать, когда отягощённые кризисом люди, не очень плохие сами по себе, начинают говорить, что сейчас не время даже помышлять о Культуре. Мы уже слышали подобные недопустимые в робости и отчаянии своём голоса.

Нет, милые мои, нужно именно сейчас спешно думать не только о Культуре, как таковой, но прилагать этот источник жизни молодому поколению. Можете себе представить, во что превращается едва начавшее слагаться миросозерцание юношества, если оно будет слышать и в школах, и в семье своей лишь ужасы отчаяния. Если оно будет слышать лишь о том, что нужно отказаться от самого животворного, что нужно забыть о самих источниках жизни и прогресса.

Эти ужасные "нельзя", "не время", "невозможно" приводят молодое сознание в тюрьму беспросветную. И ничем, ничем на свете вы не осветите эти потёмки сердца, если они, так или иначе, были допущены. И не только о юношестве должны мы мыслить, в то же время мы должны думать и о младенчестве.

Каждый воспитатель знает, что основы миросозерцания, часто неизгладимые на всю жизнь, складываются вовсе не в юношеские годы, но гораздо, гораздо раньше. Часто лишь молчаливый взгляд дитяти говорит о том, что окружающие обстоятельства для него вовсе не так уж недоступны, как кажется гордыне взрослых. Сколько основных проблем разрешается в мозгу и сердце четырёхлетнего, шестилетнего ребёнка!

Каждый, наблюдавший развитие детей, конечно, припомнит те замечательные определения, замечания или советы, которые совершенно неожиданно произносились ребёнком. Но, кроме этих гласных выражений, какое множество искр сознания освещает молчаливый взгляд детей! И как часто эти малыши отводят свой взгляд от взрослых, точно бы оберегая какую-то решительную мысль, которую, по мнению детей, старшие всё равно не поймут.

Вот этот прозорливый ум ребёнка и нужно занять именно сейчас самыми светлыми мыслями. Не пустыми надеждами, ибо идеализм, повторяю, не в туманной пустоте, но в том непреложном, что может быть доказано историками, как самая точная математическая задача.

Разве не время именно сейчас в школах, начиная от низших классов, прийти с увлекающей и вдохновляющей вестью о подвигах человечества, о полезных открытиях и о всём светлом Благе, которое, конечно, суждено и лишь по неосмотрительности не подобрано.

Мы начали с упоминания о Нью-Йорке, поражённые последним газетным сообщением, поражённые тем, что в, казалось бы, богатейшем городе городского управлению неотложно нужны десятки миллионов, чтобы предотвратить голод. Повторяем это газетное сообщение, ибо оно не только не далеко от истины, но, по существу, оно даже не выражает всю истину. Сообщенное о Нью-Йорке, конечно, относится и ко всем городам, и не только Америки, но всего мира. Часто эти сведения закрыты или условными ограничениями, или беспросветною пылью извержений. Сейчас пишут из Южной Америки, приво-

дя отчёт аэропланов, посланных в поражённые катаклизмом местности: "Ничего не видно". Действительно, из многих мест земного шара "ничего не видно". А когда мгла извержения рассеивается, то мы видим ещё большее смятение духа человеческого.

Тот, кто усматривает сейчас несомненность кризиса, вовсе не есть Кассандра в зловещих пророчествах (которые, в случае Кассандры, оправдались). Подающий сигнал о кризисе сейчас просто подобен тому стрелочнику на железной дороге, который, усмотрев неминуемость крушения, подымает флаг предупреждения машинистам, всем сердцем надеясь, что они бодрствуют и увидят эти сигналы. Уподобимся этому стрелочнику.

Поднимем Знамя Охранения Культуры! Вспомним о предложенном ещё в прошлом году Всемирном Дне Культуры, о школьном дне, когда сказания о лучших достижениях человечества, вместо обычных уроков, светлую вестью могут зажечь молодые сердца. Если в прошлом году мы мыслили о Лиге Молодёжи и хотя бы об одном дне, выявляющем Сад Прекрасный человечества, то теперь мы видим, что спешность этого выявления лишь умножилась. Один день уже не укрепит всё то сознание, которое расшатано общественными и семейными невзгодами. Чаще нужно говорить о спасительном, творческом вдохновляющем начале.

Воспитать это, не значит только дать ряд механических сведений. Воспитание, формирование миросознания достигается синтезом, и не синтезом невзгод, но синтезом радости совершенствования и творчества. Если же мы пресечём всякий приток этого радостного осветления жизни, то какие же мы будем воспитатели? Какое же образование может дать педагог, распространяющий вокруг себя печаль и отчаяние?

Но недалеко от отчаяния подделка под радость, и потому всякая насильственная улыбка недаром называется улыбкою черепа. Значит, и нам самим нужно убедиться в том, насколько нужна и жизненна программа Культуры, как оздоровляющее начало, как жизнедатель.

Из медицинского мира мы знаем, что так называемые лекарства-жизнедатели не могут действовать скоропостижно. Даже для самого лучшего жизнедателя нужно время, чтобы он мог проникнуть во все нервные центры и не только механически возбудить их (ведь каждое возбуждение влечёт реакцию), но должен действительно укрепить и оздоровить нервное вещество.

Если мы видим на всех примерах жизни нужность известного времени для процесса оздоровления, то как же неотложно нужно подумать и начать действовать под знаком, подобным Красному Кресту Культуры.

Человечество привыкло к знаку Красного Креста. Этот прекрасный символ проник не только во времена военные, но внёс во всю жизнь ещё одно укрепление понятия человечности. Вот такое же неотложное и нужное всем, от малого до великого, и должен дать, подобный Красному Кресту, Знак Культуры. Не нужно думать, что возможно помыслить о Культуре когда-то, переваривая пищу вкусного обеда. Нет, именно в голоде и холоде, как тяжело раненым светло горит Знак Красного Креста, так же и голодным телесно и духовно будет светло гореть Знак Культуры.

Время ли препятствовать, протестовать, не соглашаться и привязываться к мелочам? Когда по улице следует повозка Красного Креста, то для неё останавливают всё движение. Так же и для неотложного Знака Культуры нужно хоть немного поступиться привычкам обыденности, вульгарными осадками и

всеми теми пыльными условностями невежества, от которых всё равно, рано или поздно, придётся очищаться.

Людам, не прикасавшимся близко к вопросам воспитания, Знак Культуры может показаться интересным опытом; конечно, не скрою, что этим самым такие люди покажут лишь своё недостаточное историческое образование. Но если кому-то это покажется опытом, согласимся и на том, ибо никто не скажет, что этот опыт может быть разрушительным или разлагающим. Созидательность мышления о Культуре настолько очевидна, что смешно говорить об этом.

Во время серьёзной опасности на корабле следует команда: "Действовать по способности".

Вот и сейчас, мысля о Культуре, нужно сказать и друзьям и врагам: будем действовать по способности, то есть положим все силы наши во славу неотложного в своей живоносности творческого понятия Культуры.

"И свет во тьме светит и тьма его не объят". [Ин., 1, 5]

Пусть светит Знамя охранения всего Прекрасного. Пусть сияет Знамя Мира!

*Николай Рерих
Гималаи. [17 апреля] 1932*

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

24 апреля 1932 г. Наггар, Кулу.

Письмо Н.К. Рериха к Его Высокопреподобию Отцу Иоанну

Naggar | Kulu | Punjab | Br. India
24-го Апреля 1932 г.

О Христе Спасителе, Глубокоуважаемый Отец Иоанн,
Отвечаю Вам на вопросы Ваши.

1. Ни о каких камнях, заложенных мною под часовню Преподобного Сергия Радонежского в Америке, я не знаю. Если Вы видели какое-то письмо об этом обстоятельстве, то благоволите сообщить мне, кем оно было написано, чтобы я мог запросить автора письма, откуда сия легенда о каких-то камнях, как вы говорите, кажется, двенадцати. Сколько легенд бродит по миру, сколько выдумок и клеветы, что, во всяком случае, нужно доходить до открытости и ясности до конца. В газетах читали мы подробно о смерти моей в Сибири, но ведь и это не отвечает истине.

2. Кольцо, которое вы видели, имеет на себе надпись: "Единение Любви, Сострадания". Думаю, что об этих началах не единомышленникам, но всему человечеству нужно помнить всемерно. Пусть эти начала будут написаны на всех языках и вхожи во все дома. Надеюсь, Вы согласитесь, что в настоящее время, как Вы и ссылаетесь на мои слова – "Во время смятения и лжи, разрушения и разложения", нужно каждому, голос имеющему, твердить об этих началах, не опасаясь быть осмеянным, заподозренным или преследуемым. Ещё, пожалуй, кто-нибудь скажет – какая же это любовь и какое это сострадание, и дозволено ли оно моим законом. Но, по счастью, сердце человечества, если и не всегда, то хотя бы иногда чувствует, что есть

благо сострадания и любовь, движущая к единому Свету. Ведь не настолько же мы вообще огрубели, что даже пожелание Любви и Сострадания вменялось бы уже в преступление.

3. Ваш вопрос о спиритизме и о явлении Св. Сергия на спиритических сеансах, если бы этот вопрос не исходил от Вас, отца духовного, то я назвал бы этот вопрос кощунственным. Можно ли прийти до такого мышления, чтобы хотя бы оставить в пространстве предположение о том, что Преподобный Сергий может появляться на спиритических сеансах... Это было бы такое кощунственное оскорбление Великого Подвижника. Вообще, если бы Вы знали больше моих писаний, моих лекций, моих картин и моих суждений, то Вы бы знали также и моё отношение к спиритизму, ко вредности спиритических сеансов, которые могут вести к несчастьям, и даже к одержаниям. Эта область опаснее, нежели входить с зажжённой свечой в пороховой погреб. Человечество должно думать об очищенном сознании, но не о смятении его.

Первое явление Преподобного Сергия жене моей Елене Ивановне было в пасхальную ночь 1913 года. Полное бодрствование, светлое устремление, необычайная гармония и мир всего существа, которому она удивлялась, поразительная светоносность и осязательность явления, продолжительность его, которое наполнило всё существо необъятной любовью ко всему сущему и несказуемый трепет сердечный, и взгляд глубоких глаз и чёткость каждого волоса остаются запечатлёнными навсегда. При высших духовных настроениях могут быть такие явления. Отец Иоанн, чувствую, что с каким-то небрежением говорите Вы о Кресте данном. Какое же имеете Вы основание так касаться обстоятельства священного семьи нашей? Не скрою, что для нас всех и сына нашего Юрия, носящего крест этот вместе с крестом крестильным, было большим ударом почувствовать в словах служителя Церкви небрежное отношение к высоким событиям нашего существования. Вы говорите о необходимости ясности и правды, а в то же время в каждой строке пытаетесь внести и намёк, и нарушение. Если мы начнём лишь отрицать, отталкивать, низвергать, то, прежде всего, мы нарушим и тот энтузиазм, который необходим для просветления сердца. Я уже писал Вам, меньше верьте клевете. Из этого письма Вашего вижу, что неветы шли от бедной одержимой, которую мы сожалеем, но одержание настолько сильно, что сердце её наполнено злобою, не отступающей ни перед клеветой, ни перед предательством. Знал-то я её всего несколько месяцев по рекомендации одной доброй особы. Пока я имел возможность помогать ей и денежно, она писала мне восторженные письма с великолепными эпитетами. Но как только кошелек истощился и, несмотря на всё моё желание и на все поиски, мы не могли найти в настоящие труднейшие времена финансовых пособников, то всё переменялось и я сделался исчадьем ада. Особа, познакомившая нас, писала мне: “если бы нашлась тысяча долларов, то всё бы стало бы на место”. Может быть, Вы слышали и о прискорбном случае одержания с её мужем. Так много сейчас одержания на свете и извращённого мышления! Посылаю Вам мою последнюю статью “Остров слёз” *). Из неё Вы увидите, если захотите увидеть, мою сердечную боль.

Вашу фразу “свою искренность простру до конца – беседовать с высшими Духами и прибегать к человеческим гермам – это несовместимо”. Простите меня, эту фразу я понять не могу, хотя и готов бы ответить, ибо люблю

ясность. Прошу Вас, поясните мысль Вашу фактически. От веры и от отцов моих не отрекусь. Если Вы предполагаете об исторических знаках, то я всегда изучал их от десятилетнего возраста; изображения на скалах, которые рисуют нам великий путь движения народов и все прочие археологические изыскания мне близки. Отец Иоанн Кронштадский знал об этой моей склонности к истории и очень одобрял её. Вообще полагаю, что узнавал постепенно истинные факты моей жизни и не слушал более наветов и измышлений, Вы ближе подойдёте к истине: А истина есть Свет лучший. Не столько рассудок, сколько сердце было водителем моим в жизни. Сердце привлекало меня к пониманию Христа, сердце привлекало к Сподвижникам Божиим, и сердце помогало изображать их, оберегая от сект, от инквизиторского духа, ибо правильно вы сказали “Свет Христа Един”. Вы правильно говорите о том, что легче говорить сразу и прямо. Если в нынешнее трудное время мы соберём доброжелательство и добросердечность, и стремление к истинному знанию, то до конца, во всех смыслах, мы можем понять друг друга и вместе идти к Свету.

В построении храмов нет ничего дурного, и отец мой, и отец жены моей их строили, и предок мой во время Петра Великого пострадал за нежелание разрушить церковь для удобства военных действий. Вспоминаю и другой случай, когда католический миссионер пришёл ко мне, заботясь об Имени Христа, и я ему чистосердечно ответил – “в нашем доме Христос не умалён”. И не будет это гордостью, но лишь сердечным приношением, оглянувшись назад, сказать по совести, что на нашем пути Имя Христа пребывало в сердце.

Желаю Вам истинного успеха в высоком служении Вашем и, поручая себя молитвам Вашим, остаюсь уважающий Вас.

По поводу приложений Ваших скажу, что автор одной из них, очевидно не зная языков, и, вероятно, имея доступ лишь к очень малочисленным и искажённым переводам (вроде Кёппена), очевидно, не знал общевосточного мирозерцания, которое в своём первом основном положении говорит: “Из ничего ничто и происходит”, и во втором – “Нет пустоты”. Разве эти оба основания не открывают пути к Богу. Ведь не забудем, что на Востоке самое Высшее Понятие не произносимо из-за чувства глубочайшего благоговения. Можно идти по горестным знакам искажения и несовершенства, но можно из множества материала найти и прекрасные страницы Всепроницающего Духа Божья, Всемилосердного во всём своим созданиям.

Нирвана же по подлинникам восточным есть трансцендентальное, т.е. высочайшее бытие, не подлежащее определениям ограниченности человеческого ума, т.е. именно полная противоположность небытию. Таково незнание наших западных переводчиков, которыми приходится пользоваться.

Один из замечательных миссионеров Архиепископ Нил Ярославский очень знаменательно выражается в трудах своих.

Наверно Вам было бы очень интересно встретиться с моим старшим сыном Юрием, который, будучи глубоким православным христианином, считается лучшим тибетологом, а также санскритистом и монголистом.]

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись с авторскими правками Н.К. Рериха)

*«Посылаю Вам мою последнюю статью “Остров слёз”.
Из неё Вы увидите, если захотите увидеть, мою сердечную боль....»*

***) ОСТРОВ СЛЁЗ**

Самая тяжкая необходимость есть необходимость отказов. Тех отказов, когда к вам приходят с самыми лучшими намерениями, решениями, когда просят о поддержании чего-то очень хорошего, уже существующего, а вы совершенно не в силах помочь. И не только вы не можете помочь сами, но, оглядываясь по всему горизонту, вы даже не знаете, куда же направить этих страждущих, где бы могли быть утолены их прекрасные нужды. Собрание всевозможных обращений о помощи есть истинный остров слёз.

Иногда вы ещё можете догадаться, что некоторые из этих людей ещё поддержатся до каких-то новых обстоятельств; но нередко вы чувствуете, что этот зов был последним призывом и что в запасе уже нет не только средств физических, но уже исчерпались и средства духовные, а это самое прискорбное. Кроме множества несчастий личных, ужасно видеть, как подсекаются всевозможные образовательные и просветительные Учреждения. Происходит именно то, чего человечество должно бы особенно опасаться в текущее время. Происходит усекновение роста Культуры, именно той Культуры, которая в расцвете своём должна давать истинное, и духовное, и всякое благосостояние.

Вот перед нами просьба о школе. Если она не осуществится, то многие детишки останутся без должного образования. Здесь же приложен и снимок с целой многочисленной группой этих детей. И какие славные, милые лица! Несмотря на бедные одежды, сколько здравого элемента чувствуется в этих маленьких телах, готовых для пищи духовной! И спрошенные деньги на эту школу совсем не велики, но и их взять неоткуда.

Вот просьба о поддержании Журнала и полезнейшего Издательства. Всё, уже изданное этим Издательством, ценно и безусловно полезно. Это не какие-то абстрактные мечтания. На столе лежат нужнейшие книги, которые сообщают молодым поколениям прекрасные, обоснованные и укрепляющие факты. Именно такие Журналы и Издательства, полные строительства, должны бы не только существовать, но и расширяться во имя неотложно нужного совершенствования. И опять спрошенная сумма так мала, так несоответственно мала с полезнейшими уже явными достижениями Издательства. Но всё-таки и этой суммы нет. И опять приходится писать: «Будем ждать лучших времён». Будут они, эти лучшие времена, но ведь до тех пор нарушится весь темп уже налаженной работы. Весьма вероятно, что работа даже прервётся, а вы знаете, что значит налаживать работу вновь. И таких просьб от издательств и журналов много. И вовсе не из одной страны они, и вовсе не являются они следствием несчастья одного народа. Разнообразие народов, мест и всех условий сводится к одной объединённости, а именно к объединённости факта усекновения ростков Культуры.

Вот перед вами целое уже заслуженное историческое Учреждение. Результаты плодотворного издательства и работы налицо. Список сотрудников включает в себе целый ряд ценнейших научных имён. О нужности этого Учреждения никто не спорит. Местное правительство посильно поддержало его. Но для существования нужна ещё сумма, смешная в своей малости, срав-

нительно с программой Учреждения, но даже и этой суммы нет. И сколько ценнейших усилий, сколько невознаградимого времени отнимается от нужнейших научных исследований на бесплодные поиски, лишь бы двери Учреждения вообще не закрылись. А закроются они, тогда поди, собери опять нужный комплекс сил и условий. Неужели же дух человечества стал настолько расточительным, чтобы слепо бросаться прекраснейшими накоплениями и нужнейшими изучениями?

Вот в таком же положении медико-научное Учреждение, уже достигшее определённых результатов и приветствованное научными центрами, и тоже смешно мала нужная сумма, но и её нет. Точно нож гильотины! Вот стариннейший Музей, национальная гордость, принуждён искать даже самых малых сумм, чтобы поддерживать своё существование. И опять тот же нож гильотины! Вот поиски о построении Храма, так нужного, когда болеет дух человеческий. И вместо построения нож гильотины!

Вот кружки молодёжи, собиравшиеся во имя прекрасных созидательных Начал, ради самых высоких Имен и Понятий. Ценнейшие кружки молодёжи трудящейся, с трудом пробивающей своё личное затруднённое существование. И сколько ни озираются эти искатели лучших духовных укреплений, они не могут найти даже минимальной суммы, чтобы закрепить существование своего единения. Обессиленные, они разбегутся, гонимые нуждой, и когда же опять удастся соединить их, таких ценных, так радующих дух и сердце.

Вот Культурное Общество, устремлённое к задачам Просвещения, Воспитания, Материнства, к укреплению всех тех начал, которые если не будут осознаны и устроены, то мы вновь будем терпеть крахи и духовные и материальные. Они просят так немногого, чтобы просуществовать. Они и так отдают всё своё, что может быть только отдано. Но эти прекраснейшие примеры самопожертвования разбиваются о те леденистые потоки, о которых говорилось в «Огне Претворяющем».

Известный писатель, широко приветствованный, не может даже взяться за перо, ибо нет средств к существованию. Разве в этом не сказывается безумная расточительность человечества духовными силами? И не только все те множества просьб о поддержании прекрасных начинаний остаются, по необходимости, неотвеченными, но мировой уклад продолжает идти по той же пагубной линии пресечения лучших культурных намерений и стремлений человечества. И главное, что это не относится к одной стране или даже к одной группе стран, нет, эти, к сожалению, неоспоримые сведения поступают со всего мира.

Кто-то скажет: но ведь школы всё-таки существуют, ведь университеты существуют, ведь и музеи существуют. Так, но посмотрим, во что постепенно превращаются бюджеты всех этих сохранённых, хотя бы ради долговременности, учреждений. Мы читаем ежедневно о закрытии целых отделов научных музеев, о прекращении исследований, о приостановлении раскопок, о пресечении построек, о сокращении штатов, причём столько нужных незаменимых молодых сил отсекаются, чтобы навсегда затеряться в беспощадном океане Хаоса. Царят «нет» и «нельзя». Царят отрицания, пресечения, даже без особых обсуждений, что наиболее необходимо. Даже в самых, казалось бы, обеспеченных учреждениях мы видим небывалые ранее объявления о невыполненных изданиях, об отложенных планах и о тех же урезаниях, хотя бы и самого насущного.

Конечно, мы должны думать о будущем, в этом никто не будет особого мнения; даже любой производитель производит не для вчерашнего дня. И вот среди, казалось бы, всё же существующих помыслов о будущем, люди сами, самым жестоким образом, начнут пресекать всё то неотложно нужное, хотя бы даже для каждого производства.

Земля пережила много крахов и потрясений. Но нет ли каких-то отличительных признаков свалившегося сейчас на человечество духовного и материального? Такой признак есть. И этот признак страшен, если на него не обратить особого внимания. Это признак всемирного несчастья. Прежде несчастья были национальные, или групповые, но сейчас произошёл неслыханный интернационализм несчастий. Нет такой страны, нет такого удалённого острова, которые бы не повторяли речей о несчастье.

Чем больше вы приходите в соприкосновение с самыми разнообразными народностями, тем больше вас потрясает эта универсальность несчастья. Малые группы рантье, закрывших от себя мир в призрачной обеспеченности, становятся совершенно незначительными. Любой из них, почти ещё не пострадавший лично, уже твердит о несчастье. И во всех этих несчастьеносных утверждениях и действиях получается какое-то губительное вызывание несчастий, точно какие-то незримые сеятели несчастий проходят по разным странам и бросают в пространство губительные, мертвящие формулы.

А за ними появляется настоящий танец смерти: «отсечь, прекратить, убить, омертвить» - на самых разных языках, в различных формулах, несутся по миру эти мёртвые слова. Призрачная экономия породила армии безработных или сделала размер содержания не отвечающим даже самым нищенским потребностям. Перед нами тоже лежат цифры разных заработных плат, и нужно сознаться, что эта цифры ужасны.

Ясно одно: если человечество будет продолжать гипнотизировать себя вызываниями несчастий, оно нарушит самое ценное, ради чего оно существует, оно нарушит Культуру, оно нарушит ход и накопление того, что при иных условиях невозвратно или потребует многих веков для врачевания.

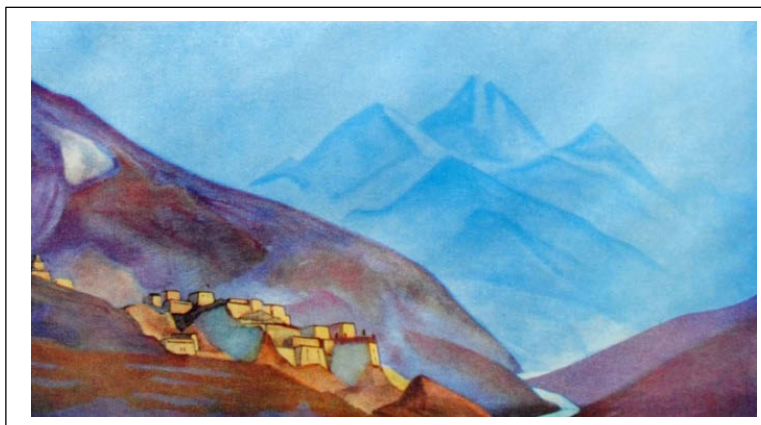
Ужас отказа, ужас убивания живых ростков не может продолжаться далее. Совершенно необходимо, отбросив личные препирательства и личные соперничества, сообща подумать о будущих поколениях, для которых основа Культуры есть единственная твердыня духа. Вместо вызываний несчастий рано или поздно, и лучше пусть будет рано, нужно обратиться к призыванию основ положительного построения. Если мы утвердимся мысленно и действительно на основах строительства, тем самым начнут разрешаться и многие, казалось бы, неразрешимые проблемы. Многолетен был Эдисон, многолетен был Майкельсон, и никто из этих творцов не думал о самоубийстве. Творческая мысль была тем аккумулятором высоких энергий, которые питают все соки жизни. Высокие энергии творчества являются тем великим жизнедателем, вечно искомым людьми. Вот этот жизнедатель и подсказывает каждому желающему помыслить, что необходимо от пагубных вызываний несчастий обратиться к настойчивому вызыванию благого культурного строительства. И если мы все вместе закричим о необходимости развития познания и облагораживания, то этот клич уже будет первым камнем в новом построении положительной твердыни человечества.

Мы начинали от ужаса необходимости отказа, кончим же сердечною радостью о реальной возможности построений, если только хотя бы временно,

хотя бы частично будет отставлена злоба разрушения и разложения. Созидание от мысленного претворяется и в действительное, и потому так хочется сказать всем работникам Культуры, получившим за последнее время столько отказов и отсечений: «Продержимся, не будем рассеиваться, призовём хотя бы остатки дружелюбия и покроем отказы этими зёрнами Блага». Превращать Остров Слёз в Сад Прекрасный, в Сад Труда и Познания, разве это не есть первая основа всех положительных Учений Мира?

1932. Гималаи

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. 1933.

Н.К. Рерих. Лахул. Гималаи. 1932.

29 апреля 1932 г.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

Пусть Ф[уяма] пишет следующее Ману: «Благодарю за поздравление. Надеюсь, что почётное награждение от Короля Александра ещё раз заставит умолкнуть мелкие заподозрения. По правде, много раз уже собирался я написать Правительству Великобритании, что не имею никаких прикасаний к политике Индии, в чём даже хочу дать удостоверение. Пусть хотя бы это письмо останется как документ моей деятельности. У меня, как знаете, столько здесь художественных и научных интересов, что часто хотелось бы продолжить сутки вдвое».

МАЙ

1 мая 1932. Гималаи.

Н.К. Рерих

ОРУЖИЕ СВЕТА

Воистину, слеп тот, кто не хочет видеть.

Среди практических занятий по римскому праву, наш старый профессор как-то дал задание о преследовании клеветы. Обсуждая этот предмет, мы пришли к заключению, что клевета и диффамация, в существе своём, карались сравнительно мало. При этом мы спросили профессора - почему ни в одном законодательстве не карался произнесённый ложный факт.

Помню, как добродушный профессор улыбнулся, воздел руки кверху и сказал: «Тогда пришлось бы посадить в тюрьму девять десятых всего мира».

Эти мечты студентов об ограждении человечества от ложных фактов рано или поздно опять вспоминаются. Само нагромождение разрушительных для человечества обстоятельств точно бы указывает, насколько следует обратить внимание на глубочайшие целые океаны ложных измышлений, в большинстве сознательно направленных ко злу.

Никакие современные законодательства, если бы даже и пытались иногда преграждать вредоносную клевету, не в силах бороться с шептанием лжи.

Кто-то скажет, что это та же клевета, но очень многие подобные злошептания не подойдут под статью о клевете и, тем не менее, будут рассадником, в высшей степени вредоносным. Даже если мы постараемся не обращать внимания на всякую ложь, которую, как птицы, щебечут люди, вообще не давая себе отчёта, какие страшные приговоры иногда заключаются в весёлом щебетании гостиных, то тем вред не уменьшится.

Но, кроме этих безответственных щебетаний, в мире разрослось множество заведомо ложных измышлений, имеющих единственную и вполне осознанную цель - определённого вреда разложения и опустошения.

Если бы начать перечислять встреченные каждым из нас факты такой заведомой вредоносности, то составила бы огромная книга зла; также на сцене иногда показывают делание слепков замка для поддельных ключей, чем внушают слабовольным зрителям разные вредные идеи. Перечислять вредоносные измышления было бы само по себе уже вредно, но нужно дать себе труд, хотя иногда, подумать, сколько заведомой лжи шествует в жизни, разрушая на своём пути самые ценные, а часто и незаменимые возможности.

Из храма люди стали выходить обновлёнными для новой клеветы. Звучающими песнопений стала поощряться душа к злословию. Лучший героизм драмы стал побуждать к подозрениям. И молитва, не становится ли угрозой? Так ли? Хорошо ли?

Для смертельности яда змее не нужен гигантский рост; мала ехидна и змейка коралловая. Пагубен яд даже малого скорпиона.

Об обмане думает обманщик. О предательстве предусматривает предатель. Об ужасах терзается трус. Каждый по-своему. Скажи, о чём думаешь, и я скажу, кто ты есть.

Конечно, если законы должны ограждать безопасность граждан, то ясно, что и законы против клеветы и лжи должны быть постепенно усиливаемы. Если человечество видит, что поток зла очень изобретательно увеличивается, то странно было бы бороться с ним средствами древнего римского права, Кодекса Юстиниана или даже Кодекса Наполеона, которому частично подражали многие последующие законодатели.

Если зло создало свои новые формулы, то ведь и противодействие должно быть постоянно обновляемо.

«Воспитанные» дети должны ничего не желать, ни к чему не стремиться и притупить все свои творческие устремления, слепо следуя стандарту воспитателей, которых, в свою очередь, никто никогда не учил ничему благому и творящему.

Пыльны серые одежды, в которые мы закутали Этику и всякое светлое творчество! Они нашли себе ярких заместителей в виде осуждений, злоречий и распространения ложных измышлений. Странно наблюдать, насколько

оживляются лица при одном приближении ложного измышления. Как обогащается словарь, и самый молчаливый гость становится чуть ли не оратором. При этом не тогда, когда он сам введён в заблуждение, но именно тогда, когда он отлично понимает, что он лжёт.

Изобретателен лжец и в заподозриваниях; судя по себе самом, он, вступая в эту область, чувствует себя, как рыба в воде. Его злобная опытность ободряет, что выходки его останутся безнаказанны. Конечно, если вы напомним ему слова Писания:

«В юже меру мерите, возмерится и вам», он только самодовольно махнёт рукою, говоря: «После нас - хоть потоп!».

Его злобное сознание подскажет ему, что его собственное самосохранение лежит лишь во зле и без этого зла он, как рыба без воды, теряет свою жизнеспособность. В этой основной злобности, в этой подозрительности, в этом желании очернения всех сказывается и глубочайший атеизм.

Перед лжецом не встаёт никакого Высокого Облика, перед которым он мог бы устыдиться. Его скудное воображение не рисует ему никаких перспектив его собственной будущности, когда он должен будет дать отчёт в действиях своих или, вернее, когда он должен поставить себя на место, заслуженное им самим.

Мудро сказано: «Поступайте так, как хотели бы, чтобы и с вами поступили».

Если каждый лжец будет сознавать внутри себя, что он произносит не только крылатое воробьиное слово, но и делает при этом нечто, предусмотренное уголовным законодательством, то он лишний раз подумает - не слишком ли дорого обойдётся ему так полюбившееся злоречие.

Вполне естественно, что усилившиеся своекорыстные угрозы и похищение детей в Америке вызвало усиление противодействующего закона. Конечно, вероятно, в эти дни Линдберг горько улыбается, сознавая, что этот усиленный закон пока ему ни в чём не помог. Даже наоборот, именно после введения закона получилось какое-то новое вымогательство, как бы глумление. Это глумление не показывает ли, насколько зло, как таковое, разрослось и меры против него уже запаздывают?

Не становится ли это похоже на гангрену, за которой тщетно старается поспеть нож хирурга? Не приходим ли мы опять к тому же самому решению, какое было прилагаемо и в других жизненных областях? То есть, не время ли без промедления вводить в школы, с самых низших классов, основы практической Этики?

К сожалению, этот предмет попал в число отвлечённостей, о которых не всегда даже принято говорить, ибо это будет сочтено чем-то несовременным, невоспитанным и вызовет жестокий глум и противодействие союзников сознательного зла. Но если само древнее слово «Этика» ни в чём не виновато, то не виноваты ли мы сами, которые сделали беседу обо всём хорошем недопустимую в гостинных наших?

Не мы ли виноваты, если облекли жизненные основы Этики в скучнейшие серые тоги и предоставили злошептателям самые выразительные страницы словаря? Ведь энтузиазм, этот светлый огонь сердца, считается неприличным в «почтенном» обществе. Похвала и восторг, эти цветы Сада Прекрасного, считаются почти знаком невоспитанности. И похвала, вместо её взаим-

новдохновляющего значения, принимает вид какого-то условного лицемерия, которое так и допущено.

Но для этого нужно иметь хоть какое-нибудь воображение. Для того нужно воспитывать это воображение, чтобы оно могло вывести за пределы сегодняшнего дня. Люди очень боятся болезней, нищеты и всяких несчастий.

Самые наглые лжецы и клеветники иногда оказываются грубыми фетишистами. Они знают о каких-то несчастливых знаках, но не хотят знать лишь того, что обратная сторона есть просто возвращённый их собственный бумеранг. Карма!

Каждому, наблюдавшему метание бумеранга, вспоминается, как иногда неопытный и неосмотрительный метальщик потом с воплем пытается отскочить от собственного же орудия, которое неумолимо настигало его и било с математической точностью силы самой посылки. При этом опытные метальщики называли пострадавшего, прежде всего, глупцом. Поистине, никакого другого наименования невеждам злобы и нельзя придумать.

Как все невежды, злошептатели, прежде всего, глупцы! Какие бы мишурно блестящие слова ни изобретали они в своих злошептаниях, как бы ни старались они развеселить наивное общество отвратительной выдумкой, они останутся, прежде всего, глупцами! Каждая их ложь с абсолютной точностью аккумулируется и в неожиданный ими момент поразит их тем сильнее, ибо каждый сад растёт, как тёмный, так и светлый.

Странно, что земля должна была существовать несказуемые цифры лет для того, чтобы сейчас назрела такая необходимость вопиать против количества зла, порождённого ложью! Но стоит взять любую газету, и события одного только дня покажут, какого страшного предела достигло человечество, желая вредить друг другу.

Хотелось бы, как детям, сказать: «Во время игры не деритесь!», так же сказать и взрослым: «Попробуйте прожить один день, не вредя друг другу!».

Кажется, что в такой день, который бы человечество прожило без вреда, совершилось бы какое-то величайшее чудо, какие-то прекраснейшие, целебные возможности снизошли бы так же просто, как иногда снисходит добрая улыбка сердца или плодоносный ливень на иссохшую землю.

Однажды женщина сказала священнослужителю: «Когда я молилась, то священное Изображение улыбнулось мне». А мудрый священнослужитель ответил: «Сердце твоё улыбнулось, и ответила ему улыбка Спасителя».

Неужели же невозможна эта спасительная улыбка правды, улыбка благостного даяния и самоотвержения? Неужели же, действительно, эгоизм, этот один из ближайших родственников лжи, уже стал победителем?

Не может это быть там, где из глубокой древности уже даны мудрейшие Заветы. Не в скуке, обезображенной непониманием Этики, но в радости Этики, преображённой огнём сердца, всеми лучшими заветами от юности, от младенчества пусть идут дети новым путем великого сотрудничества с Богом творящим!

История даёт нам изумительные примеры, как часто не только детский, ещё не испорченный, мозг преображался мышлением, но и самые, казалось бы, закоренелые преступники просветлялись. Примеры этих просветлённых преступников всегда указываются Великими Заветами; значит, ничто не потеряно. Значит, по счастью, не одной угрозой законов, но именно просветлением сознания можно достигать самых лучших следствий.

Один учёный говорил мне: «У нас не осталось формул». Ах, какая неправда! Все прекрасные формулы не только сохранены во всей живости, но и не великое мужество требуется, чтобы опять обратиться к формулам прекрасным и благостным. Сердцеведение называется этот предмет очищающий. Конечно, это благовествование пусть облечётся в одежды Света: как сказал Апостол Павел, «облечёмся в оружия Света».

В этих светлых одеждах, в доспехе блистающем среди сияющих факелов сердца, нетрудно будет бодрствовать всю долгую ночь и дожидаться Утреннего Света. Никто не сказал, что праздники не нужны. Наоборот - Праздник Сознания, Праздник Труда, Правды, как он глубоко вдохновителен! А главное, как он возможен от любой хижины и до дворца!

Будем же всё, хотя бы самое тёмное, хотя бы самое злое, покрывать творческим созиданием, тем, которое даст Праздник Души человеческой. На том и сойдёмся!

1 мая 1932. Гималаи.

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. [1932].

4 мая 1932 г. Наггар, Кулу.

Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису

NAGGAR, / Kulu, Punjab, Br. India / 4 мая 1932 г.
Monsieur R.Rudzitis, Riga. Latvia

Невидимый Друг,

Сердечно благодарю за присланную Вами книгу. Радостно было видеть, что Вы потрудились на истинную духовную пользу человечества, собирая Заветы и советы опыта всех веков и народов.

Радуемся слышать о высококультурных трудах нашего Латвийского общества. В то время, когда мир содрогается от смятений, вы, как истинные герои, идёте по пути к самому вечному, к самому незыблемому, в чём может обновляться Сердце Человечества.

В каждом письме от д-ра Лукина имеются запросы на действительно неотложные нужды, и сердечно радостно чувствовать, что не существует разделения, не существует пространство препятствующее, но, наоборот, все мы находимся в одном общем потоке жизни, и сколько прекрасного может быть достигнуемо при дружелюбии и сердечности.

Посылаю при этом мою статью *Оружие Света*. Прочтите её и передайте д-ру Лукину для использования в Обществе. Хотелось бы, чтобы ОРУЖИЕ СВЕТА помогло нам всем держаться ещё дружнее, ещё доверчивее, ещё сердечнее и в этой великой неэгоистической взаимной преданности умножать силы во славу познавательного Труда.

Передайте мой и Елены Ивановны привет всем сочленам, так нам близким духовно.

Посылаю Обществу снимок с картины моей Мадонна Орифламма. Пусть эта фотография висит в помещении Общества и напоминает о Знаке Мира и Культуры, который так неотложно нужен. Вспоминаю статью Вашу о конференции в Брюгге, бывшую в латвийской газете. Нужно пользоваться всеми

средствами, чтобы укреплять в сознании людей идею охранения высших человеческих сокровищ. По-прежнему продолжайте в разных кругах и органах укреплять идею Пакта и Знамени. Я уже послал в Ригу мою прошлую статью – Красный Крест Культуры. Пусть священный знак Культуры и Мира вольёт в Общество наше ещё новые силы, ведущие к тому же Единому Свету.

Сердцем с Вами,

Н. Рерих

Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерихов с Рихардом Рудзитисом. В 2-х т. Минск: Лотавь, 2000.

6 мая 1932 г. Урусвати

Письмо Н.К. Рериха к Метальникову С.И.

6 мая 1932

Урусвати

Дорогой Сергей Иванович,

Обрадовался я письму Вашему и огорчился, услышав о всяких невзгодах, у Вас бывших. Кому теперь не трудно? Если бы только из этих общих трудностей, из этой массы напряжения, рождалось созидательное движение! Положительно отовсюду приходится слышать о необыкновенных утеснениях всего принадлежащего Culture, Науке, Искусству. Точно бы люди забыли, что времена расцвета создавались не состоянием бирж, но культурными, духовными движениями? Эта необыкновенная трудность времени тем более обязывает всех мыслящих о Culture особенно держаться вместе, оказать взаимное особенное доверие, и чуткость, и духовную бережливость к друг другу.

Вы спрашиваете, долго ли я буду и почему я сейчас нахожусь в Индии? Когда именно буду проезжать Европу, ещё не знаю. Сейчас строим биохимическую лабораторию, и Вы можете себе представить, какие затруднения испытываем по нынешним обстоятельствам, не говоря уж о разных местных условиях, но, преодолевая необыкновенные трудности, шаг за шагом всё-таки строим. Совершенно понятно, почему строим именно здесь. Во-первых, все естественные условия здешних горных высот совершенно необыкновенны. Кроме того, только здесь возможно изучение древнейшей Аюр-Ведической и Тибетской медицины, которые, как Вы знаете, содержат в себе массу полезных достижений, совершенно еще не принятых во внимание Западной Наукою. Достаточно сказать, что когда мой сын Юрий начал составлять новый Тибетский Словарь, то сразу же обнаружил более трёх тысяч слов, не вошедших даже в лучший из бывших словарей. А сколько же таких новых слов и понятий откроются к концу работы? Само собой разумеется, что эту работу можно производить на месте, где местные брамины и тибетские доктора еще практически достигаемы. Очень нас трогает Ваше устремление к Йоге. Действительно, пора, наконец, понять, что эта вековая мудрость вовсе не должна находиться в так называемом оккультном тумане, но должна сделаться достоянием непредубежденного познания. И для этого, конечно, прежде всего, нужны местные языки, со всеми тончайшими философскими, физическими и медицинскими понятиями. Западная Наука уже неоднократно страдала от неточности и неосведомленности переводчиков и толкователей. Теперь именно нужно то честное культурное понимание, которое вносите Вы своими замеча-

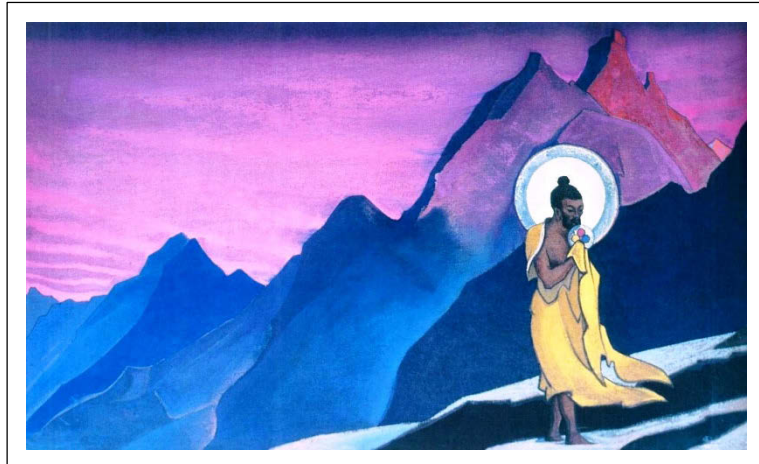
тельными исследованиями и темами. Конечно, посланная Вам книга есть только первоначальное введение и скорее только в низшую, физическую Хатха Йогу. Все дальнейшие Йоги, конечно, построены на тончайшем изучении и применении к жизни нервной системы, обращая сугубое внимание на так называемую симпатическую нервную систему. На Востоке Вам скажут: «Иммунитет заключается в сердце». Разве это одно замечание не будет близко Вам, при Ваших таких замечательных темах. Восток говорит: «Сердце есть величайший аккумулятор и трансмутатор всех космических энергий». Восток говорит - что энергии и эманации огненно очищенного сердца создают ту атмосферу, при которой сочетаются иначе не соединимые элементы. «Все величайшие открытия и применения Космических лучей-энергий возможны при утончении сердца». Совсем недавно местные Университеты наблюдали одного Хатха Йога, который без вреда принимал самые убийственные дозы смертельных ядов. Разгадку этого феномена нужно искать в тренировке сердечной энергии[18]. Словом, Вы видите, что всё это говорит о тех же вечных прекрасных темах, которые справедливо так интересуют Вас. Разве возможны были бы многие чудеса без присутствия огненной энергии сердца? Может быть, можно назвать эту энергию психической энергией. Каждый восточник, говоря о мысли, положит руку себе на сердце, а не на мозг, как это делалось на Западе. Индус знает, где живет Манас. Восток необыкновенно знает значение желёз и их секретий для всех [духовных] явлений. Шишковидная железа и так называемая мокротная железка особенно указаны для духовных комбинаций.*

* [Вы знаете, что на Востоке Мысль является самой потенциальной, самой мощной созидательной энергией. К Вашему вопросу о мерах к развитию воли до степени приказа пульсу нужно вспомнить, что существуют многие приемы необыкновенного напряжения, сопряженные с некоторыми определенными нагнетенными положениями тела, при которых происходит, в силу затрагивания глубоких нервных центров, их очувствование и тем самым вызывание их содеятельности, иначе спящей. Очувствование же даёт возможность и направления конкретной мысли на центры, служа выявлению приказа.]

Темы Ваших предположенных лекций необыкновенно увлекательны. Жаль, что сейчас Америка находится не только в подавленном состоянии, но даже в глубоко потрясенном. Тем не менее, я напишу в Америку, чтобы там справились в Американских Университетах, каким образом такая серия лекций могла бы быть осуществлена. Конечно, лекции предположены Вами на английском? Другие языки неприменимы, дайте мне об этом спешное указание и дайте тезисы лекций по-английски. Всегда радуемся вестям и Вашим интереснейшим книгам: указанную Вами книгу ещё не получили. Шлём Вам и семье Вашей самые сердечные пожелания.

[Н. Рерих]

Архив Музея Рерихов, Москва.

Н.К. Рерих. Бхагаван. 1932.

Н.К. Рерих

СЛОВО ИНДИИ

Перед нами лежит груда периодических изданий Индии. Именно груда, своей величиною и разнообразием отвечающая качествам великого материка. Назовём несколько заглавий, кроме всего множества изданий на бенгальском, урду, тамильском и всяких индусских и мусульманских наречиях.

Вот объёмистый «Калиан», посвящённый высшим концепциям. Вот издания Вишва Бхарата, напитанные благородным, возвышенным духом великого поэта Индии Рабиндраната Тагора. Вот «Современное обозрение», широко отзывчатое под опытным руководством маститого Рамананды Чатерджи. Вот под благою рукою Дармапалы журнал общества «Маха Бодхи» и «Буддист» на Цейлоне, где трудится неутомимый Сиривадхана. Вот целая серия благих журналов Миссии Рамакришны и первоклассные «Прабудха Бхарата» из Майавати и «Кесари Веданта» из Мадраса. Вот из дальнего Пальгата «Учёный», со своей обширной культурной, художественно-научной программой. Вот зовущая «Заря», овеянная культурно-религиозными поучениями почитаемого Садоху Васвани. Вот прекрасное «Рупам», делающее честь О. Ганголи. Вот целое множество журналов, полных лучших образовательных побуждений: «Калпака», «Воспитательное обозрение» (Мадрас), «Молодой народ», «Студент», «Тривент», «Воспитатель Индии», «Восток» (Бомбей), «Теософист» (Адьяр), «Молодой строитель», «Торговый журнал всей Индии», «Поле», «Сингалезе» (Цейлон), «Текущая наука», «Журнал Геологического общества», «Журнал металлургии», «Лесник», «Наука Индии», «Литературное обозрение» Тараповалы, Журнал ботанический, Археологическое обозрение, журнал Бомбейского общества естественной истории, издания Института Боше, журнал Индусского общества биологии. Индусский исторический четырехмесячник, журнал Азиатского Бенгальского общества, журнал Бомбейского отдела Королевского Азиатского общества...

Не перечислить всю эту многоцветную груду полезнейших изданий, ведущих культурную мысль. Справочник показывает в Индии 5362 печатни, 1378 газет, 3089 периодических изданий. За год издано 2117 книг на английском и европейских языках и 14276 книг на индусских, мусульманских и прочих

местных наречиях. Среди печатных океанов прочих стран эти устои мысли составляют остров прекрасный.

Из всей этой просветительной массы, даже немногие приведённые названия - разве не очерчивают они целый мир - философской, общественной, научной мысли, величественный в своих тысячелетних устоях? И разве не ценно в наши дни разложений и распада убеждаться в глубинах существующей, живущей мысли!

Часто принято говорить о прошлом и лишь о прошлом. А за настоящее мы как бы стыдимся, особенно же когда оно касается философского и научного мышления, которое для многих современных людей попало в разряд отвлечённостей.

Слишком многие сейчас полагают, что религия, философия, культура, наука, искусство мышления суть отвлечённости, касаться которых сейчас недосуг. Но настоящие реальности заключаются в торговле, в промышленности, в счетоводных книгах.

Потому-то так сердечно радостно видеть не только книги, посвящённые истинным ценностям, но ежесюжетники и еженедельники, в которых пульсирует мысль почти ежедневная, во всей непрестанности, во всей неутомимости и нужности.

Ведь ежесюжетник, уже не говоря о еженедельнике, требует постоянного горения и устремленного труда.

Недавно я писал Вам о дружелюбии как о мировом алмазе. Во всех этих разнообразных изданиях не бросается в глаза злобная полемика. Замечается преобладание факта, исследования и философский подход к жизненным понятиям. Даже такой, казалось бы, специальный журнал, как «Торговля всей Индии», имеет статью «Продавец и культура». Таким образом, освещается и это понятие, так часто извращённое в кривых призмах современности нашей.

Бросается в глаза отсутствие плоских шуток и всей мишуры, связанной с опошленным понятием о проведении «хорошего времени».

При этом необходимо отметить, что вместо нетерпимости можно находить многие статьи, благожелательно трактующие убеждения соседа. Конечно, как всегда, мы выбираем доброе и лучшее, но ведь в пределах Культуры только и можно путешествовать по добрым вехам.

Вехи зла и тьмы и так уже завели человечество в темно-магические лабиринты, из которых не выйти ни нюдизмом, ни гольфом, ни биржею, ни скачками, ни всеми попытками на быстроту. Куда приведет она - эта быстрота? До чего быстро катится по льду человек в пропасть, - ведь тоже быстрота.

Также радует и значительное количество серьёзных статей, посвящённых женскому движению и молодёжи и экспериментальным исследованиям. Строительность и серьёзность изложения обнадеживают, как показатель, что именно требуют читатели. И все эти тысячи изданий, а на самом деле ещё большее количество, имеют свой круг читателей. Как-то существуют, выходят вовремя и наверно в большинстве случаев издаются бедняками и тружениками.

Среди всяких смятений истинно драгоценно отметить факты здорового духа. Пусть они разнообразны, ведь Культура, как таковая, тоже многообразна, но всё же остаётся Единой в своей светлой творящей основе.

Необходимо искать факты, лишь непредубеждённые факты, в которых звучало бы сердце человеческое. Наша обязанность собирать, отмечать эти

факты накоплений духа. Так образуются сокровищницы истинных ценностей. В часы подавленности, от истинных ценностей можно почерпать обновленные силы и несломимую бодрость, терпение, радость и все творящие начала жизни.

Бесконечно вдохновляюще видеть воочию перед собою это множество серьёзных, углубляющих и утончающих сознание изданий, которые существуют как лучший знак своей насущности для множеств сердец.

Передайте всем нашим обществам, институтам и комитетам, чтобы каждый в своей стране собрал и дал бы хотя бы краткий обзор и характеристику прессы и издательств. Пусть все наши европейские, китайское, японское, южноамериканские и южноафриканские общества дадут эти обзоры, которые составят ценнейшее собрание движений современной мысли.

Пусть не слишком приковывают внимание к отрицательным явлениям. Всякое безобразие и невежество затемняюще и заразительно. Пусть идут позитивным, светлым путём. Как всегда, будем помнить, что только искры строительства зажигают сердца и создают творящую радость.

1932 г.

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. [1933].

19 мая 1932 г. Берлин.

Письмо Иеромонаха Иоанна к Рериху Н.К.

19 мая 1932 г. / Берлин.

Глубоко чтимый Господе Николай Константинович,

Как бы хотелось мне видеть Ваше исповедание духа и веры – единым со мною... Письма, конечно, не всегда передадут подлинный оттенок, и даже настоящее содержание мысли. Не знаю. Приведёт ли Господь с Вами когда-нибудь поговорить уста к устами. Впрочем, здесь одного разговора было бы мало. Есть вещи, которые открываются только после двух-трёх встреч...

Я прошу Вас и Вашего сына простить меня, что я привёл нехороший пример в вопросе о Кресте. Я отвожу от себя всякое суждение о данном опыте, и очень бы хотел, чтобы он был тем, чем он есть в Ваших глазах. В видении преп. Сергия Радонежского Вашей супругой не имею ни малейшего основания сомневаться. Святые одинаково близки нам и когда видим мы их, и когда не видим.

Факт общения с потусторонним миром меня не может соблазнить. Но не могу от Вас скрыть о некотором своём видении различных кругов и различных атмосферах этих общений, этих встреч с тем миром...

Посылаю Вам и Вашей семье свою последнюю книгу.

Господь да благословит Вас, и да исцелит немощи наши. Верьте, хотел бы чувствовать Вас и выше и лучше себя. Оттого болезненно заостряю вопросы о Господе <...>.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Рукопись)

Н.К. Рерих. Звезда героя. 1932.

24 мая 1932 г. Гималаи.

Н.К. Рерих

ПОЗНАВАНИЕ ПРЕКРАСНОГО

Платон заповедал в трактатах о государственности:

«Трудно представить себе лучший метод воспитания, чем тот, который открыт и проверен опытом веков; он может быть выражен в двух положениях: гимнастика для тела и музыка для души». «Ввиду этого воспитание в музыке надо считать самым главным; благодаря ему Ритм и Гармония глубоко внедряются в душу, овладевают ею, наполняют её красотой и делают человека прекрасномыслящим... Он будет упиваться и восхищаться прекрасным, с радостью воспринимать его, насыщаться им и согласовывать с ним свой быт».

Конечно, слово музыка, в данном случае, мы не должны понимать в качестве общепринятого теперь музыкального образования в тесном значении. У афинян музыка, как служение всем музам, имела более глубокое и обширное значение, нежели у нас. Это понятие обнимало не только гармонию тонов, но и всю поэзию, всю область высокою чувства, высокой формы и творчества вообще в лучшем смысле.

Служение Музам было настоящим воспитанием вкуса, который во всём познаёт прекрасное. Вот к этому действительно прекрасному нам и придётся опять вернуться, если только идеи высокого строительства не отринуты человечеством.

Гиппиас Майор (красота) диалога Платона не есть облачная отвлечённость, но поистине живущее благородное понятие. Прекрасное в себе! Ощутительное и познаваемое. В этой познаваемости заключается вдохновляющее, поощряющее напутствие к изучению и внедрению всех заветов прекрасного. «Философская мораль» Платона одухотворена чувством прекрасного. И разве сам Платон, проданный в рабство ненавистью тирана Дионисия, а затем живущий, восстановленный в садах Академии, не доказал примером своим жизненность прекрасного пути?

Конечно, и гимнастика Платона вовсе не современный нам футбол или кулачное антикультурное разбитие носов. Гимнастика Платона это тоже врата к Прекрасному, дисциплина гармонии и возвышение тела в сферы одухотворённые. Мы говорили о введении в школах курса Этики Жизни, курса искусства мыслить. Без воспитания общего познания прекрасного, конечно, и два

названные курса опять останутся мёртвою буквою. Опять в течение всего нескольких лет высокие живые понятия Этики обратятся в мертвенную догму, если не будут напитаны прекрасным.

Многие живые понятия древнего мира приобрели в нашем обиходе вместо, казалось бы, заслуженного расширения, наоборот, умаление и обеднение. Так обширное и высокое служение музам обратилось в узкое понятие игры на одном инструменте. Ведь когда вы слышите сейчас слово музыка, вы себе прежде всего представляете урок музыки, со всеми наслоившимися ограничениями. Когда вы слышите слово Музей, вы понимаете его как складочное место тех или иных редких предметов. И, как всякое складочное место, это понятие вызывает в вас некоторую долю мертвенности. И это ограниченное понятие музея-хранилища, складочного места так глубоко вошло в наше понимание, что когда вы произносите понятие в первоначальном его значении, а именно Музейон, то никто уже не понимает, что вы хотите этим сказать. Между тем каждый эллин вовсе даже не самого высокого образования понял бы, что Музейон есть, прежде всего, Дом Муз.

Прежде всего, Музейон есть Обитель всех родов Прекрасного, и вовсе не в смысле лишь сохранения тех или иных образцов, но в смысле жизненного и творящего применения их. Потому часто вы можете слышать, что люди не могут понять, каким образом Музей, как таковой, может заниматься всеми родами Искусств, может заниматься воспитанием вкуса и распространением чувства Прекрасного, в существе.

В данном случае мы вспомнили Заветы Платона. Также точно мы могли бы вспомнить и Пифагора с его Законами о Прекрасном, с его неизблемыми основами светлых мировых утверждений. Древние эллины дошли до того утончения, что возглавили свой Пантеон Алтарём Неведомому Богу. В этом возвышении духа они приблизились к утончённо-несказуемому понятию древних индусов, которые, произнося «Не ти, Не ти», вовсе не хотели этим сказать какое-либо отрицание; наоборот, говоря «Не То, не То», они лишь указывали несказуемое величие непроизносимого Понятия.

При этом эти великие понятия не были чем-то отвлечённым, чем-то живущим лишь в разуме и рассудке, нет, они жили в самом сердце как нечто живое, живоносное, неотъемлемое и неистребимое. В сердце пылал тот же огонь священный, который слагал огненные Заветы и Синаитских огшельников. Тот же огонь сложил драгоценные облики Св. Терезы, Св. Франциска, св. Сергия и отцов Добротолюбия, многознавших и, в конце концов, мало понятых.

Мы говорим о воспитании вкуса как об акте действительно государственного значения. Когда мы говорим о живой Этике, которая должна стать любимым часом каждого ребёнка, тогда мы и взываем к современному сердцу, прося его расширяться, хотя бы до размеров Заветов Древности.

Разве можно считать естественным фактом, что понятие, ярко выраженное уже во времена Пифагора и Платона, могло бы так сузиться и потерять истинное значение после всех веков так называемого развития. Пифагор уже в пятом веке символизировал собою целую стройную «Жизнь Пифагорейскую» Пифагор утвердил музыку и астрономию как сестёр в науке. Пифагор, названный ханжами шарлатаном, - должен ужасаться, видя, как вместо стройного развития разбита и искривлена наша современная жизнь, не знающая прекрасного гимна солнцу - свету.

В наши дни даже в печати иногда сообщаются странные формулы, как, например, недавно сказанная формула о том, что расцвет интеллектуальности является признаком вырождения. Формула очень странная, если только автор не придаёт слову интеллектуальность какое-то особо суженное понятие. Если, конечно, мы возьмём интеллектуальность лишь как выражение одного условного засушенного рассудка, то, конечно, эта формула справедлива. Но опасно одно, а именно: не считает ли автор интеллектуальность как интеллигентность, которая должна быть связана прежде всего с воспитанием вкуса как действительного в жизни начала.

На наших глазах создано на Западе новое перенятое слово - «Интеллигенция». Сперва на этого новопришельца несколько косились, но затем оно вошло в литературу. Является вопрос, предполагается ли это понятие как выражение интеллекта или же оно по древним Заветам символизирует вообще сознательное воспитание вкуса?

Если оно есть символ сознания и утончённого, и расширенного, то будем приветствовать всякое такое нововведение, которое, может быть, ещё раз напомнит нам о древних прекрасных корнях.

В письме о «синтезе» вспоминались различия понятий Культуры и цивилизации. Оба эти понятия достаточно обособлены даже в обычных словарях. Потому не будем возвращаться к этим двум последовательным понятиям, даже если бы кто-то и удовлетворялся одним низшим понятием цивилизации, не мечтая о Culture.

Но, вспомнив про интеллигенцию, позволительно будет спросить, принадлежит ли это понятие к цивилизации, как к выражению интеллекта, или же оно захватывает и высшую ступень, а именно входит уже в состояние Culture, в которой действуют уже сердце, дух. Конечно, если бы мы предположили, что слово Интеллигенция должно относиться лишь к стадии рассудка, то его не стоило бы вводить в новый обиход. Можно допустить нововведение там, где оно действительно вносит что-то новое или, по крайней мере, достаточно обновляет древние Заветы в рамках современности.

Конечно, всякий согласится в том, что интеллигенция, эта аристократия Духа, принадлежит к Culture, и только в случае такого объединения можно приветствовать это новое литературное понятие.

В таком случае воспитание вкуса, конечно, принадлежит, прежде всего, интеллигенции, и не только принадлежит, но является её обязанностью, не выполняя которую интеллигенция не имеет права на существование и сама себя осуждает на одичание.

Воспитание же вкуса не может быть чем-то отвлечённым. Прежде всего, это есть действительный подвиг во всех областях жизни, ибо, где же может быть граница служению Музам древних эллинов, если древние понимали во всём действительном объёме это служение и приложения в жизнь этих прекрасных начал, то нам-то разве не будет стыдно, если мы в предрассудках и в ханжестве обережём все лучезарные крылья огненно сверкающих ангелов.

Когда мы предлагаем Этику как школьный предмет, как предмет наиболее увлекательный, обширный, полный создающих начал, мы тем самым предполагаем и преобразование вкуса, как защиту от безобразия.

Андромеда говорит: «И я принесла тебе Огонь». И древний эллин вслед за Эврипидом понимает, какой это Огонь и почему он так драгоценен. Мы же в большинстве случаев будем твердить эти вдохновляющие ведущие слова как

фосфорную спичку. Мы наклеили высокое понятие фосфора - носителя Света на спичку и зажигаем ею наш охлаждающийся очаг, чтобы сварить похлёбку на сегодня. А где же оно завтра, это светлое, чудное Завтра?

Мы забыли о нём. Мы забыли, потому что утратили поиски, утратили утончённый вкус, который устремляет нас к улучшению, к мечтам, к сознанию. Мечты для нас сделались снами преходящими, но ведь не умеющий мечтать и не принадлежит к жизни будущей, не принадлежит к роду человеческому с высоким образом.

Даже та простая истина, что мечта о будущем есть первое отличие человека от животного, уже превратилась в трюизм. Но сам трюизм сделался не общепринятой истиной, как должно было бы быть, но стал синонимом истины, о которой не следует думать. Тем не менее, несмотря ни на что, даже во время самых больших трудностей не отложим мысль о воспитании вкуса, не отложим мысль о предмете живоносной Этики. Не забудем об искусстве мышления и будем помнить о сокровище сердца.

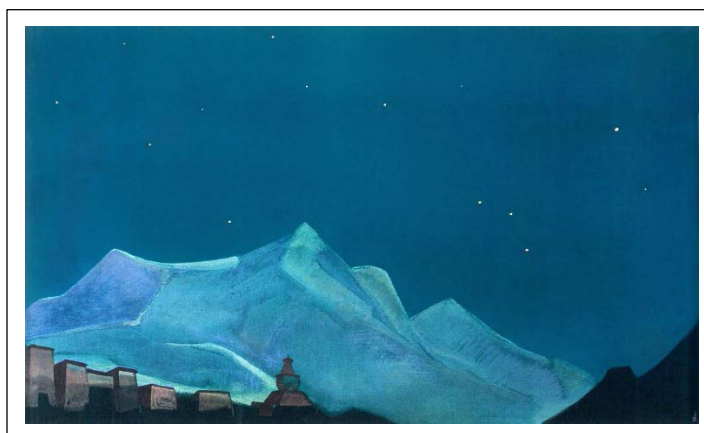
«Некий отшельник оставил своё уединение и вышел с вестью, говоря каждому встречному: «Имеешь сердце». Когда же его спросили, отчего он не говорит о милосердии, о терпении, о преданности, о любви и всех благах основах жизни, он отвечал: «Лишь бы не забыли о сердце, остальное приложится». Действительно, можем ли обратиться к любви, если ей негде пребывать? Или где поместится терпение, если обитель его закрыта? Так, чтобы не терзаться непреложными благами, нужно создать для них сад, который откроется среди осознания сердца. Станем же твёрдо на основе сердца и поймём, что без сердца мы шелуха погибшая». Так заповедуют Мудрые. Так и примем, и приложим.

Без неустанного познания прекрасного, без неутомимого утончения сердца и сознания мы сделаем и законы земного существования и жёсткими, и омертвелыми в человеконенавистничестве. Иначе говоря, будем способствовать самой низменной гибели.

Сказано: *Sub pretextu juris summum jus saepe summa injuria. Suaviter in modo, fortiter in re.* [Под тогою закона высшее справедливое часто есть высший произвол. По сути твёрдо, по способу мягко (лат.)]

24 мая 1932. Гималаи

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. 1933.

Н.К. Рерих. Королевский монастырь. 1932.

ИЮНЬ

13 июня 1932 г.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

Можно послать «Сергия» в Белград.

Июнь 1932 г. Кулу.

Письмо Н.К. Рериха к Королю Александру

Накануне моего предположенного отъезда в Югославию была получена телеграмма из Нью-Йорка о необходимости спешного выезда туда по неотложным делам учреждений. Таким образом, к моему большому прискорбию судьбе угодно опять отложить мой приезд. Среди соображений, которые я намеревался представить Вашему Королевскому Величеству, была также идея об устройстве от государства лотереи в пользу музеев и прочих культурных начинаний. Ведь наши трудные дни, когда именно просветительная деятельность подвергается таким денежным ограничениям, всегда вспоминается, как в Дании национальная подписка дала средства на устройство музея, а сейчас успешные результаты французской государственной лотереи ещё раз обращают внимание на этот всенародный метод на пользу культуры. Особенно думаю об этом, ибо и от профессора Петковича и от Академии в Загребе я имел письма, в которых упоминалось о желательности увеличения средств. Весь мир переживает трудные времена. И, тем более, Югославия должна гордиться, имея во главе такого отзывчивого монарха, как Вы, Государь. Югославский гуслир Петар Перун посвятил мне одну из своих песней. Я отвечаю ему приветом всей Югославии, который будет напечатан в Американской Прессе. Позволяю себе при сём представить Вам, Государь, список этой песни и моего приветствия Югославии. Буду считать глубоко радостным для себя днём, когда удастся мне посетить так близкую моему сердцу страну Славянскую.

Приношу мои горячие пожелания Вашему Королевскому Величеству о здоровье и обо всех Ваших славных и благих деяний.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

16 июня 1932 г. Загреб.

Письмо Председателя Югославянской Академии проф. Г. Мануйловича к Рериху Н.К.

Милостивый Государь,

Глубокоуважаемый и высокочтимый наш Почётный член, с особой радостью получил я Ваше письмо из Урусвати от 14 апреля с.г., а одновременно с ним и книги, которые Вы благоволили прислать мне. И то и другое свидетельствует Югославянской Академии и мне, с какой симпатией Вы, следящий за духовной жизнью всего цивилизованного мира, и со своей стороны, творчески дающий ему столько прекрасных и благородных импульсов к ещё более возвышенной и широкой жизни, - всё же, как сын великого русского народа, а потому и всего славянства, уделяете мысли и нам здесь, нашему народу – в нашей с Божьего благословения возникшей к новой жизни Югославии. Вместе с тем они подтвердили нам, что Югославянская Академия

правильно поступила, когда ознакомившись с Вашей долгой и столь славной деятельностью в области искусства и на интеллектуальном поприще, - немедленно выдвинула Вас, как своего почётного члена перед всем Южным Славянством.

Поэтому я думаю, что и философский факультет Загребского Университета, в своё время, охотно признает эти Ваши заслуги перед искусством и наукой, и сумеет на основании своего мотивированного предложения перед Университетским Сенатом исхлопотать Вам столь редкое своё отличие, как докторат "honoris causa". Таковых местный Университет имеет только четыре: Seaton Watson (профессор Университета в Лондоне), Tomas Masaryk (б. профессор Университета в Праге, а ныне Президент Чехословацкой республики), Fran Bolić (86 летний старец – Сплитский археолог мировой известности) и наконец, наш долголетний профессор философии Gjogo Arnold, произведённый в почётные доктора по случаю пятидесятилетия состояния в докторском звании. Кроме того, они все четверо стоят или стояли в близком контакте с нашей общенародной жизнью. Это, следовательно, почётные доктораты, выданные за исключительные заслуги.

Обычно же все доктораты в нашей стране получаются в обычном порядке, то есть, на основании представления одной или нескольких научных работ. Процедура требует затем одобрения этих работ философским факультетом. Затем следует двухчасовой экзамен ("rigoroz") по главной научной специальности компетента, из которой и представлена научная работа. Кроме того, требуется экзамен ещё по одному предмету, имеющему связь с основным. Наконец, одночасный экзамен по философии (краткое знакомство с историей философии и более подробное знание какой-либо философской науки).

Как видите, у нас получение обычного доктората, насколько мне известно, более сложно, чем, например, в Германии, или, быть может, Америке. Таким образом, *в настоящее время*, я думаю, не было бы целесообразно рассчитывать на докторат "honoris causa" для Вашего сына Георгия Николаевича. Что же касается получения обычного доктората, то оно зависит у нас, во-первых, от достоинства опубликованных им работ (о чём не приходится сомневаться) и во-вторых, от соглашения, когда он прибудет с Вами сюда, с профессорами экзаменаторами о том, по какому тому или другому предмету ему следовало, *б[ыть] м[ожет]*, дополнительно подготовиться. По своей главной специальности, думаю, он вполне подготовлен; по дополнительным предметам, полагаю, не трудно ему было бы пополнить пробел, если таковые имеются.

Таковы – мои соображения касательно выраженных Вами пожеланий, которые, смею Вас заверить, являются в то же время и моим искренним желанием. Соображения эти черпаю я из моего долголетнего знакомства с Университетскими правилами и обычаями, (я был университетским активным профессором с 1896 по 1928 г.) Я очень хочу, кроме того, чтобы эти учёные отличия одновременно сопровождались и той общей непосредственной личной симпатией к Вам и ко всему Вашему семейству, которую, без сомнения, вызовет во всех наших интеллектуальных кругах и среди жителей самого города Загреба Ваш приезд в Югославию вообще, а в наш белый Загреб в особенности.

Югославская Академия уже несколько раз выражала свои самые горячие пожелания о посещении Вами нашей страны и свою радость по поводу этого события. Теперь снова в связи с письмом г. Шклявера от 14 ноября 1931 г., Югославская Академия повторила опять эти свои пожелания новым своим постановлением в пленарном заседании Академии от 1932 года, - о чём я снова имею честь Вам сообщить. Я всё поджидал получения определённых сведений о том, когда Вы предполагаете возвратиться в Европу. Узнав от г-на Министра Мажуранича, что Вы намерены прибыть сюда настоящим летом, я 17-го мая с.г., во время Высочайшей аудиенции у Его Величества Короля доложил Ему об этом. Его Величество очень обрадовала эта весть и Он соблаговолил по этому поводу сказать, что Он будет считать Вас Своим личным гостем. Понятно, что я доложил Его Величеству необходимость и, вместе с тем, наше общее пожелание, чтоб Вы провели в нашей стране возможно продолжительное время. Здесь Вы могли бы собрать обширный материал для Ваших художественных и учёных студий, а равным образом, и для Вашего художественного и научного творчества. Необходимо только, чтобы мы с Вами заранее сговорились об определённом плане Вашего пребывания и путешествия по нашей стране.

С такими мыслями отправился я 26-го минувшего мая, после 13-го годового заседания международного Союза Академии в Брюсселе, в Париже, чтобы там посетить г. д-ра Шклявера в "Association française des amis du Musée de Roerich" [Французская ассоциация друзей Музея Рериха (франц.)- ред.] Посетил я его 28 мая с.г. К сожалению, я получил от него печальную весть, что Вы, в виду тревожного состояния здоровья Вашей Глубокоуважаемой супруги, намерены прибыть в Европу только летом 1933 года, и затем, посетив Прагу, прибыть к нам в Югославию. Желаем и надеемся, чт с Вами прибудет к нам и вся Ваша семья.

От д-ра Шклявера я узнал, что исполнится наше горячее желание, чтобы Ваше пребывание здесь у нас продолжилось несколько месяцев, в виде настоящей художественной научной экспедиции. Обращаемся к Вам одновременно с просьбой, чтобы Вы прочли нам здесь ряд своих лекций, чтобы Ваши идеи, проникнутые Вашей глубокой верой восприятия с искренним жаром, поглубже захватили и душу нашей интеллигенции.

В виду уведомления меня д-ром Шклявером, что Вы немерены в Белграде в Музее Принца Павла основать перманентную выставку своих картин и работ, я тогда ему, а теперь и Вам выражаю свою горячую просьбу о настоятельной необходимости основать таковую же и в Загребе, в порядке, какой Вам благоугодно будет избрать. От г. Шклявера я получил тоже несколько книг Ваших и Вашего сына. В связи с этим я ему выразил своё пожелание, чтобы в обширной библиотеке Югославской Академии собраны были все до сих пор вышедшие труды Ваши, Ваших сыновей и самого Музея Рериха. Это необходимо, с одной стороны, для полной информации здешних Академиков и университетских профессоров, а с другой, ради неограниченной возможности распространения среди насна реальной основе Ваших великих идей и Вашего мирового творчества.

Ибо нужно сознаться, что мы славяне, и здесь на юге, по многим неблагоприятным условиям, в которые нас поставила наша судьба, мало, или даже совсем, не знаем друг друга. Так, например, когда Югославянская Академия получила из Нью-Йорка приглашение на торжество закладки

первого камня Вашего музея, только два члена Академии были отчасти знакомы с Вашим именем и Вашим великим творчеством до 1914 года. Слаба была интеллектуальная связь между Прагой и Загребом, почти никакой не было со Львовом и Краковом, а уже совсем слаба была связь с Россией. Правда, приходил обмен научных изданий Учёных Учреждений между собою, и на Святую Русь мы смотрели, как на могучую покровительницу нашего славянства. Даже с самим Белградом мы не имели той связи, которая должна была бы быть.

Впрочем, уже в 1910 году обе Академии (Корол. Сербская в Белграде и Югославянская в Загребе) начали подготовительные работы по изданию Югославянского Энциклопедического Словаря. Не знаю, получались ли в Загребе другие русские беллетристические журналы кроме Нивы? Благодаря Ниве наш Академик Домьянич (известный лирический поэт) узнал о Вас. Литературный, художественный и научный имелся почти исключительно с Западными Державами и главным образом с Германией. Интеллигентных работников было мало (немного их и теперь). На этих немногих, связанных в большинстве случаев жизненными заботами, падала несоразмерная тяжесть следить разносторонне, а потому часто только поверхностно, за всем. Это замечается ещё ныне. Во всём нашем государстве нет, например, ни одного периодического издания, которое внимательно бы и всесторонне следило за интеллектуальным творчеством у Славянских народов. Неудивительно поэтому, что и Вас не было даже и в последнее время достаточного количества статей в газетах. Я знаю, например, только об одной Белградской и о нескольких лишь в Загребе. Я лично готовлю (и наполовину закончил уже) детальное описание Вашей жизни и Вашего творчества на основании тех материалов, которые получил от Вас. Но не хочу его опубликовывать преждевременно, так как желательно, чтобы оно произвело эффект за месяц-другой перед Вашим приездом. Теперь, хотя вижу, что Вы прибудете в Европу только летом 1933 г., всё же постараюсь в краткий срок закончить эту работу о Вас. Директор нашей "Картинной Галереи имени Архиепископа Штроссмайера" (Галерея – собственность Академии), - профессор истории искусства д-р Шнайдер в 1928 г. ознакомился с обширной статьёй о Вас (с репродукцией нескольких Ваших полотен) из итальянского журнала «Emporium» за 1910 год. Ныне уже с Вашим творчеством, насколько возможно, знакомы не только Академики, но и известное количество интеллигенции. Но и более широкие круги общества следует тоже захватить одушевлением и дать им возможность познакомиться хотя бы с некоторым количеством Ваших картин и репродукций.

Поэтому-то Ваш приезд и приезд Вашего семейства к нам будет иметь значение действительного откровения для Югославии. Вы явитесь здесь настоящими исследователями и апостолам. Ваши лекции в нескольких из наших главных городов дадут нам более глубокое понимание и самого славянского мира и даже всего людского рода. В юго-восточных краях нашего Королевства Вашу кисть и Ваш гений, который Вы всегда вносите в Ваши пейзажи и в Ваши идеи, перевоплощаемые Вам в Ваши полотна, ожидают древние здания и развалины православных церквей и монастырей. В северо-западных краях, и особенно в Приморье, ожидают Вас такие же памятники Западного искусства, о которых писал знаменитый французский учёный Millet. Там Вас ожидают величественные мозаики и фрески, а здесь картины кисти великих

наших и иностранных художников прошлых веков. Ждут Вас столько разнообразных волшебных и часто величественных пейзажей, ждут Вас наши столь разнообразные народные одежды, ждёт Вас наш славянский язык, столь близкий Вашему русскому, и всё то, что влили в душу и внешность нашего народа пережитые им страдания и радости в вековой борьбе за свою свободу - спокойствие и мир ещё пока здоровой и цельной народной жизни.

Ждут Вас наши бессмертные воспоминания и надежды прошлых веков, ждут Вас Ваши приятели и почитатели – Ваша Югославянская Академия. Ждёт Вас и ещё одна высокая личность – благородный и милый возвышенный герой освободительных войн – наш мудрый руководитель в нынешние времена, наш Великий Король Александр!

Во имя всего сказанного, наш Глубокоуважаемый Сочлен по Академии, до скорого свидания. А если сможете с Вашим милым семейством пожаловать в наши объятия ещё и ранее 1933 года, будем ещё более счастливы.

Сердечно преданный Вам

Ваш,

Гавриил Манойлович

Архив Музея Рерихов. (Машинопись) (Перевод письма Председателя Югославянской Академии в Загребе Проф. Г. Манойловича на имя Почётного члена названной Академии Н.К. Рериха от 16 Июня 1932 г. за №)

Н.К. Рерих у картины «Земля славянская». 1931 г.

17 июня 1932 г.

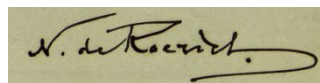
Письмо Н.К. Рериха в Национальный музей, Белград, Югославия.

Honorary President ROERICH MUSEUM

Отправлено из Кулу, Пенджаб, Индия 17 июня по квитанции N. R. Ry №.... через гг. Маккиннона, Масензиэ & Со, Бомбей, в Национальный музей, Белград, Югославия, через Triest L case, помеченный адресом, содержащим 6 (шесть) картин, мной.

Эти картины отправляются в Белград на выставку, бесплатно, а не для каких-либо коммерческих целей.

Я подтверждаю, что вышеприведённое утверждение верно, и шесть картин, содержащихся в этом случае, являются моими оригиналами.

Почётный Президент
Музея Рериха

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

17 июня 1932. Гималаи.
Н.К. Рерих

КАЧЕСТВО (Приказ качества)

«Если хочешь опередить свою тень, обратись лицом к солнцу. Брат, делай всё лучше, трудись радостнее».

В известный период синтеза деятельность должна сконцентрировать качество выявления. Количество, как известные массовые вестники, может быть иногда допускаемо, но движение Культуры никогда не запечатлевалось ни количеством, ни большинством.

Высокое качество и изысканное меньшинство всегда были двигателями настоящих достижений культуры. Очень часто даже в хороших речах и писаниях о Культуре проскальзывает, что Культура начинается там, где люди знают, как использовать досуги свои. Это может быть верно лишь постольку, поскольку мы условимся в понятии досуга. Если под досугом мы поймём всё время вне нашей рутинной работы, как мы иногда называли её - временем труда - пранаямы, тогда так называемый досуг явится лишь средоточием на изыскании высокого качества всей нашей деятельности. Сконцентрированные качественные удары собранной энергии; прекрасно звучат они в пространстве и пробуждают звучанием своим сердца народов.

Качественность пробуждает и другую столь необходимую в эволюционных процессах особенность: она пробуждает действительную ответственность за всё исходящее, хотя бы в одном утверждении или предупреждении, хотя бы оно являлось новою фазою утончения чего-то, казалось бы, уже известного. Величайшая драма часто скрывается в этом будто бы уже известном. Это «известное» попадает в тот разряд общепринятости, о котором люди более и не помышляют, иначе говоря, не только не утончают, но и не возвышают более эти понятия.

Устремление к качественности обратит нас ко многим аксиомам жизни, которые придётся опять вернуть к проблемам, настолько они требуют утончения, обострения и устремления с новых точек нашего бытия. «Non multa, sed multum», [«Не многое, но много» (лат.) – ред.] этот мудрый совет давался тоже в известные периоды деятельности. Нельзя начинать знаменование Культуры с молчания. Молчаливники-отшельники уходили от мира лишь после известной деятельности, когда само их молчание являлось уже громовым духовным зовом и целением немощей.

Как прекрасно сосредоточенное ответственное движение резца ваятеля, который после грубого оформления подходит к выявлению тончайших покровов, причём малейшее отступление верности руки наносит непоправимое

искажение. Пока ваятель находится в сфере первобытных оформлений, рука его может позволить себе иногда или слишком углублённый, или поверхностный, извилистый удар резца. Но когда он подходит к окончательному выражению, преступить которое значило бы вернуться к хаосу, то творческий энтузиазм его возвышается и великою ответственностью за каждое движение его руки. В это время ваятель, может быть, ещё чаще отойдёт от своего произведения, чаще взглянет на него с разных углов зрения, чтобы, приблизившись, запечатлеть неповторяемое прикосновение. Там, где в первые дни работы ваятель мог и словесно выражать свои намерения, там при завершительных ударах он больше молчит, углубляется, зная, что он ответит за всё им завершённое.

Качественность, воздвигнутая всем комплексом обстоятельств, вносит в дело строения особую духовную радость. Переходящий горный поток не может позволить себе ни единого неверного движения. Также следуя по струне через бездну, мы как бы даже теряем часть нашего физического веса и, сердечно прикрепленные к духовным нитям, почти перелетаем гибельные пропасти.

Назовёте ли это энтузиазмом, или возвышением духа, или совершенством качества всех движений и помыслов, или высочайшею торжественностью всех чувств наших, безразличны эти наименования. Тот, кто не поймёт торжественности в любви, торжества качества, тому и все прочие наименования будут лишь камнями, грохочущими в горном потоке.

Не в грохотании звонких слов лежит суждение о высоком качестве. В собранной торжественности сердца решается это судьбище вечности. Если мы дерзаем произносить слово Культура, значит, прежде всего, мы ответственны за качество. Корень слова Культура есть высшее служение совершенствованию, но это и есть наше обязательство по отношению к бытию.

В накоплении качества ничто не будет не предусмотрено, ничто не будет забыто и, конечно, ничто не будет своекорыстно извращено. Крупное ли, мелкое ли своекорыстие так внедрено в жизнь человечества целыми веками извращений и отрицаний, что своекорыстие является одним из главных врагов всего совершенного поверх личного качества.

Как-то рассуждалось в печати о том, не было ли в подвигах, запечатлённых человечеством, какого-то своекорыстия? Вопросалось - не было ли в действиях пастушки Жанны д'Арк какого-либо движения самости, когда она утвердилась на мысли о спасении целого народа? Эти соображения могут приходиться в голову лишь людям в существе своём своекорыстным. По их мнению, не только подвиги, но даже и дела повседневного благотворения, конечно, вызваны лишь разными степенями самости и своекорыстия.

Таков закон людей бессердечных, которые, судя по себе, полагают, что всё доброе творится или для своекорыстия, или для каких-то земных личных возвышений, забывая, что эти земные цветы однодневны, как и пышные цветы кактуса. Бросая всему обвинение в своекорыстии, прирождённые своекорыстники начинают безумствовать и над Культурою. Они говорят: «Нам недоступны пути святости», точно бы обязанности перед Культурою уже были какими-то святыми достижениями.

Кощунственники всегда будут ненавистную им реальность забрасывать за облака недосягаемости, чтобы тем легче навсегда отвязаться от неё. Они же охотно будут покровительствовать кулачным боям, бою быков, состязанию на

скорость, доведённую до бесцельности. Они выдвинут все физические грубейшие выявления, лишь бы, хотя отчасти, стереть значение всего изысканного творящего. Они готовы передать Храм в руки торгашей, надеясь, что, по нашим временам, некому будет изгнать их из Святилища и поддержать то, чем жив дух человеческий.

По счастью, пути совершенствования и высокого качества в существе своём лежат вне рук торгашествующих. О качестве мыслит меньшинство. О качестве может мыслить молодое сердце, пока не загрязнено. По каким бы закоулкам ни вздумало бродить человечество, процесс качества всё-таки будет совершаться! Всё-таки совершится, ибо подвижничество живёт в сердце утончённого духа. Вне опубликованных законов находятся накопления утончения.

Но не будем входить в сферы несказуемые. Сейчас нужно твердить именно о вполне сказуемом понятии качества во всех действиях, во всей производительности. Не устремлённые к качеству пусть лучше и не говорят о Культуре.

Культура вовсе не модное, стильно фешенебельное понятие. Она есть глубочайший устой жизни, скреплённый высшими серебряными нитями с Иерархией Эволюции. Потому-то осознавшие стремление к качеству не боятся насмешек и повторяют словами Апостола Павла: «Когда вы думаете, что мы мертвы, мы всё-таки живы». И не только живы, но каждый, устремлённый к Культуре, иначе говоря, к качеству, находит в себе неиссякаемый источник сил и противостояние всему злобному и разрушительному. Он-то может повторять мудрое изречение: «Благословенны препятствия, ими растём». Для него каждое выявление препятствия есть лишь возможность возвышения качества.

Чем же будет преоборена грубейшая форма, как не излучением духа, сказавшимся во всём качестве, в качестве каждого действия, каждого дня, каждого помысла. Итак, стремясь к высшим формам цивилизации, дерзая мыслить даже о Культуре, не забудем, что жизненность стремления создаётся из высокого качества всех действий.

Не мечтать во снах, но выявлять в жизни обязывает нас ответственность перед Культурой. И эта ответственность поистине распространяется не на какие-то заоблачные мечты редких праздничных дней, но должна быть запечатлена во всей каждодневности. Качество, красота, торжественность в любви во всей неустойчивости и беспредельности ткнут несломимые крылья духа. Качество, качество, качество! Во всём и всегда!

Конечно, всегда найдутся и сатанинские твари, которые на всё духовное, на всё прекрасное прошипят: «К чёрту Культуру, деньги на стол». Но не завидна мрачная участь таких сатанистов. По счастью, «Свет побеждает тьму».

Но какие же сердечные выражения приветия послать тем, кто бескорыстно, самоотверженно борются за Культуру! Как не приветствовать тех, кто благородною борьбою своею помогают государству вписывать незабываемые страницы лучших достижений! Ведь эта борьба, как борьба с самою гущённою темнотою, необычайно трудна, но зато она и составляет тот истинный подвиг, который запечатлевается навеки и составляет лучшие путеводные вехи молодым поколениям.

Благородное стремление создаёт и неиссякаемость сил, и растит тот светлый энтузиазм, о котором горят глаза, и звучит сердце человеческое. Во

имя бездонной Красоты сердца человеческого и сойдёмся и укрепимся в светлой победе Культуры.

*Проф. Николай Рерих
17 июня 1932. Гималаи.*

Из архива А.М. Асеева. Публикуется по изданию: «Оккультизм и йога!». Ч. II. М. 1996.

20 июня 1932 г. Наггар, Кулу.

Письмо Н.К. Рериха к Королю Александру, Югославия

*Naggar, Kulu Punjab, India
20-го Июня 1932 г.*

Во исполнение благопожелания Вашего иметь комнату картин моих в Музее Белграда, мною сделаны к этому следующие распоряжения. Из Индии послано вчера шесть картин во главе с изображением Святого Сергия - Неумоимого Строителя и Покровителя Земли Русской, из Парижа посылаются пять картин и девять из Америки, и я хотел прибавить ещё два славянских сюжета, но, по-видимому, они не вернулись ещё с выставки в Бразилии и в Аргентине. Не могу не сказать ещё раз, что меня особенно трогает устремление Вашего Королевского Величества к делам Культуры, Искусства, Творчества, Знания, даже и тогда, когда весь мир потрясается злоумышлением и разрушительными нападениями тьмы.

Решительно во всех странах, без исключения, всё светлое, всё мыслящее о созидательстве и о будущем, подвергается нападкам и разрушительным ухищрением, но конечно, вся история человеческая и говорит нам, что эпохи возрождения и расцвета создавались и упрочивались не биржевыми спекуляциями, но подвигами культуры. И мне драгоценно видеть среди борцов за Культуру Ваше Королевское Величество, ибо лишь этот подвиг остаётся на скрижалях вместе с высочайшими, героическими действиями. При сём имею честь представить моё обращение ко Второй Конференции в Брюгге, посвящённой нашему Пакту о Сохранении Культурных Ценностей человечества. Уже из Парижа я имел случай слышать, что представители Югославии сердечно относятся к этому Пакту, и я убеждён, что день, что Державное Слово Ваше, Государь, внесёт то утверждение, которое даёт культурным восхождениям так нужную опору. Насущность нашего Пакта подтверждается, к сожалению, ежедневно. Не только в военное время, но и во время всевозможных народных волнений и потрясений уничтожаются множества незаменимых памятников Культуры и потому так необходимо обновить и возвысить традицию почитания духовных сокровищ человечества. Мошь Монарха, сила каждого деятеля в его высоком покровительстве Культуре, Знания и искусству.

Потому представляя Вашему благоусмотрению мои соображения о Пакте Охранения Памятников Искусства и Знания, я знаю, что не утруждаю Вас, но лишь отвечаю Вашим внутренним природным устремлением. Пусть Знамя Троицтва, в основу которого я положил идею Свято-Троицы из Свято-Сергиевой Лавры, пусть это Знамя охранит Сокровища Человечества, пусть оно охранит и все Ваши благие действия на всех героических путях Ваших.

Шлю в этом мои самые сердечные пожелания.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

Н.К. Рерих. Знак Троицы. 1932.

Мадонна Орифламма. 1932.

24 июня 1932 г. Германия, Берлин.
Письмо Н.К. Рериха к Иеромонаху Иоанну.

An den Pf. Joann
Motzstrasse № 27 Berlin W. 30.
Deutschland.

О Господе, глубокоуважаемый отец Иоанн,

Благодарим Вас за книги Ваши БЕЛОЕ ИНОЧЕСТВО. Всё, о чём Вы напоминаете христианам, и нужно, и своевременно. Готово сердце моё, Боже, готово сердце моё. Не умолкну ради Сиона. Трепетность перед Богом. Жизнь, как служение Истине Откровения. Желание сердца. О грехах мелких - всё это так жизненно и так многократно, и с таким почтением поминаете первого духовника моего, Отца Иоанна Кронштадского. Не могу не вспомнить следующую трогательную и высокопоучительную подробность: во время одного из посещений им дома нашего, бабушка Татьяна Ивановна сказала Отцу Иоанну: “на днях, когда молилась я Спасу, улыбнулась мне икона”. Отец Иоанн на это ответил: “Сердце твоё улыбнулось Спасу, вот и Спас улыбнулся тебе”. Этим путём благоутверждения, доброты и привлечения шёл отец Иоанн.

Другой раз, два Гвардейских офицера, под влиянием любопытства, поехали в Кронштадт к отцу Иоанну, и при этом говорили между собою: ну что же, поболтаем со стариком. Когда же они приехали в Кронштадт и пошли к отцу Иоанну, то им навстречу вышла женщина с пустым стаканом и двумя ложками, сказать: батюшка просил вас поболтать. Вот так прозорливством, и широко и разнообразно, коемуждо по делам его, наставлял отец Иоанн, всегда делая это так, чтобы каждое его выражение оставалось на всю жизнь и могло бы вести дальше по пути исправления и восхваления. Много поучительных

подробностей сопряжено в семье нашей с именем отца Иоанна. А торжественное моление его Отче Наш навсегда звучит в сердце каждого, кто слышал его.

Может быть нам придётся встретиться с Вами и когда-либо побеседовать от сердца к сердцу, по добру и во добро. Ещё раз могу подтвердить Вам, радуюсь, что нахожу к тому же и в Вашей книге БЕЛОЕ ИНОЧЕСТВО, что по мере сил пытаюсь идти к первоосновам Великих Заветов, чтобы избежать возможность позднейших нагромождений, граничащих подчас со святотатством и кощунством. Во всех трудах своих смотри в основу и углубляй добро, таков был один из заветов мне отца Иоанна. Вы, конечно, знаете о всей той тёмной клевете существовавшей около отца Иоанна и повторявшейся легкомысленными и легковверными языками, но клевета, разве она не является ещё одним признаком истинного величия духа.

Итак, до нашего личного свидания шлём Вам пожелания Вашим добрым посевам и трепетному стоянию перед Господом.

Архив Музея Рерихов, Москва (Машинопись).

29 июня 1932 г. Наггар.

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

29.VI.32 / Наггар

1. Мы очень озабочены, не получая журнала заседаний после 10-го апреля. Мы не допускаем мысли, чтобы журналы заседаний не [велись], но думаем, что, может быть, по содержанию своему они не ввернутся почте, или же, что особенно печально, почему-то до нас не доходят. Report'ы Президента доходят полностью, но не видно, в каких заседаниях они обсуждались, и какова была реакция на них. Ввиду сообщений от мисс Грант о том, что письмо Е.И. от 20-го апреля было прочтено 8-го июня, надеемся, что всё в кавычках переводится без замедления, но, чтобы упростить положение вещей, мы, по возможности, будем придерживаться более коротких выражений в наших заседаниях.

2. Report'ы Президента запрашивают нас о совете по финансовому положению. Конечно, кардинальным обстоятельством будет развитие деятельности Комитетов Капэнь. Эти Комитеты уже вызваны к жизни год тому назад. Очевидно, состав их представляется недостаточным, и потому можно всячески увеличивать их состав, не считаясь с численностью.

Кроме Комитета Френдшип Бонда на то же благосостояние Учреждений работают и Женское Единение, и Воспитательный Фонд Выставок, каждый внося свою лепту в такое экстренное время. Газетные статьи сообщили официальные данные сэвинг банков в Америке, из чего видно, что в стране отложены огромные суммы лишь некоторую частью населения. Если верить этим официальным данным нью-йоркских газет, то угнетённое положение происходит не от отсутствия денег, но от неправильного мышления, прежде всего о культурном состоянии страны. Расширенные комитеты могут постепенно распространять свою деятельность в те сферы, которые, может быть, ранее не были затронуты. Конечно, совершенно ясно, что экономия должна быть соблюдаема до крайности, но так же, как во всех прочих Учреждениях, должен оказаться и какой-то приток извне через новых людей. Все указанные люди, конечно, могут быть полезны или непосредственно, или, что ещё более вероятно, какими-либо своими косвенными советами и связями. Такие люди,

как упомянутые Вами Лэман или миссис Рузвельт, конечно, никогда не будут говорить о непосредственном денежном участии, но зато их совет и влияние могут оказаться гораздо более существенными.

Мы рады, судя по письму Шклявера, возобновлению переписки с Нью-Йорком. Гибельнее всего было бы самим внести панику в ряды сотрудников, которые могут слышать какие-то клеветнические извращения, но из молчания самого центра могут допускать нелепые выводы.

3. Мы очень обеспокоены отъездом Эрнста. Так же ли деятельны его сотрудники? Мы глубоко изумляемся, что Комитет Бондхольд уже ломает второе формальное соглашение, нисколько не заботясь о возможных для них самих последствиях. Достаточно ли было закреплено соглашение Эрнста с Рик, и, если было, то, вероятно, оно даёт повод к сугубому преследованию рэкетиров. Также странно непоявление их адвокатов в суде. Нет ли в этом отсутствии какой-то уловки?

4. Судя по письмам Шкл[явера], гр[аф] Флери указывает как на источники, главным образом, клеветы, на какие-то русские круги. Вероятно, мы прямо или косвенно возвращаемся к давно известным именам Джин и Харит, которые как целые гнезда клеветы указаны были для расследования.

5. Соображения мисс [Э.] Лихтман о местном Совете Лиги Культуры очень своевременны и уместны. Чем скорее будут проведены в исполнение, тем лучше. Конечно, такие неустойчивые характеры, как Стокэв и Келл., не годятся для такой организации; другое дело, если они сами будут стучаться в эту организацию, что, впрочем, по Вашим письмам мало правдоподобно. После основания Американского Совета Лиги Культуры можно думать о таких же Советах и в других странах, из которых затем будет избран один Центральный Совет, но ближайшее делопроизводство останется за первоположниками, иначе говоря, за инициаторами.

6. Нас радует сообщение о консуле Новаке и переговоры с консулом Х. Среди списков, привлекаемых к деятельности лиц мы не видим в последних письмах имени Ражославича, но, по-видимому, он мог бы быть очень полезен, располагая твёрдыми формулами.

7. Очень просим Press сообщить, где именно появлялись отзывы о "Державе Света"; было бы странно, если бы здесь, где сношения с прессой очень ограничены, их появилось бы больше, чем в Америке. Что сделано Гребенщиковым для отзывов и распространения русского издания? Пока мы слышали лишь об одном отзыве в Буэнос-Айресе, но, конечно, он произошёл совершенно другими обстоятельствами. Через два месяца книга потеряет для прессы своё значение.

8. Посылаем Вам ещё приветы для Конференции.

Из писем наших Шкл[яверу] и барону Т[аубе] Вы видите, что мы употребляем все силы к успеху Конференции и Выставки. Это обстоятельство именно и будет тем внутренне значительным при всех прочих положениях.

Н.К. Рерих Письма в Америку (1923 - 1947). М.: «Сфера». 1998.

ИЮЛЬ

1 июля 1932 г. Гималаи.

«CANIMUS SURDIS» («ПОЁМ ГЛУХИМ»)

Скорбно восклицает великий поэт Италии. Опять целый ворох сведений! И всё о том же!

Вот приостановление издательства в Германии. Вот денежные затруднения в научном мире Голландии. Вот нужда в Болгарии. Вот конец журнала в Калькутте. Вот временное закрытие музея в Детройте. Вот потрясающие цифры безработных в Америке. За один последний месяц в одном Чикаго разрушилось тридцать восемь банков. Вот трудности в Швеции. Вот невозможность существования прекрасно задуманного детского театра. Вот невозможность увековечить историческое событие. Вот прозорливый Уэллс предупреждает о спешной необходимости строить новый Ноев Ковчег для спасения Культуры и цивилизации. Бесконечна подавленность. Бесконечны сведения несчастья из писем и газет. Всюду какие-то тёмные силы обрушиваются, прежде всего, на культурные проявления. Точно бы именно культура мешает им довершить адски задуманное разложение мира.

Среди этих всплесков хаоса раздаются единичные голоса, мечтающие, чтобы всё, по мановению, стало по-прежнему. Болдвин советует: «Покупать мудро и широко!» Нью-Йоркский «Таймс» помещает крупные заголовки: «Возрождение торговли необходимо, чтобы положение безработицы улучшить». «Требуется нормальная покупка». Глава советует: «покупайте автомобили». Чего лучше?

Именно, пусть положение десяти миллионов безработных улучшится! Пусть водворится радостное приобретение. Но ведь эти призывы пенятся, как волны о скалы. Из пены может быть выделан лучший продукт! Может быть, но пока хлещут волны новых бедственных сведений, ревущих в свирепости своей против культуры.

Даже доброхотные обыватели начинают шептать: «О культуре ли думать?», «Где тут цивилизация, когда есть нечего». Большие, сильные люди борются с океанскими волнами культурных невзгод. Посмотрите, что пишет кровью сердца своего известный, прекрасный писатель: «наше личное положение неопишимо тяжко. Однако бьёмся из последних сил, храня веру и дух в бодрости, и любовь к искренним друзьям. Единственный плюс в нашем положении – это полное отсутствие боязни завтрашнего дня, потому что он хуже сегодняшнего дня быть не может. Но изнемогли и постарели ещё на десять лет. Всё же стоять и быть под ярмом долгов сплошь восемь лет и не иметь возможности делать то, что главнее всего, – это надо быть какими-то железными или задубелыми в упорстве. Гибель мира надвигается».

Этому сильному, славному подвижнику отвечено: «На перекрёстке были спрошены прохожие, чем они строят век будущий? Один огрызнулся: «Ядовитыми газами». Другой прошептал: «Подводными лодками». Третий захохотал: «Понижением фондов». Четвёртый: «Гольфом». Пятый: «Наркотиками». Шестой: «На мой век хватит». Седьмой утвердил: «Культурою».

Разве не чудо, если из семи прохожих один всё-таки вспомнил о Культуре. Не только вспомнил, но и не постыдился сказать такое для некоторых не-

удобное слово. Может быть, одним этим словом прохожий навлѣк на себя гонение?

Но всё же чудесно, если даже среди сутолоки перекрёстка произнеслось это священное, вдохновляющее, ведущее ввысь понятие.

Мой друг думал, что на сотню прохожих не более одного вспомнит о той основе, которая создавала все расцветы, все радости, всё благосостояние, всё мужество и все подвиги.

Если бы давалась эта панацея без труда, не на краю пропасти, не у креста, не у чаши яда – она и не была бы тем драгоценным камнем, основой жизни. Если благословенны трудности, то, прежде всего, благословенны они во имя Культуры, воплотившей и Свет, и Служение, и неуклонность подвига, и красоту, и познание.

Если препятствия хранят в себе потенциал возможностей, то именно трудности во имя Культуры расцветают серебряным Лотосом. Лишь бы не обронить Камень и не расплескать Чашу. Беспредельность не имеет конца. Не отвлечѣнность, но жизнь. Сейчас несчастий больше, чем удач, ибо человечество отступилось от культуры. Человечество перевело насущность культуры в роскошь. Никто не признаѣт, что сейчас нормальное время. Даже разбойные рэкетеры, и те понимают аномальность условий и ухищряют свои грабительские уловки, чтобы использовать час затмения. Но ведь молодых сердец, откликающихся на всё светлое, немало. Только нужно осознать, насколько спешно необходимо обратиться ко всему культурному, облагораживающему вкус и все стремления жизни. «Хотя и не часты сознательные борцы за культуру, но тем больше признательности и чести им, хранящим истинные сокровища человечества. Они, как антенны, звучат по миру и воспринимают и шлют зовы благородства, утончѣнности и созидательства».

«Вспоминаю, когда в Монголии экспедиция чудесным образом вышла из опаснейшего положения, то седой бурят, торжественно подняв руку, закричал: «Свет побеждает тьму». Это уже не отвлечѣнность, не мечтание, но прозорливый житель пустыни понял реальность Великого Света и понял, что, в конце концов, тьма осуждена на поражение. И так идущие со Светом всё-таки победят, но колеблющиеся могут быть втянуты в бездну тьмы».

Неужели же столько глухих?

Часто кажется, точно бы пути культуры и условия обихода разошлись. Но если разошлись рычаги одной и той же машины, то, естественно, нельзя же ожидать полного хода, - нельзя же избавиться от губительных перебоев.

Даже детский разум понимает, что просвещение, образование, культура составляет огонь, топливо двигателя.

Троглодит вопит: «К чёрту культуру, деньги на стол». Но на то и троглодит, на то его место в пещере, но не в трапезной культуры.

Троглодит даже среди разорения находит золото, чтобы купить себе кровавое зрелище боя быков, петушиного боя, зрелище разбития скул, вывихов рук, похоти, конской гоньбы. Для этих развлечений деньги найдутся. Даже найдѣтся лицемерное оправдание в бормотании о физическом здоровье. Но как только подойдѣм к вопросам облагораживания вкуса, творчества, к восхождениям духа, тут и уши и глаза закрываются. И вы понимаете, откуда произошла старая французская поговорка: «Особенно глух, кто не хочет слышать». Знал таких глухих и венецианский поэт, восклицавший «глухим поѣм».

В то же время проскальзывают сведения о новой пуле, пробивающей любую броню, о новых наспинных щитах для подползаний, о новых, особенно смертельных газах и о прочих «человеколюбивых» приспособлениях.

На тех же страницах раздаются голоса возмущения против всего братоубийственного. Но троглодит хохочет, ибо ему удалось разъединить провода двигателя. Мрачные Альберих и Миме думают, что пришло их царство, когда всё связанное со светом будет посрамлено, а сатана, даже не трудясь восходить на гору, получит всё им желаемое.

Появление троглодитов страшно. Оно не преувеличено. Объявления балльных платьев, празднества, и обеды, и призы скачек не покрывают несчастий. В каждой газете пестреют сведения о сокращениях и прекращении культурных мероприятий.

Троглодиты торжествуют этим, думая, что их доктрина брюха и похоти, наконец, восторжествует поверх прочих условий. Складываются особые интернационалы света и тьмы. Никакие призовые фанфары не заглушат Армагеддона.

Но разве не последний час, именно теперь, объединиться всем, для кого культура не звук пустой? Разве не последний час, чтобы остановить пресечение ценного, творческого, молодого?

Если речь зайдёт о желудке, похоти, спекуляции, то, пожалуй, ещё вас признают искренним, но всякая попытка обратиться к красоте, знанию, смыслу жизни будет сопровождена недоверием, подозрением в неискренности. Вы скажете, что пословица «человек человеку волк» тоже не от вчерашнего дня, и луна и солнце всё те же.

Правда, другой поэт давно сказал: «Равнодушная природа красою вечною сиять» и «К добру и злу постыдно равнодушны». Но ведь это строки о равнодушии относились к людям, знавшим, казалось бы, гораздо меньше людей нашего времени.

Сейчас даже и природа не совсем-то равнодушна. Даже в далёких горах толкуют о необычных землетрясениях, извержениях, о солнечных пятнах. А институт, учреждаемый в Ницце, почти астрологическим языком толкует о воздействии на людей солнечных пятен, если верить последнему сообщению «Матэн».

Но не от солнечных пятен современное гонение на культуру. И пятна на людской совести за безответственность вовсе не от солнца. От тьмы, от невежества эти пятна безответственности.

«Невежество – величайшее преступление» – так сказано в древнейших заветах. Тот, кто решается сказать: «К чёрту культуру», – есть величайший преступник. Он есть растлитель грядущего поколения, он есть убийца, он есть сеятель мрака, он есть самоубийца.

«Глухим поём», – скорбно ужасается поэт Италии. Но поэт «Бэды Проповедника» отвечает космической бодростью:

«Замолк грустно старец, главой поникая.

Но только замолк он, от края до края

«Аминь» ему грянули камни в ответ».

1 июля 1932. Гималаи.

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. [1933].

1932 г. Гималаи
Н.К. Рерих

РАСХИЩЕННОЕ СЕРДЦЕ

В последней газете два знаменательных столбца. Налево рассказывается трагическая смерть самоубийством мультимиллионера К.; на том же листе направо сообщается самоубийство тоже мультимиллионера семидесятипятилетнего Д. И. К. оставил многозначительную записку: «Я устал». И. говорит в прощальном письме: «Зачем ждать?» Эти два самоубийства миллионеров, не разорённых денежно, но поражённых духовно, очень показательны.

Казалось бы, велик был запас жизненных сил у К. В течение лишь двадцати лет он создал свои всемирные денежные операции. Множество миллионов долларов он давал правительствам целого ряда стран. Правда, замёрзли некоторые его займы, но это обстоятельство ещё не могло быть смертельным ударом его духу.

В случае И. многое ещё поразительнее. Казалось бы, в широкой деятельности И. ничто не замёрзло. Его предприятия, даже за последнее время, обогатились ценными открытиями и усовершенствованиями. Его широкая образовательная деятельность и благотворительные построения, казалось, шли бодро вперёд. Одним из последних его благотворительных начинаний было построение госпиталя в Италии для итальянских детей. И вдруг среди этих расширений, роста, усовершенствований, холодеющий голос: «Зачем ждать?». Вспоминается при этом и другой мультимиллионер, спрыгнувший со своего аэроплана, несмотря на то, что у него осталось многомиллионное состояние.

Спрашивается - какая же такая сила приводит к роковому вопросу: «Зачем ждать?». Казалось, вся история этих людей показывала огромный запас жизненной энергии. Это не были ходячие мертвецы с оледенелыми от рождения сердцами. О К. говорилось много хорошего. И действительно, необыкновенно широкий по всемирному масштабу глаз его не удовлетворялся малыми решениями. Его контора быстро сделалась решающей многие обширнейшие международные вопросы. Если мы возьмём список стран, в которых протекала его денежная помощь, то мы увидим по одним наименованиям этих государств широкую мысль К. Мы заметим созидательное построение не для одной какой-то группы, не для одностороннего политического обособления, но широко обдуманную созидательную работу. Друзья К. хорошо говорили о нём. Спрашивается, где же были эти друзья, когда рука его писала страшное слово, так далёкое от всего его существа, - «Я устал»?

И я видел в последний раз в его Рочестере в 24-м году. С каким необычайным воодушевлением он показывал новые усовершенствования его Заведения и Музыкального института. Видно было ещё раз, что он не был бесстрастным давателем избытков. Нет, несмотря на свои седые волосы, он был бодрым, живым, творящим участником прекрасно замысленных культурно-образовательных Учреждений. Он старательно заботился о привлечении новых сил, молодых, известных, которые могли бы жизненно улучшать Учреждения. И. действительно любил музыку, и вся его жизнь, начиная от раннего завтрака, сопровождаемого органом, была наполнена лучшими мелодиями. Он неотвлечённо хотел помочь утончать сознание молодого поколения Америки. Если мы возьмём списки всех прошедших через его Учреждения, мы увидим действительно широкое понимание вне кружковщины и партийности. Если

же вспомним многие его путешествия и его личную неустанную работу по всем Учреждениям, то именно от И. невозможно было бы ждать страшного, безрадостного восклицания - «Зачем ждать?».

В знаменитых японских приёмах борьбы всегда говорится о двух повторных ударах, из которых последний бывает особенно решающим. Эти два страшные признания выдающихся мультимиллионеров и деятелей повторностью своею особенно поразительны. Не заставят ли эти два возгласа, облетевшие сейчас мир, подумать многих и многих о том, что заставило этих действительно больших, без преувеличения выдающихся людей кончить широчайшую деятельность на страшном восклицании бездарности? Ведь это не отчаяние бедняка, задавленного безысходностью. Ведь это не последний приказ капитана корабля, знающего неизбежность крушения. В этих двух случаях на весь мир возопила сильная воля, увидевшая какую-то очевидно вставшую перед ними действительность. По сравнению с этою страшною действительностью, может быть, уже никакие зовы друзей не могли бы перекричать это рычание убивающей действительности. И назвать её можно лишь самым страшным во всём словаре словом: Безрадостней. Даже не удар отчаяния, не ужас последствий, но мертвящее сознание невозможности радости. Конечно, сказано всегда и во всём: «Радость есть особая Мудрость». Радость человека далеко разнится от радостей телёнка на цветочном лугу. Но человек тоже радуется цветам, и может он им радоваться, если не убито сердце его. Неизлечимая разрушающая болезнь ещё может задать вопрос - зачем ждать? Но сердце, для которого не может быть ни возраста, ни разочарований перед великою действительностью, не может устать.

Конечно, земные пути сообщения приводят к ужасу ограниченности. Повторяю и твержу: если человек не знает, зачем он стремительно кружится над всею землёю в быстрейшем воздушном корабле, то даже само солнце, сама красота пространства рано или поздно станут для него оловянною заслонкою. И в этой печальной ограниченности человек может впасть в великую [...] из ошибок, может прийти к мысли о самоуничтожении. Совершенно очевидно, что тому, кому пришла губительная мысль о самоуничтожении, никто никогда не твердил о последствиях этого акта, противозаконного всему существу. К Заветам религий должны, наконец, присоединиться и голоса науки, которые во имя незыблемых законов бытия сказали бы во всевозможных выражениях, насколько самоуничтожение противоестественно и какие последствия оно неизбежно порождает. Ведь тот, кто хотя бы однажды, хотя бы мгновенно, осознал мир Невидимый, для того Беспредельность перестала бы быть кругосветным путешествием по коре одной из самых крошечных планет. Его воздушный корабль переносил бы не только цифры торговых фирм, которые к месту их достижения уже теряли всякий свой смысл, а радио кричало бы не о ненужностях, но действительно о том, что могло бы породить радость сердца. Подчеркнём именно радость сердца, потому что формы жизни вряд ли могут дать эту неисчерпаемую радость, если только сознание не будет устремляться в будущее, где все неразрешимые проблемы будут разрешены преображением жизни.

Все страшные заключения «зачем ждать?» и «я устал» не являются виною одного человека, они лежат на ответственности всего общества человеческого. Можно поверить, что один индивидуум может устать, если он изо дня в день видит лишь лёд, корысть и предательство. Если он безошибочно замеча-

ет, что его самые сердечные, самые лучшие устремления учитываются на чужих весах мерзостными и пошлыми гирями.

Ни на каких газетных листах не сказано, а может быть и не будет сказано, какие именно причины расхитили сердце этих двух людей. Может быть, не относится ли трагический возглас «я устал» к тем тёмным клеветникам, которые поразили сердечное равновесие? Кто знает, сколько зависти, сколько предательства, лживых измышлений, утаиваний, своекорыстных извращений окружало этих больших деятелей? Устремляясь в какие-то дальние страны, не стремились ли они уйти от действительности и не мечтали ли они в ночном одиночестве где-то найти тех, кто понял бы истинность их стремлений? Не забуду, как один большой писатель незадолго до смерти своей, болея тоже расхищенным сердцем, мучительно сознавался мне: «Может быть, и есть где-то меди друзья и читатели, но ведь я-то не вижу их и не знаю, где живут они». Страшное одиночество больших людей звучало в этом признании, исшедшем из последних биений отягощенного сердца. Вероятно, это сердце чувствовало, что ему не прощена мысль его о человечестве, стремление его о мире вне опошленной обыденности, и он через несколько дней сообщал мне: «Они боятся меня, точно я отнял от них что-то». И он ещё раз болел о том, что малое сознание не только не хочет стремиться к расширению и приобретению истинных радостей, но, как бы для спокойствия своего, оно старается задушить то, что не в их мерках.

Тот, кто сказал об усталости, знал он все эти мерки и устал он не жить, но, может быть, показалось ему нестерпимо ужасным продолжать бороться с этими бесчисленными мерами скверны. Расхитители сердца! Когда читаем сказки о вампирах и оборотнях, не ими ли названы расхитители сердец и извратители прекрасного Бытия, всем сужденного! Потому-то эти два крика смертельной тоски, сейчас облетевшие мир, не случайны. В этой повторной предсмертной исповеди заключается обращение к человеческому обществу. Тот, кто сказал среди огромнейшей деятельности: «Зачем ждать?», тот, конечно, мысленно обращался ко всем тем, которые принесли величайшее разочарование и на его глазах умерщвляли то, чем горело это большое сердце человеческое. Расхищение сердца - так можно назвать это преступление, приносящее самое страшное последствие - Безрадостность.

Похищение Сердца, разве не заключается оно и в похищении детей, о котором сейчас тоже были наполнены листы газетные. Может быть, тоже именно не - случай, но это известие было связано с именем национального героя Америки Линдберга: пусть величина этого имени обратит внимание человечества на те ужасы, которые продолжают твориться и усиливаться в мире двуногих. Мир был потрясён этим известием. Множество сообщений и писем пронизали пространство. Газеты принесли известие, что в спешном порядке был усилен закон против вымогательств и угроз, давший преступнику двадцать лет тюремного заключения и несколько тысяч долларов штрафа. Конечно, иначе и быть не может. Бесчеловечность вымогательства и угроз должны быть достаточно ограждены государством. Обеспечивая существование личности, государство уже тем самым пытается бороться против гнёта безрадостного, против расхищения сердца. Если расхитители сердец, похитители самого драгоценного, разрушители и разлагатели будут извергаться из Общества человеческого как сор, как элемент недостойный, то ведь и усталость жизнью пойдёт по пути прекращения. В убеждении неприкосновенно-

сти сердца люди начнут радоваться, радостями расширенными и неисчерпаемыми. Никто уже не спросит тогда в мучительном вздохе: «Зачем ждать?», но скажет в обновлённом понятии: «Чаю воскресения!». И сама Беспредельность, от которой не уйти уже существующему, не только не испугает, но вдохновит и призовет к новому бесконечному творчеству. И облегченно вздохнет наболевшее сердце, ибо оно узнает, зачем ждать, на что надеяться и что знать. Во имя великого Знания, во имя Прекрасного пошлём наши мысли тем, кто своими наболевшими зовами, не боясь действительности, пронзил мир признанием, о котором все мы должны подумать, собираясь к новым путям.

1932. Гималаи.

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. [1933].

5 июля 1932 г. Урусвати.

Письмо Н. К. Рериха к барону М. А. Таубе.

Урусвати, июль 5, 1932

Дорогой Михаил Александрович!

Шклявер сообщает об участии на Конференции Швейцарии, это очень хорошо, ибо хранительница Заветов Красного Креста должна принимать участие и в нашем Пакте. Одно обстоятельство, касающееся Пакта, мне не совсем ясно. Ещё в бытность мою в Париже в 30-м году состоялось единогласное постановление Музейной Комиссии Лиги Наций, рекомендовавшей наш Пакт. Это постановление Комиссии состоялось без всяких каких-либо особых настояний и давлений с нашей стороны, значит, тогда дело обстояло благополучно, и даже представитель Великобритании Харкур Смиф подписал это постановление. С тех пор прошло два года. За это время накопилось большое количество отдельных чрезвычайно ценных для нас присоединений, приветствий, благословений. Благословение Папы, принятие Пакта Королём Альбертом, присоединение Французской академии, трёх миллионов Женщин Америки, присоединение Адачи, Лодера, Бустаменте, нескольких маршалов, сенаторов, Метерлинка, Тагора и всех тех ценных имён, которые запечатлелись в письменной форме или в Америке или в Брюгге. Вместе с этим, благодаря неясности действий прошлой Конференции, положение Пакта не продвинулось, принося лишь отдельные моральные накопления. Не следует ли наступающей Конференции как-то собрать воедино и реализовать уже бывшие присоединения и благожелания. Конечно, это дело, прежде всего, Председателя Конференции, но если бы он растерялся и упустил вожжи, то, очевидно, ему следует помочь. Конечно, всё равно, каким каналом входят в жизнь просветительные и гуманитарные идеи. Войдут ли они через, как вы говорите, малые страны, которые таким образом опередят культурное развитие больших стран, или же которая-либо из больших стран устыдится уступить свой приоритет в культурных вопросах и вовремя выйдет из постыдного воздержания. Как Вы и пишете, нам-то всё равно, какими вратами войти на помощь Культуре великими или малыми. Во всей истории человечества всегда неизменно меньшинство являлось решающим. Потому моё основное напутствие Вам будет лишь пожелание действия, реализации находчивости на месте. Вы достаточно знаете, что я не люблю стеснять кого бы то ни было, чем бы то ни было. Один работает долотом, другой стамеской, третий напильником, четвёртый перочинным

ножом, всё равно, лишь бы резьба выходила ладно. Никто из наших друзей не в состоянии будет сказать, что я на чём-то настаивал вопреки каждодневной программе действий. Важен результат и закрепление в жизни благого строительного дела, которое существом своим является прямым противовесом всему тёмному и разрушительному. До Конференции уже не успеет даже один оборот письма, потому желаю Вам всякого успеха и буду рад получить Ваше победоносное сообщение. Шлём наши искренние приветы Вам и семье Вашей.

Сердечно Ваш

Н. Рерих

Архив Музея Рерихов, Москва..

12 июля 1932. Гималаи.

Н.К. Рерих.

БУДЬТЕ БЛАГОСЛОВЕННЫ!

Доктор Роберт Харше состоит не только директором крупнейшего художественного института Чикаго, но и является виднейшим знатоком и лидером художественных движений Америки. Потому его недавнее письмо, в котором он определённо говорит, что всякий вред нашим учреждениям был бы "национальным бедствием", является для нас поистине историческим документом.

Если мы вспомним все письма и заявления, сделанные в пользу учреждений во время нашествия варваров, то величайшим воздаянием будет видеть, как даже сравнительно посторонние люди и лидеры художественного и общественного движения называли наше учреждение Гордостью Страны; и другие признавали, что каждый ущерб нашим Культурным Дела́м был бы несовместимым с достоинством Америки.

Таким образом, нашествие варваров, о котором доктор Бринтон так своевременно напомнил, служит как бы пробным камнем достижений Учреждений наших. Мы не сомневаемся, что каждая дальнейшая попытка со стороны варваров и всех тёмных сил будет вызывать такой же противовес и напряжение благих энергий. Каждый, кто прочёл трогательную речь нашей слепой ученицы Леонтины Хирш, конечно, почувствовал и то глубокое отношение, которое было создано в сердцах наших учащихся и сотрудников культурными задачами Учреждений.

Все наши сотрудники должны почувствовать ценность своей работы, которая могла возбудить такие искренние отзывы в момент варварского нашествия. Все призывы и письма миллионных женских организаций, письмо Президента Франклина Рузвельта, письменные протесты студентов Колумбии, наших учащихся, многих кружков молодёжи, письма таких известных культурных лидеров, как проф. Оверстрит, Радославович, проф. Пэтти Хилл, вице-губернатор Леман, Воган, мисс Сутро, генерал Де Леон, Чарльз Флейшер, О"Хара, Косгрэв, Х. Барнс, С. Дени, Дабо, Гребенщиков, В. Лун и всё множество светлых поборников Культуры, будут необыкновенным историческим свидетельством победоносной борьбы Света с тьмою.

Не сомневаемся, что все драгоценные заявления поборников Культуры держатся в строгом порядке в особом портфеле, ибо впоследствии они составят из себя ценнейшую историческую книгу. Эта же книга запечатлеет, как поучительный факт для будущих поколений, также имена представителей тёмных сил, имена разрушительных варваров, имена низких, антикультурных

духов, пытающихся всевозможными тёмными уловками нанести глубокий ущерб Культурным делам. Зная, что эти тёмные силы действовали вполне своекорыстно, прибавим к этой будущей книге документы и все данные судебного следствия, все свидетельства и показания даже совершенно посторонних лиц, возмущённых подпольною тёмною интригою.

Потому храните во всевозможном порядке все эти драгоценные документы. Ведь по многообразию своему они могут находиться в разных Отделах Учреждений. Но их следует собрать воедино, чтобы ни один прекрасный голос, зазвучавший во имя Культуры, не остался неприведённым среди памятных свидетельствований. Можно было наблюдать и своеобразное отношение прессы. При этом мы могли убеждаться, что лишь очень немногие органы не выступили знаменательно на защиту Культуры. Большинство же прессы, к чести её будет сказано, достойно и справедливо отзывалось на все варварские извращения и инсинуации.

Как всегда, можно было заметить, что некоторые шатающиеся, слабые духом люди, даже и среди сотрудников, вместо непреклонной уверенности в победу дел Культуры, заколебались и начали думать о всяких постыдных отступлениях. Другие же, по мерзости природы своей, начали злорадствовать и даже усугублять лживые свидетельствования варваров. Оба эти явления также не должны быть забыты.

Мужество испытывается в бою за правое дело. Истинные светлые воители лишь укрепляются трудностями. Всякая трудность вызывает в них напряжение истинного священного огня. Именно так и совершались те исторические победы Культуры, которыми сейчас изумляется, гордится и живёт человечество. Можно только пожалеть, что шатающиеся, уклончивые, боязливые люди вынимают имена свои из анналов Культурных Достижений. Они уклонились от благородных действий, и по закону справедливости история уклонится от них.

И так наш случай, так же как и некоторые предыдущие, развернулся в общественное явление чрезвычайной знаменательности. Не только в истории Культуры Америки, но и в культурном понимании многих других стран отзовется дело наших Культурных Учреждений. Мы видим уже, как отзываются представители многих других стран. Мы видим, как многие из них благородно отзываются и в трудный момент нападения лишь усугубляют свою дружбу и содействие. Были и немногие другие, которые считали, что финансовое положение одного дома перевешивает значение всех культурных идей. Запомним и этих недорослей духа, которые были готовы так легко отступить и поцеловать окровавленный меч варваров. Запомним и этих трусливых помощников сил тёмных.

Многочисленны сознательные силы тёмные, но ещё более бесчисленны бессознательные их служители, так легко преклоняющиеся перед тёмною грубою силою. Это явление чрезвычайно опасно, ибо ворота крепости могут быть легко открыты никопоклонниками варваров. На воротах Вердена была многозначительная надпись, имевшая в виду всех врагов: "Здесь не проходят". И геройский дух защитников подтвердил смысл этой надписи, тогда как весь мир иногда уже готов был, хотя бы и с прискорбием, сдать эту твердыню.

Есть вещи в Мире, которые в существе своём недопустимы. Всякая низость, всякая уступчивость, как и действие самой мрачной силы, силы разрушительных варваров. Область Культуры представляет из себя именно ту све-

тоносную твердыню, которую нельзя сдать ни в коем случае. Могут быть многие тактические действия, но сдачи, как таковой, не может быть и не будет!

По счастью, Культура зиждется не на денежном знаке. Если даже многие культурные проявления могут временно затруднены или несколько сокращены, то культурное духовное сокровище не может быть нарушено никакими мировыми кризисами, если только предатели во тьме ночной не будут открывать врата неприятелю. Потому остережемся всякого предательства; употребим для этого всю зоркость, поглядим во все подзорные трубы.

Найдём в себе силы отбросить все мелочи дня вчерашнего и объединиться лишь во славу и на пользу Культуры. Пожалеем об ошибках дня вчерашнего и улыбнёмся светлой возможности ещё крепче соединиться. Великое понятие Культуры поможет нам презреть все недостойные мелочи обихода, которые могут, как песчинка в колесе, вносить раздирающий диссонанс. Выполним прекрасный опыт духовного объединения, который безмерно умножает силы и утончает находчивость и прозорливость.

Именно: "Пусть будут благословенны препятствия, ими растём". Пусть будут и благословенны имена всех друзей Культуры, которые не устрашились в час испытания дать о себе такие славные свидетельства. На узловых поворотах жизни создаются моменты, когда именно не отвлечённые слова, но мужественные геройские действия необходимы только; такие действия могут быть прочными ступенями будущего прогресса.

Какое же самое сердечное слово можем сказать мы всем тем, кто поистине заботится о будущем, кто понимает, что лишь созданием и укреплением молодого поколения страны преуспеют и этим путём все "неразрешимые проблемы" мощью культурного мышления обратятся в новое достижение!

Если трудности выявляют истинных друзей, если трудный час, как труба мужества, собирает воедино лучшие сердца, то как же не благословить эти часы, в которые проявляется самое прекрасное и самое благородное!

Благословенны все те, для кого Культура не роскошь, не пустой звук, но единая основа Бытия.

Благословенны, благословенны, благословенны все светлые воители на Великом Служении Культуры!

Агни-Йога в книге "Сердце" заповедует:

"Где же то чувство, где же та субстанция, которой наполним Чашу Великого Служения? Соберём это чувство от лучших сокровищ. Найдём части его в религиозном экстазе, когда сердце трепещет о высшем Свете. Найдём части в ощущении сердечной любви, когда слеза самоотвержения сияет. Найдём среди подвига героя, когда мощь умножается во имя человечества. Найдём в терпении садовода, когда он размышляет о тайне зерна. Найдём в мужестве, пронзающем тьму. Найдём в улыбке ребёнка, когда он тянется к лучу Солнца. Найдём среди всех уносящих полётов в Беспредельность. Чувство Великого Служения беспредельно, оно должно наполнить сердце, навсегда неисчерпаемое. Священный трепет не станет похлёбкою обихода. Самые лучшие Учения превращались в бездушную шелуху, когда трепет покидал их. Так среди битвы мыслите о Чаше Служения и принесите клятву, что трепет священный не оставит вас".

12 июля 1932. Гималаи.

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. [1933].

**16 июля 1932 г. Кулу.
Телеграмма Н. К. Рериха к Тюльпинку**

Brugen, Belgium/ Tulpinck / L rue Wallone /BRUGES

ПЕРЕДАЙТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ИХ ВЕЛИЧЕСТВАМ КОРОЛЮ И КОРОЛЕВЕ БЕЛЬГИИ МОЕ ПОЧТЕНИЕ ПО СЛУЧАЮ ВТОРОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НАШЕГО ПАКТА В Г. БРЮГГЕ. РАД ВЫРАЗИТЬ СВОЕ ИСКРЕННЕЕ ВОСХИЩЕНИЕ КОРОЛЕМ – ГЕРОЕМ АЛЬБЕРТОМ И КОРОЛЕВОЙ ЕЛИЗАВЕТОЙ – СВЕТОНОСНОЙ ПОКРОВИТЕЛЬНИЦЕЙ ВЫСОЧАЙШИХ ПРИНЦИПОВ ЗНАНИЯ И ИСКУССТВА. ВОИСТИНУ СЧАСТЛИВА БЕЛЬГИЯ ПОД ИХ СЛАВНЫМ ПРАВЛЕНИЕМ - НИКОЛАЙ РЕРИХ

16 ИЮЛЯ 1932.

Архив Музея Рерихов, Москва.

**23 июля 1932 г. Кулу.
Письмо Н. К. Рериха к барону М. А. Таубе**

Июль 23, 1932

Дорогой Михаил Александрович! Имеем от Шклявера сведения о том, что картины прибыли в Брюгге сохранно и выставка открылась успешно. Будем надеяться, что эти определительные не только будут продолжаться, но и усиливаться. В конце концов, всё зависит от напряжения воли. В прошлом письме Шклявера сообщалось о том, что Польша будет выставлена в Русском Отделе, под рубрикой Привислянский Край. Очень опасаемся, чтобы такое распределение не вызвало каких-либо выходов польских - и вредных и недопустимых. Странное дело, в то время как в Париже и в Брюгге с Польшей не налаживается, Нью-Йоркские поляки открывают при Музее как ветвь нашего Общества Польский Институт и даже собирают деньги на выставку в Брюгге, а я продолжаю получать дружественные письма и посылки книг от Варшавского Общества Кооперации с Иностранными Государствами. Откуда такое несоответствие в отношениях, трудно понять. Во всяком случае, было бы жаль, если недоразумение в Брюгге отразилось бы на нашем Польском Институте, членами которого, кроме Посла, состоят и Падеревский, и Стойовский, и Зембрих, и многие другие выдающиеся лица польского мира. При случае сообщите мне, как для Вас решается эта задача.

Получили мы сведения из Америки об отправке картин для нашего Отдела в Белградском музее. Картины для Отдела в Музее Бенареса уже прибыли на место. Для Рижского Отдела я досылаю ещё две картины, а в Париж вместо пяти отосланных, замещается десять. Надеюсь, что Тюльпинк исполнит все свои уверения, и как выставка, так и конференция дадут достаточный успех. Пожалуйста, посмотрите, как поставлено в Брюгге дело прессы. Здесь мы продолжаем слышать удивлённые вопросы, почему нет никаких сведений ни о выставке, ни о Конференции. Нужно ли это понять как бестолковость, или же в этом есть какая-то особая мысль. Так как сам я по обычаю ничего зря не делаю, то мне хочется видеть и в поступках других какую-либо определённую идею и программу.

Сию минуту получено Ваше письмо от 9 июля №10. Сердечно сожалеем о Вашем нездоровье и надеемся, что избавление от йода Вам поможет. Если бы я знал, я никогда не посоветовал бы Вам принятие йода, ибо при нашей с Вами конституции это абсолютно вредно, по словам очень опытного врача.

Благодарю за все прочие сведения. Очень интересуюсь Вашей предположенной поездкой в Осло, которая может дать положительные результаты. Немецкие сведения о Бельгии, очевидно, преувеличены, так же как и сведения, бывшие здесь в газетах о Югославии. Не удивлён Вашим отзывом о католическом прелате. К сожалению, несмотря на все наши добросердечие и искренность, мы встречаем лишь дикие нелепости. Очень жаль для служителей Христа.

Итак, ещё раз желаем Вам полного выздоровления и шлём Вам самое сердечное напутствие к Вашей голландской, бельгийской и норвежской конференциям. В ожидании добрых сведений шлём сердечный привет Вам и семье Вашей.

Искренно Ваш [Н. Рерих]

Архив Музея Рерихов, Москва.

24 июля 1932 г. Гималаи.

Н.К. Рерих

ВСЕМИРНАЯ ЛИГА КУЛЬТУРЫ

Взаимность есть более сердечное определение сотрудничества. Если мы давно мечтали и всячески старались достичь сотрудничества, то сами нынешние обстоятельства повелительно устремляют нас по этим сердечным путям.

Наконец, осуществляется ещё одно сообщество, в основу которого заложено наше самое искреннее устремление к общественности и к взаимности. Наши действующие комитеты, охватывающие в своих действиях широкую программу, могут жить и развиваться лишь на основе утепленного сотрудничества, иначе говоря, на взаимности.

Самое сердечное наше желание не только привлечь сотрудников к действиям, но дать им возможность стать сотворцами, создателями новых ступеней Культуры.

Одно дело – простое с сотрудничеством, но совсем иначе должно звучать сотворительство, созидательство, в котором никто ничем не поглощается. Наоборот, в Культурной Беспредельности каждый выковывает себе область и твердыню драгоценную для всех, но созданную им в его индивидуальности. Чем же, как не сердечной взаимностью можно поддержать индивидуальность?

Разве не будет истинным Праздником Культуры тот день, когда каждый нерушимо принесёт в Великом Служении лучшее накопление своего опыта, своей наблюдательности! Всеми нашими многообразными Обществами, Институтами и Учреждениями давалась возможность развиваться самым различным устремлениям, лишь бы они были направлены по сияющему руслу Культуры. Всякое подавление священного чувства прекрасного накопления было нам чуждо.

Теперь в наслоении следующих построений воздвигалась Всемирная Лига Культуры. Ведь это и есть то самое сверхъединительное понятие, перед которым понижают всякие прочие деления, определения и наименования. В слове Лига выражено общественность, единение. Понятие всемирности не нуждается ни в каких объяснениях, ибо правда одна, красота одна и знание едино, и в этом не может быть никаких словопрений. Также и о

слове Культура каждый образованный ум не будет спорить, ибо служение Свету, утончение и возвышение сердца общечеловечно.

Осуществившаяся возможность Лиги Культуры сама по себе чрезвычайно показательна.

В час трудный, во время напряжения всемирного является возможность объединиться под благородным обобщающим понятием. Культура является пробным камнем молодости сердца. Ни возраст, ни механическое образование, никакие-либо другие понимания и деления не могут вредить друг другу там, где сияет древний Ур. Свет негасимый, к которому среди Светлого Края не может быть врагов. Конечно, тьма и невежество, стремящиеся к разложению и разрушению, как всегда, будет пытаться негодовать и противодействовать. Но собираясь во имя трижды священного понятия Культуры, мы и не должны утруждать сердце наше опасением о тьме. Тьма существует, но - и «Свет побеждает тьму». Против этой старой Истины тоже спорить нельзя.

В широком размахе Лига Культуры должна способствовать всему прекрасному, всему познавательному. Из неё должно исходить облагораживание юных поколений, сердца которых в существе своём всегда звучат на героизм подвига.

Соприкасаясь с Культурой, мы, менее всего, нуждаемся в словах и, более всего, обязываемся к просвящённому действию. Не стесняться, не ограничивать, но следует, прежде всего, взаимно связать, сердечно откликнуться в огненности действия, в неутомимости, в мужестве, в возжении сердец и в неустанном труде познания во Благо Общее – это есть задача Культуры.

Пусть каждый в своей области сообразит и принесёт к общему очагу то благое, на что способна его опытность и его творчество. Всё благое, всё познавательное нужно и должно быть приветствовано. В этом приветствии от сердца, в несокрушимой устремлённости к сотрудничеству, во взаимности начнём нашу новую работу.

Шлём привет как видимым, так и невидимым друзьям и сотрудникам. Всемирность есть уже Беспредельность, где каждому трудящемуся уготован Сал Прекрасный. В Добрый Путь.

Николай Рерих

24 Июля 1932 г. Гималаи.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

24 июля 1932 г. Гималаи

Н.К. Рерих

ТВЕРДЫНЯ ПЛАМЕННАЯ

В книге «Сердце» старая китайская сказка говорит о великане заоблачном и о карлике-пересмешнике. Уявлен великан, стоящий головою выше облаков, и карлик насмехается, что великан не видит мира земного. Но великан сносит все насмешки, говоря: «Если захочу, могу ползти по земле, но ты никогда не заглянешь за облака».

На одном университетском торжестве Крукс сделал известный доклад свой о мировоззрении с точки зрения великана и карлика. Учёный провёл замечательные параллели преломления законов в возможностях антиподов.

Также антиподные суждения образуются и около понятия творчества в личном преломлении. Но, как и во всём, лишь наибольшие меры соответствуют вершинному понятию жизни. Мысля о творчестве, надо признать наибольшее, наисветлейшее и наисвязующее.

Субстанция есть чувство. Также и творчество есть выражение сердечной энергии. Как прекрасно, когда эта могущественная энергия осознана, воспитана и приведена в действие. Сколько неосознанных и неприменённых возможностей расплескивается в бездну хаоса. Не часто люди отдают себе отчёт, что творчество выражается не только в механических проявлениях, но гораздо больше, могущественное вечное мысленно изливается во благо мира. Стрелы благие и прекрасные часто понимаются лишь как какой-то древний символ! О значении и мощи мысли начали думать так недавно! О сердце и излучениях наука лишь начинает мыслить!

«Дети, любите друг друга», - так заповедуют Высшие и Лучшие. Для любви надо открыть и воспитать сердце. Но где же доступ, кроме ключа Прекрасного? Духовность, религиозность, подвиг, героизм, доброжелательство, мужество, терпение и все прочие огни сердца - разве не расцветают они в Саду Прекрасном?

Не для слёз и отчаяния, но для радости духа созданы красоты Вселенские. Но радость должна быть осознана, а без языка сердца, где же раскинет радость светоносный шатёр свой? Где же, как не в сердце, твердыня радости?

Осознавший область сердца неминуемо пристаёт к берегам творчества. Как бы этот путник духа ни выражал своё творительство, оно будет в основе своей тем же единым самоцветным камнем, о котором поют все лучшие сказания человеческие. Благочестивый мейстерзингер Вольфрам фон Эшенбах поёт о том же драгоценном камне, о котором говорит и незапамятная мудрость Дао.

Ведь неизбежно нужно где-то и как-то встретиться! Ведь когда-то нужно покинуть звериные привычки. Ведь сердце-то тоскует по Храму Прекрасному, по Иерусалиму Небесному, по Светлому Китежу и по всем горным Обителям Духа. Каждое отращение от Прекрасного, от Культуры приносит разрушение и разложение. Наоборот, каждое обращение к культурному строительству создавало все блестящие эпохи ренессанса.

«Повторять об одном и том же мне не тягостно, а для вас полезно», - пишет Апостол Павел. И звучит эта черта знания духа человеческого не как гробовой укор, но как улыбка мудрости. Именно, до рисунка на мозгу нужно твердить о насущности Культуры. Нужно твердить во всех возрастах, во всех положениях, во всех народах.

Пока Культура лишь роскошь, лишь пирог праздничный, она ещё не перестроит жизнь. Может ли сознание среди каждодневности обойтись без книг, без творений красоты, без всего многообразного Музейона - Дома Муз?

Культура должна войти в ближайший, каждодневный обиход, как хижина, так и дворца. В этом очищенном мышлении понятно станет, где оно самое нужное, неизбежное и где лишь наносы преходящих волн. Как благостно касание крыла Культуры, благословляющего колыбель на подвиг и несущего отходящего путника в просветлённом сознании. В несказуемых, неизречённых мерах облагораживается он касанием Культуры. Не смутный, туманный оккультизм и мистицизм, но Свет Великой Реальности сияет там, где произошло просвещение Культуры.

С песнею входит друг. Художник являет качество духа своего в картине. Взаимно убеждаемся и радуемся на всех проявлениях творчества.

Если даже звери преклоняются перед звучанием, то насколько же оно нужно сердцу людей и в звуке, и в цвете, и в форме.

Не может человечество продолжать низвергаться по пути расчленения и ненависти, иначе говоря, спешить к одичанию. Стойте, стойте, уже и пропасть близка! Соберёмся вокруг понятия Культуры, вокруг Великого Служения Свету. Познавая единость Высшего Света, найдём и способность не укорять, не унижать, не злословить, но славословить Красоте Всевышней.

Разрушительная критика дошла до пределов. Словарь зла, и поношения, и унижения возрос до непереносимости. Но дух человеческий и в темнице своей взывает о радости, о строении, о творении. Помню, как Пюви де Шаванн находил искреннее, благое слово для самых различных произведений. Но не забуду, как известный художник Р. обходил выставку лишь с пеною поношения. Однажды бросилось в глаза, что Р. останавливается гораздо дольше около поносимых им произведений. По часам я заметил, что три четверти часа ушло на ругательство и всего одна четверть на радость. Провожая художника, я заметил: «Знаю, чем задержать вас дольше! Лишь ненавистными для вас вещами». При этом ругательства Р. были весьма изысканны, а похвалы очень бедны и сухи. Конечно, в творчестве Пюви де Шаванн был несравненно выше Р. Не из благодати ли творческой исходила благость суждений Пюви?

Зачем разделяться и злодействовать там, где заповедан общий восторг, общая радость творчества?

Бесчисленны от незапамятных времён заповеди о Прекрасном. Целые государства, целые цивилизации складывались этим великим Заветом.

Украсить, улучшить, вознести жизнь - значит пребывать в добре. Всепонимание, и всепрощение, и любовь, и самоотвержение создаются в подвиге творчества. И разве не должны стремиться к творчеству все молодые сердца? Они и стремятся. Нужно много пепла пошлости, чтобы засыпать этот священный пламень. Сколько раз одним зовом «Творите, творите!» можно открыть новые врата к Прекрасному.

Сколько дряхлости сказывалось в ледящей программе: сперва научусь рисовать, потом перейду к краскам, а уже затем дерзну на сочинение. Бессчётно успевал потухать пламень сердца, прежде чем ученик доходил до запретной двери творчества! Но зато, сколько радости, смелости и бодрости развивалось в сознании с малых лет дерзнувших творить. Как заманчиво увлекательны бывают детские сочинения, пока глаз и сердце ещё не поддались всепожирающим условиям стандарта.

Где же условия творчества? В непосредственности, в повелительном трепете сердца, позвавшего к созиданию. Земные условия безразличны для призванного творца. Ни время, ни место, ни материал не могут ограничить порыв творчества. «Хоть в тюрьму посади, а всё же художник художником станет», — говаривал мой учитель Куинджи. Но зато он же восклицал: «Если вас под стеклянным колпаком держать нужно, то и пропадайте скорей! Жизнь в недотрогах не нуждается!». Он-то понимал значение жизненной битвы, борьбы Света со тьмою.

Пришёл к учителю с этюдами служащий; художник похвалил его работы, но пришедший стал жаловаться: «Семья, служба мешают искусству».

«Сколько вы часов на службе?» - спрашивает художник. «От десяти утра до пяти вечера». - «А что вы делаете от четырёх до десяти?» - «То есть как от четырёх?» - «Именно от четырёх утра». - «Но я сплю». - «Значит, вы проспите всю жизнь. Когда я служил ретушером в фотографии, работа продолжалась от десяти до шести, но зато всё утро от четырёх до девяти было в моём распоряжении. А чтобы стать художником, довольно и четырёх часов каждый день».

Так сказал маститый мастер Куинджи, который, начав от подпaska стада, трудом и развитием таланта занял почётное место в искусстве России. Не суровость, но знание жизни давало в нём ответы, полные сознания своей ответственности, полные осознания труда и творчества.

Главное, избегать всего отвлечённого. Ведь, в сущности, оно и не существует, так же, как и нет пустоты. Каждое воспоминание о Куинджи, о его учительстве, как в искусстве живописи, так и в искусстве жизни, вызывает незабываемые подробности. Как нужны эти вехи опытности, когда они свидетельствуют об испытанном мужестве и реальном созидательстве.

Помню, как после окончания Академии художеств Общество поощрения художеств пригласило меня помощником редактора журнала. Мои товарищи возмутились возможностью такого совмещения и прочили конец искусству. Но Куинджи твёрдо указал принять назначение, говоря: «Занятый человек всё успеет, зрячий всё увидит, а слепому всё равно картин не писать». Помню также, как однажды Куинджи раскритиковал мою картину «Поход». Но полчаса спустя он, сильно запыхавшись, вновь поднялся в мастерскую: «Вы не должны огорчаться, пути искусства бесчисленны, лишь бы песнь шла от сердца», — улыбаясь, говорил он.

И другой мой учитель Пюви де Шаванн, полный благожелательства и неистощимого творчества, мудро звал всегда к самоуглублению, к труду и к радости сердца. Не погасла в нём любовь к человечеству и радость творения; а ведь первые шаги его не были поощрены. Одиннадцать лет его картины не были принимаемы в Салон. Это был достаточный пробный камень величия сердца!

И третий мой учитель, Кормон, всячески поощрял меня к самостоятельной работе, говорил: «Мы становимся художниками, когда остаёмся одни».

Благословенны Учители, когда ведут они благою, опытною рукою к широтам горизонта. Сладостно, когда можем вспоминать Учителей своих со всем трепетом сердечной любви.

Учительство старой Индии, углублённое понятие Гуру - Учителя, особенно и трогательно, и вдохновительно. Именно вдохновительно видеть, что свободное, осознанное почитание Учителя существует и до сего дня. Истинно, оно составляет одну из основных красот Индии. Без сомнения, то же понятие жило и среди старых мастеров Италии и Нидерландов и среди русских иконописцев. Но там сейчас оно уже в прошлом, тогда как в Индии оно ещё живёт и не умрёт, надеюсь.

Всякое духовное обнищание стыдно. Из тонкого мира печально смотрят великие мастера, жалея о неразумно затруднённых возможностях. В «Духовных ценностях», в «Переоценке», в «Огне Претворяющем» мы достаточно говорили обо всём том, что не должно быть утеряно на перепутьях и перекрестках. Но не могу не вспомнить покойного друга моего, поэта Блока, и его глубокие слова о Несказуемом. Блок прекратил посещение религиозно-философского общества, ибо: «Там говорят о Несказуемом».

Именно, есть предел слов, но нет границы чувств и вместимости сердца. Всюду прекрасное. Все путники добра, все искатели искренние приставали к этому берегу. Как бы ни ссорились, как бы ни озверели люди, они всё же объединённо замолкают при звуках мощной симфонии и прекращают препирательства в музее или под сводами Парижской Богоматери. Та же любовь сердца вспыхивает, когда мы читаем о молниях красоты во всех заветах.

Трогателен персидский апокриф о Христе. «Когда проходил Христос с учениками, на пути оказался труп собаки. Отшатнулись ученики от тления. Но Учитель и здесь нашёл красоту и указал на белизну зубов животного».

В час отхождения вспоминает Будда: «Как прекрасна Раджагриха и скала Коршуна! Прекрасны долины и горы. Вейсали, какая это красота!».

Каждый Бодхисаттва среди прочих своих выявлений должен быть совершенен и в искусстве.

Говорит рабби Гамалиель: «Изучение закона есть благородное дело, если оно соединяется с каким-либо искусством. Занятие ими отвлекает нас от греха. Всякое же занятие, не сопровождаемое искусством, ни к чему не приводит». А рабби Иегуда добавляет: «Не учащий сына своего искусству, готовит из него грабителя на большой дороге». Спиноза, достигнув значительного совершенства в искусстве, поистине отвечал завету гармонизации и облагораживания духа.

Конечно, и высокие заветы Индии утверждают то же основное значение творческого искусства. «В древней Индии искусство, религия, наука были синонимами Видья, или Культуры». «Сатьям, Шивам и Сундарам, или Вечное Троичное выявление Божественности в человеке, Непреложное, Благостное и Прекрасное».

Вспомним Музейон - дом Муз - Пифагора, Платона и всех тех великих, которые понимали краеугольные камни основ жизни. Плотин — о Прекрасном!

Из глубин тяжких переживаний Достоевский взывает: Красота спасёт мир!». Ему вторит Рёскин, одухотворяющий камни прошлого. Знаменитый Иерарх, смотря на картину, восклицает: «Молитва земли небу!».

Старый друг всех творящих искателей Леонардо да Винчи говорит:

«Тот, кто презирает живопись, презирает философское и утончённое созерцание мира, ибо живопись есть законная дочь или, лучше сказать, внучка природы. Всё, что есть, родилось от природы, и родило, в свою очередь, науку о живописи. Вот почему говорю я, что живопись внучка природы и родственница Бога. Кто хулит живопись, тот хулит природу».

Живописец должен быть всеобъемлющ. О, художник, твоё разнообразие да будет столь же бесконечно, как явление природы. Продолжая то, что начал Бог, стремись умножить не дела рук человеческих, но вечные создания Бога. Никому никогда не подражай. Пусть будет каждое твоё произведение как бы новым явлением природы».

«Упрямая суровость» Леонардо, разве не была она укреплена ясною радостью о дальних мирах, непоколебимую молитвою сердца в Беспредельности?!

Сколько лучших людей утверждало о молитве сердца, о молении красотою, о красоте творчества, о победах Света! Со всех земель, от всех веков всё заповедует о значении творчества как ведущего начала жизни. Древние памятники сохранили славные лики Египта, Индии, Ассирии, майев, Китая; все

сокровища Греции, Италии, Франции, Бельгии, Германии разве не являются живыми свидетелями о значении высокого творчества!

Как чудесно, что и сейчас, среди всяких духовных и материальных кризисов, мы можем утверждать царство Прекрасного. Притом можем это не как отвлечённые идеалисты, но именно вооружённые опытом жизни, укреплённые всеми историческими примерами и духовными заветами.

Вспомнив о значении творчества, человечество должно вспомнить и о языке сердца. Разве не этим языком созданы Притчи Соломона, и псалмы, и Бхагавадгита, и все пламенные заветы отшельников Синаитских?

Прекрасно сознавать, что все заветы ведут не к разделению, не к ограничению, не к одичанию, но к восхождению, и укреплению, и очищению духа!

Д-р Бритон напомнил мне, что, отъезжая из Америки в 1930 году, я сказал ему: «Берегитесь варваров». С тех пор многие варвары ворвались в области Культуры. Под знаком финансовой подавленности совершались многие неисправимые злодеяния.

Списки тёмных подавителей, как скрижали стыда, неизгладимо запечатлелись на хартиях образования и просвещения. Некультурные ретрограды бросились урезать и искоренять многое в области образования, науки, искусства!

Стыд, стыд. В Чикаго будто бы нечем заплатить городским учителям. В Нью-Йорке церковь продана с аукциона. В Канзас-Сити продан с торгов Капитолий. А сколько музеев и школ закрыто! А сколько тружеников науки и искусства выброшено за борт! Но всё-таки на скачки приехало пятьдесят тысяч человек! Стыд, стыд!

Камни древних памятников могут возопить против всех отступников от культуры, которая была истоком всего благословенного и драгоценного. Попиратели Культуры, разве не попирают они своё собственное благосостояние? Даже слепые видят больше этих затемнённых служителей тьмы.

«Берегитесь варваров!» Всё же не на изменчивом денежном знаке можем сойтись. Всё-таки можем соединиться лишь на ступенях Культуры, во имя всего вдохновенного, творческого, прекрасного. Всё же благим и благородным делом будет поддержание всего творческого и просвещённого. Входя на эти ступени, мы и сами просвещаемся.

Собираясь вокруг знака Культуры, вспомним, как мы обращались к Женщине: «Когда в доме трудно, тогда обращаются к женщине. Когда более не помогают расчёты и вычисления, когда вражда и взаимное разрушение достигают пределов, тогда приходят к женщине. Когда злые силы одолевают, тогда призывают женщину. Когда расчётливый разум оказывается бессильным, тогда вспоминают о женском сердце...»

И теперь трудно во всемирном доме Культуры. И опять надеемся, что сердце женщины поймёт боль о творчестве, о культуре. Поймёт она боль о духовных сокровищах и придёт на помощь во всех областях Прекрасного.

Молодёжь не должна воспитываться на воплях отчаяния. Когда мы писали о сужденных садах прекрасных, мы вовсе не завлекали в призрачные области. Наоборот, мы звали в твердыни, утверждённые жизнью.

Особенно в дни трудные мы должны твердить молитву сердца о прекрасном. Мы должны помнить об общедоступности этого прекрасного.

Стать из пастушонка почитаемым мастером, как Куинджи, или из захолустного крестьянина светилом науки, как Ломоносов, ведь было нелегко. Ни-

что не помогало, казалось бы! Наоборот, все были против, и, тем не менее, «Свет победил тьму».

В детстве мы любили книгу Гастона Тиссандье «Мученики науки». Должны бы быть изданы и книги «Мученики духа», «Мученики искусства», «Мученики творчества».

Жизненные драмы Ван Гога, Гогена, Райдера, Врубеля, Мареса и множества мучеников за Прекрасное составили бы ещё один незабываемый завет, ведущий юношество.

Когда перелистываю книгу «Строители Америки», сколько прекрасных, убедительных примеров встаёт навсегда в памяти. Эдисон, Белл, Форд, Армор, Карнеги, Истман, Шифф, Хаммонд - целое воинство самоделов и самоцветов. Сколько земных потрясений прошли они, лишь утверждая истину непобедимости труда и творчества. Раскрывая историю искусства Америки, разве не умилился сильным характерам Райдера, Сарджента, Уистлера, Тера, Беллоуза, Рокуэлл Кента, Джайлса, Дэвиса, Мельчерса и всех тех, кто своим творческим достижением складывал стены Капитолия Славы Америки.

«Признательность есть добродетель больших сердец». Не только вспомним славные имена с благодарностью, но вооружимся всем их опытом для противостояния всем разрушительным силам тьмы.

Опыт творчества куёт те непобедимые «оружия Света», о которых говорит Апостол. Сейчас именно час спешный, когда нужно запастись всем бывшим опытом, чтобы не отступить от твердынь Культуры. Сейчас время осознать всё духовное сокровище творчества, чтобы этим «оружием Света» отразить тёмные силы невежества и двигаться безбоязненно.

Разве не радость, что мы можем, не стесняясь фракциями, обращаться к каждой искренней художественной группе с сердечным приветом, говоря:

«Всё-таки теперь, после всевозможных разъединений, дух человеческий опять оборачивается к положительному построению, в котором ценно каждое искреннее сотрудничество. Разве не растут на весеннем лугу цветы всевозможные, великолепные своим разнообразием? Это творческое разнообразие в аромате своём разве не являет Праздник Весны, почитаемый всеми народами от времён незапамятных!

Ничто не заменит Божественного разнообразия. Также и в земном отражении Божественности, в искусстве, разнообразие означает щедрость народного духа. Среди смятений человечества тем яснее ощущаем ценность творчества.

Пусть звучит строительство и прекрасное желание Блага, иначе говоря, то именно, что должно лечь в основу всех действий культурного человечества. Каждому мыслящему тесно в условиях разделенных, страшных в ничтожестве своем, душно от смрада невежества, от яда некультурности, которые разлагают и отравляют всё сущее.

Все, кому дорого достоинство человеческое, все, кто стремится к поистине сужденным совершенствованиям, естественно, должны работать вместе, отбросив, как постыдную ветошь, словарь злобы и лжи и памятуя, что в словаре Блага много не отвлечённых, но действительно жизненно применимых понятий. И как неотложно должны прилагаться понятия в жизни, чтобы слово перестало быть звуком пустым, но являлось бы действенным укрепителем творческой мысли.

Каждый стремящийся ко Благу знает, насколько ценны и все так называемые препятствия, которые являются для мужественного духа силомерами и в нагнетении вырабатывают лишь новую и преображённую энергию.

Ведь не вчерашний день утверждается. Можно утверждать лишь осязательность Будущего. Покуда сами мы, в сердце своём, не убедимся в этом светлом, созидательном Будущем, до тех пор оно будет оставаться в туманной отвлечённости. Для Будущего насаждались деревья при путях и ставились путевые вехи. Не стал бы строитель пути складывать памятные столбы, если бы в сердце своём не знал, куда должен вести путь этот.

Говорим - путь поведёт к знанию, к Прекрасному, но ведь знание это будет освобождённым от предрассудков, будет нестеснённо преследовать цели Блага. Говорим - путь этот поведёт к красоте; и не роскошь, не прихоть, но надобность ежедневную, воздух сердца составят стремление и осуществление Прекрасного на всех путях. Не убоимся понятия действительности. Устремившиеся мужественно знают все условия пути.

Как говорят Мудрые, перед отходом не произносят дурных слов. Слабые скажут: истомилось сердце, но не истомится и не переполнится то, что живёт в Беспредельности любви, в ведущем познании, в дисциплине духа и во всей красоте. Нагнетением, нагружением сердца умножаем опыт. Будем напутствовать себя словами прекрасной Мудрости Востока:

«Утомляйте Меня ныне, нагружайте лучше, подав тягость Мира, но умножу силы.

Слышишь ли: тягость расцветёт розами, и трава облечётся радугою утра.
Потому утомляйте Меня. Когда иду в Сад Прекрасный, не боюсь тягости».

В Мудрости всё реально - и утро реально, и Сад Прекрасный реален, и нагружение и тягость Мира, и преображённый подвиг тоже действительны.

Нельзя лучше заключить настроение о творчестве, как словами обращения гр. А. Толстого «К Художнику»:

«Слух же духовный сильней напрягай и духовное зрение.
И как над пламенем грамоты тайной
Неясные строки вдруг выступают,
Так выступят пред тобою картины.
Станут всё ярче цвета, осязательней краски,
Стройные слов сочетанья в ясном сплетутся значеньи.
Ты ж в этот миг и смотри и внимай, притаивши дыханье,
И созидая потом, мимолётное помни виденье».

24 июля 1932 года.

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. [1932].

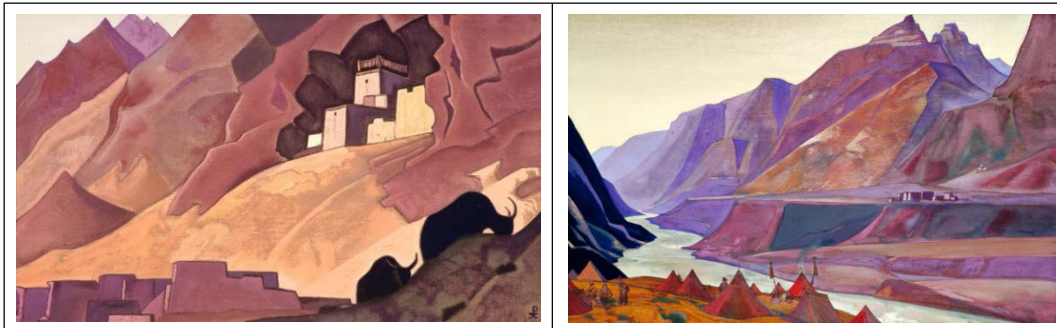
Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

25 июля 1932 г. Кулу.

5 ч. утра отъезд в Кейланг, прибытие в Коти.

27 июля 1932 г.

Перевал Коксар. Ясно – путь лёгкий.

Н.К. Рерих. Коксар. 1932.

Н.К. Рерих. Стан в Коксаре. 1932.

30 июля 1932 г. На пути из Кулу в Кейланг.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

Ясно - Идём в Кейланг. В ночь обвалом и образовавшейся вследствие этого запруды, снесён мост, ведущей в Кейланг. Приходится остановиться в ближайшей деревне от моста и искать иного пути к нашему дому. К вечеру путь установлен через мостик, построенный местными людьми высоко над потоком, из трёх брёвен и камней, и без перил, но караван и лошади пройти не могут, все вещи придётся нести на людях. Также дорога, ведущая к нему, узка, и лошади с грузом и всадником не могут пройти, придётся идти пешком».

31 июля 1932 г. Кейланг.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

Водворение со всеми пожитками в доме.

Н.К. Рерих. Ашрам. 1932.

Больше всего храните наш гималайский Ашрам, нет другого якоря, который бы прикрепил человеческое сознание. Магнит явленный Гималаев нужен для всех стран.

Прийти можно лишь от Гималаев. Пусть злоба тёмных кипит, но Свет от Гималаев находит новые пути. Также и Лига Культуры пусть зарождается от Гималаев.

Публикуется по изданию.: Высокий путь. Т. 2. М.: «Сфера». 2001.

АВГУСТ

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

2 августа 1932 г.

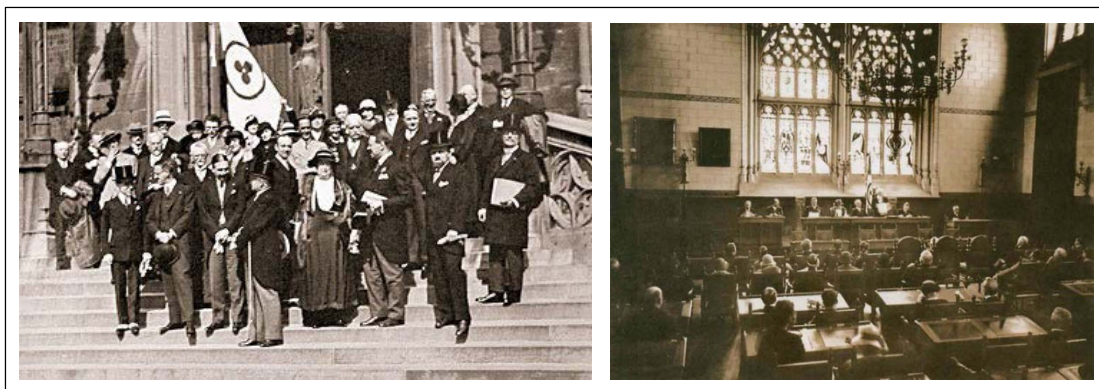
Нужно продолжать привлекать Японию, Югославию, Францию, Бельгию и Чехословакию. Малые восточки могут дать ценные узоры.

4 августа 1932 г.

Конечно, поможем устоям Плана. Мы полагали, что можно обойтись без предварительного объезда Фуямой Европы, но вследствие безмозглости Европы придётся побывать там с зовом о Культуре. Лишь так можно избежать вреда от Европы, иначе Мы получим ненужных врагов. Появлением своим Фуяма прекратит многие мерзости. Также будущей зимой следует посетить вице-короля и тем покончить все мелкие мерзости. Утверждаю, что приложим силы, чтобы ничто из Плана не изменилось, но пусть зов Фуямы от королей до народа зовёт к Культуре. Лишь это Знамя удержит устои Плана. Дам вовремя срок.

7 августа 1932 г.

Послания Н.К. Рериха делегатам Второй конференции Международного союза Пакта охранения памятников искусства и знания.

Слева: Группа делегатов на ступенях здания Муниципалитета.
Справа: Участники Заседания Второй конференции. 7 августа 1932 г., г. Брюгге.

ГОРОДУ БРЮГГЕ

Сердечно благодарю город Брюгге, благодарю Международный союз моего Пакта. Мне драгоценно сознавать, что медаль выбита во имя мира всего мира. Без этого желанного мира, в конце концов, эволюция человечества станет невозможной. Мне драгоценно, что медаль выбита в Бельгии и дана в Брюгге, с которыми у меня связаны глубокие воспоминания. Город ван Эйков и Мемлинга всегда был притягателен мне. Да и где же другой город в Европе, где бы сохранился весь живой уклад старины в такой неприкосновенности. Эта неприкосновенность Прекрасного именно так нужна при мыслях об охране сокровищ человеческого гения. Само Провидение судило, чтобы именно Брюгге стал постоянным местопребыванием нашего мирного союза. Освящение знамени нашего не случайно должно было произойти в соборе Св. Крови,

во имя всей Мученической Крови, пролитой за Прекрасную Истину. Где объединяется столько высоких символов, там возникает истинная твердыня.

Помню, как в молодости первое поминание о Брюгге пришло мне от Вилле, звавшего скорее посетить Брюгге, до реставрации. Мы никогда не забудем посещений Брюгге. И колокола, которых нигде не услышишь; картины, как бы на местах их творения; улицы, хранящие следы великих послов прекрасного; стук деревянных сабо по камням мостовой; наконец, столетняя кружевница, манящая в каморку, чтобы показать своё рукоделие. Сколько чудесного и в великом и в малом! И когда писалась опера «Принцесса Малэн», то именно карилльон Брюггских колоколов лёг в основу вступительной темы. Посвящена была эта музыка мне, как выразителю образов Метерлинка и обожателю старого Брюгге. Ведь во имя Бельгии, во имя Брюгге я заклинал войну первого марта 1914-го года картиною моею «Зарево». Сейчас облики Малэн и Брюгге в моих картинах живут в шести странах. В Риксмузеуме, в Атэнеуме Гельсингфорса, в Москве, в Киеве, в Париже, в Польше, в Нью-Йоркском нашем Музее, в Бостоне, в Чикаго и в далёкой Небраске, в Омахе. «Башня принцессы Малэн». Перечисляю, что помню, с двоякою целью. Первое, Комитет наш должен знать, где посланники мои о Бельгии, о Брюгге, о Принцессе Малэн, о Сестре Беатрисе. И сам я, вспоминая их, тку новую сердечную связь с Брюгге, с драгоценною Каплею Крови, творящей и оживляющей. Второе, каждый перечень многих стран нам напоминает о нашей ближайшей обязанности в отношении Знамени Мира.

Не только признать и обобщиться мыслью Знамени Мира должны мы. Мы ведь освятили Знамя на Святой Крови и тем поклялись вводить его в жизнь повсеместно, всеми силами. Ведь не тщетно будут искать Знамя Мира над хранилищами истинных сокровищ все те, которые во всех концах мира поверили нам и наполнили пространство сердечными желаниями. Каждый день приходят новые письма, новые отзывы. Избирательная урна «За мир» наполняется ценными знаками.

А ведь мир и культура сейчас так особенно нужны. Всё, что мы все делаем, и есть служение Culture, человечеству и тем самым миру всего Мира. Поучительно видеть, какие именно новые и неожиданные элементы вовлекаются этими манифестациями в орбиту мышления о Culture. Поистине, многие из вновь заговорившие о Culture без импульса деятельности нашей и не заговорили бы о великом начале, не нашли бы времени помыслить о нём, заваленные массою обиходных дел и житейских соображений. Пусть даже не надолго некоторые из них обратят мысли свои к Culture, но всё же, хотя бы временно, они помыслят о ней и тем приобщатся к сообществу строителей жизни. Драгоценно, что действия о Знамени Мира, о Culture не только не застывают, но приносят самые новые и неожиданные следствия. Дело Знамени Мира настолько разрастается, что всякое злобное противоречие с каждым месяцем становится всё более неуместным, всё легче отвергаемым.

В каждой правильной деятельности всегда приходит такой момент её развития, когда она до известной степени становится как бы самодеятельною, уже вне человеческих рамок и возможностей. Будем надеяться, что наш проект обновлённой Культурной и мировой работы уже приходит в то состояние, когда жизненность его становится очевидною. Всем друзьям нашим в такой фазе развития проекта работа будет становиться легче и приятнее, ибо явится возможность постоянного благотворного посева, не затрачивая ценных сил на

ненужные трения. Во имя этой устремлённой и благой работы можем, поистине, приветствовать друг друга.

Пусть Знамя Мира, может быть, ещё не развивается над всеми хранилищами творчества. Иду дальше, пусть оно временно пребудет внутри этих Учреждений, физическое его место не так уж сейчас безусловно, важно, чтобы росло и укреплялось его духовное значение. А для укрепления этого духовного значения и понимания, каждый может действовать посылно в своей сфере. Мы опять приходим к идее бесконечной цепи, когда приобщившийся к благой идее берёт на себя приобщить к ней хотя бы семерых друзей своих и таким образом это моление о Культуре и Мире, в быстро нарастающей прогрессии, безудержно входит в жизнь.

Нужен не столько ещё один закон, сколько ещё одно повелительное желание, одна народная воля всемирно охранить светочи человечества.

Таким образом, перед нами сейчас ближайшая двоякая задача. С одной стороны, насаждая всюду Знамя Мира, мы будем, способствуя миру, вообще уменьшать физическое поле войны. С другой стороны, вводя в школах день Культуры, мы, также внушая задачи мирного строительства, будем возвышать и утончать сознание молодых поколений, утверждая его высокими примерами человеческого творчества.

Для дела, полезного миру и Культуре, вовсе не надо ждать всемирного признания. Начало общего Блага и Красоты творится во всяком размере, сохраняя свой животворный потенциал.

Прилагаю моё воззвание, которое по постановлению нашего Комитета в Нью-Йорке будет 27 сего декабря прочтено во всех храмах. Не сомневаюсь, что собор Св. Крови и другие славные храмы Бельгии присоединятся к этому благому пожеланию нашего Комитета.

Поистине хотелось бы признательно сердечно напутствовать всех наших сотрудников:

«Каждый посылно в своих возможностях, без промедлений и откладываний, в добрый путь!»

Ещё раз сердечно благодарю героическую Бельгию и славный город Брюгге за высококультурное выступление на Благо Человечества.

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. [1933].

Брюгге. 7 августа 1932 г.

Брюгге. Август 1932 г. (Почтовые карточки)
 Справа: Делегаты Второй конференции Пакта Рериха. Гранд Отель.

**ВТОРОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ПАКТА ОХРАНЕНИЯ
 ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА И ЗНАНИЯ ПРИВЕТ!**

Драгоценно мне было в минувшем году приветствовать нашу Первую Конференцию и следить за развитием и распространением в жизни Пакта о Сохранении Памятников Искусства и Науки.

В своё время мы предлагали этот проект на основе неоспоримых исторических данных, повелительно требовавших обратить общественное внимание на опасности, окружающие незаменимые сокровища творчества духа человеческого.

Со времени первой Конференции не прошло и года, как из целого ряда стран поступили сведения о новых прискорбных и незаменимых уничтожениях, как предметов искусства, так и книгохранилищ. Эти печальные знаки ещё раз напомнили всем нам, насколько сама современность, сама жизнь требует обращения внимания на защиту Памятников Творчества Человечества.

При этом можно было ещё раз убедиться, что хотя и военное время жестоко угрожает Памятникам творчества, но и вне официальной войны, при прочих потрясениях человечества, эти Памятники подвергаются не меньшей опасности. Я очень рад был ознакомиться с мнением виконта Алэн д'Эрбе де Тюн, писавшего по поводу нашего Пакта, что Знамя Пакта, так же как и знак Красного Креста, не может быть обнародовано лишь при наступлении военных действий. Народное сознание, сознание целых армий должно узнать значение этого Знака и укрепить в своём сознании, для чего требуется известное время.

Это совершенно правильное замечание ещё раз подсказывает нам, насколько неотложно должно быть начато распространение сущности Пакта и

Знака его в сознании народов. Ведь тем самым укрепится и обновится понимание исторических основ и созидательного прогресса. А такая строительная задача в отношении молодого поколения является поверх всего ближайшей обязанностью каждого образовательного деятеля и воспитателя.

Не будем скрывать друг от друга те необычайные кризисы и потрясения, колеблющие мировые основы. Не будем перечислять эти бедствия, ибо они известны каждому из нас, и не только известны, но и ощущаемы самым бедственным образом. Это уже не предположение, но уже труизм, потому мысль об охране основ высшей Цивилизации, высшей Культуры именно сейчас встаёт так необычно повелительно.

Все чуткие умы мира понимают серьёзность настоящего положения. Только что выдающиеся умы заметили о необходимости построения нового Ноева ковчега ввиду несомненных опасностей, окружающих человечество. Об этих опасностях замечали все культурные водители. Из разных стран, при самых разных обстоятельствах приходили эти зовы Кассандры. А последующие события лишь подтверждали, что это не были безответственные глаголы.

Итак, мы видим, что каждый день, без преувеличения, подчёркиваю, именно не месяц, но уже день приносит новые фактические данные о необходимости собраться во имя Сохранения Сокровищ Творческого Духа.

Не может быть такой страны, которая бы заявила, что не желает ещё раз озаботиться сугубым хранением своих истинных Сокровищ. Не может быть настолько огрубевшего сердца, которое не желало бы понять, что государственный расцвет приходил вместе с расцветом высоких Начал Цивилизации и Культуры. Таким образом, не могут предвидеть, где же могут быть сознательные противники нашего общего желания процветания Цивилизации и Культуры, и прежде всего Охранения Памятников - Истинных Сокровищ Духа человеческого!

Чтобы решиться сказать, что мысли и заботы и о росте прогресса не нужны, нужно сделаться тем варваром-разрушителем, который лишь иногда, в моменты цивилизации, поднимал свой голос и руку. Итак, не будем говорить о противниках, ибо предпошлём, что мы живём не в варварские времена.

Значит, перед нами лежит задача лишь постепенного продвижения и внедрения в сознание народов мысли о неотложности и о необходимости обновления сугубой бережности ко всему творческому, созидающему, положительному. Разрушение и разложение утомили дух человеческий. Они внесли не только огрубение, но оупение, которое начало удовлетворяться лишь самыми грубейшими формами проявления.

В небрежении находятся Культурные начинания, ибо существует ошибочное мнение о том, что сейчас не время о них думать. Когда гремит СОС духа человеческого, тогда время думать и о спасательном круге, который вынесет опять ко временам Великолепного Расцвета.

Ведь мы оптимисты и понимаем, что стоит мышлению объединённо устремиться к Охранению и укреплению строительных начал, как и всё остальное приложится. И самые трудные проблемы, разве не решались они именно основами высшей цивилизации и Культуры?

Сама история человечества за наши соображения. Кажущиеся препятствия и непонимания, пусть будут они лишь теми скрытыми возможностями, которые расцветают при одолении препон. Ведь во всяком случае мы не от-

ступим от идеи сугубого Охранения истинных Сокровищ Духа. Мы хотим жить, и потому каждое омертвление нам противно.

И мы не одиноки в этом охранении, а тем самым и в накоплении пищи Духа. Перед нами письменные заявления многих тысяч лучших представителей Мира. Не буду вдаваться в перечисления, ибо какое же из этих прекрасных имён можно бы упустить, а упомянуть их все, как полное ожерелье ценнейших жемчужин, это значило бы написать книгу.

Конечно, эти книги и будут написаны. Имена вставших в первые ряды на защиту прекрасного, самого познавательного, самого ведущего и будут сохранены на ценнейших скрижалях. Человечество должно знать тех, кто более и заботился об истинном Расцвете Прогресса.

Вспомним историю возникновения Красного Креста. Этот высокий Знак скоро отметит семидесятилетие своего существования на пользу человечества. При этом, в назидание, позволительно будет вспомнить, как много непонимания к этой, казалось бы, общечеловечной идее было проявлено современниками доктора Дюнана. И тем не менее, несмотря на все пожимания плеч и сожалительные усмешки, идея человеколюбия была принесена в жизнь, и даже самые суровые критики не дерзнут сказать, что эта идея не дала замечательных последствий.

Есть особый вид людей негативного свойства, которые предпочитают говорить лишь о том, что они считают отрицательным. Но даже и эти своеобразные представители известных групп человечества не выскажут огульного порицания светлой идее Красного Креста.

История возникновения этого Учреждения должна быть очень изучена нами, чтобы применить её во многих наших перипетиях.

Из истории Красного Креста мы видим, что Идея вошла в жизнь лишь вследствие неуклонного, несломимого, повелительно призывавшего действия всех соучастников-первоположенников. По счастью, ни насмешки, ни отрицания не внесли в ряды их губительного разложения. Пусть будет именно так же и в нашем случае.

Запомним одно, что, во всяком случае, мы не отклонимся от наших устремлений. Решительно ничто не сломит наших объединённых решений о вящем Охранении Памятников всего самого Прекрасного и Высокого.

Способы распространения и внедрения этой идеи в сердца народов, в сердца молодёжи - наших наследников, чрезвычайно разнообразны. Они так же много различны, как и сама жизнь. Потому, повторяю, решительно каждое предложение имеет под собою то или иное основание. Каждая мысль должна быть благожелательно заслушана, и сами обстоятельства покажут, что и в каком порядке возможно к быстрейшему проведению в жизнь.

Если мы говорим об охранении творчества, то тем самым мы допускаем и широкое мышление. Пусть в этом мышлении, прежде всего, живёт и дружелюбие и доброжелательство. Во имя светлых строительных начал, во имя бережности ко всему самому лучшему и высокому, приветствую вас и уверен в дружном успехе, который достигнет Конференция Пакта Сохранения Памятников Искусства и Знания.

Самые сердечные пожелания шлю славному городу Брюгге, который бессмертно высится символом множества прекрасных имён. Приветствую благородные труды председателя нашего союза Камилла Тюльпинка и всех сотрудников, мыслящих об Общем Благе. Приветствую героическую Бельгию, кото-

рая породила столько прекрасных творческих мыслей и образов. Приветствую всех членов Конференции, друзей Охранения истинных Сокровищ человечества.

Конференция трудами и решениями своими знаменует светлый путь созидательства, прогресса и Единения.

1932. Гималаи.

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. [1932].

Министры Греции и Чехословакии, представитель княжества Люксембург после заседания Второй международной конференции, посвящённой Пакту Рериха. Брюгге. 7 августа 1932 г.

Экспозиция выставки картин Н.К. Рериха во время Второй международной конференции, посвящённой Пакту Рериха. Брюгге. 1932 г.

10 августа 1932 г. Мюнстер.
Письмо барона М.А. Таубе к Рериху Н.К.

10 августа 1932 г. / Мюнстер

Дорогой Николай Константинович,

Это письмо о моих впечатлениях после Брюгге (и Гааги) я пишу Вам опять из Мюнстера – на перепутье в Осло, где в этом году собирается известный «Institut de Droit International» [*Институт права (франц.)*]. и куда я выезжаю сегодня вечером. Так как я не писал Вам целый месяц, позвольте изложить Вам разные «idées et faits» [*Идеи и факты (франц.)*]. в их хронологической последовательности. Выехав вскоре после моего письма № 10 из Мюнстера в Париж и пробыв там несколько дней (в течение которых было несколько совещаний на rue de Poitiers), я провёл неделю в Гааге, – с которой и начинаю свою хронику.

I. Я воспользовался своими лекциями в Гааге, чтобы заинтересовать некоторых влиятельных людей нашим делом. Это было тем более желательно, что Тюльпинк ссылаясь на не особенно пылкий отклик со стороны Голландии. И действительно, общий «колорит» там был тот, что там только все удивлялись, как это нам (то есть, Тюльпинку – это *его* заслуга) удалось ещё устроить выставку в Брюгге в таком году, как настоящий, когда положение в Бельгии такое исключительно серьёзное, и когда там можно ожидать если не прямой революции, то забастовок и пр. (что и случилось как раз во время нашего пребывания в Брюгге).

Как бы то ни было, никто не отрицает значительности поднятого Вами вопроса, и только сожалеют, что в Голландии большая публика почти совсем не осведомлена о нашем движении. Вследствие этого я, прежде всего, имел длительный разговор – и заручился полными его симпатиями – с директором центрального информационного учреждения по международным делам в Голландии – «Institut Intermédiaire International» – *г-ном Торли-Дувелом*, которому передал всю нашу нужную «литературу» и полный адрес которого (с соответствующими пояснениями) я передал в Брюгге и Шкляверу и Тюльпинку. Такое же «посвящение» я сделал и с весьма энергичным и интересующимся международными вопросами приват-доцентом *д-ром Энтховеном*. Наконец, пользуясь старинными хорошими отношениями с одним из членов польской миссии в Гааге *г-ном де Гамрат-Сулимой*, я тоже снабдил его нашей литературой, объяснил, в чём дело (он был совершенно не в курсе), и надеюсь, что ему удастся выяснить – «sous-main» *En sous-main [тайком, исподтишка, потихоньку - (франц.)]* – чем, собственно, объясняется внезапное резко отрицательное отношение Польши к выставке. Оно мне совершенно непонятно (другое дело Германия), и тут наверно сыграл известную роль какой-нибудь недоброжелатель. (Не думаю, чтобы Философов, ибо едва ли он пользуется каким-либо влиянием у поляков.)

II. Из Гааги я прибыл в Брюгге 6 августа и уехал оттуда 9-го. Наши собрания продолжались всего только два дня (7 и 8), причём бельгийцы и не думали скрывать, что все интересы в Бельгии лежат сейчас совсем в другой плоскости. Многое там напоминает, действительно, наше предреволюционное время. Дай Бог, чтобы им удалось с ним справиться удачнее, чем нашему отечеству... Кстати сказать, вероятно, именно этими «внутренними» соображениями и объясняется приближение срока нашей конференции (о чём Вы мне пи-

сали) на целый месяц. Я лично узнал об этой перемене сроков ещё позже, чем Вы, в Индии, и если бы Тюльпинку заблагорассудилось назначить съезд (никого, конечно, не спросясь) несколькими днями позже, то при всём желании на нём присутствовать мне это не удалось бы (в Осло – где я член двух комиссий – я должен быть уже 13 августа; выезжаю туда сегодня вечером). Как бы то ни было, съезд благополучно состоялся, и я должен сказать, что, несмотря на несколько меньшую торжественность, чем в прошлом году, он меня удовлетворил с деловой точки зрения.

Теперь я и доложу Вам свои главные впечатления о *выставке*, о *конференции* и о *«будущих перспективах»*.

1) *Выставка* производит наилучшее впечатление – и в этом все согласны. Устроена она с большим вкусом; громадные «*rappeaux*» *Rappeaux* [*щиты (франц.) – щиты*] с огромным количеством интереснейших фотографий (особенно отличилась Франция) прерываются для глаза отдельными экспонатами скульптуры, живописи, старинной мебели, оригинальной утвари и пр. и различными флагами, главным образом бельгийскими, и «*Banner of Peace*» *Banner of Peace* [(англ.) – *Знамя Мира*]. Центр, конечно, – зала, посвящённая Вашим картинам: настоящее ожерелье драгоценных жемчужин, среди которых всеобщее изумление и восторг возбуждают, само собой, «*Мадонна*» и «*Святой Франциск*».

Мои чувства, как «профана», могут Вас не интересовать, но я передам только общее мнение, когда скажу, что, напр[имер], бархат на платье *Мадонны* и *сияние у св. Франциска* производят прямо волшебное впечатление. Официальный осмотр выставки с пояснениями-лекциями по бельгийскому (г-н Фраси), французскому (г-н Ре де Вийет) и русскому (граф Рошфор) отделам также оказался очень удачным и интересным.

2) Что касается деловой части программы – т.е. речей 7 августа и длительного обсуждения разных вопросов 8-го – то подробности Вы, конечно, узнаете, и текст речей прочтете в донесениях Шклявера (который, кстати сказать, был совершенно на высоте задачи). Ограничусь поэтому лишь главными пунктами:

Очень важно было положить фактическое основание тому, что теперь уже называется «*Fondation Nicolas de Roerich á Brugge*» [*Фонд Николая Рериха в Брюгге (франц.)*]. На это сейчас же отозвался представитель города Парижа и официально заявил, что Парижский Муниципалитет не преминет, со своей стороны, прислать известный художественный дар для этого нового музея.

Прекрасна также мысль (Тюльпинка) об основании особой «*Fédération de la presse mondiale pour le Pacte Roerich et la Bannière de Paix*» [*«Федерация мировой прессы за Пакт Рериха и Знамя Мира» (франц.)*]. Присутствовавшими представителями прессы эта мысль была принята очень хорошо, но, конечно, нужно ещё посмотреть, как практически справиться с этой задачей... В Европе, увы, кто говорит «пресса», – должен сейчас же думать о «презренном металле», ибо, в частности, французы совсем невозможны в этом отношении!

Мною был ребром поставлен вопрос о дальнейшем официальном движении нашей задачи по отношению к международному признанию Пакта и Знамени. То есть, со всей нужной деликатностью я заставил рассмотреть вопрос о практической возможности (или невозможности по тем или другим обстоятельствам) для Бельгийского Правительства осуществить ныне (как предполагалось раньше) его мысль об официальном проведении нужной международной конвенции, либо через Лигу Наций, либо на Конференции о разоружении и т.д. Я очень рад констатировать, что ответ Тюльпинка (в противоположность упорным носившимся об этом слухам) *не* оказался прямо отрицательным (что меня не удивило бы ввиду исключительно трудного в политическом отношении времени, переживаемого Бельгией). Напротив, Т[юльпинк] категорически заявил, что вопрос этот служит как раз теперь предметом рассмотрения правительства, – т.е. точнее, Министерства Иностр[анных] Дел – и что скоро можно будет знать окончательно, «*a quoi nous on tenir*» [*Чем мы располагаем (франц.)*]. в этом отношении. На случай, если бы Бельгия, в конце концов, отказалась быть застрельщицей в этом деле, конференция склонилась к мнению, что тогда – *минуя Лигу Наций* – следовало бы заинтересовать этим вопросом Ватикан (который о нём достаточно уже осведомлён). Любопытно, что первым выразителем этой мысли оказался... протестант по вероисповеданию, милейший г-н Ре де Вийет (обладающий одинаково хорошими связями во французских и художественных и правительственных кругах). Поддержал – и развил – эту мысль затем Ваш покорнейший слуга. Наши «фламандцы» были, видимо, удивлены и тронуты и – в случае, если бы до этого дело действительно дошло – решено признать необходимым в свое время послать в Рим депутацию Рериховских учреждений в лице одного католика, одного православного и одного протестанта.

3) «Будущие перспективы» и находятся, конечно, в непосредственной связи с только что изложенными соображениями. Необходимо здесь не обольщать себя надеждами на *скорое* продвижение дела, ибо Вы себе и представить не можете, дорогой Николай Константинович, до какой степени теперь всё и вся в Европе поглощены совсем другими вопросами... Иногда слишком большим настоянием на проведении дела можно его только погубить – и самих себя скомпрометировать в качестве «нереальных» людей, не желающих видеть, в каком кризисе тут решительно все находится. Тем не менее, я теперь же, не теряя времени, буду зондировать и подготавливать почву дальше.

III. Это случится, надеюсь, на конференции Института межд[ународного] права в Осло. Я везу туда разные наши материалы и постараюсь иметь ряд совещаний с разными нашими «*Sommités*» [*Знаменитостями (франц.)*] по вопросу Пакта и Знамени. Знаю, что некоторые из них (Политис!) нам прямо враждебны; другие (Ла Прадель) очень дружественны. С этим последним я уже имел также обмен мнений в Гааге и добился его разрешения для *немедленного*

напечатания отчёта о Брюгге в его парижской «Revue de Droit International et de Législation Comparée» [(франц.) – «Журнал международного права и сравнительного законодательства»]. (Шклявер об этом предупреждён.)

Last, not least Last but not least [(англ.) – последнее], но тем не менее важное, дорогой Николай Константинович, – сердечнейшая благодарность за Ваш «Знак 2-й ст[епени]» и низкий поклон всей Вашей дорогой семье. Душевно Ваш

М. Таубе

Отдел рукописей МЦР. Ф. 1. Вр. № 8075. Л. 39–40об.

15 августа 1932 г. La Faviere. France
Письмо С.И. Метальникова к Рериху Н.К.

La Faviere Bormes (Var) /France

Дорогой Николай Константинович,

Пишу Вам это письмо из La Faviere, одно[го] из самых красивых местечек на юге Франции, в окрестностях Тулона. Здесь у меня крошечный кусочек земли и небольшой домик на курьих ножках, где я провожу обычно каникулы.

Я очень люблю это место, т.к. оно ещё не тронута так называемой культурой. Кругом большие леса и доли. Чудный пляж и купание. Много простора. Ухожу в сосновый лес, где провожу большую часть времени. Дышу ароматом сосен и слушаю пение цикад.

В настоящее время я здесь занят писанием новой книжки «Проблема иммунитета. (Роль нервных центров и психических факторов в иммунитете)». Я хочу написать эту книгу так, чтобы она была доступна всякому человеку, интересующемуся этими вопросами. Вот почему я пока отказался от всяких других проектов и от поездки в Америку, если бы она могла состояться. Кроме того, у меня идёт сейчас спешная работа в Лаборатории по изучению влияния нервных центров на иммунитет у насекомых и некоторых других беспозвоночных.

По поручению Пастеров[ского] Инст[итута] я работаю над болезнями насекомых и применением микробов в борьбе с вредными насекомыми. Кое-что уже получено в этом направлении. Я пришлю Вам некоторые из своих работ.

В конце сентября я возвращаюсь в Париж.

Ну вот, кажется, все, что я хотел сообщить Вам.

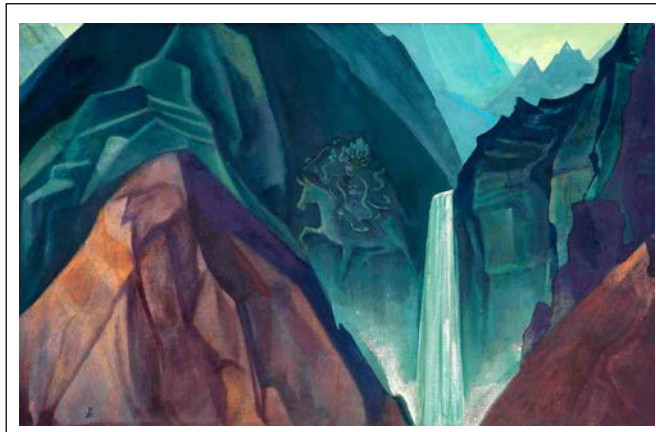
Сердечный привет Елене Ивановне и Вашим сыновьям. Я был бы очень благодарен Вам, если бы Вы прислали мне несколько фотографий или открыток Ваших мест.

Искренне уважающий Вас,

С. Метальников

Архив Музея Рерихов, Москва

*Август 1932 г. Кейланг.
Н.К. Рерих*

Н.К. Рерих. Палден Лхамо. 1932.

РИШИ

С отвесных скал, как серебряные нити небесные, сверкали водопады. Светлые брызги ласкали камни с древними надписями об Истине. Разны камни, различны знаки надписей, но все они о той же Истине. Садху припал губами к камню и пьёт благодатные водопадные капли. Гималайские капли!

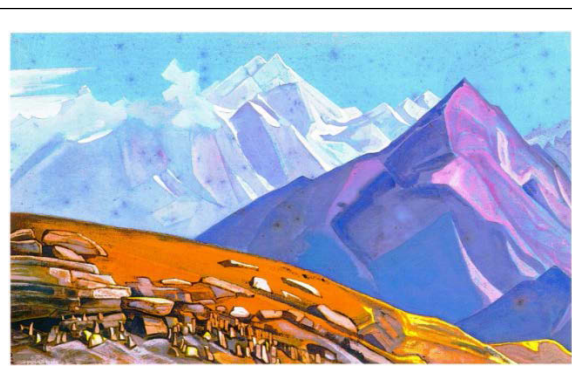
На богомолье в Трилокнат, к древней святыне, тянутся вереницы садху и лам. От разных путей вместе идут они. Кто с трезубцем, кто с тростью бамбука, а кто и вовсе безо всего, и без одежды, совершает духовное хождение. Снега перевала Ротанга им нипочем.

Все ли хороши? Все ли вышне духовны? Но ведь и ради одного праведника Град бывает помилован. Уж простите, ходим по-хорошему.

Идут богомольцы, знают, что здесь жили Риши и Пандавы. Здесь Беас или Виас, здесь Виасакунд - место исполнения желаний. Здесь Риши Виаса собирал Махабхарату.

Н.К. Рерих. Паломник. 1932.

Н.К. Рерих. Виасакунд. 1932.

Не в предании, но в яви жили Риши. Их присутствие оживляет скалы, увенчанные ледниками, и изумрудные пастбища яков, и пещеры, и потоки гремящие. Отсюда посылались духовные зовы, о которых через все века помнит че-

ловечество. В школах заучивают их, на всякие языки переводят, но кристалл, накопленный их, наслои́лся на скалах Гималайских.

«Здесь и Риши Виаса, составитель Махабхараты, и Риши Васишта, открывший целебные источники, и Риши Капила, уничтожавший зло смертным глазом, и Риши Гаутама, и Пахари Баба, и Гуга Чохан, и Нар Синг — каждый с целым эпосом подвигов во Благо. Здесь отдыхали Пандавы от трудов бранных. Здесь и подземный ход Арджуны из Кулу в Маникарн. Здесь и Чандра-Бхага, издавна озаменованная в Пуранах. Здесь и страна Хахор, и священные книги, сокрытые от гонений нечестивого царя Ландармы. Шепчут ведуны, что воплотился он в Тибете.

«Где же найти слова о Творце, если вижу несравненную красоту Гималаев?» - так поёт индус. По путям Гуру, по высотам Риши, по перевалам путников духа наслои́лось то, что не смоют ливни и не испепелят молнии. Идущий к добру благословен на всех путях. Трогательны повести о том как встречались праведники разных народов. В бору деодары касаются под ветром вершинами. Так и всё вершинное встречается, не поражая и не вредя. Когда-то споры решались единоборством, а соглашения беседою глав. Как девидары совещались между собою. И слово-то какое милое, девидар — дар Божий. И названо всё не просто, ибо целебна смола девидаров. Девидар, мускус, валериан, роза и вся прочая благая аптека Риши. Хотели отменить её множеством открытий, и все-таки опять обращаются к основам.

Сказка ли о чудесном камне? Но ведь вы знаете, что это не сказка. Знаете, как приходит камень. Сказка ли единорог геральдики? Но ведь вы знаете о непальской однорогой антилопе.

Сказка ли Риши? Герой духа не сказка, и это знаете вы.

Вот снимок человека, неповредимо идущего через огонь. Это уже не рассказ, но неоспоримый снимок, снятый начальником полиции Пондишери. Очевидцы расскажут вам о таких же огненных испытаниях и в Мадрасе, и в Лакнау, и в Бенаресе. И не только сам садху проходит без вреда по пылающим углям, но он ведёт за собой и желающих, за него держащихся.

Вот в Ганге у Бенареса сидит садху на воде в священной позе. Скрещённые ноги его прикрыты водными струями. Народ сбегается к берегу и дивуется на святого человека. Там же на остриях железных гвоздей, как на мягкой постели, лежит другой садху, и на лице его нет и тени страдания или неудобства.

Вот садху, заживо погребённый на многие дни; вот ещё садху, без вреда принимающий яды. Вот лама летающий; вот лама, посредством «то-мо» саморазвивающий жар среди снегов и ледников вершинных; вот лама, поражающий смертным глазом пса бешеного. Степенный лама из Бутана повествует, как в бытность его в Тибете в области Цанг один лама просил перевозчика переправить его через Цам-по без платы, но лукавый лодочник сказал ему: «Перевезу, если докажешь, что ты великий лама. Вон бежит всем опасный бешеный пёс — порази его!». Лама же ничего не ответил, посмотрел на бегущего пса, поднял руку, произнёс несколько слов, и пёс упал мёртвым! Так видел бутанский лама. О таком же «смертном глазе», о «глазе Капилы», приходилось слышать не раз и в Тибете, и в Индии. А на карте, изданной в семнадцатом веке в Антверпене с ведома католического духовенства, значится страна Шамбала.

Как и на карте Антверпена, и на снимке начальника полиции Пондишери, так же и в показаниях лам мелькают те же разбросанные части одного великого Познания.

Если один может идти по огню, а другой сидеть на воде, а третий подниматься на воздухе, а четвёртый покоиться на гвоздях, а пятый поглощать яды, а шестой поражать взглядом, а седьмой безвредно лежать под землею, то ведь некто может собрать в себе все эти крупницы познания. И так может преобороться препятствие низшей материи! И не в каких-то дальних сказочных веках, но теперь, здесь, где испытываются и космические лучи Милликена!

Но всё это ещё не Риши. О Риши, о великих душах, Шри Васвани говорит замечательно. Этот светлый проповедник блага и духовный водитель, голосу которого очень внимают, замечает: «Благословен народ, вожди которого следуют за мыслителями, мудрецами, провидцами. Благословен народ, получающий вдохновение от своих Риши. Риши преклоняются лишь перед Истиной, не перед обычаем, условностями или признанием толпы. Риши суть великие повстанцы человечества. Они низвергают наши Культы удобства. Они великие несогласители истории. Не косность, но Истина их завет. Нам нужны сейчас эти восставшие духом во всех областях жизни — в религии, в государстве, в образовании, в общественной жизни» («Заря». Июнь 1932).

Слова замечательные! Не все Риши по огню ходили и не все заживо хоронили себя, но каждый из них вносил целую духовную область во Благо мира. Каждый из них, как Бодхисатва, владея мастерством, укреплял новое завоевание прогресса!

Каждый из нас на своем языке произносил священную клятву о построении мира обновленного, возвышенного, утонченного, украшенного!

Н.К. Рерих. Бхагаван. 1932.

Чарака Аюрвед. 1932.

Ради одного праведника целый Град бывал помилован. Этими маяками, громоотводами, твердынями Блага стояли Риши. Разных народов, разных вер, разных веков, но Единого Духа, во спасение и восхождение всех!

По огню ли пришёл бы Риши, приплыл ли на камне, прилетел ли в вихре, но поспешал всегда во Благо общее. Молился ли Риши на вершинах, или на высоком берегу реки, или в пещере зарослей, он посылал моление о всех неведомых, неизвестных, труждающихся, болеющих, трудно ходящих!

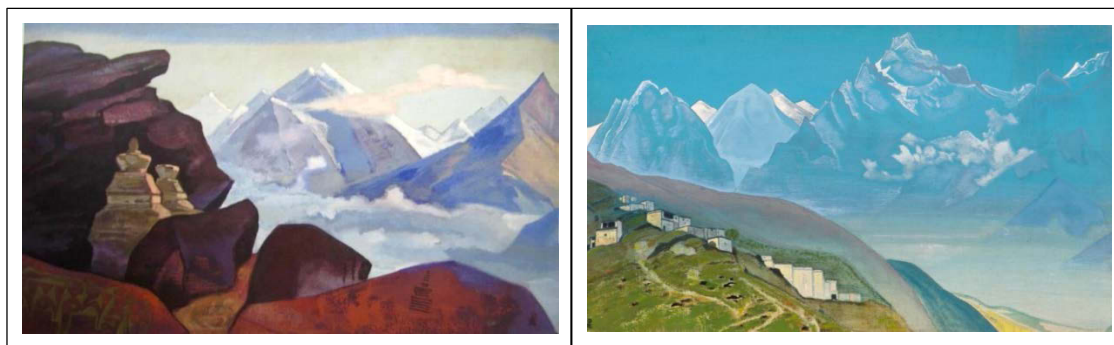
Посылал ли Риши белых коней во спасение неизвестных путников или благословлял неведомых мореходов, или хранил Град во ночи, он всегда стоял столпом светоносным для всех, без осуждения, без утушения огня.

Н.К. Рерих. Белые кони. 1925.

Н.К. Рерих. Гора Меру. 1931.

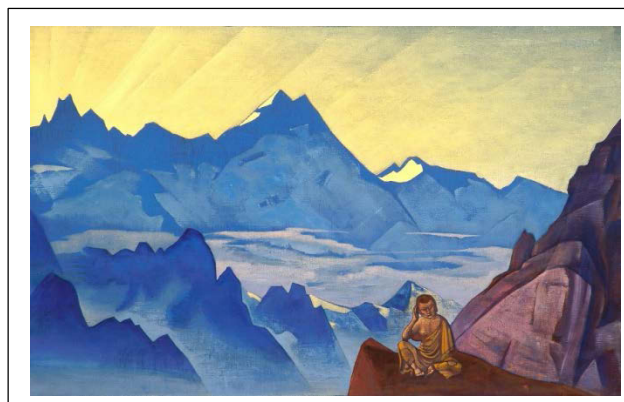
Без осуждения, без взаимоподозрения, без взаимоослабления шли Риши на гору, на вечную гору Меру.

Н.К. Рерих. Путь на Кайлас. 1931.

Путь на Кайлас. 1932

Перед нами путь на Кайлас. Высится одно из пятнадцати священных чудес, исчисленных в книгах Тибета. Гора Колокола. По острым кряжам ходят к вершине её. Стоит она поверх последнего можжевельника, поверх всех жёлтых и белых складок нагорных. Тут ходил и Падма Самбхава, о том говорит древний монастырь Гандола. Именно здесь пещеры Миларепы. И не одна, но многие, освящённые именем отшельника, слушавшего перед зарею голоса дэв.

Н.К. Рерих. Миларепа услышавший. 1925.

Здесь же и духовные твердыни Гаутама Риши. Недалеко и легенды, сложенные около Пахари Баба. Ходили тут многие Риши. И тот, который дал горе зовущее имя колокола, тоже думал о колоколе для всех, о помощи всем, о Благе Вселенском!

Н.К. Рерих. Скалы с буддийскими пещерами. 1928.

Священные пещеры. 1932.

Здесь жили Риши во Благо Вселенское!

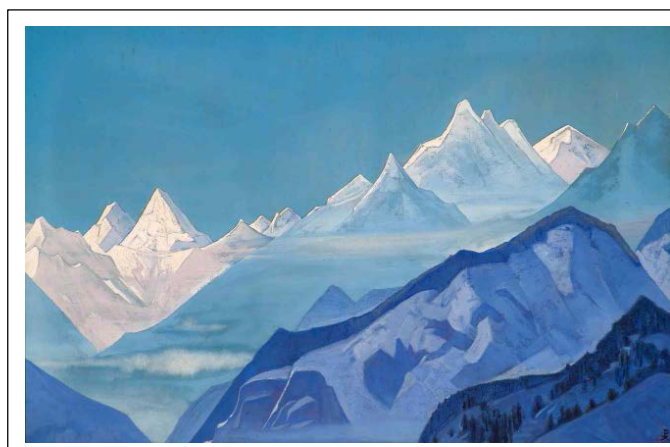
Когда же на горных путях встречаются Риши, они не спрашивают друг друга: откуда? От Востока ли, от Запада, от Юга, от Севера? Ясно одно: за Благом и от Блага. А сердце возвышенное, утончённое, пламенеющее знает, где Оно и в чём Оно - Благо.

В караване спутники начали спорить и обсуждать качества различных Риши. Но седой пилигрим указал на снежные вершины, в красоте сияющие, сказав: «Нам ли судить о качествах этих вершин? Можем лишь в недосыгаемости восхищаться их великолепием!».

«Сатьям, Шивам, Сундарам!»¹

1932. Кейланг.

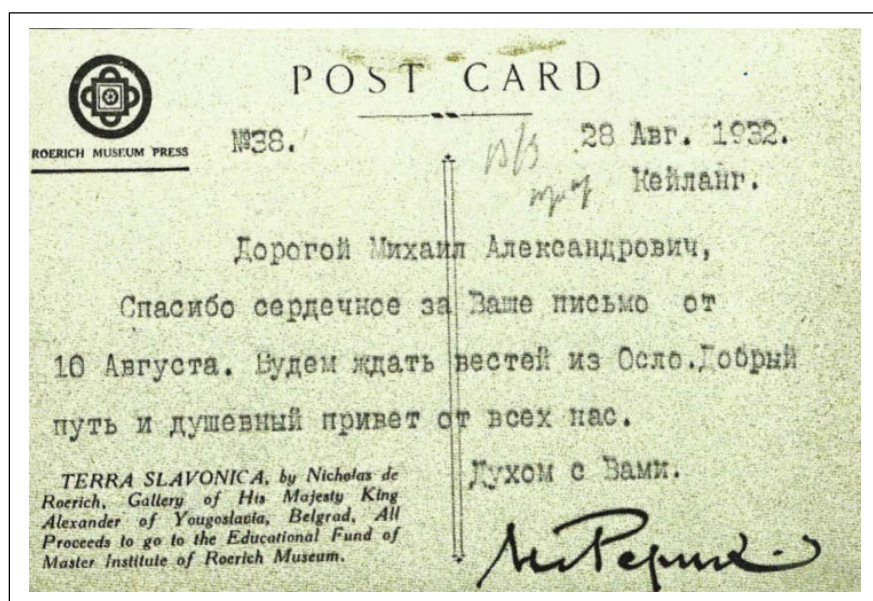
Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. [1933].

Н.К. Рерих. Гуру-Гури-Дхар. (Путь Учителя Учителей). 1931.

¹ सत्यम शिवम सुंदरम (satum shivm sundram) (хинди) – Истина, Любовь, Красота.

28 августа 1932 г. Кейланг.
Письмо Н.К. Рериха к барону Таубе М.А.

28 Авг. 1932.
Кейланг

Дорогой Михаил Александрович,
Спасибо сердечное за Ваше письмо от 10 Августа. Будем ждать вестей из
Осло. Добрый путь и душевный привет от всех нас.
Духом с Вами

Архив Музея Рерихов, Москва.

СЕНТЯБРЬ

*1 сентября 1932 г. Загреб, Югославия.
Из письма Гавриила Манойловича к Рериху Н.К.*

Загреб / 1-го сентября 1932 .

Дорогой друг,
Глубокоуважаемый Николай Константинович,
Прочитав ещё 15-го минувшего августа Ваше столь драгоценное для меня письмо из Наггара, я был глубоко тронут не только его содержанием, но и той его сердечной теплотой и душевной преданностью, которыми дышат каждое Ваше слово. Да, это есть именно то, что вяжет нас друг с другом – братьев славян – сыновей одной великой матери, вяжет, несмотря на все географические границы и препятствия, наперекор всем превратностям истории, разделившей отдельные ветви славянства. Это так мы все себе и представляли – на всём широком пространстве расселения нашего народа. – Этой единой матерью всего славянства здесь у нас на юге мы и считаем Великую, благодородную, человеколюбивую, Святую Русь!

И Вы, глубокоуважаемый наш друг, гордость наша, высказываете нам именно любовь этой матери, расширяя её вместе с тем на весь человеческий род!

В Вашем письме Вы с готовностью принимаете нашу просьбу основать в одной из зал нашего музея (то есть, в Штроссмайеровой картинной Галерее, принадлежащей Югославянской Академии) Отдел Вашего Музея, и говорите, что «немедленно посвятите свои силы осуществлению нашего предложения». Вне сомнения, что в короткий срок такое отделение зала – как часть нашей картинной галереи - и будет приготовлена для этой цели. Только прошу Вас повременить некоторое время, причём надеюсь, что весьма краткое. Дело в следующем: все 12 галерейных зал целиком заполнены, после Модерной <...> Реорганизации Галереи, произведённой в 1925 и в 1926 годах. - Это всё историческая коллекция (большой частью старых мастеров) Западного искусства, начиная с XIV и с XV вв. В первых шести залах итальянские художники; в 10-ой, 11-ой и 12-ой залах славянские, главным образом, хорватские. Это всё во втором этаже Академического здания.

<...> Об открытии Белградского Отдела вашего Музея я пока ничего не слышал. Возможно, что это временно отложено на летнее время, пока не возвратятся в Белград многие влиятельные лица. <...>

При ближайшей возможности буду иметь честь передать Его Величеству Королю Ваш сердечный привет и пожелания.

Я со своей стороны благодарю Вас за Ваши приветы нашим сотоварищам академикам, г. Министру Мажураничу и всем Вашим почитателям здесь.

Кроме того, прошу Вас, наш Глубокоуважаемый друг, считать <...> как глубоко и сердечно Вас уважают и с особым почтением думают о Вашей семье.

От Вашего искренно Вам преданного

Гавриила Манойловича.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Перевод с сербско-хорватского яз.)

**9 сентября 1932 г. Симла,
Письмо болгарского художника Бориса Георгиева к Рериху Н.К.**

Глубокоуважаемый учитель, много лет тому назад, в 908 году, когда юношеские искания верных путей, ведущих к изучению средств для выражения через искусство, наши духовные стремления привели меня из Болгарии в Петербург. Я тогда ещё почувствовал силу Вашего духа и был счастлив поступить в Школу Общества Поощрения Искусств на Фонтанке, директором которой тогда Вы состояли.

Я поступил в класс дорогого и доброго Рылова, к которому я сохраню навсегда признательность за его чрезвычайно доброе отношение ко мне. К сожалению, мне не суждено было пробыть больше года в школе и придти в соприкосновение с Вами, т.к. заболел тифом и должен был уехать на родину обратно. Однако, духовная связь моя с Россией никогда не прекращалась, ибо её великая душа для нас болгар всегда была вдохновительницей в развитии нашей культуры.

С раннего детства я чувствовал этическое значение и духовную миссию искусства в жизни человечества и поэтому Ваше искусство имело и имеет такой глубокий отзвук в моей душе. Осуществив свою заветную мечту побывать в Индии, я был глубоко тронут и обрадовался, когда узнал, что Вы и Ваша семья находитесь недалеко от Симлы.

С моими друзьями, принцессой Амрит Каур, rajcumari Amrit Kour Kour of <...> и её братом, гостем у которых в настоящее время я нахожусь в Симле, мы предпринимаем экскурсию через горы в Kulu Valley, и куда прибудем около 25 или 26 числа этого месяца. Вы можете себе представить, как я был рад и признателен Вам, если бы Вы разрешили мне и моим друзьям зайти к Вам на короткое время во время нашего путешествия. Я надеюсь, Вы не откажете бывшему ученику Вашей школы иметь радость повидать своего духовного учителя, и будете так добры ответить мне об этом.

Сердечный привет Вам и Вашей семье,

художник Борис Георгиев

M-r Georgiev

c/o Rajcumari Amrit Kaur / Manorville / P.O. Summerhill Simla W

Архив Музея Рерихов, Москва.

**[Сентябрь] 1932 г. Гималаи
Н.К. Рерих**

"АНГЕЛЮС"

В далёких Гималаях бегун-почтарь, с копьём, с бубенцами и рожком, приносит почту. Нью-Йоркский "Таймс" от 12-го августа - ровно месяц в пути и ровно год с нашей Первой Конференции в Брюгге.

В "Таймсе" телеграмма из Брюгге об успехе Второй Конференции нашего Союза об Охране памятников Искусства и Знания. В этой же газете на ближайшей странице следующее сообщение из Парижа - привожу его целиком во всей наготе:

"Безработный разрезал произведение Миллэ в Париже. Механик порезал "Ангелюс" в Лувре, чтобы привлечь внимание к своему бедствию. Париж 11-го

августа. Пьер Гилар, тридцати одного года от роду, механик, недавно потерявший должность в Электрической компании, нанёс ножом три пореза знаменитой картине Миллэ "Анжелюс" в помещении Лувра.

Он сделал это, по его словам, чтобы обратить внимание на своё бедственное положение. Управление Лувра заявляет, что реставрация холста будет сравнительно легка, ибо на нём лишь три пореза. Один под рукой молящейся женщины, другой через бедро крестьянина, обращённого к ней, и третий, длинный прорез между фигурами.

Гилар совершил своё нападение неожиданно и вначале сопротивлялся служителям, прибежавшим обезоружить его. В конце концов, он сдался и был уведён. Министерство образования и изящных искусств начнёт процесс против него.

Франсуа Миллэ. Анжелюс. 1858-59.

"Анжелюс" является самым знаменитым произведением Миллэ и считается из наиболее прославленных произведений Мира. Оно написано в 1858-59 годах и одно время было собственностью американского собирателя. В 1910 году оно было вновь приобретено французским негодником Шошаром, поднесшим его нации".

Итак, именно во время Конференции о сохранении памятников Искусства изуродовано одно из самых гениальных произведений. Ещё раз понятно, почему так настоятельно и неотложно нужно всемирное признание охранительного Пакта. За последние годы убеждаемся, что вовсе не одна официально объявленная война угрожает незаменимым творениям человеческого гения. Не одна война, но ползущее варварство и одичание в той же, если не в большей, мере грозят лучшим памятникам творчества.

Не в шкурах пещерных, но в смокингах сидят "джентльмены", бесстыдно восклицающие: "Долой культуру", безнаказанные в своём губительном бесстыдстве и невежестве.

Довольно всяких Геростратов! Записываем имя безумца механика как самое стыдное клеймо, но не для отягощения страниц истории. Преступное одичание обращается, прежде всего, на наиболее возвышенные и совершенные творения. Невежество пытается уродовать самое лучшее - в этом страшная печать тьмы.

Поистине, нужны самые проникновенные всемирные меры, чтобы обновить традиции культуры. Пожелаем от всего сердца, чтобы вновь образовав-

шаяся Всемирная Лига культуры действительно всемирно просветила новым, благотворным светом все ожесточённые, обуянные, затемнённые сердца.

На горных полях сейчас убирают ячмень, несутся переливчатые песни труда, и ещё больнее думать, что такой трогательный и торжественный апофеоз труда, как "Ангелюс", изуродован рукою тёмного безумства преступного. Нет оправдания! Есть ужас перед одичанием, перед хаосом тьмы!

Больно звучит сообщение, что картина может быть сравнительно легко восстановлена. За долгие годы собирательства и экспертизы знаем, что значит инвалидная картина. Какое множество таких неизлечимых инвалидов пришлось осмотреть и сожалеть о неизбежных последствиях, которые рано или поздно дадут о себе знать. Нет такой реставрации, которая через вековой срок не обнаружилась бы вследствие разницы материалов. Сколько трещин непоправимых, сколько порезов нанесено невежеством. Сколько самого ценного стёрто, испепелено варваром уничтожателем. Как бы ни был заклеен, замазан и укрыт под толстое стекло "Ангелюс", всё-таки он будет инвалидом, и следы преступного нападения встанут, обнаружатся, как язвы стыда современности.

Не обвиним хранителей. Преступная рука дотянется всюду, если мозг и сердце прониклись преступностью. Но от первых детских лет должно быть сказано и в семье, и в школе, в чём заключается истинные мировые духовные ценности. Если мы будем сознавать, что древний Китай и Египет больше нас почитали творчество, то это будет очень плохим сознанием. Механик изуродовал "Ангелюс". Не знаменательно ли это? Не напоминает ли это о различии механической цивилизации от культуры? Слава Богу, что такой "механик" не сродни всем истинным строителям. Исследователям и улучшителям жизни.

Ещё недавно слышали мы и о погибших Гойя в Испании, и о гибели ценнейшей библиотеки в Шанхае, и о многих варварствах. Говорят, гнев народный! Но почему же он обрушивается на прекрасное, а не на безобразное?! Стыд, стыд!

По всему миру начали праздноваться Дни Культуры. Это хорошо. Пусть они будут истинным почитанием Света, Красоты и Знания, которые опустят руки варваров перед созданием прекрасным.

Говорить ли о значении Знания и Красоты? Не трюизм ли? Но действительность во всей её неприглядности заставляет бессменно и неустанно молить об утверждении культурных основ. Вместо вечерни труда во всей её торжественности и строительности может наступить вечер зари разрушения. Сами видите, что может наступить, несмотря на все "Олимпийские игры", которые, в отличие от античных, тоже иногда кончаются кулачною, дикою расправой.

Та же газета, что известила об изуродовании "Ангелюса", сообщила и о конференции двадцати трёх стран о сохранении памятников искусства и знания. Пусть все Лиги, Институты, Музеи, Общества, Учреждения, Конференции, Конвенции растут и множатся, чтобы просвещением вытеснить все ужасы невежества и тьмы.

Сердце, слышавшее о просвещении, не поразят "Ангелюс".

Гималаи 1932.

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. 1933.

16 сентября 1932 г. Париж.
Письмо А.А. Олесницкого к Рериху Н.К.

Paris / le 16 Septembre 1932. -

Глубокоуважаемый Николай Константинович,
Простите, что пишу Вам, не имея чести знать Вас лично.

Из письма Гавриила Михайловича, Председателя Югославской Академии, -1-го Сентября Вы изволите изволите усмотреть, что я состою референтом (докладчиком) по восточной литературе и языкам при Югославской Академии Наука. Иначе говоря, я заведую Восточным отделом Академии, составляя для неё коллекцию восточных рукописей и грамот. Для этого дела я ежегодно предпринимаю, по поручению Академии, поездки по Боснии, Герцоговине и Македонии и скупаю для Академии у местного мусульманского населения памятники исторического прошлого страны - за 500 лет, которые она провела под Турецким Владычеством. Эта 500-летняя турецкая власть оставила, как Вы и сами удостоверитесь на месте, по прибытии Вашем в Югославию, неизгладимые следы на карте этих местностей и культуре и на самом языке, не говоря уже о фольклоре, который <напоминает > о борьбе с турками. До моих работ в Академии в этом направлении, то есть по спасению исторических памятников турецкой старины ничего почти не было сделано, так что я первый поставил широко это дело, собрав для науки за 5 лет моей работы до 2000 рукописей и документов, которые <...> прошлое всей страны. Ибо понятно нельзя толком отделить историю сербо-хорватского народа от турецкой истории, с которой первая только пересеклась с конца XIV по XIX вв. Одновременно я, на основании найденных и открытых мною материалов, пишу работы по историческому прошлому страны, помещая их в местных и русских научных журналах. Должен, наконец, сказать, что собранная мною коллекция единственная в стране по своему богатству и редкости состава её. Белград такой коллекцией не обладает. -

Пишу это всё отнюдь не для самохваления, а лишь только, чтобы дать Вам понятие о моей работе и о <...> я за 5 лет своих поездок по Югославии изучил хорошо страну, овладел языком, познакомился с её прошлым: её фольклором, её сказаниями, легендами и былинами и т.д.

Кроме того, я единственный русский, работающий в Академии Наук. Ко мне очень хорошо относится Председатель Академии, и я стал, так сказать, его секретарём по русским делам в Академии.

В настоящее время я нахожусь в Париже, куда приехал отчасти по личным делам (болезнь жены), отчасти, чтобы в местной Bibliothèque Nationale, в её архивном отделе поискать материалов об историческом прошлом Югославии с XIV- по XIX ст. Я сам по образованию восточник, окончил Лазаревский Институт в Москве, Восточную Академию и Археологический Институт в Петрограде. По 1917 год (сентябрь мес.) служил в Императорском Министерстве Иностранных дел, служа в разных местах. Последнее был секретарём Ростова в Комитетах уже за время Добр. Армии.

Материально я обеспечен, так, кроме службы в Юг. Академии имею небольшой домик в Загребе, который при дешёвизне жизни в стране даёт мне возможность существовать с женой прилично.

Таким образом, материальная заинтересованность в целях этого письма отпадает. -

Незадолго перед отъездом из Загреба в Париж в беседе с г. Михайловичем был затронут вопрос о желательности ознакомления Вас с фольклором Югославского народа, с его былинами, этническими песнями, легендами и т.д. Конечно, я был хорошо знаком с Вашим творчеством ещё в Перограде, и теперь, <тщательно> изучив Вашу работу за границей (по изданиям, которые Вы саблоговолили прислать в Академию), я принял решение написать Вам настоящее письмо и предложить Вам, если Вы это пожелаете – составить обзор эпоса югославян (сербов и хорватов), и выслать Вам его в Индию, чтобы Вы могли ознакомиться с ним, и изучить ещё до Вашего приезда в Югославию.

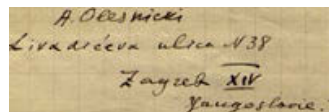
Я представляю себе сделать это в кратких чертах, конечно, на русском языке. Сюда бы вошли, как сербские и хорватские народные герои, так и турецкие, - т.к. с ними у сербов и хорватов происходит настоящая борьба, воспеваемая народом в песнях. Я бы мог тоже собрать Вам некоторые материалы о Св. Савве, сняв, например, фотографии с фресок чудесных проф. Окуневым. Я говорил об этой работе <...> с одним специалистом по югославскому фольклору и заручился заранее в этом отношении его помощью и советами. Наконец, если Вы этого пожелаете, я смог бы по Вашем приезде и по окончании официальной части его, приёмов у Короля, чествовать Вас Академией в Загребе, сопровождать Вас в поездках по стране, как в качестве переводчика, так и для указания живописных и красивых местностей, которые могли бы заинтересовать Вас. Дело в том, что в Югославии, как Вы сами увидите, проходит пока всё ещё резкая черта, разделяющая сербскую и хорватско-словенскую части населения. Будучи в Белграде, Вы ознакомитесь с одной психикой, культурой и тенденцией. В Загребе Вы найдёте другую. Загреб очень ревниво следит за тем, что происходит в Белграде, Белград с высоты своего столичного положения склонен умять всё западное, хорватское. Господин Михайлович – серб – уроженец Далматии, возглавляя «хорватскую», в сущности, Академию наук (ведь только название «Югославянская») будет Вам в состоянии наиболее беспристрастно по Вашем приезде в Загреб осветить всё положение в стране.

Очень прошу извинения за настоящее письмо и особенно за мой почерк. – Обыкновенно дома я пишу свои письма на машинке, но в пути я не имею её.

Глубокоуважающий Вас и готовый к услугам,
Алексей Акимович Олесницкий

P.S. Я думаю, что для исторического прошлого Сербии Вам следует прочитать сербскую историю до Турецк. периода. Там Вы найдёте достаточно данных и о Св. Савве.

Мой адрес:

Архив Музея Рерихов, Москва. (Автограф)

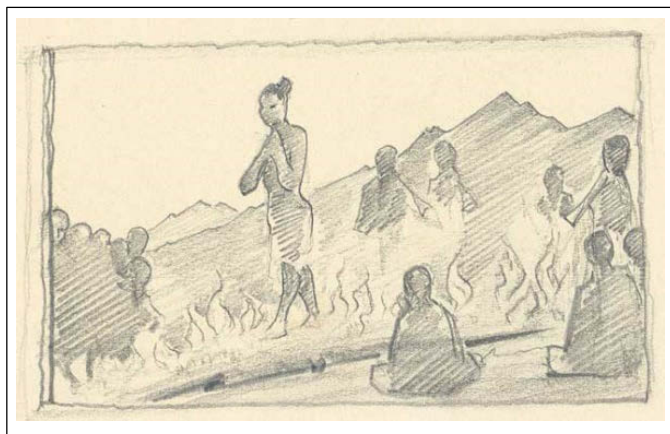
24 сентября 1932 г.

Письмо Н.К. Рериха к Метальникову С.И.

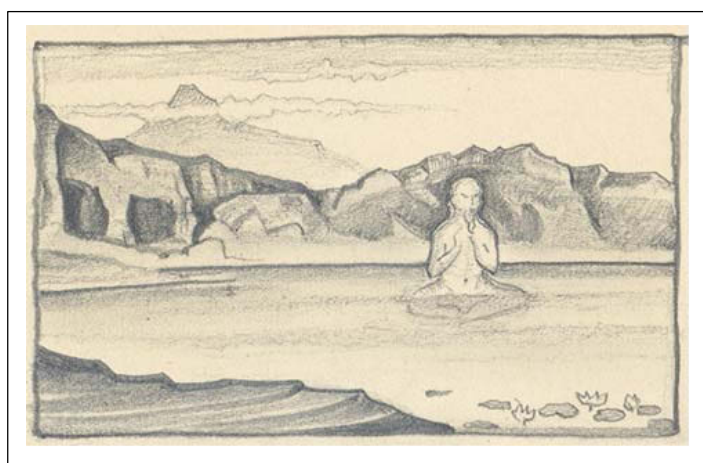
Prof. Metalnikoff

Дорогой Сергей Иванович,

Спасибо за Ваше письмо с юга Франции. Так мы радовались Вашим вестям [о] новых работах по иммунитету. Тема и увлекательная, и нужная, а при Вашем мирозерцании она приобретает исключительную глубину. Недавно мы вернулись из Лахуля, иначе говоря, Южного Тибета. Посылаю Вам несколько снимков и могу сказать, что не раз мы с Еленой Ивановной Вас вспоминали. Опять много интересных наблюдений. Места древние - пещеры Миларепы, монастыри Падмы Самбгавы, воспоминания о Риши Виасе (составитель Махабхараты), Васиште (открывшем горячие целебные источники), Капиле (имевшем глаз смертный). На скалах загадочные изображения мечей и горного козла (вех) - культ огня. Саги о Гессаре, путь на Кайлас! Сейчас пишу две картины, для Вас интересные: «Огонь» и «Вода».

Н.К. Рерих. Хождение по огню. (Альб. «Кулу» 1931-32)

Н.К. Рерих. Лотос. (Альб. «Кулу» 1931-32)

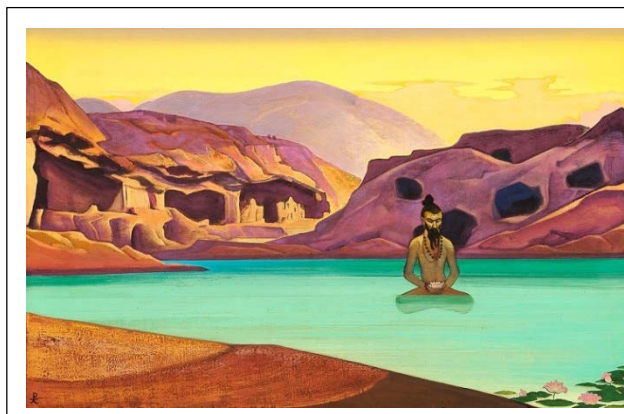
На первой садху неведимо идёт через огонь. На второй садху сидит со скрещенными ногами на воде. Оба явления практикуются в Индии сейчас. От

огня - ни малейших следов, хотя костёр около двух сажень, а садху всегда проходит медленно, сложив руки на груди. Видели ламу, практикующего то-мо, т.е. развитие тепла и левитацию. Нагой человек на ледниках высот - явление обычное. Во втором выпуске журнала «Урусвати» Вы, вероятно, видели статью Юрия о церемонии ломания камня. Следующий номер журнала будет посвящён Свену Гедину и выйдет к Новому Году. К весне, вероятно, выйдет моя следующая книга, «Твердыня пламенная», посвящённая Всемирной Лиге Культуры, где меня избрали председателем. Вероятно, Шклявер рассказал вам о новых отделах, посвящённых моим картинам в музеях Бенареса, Белграда, Брюгге, Буэнос-Айреса, Загреба, и успехе второй конференции нашего Пакта и Знамени [Мира] в Бельгии. Со всем этим хозяйством столько хлопот, что на нашей зимней квартире часто стучит хор из четырёх машинок. Тоже своего рода цикады! Кончаем постройку биохимической лаборатории, что совсем нелегко во времена всяких всемирных кризисов. Ну да терпения и упрямства достаточно! В каждом препятствии заложена возможность. Сейчас здесь работала экспедиция космических лучей. Гималаи и для этих находений незаменимы. Будем ждать Ваши новые книги, будем радоваться, читая их.

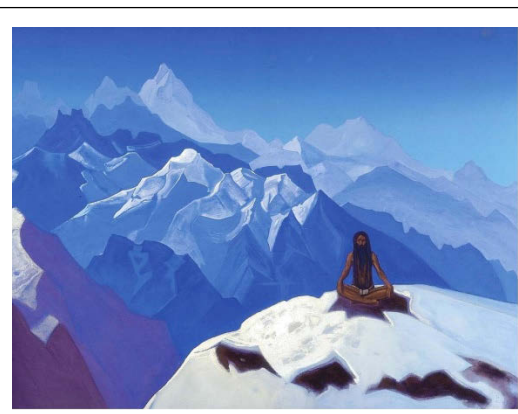
Шлём лучший привет семье Вашей. Если увидите Щекотихину, передайте мой привет и ей.

Сердечно Ваш, [Н. Рерих]

Архив Музея Рерихов, Москва.

Н.К. Рерих. Лотос. 1933.

Н.К. Рерих. На высотах (Ту-мо) 1936.

30 сентября 1932 г. Париж.

Письмо А.А. Олесницкого к Рериху Н.К.

Paris / 30-IX - 32.

Глубокоуважаемый Николай Константинович,

Недели 2 тому назад один турок, профессор – историк прислал мне на рецензию об «Угуз-наме»², старейшей турецкой (тюркской) былине, воспевающей жизнь и подвиги Хана (Кагана) Угуза.

Прочитав её, мне показалось, что она могла бы заинтересовать Вас, и, быть может, послужит темой для Ваших композиций. К тому же и Георгий Ни-

² «Огуз-Наме» («Книга Огуза») — эпические памятники о легендарной родословной тюрков-огузов и их мифическом прародителе Огуз-кагане (Огуз-хане). – *Ред.*

колаевич, насколько знаю, тоже интересуется и специализируется в Уйгурских памятниках, быть может, она и ему была бы небезынтeресной.

Очень буду рад, если мои предположения оправдаются и Угуз-наме Вас заинтересует, а, может быть, и послужит Георгию Николаевичу источником для каких-либо новых открытий. Все подробности об этом памятнике найдутся во вступлении к этой работе; указано только, что она для нас русских интересна потому, что мы находили в ней упоминание об Урус-беге – каком-то русском князе доисторического периода, встречаем имя Воуап'а – прообраза нашего Бояна в «Слово о полку Игореве», инструмент Коуроуг – (предок нашей малороссийской Кобзы), и т.д.

Числа 10-го Октября возвращаюсь из Парижа в Загреб, и если Вы пожелаете, приступлю к сбору для Вам и переводу югослав. эпоса – былин, легенд, сказок и т.д., о чём писал Вам в предыдущем письме.

Пока же позвольте пожелать Вам всего лучшего.

Искренно и глубоко уважающий Вас, *А. Олесницкий*

Архив Музея Рерихов, Москва.

ОКТЯБРЬ

13 октября 1932 г. Кулу

Письмо Н.К. Рериха к Олесницкому А.А. (Югославия)

Олесницкому

Рс:Рах, Guests, Terra, Kulu, Queen Confl. Derjava Sveta, Duvernois, Art & W. Cult Outpost, Armoir, Tib. Dic., Scholar Peace Jagaisw., sarti, Annual Rep. Urusv. 29/3. RM Bulletin 11, 1, 2.

Окт. 13-го 1932 г.

Многоуважаемый Алексей Акимович,

Сердечно благодарю Вас за письмо от 16 Сен. с.г. Истинно буду рад увидаться с Вами в тридцать четвёртом, когда программа моих работ позволит мне радость побывать и в дорогих сердцу моему Славянских землях. Очень рад был слышать о Ваших научных трудах. Ибо, лишь сравнительно немногим из нас в рассеянии сущих удалось приобщиться к культурной работе. Радовался я и Вашим сведениям о сердечном отношении к Вам Президента Академии Мануйловича. Драгоценно видеть, когда настоящий учёный широко поддерживает задачи и во всех окружающих.

До чего сейчас нужна культура, и как глубоко отпадают от неё сейчас не только многие страны, но даже целые материки. Прискорбно видеть, что и молодое поколение часто отходит от просвещённых традиций. Весь мир разделился уже не по нациям, но по классам, но по черте света и тьмы. Это очевидное соображение тем более обязывает всех мыслящих о культуре держаться вместе и пренебречь всеми разлагающими условиями тьмы. Тьма только и живёт тлением и разложением, но не может дух человеческий ещё более разрушается. И так уже глубоко обеднели люди духовно. Вот во имя духовно-культурного объединения и сотрудничества я и приветствую Ваше письмо, и Вы должны почувствовать в словах моих, как я буду рад встретиться и обменяться живым словом.

Посылаю Вам одну из последних статей моих ТВЕРДЫНЯ ПЛАМЕННАЯ. Для меня пламенная твердыня есть культура. И по письму Вашему вижу, что и

Вы живёте ради той же твердыни. Будьте добры, передайте мой искренний привет проф. Мануйловичу и членам Академии. Через все препятствия, через все пагубные разделения всё-таки будем стремиться к сердечному культурному единению.

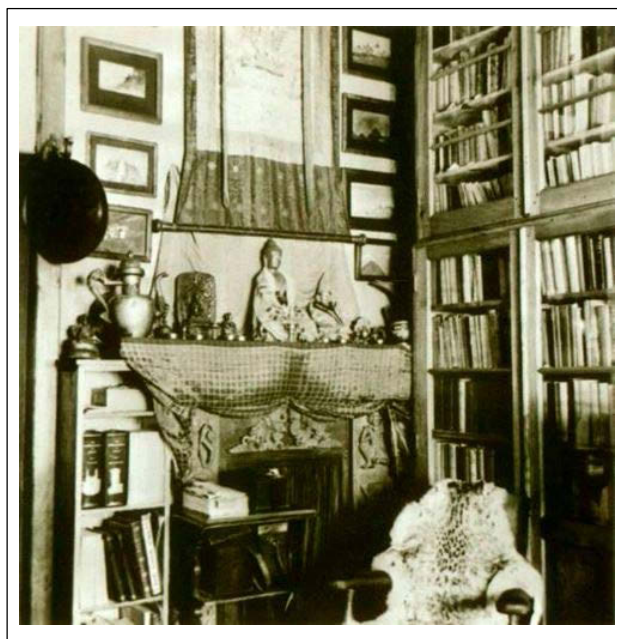
Отдельным пакетом посылаю Вам также мою книгу ДЕРЖАВА СВЕТА. И буду искренне рад слышать или видеть в печати Ваше мнение. В том же пакете найдёте Вы и некоторые приложения, которые введут Вас в орбиту нашей работы. Если будете писать, пишите прямо в Индию по адресу на заголовке письма.

Сердечный привет и лучшие пожелания.

Искренно Ваш.

P.S. Перед отправкой этого письма дошло Ваше от 30-го сентября. Спасибо за все Ваши столь интересные сведения об Угуз-Хане. Поистине велик ещё не открытый материал Азии. Настоящее письмо уже найдёт Вас в Загребе, куда ещё раз шлю мои горячие приветы.

Архив Музея Рерихов, Нью-Йорк. (Машинопись).

Интерьер дома Рерихов в Кулу. 1930-е г.

1932 г. Гималаи.

Н.К. Рерих

ОГНИ ОЧАГА

Когда Армагеддон гремит, когда столько стрел ненависти, разделения, разрушения, разложения пронзают пространство, разве тогда мы не должны беречь каждую искру дружелюбия?

Когда в невежестве поносятся самые высокие понятия, разве не должны мы собрать к очагу духа все священные лампы?

Когда ложь и суеверие пытаются загрязнить всё самое чистое, лишь бы увеличить поле хаоса, разве не должны мы в лучших летописях искать свидетельства истинного сотрудничества?

В древнейшей хронике говорится как высшая похвала Киевскому князю Ярославу: «И книгам прилежа и почитая е часто в нощи и в дне, и списаша книги многы; с же насея книжными словесы сердца верных людей, а мы пожинаем, ученье приемлющее книжное. Книги бо суть реки, напоюще вселенную, се суть исходища мудрости, книгам бо есть неисчетная глубина».

Так мыслила хроника древних. Действительно, одно дело допустить книгу и совершенно другое полюбить книгу в полной преданности к просвещению.

Вспоминается. В приёмном кабинете некоего президента двое ожидающих. Стены старинной комнаты обделаны массивными дубовыми книжными шкафами. Из-за зеркальных стёкол заманчиво поблёскивают корешки богатых переплётов. Хотя и не старинный переплёт, но густо золочёный. Видимо, любитель книг. И как хорошо, что во главе предприятия стоит такой собиратель, не пощадивший денег на заманчивые переплёты.

Один из жаждущих не удерживается от соблазна хотя бы перелистать книгу, хотя бы подержать в руках это сокровище духа. Шкаф оказывается незапертым, и, подняв руку, любитель пытается вынуть один из томов, но – о, ужас! – вся полка валится ему на голову и оказывается фальшивыми корешками без всякого признака книги. Оскорблённый в своём лучшем желании, любитель книг дрожащими руками ставит на место эту недостойную подделку и шепчет: «Уйдём поскорее, от такого шута разве можно ожидать что-нибудь путное!» Другой посетитель усмехается: «Вот мы и наказаны за пристрастие к книгам. Ведь вам не только прочесть её, но подержать в руке – и то уже счастье».

Сколько же таких фальшивых библиотек рассеяно по миру! Строители их, кого они обманывают – друзей своих или самих себя? В этой подделке скрыто какое-то необыкновенно утончённое презрение к знанию и какая-то изысканная оскорбительность к книге, как к свидетельству человеческого преуспеяния. И не только само содержание книги отрицается, но в таких подделках, как вещественных, так и словесных, отрицается само значение произведения духа, как такового.

«Назови мне твоих врагов, и я скажу, кто ты есть».

Одно из самых утомительных занятий есть отыскание новой квартиры. Но среди этого невольного вторжения в десятки разнообразных жилищ вы выносите несомненные наблюдения о фактах жизни. Вы проходите целый ряд сравнительно зажиточных помещений, ещё наполненных обстановкою. Где же он, книжный шкаф? Где же он, письменный рабочий стол? Почему же комнаты заставлены иногда такими странными уродливыми предметами, но этих двух друзей существования – письменного стола и шкафа для книг – не видно? Есть ли место поставить их? Оказывается на поверку, что небольшой стол ещё можно вдвинуть, но все стены вычислены так, что место для книжного шкафа не оказывается.

Хозяйка квартиры, заметив наше огорчение, указывает на маленький внутренний стенной шкафчик, с сожальной улыбкой снисходя к вашей требовательности, и говорит: «Если у вас много книг, то вы сможете отнять этот шкаф от других домашних вещей». При этом вы видите, что крошечные размеры шкафа кажутся царственными для такой роскоши, как книги.

В этом сожальтельном снисходительном отношении к книге, как таковой, вам вспоминаются те ценнейшие библиотеки, которые оказывались вы-

брошенными на толкучий рынок. И вы ещё раз с горечью вспоминаете все рассказы о том, как селёдки и огурцы оказывались завёрнутыми в ценнейшие листы, вырванные из редчайших изданий. Когда же вы смотрите на крошечный шкаф, вам предлагаемый, и соображаете, что в нём даже сотня томов с трудом поместится, то опять житейские мудрецы вам скажут – зачем же держать дома такое множество книг? И при этом они почти повторяют слова знаменитого мусульманского завоевателя, который приказал уничтожить ценнейшие библиотеки по причине их бесполезности, ибо в одном Коране всё сказано, что нужно для человека.

Отсутствие письменного стола объясняется совершенно основательно, указывая, что письменный стол стоит в конторе. При этом мелькает ясный намёк, что кроме конторы никаких умственных занятий и не бывает. А вечерний досуг существует для весёлого времени, которое не должно обременять мозги. И тем самым так называемый досуг, который должен бы являться ценнейшими часами накопления и утончения сознания, рассыпается, как жемчуг, в пыли улицы.

И та книга в современном обиходе становится предметом какой-то роскоши. Библиофилов, таких роскошествующих маниаков, «здравый рассудок» сожалеет. Среднее сознание вообще разучивается читать, в чём иногда совершенно добродушно даже признаётся. «Не могу читать длинных книг», «Не могу сосредоточиться», «Не хватает времени», - говорит человек, отправляющийся созерцать кулачный бой, или чтобы бросать шарики в пространство, или просто занятый перемыванием костей ближнего.

И время есть, и деньги есть, чтобы иметь дома сокровища знания, но мысль об этих сокровищах просто уходит из обихода. Чем люди живы? Многими предметами, но познание, как таковое, и сама прелесть книги, как творения, уходит из жизни.

Так же точно вы можете наблюдать характер и сущность приятелей по состоянию данных им книг на прочтение. Правда, иногда вы встречаетесь с самым заботливым, с самым честным отношением к книге, и иногда вы понимаете, почему некоторые тома благополучно дожили от 17-го и 15-го столетия, но, к сожалению, чаще всего книга возвращается в таком неизгладимом повреждённом виде, что болеет душа за осквернённого автора. Закапать книгу чем-то, завернуть страницу, может быть, оборвать угол, а иногда даже вырезать понравившуюся иллюстрацию грехом не считается. Каждый библиотекарь расскажет вам свои горести не только о пропавших книгах, но об искалеченных навсегда изданиях.

Уничтожающий книгу доказывает низкое состояние своего сознания. Пусть это будет труизм, но кто-то прочтёт его ещё раз и поопасается испачкать или изорвать книгу. И то уже хорошо. Среди мировых кризисов и материальных и духовных, отношение к книге будет одним из убедительных показаний. Вот когда мы вновь научимся самоотверженно полюбить книгу, так же как и произведение искусства, и сердечно оберегать её, тогда и некоторые из труднейших жизненных проблем будут решаться сами собою. Без дискуссий, без злоречий и столкновений. И в жилие нашем найдётся место и для книжного шкафа, и для рабочего стола, так же как и для священных Изображений, напоминающих присутствием своим о Высшем, о Прекрасном, о Бесконечном.

Кто-то скажет: это я давно знаю, это для меня не ново. Как хорошо, если он так скажет; быть может, он в силу этого прочтёт ещё одну книгу и ещё бе-

режнее отнесётся к этим истинным друзьям каждого дома, и, в свою очередь, скажет это, так знакомое ему, и ещё кому-нибудь. Ведь люди так часто говорят именно о том, что они не исполняют: «Я давно об этом знаю», и им опять приходится сказать – тем хуже для вас.

Книги последних изданий сделались очень маленькими, стали крошечными как размером, так и удельным содержанием. Автор как бы боится, не утомить бы, не наскучить бы, ибо издатель твердит ему во все уши о странных требованиях читателя.

И вдруг вы узнаете, что большинство книг читается бедняками, и желание истинного познания живёт в людях, с трудом зарабатывающих себе хлеб завтрашнего дня. Когда вы перелистываете Ежегодник мировых сведений, вы с крайним интересом следите за статистикой грамотности и за количеством томов в публичных библиотеках мира. Как несоответственно со многими официальными представлениями распределяется количество книг в этих Народных Хранилищах! Не буду приводить этих поучительных цифр, ибо «Уорлд Альманах» Ежегодник вполне доступен для желающих ознакомиться с последовательностью этих накоплений. Для многих в них будут заключаться большие неожиданности.

Кроме того, не забудем, что грамотность, которая является, несомненно, ступенью к Культуре, сама по себе ещё не обеспечивает чтения и разумно-культурного потребления книг. Если бы взяли другую статистику, а именно статистику, много ли из грамотных людей не читают, то результаты были бы очень поучительны. Если же из числа читающих выделить и чтецов бульварных романов, то мы увидим, что вся сумма серьёзных книг и изданий ложится на сравнительно очень небольшое число людей из всего населения мира.

Это обстоятельство тем более вопиёт о бережливом отношении не только к серьёзным изданиям, но и к тем людям, которые делают из них разумное и надлежащее употребление.

Не забываются трогательные эпизоды любовного обращения с книгами. Незабываем рассказ одного небогатого литератора о том, как он желал подарить невесте своей, как свадебный подарок, как нечто наиболее ценное в его представлении, книгу-монографию о творчестве наиболее вдохновляющего его художника. Незабываемо также, когда трогательная любовь к книге самостоятельно вспыхивает в самом детском возрасте. Маленькая девочка, в барских хоробах, с трудом несёт непомерную для детских сил книгу Библии с иллюстрациями Дорэ; не позволена ей эта книга, но она пользуется отсутствием старших не для проказ и шалостей, но чтобы ещё раз воспользоваться минутой свободы и приобщиться к великим Образам.

Дороги нам эти дети, носители лучших Образов, которые по сердцу своему самостоятельно приходят к книжному шкафу и знают этого неизменного друга истинного счастья. Ведь самостоятельно пришёл к книжному шкафу Эдисон и сызмальства понял, чем он может благодетельствовать человечество. В инстинкте к приобщению к газетному делу выразилось сердечное устремление к распространению полезного.

Вспомним также великого мыслителя Рёскина, с такою же трогательностью отдавшего свои первые устремления и вдохновения великой библейской Эпопее. Вспомним многих славных. Уже давно говорилось о мощи мысли, говорилось об искусстве мышления. Но ведь каждое искусство нужно развивать

и питать, и не будет ли очаг этого священного искусства именно около книжного шкафа?

Обернёмся к книжному шкафу не только как к утешителю и охранителю, но как и к водителю и жизнедателю. Не от него ли происходит устойчивый творческий ум великих мыслителей? Не от него ли долголетие, не от него ли противостояние всем злым, и всем неслыханным, казалось бы, препятствиям существования? И не от него ли творящая радость?

1932. Гималаи.

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. [1933].

1932. Гималаи.

Н.К. Рерих

«ГРАД СВЕТЛЫЙ»

«Смотреть на прекрасное - значит улучшаться» (Платон).

«Человек становится тем, о чём он думает» (Упанишады).

«Вразумляйте бесчинные, утешайте малодушные, заступайте немощные, долготерпите ко всем» (Апост. Павел).

«Просветите себе свет ведения» (Осия, 10, 12).

«Человек должен стать сотрудником неба и земли». «Все существа питают друг друга».

«Сознание, человечность и мужественность являются тремя мировыми качествами, но чтоб приложить их, нужна искренность».

«Не существует ли панацея для всего сущего? Не есть ли это любовь к человечеству? Не делайте другим того, что не желаете для себя».

«Если человек умеет управлять собою, какую же трудность мог бы он встретить в управлении государством?»

«Невежда, гордящийся своим знанием; ничтожный, желающий чрезмерно свободу; человек, возвращающийся к древним обычаям, - подвержены неминуемым бедствиям» (Конфуций).

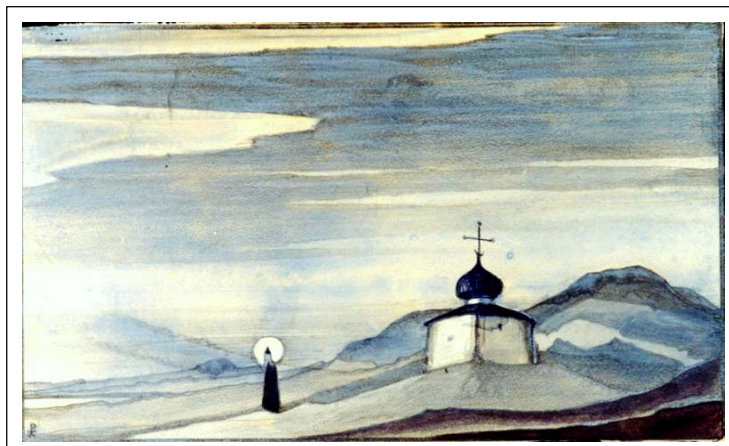
Как всё это старо и как нужно именно теперь. Может быть, нам только кажется, что именно сейчас такая потребность не только в вере, но к исповедованию? Нет, друзья, не кажется это. Сведения каждого дня потрясают смятенностью мира.

Апостол Павел, и Платон, и Конфуций опять ободряют, ибо прошли через всякие ужасы смятения духовного. И Соломон мудрый подтверждает: «И это пройдёт».

Истинно пройдёт! Идут паломники в Шамбалу, в Беловодье. Никакие пропасти не остановят стремление духа. Знают и Пресвитера Иоанна и Гессар-Хана и Владыку Шамбалы. За белыми горами звонят колокола обителей.

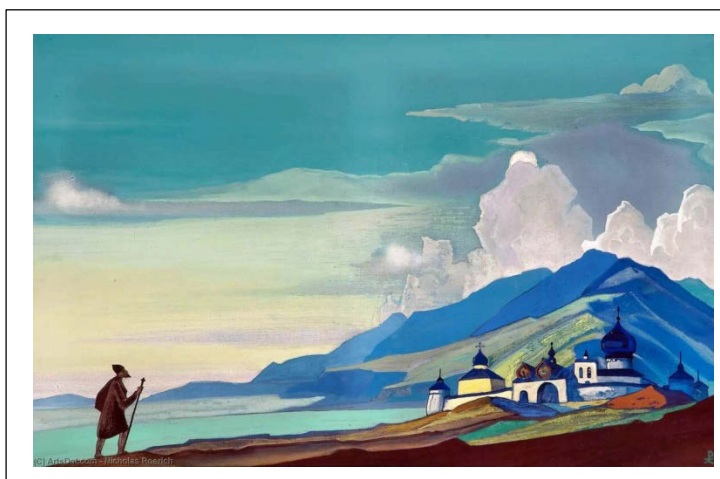
Среди духовных движений, родившихся за последние годы, особенно звучат странники «Светлого Града». О хождении их повествует Брат Алексей в своих поучениях. «Меж болот мирской неправды, среди дебрей ложного знания, минуя скалы человеческой глупости, обретешь равнину исканий и восемь дорог к ней. А посреди - озеро живой воды. Пусть к нему лежит в кругах странников. Меж людьми ты хочешь стать странником, чтобы будить в них тоску по совершенству. Скажи, хочешь ли ты уважать все искания? Хочешь ли вникать в чужие искания? Хочешь ли сам искать свет совершенства? Ты ответил - хочу?»

Странник, ты принят в наш круг. Вот тебе посох с крыльями. Иди. Цветок круга странников - подорожник...»

Н.К. Рерих. Странник Светлого Града. 1933. Эскиз.

«Ты, познавший тоску подорожника, - быть на всех путях везде при дороге, но никогда не знать, на пути ли ты, - вот голубую звезду василька даю тебе, пусть она ведёт тебя. Голубые звёзды васильков цветут на золоте ржаных полей. Но ты, пришедший, какие поля засеял ты? Не проходи мимо полей, тоскующих по любви, засея их золотом свободных устремлений. Возьми колос, в нём ты найдёшь зёрна для посева. Пусть на каждое зерно, тобой посеянное, вырастет новый Светлый Град, а они все - Один. Бесплодны поля неорошённые... Пусть же алая гвоздика расцветёт у тебя на груди. Иди. На пути я встречу тебя».

Н.К. Рерих. Странник Светлого Града. 1933.

Светлый Град стоит на чистом озере. К нему ведут 4 братства: Иоанново, восточное братство, религиозного творчества и проповеди духа; Бояново, северное братство магии искусства; Пифагорейское, западное братство науки и философии; Микулино, южное братство любви и жертвы.

Странники совершали походы и осведомляли о них на своих духовных трапезах. Странники встречались в условном месте и совершали общую трапезу, состоящую из хлеба, вина и фруктов, под открытым небом.

Разве не чудесно прекрасны такие искания? Разве не знаменательно, что в любом журнале сейчас звучит слово культура? К этой панацее тянутся люди ото всех концов. Вот клич о культуре из Болгарии, вот из Индии, вот из Эстляндии, вот из Буэнос-Айреса... В сердечном стремлении сознают люди, где панацея.

Правда, столько же голосов страшится этого светлого слова. Но иначе и не было бы Армагеддона, не было бы потрясений, нарушающих не только рынки-базары, но и разрушающих храмы. Убоявшихся слова Культура отошлём к статье д-ра Кезенса «Спасение цивилизации через Культуру», или к книге Проктора «Эволюция Культуры», или к Бекону, подчеркнувшему значение этого понятия. Совсем недавно профессор Нью-Йоркского университета Радосавлевич прекрасно писал о Культуре - почитании Света. Свами Джагадисварананда, говоря о культуре, заключает: «Подобно религии и науке, искусство и культура всемирны за пределами всех невежественных ограничений». Тому же понятию посвящает Шри Васвани свою прекрасную книгу «Религия и Культура». От другого материка Луи Маделен говорит о культуре «очень человеческой», о мощи и притягательности её. Сколько прекрасных голосов! Сколько в них взаимопонимания и залога истинного строительства.

Не будем бояться всех испугавшихся и пойдём мужественно путём собиранья всех прекрасных, вечных начал.

Будем помнить о кооперации во всех её проявлениях. Будем привлекать к общему труду самых разнообразных работников, чтобы не было отрицания и угашения. Ведь каждый в жизни своей может проявлять высшую меру дружелюбия. Каждый сердцем своим знает, где зло, где невежество, и будет твёрд в противостоянии злу.

«Все за одного, один за всех» - по этой старой максиме найдём силы неисчерпаемые.

«Не лучше в мире» - истинно так! Трещит мирское строение. Но там, где странники, где каменщики, где создатели, там сама надежда претворяется в чувствознание. Это знание говорит о неотложности часа. Поспешаем и не убоимся.

Книга «Мир Огненный» заповедует о строительстве мужественном:

«Уявление утраты сотрудничества делает людей такими беспомощными. Утеря согласованности ритма уничтожает все возможности новых преуспеваний. Сами видите, какие трудности порождаются разъединением. Очень опасно такое состояние!»

«Плох мастер, который не пользуется всем богатством природы. Для опытного резчика искривлённое дерево ценное сокровище. Хороший ткач применяет каждое пятно для разукрашивания ковра. Златоковач радуется каждому необычному сплаву металла. Только умеренный мастер будет сокрушаться обо всём необычном. Только скудное воображение удовлетворяется чужими рамками. Большую зоркость и находчивость вырабатывает в себе истинный мастер. Доброе очарование мастерства освобождает мастера от разочарования. Даже ночь для мастера не приносит тьму, но лишь разнообразие форм от единого Огня. Никто не склонит мастера к блужданию, ибо он знает во всем неисчерпаемость сущности. Во имя этого единства мастер соберёт каждый цветок и сложит извечное созвучие. Он пожалеет об утрате каждого материала. Но люди, далёкие от мастерства, теряют лучшие сокровища. Они твердят лучшие молитвы и заклинания, но, как пыль, уносятся эти раздроб-

ленные и неосознанные ритмы. В пыль мёртвой пустыни обращаются осколки знаний. Об Огне знает сердце человеческое, но рассудок пытается затемнить эту явленную мудрость. Люди говорят - он сгорел от злобы, или - он засох от зависти, или - он загорелся желанием. Во множестве выражений, точных и ясных, люди знают значение Огня. Но не мастера эти люди и готовы они бессмысленно просыпать жемчужины, им самим так нужные!

Не понять щедрость людскую, когда уничтожаются сокровища света. За одну возможность отрицания люди не щадят себя. Они готовы потушить все огни вокруг себя, лишь бы сказать, что в них никакого Огня не имеется. Между тем погасить Огни и допускать тьму есть ужас невежества».

«Огненное сознание даёт тот несокрушимый оптимизм, который ведёт к Истине. Сама Истина, в сущности своей, позитивна. Нет отрицания там, где Огонь творит. Нужно принимать условия Мира по уровню огненного сознания. Условия явленной жизни часто препятствуют огненному сознанию. Трудно примириться с условностью одежды строительства. Обращение и многие подробности жизни мешают огненному восприятию. Но когда хотя бы раз прикоснуться к Миру Огненному, то вся шелуха становится незаметною. Так нужно вести себя по высшему уровню, не смущаясь несовершенством окружающего».

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. [1933].

НОЯБРЬ

14 ноября 1932 г. Гималаи.

Письмо Н.К. Рериха к г-ну В. Петковичу

Ноября 14-го 1932 г.

Г-ну В. Петковичу,

Национальный музей в Београде.

Дорогой Со-брат,

В моём прошлом письме от 3-го Октября я не коснулся второй части Вашего письма, посвящённой археологическим соображениям. Мне хотелось найти одну мою прежнюю статью, где как раз вопрос, затронутый Вами, освещался интересными соображениями и аналогиями. К сожалению, и по сейчас я этой статьи не нашёл, и, видимо, нам придётся отложить эти соображения до моего приезда.

Очевидно, теперь Вы получили все 30 моих картин и, по соглашению с проф. Мануйловичем, вероятно, уже выделили для Загреба десять картин. Если бы, почему-либо это выделение картин ещё не было оформлено, я бы предложил, со своей стороны, следующий список этих десяти картин для Загреба, в котором представлены характерные особенности и для этой группы:

*) №2 Тень Учителя (36 - 1932)

№3 Лахуль (39 - 1932)

*) №7 Приказ Учителя (3 - 1931)

№11 Путь на Кайлас (70 - 1931)

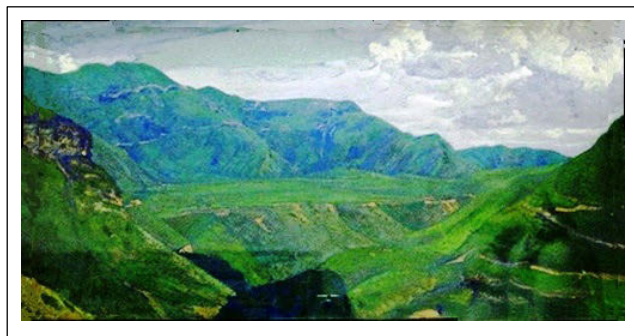
№16 Доби Нулла (30 - 1931)

№17 Замок Такуров (74 - 1931)

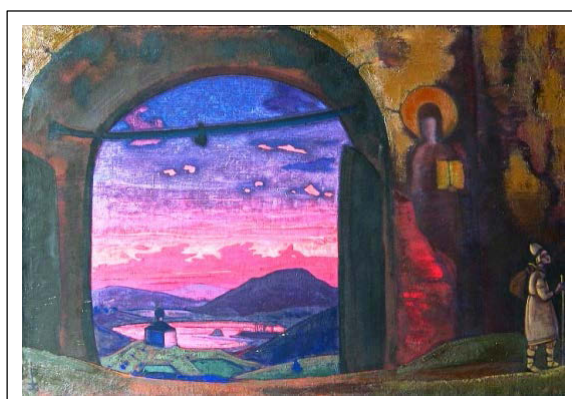
*) №21 Бугурстан. Кавказ (148 - 1913)

- №23 Костюм Снегурочки (225 – 1921)
*) №26 Св. Сергей (197 -1922)
№28 Сангачилинг (479 – 1924)

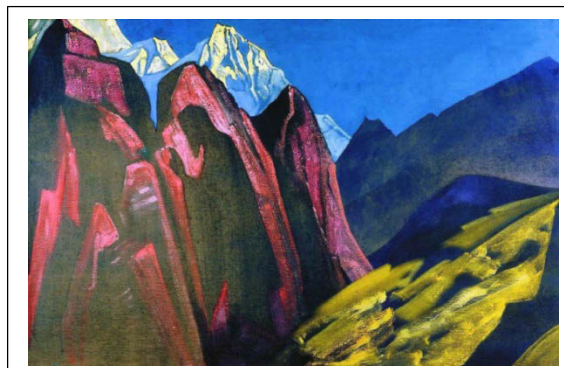
Конечно, как всегда, я не настаиваю на вопросе распределения, а просто сообщаю Вам консультативно. Ожидая Ваших дальнейших сообщений об открытии зала моего искусства и буду рад услышать все подробности.
Сердечно Вам преданы.

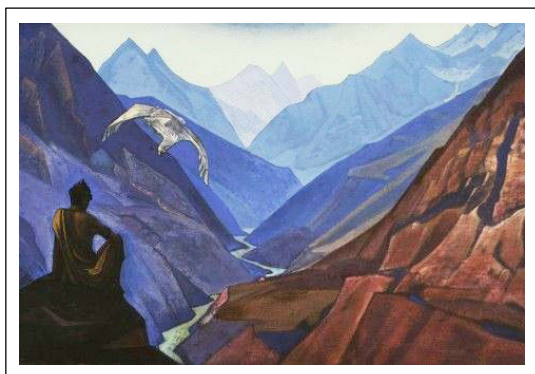
*) Н.К. Рерих. Бугурстан. Кавказ. 1913.

*)Н.К. Рерих. Св. Сергей. 1922.

*) Н.К. Рерих. Тень Учителя. 1932.

*) Н.К. Рерих. Приказ Учителя. 1931.

ПРИЛОЖЕНИЕ (Л. 2.)

Belgrad-_____1932.

We hereby certify to have received from Prof. Nicholas de Roerich the following 30 (thirty) paintings:

- 1) St. Sergius, The Builder (#26, 1932) (Св. Сергей Строитель).
- 2) Shadow of the Teacher (#36 – 1932) (Тень Учителя)
- 3) Lachul (#39 – 1932) (Лахуль)
- 4) Stronghold of Tibet (#50 – 1932) (Твердыня Тибета)
- 5) Royal Monastery Tibet (#96 – 1932) (Королевский монастырь. Тибет)
- 6) Sword of Cessar Khan (#63 – 1931) (Меч Гессер-хана)
- 7) Command of the Master (#3 – 1931) (Приказ Учителя) -
- 8) St. Sergius Chapel (#17 – 1931) (Часовня Св. Сергия)
- 9) St. Sergius Chapel on the Crossroad (#16 – 1931)
(Часовня Св. Сергия на перепутье)
- 10) Tibetan Camp (#69 – 1931) (Тибетский стан)
- 11) Path to Kailas (#70 – 1931) (Путь на Кайлас)
- 12) Shentrazi (#62 – 1931)
- 13) Guga Chohan (#23 – 1931)
- 14) Ashram (#52 – 1931)
- 15) Ashram, Ceylon (#54 – 1931)
- 16) Dobi Nullah (#30 – 1931)
- 17) Dwelling of Thakurs (#74 – 1931)
- 18) Procession of the Morning (#59 – 1931)
- 19) Mother of Chingiz Khan (#18 – 1931)
- 20) The Idols (#4 – 1910)
- 21) Burgustan Caucasus (148 – 1913)
- 22) Call the Bells (58 – 1919)
- 23) Costume “Snegurotchka” (251 – 1921)
- 24) Costume “Snegurotchka” (225 – 1921)
- 25) Berendei Village (#125 – 1921)
- 26) Saint Sergius (#197 – 1922)
- 27) Saint Guests (#313 – 1923)
- 28) Sangactheling (479 – 1924)

from New-York, U.S.A.

29) Kinchenjunga (#486 – 1924) }
30) Paranirvana (#866 – 1927) } from New-York, U.S.A.

Sent to the Museum in Beograd in accordance with the cable of H.M. King Alexander of Yugoslavia, dated Beograd. Apr. 25, 1932, #481.

[Отправлено в музей в Белграде в соответствии с телеграммой Его Величества короля Югославии Александра, датированной: Београд. Апр. 25, 1932, № 481]

All paintings have been received in good order and have been exhibited under glass in the special Roerich Hall.

[Все картины были получены в хорошем состоянии и выставлены под стеклом в специальном зале имени Рериха (англ.).]

Photographs of every painting will be taken on orthochromatic plates (size about 6 to 7 inches long) and will be sent to Prof. de Roerich, to Naggar, Kulu, Punjab, Br. Indis shortly. Photographs of the Roerich Hall will also be sent.

[Фотографии каждой картины будут сделаны на ортохроматических пластинках (size около 6-7 дюймов длиной) и будут отправлены профессору де Рериху, в Наггар, Кулу, Пенджаб, Бр. Индис коротко. Также будут высланы фотографии зала Рериха. (англ.)]

Seal: for THE NATIONAL MUSEUM, BEOGRAD

Архив Музея Рерихов, Москва

24 ноября 1932 г. Гималаи.

Н.К. Рерих

«RIGOR MORTIS» (ОКОСТЕНЕНИЕ)

Окостенение трупа вызывало много соображений. Старые розенкрейцеры очень метко говорят об этом странном с материалистической точки зрения явлении. Отмечается, как постепенно совершается плачевный процесс окостенения не только физически при смерти, но хуже того и при жизни, поражая мыслительные органы.

Бездушные люди формируются здесь, на глазах наших не как отвлечённый символ, но как психофизическую инволюцию надо признать этот процесс инволюции. Много дано людям, и тем шире амплитуда шатания. Но ведь существуют такие клейкие области, за которые маятник духа надолго, если не навсегда зацепляется.

Много, много нужно усилий, чтобы из этого мыслительного окостенения снова выйти к широкому, сознательному мыследействию. Известный британский инженер-изобретатель оповещает в прессе, что человечество морально не готово принять все последние изобретения и открытия. Это утверждение западного учёного своевременно и характерно. Оно совпадает с учениями Востока как древними, так и новейшими.

Помимо ежедневных газетных сообщений о всевозможных антикультурных ужасах, на печатных столбцах можно находить своеобразные указания, в спокойном тоне, точно бы они могут соответствовать двадцатому веку нашей эры и неисчислимому веку от начала планетной жизни.

Сообщается о попытках каких-то организаций возобновить чёрную магию на Брокене. И девушка-красавица, и козёл, и прочие атрибуты чёрного шабаша были приготовлены.

В Финляндии открыта целая тёмная организация некромантов. Осквернение трупов, какие-то действия на кладбищах и полное служение чёрного ворона было обнаружено.

На Бенгальском заливе упоминается человеческое жертвоприношение. Газеты сообщают как о факте, о действительности.

Те же газеты повествуют, как нарядная толпа в Америке пришла и даже издали приехала, чтобы полюбоваться на сожжение негра.

Указывается, что недавно толпа в Берлине окрашивала знамёна в крови казнённых, убитых. Это было не в средние века, но теперь.

В Париже какие-то индивидуумы пытались обмакнуть платки в кровь убитого.

В Испании приносят большие деньги бандерильи, окровавленные в бое быков.

Ещё вырывают сердце врага и приносят кровавые жертвы в нашем двадцатом веке! Действительно, не готово человечество принять последние открытия. С одной стороны чуть ли не всемогущая атомическая энергия, а с другой чёрная месса культ сатаны, Бафомет и кровавые терафимы.

Расчленилось сознание человеческое. В общем разложении мира верхи и низы настолько разошлись, что поступательное движение делается труднообразным.

Старинный ежемесячник помещает сообщение:

«Мы рады узнать, что недавно образовано Общество с целью покровительства и помощи всем жертвам чёрной магии. Если кто-нибудь где-либо страдает от «окультуривного преследования», он может сообщить редактору, и всё возможное для помощи пострадавшему будет сделано».

Сознаемся, что такие сообщения редко приходится читать. Что-то должно было случиться, чтобы в жизнь могла войти такая действительность.

После кровавых гекатомб неслыханной войны сотряслись все основы. Вместо жданного благосостояния во всех странах лопнули финансы. Страны отреклись от обязательств, засвидетельствованных и торжественно объявленных. Появились миллиарды гибели бюджетов; образовались многомиллионные армии безработных. Произошли прежде немыслимые по размеру крахи банков. Мир был потрясён великими неожиданностями вроде Крейгера и Инсула.

Так вдруг, как неумолимая карма за массовые убийства, создалось расхождение жизни, разрыв мира. Резко по линии культуры раскололся мир. Сколько же сознательного, созидательного добра должно быть пролито, чтобы обмыть всю запекшуюся кровь?! А тут целые организации выезжают на Брокен для действия шабаша. «Таймс» помещает снимок козла и девицы, как будто это водевиль.

В то же время под предлогом кризиса сокращаются всевозможные культурные учреждения. Слуги тьмы вопят: «К чёрту культуру!» Ведь не выдуманно всё это. Было бы великим счастьем признать, что этих губительных угроз и действий не было.

И слабеют работники культуры, видя, что их лучшие задачи засыпаны золою тьмы. И тщетно ищут, куда обратиться, где собраться?

А в то же время кто-то едет на Брокен, кто-то мечтает выпить чашу крови... Не в «окультуривных» романах, где можно надеяться на выдумку, но в жизни, среди крахмальных воротников эти ужасы.

Шутовство, балаган, осмеяние, поругание идёт к пределам возможного. Те, кто говорят, что зло равносильно добру, не должны забывать, что зло должно быть сводимо и осознаваемо как несовершенство. За добром всегда остаётся первоначало творчества. Но сейчас вместо начала непобедимо ведущего, по истине руководящего, добро отступает на оборонительные позиции и тем теряет первозвятие.

Из постыдной плотской самозащиты люди избегают приближаться к Истине. Хотя бы ценою душевного позора не потерять своё условное положение! Можно слышать убийственный шёпот: «Лучше закаменею, лучше *rigor moris*, нежели дерзнём ополчиться на невежество».

Пока безответственные сознания успокаивают себя и сдаются во тьму окостенения, всякое разложение не дремлет. Оно понимает, что ему, по людской трусости, представлена значительная возможность. И действительно, инициатива тьмы и в великом и в малом становится очевидной.

При этом тьма пользуется своей обычной тактикой: она влезает и ползёт незаметно. Под различными личинами вторгаются служители тьмы; хихикают самодовольно лишь уже ворвавшись в крепости.

Книга «Мир Огненный» отмечает эти опасные нападения крошечными действиями.

«Бездушные существа всем известны. Это не символ, но химическая действительность. Могут спросить – воплощаются ли они в этом плачевном состоянии? Вопрос покажет незнание основ. Никто не может воплотиться без запаса огненной энергии. Без светоча Агни никто не войдёт в плотный мир. Расточение Агни происходит здесь, среди всех чудес Природы. Вовсе не требуется при расточении Агни совершать какие-то зверские преступления. Мы достаточно из разных Учений знаем о преуспеваниях даже разбойников. Обычно расточение Агни совершается в буднях и в сумерках духа. Крошечными действиями останавливается нарастание Агни. Нужно понять, что благодать Агни естественно нарастает. Но когда тьма покрывает усовершенствование, тогда Огонь незаметно, но химически доказано, уходит из негодного вместилища. Прекрасен закон, дающий каждому воплощённому иметь в себе вечный Агни, как Свет во тьме. Прекрасен закон даже вопреки Карме наделяющий каждого путника Светом. Прекрасен закон, не препятствующий уже от семи лет возрастить сад огненный. Пусть эти первые цветы будут не велики. Пусть они расцветают на крошечных помыслах, но это будет верный зачаток будущего мышления. Какое множество прекрасных помыслов зарождаются в семилетнем сердце, когда смутные образы Тонкого Мира ещё не покинули мозг и сердце! Так же может начаться и расточение, если почва растения оказалась гнилой. При таком бедствии можно много помочь или, как давно сказано, одолжить Огонь. Это одолжение происходит тоже на самых крошках. Итак, уже трижды напоминаю о крошках. Из этих искр растут огромные Огни.

Не думайте, что бездушные люди какие-то чудовища. Они в разных областях достигают даже механических преимуществ, но Огонь покинул их и затемнились дела их.

Конечно, каждый волен в судьбе своей и даже в конечном разложении. Но существа бездушные очень заразительны и вредны».

После уловления крошечными сетями, поднимаются «цивилизованные дикари» как самое опасное для культуры явление. А затем, чтобы очистить дом от этих неутомимых в подлости и пошлости врагов, придётся применять и

тратить самые драгоценные энергии. Иначе подкрадётся то самое окостенение, которое будет ужасною смертью всех благих накоплений.

Крошки подлости могут забраться в самые малые щели. Значит, как же непроницаема должна быть броня духа!

Служители тьмы умеют объяснить каждое своё действие, даже поездку на Брокен и некромантию они обставляют псевдонаучными соображениями. Сперва псевдоцивилизация, затем псевдонаука, псевдодружелюбие, псевдодостойнство, а там уже во всём безобразии окостенения псевдочеловек.

Всё это не так далеко от действительности. Знамёна мрака и подлости новые веют не только в «окультиных действиях». Ими расцвечены многие пиршества, балаганы, базары.

Иногда люди ещё взывают о мире всего мира, о соединении всех церквей, о добротолубии, о великодушии. Но какой такой мир мыслим для улыбки черепа, если умолкнет сердце и угаснут огни! И не наденет ли псевдодобротолубие наряд палача!

Защити от окостенения! Убереги от всех крошек тьмы, домашних, заразных, мохнатых!

Свет побеждает тьму!

24 ноября 1932 г. Гималаи.

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. [1932].

25 ноября 1932 г. Прага.

Письмо Н.О. Лосского к Рериху Н.К.

Prague. Bubenec.

Bučkova, 27 / 25. XI. 32.

Дорогой Николай Константинович,

Ответ на Ваше милое письмо я задерживал до сих пор, потому что ждал из Парижа оттисков своей статьи «Магия и христианский культ» (В «Пути»). К сожалению, до сих пор их нет, как только получу, отправлю Вам. С интересом жду Вашей статьи «Майтрейя». Всем нам доставит большую радость появление Ваших картин в Праге.

Очень благодарю Вас за оттиски и за “The Greet Mother of the Banner of Peace” [*«Мадонна Орифламма» – ред.*]. Меня удивляет сила Вашего проникновения в дух далёких от нас народов, проявляющихся в этой картине. Поражает меня также энергия Ваша; некоторое представление о напряжении Вашей деятельности я получил из статьи V. Sarbu “For peas and culture”.

На летний семестр 1933 г. (июнь – август) я поеду в соединённые Штаты прочитать философский курс в Университете. Пробуду хотя бы несколько дней в Нью-Йорке и хотел бы воспользоваться этим случаем. Чтобы повидать Ваш Музей и Ваши картины. Но до меня дошёл слух, будто вследствие экономического кризиса Музей закрылся. Во всяком случае, однако, Ваши картины в Америке я надеюсь увидеть.

Мария Николаевна, Людмила Владимировна и я шлём сердечный привет Вам, Вашей супруге и всей Вашей семье. А также поздравление с наступающим Рождеством.

Душевно преданный Вам

Н. Лосский

Прочитайте книжечку от С. Булгакова «Евангельские чудеса». Она может дать некоторые полезные для Вашей деятельности идеи.

Архив Музея Рерихов, Москва.

1932 г. Гималаи.

Н.К. Рерих

ПЕРЕОЦЕНКА

В дальних горах доходят четыре номера газет. В одной читаем о закрытии более двух тысяч банков в Соединённых Штатах. Другой говорит о падении мощного Женевского банка. В третьем узнаём о крахе большого Дармштадтского банка и закрытии банков в Германии. Последняя газета сообщает о закрытии банков в Австрии и в Венгрии. Наконец, приходит весть о падении золотой валюты.

Так, так, не приходится ли нам вспомнить, что мы писали десять лет тому назад о грудах “бесценных” в буквальном смысле банкнот. Не приходится ли нам опять вспомнить рассказы из времени первой революции в Германии и России, когда люди, обладавшие колоссальными бумажными состояниями, к ужасу убеждались, что их сокровища поистине бумажны. Когда вместо того, чтобы затрачивать деньги на пивные ярлыки, предприниматели предпочитали наклеивать на бутылке крупные бумажные ассигнации. Ведь это всё не сказки, но знаки жизни. Но даже во время этих бумажных разрух старик Рембрандт не выдал собирателей. И никому не приходило в голову оклеивать пивную бутылку оригинальными рисунками художников. Так даже в самое тяжкое время сущность человеческая не забывала о том, где заключены истинные, неповторяемые ценности. Может быть, помнило человечество об этих ценностях как в дрёме, смутно, тяжело, преодолевая все наследия предрассудков и невежества; но всё-таки помнило оно о ценностях, и даже самые отрицательные типы, хотя и замалчивали, но редко дерзали выступать против того, что слагает весь смысл человеческой жизни.

Ещё недавно было время, когда человечество прониклось необыкновенным почитанием и уважением к банкирам. Их даже стали выбирать в состав правительств. Правда, эти правительства были недолговременны и уходили в бесследное забвение. Пусть не думают финансисты, что сказанным мы выступаем вообще против них. И среди них мы знали достаточное количество людей очень культурных, уделявших значительное время вопросам просвещения. Но нужно не забыть, что эти культурные деятели финансового мира очень быстро начинали звучать на истинные ценности. Помню, как один из них говорил мне: “А всё-таки хотел бы я иметь зятя собирателя Искусства, в конце концов, это вернее”.

Конечно, когда мы говорим о собирательстве, мы также должны отличать внутренние качества его. Именно, мы не имеем в виду просто покупателей предметов Искусства, которым нужно показать своё внешнее благополучие известным порядком расстановки мебели и прочих безделушек, которые им приносят на дом услужливые антиквары. Конечно, мы имеем в виду истинных собирателей, которые складывают сокровищницу свою во имя прекрасного, во имя повелительных требований воскресшего духа своего, внося развитие своей индивидуальности в состав собрания, таким образом, являясь

истинными сотворцами. Перед такими держателями ценностей надо снять шапку.

Можно лишь пожелать, чтобы для таких собирателей все житейские бури проходили не только бесследно и безвредно, но пусть каждое смятение невежества даст им новые возможности и новую бодрость.

Мы не можем уследить законы жизни художественных творений. За пределами кажущихся случайностей мы опять встречаемся с великою космическою Справедливостью. Среди ослепляющих белоснежных вершин трудно понять, которая из них выше и прочнее, но каждая из них подвержена незыблемым законам; так и в творениях рук человеческих. Кто же может уследить самый сложный комплекс наслоений условий творчества? Но не нам и судить их. Нам нужно лишь радоваться и возвышаться духом, приближаясь к этим прекрасным построениям. Мы должны заботливо охранять существование их, ибо мы не можем мыслить подобно утешавшим себя: “После нас хоть потоп”. Мы ответственны за эти творческие находения. Кто-то мне возражает, говоря: “Мы это уже знаем”. Нет, миленький, не знаете и не претворяете этого ценного знания в жизнь, тем хуже для вас. Для вашего облегчения мы хотим думать, что вы не знаете этих ценностей. Но если вы упорствуете в том, что вы издавна всё это знаете, тогда с прискорбием мы должны признать вас за невежду. Ведь это невежда так легко знает всё. Ведь невежда с лёгким сердцем судит и присуждает. И невежда, прежде всего, легковерен и признаёт любую бумажную ценность, любой пивной ярлык только потому, что и дед его пил из той же бутылки; только потому, что господа в лоснящихся цилиндрах, дамы, ежегодно вопреки фигуре своей меняющие очертания свои, покупают те же пивные ярлыки. Какие же ещё потрясения нужны, чтобы все легковерные и легкомысленные вняли голосу сердца своего, который иногда в предрассветную бессонницу говорит им, что правда не в цилиндре и не в новом, затрудняющем ходьбу, шлейфе.

Но законы жизни куют непреложную эволюцию. Величайшее счастье видеть, как вопреки всем предрассудкам и суевериям жизнь складывает свои ступени и выявляет смысл творческого труда.

Говоря о переоценке ценностей, мы, может быть, употребляем недостаточное выражение. Следует сказать просто оценка ценностей, ибо при переоценке мы как бы признаём за ценности то, что, в конце концов, никогда и не было ценностями.

Как поучительно изучение истории, в особенности же такой, где мы можем освободиться от предвзятых, навязанных идей и очистить своё мышление для свободного понимания. Ещё и ещё раз вспомним, какие именно памятники, какие именно действия запечатлеваются и передаются в наследие поколениям История Мира. Именно эта беспристрастная История давным-давно дала нам истинную оценку ценностей. Нам нечего выдумывать и нечего кичливо шептать об изменённых условиях существования. Ценность сердца, ценность прекрасного, ценность познания всегда тождественна и драгоценна. История не хранит пивных ярлыков и неустанно во всех трогательных символах преподаёт нам о том, где истинная, незыблемая ценность. Каждое сведение наших газет о потрясении условных “ценностей” есть не что иное, как новый стук судьбы в дверь. Помните эти настойчивые стук судьбы в симфонии Бетховена. Так же неумолимо будет стучаться Космическая Справедливость во

все двери человеческие, покуда сердце людское не откроется для радости познания истинных, несокрушимых ценностей.

Но никогда не будем кончать на сожалениях. Ведь не все люди заботятся о цилиндрах и не все преданы длине своего шлейфа. Мы знаем, что сердца великих масс человеческих стремятся от условного к безусловному. Стремятся безотчётно и часто полусознательно к заветам высших, прекраснейших учений. И не только сердце широких масс, но и детское сердце всегда открыто прекрасному, покуда оно не загрязнено умудрённым житейским опытом. Вот во имя этого детского сердца, открытого к восприятию всего прекрасного, готовому к приятию истинных ценностей, мы и шлём наши лучшие мысли. И велико множество этих стремящихся, видимых и невидимых сотрудников. Потому никакие крахи тысяч банков, никакая вьюга отброшенных и сожжённых банкнотов не только не встревожит нас, но наполнит сознанием светлой зари истинных ценностей.

1932.

Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. [1932].

30 ноября 1932 г. Гималаи.

Н.К. Рерих

СОВЕТУ Р. МУЗЕЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Исключительное время сейчас. Также должны быть исключительны и все действия. Не наша вина, что произошёл мировой кризис. Не наша вина, что именно квартирная ценность больше всех прочих пострадала в Америке. В то время, когда даже печатание в ценах понизилось лишь на 10%, квартиры потеряли чуть ли не половину своей стоимости. Вероятно, и это явление временно, но с ним приходится считаться. Также не наша вина, что Банк Бонд и Мортгадж оказался преступным в своих действиях, а затем, самочинный Комитет, полный антикультурных намерений, нанесли нашим Учреждениям истине неисчислимы убытки. Если даже друзья наши опасаются пожертвовать музею одну книгу, то, что же говорить о вреде, нанесённом всем денежным пожертвованиям. Но мы не можем лишь сетовать, огорчаться и ссылаться на факты мирового свойства, как, например, мировое разорение целых стран и подавление всякой жизнеспособности. Культурные учреждения на то и существуют, чтобы оздоравливать заражённые и ослабленные основы. Недаром подобные учреждения и зовутся в сознании людском якорями спасения. Недаром в программе Мировой Лиги Культуры, посланной Вам 24-го Декабря 1931 года, так широко очерчена программа Лиги Културы, а сам Знак её был того же значения, как и знак нашего Знамени Мира. Во имя этих великих понятий Культуры и Мира и следует принимать все те исключительные меры, которые сказались бы в соответствии с неслыханным мировым напряжением.

Правда, наши адвокаты уже вчинили два крупных иска антикультурным противникам нашим. Но совершенно необходимо, чтобы эти иски, сумма которых очень скромна сравнительно с нанесёнными убытками, были проведены со всем энтузиазмом защиты культурного дела. Лучшие люди Америки называют вред, наносимый нашим учреждениям, национальным бедствием. Вот, в пределах такого бедствия, в размерах мировой Коз Селебр³

³ Cause célèbre.- юр. Громкое дело. – ред.

найдут наши адвокаты защитники тот самый неисчерпаемый энтузиазм и находчивость, которые пересилили бы все уловки сил тёмных. Только в несломимом энтузиазме осознания справедливости и в огненном негодовании о всех уловках ракетиров, можно победоносно закончить эти благородные действия.

Так же, как и раньше, и теперь, не могу я понять, отчего наши культурные Учреждения, отдающие все средства на широко образовательные цели, не могут быть всецело освобождены от налогов, подобно целому ряду других учреждений. Если УМСА может быть освобождено, если рыцари Колумба и те освобождены, если учреждение в Саратогге заслужило освобождение, то неужели же наши образовательные цели не равняются упомянутым учреждениям. Не верю, и никогда не поверю, чтобы наши образовательные цели не заслуживали бы такого же внимания. Если же в наших наименованиях какая-либо фразиология не отвечает целям вышеозначенных учреждений, то, ведь, не слова же дело.

Всегда легко можно изменить эти слова так, чтобы они вполне ответили даже самому официальному мышлению. Мы никогда не гнались и не ограничивали себя узкими терминами, ибо вопросы Культуры должны быть чужды всякой такой условной ограниченности. По-прежнему я твёрдо убеждён, что могут быть найдены формулы, вполне отвечающие истине, которые докажут, что наша задача вовсе не меньше в образовательном значении, нежели уставы вышеозначенных учреждений. Значит адвокат, ведущий это дело, должен ещё раз проникнуться доброжелательством и энтузиазмом, которые откроют ему врата справедливости. Широко отмеченное в прессе и в общественном мнении недавнее решение судьи Шинтага, конечно, не есть совершенно исключительное явление в мире юстиции Соединённых Штатов Америки. Тем же высоким культурным путём могут помыслить и другие представители судебного мира. Но наши защитники должны неутомимо, неотступно устремляться к победе. Отменив даже всякую мысль о возможности отступления.

Если печальная действительность снижения квартирных цен в Америке отразилась на бюджетах, то мы ведь никогда и не думали, что всё существование образовательных учреждений зависит лишь от квартирных цен. Все образовательные Учреждения Америки существуют общественным иждивением. Разнообразным способом привлечения этих сил для поднятия культурного уровня страны. У нас уже положено основание к приисканию подобных внешних средств. Мы имеем членские взносы, марки, именные комнаты, именные кресла, именные полки библиотеки, наконец, мы уже с половины 1931 года имеем десять разнообразных комитетов для привлечения средств. Пусть деятельность этих комитетов значительно затруднена преступным образом действий наших противников. Но всё же Комитеты существуют и, справившись от первого неприятельского натиска, должны опять деятельно и мужественно приняться за своё неотложное дело. К счастью, можно сказать, что начавшееся общее улучшение финансового положения Америки может значительно воодушевить наши комитеты. Всякая неудача в прошлом не есть нечто непреодолимое для будущего. Если бы даже кто-то, огорчённый противодействием, вздумал бы отойти от культурного дела, то эту брешь нужно немедленно заделать новыми привлечением. Пусть на месте павшего дерева немедленно будет посажено десять новых. Так же, в такой же прогрессии пусть нарастают

как финансовые, так и идейные планы Комитетов. Навсегда забудем всякое прошлое. Перед нами будущее, в котором человечество с каждым днём всё более нуждается в маяках культуры. Если число наших комитетов почему-либо недостаточны, сделаем их больше. Если число участников каждого из них желательно увеличить, то пусть же каждый участник комитета назовёт хотя бы одного своего друга, желающего потрудиться во имя Культуры.

Чтобы программы отдельных комитетов не рассеивались в недостаточном взаимном осведомлении, пусть же Совет Музея, приглашая, по мере надобности, Председателей Комитетов, частично или пленарно, установит регистрацию всех конкретных предложений и достижений. Заседания комитета не есть только обмен мнений. Должна быть сводка этих мнений показательная, как и когда приложить в жизни многие ценные мысли. Иначе лишь обменом мнений может получиться какая-то отвлечённость, между тем, как Комитеты эти созданы лишь эту деятельность Комитетов, когда она укладывается в широкие рамки Культуры. Мы понимаем, что преступные неприятельские действия чрезвычайно затруднили действия Комитетов. Но сейчас, когда мы имеем уже пять благоприятных судебных решений, то это официальное признание должно окрылить членов всех комитетов. На расстоянии многое нам остаётся неясным. Так, например, остался неясным Комитет, предложенный консулом Новаком. Вполне понятно, что по занятости своей наш друг Гордон Ваттль оказался не в силах принять казначейство этого комитета. Но после этого вся идея этого Комитета как-то замолкла, точно бы она зависела от чьей-то личности только. Задачи Комитетов настолько широки, настолько неотложны, что личность не может иметь значения в этих обширных построениях. Кроме того, на всём житейском опыте мы знаем, насколько неожиданно могут проходить сотрудники. Магнит энтузиазма, сердечного великодушия взаимного дружелюбия есть величайшая сила. Там, где существует внутреннее сердечное единение, там этот магнит развивает мощь необычайную. Помню, как трогательно однажды сказал наш сотрудник Джайлс о том, как глубоко он был потрясён и восхищён нашим внутренним единением. Действительно, не в том дело, чтобы писать имена на одном листе бумаги, но в единении и созвучии сердечном кроется великий талисман, который восхищает каждое звучащее человеческое сердце. А звучащих сердец много. Потому, во имя исключительного времени, во имя светлых огней сердечных, примем неотложно меры исключительные. Пусть без ограничения работают сотрудники Учреждений наших.

Пусть не поникает воля членов Комитетов. Пусть кипят новые мысли, пусть вспыхивают предложения, и то, что вчера не дошло, дойдёт завтра или послезавтра. Пусть и друзья, и враги чувствуют, что созидательная деятельность идёт, и никакая тягость не может отуманить мысль. Ощущение ясной повелительной мысли привлечёт новые сердца. Мы должны искать новых. Каждое дело должно всегда искать новых, ибо это есть рост. Итак, неотступно будем расти, и в единении привлечём и новые сердца, и новые исключительные меры во благо Культуры. Не упусти сроки! Поистине каждое действие может должно быть обращено в торжество Культуры!

[N.Roerich]

30 Ноября 1932 г.

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись, перевод с англ. яз.)

ДЕКАБРЬ

17 декабря 1932 г. Гималаи.

Письмо Н. К. Рериха к барону М. А. Таубе

Декабрь 17. 1932

Дорогой Михаил Александрович!

Недавно Вы писали мне о подкупности прессы, и французской, в частности. Конечно, этот факт чрезвычайно плачевен, но мне кажется, что и в данном случае может быть найдено вполне достойное средство. Должен сказать, что за всю мою сорокатрёхлетнюю деятельность я никогда прессы ничего не платил и, в конце концов, от этого обстоятельства вовсе не страдал. Могу подчеркнуть, что и в Америке за десять лет наших учреждений мы ни разу не были вынуждены платить что-либо прессы и, тем не менее, не можем пожаловаться, чтобы критики и репортёры не были к нам внимательны.

Правда, в Париже припоминается мне один любопытный случай 1910 г., когда на выставке, устроенной княгиней Тенишевой, один бойкий молодой человек пожелал иметь мою картину, гарантируя при этом отзывы в 22 изданиях, но Дени Рош, принимавший участие в этой выставке, категорически воспротивился такому подарку, говоря, что если Вы дадите одному, то и всей выставки не хватит удовлетворить всех прочих. И надо отдать справедливость, что мы всё-таки без отзывов не остались. О том же Париже, очень давно мне пришлось видеть любопытное письмо И.С. Тургенева к моему учителю А.И. Куинджи, в котором Тургенев среди прочих бюджетных предположений о выставке ставил очень высокую цифру на известные расходы по прессы. Выставка Куинджи тогда не состоялась, и потому прогноз Тургенева остался без подтверждения.

Теперь, вероятно, Шклявер показывал Вам мою статью "Ангелюс", которую м-м Ван Ло поместила в бельгийской прессы. Думается, что это и есть прямой и достойный ход в прессы. Необходимо иметь друзей не репортёров, но выдающихся писателей, которые, будучи на постоянной службе прессы, могут помещать интересные для публики сведения, может быть, даже получая за них соответственно от газеты. Подчёркиваю, интересные сведения, ибо что-либо исключительно личное или ничтожное и не должно быть вообще помещаемо. Могу привести также пример здешней местной прессы. В самом начале один из друзей моих предложил мне иметь особого агента для прессы. Но по обычаю моему я резко отклонил это предложение, чтобы ни в какой истории не остался бы хотя бы косвенный намёк на оплаченную рекламу. И опять мне не пришлось пожалеть об обычном моём решении. Если я Вам перечислю количество статей и осведомлений, помещённых в очень широкой прессы за текущий год, то Вы будете искренно изумлены как количеством, так и качеством напечатанного; причём всегда интерес проявлялся со стороны, извне. Потому, отвечая на Ваше соображение по поводу подкупности прессы, скажу, что и этот вопрос, как и многие другие, зависит от хороших отношений, от дружелюбия. Конечно, я не предвижу никаких особых мер в этом вопросе, ибо, например. Пакт и Знамя настолько далеки от личного интереса и настолько должны широко захватывать человеческое чувство, что если даже тема сохранения мировых сокровищ будет казаться кому-то ничтожной, то ведь этот некто и не может называться человеком вообще.

Шклявер писал об Афинской газете, вспомянувшей благоглупости Гилберта Мэррея и какого-то испанца. Может быть, этот выпад был следствием нового назначения Тюльпинка или просто новым выпадом сил тёмных и разлагающих. Иногда даже такие антикультурные голоса, которые считают, что в образовании и культуре уже совершенно достаточно сделано, могут быть тоже полезны, возбуждая справедливое негодование людей честных и искренних. По-видимому, это письмо вместит лишь соображение о прессе и отзывах. Пусть и в этом наша точка зрения будет зафиксирована. Вообще наша переписка приобретает летописный характер. Пусть и эта летопись кому-то послужит на пользу. Шлём Вам всем сердечный привет.

Духом с Вами

Архив Музея Рерихов, Москва.

20 декабря 1932 г. Загреб.

Письмо А.А. Олесницкого к Рериху Н.К.

Загреб XIV / Ливадичева 38

Глубокоуважаемый Николай Константинович,

Позвольте, прежде всего, принести Вам и всему Вашему семейству мои искренние и самые сердечные поздравления с Рождеством Христовым и самые душевные пожелания к наступающему Новому 1933 году!

По возвращении из Франции в Загреб, застал дома Ваше доброе, сердечное письмо, которое меня несказанно обрадовало! Только у великих людей, как Вы, могут так легко сочетаться гений и всемирная слава с сердечной простотой и добротой. Всё это время я не переставал работать для тех великих идей-откровений, которые Вы открываете миру.

Мною написана для лучшей местной газеты обширная статья о Вас и Вашем творчестве, которая выйдет в ближайшем номере этой газеты. Кроме того, в местном еженедельнике "Свет" выйдет моя статья с воспроизведением некоторых Ваших полотен. Одновременно я собираю для вас материалы по иконе св. Саввы, которую Вы задумали. Для этого я вошёл в переписку с моим приятелем проф. историком Белгр[адского] университета, который должен мне выслать фотографии изображений фресок и мозаик этого святого из коллекции Е.В. Короля. Этой коллекцией заведует русский, и я надеюсь в ближайшем времени выслать их Вам! Одновременно вышлю Вам и книгу на англ. языке о древнесербском искусстве и зодчестве. Имею я брошюру о Св. Савве на сербск. языке. Я не знаю только, понятен ли Вам этот язык без словаря, хотя он и очень похож на русский? Выслал ли Вам Г.Г. Шклявер книгу проф. Миллэ о древней сербской архитектуре, я, к сожалению, не смог найти в Загребе, но в Париже указал ему номер этого дела в Парижск. школе вост. языков. Специалисты, с которыми я говорил по этому поводу, рекомендуют изобразить его на фоне Студеницкого монастыря, который Св. Савва создал, и в котором долгое время жил. На стар. изображениях Св. Савва обыкновенно представлен с длинной бородой и католической тонзурой на голове.

В предыдущем письме я писал Вам о югославском фольклоре, предлагая Вам сделать из него краткие выписки – заметки на русском языке. Югосл. фольклор, кажется, самый богатый в мире, и сербы и хорваты вполне правы им гордиться. Ещё Пушкин восторгался им, переводя его по немецким источникам и озаглавив «Песни Южных славян». Он полон легенд об вековой борьбе их с турками. Если бы некоторые из этих сюжетов Вас заинтересовали

для Вашего творчества, мы могли бы по приезде Вашем сюда детально проучить их по местным материалам. Местная же природа дала бы Вам богатейший декоративный материал для Вашего творчества. К сожалению, в Вашем последнем письме на моё имя Вы ничего мне не сказали о этом моём предложении. Интересно ли оно Вас или нет?

Вообще, рад и счастлив всегда и во всём быть Вам полезен в пределах Югославии, хотя по мере моих скромных сил, участвуя в том великом деле, кое Вы творите!!

Ещё раз прошу принять искренние мои пожелания всего светлого в жизни и прошу верить в искреннюю преданность глубокоуважающего Вас

[А. Олесницкий]

Архив Музея Рерихов, Москва. (Машинопись)

24 декабря 1932 г. Гималаи.

Письмо Н. К. Рериха к барону М. А. Таубе

Декабрь 24. 1932

Дорогой Михаил Александрович!

Сегодня двадцать четвёртое декабря, и потому в дополнение ко всем уже посланным Вам приветам мне хочется ещё присоединить моё искреннее пожелание всего доброго и Вам и супруге Вашей.

Шклявер мне прислал копию своего письма, посланного Декану Юридического факультета в Льеже. Письмо мне очень нравится, ибо всякие нелепые выходки Мэррея и испанца должны не оставаться без ответа. Конечно, пресловутому испанцу можно бы для полноты ещё напомнить, что после его опасения о неприменимости Пакта в Испании его соотечественники уже разрушили несколько монастырей и прекрасных незаменимых картин Гойи и других мастеров. Беспокойство этого испанца за Пакт мне напоминает единственное в своём роде письмо одного типа, считающего себя учёным, в котором он попросту сожалеет, что Пакт будет мешать успешности военных действий. Так прямо и сказано со всей беззастенчивостью невежества. Получается поучительная картина, как маршалы Франции понимают полезность и применимость Пакта, а глубоко штатский доктор горюет о стеснении военных действий. Вот среди каких нелепостей мы живём. Если и раньше Ваши некоторые письма задерживались в пути, то теперь это может произойти ещё сильнее, ибо уже второй день у нас валит снег; им засыпаны и горы и долины, уже до трёх футов. Таким образом, пути сообщения ещё более усложнились.

Очень буду жалеть, если эти обстоятельства задержат доставку Вашего письма, ибо жду Ваших разъяснений и впечатлений о Чилийской выдумке. Если мы не обращали внимания на клевету о масонстве и католичестве, тем более, что в этом ведь ничего дурного и нет, то выдумка о Чили является чем-то совершенно особым, показывающим какую-то преднамеренную махинацию. Так хотелось бы отбросить все эти сатанинские козни и залить их действительным Благам. В клевете о Чили вряд ли могут быть замешаны лишь иммигрантские элементы. Наоборот, само происхождение сведений из Берлина, и, кто знает, может быть не без участия корреспондентов "Морнинг Пост", мне напоминает некоторые Ваши рассказы о Берлине. Во всяком случае, к этому факту следует очень прислушаться. Лично я, так же, как и Вы, глух на всякие клеветнические выпады, когда они касаются лично меня, но когда при этом, хотя бы косвенно, затронуты и другие люди, то является необходимость очи-

щать атмосферу от всяких гнилых миазмов. Может быть, в Париже Вы что-нибудь и узнаете ещё по поводу подобных выдумок. Будем совместно преследовать всяких клеветников и выдумщиков, которые в основе своей или настоящие сатанисты, или очень близки к ним. Ведь около каждой сатанинской логи есть столько полусознательных и бессознательных сотрудников. Я уже начал собирать фотографии для второго альбома Папе и жду сейчас от Шклявера точный список картин первого альбома, чтобы не повториться. Думаю, что во второй альбом войдёт около двадцати снимков картин, посвящённых Святым. Вообще, если припомнить все мои картины, посвящённые жизнеописаниям Святых, то их окажется не менее трёхсот. Жалею, что не имею при себе снимков с них. Особенно жалею, что не имею снимка с огромной настенной мозаики в Почаевской Лавре, где были собраны все Святые Воители. Мозаика была закончена незадолго до войны и явилась как бы одним из предчувствий близкого будущего. Также жалею, что со мной нет снимков с Нерукотворного Спаса в Талашкине и стенописи Церкви во Пскове, а также альбома моих эскизов "к" культу Сакр Кэр, который всегда меня привлекал в католицизме. Впрочем, если бы эти альбомы судьба не сохранила, то я всё же надеюсь посвятить несколько картин этому прекраснейшему, драгоценнейшему символу христианства. Итак, в день Великого Праздника христианства и закончу сердечными приветам от всех нас всем Вам. Всё культурное переживает тяжёлые годы, и потому мы, для которых почитание Света не абстрактно, должны быть очень вместе и распространять кругом и просвещение, и великодушные, и стремление к единому Свету. На этом призыве дружелюбия остаюсь в Духе с Вами!

Архив Музея Рерихов, Москва.

НА ПОРОГЕ НОВОГО МИРА

24 декабря 1932 г.

Из записей Е.И. Рерих:

«Тридцать первый год был Знаменем Владык – это верно так же, как под камнем Гума лежит пророчество. Тридцать второй год будет Вратами Владык – это так же верно, как под камнем Гума лежит пророчество. Но поможем к Вратам приблизиться. Пишите Указ в Америку.

Пусть все Наши Учреждения и Общества сохраняются и развиваются, но поверх их пусть входит в жизнь Всемирная Лига Культуры. Пусть все члены наших Учреждений будут вместе с тем и членами Всемирной Лиги Культуры.

Знак Владык золотом на пурпуре будет нагрудным знаком. Она вместит следующие отделы: *первый отдел – мира; второй – духовного совершенствования; третий – науки; четвёртый – искусства; пятый – материнства и воспитания; шестой – ремёсел и труда; седьмой – кооперации и промышленности; восьмой – охраны безопасности; девятый – землеустройства и промышленности; десятый – здоровья охранения.*

Остальные войдут как части указанных отделов. Так справедливость найдёт место в мире. Войско – в охранении безопасности, и казна – в сотрудничестве кооперации. Конечно, духовное совершенствование вмещает религии и философии. Отделы предполагают Советы и Председателей, так пусть привыкают к названию верховного Президента, между собою называя вождём. Пусть в Америке теперь же понемногу формируют Лигу.

В Париже Таубе имеет поручение собрать русскую Лигу – во всех странах, широко находя пригодных людей, не стесняясь их разновидностью.

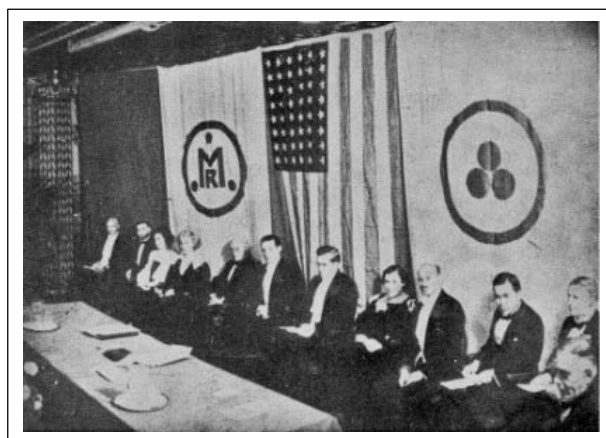
Пусть начало будет малым, без особых воззваний. Пусть этот год формирует преддверие мирового движения. Мы пошлём лучи по разным странам, но, главное, не отталкивать приходящих и воздерживаться от ссор как от невежества.

События наступающего года помогут движению Культуры развития как последнему прибежищу. Пусть никто не считает это движение неоновым, оно будет *порогом Нового Мира*.

27 декабря 1932 г.

Из записей Е.И. Рерих:

ДЕНЬ ПОДНЯТИЯ ЗНАМЕНИ МИРА В АМЕРИКЕ И В ГИМАЛАЯХ.

Вашингтонская конвенция Пакта Рериха и Знамени Мира 1933 г.

Н.К. Рерих. Знамя Мира.

31 декабря 1932 г. Гималаи.

Из записей Е.И. Рерих:

«ЯВЛЕНИЕ НОВОГО ГОДА МОЖНО РАССМАТРИВАТЬ КАК НАЧАЛО НАКОПЛЕНИЯ СЛЕДУЮЩЕГО ПЕРИОДА. ТАК БУДЕМ ПРИВЕТСТВОВАТЬ НОВЫЙ ГОД КАК НОВУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ».

Публикуется по изданию: Высокий путь, ч. 2. М.: «Сфера». 2002.

МОЛЕНИЕ О КУЛЬТУРЕ И МИРЕ

Владычица червонно-пламенная!
Владычица Знамени Мира!
К Тебе, Владычица, мы прибегаем. Кто же
поднимет Знак Мира, Знак Сохраненья
Высших Сокровищ?
Кто же, кроме Тебя, придёт к нам, помочь
Знамя поднять, знак созиданья народам?
Бурно море и губительны вихри, но Ты Знамя поднимешь
и наполнишь сердце людское сознанием о священном
Хранении Духа. Ведь Ты знаешь, насколько нельзя
отложить этот Знак. Ведь Ты знаешь, сколько
уже разрушений землю унизило. Знаешь Ты
все поношения самого лучшего, самого нужного
людям. Если стадо не знает опасности, то ведь Ты,
Пастырем будучи, Мирное Знамя поднимешь.
И ветры нагорные всюду Приказ принесут Твой:
сохранить, и строить, и складывать Светлое Завтра.
Твой Пламень Червонный тьму разгоняет. Дыхание
Твоё исцеляет все раны и Рука Твоя разве не строит,
легко прикасаясь к созидательным камням творения?
Вот мы и просим Тебя поднять этот Знак
Триединности Мощной.
Знаем мы, что Ты не откажешь, ибо противно Тебе
разрушенье и уничтоженье прекрасных начал. Ты
не терпишь хаоса, Ты не терпишь смятения,
и потому Ты поднимешь, и сохранишь, и укажешь
народам Знак Охраненья мирных прекрасных
Сокровищ! Знак Путеводный для каждой творческой
Мысли! Знак Утвержденья и Света!
Помоги, Владычица Знамени Мира!

Н.К. Рерих, 1932 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Семейный архив Н.К. Рериха, хранящийся в Государственной Третьяковской галерее. Отдел рукописей ГТГ. Фонды: 44, 106.
2. Периодические издания конца XIX- нач. XX вв., хранящиеся в Научной библиотеке Государственной Третьяковской галереи. Журналы: «Весы», «Золотое руно», «Аполлон», «Мир искусства», «Жар-птица». «Зодчий», «Нива» и др.
3. Государственный архив Российской Федерации, Москва. Ф. Р-8350. Главный Концессионный Комитет при Совете Народных Комиссаров СССР. 1922 – 1937.
4. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Москва
5. Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.
6. Архив Columbia University Libraries, Bakhmeteff.
7. Архив Института «Урусвати» (Центр науки и культуры, Дели). Ф. 1.
8. Архив Русского культурного центра, Дели, Индия. Ф. 1.
9. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга, ф. 698.
10. Центральный государственный исторический архив СПб. Фонд 448. (ЦГИА СПб.)
11. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
12. Отдел рукописей Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина.
13. Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, (ОР ИРЛИ РАН)
14. Архив Государственного Эрмитажа (АГЭ)
15. Сергей Эрнст «Н.К. Рерих». 1918 г.
16. А.А. Ростиславов «РЕРИХ». Петроград. Изд. Н.И. Бутковской, 1918 г.
17. Н.К. Рерих «Цветы Мории». Берлин 1921.
18. Н.К. Рерих. "Пути благословения". Алатас. 1924 г.
19. Ж. Сент-Илер «Криптограммы Востока». Париж. Я Поволоцкий и К°. 1929.
20. Н.К. Рерих «Держава Света». – Southbury: Алатас, 1931.
21. А.В. Ярёмченко «Николай Константинович Рерих». 1931. Нью-Йорк.
22. Н.К. Рерих «Твердыня Пламенная». – Париж: Всемирная Лига Культуры. 1932.

[К весне, вероятно, выйдет моя следующая книга, «Твердыня пламенная», посвящённая Всемирной Лиге Культуры, где меня избрали председателем. (Из письма 24 сентября 1932)]

23. Игорь Грабарь «Моя жизнь» (автобиография). Изд. Искусство. 1937.
24. Рерих Н.К. «Из литературного наследия», М., 1974.
25. Каталог художественных произведений Н.К. Рериха с 1885 по 1974. Составил В.В. Соколовский. Новосибирск, Ротапринт НГУ, 1974. - 144 с.
26. 2 альбома с наклеенными фотографиями с картин Н.К. Рериха, составленные В.В. Соколовским. (Место хранения - Государственный музей Востока.)
27. Николай Рерих. Зажигайте сердца. М. Изд. "Молодая гвардия". 1975 г.
28. Грабарь И. Э. Письма (1917-1941). М.: Наука, 1977.
29. По тропам Срединной Азии / Пер. с англ. Н.Н. Зелинского. - Хабаровск, 1982.
30. В. Сидоров. Против течения: Повесть. - М.: М.А. "Мир через Культуру". 1992. - с. 96.
31. И.Ф. Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. СПб. 1993.
32. De visu 4(5)'93. Леонид Андреев. Письма Н.К.Рериху. С. 30-49.
33. Сб. «Держава Рериха». М. Изобразительное искусство». М.1994.
34. Н.К. Рерих. Шамбала. М.: МЦР, 1994.
35. Н.К. Рерих «Листы дневника», тт. 1, 2, 3. Москва. 1995 - 1996.
36. Е. Яковлева «Театрально-декорационное искусство Н.К. Рериха». Изд. «Агни». 1996.
37. «Оккультизм и йога!». Ч. II. М. 1996.
38. Рерих Н.К. Гималаи – Обитель Света. Адамант. Самара: ТОО «Агни», 1996.
39. Фосдик З. Г. Мои Учителя. Встречи с Рерихами (По страницам дневника. 1922-1934). М.: Сфера, 1998.
40. П.К. Портнягин. Современный Тибет. (Экспедиционный дневник П. К. Портнягина) (1927-1928) // Ариаварта, № 2. 1998.
41. Н.К. Рерих Письма в Америку (1923 –и1947). М.: «Сфера». 1998.
42. Н. Декроа. Тибетские странствования полковника Кордашевского. СПб., 1999.
43. Елена Ивановна Рерих. Письма (1919-1933) М.: МЦР, 1999.
44. Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерихов с Рихардом Рудзитисом. В 2-х т. Минск: Лотаць, 2000.
45. Юрий Николаевич Рерих. Письма. (1919-1935 гг.) М.: МЦР 2002.
46. Вестник Ариаварты. 2002. № 2.
47. Откровение, (1920-1941). М. «Сфера». 2002.
48. Высокий путь. Ч. 1,2. Москва. «Сфера». 2002.
49. Вестник Ариаварты. 2003. № 1-2.
50. М.Л. Дубаев «Рерих». М., Молодая гвардия. 2003. (Серия «Жизнь замечательных людей»)
51. П.Ф Беликов. «Святослав Рерих. Жизнь и творчество». М. 2004.
52. Е.И. Рерих. Листы дневника. (1927-28). Москва. 2006 .
53. А. Анненко. «Владимир Шибает, секретарь Рериха». 2008.
54. Альбом «Николай Рерих». В 2-х томах. Самара: Агни; М.: Академия художеств; Цюрих: Кунст Бератунг, 2008.
55. Каталог. Живопись и рисунок. Николай Рерих, Святослав Рерих, Юрий Рерих, Елена Рерих. В 2-х томах МЦР. Москва, 2009.
56. Пётр Крылов Художественные произведения Николая и Святослава Рерихов в музеях и собраниях Индии. СПб.2009.
57. Записи Учения Живой Этики. Т. 5-8. М. 2007- 2009.
58. Журнал "Дельфис" №80 (4/2014) Письма Н.К.Рериха к М.А.Таубе.
59. Пётр Крылов «Индийский путь». СПб.2015.
60. Рерихи на пути в Тибет. Дневники Зинаиды Фосдик. Москва. 2016.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ЧАСТЬ 1.

1929 – 1930 г.

1. С.Н. Рерих. Портрет Н.К. Рериха. С.3.
2. Н.К. Рерих. Весть орла. 1929. / Утренняя молитва. 1931. С. 5.
3. Н.К. Рерих. Весть Шамбалы. 1931 г. С. 7.
4. Трансатлантический лайнер Majestic (*Фото конца 1920-х гг.*) С. 10.
5. Фото: Н.К. и Ю.Н. Рерих 18 июня 1929 г. Нью-Йорк. С. 10.
6. Старое фото: Нью-Йорк. 1929 г. С. 11.
- 7-8. Фото: Вход в Музей Рериха. / Витраж над входом по рис. Н. Рериха, С. 12.
9. Фото: Н. К. Рерих и его ближайшие сотрудники во время приёма, данного мэром Нью-Йорка Джеймсом Уолкером в честь Н. К. Рериха. 20 июня 1929 г. Нью-Йорк. С. 13.
10. Н.К. Рерих. Канченджанга. 1929. (*Однотонное воспроизведение*). С. 13.
11. Н.К. Рерих. Снимок в профиль для медали. 20 июня 1929 г. С. 14.
12. Герберт Кларк Гувер – 31-й президент США (*1929 – 1933 гг.*). С. 16.
13. Н.К. Рерих. Сосуд нерасплесканный. 1927. С. 25.
14. Нью-Йорк. Манхеттен. (*Старое фото / Н.К. Рерих. Святыни и твердыни Тибета. 1925.* С. 30.
15. Н.К. Рерих. Святые гости. 1923. / Н.К. Рерих. Жемчуг исканий. 1924. С. 33.
16. Н.К. Рерих. Конфуций Справедливый. 1925. С. 34.
17. Фото: Нью-Йорк. Музей Рериха. Июнь-июль 1929 г. С. 37.
18. Фото: Ю.Н. и Н.К. Рерихи в Музее в Вост. зале у библ. Священных писаний. 1929 г. С. 42.
19. С.Н. Рерих. Здание Музея Рериха в Нью-Йорке. 1929. С. 52.
20. Н.К. Рерих в Тибетской библиотеке. 1929. С. 61.
21. Л. Бакст. Потрет Сергея Дягилева. С. 65.
22. Н.К. Рерих. Город строят. 1902. С. 69.
23. Витражи по эскизам Н.К. Рериха для Музея в Нью-Йорке. 1929. С. 74.
24. Вход в Музей Рериха. Нью-Йорк, 1929 г. С. 75.
26. Фото: Уолл стрит. Нью-Йоркская фондовая биржа. 1929 г. С. 76.
27. Фото: Сотрудники Нью-Йоркского Музея. 1929 г. С. 77.
28. Фото: Ю.Н. и Н. К. Рерихи. Нью-Йорк, 1929 г. С. 78.
29. Фото: С.Н. Рерих. 1929 г. С. 80.
30. Д. Бурлюк. Портрет Н.К. Рериха. 1929. С. 81.
31. Фото: Николай Рерих позирует скульптуру Исаму Ногучи. 1929 г. С. 83.
32. С.Н. Рерих. Портрет Кэтрин Кэмпбелл. 1929. С. 84.
33. Фото: Встреча со строителями музея Н.К. Рериха. Нью-Йорк, 1929. С. 90.
34. Н.К. Рерих. Белый камень. 1933. С. 104.
35. Фото: Нью-Йорк. 17 октября 1929 г. С. 108.
- 36-37. Фото: Нью-Йорк. 18 окт. 1929 Л. Хорш вручает Н.К. Рериху бронзовую медаль. С. 109.
38. Кулу, долина реки Беас. Фото 1929 г. С. 129.
39. Н.К. Рерих. Майтрейя на пути. 1928-29.
40. Фото: Ю.Н. и Н.К. Рерихи. Нью-Йорк. 1929 г. С. 132.
- 41-142. 2 фотографии: Интерьеры Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. 1930-е гг. С. 134, 142.
43. Н.К. Рерих. Книга жизни. 1930-е. С. 155.
44. Класс живописи в Мастер-Институте объединённых искусств. Нью-Йорк. 1929. С. 164.
45. Н.К. Рерих. Земля славянская. Эскиз. [1930]. С. 182.
46. Н.К. Рерих. Сжигание тьмы (Сожжение тьмы). 1924. С. 184, 412.
47. Фото: Н.К. и Ю.Н. Рерихи на борту корабля S.S.Majestic. 1930 г. С. 193.
48. А. Головин. Автопортрет. 1919. С. 195.
49. А.Я. Головин. Портрет Н.К. Рериха. 1907. С. 196.
- 50--53. Н.К. Рериха. 5 эскизов костюмов к балету И.Ф. Стравинского «Весна священная». С. 197.
54. Н.К. Рерих. Задумывают одежду. 198.
55. Н.К. Рерих. Кришна – Лель. 1932 г. С. 201.
56. Н.К. Рерих. Будда Дающий. 1932. 1930-е. С. 202.
57. Фото: Лондон. 1930 г. С. 203.

58. Собор Парижской Богоматери. 1930 г. С. 208.
 59. Витраж Музея Рериха, исполненный по рисункам Н.К. Рериха. Нью-Йорк, 1930 г. С. 225.
 60. Н.К. и Ю.Н. Рерихи. Париж. 1930 г. С. 241.
 61. Лахул. 1931. С. 245.
 62. Фото: Египет. Порт-Саид. 1930-е гг. С. 255.
 63. Современная карта Индийского полуострова. С. 260.
 64-65. Пондичери. Руины старого форта. (*Совр. фото*) /
 Храм Зуба Будды в Канди. (*старое фото*). С. 261.

ЧАСТЬ 2. (1930 – 1932).

66. Н.К. Рерих. Утренняя молитва. 1931. С. 273.
 67. Н.К. Рерих. Зороастр (Заратустра). 1931. С. 274.
 68. Наггар, долина Кулу зимой. (Современное фото). С. 275.
 69. Н.К. Рерих. Ангел Последний. 1912. С. 276.
 70. Н.К. Рерих. София-Премудрость. 1932. С. 277.
 71. Роспись Святых врат Троице-Сергиевой лавры. С. 280.
 72-73. Н.К. Рерих. Зарево. 1914. / Н.К. Рерих. Зарево. 1931. С. 286.
 74. Н.К. Рерих. Страж пустыни. (Хранитель Чаши). 1928-30. С. 287.
 75. Н.К. Рерих. Двор замка. 1913. Атенеум, Хельсинки, Финляндия. С. 288.
 76. Н.К. Рерих. Свято-Сергиева часовня на путях в Гималаи. 1931. С. 291.
 77. Долина Кулу зимой, замок в Наггаре, (Современное фото). С. 292.
 78. Н.К. Рерих. Храм во имя Св. Сергия. 1931. С. 296.
 79-81. Эскизы к картине Жанна Д'Арк. 1930.: 1) Дева на костре; 2) Великая Мать;
 3) Молитва. С. 299.
 82. Икона Святая София - Премудрость Божия. Первая четверть 15 в. С. 301.
 83. Н.К. Рерих. Явление Мессии. 1923. С. 303.
 84-63. Н.К. Рерих. Владычица Знамени Мира. / Святая София Премудрость Божия. /
 Св. Франциск, благословляющий птиц. С.305.
 87-88. Фото: Часовня Св. Преп. Сергия в Радонеге, Чураевке, штат Кконнектитут. С. 306-307.
 89. Н.К. Рерих. Старая Рига. 1903. С. 320.
 90. Н.К. Рерих. Кришна. Весна в Кулу. 1929. С. 325.
 91-92. Н.К. Рерих. Св. Сергий Радонежский. Эскиз. / Св. Сергий Радонежский. 1932. С. 325.
 93-94. Н.К. Рерих. Агни Йога. 1928. / Н.К. Рерих. Труды Богоматери. 1931. С. 329.
 95. Н.К. Рерих. Матерь Мира. 1924. С. 330.
 96-97. Н.К. Рерих. За морями земли великие. 1910. / Ведущая. 1932. С. 334.
 98. Н.К. Рерих. Знамя Мира. С. 335.
 99. М.К. Тенишева в своей мастерской в Париже. С. 342.
 100. Фото: Рабиндранат Тагор, (8 мая 1931 г.) С. 343,
 101. Фото: Рабиндранат Тагор, 1931 г. С. 345
 102-103. Н.К. Рерих. Две чаши / Рерих. Олень и лани. 1931. С. 351.
 104. Фото Ю.Н. Рерих. Весна в Кулу. 1931. С. 352.
 105. Н.К. Рерих. Земля Славянская. 1931. Эскиз. С. 354.
 106. Фото: Институт Пастера, Париж, 1930-е гг. С. 358.
 107.. Фото: Ю.Н. Рерих с учёными ламами в Кулу. 1930-е гг. С. 365.
 108. Роспись Святых врат Троице-Сергиевой Лавры. С. С. 382.
 109. Н.К. Рерих. Небесный Свет. 1931. С. 383.
 110. Н.К. Рерих. FIAT REX! («ДА БУДЕТ КОРОЛЬ!»). 1931. Вверху: Знамя Мира. 1931. С. 385-387.
 111. Н.К. Рерих. Жилище такура. 1931. С. 389.
 112-113. Н.К. Рерих. Майтрейя Победитель. 1927. / Н.К. Рерих. Майтрейя на пути. 1928. С. 390.
 114-115. Н.К. Рерих. Полуночное. 1940. / Н.К. Рерих. Майтрейя. 1932. (2 картины). С. 396.
 116. Н.К. Рерих. На Гималайских вершинах. 1931. С. 399
 117. Н.К. Рерих. Три меча. 1932. С. 400.
 118 -119. Меч мужества. 1913. / Три меча. 1932. С. 403.
 120-121. Н.К. Рерих. Перевал. 1931. С. 404.
 122-123. Н.К. Рерих. Лахул. 1931. / Н.К. Рерих. Гора Колокола. 1932. С. 405.
 124-125. Н.К. Рерих. Палден Лхамо. 1932. / Вечерний зов. 1932. С. 406.
 126-127. Н.К. Рерих. Гора духовного отдохновения. 1931./ Путь на Кайлас. 1931. С. 408.
 128-129. Н.К. Рерих. Жилище такура. Гундла. 1932. / Гундла. Лахул. 1931. С. 409.

130. Н.К. Рерих. Три меча. 1931. С. 410.
- 131-132. Н.К. Рерих. Камни Лахула. 1931. / Н.К. Рерих. Меч Гессэр-хана. 1931. С. 411.
- 133-134. Н.К. Рерих. Гундла. Лахул. 1931. / Н.К. Рерих. Дружина Гесэр-хана. 1931. С. 412.
135. Н.К. Рерих. Сумерки [1930-е]. С. 413.
136. Н.К. Рерих. Сожжение тьмы. 1924. С. 414.
137. Фото: Делегаты Первой межд. конференции в Брюгге, . Сентябрь 1931 г. С. 417.
138. Пригласительный билет Н.К. Рериха на Первую Международную конференцию, С. 419.
139. Фото: Здание, где размещался Междунар. союз за Пакт Рериха. Брюгге. 1931 г. С. 421.
140. Н.К. Рерих. Знамя Мира (Пакт Культуры). 1931. С. 431.
141. Н.К. Рерих. «Царица Небесная». Почтовая открытка 1930-х г. С. 436.
142. Фото: Студия Мастер Института Объединённых Искусств. 1921 г. С. 456.
143. Н.К. Рерих. Архат. 1932. С. 459. С. 461
144. Н.К. Рерих. Утренняя молитва. 1931. С. 465.
145. Н.К. Рерих. Мадонна Покровительница. Защитница. 1931. С. 466.
- 146-147. Н.К. Рерих. Святой Франциск. 1931. /
Эскиз. О.Г. Калмыков. Куинджи кормит голубей на крыше дома. 1910. С. 469.
148. Н.К. Рерих. Илья Пророк. 1932. С. 470.
149. Н.К. Рерих. Звезда героя. 1932. С. 471.
150. Собор Святой Крови Христовой. Брюгге. (Открытка 1930-х гг.). С. 487.
151. Св. Сергиево Подворье. Париж. (Старая открытка 1930-х гг.). С. 488.
- 152-153. Андрей Рублёв. Троица. Около 1411. / Н.К. Рерих. Знак Троицы. 1932. С. 489.
154. Фото: Русская церковь в Берлине. 1931. С. 502.
155. Н.К. Рерих. Жанна Д'Арк. (Триптих). 1932. С. 507.
156. Н.К. Рерих. Земля Славянская. 1931. С. 514.
157. Н.К. Рерих. Лахул. Гималаи. 1932. С. 526
158. Н.К. Рерих. Бхагаван. 1932. С. 533.
159. Н.К. Рерих. Звезда героя. 1932. С. 536.
160. Н.К. Рерих. Королевский монастырь. 1932. С. 539.
161. Н.К. Рерих у картины «Земля славянская». 1931 г. С. 544.
- 162-163. Н.К. Рерих. Знак Троицы. 1932. / Мадонна Орифламма. 1932. С. 549.
- 164-165. Н.К. Рерих. Коксар. 1932. / Н.К. Рерих. Стан в Коксаре. 1932. / Ашрам. 1932. С. 572.
- 166-170. 5 фотографии делегатов Конф. в г. Брюгге. 7 августа 1932 г. С. 573 - 579.
- 171-172. Н.К. Рерих. Паломник. 1932. / Виасакунд. 1932. С. 584.
- 173-174. Н.К. Рерих. Бхагаван. 1932. / Чарака Аюрвед. 1932. С. 586.
- 175-180. Н.К. Рерих. Белые кони. 1925. / Гора Меру. 1931. / Путь на Кайлас. 1931. /
Путь на Кайлас. 1932. / Миларепа услышавший. 1925. / Священные пещеры. 1932. С. 587.
- 181-183. Н.К. Рерих. Скалы с буддийскими пещерами. 1928. / Священные пещеры. 1932./
Н.К. Рерих. Гуру-Гури-Дхар. (Путь Учителя Учителей). 1931. С. 588.
184. Франсуа Миллэ. Анжелюс. 1858-59. С. 592.
- 185-186. Н.К. Рерих. Альб. Кулу 1931-32. Хождение по огню (рис). / Лотос (рис.) С. 596.
- 187-188. Н.К. Рерих. Лотос. / На высотах (Ту-мо). 1936. С. 597.
186. Фото: Интерьер дома Рерихов в Кулу. 1930-е г. С. 599.
- 189-190. Н.К. Рерих. Странник Светлого Града. 1933. / Странник Светлого Града. 1933. С. 604.
- 191-194. Н.К. Рерих. 4 картины для Национального Музея в Белграде. С. 605-607.
195. Фотография: Америка. Вашингтонская конвенция. 1932 г. С. 622.
196. МОЛЕНИЕ О КУЛЬТУРЕ И МИРЕ:
Н.К. Рерих. Триптих: Св. Сергей Радонежский. – Мадонна Орифламма – Св. Франциск. С. 623.

Н.К. Рерих
Великая симфония жизни (Автобиография).
Книга 14.
О КУЛЬТУРЕ И МИРЕ МОЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Н.К. Рерих. О КУЛЬТУРЕ И МИРЕ МОЛЕНИЕ.....	5
Н.К. Рерих. ПЕЧАТЬ ВЕКА,	7

Часть 1
ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ

1929 г.
ИЮНЬ

Америка. Хронология событий, происходивших 1-27 июня на основе дневниковых записей З.Г. Фосдик	11 - 23
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (19 июня 1929 г. Нью-Йорк)	11
Письмо Н.К. Рериха президенту Герберту Гуверу (24 июня 1929 г.) Нью-Йорк)	16
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (26 июня 1929 г. Нью-Йорк)	20
Письмо Ю.Н. Рериха к Рериху С.Н. (28 июня 1929 г. Нью-Йорк).	22
Письмо Н.К. Рериха к Рериху С.Н. (28 июня 1929 г. Нью-Йорк).	23
Н.К. Рерих. РАДОСТЬ ТВОРЧЕСТВА (Июнь 1929 г. Нью-Йорк)	24-30

ИЮЛЬ

Хронология событий, происходивших 1-31 июля на основе дневниковых записей З.Г. Фосдик	31 - 52
Н.К. Рерих. К ОТКРЫТИЮ ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВА ИМЕНИ РЕРИХА В ПАРИЖЕ.	34
Письмо Н.К. Рериха к Рериху С.Н. (7 июля (1929 .) Нью-Йорк)	36
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (10 июля 1929 г. Нью-Йорк)	39
Н.К. Рерих. КОРПОРАЦИЯ УР. (Июль 1929 г. Нью-Йорк)	43
ДЕКЛАРАЦИЯ ПОПЕЧИТЕЛЕЙ НЬЮ-ЙОРКСКОГО МУЗЕЯ РЕРИХА (24 июля 1924 г.)	48
ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА ПОПЕЧИТЕЛЕЙ(24 июля 1924 г.)	49
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е. И. (24 июля 1929 г. Нью-Йорк)	51

АВГУСТ

Хронология событий, происходивших 1-31 августа на основе дневниковых записей З.Г. Фосдик	53 - 75
Письмо Е.И. Рерих к Рериху Ю.Н. [Начало августа 1929 г.]	53
Письмо Е.И. Рерих к Рериху Н.К. и американским сотр. (5 августа 1929 г. Кулу).	54
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (5 августа 1929 г. Нью-Йорк)	55
Письмо Е.И. Рерих к Рериху Н.К. (5 августа 1929 г. Кулу).	56

Письмо Ю.Н. Рериха к Рериху С.Н. (12 августа 1929 г. Нью-Йорк)	60
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (14 августа 1929 г. Нью-Йорк)	62
Н.К. Рерих ВЕНОК ДЯГИЛЕВУ (1930 г. <i>Журнал Лиги Композиторов, Нью-Йорк</i>)	66
Н.К. Рерих ДЯГИЛЕВ (из воспоминаний, 1937 г.)	68
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (26 августа 1929 г. Нью-Йорк Сити)	72-75
СЕНТЯБРЬ	
Из воспоминаний Н.К. Рериха: ЖУТЬ	76
Хронология событий, происходивших 1-30 сентября на основе дневниковых записей З.Г. Фосдик	77 - 92
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (4 сентября 1929 г. Нью-Йорк)	79
Письмо С.Н. Рериха к Рерих Е.И. (6 сентября 1929 г. Нью-Йорк)	80
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (12 сентября 1929 г. Нью-Йорк)	84
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (21 сентября 1929 г. Нью-Йорк)	87
Телеграмма Н.К. Рериха к Рерих Е.И. (25 сентября 1929. Нью-Йорк)	90
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (28 сентября 1929 г. New York)	92
Письмо Е.И. Рерих к Рериху Н.К. (28 сентября 1929 г. Кулу)	93
ОКТАБРЬ	
Хронология событий, происходивших 1-31 октября на основе дневниковых записей З.Г. Фосдик	95 - 122
Письмо Е.И. Рерих к Рерихам Н.К., С.Н., Ю.Н. (9 октября 1929 г. Кулу)	97
Письмо Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке (13(1) октября 1929 г.)	101
Приветственное письмо Г.Д. Гребенщикова к Н.К. Рериху, по случаю 40-летия творческой деятельности. (15 октября 1929 г.)	104
Георгий Гребенщиков. БЕЛЫЙ КАМЕНЬ	105
Письмо Г. Гребенщикова к Рерих Е.И. (18 октября 1929 г.)	109
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (20 октября 1929 г. Нью-Йорк)	119
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (28 октября 1929 г. Нью-Йорк)	121
НОЯБРЬ	
Хронология событий, происходивших 1-30 ноября на основе дневниковых записей З.Г. Фосдик	123 - 133
Письмо Н.К. Рериха к Таубе М.А. (2 ноября 1929 г. Нью-Йорк)	123
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (17 ноября 1929 г. Нью-Йорк)	128
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (24 ноября 1929 г. Нью-Йорк)	131-134
ДЕКАБРЬ	
Хронология событий, происходивших 1-31 декабря на основе дневниковых записей З.Г. Фосдик	135 - 149
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (2 декабря 1929 г. Нью-Йорк)	135
КОРПОРАЦИЯ "УР" (<i>Выступление профессора Николая Рериха в Нью-Йорке перед Советом ди- ректоров Музея</i>)	137
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (8 декабря 1929 г. Нью-Йорк)	142
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (19 декабря 1929 г. Нью-Йорк)	145
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (27 декабря 1929 г. Нью-Йорк)	149-150
1930 г.	
ЯНВАРЬ	
Отчёт о поездке в Вашингтон Н. Рериха, Ю. Рериха и Френсис Грант в декабре 1929 г.	151
Хронология событий, происходивших 1-29 января на основе дневниковых записей З.Г. Фосдик	151 - 168
Письмо Е.И. Рерих к Рериху Н.К. (7 января 1930 г. Кулу.)	152
Н.К. Рерих. ПРЕКРАСНОЕ (<i>Приветствие Школе Дальтона</i>)	155
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (21 января 1930 г. Нью-Йорк)	166
Письмо А.А. Калитинского к Рериху Н.К. (27 января 1930 г. Париж)	168-170
ФЕВРАЛЬ	
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (15 февраля 1930 г. Нью-Йорк)	171
Н.К. Рерих. СОКРОВИЩЕ ДОМА (<i>Обращение к Конвенции библиотекарей в Нью-Йорке, 1930</i>) ..	172
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (28 февраля 1930 г. Нью-Йорк)	175
МАРТ	
Из воспоминаний Н.К. Рериха: ПРОПУСК (1939 г.)	176

Н.К. Рерих. ТВОРЯЩАЯ МЫСЛЬ (<i>Обращение к студентам Ховарда Джайльса. 1930 г.</i>)	177
ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ (<i>Слово Н.К. Рериха, произнесённое им в Нью-Йорке после лекции Г.Д. Гребенщикова о Св. Сергии . (7 марта 1930 г. Нью-Йорк)</i>)	182
Н.К. Рерих. СОЖЖЕНИЕ ТЪМЫ (<i>Привет Молодым</i>). (Март 1930 г. Нью-Йорк)	184
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (12 марта 1930 г. Нью-Йорк)	188
Н.К. Рерих. ЗНАМЯ МИРА. ([24 марта] 1930 г. Нью-Йорк)	189
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (24 марта 1930 г. Нью-Йорк)	191
АПРЕЛЬ	
Телеграмма Н.К. Рериха к Рерих Е.И. (2 апреля 1930 г. Нью-Йорк)	192
Письмо Е.И. Рерих к Рериху Н.К. (7 апреля 1930 г. Кулу)	194
Письмо Ю.Н. Рериха к Рериху Святославу (10 апреля 1930 г.)	194
Из воспоминаний Н.К. Рериха: ГОЛОВИН (1937 г.)	195
"Весна священная" (Премьера 22 апреля 1930 г. Метрополитен Опера)	197
Н.К. Рерих. ВЕСНА СВЯЩЕННАЯ (Обращение в аудитории Ваннамэкера на собрании Лиги Композиторов, Нью-Йорк, 1930)	198
МАЙ	
Н.К. Рерих. МИР ВСЕМУ ЖИВУЩЕМУ (<i>Обращение к Обществу Маха-Бодхи в Калькутте</i>)	202
Письмо Ю.Н. Рериха к Рериху С.Н. (11 мая 1930 г. Лондон)	203
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (17 мая 1930 г. Лондон)	204
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (24 мая 1930 г. Лондон)	205
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих С.Н. (24 мая 1930 г. Лондон)	206
ИЮНЬ	
Н.К. Рерих. КООПЕРАЦИЯ. (<i>Обращение к Британскому Обществу имени Рериха</i>) (Июнь 1930 г. Лондон)	207
Н.К. Рерих. ПРИВЕТ ФРАНЦИИ (июнь 1929 г. Париж)	208
Письмо Ю.Н. Рериха к Рериху С.Н. (10 июня 1930 г. Париж)	211
Письмо Ю.Н. Рериха к Рериху С.Н. (18 июня 1930 г. Париж)	212
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (18 июня 1930 г. Париж)	213
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г. (18 июня 1930 г. Париж)	214
Н.К. Рерих. СОЗИДАТЕЛЬНАЯ РАБОТА (Декларация Комитету Французского Общества имени Рериха в Париже) (21 июня 1930 г. Париж)	215
Из воспоминаний Н.К. Рериха: ОСОБЕННОЕ (1937 г.) (Лето 1930 г. Париж)	219
Письмо Е.И. Рерих к Рерихам Н.К. и Ю.Н. (24 июня 1930 г. Кулу)	220
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (24 июня 1930 г. Париж)	222
ИЮЛЬ	
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г. (1 июля 1930 г. Париж)	224
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Святославу (2 июля 1930 г. Париж)	224
Письмо Ю.Н. Рериха к Калитинскому А.П. (3 июля 1930 г.)	225
Н.К. Рерих. ЗОВ О КУЛЬТУРЕ (<i>5 июля 1930 г. Париж</i>)	226
Таможенная декларация Н.К. Рериха, собирающегося выехать в Соединенные Штаты (17 июля 1930 г. Париж)	228
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (20 июля 1930 г. Париж)	230
Письмо Ю.Н. Рериха к Рериху С.Н. (21 июля 1930 г. Париж)	230
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г. (21 Июля 1930. Париж)	231
Письмо А.П. Калитинского к Рериху Ю.Н. (24 июля 1930 г. Прага)	232
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г. (24 июля 1930 г. Париж)	232
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г. (25 июля 1930 г. Париж)	233
Письмо Н.К. Рериха к барону фон Таубе. (28 июля 1930 г.)	233
АВГУСТ	
Письмо Ю.Н.Рериха к Рерих Е.И. (3 августа 1930 г. Париж)	234
Письмо Ю.Н. Рериха к Кельцу В. (3 августа 1930 г. Париж)	234
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г. (4 августа 1930 г. Париж)	235
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (16 августа 1930 г. Париж)	236

Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г. (17 августа 1930 г. Париж)	237
Письмо Е.И. Рерих к Рерихам Н.К. и Ю.Н. (20 августа 1930 г. Кейланг)	238
Письмо Н.К. Рериха к Лихтман З.Г. (соверш. лично) (21 августа 1930 г. Париж)	239
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г. (21 августа 1930 г. Париж)	240
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (22 августа 1930 г. Париж)	241
Письмо Ю.Н. Рериха к А.П. Калитинскому (24 августа 1930 г. Париж)	242
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г. (28 августа 1930 г. Париж)	243
Письмо Н.К. Рериха к Рериху С.Н. (28 августа 1930 г. Париж)	243
Письмо Ю.Н. Рериха к Рериху С.Н. (30 августа 1930 г. Париж)	244
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г. (30 августа 1930 г. Париж)	244
Письмо Н.К. Рериха к Рериху С.Н. (30 августа 1930 г. Париж)	245
СЕНТЯБРЬ	
Письмо А.А. Калитинского к Рериху Н.К. (1 сентября 1931. Прага).	246
Письмо Юрия Рериха к Лихтман З.Г. (3 сентября 1930. Париж).	247
Письмо Е.И. Рерих к Рериху Святославу. (4 сентября 1930 г. Лахул)	249
Письмо Юрия Рериха к Лихтман З.Г. (9 сентября 1930 г. Париж).	250
Выдержки из письма Ю. Рериха к Рериху В.К. (переписанные рукой З.Г. Фосдик) (9 сентября 1930 г.)	251
Письмо Юрия Рериха к Лихтман З.Г. (9 сентября 1930 г. Париж).	249
Письмо Ю.Н. Рериха к Калитинскому А.П. (9 сентября 1930 г. Париж).	249
Н.К. Рерих. ПРИВЕТ К ОТКРЫТИЮ БОЛГАРСКОЙ АССОЦИАЦИИ (22 сентября 1930 г.)	253
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (28 сентября 1930 г. Париж)	254
ОКТАБРЬ	
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З.Г. (1 октября 1930 г. Париж).	255
Письмо Н.К. Рериха к барону М.А. Таубе. (17 октября 1930 г. Борт корабля «Messageries Mari- times»)	256
Н.К. Рерих. ЗАБОТЛИВЫЙ ХРАНИТЕЛЬ (<i>Письмо к Конференции музейных экспертов в Риме</i>), [13 - 17 октября 1930 г.]	256
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (18 октября 1930 г. Port-Said).	259
Письмо Георгия Г. Шклявера к Рериху Н.К. (23 октября 1930 г. Париж)	260
НОЯБРЬ	
Письмо проф. Г.В. Вернадского к Рериху Н.К. (4 ноября 1930 г. Нью-Йорк)	262
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (7 ноября 1930 г. Пондишери)	263
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Святославу. (15 ноября 1930 г. Пондишери).	265
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (15 ноября 1930 г. Пондишери).	265
Письмо Е.И. Рерих к Рерихам Н.К. и Ю.Н. (21 ноября 1930 г. Кулу)	266
Письмо Ю.Н. Рериха к Рерих Е.И. (26 ноября 1930 г. Пондишери)	267
ДЕКАБРЬ	
Письмо Ю.Н. Рериха к Лихтман З. Г. (2 декабря 1930 г. Пондишери)	268
Письмо Ф.Д. Лукина к Рериху Н.К. (2 декабря 1930 г. Рига).	269-270

Часть 2.
МОЛЕНИЕ О КУЛЬТУРЕ И МИРЕ
(«Урусвати»)

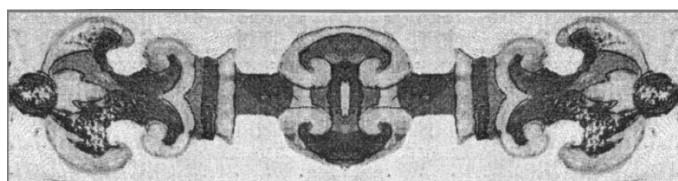
« <i>Армагеддон начался в тридцать первом году</i> » (<i>Надземное, 142</i>)	271
Письмо Ю.Н. Рериха к доктору Меррилу. (14 декабря 1931 г. Наггар)	275
Н.К. Рерих «ОБИТЕЛЬ СВЕТА» (1930 г. Гималаи)	276
Письмо Н.К. Рериха к барону Таубе М.А. (14 декабря 1930 г. Наггар, Кулу)	285
Н.К. Рерих «НАСЛЕДИЕ МАЙЕВ» (1930 г. Гималаи)	285
Н.К. Рерих «ЧАРЫ ФИНЛЯНДИИ» (1930 г. Гималаи)	287

Н.К. Рерих «ВЕХИ КУЛЬТУРЫ». (Декабрь 1930 г. Гималаи)	289
Письмо Н.К. Рериха к О. Георгию Спасскому. (24 декабря 1930 г. Наггар, Кулу)	290
Письмо Н.К. Рериха к Митрополиту Платону. (24 декабря 1930 г. Наггар, Кулу)	291
Письмо Н.К. Рериха к Шкляверу Г.Г. (29 декабря 1930 г. Наггар, Кулу)	292
Письмо Ю.Н. Рериха к Хоршу Л. (31 декабря 1930 г. Наггар, Кулу)	292
1931 г.	
ЯНВАРЬ	
Н.К. Рерих «ДУХОВНЫЕ СОКРОВИЩА» (1 января 1931 г. Гималаи)	293
Н.К. Рерих «ПУТЬ ТВЁРДЫЙ» (Колумбийскому Обществу имени Рериха) (Январь 1931 г. Гималаи)	294
Письмо Н.К. Рериха к M-me de Voux Phalipau, (4 января 1931 г. Наггар)	295
Письмо Н.К. Рериха к Таубе М.А. (9 января 1931 г. Наггар, Кулу)	296
Письмо Н.К. Рериха к Гребенщикову (17 января 1931 г. Наггар, Кулу)	297
Письмо Н.К. Рериха к барону М.А. Таубе (19 января 1931 г. Наггар, Кулу)	298
Письмо Н.К. Рериха к Таубе М.А. (21 января 1931 г. Наггар, Кулу)	299
Н.К. Рерих «АДАМАНТ» (К Ассоциации Оригена при Обществе имени Рериха) (1931 г.)	300
Н.К. Рерих «ЖИВАЯ МУДРОСТЬ» (Ассоциации Спинозы при Обществе имени Рериха) (26 января 1931 г. Гималаи)	303
ФЕВРАЛЬ	
Письмо З.Г. Лихтман к Рерих Е.И. (1 февраля 1931 г. Нью-Йорк)	305
Письмо Н.К. Рериха к Лосскому Н.О. (10 февраля 1931 г. Урус вати)	305
Письмо Н.К. Рериха к Гребенщикову (11 февраля 1931 г. Наггар, Кулу)	307
Н.К. Рерих «СЛОВО НА ОСВЯЩЕНИЕ ЧАСОВНИ СВ. ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ» (Февраль 1931 г. Гималаи)	308
Послание Н.К. Рериха в Америку по случаю 25-летия литературной деятельности Г.Д. Гребенщикова (Февраль 1931 г. Гималаи)	310
Н.К. Рерих «ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЖИЗНИ» (Февраль 1931 г. Гималаи)	311
Н.К. Рерих «СЛАВА САМУРАЕВ» (Японскому Обществу имени Рериха) (Февраль 1931 г. Гималаи)	313
Н.К. Рерих. «ЛЕГЕНДЫ» (Февраль 1931 г. Гималаи)	314
МАРТ	
Н.К. Рерих. «МУДРОСТЬ РАДОСТИ». (Март 1931 г. Гималаи)	317
Письмо Г.Д. Гребенщикова к Рериху Н.К. (3 марта 1931 г. [Нью-Йорк])	318
Письмо Н.К. Рериха к барону Таубе М.А. (3 марта 1931 г. Наггар)	320
Н.К. Рерих. «ЛАТВИЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ ИМЕНИ РЕРИХА» (4 марта 1931 . Гималаи)	321
Письмо З.Г. Лихтман к Рериху В.К. (19 марта 1931. Нью-Йорк)	322
Н.К. Рерих «ОБЩЕСТВУ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ» (1931 . Гималаи)	323
АПРЕЛЬ	
Письмо Е.И. Рерих к Рериху Святославу. (1 апреля 1931 г.)	325
Письмо Н.К. Рериха к О. Георгию Спасскому (7 апреля 1931 г. Нагар)	327
Н.К. Рерих «КОНФЕРЕНЦИЯ В БРЮГГЕ», 1931 год. (Письмо г-ну К. Тюльпинку) (24 апреля 1931 г.)	328
Н.К. Рерих «ЖЕНЩИНАМ» (Посвящается Единению Женщин Общества им. Рериха) (Апрель 1931 г. Гималаи)	330
Н.К. Рерих «СТРАЖА МАТЕРИ МИРА» (1931 г. Гималаи)	337
Н.К. Рерих. «ПАМЯТИ МАРИИ КЛАВДИЕВНЫ ТЕНИШЕВОЙ» (14 апреля 1931 г.)	339-343
МАЙ	
Н.К. Рерих «ВИДЖАЯ, ТАГОР!» (К семидесятилетию Рабиндраната Тагора, 8 мая 1931 г.)	344
Н.К. Рерих «МИР И КУЛЬТУРА» (Буддийской Ассоциации Молодёжи в Коломбо) (8 мая 1931 г. Гималаи)	347
Письмо Н.К. Рериха к Святополк-Четвертинской Е.К. (8 мая 1931 г. Naggar. Kulu)	348
Письмо Юрия Рериха к Рериху Святославу (9 мая 1931 г. Наггар)	350
Н.К. Рерих «СВЯЩЕННЫЕ ОСНОВЫ» Обращение к Академии Творческих Наук. (Май 1931 г. Наггар)	353

Н.К. Рерих «ПАНТЕОН РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ» (1931 г.)	355
Письмо барона М.А. Таубе к Рериху Н.К. (22 мая 1931 г.)	358
ИЮНЬ	
Письмо С.И. Метальникова к Рериху Н.К. (5 июня 1931 г. Париж)	359
Письмо Ю.Н. Рериха к Калитинскому А.П. (25 июня 1931 г. Наггар)	360
Письмо Ю.Н. Рериха к Шкляверу Г.Г. (27 июня 1931 г. Наггар)	361
Письмо Н.К. Рериха к Рериху С.Н. (27 июня 1931 г. Наггар)	362
Письмо А.П. Калитинского к Рериху Н.К. (27 июня 1931 г. Наггар)	363
Н.К. Рерих «КОРНИ КУЛЬТУРЫ» (<i>К десятилетию Института Объединённых Искусств Музея Рериха</i>) (1931 г. Гималаи)	363-365
ИЮЛЬ	
Письмо Ю.Н. Рерих к Л. Мингиюру (1 июля 1931 г. Наггар, Кулу)	366
Н.К. Рерих «ГИМАЛАИ» (Обращение к Гималайскому Обществу Имени Рериха) (1 июля 1931 г. Наггар, Кулу)	367
Письмо Н.К. Рериха к Таубе М.А. (3 июля 1931 г. Наггар, Кулу)	368
Н.К. Рерих «ПРИВЕТ КОНФЕРЕНЦИИ ЗНАМЕНИ МИРА» (<i>Конференция в Брюгге, 1931</i>)	369
Н.К. Рерих «ЗНАМЯ МИРА» (<i>Конференция в Бельгии</i>)(1931)	371
Письмо Ю.Н. Рериха к Кельцу В. (3 июля 1931 г. Наггар, Кулу)	373
Письмо Директора Института «Урусвати» к Рериху Н.К. (9 июля 1931 г. Наггар)	374
Письмо Г.Д. Гребенщикова к Рерихам Е.И. и Н. К. (18 июля 1931 г. Радонега, Чураевка, Кантиккут)	374
Н.К. Рерих «УРУСВАТИ И КОРОНА МУНДИ» (24 июля 1931 г.)	375
Письмо Н.К. Рериха к Рериху С.Н. (27 июля 1931 г. Наггар, Кулу)	379
Н.К. Рерих «ГЁТЕ» (Урусвати, 1931 г.)	380
ПРЕСТОЛ ОГНЕННЫЙ / НЕБЕСНЫЙ СВЕТ / "FIAT REX!"	383-388
АВГУСТ	
Письмо Н.К. Рериха к М-м де Во Фалипо. [июль-август 1931 г. Кейланг]	389
Письмо Ю.Н. Рериха к Рериху Н.К. (19 августа 1931 г. Кейланг)	389
Письмо Н.К. Рериха к у Таубе М.А. (24 августа 1931. Кейланг)	390
Н.К. Рерих «МАЙТРЕЙЯ» (24 августа 1931. Кейланг)	391
Письмо Н.К. Рериха к M-me de Voux Phaliprau (25 августа 1931 г. Кейланг)	402
Н.К. Рерих «ТРИ МЕЧА» (Из воспоминаний 1937 г.)	403
Н.К. Рерих «МЕЧ ГЕССАР-ХАНА» (1931 г. Кейланг)	405-413
СЕНТЯБРЬ	
Н.К. Рерих «СОПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ» (Сентябрь 1931. Кейланг)	414
Письмо Н.К. Рериха к Хоршу Луису. (6 сентября 1931. Кейланг)	417
Письмо Н.К. Рериха к барону Таубе М.А. (9 сентября 1931. Кейланг)	418
Телеграмма Н.К. Рериха к М. Метерлинку. (9 сентября 1931. Кейланг)	420
Письмо А.П. Калитинского к Рериху Ю.Н. (9 сентября 1931 г. Париж)	420
Из дневниковых записей Е.И. Рерих (13,14, 18 сентября 1931 г. Гималаи)	424
Письмо барона М.А. Таубе к Рериху Н.К. (9 сентября 1931 г. Париж)	424
Письмо Н.К. Рериха к Генеральному секретарю МИД г-ну Филиппу Бертело (24 сентября 1931 г. Гималаи)	428
Письмо Н.К. Рериха к Морису Метерлинку. (24 сентября 1931. Гималаи)	429
Письмо Н.К. Рериха к Рериху В.К.. (24 сентября 1931. Урусвати)	429
Письмо Ю.Н. Рериха к Шкляверу Г.Г.. (24 сентября 1931. Наггар)	431
Письмо Н.К. Рериха к барону Таубе М.А. (26 сентября 1931. Наггар)	433
Николай Рерих ОТКРЫТЫЕ ВРАТА (30 сентября 1931 г. Гималаи)	433
ОКТАБРЬ	
Письмо Н.К. Рериха к барону Таубе М.А. (5 октября 1931. Наггар)	435
Письмо Н.К. Рериха к Тюльпинку. (20 октября 1931. Наггар)	436
Н.К. Рерих «ДЕКАДА» (24 октября 1931. Гималаи)	438
Н.К. Рерих «MUTATIS MUTANDIS» (24 октября 1931. Гималаи)	443
Письмо Н.К. Рериха к Мадам де Во Фалипо. (27 октября 1931 г. Гималаи)	446
НОЯБРЬ	
Н.К. Рерих КЛЕВЕТА (7 ноября 1931.)	447
Н.К. Рерих «НА ПОРОГЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ (Ноябрь 1931 г. Гималаи.)	449
Телеграмма из Наггара сотрудникам Института Объединённых Искусств (13 нояб. 1931)..	452

Н.К. Рерих «КОРНИ КУЛЬТУРЫ». (1931 г. Гималаи)	455
Н.К. Рерих «ДЕСЯТИЛЕТИЕ» (1931, Гималаи)	458
Письмо Н.К. Рериха к барону Таубе М.А. (19 ноября 1931. Наггар)	459
Письмо Н.К. Рериха к барону Таубе М.А. (23 ноября 1931. Урусвати)	460
Письмо Н.К. Рериха к барону Таубе М.А. (24 ноября 1931. Урусвати)	461
ДЕКАБРЬ	
Письмо Н.Толля к Рериху Н.К. (3 декабря 1931. Прага)	462
Письмо Н.К. Рериха к барону Таубе М.А. (15 декабря 1931. Урусвати)	463
Из дневниковых записей Е.И. Рерих (24 декабря 1931 г.)	464
Из письмо Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке. (27 декабря 1932 г. Урусвати)	466
Н.К. Рерих «ЛЮБОВЬ НЕПОБЕДИМАЯ» (1931 г.)	468-469
1932 г.	
ВЕЛИКАЯ БИТВА.	471
КОСМОГОНИЧЕСКАЯ СКАЗКА.	472
ЯНВАРЬ	
Письмо Н.К. Рериха к барону Таубе М.А.	473
Мари де Во Фалипо. «ПАКТ РЕРИХА И ЗНАМЯ МИРА» (Декабрь 1932 г. Париж)	474
Письмо Н.К. Рериха к Мадам де Во Фалипо. (14 января 1932 г. Гималаи)	476
Приложение к письму Н.К. Рериха к Мадам де Во Фалипо. (14 января 1932 г. Гималаи)	479
Письмо Н.К. Рериха к Мадам де Во Фалипо. (21 января 1932 г. Гималаи)	483
Н.К. Рерих «ОГНЬ ПРЕТВОРЯЮЩИЙ» (24 января 1932 г. Гималаи)	484
Письмо Иеромонаха Иоанна к Рериху Н.К. (29 января 1932 г. Париж)	487
Письмо Н.К. Рериха к Митрополиту Платону. (30 января 1932 г. Гимааи)	489
ФЕВРАЛЬ	
Н.К. Рерих «ЗНАМЯ» (6 февраля 1932 г., Гималаи)	490
Н.К. Рерих «ТЕРПИМОСТЬ» (6 февраля 1932 г., Гималаи)	493
Письмо Н.К. Рериха к Отцу Иоанну. (10 февраля 1932 г. Урусвати)	496
Письмо Н.К. Рериха к Отцу Иоанну. (24 февраля 1932 г. Урусвати)	497
МАРТ	
Письмо Рериха Н.К. к м-м де Во Фалипо (3 марта 1932 г. Наггар)	501
Письмо Иеромонаха Иоанна к Рериху Н.К. (13 марта 1932 г. Берлин)	501
Письмо Иеромонаха Иоанна к Рериху Н.К. (16 марта 1932 г. Берлин)	503
Письмо Рихарда Рудзитиса к Елене и Николаю Рерих. (22 марта 1932г. Рига)	505
Н.К. Рерих «САДЫ ПРЕКРАСНЫЕ» (24 марта 1932. Урусвати)	506
Письмо Н.К. Рериха к Королю Александру. (29 марта 1932 г. Наггар)	508-509
АПРЕЛЬ	
Письмо Н.О. Лосскокок Рериху Н.К. (7 апреля 1932 г. Прага)	510
Н.К. Рерих «БОГ» (9 апреля 1932. Гималаи)	510
Письмо Короля Александра к Рериху Н.К. (11 апреля 1932 г. Белград)	514
Письмо Рериха Н.К. к м-м де Во Фалипо (12 апреля 1932 г. Урусвати)	515
Письмо Н.К. Рериха к Г-ну Мануйловичу (14 апреля 1932 г. Урусвати)	516
Письмо С.И. Метальникова к Рериху Н.К. (16 апреля 1932 г. Урусвати)	517
Н.К. Рерих «КРАСНЫЙ КРЕСТ КУЛЬТУРЫ» (17 апреля 1932 г. Гималаи)	518
Письмо Н.К. Рериха к Его Высокопреподобию Отцу Иоанну (24 апреля 1932 г. Наггар)	521
Н.К. Рерих «ОСТРОВ СЛЁЗ» (1932 г. Гималаи)	524-527
МАЙ	
Н.К. Рерих «ОРУЖИЕ СВЕТА» (1 мая 1932. Гималаи)	527
Письмо Н.К. Рериха к Рихарду Рудзитису (4 мая 1932 г. Гималаи)	531
Письмо Н.К. Рериха к Метальникову С.И. (6 мая 1932 г. Урусвати)	532
Н.К. Рерих «СЛОВО ИНДИИ» (24 мая 1932. Гималаи)	534
Письмо Иеромонаха Иоанна к Рериху Н.К. (19 мая 1932 г. Берлин)	536
Н.К. Рерих «ПОЗНАЧАНИЕ ПРЕКРАСНОГО» (24 мая 1932. Гималаи)	537-540
ИЮНЬ	
Письмо Н.К. Рериха к Королю Александру (Июнь 1932 г. Кулу)	541
Письмо проф. Г. Манойловича к Рериху Н.К. (16 июня 1932 г. Загреб)	541
Н.К. Рерих «КАЧЕСТВО (Приказ качества)» (17 июня 1932. Гималаи)	546

Письмо Н.К. Рериха к Королю Александру. (20 июня 1932 г. Кулу).....	549
Письмо Н.К. Рериха к Иеромонаху Иоанну. (24 июня 1932 г. Берлин).....	550
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке (29 июня 1932 г. Наггар).....	551-552
ИЮЛЬ	
Н.К. Рерих «CANIMUS SURDIS» («ПОЁМ ГЛУХИМ») 1 июля 1932 г. Гималаи.....	553
Н.К. Рерих «РАСХИЩЕННОЕ СЕРДЦЕ» (1932 г. Гималаи)	556
Письмо Н. К. Рериха к барону М. А. Таубе.(5 июля 1932 г. Урусвати).....	559
Н.К. Рерих «БУДЬТЕ БЛАГОСЛОВЕННЫ!» (12 июля 1932 г. Гималаи).....	560
Телеграмма Н. К. Рериха к Тюльпинку(16 июля 1932 г. Кулу).....	563
Письмо Н. К. Рериха к барону М. А. Таубе (23 июля 1932 г. Кулу).....	563
Н.К. Рерих «ВСЕМИРНАЯ ЛИГА КУЛЬТУРЫ» (24 июля 1932 г. Гималаи).....	564
Н.К. Рерих «ТВЕРДЫНЯ ПЛАМЕННАЯ» (24 июля 1932 г. Гималаи).....	565
Из дневниковых записей Е.И. Рерих (25 – 31 июля 1932 г. Кулу).....	573
АВГУСТ	
Н.К. Рерих «ГОРОДУ БРЮГГЕ» (7 августа 1932 г. Гималаи)	574
Н.К. Рерих «ВТОРОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ПАКТА ОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА И ЗНАНИЯ ПРИВЕТ!» (Август, 1932 г. Гималаи)	577
Письмо барона М.А. Таубе к Рериху Н.К.(10 августа 1932 г. Мюнстер).....	581
Письмо С.И. Метальникова к Рериху Н.К. (15 августа 1932 г. La Faviere. France)	584
Н.К. Рерих «РИШИ» (1932 г. Кейланг)	585
Письмо Н.К. Рериха к барону Таубе М.А. (28 августа 1932 г. Кейланг).....	590
СЕНТЯБРЬ	
Из письма Гавриила Манойловича к Рериху Н.К. (1 сентября 1932 г. Загреб).....	591
Письмо болгарского художника Бориса Георгиева к Рериху Н.К. (9 сен. 1932 г. Симла).....	592
Н.К. Рерих "АНГЕЛЮС" [Сентябрь] (1932 г. Гималаи)	592
Письмо Олесницкого к Рериху Н.К. (16 сентября 1932 г. Париж)	595
Письмо Н.К. Рериха к Метальникову С.И. (24 сентября 1932 г. Кулу)	597
Письмо А.А. Олесницкого к Рериху Н.К. (30 сентября 1932 г. Париж).....	598
ОКТАБРЬ	
Письмо Н.К. Рериха к Олесницкому А.А.(13 октября 1932 г. Кулу)	599
Н.К. Рерих «ОГНИ ОЧАГА» (Гималаи, 1932 г.)	600
Н.К. Рерих «ГРАД СВЕТЛЫЙ» (Гималаи. 1932 г.)	604
НОЯБРЬ	
Письмо Н.К. Рериха к г-ну В. Петковичу. (14 ноября 1932 г. Гималаи).....	605
Н.К. Рерих «RIGOR MORTIS» (ОКОСТЕНЕНИЕ) (24 ноября 1932 г. Гималаи)	610
Письмо Н.О. Лосского к Рериху Н.К.(25 ноября 1932 г. Прага).....	613
Н.К. Рерих «ПЕРЕОЦЕНКА». (1932 г. Гималаи)	614
Н.К. Рерих «СОВЕТУ Р. МУЗЕЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ». (30 ноября 1932 г. Гималаи).....	616-618
ДЕКАБРЬ	
Письмо Н. К. Рериха к барону М. А. Таубе.(17 декабря 1932 г. Гималаи).....	619
Письмо А.А. Олесницкого к Рериху Н.К. (20 декабря 1932 г. Загреб).....	620
Письмо Н. К. Рериха к барону М. А. Таубе. (24 декабря 1932 г.)	621
Н.К. Рерих «ВЛАДЫЧИЦА ЧЕРВОННО-ПЛАМЕННАЯ!» (1932 г.)	624
БИБЛИОГРАФИЯ	625
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	626
ОГЛАВЛЕНИЕ	629

Примечание. При *передаче наименований географических объектов* (топонимов) принято сохранять их первоначальный звуковой строй в новой языковой среде. В случае отсутствия официальной общепринятой версии среди исследователей и переводчиков часто возникают разночтения т.к. одни и те же топонимы у соседних племён и групп могут различаться фонетически. Кроме того при воссоздании исходного названия средствами русского языка (алфавит, графика) трудно подобрать соответствующий эквивалент для столь отличных языков, (принадлежащих к разным языковым группам).

Так, например, на тибетском языке озеро "Нам-цо" – "Небесное озеро", на монгольском и маньчжурском языках оно произносится как "Тенгри-нор".

ПЕРЕЧЕНЬ ЭЗОТЕРИЧЕСКИХ ИМЁН

Авирах, Нуця, он же Баал Шем - Морис Моисеевич Лихтман.

Амрида - Катрин Кемпбелл-Стиббе.

Кай - Митусов Степан Степанович.

Логван, он же Одомар - Луис Леви Хорш.

Лепети (от фр. le'petit - маленький), он же "ручной зверь" - Шклявер Георгий Гаврилович.

Люмоу ("счастье, трижды позванное") - Святослав Николаевич Рерих.

Модра - Фрэнсис Грант.

Морей - Завадский Василий Васильевич.

Нару - Татьяна Денисовна, жена Гребенщикова Г.Д.

Ояна, Ента, она же "свидетельница" - Эстер Лихтман.

Порума, Нейта, Нефрура, она же Птичка Востока - Нетти Хорш.

Радна, она же Сохраня, она же Иеровоам - Зинаида Григорьевна Лихтман (в девичестве Шафран, по второму браку Фосдик).

Смотрящая, она же Видящая - Софья Михайловна Шафран, мать Зинаиды Григорьевны Лихтман.

Тарухан - Гребенщиков Георгий Дмитриевич.

Талур - Рябинин Константин Николаевич.

Чакембула (Чакем-Була) - Кордашевский Николай Викторович.

Удрая, Тамерлан, Тимур, он же "пума", он же "ручной ворчун" - Юрий Николаевич Рерих.

Урусвати, она же Урукай - Елена Ивановна Рерих.

Ориола Хорш - дочка Луиса и Нетти Хорш.

Фуяма, Дордже, Акдордже - Николай Константинович Рерих.

Флавий - Фрэнк Хорш, сына Луиса и Нетти Хорш.

Яруя ("почитаю Бога") - Владимир Анатольевич Шибаяев.

Экз. 1.